

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slaw 176.25

Bd. April, 1892.

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

9 Feb. - 5 Mar. 1892.

Full page

ВЪСТАНІЕЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1892.

Стор.

I.—ТОРЖЕСТВО ТЕОБРАТИЧЕСКАГО НАЧАЛА НА ЗАПАДѢ (XII в.).—Пана Пиннокхтій III. — I. — В. И. Герье	5
II.—ВАСИЛІЙ-ТЕРКИНЪ.—Романъ.—Часть первая: I-XX.—П. Д. Боборыкина	49
III.—БЛЭЗЪ ПАСКАЛЬ.—Очеркъ.—Р. М. Лунина	122
IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Не спѣша, мнѣйтесь, картини...—А. М. Жемчужникова	172
V.—БУДДИЗМЪ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬѢ.—Изъ личныхъ наблюденій туриста.—В. Птицына	179
VI.—ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВѢСА.—Рассказъ.—I-V.—Вик. Кар.	187
VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Сегодня въ облакахъ.—II. Когда зимой.—Вл. Ладженевскаго	228
VIII.—ВЮЛЕТТА МЕРІАНЪ.—Романъ, соч. Ог. Филопа.—Съ франц.—I-IV.—А. Э.	280
IX.—РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ ВЪ СИБИРИ.—Н. Астиревъ, Очерки жизни населенія Восточной Сибири.—А. П. Шанина	276
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Подражаніе псалму XCI.—II. Если могучее солнце.—III. У яркиа звѣздъ.—IV. Небо лазурью сверкало.—V. Побѣжденный пасть.—В. Г—енъ	324
XI.—ИСТОРИЯ ОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ.—Изъ деревенскихъ наблюденій.—Н. М. Соколовскаго	327
XII.—ХРОНИКА.—Овороты и операціи казны въ 1890 г., по отчету государственнаго контроля. — 0.	362
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общая характеристика минувшаго года.—Правительственные мѣры по обезпеченію народнаго продовольствія.—Дѣятельность нижегородской губернской продовольственной комиссіи.—Рѣчь нижегородскаго губернатора при открытіи губернскаго земскаго собранія.—Установленія Особаго Комитета.—Циркуляръ саратовскаго губернатора	374
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія событія 1891 года.—Взаимныя отношенія возникшихъ державъ и франко-русскій союзъ.—Политическія дѣла въ Германіи и нѣмецкое общественное мнѣніе.—Старый и новый ландцеры.—Торговые трактаты и ихъ значеніе.—Положеніе дѣлъ въ другіхъ европейскихъ государствахъ.—Дополнительныя свидѣнія о берлинск. конгрессѣ географовъ	395
XV.—УСПѢХИ ГЕОГРАФІИ, КАКЪ ОСНОВА ЭМИГРАЦІИ И КОЛОНИЗАЦІИ.—М. И. Анненкова	407
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Национальная система политической экономіи, Фр. Листа.—Д. С. — А. Харузинъ, По поводу брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ“.—Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн. Росс. при Москв. университетѣ.—А. П.	418
XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Le socialisme moderne, par M. Block, membre de l'Institut.—II. Die Lügen unserer Socialdemokratie, von H. Blum.—Д. С.	436
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Декабрьскія сессіи губернскихъ земскихъ собраній.—Нѣчто о докторскихъ „дощечкахъ“ и о желѣзнодорожныхъ буфетахъ.—Опасный избытокъ усердія.—Неожиданный результатъ недавняго спора.—Церковная школа и г. Горбовъ.—Двадцатипятилѣтіе дѣятельности В. А. Мавассила и А. М. Унковскаго.—Начало дѣла въ здѣшней Думѣ о музѣ	441
XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—О сѣвѣхъ по пожарному дѣлу въ Россіи	459
XX.—ВНѢПОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Всобщая исторія, Г. Вебера, т. XIV.—Исторія англійскаго народа, Дж. Рич. Грина, т. I.—Очеркъ теоріи государственнаго кредита, А. Залзукина.—О сельскомъ хозяйствѣ, В. Д. Кренинъ.—Русскій Казендаръ на 1892 г., А. Суворина.—Наука о жизни, М. Мюллера, перев. В. В. Чуйко.—А. С. Гольдешнаймеръ, Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

383/68-2.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LVI. — ТОМЪ CCCXXVII. — 15 ЯНВАРЯ, 1892.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:	Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,	на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 28.	№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1892

P Slav 176.25

~~131.84~~

~~Star 302~~

1892, Feb. 9 - Mar. 5.

Sever gund.

(1880)

ТОРЖЕСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКАГО НАЧАЛА НА ЗАПАДѢ (XII ВѢКЪ).

ПАПА ИННОКЕНТІЙ III.

I *).

Къ послѣднимъ годамъ XII-го вѣка относится одно изъ весьма замѣчательныхъ въ литературѣ проявленій аскетическаго міровоззрѣнія—это латинскій трактатъ „О презрѣніи къ міру и о бѣдственномъ состояніи человѣка“. Его молодой еще тогда авторъ, по имени Лотарь, принадлежалъ къ богатой и древней дворянской семьи лангобардскаго происхожденія изъ окрестностей Рима; онъ былъ сынъ Трасмунда, графа Сигніи; этотъ графскій титулъ сталъ потомъ наслѣдственнымъ, т.-е. фамилінымъ именемъ его рода—dei Conti. Лотарь въ своей юности посѣщалъ университеты въ Болоньѣ и Парижѣ; въ первомъ—онъ сдѣлался правовѣдомъ, а во второмъ, центрѣ схоластики, онъ приобрѣлъ основательное знакомство съ богословіемъ. По возвращеніи на родину Лотарь принялъ посвященіе, поступилъ въ папскую канцелярію и получилъ званіе кардиналъ-дьякона при одной изъ римскихъ церквей на Капитоліѣ.

*) Сравни. того же автора: „Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ“ (явл., апр., 1891 г.).

Написанный имъ трактатъ свидѣтельствуесть съ первыхъ словъ объ учености и высокихъ дарованіяхъ автора. Онъ обладалъ достаточнымъ для того времени знакомствомъ съ римской языческой литературою; знаніе же св. писанія съ его стороны было просто неисчерпаемо, и нужные ему тексты всегда слѣдуютъ у него длинной чередой для подтвержденія и уясненія каждой его мысли; что же касается до его дарованій, то они лучше всего могутъ быть засвидѣтельствованы сопоставленіемъ его трактата съ знаменитой книгой Августина *о божескомъ царствѣ*. Проводя ту же идею объ аскетическомъ пренебреженіи къ міру, Лотарь сѣмѣлъ быть не подражателемъ, а достойнымъ послѣдователемъ Августина; его языкъ вообще, а иногда и самыя обороты его рѣчи, въ своей эпиграмматической мѣткости и въ своемъ ритмическомъ благозвучіи живо напоминаютъ Августина: это такое же изобиліе краснорѣчія въ изображеніи человѣческихъ бѣдствій, тотъ же высокій риторическій пафосъ. Ихъ оцѣнка обличаетъ въ юномъ авторѣ особенно глубокое знаніе человѣческаго сердца и умѣнье тонкой обрисовки порочныхъ типовъ среди людей. Но нельзя при этомъ не подмѣтить одного различія. У Августина аскетизмъ изливается изъ глубины изстрадавшейся души; это плодъ пережитаго сердцемъ переворота; новый авторъ „презрѣнія къ міру“ относится къ своему предмету какъ прозорливый наблюдатель, какъ психологъ, съ оттѣнкомъ горделиваго пренебреженія къ увлеченіямъ и слабостямъ людскимъ. У Августина поэтому возвышенная, страстная рѣчь почти всегда гармонируетъ съ пафосомъ убѣжденія; въ трактатѣ же Лотаря краснорѣчіе отзывается литературной обработкой и иногда рѣзко выдѣляется на фонѣ неприглядной картины. Чтобы познакомить читателей съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ аскетической эпохи, мы укажемъ на общій планъ его и остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся его мѣстахъ. Въ посвященіи своего труда епископу португенскому дьяконъ Лотарь говоритъ, что онъ воспользовался небольшимъ досугомъ, чтобы изобразить презрѣнность человѣческаго состоянія для подавленія гордости, источника всѣхъ пороковъ. Дьяконъ Лотарь знаетъ цѣну своему литературному таланту, и чтобы не впасть самому въ упомянутый имъ порокъ, онъ проситъ епископа, если тотъ найдетъ какія-нибудь достоинства въ его трудѣ, приписать всю заслугу милости Божіей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ епископу, „съ его соизволенія“, изобразить и достоинство человѣческой природы, обусловленное милосердіемъ Христа, для того чтобы высокоумѣнный смирился, смиренный же душою возвысился. Эта вторая часть, сколько намъ извѣстно, осталась ненаписанной.

Изображеніе человѣческихъ бѣдствій начинается съ колыбели человѣка,—съ обращенной къ матери жалобы, затѣмъ она дала жизнь существу, обреченному на постоянный трудъ, вѣчное горе и страхъ, и что всего печальнѣе—на смерть. Анализируя съ точки зрѣнія средневѣковой физиологіи составъ человѣческаго тѣла, авторъ отводитъ человѣку среди всего творенія самое низменное мѣсто: звѣзды и планеты созданы изъ огня; бури и вѣтры—изъ воздуха; рыбы и птицы—изъ воды,—только человѣкъ, подобно вѣчнымъ животнымъ, сотворенъ изъ земли. Съ безпощаднымъ реализмомъ среднихъ вѣковъ, чуждымъ нашему эстетическому вкусу и не поддающимся переводу на нашъ языкъ, авторъ изображаетъ немощи человѣческой жизни съ дѣтства до старости. Описаніе младенчества, плачущаго, слабого и безпомощнаго, вызываетъ у автора восклицаніе: „счастливы тѣ, которые умираютъ прежде чѣмъ родятся“; а характеристика старости оканчивается обстоятельнымъ и полнымъ жизненной правды изображеніемъ старика. Описавъ внѣшній видъ дряхлаго человѣка, Лотаръ продолжаетъ: „старикъ легко раздражается и съ трудомъ успокаивается, скоро вѣрится и поздно разувѣряется, цѣпокъ къ жизни и жаждетъ, печаленъ и сварливъ, склоненъ къ болтливости и неохотно слушаетъ, прославляетъ предковъ, презираетъ современниковъ, осуждаетъ настоящее, восхваляетъ прошлое, вздыхаетъ и тревожится, хвораетъ и воченѣетъ“.

Переходя къ занятіямъ и состояніямъ людей, авторъ развертываетъ предъ нами широкую картину человѣческой суетливости и суеты: „несутся смертные и бѣгутъ взадъ и впередъ по дорогамъ и чрезъ преграды, вбираются на горы, перебираются черезъ утесы, преодолеваютъ Альпы, пролагаютъ себѣ путь черезъ пропасти, проникаютъ въ ущелья, рыщутъ по нѣдрамъ земли, по пучинамъ морскимъ, по неизвѣданнымъ рѣкамъ, по чащамъ лѣснымъ, по непроходимымъ пустынямъ, подвергая себя вѣтрамъ и дождямъ, грому и молніи, волнамъ и бурямъ, обваламъ и безднамъ“.

Перечисливъ затѣмъ всевозможные промыслы, которымъ предаются люди, Лотаръ продолжаетъ: „задумываютъ смертные и раздумываютъ, совѣтуются и устриваютъ, жалуются и ведутъ табы, расхищаютъ свое добро и похищаютъ чужое, торгуютъ и обманываютъ, спорятъ и состязаются,—и все это для того, чтобы накопить сокровища, увеличивать барыши, гоняться за выгодой, приобрѣтать почести, возвышаться въ званіи, расширять власть свою—и во всемъ этомъ обрѣтаютъ лишь трудъ и огорченіе“.

Авторъ далѣе изображаетъ предъ нами въ наглядномъ конт-

растѣ жалкую участь бѣдняка и бѣдственное въ другомъ смыслѣ состояніе богача, положеніе подвластнаго человѣка и его господина. Чрезвычайно мѣтко говорить обо всемъ этомъ современникъ и знатокъ феодальнаго быта: „холопъ вѣчно служить, терпитъ угрозы, обременяется барщиной, удручается побоями, лишается своего достоинства; если нѣтъ у него своего добра, то его принуждаютъ приобретать, а если есть какое-либо имущество, то его у него отнимаютъ. Виновать господинъ—холопъ за него отвѣчаетъ; а виновать холопъ—пена съ него идетъ въ карманъ господину“.

Большая глава посвящена бѣдствіямъ супружескаго быта; по средневѣковому монашескому воззрѣнію, главной виновницей этихъ бѣдъ является, конечно, женщина. Не безъ справедливой ироніи говорить Лотарь при этомъ о способѣ заключенія браковъ: „всякій товаръ и всякая самая ничтожная вещь въ хозяйствѣ сначала осматривается, потомъ приобретается; только невѣсту едва показываютъ, для того чтобы она не опротивѣла прежде чѣмъ повѣнчаются, и какова бы она ни оказалась, она приобретается навсегда“. Три вещи гонять человѣка изъ дома—дымъ, капающая сквозь крышу вода и „злая жена“. Описаніе дурной жены трудно было бы привести цѣликомъ; но въ немъ есть черты, обнаруживающія въ авторѣ не поверхностное только знаніе женскихъ недостатковъ: „вѣчно она жалуется,—вотъ такая-то наряднѣ меня и всѣ отдають ей почетъ, я же жалка въ собраніи женщинъ, мною одной пренебрегаютъ и всѣми я презираема.—Она одна хочетъ быть любима, одна быть предметомъ прославленія; въ любви къ другимъ она усматриваетъ ненависть къ себѣ, въ похвалѣ другихъ она подозреваетъ свое безчестіе. Достоиню любви все, что она любитъ; подлежитъ ненависти все, чѣмъ она пренебрегаетъ. Она хочетъ побѣждать, но не сноситъ побѣды надъ собою; ей невыносимо угождать другимъ, но для себя она требуетъ господства надъ всѣми. Она стоитъ на томъ, чтобы быть всемогущей, и нѣтъ ничего ей не по средствамъ“.

Разсмотрѣвъ разные источники человѣческихъ бѣдствій, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Кто же когда-либо провелъ до конца въ свое удовольствіе хотя бы одинъ пріятный день? кого не смущалъ въ такой день укоръ совѣсти, приступъ гнѣва или движеніе какой-нибудь страсти, кого не огорчалъ какой-нибудь ущербъ, какая-нибудь обида, кого не оскорбляло въ этотъ день какое-нибудь зрѣлище, какое-нибудь слово или дѣло? А помимо того, за земною радостью всегда наступаетъ неожиданное горе, и что начинается въ веселіи—кончается въ печали“.

Итакъ, сквозь жизнь, отравленную горечью, человѣкъ быстро

приближается къ смерти, но онъ не хочетъ видѣть ея. Всегда послѣдній день жизни кажется первымъ, и никогда первый день не представляется послѣднимъ, хотя всегда слѣдовало бы человѣку жить такъ, какъ будто ему каждую минуту предстоитъ кончина. Ибо безпрестанно нарождается будущее, безпрестанно умираетъ настоящее, и что прошло, то навсегда исчезло. Живя, мы постоянно умираемъ, и перестанемъ умирать лишь когда перестанемъ жить“.

Бѣдствія, притекающія изъ физическаго существованія человѣка, составляютъ содержаніе первой книги этого интереснаго трактата; содержаніе слѣдующей книги заимствовано изъ неисчерпаемаго источника, какой представляетъ проповѣднику и моралисту анализъ человѣческихъ пороковъ и страстей. Объ этомъ содержаніи можно судить по самому оглавленію отдѣльныхъ параграфовъ: объ алчности, о лихоимствѣ, о лицепріятіи, о продажной справедливости, о жадности, о присвоеніи чужого достоянія, о неумѣренности въ пищѣ и питъѣ, о честолюбіи, о гордости, о высокоуміи и т. д. Отмѣтимъ изъ обильнаго содержанія этой книги рѣзкую выходку противъ земныхъ властей, для которыхъ правосудіе служило источникомъ корысти: „о, князья нечестивые, товарищи воровъ, любящіе подарки и ищущіе мзды, никогда вы не оттолкнете рукою взятку, пока не изгоните алчности изъ своего сердца“. Среди многихъ весьма тонкихъ психологическихъ очерковъ порочныхъ типовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ изображенія скряги и честолюбца: „Танталъ испытывалъ жажду среди влаги, скупой испытываетъ нужду среди богатства; ему столь же мало принадлежит то, что онъ имѣетъ, какъ и то, чего не имѣетъ, ибо никогда онъ не пользуется пріобрѣтеннымъ, помышляя лишь о пріобрѣтеніи; скупой, подобно аду, только поглощаетъ и никогда не возвращаетъ. Скупой не имѣетъ жалости къ страждущимъ и не помогаетъ бѣдствующимъ, но гнѣвитъ Бога, оскорбляетъ ближняго и обижаетъ самого себя, ибо по отношенію къ Богу онъ неблагодаренъ, по отношенію къ ближнему жестокъ, а къ самому себѣ жестокъ“.

„Скупой быстръ, когда нужно брать, медлитъ, когда нужно давать, нахаленъ, когда нужно отказать. Если что тратитъ, то имѣетъ видъ, какъ будто все утратилъ, становится печаленъ, жалуется и ворчитъ, озабоченно вздыхаетъ и тревожится. Своимъ добромъ владѣетъ какъ будто подъ сомнѣніемъ, а расстаётся съ нимъ съ сокрушеніемъ; восхваляетъ то, что даетъ, и низко цѣнитъ то, что долженъ получить; онъ даетъ, чтобы имѣть отъ этого выгоду, но выгоды ищетъ не для того, чтобы было что раздавать; чужое

добро жадно хватаетъ, а свое не выпускаетъ; своей жажды онъ не утоляетъ, а ларь свой наполняетъ; тѣло свое изнуруетъ, а барыши считаетъ; рука его всегда раскрыта, чтобы получать, и всегда сжата, чтобы не давать“.

„Честолюбецъ всегда дрожитъ, всегда на-сторожѣ, чтобы не сказать или не сдѣлать того, что въ глазахъ людей ему повредить; онъ притворяется скромнымъ, привидывается честнымъ, напускаетъ на себя любезность, всюду угождаетъ, ухаживаетъ и услуживаетъ, всѣмъ отдаетъ почетъ, ко всѣмъ благосклоненъ, посылаетъ собранія людей, навѣщаетъ вельможъ, вскакиваетъ и обнимаетъ, рукоплещетъ и льститъ, хорошо понимая слова поэта (Овидія): „И хотя на немъ нѣтъ и пылинки, онъ все-таки ее отряхиваетъ“.

„Оживленъ и горячъ тамъ, гдѣ знаетъ, что можетъ понравиться; остороженъ и мягокъ, гдѣ боится не понравиться. Осуждаетъ дурное, ненавидитъ несправедливое, но разное съ разными хвалитъ или не одобряетъ, чтобы казаться пріятнымъ и считаться дѣльнымъ у всѣхъ“.

Какъ онъ падокъ на почести, такъ же легко честолюбецъ впадаетъ въ высокомеріе и въ необузданное хвастовство; не о пользѣ другихъ онъ заботится,—его тщеславіе въ томъ, чтобы быть впереди другихъ; онъ мнитъ, что становится лучше, когда поднимается выше. Старинными друзьями пренебрегаетъ, вчерашнихъ знакомыхъ уже не знаетъ, прежнихъ товарищей презираетъ, лицо отворачиваетъ, голову поднимаетъ, проявляетъ пышность, громкія слова произносить и великія дѣла замышляетъ. Подчиняться другимъ не выносить, а вознестись надъ другими пылаетъ; къ высшимъ враждебенъ, къ низшимъ придирчивъ; всякій другой порокъ располагаетъ человѣка къ тому, кто страдаетъ подобнымъ же порокомъ,—одна лишь гордость ненавидитъ гордыню.

Последняя книга посвящена бѣдствіямъ, ожидающимъ человѣка за гробомъ—страшному суду и вѣчнымъ мученіямъ ада. Эта неизбежная тема всѣхъ средневѣковыхъ моралистовъ и богослововъ получаетъ здѣсь особый интересъ въ виду того, что краткая схема соответствующихъ разнымъ порокамъ адскихъ мученій напоминаетъ величавую картину, которую сто лѣтъ спустя написалъ на ту же тему знаменитый поэтъ, своимъ гениемъ обнявшій и идеализировавшій все средневѣковое міровоззрѣніе.

Прошло не много лѣтъ послѣ того, какъ былъ написанъ трактатъ о пренебреженіи къ міру, а авторъ его — кардиналъ-

дьяконъ Лотарь — былъ уже избранъ своими товарищами на папскій престолъ. Новоизбраннаго папу тотчасъ же обступила необузданная римская толпа, требуя, чтобы онъ допустилъ ее скорѣе къ присягѣ и выплатилъ установленную обычаемъ мзду. Помимо личныхъ раздачъ гражданамъ, тогдашніе папы — цари земли — должны были вносить въ городскую казну своей столицы 5.000 фунтовъ серебра.

Новый папа, который такъ краснорѣчиво писалъ о презрѣнности драгоценныхъ металловъ и о болѣе еще презрѣнности людской страсти къ нимъ, не поскупился и щедрою рукою удовлетворилъ своихъ новыхъ подданныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ осторожный и энергическій человекъ, онъ принялъ мѣры для устранения злоупотребленій и огражденія церковной казны. Съ этою цѣлью Иннокентій III, до раздачи денегъ, приказалъ тайно переписать по приходамъ имена и состояніе прихожанъ и соотвѣтственно съ этимъ произвести раздачу по приходамъ.

Затѣмъ онъ совершилъ послѣ своего посвященія обычное торжественное шествіе изъ собора св. Петра черезъ весь городъ въ Латеранскій дворецъ. Оно было повтореніемъ того блестящаго зрѣлища, которое средневѣковой Римъ привыкъ видѣть при подобныхъ церемоніяхъ.

По совершеніи церковнаго обряда въ соборѣ св. Петра папа выходилъ на высокую мраморную площадку передъ храмомъ, откуда онъ былъ виденъ всему собравшемуся народу. Здѣсь его епископская митра была замѣнена круглой остроконечной папскою тиарою, которую, по преданію, императоръ Константинъ возложилъ на римскаго епископа Сильвестра, передавая ему свѣтскую власть надъ Римомъ, надъ вотчиною св. Петра и „островами“. Весьма знаменательно эта тиара называлась *regnum*, т.-е. царствомъ. Сообразно съ тѣмъ, какъ развивалась идея папской власти и росла самая власть, и папская тиара измѣнила свой видъ. Когда-то она была простымъ золотымъ вѣнцомъ и убрана бѣлыми павлиньими перьями; потомъ она была украшена драгоценными камнями, обвѣдана тремя золотыми діадемами и на ея верхушкѣ привѣшенъ блестящій рубинъ. Подавая ее папѣ при кликахъ ликующаго народа, архидаконъ говорилъ: „прими тиару и знай, что ты отецъ князей и царей, правитель міра, на землѣ намѣстникъ нашего Спасителя Іисуса Христа“. Затѣмъ папа сходилъ внизъ и садился на бѣлаго, покрытаго пурпуровымъ чепракомъ, коня. Если присутствовалъ при этомъ императоръ или кто-либо изъ королей, они подавали папѣ стремя и, держа поводья, вели коня на извѣстномъ разстояніи. За ними трогалась безконечная,

блестящая процессія, всѣ верхомъ, въ парадныхъ одеждахъ со всевозможными символами и эмблемами: римское духовенство, прибывшее въ Римъ иноземное духовенство, всѣ учрежденія и корпораціи города, всѣ бароны и рыцари окрестностей. Цѣлые часы двигалась процессія съ торжественнымъ пѣніемъ, при колокольномъ звонѣ, среди развалинъ языческаго Рима, подъ старинными триумфальными воротами императоровъ и подъ вновь воздвигнутыми арками изъ живой зелени и цвѣтовъ. Въ Латеранскомъ соборѣ совершался цѣлый рядъ характерныхъ и весьма причудливыхъ обрядовъ, во время которыхъ не послѣднюю роль играла многократная раздача денегъ и подарковъ народу и духовенству. Бросая толпѣ горсти золота, серебра и мѣди, папа говорилъ: „золото и серебро не для меня, а что у меня есть, то даю я вамъ“.

За принесеніемъ присяги римскимъ сенатомъ слѣдовало роскошное пиршество въ Латеранскомъ дворцѣ, причемъ папа сидѣлъ за особымъ столомъ, а кругомъ за другими столами—прелаты, сенаторы, судьи и пріѣзжіе вельможи. Самые знаменитые изъ присутствующихъ прислуживали папѣ за столомъ, и если въ числѣ гостей были короли, то они подносили ему первыя блюда, скромно садясь потомъ за столъ кардиналовъ.

О чемъ думалъ во время этого пышнаго и шумнаго зрѣлища бывшій дьяконъ Лотарь, такъ внушительно изобразившій суету мірскаго величія и презрѣнность человѣческихъ страстей и помысловъ?

Какъ папа, Лотарь принялъ скромное имя, которое онъ сдѣлалъ однимъ изъ самыхъ громкихъ въ исторіи—имя Иннокентія—безвреднаго. Онъ былъ третьимъ папою этого имени. Папы обыкновенно выбирали себѣ имена не случайно, но имѣя въ виду своихъ предшественниковъ. Какими соображеніями руководился Иннокентій III, неизвѣстно, но его выборъ знаменателенъ для исторіи. Иннокентій I былъ современникомъ великаго Августина и во время разгрома и развѣнчанія языческаго Рима бѣжалъ въ Равенну подъ покровительство императора. Иннокентій II былъ творцомъ высшаго процвѣтанія того духовнаго Рима, который смѣнилъ собою ветхій, политическій Римъ. Какой контрастъ между Иннокентіемъ I и III и какой необъятный историческій процессъ раздѣляетъ эти два имени!

Правленіе папы Иннокентія III имѣетъ для исторіи выдающійся интересъ не только потому, что при немъ папство достигаетъ своего зенита, но и потому еще, что дѣятельность этого папы проходитъ при полномъ освѣщеніи исторіи. Дѣловая пере-

писка папъ издавна составляла предметъ особенной заботы со стороны папской канцеляріи. Последняя снимала копіи съ важнѣйшихъ папскихъ посланій и хранила въ архивѣ, собирая ихъ по годамъ, такъ что каждому году правленія папы соотвѣтствовала особая книга общаго *сборника*, такъ-называемаго *регистра*. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ Григорія VII, до насъ не дошли регистры предшественниковъ Иннокентія III. Они были утрачены во время смутной эпохи, когда папскіе архивы приходилось перевозить изъ одного города въ другой. Регистръ же Иннокентія III сохранился почти за всѣ 18 лѣтъ его правленія (исключая послѣдніе три года).

Въ изданіи твореній Иннокентія III небольшой трактатъ дьякона Лотаря „О презрѣніи къ міру“ совершенно утопаетъ среди необъятной массы исходившихъ отъ него посланій, имѣвшихъ въ виду дѣла церкви и міра. Въ дошедшемъ до насъ регистрѣ Иннокентія III заключается 3.702 посланія, между которыми есть, правда, и письма, обращенныя къ самому папѣ. Но къ этому числу нужно добавить множество другихъ писемъ Иннокентія или отрывковъ изъ нихъ, сохранившихся въ иныхъ мѣстахъ, такъ что по сію пору насчитываютъ 5.116 писемъ, относящихся къ Иннокентію, и это число еще можетъ значительно возрасти.

Въ регистрѣ за одинъ первый годъ помѣщено 583 посланія, и по нимъ вполне можно судить о томъ, какъ быстро кардиналъ-дьяконъ Лотаръ вошелъ въ свою новую роль, въ какой полнотѣ и безусловности онъ усвоилъ себѣ представленіе о мировомъ призваніи папства, и въ какой степени его умъ былъ занятъ и его время поглощено самыми разнообразными обязанностями и заботами. Для образчика приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма за № 536, которое характеристично въ обоихъ упомянутыхъ отношеніяхъ. Письмо адресовано къ архитектору и каноникамъ базилики св. Петра; оно имѣетъ цѣлью предоставить въ пользу собора новый источникъ дохода, и особенно интересно потому, что въ немъ проявляется антагонизмъ между обязанностями папы, какъ мѣстнаго епископа, и его ролью вселенскаго епископа (*episcopus universalis*). Иннокентій III какъ бы оправдывается передъ клиромъ своей соборной церкви въ томъ, что, поглощенный общими интересами церкви, онъ спѣшитъ выразить свою любовь къ апостолу небольшою лептою въ пользу его церкви. „Перешедшая къ намъ, — пишетъ Иннокентій III, — отъ главы апостоловъ полнота церковной власти и апостольская преемственность, — не способомъ плоти созданная людьми, но по милости Божіей утвержденная церковными канонами — побудили насъ,

среди другихъ заботъ нашего сердца и занятій, ежедневно насъ удручающихъ, такъ какъ на насъ лежитъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, — въ особенности воздать почетъ собору главы апостоловъ“.

Далѣе папа объясняетъ, что признаетъ справедливымъ почитать соборъ св. Петра своимъ скромнымъ подаркомъ въ виду того, что, подавленный разными дѣлами, онъ не въ состояніи достаточно часто посѣщать храмъ главы апостоловъ для достойнаго служенія, ибо, какъ перечисляетъ свои обязанности папа, „мы прилагаемъ наши старанія къ исправленію пришедшей въ упадокъ церкви, заботимся объ обезпеченіи справедливости за угнетенными, даемъ отвѣты на поступающіе отъ разныхъ лицъ къ намъ запросы, направляемъ въ разные стороны отъ лица нашего пословъ для установленія мира и согласія между враждующими и ради нуждъ различныхъ церквей и областей и въ то же время печемся о доставленіи помощи землѣ восточной“.

Такъ въ сжатыхъ выраженіяхъ папа самъ характеризуетъ главное содержаніе своей обширной дѣловой переписки и массу различныхъ интересовъ, сосредоточивавшихся въ римской куріи. Исторіку достаточно, разобравшись въ этой грудѣ посланій, *разгруппировать* ихъ по содержанію, чтобы читатель по одиѣмъ уже рубрикамъ составилъ себѣ понятіе о томъ, чѣмъ сталъ тогда папа для западно-христіанскаго міра и чего ожидалъ этотъ міръ отъ папы ¹⁾. Переписка Иннокентія III правильнѣе всего разбивается на слѣдующія шесть группъ: первую и самую характерную изъ нихъ составляютъ такъ-называемыя *консультации*, т.-е. письма, въ которыхъ различныя духовныя и свѣтскія лица обращаются къ папѣ какъ къ верховному учителю міра съ вопросами и запросами по всевозможнымъ религіознымъ, каноническимъ и житейскимъ недоумѣніямъ; вторую, самую многочисленную группу составляютъ *апелляции*, т.-е. обращенія къ папскому суду по разнымъ тяжбамъ или жалобамъ на приговоры и распоряженія мѣстныхъ властей; третья группа заключаетъ въ себѣ письма, касающіяся замѣщенія на церковныя должности, спорныхъ выборовъ и прямыхъ назначеній папою на такъ-называемыя бенефиціи, т.-е. второстепенныя церковныя должности, сопряженныя съ болѣе или менѣе значительными доходами; четвертую группу, весьма знаменательную для того времени, представляютъ письма, въ которыхъ папа даруетъ какую-нибудь привилегію или подтверждаетъ привилегіи,

¹⁾ Эта работа произведена довольно отчетливо въ книгѣ Rosquain: „La Papauté au Moyen Age“.

данныя предшественниками; пятую группу образуют письма административнаго содержанія, въ которыхъ папа является общимъ правителемъ церкви, зоркимъ блюстителемъ ея разнообразныхъ интересовъ и на самыхъ отдаленныхъ ея окраинахъ: то Иннокентій III запрещаетъ венеціанскому дожу и народу подъ предлогомъ торговли доставлять сарацинамъ оружіе и другіе нужные для войны предметы; то онъ взываетъ къ вестфальскому рыцарству и посылаетъ его въ Ливонію для борьбы съ язычниками. Наконецъ въ особую группу можно выдѣлить посланія, касающіяся политическихъ вопросовъ, въ которыхъ папа, глава церкви, въ силу ея власти становится верховнымъ руководителемъ и свѣтскихъ властей.

Не Иннокентій III, конечно, создалъ положеніе, отражающееся такъ ярко въ его перепискѣ; оно было подготовлено до него продолжительнымъ историческимъ процессомъ, и достаточно было вступленія на папскій престолъ энергической личности при благоприятныхъ для папства условіяхъ, чтобы какъ съ вершины горы, незамѣтно достигнутой путникомъ, предъ нимъ внезапно раскрылась во всей ея широтѣ необъятная картина папской власти и мощи. Остановимся и мы на минуту на этой картинѣ и рассмотримъ прежде всего, какое положеніе занималъ тогда папа относительно церкви, какія задачи налагало на него это положеніе и какъ отнесся къ нимъ Иннокентій III.

Какъ всегда, такъ и въ XII вѣкѣ, люди жаждали правды, мира и свѣта, и люди XII вѣка искали и находили все это у папы. Римскій епископъ былъ для нихъ источникомъ этой правды въ самомъ обширномъ ея смыслѣ: правды божественной, или богословской догмы, правды церковной, или закона каноническаго, и правды житейской, т.-е. закона нравственнаго. Въ католической церкви того времени еще не былъ установленъ догматъ папской непогрѣшимости, и Иннокентій III не только не предъявлялъ притязаній на такую непогрѣшимость, но въ своихъ сочиненіяхъ прямо признавалъ себя подлежащимъ суду церкви въ прегрѣшеніяхъ, касающихся вѣры, въ прочихъ же грѣхахъ—ответственнымъ предъ судомъ Божиимъ. Тѣмъ не менѣе его современники обращались къ нему въ своихъ религіозныхъ недоумѣніяхъ съ такою наивною вѣрою, что уже предчувствуется возникновеніе этого новаго догмата. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительны такъ-называемыя *consultationes*, т.-е. письма съ запросами, съ которыми обращались къ Иннокентію самые высочайше поставленные іерархи.

Люди XII-го вѣка благоговѣли передъ всѣмъ таинственнымъ; они вездѣ находили его и въ природѣ, и въ жизни духа; они поэтому готовы были самому случайному явленію приписывать затаенный смыслъ, аллегорически объясняли не только всякое слово св. писанія, но и видѣли скрытую тайну вездѣ, гдѣ въ писаніи, по ихъ мнѣнію, чего-нибудь *недоставало*. Такъ, удалившійся на покой архіепископъ ліонскій спрашиваетъ Иннокентія, почему, хотя есть псалмы, приуроченные ко всѣмъ прочимъ днямъ недѣли, нѣтъ ни одного, который бы относился къ вторнику? или почему нѣтъ особыхъ молитвъ, обращенныхъ къ св. Духу? Папа даетъ вопрошающему въ обоихъ случаяхъ чрезвычайно искусное—и прибавимъ, конечно, искусственное—объясненіе ¹⁾.

Епископъ феррарскій (II, 7) дѣлаетъ ему запросъ по поводу одного выраженія папы о таинствѣ евхаристіи въ одномъ изъ его прежнихъ писемъ, и Иннокентій даетъ ему подробное ученое толкованіе, весьма характерное для вѣка схоластики, этой оригинальной смѣси разсудочности и фантазіи. Неудивительно поэтому, что дѣятельность Иннокентія III замѣтно отразилась на дальнѣйшемъ развитіи и установленіи католической догматики: такъ, Латеранскій соборъ 1215 года, который былъ простымъ органомъ Иннокентія, впервые догматически утвердилъ католическое ученіе о пресуществленіи, какъ оно къ тому времени сложилось въ толкованіяхъ схоластическихъ богослововъ. Помимо этого Иннокентій и самъ непосредственно своими декретами вліялъ на ученіе церкви; такъ напр., благодаря ему, ежегодная исповѣдь тайныхъ грѣховъ священнику стала обязательною въ западной церкви.

Но гораздо болѣе еще, чѣмъ въ области догмъ, отразилась дѣятельность Иннокентія въ области каноническаго права, что вполне соответствовало какъ характеру римской церкви, такъ и самого Иннокентія, который былъ еще болѣе юристомъ, чѣмъ богословомъ. До своего возвышенія на папскій престолъ онъ занималъ должность аудитора, т.-е. докладчика по юридическимъ дѣламъ при курии, и когда сталъ папою—пріобрѣлъ прозвище „Соломона“ своего времени. Ни въ чемъ, можетъ быть, не проявляется такъ яро историческая связь и преемственность между древнимъ Римомъ и Римомъ католическимъ, какъ въ области права. Вся духовная жизнь древняго Рима преимущественно сосредоточивалась въ правовѣденіи и въ разработкѣ права. Эта жизнь пускаетъ въ католическомъ Римѣ новой могучій ростокъ—

¹⁾ VI. 193. Римскія цифры въ нашихъ ссылкахъ обозначаютъ книгу или годъ *Регистра*, арабскія—номеръ посланія. Мы пользовались изданіемъ Минья въ Латинской Патрологіи, томи 214—18.

каноническое право. Въ силу самыхъ условій католицизма источникомъ и регуляторомъ права становится папа. Его рѣшенія и постановленія—*декретами*—все болѣе и болѣе оплетаютъ и заслоняютъ старое каноническое право, и потребность въ этихъ декретахъ такъ велика, что литература, такъ сказать, опережаетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность папства и уже въ X вѣкѣ возникаютъ псевдо-исидоровы декретами, т.-е. подложный сборникъ декретовъ, приписываемыхъ прежнимъ папамъ. На этой почвѣ могла быстро развиваться законодательная дѣятельность папъ особенно послѣ 1150 г., когда бенедиктинецъ Граціанъ составилъ въ Болоньѣ свой сборникъ, въ которомъ церковные каноны и папскіе декреты были соединены въ одинъ общій сводъ, сдѣлавшійся въ университетахъ предметомъ ученыхъ истолкованій и глоссъ. Изъ послѣдовавшихъ за этимъ временемъ папъ никто не проявилъ такой творческой дѣятельности въ области декреталій, какъ Иннокентій III, и когда его второй преемникъ, Григорій IX, для устраненія противорѣчій между безчисленными декретами поручилъ составить систематическій сводъ ихъ, то въ этомъ знаменитомъ памятникѣ каноническаго права декретами Иннокентія заняли *триста* главъ.

Мы, конечно, не можемъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе законодательства Иннокентія III и приведемъ для характеристики этой дѣятельности его собственные слова изъ одной декретами; въ ней особенно наглядно проявляется, какимъ образомъ папскія притязанія на высшую законодательную власть въ церкви шли на встрѣчу потребности самихъ мѣстныхъ церквей въ объясненіи закона и установленіи повсюду однообразнаго права въ силу того, что право по своей идѣе есть нѣчто абсолютное и необходимо ведетъ къ единству. „Такъ какъ апостольскій престолъ, на которомъ мы, хотя и незаслуженно, возсѣдаемъ, возвеличенъ надъ всѣми церквами міра не по человѣческому, но по божественному учрежденію, то справедливо и умѣстно, чтобы къ римской церкви, какъ къ учительницѣ и матери, были обращены всѣ вопросы и сомнѣнія по различнымъ статьямъ права: на тотъ конецъ, чтобы тотъ, кто установилъ право, самъ же и истолковать его“ (I, 313). Самый случай, вызвавшій это заявленіе папы, замѣчательнѣе тѣмъ, что показываетъ, какъ по самому культурному строю среднихъ вѣковъ юридическіе вопросы сплетались съ церковнымъ ученіемъ, и какъ вслѣдствіе этого право римскаго епископа „толковать писаніе“ неминуемо должно было сдѣлаться источникомъ юридическаго супремата. Въ Буржѣ произошелъ споръ изъ-за десятинаго сбора съ одного участка земли между двумя капитулами,

прежде владѣвшими ею, и монахами сосѣдняго монастыря, которымъ отказалъ эту десятину пользовавшійся ею по ленному праву рыцарь. Вопросъ—чисто юридическій, усложненный сплетеніемъ каноническаго права съ феодальнымъ, но онъ еще болѣе усложнился тѣмъ, что обѣ стороны сослались на церковные авторитеты: монахи привели въ свою пользу слова св. Іеронима въ письмѣ къ папѣ Дамизу, писанныя въ то время, когда еще не было рыцарей, владѣвшихъ на феодальномъ правѣ церковными имуществами и доходами, а другая сторона старалась подкрѣпить свои притязанія какимъ-то постановленіемъ папы Льва.

Весьма часто юридическіе запросы, обращенные къ папѣ, имѣютъ практическій, чисто житейскій характеръ. Такъ, оксерскій епископъ однажды спрашиваетъ папу о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слово *новъ* (*novalis*, X, 110); папа отвѣчаетъ, что оба толкованія, упомянутыя епископомъ, согласны съ употребленіемъ этого термина въ римскомъ правѣ; словомъ *новъ* обозначается и поле, оставленное подъ паромъ, и срубленный подъ пашню лѣсъ; но въ привилегіяхъ, выданныхъ его предшественниками, подъ словомъ *новъ* разумѣлись залежи настолько давнія, что ихъ запашки никто не запомнить. Здѣсь юридическій вопросъ побудилъ папу войти въ изслѣдованіе юридической терминологіи и коснуться хозяйственнаго быта. Число спорныхъ вопросовъ возросло вслѣдствіе того, что область права была тѣсно связана съ областью нравственности, блюстительницею которой была церковь, а отсюда возникали такія недоумѣнія, разрѣшить которыя былъ въ силахъ только папа: то его извѣщаютъ о монахѣ, который, желая выежить женщину, разрывалъ ей нарывъ въ горлѣ и сталъ причиною ея смерти; вопреки его приказанію берегъся, женщина не береглась, пошла на работу и умерла отъ кровотеченія изъ раны. Монахъ этотъ имѣлъ священническій санъ; спрашивается: можетъ ли онъ послѣ этого священствовать? Въ другой разъ студентъ духовной семинаріи, къ которому ночью забрался воръ, въ борьбѣ съ нимъ поранилъ его; по этой ранѣ воръ былъ разысканъ и судомъ приговоренъ къ жестокому наказанію, отъ послѣдствій котораго онъ умеръ. Спрашивается: можетъ ли студентъ, косвенный виновникъ смерти человѣка, быть посвященъ въ священники? Особенно много недоумѣній вызывали брачныя и бракоразводныя дѣла, тѣсно связанныя со всѣми сторонами житейскаго быта, и въ виду всего этого обращенные къ папѣ запросы по этимъ дѣламъ представляютъ самый любопытный матеріалъ для исторіи средневѣковой культуры.

Иннокентій III охотно и обстоятельно отвѣчалъ на самые

замысловатые вопросы, но иногда онъ самъ старался останавливать рвеніе епископовъ, все возлагавшихъ на рѣшеніе римской куріи: „Не могу не удивляться,—пишетъ онъ епископу Байе (Baieux) въ Нормандіи,—который спрашивалъ его мнѣнія по поводу спорнаго избранія декана для какого-то канониката,—не могу не удивляться, что ты, и самъ будучи свѣдущъ въ правѣ, и вокругъ себя имѣя множество законовѣдovъ, захотѣлъ узнать наше мнѣніе по нѣкоторымъ вопросамъ права, которые, очевидно, не заключаютъ въ себѣ ничего или весьма мало сомнительнаго“ (XI, 176).

Но не только источникомъ закона и мудрости, а также и источникомъ правосудія былъ папа во времена Иннокентія III; мы касаемся здѣсь одной стороны дѣятельности папы, которая имѣла громадное вліяніе на развитіе папской власти и судьбу церкви. Ничто въ такой степени не содѣйствовало возвышенію папы надъ церковью и превращенію римской куріи въ царство, какъ то, что въ римской куріи стали видѣть высшую инстанцію въ судебныхъ дѣлахъ. И въ этомъ вопросѣ ясно видно, что нравственные причины лежали въ основаніи папскаго владычества, и что притязанія папы на власть встрѣчали себѣ сочувствіе въ силу извѣстныхъ потребностей мѣстныхъ церквей. При отсутствіи прочной государственной связи не могла удержаться и правильная организація національной церкви въ различныхъ странахъ, и въ тяжбахъ между прелатами или мѣстными церковными учрежденіями часто не было всѣми признаваемо и высшаго судьи кромѣ римскаго епископа. Поэтому лучшіе изъ папъ могли благопріятствовать перенесенію дѣлъ въ Римъ не изъ одного властолюбія, но чтобы обезпечить справедливость и дать убѣжище угнетеннымъ. Но какъ скоро былъ открытъ путь въ Римъ по судебнымъ дѣламъ, такъ по немъ стали слѣдовать густыя толпы не только угнетенныхъ и жаждавшихъ правосудія, но и тѣхъ, кто желалъ укрыться отъ правосудія или видѣлъ въ этомъ средство выигрыша. Неправое дѣло, перенесенное въ Римъ, и апелляція сдѣлались однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія папской казны и многочисленныхъ должностныхъ лицъ папской канцеляріи. Но въ то же время эти апелляціи превратили каеэдру римскаго епископа въ судилище съ судебными департаментами и съ сложнымъ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, допускаявшимъ всевозможныя притѣсненія и злоупотребленія.

Во времена Иннокентія III зло достигло уже большихъ размѣровъ. Въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи этотъ папа старался противодѣйствовать злу въ уголовныхъ и дисциплинарныхъ процессахъ противъ духовныхъ лицъ, старавшихся путемъ апел-

ляціи избѣгнуть кары своего духовнаго начальства. Въ этихъ случаяхъ Иннокентій III не разъ рѣшительно запрещалъ апелляціи не только на рѣшеніе своихъ легатовъ, но и на приговоры мѣстной власти, внушая въ своихъ посланіяхъ, что апелляція была придумана, чтобы служить спасительнымъ средствомъ для угнетенныхъ и для помощи невиннымъ, а не для защиты несправедливости и для укрывательства отъ заслуженнаго наказанія. Такъ, однажды, предостерегая епископа веронскаго противъ „нечестныхъ апелляцій“, Иннокентій заявлялъ, что аппелирующіе хотятъ того, чтобы онъ прослылъ среди людей за „нѣмую собаку, не умѣющую лаять“, и покровителемъ пороковъ.

Сдѣлавшись для западной церкви источникомъ догмы и права, папы уже въ силу этого должны были стать въ предѣлахъ католическаго міра источникомъ власти и милости. Въ исторіи развитія власти римскаго епископа надъ западною церковью рѣшающее значеніе принадлежитъ вопросу объ *избраніи* епископовъ.

Въ многолѣтней упорной борьбѣ за инвеституру папы освободили епископовъ, въ особенности въ Германіи и Сѣверной Италіи, изъ-подъ зависимости отъ феодальныхъ князей. Но это освобожденіе при тогдашнихъ условіяхъ жизни могло имѣть своимъ послѣдствіемъ только новую зависимость епископскихъ выборовъ *отъ папы*.

Во время Иннокентія III папы не заявляли еще открытыхъ притязаній на назначеніе епископовъ, но самое замѣщеніе епископскихъ кафедръ все болѣе и болѣе переходило въ ихъ руки, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ переписка Иннокентія III. Два обстоятельства въ особенности этому содѣйствовали: во-первыхъ, когда избраніе являлось спорнымъ или кто-либо изъ участниковъ избранія заявлялъ неудовольствіе и возбуждалъ вопросъ о неправомерности его, дѣло переносилось въ Римъ. Съ другой стороны, Иннокентій III считалъ себя обязаннымъ строго слѣдить за достоинствомъ и качествами избираемыхъ. Какъ скоро мѣстные епископы уступили въ этомъ вопросѣ и право Рима контролировать епископскіе выборы вошло въ обычай, епископы сдѣлались простыми подручными *всеобщаго* епископа. А какъ скоро папство овладѣло главной твердыней іерархіи—епископатомъ, оно получило громадное вліяніе на замѣщеніе низшихъ духовныхъ должностей, и вскорѣ взоры всѣхъ желавшихъ получить какую-нибудь бенефицію стали обращаться въ Римъ. Въ особенности всѣ духовныя лица, которымъ приходилось по своимъ дѣламъ быть въ Римѣ, старались запастись папскою рекомендаціей, а

затѣмъ и *все служащіе* въ папской канцеляріи, которымъ по своему положенію было легко узнавать, гдѣ представлялись вакансіи наиболѣе доходныхъ бенефицій. Постепенно папскія рекомендаціи становились все многочисленнѣе и внушительнѣе, и какъ нѣкогда въ императорскомъ Римѣ, такъ теперь въ католическомъ Римѣ рекомендаціи получила смыслъ назначенія.

Еще и другимъ широкимъ потокомъ изливались изъ Рима во все концы Европы милость и власть: это были такъ-называемыя *приписки*. Онѣ болѣею частью состояли изъ болѣе или менѣе полного изъятія капитуловъ и монастырей изъ-подъ епископской власти и надзора. Такими привилегіями очень дорожили, и въ перепискѣ Иннокентія III посланія, заключающія въ себѣ дарованіе новыхъ или подтвержденіе старыхъ привилегій, своею численностью почти равняются главному разряду—посланіямъ по тяжбымъ дѣламъ ¹⁾. Привилегированныя учрежденія болѣею частью вступали въ непосредственную зависимость отъ римской курии и въ ознаменованіе этого платили ей небольшую дань, которая вписывалась въ особый реестръ, центральную книгу. И такъ, привилегіи, даваемы Римомъ, подрывая организацію мѣстныхъ церквей, содѣйствовали вдвойнѣ возвышенію Рима, увеличивая его власть и умножая его денежные средства.

Такимъ образомъ власть надъ церковью все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ Рима, и церковь—это олицетвореніе божескаго царства—стала на самомъ дѣлѣ принимать формы духовно-свѣтскаго государства. Въ средневѣковой Европѣ, еще вполне подчиненной феодальнымъ формамъ, папство впервые осуществило политическій типъ централизованной монархіи съ самодержавнымъ правителемъ и съ правильно организованной администраціей, заправлявшей изъ столицы самыми отдаленными окраинами. Въ исторіи этого царства правленіе Иннокентія III представляетъ собою критическую и въ этомъ смыслѣ интереснѣйшую эпоху. Это моментъ высшаго расцвѣта теократическаго царства, но моментъ, когда уже обнаруживаются признаки и причины предстоявшаго ему увяданія. И расцвѣтъ, и увяданіе, обусловливаются однимъ и тѣмъ же принципомъ—доведеніемъ до полного и крайняго развитія начала власти и единодержавія въ церкви. Чтобы выяснитъ себѣ этотъ процессъ, мы на основаніи папскаго регистра и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ изобразимъ роль Иннокентія III въ исторіи теократіи.

Какъ въ исторіи всякой другой власти, такъ и папской, слѣдуетъ

¹⁾ Bosquain, p. 158.

прежде всего отмѣтить развитіе самаго принципа или расширеніе самой идеи этой власти; это обыкновенно происходит такимъ образомъ, что власть выводятъ изъ болѣе высокаго или священнаго источника и этимъ возвеличиваютъ характеръ власти, ея назначеніе и права. Именно въ этомъ направленіи Иннокентій III сдѣлалъ рѣшительный шагъ, и новый оборотъ въ папской политикѣ обнаружился при немъ въ характерномъ признакѣ, такъ какъ для новаго усиленія власти была придумана соотвѣтствующая формула. Движущей силой въ исторіи развитія власти была идея о наслѣдованіи римскимъ епископомъ полномочій, данныхъ апостолу Петру. Папа требовалъ для себя первенства предъ другими епископами, какъ „преемникъ“ перваго изъ апостоловъ (*princeps apostolorum*); онъ хотѣлъ стоять во главѣ церкви, какъ „викарій“, т.-е. намѣстникъ, того Петра, кому было сказано: „паси овцы мои“. При Иннокентіѣ III на ряду съ прежней формулой появляется другая, болѣе сильная: изъ намѣстника Петра папа становится намѣстникомъ самого Бога. Какъ ни высоко былъ поставленъ апостолъ Петръ надъ людьми, онъ былъ *человѣкъ*, его авторитетъ основанъ на порученіи, данномъ ему свыше, и его викарій такимъ образомъ является лишь блѣднымъ отраженіемъ божественной власти. Но почему бы этому викарію не подняться выше и не заимствовать свое призваніе непосредственно изъ божественнаго источника? Замѣчательно, что именно тотъ папа, который такъ безпощадно анализировалъ и такъ реально изобразилъ физическое и нравственное ничтожество человѣка, въ первый же годъ своего правленія не усомнился признать за собою и за цѣлымъ рядомъ людей *божественный* характеръ: „Римскій первосвященникъ,— провозгласилъ Иннокентій,— по истинѣ называется намѣстникомъ не простаго человѣка, а истиннаго Бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостоловъ, однако мы не его и не какого-либо апостола или человѣка, но самого Иисуса Христа намѣстники ¹⁾“.

И въ этомъ случаѣ Иннокентій только завершилъ то, что было подготовлено предшествующей эпохой. Этому новому возвеличенію идеи папства въ титулѣ папы, всего болѣе содѣйствовалъ неутомимый поборникъ теократическаго идеала—Бернардъ Клервоскій. Въ своихъ письмахъ и въ своихъ трактатахъ онъ нѣсколько разъ называетъ папу викаріемъ Христа. Правда, что Бернардъ еще не придаетъ этому титулу исключительнаго значенія, ибо въ трактатѣ „О нравахъ и должности епископовъ“

¹⁾ Summus Pontifex non hominis puri, sed veri Dei vere Vicarius appellatur. Ep. I, 326.

называетъ и ихъ викаріями Христа ¹⁾. Однако въ послѣднемъ своемъ сочиненіи — „De Consideratione“ — Бернардъ пользуется разсказомъ евангелиста Іоанна о появленіи Христа ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ, причемъ Петръ бросился въ море на встрѣчу Господу, тогда какъ другіе ученики приплыли въ лодкѣ (XXI, 7—8), чтобы видѣть въ этомъ знаменіе особливаго священства Петра (*signum singularis pontificii*); на этомъ основаніи Бернардъ величаетъ апостола именемъ „единственнаго викарія Христа“ ²⁾, который долженъ былъ стоять во главѣ не одного народа, а всѣхъ племенъ.

Такимъ образомъ былъ указанъ путь для преемниковъ Петра, и полѣвка спустя званіе „викарія Христа“ сдѣлалось привилегіей и официальнымъ титуломъ римскихъ епископовъ; а на этой почвѣ само собою явилось то новое толкованіе, которое видѣло въ папѣ не подобіе „простого человѣка“, а намѣстника „истиннаго Бога“.

Понятно, что съ такимъ поднятіемъ идеи папства все учрежденіе папства выдвинулось на новую высоту. Это очень наглядно выразилось въ самыхъ обрядахъ и именно въ томъ обрядѣ, который составлялъ средоточіе и сущность христіанскаго богослуженія — въ причащеніи. Еще до Иннокентія III папа сталъ причащаться не у алтаря, а на мѣстѣ болѣе возвышенномъ, т.-е. поднявшись на мѣсто, гдѣ стоялъ его престолъ, и притомъ особымъ способомъ, который мы не станемъ подробно описывать. Мы имѣемъ однако основаніе упомянуть объ этомъ въ исторіи Иннокентія, такъ какъ въ сочиненіяхъ этого папы находимъ попытку объяснить аллегорическій смыслъ этого нововведенія, причемъ оно мотивируется параллелью между способомъ дѣйствія Христа въ Эммаусѣ и причащеніемъ папы. Замѣчательно при этомъ, что папа кромѣ аллегорическаго повода зналъ еще и *историческій*, но предпочелъ о немъ умолчать, такъ какъ „не могъ того найти въ какомъ-либо подлинномъ писаніи“ ³⁾.

Мы видимъ изъ этого, что въ то самое время, когда въ католицизмѣ духовенство стало возвышаться надъ міромъ посредствомъ причащенія подъ обоими видами, тогда какъ міряне были лишены чаши, папа съ помощью того же средства, т.-е. особаго способа причащенія, сталъ подниматься надъ священствомъ.

Этому возвышенію самаго принципа власти, конечно, исполнѣ

¹⁾ De moribus et off. Ep., cap. 8.

²⁾ De Consid. L. II, § 8. См. примѣчанія Мабильона къ относящимся сюда мѣстамъ у Migne, Patrol., vol. 182.

³⁾ Inn. III. Opera, ed. Migne. V. IV. De sacro altaris myst. L. IV, c. 9.

соотвѣтствовало расширеніе ея. Какъ всякая другая монархическая власть, такъ и папская могла расширяться въ двухъ направленіяхъ—въ теоретическомъ и въ практическомъ: путемъ государственнаго права и государственнаго управленія усиливалоcь самое понятіе власти *всеобщаго* епископа (*episcopus universalis*) надъ церковью и умножались способы примѣненія этой власти въ организаціи церкви. Въ области государственнаго права самый существенный вопросъ для всякой власти—это вопросъ о правѣ законодательства и объ ограниченіи или раздѣленіи верховной власти. Въ области церкви дѣло шло въ этомъ отношеніи о разграниченіи предѣловъ между правами папы и соборовъ. Что касается до законодательной власти—то, какъ мы упомянули, папы давно приобрѣли ее—съ тѣхъ поръ, какъ ихъ декреты или декреталіи стали приравниваться къ *канонамъ*. Точно также они приобрѣли еще до Иннокентія III другую отрицательную сторону законодательной власти—право диспенсаціи, т.-е. право освобождать отъ отвѣтственности за нарушеніе церковнаго права. Но ко времени Иннокентія III относится новый, чрезвычайно важный шагъ въ этомъ отношеніи—право диспенсаціи *ante factum*, т.-е. право разрѣшать напередъ отъ обязанности соблюдать извѣстный законъ (напр., святость клятвы), прощать за нарушеніе закона (напр., бракъ при недозволенной степени родства) *до совершенія* самаго проступка. Папы такимъ образомъ становились какъ бы выше закона и самый законъ являлся какъ бы слѣдствіемъ ихъ усмотрѣнія.

Что касается до соборовъ, то уже въ началѣ XII-го в. папы заявляли, что всѣ соборы происходили и ихъ постановленія получали свою силу благодаря авторитету римской церкви, а также, что авторитетъ римскаго епископа не подлежитъ постановленіямъ соборовъ. Со времени Иннокентія III на соборахъ, на которыхъ присутствовалъ папа, всѣ постановленія прямо обнародовывались отъ имени папы, и соборъ снисходилъ на степень учрежденія, одобряющаго или просто свидѣтельствующаго рѣшенія высшей власти ¹⁾. Соотвѣтственно развитію законодательной власти папства измѣнялось и положеніе его въ общей системѣ церковнаго управленія.

Въ области управленія на первомъ планѣ также стоятъ два главныхъ вопроса: степень зависимости мѣстной власти отъ центральной—въ данномъ случаѣ епископовъ—и существованіе въ областяхъ непосредственныхъ органовъ центральной власти. Параллельно

¹⁾ *Sacro adprobante или praesente concilio.*

съ возвышеніемъ римскаго епископа шло умаленіе власти всѣхъ прочихъ епископовъ. Этотъ процессъ нашелъ себѣ, какъ мы видѣли, ясное выраженіе въ томъ, что избраніе епископовъ все болѣе и болѣе подчинялось контролю и вмѣшательству папы. Исторія Иннокентія III представляетъ намъ нѣсколько случаевъ, когда это вмѣшательство проявляется въ очень произвольныхъ и тираническихъ формахъ. Въ 1207 году Иннокентій вмѣшался въ спорное избраніе примаса Англіи, архіепископа кентерберійскаго, и, вопреки воли тогдашняго короля, провелъ своего кандидата Стефана Лангтона. Нѣсколько лѣтъ спустя, іоркскій капитулъ избралъ себѣ въ архіепископы брата Стефана Лангтона, Симона, и Иннокентій отвергъ избраніе и принудилъ прибывшую въ Римъ депутацію отъ канониковъ избрать другого кандидата. Въ особенности же подавали поводъ къ папскому вмѣшательству недозволенные каноническимъ правомъ переходы епископовъ на другія кафедры. Замѣчательно, что приведенное выше притязаніе папы представлять собою намѣстника не апостола только, а истиннаго Бога, заявлено Иннокентіемъ въ двухъ посланіяхъ, которыя оба раза были вызваны переходомъ епископа на другую кафедру, въ одномъ случаѣ (I, 326) при разрѣшеніи фавентинскому епископу перейти въ Павію, въ другомъ—при низложеніи гильдесгеймскаго епископа за то, что онъ безъ папскаго разрѣшенія занялъ вюрцбургскій престолъ. Папы вносили (I, 335) въ понятіе о связи, соединяющей епископа съ кафедрой, идею брачнаго союза, видѣли въ ней такое же таинство и примѣняли къ ней всѣ тексты, имѣвшіе какое-нибудь отношеніе къ браку, въ особенности слова писанія (Матв. XIX, 6): что Богъ соединилъ, то человекъ не долженъ разобщать. При такой постановкѣ вопроса право разрѣшать переходъ естественно становится папскою привилегіей. Такимъ образомъ эти случаи бросаютъ интересный свѣтъ на развитіе общей теоріи о папскомъ всемогуществѣ. Эта теорія развивалась, конечно, собственной своей силою, такъ сказать, внутренней логикой лежащей въ ея основаніи идеи; но, съ другой стороны, мы видимъ, какъ и самая жизнь содѣйствовала ея развитію; въ настоящемъ случаѣ это необычайное усиленіе папской идеи—представленіе о намѣстничествѣ Божиѣмъ—является какъ бы необходимымъ средствомъ для того, чтобы выйти изъ практическаго затрудненія—регулировать вопросъ о переходѣ епископовъ и узаконить право высшей церковной власти разрѣшать этотъ переходъ.

Мы видимъ и здѣсь, что если теорія сильно вліяетъ на жизнь, то, съ другой стороны, самая отвлеченная теорія иногда въ сущности

является лишь практическимъ средствомъ разрѣшать вопросы, вытекающіе изъ потребностей жизни.

И въ другомъ еще отношеніи приходится здѣсь высказать такое наблюденіе. Быстрый подъемъ власти „универсальнаго“ епископа и уступчивость мѣстнаго епископата объясняются, помимо теоретическихъ основаній, лежавшихъ въ идеѣ церкви, однимъ весьма реальнымъ обстоятельствомъ. Въ борьбѣ за инвентитуру папамъ удалось высвободить мѣстный епископатъ изъ-подъ феодальнаго ига; но эта побѣда скоро оказалась недостаточной; феодальная власть развивалась и преобразовывалась и сама принимала государственныя формы. Тамъ, гдѣ этотъ процессъ шелъ быстрѣе, государственная власть выработала понятіе общаго, государственнаго налога и во имя этой идеи стала подвергать епископскія земли денежнымъ поборамъ. Мѣстнымъ церквамъ грозила новая и тяжелая зависимость отъ свѣтской власти, но Иннокентій III смѣло и энергически вступился за нихъ, отвергая права поборовъ со стороны государственной власти.

Такимъ образомъ устанавливалась солидарность интересовъ между епископатомъ и папствомъ; слабый епископатъ нуждался въ опорѣ папства и потому еще болѣе утрачивалъ по отношенію къ нему силу сопротивленія.

Защищая епископовъ отъ государства, Иннокентій III устанавливалъ надъ ними *свою* власть; но не одну власть имѣлъ онъ при этомъ въ виду; ограничивая самостоятельность епископата, папа руководился также и идеей реформы; въ особенности это видно въ его распоряженіи, которое стѣсняло епископовъ относительно права предоставлять индульгенціи, т.-е. давать общія отпущенія грѣховъ. Это право легко подавало поводъ къ злоупотребленіямъ; поэтому папа считалъ необходимымъ по возможности сосредоточить его въ своихъ собственныхъ рукахъ; вслѣдствіе этого Латеранскій соборъ запретилъ издавать индульгенціи, при освященіи новой церкви, болѣе чѣмъ на годъ, а при годовщинѣ освященія болѣе чѣмъ на 40 дней и этимъ срокомъ ограничилъ и всѣ прочіе случаи епископскихъ индульгенцій.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что усиленіе папской власти на счетъ епископской имѣетъ свое оправданіе какъ въ теоретическихъ и политическихъ причинахъ, такъ и въ стремленіи къ реформѣ. И тѣмъ не менѣе мы уже теперь усматриваемъ слабыя пункты папской политики. Достаточно упомянуть объ индульгенціи, объ этомъ зловѣщемъ орудіи духовной власти, которое папство при Иннокентіѣ прибирало къ своимъ рукамъ, чтобы предусмотрѣть въ будущемъ весь рядъ злоупотребленій, въ

которыя оно само впадало, идя по этому скользкому пути, и которыя привели его къ паденію. Точно также и вмѣшательство папства въ избраніе епископовъ сдѣлалось источникомъ другого подобнаго зла—поборовъ римской куріи съ избираемыхъ. Это зло обнаружилось уже при Иннокентіѣ. Избранный на Латеранскомъ соборѣ іоркскій архіепископъ обязался уплатить римской куріи 10.000 фунтовъ стерлинговъ, а по окончаніи собора папа, по словамъ англійскаго лѣтописца, вынудилъ у прелатовъ несчетную сумму, которую они были принуждены, вмѣстѣ съ деньгами, необходимыми для возвращенія, занять у ростовщиковъ на суровыхъ условіяхъ. Золото и злоупотребленіе властью во второй разъ губили Римъ.

Лѣтописецъ прямо называетъ папу, но можно думать, что въ данномъ случаѣ Иннокентій является здѣсь лишь олицетвореніемъ или орудіемъ римской куріи; однако нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ папа своей энергіей самъ значительно содѣйствовалъ установленію такого порядка вещей и недостаточно энергично боролся съ связанными съ этимъ порядкомъ злоупотребленіями.

Какъ интересный образчикъ взгляда Иннокентія ІІІ на отношенія папы къ епископству, мы приведемъ его посланіе къ архіепископу дронтейскому (Nidrosiensis, VIII, 2), которому онъ предоставляетъ власть митрополита надъ епископами въ Норвегіи и на островахъ и привилегію непосредственнаго подчиненія римской кафедрѣ. Въ этомъ посланіи Иннокентій объясняетъ различіе власти епископа и папы, и кромѣ извѣстнаго, взятаго изъ текстовъ основанія, мотивируетъ его тѣмъ, что въ церкви, какъ и въ человѣческомъ тѣлѣ, существуютъ различные члены съ различнымъ назначеніемъ. Такъ и въ церковномъ строѣ одни поставлены для завѣдыванія отдѣльными церквами, другіе—церквами цѣлаго города, третьи занимаютъ первое мѣсто въ церковной организаціи о рѣшеніи дѣлъ цѣлой области. Надъ всѣми же, однако, первое мѣсто занимаетъ римскій первосвященникъ, какъ Ной въ ковчегѣ, чтобы судить и распоряжаться дѣлами всѣхъ и на всемъ земномъ шарѣ утверждать сыновъ церкви въ вѣрѣ христіанской. Въ силу этого своего призванія, папа наставляетъ архіепископа, чтобы онъ служилъ образцомъ для подчиненныхъ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ наставленій Иннокентій говоритъ: „заботься болѣе о томъ, чтобы служить людямъ, чѣмъ превышать ихъ (*prodesse hominibus quam praeesse*). Пусть въ тебѣ цѣнятся не могущество сана, а человѣкъ, равнаго по человѣчеству другимъ. Старайся, чтобы жизнь не посрамляла ученія и чтобы ученіе не противорѣчило жизни. Помни, что управленіе душами людей есть

искусство надъ искусствами. Паче же всего имѣй въ виду свято соблюдать постановленія апостольской церкви и смиренно повиноваться ей, какъ матери и владычицѣ твоей. И все это, дорогой сынъ во Христѣ, тебѣ съ помощію Христа легко будетъ исполнить, если ты будешь обладать наставницею всѣхъ добродѣтелей, любовью и смиреніемъ“. Многое въ этихъ краткихъ, но значительныхъ словахъ вызываетъ на размышленіе. По римской этикѣ высшее и необходимѣйшее свойство епископа оказывается — повиновеніе папѣ; церковь стала государственнымъ учрежденіемъ, и въ этомъ государствѣ главная заслуга — дисциплина и повиновеніе центральной власти. Сообразно съ этимъ, измѣняется и духовное призваніе: оно принимаетъ политическій характеръ, забота о душахъ становится управленіемъ ихъ, и это управленіе становится *искусствомъ изъ искусствъ*.

Подчиненіе епископата Риму и приниженіе его объясняетъ возможность и даже неизбежность развитія другого органа церковнаго управленія — полномочныхъ комиссаровъ центральной власти, папскихъ легатовъ, этихъ проконсуловъ новаго Рима. Высокомѣріе, корысть и тираннія многихъ изъ легатовъ бросаютъ темную тѣнь на исторію средневѣкового папства. Легаты Иннокентія III не составляютъ исключенія изъ общаго ряда. Возлагать на него лично отвѣтственность за всѣ жалобы, которыя вызывали противъ себя его Пандульфы и Валу, было бы несправедливо, но характерно то, что въ его перепискѣ мы не разъ встрѣчаемъ предписаніе легатамъ дѣйствовать энергичнѣе въ интересахъ авторитета Рима; противоположная же забота о необходимой сдержкѣ легатовъ и обузданіи ихъ дурныхъ страстей не оставила въ перепискѣ такихъ же слѣдовъ. Въ Иннокентіѣ III на папскомъ престолѣ пробудилась его державная натура, которая наслаждалась ореоломъ власти, какъ солнцемъ и тепломъ. Прислушаемся, съ какимъ гордымъ самоудовлетвореніемъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о величій, которое папство почерпало изъ института легатовъ: „Апостольская кафедра (II, 202), по волѣ Господа, обладая первенствомъ между всѣми церквами, другихъ призвала къ участію въ заботахъ, сохраняя за собою полноту власти; такъ что поелику римскій первосвященникъ, по слабости человѣческой, не въ состояніи всѣмъ лично распорядиться, онъ пользуется помощію другихъ, которымъ поручаетъ себя замѣстить по примѣру Господа и учителя нашего, который разослалъ учениковъ своихъ по всему міру, лично совершивъ въ средоточіи земли наше спасеніе“.

Судъ надъ этими высокомѣрными словами произнесъ самъ

Иннокентій. Мы слышали его наставленіе скандинавскому архі-епископу, чтобы жизнь была въ согласіи съ ученіемъ, и что любовь и смиреніе—источникъ всѣхъ добродѣтелей!

Таково было представленіе Иннокентія III о той власти, которая была поручена ему надъ „божескимъ царствомъ“ или церковью. Но въ этомъ церковномъ царствѣ папъ можно различать два отдѣльныхъ царства, сообразно съ тѣмъ, что и самая идея „божескаго царства“ олицетворялась, съ одной стороны, въ церкви, съ другой—въ монашествѣ. Монашество составляло ядро средне-вѣкового теократическаго міра; оно представляло собою въ „божескомъ царствѣ“ внутреннее царство папъ, подчинившееся имъ еще болѣе безусловно и еще ближе осуществлявшее ихъ идеаль-централизованной духовной власти. Авторъ трактата „О презрѣніи къ міру“, конечно, вполне сочувствовалъ монашеству и открыто заявлялъ свое предпочтеніе монашескаго призванія предъ дѣятельностью мірскаго духовенства. Въ письмѣ къ удалившемуся на монастырскій покой архіепископу ліонскому Иннокентій прибѣгаетъ къ обычному въ средніе вѣка уподобленію монашества и духовенства двумъ сестрамъ—Маріи и Марѣѣ, и хвалитъ архіепископа за то, что онъ, отказавшись отъ дѣлъ Марѣѣ, о многомъ заботившейся, проживаетъ съ тѣми, кто, избравши лучшую долю, сидитъ съ Маріей у ногъ Господнихъ“.

Самъ же Иннокентій, устремляя свои заботы на монашество не менѣе тѣмъ на церковь, проводилъ въ управленіи имъ тотъ же централистическій принципъ и обнаруживалъ при этомъ ту же неутомимую дѣятельность. Иннокентій распространилъ монастырскую централизацию, которую ввелъ у себя орденъ св. Бернарда, на всѣ прочіе ордена, и сдѣлалъ для всѣхъ обязательными ежегодныя собранія аббатовъ и взаимныя ревизіи.

Стремленіе къ централизациі шло здѣсь рука объ руку съ установленіемъ болѣе строгой дисциплины. Это видно, напримѣръ, изъ обѣщанія, котораго добился Иннокентій отъ короля Германіи Филиппа Гогенштауфена, подчинить свободные монастыри въ Германіи какому-нибудь изъ новыхъ централизованныхъ монашескихъ орденовъ, „цистерціензовъ, камальдуліицевъ или премонстратензовъ“, и стараться, чтобы какъ монашество, такъ и духовенство жили съ подобающей имъ святостью и честью“¹⁾.

Въ виду вѣроятно того же принципа Иннокентій воспретилъ на будущее время возникновеніе новыхъ монашескихъ орденовъ, такъ какъ при раздробленіи этого института уменьшались тѣмъ средства

¹⁾ Philippi R. R. promissa papae. Migne, vol. 217, col. 296.

и значеніе отдѣльныхъ орденовъ, а слѣдовательно, и ослабѣвало вліяніе, которое могло имѣть папство чрезъ посредство этихъ могущественныхъ централизованныхъ корпорацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иннокентій зорко слѣдилъ за внутреннею жизнью монастырей и входилъ въ мельчайшія подробности ихъ быта, регламентируя даже часы сна монаховъ и покрой ихъ одежды.

Ознакомившись съ ролью Иннокентія въ организаціи и управленіи церковью и тою обширною властью, которою онъ былъ облеченъ, стоя во главѣ божескаго царства, посмотримъ теперь, куда онъ направлялъ свою огромную власть, какія задачи преслѣдовало при немъ божеское царство?

Церковь, во главѣ которой стоялъ Иннокентій, была *божескимъ* царствомъ, но на всѣхъ пунктахъ оно соприкасалось съ царствомъ человѣческимъ; оно было божескимъ въ противоположность къ человѣческому, и эта противоположность постоянно порождала между ними антагонизмъ: какъ божеское царство, церковь имѣла свои идеальныя задачи и собственные свои законы, которые она не только должна была оберегать отъ нарушенія извнѣ, но нерѣдко, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, проводить въ окружающемъ ее враждебномъ мірѣ. Такимъ образомъ, это божеское царство по необходимости должно было принимать *на землѣ* — воинствующій характеръ.

Въ особенности же этотъ воинствующій характеръ долженъ былъ проявиться подъ вліяніемъ такой энергической личности, столь полной сознанія своей власти и великаго призванія этой власти на землѣ, какою былъ Иннокентій III. Поэтому судьба божескаго царства при Иннокентіѣ III представляетъ собою центральнѣйшій вопросъ европейской исторіи, и излагать дѣятельность этого папы значитъ касаться всѣхъ выдающихся событій въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка! Но чтобы въ лабиринтѣ этихъ событій не упустить изъ вида главной нашей цѣли, мы остановимся лишь на фактахъ, имѣющихъ типическій характеръ для исторіи теократическаго идеала въ дни Иннокентія.

Въ трехъ главныхъ направленіяхъ проявлялась жизнь „божескаго царства“ на землѣ. Какъ всякое царство, оно было окружено врагами, противъ которыхъ должно было защищаться и на счетъ которыхъ оно могло расширяться; оно должно было стоять на стражѣ божескаго закона среди людей; наконецъ, соприкасаясь съ земнымъ царствомъ, оно должно было вступать съ

нимъ въ извѣстныя сношенія и размежеваться съ ними, т.-е. точнѣе опредѣлить отношенія духовной, папской власти въ свѣтской.

Начнемъ съ открытыхъ, *отъявленныхъ* враговъ божескаго царства: это тѣ исконные противники церкви, съ которыми уже давно вели борьбу предшественники Иннокентія—невѣрные и неправовѣрные мусульмане и еретики.

Борьба съ невѣрными обострилась съ тѣхъ поръ, какъ, подъ руководствомъ римскаго епископа, среди христіанъ укоренилось желаніе отвоевать у нихъ *вотчину Христову*, какъ называли тогда Палестину. Такъ началась эпоха *крестовыхъ* походовъ. Иннокентій III былъ сыномъ этой эпохи. Мысль о крестовомъ походѣ не покидаетъ его въ продолженіе всего его царствованія и постоянно проявляется въ его перепискѣ въ самыхъ горячихъ обращеніяхъ къ рвенію христіанскихъ князей и народовъ, какъ выразился самъ Иннокентій; увѣщанія слѣдовали у него за приказаніями, приказанія за увѣщаніями. Современные намъ историки относятся къ Иннокентію III съ укоризной за эту *сильную* горячность; они ставили ему въ вину безплодность его усилій, упрекая его въ непониманіи духа времени, въ близорукости, неспособной извлечь урокъ изъ фактовъ, наглядно свидѣтельствовавшихъ о томъ, что пора крестовыхъ походовъ миновала вмѣстѣ съ наивною вѣрою первыхъ крестоносцевъ. Но упрекъ въ близорукости слѣдуетъ дѣлать съ осторожностью; онъ легко можетъ быть обращенъ противъ самихъ же историковъ. Иннокентій III выросъ подъ впечатлѣніемъ факта, что вотчина Христова почти уже цѣлый вѣкъ находится въ рукахъ христіанъ. Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и энергіи, когда Европу поразила удручающая вѣсть, что Іерусалимъ взятъ мусульманами. Нѣсколько лѣтъ спустя на глазахъ кардинала Лотаря дружно поднялись три главныхъ народа западной Европы, подъ личнымъ предводительствомъ своихъ государей; осторожнаго Филиппа-Августа, отважнаго Ричарда Львиное Сердце и покрытаго сѣдиною и славою Фридриха Барбароссы. Неуспѣхъ этого третьяго крестоваго похода не могъ разочаровать людей, охваченныхъ идеей крестоносцевъ. Смерть германскаго императора въ волнахъ Кидна подъ Тарсомъ была роковою случайностью; ссора между Филиппомъ-Августомъ и Ричардомъ, парализовавшая ихъ успѣхи въ Сиріи и побудившая ихъ вернуться безъ результата въ Европу, могла внушить папѣ только желаніе прекратить антагонизмъ Франціи и Англіи въ интересахъ общаго дѣла. Съ этою мыслью Иннокентій III взошелъ на папскій престолъ, и она не покидала его ни при какихъ обстоятельствахъ въ продолженіе всего его царствованія. Чѣмъ болѣе исторія обогащается новыми

документами той эпохи, тѣмъ явственнѣе выступаютъ неотступныя заботы Иннокентія III замирить западную Европу, чтобы ея оружіемъ отстоять торжество христіанства въ Палестинѣ. Недавно еще изъ архивнаго матеріала въ Англіи извлечено письмо изъ Рима повѣреннаго англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, свидѣтельствующее, какъ болѣзненно отзывались на Иннокентіѣ дурныя вѣсти съ Востока и какъ каждая подобная вѣсть его снова побуждала всѣми средствами содѣйствовать примиренію враждующихъ европейскихъ государей. Письмо относится къ январю 1216 года, когда сынъ Филиппа-Августа, Людовикъ, подстрекаемый недовольными баронами Англіи, дѣлалъ приготовленія къ высадкѣ въ Англію. „Въ тотъ же день,—пишетъ повѣренный своему королю,—господинъ папа получилъ вѣсти и слухи изъ заморской страны о томъ, что городъ Анконъ осажденъ сарацинами. Вслѣдствіе этого, удрученный горечью и большою тревогою, онъ чрезвычайно озабоченно помышляетъ объ упроченіи мира между Вами и королемъ Франціи, а также и между прочими враждующими князьями. Съ этою цѣлью онъ снаряжаетъ легатовъ и отправляетъ ихъ въ Англію и Галлію для оказанія помощи св. Землѣ“. Что усилія Иннокентія III выслать на Востокъ новыя рати крестоносцевъ не были безплодны, объ этомъ свидѣлствуетъ четвертый крестовый походъ, осуществившійся при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ въ то время, когда въ Германіи шла борьба между Гогенштауфенами и Вельфами за императорскій престолъ, а антагонизмъ между Франціей и Англіей задерживалъ дома богатое и предприимчивое рыцарство этихъ странъ. Извѣстно, по какимъ причинамъ эта новая попытка крестоносцевъ не достигла своей цѣли и доставила Иннокентію много горя. Отвлеченные венеціанцами сначала къ Зарѣ, а затѣмъ политическими расчетами своихъ вождей къ Константинополю, крестоносцы вмѣшались въ семейныя распри царствовавшаго въ Византіи дома; дѣло кончилось взятіемъ Константинополя западнымъ рыцарствомъ и возникновеніемъ эфемерной латинской имперіи. Для положенія христіанъ въ Сиріи этотъ результатъ четвертаго крестоваго похода былъ большимъ несчастіемъ; но нельзя говорить, что неожиданный оборотъ, который приняло дѣло, долженъ былъ отрезвить Иннокентія и открыть ему глаза на тщету его усилій помочь св. Землѣ. Напротивъ, легкость, съ которою крестоносцы на пути къ цѣли овладѣли ключомъ къ Востоку, знаменитой столицей византійскихъ императоровъ, должна была внушить Иннокентію надежду, что новая попытка можетъ увѣнчаться такимъ же блестящимъ успѣхомъ подъ самымъ Іерусалимомъ. Во всякомъ случаѣ, пока

христіане еще держались на окраинахъ Палестины, глава церкви не могъ не подать имъ помощи, не могъ оставаться глухимъ къ ихъ отчаяннымъ мольбамъ. Извѣщая въ 1208 году магистровъ двухъ рыцарскихъ орденовъ, тамплиеровъ и іоаннитовъ, о томъ, что, въ силу его увѣщаній, къ нимъ на помощь собирается герцогъ австрійскій, а изъ Франціи графъ Окскій съ другими вельможами, въ Германіи же въ ихъ пользу производится всеобщій денежный сборъ, Иннокентій пишетъ: „Проливая ручьями денно и ночью слезы о бѣдствіяхъ св. Земли, мы не переставали и теперь не перестаемъ промышлять о помощи вамъ откуда бы то ни было и какимъ бы способомъ то ни было“. И до конца жизни не оставляли Иннокентія III какъ увѣжденіе въ необходимости помочь христіанамъ Сиріи, такъ и надежда на успѣшность этой помощи, о чемъ между прочимъ свидѣлствуетъ краснорѣчивое окружное посланіе папы ко „всѣмъ вѣрующимъ, разосланное по епархіямъ Германіи, Итали, Англіи, Франціи, Помпеи, Венгріи, и пр. европейскихъ странъ. Одно изъ послѣднихъ до насъ сохранившихся посланій Иннокентія начинается словами: „Въ силу того, что намъ настала большая чѣмъ когда-либо необходимость оказать помощь нуждамъ св. Земли, и въ силу того, что нынѣ является большая чѣмъ когда-либо надежда на то, что эта помощь принесетъ пользу, мы, снова возвысивши голосъ, взываемъ къ вамъ и взываемъ ради Того, Кто, умирая на крестѣ, звалъ насъ къ себѣ“, и т. д.

Въ виду такихъ искреннихъ порывовъ религіознаго чувства едва ли справедливо упрекать Иннокентія за то, что онъ поддерживалъ своимъ авторитетомъ и рвеніемъ погасавшій пылъ крестовосцевъ; требовать отъ него, чтобы онъ скорѣе другихъ разочаровался въ своевременности крестовыхъ походовъ было бы такимъ же страннымъ и несправедливымъ анахронизмомъ, какъ если бы кто-нибудь поставилъ ему въ обязанность скептическое отношеніе къ идеѣ христіанской теократіи, изъ которой логически вытекала идея крестовыхъ походовъ. Однако эта идея крестоваго похода для славы „божескаго царства“, которая имѣла въ Иннокентіѣ одного изъ своихъ самыхъ видныхъ представителей, была для него источникомъ другого, болѣе тяжкаго заблужденія, омрачающаго память этого замѣчательнаго человѣка; она руководила имъ въ его ожесточенной борьбѣ противъ внутреннихъ враговъ церкви, и особенно въ совершившемся подъ его руководствомъ безпощадномъ истребленіи альбигойцевъ въ Лангедокѣ. Мы не станемъ останавливаться на этой потрясающей драмѣ среднихъ вѣковъ, на этомъ вопиющемъ преступленіи въ исторіи человѣчества и ограничимся

только указаніями на роль, которую игралъ Иннокентій въ этомъ дѣлѣ. Ученіе о ничѣмъ неискупаемой грѣхovitости всякой ереси и о необходимости неумолимаго преслѣдованія всѣхъ ея приверженцевъ и доброжелателей сложилось задолго до Иннокентія и не можетъ быть ему лично поставлено въ вину. Оно было слишкомъ тѣсно связано со всѣми лучшими сторонами и со всѣми недостатками тогдашней культуры и духовной жизни человѣка: съ одной стороны, съ непреклонной вѣрой въ абсолютный характеръ истины, дарованной свыше человѣку, съ другой—съ нѣсколько материалистическимъ характеромъ нѣкоторыхъ религіозныхъ представлений. Что значили, на примѣръ, всѣ мученія, которымъ можно было подвергать еретиковъ на землѣ, въ сравненіи съ вѣчностью адскихъ мученій, съ неугасаемымъ огнемъ геенны, изображенной на стѣнѣ почти каждой средневѣковой церкви? Нельзя также не указать на то, что суровости общаго взгляда на еретиковъ въ извѣстной степени содѣйствовало и самое аскетическое міровоззрѣніе. Недаромъ тотъ самый великій учитель, который проводилъ съ такою пылкостью воображенія идею отреченія отъ міра во имя „божескаго царства“, въ то же время положилъ и догматическое начало безпощадному осужденію еретиковъ. Признавая еретиковъ вредными членами общества, на подобіе воровъ и душегубцевъ, уже Августинъ возлагалъ на свѣтскія власти обязанность ихъ преслѣдовать. Точно также и у Иннокентія можно прослѣдить характерную связь между презрѣніемъ къ міру и безусловнымъ приговоромъ надъ еретиками. Въ особенности интересно въ данномъ случаѣ письмо, которымъ открывается его переписка за второй годъ его правленія; это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній годъ истекшаго XII-го вѣка: „порча склоняющагося къ драхлости вѣка обнаруживается не только извращеніемъ стихій, но и паденіемъ достойнѣйшей изъ тварей, созданной по образу и подобію Творца. Съ ущербомъ вѣка она не только умалается въ своемъ достоинствѣ, но и заражается, и сама заражаетъ другихъ гнилью и тлѣніемъ ветхости. Грѣшныи теперь на послѣдокъ жалкій человѣкъ и тотъ, кто не сумѣлъ устоять въ раю при своемъ появленіи на свѣтъ и при сотвореніи міра, теперь къ исходу своего вѣка и при разложеніи міра вырождается и забываетъ о цѣнѣ своего искупленія; вдаваясь въ лабиринтъ разнообразныхъ и суетныхъ вопросовъ, онъ самъ себя запутываетъ въ сѣтяхъ обмана и впадаетъ въ западню, для него устроенную“.

Эта торжественная риторическая элегія служитъ вступленіемъ къ одному изъ самыхъ мрачныхъ документовъ среднихъ вѣковъ, заключающему въ себѣ, такъ сказать, полную формулу осужденія

и деклараціи безправія еретиковъ. Иннокентій старается цѣлымъ рядомъ уподобленій мотивировать свой жестокій приговоръ надъ еретиками. Онъ сравниваетъ ихъ съ кабатчиками, примѣшивающими воду къ вину, и обвиняетъ въ томъ, что они подносятъ змѣинный ядъ въ золотомъ сосудѣ Вавилона; они въ его глазахъ лисицы, вторгающіяся въ Божій вертоградъ; ракъ, тайкомъ расползающійся и заражающій гноемъ тѣло; они слѣпцы, ведущіе слѣпыхъ, тьма, поучающая ночь, учителя заблужденія, не бывшіе учениками правды. Установивъ, какія обязанности на него возлагаетъ его положеніе верховнаго пастыря, Иннокентій изрекаетъ рядъ каръ, которыя должны пасть на еретиковъ и на ихъ доброжелателей (письмо адресовано къ епископу, консуламъ и народу города Витербо въ папской области). Еретики лишаются общественныхъ и гражданскихъ правъ, не подлежатъ избранію и не могутъ быть свидѣтелями. Никто не обязанъ быть отвѣтчикомъ предъ ними на судѣ. Если кто-либо изъ нихъ состоитъ судьей или нотаріусомъ, то приговоры ихъ или скрѣпленные ими документы не должны имѣть юридической силы. Тамъ, гдѣ свѣтская власть принадлежитъ папѣ, имущество ихъ подлежитъ публичной продажѣ; въ прочихъ областяхъ то же самое вмѣняется въ обязанность свѣтскимъ властямъ и князьямъ; въ случаѣ же раскаянія, имущества могутъ быть возвращены еретикамъ не иначе, какъ если кто-либо надъ ними сжадется и отдастъ имъ добро ихъ изъ милости для того, чтобы тѣхъ, кого не исправляетъ духовная кара, поразила кара мірская; „ибо если виновные въ оскорбленіи величества наказываются смертію и конфискаціей имущества, а дѣти ихъ сохраняютъ лишь жизнь, и то только изъ милости, то тѣмъ паче подлежатъ карѣ тѣ, кто заблуждается въ вѣрѣ, наноситъ оскорбленіе сыну Божію, Іисусу Христу“. Этотъ-то аргументъ приходился особенно по плечу средневѣковому воззрѣнію на право, а именно, что кара должна соразмѣряться съ значеніемъ лица, которому нанесена обида, и потому и имѣлъ такое роковое послѣдствіе для еретиковъ.

Такой же результатъ имѣло и другое умозаключеніе, которое мы находимъ еще у Августина, что вредъ, причиняемый еретиками, несоразмѣримо выше всякаго другого преступленія, ибо, какъ говоритъ Иннокентій въ одномъ изъ своихъ первыхъ посланій по этому дѣлу, „еретики помышляютъ отнять у насъ не временное достояніе, но духовную нашу жизнь, и потому мы ни въ чемъ другомъ не намѣрены примѣнять въ такой силѣ строгость судьи, какъ въ искорененіи еретиковъ“.

Это уничтоженіе еретиковъ молодой энергическій папа и сдѣ-

лалъ первой заботой своего новаго царствованія. Ихъ особенно много развилось въ южной Франціи, гдѣ имъ открыто покровительствоваши свѣтскія власти, такъ какъ они своимъ благочестивымъ образомъ жизни и трудолюбіемъ чрезвычайно содѣйствовали высокому процвѣтанію тамошнихъ городовъ и областей. Чтобы побороть это зло, Иннокентій отправилъ на югъ Франціи двухъ легатовъ съ обширными полномочіями. Но ни проповѣдь ихъ, ни крутыя мѣры не достигали цѣли; раздраженіе росло съ обѣихъ сторонъ, и властолюбивый и жестокій легатъ папы, Петръ изъ Кастельно, палъ отъ неизвѣстной руки. Въ подстрекательствѣ къ этому убійству папскіе клеветы стали обвинять, безъ всякаго основанія, самаго могущественнаго изъ южно-французскихъ князей, графа Раймунда Тулузскаго, и тогда Иннокентій рѣшился на радикальную мѣру, которая и сама по себѣ, и по способу ея исполненія представляетъ самую темную страницу въ исторіи его жизни. Онъ приказалъ своимъ легатамъ проповѣдовать въ сѣверной и центральной Франціи *крестовый походъ* противъ лангедокскихъ еретиковъ, и такимъ образомъ унижилъ святую для того времени идею освобожденія гроба Господня отъ невѣрныхъ, обративъ ее въ братоубійственное орудіе противъ христіанъ. Правда, въ глазахъ многихъ христіанъ еретики всегда были хуже самихъ басурманъ, и Иннокентій самъ раздѣлялъ этотъ взглядъ, или по крайней мѣрѣ высказывалъ его, какъ напр. въ томъ письмѣ къ французскому королю (XI, 28), которое звучитъ горькою ироніей, такъ какъ папа увѣщаетъ въ немъ короля, на подобіе мудрѣйшаго царя Соломона, прозваннаго миротворцемъ, умиротворить эту страну во имя того, кто есть Господь мира и любви, in eo qui est Deus pacis et dilectionis. Но еще хуже то, что въ этихъ воззваніяхъ нельзя не видѣть *лицемрія*, потому что папа не могъ не знать, какія дурныя страсти онъ разнуздывалъ, напуская на мирный и цвѣтущій край, гдѣ еретики жили въ перемежку съ католиками, тысячи дикихъ хищниковъ; подъ знаменами Симона Монфорскаго они шли въ благословенный югъ, чтобъ поживиться грабежомъ и добыть себѣ земель. Съ какимъ чувствомъ—невольно спрашиваетъ себя историкъ—читалъ папа Иннокентій донесеніе своего легата, напр. письмо его о взятіи крестоносцами города Безіе: „Въ день св. Магдалины рано поутру приступлено было къ осадѣ города, и показались переговоры съ баронами объ освобожденіи тѣхъ, которые въ самомъ городѣ считались католиками, вольница и плохо вооруженная сволочь, не дожидаясь приказанія вождей, совершили натискъ на городъ и, къ удивленію нашихъ, съ крикомъ: „въ

бой, въ бой!“, въ теченіе двухъ или трехъ часовъ времени перебравшись черезъ рвы и стѣны, взяли городъ, а затѣмъ наши, не щадя ни званія, ни пола, ни возраста, около 20.000 людей поразили остріемъ меча, и по учиненіи этой великой рѣзни среди враговъ, весь городъ былъ разграбленъ и сожженъ, такъ что на немъ дивнымъ образомъ проявилась божественная кара“.

Папскій легатъ, аббатъ цистерціенскаго ордена, здѣсь какъ бы сваливаетъ вину за избіеніе католиковъ вмѣстѣ съ еретиками на подлый народъ, дѣйствовавшій безъ его приказанія. По другому извѣстію,—правда, не современному, но вполне согласному съ характеромъ этого религіознаго террориста,—онъ самъ несъ главную отвѣтственность за это дѣло; на вопросъ крестоносцевъ: „что намъ дѣлать, господинъ? мы не можемъ отличить праведныхъ отъ нечестивыхъ“, т.-е. католиковъ отъ альбигойцевъ, онъ отвѣтилъ: „бейте всѣхъ, Господь уже признаетъ своихъ“. Лицемеріе слышится не только въ страстныхъ воззваніяхъ Иннокентія къ крестоносцамъ; явно и сознательно проявляется оно въ его политикѣ по отношенію къ альбигойцамъ и покровительствовавшему имъ графу Тулузскому. Когда Раймундъ предъ наступившей грозой сталъ искать примиренія съ папой, Иннокентій ссылаясь на слова апостола Павла: „будучи хитеръ, лукавствомъ бралъ съ васъ“ (II Кор. 12, 16), и далъ своимъ легатамъ совѣтъ: „захватить по одиночкѣ отдѣлившихся отъ церкви“ и ради этой цѣли начать войну не съ Раймунда, но, опутавъ его искусствомъ мудраго лицемерія (*dissimulationis*), приступить сначала къ истребленію другихъ еретиковъ для того, чтобы не подвергнуться съ ихъ стороны общему нападенію и тѣмъ легче потомъ сокрушить этихъ слугителей антихриста“.

Такъ и было поступлено. Справившись съ союзниками Раймунда Тулузскаго, крестоносцы обратились противъ него самого; онъ былъ отлученъ отъ церкви, его графство занято и отдано Симону Монфорскому. Иннокентію самому пришлось вступить за Раймунда и настаивать, чтобы за нимъ оставили его земли, такъ какъ онъ не былъ осужденъ за ересь и не былъ уличенъ въ убійствѣ легата; но Иннокентій былъ уже безсиленъ остановить разнузданныя имъ страсти: соборъ въ Монпельѣ утвердилъ графство Тулузское за графомъ Монфортскимъ, а Раймунда, какъ

¹⁾ Ribaldi et alii viles et inermes personae. Migne, vol. 216, col. 189.—Ribaldi—„enfants perdus“, баша-бузукі среднихъ вѣковъ, составляли передовую и востроевую часть отряда, исполняли въ лагерѣ черную работу, предавались грабежу и набиралъ изъ такого люда, что это названіе сдѣлалось бранимымъ словомъ.

покровителя еретиковъ, призналъ недостойнымъ владѣть отцовскимъ наслѣдіемъ.

Этотъ принципъ взялъ верхъ и на Латеранскомъ соборѣ, который, подѣ председательствомъ Иннокентія, своимъ постановленіемъ освятилъ новое право, въ силу котораго всѣ государи, не очистившіе своихъ владѣній отъ еретиковъ, лишались своихъ владѣтельныхъ правъ, а земли ихъ должны были сдѣлаться собственностью правовѣрныхъ католиковъ.

Трудно опредѣлить, какая доля отвѣтственности за все это падаетъ на самого Иннокентія. Лично онъ не былъ ни жестокъ, ни фанатиченъ; онъ не былъ ослѣпленъ своею цѣлью и понималъ негодность употребленныхъ имъ въ дѣло орудій. Этотъ тонкій знатокъ человѣческаго сердца, сѣмѣвшій такъ вѣрно изобразить разные типы человѣческой порочности, легко распознавалъ порочные типы среди своихъ помощниковъ и исполнителей, не разъ открыто говорилъ имъ правду и порицалъ ихъ корыстолюбіе: „ты, братъ архіепископъ,—писалъ онъ своему легату Арнольду, присвоившему себѣ нарбоннское архіепископство съ его богатыми доходами,—ты, братъ архіепископъ и благородный мужъ Симонъ Монфорскій, вводя крестоносцевъ во владѣніе графа Тулузскаго, вы заняли не только мѣста, въ которыхъ жили еретики, но и протянули жадныя руки на такія земли, которыя нисколько не были запятнаны безчестіемъ ереси“. Къ Иннокентію, однако, можно примѣнить слова провансальскаго поэта объ одномъ изъ сподвижниковъ этой кровавой драмы, о Фулькетѣ, епископѣ тулузскомъ, о которомъ трубадуръ говоритъ, что онъ „по всей землѣ такой зажегъ огонь, что никакой водой его не потушить“. Тщетны были всѣ усилія папы послѣ побѣды крестоносцевъ настоять на справедливости и умѣренности по отношенію къ побѣжденнымъ сеньорамъ, лишеннымъ власти и земли. Благородство усилій, которыя въ этомъ дѣлѣ проявилъ Иннокентій III, засвидѣтельствовано несомнѣнно вѣрнымъ авторитетомъ—признаніемъ противниковъ. Описывая образъ дѣйствія Иннокентія на Латеранскомъ соборѣ, одинъ изъ провансальскихъ патріотовъ окружилъ его такимъ поэтическимъ ореоломъ, который дѣлаетъ папѣ больше чести и составляетъ лучшее украшеніе его памяти, чѣмъ восхваленія официальной католической историографіи. Эпическая поэма на провансальскомъ языкѣ ¹⁾ описывается съ точки зрѣнія провансальцевъ-католиковъ „крестовый

¹⁾ Aïzo es la Cansos de la crozada etc.; издано Фориелемъ съ франц. переводомъ и съ литературно-критическимъ введеніемъ въ Collection de Documents inédits. P. 1837.

походъ противъ альбигойцевъ, разорившій весь край“, и изображаетъ въ яркихъ краскахъ и съ драматическою живостью лица и событія на Латеранскомъ соборѣ, куда отправились искать защиты южно-французскіе сеньоры—графъ де-Фуа и Раймундъ Тулузскій съ своимъ молодымъ сыномъ Раймундомъ, *se bel et bon enfant*, гордостью и надеждой провансальцевъ. Но тамъ „ни къ чему не служатъ графамъ ни право, ни вѣра, ни смыслъ,—одинъ только папа (*l'apostolis*, какъ его характерно обозначаетъ провансальскій языкъ) исполненъ мудрости и разумнія“. Ему известна неправда церкви и духовенства, противниковъ графовъ, и его сердце такъ полно состраданія къ нимъ и скорби, что онъ „вздыхаетъ и проливаетъ слезы обоими глазами“. Папа съ участіемъ взираетъ на благороднаго и невиннаго юношу и передъ всѣмъ соборомъ доказываетъ „документами и благородными рѣчами“, что нѣтъ основанія признавать графа Тулузскаго еретикомъ и лишать его земли. Затѣмъ всталъ вассаль графа Тулузскаго, графъ де-Фуа, и въ страстныхъ, краснорѣчивыхъ словахъ отстаивалъ права своего сеньора и свои собственныя, клеймя позоромъ образъ дѣйствія крестоносцевъ и въ особенности присутствовавшего тамъ Фулькета и захватившаго епископскій престолъ Тулузы:

*Mas daquels raubadors, fals trachors fe mentitz
Que partavan las crotz per quieu fos destrusut ¹⁾.*

Фулькетъ надменно возражалъ, но другіе изъ присутствующихъ на соборѣ прелатовъ подтвердили слова графа де-Фуа, что провансальскіе сеньоры добровольно сдали свои крѣпкіе замки легатамъ папы, чтобы доказать свою преданность церкви, полагаясь на обѣщаніе легатовъ, что папа возвратитъ имъ земли, какъ скоро ересь будетъ побѣждена. Выслушавъ пренія, папа обѣщалъ графу де-Фуа воздать ему справедливость, и если онъ заслужитъ того, то возвратитъ ему вотчину и снять съ него церковную кару, ибо „самый злоумышленный и погибшій грѣшникъ долженъ быть принятъ церковью“, если его раскаяніе искренно. Обращаясь же къ другимъ, папа въ знаменательныхъ словахъ объявилъ имъ свою волю, чтобы, просвѣтившись, всѣ ученики его „съ огнемъ разносили и воду, съ ученіемъ и прощеніемъ, кроткое покаяніе и доброе смиреніе, чтобы несли они съ собою съ мечемъ и крестъ, творя праведный судъ, чтобы соблюдали на землѣ

¹⁾ Эти разбойники, лже-мѣтѣнники, вѣтвоступники, что несли крестъ, коимъ имъ были сокрушены.

миръ и цѣломудріе, чтобы имѣли въ себѣ правду и истинную любовь и ничего не творили такого, что Богомъ воспрещено". А кто, заключилъ папа, „станеть исполнять меньше, а требовать больше, тотъ будетъ дѣйствовать не по моему слову и не по моей волѣ“.

На этомъ папа прервалъ засѣданіе и вышелъ въ садъ, чтобы отдохнуть и разсѣять свою скорбь. Но туда за нимъ послѣдовали и прелаты; узнавъ, что онъ хочетъ подѣлить земли между побѣдителемъ и побѣжденнымъ, Симономъ Монфорскимъ и Раймундомъ Тулузскимъ, они приступили къ нему съ рѣзкими упреками за то, что онъ намѣренъ обездолить вѣрнаго сына церкви, Симона Монфорскаго, и потворствуетъ лже-католикамъ. „Никогда не бывало“, говорили они папѣ, „такого дикаго софизма, такого суроваго приговора, такого нарушенія здраваго смысла“ (*sobre sens*). „Триста кардиналовъ, епископовъ и архіепископовъ“ возопили противъ папы: „Господинъ, ты насъ выдаешь“. Иннокентій долго противился, отрекаясь отъ „жесткихъ намѣреній и сокрушительной проповѣди своихъ приверженцевъ; онъ высказалъ имъ въ глаза, „что высокомеріе и злоба водворились среди насъ—мы должны были бы управлять всѣмъ по доброду праву, а мы приедемъ нечестивыхъ и губимъ добрыхъ“. Однако онъ былъ принужденъ уступить и оставить за Монфоромъ земли, „которыя онъ былъ не въ состояніи у него отнять“. Но отпуская отъ себя графовъ, папа утѣшалъ ихъ и обнадеживалъ лучшимъ будущимъ. „Графъ,—сказалъ онъ Раймунду,—не смущайся; я знаю, я хорошо понимаю, какъ мнѣ быть; если ты дашь мнѣ срокъ, чтобы поразмыслить и разсудить, я восстановлю твое право и исправлю свою вину; если я отнял у тебя вотчину, Господь можетъ дать тебѣ другую; если у тебя большое горе, Господь можетъ его облегчить; если ты что утратилъ, Господь можетъ тебѣ возвратить; если ты градишь во мракѣ, Господь можетъ тебя просвѣтить; Господь властенъ и дать, и отнять, ни въ какомъ дѣлѣ не сомнѣвайся въ Немъ, и если мнѣ Богъ дастъ жизнь, чтобы правда могла царить на землѣ, я такъ поддержу и возвышу твое право, что ни въ чемъ тебѣ нельзя будетъ винить ни Господа, ни меня; о тѣхъ же негодяхъ, что меня хотятъ корить, я скажу тебѣ, что не замедлитъ наступить пора, когда ты увидишь, какъ я имъ отомщу. Сына же твоего мнѣ оставь, чтобы мнѣ о немъ poradѣть; не мало у меня способовъ доставить ему вотчину“.

Такъ изображаетъ поэтическая лѣтопись образъ дѣйствія Иннокентія на Латеранскомъ соборѣ по отношенію къ сеньорамъ,

сокрушеннымъ церковью за укоренившуюся въ нихъ землѣ ересь. Строго историческаго значенія это свидѣтельство, конечно, не имѣетъ. Авторъ лѣтописи не былъ очевидцемъ того, что онъ описываетъ, и даже не имѣетъ вѣрнаго представленія о формахъ и объ устройствѣ собора. Въ его поэмѣ, напр., папа обращается къ прелатамъ собора съ названіемъ „бароны“, т.-е. говоритъ съ ними какъ съ вассалами, угадываетъ будущее посредствомъ сортилеги, т.-е. наугадъ раскрывая книгу, узнаетъ судьбу, предстоящую графу Тулузскому, ссылается на пророчество Мерлина и предсказываетъ, что „грѣшникъ“ (Симонъ Монфорскій) будетъ убитъ камнемъ. Но такъ какъ южно-французскіе сеньоры присутствовали на соборѣ, то преданный ихъ дѣлу трубадуръ могъ непосредственно отъ нихъ или приближенныхъ къ нимъ лицъ въ общемъ получить вѣрныя свѣденія о намѣреніяхъ и настроеніи Иннокентія. А что оно было благопріятно для „ограбленныхъ“ сеньоровъ, что Иннокентій не одобрялъ неистовствъ и захватовъ „крестоносцевъ“ и не желалъ давать имъ въ обиду „вѣрныхъ“—это вполне согласно и съ другими, болѣе достовѣрными свѣденіями и историческими документами.

Но въ другомъ еще отношеніи провансальская поэма можетъ косвенно служить источникомъ для исторіи Иннокентія и папской теократіи; въ описаніи Латеранскаго собора ярко изображены слабая и сильная стороны того дѣла, во главѣ котораго стояли папы. Слабая сторона заключалась въ томъ, что католическая церковь, становясь „божескимъ царствомъ“ на землѣ и распространяя свое владычество, была принуждена пользоваться недостойными орудіями, призывать на помощь матеріальные интересы и входить въ союзъ съ такими дикими силами и страстями, что даже такой могучій характеръ, какъ Иннокентій III, былъ не въ состояніи обуздать ихъ. Беспомощность Иннокентія III на Латеранскомъ соборѣ, передъ толпой напиравшихъ на него прелатовъ, передъ силой іерархін, его безсиліе возстановить нарушенную правду, его полная негодованія и грусти мольба, чтобы Господь далъ ему дожить до наступленія царства правды,—все это знаменательные моменты въ исторіи папства; сквозь это безсиліе лица просвѣчивается великая сила идеи, которую тогда олицетворяло папство. Сколько ни проливалось крови подъ знаменемъ креста—люди не теряли въ него вѣры; сколько ни творилось неправды отъ имени церкви—люди продолжали видѣть въ ней „царство правды“ и уповали на главу церкви, на папу, какъ на „апостола“ этой правды. Прекрасныя слова, которыя провансальскій трубадуръ влагаетъ въ уста Иннокентію, показываютъ, какой

проповѣди, *какихъ* словъ и дѣйствій ожидали отъ „апостолиса“ и его учениковъ для того, чтобы наступило царство правды.

Но что же самъ Иннокентій дѣлалъ для того, чтобы „правда царила на землѣ“ (que posca dreit reichar)? Если въ вопросѣ альбигойскомъ средства не достигли цѣли и скоро наступившая смерть не позволила Иннокентію исправить неправду крестоносцевъ, то въ жизни этого папы можно по крайней мѣрѣ отмѣтить одно дѣло, въ которомъ онъ вполне проявилъ и осуществилъ идеалъ церковной „правды“. Отъ кроваваго эпизода альбигойской войны историкъ съ удовольствіемъ обращается къ этому дѣлу, которое также тянется черезъ всю исторію Иннокентія III, въ которомъ онъ также непреклонно отстаивалъ авторитетъ церкви и также являлся, но съ большимъ успѣхомъ, не политикомъ только, а человекомъ и рыцарскимъ защитникомъ несчастной жертвы.

Образъ дѣйствія Иннокентія въ этомъ случаѣ служить ему тѣмъ болѣе къ чести, что онъ имѣлъ здѣсь дѣло съ опаснымъ противникомъ, котораго нужно было шадить по многимъ соображеніямъ. Дѣла, подобныя тому, съ которыми мы теперь познакомимся, уже не разъ повторялись въ исторіи. Защита папами святости брака, ихъ заступничество за оскорбленныхъ женъ, сдѣлавшихся жертвой грубаго произвола мужей, ихъ борьба съ государями, ставившими свою страсть выше общаго закона, наполняютъ самыя симпатическія страницы изъ исторіи палства. Иннокентій III хорошо зналъ, какую обязанность возлагала на него традиція его предшественниковъ.

Французскій король Филиппъ-Августъ женился (въ 1193 г.) на датской принцессѣ Ингебургѣ, но тотчасъ послѣ брака не влюбилъ ее въ такой степени, что сталъ добиваться развода. Такъ какъ онъ находился въ нѣкоторомъ свойствѣ съ женою, то французскіе епископы исполнили желаніе короля и расторгли бракъ. Король женился на другой принцессѣ, Агнесѣ, изъ Меранскаго дома, хотя она состояла съ нимъ уже въ прямомъ родствѣ. Ингебурга была удалена отъ двора и напрасны были ея слезныя жалобы и мольбы къ папѣ Целестину. Занявъ папскій престолъ, Иннокентій немедленно взялся за это дѣло. Онъ былъ глубоко возмущенъ постановленіемъ французскаго духовенства, называя его не рѣшеніемъ о разводѣ, а шутовскимъ фарсомъ. Среди переписки Иннокентія за первый же годъ мы находимъ письмо къ королю Филиппу, умѣренное, осторожное, но твер-

дое; оно хорошо знакомитъ насъ съ авторомъ и его взглядами на поднятое имъ дѣло. Съ большою скромностью говорить новый папа о своемъ личномъ возвышеніи, но тутъ же даетъ почувствовать, какъ онъ понимаетъ дарованное ему Богомъ достоинство: „не въ томъ только оно заключается, чтобы судить въ совѣтъ царей, но и въ томъ, чтобы судить самихъ царей“. Затѣмъ папа говоритъ съ большою сердечностью о своемъ расположеніи къ королю и къ Франціи; онъ вспоминаетъ, что провель въ ней юность ради своего образованія и въ ней почерпнулъ свои знанія въ божественной наукѣ; онъ вспоминаетъ, что французскіе короли всегда были самымъ твердымъ оплотомъ римской куріи, что нивакія бури и невзгоды не могли заставить ихъ покинуть чолнъ св. Петра. Но чѣмъ сильнѣе благорасположеніе папы къ королю, тѣмъ искреннѣе его забота о немъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ „чувство не должно побѣдить разсудокъ“. Разобравъ затѣмъ несостоятельность поводовъ къ разводу и незаконность новаго брака съ болѣе близкой родственницей, Иннокентій умоляетъ Филиппа, чтобы онъ, помня о своемъ положеніи, самъ исправилъ дѣло, „которое вноситъ соблазнъ въ церковь, намъ служить къ поношенію, тебѣ же въ ущербъ спасенію и къ разоренію всего царства“, и „не заражая другихъ подобнымъ примѣромъ, взятую имъ въ жены сверхъ брака удалилъ бы изъ предѣловъ Франціи, а ту возвратилъ на царство и почтилъ именемъ царицы, которую безразсудно отвергнулъ“. Увѣщанія папы оканчиваются сильнымъ и грознымъ аккордомъ: „вдохновляемые Господомъ, мы обладаемъ невозмутимостью духа и непреклонностью воли, и ни за мольбы, ни за деньги, ни изъ любви, ни изъ ненависти, мы не уклонимся отъ порога правды, но, глядя царскою дорогою, не отклоняясь ни вправо, ни влѣво, нелицепріятіемъ сотворимъ судъ надъ тобою, какъ нелицепріятенъ Господь“ (I, 171). Филиппъ-Августъ не уступилъ угрозамъ, и тогда Иннокентій прибѣгнулъ къ самому страшному оружію средневѣковой церкви. Онъ наложилъ интердиктъ на Францію, т. е. воспретилъ во всей этой странѣ богослуженіе и исполненіе требъ. Эта крутая мѣра вызвала много нареканій противъ Иннокентія у современниковъ и потомковъ; но чтобы правильно судить о ней, нужно помнить, что при тогдашнихъ представленіяхъ о нравственной солидарности людей карать страну за грѣхъ государя не представлялось несправедливостью, что затѣмъ нарушеніе церковнаго таинства было не только личнымъ дѣломъ короля, но также его духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ, и, наконецъ, что тяжесть церковной кары уравни-

вѣшивалась общей опасностью для церкви въ виду открытаго и упорнаго неповиновенія короля ея законамъ.

Разсчетъ Иннокентія былъ вѣренъ: то, чего не могъ достигнуть дѣйствовавшій издали авторитетъ папы, совершилось подъ непосредственнымъ давленіемъ окружавшей Филиппа-Августа среды. Жертва, которой страна потребовала отъ своего короля, была не легка; его вторая жена была уже матерью. Судьба Агнесы вызывала даже у постороннихъ глубокую жалость къ ней: лѣтописецъ, уподобляя ее „вдовѣ Гектора“, говоритъ, что она была бы въ состояніи разжалобить весь греческій станъ подѣ Троей. Но бароны и королевскіе вассалы, составлявшіе парижскій парламентъ, не были тронуты слезами и ѡбщественной судьбой Агнесы; они, столько разъ поддерживавшіе короля въ его расприхъ съ церковью, въ этомъ дѣлѣ авторитетъ церкви ставили выше своей вассальной присяги, и король былъ принужденъ уступить, чтобы изъавить свое королевство отъ интердикта. Сохранилось донесеніе папскаго легата, епископа остійскаго, къ Инновентію, отъ 1200 года, въ которомъ легатъ описываетъ, какъ онъ прибылъ во Францію, съ какимъ почетомъ былъ принятъ духовенствомъ и самимъ королемъ и какъ ему удалось настоять на удаленіи Агнесы и — къ изумленію всѣхъ — на торжественномъ свиданіи короля, при всемъ народѣ, съ своей законною женою, о которой прежде никто не смѣлъ ему и говорить со времени ихъ развода. Послѣ этого легатъ снялъ интердиктъ, и, какъ онъ пишетъ, вся Франція благословляла папу за его справедливость и милосердіе.

Сохранилось также и отвѣтное посланіе папы. Нисколько не увлекаясь оптимизмомъ своего легата, Инновентій настаиваетъ на доведеніи дѣла до конца. Агнеса удалена изъ королевскихъ домовъ, но не изъ предѣловъ Франціи, какъ этого требовалъ папа, и хотя Инновентій мирится съ этимъ, въ виду болѣзненнаго положенія, въ которомъ тогда находилась Агнеса, однако онъ предостерегаетъ легата, чтобы отсюда не вышло тяжкаго для римской церкви подозрѣнія и въ народѣ не подумали, что король съ разрѣшенія папы имѣетъ, такъ сказать, двухъ женъ, тѣмъ болѣе, что незаконная проживаетъ отъ него въ болѣе близкомъ разстояніи, чѣмъ жила законная во время ея изгнанія. Въ виду предстоявшаго предъ легатомъ разбирательства всего дѣла Инновентій вмѣняетъ ему въ обязанность не допускать никакихъ недомолвокъ и упущеній для того, чтобы потомъ король не имѣлъ повода къ нареканіямъ на небрежность легата или хитрость со стороны папы, „тогда какъ мы желали, — пишетъ Инновентій, —

чтобы все было ведено искренно и правдиво. Самымъ рѣшительнымъ образомъ требуетъ Иннокентій, чтобы легать „всевозможными мѣрами, настояніями, доводами и угрозами достигъ того, чтобы король не только принялъ, но и держалъ при себѣ съ царскимъ почетомъ и супружеской любовью ту, честнѣе и благороднѣе которой онъ, никого бы не могъ найти, и которую всѣ почитаютъ не только какъ праведницу, но и какъ святую“. „Конечно,—прибавляетъ папа,—ничто не могло бы въ настоящее время настолько послужить къ нашей чести и къ твоей славѣ, какъ еслибы нашимъ авторитетомъ и твоимъ радѣніемъ хорошее начало этого дѣла было доведено до лучшаго конца“.

Но за этимъ слѣдуетъ вторая половина письма, иного содержанія. Папа получилъ передъ отправленіемъ своего посланія письмо отъ королевы, которое столько же его огорчило, сколько письмо легата доставило удовольствія. Ингебурга пишетъ, что она не на престолъ возведена, а скорѣе въ темницу заключена. Къ ней приставлена стража, ея приближенныхъ къ ней не пускаютъ и даже ея датскіе капеланы должны при свидѣтеляхъ говорить съ нею по-французски. Еще болѣе папа былъ возмущенъ извѣстіями объ уступкахъ легата; хотя епископъ труаскій настаивалъ, чтобы король безъ оговорокъ призналъ Ингебургу супругой, легать — чему Иннокентій не хочетъ и вѣрить—согласился съ требованіемъ Филиппа-Августа, что признаніе Ингебурги королевой и супругой должно имѣть лишь временную силу въ продолженіе семи мѣсяцевъ, такъ какъ въ теченіе этого срока предполагалось окончить разбирательство дѣла въ присутствіи довѣренныхъ лицъ датскаго короля и лундскаго архіепископа.

Въ виду этого Иннокентій заявлялъ легату, что онъ требовалъ дѣйствительнаго, а не мнимаго возстановленія Ингебурги въ ея санъ и правахъ, и что Филиппъ-Августъ не его, а самого себя обманетъ, если будетъ обращаться съ нею не по-царски. „Ибо мы, стоя за правду и справедливость, хотя бы до пролитія крови, если бы это понадобилось, не потерпимъ, дастъ Богъ, въ этомъ дѣлѣ, чтобы что-нибудь было сдѣлано въ обманъ или въ шутку. Ты, полагаемъ мы, помнишь, какъ мы говорили тебѣ устно, что это дѣло или послужить къ великому возвышенію апостольскаго престола, если съ усердіемъ будетъ исполнено, или будетъ обильнымъ источникомъ великой для него смуты, если окажется веденнымъ небрежно. Позорно было бы, если бы за сильнымъ началомъ слѣдовалъ слабый конецъ и къ намъ могли бы отнести слова поэта, что отъ горы къ смѣху родилась мышь“.

Въ силу этого Иннокентій вызываетъ къ совѣсти легата и по-

велѣваетъ ему отдавать болѣе чести „Богу, чѣмъ человѣку,—папѣ, чѣмъ королю,—всей церкви, чѣмъ одному лицу, и больше заботиться о своемъ спасеніи, чѣмъ о королевской волѣ“.

Эти слова подали поводъ утверждать, что Иннокентій имѣлъ болѣе въ виду успѣхъ и торжество папства, чѣмъ святость дѣла, имъ защищаемаго; „что онъ въ такомъ трагическомъ дѣлѣ опасался только одного—быть поднятымъ на смѣхъ“¹⁾).

Но о святости дѣла, имъ защищаемаго, Иннокентій уже не разъ высказывался. Наставляя въ своемъ письмѣ къ парижскому епископу на томъ, что бракъ—не человѣческое изобрѣтеніе, а божественное учрежденіе, Иннокентій требовалъ, чтобы король вернулся къ покинутой женѣ ради спасенія души своей. Кромѣ того, Иннокентій не могъ упускать изъ вида и общую, общественную сторону этого дѣла. „Не спасеніе одного только человѣка,—читаемъ мы въ его посланіи,—подвержено опасности, а спасеніе всѣхъ вѣрующихъ. Если французскому королю будетъ дозволено отторгнуть отъ себя жену, то всѣ князья, всѣ частныя лица послѣдуютъ его примѣру, и узны, освященные церковью, превратятся въ конкубинатъ“. Правда, побѣда папы надъ королемъ была вмѣстѣ съ тѣмъ торжествомъ Рима надъ свѣтскою властью, и Иннокентій былъ слишкомъ проникнутъ идеей папской власти, чтобы этого не видѣть и потому не добиваться всѣми силами такого торжества, но нельзя при этомъ не признать, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ проявилъ не менѣе ясное пониманіе нравственнаго призванія церкви.

Торжество Иннокентія далось ему не легко; еще многіе годы пришлось ему бороться съ королемъ, увѣщевать его и вступаться за Ингебургу, которую Филиппъ-Августъ держалъ въ тяжкомъ заключеніи. Наконецъ, послѣ 20-лѣтней мучительной драмы неожиданно наступила благопріятная развязка. Филиппъ-Августъ, можетъ быть, и изъ политическихъ соображеній, но повидимому искренно, примирился съ своей покинутой женой, и псалтырь, принадлежавшій Ингебургѣ, сохранился до настоящаго времени, какъ памятникъ этого примиренія. Такой исходъ доставилъ удовлетвореніе какъ жертвѣ, такъ и ея долготѣнному защитнику. Но и помимо этого самый процессъ въ рѣдкой степени возбуждаетъ симпатію тѣхъ, кто съ нимъ можетъ познакомиться по актамъ его. Что его дѣлаетъ особенно привлекательнымъ, такъ это интимныя письма заинтересованныхъ въ немъ лицъ, въ которыхъ, по-

¹⁾ См. Rosquain, p. 192.

мимо политической и культурной сторонъ, выступает личная, человеческая сторона.

Между письмами Иннокентія къ королю Филиппу въ особенности выдается одно, въ которомъ авторъ, оставляя въ сторонѣ текстъ канона и догматическую сторону дѣла, старается растрогать короля изображеніемъ достоинствъ Ингебурги и ея несчастія. Письмо входитъ такъ глубоко и съ такою наивною обстоятельностью въ горе покинутой жены, что неудобно для перевода и вызываетъ нѣкоторое изумленіе, особенно если вспомнить, кто былъ его авторъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно необыкновенно трогательно (VI, 182).

Въ особенности же умилительно одно письмо Ингебурги, достойное по своему лиризму занять мѣсто на ряду съ лучшими изъ проидѣ, т.-е. поэтическихъ жалобъ, написанныхъ поэтами отъ имени покинутыхъ женъ. Оно имѣетъ, однако, передъ ними одно существенное преимущество: на немъ видны слѣды дѣйствительно пролитыхъ надъ нимъ слезъ. Ингебурга—или тотъ, кто писалъ отъ ея имени—выражаетъ свое горе и свою любовь словами, взятыми изъ самаго кипучаго источника страстной любви—изъ Пѣсни пѣсней. Напоминая папѣ долгіе годы, проведенные ею въ душевной горечи, она пишетъ, что остается вѣрна своему чувству, что „возлюбленного своего пучокъ мирры, ей уготованный, она носить у себя на груди“. Подробно описавъ папѣ свои лишенія и оскорбленія, которымъ она подвергалась отъ приставленныхъ къ ней лицъ, Ингебурга продолжаетъ: „письма, которая ваше святѣйшество ко мнѣ отправили, я не была въ состояніи получить. Этимъ и всѣмъ другимъ, что я въ настоящую минуту не въ состояніи изложить вашему святѣйшеству, я такъ огорчена, что жизнь мнѣ опротивѣла и не знаю, что мнѣ дѣлать; я обращаю мои взоры къ вамъ, святой отецъ, дабы не погибнуть. Говорю я не о гибели тѣлесной, а духовной, ибо я ежедневно умираю за вашу славу и за нерушимость брака, и потому какъ сладка, какъ пріятна была бы смерть мнѣ, жалкой, мнѣ, всѣми покинутой, отверженной и гонимой; какою желанною явилась бы мнѣ эта смерть, которая одинъ только разъ поразила бы тѣло мое и избавила бы меня отъ столько смертельныхъ мученій“. Иннокентій не отнималъ руки помощи у женщины, которая, не уступая насиліямъ и не соглашаясь признать свой бракъ незаконнымъ, съ такою твердостью являлась предъ всѣмъ міромъ поборницей и мученицей за идею брака. Постоянно поддерживая ее то письмами, то отправленіемъ къ ней довѣренныхъ лицъ, Иннокентій посылаетъ ей однажды столь

знаменательныя въ своей краткости слова: „Знаешь Тотъ, Кому все вѣдомо, что въ дѣлѣ твоего брата я сдѣлалъ для тебя все, что только въ силахъ человѣкъ сдѣлать“ (VIII, 113). Никакой изъ самыхъ громкихъ эпитетовъ царственного и божественнаго величія, какими Иннокентій III любилъ гордиться, не служить для него такимъ украшеніемъ, какъ это признаніе человѣческой слабости въ установленіи правды и права.

Но только въ рѣдкіе моменты своей жизни Иннокентій противопоставлялъ такъ отчетливо всемогуществу Божію предѣльность своихъ человѣческихъ силъ. Напротивъ, въ цѣлой своей жизни онъ является носителемъ противоположной, теократической идеи, которая смѣшиваетъ въ одно понятіе божественное и человѣческое, поднимаетъ человѣка на степень представителя божественной власти и главу „божескаго царства“ на землѣ—римскаго епископа—возводитъ въ званіе намѣстника Божьяго. Именно съ *этой* точки зрѣнія приходится разсматривать и оцѣнивать отношенія Иннокентія III къ области свѣтской власти и политики.

В. ГЕРЬЕ.

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Засвѣжѣло на палубѣ послѣ жаркаго іюльскаго дня. Пароходъ „Бирючь“ опасно пробирался по узкому фарватеру между значками и шестами, вымазанными въ бѣлую и красную краску.

На верху рубки, подъ навѣсомъ, лоцманъ и его подручный глядывались въ извороты фарватера и то-и-дѣло вертѣли колесо руля. Справа и слѣва шли невысокіе берега верховьевъ Волги предъ впаденіемъ въ нее Оки. Было это за нѣсколько верстъ до города Балахны, гдѣ правый берегъ начинаетъ подниматься, но не доходить и до одной пятой крутизны прибрежныхъ высотъ Оки подъ Нижнимъ.

Лоцманъ сдѣлалъ знакъ матросу, стоявшему по лѣвую руку, у завознаго явора, на носовой палубѣ. Спина матроса, въ пестрой вязаной фуфайкѣ, рѣзко выдѣлялась на кускѣ синѣвшаго неба.

— Пять съ половино-ой! — уныло раздалось съ носа, и шесть замахалъ въ рукахъ широкоплечаго парня.

Помощникъ капитана, сухощавый брюнетикъ, въ кожаномъ картузѣ, приложился губами къ отверстию звуковой трубы и велѣлъ убавить ходу.

Пароходъ сталъ ползти. Замедленные колеса шлепали по водѣ, и ихъ шумъ гулко отдавался во всемъ корпусѣ, производя легкій трепетъ, ощутимый и пассажирами.

Пассажировъ было много, — все больше промысловый народъ, стекавшійся къ Макарію, на ярмарку.

Обѣ половины палубы, и передняя, и задняя, ломились подъ грузомъ всякаго товара. Разнообразные запахи издавалъ онъ. Но все покрывалось запахомъ кожевенныхъ издѣлій со смѣсью чего-то сладкаго, въ большихъ ящикахъ, съ клеймами. Отдавало и горячимъ саломъ. Пассажиры второго класса давно уже чайничали у столиковъ, на скамейкахъ, даже на полу, около самой машины. Волжскій звонкій говоръ, съ удареніемъ на „о“, ходилъ по всему пароходу, и женскіе голоса переплетались съ мужскими, еще гѣвучѣе, съ болѣе характернымъ, крестьянскимъ дѣяньемъ. „Чистая“ публика разбрелась по разнымъ угламъ. Два барина, пожилые, франтоватые, въ свѣтлыхъ пиджакахъ, разсѣлись наверху, сбоку отъ рулевого колеса. Тамъ же, подставляя подъ вѣтерокъ овалъ поблѣднѣвшаго лица, пепельная блондинка куталась въ оренбургскій платокъ и бойко разговаривала съ хмурымъ офицеромъ-армейцемъ. Въ рубкѣ, купецъ, совсѣмъ желтый въ лицѣ, тихо и томительно пилъ чай съ обрюзгой, но еще молодой женой; на кормовой палубѣ перваго класса, вдоль скамеекъ борта, размѣщалось человекъ больше двадцати, почти все мужчинъ. Подростокъ гимназистъ, въ фуражкѣ реалиста и въ темной блузѣ, ходилъ взадъ и впередъ возбужденной, широкой походкой и курилъ, громко выпуская клубы дыма.

— Пя-я-ть! — протянулся опять заунывный крикъ матроса, и пароходъ еще убавилъ ходу, но не остановился.

„Бирючь“ сидѣлъ въ водѣ всего четыре фута; ему оставался еще одинъ, чтобы не застрять на перекачѣ. Но это не вызывало особаго безпокойства ни въ пассажирахъ, ни въ капитанѣ.

Капитанъ только-что собрался пить чай и сдать команду помощнику. Онъ поднялся изъ общей каюты перваго класса, постоялъ въ дверяхъ рубки и потомъ оглянулся вправо на пассажировъ, ища кого-то глазами.

Плечистый, рослый, краснощекій, ярко-русый, немного веснучатый, онъ смотрѣлъ истымъ волжскимъ судопромышленникомъ, носилъ фуражку изъ синяго сукна съ ремнемъ, безъ всякаго галуна, большіе смазные сапоги и короткую коричневую визитку. Широкое, сочное, точно наливное лицо его почти всегда улыбалось спокойно и чутьчку насмѣшливо. Эта улыбка проглядывала и въ желто-карихъ, небольшихъ, простонародныхъ глазахъ.

— Борисъ Петровичъ! — крикнулъ онъ съ порога двери.

— Что вамъ, голубчикъ?

Откликнулся грудной нотой пассажиръ, старше его, лѣтъ за

сорокъ, въ люстриновомъ балахонѣ и мягкой шляпѣ, худощавый, съ сѣдьющей бородкой и утомленнымъ лицомъ. Его можно было принять за кого угодно—за мелкаго чиновника, торговца или небогатаго помѣщика. Что-то, однако, въ манерѣ вглядываться и въ общей посадкѣ тѣла отзывалось не провинціей.

— Чайку?—спросилъ капитанъ.

— Я готовъ.

— Такъ я сейчасъ велю заварить. Илья!—остановилъ онъ проходившаго мимо лакея:—собери-ка чаю!.. Ко мнѣ!.. Борисъ Петровичъ, вы какъ прикажете, съ архіерейскими сливками?

Пассажиръ въ балахонѣ поморщился, точно его что укусило, и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, голубчикъ, спиртного не нужно.

— Воля ваша!..

Они проходили по узкому мѣсту палубы, между рубкой и лѣвымъ козухомъ. Колеса шлепали все рѣже, и съ носа раздавалось безъ перерыва выкрикиваніе футовъ.

Въ рубкѣ перваго класса, кромѣ комнаты, гдѣ купецъ съ женой пили чай, помѣщалась довольно просторная каюта, откуда вышелъ еще пассажиръ и окликнулъ тотчасъ же капитана, но тотъ не услышалъ сразу своего имени.

— Андрей Ѳомичъ!—повторилъ пассажиръ и пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Слово „Андрей“ выговорилъ онъ чуть-чуть звукомъ о, вмѣсто а. И слово „Ѳомичъ“ отзывалось волжскимъ говоромъ.

Онъ былъ такого же виднаго роста, какъ и капитанъ Кузьмичевъ, но гораздо тоньше въ станѣ и помоложе въ лицѣ. Смотрѣлъ онъ скорѣе богатымъ купцомъ, чѣмъ бариномъ, а то такъ хозяиномъ парохода, инженеромъ, фабрикантомъ, вообще дѣловымъ человекомъ, хорошо одѣвался и держалъ голову немного назадъ, что дѣлало его выше ростомъ. На клѣтчатомъ, темномъ пиджакѣ, застегнутомъ до верху, лежала толстая золотая цѣпь отъ бокового кармана до петли. Большую голову покрывала поярковая шапочка въ родѣ венгерской. Изъ-подъ нея темнорусые волосы вились на вискахъ; борода была бѣлокурѣе, съ рыжиной, двумя клиньями, старательно подстриженная. Въ крупныхъ чертахъ привлекательнаго крестьянскаго лица сидѣло сложное выраженіе. Глаза, съ широкимъ разрѣзомъ, совсѣмъ темные, уходили въ толстоватыя вѣки, брови легли правильной и густой дугой, носъ утолщился книзу и изъ-подъ усовъ глядѣлъ красный, сочный ротъ съ чувственной линіей нижней губы.

Во второй разъ онъ окликнулъ капитана звучнымъ голосомъ,

въ которомъ было гораздо больше чего-то юношескаго, чѣмъ въ фигурѣ и лицѣ мужчины лѣтъ тридцати.

— А! Василій Ивановичъ! Что прикажете?

Капитанъ оставилъ тотчасъ же руку того, кого онъ звалъ Борисомъ Петровичемъ, и подошелъ, приложившись рукой къ козырьку.

Въ этомъ поклонѣ, сквозь усмѣшку глазъ, проходило нѣчто особенное. Въ красивомъ пассажирѣ чувствовался если не начальникъ, то кто-то съ вліяніемъ по пароходному дѣлу.

— Какъ бы намъ не сѣсть?—сказалъ онъ вполголоса.

— Богъ милуетъ!—вслухъ отвѣтилъ капитанъ.

— Вы что же? За чаекъ приниматься думаете, а потомъ, небось, и на боковую, до Нижняго?

— Да, грѣшнымъ дѣломъ.

Въ вопросахъ не слышалось начальническаго тона; однако, что-то какъ бы дѣловое.

Большіе глаза Василя Ивановича остановились на пассажирѣ въ люстриновомъ балахонѣ.

— Съ кѣмъ вы это?—еще тише спросилъ онъ капитана.

— Вонъ тотъ?

— Да, бородку-то щиплетъ!

— Вы нешто не признали?

— Нѣтъ.

— И портретовъ его не видали?

— Стало, именитый человѣкъ?

— Еще бы! Да это Борисъ Петровичъ.

И онъ назвалъ имя извѣстнаго писателя.

— Быть не можетъ!

Василій Ивановичъ снялъ шляпу и весь встрепенулся.

— Мы съ нимъ давно хлѣбъ-соль водили. Онъ меня еще студентомъ помнитъ.

— Какъ же это вы, батенька, ничего не скажете!.. Я валяюсь въ каютѣ... и не знаю, что ѣдетъ съ нами Борисъ Петровичъ!

— Да вѣдь вы и на пароходъ-то сѣли, Василій Ивановичъ, передъ самымъ обѣдомъ. Мнѣ не вдомѣкъ. Желаете познакомиться?

— Еще бы! Онъ—мой любимый! Я имъ, можно сказать, зачитывался, еще съ третьяго класса гимназіи.

Глаза красиваго пассажира все темнѣли. У него была необычайная подвижность зрачковъ. Весь онъ пришелъ въ возбужденіе отъ встрѣчи съ своимъ любимымъ писателемъ и отъ возможности побесѣдовать съ нимъ вдосталь.

— Василій Ивановичъ Теркинъ, — назвалъ его капитанъ,

подводя къ Борису Петровичу:—на линіи пайщика нашего товарищества.

II.

Они сѣли поодаль отъ другихъ, ближе къ кормѣ; капитанъ ушелъ заваривать чай.

Разговоръ ихъ затянулся.

— Борисъ Петровичъ,—говорилъ минутъ черезъ пять Теркинъ, съ ласкою въ звукахъ голоса.—За что я васъ люблю и почитаю, это за то, что вы не боитесь правду показывать о мужикѣ... о темномъ людѣ вообще.

Онъ все еще волновался и, обыкновенно очень рѣчистый, искалъ словъ. Его не смущало то, что онъ бесѣдуетъ съ такимъ извѣстнымъ человѣкомъ; да и весь тонъ, все обращеніе Бориса Петровича были до-нельзя просты и скромны. Волненіе его шло совсѣмъ изъ другого источника. Ему страстно захотѣлось излиться.

— Вѣдь я самъ крестьянскій сынъ, — сказалъ онъ безъ рисовки, даже опустил рѣсницы:—пріемышъ. Отецъ-то мой, Иванъ Прокофѣичъ Теркинъ,—изъ села Кладенецъ. Мы стояли тамъ, такъ около вечеренъ. Извольте помнить?

— Какъ же, какъ же! Старинное село. И раскольничья молельня есть, кажется?

— То самое... Можетъ, и отца моего встрѣчали. Онъ съ господами литераторами водился. О немъ и корреспонденціи бывали въ газетахъ. Отвѣтилъ-таки старина за свою правоту. Смутьяномъ прославили. По седьмому десятку въ ссылку угодилъ по приговору сельскаго общества.

Добрые и утомленные глаза писателя оживились.

— Помню, помню. Читалъ что-то.

— Теперь онъ около Нижняго на погостѣ лежитъ. Потому-то вотъ, Борисъ Петровичъ, и радуюсь я, когда такой человѣкъ, какъ вы, правду говоритъ про мужицкую душу и про все, во что теперь народъ ударился. Я вѣдь довольно съ нимъ возжался и всякую его тяготу знаю и, должно полагать, весь свой вѣкъ скоротаю вокругъ него. И все-таки я не согласенъ медомъ его обмазывать. Точно также и всякія эти барскія затѣи... себя на мужицкій ладъ передѣлывать—считаю вреднымъ вздоромъ.

Лицо Теркина сразу стало жестче и углы рта сложились въ ѣдкую усмѣшку.

— Затѣи эти все лучше булачества, — уныло выговорилъ писатель.

— Этимъ ни себя, ни мужика не подымешь, Борисъ Петровичъ, вы это прекрасно должны понимать. Позвольте къ вашимъ сочиненіямъ обратиться. Всюду осатанѣлость забралась въ мужика, распутство, алчность, измѣна землѣ, пашнѣ, лѣсу, лугу, рѣкѣ, всему, чѣмъ душа крестьянская жива есть. И сколько я ни перебиралъ моимъ убогимъ умишкомъ, просто не вижу спасенія ни въ чемъ. Развѣ въ одномъ только...

Онъ не договорилъ, оглянулся на плесъ рѣки, на засинѣвшіе въ вечерней зарѣ берега и продолжалъ, еще горячѣе:

— Вотъ она, Волга-то матушка! Порадуйтесь! До чего мы ее довели!.. По такому-то мѣсту... сорока верстъ не будетъ до устья... По моему, — сказалъ онъ въ скобкахъ: — не Ока впадаетъ въ Волгу, а наоборотъ. И слышите, пять футовъ, а то и три четверти, не удобно ли? Можетъ, черезъ десять минутъ и совсѣмъ сядемъ на перекачѣ. Я вѣдь самъ коренной волжанинъ. Съ дѣтства у меня къ водѣ, къ разливамъ влеченіе. Къ лѣсу тоже. А чтѣ мы изъ того и изъ другого сдѣлали? И мужицкое-то сердце одеревенѣло. Жги, вырубай, мелѣй... ни на что отклика нѣтъ въ немъ. Да и самъ-то, противъ воли, помогаешь хищенію.

Писатель поднялъ на него глаза и усмѣхнулся.

— Андрей Ѳомичъ вамъ меня кандидатомъ въ пайщики рекомендовалъ. Это точно. Сбираюсь судохозяиномъ быть. Значить, буду, хоть и косвенно, помогать лѣсоистребленію. Ха, ха!.. Такая линія вышла. Нашему брату, промысловому человѣку, нельзя себѣ карьеру выбирать, какъ папенька съ маменькой для гоголевскаго Ѳемистоклюса. Дипломатомъ, молъ, будетъ!..

— Вы въ товарищество поступаете... вотъ въ это самое? — спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Въ это самое, только еще деньжатъ надо нѣкоторое количество раздобыть...

Теркинъ опять перебилъ себя.

Разговоръ влекъ его въ разныя стороны. Въ свои денежные дѣла и расчеты онъ не хотѣлъ входить. Но не могъ все-таки не вернуться къ Волгѣ, къ самому родному, что у него было на свѣтѣ.

— Судохозяиномъ заправскимъ станешь, Борисъ Петровичъ, — продолжалъ онъ также возбужденно: — и начнутся муки мученскія. Вотъ въ Нижній коли придемъ не больно поздно, увидите — цѣлый флотъ выстроился у Телячьяго-Брода. Ходу нѣтъ этимъ пароходамъ, вверхъ-то по рѣкѣ. И съ каждымъ лѣтомъ все горше и горше. А господа набольшіе... ученые путейцы... только государственныя ассигнаціи всаживаютъ въ зыбучіе перекачаты.

Будемъ вечеромъ подходить къ Нижнему, извольте полюбоваться на путейскую „плышь“—такъ вѣдь ихъ запруду зовутъ здѣсь. Перегородили безъ ума, безъ разума рѣку—и порогъ днѣпровскій устроили; черезъ него ни одна расшива перескочить не можетъ. А ухлопали, слышно, триста тысячъ!

И точно испугавшись, что его главная мысль улетитъ, онъ подсѣлъ ближе къ своему собесѣднику, даже взялся рукой за полу его люстриноваго балахона и заговорилъ тише звукомъ, но быстрѣе.

— Гдѣ спасенье мужика? Коли не въ какой-нибудь особой вѣрѣ... знаете, такой, чтобы самую-то суть его забирала,—такъ я и ума не приложу, въ чемъ? Только вѣдь у сектантовъ и есть еще мірская правда, крѣпость слову, стоять другъ за друга. И въ евангельскихъ толкахъ то же самое, и даже у изувѣровъ-раскольниковъ, хотя и у нихъ уже многое дрогнуло, особливо по здѣшнимъ мѣстамъ. Безъ запрета, безъ правила... знаете вотъ какъ у татаръ, въ алкоранѣ,—не будетъ ничего держаться. А съ нищетою да съ пропойствомъ что вы устроите? Сначала надо, чтобы копѣйка была на черный день, для своего и для мірскаго дѣла; а накопить ее можно только, когда законъ есть твердый во всякомъ поступкѣ и въ каждомъ словѣ.

— Копѣйка! — повторилъ со вздохомъ Борисъ Петровичъ, характерно наморщивъ одну бровь, и дернулъ бородку.—На-смотрѣлся я, голубчикъ, на югѣ, въ новороссійскихъ степяхъ, на скопидомство. И у сектантовъ, и у православныхъ. Ломятся скирды, гумны-то—на цѣлой десятинѣ, вездѣ паровыя молотилки, жнеи! Хозяева-то идола какіе-то. Деньжищъ! Хлѣба! Овецъ!.. И все это мертвечина!—Глаза писателя уныло и мечтательно смотрѣли вдаль, ища волнистаго слѣда, который шелъ отъ парохода.—У нашихъ, у здѣшнихъ, по крайней мѣрѣ, на душѣ-то нѣтъ нѣтъ да и заиграетъ что-то. Церквушку поставить. Лампадку засвѣтить. Не зарылся, какъ тѣ, идола, въ свою кубышку!

Голосъ его упалъ и онъ, нагнувши голову, сталъ искать въ боковомъ карманѣ папиросницу.

Теркину сначала не хотѣлось возражать. Онъ уже чувствовалъ себя подъ обаяніемъ этого милаго человѣка съ его задушевымъ голосомъ и страдательнымъ выраженіемъ худого лица. Еще немного, и онъ самъ впадетъ, пожалуй, въ другой тонъ, размякнетъ на особый ладъ, будетъ жалѣть мужика не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Церквушка! Лампадка!—вырвалось у него.—Эхъ, Борисъ Петровичъ! Нѣтъ у него никакой вѣры. А о пастыряхъ лучше не будемъ и говорить.

Онъ махнулъ рукой.

— Да у него своя вѣра. Попъ самъ по себѣ, а народъ самъ по себѣ.

— Въ томъ-то и бѣда, Борисъ Петровичъ, что православное-то христіанство въ какомъ-то двоевѣріи обрѣтается. И каждый изъ насъ, кто съизмальства въ деревнѣ насмотрѣлся на все, ежели онъ только не олухъ былъ, ничего кромѣ скверныхъ чувствъ не вынесъ. Гдѣ же тутъ о какомъ-нибудь руководствѣ совѣсти толковать?

Теркинъ опять махнулъ рукой.

— Все это вѣрно, голубчикъ, — еще тише сказалъ писатель. — И осатанѣлость крестьянской души — какъ вы отлично назвали — пойдетъ все дальше. Купонъ выгѣлъ душу нашего городского обывателя, и зараза эта расползется по всей землѣ. Должно быть, таковъ ходъ исторіи. Это называется дифференціаціей.

— Читывалъ и я, Борисъ Петровичъ, про эту самую дифференціацію. Но до купона-то мужику — охъ, какъ далеко! Отъ нищенства и пропойства надо ему уйти первымъ дѣломъ, и не встанетъ онъ нигдѣ на ноги, коли не будетъ у него своего закона, который бы все его крестьянское естество захватывалъ.

— Вы и тутъ правы, — выговорилъ писатель, и обѣ брови его поднялись и придали лицу еще болѣе нервное выраженіе.

III.

— Борисъ Петровичъ! — раздался громкій голосъ капитана изъ-за рубки. — Чай простынетъ, пожалуйста!

Онъ подошелъ къ нимъ.

— Заговорились? А вы, Василій Ивановичъ, не откушаете?

— Я только-что пилъ.

— Пожалуйста, Борисъ Петровичъ! Мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, соснуть маленько хочется. Въ Нижнемъ-то надо на ногахъ быть до поздней ночи. Вы вѣдь до Нижняго?

— Да, голубчикъ, тамъ погощу денька два-три у одного пріятели и въ Москву, по чугункѣ.

— Такъ пожалуйста!

— Сейчасъ, Андрей Ѳомичъ, — отозвался Теркинъ. — Экъ, приспичило. Въ кои-то вѣки привелось мнѣ встрѣтить Бориса Петровича и разговоръ у насъ такой зашелъ, а вы съ вашимъ чаемъ!..

— Сію минутку,—просительно выговорилъ писатель.—На-
лейте мнѣ стаканчикъ. Я люблю холодный. И лимону кусочекъ.

— Ладно, ладно.

Капитанъ скрылся за рубкой. Они немного помолчали, и
Теркинъ заговорилъ первый.

— Хорошій парень, Андрей-то Ёмичъ! Жаль, что на такомъ
дрянномъ суденышѣ ходить, какъ этотъ „Бирючъ“. И глянь-ка,
сколько товару наворотилъ. Хорошая искра попади вонъ въ тѣ
токи—изъ насъ одно жаркое будетъ.

— Что вы?—тревожище спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Обязательно! Немножко съ лѣнцой, Кузьмичевъ-то, а
толковый. Ежели я, со своимъ пароходомъ, въ ихъ товарище-
ство поступаю, онъ можетъ ко мнѣ угодить. Мы его тогда маленько
подтянемъ,—прибавилъ Теркинъ и подмигнулъ.—Вамъ его исторія
извѣстна?

— Какже!

— Гдѣ-то я читалъ, что московскій старецъ, Михаилъ Пет-
ровичъ Погодинъ, любилъ говорить и писать: „такъ, молъ, рус-
ская печь печетъ“. Студентъ медицины... потомъ угодилъ какъ-
то въ не столь отдаленныя мѣста, затѣмъ сдѣлался аптекарскимъ
гезелемъ. А потомъ глядъ—и капитанъ, по Волгѣ бѣгаетъ!

Онъ подмѣтилъ взглядъ писателя, когда произносилъ имя
Погодина и дѣлалъ цитату изъ его изреченій. Въ этомъ взглядѣ
былъ вопросъ: какого въ сущности образованія могъ быть его
собесѣдникъ.

— Вотъ вѣдь и вашъ покорный слуга—на линіи теперь судо-
хозяина, а чѣмъ не перебывалъ? И къ чему готовился? Попалъ
въ словесники, классическую муштру проходилъ.

-- Вы-то?

— А то какже! Приемный-то отецъ мой отъ своихъ скуд-
ныхъ достатковъ въ гимназіи меня держалъ. Ну, урочишки были.
И всю греческую и латинскую премудрость прошелъ я до шестого
класса, откуда и былъ исключенъ...

— Исключили? За что?

— Долго рассказывать. А для васъ, какъ для изобразителя
правды... занятно было бы. Да Андрей Ёмичъ, поди, совсѣмъ
истерзался?..

— Вы бы пошли съ нами посидѣть.

— Каютишва-то у него всего на полтора человекъ. А я—
мужикъ крупный. Я подожду здѣсь, на прохладѣ. И безъ того
безиѣрно доволенъ, Борисъ Петровичъ, что привелось съ вами
покалякать.

Изъ-за рубки показалась опять дюжая фигура капитана.

— Пожалуйте! Борисъ Петровичъ!

— Иду, иду!

Писатель заторопился, но успѣлъ подать Теркину руку и еще разъ пригласилъ его.

— Нѣтъ, ужъ вы тамъ вдвоемъ благодумствуйте. Мѣста нѣтъ, да я и плохой чаепійца, даромъ что насъ водохлѣбами зовутъ.

Его тянуло за Борисомъ Петровичемъ, но онъ считъ безтактнымъ нарушать ихъ бесѣду вдвоемъ. Ни за что не хотѣлъ бы онъ показаться навязчивымъ. Въ немъ всегда говорило горделивое чувство. Этого писателя онъ сердечно любилъ и увлекался имъ долго, но „лебезить“ ни передъ кѣмъ не желалъ, особливо при третьемъ лицѣ, хотя бы и при такомъ хорошемъ маломъ, какъ Кузьмичевъ. Черезъ нѣсколько недѣль капитанъ могъ стать его подчиненнымъ.

Теркинъ прошелся по палубѣ и сѣлъ у другого борта, откуда ему видна была группа изъ красивой блондинки и офицера, сбоку отъ рулевого. Пароходъ шелъ поскорѣе. Крики матроса прекратились, на мачту подняли цвѣтной фонарь, разговоры стали гудѣть явственнѣе въ тишинѣ вечерняго воздуха. Больше версты „Бирючь“ не встрѣчалъ и не обгонялъ ни одного парохода.

Все та же родная рѣка тянулась передъ нимъ, какъ будто и богатая водой, а на дѣлѣ съ каждымъ днемъ страшно мелѣющая. Теркинъ не рисовался въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ. У него щемить въ груди, когда онъ думаетъ о томъ, что можетъ стать съ великой русской рѣкой черезъ десять, много двадцать лѣтъ. Это чувство, какъ и жалость къ лѣсу, даже растетъ въ немъ,—нужды нѣтъ, что онъ „на линіи“ пароходчика. Отопленіе мечтаетъ онъ завести у себя нефтяное. Нефти еще цѣлая уйма, хоть и съ ней обходятся хищнически, какъ со всѣмъ, что только можно обращать въ деньги.

И досада начала разбирать его на то, что капитанъ помѣшалъ ихъ разговоръ, да и самъ онъ не такъ направилъ бесѣду съ Борисомъ Петровичемъ. Ему хотѣлось поисповѣдоваться, раскрыть душу не по одному вопросу о крестьянствѣ, показать себя въ настоящемъ свѣтѣ, безъ прикрасы, выслушать, быть можетъ, и приговоръ себѣ. А такъ онъ могъ показаться хвастуномъ, „рисовальщикомъ“, какъ онъ называлъ всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь рисуется. Все, что онъ про себя сказалъ, была правда. Да, онъ мужицкаго рода, настоящій крестьянскій сынъ, подкидышъ, взятый въ домъ къ „смутьяну“, Ивану Прокофьеву

Теркину, бывшему крѣпостному графовъ Роциныхъ, владѣльцевъ половины села Кладенца.

А почему же онъ, три часа назадъ, когда останавливались у Кладенца, даже и съ палубы не сошелъ? Должно быть, сердце-то у него не ёкнуло при видѣ красиваго села, на нѣсколькихъ холмахъ, съ его церквами и монастыремъ, съ древнимъ валомъ, гдѣ когда-то, еще при татарахъ, былъ княжескій столъ? Онъ въ это время лежалъ на диванѣ своей каюты, предоставленной ему отъ товарищества, какъ будущему пайщику, и только съвозъ узкія окна видѣлъ полосы берега, народъ на пристани, два-три дома на подъемѣ въ гору, часть рядовъ съ „галдарейками“, все—знакомое ему больше двадцати-пяти лѣтъ.

Да, его не потянуло и на палубу. Онъ не любитъ своего села и давно не любилъ, съ той самой поры, какъ сталъ понимать, что вокругъ него дѣлается. Своего названнаго отца онъ считалъ „праведникомъ“,—нужды нѣтъ, что мѣстные вожаки, которые потрафляли неосмысленной „голытьбѣ“ и спаивали ее, обывали Ивана Теркина кулакомъ, сторонникомъ скупщиковъ и врагомъ міра. Онъ до сихъ поръ не можетъ простить этому міру ссылки своего отца,—тому стукнуло тогда шестьдесятъ-два года,—по приговору сельскаго общества, самаго гнуснаго дѣла, какое только онъ видѣлъ на своемъ вѣку; и на него пошли мужики! И пошли на такое дѣло, небось, не раскольники, живущіе въ Кладенцѣ особымъ обществомъ, также бывшіе крѣпостные, но другого барина, а православные *хресъяне*, тѣ самые, что ставятъ пудовныя свѣчи и пѣвчихъ содержатъ на мірскія деньги, нужды нѣтъ, что половина ихъ впроголодь живетъ. Не заѣдетъ онъ—по доброй волѣ—въ Кладенецъ, и сдѣлается онъ миллионщикомъ, ни алтына не дастъ на нужды міра тому сельскому обществу, что собираетъ сходки въ старинномъ барскомъ флигелѣ, до сихъ поръ извѣстномъ подъ прозвищемъ „графскаго приказа“.

Съ личностью названнаго отца, Ивана Прокофьева—въ его памяти—сплетена другая личность, сына почтмейстера, — въ Кладенцѣ есть контора,—положившаго всю свою душу въ дѣло этой самой „голытпы“, которая ссылая Ивана Прокофьева. Онъ скорбѣлъ о скудости заработка кустарей, собиралъ ихъ, дабливалъ въ ихъ мозги, какъ хорошо было бы имъ завести товарищество и артель, писалъ въ газетахъ, ѣздилъ въ Петербургъ, просилъ у высшаго начальства субсидіи, добился ея, самъ сочинялъ уставъ и цѣлыхъ два года изнывалъ на этомъ дѣлѣ, перебивался съ хлѣба на квасъ. И чѣмъ все это завершилось? Да его же обвинили, заподозрили, держали взаперти, сослали,

—и хоть бы одинъ изъ бывшихъ членовъ правленія, которые потомъ разграбили кассу, постоялъ за него!..

Лицо Теркина замѣтно хмурилось и глаза темнѣли. Старая обида на крестьянскій міръ села Кладенца забурила въ немъ. Еще удивительно, какъ онъ могъ въ такомъ тонѣ говорить съ Борисомъ Петровичемъ о мужицкой душѣ вообще. И всякій разъ, какъ онъ нападетъ на эти думы, ему ничуть не стыдно того, что онъ пошелъ по дѣловой части, что ему страстно хочется быть при большомъ капиталѣ, ворочать вотъ на этой самой Волгѣ миллионнымъ дѣломъ.

IV.

Звонкій женскій смѣхъ, молодой, скатился сверху отъ рулевого колеса.

Теркинъ поднялъ голову.

Блондинка обернулась лицомъ къ кормовой половинѣ парохода, и ея профиль, въ тѣни вязаного пуховаго платка, точно изваянный на сѣроватомъ фонѣ, всталъ надъ нимъ.

— Глупости какія!—проговорила она вздрагивающимъ голосомъ.—Стань ея заколыхался отъ смѣха. Она осталась сидѣть въ полоборота и первая пристально оглядѣла Теркина со своей вышней.

Ея лицо нашель онъ миловиднымъ и очень знакомымъ по типу. Навѣрное она откуда-нибудь съ Волги же родомъ, скорѣе сверху, изъ Ярославля, Костромы, Кинешмы, какая-нибудь обывательская дочь, бабенка или дѣвушка, много-много молоденькая жена станового, акцизнаго или пароходскаго служащаго, ѣдетъ на ярмарку повеселиться, къ мужу, или одна урвалась. Можетъ быть, изъ воспитанныхъ, потому что держать себя безъ купеческой чопорности, даже весьма развязно, такъ что ее примутъ, пожалуй, и за особу, склонную къ приключеніямъ.

Ея возгласъ: „глупости какія!“ отвлекъ его сразу совсѣмъ къ другимъ чувствамъ и образамъ. Какъ похоже произнесла она этотъ звукъ „глупости“, такими же вздрагивающими грудными нотами! Можетъ, и поетъ она такимъ же низоватымъ голосомъ? И въ чертахъ лица есть что-то общее,—только у нея пепельнаго цвѣта плоскіе волосы, растрепанные теперь отъ вѣтерка, поднявшагося на палубѣ къ вечеру; а у *той*—какъ смоль, черные и слегка волнистые. И станъ какъ будто похожъ, сколько можно было видѣть снизу, и ростъ также.

Та теперь ждать. Въ Нижнемъ должна лежать депеша, „до востребованія“, на телеграфѣ, гдѣ помѣщается и гостинница напротивъ Софроньевской пристани. Теркинъ сегодня же остановится тамъ для ночевки и проживетъ сколько нужно будетъ для дѣла. Но его влечетъ собственно туда вниз, за Казань.

Вотъ еслибы разговоръ его съ Борисомъ Петровичемъ не поѣхали, онъ, быть можетъ, самъ повинился бы ему въ своихъ „окаянствахъ“.

Тянетъ его къ этой женщинѣ не то что какъ истого распутника или хищнаго звѣря, но и не такъ, чтобы Борисъ Петровичъ его похвалилъ при всей своей добротѣ и терпимости. Въ томъ-то и бѣда, что не можетъ онъ всѣми страстями своими править, какъ хорошій кучеръ тройкой ретивыхъ лошадей. Разсчетъ у него всегда сидитъ въ головѣ, но не всегда беретъ верхъ. Положимъ, и на женщину онъ давно смотрѣть сталъ какъ бы поохотнички, да и не высокаго о ней вообще мнѣнія,—въ этомъ, быть можетъ, мужикъ сказался; ловить себя онъ не дастъ, но и застраховать себя отъ ея чаръ не въ состояніи. Не одной красотой смущала его вообще женщина, съ раннихъ лѣтъ—еще когда школьникомъ былъ, по шестнадцатому году—а какою-то потребностью сойтись, въ нее заглянуть, вызвать преклоненіе передъ собою, видѣть, какъ въ какой-нибудь несмысленной или робкой, немудрой дѣвочкѣ вдругъ распустится душа, откуда ни возьмутся умъ, игра, смѣлость, дерзкая отвага. На все она пойдетъ съ любимымъ человѣкомъ и для него. Въ такія минуты только и сознаешь свою мужскую мощь, особливо когда есть вѣра и въ свой дѣловой умъ, когда ты все шибче и шибче катишься по житейской дорогѣ. Только не плошай, а будь тебѣ съ большимъ выигрышемъ.

Во всемъ этомъ онъ способенъ былъ повиниться Борису Петровичу, еслибы разговоръ принялъ такой оборотъ. И спроси его тотъ: „А почему же вы не хотите послужить меньшей братіи? Зачѣмъ стремитесь такъ къ денежной силѣ?“—онъ не сталъ бы лгать, не началъ бы утѣрять его, что такъ онъ живетъ до поры, до времени, что это только средство служить народу.

Нѣтъ, онъ любить успѣхъ самъ по себѣ, онъ жить не можетъ безъ сознанія того, что такіе люди, какъ онъ, должны идти въ гору и въ денежныхъ дѣлахъ, и въ любви.

Теркинъ поднималъ опять голову, а блондинка все еще смотрѣла на него, продолжая переговариваться съ офицеромъ. Онъ улыбнулся ей глазами, но тотчасъ же отвелъ ихъ. Мелкое волокитство онъ презиралъ, какъ все, что слишкомъ легко дается.

Онъ заходилъ взадъ и впередъ по носовой палубѣ, гдѣ сидѣли пассажиры второго класса, боролся съ своимъ желаніемъ заглянуть въ капитанскую каюту, поговорить еще съ писателемъ.

„Кузьмичевъ уже завалился спать, — успокаивалъ онъ себя: — да и Борисъ Петровичъ также“.

Раздалось опять заунывное выкрикиваніе.

— Четыре-е! — протянулъ матросъ.

„Сядемъ“, — подумалъ Теркинъ и взглянулъ на верхъ рубки. Тамъ, у звуковой трубы, стоялъ помощникъ.

„Посадить онъ насъ, какъ пить дать“, — продолжалъ онъ думать съ хозяйскимъ чувствомъ нѣкотораго раздраженія: — „мечется, а толку нѣтъ“.

Пароходъ дѣйствительно вздрогнулъ и сталъ. Грузныя колеса побарахтались немного, потомъ раздалась команда: — стопъ!

— Сидимъ! — громко сказалъ Теркинъ, но уже болѣе не волновался и присѣлъ у самого носа поглядѣть, какъ помощникъ справится съ перекатомъ.

Лопманъ съ подручнымъ еще повертѣли колесо вправо и влѣво и о чемъ-то перекинулись словами съ помощникомъ капитана.

Тотъ заставлялъ продѣлывать быстрыя движенія взадъ и впередъ, то на полныхъ парахъ, то полегче. Пароходъ немножко подавался взадъ, впередъ, въ бокъ, но съ мѣста не сходилъ.

Публика наверху продолжала сидѣть и не выказывала замѣтнаго безпокойства. Между пассажирами попроще пошелъ болѣе оживленный говоръ; но еслибы не знать, что пароходъ дѣйствительно врѣзался въ перекалъ, нельзя бы подумать, что случилась такая досадная для всѣхъ непріятность, изъ-за которой въ Нижній опоздають на нѣсколько часовъ.

Теркинъ не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться. Онъ только пододвинулся къ рубкѣ, чтобы видѣть отчетливѣе, что тамъ наверху будутъ дѣлать. Кто-то изъ пассажировъ, поважнѣе, громко спросилъ у лопмана:

— Да гдѣ же капитанъ?

— Никакъ отдыхаетъ.

— Отчего же его не разбудятъ?

— Справимся! Не изъ чего безпокоить, — отвѣтилъ за лопмана помощникъ.

Но такъ они и не справились до появленія Кузьмичева, что случилось часа черезъ полтора, когда красная полоса заката совсѣмъ поблѣднѣла и пошелъ девятый часъ. Сорвать пароходъ съ мѣста паромъ не удалось помощнику и старшему судорабочему, а за-

возить якорь принимались они до двухъ разъ такъ же неудачно. На все это глядѣлъ Теркинъ и повторялъ про себя: „Помощника этого я къ себѣ не возьму ни подъ какимъ видомъ, да и Андрей-то Ѳомищъ слишкомъ ужъ съ прохладцей капитанствуетъ“.

Но Кузьмичевъ извѣстенъ былъ на Волгѣ не столько свѣдѣніями по шкиперной части, сколько удачей и споровою. Не прошло и получаса, какъ буксирный пароходъ снялъ ихъ съ мели въ нѣсколько минутъ, и въ десяти часамъ они уже миновали Балахну, гдѣ простояли всего четверть часа, чтобы не такъ поздно придти въ Нижній.

Совсѣмъ уже стемнѣло, и тѣмъ ближе подходили къ устью Оки, тѣмъ чаще попадались встрѣчные пароходы. Тогда поднимался глухой, злобщій свистъ и махали съ кожуха цвѣтными фонарями; на одну баржу чуть-чуть было не налетѣли.

„Все черезъ пень колоду,—говорилъ про себя Теркинъ, просидѣвшій на палубѣ, не замѣченный капитаномъ:—и какъ еще мы не погоримъ, въ такой дьявольской тѣснотѣ“?.. У него, если только ему удастся еще этимъ лѣтомъ начать хозяйствовать, порядки будутъ другіе. Но на этихъ соображеніяхъ не остановилась его голова, быстро овладѣвавшая трезвой мыслью дѣлового и предприимчиваго волжанина. И не объ одномъ личномъ ходѣ въ гору мечталъ онъ, сидя подъ навѣсомъ рубки на складномъ стулѣ. Мысль его шла дальше: вотъ онъ изъ пайщива скромнаго товарищества дѣлается однимъ изъ главныхъ воротилъ Поволжья, и тогда начнетъ онъ борьбу съ обмелѣньемъ, добьется того, что это дѣло станетъ общенароднымъ, и миллионы будутъ всажены въ рѣку за тѣмъ, чтобы на-вѣки очистить ее отъ перекатовъ! Развѣ это не возможно? А берега, на сотни и тысячи десятинъ внутри, покроются заново лѣсами!

Такія мысли вѣяли на него всегда душевной свѣжестью, мिरли съ тѣмъ, что онъ въ себѣ самомъ не могъ одобрить, и чего не одобрилъ бы и Борисъ Петровичъ.

Когда „Бирючъ“ причалилъ къ пристани въ Нижнемъ, было уже за полночь. Теркинъ отдалъ свой чемоданъ матросу и, проходя мимо капитана, отбиравшаго билеты, спросилъ его:

— А Борисъ Петровичъ?

— Просилъ не будить его до утра. А вы, Василій Ивановичъ, скоро ли будете на Низу? Побѣжали бы выѣстъ опять къ Саратову?

— Можетъ, такъ и случится!—крикнулъ Теркинъ, въ хвостѣ пассажировъ поднялся по крутымъ мосткамъ на набережную и велѣлъ подвести себя къ большому дому, гдѣ телеграфъ.

V.

Длинная, унылая площадь, съ гостинимъ дворомъ, изнываетъ подъ лучами знойнаго послѣ-обѣда. Отъ бѣлой штукатурной стѣны одноэтажнаго зданія лавокъ такъ и пышетъ. Сидѣльцы кое-гдѣ дремлютъ у желѣзныхъ створовъ или играютъ въ шашки.

У окна номера гостиницы Теркинъ, полуодѣтый, допивалъ стаканъ сельтерской воды. Онъ очень страдалъ отъ духоты. Жаръ давалъ ему головныя боли. Сегодня онъ уже два раза ѣздилъ на рѣку купаться.

Больше ему и дѣлать было нечего въ этомъ городѣ. Изъ Нижняго „прибѣжалъ“ онъ рано сюда утромъ, на пароходѣ американской системы, гдѣ спалъ полъ-сутокъ, разомлѣвъ отъ жары, не проходившей даже и подѣ вечеромъ. Термометръ и вчера, и сегодня, по рѣкѣ и въ городѣ, на солнцѣ показывалъ тридцать три градуса. Въ Нижнемъ онъ пробылъ всего два дня; ему удалось многое наладить, но не все. Только половину капитала имѣлъ онъ въ рукахъ для уплаты за пароходъ „Батракъ“, уже совсѣмъ почти готовый на Сормовскомъ заводѣ. Ему дѣлали кредитъ еще на четверть суммы; остальную четверть надо было добыть на дняхъ, тамъ, ниже Саратова, у одного благопріятеля, бывшаго еще такъ недавно его патрономъ и наставникомъ по дѣлецкой части, Усатина.

Но не поѣздка на низовья Волги наполняла въ эту минуту душу Теркина. Онъ то-и-дѣло поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ былъ западъ, поджидалъ заката; а солнце еще довольно высоко стояло надъ длиннымъ ослѣпительно-бѣлымъ зданіемъ рядовъ. Раньше, какъ черезъ полтора часа, не покажется краснота по-верхъ зеленой крыши гостинаго двора.

Отыскивалъ онъ своими подвижными зрачками одну точку, ближе къ берегу, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ нагорнаго берега, лѣвѣе отъ главъ и крестовъ новаго собора.

Точка эта была верхъ памятника, гранитнаго столба, стоявшаго на площадеѣ посреди жидкаго садика.

Вотъ бы когда сойтись въ садикѣ, какъ разъ объ эту пору, между вечерней и всенощной. Тамъ, навѣрно, ни души, даже развoscикъ не пройдетъ съ пряниками или огурцами. Городъ совсѣмъ вымираетъ въ послѣобѣденный жаръ. Но развѣ можно сидѣть тамъ, среди бѣла дня, хотя бы и въ такой глухой часъ? А вдругъ какъ кто проѣдетъ невзначай изъ знакомыхъ? Вѣдь ее всѣ знаютъ. Она—жена судейскаго, служащаго здѣсь больше

пяти лѣтъ, да еще въ такой должности, какъ слѣдователь самаго главнаго участка въ городѣ. Сейчасъ кто-нибудь сболтнеть: „Серафима, молъ, Ефимовна сидитъ на обрывѣ у памятника съ какимъ-то прїѣзжимъ, молодымъ мужчиной!“

Нужна опаска! Чѣмъ кончится ихъ любовь—уйдетъ она отъ мужа или нѣтъ, все-таки онъ долженъ, до поры до времени, ограждать ее—ее больше, чѣмъ всякую другую женщину. Она—огонь, все въ ней горитъ, и ничего нѣтъ легче, какъ дать ей зарваться, безъ разума, только на одинъ срамъ...

Ему стало у окна немного полегче. Жаръ и духота спадали. Онъ прошелся по номеру, все еще въ рубашкѣ, безъ галстука, потомъ прилегъ на диванъ, подложилъ кожаную дорожную подушку подъ голову и закурилъ,—такъ время скорѣе ползетъ. Онъ не большой курильщикъ и за папиросу беретъ воть въ такія минуты, когда надо убить время, а работы нѣтъ или слишкомъ донимаетъ жаръ.

Дымъ отъ папиросы на то только хорошъ, всегда думалъ Теркинъ, чтобы въ его извивахъ видѣть цѣлый рядъ прїятныхъ картинъ или строить какую-нибудь комбинацію, планъ дѣйствій, въ родѣ какъ рѣшаешь уравненіе, когда алгебра тебѣ далась и ты къ задачамъ относишься, какъ къ шахматамъ, съ настоящимъ игрецкимъ чувствомъ.

Всего въ третій разъ онъ въ этомъ городѣ, никогда не проживалъ въ немъ больше трехъ-четырехъ дней, и въ немъ у него любовь, настоящая, захватывающая, быть можетъ, роковая для него.

И все такъ быстро стряслось. Онъ, уходя теперь воображеніемъ въ подробности ихъ встрѣчи, употребилъ мысленно это слово: „стряслось“.

По дѣлу завернулъ онъ сюда прошлымъ лѣтомъ, даже оставался на ночь не хотѣлъ, рассчитывалъ покончить все однимъ днемъ и, чѣмъ свѣтъ, „уйти“ на другомъ пароходѣ кверху, въ Рыбинскъ. Куда дѣваться вечеромъ? Въ увеселительный садъ... Ихъ даже два было тогда; теперь одинъ хозяинъ прогорѣлъ. Знакомые у него наплись въ городѣ, изъ пароходскихъ кое-кто, инженеръ, одинъ адвокатъ, заѣзжій, шустрый малый, ловкій на всѣ руки и порядочный кутила.

Онъ всему и сталъ причиною.

Въ саду играли какую-то комедію,—кажется, „Фофанъ“ называется,—плохенькая труппа, такъ что онъ на второе дѣйствіе и не пошелъ, а остался на балконѣ буфета. По саду бродили

цыгане, тоже неважные, обшарканные, откуда-то изъ Пензы или Тамбова.

Нашелъ его на балконѣ адвокатъ, и черезъ четверть часа онъ былъ въ большомъ обществѣ. Были тутъ три дамы, офицеръ, тотъ инженеръ, котораго зналъ Теркинъ.

Они пошли ужинать, заняли одну изъ комнатъ вдоль стѣнъ залы, гдѣ пѣли арфистки и цыгане въ антрактахъ. Его представили дамамъ; сначала помѣщицѣ, кажется, въ развѣздѣ съ мужемъ, уже немолодой, толстой. Теркинъ сейчасъ же узналъ въ ней „кутилеу“. Она такъ и сыпала, такъ и сыпала, и стихи вслухъ читала, и пила довольно. Изъ остальныхъ двухъ одна была дѣвушка, лѣтъ за двадцать, длинная, некрасивая, но зубастая на разговоръ, дочь доктора старичка. При ней и отецъ состоялъ. Вторая сѣла рядомъ съ нимъ, и адвокатъ ее громко отрекомендовалъ ему:

— Серафима Ефимовна Рудичъ, супруга судебного слѣдователя, моего товарища по училищу.

Изъ этого онъ уразумѣлъ, что оба они были изъ правовѣдовъ.

Ему стало жутко около нея. Никогда еще въ жизни не нападала на него такая оторопь, даже покраснѣлъ и губы себѣ всѣ искусалъ. Въ первыя минуты не могъ ничего ей сказать подходящаго, дуракъ-дуракомъ сидѣлъ, даже потъ выступилъ на лбу.

Она первая должна была съ нимъ заговорить. Голосъ ея точно гдѣ внутри отдался у него. Глазами онъ въ нее впился и не могъ оторваться, хотъ и чувствовалъ, что такъ нельзя сразу обглядывать порядочную женщину.

Она была „порядочная“, безъ сомнѣнія, держала себя совсѣмъ прилично, хотъ и смѣло, и одѣта была чудесно. До сихъ поръ онъ помнитъ черную большую шляпку съ яркими цвѣтами, покрытую кружевомъ, откуда, точно изъ-подъ навѣса, глядѣли ея глаза и улыбались ему. Да, сразу начали улыбаться. Онъ было подумалъ: она надъ нимъ посмѣивается, что онъ сидитъ такимъ дуракомъ.

Но когда она заговорила, онъ въ ней распозналъ волжанку. Говоръ у нея былъ почти такой же, какъ у него, только съ особеннымъ произношеніемъ звука „щ“, какъ выговариваютъ отъ Казани и ниже, въ родѣ „ш-ш“. И увидалъ онъ тутъ только, что она очень молода, лѣтъ много двадцати. Станъ у нея былъ изумительной стройности и глаза такіе блестящіе, какихъ онъ никогда не видалъ—точно брилліантики заискрились въ глубинѣ зрачковъ.

„Нѣтъ, она не барское дитя“,—сказалъ онъ себѣ тогда

же, и съ этой самой минуты у нихъ пошелъ разговоръ все живѣе и живѣе, и она ему рассказала подъ гулъ голосовъ, что мужъ ея уѣхалъ на слѣдствіе, по порученію прокурора, по какому-то важному убійству, что она всего два года какъ кончила курсъ и замужемъ второй годъ, что отецъ и мать ея—по старой вѣрѣ, отецъ перешелъ въ единовѣріе только недавно, а прежде былъ въ „бѣглопоповской“ сектѣ. Намекнула она, и довольно для него неожиданно, что сама она свободно мыслить и на обрядъ бѣнчанинъ смотрѣла какъ на необходимость.

Онъ слушалъ и изумлялся, что все это она рассказываетъ совсѣмъ незнакому человеку—и вовсе не по простотѣ. Въ ней уна было больше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ женщинахъ, и никакой наивности. А отъ того это такъ и случилось, что они другъ къ другу подошли сразу, какъ бываетъ всегда въ роковыхъ встрѣчахъ.

И тогда еще, вернувшись на пароходъ, онъ, хоть и въ чадѣ, ставалъ себѣ, что эта встрѣча „даромъ для него не пройдетъ!“

VI.

Къ концу ужина, когда они съ ней уже нѣсколько разъ чокнулись и онъ началъ ей рассказывать про себя, про своего названнаго отца Ивана Прокофьяча, про гимназію и про житейскія испытанія, черезъ какія проходилъ, когда вылетѣлъ изъ гимназіи,—распорядитель и заводчикъ этого импровизованнаго пикника, заѣзжій адвокатъ, позвалъ цыганъ.

Это былъ плохенькій хоръ: дурно одѣтыя женщины, очевидно, разѣзжавшія только по мелкимъ ярмаркамъ, зато настоящія черномазые и глазастые, безъ подозрительныхъ приемышей, изъ русскихъ, тѣ нынче попадаются въ любомъ извѣстномъ хорѣ. И романсы они пѣли старинные, чуть не тридцатыхъ годовъ.

Одинъ изъ этихъ романсовъ всѣмъ, однако, пришелся очень по вкусу:—„Ты не повѣришь“,—пропѣтый въ два голоса. За нимъ хоръ подхватилъ тоже старинную застольную пѣсню, перевирая текстъ Пушкина:

„Кубокъ янтарный“...

Дуетъ пѣли солистка, съ отбитымъ, но задушевымъ голосомъ, а начальникъ хора, басъ, затянутый—ему и теперь памятна эта подробность—въ чекмень изъ верблюжьяго сукна ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ и въ широчайшихъ свѣтло-синихъ шараван-

рахъ, покрывавшихъ ему концы носковъ, ухарски загнутыхъ вверху...

И вдругъ она его спрашиваетъ:

— Вы поете?

— Немножко.

— Можеть, и на гитарѣ играете?

— Бряну.

Онъ маравоваль на гитарѣ и пѣлъ всегда въ ученическомъ хорѣ; его альти перешель потомъ въ баритонѣ.

— Споемъ этотъ же романсъ... Я его люблю... Онъ мнѣ напоминаетъ время, когда я только начинала ходить... Я его переняла отъ нашей горничной... и пѣла исподтишка. Отецъ считалъ всякое пѣніе и музыку бѣсовскимъ навожденіемъ.

Предложеніе ея такъ его захватило, что онъ даже застыдился... Но желаніе пѣть съ нею превозмогло.

Она сама сказала адвокату, что они хотятъ пропѣть дуэтъ. Всѣ захопали. Цыганъ отблагодарили, только одну гитару взяли у начальника хора.

Когда онъ бралъ аккорды, ихъ взгляды встрѣтились такъ непроизвольно, что они оба стали краснѣть... Онъ первый началъ, не отрывая отъ нея глазъ:

„Коль счастливъ я съ тобой бываю,
Ты улыбаешься, какъ май!“

Слова онъ, кажется, произносилъ не совсѣмъ вѣрно; но онъ ихъ такъ заучилъ съ дѣтства, да и она также. Но что бы они ни пѣли, какъ бы ни выговаривали слова, ихъ голоса стремительно сливались, на душѣ ихъ былъ праздникъ. И она, и онъ, забыли тутъ, гдѣ они, кто они; потомъ она ему признавалась, что мужъ, домъ—совсѣмъ выскочили у нея изъ головы, а у него явилось безумное желаніе схватить ее, увлечь съ собой и плыть неизвѣстно куда...

Послѣ дуэта остальные участники ужина хоромъ подхватили „Кубокъ янтарный“, а потомъ она запѣла цыганскій же романсъ:

„Любила я“...

Не могъ онъ не откликнуться на это признаніе. Ни минуты не усомнился онъ, что она поетъ *ему* и для *нею*, а никогда онъ себя не упрекалъ въ фатовствѣ и съ женщинами былъ ско-рѣе неловокъ и тугъ на первое знакомство.

И онъ забылъ, что она „мужняя жена“, и ни разу не спросилъ ее про то, какъ она живетъ, счастлива ли, хотя и не могъ

не соображать, что изъ раскольничьяго дома навѣрно ушла она если не тайкомъ, то и не съ полного согласія родителей. Тотъ баринъ, правовѣдъ, могъ, конечно, разсчитывать на приданое; но она врядъ ли стала его женой изъ какого-нибудь разсчета.

Все это отлетѣло отъ него. Былъ уже поздній часъ, около двухъ. Тѣ двѣ барыни подпили, и она пила шампанское; но только блѣднѣла и блескъ глазъ сдѣлался изумительный—точно у нея въ глубинѣ зрачковъ по крупному алмазу.

— Вотъ бы на людей прокатиться...—сказала она послѣ пѣнія, когда онъ уже держалъ ея руку и цѣловалъ...

Лодка!.. Онъ готовъ былъ нанять пароходъ. Черезъ нѣсколько минутъ все общество спустилось внизъ къ пристани. Добыли большой стругъ. Ночь стояла—точно она была въ заговорѣ—облитая серебромъ. На Волгѣ все будто сговорилось: зыбь теплаго вѣтерка, игра чешуй и благоуханіе сѣнокоса, доносившееся съ лугового берега рѣки. Онъ шепталъ ей, сидя рядомъ на кормѣ—она правила рулемъ—любовныя слова... Какія?.. Онъ ничего не помнить теперь... Свободная рука его жала ея руку и на своемъ лицѣ онъ чувствовалъ ея дыханіе.

Она первая заговорила о своемъ замужствѣ. Не по разсчету сдѣлалась она женой слѣдователя, но и не по увлеченію.

— Дѣвчонка была!.. Дура!.. Дома очень ужъ тошно стало! Умѣлъ польстить. Суета!.. Теперь только жизнь-то начинаю узнавать.

И въ глазахъ ея промелькнуло что-то горькое и сильное. Намекъ былъ ясенъ: она не нашла любви въ супружествѣ, она искала ее и судьба столкнула ихъ не просто.

Уже на разсвѣтъ вернулось въ городъ все общество. Но никто никому не долженъ былъ отдавать отчета. Толстую барыню провожалъ адвокатъ, барышня поѣхала съ отцомъ.

— Меня проведетъ Василій Ивановичъ; ему потомъ два шага до гостинницы.

Она сама это сказала. Они шли молча, подъ-руку. Но онъ чувствовалъ, какъ вздрагивалъ ея станъ отъ прикосновенія къ его плечу.

У крыльца ихъ дома она вдругъ прошептала:

— Вы откуда на пароходѣ?

— Да... но я останусь.

— Нѣтъ, не нужно. Идите!.. Вѣдь мы больше не увидимся.

И точно хотѣла его толкнуть рукой. Онъ схватилъ эту руку, безъ перчатки, и поцѣловалъ. Она прильнула къ нему, поцѣлуй ожегъ его. И тотчасъ же она крикнула:

— Идите!.. Идите!..

И дернула за звонокъ.

Онъ цѣлыя сутки не спалъ на пароходѣ.

Какъ было еще разъ видѣться съ ней? На возвратномъ пути угодили онъ сюда не раньше какъ черезъ мѣсяцъ, остановился безъ всякой нужды, искалъ инженера, искалъ адвоката: ни того, ни другого не оказалось—уѣхали въ Нижній на ярмарку.

Домика, куда онъ провожалъ ее, не могъ онъ распознать, ходилъ справляться, гдѣ живетъ слѣдователь Рудичъ; ему сказали—гдѣ; онъ два раза прошелъ мимо оконъ. Никого не было видно, и, какъ ему показалось, даже какъ будто господа уѣхали, потому что со двора въ трехъ окнахъ ставни были заперты, а съ улицы шторы спущены.

„Выкинь изъ головы! Одинъ срамъ, точно гимназистъ мальчишка!“ повторялъ онъ себѣ тогда, по пути въ Нижній.

И вдругъ, тамъ, на ярмаркѣ, въ театрѣ,—играли „Грозу“ съ Ермоловой въ роли Катерины,—сидитъ онъ въ креслахъ, во второмъ ряду, навелъ случайно бинокль на ложи бенуара—она, съ какими-то двумя дамами—онъ призналъ ихъ за богатыхъ купчихъ—и мужчиной пожилымъ, ужъ навѣрно купеческаго званія.

Онъ просто обмеръ. Бинокля-то не можетъ отвести отъ нея. Въ бѣломъ матовомъ платьѣ, въ волосахъ живой цвѣтокъ и полуоткрытая шея. Опустилъ, наконецъ, бинокль и все смотритъ на нее. А съ подмостокъ ему слышится страстный шопотъ актрисы, въ сценѣ третьяго акта, въ оврагѣ волжскаго побережья, и ему представляется, что это она ему такъ говоритъ.

Поклониться онъ не посмѣлъ, весь скованный стоялъ въ антрактѣ. Но, видно, она сама замѣтила его ростъ и фигуру, узнала, вся зардѣлась, поклониться тоже не поклонилась, но въ глазахъ зажглась такая радость, что онъ опрометью кинулся въ фойе, увѣренный, что она придетъ туда.

Недѣлю прожилъ онъ въ Нижнемъ. Какіе вечера проводили въ саду, на Откосѣ!.. Но когда надо было разстаться, она ему еще не принадлежала.

Пошла переписка. Зимой онъ тайно пріѣзжалъ сюда, и они видались урывками. Съ мужемъ она такъ и не хотѣла его знать.

И вотъ во второй разъ попадаетъ онъ сюда по ея зову. Въ ея послѣднихъ письмахъ, въ ея депешѣ, найденной въ Нижнемъ, страсть такъ и трепещетъ...

VII.

Тѣни пошли, длинныя и тусклыя, въ садикѣ, около памятника. Поздній закатъ внизу, за самой кручей нагорнаго берега расплзался въ огромную рыбу съ узкимъ носомъ розовато-палеваго колера.

Въ воздухѣ пахло стручьими желтыхъ акацій, пыльныхъ и малорослыхъ, посаженныхъ вдоль рѣшетокъ сѣвера.

Теркинъ пришелъ первый. Никого онъ не встрѣтилъ на улицѣ изъ господъ. Даже издали не было слышно треска извозчичьихъ дрожекъ.

На одной изъ скамеекъ противъ пароходныхъ пристаней и большой паровой мельницы, на томъ берегу рѣки—онъ сидѣлъ въ пол-оборота, чтобы издали узнать ее: такъ ему видна была вся главная дорожка отъ входа, загороженного зеленымъ столбомъ съ подвижнымъ бревенчатымъ крестомъ.

Онъ зналъ, что она придетъ, даже если мужъ ея и въ городѣ. Она писала, въ послѣдній разъ, до присылки депеши, что мужъ, можетъ быть, поѣдетъ въ Москву. Въ депешѣ, ждавшей Теркина въ Нижнемъ, ничего объ этомъ не говорилось.

Она придетъ. Она должна была ждать минуты свиданія съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и онъ. Но онъ допускалъ, что Серафима отдастся своему влеченію цѣльнѣе, чѣмъ онъ. И рискуетъ больше. Какъ бы она ни жила съ мужемъ, хорошо или дурно, все-таки она барыня, на виду у всего города, молоденькая бабочка, всего по двадцать-первому году. Однимъ такимъ свиданіемъ она можетъ себя выдать въ лоскъ, испортить себѣ положеніе. И тогда ей пришлось бы по-неволѣ убѣждать съ нимъ.

Хотѣлъ ли онъ этого? Добивался ли во время ихъ встрѣчъ и на письмахъ?.. Нѣтъ! Онъ ничего такого не испугается, но и не подбиваетъ ее. Если это страсть дѣйствительно „роковая“—жить имъ вмѣстѣ. А жить, такъ жить, безъ обмана, не втроемъ, а вдвоемъ.

И сегодня, сидя вотъ тутъ, у памятника, на вышкѣ, за нѣсколько минутъ до ея прихода, онъ не только не знакомъ съ „господиномъ слѣдователемъ“, но и представленія никакого не имѣетъ о его наружности; даже карточки мужа она ему никогда не показывала.

За это онъ ей благодаренъ. Значить, въ ней есть прямота. Противно ей ввести его къ себѣ въ домъ и подъ личиною держать при себѣ въ званіи тайнаго любовника. При рѣдкихъ на-

вздахъ ничего бы и не всплыло наружу. Тогда стало бы гораздо свободнѣе. Вотъ такая встрѣча въ саду показалась бы совсѣмъ простой встрѣчей. Да и надобности не было бы сходитьсь здѣсь по уговору. Просто явился къ нимъ, когда мужа нѣтъ, да и предложилъ пройти на набережную.

Ей не по душѣ обманъ. И онъ не любитъ его, почему и не посягалъ на замужнихъ женщинъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда все обошлось бы въ наилучшемъ видѣ съ женами подчиненныхъ или мужей, что сами рады бы... Такихъ, по нынѣшнимъ временамъ, вездѣ много развелось.

Влекло его къ ней и то, что она второй годъ не принадлежала ему. Онъ не хотѣлъ себѣ дать полного отчета въ томъ, какая именно борьба идетъ между ними и кто правѣе; но теперь ему кажется, что—она. Вѣдь онъ ни разу, ни устно, ни письменно, не сказалъ ей:

„Жизнь моя!.. Иди ко мнѣ!.. Разведись. Будемъ мужъ и жена!“

И когда онъ оставался наединѣ съ своей совѣстью,—онъ не хотѣлъ лгать самому себѣ. Къ браку съ нею его не тянуло. Почему? Онъ самъ не могъ отвѣтить. Совсе не оттого, что онъ боялся за свою холостую свободу. А точно въ пылкое влеченіе къ этой женщинѣ входила струя какого-то затаеннаго сомнѣнія: въ ней ли найдетъ онъ полный откликъ своей сильной потребности въ беззавѣтной и чистой любви?

Въ этой связи полной чистоты не будетъ, даже если они и обвиняются. На вѣнчаніе она сама врядъ ли будетъ подбивать его. У нея нѣтъ никакой вѣры въ таинство брака. Она ему это сказала, въ первый же ихъ разговоръ, за ужиномъ увеселительнаго сада.

Въ душѣ Теркина стремительно чередовались эти мысли и вопросы. Но каждая новая минута—онъ то-и-дѣло поворачивалъ голову въ сторону зеленого столбика—наполняла его больше и больше молодымъ чувствомъ любовной тревоги, щекотала его мужское неизбежное тщеславіе,—онъ и не скрывалъ этого отъ себя,—давала ему особенный вкусъ къ жизни, дѣлала его снѣглѣе и добрѣе.

Зимой онъ на свиданіи съ ней въ гостинницѣ повелъ-было себя какъ всякій самолюбивый ухаживатель, началъ упрекать ее въ томъ, что она нарочно тянетъ ихъ отношенія, не вѣрится ему, издѣвается надъ нимъ какъ надъ мальчуганомъ, все то говорилъ, чѣмъ мужчины прикрываютъ свое себѣлюбие и свою чувственность у насъ, въ чужихъ краяхъ, во всемъ свѣтѣ, въ деревенской хатѣ и въ чертогахъ.

Она, однако, не сдалась. Ея тогдашніе возгласы онъ помнитъ:

— Вася!.. Не гнѣвайся! Душой я твоя, но пова съ мужемъ живу—не буду отъ него блудить.

И это раскольничье слово „блудить“ покорило его. Въ немъ было что-то низкое для нея, для всего ея облика. Вѣдь она училась, читала, хорошо играла на фортепьянахъ, выражалась до тѣхъ поръ образно и мѣтко, но безъ вульгарныхъ оборотовъ и словъ. А тутъ вдругъ—„блудить“.

Онъ уѣхалъ почти возмущенный. Но ея письма утишили эту хищническую бурю. Сначала онъ причислялъ ее къ тѣмъ ехиднымъ бабенкамъ, что не отдаются любимому человѣку не потому, чтобы были такъ чисты и прямы душой, а изъ особаго рода задорной гордости,—онъ такихъ знавалъ.

„Никто-де не скажетъ, что я пала... Хотя и люблю, и говорю это,—клейма на себя не наложу и любимый человѣкъ не добьется своего, не сдѣлаетъ меня рабыней“.

Но ея письма дышали совсѣмъ другимъ. Она не таилась отъ него... Беззавѣтно предавалась она ему, ничего не скрывала, тяготилась постылымъ мужемъ, съ каждымъ днемъ распознавала въ немъ „дрянную натурашку“, но ждала чего-то, какой-нибудь „новой гадости“,—такъ она выражалась,—чтобы уйти отъ него, и тогда она это сдѣлаетъ безъ боязни и колебанія.

И къ веснѣ, когда близилась возможность новыхъ свиданій, опять онъ рѣшительно всталъ на ея сторону, распозналъ въ себѣ „звѣря“, страхнулъ съ себя всякій задоръ мужского тщеславія. Онъ желалъ любить такъ же честно, какъ и она.

Ему захотѣлось, чтобы его страсть овладѣвала имъ безраздѣльно, не давала ему времени думать, разбирать, сомнѣваться въ чемъ-нибудь, поглажать расколаживающимъ сомнѣніямъ.

Когда онъ четверть часа тому назадъ шелъ сюда, въ этотъ садикъ, у него въ груди занималось точно отъ быстрыхъ глотковъ игристаго вина, и то становилось вдругъ жарко головѣ, то холодѣло на вискахъ. Это ощущеніе давало ему вѣрную ноту того, что его влечетъ къ Серафимѣ, влечетъ и душевно, безъ чувственныхъ образовъ. Онъ не мечталъ о ея поцѣлуяхъ—да и какъ они будутъ цѣловаться въ публичномъ мѣстѣ?—но жаждалъ общенія съ ней, ждалъ того свѣта, который долженъ взвиться, точно змѣйка электрическаго огня, и озарить его, ударить его невидимымъ токомъ вмѣстѣ со взрывомъ страсти двухъ живыхъ существъ.

Одѣвался онъ долго и съ тревогой, точно онъ идетъ на

смотреть... Все было обдуманно: цвѣтъ галстука, покррой жилета, чтобы было къ лицу. Онъ зналъ, что ей нравятся его низкія поярковые шляпы. Безъ этой заботы о своемъ туалетѣ нѣтъ вѣдь молодой любви и безъ этого страха, какъ бы что-нибудь не показалось ей безвкуснымъ, еривливымъ, дурного тона. Она сама одѣвается превосходно, съ такимъ вкусомъ, что онъ даже изумлялся, гдѣ и у кого она этому научилась въ провинціи.

Вѣдь и она въ ту же пору заботливо прихорашивала себя, думая о томъ, какъ бы ему сильнѣе понравиться.

Есть у него и еще одинъ признакъ „безъ обмана“—это вздрагиваніе нервовъ при видѣ любимой женщины. Никакимъ усиленіемъ воли нельзя воздержаться отъ такого ощущенія. Въ первую тайную встрѣчу въ Нижнемъ, на Откосѣ, въ десятомъ часу, на дорожкѣ, въ густой тѣни липъ онъ еще не испытывалъ этого удара подъ колѣнами.

Но здѣсь, зимой, когда она, постучавшись, вошла въ полутемнотѣ передней и онъ распозналъ ея фигуру, колѣни задрожали, прежде чѣмъ онъ прикоснулся къ ея рукѣ.

„А вдругъ не задрожать?“ противъ воли подумалъ Теркинъ, и тотчасъ же разсердился на себя за такой вопросъ.

Вправо отъ входа глаза его схватили что-то черное, стройное, быструю походку, большую шляпу. Онъ вскочилъ и чуть не упалъ—такъ сильно было ощущеніе, въ которое онъ вѣрилъ, какъ въ признакъ безъ обмана. Радость заколыхалась въ немъ и глаза стали мгновенно влажны... У него не достало силъ винуться къ ней на встрѣчу.

VIII.

Начало замѣтно смеркаться. Звѣзды засвѣтились неровными искрами. Въ садикѣ не было никого, кромѣ пары, пересѣвшей на другую скамью надъ самымъ обрывомъ.

Они держали другъ друга за руку. Теркинъ смотрѣлъ на Серафиму снизу вверхъ; онъ нагнулся, чтобы глазамъ его удобнѣе было проникать подъ щитокъ ея черной шляпы, покрытой бантами и черными же перьями.

Она за полъ-года стала еще краше, немного пополнѣла въ лицѣ и станѣ. Сквозь смугло-блѣдноватую кожу румянецъ разливался ровно, съ янтарнымъ отблескомъ. И такой же, какъ у него, пышный ротъ раскрывался еще привлекательнѣе, оточенный пушкомъ; губы стали потемнѣе и бѣлизна острыхъ и крупныхъ

зубовъ придавала ей что-то восточное. Шея налилась и руки. Въ гренадиновомъ платьѣ съ прозрачными рукавами, она накинула на плечи кружевную короткую мантилку, и воротникъ подпиралъ ей сзади затылокъ живописно и значительно. Никто бы не сказалъ, глядя на ея туалетъ и манеру носить его, что она губернская барынька изъ купеческой раскольниковъ семьи.

Ему всего дороже были въ ея обликѣ глаза, откуда блестяли два брильянта, и смѣлое очертаніе носа, тонкаго, съ небольшою припухlostью кончика, въ которой сказывался также восточный, немного татарскій типъ ея лица.

— Уфхаль, значить, на цѣлую недѣлю?—спросилъ Теркинъ тономъ человѣка, которому не вѣрится въ собственную удачу.

— Теперь всего день остался... Можетъ, завтра прійдетъ—писать ужъ, что все уладилось, какъ онъ желать...

— Вернется товарищемъ прокурора?

— Хорошо прокуроръ!

Возгласъ ея замеръ въ прозрачной тишинѣ засвѣжѣвшаго воздуха.

— Хорошо!—повторила она страстнымъ шопотомъ, нагнувшись къ нему лицомъ и сжала сильнѣе его руку.—Вася! Такъ онъ мнѣ противенъ... Голоса—и того не могу выносить: шепелявить по-барски, мамлить.—Она сдѣлала гримасу.—И такого человѣка—лѣнтяя, картежника, совершенную пустушку—считаютъ отличнымъ чиновникомъ, важныя дѣла ему поручали, въ товарищи прокурора пролѣзъ подъ носомъ у другихъ слѣдователей... Одинъ чуть не двадцать лѣтъ на службѣ въ уѣздѣ...

Они говорили о мужѣ ея, и имъ обоимъ было непріятно это. Но избѣжать такого разговора они не могли.

Когда они встрѣтились и сѣли на скамью, одинъ поцѣлуй и нѣсколько любовныхъ словъ—вотъ и все, чѣмъ они обмѣнялись... Ихъ стѣсняло то, что они на виду у всѣхъ, хотя и никто еще не зашелъ въ садикъ. Теркинъ хотѣлъ сейчасъ же сказать ей, зачѣмъ она не пріѣхала къ нему въ гостинницу, но вспомнилъ, что она просила его, въ письмѣ, на этомъ не настаивать.

О мужѣ рѣчь шла не болѣе десяти минутъ. Серафима передавала то, чего онъ не зналъ еще, по ея письмамъ, въ такихъ подробностяхъ. Рудичъ—игрокъ и изъ ея приданаго уже почти ничего не осталось. Правда, онъ далъ ей вексель; но что съ него получишь?..

Она не договорила: „Ничего не получишь, если даже и уйдешь отъ него“.

Не такъ мечталъ Теркинъ объ этой тайной бесѣдѣ на на-

бережной въ сумеркахъ июльской ночи. Что ему за дѣло до господина Рудича?.. Мотъ онъ или скопидомъ, гулявъ или молодецъ—ему хотѣлось бы забыть о его существованіи. Но Серафима, выдавая ему личность мужа, показывала этимъ самымъ, на какомъ градусѣ находится она отъ окончательнаго разрыва. Ея слова дышали рѣшимостью покончить съ такой постылой жизнью. Она вся отдавалась ему и хотѣла сначала и его, и себя убѣдить, какъ честныхъ людей, что въ ней не блажь говорить, не распутство, а безповоротное чувство, что личность мужа не заслуживаетъ никакого сожалѣнія.

Но могъ ли онъ, Теркинъ, быть судьей?

Онъ ей вѣрилъ; факты на-лицо. Рудичъ—мотъ и эгоистъ, брюзга, важнюшка, баричъ, на каждомъ шагу „щуняетъ ее“—она такъ нарочно и выразилась сейчасъ, по-мужицки—ея „вульгарнымъ происхожденіемъ“, ни чуточки ее не жалѣетъ, пропадаетъ по цѣлымъ ночамъ, дѣлаетъ исторіи изъ-за каждого рубля на хозяйство, зная, что проигралъ не одинъ десятокъ тысячъ ея собственныхъ денегъ.

И все-таки онъ не могъ и не желалъ быть судьей... Его начинало раздражать то, что время идетъ и они тратятъ его на перебирание всѣхъ этихъ дразгъ.

— Ну его къ Богу!—не вытерпѣлъ онъ:—твоя добрая воля, Сима, поступить, какъ онъ того заслуживаетъ—твой супругъ и повелитель; не желаю я, чтобы ты такъ билась! Положи себѣ предѣлъ—дольше терпѣть постыдно!

— Еще бы!—громко выговорила она и, не оглянувшись назадъ, обняла его за шею и поцѣловала долгимъ, беззвучнымъ поцѣлуемъ.

Голова его затуманилась.

— Все, все я сдѣлаю!..—шептала она ему на ухо, не выпуская его руки.—Обо мнѣ что сокрушаться... Тебѣ бы только была во всемъ удача.

Она вдругъ опустила голову и заговорила гораздо тише, болѣе жидкимъ звукомъ, тономъ дѣвушки, немного отрывочно, съ передышками.

— Отецъ совсѣмъ плохъ... Докторъ боится—ему до осени не дотянуть. Я у нихъ теперь чаще бываю, чѣмъ въ прошломъ и въ позапрошломъ году.

— Когда онъ заболѣлъ?—перебилъ ее Теркинъ.

— Второй годъ ужъ... Сердце, ожирѣніе что-ли, одышка, цѣлыми ночами не спитъ... Водянка начинается... Жалко на него смотрѣть...

— А мать какъ?

— Она еще молодцомъ... Ты бы и не сказалъ, что ей за пятьдесятъ... Разумѣется, и она мается ночи напролетъ около него.

— Съ тобой онъ какъ?

— Ласковъ... Простилъ давно. Муженька моего онъ сразу разгадалъ и видитъ, какіе у насъ лады... Но я ему ничего не говорю про то, что мои деньги Рудичъ проигралъ. Ты знаешь, Вася, въ нашемъ быту первое дѣло—капиталъ. Онъ меня обвинить и будетъ правъ. Еще добро бы я сразу души не чаяла въ Рудича и все ему отдала,—а то вѣдь я его какъ слѣдуетъ никогда не любила... нужды нѣтъ, что чуть не убѣжала изъ родительскаго дома.

Серафима немного помолчала.

— Я къ тому это рассказываю—тебѣ надо теперь почаше наѣзжать, если сподручно, по близости находишься. Отецъ можетъ отойти вдругъ... задохнуться. Вася! Ты меня не осуждай!..

— За что, голубка?—вырвалось у него звонко.

— Да вотъ что я хочу съ тобой переговорить о дѣлахъ... Видишь, нашей сестрѣ нельзя быть безъ обезпеченія.—Она тихо разсмѣялась.—Я знаю, интеллигенты разные сейчасъ за Островскаго схватятся: это, молъ, какъ та вдова купчиха, что за красавчика вышла... Помнишь?.. Какъ, бишь, называется пьеса?

— Кажется, „Не сошлись характерами“.

— Да, да. Тамъ она разсуждаетъ: „Что я буду безъ капитала?.. Дура, молъ!..“ Я вотъ и не дура, и не безграмотная, а горькимъ опытомъ дошла до того же въ какихъ-нибудь два года... Отъ моего приданаго одинъ пшикъ остался! Тряпки да домашнее обзаведеніе!

Глаза ея все темнѣли, блескъ пропалъ; она сидѣла съ опущенной головой и щеки казались совсѣмъ матовыми.

— Ты боишься, что тебя родители обидятъ?

Тотчасъ послѣ этого вопроса Теркинъ испыталъ новую неловкость: ему сдѣлалось почти противно, что онъ втягивается въ такой разговоръ, что онъ за сотни верстъ отъ того, о чемъ мечталъ, что его дѣловая натура подчиняла себѣ темпераментъ увлеченнаго мужчины.

Серафиму онъ не осуждалъ; все это она говоритъ гораздо болѣе изъ любви къ нему, чѣмъ изъ себялюбія. Она иносказательно хочетъ дать ему понять, что на его матеріальную поддержку она не рассчитываетъ, что свою жизнь съ нимъ она желаетъ начать какъ свободная и обезпеченная женщина. Въ этомъ онъ не сомнѣвался, хотя гдѣ-то, въ маленькой складкѣ его души,

точно заскребло жуткое сомнѣніе: не наскочилъ ли онъ на женскую натуру, гдѣ чувственное влеченіе прикрываетъ только разсудочность, а можетъ, и хищничество?— „А самъ-то я развѣ не изъ такихъ же?“ строго спросилъ онъ себя и взглядомъ показавъ ей, что слушаетъ ее съ полнымъ сочувствіемъ.

— Боюсь я вотъ чего, Вася,—она продолжала еще тише:— дѣла-то отцовы позамаялись въ послѣдніе годы. Я сама думала, да и въ городѣ долго толковали, что у него большой капиталъ, кромѣ мельницы, гдѣ они живутъ.

Теркинъ кивнулъ головой, слушая ее; онъ зналъ, что мельница ея отца, Ефима Спиридоныча Безпалова, за городомъ, по ту сторону рѣчки, впадающей въ Волгу, и даже проѣзжалъ мимо еще въ прошломъ году. Мельница была водяная, довольно старая, съ жилымъ помѣщеніемъ; на его одѣочный глазомѣръ—не могла стоять больше двадцати, много тридцати тысячъ.

— А тебѣ сдается?..

— Мать ужъ намекала мнѣ, что послѣ отца не окажется большихъ денегъ. Завѣщаніе онъ врядъ-ли написалъ... Старого закона люди завѣщаній не охотники составлять. На словахъ скажетъ или изъ рукъ въ руки отдастъ. Мать меня любитъ больше всѣхъ... Но вѣдь и ей жить нужно... Ежели и половину мнѣ отдать... не знаю, что это составить?

Серафима задумалась.

— Вася! Ты на меня какъ сейчасъ взглянулъ—скажешь: я интересанка!.. Клянусь тебѣ—деньги я не люблю, даже какое-то презрѣніе къ нимъ чувствую; онѣ хуже газетной бумаги на мой взглядъ... Но ты пойми меня: мать—умная женщина, да и я не наивность, не институтка. Только въ совѣтъ намъ не откажи, когда нужно будетъ... больше я ни о чемъ не прошу.

— О чемъ просить!.. Только черкни или дай депешу—и я тутъ, какъ листъ передъ травой.

Сдержанный смѣхъ вырвался изъ его широкой груди. Онъ взялъ ее за талію и ближе притянулъ къ себѣ.

— Какъ листъ передъ травой,—медленно повторила она.— Вася! ты полюбилъ меня, вѣрю... Но знай одно—я это говорю передъ тѣмъ, какъ быть твоей... Не можете вы такъ любить, какъ мы любимъ, когда судьба уважаетъ намъ на человѣка... Нѣтъ! Не можете!

На послѣднихъ словахъ ея голосъ дрогнулъ. Теркинъ промолчалъ.

IX.

Совсѣмъ стемнѣло. Съ рѣки доходилъ раскатыстый, унылый гулъ рѣдкихъ пароходныхъ свистковъ; фонари на мачтахъ выдѣлялись ясными цвѣтными точками. Заволжье лежало бурой пеленой на низкомъ горизонтѣ. Въ двухъ мѣстахъ развели костры и красное расплывчатое пламя мерцало на пологѣ ночи.

Вѣтерокъ игралъ кружевомъ на шляпкѣ Серафимы. Она прижалась къ плечу Теркина и говорила медленно, какъ бы боясь показать все, что у нея на душѣ.

— Ты какъ вообще смотришь на такихъ дѣвицъ?

Они теперь опять вернулись къ ея семейнымъ дѣламъ. На ея слова о любви мужчины и женщины онъ не возражалъ, а только поглядѣлъ на нее долго-долго, и она не стала продолжать въ томъ же духѣ. Теперь она спрашивала его по поводу ея двоюродной сестры, Калеріи, бросившей ихъ домъ, года два передъ тѣмъ, чтобы готовиться, въ Петербургъ, въ фельдшерлицы.

— Какъ я смотрю? — переспросилъ ее Теркинъ. — Да признать тебѣ, не очень я одобряю всѣхъ этихъ стриженныхъ.

— Она, положимъ, не стриженная, — поправила Серафима, — а волосы долгіе носить, все хочетъ въ ангельскомъ чинѣ быть, — прибавила она, и въ голосъ слышалось что-то злобное.

— Все равно... Прежнія-то, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда я еще въ школѣ былъ и всякая дурь въ голову лѣзла... тѣ, по крайности, хоть смѣлы были, на проломъ шли, а частенько и собственной шкурой отвѣчали. А нынѣшнія-то въ тѣ же барышни норовятъ, воображаютъ о себѣ чрезвычайно и ни на какое толковое дѣло не пригодны.

Глаза ея радостно блеснули въ темнотѣ.

— Вотъ я и думала, Вася, что ты такъ именно на всѣхъ этихъ госпожъ смотришь. Калерія съ дѣтства все на себя напускала... То въ божественность ударится — хотѣла даже въ скитъ поступить, да скитовъ-то не оказалось и на самомъ Иргизѣ! То вообразила себѣ, что у ней талантъ — стихи начала писать... Кажется, посылала въ Москву, въ редакцію; да тамъ, должно быть, вышутили ее жестоко, въ отвѣтномъ письмѣ — и съ нея это слетѣло. Тогда она заговорила о высокомъ призваніи женщины въ современномъ обществѣ, евангеліемъ зачитывалась, начала рваться отсюда учиться, врачевать недуги человечества, только, — злобный смѣхъ прервалъ ея слова, — для врачеванія-то надо дипломъ имѣть, а она, даромъ что стихи писала, и грамматики

порядочно не прошла, пишетъ „убѣжденіе“ бѣ—ѣ, дѣ—ятъ, стало быть, въ медички ей нечего было и мечтать. Она въ фельдшерицы съ грѣхомъ пополамъ попала, тамъ, при Красномъ Крестѣ, что-ли.

— Такъ, такъ...

Теркинъ слушалъ внимательно, но въ головѣ у него безпрестанно мелькалъ вопросъ: „зачѣмъ Серафима рассказываетъ ему такъ подробно объ этой Калеріи?“ Онъ хотѣлъ бы схватить ее и увлечь къ себѣ, забыть про то, кто она, чья жена, чьихъ родителей, какія у нея заботы... Одну минуту онъ даже усомнился: полно, такъ ли она страстно привязалась къ нему, если способна говорить о домашнихъ дѣлахъ, зная, что онъ здѣсь только до разсвѣта и она опять его долго не увидитъ?..

Но вся она вздрагивала, какъ только онъ сжималъ ее талию или тихо прикасался губами къ похолодѣвшей щекѣ. Отъ нея шло это трепетанье и сообщалось ему... Говорить она про Калерію не спроста, клонить все къ тому же. Она не можетъ ничего утаить отъ него. Она показываетъ, что отнынѣ—онъ ея сообщникъ во всемъ и руководитель. Ей надо излиться вполне и знать теперь же, раздѣляетъ ли онъ ея взгляды и чувства къ этой Калеріи?

— Видишь ли, Вася,—продолжала она совсѣмъ тихо:—папенькѣ братъ оставилъ ее на попеченіе. И капиталъ былъ... Неважный... Дядя Прокофій Спиридонъ... всегда былъ такой прожекторъ, и много у него денегъ ушло на глупости.

— Однако, она все-таки наслѣдовала...

— Какъ тебѣ сказать... И да, и нѣтъ. Завѣщанія никакого не оставилъ дядя. И обороты главные, по хлѣбной торговлѣ, у нихъ были общіе. Часто отецъ его выручалъ. Я думаю—значилось, быть можетъ, за нимъ нѣсколько тысяченокъ, не больше.

— Не больше?—переспросилъ Теркинъ, все еще не видя ясно, куда она клонить.

— Ни въ какомъ случаѣ! Это и мать говорить, а она отъ роду не выдумывала. Не знаю, солгала ли на своемъ вѣку въ одномъ какомъ важномъ дѣлѣ, хоть и не принимала никогда присяги. Отецъ-то Калерію баловалъ... куда больше меня. И всѣ ея эти выдумки и поступки не то что одобрялъ... а не ограничивалъ. Всегда онъ одно и то же повторялъ: „Мой первый долгъ—Калерію обезпечить и ея капиталецъ приумножить“.

— Что-жъ, это—по честному.

— Кто говорить!—перебила Серафима. —Только какъ же теперь

—умри отецъ безъ завѣщанія—опредѣлить, сколько ей слѣдуетъ и сколько намъ?..

Протянулось молчаніе. Теркинъ, незамѣтно для себя, входилъ въ то, что ему говорила Серафима. Теперь онъ хорошо понималъ, о чемъ ее забота и какого мнѣнія она ждетъ отъ него.

— Дѣло чистое,—выговорилъ онъ, немного отведя отъ нея глаза: коли завѣщанія не будетъ и отецъ на словахъ не распорядится—вамъ надо полюбовно раздѣлить. Вы ее во всякомъ случаѣ обидѣть не захотите...

Когда онъ произносилъ эти слова, за него думалъ еще кто-то. Ему вспомнилось, что тотъ дѣлецъ, Усатинъ, къ кому онъ ѣхалъ на низовья Волги, сдѣлать заемъ или найти денегъ черезъ него, для покрытія двухъ третей платы за пароходъ „Батракъ“, быть можетъ, и не найдетъ, ни у себя, ни вокругъ себя, такой суммы, хоть она и не Богъ знаетъ какая.

— А во сколько,—спросилъ онъ Серафиму, перебивая самого себя,—по твоимъ соображеніямъ, могъ онъ приумножить капиталъ Калеріи?

— Это трудно сказать... Онъ насчетъ дѣлъ своихъ всегда скрытенъ былъ. Да и съ тѣхъ поръ, какъ болѣеть, не очень-то отъ него узнаешь правду... Даже и маменькѣ ничего не говорить. Скажеть—когда совсѣмъ смерть придетъ.

„Однако, какъ же это она про смерть отца такъ говоритъ?—подумалось ему.—Какъ будто очень ужъ жѣстко“...

Но ему не хотѣлось обвинять ее. Онъ зналъ, что въ купеческихъ семьяхъ—все равно что въ крестьянствѣ—нѣжностей большихъ не водится. А тутъ, вдобавокъ, особенный случай. Она выскочила замужъ такъ стремительно, потому что ей дома было тошно. Суровый отецъ, разница въ образованіи; они съ матерью остались раскольниковыми; она набралась другихъ мыслей, даже и на таинства стала глядѣть, какъ на простые обряды. А по своему она можетъ и теперь любить отца. Умри онъ—и она будетъ убиваться. И мать она любить—это чувствуется въ каждомъ ее словѣ.

— Смущаться тебѣ нечего, Сима,—успокоеннымъ тономъ сказалъ Теркинъ и повернулъ къ ней лицо.—Ни тебя, ни двоюродной твоей сестры отецъ не обидитъ. И вы съ матерью въ полномъ правѣ пораdѣть о вашихъ кровныхъ достаткахъ. Та госпожа—отрѣзанный ломоть. Домъ и капиталъ держались отцомъ твоимъ, а не братомъ. Всего бы лучше матери узнать у старика, какія именно деньги остались послѣ дяди, и сообразно съ этимъ и распорядиться.

— Ты такъ говоришь, Вася? — вскричала она еще радостнѣе.
— Спасибо тебѣ, родной!

Ея руки обвились вокругъ его шеи. Влажныя, нервныя губы прильнули къ его губамъ.

И онъ еще сильнѣе почувалъ, что эта женщина вся принадлежитъ ему.

Держа его голову въ своихъ рукахъ, Серафима спросила его:

— А ты мнѣ не скажешь, Вася, надолго ли ты туда, въ Царицынъ? Вѣдь ты ѣдешь къ тому господину?

По его письмамъ она знала, что онъ сдѣлается пайщикомъ товарищества и надѣется еще къ концу макарьевской армарки приобрѣсть пароходъ

— Съ недѣлю это возьметъ, Сима.

— И сколько тебѣ не хватаетъ денегъ? — горячо спросила она.

— Что объ этомъ толковать?!

Онъ не любилъ вводить женщинъ въ свои расчеты, считалъ это недостойнымъ стоющаго мужчины.

— Почему же ты не хочешь? — порывисто спросила она. — Думаешь, я тебѣ въ этомъ не помощница?.. Нѣтъ, Вася, я хочу все дѣлать съ тобой. Не въ сладостяхъ однѣхъ любовь сидитъ. Если я тебѣ, полчаса назадъ, сказала, что безъ обезпеченія нельзя женщинѣ... вѣрь мнѣ... сколько бы у меня ни оказалось вполнѣдствія денегъ, я не для себя одной. Чего же тебѣ отъ меня скрывать?

— Да я и не думаю, — мягко выговорилъ Теркинъ. — Тысячъ всего двадцати не хватаетъ. Остальное мнѣ повѣрять!.. Заработаемъ духомъ!

— Двадцать тысячъ, — глухо и вдумчиво произнесла Серафима. — Спасибо, что сказалъ.

Она стала его цѣловать много-много. Теркинъ отвелъ ее обѣими руками за плечи и сказалъ прерывисто:

— Сима!.. Довольно!.. Такъ нельзя. Пожалѣй меня!..

— Прости, жизнь моя, прости!

— Проводи меня.

Теркинъ всталъ и она тотчасъ же поднялась.

Оба пошли оттуда быстро и молча. Онъ чувствовалъ, что Серафима войдетъ къ нему. Былъ уже одиннадцатый часъ. Вездѣ стояла тишина и только изъ увеселительнаго сада, гдѣ они когда-то встрѣтились, донесся раскатъ музыки.

Серафима у крыльца гостиницы припала головой къ его плечу и у нея вырвался одинъ только взгласъ:

— Вася!..

Х.

Пароходъ „Бирючь“ опять пробирался по сомнительному шлѣсу, хотя и шель къ низовьямъ Волги и уже миновалъ двѣ-три большихъ стоянки.

Рано утромъ, на зарѣ, онъ тронулся съ послѣдней ночевки, гдѣ принялъ нѣсколько пассажировъ.

Въ числѣ ихъ былъ и Теркинъ. Онъ спалъ до пяти часовъ и, когда стало уже вечерять, вышелъ на палубу.

Проходили мимо гористыхъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ, почти вровень съ водою. Теркинъ сѣлъ у кормы, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ русло сѣзилось и отъ лѣсистыхъ краевъ нагорнаго берега пошли тѣни.

— Василию Ивановичу!—окликнулъ его сверху жирнымъ, добродушнымъ звукомъ капитанъ Кузьмичевъ.—Какъ почивали?

— Превосходно! — отвѣтилъ Теркинъ и два раза кивнулъ ему головой.

Капитанъ прохаживался по правому кожуху и курилъ.

— Вотъ опять къ намъ угодили. Весьма радъ.

— И я также,—отвѣтилъ ему Теркинъ въ тонъ.

Ему въ самомъ дѣлѣ было пріятно, что онъ совершенно неожиданно попалъ на „Бирючь“. Ему казалось только страннымъ, почему этотъ пароходъ такъ поздно пришелъ въ тотъ губернский городъ, гдѣ онъ сегодня, чѣмъ свѣтъ, сѣлъ на него.

— Вы, нешто, гдѣ застряли?—крикнулъ онъ снизу вверхъ капитану.

— И весьма!..

— Гдѣ же?

— У села Работокъ. Съ колесомъ вотъ съ этимъ бѣда приключилась. Цѣлую недѣлю валадались. Срочный грузъ должны были паузить.

— Дрянная посудина!—замѣтилъ хозяйскимъ тономъ Теркинъ.

— Мнѣ самому, Василій Ивановичъ, она оскомину набила.

Кузьмичевъ присѣлъ на ворточки, на край кожуха, свѣсивъ голову, и полушопотомъ пустилъ:

— Къ вамъ проситься буду...

— Милости прошу, — отвѣтилъ Теркинъ полушутливо, но тотчасъ же про себя прибавилъ: „тебя я не прочь взять, ты ловкій и душевный парень; только надо тебя будетъ маленько подтягивать“.

— Спасибо на добромъ словѣ!

Глазки Кузьмичева весело заиграли; онъ, всегда красный, еще покраснѣлъ и молодцовато поднялся на ноги.

— Вы до Царицына съ нами?—спросилъ онъ еще возбужденнѣе.

— До Царицына.

— А „Батракъ“ вашъ, поди, совсѣмъ готовъ, ждетъ только, какъ его въ купель опустятъ... За чѣмъ дѣло стало?

Теркинъ, безъ словъ, показалъ ему, что есть заминка въ деньгахъ, постукавъ правой кистью о ладонь лѣвой.

— Хе, хе!—раздался веселый смѣхъ капитана. — Вы это живой рукой оборудуете.

Въ его словахъ не было лести. Онъ дѣйствительно считалъ Теркина умнѣйшимъ и даровитѣйшимъ малымъ, вѣрилъ, что онъ далеко пойдетъ... „Ежели и плутовать будетъ, — говорилъ онъ о немъ пріятелямъ,—то въ мѣру, сохранить въ душѣ хоть махонькую искорку“.

Тонъ капитана пришелся Теркину по сердцу. И весь этотъ интимный разговоръ прошелъ безъ ближайшихъ свидѣтелей. Около никто не сидѣлъ, и чтобы не очень было слышно, Теркинъ придвинулся къ самому кожуху.

— Всякаго успѣха!—крикнулъ капитанъ, подошелъ къ периламъ рубки и что-то тихо сказалъ лоцману.

Теркинъ остался одинъ на этой половинѣ кормового борта. Вѣхало мало народу и отъ товаровъ палуба совсѣмъ очистилась: которые сдали въ Нижнемъ, а которые должны были выгрузить въ селѣ Работкахъ, гдѣ съ „Бирючемъ“ стряслась бѣда.

Разговоръ о „Батракѣ“ и о его поѣздкѣ за деньгами вернулъ его мгновенно къ тому, что было тамъ, въ губернскомъ городѣ, у памятника, и у него, въ гостинницѣ.

Когда онъ вышелъ изъ каюты и сѣлъ у кормы, онъ ни о чемъ не думалъ, ничего не вспоминалъ; на него напало особаго рода спокойствіе, съ полнымъ отсутствіемъ думъ. Воображеніе и чувства точно заснули.

Разговоръ съ Кузьмичевымъ вызвалъ разомъ все, съ чѣмъ онъ сѣлъ сегодня, въ четвертомъ часу утра, на пароходъ „Бирючь“.

Онъ полонъ былъ Серафимой, и это его почти пугало... Она ему правилась, танула къ себѣ; обладать ею онъ мечталъ цѣлый годъ и съ каждымъ днемъ все страстнѣе; но онъ не воображалъ, чтобы въ ней онъ нашелъ столько прелести, огня, смѣлаго порыва, обаянія.

Онъ не понималъ даже, какъ могъ онъ оторваться отъ нея и попасть на пароходъ. Да и она—скажи онъ слово—осталась

бы до поздняго часа, и тогда ея разрывъ съ мужемъ произошелъ бы сегодня же. Вѣдь нынче вечеромъ долженъ пріѣхать изъ Москвы Рудичъ. Но она ушла въ допустимый часъ — часа въ два. Въ такой часъ она могла, въ глазахъ прислуги, вернуться изъ сада или изъ гостей.

Теркинъ, безъ всякихъ разспросовъ, вѣрилъ, что у нея, до встрѣчи съ нимъ, не было никого, а мужа она не любила, стало быть не могла испытывать никакого упоенія отъ его ласкъ. Она слишкомъ еще молода. Не успѣла она пріучиться къ чувственной лжи. Да и нельзя надѣзать на себя личину съ такою натурой.

Да, онъ почти пугался того, какъ эта женщина „захлестнула“ его.

Его торжество, какъ мужчины—полное. Стоитъ ему дать ей денешу изъ ближайшаго города, и она убѣжитъ.

И сегодня, прощаясь съ нимъ у крыльца гостинницы, въ полусвѣтѣ занимавшагося утра, она говорила прерывающимся шопотомъ, пополамъ съ неслыханными имъ по звуку рыданіями.

— Вася! Я готова уѣхать съ тобой. На томъ же пароходѣ, такъ вотъ, какъ я есть... въ одномъ платьѣ... Но не будешь ли ты самъ упрекать меня потомъ за то, какъ я обошлась съ мужемъ? Я ему скажу, что люблю другого и не хочу больше жить съ нимъ. Надо его дожидаться... Для тебя я это дѣлаю...

И она не лгала. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы страсть женщины, съ которою онъ счетомъ встрѣчался четыре раза въ жизни, достигла такого предѣла.

Въ себѣ онъ не чувствовалъ еще ни охоты, ни силъ какъ-нибудь оглядѣться, подумать о послѣдствіяхъ. Связь уже держала его точно въ клещахъ, но эти клещи были полны неизвѣданной сладости. И долго ли онъ будетъ такъ захваченъ—онъ не зналъ и не хотѣлъ себя допрашивать.

Между тѣмъ, подъ навѣсомъ, между кожухами, на фонѣ пролета, гдѣ помѣщается машина и куда заходили лучи вечерняго солнца, отдѣлилась мужская фигура.

Пассажиръ лѣтъ за пятьдесятъ, съ ожерельемъ сѣдѣющей бороды—остальное все было выбрито—въ бѣломъ картузѣ и камлотовой коричневой шинели. Лицо его землистаго цвѣта какъ бы свело изнутри, такъ что ротъ пошелъ весь складками, и подъ нижней губой лежала очень замѣтная морщина. Онъ прищуривался противъ солнца изъ-подъ длиннаго козырька картуза, обшитаго также бѣлымъ ластикомъ. Глаза, безъ рѣсницъ, слезились — желтоватые, пронизательные и съ воспаленными вѣками.

Изъ-подъ фуражки виднѣлись темнорусые волосы, еще безъ сѣдины, и полоска лысины вдоль обода ея.

Шинель держалась на его плечахъ въ накидку, незастегнутая, и подъ галстукомъ блеснулъ ободокъ креста, съ лентой какого-то ордена.

Весь онъ отзывался провинціей, смотрѣлъ запоздалымъ губернскимъ чиновникомъ.

Постоялъ онъ нѣсколько минутъ, глядя взадъ парохода на уходившіе гористые берега, и вдругъ кашлянулъ протяжно, въ носъ, и совершенно на особый ладъ.

Теркинъ былъ какъ бы разбуженъ этимъ необычнымъ звукомъ и быстро поднялъ голову.

Пассажиръ въ камлотовой шинели стоялъ близко отъ него, и профиль подъ тѣнью козырька первый былъ схваченъ Теркинымъ.

„Кто это?“ — чуть не вслухъ выговорилъ онъ. — „Фрдшка?“ ...

Точно желая убѣдиться въ томъ, что онъ не ошибается — Теркинъ даже протеръ глаза и подался впередъ всѣмъ корпусомъ.

Камлотовая шинель повернулась въ полъ-оборота.

„Онъ!“ ... — вскричалъ про себя Теркинъ и весь заохолодѣлъ. Въ одинъ мигъ все, чѣмъ онъ былъ сейчасъ переполненъ, отлетѣло, и вслѣдъ затѣмъ краска разлилась по его щекамъ.

Пассажиръ еще разъ кашлянулъ, сплюнулъ, запахнувшись въ шинель, пошелъ ускореннымъ шагомъ къ рубѣ и скрылся въ дверяхъ ея.

„Фрдшка, Фрдшка! Съ орденomъ на шеѣ! Онъ! Онъ!“ — повторялъ Теркинъ, и такъ взволновался, что всталъ и началъ ходить по палубѣ.

XI.

Въ господинѣ съ орденomъ на шеѣ онъ призналъ „Фрдшку“: такъ они звали въ гимназіи надзирателя и учителя, Фрументія Лукича Перновскаго. Изъ-за него онъ вылетѣлъ изъ гимназіи, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

Внезапное появленіе „лютаго врага“ захватило Теркина всего. Исторія его исключенія запрыгала въ его мозгу въ образахъ и картинахъ съ начала до конца.

Отъ волненія онъ долженъ былъ даже присѣсть опять на скамейку, подальше, у самой кормы. Онъ поборолъ въ себѣ желаніе пойти сейчасъ въ каюту, убѣдиться, что это дѣйствительно Перновскій, заговорить съ нимъ.

Это не уйдетъ.

Онъ былъ тогда въ шестомъ классѣ и собирался въ университетъ черезъ полтора года. Отцу его, Ивану Прокофійчу, приходилось ужъ больно жутко отъ односельчанъ. Пошли на него навѣты и форменные доносы, изъ-за которыхъ онъ, два года спустя, угодилъ на поселеніе. Дѣла тоже приходили въ разстройство. Маленькое спичечное заведеніе отца еле-еле держалось. Надо было искать уроковъ. Отъ платы онъ былъ давно освобожденъ, какъ хорошій ученикъ, ни въ чемъ еще не попадавшійся.

Начальство, особливо наставники, не очень-то его долблывали, проговаривались, что крестьянскимъ дѣтямъ нечего лѣзть въ студенты, что, молъ, это только плодитъ въ обществѣ „неблагодѣтельныхъ честолюбцевъ“. Такія фразы доходили до учениковъ изъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ, — неизвѣстно, какими каналами, но доходили.

При гимназіи состоялъ пансіонъ, учрежденный на дворянскія деньги. Дѣтей разночинцевъ туда не принимали — исключеніе дѣлали для нѣкоторыхъ семей въ городѣ изъ именитыхъ купцовъ. Дворяне жили въ смежномъ зданіи, приходили въ классы въ курточкахъ, за что не мало надъ ними потѣшались, и потомъ уже стали носить блузы.

Въ своемъ классѣ Василій Теркинъ считался „битой“ за смѣлость, физическую силу, рѣчистость, превосходную память и товарищескій духъ. Чтѣ бы ни затѣвалось сообщая — онъ всегда былъ во главѣ.

Изъ „дворянчиковъ“ у него въ низшихъ классахъ водились пріатели. Къ нимъ его тянуло сложное чувство. Ему любо было знаться съ ними, сознавая свое превосходство, даромъ, что онъ пріемышъ крестьянина, бывшаго крѣпостного, и даже „поддыхъ“, значить, не законный сынъ какой-нибудь солдатки или того хуже.

Разъ — онъ уже перешелъ въ четвертый классъ — одинъ второклассникъ подбѣжалъ къ нему и кинулъ въ лицо:

— Теркинъ! Ты...

Ругательное слово крикливо раздалось по всему классу. Теркинъ схватилъ его за шиворотъ и въ полуоткрытую дверь вышвырнулъ въ корридоръ, гдѣ тотъ чуть не расшибся въ кровь, упавъ на чугунныя плиты. Но тотъ не посмѣлъ бѣжать жаловаться — его избилъ бы товарищи; они всѣ стали на сторону Теркина, хотя и знали давно, кто онъ, какого происхожденія...

Съ той поры онъ и самъ пересталъ скрывать, что онъ „пріемышъ“; крестьянскаго рода онъ никогда не стыдился. Въ классѣ

онъ былъ пастоящій, тайный „старшій“, хотя старшимъ считался, въ глазахъ начальства, другой ученикъ, и товарищи поговаривали, что онъ ведетъ „кондуитный списокъ“ для инспектора и часто захаживаетъ къ живущимъ на квартирахъ безъ родителей вовсе не за тѣмъ, чтобы покурить или чайку напиться, а чтобы все высмотрѣть и разузнать. За это всё его въ насмѣшку прозвали „тutorъ“—слово, начинавшее тогда входить въ моду; оно пришло изъ Москвы и десятки лѣтъ не было извѣстно гимназистамъ; считалось всегда кутейническимъ, семинарскимъ.

Въ старшихъ классахъ учителями-наставниками были: неизвѣстно какого происхожденія Виттихъ и—Перновскій, вотъ этотъ самый „Фрѣшка“ изъ духовнаго званія; онъ же состоялъ и въ надзирателяхъ въ дворянскомъ пансіонѣ. Съ Виттихомъ классъ еще ладилъ, нимало не боялся, слишкомъ скоро раскусилъ его. Виттихъ самъ заговаривалъ съ учениками и въ классѣ, и на улицѣ; только про него давно толковали, что онъ „перемѣтная сума“—въ глаза лебезить, „голубчикомъ“ называетъ; а директору все доносить и въ совѣтъ—при обсужденіи отмѣтокъ за поведеніе—наговариваетъ больше всѣхъ остальныхъ.

Въ пансіонѣ водилось между учениками двухъ старшихъ классовъ, что имъ надзиратели и даже учителя взаймы деньги давали,—правда, безъ процентовъ. Изъ пансіона перешло это и въ гимназію, къ ученикамъ изъ мелко-чиновничьихъ дѣтей и разночинцевъ.

Сначала дворянскія дѣти изъ уѣздовъ начали просить, когда изъ деревни запаздывала присылка карманныхъ денегъ.

— Поѣду на вакаціи! Клянусь Богомъ, привезу, дайте зелененькую!

Кто былъ помягче—давали, да и риску большого не предвидѣли. Съ вакацій воспитанникъ пріѣдетъ навѣрно при деньгахъ, да можно было и родителямъ написать. До этого, однако, никто себя не доводилъ.

Потомъ и приходящіе гимназисты, изъ разночинцевъ, стали занимать. У Виттиха можно было раздобыться скорѣе, чѣмъ у другихъ, около двадцатаго числа. Всѣ почти учителя давали взаймы. Щедрѣ былъ учитель математики. У него Теркинъ шелъ первымъ, и въ университетъ готовилъ себя по физико-математическому факультету, чтобы потомъ перейти въ технологическій или въ путейцы.

Только одному учителю нельзя было и заикнуться о „перехватѣ“ денегъ—Перновскому. Весь классъ его ненавидѣлъ, и Перновскій точно услаждался этой ненавистью. Прежде, по раз-

сказані тѣхъ, кто кончилъ курсъ десять лѣтъ раньше, такихъ учителей совсѣмъ и не водилось. Въ нихъ ученики зачуяли что-то фанатическое и безпощадное. Перновскій съ перваго же года — его перевели изъ-за Москвы — показалъ, каковъ онъ и чего отъ него ждать...

Уже и тогда Перновскій смотрѣлъ такимъ же старообразнымъ и высохшимъ, а ему не было больше тридцати трехъ-четыре-хъ лѣтъ; только на щекахъ у него показывалась часто подозрительная краснота съ кровавыми жилками...

Изъ пансіонеровъ Теркинъ дружилъ всего больше съ „Петь-кой“ Звѣревымъ, изъ богатенькихъ помѣщичьихъ дѣтей. Отецъ его служилъ предводителемъ въ дальнемъ заводскомъ уѣздѣ. Звѣревъ былъ долговязый, рыжій, веснучатый малый, картавый и смѣшливый, съ дворянскими замашками. Но передъ Терки-нымъ онъ пассивалъ, считалъ его первой головой въ гимназій; къ переходу въ пятый классъ, когда науки стали „доѣзжать“ его, съ нимъ репетировалъ Теркинъ за хорошую плату.

Они оба слегка покучивали — не то чтобы пьянство или другое чтò: общая страсть къ билліарду, а билліардъ нераз-лученъ съ посѣщеніемъ трактировъ.

Ихъ обоихъ наслѣдилъ Перновскій, и хотя поймать не пой-малъ, но въ слѣдующемъ же засѣданіи совѣта заявилъ, что воспи-танникъ дворянскаго пансіона Петръ Звѣревъ и ученикъ гимна-зій Василій Теркинъ посѣщаютъ трактиры.

Теркина Перновскій особенно донималъ: никогда не ставилъ ему „пяти“, говорилъ и въ совѣтѣ, и въ классѣ, что у кого хорошія способности, тотъ обязанъ вдесятеро больше работать, а не хватать все на-лету. Съ усмѣшкой своего злобнаго рта онъ процѣживалъ съ каеэдри:

— Университетское образованіе — не для всѣхъ, господа. Только избранные должны подниматься до высшихъ ступеней.

А всѣмъ отлично было извѣстно, что самъ онъ — сынъ дьячка, и эти „рацен“, виѣстѣ съ „пакостными“ отмѣтками, дѣлали иной разъ то, что весь классъ былъ къ концу его урока въ настроеніи, близкомъ къ школьному бунту.

Теркину онъ началъ-было говорить „ты“, желая видно по-казать ему, что тотъ, какъ мужицкій сынъ, долженъ выносить такое обращеніе безропотно. Пошли къ инспектору — даже не допустили Теркина — и сказали, что они этого за своего товарища выносить не могутъ.

Инспекторъ попросилъ „аспида“ не говорить Теркину „ты“.

Послѣ того Перновскій каждый разъ, какъ вызывать его, только тыкала пальцемъ по направленію къ первой партіи и видалъ:

— Теркинъ!.. Къ доскѣ!

Отвѣчать у доски считалось почти унижительнымъ.

ХІІ.

Заняли они съ Звѣревымъ у Виттиха передъ зимними вакаціями—одинъ пять рублей, другой—десять.

Сильно захотѣлось Теркину повидаться съ своими; уроки какъ-то не задавались въ ту зиму, просить отца о присылкѣ денегъ онъ не хотѣлъ, да и хорошо зналъ, что не изъ чего.

Взялъ онъ десять рублей, съѣздилъ, свезъ старухѣ, названной матери, фунтикъ чаю, вернулся оттуда безъ всякаго подарка, кромѣ разной домашней ѣды. Уроки опять нашлись, но расквитаться съ долгомъ ему нельзя было тотчасъ же послѣ новаго года. Онъ извинился передъ Виттихомъ. Тотъ ничего, балагурилъ, сказалъ даже:

— Вы-то бѣдный, а вотъ вашъ товарищъ, Звѣревъ, тому непростительно быть неисправнымъ. О своемъ долгѣ онъ молчитъ.

Звѣревъ могъ бы, конечно, расплатиться. Онъ привезъ съ собою больше тридцати рублей, да проигралъ ихъ на билліардѣ. Теркинъ ему немного попенялъ.

— За мной не пропадетъ. Нѣмчура, небось, знаетъ, что я не нищій.

И вдругъ узнають они, что на совѣтѣ, гдѣ обсуждали полу-годовые баллы за поведеніе, Теркинъ и Звѣревъ получили всего три съ плюсомъ, и постарался объ этомъ—добро бы Перновскій, а то Виттихъ.

Онъ сказалъ при директорѣ и инспекторѣ:

— И Теркинъ, и Звѣревъ съ дурными склонностями—слова своего не держатъ. Ни тотъ, ни другой не отдають мнѣ долгъ вотъ уже который мѣсяцъ.

Цѣлую недѣлю слѣдили они за нимъ. Звѣреву, жившему въ пансіонѣ, было удобнѣе подглядывать, куда Виттихъ пойдетъ.

И выслѣдили. Они его выждали за угломъ—это было въ сумерки—и въ узкомъ, темномъ корридорчикѣ напали, съ словами:

— Ябедничать!

— Полноте, господа! Полноте! Ваша судьба теперь въ моихъ рукахъ: стоитъ мнѣ подняться къ директору—и вы погибли! Теркинъ ничего не сказалъ.

— Вотъ чтѣ, господа,—заговорилъ Виттихъ громкимъ шопотомъ.—Вы, во всякомъ случаѣ, погибли. Хотите пойти вотъ на что? Чтѣ сейчасъ вышло—умреть между нами. Я буду молчать—молчите и вы!

Въ полутемнотѣ Тервинъ не могъ отчетливо видѣть лица Виттиха и Звѣрева, но ему показалось, что его пріятель первый пошелъ на это, прежде чѣмъ спросилъ:

— Вася! Какъ ты скажешь?

Чтѣ было ему сказать? Изъ-за него быть выгнаннымъ, а то и того хуже—рѣшительно не стоитъ.

— Поклясться-то поклянется,—выговорилъ онъ,—а выдать можетъ, подѣ шумокъ, разлюбезнымъ манеромъ.

— Ладно! Посмотримъ!—сказалъ задорно Звѣревъ, а самъ былъ радъ-радѣшенекъ, что исторія кончилась такъ, а не иначе.

Они оба были увѣрены, что ни одна душа ничего не видала и не слыхала. Въ классѣ Виттихъ велъ себя осторожно и сталъ какъ будто даже мирволить имъ, спрашивалъ рѣже и отмѣтки пошли щедрѣе. Какъ надзиратель—въ пансіонѣ обходился съ Звѣревымъ по прежнему, балагурилъ, разспрашивалъ про его деревню, родныхъ, даже про билліардную игру.

И такъ шло мѣсяца два. Другъ друга они успокоивали: Виттиху прямой расчетъ молчать. Откройся исторія, хотя бы и не черезъ него, ихъ выключать, да и ему ходу не будетъ, въ инспекторы не попадетъ.

Вообще онъ сдѣлался добрѣе и классъ его полюбилъ, сравнивалъ съ „изувѣромъ“ Перновскимъ.

Виттихъ и Перновскій не терпѣли одинъ другого. Изъ-за количества уроковъ, они безпрестанно подставляли другъ другу ножку. Перновскій читалъ въ старшемъ отдѣленіи. На первые два года по его предмету бывалъ всегда особый преподаватель, всего чаще инспекторъ или директоръ. А тутъ Виттихъ захватилъ себѣ ловко и незамѣтно и эти часы; Перновскій еще ядовитѣе возненавидѣлъ его, хотя снаружи они какъ будто и ладили.

Въ началѣ поста дядьку—старого унтера Силантія—за продолжительныя провинности уволили. Въ день его ухода изъ пансіона онъ, сильно выпивши, пошелъ прощаться съ воспитанниками и съ учителями. Началъ онъ съ наставниковъ—ихъ было трое; у всѣхъ былъ, кромѣ Виттиха. И, прощаясь съ Перновскимъ, говорилъ ему:

— Вы, Фрументій Лукичъ, язвительный человѣкъ. И ко мнѣ всегда были не въ примѣръ строги. А я вотъ пришелъ про-

щаться съ вами; къ господину Виттиху, хотъ тотъ и подобрье, я не пойду

И тутъ же Силантій разсказалъ съ пьяна, что онъ собственными ушами слышалъ, какой между воспитанниками и Виттихомъ состоялся уговоръ.

Силантій хотъ и говорилъ, что Виттихъ добрье, но онъ на него всего больше былъ золъ и, зная его нравъ, подозрѣвалъ, что изъ-за „оговоровъ“ Виттиха его разочли.

Для Перновскаго это было слишкомъ на руку, да онъ и помимо того не упустилъ бы никогда ничего подобнаго безъ разоблаченія.

Онъ доложилъ директору и предупредилъ, по-товарищески, своего соперника. Директоръ хотѣлъ сначала замаять дѣло, но черезъ того же Перновскаго узналъ, что и въ классахъ, и въ дортуарахъ объ этомъ уже попли толки.

— Ну, Вася, мы пропали!

На этотъ возгласъ пріятеля Теркинъ, не колеблясь ни секунды, отвѣтилъ:

— Теперь надо осрамить Перновскаго при всѣхъ. Давай бросать жребій.

Сдѣлали они нарѣзку на одной изъ „семинокъ“ и бросили ихъ въ фуражку, встряхнули раза два и уговоръ былъ—въ одинъ мигъ выхватить монету.

Съ нарѣзкой вынулъ Звѣревъ и поблѣднѣлъ, но притворился, что онъ „битва“, и вскричалъ:

— Я, такъ я!..

Но не выдержалъ и чуть не расплакался.

— Страшно?—спросилъ его Теркинъ.

— Страшно, Вася...

Звѣревъ схватилъ его за руки, хотѣлъ поцѣловать и разрюмился окончательно.

— Тебѣ все равно отвѣчать. Коли исключать тебя—вотъ тебѣ крестъ, мамаша тебя не оставитъ!..

— Ну ладно! Только смотри, Петька. Я себя не продаю ни за какія благостыни... Будь чтд будетъ—не пропаду. Но смотри, ежели отецъ придетъ въ разореніе и мнѣ нечѣмъ будетъ кормить его и старуху мать, и ты или твои родители на попятный дворъ пойдете, отрещиваться станете—молъ, знать не знаемъ—ты отъ меня не уйдешь живой!

И такъ грозно онъ это сказалъ, что Звѣревъ началъ креститься и клясться. Ему даже противно стало.

— Ладно. Завтра же! Фроша меня вызоветъ къ доскѣ—навѣрняка.

ХІІІ.

На второй урокъ пришелъ Перновскій и первымъ же вызвалъ Теркина къ доскѣ.

Землистыя щеки Перновскаго, его усмѣшка и выраженіе глазъ, остановившихся на немъ, заставили его покраснѣть. У него даже заволокло зрѣніе и онъ, въ два скачка, очутился у каедръ...

Звуки браннаго слова гулко раздалились въ воздухѣ... Учитель вскочилъ, схватился одной рукой за уголъ каедръ, а другой оттолкнулъ Теркина.

Кончилось, конечно, тѣмъ, что Теркина отвели въ карцеръ тотчасъ же.

Началось дѣло. Сидѣнье въ карцерѣ длилось больше двухъ недѣль. Допрашивали, дѣлали очныя ставки, добивались того, чтобы онъ, кромѣ Звѣрева, — тотъ уже попался по исторіи съ Виттихомъ, — выдалъ еще участниковъ заговора, грозили ему, если онъ не укажетъ на нихъ, водворить его на родину и заставить волостной судъ наказать его розгами, какъ наказываютъ взрослыхъ мужиковъ. Но онъ отрѣзалъ имъ всего одинъ разъ: „Я одинъ надумалъ. Ни Звѣрева, ни кого другого я въ это не впутывалъ“. Звѣрева онъ по второму дѣлу все-таки не выгородилъ: ясно было, что и тотъ хотѣлъ отомстить Перновскому.

Отцу Теркина, Ивану Прокофьеву, не давали знать и не вызывали его больше недѣли. Потомъ ему написалъ одинъ изъ товарищей сына. Старикъ пріѣхалъ, больной, безъ денегъ, кинулся къ начальству, началъ-было, по своей пылкой натурѣ, ходить по городу и кричать о неправдѣ.

И съ пріемышемъ своимъ ему не позволяли видѣться въ первые дни.

Между тѣмъ Василій Теркинъ заболѣлъ не притворно, а въ самомъ дѣлѣ, и его положили въ лазаретъ при пансіонѣ, въ особой комнатѣ, куда остальныхъ, кто лежалъ изъ воспитанниковъ, не пускали.

У отца онъ, когда тотъ пришелъ къ нему, сталъ горячо просить прощенія. — О васъ съ мамынькой, — онъ выговаривалъ по-деревенски, когда былъ со своими, — не подумалъ, тятенька, простите! Ученье мое теперь пропало. Да я самъ-то не пропалъ еще. И во мнѣ вы оба найдете подпору!.. Вѣрьте!..

И когда онъ эти слова говорилъ Ивану Прокофичу, то со-

всѣмъ и не подумалъ о клятвахъ Звѣрева насчетъ денежной поддержки его старикамъ. Не очень-то онъ и въ послѣдствіи надѣялся на слова Звѣрева, да такъ оно и вышло на дѣлѣ.

Иванъ Прокофѣичъ, прощаясь съ приемышемъ, сказалъ ему:

— Вася!.. Ты хоть и не кровный мой сынъ, а весь въ меня!

Мать сильно сокрушалась, лежала разбитая, цѣлые дни разливалась-плакала. Это Теркина всего больше мозжило, и какъ только уѣхалъ домой отецъ, ему начало дѣлаться хуже. Хоть онъ все время былъ на ногахъ, но докторъ опредѣлилъ воспаленіе легкаго.

Бредъ начался у него. Онъ слегъ и добрую недѣлю то-и-дѣло терялъ сознание. Его перестали вообще беспокоить.

Звѣрева просто исключили, безъ права принимать въ ту же гимназію; хлопотали отецъ и губернской предводитель. Да и не хотѣлось начальству, чтобы разнеслась исторія съ Виттихомъ. Виттиха, однако, уволили черезъ два мѣсяца, а Перновскій самъ подалъ прошеніе объ отпускѣ и перевелся куда-то далеко, за Уралъ.

Послѣ кризиса Теркинъ сталъ поправляться; но его „закопченность“, его бодрый, непреклонный духъ и смѣлость подались. Онъ совсѣмъ по другому началъ себя чувствовать. Впереди — точно яма. Вся жизнь загублена. Съ нимъ церемониться не будутъ, исполнять то, что „аспидъ“ совѣтовалъ директору по исключеніи изъ гимназіи: передать губернскому начальству и отдать на судъ въ волость, и тамъ, для острастки и ему, и „смутьяну“ Ивану Прокофѣеву, отпустить ему „сто лозановъ“, благо онъ считалъ себя богатыремъ.

Съ каждымъ днемъ своего выздоровленія, все сильнѣе убѣждался онъ въ томъ, что такъ именно и будетъ. Сначала высѣкутъ въ волостной избѣ, продержатъ въ холодной, а потомъ приговоръ постановятъ сослать его на поселеніе.

Ему это представлялось ярко, въ образахъ. Онъ видѣлъ рожи всѣхъ враговъ Ивана Прокофѣева, и вожаковъ, и горлановъ изъ голытьбы, слышалъ ихъ голоса на сходеѣ. Давно они лютую злобою дышатъ на его отца, не разумѣя въ своей тупости и подлости, что онъ одинъ на всемъ селѣ истинный радѣтель за правду и справедливость. Да имъ какое до этого дѣло!.. Такого случая унижить и донять Ивана Прокофѣева сходъ не упустить, а въ судьяхъ сидятъ его отъявленные „вороги“: Павелъ Разсужинъ да Поликарпъ Стеженинъ. И голова — ихъ человѣкъ, плутъ, подлая душонка, Степанъ Малмыжскій. Тотъ на всякое гнусное дѣло пойдетъ, только бы ему выслужиться передъ начальствомъ.

Не за себя его страшило все это, а больше за стариковъ. Ихъ это убьетъ. Иванъ Прокофѣевъ не стерпитъ, подниметъ

гвалтъ, проштрафится, его самого могутъ сослать. Старуха умретъ съ горя, въ нищетѣ.

Потомъ и за себя ему дѣлалось страшно и тяжело, до нестерпимаго отчаянія. Цѣлыя ночи напролетъ онъ метался одинъ, на своей лазаретной койкѣ.

Вѣдь у него теперь никакихъ правъ нѣтъ!.. Будутъ его „пороть“. Это слово слышитъ онъ по ночамъ—точно кто произноситъ надъ его ухомъ. Мужикъ! Безправный! Ссылный по приговору односельчанъ! Вся судьба въ корень загублена. А въ груди трепещетъ жажда жизни, чувствуешь обиду и позоръ. Уходить навсегда дорога къ удачѣ, къ наукѣ, ко всему, на что онъ считалъ уже себя способнымъ и призваннымъ.

На пятый день такихъ мукъ, его на разсвѣтѣ пронизала мысль: — Лучше съ собой покончить!

Ея онъ не испугался. Какъ ни великъ будетъ для его стариковъ ударъ—самоубійство пріемнаго сына—но все-таки онъ не сравнится съ тѣмъ, черезъ что они могутъ пройти, если его накажутъ въ волости и сошлютъ...

Да и большой храбрости не нужно, чтобы съ собою покончить.

Мысль начала входить въ его мозгъ, какъ входить штопоръ въ пробку, стойко, упорно, пока не довела до безповоротнаго приговора воли.

Но револьвера негдѣ достать. Веревку легче; но какъ? Подкупить сторожа? При немъ состоялъ особый унтеръ, суровый и полуглухой. Съ нимъ надо кричать. Изъ товарищей къ нему никого не пускали.

Голова работала и днемъ, и ночью. Жажда покончить съ собою все росла и переходила въ ежеминутную заботу. Выздоровленіе шло отъ этого туго: опять показалось кровохарканье, температура поднялась, ночью случался бредъ. Онъ страшно похуѣлъ; но ему было все равно,—только бы „уйти изъ жизни“.

XIV.

При лазаретѣ состоялъ фельдшеръ, по фамилии Терентьевъ, изъ питомцевъ воспитательнаго дома. О его происхожденіи Теркинъ давно зналъ, и это ихъ сблизило. Вѣдь и его отнесла бы мать въ воспитательный, родись онъ не въ селѣ, а въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Терентьевъ ухаживалъ за нимъ и жалѣлъ его.

И докторъ, когда болѣзнь Теркина выяснилась, требовалъ отъ

начальства гимназіи, чтобы Теркина оставили въ покоѣ, не запугивали его и не держали бы какъ арестанта.

Терентьевъ давалъ Теркину книжки, видя, что онъ впадаетъ въ уныніе, по пѣлымъ днямъ лежитъ или ходитъ молча. Въ госпиталѣ домашняя аптечка помѣщалась рядомъ, въ проходной комнатѣ.

Съ лекарствами этой аптечки Теркинъ хорошо ознакомился. Тутъ были все невинныя средства; но онъ разглядѣлъ, въ углу, и порядочную стьянку съ опиумомъ.

Частенько пикапчикъ оставался безъ ключа. Да фельдшеръ и не могъ имѣть никакихъ подозрѣній. Не станеть же больной воровать спиртъ и разбавлять его водой—онъ не пьющій, да и вообще, по его мнѣнію, „натура благородная и пылкая“.

Не трудно было Теркину отлить половину опиума въ пузырекъ и поставить стьянку въ уголь такъ, чтобы она не бросалась въ глаза.

Вечеромъ того дня докторъ заѣхалъ часу въ девятомъ, посмотрѣлъ температуру, справился объ аппетитѣ и прописалъ микстуру противъ бессонницы.

Уходя, онъ сказалъ ему, выслать фельдшера:

— Послушайте, Теркинъ... не кривя душой, я могу васъ продержать здѣсь до Пасхи. Но не дольше. Можетъ быть, еслибъ вы торжественно повинились...

— Ни за что!

Докторъ, кажется, испугался выраженія его лица и поспѣшилъ прибавить:

— Какъ знаете. Только здоровье-то надо возстановить. Чтѣ бы съ вами ни случилось, это вашъ единственный капиталъ.

Въ девять ушелъ фельдшеръ; сторожъ ночевалъ рядомъ, въ передней. Въ четверть десятаго Теркинъ сразу выпилъ все, что было въ пузырькѣ. Думалъ онъ написать два письма: одно домой, старикамъ, другое—товарищамъ; но кончилъ тѣмъ, что не написалъ никому. Чего тутъ объясняться?.. Да и не дошли бы ни до стариковъ, ни до товарищей письма, какія стоило оставлять послѣ своей добровольной смерти.

Онъ ждалъ ее храбро, рука у него не дрогнула, когда выливалъ въ ротъ густую жидкость. Чуть не поперхнулся; но проглотилъ все.

И терпѣлъ—пока была возможность... Но все-таки не отравился. Начались припадки—сторожъ побѣждалъ за фельдшеромъ; тотъ тотчасъ же распозналъ, въ чемъ дѣло, но не донесъ. Даже доктора просилъ отъ себя—затушить дѣло, не доводить до директора.

Докторъ согласился; но замѣтилъ Теркину:

— Не слѣдовало бы насъ подводить, господинъ Теркинъ.

Больше ничего не прибавилъ; но приказалъ фельдшеру наблюдать за больнымъ какъ можно внимательнѣе; высказалъ даже, съ глазу на глазъ, опасеніе не начинается ли у Теркина какой-нибудь болѣзненный процессъ въ мозгу.

Терентьевъ этого не думалъ; но онъ воспользовался словами доктора.

— Знаете что, Василій Ивановичъ — заговорилъ онъ разъ, подъ вечеръ, сидя на краю койки больного. — Вамъ не уйти — съ вашимъ характеромъ — отъ большого наказанія... Вы это чувствуете... Не даромъ вы на свою жизнь посягали. Одно средство. — продолжалъ онъ, — выиграть время и, быть можетъ, совсѣмъ оправдаться — это... это...

Онъ не сразу выговорилъ.

— Что такое? — спросилъ Теркинъ, не ожидая ничего стоящаго.

— Могутъ ваше состояніе признать ненормальнымъ... понимаете?.. У нашего Павла Сергѣевича — такъ звали доктора — есть нѣкоторыя сомнѣнія на этотъ счетъ...

Фельдшеръ пристально и долго на него смотрѣлъ. Въ глазахъ было желаніе помочь бѣднягѣ, разумѣется, такъ, чтобы тотъ его не выдалъ.

Ничего ему не сказалъ на это Теркинъ. Но слова Терентьева запали ему въ душу.

Еще двѣ ночи безъ сна — на него и хлоралъ уже плохо дѣйствовалъ — и весь онъ запылалъ новой неудержимой злобой ко всему, что привело его къ попыткѣ самоубійства и казалось впереди розги волостного правленія; можетъ, и ссылку административнымъ путемъ.

Подвернулся лазаретный унтеръ, сталъ за что-то ворчать. Онъ бросился на него и, еслибы не прибѣжавшій фельдшеръ, смаялъ бы старика.

Съ того дня и Терентьевъ уже искренно подозрѣвалъ, что онъ находится въ „ирритаци“, близкой къ припадкамъ бурнаго сумасшествія. Докторъ склонялся къ тому же мнѣнію.

Болѣзнь уходила; Теркинъ ѣлъ и спалъ лучше, но съ каждымъ днемъ онъ казался страннѣе, говорилъ ни съ чѣмъ „несуразныя“ вещи, — такъ докладывалъ о немъ унтеръ и не на шутку побаивался его.

Даже по прошествіи десяти слишкомъ лѣтъ, Теркинъ не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, чего въ немъ было больше —

притворства или настоящей психопатіи? По крайней мѣрѣ, въ первые дни послѣ того, какъ онъ бросился на лазаретнаго сторожа, и докторъ съ Терентьевымъ начали вѣрить въ его умственное разстройство, быть можетъ, одна треть душевнаго недомоганія и была, но долю притворства онъ не станетъ и теперь отрицать. Въ немъ сидѣла тогда одна страстная мысль:

„Все равно погибать!.. Такъ лучше уже—разъ не удалось покончить съ собою въ лазаретѣ—отдалить минуту расправы, если удастся попасть въ сумасшедшій домъ. Тамъ, или онъ покончить съ собою, или ему удастся, по прошествіи года, уйти отъ поворящаго наказанія. Просто, оставить его въ покоѣ и выпустить на волю, какъ неопаснаго душевно-больного“.

Ему довольно легко удавалось продѣлывать разные „штуки“. Онъ и самъ не ожидалъ, что окажутся въ немъ такіе таланты по этой части; ничего особенно скандальнаго онъ не выкидывалъ, но цѣлый день говорилъ вслухъ, пѣлъ или упрямно молчалъ и смотрѣлъ въ одну точку... Терентьевъ уже окончательно рѣшилъ, что его „юный другъ“ — совсѣмъ „швахъ“.

Докторъ практически не занимался психіатріей, но также, какъ и фельдшеръ, читалъ много „новыхъ книжекъ“ и, по добротѣ и гуманности своей, признавалъ для такого пылкаго субъекта, какъ Теркинъ, достаточно мотивовъ, чтобы молодой душевный организмъ былъ глубоко потрясенъ.

Онъ не настаивалъ на формальномъ освидѣтельствованіи и перевелъ Теркина въ земскую больницу, гдѣ состоялъ ординаторомъ, но по другому, терапевтическому отдѣленію.

Ординаторъ, завѣдывавшій палатами умалишенныхъ, заинтересовался Теркинымъ. Это былъ фанатикъ своей науки, склонный видѣть душевное разстройство во всякомъ нервномъ индивидѣ. Онъ возмущался тѣмъ, что больница—на его отдѣленіи—содержалась скверно, грязно, по старинному, и какъ онъ ни бился—не могъ ее безъ средствъ и безъ помощниковъ поставить на другую ногу. И прислуга привыкла обходиться съ больными грубо. Теркинъ сейчасъ же испыталъ это на себѣ. Его повели въ ванную. Онъ, должно быть, вышелъ нужнымъ „показать себя“ и толкнулъ одного изъ дядекъ. Тѣ его побили. Онъ пришелъ въ неистовство и на него надѣли „рубашку“, прежде чѣмъ докторъ явился на зовъ дежурнаго фельдшера.

Его помѣстили хоть и не въ темную, но въ нумеръ безъ мебели, съ однимъ тюфякомъ на полу, въ какихъ содержатся „буйные“, и начали наблюдать надъ нимъ черезъ дырочку въ двери.

Лежаніе на грязномъ тюфякѣ, безъ бѣлья, и снованіе взадъ и впередъ по узкой и мрачной конурѣ такъ его измучили, что онъ измѣнилъ свою систему, попросилъ прощенія у доктора и общалъ быть тихонькимъ.

Свое слово онъ сдержалъ, и ему не нужно было особенно усердствовать по части притворства. Психіатръ увѣровалъ въ то, что имѣетъ дѣло съ характерной формой „спорадическаго аффекта“, которая можетъ перейти въ манію, но можетъ и поддаться леченію. Онъ говорилъ вездѣ, въ клубѣ, у знакомыхъ, у товарищей по практикѣ, что мальчикъ Теркинъ былъ уже подверженъ припадкамъ, когда на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ два раза надѣлалъ дерзостей.

Такъ протянулось еще два мѣсяца. Вдругъ психіатра назначили директоромъ образцоваго дома умалишенныхъ, въ одной изъ сосѣднихъ губерній. Пріѣхалъ Иванъ Прокофьевъ и сталъ умолять доктора перевести и его Васю туда же. Съ отцомъ Теркинъ мрачно молчалъ, но ему удалось написать и передать ему записочку въ три слова: „Паленька, все обойдется“.

XV.

Жаркимъ лѣтомъ водворили его въ образцовомъ сумасшедшемъ домѣ.

Обширная усадьба, нѣсколько деревянныхъ барачковъ, два-три большихъ каменныхъ корпуса, паровая машина стучитъ цѣлый день, освѣщеніе электрическое, въ кухнѣ все стряпаютъ на пару, даже жаркое выходитъ готовымъ изъ парового шкапа; вокругъ поля есть запашка, рига, скотный дворъ, кузница. Въ каждомъ отдѣленіи—мужскомъ и женскомъ—мастерскія. Буйные особо, и у нихъ садики, гдѣ ихъ держатъ въ хорошую погоду почти цѣлый день. Ему предложилъ директоръ выбрать какое-нибудь ремесло. Онъ взялъ кузнечное.

Съ дѣтства его влекло въ кузнецамъ, „едвалямъ“,—какъ говорили въ его селѣ Кладенцѣ и въ окрестной мѣстности, да и физической силы у него было достаточно.

Директоръ не сразу согласился. Подержали его сперва на испытаніи въ другой мастерской столярной, сказали ему:

— Здѣсь полегче работа, да и поинтереснѣе; а народъ все тихій.

Въ первые дни Теркинъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: ни мрачнаго нумера съ вонючимъ тюфякомъ, ни рѣшетокъ, ни звѣр-

скихъ дядекъ; ходи, гдѣ дозволено, по двору, по саду, работай въ полѣ, на гумнѣ или въ мастерской. Но онъ боялся заглядывать въ отдѣленіе буйныхъ—и въ то же время его тянуло туда.

Заборъ садика женщинъ шелъ вдоль межи и неглубокаго рва. По ту сторону начиналась запашка. Разъ онъ приложился глазомъ къ щели... Стоялъ яркій знойный день. Солнце такъ и обливало весь четырехугольникъ садика. Только тамъ не было ни одного деревца. Впослѣдствіи онъ узналъ, что женщины выдергивали деревца съ корнями. Начальство побилось-побилось, да такъ и бросило.

Картина на первый взглядъ самая обыкновенная. Бродятъ женщины—иные въ ситцевыхъ распашныхъ капотахъ, а то просто въ длинныхъ рубахахъ, простоволосыя или покрытыя платками; нѣкоторыя о босу ногу сидятъ и на землѣ, или валяются, поютъ, бормочатъ. Но когда онъ, не отрывая глаза отъ щели въ заборѣ, сталъ вглядываться въ этихъ женщинъ, еще незнакомый ему ужасъ безумія заползалъ ему внутрь и губы его явственно вздрагивали.

Прямо къ нему лицомъ лежала на разрытой землѣ, въ равной рубахѣ, баба лѣтъ за сорокъ, ожирѣлая, съ распущенными сѣдьющими волосами, босая, очень грязная. Лежала она на половину ничкомъ, лѣвой рукой ковыряла въ землѣ и выла.

Этого вытья онъ не забудетъ до смертнаго часа, ни землистаго лица безумной бабы, ни блеска глазъ, уходившихъ съ выраженіемъ боли и злобы въ ту сторону, откуда онъ глядѣлъ въ расщелину забора.

И другая, вправо, около угла—тоже въ рубашкѣ, простоволосая и босая—прислонилась къ забору, уперлась лбомъ о бревно и колыхалась всѣмъ тѣломъ, изрѣдка испуская звуки—не то плачь, не то смѣхъ. Это было на разстояніи одного аршина отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ.

Впервые пронизала его мысль, грозная и ясная, точно смертный приговоръ:

„И ты можешь такимъ же быть, особливо здѣсь!“

Была минута, когда онъ готовъ былъ побѣжать къ директору, упасть передъ нимъ на колѣни и закричать:

— Спасите!.. Я лжецъ, обманщикъ, я только притворяюсь душевно-больнымъ! Выдайте меня начальству! Пускай оно дѣластъ со мною, чтѣ хочетъ!

Вѣдь здѣсь онъ либо дѣйствительно помутится, либо кончитъ самоубійствомъ, украдетъ веревку или расшибетъ себя голову о наковальню, когда ему позволятъ заняться кузнечнымъ дѣломъ.

Но другая—такая же почти строгая и ясная мысль—обдала его холодомъ.

— Бѣги, кайся! Такъ тебѣ и повѣрили! Мало здѣсь подневольныхъ жильцовъ, доказывающихъ, что они въ здоровомъ умѣ и твердой памяти! Ты повинись, а твою повинную господа ученые психіатры примутъ за новый приступъ безумія.

Ничего не могъ онъ возразить вѣскаго противъ такого довода.

Онъ самъ видѣлъ, что возможно и безъ особенной ловкости ввести въ обманъ докторовъ. Разубѣдить же ихъ будетъ гораздо мудренѣе. Если директоръ догадывался, что въ немъ на двѣ трети, а то и вполне дѣйствуетъ притворство,—надо выдержать, помириться по малой мѣрѣ съ полугодовымъ срокомъ, исподволь сбрасывать съ себя притворное тихое безуміе, помочь директору, если тотъ желаетъ заблуждаться изъ доброты и жалости къ нему. Протянется цѣлый годъ—и тогда одинъ фактъ, что онъ выси-дѣлъ такъ долго въ сумасшедшемъ домѣ, покроетъ всѣ его про-ступки. Исключить—исключать, но безъ волчьего паспорта.

Позднѣе, онъ пересталъ бояться своихъ товаровъ по заклю-ченію; только къ буйнымъ мужчинамъ никогда не заглядывалъ.

Тихія женщины даже интересовали его. Съ самыми курьез-ными онъ водилъ дружбу, насколько возможно было подъ надзо-ромъ. Но за нимъ перестали пристально слѣдить со второго же мѣсяца послѣ того, какъ его пустили въ кузницу.

До сихъ поръ живьемъ прыгаютъ передъ нимъ двѣ фигуры. Одна то-и-дѣло бродила по рощѣ, гдѣ тихія сидѣли и, въ жаръ, нѣкоторыя шили или читали. Но она не могла уже ни работать, ни читать. На головѣ носила она соломенную шляпу высокимъ конусомъ, съ широкими полями, и розовую ситцевую блузу. Вы-давала себя за княжну Тараканову.

— Я не потонула,—повторяла она:—князь Орловъ хотѣлъ меня загубить, но онъ же и погибъ отъ любви ко мнѣ.

И воображала, что всѣ изнывали отъ любовной страсти къ ней, хотя и скрывали это всячески.

Другая—въ дворянской общей палатѣ—тихая, чопорная, изъ старыхъ дѣвъ, разорившаяся по проискамъ родственниковъ. Обо всемъ она говорила довольно толково и всегда отборными фра-зами; но стѣло только какому-нибудь стороннему посѣтителю зайти въ палату, она останавливала его и жаловалась на то, что ея вещи продавали сегодня утромъ въ соборѣ.

— Въ соборѣ?—изумленно переспрашивалъ ее посѣтитель.

— Да-съ, за ранней обѣдней, мою гипюровую мантилью и шубку продавали съ аукціоннаго торго.

— Вы вѣдь не были тамъ?

— Нѣтъ-съ; но мнѣ прибѣжали доложить, и мантилью всю искромсали, бахрама общипана, изъ шубы мѣхъ повыдерганъ.

Уходилъ посѣтитель—она становилась разсудительна и даже хорошо умѣла гадать, помнила, что каждая карта обозначаетъ; могла раскладывать и гранпасьянсъ.

Въ столярной мастерской его поставили за одинъ верстакъ съ молодымъ еще сельскимъ „батюшкой“.

Обликъ священника поразилъ и привлекъ его сходствомъ съ одною фигурою на картинѣ Иванова—Теркинъ видѣлъ хорошія ея фотографіи.

Звали его отецъ Веніаминъ. Онъ началъ съ религіозныхъ галлюцинацій, слышалъ ночью голоса, то райскіе, то дьявольскіе; проходилъ и черезъ манію преслѣдованія.

Когда Теркинъ всталъ противъ него за верстакъ, отецъ Веніаминъ былъ уже на пути къ излеченію—такъ думали директоръ и ординаторъ—но держалъ онъ себя все-таки странно, усиленно молчалъ, часто улыбался, отвѣчая на собственныя мысли, говорилъ черезъ-чуръ тихо для мастерской, гдѣ стоялъ всегда шумъ отъ пилъ, рубанковъ, деревянныхъ колотушекъ, прибаванія гвоздей желѣзными молотками. Онъ точно чего-то боялся и съ своимъ новымъ товарищемъ по верстаку разговаривалъ односложно, въ видѣ маленькихъ вопросовъ, и то когда было меньше народу въ столярной. Но въ глазахъ его Теркинъ не замѣчалъ ничего враждебнаго себѣ,—напротивъ, больной взглядывалъ на него иногда съ улыбкой, показывалъ ему, какъ обходиться съ инструментами, называлъ ихъ, но всегда отрывисто и быстро.

— Это шерхебель,—скажетъ онъ вдругъ и тенетъ пальцемъ, длиннымъ и прозрачнымъ, въ рубанокъ особой формы.

— Вонъ тотъ зыпцубель.

Разъ прибавилъ:

— И кто это надавалъ такихъ именъ! Неблагозвучно!

Цѣлыми днями Теркинъ наблюдалъ его про себя.

Передъ нимъ неизмѣнно, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, стоялъ образецъ настоящаго душевно-больного, тихаго, способнаго выздоровѣть. Онъ не говорилъ и не дѣлалъ ничего дикаго или смѣшнаго; но чѣмъ больше изучалъ его Теркинъ, тѣмъ отчетливѣе выдѣлялись передъ нимъ мины, звуки, взгляды, движенія, какихъ „не сочинишь“ по собственному произволу. Онъ могъ усвоить ихъ себѣ. Все это ему пригодится. Но его не оставляла боязнь—выѣстъ съ игрой лица и манерой держать себя—самому не впадать въ психопатію.

Нѣтъ-нѣтъ и поднимется въ немъ совѣсть, и онъ готовъ покаяться отцу Веніамину въ своемъ притворствѣ. Тотъ, дѣйствительно, былъ страдалецъ, а онъ—обманщикъ. Его удерживало непріязненное чувство къ „долгополой породѣ“, еще съ дѣтства, когда онъ босикомъ бѣгалъ по улицамъ и издали кидалъ всякія обидныя прозвища дьячкамъ и пономарямъ двухъ церквей села Кладенца.

Кое-что, однако, отливало на него, отъ работы за однимъ верстакомъ. И онъ сталъ говорить отрывисто и часто усмѣхаться, безъ всякаго повода. Онъ зналъ, что это ему не повредитъ.

XVI.

Въ кузницѣ его поставили за одну наковальню съ Капитономъ, неизлечимымъ больнымъ, изъ отставныхъ солдатъ, бывшимъ, всю свою жизнь, кузнецомъ, сначала въ деревнѣ, потомъ въ уланскомъ полку.

Капитона доктора считали совсѣмъ безобиднымъ, любили его за веселый нравъ и послушаніе.

Большого роста, еще не старый, съ обличьемъ солдата, въ бороде, но подъ гребенку остриженный, онъ то-и-дѣло смѣялся и разсуждалъ за работой; въ свободные отъ работы часы ходилъ, подбоченясь, развалистой поступью, туда и сюда, въ поля, на гумно, въ другія мастерскія, вызывался молотить, или вѣять, или косить, смотря въ какую пору. Онъ же исправлялъ и всякія починки по телѣжной части.

Его узкіе темные глазки, всегда прищуренные отъ свѣта, слезились и подмигивали. Капитонъ никогда не носилъ шапки, даже зимой, и постоянно кожаный фартукъ поверхъ синей холщевой блузы.

Съ Теркинымъ у него, съ перваго же дня, пошли лады.

— Тебя какъ звать?

Капитонъ только-что его училъ: ловчѣе колотить по раскаленному куску желѣза; они „наваривали“ сломавшуюся телѣжную ось.

— Василій.

— А по батюшкѣ, значить?

— Иванычъ.

— Такъ вотъ я тебѣ что скажу, Иванычъ. Ты меня слушайся, не перечь, и выйдетъ изъ тебя кузнецъ заправскій.

Въ томъ, что Капитонъ говорилъ по своему главному „руко-мелу“, Теркинъ ничего не могъ подмѣтить безумнаго. Но какъ

онъ это говорилъ—другое дѣло. Скажетъ одну фразу дѣльно и даже съ тонкимъ пониманіемъ работы, и сейчасъ же, какъ только ушелъ въ сторону,—и начнется возбужденная болтовня, всегда одного и того же характера.

Капитонъ былъ фантазеръ на хозяйственные темы.

Все бы онъ тутъ передѣлалъ по своему. Онъ не бранилъ порядки, какіе заведены по полевымъ работамъ и мастерскимъ, но устроилъ бы это по другому.

И вотъ въ такихъ-то фантазіяхъ и сказывался его „пунктикъ“. Совсѣмъ нелѣпныхъ, дикихъ вещей, если ихъ брать отдѣльно, у него не выходило, но всѣ его мечтанія принимали огромные размѣры и, всего чаще, трудно было догадаться, о чемъ собственно онъ толкуетъ, тѣмъ болѣе, что Капитонъ безпрестанно вплеталъ воспоминанія изъ полевой жизни, по городамъ и селамъ, въ лагеряхъ, на маневрахъ, разговаривалъ вслухъ съ своими товарищами и начальниками—точно будто они стояли тутъ передъ нимъ.

И работа съ Капитономъ могла оказаться Теркину на руку.

Черезъ два-три мѣсяца онъ отлично овладѣлъ обѣими формами душевнаго расстройства: и молчаливымъ, какъ у отца Веніамина, и болтливо-возбужденнымъ, какъ у отставного унтеръ-офицера Капитона Мусатова. Онъ держался первой формы. Она была удобнѣе и вѣрнѣе. Директоръ врядъ-ли подозрѣвалъ его, обращался съ нимъ ласково, предлагалъ даже перевести въ привилегированное отдѣленіе и бросить тяжелое кузнечное дѣло.

— Мнѣ такъ хорошо, спасибо,—отрывисто благодарилъ его каждый разъ Теркинъ, и больше ничего не говорилъ.

До него доходило, черезъ дядекъ, что директоръ его хвалитъ за трудолюбіе, за нежеланіе поступить на положеніе привилегированныхъ больныхъ, читать книжки, ничего не дѣлать, жаловаться и всячески надоѣдать.

Да его и не тянуло къ книжкамъ. Онѣ ему напомнили бы только ненавистную школу. И разговоровъ съ образованными больными онъ избѣгалъ, хотя многіе лебезили, выпрашивали его, кланчили папирочку, приставали съ разными своими глупостями, ругали докторовъ.

На нѣсколькихъ онъ далъ окрикъ, и его сторонились.

Такъ протекло около полугода. Съ наступленіемъ зимы жить стало тѣснѣе; приходилось сидѣть частенько въ камерахъ. Кузнечная работа сократилась на половину. Попросилъ и онъ „книжки почитать“. Надежда высидѣть благополучно больше года и выйти на волю безъ волчьего паспорта—все крѣпла въ немъ.

Своимъ старикамъ онъ писалъ каждый мѣсяцъ, по нѣскольку

строгъ, успокаивалъ ихъ, но воздерживался отъ всего, что могло показаться подозрительнымъ, слишкомъ умнымъ и складнымъ для душевно-больного.

Послѣ новаго года, старшій ординаторъ обмѣнялся мѣстомъ съ врачомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга.

Теркинъ — какъ только тотъ, въ первый разъ, пришелъ къ нимъ въ камеру и задалъ ему два-три вопроса — почувалъ, что это — будущій врагъ.

Его потрясло и то, что психіатръ, по фамиліи Несвѣтовъ, напоминалъ учителя Перновскаго, и тономъ, и даже лицомъ. И онъ оказался „изъ кутейниковъ“.

Предчувствіе не обмануло. Несвѣтовъ узналъ исторію юноши и выбралъ его предметомъ своихъ упорныхъ наблюденій.

По нѣскольку разъ на недѣлѣ, онъ началъ подвергать его настоящимъ допросамъ.

Теркинъ увидѣлъ, что Несвѣтовъ не вѣритъ въ его психическую болѣзнь и хочетъ ловить его на противорѣчіяхъ научнаго характера.

Но какія это противорѣчія? Онъ не могъ знать. Книжекъ по психіатріи ему не доводилось читать, а здѣсь ихъ ему и подавно не дадутъ. Въ нихъ онъ, разумѣется, нашелъ бы, что съ чѣмъ вижется и какихъ проявленій держаться, если остановишься на одномъ какомъ-нибудь типѣ умопомѣшательства.

Когда Несвѣтовъ взбѣситъ его ехиднымъ вопросомъ, онъ пускалъ въ ходъ возбужденіе — болталъ всякій вздоръ, въ родѣ своего пріятеля Капитона; доходилъ разъ до попытки на большую „ирритацію“. Но на другой день проницательный психіатръ ска-залъ ему:

— Теркинъ! Вы недостаточно искусно притворяетесь. У васъ — то изъ одной оперы, то совсѣмъ изъ другой... Лучше было бы сознаться по доброй волѣ; а то — не нынче, завтра, васъ освидѣтельствуютъ построже.

Онъ это сказалъ съ глазу на глазъ, и директору врядъ-ли докладывалъ въ такомъ именно смыслѣ. Опасность росла съ каждымъ днемъ. Сталъ онъ замѣчать, что и директоръ иначе съ нимъ держится, и совсѣмъ не тѣ вопросы задаетъ, какъ прежде.

Злобное чувство, сродни тому, что жило въ немъ — и тогда еще — въ Перновскому, подсказало ему — доказать психіатру свое безуміе.

Ударить его чѣмъ ни попало — сзади по мозжечку, такъ, чтобы психіатръ самъ попалъ въ сумасшедшій домъ... Что ему за это будетъ? Онъ — невмѣняемъ; иначе зачѣмъ же его держать

здѣсь? Ну, поддержать, въ секретѣ, и все обойдется; просидитъ онъ лишній годъ, зато никто уже не будетъ сомнѣваться: здоровъ онъ или боленъ... Это лучше, чѣмъ подбить другого, хоть бы того же Капитона. И тому новый докторъ не нравился.

Но врачъ былъ прозорливъ. И онъ почувалъ, въ свою очередь, какія чувства возмѣля въ нему Теркинъ, и сталъ до нельзя остороженъ.

Одно время — и совсѣмъ его какъ бы не замѣчалъ.

Директоръ къ посту уѣхалъ въ командировку за границу — осматривать образцовые дома и лечебницы; вернуться долженъ былъ уже къ Троицѣ. Несвѣтовъ заступилъ его мѣсто.

Когда директоръ прощался съ больными, онъ Теркину сказалъ, глядя на него пристально:

— Вашимъ физическимъ здоровьемъ я доволенъ. Можетъ быть, и вообще вамъ достаточно сидѣть у насъ...

„Понимай, молъ, какъ знаешь!“

Нѣсколько ночей ломалъ себѣ Теркинъ голову, не начать ли самому проситься на выписку? Но онъ боялся, что Несвѣтовъ подставитъ ему ногу.

Черезъ недѣлю, не больше, Несвѣтовъ пригласилъ мѣстнаго крупнаго чиновника по медицинской части, подвелъ его къ Теркину и сталъ задавать самые коварные вопросы.

Отвѣчать на нихъ здраво — Теркинъ не рѣшился, и повторилъ опять одинъ изъ своихъ приемовъ: то молчалъ, то возбужденно болталъ.

Доктора переглянулись и, въ концѣ мѣсяца, его освидѣтельствовали. Несвѣтовъ далъ отъ себя подробный отзывъ, что онъ считалъ Теркина притворяющимся съ самаго поступленія въ сумасшедшій домъ.

Онъ ссылался и на мнѣніе директора. Другой ординаторъ подтвердилъ это...

На освидѣтельствованіи Теркинъ держался ловко — цѣлый годъ ученія не пропалъ даромъ. Но обличительно удалось убѣдить членовъ присутствія: его признали притворно-больнымъ и выдали опять на руки начальству...

Отъ „волчяго паспорта“ Теркинъ не ушелъ. Его выслали въ село, по этапу, и выдали волостнымъ властямъ, закоренѣлымъ „ворогамъ“ его приемнаго отца, тогда совсѣмъ больного, впаваго въ бѣдность, разореннаго непомерными поборами съ его доминика и заведенія, шедшаго въ убытокъ.

И все испытанное прежде ступевалось передъ тѣмъ, черезъ что прошелъ онъ на родинѣ, въ селѣ Кладенцѣ.

XVII.

Ни отца, ни матери къ нему не допустили, продержали больше недѣли въ холодной, на хлѣбѣ и на водѣ, и повели въ правленіе — сѣчь.

Никогда его не наказывали розгами — ни дома, ни въ гимназій. И каждый разъ, какъ онъ вспомнить всю сцену этой экзекуціи, кровь бросится ему въ голову и въ вискахъ забьются жилы.

Пустая горница въ старомъ графскомъ „Приказѣ“, съ лавками по стѣнамъ, два окна противъ двери, икона въ правомъ углу. Сѣреный, холодный денекъ. Горница не отоплена и въ ней онъ вздрагиваетъ и видитъ, на полу, два пучка розогъ.

Тутъ — старшина, сельскій староста, двое судей, писарь, два десятника — они будутъ его наказывать.

Старшина, пройдоха и взяточникъ — Степанъ Малмыжскій — мелкій прасоль, угодникъ начальства, съумѣвшій увѣрить „горлопановъ“, что имъ только и держатся оба сельскихъ общества, на которыхъ раздѣлено село Кладенецъ. Какъ ярко врѣзалась въ память Теркина рыжая, веснучатая рожа Малмыжскаго, и его „спинжакъ“, и картузь на ватѣ, сережка въ лѣвомъ ухѣ, трепанная двучѣтная борода... Кажется, каждый волосокъ въ этой бородѣ онъ могъ бы перечестъ. Стѣшитъ ему закрыть глаза — и сейчасъ же старшина передъ нимъ, какъ живой.

Двое судей — въ верблюжьихъ кафтанахъ. Оба — пьянчуги, изъ самыхъ отчаянныхъ горлопановъ, на отца его науськивали мѣръ; десятки разъ дѣло доходило до драки: одинъ — черный, высокій, худой; другой — съ брюшкомъ, въ „гречюшникѣ“ — такъ называютъ, по ихнему, высокую крестьянскую шляпу. Фамиліи ихъ и имена всегда ему памятливы; разбуди его ночью и спроси: какъ звали судей, когда его привели наказывать? — онъ выговоритъ духомъ: Павелъ Разукинъ и Поликарпъ Стежкинъ.

Они сидѣли около старшины, на правой скамьѣ отъ двери.

Сельскаго старосту онъ не такъ отчетливо помнитъ. Онъ считался „пустельгой“; передъ тѣмъ онъ только-что былъ выбранъ. Но домъ его Теркинъ до сихъ поръ помнитъ — надъ обрывомъ, въ концѣ того порядка, что идетъ отъ монастырской ограды. Звали его Егоръ Туляковъ. Живъ онъ или умеръ — онъ не знаетъ; остальные навѣрно еще живы.

Живъ и писарь Силоамскій. Тоже изъ кутейниковъ!.. Онъ былъ самымъ лютымъ ненавистникомъ его отца. Тотъ, безъ счету

разъ, на сходкахъ ловилъ эту „семинарскую выжигу“ въ мошенническихъ продѣлкахъ и подвохахъ, въ искаженіи текста приговоровъ и числа выборныхъ голосовъ, во всякихъ каверзахъ и обманахъ. Но писарь держался прочно; безъ него старшина, полуграмотный, не могъ шагу ступить; а судьи были вовсе неграмотные.

И наружность Силоамскаго, какимъ его увидѣлъ, войдя въ горницу, могъ бы Теркинъ нарисовать въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Средняго роста, сутулый, съ перевошеннымъ лѣвымъ плечомъ, бритое и прыщавое лицо, бѣлобрысые усики, воспаленные глаза и гнилые зубы, волосы длинные, за уши. И на немъ былъ „спинжакъ“, только другого цвѣта; а поверхъ чуйка, накинутая на плечи, вязаный шарфъ и большіе сапоги. Онъ постоянно откашливался, плевалъ и курилъ папиросу. Подъ лѣвой мышкой держалъ онъ тетрадь въ переплетѣ.

— Ну-съ, ваше степенство, — обратился къ нему первый писарь: — не благоугодно ли вамъ будетъ разоблачиться?

Старшина и судьи переглянулись.

Язвительный тонъ писаря и его хриплый голосъ обдали Теркина и холодомъ, и жаромъ. Розги лежали передъ нимъ. Еслибъ онъ могъ, онъ схватилъ бы за горло негодея, который издѣвался надъ нимъ передъ казнью.

Но руки его стягивалъ кушакъ. Два десятника плотно налегли на него съ обѣихъ сторонъ.

— Господинъ старшина! — произнесъ онъ твердо. — Съ писаремъ вашимъ я не желаю разговаривать. Но отъ васъ я въ правѣ требовать отвѣта: по какому праву вы подвергаете меня такому наказанію?

— Права захотѣлъ! Вишь какой! Шустрый! — зубоскалили оба судьи.

Старшина выговорилъ съ усмѣшкой:

— А вотъ ты, милый другъ, почуешь по какому праву, когда тебя хорошенько отполосуютъ.

— Развязать? — спросилъ писаря одинъ изъ десятиковъ.

— И такъ побудеть, — отозвался старшина: — а то еще драться полѣзеть.

— Отъ большой учености! — издѣвался писарь. — Всякую премудрость проходилъ.

Десятники начали стаскивать съ него пальто и разстегивать все, что нужно было.

Была минута — онъ еще стоялъ, когда ноги его дрогнули и

похолодѣли. Въ глазахъ стало темнѣть. Поворъ наказанія обдалъ его гораздо большимъ ужасомъ, чѣмъ мысль потерять разумъ, въ сумасшедшемъ домѣ. Это онъ прекрасно сознавалъ.

— Что кочевражишься! — крикнулъ ему кто-то. — Ложись!.. Ты думаешь—въ барчуки попалъ, такъ тебя и пальцемъ не тронь?.. Небось! Будешь знать, пара, какъ наибольшимъ дерзить, да потомъ блажь на себя облыжно напускать.

Онъ уже лежалъ на вонючей рогожѣ.

Въ воздухѣ свиснулъ розмахъ розги. Онъ закрылъ глаза и закусилъ губы до крови, чтобы не крикнуть.

И пролежалъ все время молча, судорожно переводя дыханіе; слезы потекли у него изъ глазъ, подъ самый конецъ.

Не успѣлъ онъ одѣться—уже съ развязанными руками—въ горницу вбѣжалъ отецъ его.

— Злодѣи! Душегубы!..

Негодующіе крики Ивана Прокофьева слышны ему до сихъ поръ. И внѣшность отца осталась въ его сердцѣ—какою она была въ ту минуту: широкое сѣрое пальто, черный галстухъ, подъ самый подбородокъ, пуховая смятая шляпа, огромный ростъ, возбужденное неправильное лицо, выпуклый лобъ съ пробормомъ низкихъ волосъ, носъ луковкой, огромные глаза, борода, полусѣдая, двумя мочалками.

Дѣло чуть не дошло до рукопашной. Отца скрутили тутъ же и повели въ темную. И его опять посадили—въ общемъ гвалтѣ онъ замахнулся на одного изъ судей, когда тотъ такъ и лѣзъ на Ивана Прокофьева и взялъ-было его за шиворотъ.

Ихъ, cadaго особо, продержали еще сутокъ двое.

Сидя опять въ темной, онъ ревѣлъ отъ злости и негодованія, впадалъ въ припадки настоящей ярости. Ничѣмъ уже нельзя было смыть позорнаго клейма.

Его „отодрали“ розгами, какъ послѣдняго пропойцу или ворешку. Тогда ему не пришло ни разу въ голову, что въ той же горницѣ сѣли безъ счету самыхъ тихихъ и безобидныхъ мужиковъ, только за то, что они во-время не уплатили мірскихъ поборовъ. Онъ на всю свою жизнь получилъ отвращеніе къ этому „міру“. Все, что онъ въ журналахъ и газетахъ читалъ сочувственнаго крестьянской самоуправѣ, вылетѣло разомъ и перешло въ страстное стремленіе—уйти изъ податного сословія, во что бы то ни стало, правдой или неправдой; оградить себя службой или деньгами отъ новаго позора.

Видѣтъ съ отцомъ отвели ихъ домой. Старуха, Домна Архи-

повна, повисла ему на шею и лишилась чувствъ. Она и всегда была хилая, и въ молодости считалась „кликушей“.

Первымъ словомъ отца было:

— Ну, Вася! Не могу я тебя похвалить за то, что ты больше года личину на себѣ носилъ,—это, братъ, хуже всего остального. Вѣдь вороги-то мои хотѣли донять меня тѣмъ, что надъ тобой Шемякинъ судъ справили!

Пришлось бы имъ совсѣмъ плохо, еслибъ не вступился за нихъ новый членъ по крестьянскому присутствію. Отца на время оставили въ покоѣ, а его отпустили на сторону.

Задержи его тогда міръ, не выдай ему паспорта—онъ бы бѣжалъ.

Черезъ годъ досталъ онъ на дальней желѣзной дорогѣ мѣсто и быстро пошелъ въ гору. Одинъ изъ подрядчиковъ взялъ его къ себѣ въ подручные съ процентомъ сверхъ жалованья.

Тѣмъ временемъ отца сослали по приговору на поселеніе, какъ „смутьяна“, возмущающаго противъ властей, когда онъ, всю свою жизнь, стоялъ за строжайшее исполненіе закона.

Только черезъ три года удалось ему вернуть его съ поселенія, съ опухшими ногами, съ водянкой въ груди.

Продали старики свой давно выкупленный домикъ съ ветхимъ сараемъ, гдѣ было когда-то спичечное заведеніе. Онъ перевезъ ихъ въ городъ. Черезъ полгода похоронилъ отца. Старуха поскрипѣла еще года два. Онъ ей выстроилъ избушку, около того кладбища, гдѣ лежитъ „смутьянь“...

XVIII.

— Задумались, Василій Ивановичъ?

Теркина разбудилъ отъ думъ, всколыхнувшихъ все его прошлое, возгласъ капитана Кузьмичева.

Тотъ стоялъ надъ нимъ, широко разставивъ ноги, въ томъ же картузѣ съ ремешкомъ, большихъ сапогахъ и коричневой визитѣ.

— Да... Вышла у меня здѣсь курьезная встрѣча!

— А чаишку грѣшнаго не благоугодно?

На это Теркинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ, кажется, и не слышалъ приглашенія капитана.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ, къ кормѣ.

— Андрей Ѳомичъ! — началъ Теркинъ и оглянулся. — Вы примѣтили пассажира въ камлотовой шинели? Чинувшемъ смотреть?

— Съ орденомъ на шеѣ?

— Да, да!

— Какже не примѣтить!

— Онъ гдѣ сѣлъ?

— Въ Ярославлѣ, кажется. И какое, я вамъ скажу, животное! Между Василемъ и Казанью я его чуть не высадилъ на берегъ, въ десятомъ часу вечера. У насъ тамъ тоже заминочка вышла. Посидѣли на перекатѣ, такъ малость... съ четверть часа, не больше. Такъ, какъ бы вы думали?.. Этотъ чинуншъ началъ вдругъ выѣшиваться и ко мнѣ съ требованіями предъявляться. Какъ, молъ, вы такъ оплошно дѣйствуете?.. Я заявленіе сдѣлаю въ газетахъ. Ахъ, молъ, ты такой-сякой! Я на него и прикрикнулъ маленько. Онъ не унялся. Сейчасъ чиномъ величаться сталъ. Статскій совѣтникъ онъ, видите ли; изволить прослѣдовать въ Сибирь!..

— Онъ! Онъ!—перебилъ Теркинъ рассказъ капитана.

— Вы нешто его знаете?

— А какъ бы вы думали, кто эта камлотовая шинель?

Капитану было извѣстно кое-что изъ прошедшаго Теркина. Объ ученическихъ годахъ они не такъ давно говорили. И Теркинъ рассказывалъ ему свою школьную исторію; только врядъ ли помнилъ онъ фамилію „аспида“. Они оба учились въ ту эпоху, когда между классомъ и учителями, такого типа, какъ Перновскій, росла взаимная глухая неприязнь, доводившая до взрывовъ. О прежнихъ годахъ, когда учителя дружили съ учениками, они только слыхали отъ тѣхъ, кто ранѣе ихъ, на много лѣтъ, кончали курсъ.

Кузьмичевъ не догадывался однако.

— Тотъ самый Перновскій, изъ-за котораго меня выгнали. Вы помните?

О томъ, что его наказывали розгами въ волости, Теркинъ никогда и никому не признавался.

— Быть не можетъ!

— Я не могу ошибиться. Да онъ и мало измѣнился.

Они повернули къ рубкѣ.

— И у васъ, поди, всю внутреннюю перевернуло, отъ одного взгляда на этого субъекта?

— Повѣрите ли,—отозвался Теркинъ, сдерживая звукъ голоса.—Вѣдь больше десяти лѣтъ минуло съ той поры—и такъ меня всего захватило!.. Вотъ проходилъ и просидѣлъ на палубѣ часа два. Ужъ солнце садиться стало. А я ничего и не замѣтилъ, гдѣ шли, какими мѣстами.

— Такъ, такъ,—говорилъ ласково капитанъ и глядѣлъ игривыми глазами на Теркина.— Понимаю васъ, Василій Ивановичъ...

— Теперь такой господинъ для меня—мразъ и больше ничего!.. Но надо же было этой физіи очутиться предо мной—вонъ тамъ—въ ту минуту, когда я былъ въ самомъ такомъ настроеніи...

Теркинъ не досказалъ. О любви своей онъ не началъ бы изливаться даже и такому хорошему малому, какъ Кузьмичевъ.

Съ какой стати? Во-первыхъ, капитанъ—въ скоромъ времени—можетъ попасть въ его подчиненные, а во-вторыхъ, Теркинъ давно держался правила о сердечныхъ дѣлахъ не болтать лишняго. Онъ считалъ это большой „пошлостью“.

Солнце совсѣмъ уже сѣло за луговой берегъ. Теркинъ не ошибся: два часа пролетѣли незамѣтно въ образахъ прошлаго.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ капитанъ, оглядываясь въ обѣ стороны.

— Навѣрно чай пьетъ.

— Не хотите ли спуститься въ общую каюту? Мнѣ занятно было бы при васъ, Василій Ивановичъ, пошпибить съ него форсу... Пройтись въ комическомъ родѣ...

— Пойдемте!

Въ громкомъ возгласѣ Теркина вырвался наплывъ еще не заснушаго чувства. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи устроить встрѣчу Перновскаго съ своимъ бывшимъ питомцемъ.

Можетъ быть, въ другое время, и не на пароходѣ, а гдѣ-нибудь въ театрѣ, въ вагонѣ, у знакомыхъ—онъ бы и оставилъ въ покоѣ „аспида“. Но къ давней обидѣ, разбереженной встрѣчей съ нимъ, прибавилась еще и досада на то, что фигура въ камлотовой шинели вышибла его изъ сладко-мечтательнаго настроенія.

Спускался онъ въ каюту, и по всему тѣлу у него пошли особаго рода мурашки—мурашки задора, приготовленія къ чему-то такому, гдѣ онъ отведетъ душу, испробуетъ свой нравъ! Онъ зналъ, что въ немъ есть доля злобности, и не стыдился ея.

Въ каютѣ стоялъ двойственный полусвѣтъ. Круглыя оконца пропускали его съ одной стороны—другая была тѣневая, отъ высокихъ холмовъ. Пароходъ шелъ близко къ берегу.

Направо и налево танулись узкіе обѣденные столы. За лѣвымъ сидѣли два купца и офицеръ и пили пиво. На дальнемъ углу праваго стола, дѣйствительно, пилъ чай пассажиръ съ крепостомъ на шеѣ.

Шинель онъ положилъ на табуретъ и снялъ картузъ. Голова

оказалась лысая; передніе волосы онъ слѣва направо примазывалъ къ лысинѣ, на старинный фасонъ, съ низкимъ проборомъ надъ лѣвымъ ухомъ.

Теркинъ и капитанъ вошли, остановились и обмѣнялись взглядами.

— Экземпляръ! — шопотомъ сказалъ капитанъ и крикнулъ въ дверь буфета:

— Илья!.. Снаряди-ка намъ чаю порцію. Со сливками и сухарей, коли есть, а то такъ булку.

— Слушаю-съ, Андрей Ѳомичъ, — откликнулся лакей изъ буфета.

— Туда пройти? — спросилъ полушопотомъ капитанъ и показалъ рукой на тотъ уголъ, гдѣ размѣстился Перновскій.

Теркинъ протѣснился между столами и диванами и сѣлъ въ аршинъ разстоянія отъ Перновскаго; капитанъ — противъ него, у одной изъ колонокъ, поддерживающихъ потолокъ каюты.

Оба они обнажили головы. Безъ шляпы Теркинъ сейчасъ же дѣлался моложе, года на два, на три. У капитана маковка рдѣла.

Кажется, Перновскому не очень понравилось, что они сѣли близко отъ него. Онъ посмотрѣлъ на нихъ всось, оттянулъ нижнюю губу къ одному углу и прошелся фуляровымъ платкомъ по вспотѣвшей лысинѣ.

Пилъ онъ чай основательно, уже больше получаса; спрашивалъ и второй чайникъ горячей воды. Изъ собственной фляжки онъ подливалъ что-то темное въ стаканъ, — должно быть, ромъ.

На его сухомъ, но плечистомъ туловищѣ подержанный дорожный сюртукъ сидѣлъ мѣшковато. Грудь прикрывала не первой чистоты рубашка, и крестъ спускался ниже, чѣмъ его обыкновенно носятъ.

Лакей подалъ чай, заказанный Кузьмичевымъ.

— Прикажете мнѣ заварить, Василій Ивановичъ? — громко спросилъ капитанъ.

— Пожалуйста.

Отвѣтъ Теркина заставилъ Перновскаго обернуть голову въ его сторону и оглядѣть статнаго, красиваго пассажира. На капитана онъ не желалъ смотрѣть — злился на него второй день, послѣ столкновенія между Василемъ и Казанью. Онъ хотѣлъ даже пересѣсть на другой пароходъ, да жаль было потерять плату за проѣздъ.

Капитанъ закурилъ крѣпчайшую „пушку“. Отъ дыма Перновскій замѣтно поморщивался.

За другимъ столомъ разговоръ шелъ вяло. Слышно было, какъ Кузьмичевъ дуется на блюдечко и прихлебываетъ чай, въ перемежку съ клубами дыма.

Вдругъ отчетливо и довольно громко раздался вопросъ Теркина, нагнувшагося вправо, къ своему сосѣду:

— А вы, никакъ, не узнаете меня, Фрументій Лукичъ?

Педагогъ мѣшалъ ложкой сахаръ и тотчасъ пересталъ, какъ только услышалъ свое имя и отчество.

На лицѣ его появилась недоумѣвающая гримаса.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ онъ и поглядѣлъ на капитана.

Этотъ взглядъ значилъ: „не думаю, чтобы твой пріятель стоялъ моего знакомства“.

— Я Теркинъ!

Перновскій промолчалъ и сталъ прихлебывать чай. Онъ узналъ ученика, позволившаго себѣ дерзость при всемъ классѣ; но не хотѣлъ въ этомъ сознаваться.

— Запомятовали?—спросилъ капитанъ и засмѣялся, откинувъ голову.—Будто?.. Сколько это лѣтъ было тому, Василій Ивановичъ?

— Да лѣтъ больше десяти!

— Ну и что-жь?—выговорилъ, наконецъ, Перновскій и опять отеръ лысину платкомъ.

— Ничего!.. Весьма радъ былъ встрѣчѣ съ моимъ преподавателемъ,—сказалъ Теркинъ.

Лицо педагога пошло пятнами.

XIX.

Купцы съ офицеромъ поднялись на палубу. Въ каютѣ остались только два пріятеля и Перновскій.

Теркинъ уже придвинулся къ своему бывшему учителю, глядѣлъ ему прямо въ глаза и говорилъ съ разстановкой:

— Вы что же это, Фрументій Лукичъ, какъ словно меня и признать не хотите? Вѣдь то, что случилось въ гимназiи слишкомъ десять лѣтъ назадъ, былъ емъ поросло. Мало ли что случается въ жизни!.. Нельзя же такъ долго сердчать...

И онъ взглядомъ, брошеннымъ на капитана, передалъ ему педагога.

— Господинъ статскій совѣтникъ и на меня, кажется, въ большой претензiи?—заговорилъ Кузьмичевъ.—Сердце у него неотходчиво. А вы, Василій Ивановичъ, разсудите: ежели бы каждый пассажиръ—хотя бы и въ чинахъ—началъ распорядиться за

капитана, мы бы — вмѣсто фартера-то — скрозь бы побѣжали; ха, ха!

Раскатистый смѣхъ Кузьмичева всколыхнулъ его широкую грудь. Теркинъ улыбнулся только глазами и повернулъ голову опять къ Перновскому.

— Нешто это не судьба, Фрументій Лукичъ, что мы съ вами вдругъ — черезъ десять лѣтъ съ лишнимъ — и на одномъ суденушкѣ? Куда изволите слѣдовать? Къ мѣсту служенія своего?

— До Саратова ѣдетъ ихъ высокородіе, — смѣшливо замѣтилъ капитанъ.

Лицо Перновскаго становилось совсѣмъ краснымъ, влажное отъ чая и душевнаго волненія. Глаза бѣгали съ одной стороны на другую; чуть замѣтныя брови онъ то подымалъ, то сдвигалъ на переносицѣ. Злобность всплыла въ немъ и держала его точно въ тискахъ, вмѣстѣ съ предчувствіемъ скандала. Онъ видѣлъ, что попался въ руки „теплыхъ ребятъ“, что они не просто обсѣли его и повели разговоръ въ такомъ тонѣ.

Окрикъ капитана, доставшійся ему два дня передъ тѣмъ, угроза высадить „за буйство“, все еще коломъ стояли у него въ груди, и онъ боялся, какъ бы ему не выйти изъ себя, не нарваться на серьезную непріятность. Капитанъ способенъ былъ высадить его на берегъ, а потомъ поди судись съ нимъ!

Будь въ какютѣ другіе пассажиры — онъ далъ бы имъ сейчасъ отпоръ, какого они заслуживали; но кромѣ лакея въ буфетѣ никого не оставалось, а сумерки все сгущались и помогали обоимъ „наглецамъ“ — такъ онъ уже называлъ ихъ про себя — продолжать свое выпучиванье.

Взглядомъ своихъ веселыхъ и умныхъ глазокъ капитанъ опять передалъ педагога Теркину.

— И гдѣ же вы изволите теперь начальствовать, Фрументій Лукичъ?

Слова были отиѣнно вѣжливы, но тонъ показывалъ, куда пробрается тотъ „мужицкій приемышъ“, который нанесъ ему когда-то оскорбленіе.

— А вы, господинъ Теркинъ, куда изволите ѣхать и въ какомъ званіи состоите?

— Я вамъ за Василія Иваныча отвѣчу, — подхватилъ Кузьмичевъ. — Онъ въ наше товарищество пайщикомъ поступаетъ. Собственный пароходикъ у него будетъ, „Батракъ“, вдвое почище да и побольше вотъ этой посуды. Видите, вашъ ученикъ времени не терялъ, — даромъ, что онъ изъ крестьянскихъ дѣтей.

— На здоровье!.. — выговорилъ Перновскій.

Ему страстно захотѣлось кинуть „наглецу“ что-нибудь порящее. Онъ слыхалъ о притворномъ умопомѣшательствѣ Теркина; но не зналъ про то, что его высѣли въ селѣ.

И въ ту же самую минуту Теркина схватила за сердце боязнь какъ бы „аспидъ“ не прошелся насчетъ этого. У него достанетъ злобы, да и всякій бы, на его мѣстѣ, воспользовался такимъ фактомъ, чтобы дать отпоръ и заставить прекратить приставање, затѣянное, какъ онъ могъ предполагать, никѣмъ инымъ, какъ Теркинымъ.

Но страхъ его сейчасъ же отлетѣлъ. Видъ Перновскаго, звукъ голоса, вся посадка разжигали его. Пускай тотъ намекнетъ на розги. Это ему развяжетъ руки. Выпей онъ стаканъ-другой вина — и онъ самъ бы разсказалъ и при Кузьмичевѣ, черезъ что прошелъ онъ въ селѣ Кладенцѣ.

— Господинъ Перновскій, — началъ Кузьмичевъ и дотронулся до плеча педагога. — Встрѣчу вашу съ Василюмъ Ивановичемъ надо спрыснуть... Илья! — крикнулъ онъ къ оконцу буфета. — Подай живѣе бутылку игристаго, донскаго! Полинковаго, отъ Чеботарева!

— Сію минуту! — откликнулся лакей высокимъ теноркомъ.

— Позвольте мнѣ... Я хочу на палубу!

Перновскій привсталъ и отстранилъ ладонь Кузьмичева.

— Нѣтъ, Фрументій Лукичъ, посидите!

— Однако, господа!..

Приходъ лакея съ бутылкой и стаканчиками не далъ Перновскому докончить. Онъ успѣлъ только надѣть свой бѣлый картузъ на потную голову.

— Вотъ такъ! — крикнулъ капитанъ, когда разлилъ пѣнистое вино. — Вспомните студенческіе годы!

— Да я совсѣмъ не желаю пить!

Обтянутыя щеки Перновскаго блѣднѣли. Въ глазахъ вспыхивалъ злобный огонекъ.

— Желаете или нѣтъ, а пейте!

— За ваше драгоцѣнное! — Теркинъ прикоснулся своимъ стаканомъ къ стакану Перновскаго.

Они не готовились пробирать „искаріота“, заранѣе не обдумывали этой сцены. Все вышло само собою, рѣзче, съ большимъ школьничествомъ, чѣмъ бы желалъ Теркинъ. Но онъ отдавался настроенію, а капитанъ переживалъ съ нимъ ту же потребность отместки за всѣ свои мытарства.

Теркинъ еще ближе пододвинулся къ Перновскому.

— Вы намъ лучше вотъ что скажите, Фрументій Лукичъ: неужели въ васъ до сихъ поръ сидитъ все тотъ же чедовѣкъ, какъ

и пятнадцать лѣтъ тому назадъ? Міръ Божій ширится кругомъ. Всѣмъ надо жить и давать жить другимъ...

— Не знаю-съ!—заговорилъ Перновскій. — И не желаю, господинъ Теркинъ, отвѣчать вамъ на такія... ни съ чѣмъ несообразныя слова. Надо бы иному разночинцу проживать до сего дня въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ за всякое озорство; а онъ еще похваляется своимъ закоренѣлымъ...

— Эге!..—перебилъ капитанъ.—Вы, дяденька, кажется, сердать изволите!.. Это не порядокъ!

— Оставьте, Андрей Ѳомичъ! Дайте мнѣ отозваться на этотъ спичъ.

Теркинъ взялъ, повыше плеча, руку Перновскаго.

— Вамъ, коли судьба со мною столкнула, надо бы потише быть! Не одну свою обиду я на васъ вымещаю, вмѣстѣ вотъ съ капитаномъ, а обиду многихъ горюновъ. Вотъ чтѣ вамъ надо было напомнить. А теперь можете прослѣдовать въ свою каюту!

Лицо Теркина дѣлалось все нервнѣе и голосъ глуше. Перновскій хотѣлъ было что-то крикнуть, но звукъ остановился у него въ горлѣ. Онъ вскочилъ стремительно, захватилъ свою шинель и выбѣжалъ вонъ.

XX.

Въ тѣсной каютѣ, съ однимъ мѣстомъ для сна, въ темнотѣ, лежалъ Перновскій съ небольшимъ часъ послѣ сцены въ общей каютѣ.

Его поводило. Онъ лежалъ навзничъ; голова закатывалась назадъ по дорожной подушкѣ. Камлотовая шинель валялась въ ногахъ.

Рядомъ, на доскѣ, служившей столомъ, подъ круглымъ окномъ, что-то блестѣло.

Это былъ большой графинъ съ водкой. Онъ приказалъ подать его—изъ буфета второго класса—вскорѣ послѣ того, какъ спустился въ себѣ.

Ему случалось пить рѣдко, особенно въ послѣднее время; но раза два въ годъ онъ запирался у себя въ квартирѣ, сказывался больнымъ. Иногда пилъ только по ночамъ, недѣлю-другую, утромъ ходилъ на службу,—и въ эти періоды особенно ехидствовалъ.

И теперь онъ не воздержался. Не спроси онъ водки—его бы хватилъ ударъ.

— Мерзавцы!—глухо раздалось въ каютѣ подъ шумъ колесъ и брызгъ, долетавшихъ въ окна.—Мерзавцы!

Другого слова у него не выходило. Правая рука протянулась къ графину. Онъ налилъ полную рюмку, ничего не разлилъ на столъ и, приподнявшись немного на постели, проглотилъ и сплюнулъ.

Съ каждымъ десятью минутами, вмѣстѣ съ усиленнымъ бѣженіемъ венъ на вискахъ, росла въ немъ ярость, безсильная и удушающая.

Что могъ онъ сдѣлать съ этими „мерзавцами“? Пока онъ на пароходѣ, онъ—въ подчиненіи капитану. Не пойдетъ же онъ жаловаться пассажирамъ! Кому? Купчишкамъ или мужичью? Они его же на смѣхъ поднимутъ. Да и на что жаловаться?.. Свидѣтелей не было того, какъ и что этотъ „наглець“ Теркинъ сталъ говорить ему—ему, Фрументію Перновскому!

Оба они издѣвались надъ нимъ самымъ нахальнымъ манеромъ. Оставайся тѣ пассажиры, что пили пиво за другимъ столомъ и дай онъ раньше, еще при нихъ, „достождолжный“ отпоръ обоимъ наглецамъ, и Теркинъ, и разбойникъ капитанъ рассказали бы его исторію, навѣрно, навѣрно!

А теперь—терпи, лежи, кусай отъ злости губы или уголъ кожаной подушки! Если желаешь,—можешь раньше высадиться на привалъ, теряй стоимость проѣзда.

Какъ онъ ни былъ расчетливъ, но начиналъ склоняться къ рѣшенію: на разсвѣтѣ покинуть этотъ проклятый пароходъ.

Но вѣдь это будетъ позорное бѣгство! Значить, онъ проглотилъ—„здорово живешь“—такой рядъ оскорбленій? И отъ кого? Отъ мужика, отъ подкидыша! Отъ пароходнаго капитана, изъ бывшихъ ссыльныхъ,—ему говорилъ одинъ пассажиръ, какое прошедшее у Кузьмичева.

„Что дѣлать, что дѣлать?“ мучительно допытывался онъ у себя самого, и рука его каждая пять минутъ искала графина и рюмки, наливала и опрокидывала въ разгоряченное и жаждущее горло.

Графинъ былъ опорожненъ. Въ головѣ зашумѣло; въ темнотѣ каюты предметы стали выдѣляться яснѣе и получать странныя очертанія—и какъ будто края всѣхъ этихъ предметовъ съ краснымъ отливомъ.

Рука искала графина, но въ немъ уже не было ни капли.

Онъ опять приподнялся, взглянулъ въ то, что лежало, и протянулъ руку къ фляжкѣ, въ кожаномъ футлярѣ, къ той, что бралъ съ собою, когда пилъ чай.

Тамъ былъ ромъ. Вздрагивающими пальцами отвинтилъ онъ металлическую крышку, приставилъ къ губамъ горлышко, однимъ духомъ выпилъ все и бухнулся на постель.

Сонъ не шель. Въ груди жгло. Голова отказывалась уже работать, дальше перебирать, что ему дѣлать и какъ отмстить двумъ „мерзавцамъ“. Подать на нихъ жалобу или просто отправить кому слѣдуетъ донесеніе?

Эта мысль всплыла-было въ мозгу, но онъ выбранилъ себя. Онъ хотѣлъ самъ расправиться съ ними. Вызвать обоихъ! Да, вызвать на поединокъ въ первомъ же городѣ, гдѣ можно достать пистолетъ. А если они уклонятся—застрѣлить ихъ.

„Какъ собакъ! Какъ собакъ!“—шептали его губы въ темнотѣ.

Мозгъ воспаленно работалъ помимо его приказа. Передъ нимъ встали „рожи“ его обоихъ оскорбителей, выглянули изъ сумрака и не хотѣли уходить; красное, бѣлобрысое, мигающее, насмѣшливо лицо капитана и другое, болѣе красивое, но злобное, страшное, съ огонькомъ въ выразительныхъ глазахъ, полныхъ отваги, дерзости, накопившейся мести.

Перновскій вскочилъ, пошатнулся, но не упалъ на постель, а двинулся къ дверѣ, нащелъ ручку и поднялся наверхъ.

Его влекло къ нимъ. Онъ долженъ былъ рассказать обоихъ; всего больше того, мужичьяго...

Позорящее мужицкое прозвище незаконныхъ дѣтей загорѣлось на губахъ Перновскаго. И онъ повторялъ его, пока поднимался по узкой лѣстницѣ, слегка спотыкаясь. Это прозвище разжигало его ярость, теперь сосредоточенную, почти безумную.

Носовая палуба уже спала. На кормовой сидѣло и ходило нѣсколько человекъ. Безлунная, но очень звѣздная ночь ласкала лица пассажировъ мягкимъ вѣтеркомъ. Кромѣ шума колесъ, не слышно было никакихъ разговоровъ.

На верху рубки, у правыхъ перилъ, ширилась коренастая фигура капитана.

Перновскій остановился въ дверяхъ рубки. Все кругомъ его ходило ходуномъ, но ярость сверлила мозгъ и держала на ногахъ. Онъ зналъ, кого ищетъ.

Сдѣлавъ онъ два-три шага по кормовой палубѣ и столкнулся лицомъ къ лицу съ Теркинымъ. Эта удача поддала ему зару.

— А-а!..—почти заревѣлъ онъ.

И прозвище, брошенное когда-то Теркину товарищемъ, раздалось по палубѣ.

Пассажиры, привлеченные неистовымъ звукомъ, увидели, какъ господинъ въ бѣломъ картузѣ полѣзъ съ кулаками на высокаго пассажира въ венгерской шапочкѣ и короткомъ пиджакѣ.

Теркинъ не потерялся. Онъ схватилъ обѣ руки Перновскаго и отбросилъ его на какой-то тюкъ.

Капитанъ въ одну минуту сбѣжалъ внизъ и успѣлъ встать между Теркинымъ и поднявшимся на ноги Перновскимъ.

— И ты, разбойникъ!.. Каторжный! У-у!..

Съ новымъ напоромъ отчаянной отваги кинулся Перновскій и на Кузьмичева, но тотъ смялъ его мгновенно и свиснулъ.

Два матроса подбѣжали и скрутили ему руки.

— Господа!—обратился Кузьмичевъ къ пассажирамъ, и голосъ его возбужденно и весело полился по ночному воздуху.— Каковъ господинъ? Воля ваша, я его высажу!

— Еще бы!.. Такъ и надо!—раздалось изъ кучки, собравшейся тотчасъ.

Кузьмичевъ спросилъ вполголоса Теркина:

— Одобряете, Василій Ивановичъ?

Злобное чувство Теркина давно уже улеглось.

Но онъ все-таки не удержался и сказалъ Перновскому, продолжавшему буйствовать:

— Фрументій Лукичъ! Видно, правда была, что вы тайно записывали?

Перновскій бился и выбрасывалъ бранныя слова, уже безъ всякой связи: языкъ переставалъ служить ему.

— Просто скрутить—пускай проспится!

— Нѣтъ-съ!—крикнулъ начальническимъ звукомъ Кузьмичевъ:—ежели, господа, каждый пассажиръ будетъ на капитана съ кулаками лѣзть, такъ ему въ пору самому высадиться.

Всѣ примолкли. Каждый почувалъ, что онъ не шутить.

Теркинъ отошелъ къ борту и оттуда, не принимая участія въ томъ, что происходило дальше, сѣлъ на скамью и смотрѣлъ.

Пароходъ проходилъ между крутымъ берегомъ и лѣсистымъ островомъ. На островѣ виднѣлся большой костеръ. Стояли, кажется, двѣ избенки.

— Держите лѣво!—скомандовалъ капитанъ, пока матросы повели Перновскаго на носовую палубу. Его чемоданъ и ручной багажъ сложили въ одну кучу.

Никто изъ пассажировъ не протестовалъ.

„Не густо ли пустилъ Андрей Ѳомичъ?“ подумалъ-было Теркинъ, но его наполнило веселое чувство отместки.

И какой! „Полежи на островѣ, отрезвись на лонѣ природы,—

думалъ онъ, глядя бородеку,—а тамъ строчи на насъ послѣ, что хочешь!”

Шлюпку спустили на воду. Въ нее сѣли трое матросовъ и положили Черногоскаго. Публика молча смотрѣла, какъ лодка причаливала къ берегу острова.

— Однако!..—вдругъ проговорилъ кто-то:—за это и наглобучка можетъ быть!

— Я въ отвѣтъ!—крикнулъ Кузьмичевъ, стоя надъ лѣвымъ козломъ.

П. Боворыбинъ.

1

БЛЭЗЪ ПАСКАЛЬ

О ЧЕРКЪ.

A peine a-t-il vécu, quel nom il a laissé.

Corneille.

Паскаль — своеобразный и самобытный гений Франціи XVII-го в., замѣчательный не только какъ математикъ и физикъ, но и какъ реформаторъ и основатель французской прозы и глубокий мыслитель. Его короткая жизнь, продолжавшаяся тридцать-девять лѣтъ, вмѣщаетъ въ себѣ удивительное разнообразіе дѣятельности и творческой мысли. Среди всѣхъ ошибокъ и излишествъ, до которыхъ доходилъ по временамъ Паскаль, всякаго должна поразить въ немъ одна черта — стремленіе къ высокому идеалу, за которое онъ платился глубочайшими страданіями. О немъ нельзя сказать, какъ сказалъ поэтъ о Спинозѣ: „*Sans haine et sans amour, il vécut pour penser*“. Каждую мысль Паскаль рождалъ въ крови; философскіе вопросы не были для него отдѣлены отъ жизни; онъ не забирался на ту олимпійскую высоту, откуда мыслитель взираетъ спокойно на всѣ человѣческія дѣла, постигая ихъ законность и гармонію. Паскаль нисходилъ въ глубину человѣческой души, стараясь открыть въ ней непоколебимые и разумные законы. Не удивительно потому, что, пришедши къ крайнимъ выводамъ современнаго пессимизма, онъ опустилъ свою гордую голову у креста. Туда его привели неописанныя страданія человѣка, заглянувшего слишкомъ глубоко въ тайники жизни...

I.

Паскаль родился 19-го іюля 1623 г. въ Оверни, въ Клермонѣ ¹⁾. Отецъ Блаза, Стефанъ, происходилъ изъ стараго парламентскаго семейства и занималъ должность президента финансовой палаты (*congr des aides*) въ Клермонѣ. Стефанъ Паскаль изучалъ прежде въ Парижѣ право подъ руководствомъ извѣстнаго своими рѣчами противъ іезуитовъ адвоката Арноля (*Plaidoyers de M.*

¹⁾ Литература о Паскалѣ очень обширна. Изъ французскихъ классическихъ писателей, ни о комъ, исключая Мольера, не писано столько, сколько объ авторѣ „*Pensées*“ и „*Lettres à un provincial*“. Главнымъ источникомъ къ біографіи Паскаля служить сводъ фактовъ изъ его жизни, составленный его сестрой Жильбертой Перье. Печатается это краткое и фактическое жизнеописаніе какъ введеніе къ большинству изданій сочиненій Паскаля. Дополненіемъ къ этой біографіи являются мемуары Маргариты Перье, дочери Жильберты (*V. Cousin, Etudes sur Pascal, Paris 1876; Faugère, Lettres, Opuscules et Mémoires de la soeur de Pascal etc. Paris 1845*). Важнымъ источникомъ къ знакомству съ отношеніями Паскаля къ своему времени и яansenистскому движенію служатъ: *Recueil de plusieurs pièces pour servir à l'histoire de Port-Royal, Utrecht 1740*. Заслуживаютъ вниманія труды: *Abbé Flottes, Etudes sur Pascal, Paris 1845*, и *Maunard, Pascal, sa vie et son caractère. Paris 1850* (2 тома). Мейнарь, удивляясь уму и характеру Паскаля, не можетъ, однако, простить ему безпощаднаго отношенія къ іезуитскому ордену, причемъ дускается въ длиннѣйшій разборъ „Писемъ къ другу въ Провинцію“, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ запоздалой защитой іезуитовъ и ихъ морали. Въ томъ же духѣ написана и книжка: *Pascal et jésuites par Guill. Lebrocquy. Bruxelles 1870*. Августъ Неандеръ (*Wissenschaftliche Abhandl., Berlin 1851*) занимается въ двухъ статьяхъ, читанныхъ имъ на засѣданіяхъ берлинской академіи наукъ, а также во введеніи къ первой части нѣмецкаго перевода сочиненій Паскаля (*Pascal's Schriften über Philosophie und Christenthum, übers. von Blech. Berlin 1840*), религіозно-философскимъ мировоззрѣніемъ „*Pensées*“. Какъ объ апологетѣ христіанства трактуетъ о Паскалѣ небольшая, но интересная брошюра: „*Pascal, als Apologet des Christenthums, von Hermann Weingarten. Leipzig 1863*“, и *Les Pensées de P. considérées comme Apologie du Christianisme, par Adrien Gory. Paris 1883*. Въ христіанско-апологетическомъ духѣ написана біографія Рейхлина (*Herm. Reuchlin, Pascals Leben. Hamb. и Gotha 1840*) и въ томъ же духѣ, но болѣе елебно-сентиментальнымъ слогомъ, книжка: *Blaise Pascal, ein Zeuge der Wahrheit, von Ecklin. Basel 1870*. Глубоко и образцово занимаются Паскалемъ Сентъ-Бввъ (*Sainte-Beuve, Port-Royal, II и III (édit. prém.)*), и Алекс. Вине (*Vinet, Etudes sur B. Pascal. Paris 1848*). Цѣльныя работы о Паскалѣ писали *Nourrisson, Pascal physicien et philosophe. Paris 1885*; *Joseph Bertrand, Bl. Pascal. Paris 1891*, и датскій писатель Сундби (*Thor Sundby, Blaise P., hans kamp mod jesuiterne og hans forsvarg for kristendommen. Kjobenhavn 1877*); біографія Сундби—образцовая работа. Сочиненіе Дрейдорффа (*Joh. Georg Dreydorff, Pascal, sein Leben und seine Kämpfe. Leipzig 1870*) отличается критическимъ отнѣскомъ, но разборъ „Провинц. писемъ“, которому посвящена вся почти книга, представляетъ протестантскій антиподъ вышеупомянутой католической апологіи „общества Іисуса“ Мейнара; написана она языкомъ грубаго человѣка, выставяющаго слишкомъ явно умест-

Antoine Arnauld. Paris, 1616), отца знаменитаго въ исторіи французскаго янсенизма семейства Арнолей. Жена Стефана, Антуанетта Бегонъ, умерла въ 1626 г., оставивъ, кромѣ трехлѣтняго Блэза, двухъ дочерей: старшую Жильберту, будущаго біографа геніальнаго брата, и младшую Жаклинъ, судьба которой тѣсно связана съ судьбою самого Блэза, и о которой намъ еще придется говорить въ нашемъ разсказѣ. Стефанъ Паскаль былъ человѣкъ

нуж, но неумѣло выраженную тенденцію пастора въ германскомъ Kulturkampfъ. Лелю (F. Lelut, L'amulette de P. pour servir à l'hist. des hallucinations. Paris 1846) разбираетъ болѣзнь Паскаля съ точки зрѣнія психической медицины натянуто и тенденціозно. Кромѣ устарѣлыхъ Eloges (Raymond, Eloge de P. Paris 1816; Bordas-Demoulin, Eloge de P. couronné par l'Acad. franç. 1841) и диссертациі А. Thomas, De Pascali; an vere scepticus fuerit? Paris, 1844,—заслуживаютъ изъ отдѣльных работъ упоминанія: Leon Lescœur, De l'ouvrage de P. contre les Athées. Paris et Dijon 1850; J. Tissot, Réflexions sur les Pensées de P. Paris 1869; Mossot, Etude sur Pascal et La-Rochefoucauld; Joly, Idées philosophiques de P.; E. Droz, Etude sur le scepticisme de P. Paris 1886 (добросовѣстный трудъ); Dreydorff, Pascal's Gedanken. Leipzig 1875), François de Neufchâteau, De Provinciales et du style de P. въ изд. „Пров. писемъ“ Лefевра (Les Provinciales de P. éd. Lefèvre. Paris 1844); Delègue, Etude sur la dernière conversion de P. Paris. 1868 (онъ же написалъ работу Essai sur les travaux de P. touchant la géometrie etc. см. Revue des sociétés savantes des départements, 4 série, t. VII, p. 448 sq.); Gonod, Recherches sur la maison où Bl. Pascal est né et sur la fortune d'Etienne Pascal. Clermont 1847; François Collet, Fait inédit de la vie de P. Paris. 1848; Espinas, La théorie littéraire de P. (Annales de la faculté des Lettres de Bordeaux. 1881); Prévost Paradol, Etudes sur les Moralistes franç. Paris 1865 (2 éd.); E. Deschanel, Pascal, La-Rochefoucauld Bossuet, Paris 1885; Emile Saisset, Le Scepticisme (études pour servir à l'hist. critique du Scepticisme, Paris. 1865; Villemain, Mélanges histor. et littéraires, t. I (Paris 1880). Renouvier, Essais de critique générale, t. II. Paris 1875; Ferd. Brunetière. Etudes critiques sur l'hist. de la litt. franç. (Le problème de Pensées de P.); Steffens, Ueber die histor. Bedeutung von Pascal's Pensées (Abhandl. der königl. Academie zu Berlin 1837), Edinburgh Review. 1847 (On the genius and writings of Pascal—прекрасный этюдъ), Expositor 1837 (Octob-Novemb.) (Kondon-Hodber and Stough—Bl. Pascal; Program des Friedr. Wil. Gymn. zu Breslau 1878—Schwarzweber. L'homme dans les Pensées de P.—слабая статья; Max Reichard, Christliche Lebensbilder, Gütersloh, 1889; Preussische Jahrbücher 1876 (M. Cantor. B. Pascal, статья, занимающаяся борьбою заслугами Паскаля для науки); Preuss. Jahrb. 1884 (P. Natorp, Etwas über Pasc. Pensées); Zeitschrift für histor. Theologie, Gotha 1872 (Hersog, Bl. Pascal.); Revue de deux Mondes 1887 (мартъ)—Ravaisson, La philosophie de Pascal; Biblioth. universelle 1868 (Rambert, Pensées de P.). Объ изданіяхъ сочиненій Паскаля до 1834 г. см. J. M. Quérard, La France littéraire. t. VI, Paris 1834. Одно изъ лучшихъ изданій полнаго собранія сочиненій Паскаля—Oeuvres complètes de Pascal. 2 vol. éd. Labure, Paris. 1860; изъ новѣйшихъ изданій Oeuvres de P., nouv. édit. par Prosp. Faugère, Paris 1886 (Hachette), и Oeuvres de P. avec une introduction générale, par Derome, Paris. 1885.

Настоящая статья представляетъ собой краткій очеркъ задуманнаго авторомъ большого этюда о томъ же предметѣ.

высокообразованный и со свѣтскою опытностью и солидными научными познаніями соединялъ серьезность и непорочность нравственного характера. Онъ самъ былъ хорошимъ математикомъ и находился въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, стоявшими во главѣ умственного движенія не только Франціи, но и всей Европы ¹⁾. Желаніе дать тщательное воспитаніе своимъ дѣтямъ заставило его передать свою должность въ Клермонъ брату и переселиться въ 1631 г. въ Парижъ. Въ воспитаніи сына Стефанъ старался изученію математики предпослать основательное знакомство съ древними языками, причемъ онъ примѣнялъ сравнительный методъ, давая возможность Блэзу выводить самому общія правила въ связи съ правилами французской грамматики. Маленькій Блэзъ уже и тогда обнаружилъ замѣчательное качество, оставшееся за нимъ во всей послѣдующей жизни природнымъ тактомъ истины. „Въ моемъ братѣ, — рассказываетъ Жильберта, — видны были всегда удивительная ясность ума и духовное самообладаніе. Съ ихъ помощью онъ постоянно умѣлъ отличать ложь отъ истины; истина представляла всегда и вездѣ единственную цѣль его стремленій. Уже въ дѣтствѣ онъ могъ успокоиться только на томъ, что ему казалось точно доказаннымъ, и если ему не давали достаточныхъ основаній къ разъясненію явленія, онъ самъ упорно доискивался болѣе точныхъ до тѣхъ поръ, пока не находилъ доказательства, вполне удовлетворявшаго его“. Несмотря на то, что отъ него всячески скрывали существованіе науки математики, маленький Блэзъ, какъ рассказываетъ его сестра, на основаніи опредѣленія геометріи, какъ науки о фигурахъ, сталъ рисовать различныя геометрическія фигуры, сравнивая ихъ между собой и дѣлая изъ этихъ сравненій выводы. Разъ надъ такого рода занятіемъ засталъ его отецъ и не мало былъ пораженъ, когда изъ разъясненій сына узналъ, что Блэзъ самостоятельно дошелъ до тридцать-второй теоремы Эвклида. Въ себя, со слезами на глазахъ, Стефанъ побѣждалъ къ своему другу математику Лепайеру рассказать о случившемся. Съ тѣхъ поръ Блэзъ былъ всецѣло предоставленъ себѣ самому. Въ домѣ Паскаля собирались замѣчательные люди тогдашняго времени, какъ Мерсень, ученый, находившійся въ перепискѣ съ Галилеемъ, Торичелли и другими европейскими знаменитостями, Декартъ, Роберваль, Гассенди и др. Собранія эти представляли нѣчто въ родѣ ученой коллегии, послужившей основаніемъ открытію въ 1666 г. французской академіи наукъ. По рассказамъ Жильберты, молодой Блэзъ принималъ участіе въ этихъ

¹⁾ Figuiet, Vie de savants illustres du XVII siècle (Paris 1869), p. 225 sq.

сходкахъ и предлагалъ вопросы, приводившіе въ удивленіе величайшихъ ученыхъ. Одиннадцати лѣтъ отъ роду онъ обращаетъ свое вниманіе на причины физическаго явленія звука и передаетъ плодъ своего ранняго размышленія въ небольшой, не дошедшей до насъ статьѣ.

Къ этому времени Стефану Паскалю пришлось бѣжать изъ Парижа и оставить своихъ дѣтей на попеченіе знакомыхъ. Рипшель, для поправленія плохого состоянія государственныхъ финансовъ, отдалъ распоряженіе о пониженіи стоимости государственныхъ акцій, купленныхъ частными лицами. Среди недовольныхъ этой мѣрой находился и Стефанъ Паскаль; во избѣжаніе гнѣва всемогущаго канцлера и тюрьмы онъ счелъ нужнымъ скрыться у своихъ друзей въ Оверни. Не мало пришлось бы ему скитаться, еслибы случайность не возвратила его снова дѣтямъ.

Въ 1633 г. Рипшель вздумалось поставить на сценѣ придворнаго театра довольно слабую драму m-me Скудери, которую онъ почему-то предпочиталъ лучшимъ драмамъ Корнеля. Младшая сестра Блэза, Жаклинъ, была извѣстна какъ необыкновенный ребенокъ, обладавшій талантомъ къ импровизаціи стиховъ. M-me d'Aiguillon, племянница кардинала, которой была поручена постановка драмы, пригласила для игры и Жаклинъ. По окончаніи дѣйствія послѣдняя смѣло подошла къ кардиналу и прочла ему свое стихотвореніе, въ которомъ просила помилованія отцу. Рипшель до того былъ пораженъ красотой и смѣлостью дѣвушки, что обѣщалъ исполнить ея просьбу. Стефану было разрѣшено возвратиться въ Парижъ, и онъ долженъ былъ явиться къ Рипшель въ сопровожденіи своихъ талантливыхъ дѣтей.

Въ 1640 году Стефанъ Паскаль былъ назначенъ интендантомъ въ Руанъ, куда онъ и переселился со своимъ семействомъ. Тамъ семнадцатилѣтній Блэзъ написалъ недошедшій до насъ „Опытъ о коническихъ сѣченіяхъ“, на который Мерсенъ не замедлилъ обратить вниманіе Декарта. Послѣдній находился тогда въ Голландіи и никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы юноша могъ быть авторомъ глубокомысленнаго трактата. Трактатъ этотъ читалъ и Лейбницъ, о чемъ свидѣлствуетъ его письмо, отъ 30-го августа 1676 г.

Тутъ мы встрѣчаемся въ первый разъ съ Декартомъ, какъ противникомъ Паскаля. Несмотря на то, что болѣзненное самолюбіе Декарта могло бы явиться лучшимъ источникомъ къ объясненію и послѣдующаго отношенія къ Паскалю, недовѣріе его въ данномъ случаѣ слѣдуетъ объяснить реакціей противъ непомѣрныхъ похвалъ, которыя парижскіе математики расточали въ пользу

молодого человѣка. Мерсенъ писалъ объ „Опытѣ“ Паскаля, что со времени Архимеда свѣтъ не видалъ ничего болѣе глубокаго, и что юноша превзошелъ Аполлонія.

Въ Руанѣ Блэзъ занялся, съ цѣлью облегченія работы отцу, изобрѣтеніемъ счетоводной машины, стоившей ему много труда и здоровья и положившей, въ связи съ другими усиленными умственными занятіями, начало болѣзни, провожавшей его черезъ всю его недолгую жизнь. Къ этому же времени относится его открытіе въ области физики, связанное съ изслѣдованіемъ воздушнаго давленія. Въпослѣдствіи Декартъ оспаривалъ самостоятельность этого открытія и ссылаясь на то, что Паскаль производилъ свои опыты по его указаніямъ. Декартъ имѣлъ понятіе о давленіи воздуха еще до открытія Торичелли, какъ то видно изъ его писемъ къ Мерсеню; но какъ бы то ни было, исторія имѣетъ все основаніе считать это открытіе всецѣло дѣломъ Паскаля ¹⁾.

Въ это же время наступаетъ для Паскаля борьба съ иезуитами, которая, начавшись на почвѣ науки, была потомъ перенесена въ другую область—мораль. Иезуитскій патеръ Ноэль считалъ нужнымъ возстать противъ Паскаля и безсодержательно опровергать его научныя теоріи. Своимъ отвѣтомъ на выходки патера Паскаль заставилъ егона время отказаться отъ возраженій, но вскорѣ Ноэль выпустилъ въ свѣтъ брошюру, въ предисловіи къ которой, посвященномъ принцу Конди, написалъ слѣдующую безсмысленную тираду, направленную противъ открытій Паскаля: „природу нынче обвиняютъ въ пустотѣ, и я выступилъ на защиту природы, разсчитывая на покровительство вашего высочества. И прежде существовало такое подозрѣніе противъ природы, но никто до сихъ поръ не осмѣливался считать его за фактъ, подтверждаемый авторомъ“ ²⁾. Хотя имени Паскаля тамъ не было, но всѣ знали, что имѣлся въ виду молодой ученый, опубликовавшій недавно свои опыты. Ноэль имѣлъ еще дерзость послать свою брошюру къ самому Блэзу, и несмотря на то, что въ ней были выписки изъ статей Паскаля, увѣрялъ его, что дѣло идетъ о какомъ-то польскомъ монахѣ, Валеріанѣ Магнусѣ. Возмущенный Паскаль отвѣтилъ открытымъ письмомъ, но Ноэль молчалъ. Тогда Стефанъ Паскаль взялъ сторону сына и написалъ письмо, полное ѣдкихъ сарказмовъ, къ иезуиту. Эта случайная борьба явилась какъ бы предвѣстницей будущихъ „Писемъ къ другу въ провинціи“.

¹⁾ I. K. Fischer, Geschichte der Physik, I B., S. 407.

²⁾ Oeuvres de Pascal, éd. de Lahure. Paris, 1860, t. II, p. 199—200.

На этомъ заканчивается первый періодъ въ жизни Блэза, — періодъ, посвященный научнымъ изслѣдованіямъ, которыя онъ вскорѣ оставилъ, чтобы возвращаться къ нимъ только изрѣдка и то случайно.

Мы переходимъ къ другому періоду его бурной жизни — къ Паскалю-сектанту и его борьбѣ противъ іезуитовъ, ознаменовавшейся не только въ исторіи янсенизма, но и въ исторіи французской литературы.

II.

Въ 1646 г. Стефанъ Паскаль поскользнулся и вывихнулъ ногу. Лечился онъ въ частной больницѣ, которою завѣдывали приверженцы янсенизма. Дѣти часто посѣщали отца и получали книги религіозно-философскаго содержанія. Блэзъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ читаннаго, и религіозное настроеніе въ эту эпоху его жизни было названо его „первымъ обращеніемъ“. Настроеніе Блэза отразилось и на его младшей сестрѣ Жаклинѣ, которая жила до тѣхъ поръ какъ всѣ свѣтскія дѣвушки, не задумываясь ни надъ какими нравственными вопросами. Къ тому времени болѣзнь Блэза усилилась и, страдая параличемъ, онъ уѣхалъ въ сопровожденіи своей младшей сестры для леченія въ Парижъ. Подъ вліяніемъ рѣчей янсенистскаго проповѣдника Синглена, Жаклинѣ захотѣла тогда вступить въ монастырь Поръ-Рояль, но въ виду рѣшительнаго отказа со стороны отца, ей пришлось отложить свое намѣреніе до болѣе удобнаго времени и вести монашескую жизнь на дому. Въ 1647 г. Стефанъ Паскаль предпринялъ со своимъ сыномъ и младшей дочерью поѣздку въ Овернь къ Жильбертѣ, вышедшей замужъ за Флорана Перье. Говорятъ, что Блэзъ влюбился тамъ въ даму, славившуюся какъ мѣстная Сафо. Невѣроятнаго въ этомъ ничего нѣтъ, потому что Паскаль не жилъ еще тогда одиноко, вдали отъ людей. Онъ познакомился тамъ коротко съ герцогомъ Роанна, подружился съ сестрой его и вступалъ въ сношенія съ извѣстнымъ „свѣтскимъ человѣкомъ“ Мерé. Въ сочиненіи послѣдняго „Discours sur l'esprit“ есть мѣсто, гдѣ рассказывается о путешествіи съ „человѣкомъ молодымъ, дѣльнымъ математикомъ, кромѣ своей науки въ дѣлахъ жизни немного смыслящимъ и получившимъ въ послѣдствіи знаменитую извѣстность“. Мерé былъ типомъ „свѣтскаго человѣка“ тогдашняго времени; онъ не понималъ одно-сторонности специалистовъ и требовалъ отъ человѣка общаго развитія и широты міровоззрѣнія (см. въ *Revue de deux Mondes* 1848 (Jan.) статью *Сентъ-Бѣза: Le Chevalier Méré ou de l'honnête*

homme au XVII siècle). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ имѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вліяніе на Паскаля, но во всякомъ случаѣ не то, какое онъ самъ себя приписываетъ.

Между тѣмъ болѣзненное состояніе Паскаля, облегченное нѣсколько побѣдой, не только не улучшилось, но угрожало принять хроническій характеръ.

Въ точности опредѣлить болѣзнь Паскаля невозможно. Въ симптомахъ ея, описанныхъ Жильбертой, хотѣть видѣть крайнюю степень ипохондріи. „Всѣ эти постоянные припадки, несносная головная боль, жаръ во внутренностяхъ и давленіе въ горлѣ, все это не что иное, какъ причудливый вортѣжъ страшной болѣзни, являющійся часто прямымъ слѣдствіемъ переутомленія мозга умственными занятіями... Слишкомъ дѣятельная въ этомъ направленіи жизнь и порождаетъ эту болѣзнь. Тогда возникаетъ еще большая напряженность мысли и въ связи съ нею непрерывныя страданія тѣла и души. Желая выйти изъ этого двойного мученія, такой больной, предоставленный умственному труду, ищетъ въ удвоеніи работы облегченія своему несчастію. Страдать отъ мысли и мыслить отъ страданій—такова вся его жизнь“ (Lelut, L'amulette de Pascal (Paris 1846), p. 147—148). Паскаль продолжалъ усиленно работать умомъ, а еще болѣе чувствомъ, всей душой. Пользовавшіе его врачи совѣтовали ему совсѣмъ отказаться отъ умственного труда. Паскаль послушался и отказался на время отъ своего привычнаго образа жизни. Но мы, однако, несправедливо отнеслись бы къ Паскалю, еслибы приписывали ему, вмѣстѣ съ нѣкоторыми біографами, такого рода грѣхи, отъ которыхъ онъ по видимому и тогда былъ свободенъ. Въ сочиненномъ имъ къ тому времени „Discours sur l'amoür“, возвышенномъ по мысли и языку, мы рѣшительно не въ состояніи видѣть ничего, что дало бы хоть малѣйшій намекъ на легкое отношеніе Паскаля къ нѣкоторымъ вопросамъ. Еслибы „Разсужденіе о любви“ и представляло собой „плодъ опыта“, какъ того хочетъ Кузенъ, то, разбирая и понимая психологически такого человѣка, какъ Паскаль, никто не увидитъ причины мучившихъ его угрызений совѣсти (horribles attaches), о которыхъ говорится въ одномъ письмѣ Жаклинъ (Faugère, Lettres, Opuscules etc., p. 357), въ раскаяніи за прежній фривольный взглядъ на любовь. Апологія чувства, написанная Паскалемъ, была вызвана, по всей вѣроятности, сильною любовью, на которую не отвѣтили взаимностью. Предполагаютъ, что предметомъ любви Паскаля была сестра герцога Роаннѣ, съ которой онъ впоследствии под-

держивалъ переписку, побуждая ее вступить въ Поръ-Рояль ¹⁾. Такихъ свѣденій объ этомъ „свѣтскомъ“ періодѣ его жизни нѣтъ.

Если янсенистскій біографъ замѣчаетъ: „человѣкъ вначалѣ вполне умѣренный, Паскаль потомъ предается суетѣ, удовольствіямъ и разсыпанной жизни“, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что сужденіе это исходитъ отъ людей, придерживавшихся строжайшихъ аскетическихъ взглядовъ на нравственность. Неоспоримъ только фактъ знакомства Паскаля съ названнымъ Мерэ, извѣстнымъ игрокомъ и кутилой. Геній однако и тутъ не оставилъ Паскаля. По поводу предложенной Мерэ, въ собственныхъ игорныхъ цѣляхъ, задачи, Паскаль открылъ тогда свою теорію вѣроятности. Въ письмахъ объ этомъ открытіи къ тулузскому математику Фермѣ, относящихся къ іюлю 1654 г., Паскаль еще во всякомъ случаѣ далекъ отъ тѣхъ мыслей, которыя его вскорѣ толкнули на новую дорогу. Въ 1651 г. умеръ Стефанъ Паскаль. Матеріальное положеніе Блэза было не совсѣмъ завидное. Къ тому же еще пришлось вступить въ непріятное столкновеніе съ младшей сестрой, которая теперь хотѣла во что бы то ни стало вступить въ монастырь Поръ-Рояль. Въ ноябрѣ 1654 г. приключилось съ Паскалемъ событіе, которому неизвѣстно почему приписываютъ величайшее значеніе, какъ причинѣ внезапнаго переворота въ жизни Паскаля, не смотря на то, что достовѣрность самаго факта подтверждается однимъ только извѣстіемъ, а сестра даже и не упоминаетъ о немъ въ своей біографіи. Рассказываютъ, что Паскаль предпринялъ со знакомыми прогулку въ экипажѣ, запряженномъ четырьмя или даже шестью лошадьми. На Нелльискѣмъ мосту лошади разнесли экипажъ и сами ринулись въ воду. Къ счастью, упряжь оборвалась и экипажъ остался на мосту. Для разрушеннаго здоровья Паскаля такое обстоятельство могло имѣть самыя неблагопріятныя послѣдствія: онъ вдругъ совсѣмъ измѣнился, сталъ чуждаться людей, прервалъ сношенія съ міромъ и сталъ чаще посѣщать Поръ-Рояль. Жаклинъ, съ нѣкотораго времени жившая уже въ янсенистскомъ монастырѣ подъ именемъ сестры Евфиміи, своей непоколебимой вѣрой и убѣдительными бесѣдами вліяла на его душевное настроеніе, стараясь склонить его къ религіозности.

Перемена однако въ настроеніи Паскаля врядъ ли случилась внезапно,—она была подготовлена всею его прошлой жизнью. Это видно изъ письма Жаклинъ, отъ 8-го декабря 1654 г., въ

¹⁾ А. Gazier доказалъ, что предположеніе это лишено всякаго основанія (Revue politique et littéraire, 24 Nov. 1877—Le Roman de Pascal.

которомъ говорилось: „вотъ ужъ больше года, какъ у него (Блаза) большое презрѣніе къ міру и омерзѣніе къ людямъ. Съ нимъ что-то нехорошо“... Въ другомъ письмѣ (25-го января 1655 г.) Жаклинъ рассказываетъ, что ея стремленія къ обращенію брата были уже успѣшны въ сентябрѣ 1654 г., т.-е. предъ событіемъ на мосту и до „видѣнія“, о которомъ такъ много говорено со времени опубликованія Кондорсэ того, что онъ называлъ „амулетомъ“ Паскаля. Желаящіе во что бы то ни стало представить себѣ это „видѣніе“ рассказываютъ о возможномъ ходѣ галлюцинацій слѣдующее: Паскаль возвращается послѣ одной изъ талантливыхъ проповѣдей Синглена домой и предается своимъ мыслямъ. Углубившись въ себя, онъ ищетъ ту пропасть, которую онъ, какъ говорятъ, видѣлъ всюду со времени приключенія на мосту. „Разумъ его мутится и гнется; на волю выпущенное воображеніе опутываетъ его душу своими фантомами. Не идеи, не воспоминанія, не образы возникаютъ въ его душѣ, ослабленной отъ долговременныхъ страданій и интенсивности гения, а чувства въ сто разъ живѣе обыкновенныхъ“ (Lelut, L'amulette, etc., p. 160). Въ эту мрачную декабрьскую ночь Паскаль требуетъ отъ себя отчета въ жизни, въ назначеніи чловека. Онъ, должно быть, уже и раньше мучился надъ тѣми конечными вопросами чловекаго существованія, которые богатою кистью творца и художника рисовалъ онъ вполсѣдствіи въ своихъ глубокихъ „Pensées“.

Тяжело подумать, что такой сильный умъ и гений, какъ Паскаль, въ безысходномъ отчаяніи разрѣшить мучительные „проклятые вопросы“, отдался во власть слѣпого чувства, которое онъ называлъ „вѣрой въ Бога патріарховъ, а не Бога философовъ“. Найденный послѣ смерти Паскаля зашитымъ въ камзолъ бумажный ключокъ, на которомъ онъ въ безсвязныхъ на первый взглядъ выраженіяхъ высказываетъ свои чувства въ эту ночь, и былъ названъ „амулетомъ“. „Можно объ этомъ судить, какъ хотѣть,—замѣчаетъ Сундби¹⁾—но что Паскаль этотъ бумажный ключокъ считалъ „амулетомъ“ — выдумка людей, которые, вѣроятно, въ память далеко менѣе душу захватывающихъ событій своей жизни, носили кольца, локоны, портреты и т. п., не считая ихъ все-таки „амулетами“.

На слѣдующее утро послѣ этой памятной ночи (8-го декабря 1654 г.) Паскаль исповѣдывается передъ своей сестрой въ новой

¹⁾ Thor Sundby, Blaise Pascal, hans kamp mod Jesuiterne, etc. (Kiøbenhavn 1877), p. 28 — 29.

вѣрѣ, что и получило названіе его „второго обращенія“. Паскалю было тридцать лѣтъ, когда онъ присоединился къ дружкѣ янсенистовъ. Ему суждено было своимъ именемъ дать радикальное направленіе всему янсенистскому движенію.

III.

Янсенизмъ былъ въ теоріи выраженіемъ философско-теологическаго спора, занимавшаго въ продолженіе долгаго времени умы въ Европѣ и послужившаго догматическимъ основаніемъ реформации XVI-го в.—спора о свободѣ человѣческой воли. Спорили о томъ, какъ понимать свободу воли на ряду съ атрибутомъ всезнанія, приписываемымъ Творцу. Человѣка, слѣдовательно, нельзя считать ни отвѣтственнымъ, ни свободнымъ въ своихъ поступкахъ. Вопросъ этотъ занималъ издавна теологовъ и философовъ. Св. Августинъ (353—430) училъ, что грѣхопаденіе отняло у человѣка возможность дѣлать добро, оставивъ за нимъ только способность ко злу. Человѣкъ, будучи по природѣ злымъ, нуждается—для того, чтобы переродиться, чтобы улучшить свою натуру въ особенномъ вниманіи Творца. Безъ этого вниманія человѣкъ не въ состояніи подняться до высоты нравственной жизни. Одно только божественное милосердіе въ состояніи преобразовать человѣческую волю (*gratia irresistibilis*). Противъ Августина выступилъ британскій монахъ Пелагій съ ученіемъ объ абсолютной свободѣ человѣческой воли. Католическая церковь приняла на вселенскихъ соборахъ ученіе Августина. Но „предопредѣленіе“ и „непреоборимое милосердіе“ представляли извѣстную опасность для католицизма, такъ что между ученіемъ Августина и Пелагія составленъ былъ компромиссъ въ видѣ такъ-называемаго семипелагיאнизма.

Замѣчательно при этомъ однако то, что въ то время, какъ имя Августина окружено было во всемъ католическомъ мірѣ необыкновеннымъ ореоломъ святости, основы его ученія были впоследствии не разъ провозглашаемы на церковныхъ соборахъ какъ еретическія и безбожныя. Въ XIII в. Августинъ нашелъ сильнаго поборника въ лицѣ Ѳомы Аквинатскаго, и взгляды, изложенные въ сочиненіяхъ послѣдняго (особенно въ его „*Summa theologiae*“), приобрѣли ревностныхъ послѣдователей среди доминиканцевъ, тогда какъ орденъ францисканцевъ придерживался семипелагיאнизма. Въ половинѣ XIV-го в. ученіе Пелагія нашло не менѣе талантливаго защитника въ лицѣ Дунса Скота, и съ тѣхъ

поръ началась постоянная борьба между доминиканцами, какъ послѣдователями Өомы (томисты), и францисканцами или послѣдователями Скота (скотисты). Въ 1588 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Людвига Молины, профессора теологіи и философіи въ Эворѣ (*Liberi arbitrii cum gratiae donis, divina praescientia, providentia praedestinatione et reprobatione concordia*), въ которомъ доказывалось, что принципъ свободы воли лежитъ въ основѣ всего христіанства. Послѣдователями такъ-называемаго молинизма явились іезуиты, которые еще при жизни Генриха IV проникли въ Парижъ, не смотря на сопротивленіе со стороны парламента, университета и галликанскаго духовенства. Тогда именно (12-го іюля 1574 г.) Арноль-отецъ высказалъ свою знаменитую филиппику противъ іезуитскаго ордена, которую іезуиты съ тѣхъ поръ считали „смертнымъ грѣхомъ семейства Арнолей“. Изъ основъ ученія Молины іезуиты дѣлали крайніе выводы и стали проповѣдовать въ своихъ книгахъ „пробабиллизмъ“ или относительность нравственныхъ понятій, стараясь смысломъ этого ученія прикрыть наготу своихъ безнравственныхъ цѣлей. Іезуитская казуистика доходила до чудовищныхъ толкованій и крайне деморализовала общество, такъ какъ іезуиты вскорѣ послѣ смерти Генриха Наваррскаго начали селиться во всей Франціи и захватили въ свои руки воспитаніе юношества и общественное мнѣніе. Въ XVII в. они уже потеряли всякое понятіе о первоначальномъ, если и фанатическомъ, то, по крайней мѣрѣ, строгомъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нравственномъ назначеніи своего ордена. Они стали заниматься торговлей, посѣщеніемъ ярмарокъ и денежными оборотами (Ranke, *Römische Päpste*, III B. (Berlin, 1836), S. 130). Грѣхъ они опредѣляли какъ *сознательное* отступленіе отъ законовъ Бога (*voluntaris recessus a regula divina*). Отступленіе это состоитъ въ согласіи со стороны воли. Чѣмъ меньше человѣкъ при проступкѣ думаетъ о Богѣ, тѣмъ сильнѣе онъ при этомъ находится во владѣніи страсти, тѣмъ больше шансовъ имѣеть онъ на прощеніе. Если человѣкъ въ состояніи извиниться привычкой, дурнымъ вліяніемъ окружающаго, то грѣхъ утрачиваетъ свое отвѣтственное значеніе. Іезуиты допускали и дуэль: если дѣло идетъ объ опасности, учили они, о потерѣ мѣста или милости короля, или же вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ не хочетъ прослыть трусомъ, онъ не только въ правѣ принять вызовъ, но и дѣлать его. Допускалась іезуитами и ложная присяга, если присягающій даетъ ее „внѣшнимъ образомъ, не проникаясь ею“ (*cum non iuraverit sed luxerit*). Есть случаи,—учили іезуиты,—когда, вопреки своему собственному убѣжденію, можно сослаться

на убѣжденіе какого-нибудь извѣстнаго въ церковной литературѣ автора. Въ самомъ католическомъ мірѣ должны были находиться люди, которые возстали бы противъ такого рода деморализаціи. Въ практическихъ своихъ результатахъ янсенизмъ именно и выступилъ противъ іезуитовъ и ихъ морали.

Въ Лёвенѣ въ то время учились два студента—голландецъ Корнелій Янсень и гасконецъ Жанъ дю-Верже де-Горанъ (Jean du Verger de Hauganne), знаменитый впоследствии предводитель французскихъ янсенистовъ, Сень-Сиранъ. Последний пригласилъ къ себѣ Янсена въ свой родной городъ Байонну. Тамъ они углубились въ ученіе Августина и задумались надъ необходимостью произвести реформу въ католической церкви. Янсень былъ теоретикъ и могъ дѣйствовать для этой цѣли только сочиненіями. Въ Сень-Сиранѣ уже и тогда виденъ былъ человекъ практическій, способный дѣйствовать въ жизни. По окончаніи своего ученія, дю-Верже де-Горанъ былъ сначала назначенъ аббатомъ монастыря св. Сирана, а въ 1836 г.—духовникомъ женскаго монастыря Поръ-Рояль, настоятельница котораго была Жаклинъ Арноль (1591—1661) или мать Анжелика. Монастырь этотъ, основанный еще въ XIII в., находился прежде въ трехъ миляхъ на западъ отъ Парижа, а въ 1626 г. перемѣщенъ въ парижское предмѣстіе С.-Жакъ. Реформа въ католической религіи, созданіе независимаго отъ римской курии національно-французскаго духовенства, сдѣлалась всепоглощающею цѣлью его жизни. „Богъ, —говаривалъ онъ, —оказывалъ и продолжаетъ оказывать мнѣ свою милость, просвѣщая мою душу и вселяя въ меня убѣжденіе, что вотъ ужъ пять-шесть столѣтій какъ у него нѣтъ церкви. Прежде церковь походила на большую рѣку, прозрачныя воды которой отражали небесный свѣтъ, но нынѣ то, что выдается за церковь, не что иное какъ грязное болото“¹⁾. Когда ему указывали разъ на то, что всѣ ересіархи пользовались тѣмъ же предлогомъ для проповѣди своихъ вредныхъ мнѣній и привели въ примѣръ Кальвина, Сень-Сиранъ не замедлил отвѣтить, что, по его мнѣнію, ученіе Кальвина совсѣмъ не вредно, какъ это можетъ казаться. Единственно, что возможно поставить Кальвину въ упрекъ, это то, что онъ не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, защитить свое ученіе. Вскорѣ полемика Сень-Сирана противъ іезуита Гарасса, нападавшаго въ своихъ сочиненіяхъ на протестантскія толкованія христіанства, обратила на него вниманіе іезуитскаго ордена. Когда же въ 1633 г. появилось его сочиненіе, въ которомъ онъ подѣ

¹⁾ Chrétineau-Joly, Hist. de la Compagnie de Jésus, t. IV (Paris 1845), p. 7.

псевдонимомъ Петра Аврелія ¹⁾, разбирая состояніе современной церкви съ правовой и политической стороны, выступилъ смѣлымъ защитникомъ епископа и независимости французской церкви отъ власти папы, то іезуиты не могли не почувствовать въ немъ злѣйшаго врага своего. С.-Сиранъ имѣлъ сильное вліяніе на всѣхъ, съ кѣмъ только ему ни приходилось встрѣчаться. Вокругъ него скорѣ собрался кружокъ людей, серьезно преданныхъ задуманному имъ дѣлу. Въ 1638 г. Антонъ Леметръ, племянникъ Анжелики Арноль, одинъ изъ первыхъ ораторовъ своего времени, оставилъ государственную дѣятельность и поселился въ оставленномъ монахинями старомъ загородномъ монастырѣ Port-Royal de Champs. Къ нему присоединился скорѣ братъ его Симонъ Серивуръ (Sericourt), а въ іюлѣ число отшельниковъ дошло до 14 человекъ. Они и положили начало знаменитому отшельническому обществу Поръ-Рояль. Число послѣдователей С.-Сирана все увеличивалось. Къ янсенистскому кружку применили скорѣ и третій братъ Леметра, Исаакъ де-Саси (Sacy), педагогъ Лансло (Lancelot), ученый Петръ Николь, поэтъ Расинъ, братъ Анжелики Robert d'Andilly и младшій братъ ея Антонъ Арноль. Въ монастырѣ занимались обученіемъ дѣтей, переводами классиковъ, составленіемъ учебниковъ по различнымъ отраслямъ науки и изученіемъ философіи, а въ особенности произведеній св. Августина. С.-Сиранъ поддерживалъ постоянныя сношенія со своимъ другомъ Янсенемъ, посвятившимъ 22 года своей жизни изложенію и толкованію ученія Августина. Кардиналъ Ришельё смотрѣлъ на С.-Сирана какъ на человека съ упорными мнѣніями, шедшими въ разрѣзъ съ его собственными. Кардиналу была извѣстна его дружба съ ипернскимъ епископомъ Янсенемъ, а послѣдній издалъ въ 1635 г. свою книгу „*Mars gallicus*“ ²⁾, въ которой подвергалась безпощадной критикѣ политика Ришельё, и проповѣдовала въ Бельгій, что слѣдуетъ низвергнуть иго Испаніи и организовать въ республику на подобіе Швейцаріи или Голландіи. Къ тому С.-Сиранъ пять разъ отказался отъ предложеннаго ему епископскаго мѣста, такъ что Ришельё имѣлъ всѣ основанія считать его подозрительной личностью.

„Человѣкъ этотъ,—говорилъ Ришельё о С.-Сиранѣ,—пылающаго темперамента и горячаго сердца. Чрезмѣрный пламень горитъ въ головѣ его пары, изъ которыхъ образуются его меланхолическія фантазіи. Фантазіи свои онъ и выдаетъ за спекуля-

¹⁾ Petri Aurelii theologi Opera. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ этого сочиненія—Сенъ-Сиранъ. Оно написано или имъ самимъ, или коллективно съ друзьями.

²⁾ Mars Gallicus. seu de justitia armorum et foederum regis Galliae libri duo.

тивныя идеи и вдохновеніе св. духа“. Кардиналь чуждъ бѣду и считалъ нужнымъ положить предѣлы распространенію „фантастическаго“ ученія С.-Сирана. Рипелье былъ того мнѣнія, что если бы правительства не церемонились съ Лютеромъ и Кальвиномъ и засадили ихъ въ тюрьму, то Европа была бы избавлена отъ безчисленныхъ бѣдствій. 15-го мая 1638 г., по приказанію всемогущаго канцлера, С.-Сиранъ былъ арестованъ, а послѣдователи его были изгнаны изъ Парижа. Въ тюрьмѣ, однако, сношенія С.-Сирана съ друзьями не были прерваны, и онъ продолжалъ вліять на своихъ послѣдователей бесѣдами и сочиненіями. Сочиненія С.-Сирана были изданы послѣ въ четырехъ томахъ: *Oeuvres chrétiennes et spirituelles de M. Jean du Verger de Nauranne, abbé de Saint-Cyran, Lyon 1679*).

Во главѣ янсенистовъ сталъ тогда младшій братъ Анжелики, Антонъ Арноль. Въ немъ ясенизмъ нашелъ истиннаго борца. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ онъ боролся словомъ и дѣломъ, упорно отстаивая свои убѣжденія. Долгія скитанія, неудачи въ непрерывной борьбѣ противъ іезуитовъ и паны вліяли на него только закаляющимъ образомъ. Преслѣдуемый властью, принужденный на старости лѣтъ оставить отечество, Арноль ни на минуту не терялъ энергіи и вѣры въ правоту своего дѣла. Отдыхъ онъ считалъ излишнею роскошью, полагая, что „намъ для отдыха дана вѣчность“. Въ 1640 г., послѣ смерти Янсена, появился его „Августинъ“¹⁾. Въ этомъ сочиненіи Янсень исходитъ изъ положенія о несвободѣ человѣческой воли. Находясь въ цѣпяхъ земныхъ желаній, въ постоянномъ рабствѣ, человѣкъ собственными усиліями не въ состояніи освободиться отъ наклонностей ко злу, а нуждается въ божественномъ милосердіи, которое не есть прощеніе грѣховъ, а освобожденіе души отъ страстей. Милосердіе это состоитъ въ высокомъ и чистомъ удовольствіи, проникающемъ нашу душу отъ пониманія Божества. Воля побуждена тогда желать и дѣлать угодное Богу. „Милосердіе“, слѣдовательно, есть независимое отъ человѣка направленіе его душевныхъ силъ, заставляющее его находить удовольствіе въ добродѣтели и поступать согласно съ требованіями высшей нравственности. Добро слѣдуетъ совершать не изъ боязни предъ наказаніемъ, а изъ безкорыстной любви къ справедливости, послѣдняя же есть самъ Богъ, котораго слѣдуетъ созерцать какъ вѣчную истину—источникъ абсолютной правды, не какъ относи-

¹⁾ Cornelii Jansenii, Episcopi Jprensii, Augustinus seu doctrina S. Augustini de humanae naturae sanitate, aegritudine, medicina, adversus Pelagianos et Massilienses.

тельное понятіе нашего ума, а какъ непоколебимую и вѣчную идею. Нормы нашего поведенія истекаютъ изъ божественнаго милосердія, являющагося отраженіемъ вѣчнаго закона. Кто любитъ справедливость, тотъ любитъ и самого Бога. Добродѣтель есть любовь къ Богу, а любовь освобождаетъ волю; тогда является свободная и счастливая необходимость не грѣшить.

Книга Янсена явилась догматической подкладкой послѣдующей борьбы съ іезуитами и легла теоретическимъ основаніемъ янсенистскаго движенія. Въ 1643 г., вскорѣ послѣ смерти С.-Сирана, Антонъ Арноль выступилъ противъ іезуитовъ съ сочиненіемъ „О частомъ причащеніи“ („De la fréquente Communion“). Поводомъ къ этой книгѣ послужилъ отказъ принцессы де-Гаменъ ходить на балъ въ день, когда она причащалась. Подъ вліяніемъ Роберта Арноля, котораго она любила тогда христіански-платонически, замѣнивъ въ послѣдствіи эту любовь на менѣе платоническую къ кардиналу Рецу, принцесса обратилась за совѣтомъ къ С.-Сирану въ тюрьмѣ. Послѣдній отсовѣтовалъ ей часто причащаться. Но одинъ іезуитъ, узнавши объ этомъ, написалъ тотчасъ же защиту частаго причащенія, противъ которой Арноль и выступилъ со своею книгой. Іезуиты всячески старались выхлопотать запрещеніе ея, приводя ее небезосновательно въ тѣсную связь съ ученіемъ Янсена. Они еще прежде выставили пять предложеній, взятыхъ будто бы изъ сочиненій Янсена, къ которымъ сводилось, по ихъ мнѣнію, все ученіе ипернского епископа. На основаніи этихъ предложеній они требовали отъ папы Иннокентія X осужденія янсенистскаго ученія. Иннокентій X, ненавидя всякіе теологическіе споры и не имѣя о нихъ къ тому никакого понятія, все не рѣшался запретить книгу Янсена. Исслѣдованіе дѣла было имъ поручено собранію четырехъ кардиналовъ и тринадцати теологовъ. Кардиналъ Киджи, принявшій сторону іезуитовъ, побуждалъ папу къ осужденію, и въ іюнѣ 1653 г. Иннокентій буллою, сочиненной самимъ Киджи, проклялъ ученіе Янсена, какъ еретическое и противное правовѣрному духу церкви. „Изъ теологической борьбы, — какъ выразился Паскаль, — янсенизмъ сталъ борьбой теологовъ“. Другъ противъ друга стояли двѣ организованныя партіи. Съ одной стороны, единомышленники Ришелье и Мазарини, іезуиты, ханжи въ церкви и политикѣ, а съ другой — янсенисты, противники всего вѣшняго, враги непогрѣшимости папы и друзья кардинала Реца и фронды.

Послѣ осужденія ученія Янсена, іезуиты подняли высоко голову и стали всевозможными способами преслѣдовать янсенистовъ. Правительство находилось на сторонѣ папы, и французскія тюрьмы

наполнялись людьми, которыхъ считали врагами іезуитовъ ¹⁾. Предводители янсенистовъ не чувствовали себя въ монастырѣ Поръ-Рояль безопасными отъ непрерывныхъ обысковъ и внезапныхъ нападеній со стороны полиціи и должны были скрываться въ отдаленныхъ улицахъ Парижа. Тогда въ 1655 г. Антонъ Арноль выступилъ противъ папскаго осужденія янсенизма, исходя изъ положенія, что папа непогрѣшимъ только въ вопросахъ вѣры, но не въ вопросахъ фактовъ. Онъ требовалъ, чтобы ему доказали, что предложенія, на основаніи которыхъ проклято ученіе Янсена, дѣйствительно взяты изъ сочиненій Янсена и представляютъ собой вѣрное толкованіе его ученія. Такого рода постановкой вопроса Арноль прямо затрогивалъ непогрѣшимость папской власти. Іезуиты не могли ему простить такой неслыханной въ католическомъ мірѣ дерзости.

Они отвѣтили янсенистамъ: „Когда папа приказываетъ оставить Христа, то и тогда слѣдуетъ ему непрекословно повиноваться. Мы нисколько не грѣшили бы, если бы оставили Христа, чтобы перейти на сторону папы. Поступая по его приказанію противъ правды и справедливости, мы всю отвѣтственность переносимъ на папу“ ²⁾. Сама Сорбонна выступила противъ „начальства“ Арноля и исключила его изъ профессорской корпораціи, членомъ которой онъ состоялъ.

Между тѣмъ кардиналъ Килжи самъ вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Александра VII и высказалъ въ буллѣ 10-го октября 1656 г., что осужденныя его предшественникомъ пять предложеній взяты изъ книги Янсена и истолкованы въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ ихъ училъ самъ Янсень. Этимъ ставилось непосредственное требованіе для папы судить непогрѣшимо и догматически о фактахъ, которые каждый имѣющій очи могъ отрицать.

Александръ VII, чтобы придать своей буллѣ всеобщее значеніе, вошелъ въ сношенія съ Людовикомъ XIV и съ помощью французскаго правительства потребовалъ отъ учениковъ Янсена письменнаго отреченія отъ янсенизма. Подъ предсѣтельствомъ самого короля парламентъ долженъ былъ придать „формуляръ“ отреченія силу закона, обязательнаго для всѣхъ французскихъ подданныхъ ³⁾.

¹⁾ P. Phil. Wolf. Allgem. Gesch. der Jesuiten etc. II B. (Leipzig 1808), S. 314.

²⁾ Histoire générale du Jansénisme, t. III, p. 139.

³⁾ Ranke, Französische Geschichte vornehmlich T. XVI u. XVII Jahrh. Stuttgart. 1855, III B., S. 325.—Главнѣйшіе источники къ исторіи французскаго янсенизма: Sainte-Beuve, Port-Royal; Herm. Reuchlin, Gesch. von Port-Royal, 2 B. (Hamburg

Мы должны возвратиться къ началу борьбы. Послѣ того какъ послѣдовало исключеніе Арноля изъ Сорбонны, онъ написалъ отвѣтъ своимъ противникамъ и прочелъ его въ кругу своихъ единомышленниковъ. Арноль былъ ученый теологъ, и отвѣтъ его былъ слишкомъ хладнокровно написанъ, чтобы можно было заранѣе рассчитывать на какой-нибудь прямой успѣхъ. Онъ это самъ чувствовалъ и по окончаніи чтенія обратился къ человѣку, который по званію своему не былъ ни теологомъ, ни записнымъ отшельникомъ Поръ-Рояля, со словами: „Вы еще молоды, вы обладаете нужнымъ огонькомъ,—не сдѣлаете ли вы что-нибудь“. Человѣкъ этотъ былъ Блэзъ Паскаль.

23-го января 1656 г., подъ живымъ впечатлѣніемъ дѣла Арноля, появилось первое письмо Луи Монтальта къ другу въ провинціи; за этимъ письмомъ слѣдовали еще семнадцать. Всѣ эти „Письма“ появлялись въ видѣ летучихъ листовъ безъ имени автора. Псевдонимъ Паскаля „Луи Монтальтъ“ находится въ первомъ собраніи ихъ 1657 г.: „Les Provinciales ou les lettres écrites par Louis de Montalte à un provincial de ses amis et aux Révérends Pères Jésuites sur le sujet de la morale et de la politique des Pères“. Уже первое изъ писемъ произвело переполохъ въ общественномъ мнѣніи. Полиція и іезуиты стали немедленно отыскивать автора, и среди другихъ подозрѣніе пало сначала на романиста-писателя Гомбервиля. Паскаль въ одномъ изъ писемъ замѣчаетъ по этому поводу саркастически, что онъ не только не писалъ, но и никогда не читалъ романовъ. Канцлеръ Серге былъ до того возмущенъ неслыханной дерзостью неуловимаго Монтальта, что врачи должны были ему семь разъ прописать кровопусканіе. Паскаль по неосторожности чуть себя не выдалъ. Его шуринъ Перье пріѣхалъ въ столицу и жилъ въ томъ же домѣ на улицѣ Давида противъ іезуитской коллегіи, въ которомъ скрывался Паскаль. Разъ утромъ навѣщаетъ его знакомый іезуитъ и таинственно сообщаетъ, что подозрѣніе остановилось на Паскалѣ, какъ на авторѣ „Писемъ“. Въ это же время

u. Gotha 1844); Bouvier, Etude sur le Jansénisme. Strassburg 1864; Ricard, Les premiers Jansénistes et Port-Royal, Paris 1888; Ed. Finot, Port-Royal etc. Paris 1888; Petitot, Collection des Mémoires relatives à l'hist. de France, t. XXIII, Paris 1824; „Notice sur Port-Royal“, Pölitische Jahrbücher für Geschichte, I B. (Leipzig 1829); Schulze, Die Jansenistischen Streitigkeiten, pp. 182—197. Hilgenfeld's Zeitschr. für wissensch. Theologie; Wilkens, Port-Royal oder der Jansenismus in Frankreich. Cp. Schrökh, Kirchengesch. seit der Reformation (Leipzig 1805), Th. IV u. VII и др. О морали іезуитовъ, см. Michelet et Quinet, Des Jésuites, Paris 1843; Joh. Haber, Der Jesuitenorden, Berlin 1878; Paul-Bert, La morale des Jésuites, Paris 1880.

въ комнатѣ Перье седьмое письмо лежало въ большомъ количествѣ только-что отпечатанныхъ экземпляровъ на постели. Къ счастью, запретный плодъ, столь невкусный для іезуитовъ, былъ закрытъ гардинами.

Въ началѣ восьмого письма Паскаль, обращаясь къ мнимому другу въ провинціи, замѣчаетъ: „Вы врядъ-ли когда-нибудь подумали, что найдутся люди, которые захотятъ узнать, кто мы такіе, а вѣдь есть же любопытные, строящіе различнаго рода догадки, но имъ скверно при этомъ приходится“...

Цѣлый годъ „Письма“ держали въ возбужденномъ состояніи Францію и были переведены на всѣ почти европейскіе языки. Это была первая книга, которая создавала общественное мнѣніе, и ее съ правомъ можно назвать родоначальницей европейской публицистики. Своими письмами Паскаль обращался ко всему народу. „Въ нихъ, — говоритъ Вольтеръ ¹⁾, — соединены всѣ виды краснорѣчія... Отъ появленія этого произведенія слѣдуетъ считать установленіе французскаго языка“. Интересно о нихъ также мнѣніе такого человѣка, какъ маршалъ Фаберъ, солдата безъ всякаго сочувствія къ теологическимъ или философскимъ спорамъ: „кто разъ читалъ эти письма, — говоритъ онъ, — тотъ долженъ навсегда оттолкнуть отъ себя іезуитовъ. Только сатана могъ внести такія ученія въ церковь“. Нужно себѣ представить время и обстоятельства, при которыхъ „Письма“ появились, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе точное понятіе объ успѣхѣ, который они должны были имѣть въ тогдашней Европѣ. Успѣхъ ихъ заключался именно въ томъ, что Паскаль обращался ко всему обществу, бесѣдуя о предметахъ, которые были до тѣхъ поръ достояніемъ однихъ только ученыхъ и теологовъ. Если присоединить еще мастерское изложеніе, неслыханный до тѣхъ поръ юморъ въ затрогиваніи теологическихъ вопросовъ, то мы поймемъ, почему эти „petites lettres“ должны были вызвать революцію въ общественномъ мнѣніи. Вольтеръ съ своей ѣдкой сатирой можетъ только считаться ученикомъ „пламеннаго мизантропа“, какъ онъ называлъ Паскаля ²⁾. „Въ борьбѣ генія противъ силы, — говоритъ Маколей ³⁾, — тонкость остроумія, чистота, энергія и простота риторики никѣмъ не были достигнуты, исключая великихъ мастеровъ аттическаго краснорѣчія, въ такой степени, какъ Паскалемъ въ „Провинціальныхъ письмахъ“. Паскаль создалъ въ нихъ типическія личности: всѣ эти

¹⁾ Voltaire, *Oeuvres complètes* (Paris 1878), t. XIV, p. 541.

²⁾ *Oeuvres compl.*, t. X, p. 276, 360.

³⁾ Macaulay, *History of England from accession of James II*, v. II p. 293 (ed. Tauchnitz).

„молинисты“, „новѣйшіе томисты“, безсмертный Эскобаръ, авторъ различныхъ трактатовъ по іезуитской морали — все это будетъ жить, пока живы герои Раблѣ и Мольера. Зналъ ли іезуитъ Эскобаръ, что ему суждено безсмертіе не только въ литературѣ, но и во французскомъ языкѣ, что его теоріи морали, изложенныя съ такою ясностью въ „Провинціалахъ“, народъ сосредоточить въ одномъ словѣ: „escobarde“. А изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи развѣ не беретъ свое начало отъ этихъ „Писемъ“? И противъ кесильнаго ордена, державшаго въ каблѣ дворъ и народъ, противъ того ордена, котораго еще въ XVII в. опасались люди, какъ Монтескьё, о которомъ авторъ „Духа Законовъ“ говоритъ: „я боюсь іезуитовъ; если я затрогиваю сильныхъ міра, то я еще могу надѣяться на прощеніе съ ихъ стороны, я наконецъ въ состояніи оставить свое отечество и переселиться въ другую страну, но, затронувъ іезуита въ Римѣ, я нахожу его собратьевъ въ Парижѣ, повсюду они окружаютъ меня“ — противъ этого Голиаѳа выступаетъ изъ улицы Давида невидимый Паскаль и наноситъ ему удары, отъ которыхъ ему уже не суждено очнуться.

Въ сентябрѣ 1657 г. „Письма“ были уже внесены папой въ реестръ запрещенныхъ книгъ, а въ сентябрѣ 1660 г. французское правительство дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе: „Собраніемъ четырехъ епископовъ и девяти докторовъ Сорбонны, уполномоченныхъ на разборъ „Писемъ“, не только защищающихъ ересь Янсена, но и поносящихъ папу, епископовъ, монарха и министровъ, книга Монтальта осуждается на публичное сожженіе отъ руки палача“¹⁾. Но когда приговоръ сожженія писемъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе, никто, даже судья, не хотѣлъ отдать своего экземпляра, и вмѣсто „Провинціаловъ“ былъ сожженъ какой-то альманахъ²⁾.

„Мы находились въ обманѣ, — такъ начинается первое письмо, — вчера только я узналъ объ этомъ. Я все полагалъ до сихъ поръ, что причина споровъ въ Сорбоннѣ имѣетъ большое и важное для религіи значеніе. Столько собраній и конференцій такого замѣчательнаго института, какъ теологическій факультетъ въ Парижѣ, на которыхъ случились изъ ряда вонъ выходящія событія, заставляютъ по-неволѣ вѣрить, что дѣло приметъ серьезное направленіе. Между тѣмъ вы не мало, вѣроятно, будете удивлены, узнавъ, что представляетъ собой весь тотъ великій шумъ, о которомъ я на-

¹⁾ Heinr. Reusch, Der Index der verbotenen Bücher, II B., I Abth., S. 487 (Bonn 1885).

²⁾ Sainte-Beuve, Port-Royal (éd. prem. Paris 1848), t. III, p. 148.

мѣренъ васъ вкратцѣ извѣститъ, освѣдомившись вполне о сущности дѣла“.

Какъ намъ извѣстно, рѣчь ведется объ Арнолѣ и его столкновении съ Сорбонной. Паскаль продолжаетъ: „въ Сорбоннѣ разбираются теперь два вопроса, изъ которыхъ одинъ касается фактовъ, а другой—догмы. Что до вопроса о фактахъ, то дѣло состоитъ въ томъ, дѣйствительно ли слѣдуетъ Арноля считать нахаломъ за то, что онъ имѣлъ смѣлость высказаться, что прочелъ внимательно книгу Янсена и не нашелъ въ ней пяти предложений, осужденныхъ блаженнымъ папой. И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли онъ, не будучи нахаломъ, сомнѣваться, находятся ли эти предложения въ сочиненіяхъ Янсена, послѣ того какъ епископы разъ навсегда объявили, что они тамъ находятся“..

Паскаль рассказываетъ, что въ самой Сорбоннѣ не было единогласія: одни считали Арноля правымъ, другіе только сомнѣвались въ возможности доказать, что предложенія представляютъ непосредственное выраженіе ученія Янсена, а третьи, большей частью монахи, настаивали на запрещеніи тезисовъ, не пускаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія, истинно или ложно то, что представляетъ собой предметъ спора, такъ какъ „дѣло идетъ не объ истинности, а о нахальствѣ мнѣній Арноля“.

Паскалю совсѣмъ не интересно, дѣйствительно ли Арноль провинился въ нахальствѣ, или нѣтъ: еслибы не боязнь прослыть также нахальнымъ человекомъ, то ему оставалось бы подражать большинству людей, которые, послѣ того какъ до нихъ поръ вѣрили на слово монахамъ, стали теперь подозрительнѣе, такъ какъ „наши ученые священники страннымъ образомъ отказываются доказать, что упомянутыя предложенія находятся въ сочиненіяхъ Янсена, и нѣтъ никого, кто сумѣлъ бы насъ увѣрить, что ихъ нашелъ тамъ“. Что же касается догматической стороны преній, то она не затрагиваетъ совсѣмъ вопросовъ вѣры, вопроса свободы воли, какъ это можно было предположить. „Я за короткое время,—продолжаетъ Паскаль,—сдѣлался великимъ теологомъ, и вы получите доказательство сказаннаго. Чтобы узнать въ точности, въ чемъ дѣло, я отправился къ доктору наваррской коллегіи, живущему неподалеку отъ меня и, какъ знаете, ярому противнику янсенистовъ... Я спросилъ его, не хотѣли ли его сторонники высказать опредѣленно мысль о томъ, что милосердіе даровано всѣмъ безъ исключенія. Но онъ, сдѣлавъ мнѣ строгій выговоръ, объявилъ, что совсѣмъ не въ этомъ состоитъ спорный пунктъ, ибо и между его приверженцами есть такіе, которые утверждаютъ, что милосердіе не даровано всѣмъ“. Паскаль извинился, что ложно

понялъ его взглядъ, и попросилъ его сказать по крайней мѣрѣ, не выступаютъ ли они противъ другого тезиса янсенистовъ, на-
дѣлавшаго столько шума, а именно, что одно только милосердіе побуждаетъ нашу волю къ добру. „Вы ничего въ этомъ не смы-
слите, отвѣчаетъ ученый докторъ; да это совсѣмъ не ересь, а скорѣе
правовѣрный взглядъ, за который я самъ не одно копейе сломалъ
во время нашего диспута въ Сорбоннѣ“. „Я, — говоритъ Паскаль, —
ужь болѣе не имѣлъ смѣлости высказать ему своего сомнѣнія, и
не зналъ болѣе, гдѣ находится въ сущности затрудненіе, а потому
попросилъ его только разъяснить мнѣ, въ чемъ заключается ересь
Арноля. Она состоитъ въ томъ, далъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, что
Арноль не признаетъ за праведнымъ возможности къ исполненію
понятными намъ путями воли Бога“. Послѣ этого урока, оставивъ
своего собесѣдника въ гордомъ сознаніи, что узналъ наконецъ
суть дѣла, Паскаль отправляется къ одному представителю янсе-
нистской партіи въ Сорбоннѣ и спрашиваетъ, возможно ли, чтобы
въ церковь было введено ложное ученіе о томъ, что праведный
обладаетъ постоянною способностью къ исполненію воли божіей.
— Что говорите вы! перебиваетъ удивленный янсенистъ. Да вы
называете ложнымъ правовѣрную догму, отрицаемую одними только
лютеранами и кальвинистами. Паскаль былъ удивленъ этимъ отвѣ-
томъ, но понялъ, что онъ на этотъ разъ игралъ слишкомъ явно
роль янсениста, какъ передъ тѣмъ молиниста. Желая однако точнѣе
понять смыслъ отвѣта, онъ попросилъ его сообщить откровенно,
признаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что праведному свойственна
возможность къ исполненію воли Бога. Добрый человекъ смяг-
чился и клялся, въ своемъ набожномъ рвеніи, что онъ ни предъ
кемъ своего взгляда не скрываетъ, что это глубокое убѣжденіе,
которое онъ и его друзья будутъ отстаивать до смерти, какъ пра-
вовѣрные ученики Тома и Августина.

Паскаль возвращается къ первому доктору съ радостью извѣ-
стить его, что въ Сорбоннѣ скоро наступитъ полное перемиріе, такъ
какъ и янсенистская партія признаетъ за праведнымъ свободу
къ исполненію божьей воли. Онъ готовъ головой ручаться, что
это такъ. Но томистъ отвѣчаетъ, что куда ему, не-теологу, по-
нять всю тонкость спора, когда они, теологи, и то не въ состоя-
ніи указать точную разницу въ мнѣніяхъ противныхъ сторонъ.
Въ вопросѣ о свободѣ воли праведнаго янсенисты могутъ и согла-
саться съ ними, томистами, но „они вамъ, — обращается онъ къ Пас-
калю, — не назовутъ ее „близъ-лежащею“ (prochain). А вѣдь это
и есть сама сущность спора“. Это новое и никогда неслыханное
слово приводитъ вопрошающаго въ смущеніе. Онъ начинаетъ

даже подозрѣвать, не выдуманно ли оно со специальною цѣлю, чтобы запутать все дѣло, и на просьбу разъяснить смыслъ спорной сути, получаетъ въ отвѣтъ: пусть онъ обратится къ янсенистамъ и разузнаетъ хорошенько, признаютъ ли они эту „близлежащую возможность“. „Я,—говоритъ Паскаль,—обременилъ свою голову этимъ выраженіемъ, потому что сознаніе не принимало въ немъ никакого участія, и боясь забыть его, пошелъ скорѣе къ своему янсенисту“.

Янсенистъ, въ бесѣдѣ своей съ Паскалемъ, разъясняетъ ему, что такъ какъ въ Сорбоннѣ носятся съ намѣреніемъ погубить Арноля, то поэтому и пользуются одними и тѣми же выраженіями, понимая ихъ смыслъ различно: противники Арноля нуждаются для своей цѣли въ большинствѣ голосовъ,—только въ этомъ случаѣ они въ состояніи одержать верхъ надъ партіей янсенистовъ. Но видя, какъ это разъясненіе удивило вопрошающаго, онъ отсылаетъ его къ предводителю томистовъ, патеру Лемуану. Не зная лично Лемуаня, Паскаль отправляется къ ученику его, доктору Сорбонны, чтобы осведомиться о смыслѣ и значеніи предложенія „имѣть близлежащую возможность чего-нибудь“. Да это совсѣмъ не такъ трудно понять, отвѣчаетъ іезуитъ: это значить имѣть все необходимое, такъ чтобы не было недостатка въ этомъ необходимомъ.

Паскаль спрашиваетъ его: „такъ имѣть ближайшую“ возможность къ тому, чтобы перейти черезъ рѣку, значить имѣть лодку, руль, рулевого и т. д., т.-е., чтобы все нужное для переправы было на-лицо? — Вполнѣ вѣрно, отвѣчаетъ іезуитъ. — А имѣть „ближайшую“ возможность видѣть значить — имѣть хорошее зрѣніе и пользоваться дневнымъ свѣтомъ, ибо имѣющій хорошее зрѣніе въ темнотѣ былъ бы лишенъ, по вашему мнѣнію, „ближайшей“ возможности зрѣнія, въ виду того, что ему не доставало бы свѣта, безъ котораго нельзя видѣть? — Вполнѣ вѣрно, отвѣчаетъ іезуитъ. — Слѣдовательно, продолжаетъ Паскаль, говоря, что у праведныхъ есть „ближайшая“ возможность къ исполненію заповѣдей, вы подъ этимъ хотите понимать, что у нихъ имѣется въ распоряженіи всегда необходимое къ тому милосердіе? — Да; это именно значить, что они имѣютъ все необходимое для исполненія заповѣдей Бога или, по крайней мѣрѣ, необходимое для того, чтобы просить объ этомъ Бога...

Паскаль отправляется къ томистамъ, чтобы разузнать, какова у нихъ „ближайшая“ возможность; но оказывается, что тѣ понимаютъ подъ этимъ выраженіемъ не то, что Лемуанъ. На возраженіе, что еретикомъ въ такомъ случаѣ окажется Лемуанъ, а

не янсенисты, Паскаль получаетъ въ отвѣтъ, что вполне достаточно того, что Лемуанъ эту возможность называетъ „ближайшею“ (*prochain*). Тутъ случайно появляется другой ученикъ Лемуаня. Паскаль обращается къ нему съ вопросомъ, еретикъ ли тотъ, кто утверждаетъ, что праведнымъ свойственна способность молить Бога о милосердіи, но что послѣднимъ Богъ не всегда одаряетъ и праведнаго.

— Пойдите!—вослицаетъ докторъ:—а то вы меня еще и съ толку сбить можете. Прошу говорить медленнѣе. *Distinguo*. Если онъ называетъ эту способность „ближайшей“ (*prochain*), тогда онъ—томистъ, слѣдовательно, католикъ; если же нѣтъ, то онъ янсенистъ, слѣдовательно, еретикъ.—Но онъ не называетъ ее ни „*prochain*“, ни не-*prochain*.—Слѣдовательно, онъ еретикъ,—отвѣчаетъ докторъ.

Узнавъ, что все дѣло состоитъ въ словѣ „*prochain*“, на опредѣленіе котораго никто однако не долженъ осмѣлиться, Паскаль внѣ себя обращается къ присутствующимъ:—такъ скажите же мнѣ, отцы, во что я долженъ вѣрить, чтобы быть католикомъ?—Должно вѣрить,—отвѣчаютъ они всѣ въ одинъ голосъ,—что праведные обладаютъ „ближайшею“ способностью, не взирая при этомъ на смыслъ. *Abstrahendo a sensu thomistarum et a sensu aliorum theologorum*.—Оставляя ихъ, Паскаль спрашиваетъ, откуда, гдѣ выкопали они это слово. Узнавъ, что его нѣтъ ни въ писаніи, ни въ рѣшеніяхъ соборныхъ, ни въ сочиненіяхъ Ооме, онъ спрашиваетъ, какая же имъ нужда употреблять слово, само по себѣ лишенное всякаго значенія и смысла. Но почтенные отцы отвѣчаютъ: „Вы упорны, а все-таки должны будете употреблять его, если не захотите прослыть еретикомъ. Долженъ будетъ принять это слово и Арноль, ибо большинство на нашей сторонѣ, а если бы оказалось необходимымъ, то мы призовемъ и францисканцевъ, и тогда побѣда ужъ навѣрное за нами“.

Паскаль приходитъ къ заключенію что весь *casus belli*—въ словѣ „*prochain*“. „Счастливы народы,—заключаетъ онъ свое первое письмо,—не знающіе этого слова; счастливы тѣ, кто жилъ прежде появленія его! Остается только, чтобы академія припала на помощь и актомъ своего авторитета изгнала изъ Сорбонны варварское слово, послужившее источникомъ столькохъ споровъ“. Вамъ же,—заканчивается письмо обращеніемъ къ другу,—я предоставляю полную свободу, пожелаете ли вы принять слово „*prochain*“, или нѣтъ. Я васъ слышею и люблю, чтобы могъ преслѣдовать васъ подъ такимъ предлогомъ“.

Второе письмо описываетъ приключенія Паскаля въ поискахъ

чувствовать жгучій интересъ ко всѣмъ этимъ устарѣлымъ и на первый взглядъ насъ нисколько не касающимся спорамъ. „Провинціальныя письма“ — глубокая сатира, имѣющая своимъ предметомъ казуистовъ и казуистику, а послѣдняя живетъ съ тѣхъ поръ, какъ появилась сознательная жизнь въ человѣкѣ и въ различныхъ формахъ проявляется и понынѣ. При чтеніи „Писемъ“ современный читатель нерѣдко принужденъ дѣлать аналогіи, которыя напрашиваются даже противъ его воли. Вотъ почему „Провинціалы“ не утратили нисколько изъ своей свѣжести, если даже не обращать вниманія на языкъ ихъ, брызжащій фонтаномъ юмора, неподражаемыхъ эпитетовъ и сравненій.

Іезуиты чуяли бѣду и, стараясь всячески защищать себя, отвѣчали на „Провинціальныя письма“ книгами и брошюрами, въ которыхъ объявляли незнакомаго автора „богохульнымъ и нахальнымъ еретикомъ“.

Характеристика ихъ морали или того, что Паскаль называетъ ихъ „политикой“, была слишкомъ ярка, чтобы не ослѣпить публики. На іезуитовъ стали указывать пальцами, — такъ мѣтко Паскаль обрисовалъ на безконечное множество частей дѣлимую мораль іезуитовъ, проповѣдовавшихъ иную нравственность для аристократіи и двора, иную для мѣщанства и купечества и иную для простого народа.

Въ шестомъ письмѣ іезуитъ старается извинить свой орденъ за слабость проповѣдуемыхъ имъ нравственныхъ принциповъ. Онъ говоритъ: „если мы и терпимъ слабость въ другомъ, то это не дѣлается нами съ какою-нибудь эгоистической цѣлью, а единственно изъ снисхожденія; насъ принуждаютъ такъ поступать. Люди нынѣ до того испорчены, что, не имѣя возможности поднять ихъ къ себѣ, мы должны снисходить къ нимъ... Главная цѣль, преслѣдуемая нашимъ обществомъ ко благу религіи, состоитъ въ томъ, чтобы никого не оттолкнуть и не привести міра въ отчаяніе“.

Паскаль заставляетъ іезуита иллюстрировать сказанное мѣстами изъ различныхъ сочиненій казуистовъ. Такъ напр., въ одной іезуитской книгѣ о морали сказано: „честь для дворянина имѣетъ то же значеніе, что для женщины цѣломудріе. Если женщина въ правѣ убить того, кто лишаетъ ее чести, то и дворянину позволено то же, когда дѣло идетъ о его дворянскомъ достоинствѣ“. Дуэль допускается только для верхнихъ слоевъ общества; мѣщанамъ, напротивъ, она не дозволяется, такъ какъ имъ не свойственна та честь, оскорбленіе которой нуждалось бы въ такого рода возмездіи. Единственный случай, когда и мѣщанину

дается право на убійство—если у него крадутъ деньги. Паскаль спрашиваетъ, въ точности ли при этомъ опредѣлена сумма,—на что іезуитъ, желая показать послѣдовательность казуистической морали, отвѣчаетъ: отыщите у всѣхъ отцовъ церкви, во сколько цѣнится жизнь человѣка. Что они вамъ на это скажутъ? Не убивай, по *occides*—и ничего больше. Одинъ только великій Молина, свѣтило и честь нашего общества, отцѣнилъ ее въ шесть или семь дукатовъ, а по Эскобару человѣка позволяется убить и ради одного талера.—Въ концѣ седьмого письма Паскаль спрашиваетъ, не позволено ли въ такомъ случаѣ убить янсениста, если дѣло идетъ объ оскорбленіи чести іезуитскаго ордена. Оказывается, что іезуитамъ позволено было бы убить янсенистовъ, еслибы послѣдніе были въ состояніи вредить ордену. Но, добавилъ іезуитъ, янсенисты намъ нисколько вредить не въ состояніи. Карамуэль говоритъ: „янсенисты называютъ іезуитовъ пелагианцами. Слѣдуетъ ли ихъ убить за это? Нѣтъ, ибо они въ состояніи столько же помрачить свѣтъ нашего „общества“, сколько сова свѣтъ солнца. Напротивъ, они его только возвеличили, хотя и не желали того“. Паскаль, однако, все еще не успокаивается и доказываетъ іезуиту, что нѣкоторая вѣроятность вреда со стороны янсенистовъ есть, и что, слѣдовательно, не мѣшаетъ подумать о томъ, не слѣдуетъ ли ихъ убивать.

Іезуиты, какъ замѣчено, выступили въ своихъ отвѣтахъ на „Провинціальныя письма“ градомъ ругательствъ, называя автора „богохульцемъ, дуракомъ, невѣжей, шарлатаномъ, обманщикомъ, клеветникомъ“ и т. д., и доказывая, что авторъ не присяжный теологъ и о теологіи судить права не имѣетъ.

Паскаль спрашиваетъ, обдуманно ли они высказали все это. Клеветой и обвиненіями они только принудятъ его продолжать борьбу противъ ихъ морали ихъ же оружіемъ. „Война,—обращается Паскаль въ двѣнадцатомъ письмѣ прямо къ іезуитамъ,—будетъ ведена въ вашей области на вашъ собственный счетъ. Вы, конечно, полагали, что я на ваши запутанные школьной терминологіей вопросы отвѣчу такъ же пространно, темно и запутанно, такъ что мой отвѣтъ потеряетъ всякій вкусъ. Но, можетъ быть, это не будетъ совсѣмъ такъ, какъ вы думали, и я хочу попытаться меньше всего заставить васъ скучать. Да, ваши собственные ученія настолько смѣшны, что они сами по себѣ достаточны, чтобы потѣшать собою людей“.

Іезуиты и во главѣ ихъ духовникъ Людовика XIV, патеръ Анна, видя, что дѣло плохо, хотѣли сразу переменить тактику и отвѣтили, что на „Провинціальныя письма“ не стоило даже

возражать, а слѣдовало сжечь ихъ и автора предать анафемѣ, какъ еретика, безбожника и въ особенности какъ послѣдователя „Поръ-Рояля“. Скрываясь и находясь въ безопасности, Паскаль боялся, однако, что іезуиты, имѣя вліяніе и силу при дворѣ, могутъ отомстить за письма Поръ-Роялю, тѣмъ болѣе, что они объявили во всеуслышаніе, что авторъ говоритъ не отъ своего имени, а отъ имени янсенистовъ. Этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить себѣ стараніе Паскаля всю вину взять на себя и отрицать предполагаемое общеніе съ янсенистскимъ кружкомъ.

„Вы всегда,—обращается Паскаль въ шестнадцатомъ письмѣ къ іезуитамъ,—будете говорить, что я принадлежу къ Поръ-Роялю; да вы это говорите о каждомъ, кто борется противъ вашей мерзости. Какъ будто въ одномъ только Поръ-Роялѣ находятся еще люди, имѣющіе настолько смѣлости, чтобы защищать чистоту христіанской морали противъ толкованій вашего ордена. Но какъ я ни уважаю этихъ людей, знакомыхъ мнѣ лично, и заслуги которыхъ я высоко цѣню, я все-таки никогда не жилъ вмѣстѣ съ ними, какъ вы въ томъ хотите увѣрить міръ, между тѣмъ какъ вы даже не знаете, кто я. Но я надѣюсь дать вамъ почувствовать, что призваніе бороться противъ васъ не ограничено одними янсенистами. Я, можетъ быть, поведу съ вами такой разговоръ, что вы будете сожалѣть, что не имѣете дѣла съ послѣдователемъ Поръ-Рояля“...

Семнадцатое и слѣдующее за нимъ письмо направлено по адресу патера Анна. „Я удивляюсь вамъ, отецъ мой, что вы всѣхъ выступающихъ противъ іезуитовъ сейчасъ же сосредоточиваете въ одномъ лицѣ; ваша ненависть объединяетъ ихъ въ одно цѣлое, достойное проклятія. Вы видите, какъ вы получаете удары отъ невидимой руки, отрывающей міру ваши заблужденія. Напрасно думаете вы нападать на меня въ лицѣ тѣхъ, съ кѣмъ вы считаете меня въ связи. Я не боюсь ни за себя, ни за кого бы то ни было, потому что я не связанъ ни съ какимъ обществомъ и ни съ какимъ человѣкомъ. Я ничего не ожидаю отъ міра и ничего не хочу отъ людей, я не нуждаюсь ни въ чьей помощи и ни въ чьемъ уваженіи. Вы исключали людей изъ Сорбонны, но меня вы не въ состояніи вытолкнуть изъ моей комнаты. Вы можете употребить насиліе противъ священниковъ и докторовъ, но не противъ меня, которому не суждено принадлежать ни къ корпораціи священниковъ, ни къ корпораціи ученыхъ. Вы, очевидно, никогда еще не имѣли дѣла съ человѣкомъ, находящимся внѣ области вашихъ нападеній и имѣющимъ прямую возможность бороться противъ безнравственности вашего ученія,

потому что я человекъ свободный, безъ связей, безъ дѣла, безъ должности, къ тому достаточно знакомый съ вашимъ ученіемъ, и крѣпко рѣшился преслѣдовать васъ до тѣхъ поръ, пока я это сочту нужнымъ, и никакая сила не удержитъ меня въ моемъ рѣшеніи“.

Паскаль дальше выступаетъ противъ непогрѣшимости папы и вѣшательства церкви въ область изслѣдованія природы. „Вы спрашиваете, отецъ мой, чѣмъ мы познаемъ истину фактовъ. Глазами, отецъ мой! тутъ они законные судьи. Когда дѣло идетъ о предметѣ или явленіи, подлежащемъ сужденію естественнаго разума, то при этомъ разумъ и является компетентнымъ судьей. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, внутренняя необходимость заставляетъ насъ вѣрить чувствамъ, съ которыми природа связала возможность познанія. Законъ этотъ имѣетъ такое глубокое значеніе, что если мы встрѣчаемъ въ самомъ писаніи мѣсто, ближайшій, дословный смыслъ котораго противоположенъ тому, что чувства и разумъ признаютъ съ увѣренностью, то не слѣдуетъ подчинять выводы разума авторитету кажущагося смысла буквы, а доискиваться другого смысла, болѣе согласнаго съ чувственной истиной. Такъ какъ божественное слово непреклонно также въ фактахъ, посредничество же чувствъ и разума въ своей области вполне истинно, то эти двѣ истины по необходимости должны согласоваться между собой. Но въ виду того, что писанія можно толковать различно, а посредничество чувствъ неизмѣнно въ своихъ выводахъ, то слѣдуетъ принимать какъ истинное толкованіе библіи то, которое ближе всего подходитъ къ воспріятію нашихъ чувствъ. Никакая сила и никакой авторитетъ власти не въ состояніи убѣдить насъ въ несуществованіи того, что существуетъ. Напрасно вы исходатайствовали декретъ противъ Галилея, проклявшій его убѣжденія въ движеніи земли. Этимъ вы не доказали еще, что она находится въ покоѣ, и если имѣются непоколебимыя доказательства, что она вращается, то всѣ люди вмѣстѣ не въ состояніи задержать ея вращенія или помѣшать тому, чтобы мы вращались съ нею. Не воображайте себѣ также, что если папа Захарій проклялъ св. Виргилія за то, что онъ былъ убѣжденъ въ существованіи антиподовъ, то этимъ новый свѣтъ уничтожился. Несмотря на то, что папа считалъ это мнѣніе опаснѣйшимъ заблужденіемъ, король испанскій былъ же все-таки менѣе обманутъ, довѣряя прибывшему оттуда Колумбу, чѣмъ если бы вѣрилъ папѣ, никогда тамъ не бывшему. Такъ видите вы, отецъ мой, какова природа фактовъ и на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ судить о ней“.

Иезуитъ Пиро, крайній противникъ янсенистовъ, говоритъ такъ о послѣдствіяхъ „Писемъ“ для іезуитовъ: „не тѣ раны самая страшныя, которыя испытываютъ въ изгнаніи, на висѣлицѣ, подъ колесомъ. Страданія, которымъ подвергаютъ мучениковъ, натирая ихъ тѣло медомъ, чтобы предать ихъ потомъ уколамъ пчелъ, страшнѣе всякихъ другихъ мученій. Преслѣдованія іезуитовъ отъ глумленія Поръ-Рояля могутъ со сказаннымъ выдержать сравненіе. Тираны изъ сладостей, отравленныхъ ядовитою насмѣшкой, сдѣлали орудіе своего наказанія. Нѣтъ сомнѣній, что изгнаніе было для общества Іисуса менѣе тяжело и легче переносимо, чѣмъ насмѣшки Поръ-Рояля“ ¹⁾. Относительно обвиненій въ отсутствіи школы по теологіи Паскаль говорилъ предъ смертью: „меня спрашивали, почему я избралъ пріятный, насмѣшливый тонъ разсказа. На это мнѣ приходится отвѣтить, что еслибы я писалъ въ догматическомъ тонѣ, то „Письма“ были бы доступны только ученымъ, которые въ дѣлахъ теологіи знаютъ столько же, сколько я, и въ моихъ разъясненіяхъ не нуждаются. Я счелъ нужнымъ писать такъ, чтобы дать возможность женщинамъ и свѣтскимъ людямъ ознакомиться съ опаснымъ ученіемъ, распространяемымъ въ іезуитскихъ книгахъ. Меня, наконецъ, спросили, читалъ ли я всѣ приведенныя въ „Письмахъ“ сочиненія іезуитскихъ казуистовъ, на что я отвѣчаю: нѣтъ, потому что, еслибы я это сдѣлалъ, то я бы большую часть своей жизни провелъ въ чтеніи очень скверныхъ книгъ; Эскобара впрочемъ я прочелъ цѣликомъ два раза, а другія книги читали за меня мои друзья“. Полемика въ „Провинціальныхъ письмахъ“ отличается рѣдкимъ соединеніемъ правдивой серьезности съ насмѣшливой ироніей.

Паскаль не полемизируетъ изъ засады, а прямо, на виду у всѣхъ. Поединокъ его вызванъ оскорбленіемъ истины, и личность его при этомъ нисколько не замѣшана. Онъ выходитъ на арену въ легкомъ вооруженіи, но зато сознаніе, что на его сторонѣ истина, способно только придать ему силы. „Вы ничѣмъ,—говоритъ онъ іезуитамъ,—не сумѣли дать болѣе достовернаго доказательства, что истина не у васъ, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что прибѣгаете ко лжи. Еслибы истина была у васъ, то она и боролась бы за васъ, она и побѣдила бы за васъ“. Его сарказмъ до того тонокъ и юморъ такъ благороденъ, что „Провинціалы“ являются единственной въ своемъ родѣ сатирой, можетъ быть, даже самымъ совершеннымъ образцомъ ея, потому что Паскаль никогда не впадаетъ въ карикатуру. Стилъ „Писемъ“ прекрасенъ

¹⁾ Reuchlin, Pascals Leben etc. (Hamburg 1840), S. 161 etc.

своей простотой и до того прозраченъ, что отражаетъ малѣйшіе изгибы мысли. Боссюэ, величайшій мастеръ французскаго стиля, говорилъ, что онъ хотѣлъ бы быть авторомъ „Писемъ къ провинціалу“. Рассказываютъ, что Буало пришлось разъ въ обществѣ бесѣдовать о древнихъ классикахъ. Онъ высказался при этомъ, что предпочитаетъ имъ одного только между новѣйшими. Іезуитъ Корбинелли просилъ съ любопытствомъ назвать его имя, на что Буало предупредительно отвѣчаетъ, что оно ему несомнѣнно знакомо.—Но если, добавляетъ Буало, вы хотите во что бы то ни стало, чтобы я назвалъ имя этого автора, то знайте, что это Паскаль.—Паскаль?—воскликаетъ іезуитъ.—Да, онъ настолько же можетъ быть названъ великимъ, насколько ложъ велика.—Ложъ?—возразилъ Буало.—Паскаль также истиненъ, какъ неподражаемъ (*Lettres de Madame de Sévigné, éd. de Monmerqué. Paris, 1862, t. IX, p. 415 sq.*).

IV.

Одинъ іезуитъ, современникъ Паскаля, жалуется на утрату старыхъ добрыхъ нравовъ въ слѣдующихъ словахъ: „куда дѣлись чудеса постоянства, самопожертвованія, добровольныхъ лишеній — неотъемлемыя свойства первобытной вѣры? Гдѣ то время, когда страданія считались въ числѣ жизненныхъ благъ? Въ той жизни, которую ведутъ нынѣ, кто размышляетъ, какъ слѣдуетъ, о конечной цѣли ея?“¹⁾ Какъ ни странно слышать въ устахъ іезуита такія жалобы, но еще страннѣе, что ему пришлось бы указать на „еретика“ Паскаля, какъ на человѣка, который, блуждая по жизненной дорогѣ, былъ, въ сожалѣнію, ослѣпленъ этимъ нездоровымъ идеаломъ прошлаго. Мы оставили Паскаля разбитымъ отъ хроническаго недуга, мы видѣли, какъ онъ, не взирая на болѣзненное состояніе, бросается въ борьбу и развиваетъ въ ней столько здороваго юмора и энергіи, что рѣшительно не хочешь вѣрить, что все это дѣлаетъ человѣкъ больной съ до крайности разстроенными нервами. Но таковъ былъ Паскаль, загадка, „парадоксъ рода человѣческаго“, какъ его называлъ Пьеръ Бейль, разъясненіе котораго слѣдуетъ предоставить тѣмъ, кто глубже проникъ въ характеръ и природу генія.

Послѣ ночи, ознаменовавшей полный переломъ въ мысляхъ несчастнаго Паскаля, вся его послѣдующая жизнь представляетъ собой сплошной рядъ страданій. Кромѣ физическихъ мукъ, без-

¹⁾ Bibliothèque Universelle, t. IX (1848), p. 5.

прерывной зубной боли, паралича ногъ, страшной мигрени и полнѣйшаго разстройства нервной системы, Паскаля преслѣдовали нравственные мученія, муки тѣхъ „проклятыхъ вопросовъ“, которыя въ XVII в., эпохѣ развитія раціонализма, знали немногіе и которыя приходится съ такой силой переживать дѣтямъ нашего времени. Такого глубоко чувствующаго человѣка, какъ Паскаль, не могли удовлетворить сухіе выводы тогдашней философіи. Онъ обращается къ вѣрѣ, но только для того, чтобы найти въ ней душевный покой; къ тому его вѣра имѣетъ столько общаго съ индійской нирваной, что является полнѣйшимъ подчиненіемъ его широко развитой личности тому „ничто“, которое носить у него названіе христіанской любви. Натура аскетическая, съ болѣзненно-развитою индивидуальностью, какъ Паскаль, не можетъ жить нормальною жизнью человѣка общественнаго; она живетъ болѣе въ себѣ и тамъ творитъ идеалы, тѣмъ менѣе достижимые, чѣмъ болѣе они отдалены отъ возможности осуществленія въ дѣйствительной жизни, представляющей часто прямое противорѣчіе съ ними; въ такомъ человѣкѣ долженъ непремѣнно появиться внутренній разрывъ въ единствѣ нашей души и борьба между двумя сторонами нашего „я“ — чувствомъ и разумомъ. Распавшись, живя отдѣльно, чувство становится тѣмъ интенсивнѣе, что оно освобождается отчасти отъ своего контролера. Развитое не въ мѣру, чувство становится источникомъ усиленныхъ вѣдѣніи впечатлѣній, изъ которыхъ при самой правильной операціи надъ ними со стороны разума получаются по необходимости не всегда вѣрные результаты. Паскаль въ послѣдніе годы своей жизни находился во власти двухъ противоположныхъ силъ его души, заставившихъ его считать каждое мгновеніе своего существованія театромъ непримиримой борьбы, и пришелъ къ заключенію, что природа сочетала въ человѣкѣ несочетаемое, сдѣлавъ его тѣмъ самымъ „непонятнымъ чудовищемъ“ (*monstre incompréhensible*). Разумѣется, что люди цѣльные, какъ Галилей, не могутъ переживать такого мучительнаго настроенія; они считаютъ себя частью природы и въ изученіи послѣдней изучаютъ и себя. Тотъ, кто можетъ высказать мысль, что „философія написана въ большой книгѣ, именуемой вселенной и постоянно открытой нашимъ взорамъ, для пониманія же ея стоитъ только ознакомиться съ письмомъ и научиться языку, которымъ она написана“, — тотъ не видитъ, съ одной стороны, субъективнаго ничтожества человѣка; а съ другой — не чувствуетъ титанической потребности объять необъятное, а слѣдовательно, и не ставитъ тѣхъ демоническихъ вопросовъ, которые способны только отравить жизнь впечатлитель-

наго чело́вѣка. Этимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ чувства и слѣдуетъ объяснить, почему Паскаль, одаренный гениемъ, который могъ обогащать открытіями точную науку, оставляетъ ее двадцати-трехъ лѣтъ и становится послѣдователемъ Августина и крайнимъ яansenистомъ. Въ немъ заговорило съ непреодолимой силой возмущенное чувство *нравственной* чело́вѣка; мораль для него—потребность того сочувствія, того тѣснаго общенія съ людьми, въ источникъ которыхъ онъ съ неумолимой критикой погружается въ своихъ „Pensées“, находя его грязнымъ, ничтожнымъ и недостойнымъ даже вниманія. Но прежняя потребность продолжаетъ въ немъ жить; не видя въ дѣйствительности искомаго идеала, онъ продолжаетъ гнаться за нимъ, какъ за тѣнью. Паскаль въ состояніи тѣмъ сильнѣе и пламеннѣе бороться съ иезуитами, что идеаль этотъ воплощенъ въ его чувствѣ и не подвергается въ данный моментъ анализу разума. Безпрерывныя страданія доводятъ Паскаля до мысли, что страданія—интегральная часть чело́вѣческой жизни; онъ начинаетъ не понимать, какъ всѣ другіе могутъ не страдать. Страданіе, занимающее не послѣднее мѣсто въ жизни каждаго мыслящаго чело́вѣка, будучи связано съ идеей, съ стремленіемъ къ осуществленію цѣли, становится для него самою цѣлью. Отсюда самоумерщвление, доводимое Паскалемъ до того, что онъ цѣлые дни не принимаетъ пищи, одѣваетъ вериги, погружается въ полнѣйшее забвеніе и отгоняетъ отъ себя всякую мысль. Отсюда тайное удовольствіе при сознаніи ничтожества нашего разума и убіеніе въ себѣ малѣйшаго чувства къ окружающему. Жильберта рассказываетъ, что недѣли проходили, въ которыя онъ не говорилъ съ нею ни слова. Ему было даже непріятно, если кто высказывалъ сочувствіе къ нему. „Несправедливо,—пишетъ онъ,—привязываться къ чему-нибудь, если это и дѣлается вполнѣ сознательно. Я вѣдь обманываю тѣхъ, въ которыхъ возбуждаю желаніе привязанности во мнѣ. Развѣ я не умру, а вѣдь тогда и предметъ привязанности погибнетъ“...

Отсюда стремленіе къ полнѣйшему самоуничиженію въ то время, какъ его развитое „я“ говорило въ немъ громко. Паскаль хотѣлъ самъ себя убѣдить, что онъ вѣритъ, но разумъ предъявлялъ свои права, и сомнѣніе преслѣдовало его безпрестанно.

„Паскаль,—говоритъ писатель, лучше другихъ понявшій его,—никогда, можетъ быть, не сомнѣвался въ большей степени, чѣмъ въ то время, когда онъ болѣе всего вѣрилъ. Сомнѣніе сидѣло въ немъ постоянно, какъ левъ въ клеткѣ“¹⁾. Въ послѣдніе годы

¹⁾ Sainte-Beuve, Port-Royal, t. II, p. 491.

своей жизни онъ и задумалъ свою апологію христіанства или, вѣрнѣе сказать, рѣшительное обвиненіе противъ человѣческаго разума.

На клочкахъ бумаги онъ набрасывалъ отдѣльныя мысли, лучше всего свидѣтельствующія обо всемъ, что онъ тогда переживалъ, и поражающія насъ необыкновенной ясностью, логикой, невольно вызывающей на защиту. Точныя науки его ужъ не могли удовлетворять.

Въ сношеніяхъ съ Поръ-Роялемъ Паскаль нашелъ для себя на время дѣятельность, тѣмъ болѣе, что его связывала личная дружба съ представителями янсенизма. Но и тутъ ему вскорѣ пришлось разочароваться. Паскаль былъ послѣдовательнымъ янсенистомъ. Въ области фактовъ онъ требовалъ неограниченной свободы и доходилъ до крайнихъ выводовъ въ вопросѣ о непогрѣшимости папы. Арноль, напротивъ, *шелъ* обдуманнѣе къ цѣли и не выступалъ со своими взглядами такъ рѣшительно, какъ Паскаль, который о требованіи папы Александра VII подписать формулу отреченія отъ янсенизма и слышать не хотѣлъ. Жаклинъ явилась достойной сестрой своего независимаго брата и написала тогда знаменитое письмо къ матери Анжеликѣ, въ которомъ она выражаетъ всѣ свои страданія по этому поводу. „Чего же намъ бояться? Изгнанія, тюрьмы, смерти? Да развѣ мы не должны переносить все это съ радостью?.. Извини меня, дорогая сестра, но моими устами говорить чрезмѣрное страданіе, жертвой котораго я паду, если не буду имѣть утѣшенія видѣть, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ личностей, готовыхъ жертвовать собою ради истины... Я знаю, обыкновенно говорятъ, что намъ, женщинамъ, не пристало защищать истину, но при настоящихъ печальныхъ обстоятельствахъ, когда епископы имѣютъ храбрость слабыхъ женщинъ, остается только, чтобы женщины прониклись мужественнымъ духомъ епископовъ, и если намъ не дадутъ защищать истину, то все же наша обязанность—умирать за нее“.

22-го іюня 1681 г. Людовикъ XIV потребовалъ отъ всѣхъ членовъ Поръ-Рояля письменнаго отреченія отъ ереси Янсена. Подписала отреченіе и Жаклинъ, но, не будучи въ состояніи выдержать угрызений совѣсти, она умерла 4-го октября, какъ „первая жертва формулы“. Эта замѣчательная женщина, „которая при извѣстныхъ обстоятельствахъ могла бы стать одною изъ выдающихся личностей своего вѣка“¹⁾, а въ исторіи женщинъ можетъ быть

¹⁾ V. Cousin, Jacqueline Pascal (premières études sur les femmes illustres et la société du XVII siècle). Paris, 1869, p. 46.

уподоблена Роланъ или Кордэ,—умерла тридцати-шести лѣтъ отъ роду. Смерть сестры не могла остаться безъ вліянія на Паскаля; въ ней онъ потерялъ не только сестру, но и лучшаго друга, съ которымъ его связывало сродство душъ. Между представителями Поръ-Рояля и Паскалемъ стали вскорѣ натянутыя отношенія. Онъ обвинялъ его въ непослѣдовательности тамъ, гдѣ дѣло касается истины, называя всякія уступки безнравственными и употребляя при этомъ терминъ („gelaschement“), который служилъ у янсенистовъ характеристикой іезуитской морали ¹⁾. На одномъ собраніи въ Поръ-Рояль Паскаль, не смотря на болѣзненное состояніе, принималъ горячее участіе въ преніяхъ. Тутъ же съ нимъ случился обморокъ. Придя въ себя, онъ—на вопросъ сестры о внезапной причинѣ случившагося—отвѣтилъ: „я видѣлъ, какъ люди, которые должны были бы всевозможными способами отстаивать свои убѣжденія, колебались тамъ, гдѣ дѣло шло о защитѣ правды, и я не могъ не поддаться страданіямъ“.

Между тѣмъ здоровье Паскаля все ухудшалось. Въ то время, какъ его хилое тѣло разлагалось, духъ его продолжалъ неутомимо работать, но это не былъ тихій огонь нормально мыслящаго ума, а внезапныя вспышки перегорѣваго мозга. Такъ, въ одну изъ мучительныхъ безсонныхъ ночей онъ задумался надъ глубокимъ математическимъ вопросомъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ нашелъ общую формулу къ разрѣшенію проблемы, которую считаютъ одною изъ труднѣйшихъ, поставленныхъ когда-нибудь въ математикѣ. Еслибы Паскаль не умеръ такъ рано, онъ, быть можетъ, предупредилъ бы Лейбница и Ньютона въ ихъ великихъ открытіяхъ.

Въ іюнѣ 1662 г. Паскаль слегъ въ постель и, оставаясь до самой смерти въ безпамятномъ состояніи, скончался 19-го августа того же года.

V.

Какъ замѣчено, Паскаль имѣлъ обыкновеніе набрасывать по временамъ на бумагу отдѣльныя мысли, приходившія ему въ голову. Послѣ его смерти были найдены, среди его бумагъ, разбросанные клочки, которые и были изданы въ 1680 г. подъ заглавіемъ „Pensées“. „Мысли“ эти имѣютъ свою исторію, связанную съ пониманіемъ самого Паскаля. Первые издатели урѣзали въ нихъ все то, что казалось слишкомъ смѣлымъ въ вопро-

¹⁾ Reuchlin, Geschichte von Port-Royal. II B. (Hamburg u. Gotta 1844). S. 90.

сахъ религіи и христіанской морали; издатель же XVIII в., Кондорсе ¹⁾, счелъ нужнымъ передѣлать многія изъ „мыслей“, снабдивъ книгу примѣчаніями Вольтера, которыя своимъ не-серьезнымъ тономъ и неприличными предмету выраженіями были въ состояніи только произвести неблагоприятное впечатлѣніе на мыслящаго читателя. Босси былъ первый, который въ 1779 г. издалъ „Pensées“ въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Удивительнѣе же всего то, что до Кузена, возбуждавшаго въ началѣ 40-хъ годовъ вопросъ о необходимости вновь издать это сочиненіе на основаніи разобранной имъ рукописи въ парижской королевской библіотекѣ, никто не задумался видѣть въ „Pensées“ тотъ бросающійся въ глаза скептицизмъ, который проникаетъ каждую строку этихъ глубокомысленныхъ фрагментовъ. Даже Пьеръ Бэйль, скептикъ par excellence, писалъ о Паскалѣ въ 1684 г. ²⁾: „сотни томовъ проповѣдей не стоятъ этихъ мыслей и менѣе способны обезоружить эпикурейцевъ. Атеисты не могутъ болѣе сослаться на то, что вѣра свойственна однимъ только слабоумнымъ. Мы имъ указываемъ ее въ одномъ изъ величайшихъ математиковъ, тончайшихъ метафизиковъ и пронизательнѣйшихъ умовъ, какіе когда-нибудь видѣли міръ. Вѣра такого философа можетъ говорить атеистамъ и свободомыслящимъ то, что Діоклесь сказалъ разъ, увидѣвъ Эпикура въ храмѣ. „Что за торжественное зрѣлище!—воскликнулъ онъ:—всѣ мои подозрѣнія и сомнѣнія исчезли, и вѣра заняла ихъ мѣсто. Никогда величіе Юпитера не представлялось мнѣ въ большемъ блескѣ, чѣмъ тогда, когда я увидѣлъ Эпикура колѣнопреклоненнымъ“. И до сихъ поръ каждый продолжаетъ толковать „Мысли“ Паскаля по своему: одни видятъ въ Паскалѣ истиннаго христіанина, а глубоко пессимистическія мысли сводятъ къ предложенію: „credo, quia absurdum“; другіе же — картезіанца-мистика ³⁾ и т. д. Причина всего этого въ томъ, что Паскаль самъ такъ прекрасно выразилъ: „обыкновенно ищутъ въ сочиненіи книгу и удивляются, найдя въ немъ человѣка“. Паскаль — человѣкъ; это нужно постоянно имѣть въ виду при чтеніи его „Pensées“. Онъ не писалъ трактата, а высказывалъ только то, что его мучило, и если онъ и носился съ планомъ апологіи, то тѣ отрывки, которые случайнымъ образомъ дошли до насъ, не что иное, какъ „тайные монологи или интимные діалоги Паскаля съ самимъ собою“ ⁴⁾.

¹⁾ Eloge et Pensées de Pascal, nouv. edition, par Condorcet. Londres 1776 и Genève 1778; Pensées de Pascal avec les notes de Voltaire, Londres 1785.

²⁾ Nouvelles de la République des Lettres, Décembre 1684.

³⁾ Heinr. Ritter, Geschichte der Philosophie. XI B. (Hamburg 1852) B. 292 ff.

⁴⁾ Vinet, Etudes sur Pascal, p. 101.

Въ Паскаль живутъ два человѣка: одинъ скептикъ и критикъ, а другой—догматикъ: одинъ разбиваетъ все до послѣднихъ результатовъ, другой старается изъ развалинъ построить новое зданіе. Но Паскаль-разрушитель сильнѣе Паскаля-зидателя. Во всякомъ случаѣ, такого человѣка, который не только не убѣгалъ отъ сомнѣнія, но самъ искалъ его, шелъ ему на встрѣчу, нельзя считать мистикомъ. А что Паскаль доводилъ часто свой критицизмъ до тѣхъ пунктовъ, до которыхъ дошла современная пессимистическая школа, замѣтитъ каждый, кто не приступаетъ къ Паскалю съ предвзятыми мнѣніями. Глубокій и смѣлый скептицизмъ, та мучительная пытка, которой онъ подвергаетъ себя и окружающее—вотъ сильная сторона его мышленія, дающая „Pensées“ право на названіе „драмы христіанскаго Прометея“¹⁾.

Въ предисловіи къ „Трактату о пустотѣ“ Паскаль возстаетъ противъ консервативнаго отношенія ко всему, что освящено давностью. Существуетъ прогрессъ въ пониманіи міра, и если древніе совершенствовались, благодаря своимъ предшественникамъ, то и мы должны оставить науку нашимъ потомкамъ въ болѣе совершенномъ видѣ. „Развѣ противное не значило бы непочтительно относиться къ человѣческому разуму и ставить его на ряду съ животнымъ инстинктомъ, такъ какъ этимъ уничтожилось бы главное различіе между ними, состоящее въ томъ, что результаты разума увеличиваются безпрестанно, между тѣмъ какъ инстинктъ по природѣ своей постоянно одинаковъ?“ Паскаль зналъ цѣну изученію природы и видѣлъ въ немъ главнѣйшее условіе человѣческаго развитія.

¹⁾ Sainte-Beuve, Port-Royal, t. III, p. 354. Лучшими изданіями „Pensées“ слѣдуетъ считать ученый трудъ Фожера (Pensées de Pascal, éd. Fangère, Paris 1844, 2 vol.) и Эрнеста Гаве (Pensées de P. publiées dans leur texte authentique, par Ernest Havet, 2 vol., nouv. édition, Paris, 1887 (Delagrave)). Въ послѣднемъ изданіи находится интересный очеркъ Гаве: „Etude sur les Pensées de Pascal“. Заслуживаетъ также вниманія прекрасное, объединившее фрагменты въ одно цѣлое, изданіе Aug. Molinier, Pensées de P., 2 vol.: Paris, 1877—1879. Старанія построить изъ Паскалевыхъ фрагментовъ философскую апологію христіанства должны остаться безплодными, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ такого рода попытокъ: Pensées de P. rétablies suivant le plan de l'auteur, par Frantin. Dijon 1835; Pensées de P., disposées suivant un plan nouveau par Astié, Lausanne 1857; Pensées de P. publiées d'après le texte authentique et le seul vrai plan de l'auteur, par Rocher, Tours 1873. Въ высшей степени вѣрно классическія слова Сентъ-Бѣва: „Pascal, admirable écrivain quand il achève, est peut-être encore plus grand là, où il fut interrompu“.

Къ лучшимъ этюдамъ о Паскаль слѣдуетъ еще отнести блестящій отдѣлъ въ исторіи французской литературы Низара: D. Nisard., Hist. de la littérature française, t. III (Bruxelles, 1846), pp. 5—57.

Небольшая статья „De l'esprit géométrique“ заключается анализомъ основныхъ нашихъ понятій, и Паскаль приходитъ въ ней къ заключенію, что законъ относительности лежитъ не только въ основѣ познаваемыхъ нами явленій, но и является главнымъ и существеннымъ свойствомъ самого познанія. Образцомъ научнаго метода слѣдуетъ считать методъ математическій, но и онъ всецѣло относителенъ, не обладая возможностью къ опредѣленію всѣхъ выраженій и къ доказательству всѣхъ нашихъ утвержденій. Очевидно, что при опредѣленіи первоначальныхъ выраженій предполагаются постоянно предшествующія имъ выраженія, и мы по необходимости приходимъ къ основнымъ положеніямъ, не поддающимся никакому опредѣленію. Отсюда хотя и слѣдуетъ естественная и неизмѣнная слабость человѣческаго разума въ вопросахъ объ абсолютномъ, но выводы разума для насъ вполне обязательны, такъ какъ надежность ихъ въ томъ именно и состоитъ, что разумъ не все въ состояніи опредѣлять и доказывать, а опирается на понятныхъ и ненуждающихся ни въ какомъ объясненіи принципахъ. Пространство, время, движеніе, число и другія подобныя выраженія не нуждаются ни въ какомъ опредѣленіи, и попытка опредѣлять ихъ вносить въ наши понятія больше мрака, чѣмъ разъясненія. „Если малѣйшая точка подъ увеличительнымъ стекломъ способна дѣлиться на безконечныя части, то гдѣ же мы черпаемъ увѣренность, что существуетъ постоянная и неизмѣнная норма, представляющая собою дѣйствительную величину наблюдаемаго нами предмета“. Въ основѣ всѣхъ нашихъ понятій лежитъ понятіе двойной безконечности, безконечно-великаго и безконечно-малаго. Паскаль хотя во многомъ и не согласенъ съ Декартомъ, но онъ раздѣляетъ основной принципъ Декартова ученія — дуализмъ духа и матеріи. И Паскаль убѣжденъ, что одинъ только духъ одаренъ способностью активного пониманія, и что матерія не живетъ жизнью органическою, а только механическою. Какъ извѣстно, дуализмъ Декарта явился слѣдствіемъ пониманія законовъ природы, какъ законовъ математическихъ; природа какъ бы воплощаетъ въ дѣйствительности то, на чемъ теоретически основана математика. Число, движеніе, пространство и время — по ученію Декарта — столько же законы природы, какъ и геометріи, и тождественны съ послѣдними. Въ такое время, когда естествознаніе еще не проникло во внутреннюю жизнь природы, Паскаль, требуя отъ положительной науки точнаго изслѣдованія фактовъ, не могъ не преувеличить значенія математическаго метода и долженъ былъ высказать мысль, что даже сама логика заимствуетъ, сознательно или безсознательно, свой методъ отъ математики.

Въ статьѣ „Art de persuader“ Паскаль проводитъ общія психологическія черты познанія. Есть два пути, которыми мы составляемъ себѣ наши мнѣнія—разсудокъ и воля; но послѣдняя беретъ постоянно верхъ надъ разсудкомъ, и человѣкъ образуетъ свои мнѣнія не на основаніи доказательствъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе внутренней склонности, основанной въ свою очередь на привычкѣ. Въ томъ именно и лежитъ все безсиліе нашего разума, что онъ находится во власти воли и рѣдко въ состояніи преобороть ее. Познаніе наше колеблется постоянно между разумной истиной и волевыми капризами; между чувствомъ и разсудкомъ происходитъ борьба, исходъ которой непредвидимъ, потому что человѣкъ часто самъ не знаетъ, что происходитъ въ глубинѣ его души. Причина, почему такъ трудно убѣдить человѣка въ истинности самаго разумнаго ученія лежитъ въ привычкахъ, съ которыми у него связано наибольшее количество удовольствій. Удовольствія же въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ непостоянны: „въ различные моменты своей жизни человѣкъ похожъ болѣе на другихъ, чѣмъ на себя самого“. Исключая истины математическія, нѣтъ никакихъ истинъ, въ которыхъ всѣ были бы согласны. Люди ищутъ метода не ошибаться; логики избрали это занятіе своимъ спеціальнымъ призваніемъ; но доступная намъ истина совсѣмъ не находится на той высотѣ, гдѣ ея ищутъ метафизики, запутавшіе насъ своими софизмами и двусмысленными умозаключеніями. Они поднимаются слишкомъ высоко для достиженія ея и теряютъ ее только изъ виду. Паскаль еще далекъ отъ всеуничтожающаго скептицизма, до котораго дошелъ послѣ, когда отрицалъ достовѣрность самихъ принциповъ науки; напротивъ, онъ видитъ въ нихъ если и не абсолютную, то во всякомъ случаѣ въ предѣлахъ нашего познанія достаточную истину, тѣмъ болѣе достаточную, что она единственно возможная. Паскаль еще вполне рационалистъ, исходящій изъ Декартова положенія: „я мыслю, слѣдовательно существую“. Болѣе рационалистомъ, чѣмъ Декартъ, онъ является въ вопросѣ о первой причинѣ и, подобно Спинозѣ, считаетъ ненаучнымъ саму постановку его¹⁾. Но онъ еще также далекъ отъ своего послѣдующаго аскетизма. Въ своемъ „Discours sur l'amour“ онъ рисуетъ съ большимъ мастерствомъ психологію любви и глубоко убѣжденъ, что мы рождены для удовольствія: человѣкъ это чувствуетъ, вся природа говоритъ ему объ этомъ. Разумъ нисколько не сопротивляется любви, и поэты не имѣли никакого права представлять любовь слѣпою. Слѣдуетъ, наконецъ, снять съ

¹⁾ „Nous sommes incapables de connaitre ni ce qu'il est, ni s'il est“.

ся глазъ ненужную и вредную повязку ¹⁾. На этотъ „Discours“ можно во всякомъ случаѣ смотрѣть какъ на переходъ отъ объективнаго пониманія вещей, которое обнаруживается въ его первыхъ статьяхъ, къ тому субъективному, съ которымъ насъ знакомятъ его послѣдующія „Pensées“. Паскаль отдѣляетъ двѣ области нашего духовнаго „я“: одна принадлежитъ логическому разсудку (esprit), другая—чувству (sentiment). Тутъ онъ и разстается съ рационалистическимъ ученіемъ, и математическій методъ не поглощаетъ его болѣе, какъ Декарта и Спинозу; „безсознательная“ воля не поддается выводамъ разума, а слѣдовательно, наука не можетъ болѣе считаться полновластною госпожею, разъ остается цѣлая область, ею не завоеванная. Требуя отъ науки осязательныхъ результатовъ для самопознанія, Паскаль понимаетъ его въ двойномъ смыслѣ: какъ познаніе человѣкомъ своего мѣста въ ряду другихъ существъ, и какъ познаніе внутренняго міра во всѣхъ его проявленіяхъ. Но въ послѣдней области есть вопросы, на которые не отвѣтитъ никакая наука. За міромъ явленій, разрѣшимыхъ и объяснимыхъ разумомъ, отрывается другой міръ, міръ „зачаточный“, міръ причинъ, таинственный и мрачный, какъ вѣчность. Невозможно заглянуть въ него безъ головокруженія, безъ того, чтобы не почувствовать всю ничтожность человѣка предъ непонятною силою, которая заставляетъ насъ жить и страдать, радоваться и печалиться, мыслить и пресмыкаться въ прахѣ при сознаніи ничтожества нашей мысли. Есть цѣлая область, въ которой разумъ отказывается дѣйствовать съ тою отчетливостію, какою отличаются его сужденія въ области фактовъ. Мы наблюдаемъ теченіе звѣздъ, но возможность читать въ „звѣздной книгѣ“ непродолжительна; наступаетъ моментъ, когда разумъ нашъ нѣмѣетъ въ виду необъятнаго пространства, въ которомъ несутся въ строгоразмѣренномъ порядкѣ тысячи солнцъ, вызывая лучами своими жизнь и движеніе. Есть ли предѣлъ безчисленнымъ пятнамъ, заключающимъ цѣлые міры? Мысль наша цѣпенѣетъ, и мы по-неволѣ отдаемся во власть чувства и фантазіи. „Но восбращеніе наше скорѣе утомится рисовать, чѣмъ природа—доставлять краски“. Человѣкъ видитъ безконечную сферу, центръ которой вездѣ, а окружность—нигдѣ; онъ несется между двумя безконечными безднами—величіемъ и ничтожествомъ, находясь отъ нихъ постоянно въ равномъ отдаленіи. Напрасны его неутомимыя старанія взойти на небо и освѣтить искоркой украденнаго огня все необъятное пространство, въ которомъ мы теряемся, подобно пыли

¹⁾ Pensées de Pascal, éd. Faugère (Paris 1844), t. I, p. 117.

въ солнечныхъ лучахъ. „Что же — восклицаетъ Паскаль — представляетъ собой человѣкъ въ природѣ? Ничто въ сравненіи съ безконечно-великимъ, все — въ сравненіи съ безконечно-малымъ: нѣчто среднее между ничтожествомъ и величіемъ. Онъ безконечно отдаленъ отъ обѣихъ крайностей — отъ ничтожества, изъ котораго вышелъ, и отъ безконечности, которая его поглощаетъ“. Человѣкъ способенъ видѣть только слабый отблескъ середины вещей и никогда не пойметъ ни начала, ни конца ихъ. Наше познаніе вдавлено въ тѣсныя предѣлы, за которые оно неспособно выйти; мы не можемъ все познать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наше незнаніе нельзя назвать абсолютнымъ. И это естественное состояніе разума находится въ непрерывномъ противорѣчіи со стремленіемъ нашей души къ абсолютному. „Мы горимъ желаніемъ все познать и построить башню, поднимающуюся въ безконечность, но все наше зданіе низвергается, и земля разверзаетъ глубокую пасть свою“.

Съ Паскалемъ случилось то, что нерѣдко случается съ впечатлительнымъ человѣкомъ, который послѣ изученія возвышенной природы, удовлетворяющей нашу любознательность, начинаетъ изучать внутренній міръ человѣка, гдѣ вмѣсто законности и постоянства видитъ сплошной рядъ противорѣчій. Измѣнился субъективный міръ Паскаля — вотъ почему послѣдовало радикальное измѣненіе въ пониманіи имъ внѣшней природы. Такого рода измѣненіе въ міросозерцаніи ведетъ къ титаническому демонизму и порождаетъ стремленіе къ абсолютному при сознаніи невозможности достиженія его. Начинается обыкновенно это измѣненіе скептицизмомъ. Теоретически скептицизмъ Паскаля основывается на вопросѣ: что даетъ намъ ручательство въ истинности нашихъ принциповъ познанія, аксіомъ, лежащихъ въ основѣ всей науки? Прежде Паскаль не имѣлъ надобности задаваться этимъ вопросомъ, который если и подразумевался, то не выставлялся съ такою рѣзкостью и рѣшительностью. Раціоналистъ-Паскаль смотрѣлъ тогда на человѣка какъ на органическую часть разумно-устроенной природы. Но исходя изъ дуализма, Паскаль не могъ съ одной стороны остановиться на „самодовольномъ“ ученіи Декарта, а съ другой — объединить дуализмъ въ одно цѣлое одухотворенной субстанціи, какъ Спиноза. Паскаль совсѣмъ не былъ натурой цѣльной, пантеистической, способной проникнуться „amor intellectualis Dei“; вся его натура была скорѣе дуалистическая, и его собственный душевный складъ былъ, какъ это замѣтилъ Стефенсъ ¹⁾, надломленъ, фрагментаренъ. Такой человѣкъ не находитъ синтеза для

¹⁾ Abhandlungen der philos. hist. Cl. der Berliner Academie. 1837. S. 190.

примиренія противорѣчій, истекающихъ изъ борьбы разума съ чувствомъ, чувство подкапывается не только подъ нормальное пониманіе внѣшнихъ явленій, но и подъ нормальные законы самого познанія.

Паскаль находился подъ несомнѣннымъ влияніемъ Монтэня, когда онъ рѣшилъ оставить изученіе точныхъ наукъ. Паскаль не былъ человѣкомъ въ обыкновенномъ смыслѣ ученымъ; его можно назвать „*Vir unius libri*“, и эта „единственная книга“ была „*Essais*“ Монтэня, въ которыхъ онъ цѣнилъ опытъ человѣка, понявшаго жизнь въ самыхъ низкихъ ея проявленіяхъ. Въ сочиненіяхъ Монтэня и Шаррона нашли свое полное выраженіе мнѣнія извѣстной части образованныхъ людей тогдашней Франціи, такъ-называемыхъ „*libertins*“ или „*honnêtes hommes*“, выдающимся представителемъ которыхъ можетъ считаться названный Мерé ¹⁾. Монтэнь сводилъ свое скептически-эпикурейское ученіе къ „здоровью и удовольствію“; но скептицизмъ его не серьезенъ; онъ не занимается вопросомъ о возможности истиннаго познанія, а является лишь ученіемъ жизнерадостнаго человѣка, насмѣшкой надъ разрозненностью философскихъ системъ и надъ догматизмомъ философовъ. „Философія, — говоритъ онъ, — имѣетъ столько различныхъ обликовъ и содержитъ такое разнообразіе самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній, что мы въ состояніи найти въ ней всѣ наши сны и фантазіи: нѣтъ ничего абсурднаго, чего не нашлось бы въ ученіи какого-нибудь философа“. Монтэнь готовъ считать человѣка не только животнымъ, но даже животнымъ низшаго порядка; зато, пришедши къ такимъ положительнымъ выводамъ, онъ самодоволенъ; самоистязаніе чуждо его натурѣ, потому что разсудокъ беретъ у него верхъ надъ чувствомъ. „Нѣтъ ничего глупѣе, — замѣчаетъ онъ, — какъ ненавидѣть самого себя. Противоестественно презирать себя и желать быть инымъ, чѣмъ это возможно въ дѣйствительности“. Жить болѣе внѣ себя, чѣмъ внутри — вотъ основной взглядъ практической философіи Монтэня. Люди, какъ Монтэнь или Рошфуко — сухіе разумники; критическое отношеніе къ окружающему не производитъ переворота во всемъ ихъ міросозерцаніи, потому что мысль ихъ до того легковѣсна, что скользитъ по поверхности, а не идетъ внизъ подъ напоромъ внутренняго содержанія, какъ у Паскаля. Чувствительность у нихъ также притуплена, и они при всѣхъ условіяхъ въ состояніи приспособиться къ окружающему. Ихъ нравственный идеалъ — считать

¹⁾ Nourrisson, Pascal physicien et philosophe (Paris 1885), p. 251.

„день свой—вѣкомъ своимъ“, жить жизнью большинства и мыслить какъ мыслить „здравый разумъ“ массы:

Chi troppo s'assottiglia, si scavezza ¹⁾).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Паскаль подчинился на время вліянію этого ученія; есть даже основаніе предполагать, что оно именно и повело его къ замѣнѣ точной науки изученіемъ чело-вѣка. Но оно не могло вполнѣ удовлетворить Паскаля; оно не дало ему счастливаго довольства, а вело къ несчастному расколу его душевныхъ силъ. Дошедши до таинственныхъ завѣсь, Паскаль не возвращается, чтобы съ радостью объявить: „жизнью пользуюсь живущій“,—а израненный, измученный отъ внутреннихъ сомнѣній, онъ все-таки продолжаетъ чувствовать непреодолимую потребность въ поискахъ за истиной. Внутренняя жизнь Паскаля—трагедія мыслящаго и чувствующаго чело-вѣка, и чѣмъ печаль-нѣе исходъ ея, тѣмъ интереснѣе ея завязка.

Скептицизмъ Паскаля дошелъ до вопроса объ истинности нашихъ аксіомъ, а слѣдовательно, опредѣленій и доказательствъ. Если мы принциповъ истины не несемъ въ себѣ, то кто въ состояніи поручиться за достовѣрность нашихъ сужденій? Имѣютъ ли наши умозаключенія отношеніе къ „существенной“ истинѣ—доказать это нашими средствами нельзя, потому что дѣло идетъ о самихъ этихъ средствахъ, гдѣ познающій—одно съ познаваемымъ. Чело-вѣкъ познаетъ предметы субъективно, въ своемъ „sentiment naturel“, и считаетъ принципы истинными на основаніи сходства полученныхъ результатовъ. Но такого рода заключеніе можетъ претендовать на достовѣрность съ точки зрѣнія *эмпирической*, простого мышленія и ничего общаго съ *логическимъ* сужденіемъ не имѣетъ. Кто намъ поручится, что законъ причинности не есть простое слѣдствіе привычки, что „привычка, становясь второю натурой, не уничтожаетъ первую“? Паскаль не довольствуется тѣмъ, что мы называемъ относительной истиной; она была бы для него истина, еслибы въ чело-вѣкѣ не жила постоянная потребность иной истины. „Всѣ наши сужденія отчасти истинны, отчасти ложны. Не такова существенная истина,—она абсолютно-чиста. Нѣтъ ничего истиннаго, если имѣть въ виду чистую истину“. Кто намъ поручится, что вся наша сознательная жизнь—болѣе, чѣмъ сонъ, чѣмъ миражъ, за которымъ скрывается обманчивое ничто? Вѣдь и во снѣ же мы имѣемъ представленіе о простран-

¹⁾ Montaigne, Essais (éd. Amaury Duval), t. III, p. 291. Paris 1827. „Tenez-vous dans la route commune: il ne faict mie bon estre si subtil et si fin“.

ствѣ, движеніи и формѣ, осязаемъ теченіе и продолжительность времени. Паскаль этимъ не хочетъ сказать, что между сномъ и бодрствованіемъ не существуетъ разницы, въ известной степени походящей на разницу между здоровымъ и больнымъ состояніемъ, но все это мы познаемъ не разумомъ, а исключительно чувствомъ (sentiment). Причина безпомощности нашего разума коренится въ двойственности нашей природы, которою и слѣдуетъ объяснить ту субъективность нашихъ сужденій, заставляющую насъ приписывать свойства нашей души неодушевленнымъ предметамъ и употреблять выраженія въ родѣ того, что тѣла притягиваются, отталкиваются и т. д. Мы не воспринимаемъ предметы и явленія такъ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности, а окрашиваемъ ихъ свойствами нашей двойственной природы.

Какъ эта двойственность ни является естественною для Декарта,—для Паскаля она менѣе всего понятна.

„Человѣкъ для себя самого—удивительнѣйшее явленіе въ природѣ. Онъ не въ состояніи понимать ни того, что такое тѣло, ни того, что такое духъ, а менѣе всего, какъ тѣло связано съ душой. *Modus, quo corporibus adhaeret spiritus comprehendere ab hominibus non potest, et hoc tamen homo est.* Оба принципа познанія, разумъ и чувство, несмотря уже на то, что они сами по себѣ не искренни, обманываютъ другъ друга. Чувства обманываютъ разумъ ложными представленіями, и такимъ же обманомъ, въ который они вводятъ разумъ, послѣдній со своей стороны мститъ чувствамъ“. Паскаль не сомнѣвается въ успѣхахъ науки, но вопреки всему богатству положительныхъ знаній, надъ человѣкомъ, по его мнѣнію, не перестанетъ никогда висѣть Дамовловъ мечъ двойной безконечности. Однимъ словомъ: *ignorabimus!* Тамъ, гдѣ нѣтъ абсолютнаго знанія, существуетъ одно незнаніе, съ тою только разницей, что оно будетъ или естественнымъ незнаніемъ, съ которыми мы приходимъ на свѣтъ, или познающимъ себя незнаніемъ.

Не упуская изъ виду возраженія догматиковъ, Паскаль предсказываетъ непримиримую борьбу между представителями двухъ направленій въ философіи. Онъ самъ видитъ все отчаяніе, къ которому приводятъ насъ скептики-пессимисты, и знаетъ, что человѣкъ продолжаетъ же жить и что нѣтъ совсѣмъ послѣдовательныхъ пирронистовъ. Но уйти отъ сомнѣній человѣкъ все-таки не въ состояніи; остается только одно смятеніе, изъ котораго нѣтъ выхода. „Природа (воля) приводитъ въ смятеніе скептиковъ, а разумъ—догматиковъ“.

Отсюда прямой переходъ къ практической сторонѣ того же

вопроса: возможно ли для человѣка счастье? Повидимому, человѣкъ могъ бы на основаніи безчисленныхъ краснорѣчивыхъ фактовъ придти къ заключенію, что счастье—химера, но примѣры и опытъ не дѣлаютъ насъ умнѣе. Въ томъ обстоятельствѣ, что нѣтъ двухъ совершенно одинаковыхъ случаевъ, въ которыхъ не была бы замѣтна извѣстная разница, мы черпаемъ надежду на будущее. Такъ какъ настоящее насъ не удовлетворяетъ, то мы довѣряемся приманкамъ надеждъ, ведущимъ насъ отъ несчастья къ несчастью и, наконецъ, къ смерти—вѣчной и конечной цѣли. Разбирая свои мысли, мы видимъ, что онѣ постоянно заняты прошедшимъ или будущимъ: видя въ настоящемъ и прошедшемъ только средства къ достиженію будущаго, мы никогда не живемъ, а только приготавливаемся жить. Не находя въ дѣйствительности счастья, люди создали себѣ фантомъ общаго братства. Но неравенство—законъ природы, и напрасны наши мечтанія о всеобщемъ счастьѣ. Инстинктивно человѣкъ сознаетъ, что онъ долженъ искать счастья въ себѣ самомъ, но внѣшній міръ манитъ и влечетъ его постоянно къ себѣ.

Ошибка стоиковъ состоитъ въ томъ, что, обобщивши нѣкоторые частные случаи, они сдѣлали заключеніе, что человѣкъ въ состояніи подчинить инстинктивную жизнь разуму. Они хотѣли отбросить страсти и стать богами, въ то время какъ матеріалисты хотѣли отказаться отъ разума и жить инстинктами. Но ни тѣ, ни другіе не достигали своего намѣренія, такъ какъ разумъ не перестаетъ жаловаться на возмущеніе страстей, а послѣднія все-таки также и въ тѣхъ, кто стремится пребороть ихъ. Тутъ и находится источникъ вѣчной борьбы философскихъ мнѣній. Одни стараются поднять человѣка, указывая на великія его способности, между тѣмъ какъ другіе унижаютъ его указаніемъ на его несчастье. И каждая изъ сторонъ исходитъ для доказательства своего мнѣнія изъ принциповъ другой: одна съ тѣмъ большимъ правомъ умозаключаетъ къ его несчастью, приводя въ доказательство его величіе; а другая умозаключаетъ къ его величію, приводя въ доказательство его несчастье.

Что удѣлъ человѣка—несчастье, что наши радости скоропреходящи, а страданія безконечны—это видитъ и самый ограниченный умъ. „Я не знаю, какъ я пришелъ на свѣтъ, ни того, чтѣ такое міръ, ни того, чтѣ такое я самъ. Я не знаю ни того, чтѣ такое мое тѣло, ни того, чтѣ такое мои чувства, ни того, чтѣ такое мой умъ; та часть моего существа, которая мыслитъ о внѣшнемъ мірѣ и о себѣ, знаетъ столь же мало о себѣ, какъ и обо всемъ другомъ. Меня окружаетъ головокружительная безконечность, я прикованъ

къ безконечно малому углу безконечнаго пространства. Напрасно спрашиваю я, почему именно я поставленъ на этомъ мѣстѣ, а не на иномъ, почему моя короткая жизньъ назначена именно теперь, а не въ какой-нибудь другой моментъ прошедшаго или будущаго времени. Я—исчезающій атомъ среди безконечностей, тѣнь, на мгновеніе появляющаяся, чтобы исчезнуть на вѣки“. Какой же выводъ? Человѣкъ ищетъ истины и находитъ незнаніе; онъ ищетъ счастья и находитъ несчастье. Безустанно и безуспѣшно старается онъ проникнуть непроницаемую тьму и не знаетъ, каково его мѣсто въ природѣ.

Въ своихъ мучительныхъ поискахъ за истиной, Паскаль дѣйствительно великъ. Ничто не ускользаетъ отъ его пытливаго анализа. Съ той же неумолимой критикой, съ которой онъ относится къ цѣлесообразности выводовъ разума, онъ приступаетъ къ разбору нашихъ нравственныхъ понятій. Подобно ловкому пловцу, спускается онъ на глубокое дно нашей души и вынимаетъ оттуда всю тину, выдаваемую за возвышенную и чистую нравственность. Весь человѣкъ сводится къ мелкому эгоизму, истекающему не изъ окружающихъ его условій, а изъ природныхъ свойствъ его характера. „Тщеславіе до того глубоко коренится въ нашемъ сердцѣ, что даже извозчикъ, поваръ, носильщикъ—тщеславны и хотятъ во что бы то ни стало имѣть почитателей; да и философы стремятся къ тому же. Пишущіе противъ славы сами помогаютъ славы писателей, а читатели ихъ произведеній стараются приобрѣсти славу тѣмъ, что читали ихъ. И даже я, пишущій эти строки, навѣрное питаю такое же желаніе, и, можетъ быть, тотъ, кто будетъ это читать, сдѣлаетъ это съ тѣмъ же намѣреніемъ“. Пока человѣкъ будетъ жить жизнью развитой индивидуальности, онъ не сдумаетъ отказаться отъ самолюбія, а въ послѣднемъ заключается все несчастье мыслящаго человѣка. Легко сказать: освободись отъ самолюбія, и ты достигнешь счастья; какъ будто природа человѣческой воли слушается указаній разума! Человѣкъ хочетъ быть счастливымъ—и видитъ себя несчастнымъ; онъ хочетъ быть великимъ—и видитъ свое ничтожество; онъ хочетъ быть предметомъ любви и почитанія со стороны другихъ людей—и видитъ одну только мелкую зависть и ненависть. Наша жизнь—взаимный обманъ и безпрерывная лесть. Никто не говоритъ о насъ въ нашемъ присутствіи такъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ нашемъ отсутствіи. То, что мы привыкли называть общеніемъ людей, опирается именно на этомъ взаимномъ обманѣ. Шопенгауеръ не изслѣдовалъ глубже несчастья человѣка, чѣмъ Паскаль въ „Pensées“. Съ тѣмъ же строгимъ анализомъ подходитъ онъ къ любви, браку, дружбѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ударъ, постигшій разумъ, долженъ былъ пасть и на нравственность, и на общество. „Если въ художествѣ мы опираемся на перспективу, то въ морали мы напрасно будемъ искать ея. Развѣ мы обладаемъ какимъ-нибудь критеріемъ тамъ, гдѣ дѣло касается „*summi bonum et malum*“? Вся нравственность и право измѣняются съ измѣненіемъ климата или страны. Три градуса широты уничтожаютъ всю юриспруденцію. Одинъ меридіанъ рѣшаетъ вопросъ объ истинѣ. Смѣшно то право, которое ограничивается рѣкой или горой. Истина по ту сторону Пиренеевъ — ложь по сю“... „Исторія—сонъ; законовъ она уже потому не имѣетъ, что нашъ разумъ ихъ доказать не въ состояніи. Все равно, ведутъ ли нѣсколько сильныхъ людей, побуждаемыхъ честолюбіемъ, за носъ миллионную массу, или эти миллионы сами избираютъ себѣ вожakovъ. Еслибы носъ Клеопатры былъ нѣсколько короче, — можетъ быть, измѣнился бы весь видъ земли. Маленькое зернышко въ мочевомъ пузырьѣ Кромвеля произвело переворотъ въ исторіи Англіи“...

„Представьте себѣ, — говоритъ Паскаль, — извѣстное число людей, ожидающихъ въ оковахъ смертной казни; ежедневно подвергаютъ нѣкоторыхъ смерти передъ глазами остальныхъ: эти, видя свою судьбу въ судьбѣ другихъ, съ трепетомъ ожидаютъ наступленія своей очереди—вотъ дѣйствительная картина всей нашей жизни“...

Приходя къ такому заключенію, что самое лучшее—не подниматься мыслью надъ поверхностью толпы, что *moquer de la philosophie, c'est vraiment philosopher*, Паскаль въ то же время всѣми силами своей души возстаетъ противъ тѣхъ, кто живетъ изо дня въ день, не задумываясь надъ своимъ назначеніемъ. Онъ можетъ сочувствовать только тому, кто стонетъ подъ тяжестью сомнѣній и дѣлаетъ изслѣдованіе истины главнѣйшею и серьезнѣйшею задачею своей жизни.

Для того, кто не проникъ въ характеръ мысли Паскаля, въ высшей степени непонятно слышать отъ того же пессимиста восхваленіе разума,—того разума, которому онъ приказываетъ молчать, сознавая свое безсиліе. При сужденіи о Паскалѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду характерную двойственность его мысли. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ въ исторіи философіи двухъ близко подходящихъ къ нему личностей: Якоби и Шлейермахера. Но у нихъ эта двойственность уживалась въ мирѣ. Якоби говорилъ о себѣ, что онъ сердцемъ—христіанинъ, а умомъ—язычникъ; Шлейермахеръ смотритъ даже на эту двойственность какъ на явленіе вполне нормальное въ природѣ. „Колебаніе,—пишетъ

онъ ¹⁾),—есть общая форма всякаго конечнаго существованія; но мнѣ живетъ непосредственное сознаніе, что эта двойственность беретъ начало въ двухъ фокусахъ моего собственнаго эллипса, и въ ней сосредоточена вся полнота моей земной жизни“.

У Паскаля, напротивъ, чувство не могло ужиться съ разумомъ. Еслибы ему пришлось построить философскую систему, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ исходилъ бы изъ той же увѣренности, хоть и относительной, но для науки вполне достаточной, которая послужила основаніемъ ученію Декарта и Лейбница. Мы видѣли, съ какою ясностью онъ отдѣляетъ относительное отъ абсолютнаго, исключая послѣднее изъ области достовѣрнаго и относя его въ область вѣры и фантазій. „Когда Богъ сотворилъ небо и землю, онъ создалъ существа, одаренныя способностью къ познанію окружающаго. Всѣ люди образуютъ звенья одного мыслящаго тѣла, и стремясь къ счастью, каждый изъ нихъ долженъ подчинить свою волю общей волѣ, управляющей вселенною. Но человѣкъ слишкомъ часто мнитъ себя *цѣлымъ*, не познаетъ своей зависимости отъ остальныхъ тѣлъ, и забывая, что онъ имъ соподчиненъ, готовъ считать себя центромъ и самымъ тѣломъ“...

Паскаль, впрочемъ, не довольствуется разумомъ и, признавая за чувствомъ цѣлую область въ человѣческой жизни, ставитъ вопросы, отвѣты на которые со стороны разума его не удовлетворяютъ,—словомъ, онъ является основателемъ религіи. Тутъ-то Паскаль и приходитъ къ той міеологіи, которая отталкиваетъ отъ себя всякаго, умѣющаго мыслить и чувствовать вмѣстѣ со Спинозой, Галилеемъ и Бэкономъ; тутъ-то смѣлый скептикъ-Паскаль и восклицаетъ: „развѣ ты, гордецъ, не сознаешь, что ты самъ для себя парадоксъ? Пади въ прахъ, безсильный разумъ; замолкни, ничтожная природа, приди къ заключенію, что человѣкъ безконечно превышаетъ пониманіе человѣка“. Паскаль-мыслитель, какъ знаемъ, говоритъ нѣчто иное. Человѣкъ хоть и очень слабый тростникъ въ природѣ, но онъ—мыслящій тростникъ. Вселенная напрасно вооружается, чтобы уничтожить его—немного пару, капли воды достаточно для того; но если вселенная и убиваетъ его, человѣкъ все-таки далеко благороднѣе того, что его убиваетъ. Человѣкъ великъ даже въ несчастіи, и именно тѣмъ, что сознаетъ свое несчастіе. Даже въ тщеславіи Паскаль отыскиваетъ слѣды величія человѣка. У человѣка такое великое представленіе о душѣ ближняго, что онъ не въ состояніи примириться съ мыслью, что его кто-нибудь и почему-нибудь не уважаетъ. Даже тотъ, кто ста-

¹⁾ Ans Schleiermachers Leben in Briefen, II B. (Berlin 1858). S. 343.

вить человѣка наравнѣ съ животнымъ, и тотъ хочетъ все-таки быть предметомъ удивленія людей.

Но Паскаль, какъ мы сказали, не былъ цѣльной натурой, способной удовлетвориться познаніемъ необходимости; онъ познаетъ необходимость, но чувство воспротивляется познанному, требуя большаго, чѣмъ разумъ въ состояніи дать. Для такой натуры, какъ Паскаль, жизнь и смерть—понятія, раздѣленные глубокою пропастью. Тутъ онъ и представляетъ собою полнѣйшую противоположность Спинозѣ, для котораго оба понятія соединены въ одномъ высшемъ тождествѣ. Если Спиноза хочетъ думать только о жизни, то Паскаль думаетъ постоянно только о смерти; если для Спинозы фактъ жизни представляетъ безконечный интересъ, способный всецѣло поглотить вниманіе человѣка, то для Паскаля предъ страннымъ и загадочнымъ фактомъ смерти стушевывается вся умственная жизнь и поэтическая красота природы.

Р. Лунинъ.

---

* * *

Не спѣша, мѣняйтесь, картины;
Шествуй, время, медленной стопою,
Чтобы день не минулъ ни единый
Пережить, но не замѣченъ мною.

Тишина покоя и всѣ шумы,
Жизнью наполняющіе землю;
Злоба дня и вѣковыя думы;
Смѣхъ и плачъ людскіе—вамъ я внемлю.

Въ чуткомъ сердцѣ впечатлѣнья живы;
Дверь ума открыта свѣту настезъ...
Ты лишь, смерти призракъ молчаливый,
Отойди немного; ты мнѣ застишь.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

БУДДИЗМЪ

ВЪ

ЗАБАЙКАЛЬѢ

ИЗЪ ЛИЧНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ТУРИСТА.

I.

Буддизмъ, первая религія въ мірѣ по числу своихъ поклонниковъ, замѣчательная по богатству высокихъ философскихъ идей въ ученіи ея основателя, а также и по своимъ нравственнымъ идеаламъ, исповѣдуется въ нашемъ Забайкальѣ громаднымъ большинствомъ бурятъ. По „Памятной Книжкѣ Забайкальской Области“, за 1871 годъ, насчитывается до 134.656 человекъ буддистовъ изъ общаго числа инородцевъ этой области, простирающагося до 150.000 человекъ. Кромѣ того, въ иркутской губерніи, по „Памятной Книжкѣ“ за 1887 годъ, буддистовъ считается 12.663 чел. обоого пола, изъ общаго числа инородцевъ этой губерніи 121.314 чел. обоого пола. Въ дѣйствительности число буддистовъ, какъ въ Забайкальѣ, такъ и въ иркутской губерніи, значительно больше приведенныхъ официальныхъ цифръ.

Существованіе и положеніе буддизма въ Россіи нормировано въ нашихъ законахъ „Положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ Восточной Сибири“, утвержденномъ еще императоромъ Николаемъ I въ 1853 году. Положеніемъ этимъ существованіе буддизма въ Россіи признано, но исповѣданіе его обставлено многочисленными усло-

віями. Особенно ограничены и подробно регламентированы Положеніемъ правъ и обязанности буддійскихъ духовныхъ лицъ, ламъ, и первенствующаго ламы бандидо-хамбо—звание, соответствующее епископскому. Такихъ буддійскихъ хамбо-ламъ два въ Россіи: одинъ у буддистовъ-калмыковъ астраханской губерніи, другой—въ Забайкальѣ у буддистовъ-бурятъ. Управленію и верховному надзору послѣдняго подчинены всѣ 34 дацана (буддійскіе монастыри), находящіеся въ Восточной Сибири. По словамъ забайкальскихъ бурятъ и ламъ, ихъ хамбо-лама считается высшимъ не только въ Россіи, но и во всей Монголіи.

Положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ, сибирскимъ ламамъ и хамбо-ламѣ запрещается переходить за предѣлы своихъ монастырей и приходоѡвъ безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія забайкальскаго губернатора. Въ прежнее время, по разсказамъ знакомыхъ намъ ламъ и мірянъ-бурятъ, исходатайствованіе хамбо-ламѣ разрѣшенія на поѣздку въ какой-либо изъ подчиненныхъ ему дацановъ за предѣлы своего прихода обходилось ему не менѣе нѣсколькихъ тысячъ рублей. И въ настоящее время такое разрѣшеніе добывается хамбо-ламой съ большими затрудненіями. При такихъ условіяхъ посѣщеніе каждаго дацана доступно бываетъ хамбо-ламѣ не болѣе одного раза въ пять, шесть лѣтъ. Лѣтомъ 1889 года ему разрѣшена была поѣздка на нѣсколько дней за предѣлы своего прихода, но съ тѣмъ, чтобы онъ ѣздилъ въ костюмѣ простаго бурята, а не въ своемъ ламскомъ одѣянніи, и чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не останавливался въ бурятскихъ улусахъ, а непременно въ дацанахъ.

Очагами буддизма въ Забайкальѣ служатъ буддійскіе монастыри, дацаны, которыхъ въ Забайкальѣ 32, и еще два дацана въ иркутской губерніи — тункинскій и аларскій. Постройка новыхъ дацановъ безусловно запрещена буратамъ. Даже добываніе разрѣшенія на поправку и необходимую починку существующихъ дацановъ сопряжено для буддистовъ-бурятъ съ большими затрудненіями и „расходами“, каковыхъ они часто не въ состояніи вынести.

Извѣстную надпись, собственноручно сдѣланную императоромъ Николаемъ I на поднесенномъ ему для утвержденія проектѣ Положенія о ламайскомъ духовенствѣ: „*считаетъ утвержденнымъ, но не вноситъ въ своѣхъ законовъ*“,—ламы, у которыхъ имѣются рукописные экземпляры Положенія на русскомъ и монгольскомъ языкахъ, объясняютъ себѣ въ томъ смыслѣ, что, будучи справедливымъ, государь чувствовалъ нѣкоторую суровость Положенія, проникнутаго отчасти духомъ подозрительности къ буддизму, а потому съ неохотою утвердилъ Положеніе и запретилъ вносить

его въ сводъ законовъ, въ надеждѣ, что оно будетъ временнымъ. Трудно, конечно, доискиваться точнаго и истиннаго значенія тѣхъ знаменательныхъ словъ императора Николая, но если принять во вниманіе, что дѣйствительно Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ по своему духу и принципамъ звучитъ диссонансомъ въ нашихъ законахъ объ иностранныхъ исповѣданіяхъ, — законахъ, проникнутыхъ довольно широкой религіозной свободой и принципомъ невмѣшательства во внутренніе распорядки и организацію иновѣрныхъ религій, то едва ли толкованіе ламъ не будетъ близко къ истинѣ.

Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ, а еще болѣе того — сложившаяся практика поставили дацаны и ламъ съ хамбо-ламой въ полную зависимость, почти въ полное распоряженіе мѣстной земской полиціи, какъ извѣстно, не отличавшейся вообще въ Сибири высокими нравственными качествами; Забайкалье же въ этомъ отношеніи особенно несчастно. Такъ какъ въ каждомъ дацанѣ земской полиціи, при извѣстной опытности, всегда легко усмотрѣть беспорядки или какія-нибудь нарушенія чего-нибудь, то обыкновенно дацану приходится откупаться. Болѣе церемоннымъ полиціантамъ въ недавнее прошлое обыкновенно подносились бронзовые бурханы (статуэтки буддійскихъ боговъ) съ искусно вложенными въ нихъ изъ-подъ низу кредитными государственными билетами. Про одного, нынѣ давно уволеннаго, селенгинскаго исправника мѣстные русскіе и буряты рассказываютъ, что онъ обыкновенно періодически навѣдывался въ дацаны своего округа, требовалъ къ себѣ ширетуя (настоятеля) дацана и говорилъ ему чрезъ переводчика:

— Ширетуй, я вотъ ѣхалъ къ вамъ, да около дацана потерялъ двѣсти рублей; поди-ка заставь ламу поискать!

Ширетуй низко кланялся, немедленно командировалъ на поиски ламу-казначея монастыря, и неудачи въ поискахъ никогда не бывало. Исправникъ благодарилъ и уѣзжалъ.

Въ прежнее время вообще администрація надзидала строже за дацанами и спуску не давала. Такъ, бывшій, теперь давно уже умершій, забайкальскій областной губернаторъ однажды внезапно со своимъ чиновникомъ особыхъ порученій нагрянули въ Цонгольскій древній и богатый дацанъ на р. Чикой. По требованію посѣтителя, тотчасъ открыли главный храмъ; онъ взомель туда, сопровождаемый оторопѣвшими и не успѣвшими опомниться ламами, съ ширетуемъ во главѣ, и, завидѣвъ на жертвенникѣ впереди всѣхъ стоящаго золотого бурхана, взялъ его и, пряча къ себѣ въ карманъ, наставительно замѣтилъ чрезъ переводчика ширетую и ламамъ:

— Ширетуй, этого бурхана я возьму съ собой въ Читу на разсмотрѣніе, а по разсмотрѣніи пришло обратно.

Ширетуй и ламы кланялись смиренно и навсегда разстались съ своимъ дорогимъ во всѣхъ отношеніяхъ божествомъ: „обратно“ онъ уже не возвращался.

По поводу отношеній низшей полиціи къ дацанамъ мнѣ, въ одну изъ прежнихъ моихъ поѣздокъ по Забайкалью, довелось на одной почтовой станціи услышать характерное мнѣніе мелкаго чиновника мѣстнаго окружнаго полицейскаго управленія. Въ этомъ округѣ нѣсколько дацановъ, и въ томъ числѣ одинъ большой и богатый.

Въ ожиданіи лошадей, за чаемъ разговорились мы съ нимъ, и между прочимъ о дацанахъ и ламахъ. Къ нимъ онъ относился вообще симпатично, хвалилъ добродушіе и гостепріимство своихъ хорошихъ знакомыхъ ламъ. Узнавъ, что я изъ Иркутска, онъ сразу поинтересовался, какъ обстоитъ дѣло насчетъ слуховъ объ упраздненіи хамбо-ламы и закрытіи нѣкоторыхъ дацановъ. Въ Иркутскѣ, правда, говорили, что будто поѣхали въ Петербургъ хлопотать объ упраздненіи званія хамбо-ламы; но во всякомъ случаѣ ничего опредѣленнаго я не могъ сказать моему случайному знакомцу.

Онъ былъ противъ закрытія дацановъ и жалѣлъ хамбо-ламу.

— Нѣтъ! храни Богъ, если дацаны позакроютъ, да хамбу прогонять! Помилуйте!—откровенно заявлялъ онъ:—да вѣдь этотъ округъ проклятый какой-то! Ни пріисковъ, ни винокуренныхъ заводовъ! одинъ Голдодолбилинъ (винокуренный заводчикъ). Что же это на всѣхъ-то! Что и говорить: одними дацанами только и живемъ!

Чиновникъ былъ семейный, служилъ помощникомъ столоначальника и получалъ отъ своего полицейскаго управленія всего двадцать съ чѣмъ-то рублей жалованья въ мѣсяцъ.

II.

Нынѣшній забайкальскій хамбо-лама Д. Г. Гомбоевъ служить въ этомъ званіи съ 1876 года по избранію духовенства всѣхъ дацановъ Восточной Сибири и по Высочайшему утвержденію, а прежде онъ былъ ширетумъ. Резиденція его—Гусино-Озерскій дацанъ, въ 20 верстахъ отъ г. Селенгинска на берегу огромнаго и пустыннаго Гусинаго озера. Во всемъ Забайкальѣ и за предѣлами его хамбо-лама Гомбоевъ славится своимъ широкимъ гостепріимствомъ. Не проходитъ недѣли, чтобы въ Гусино-Озерскомъ

дацанѣ не побывало нѣскольکو челоѣкъ гостей; для нихъ специально построены просторный домъ, лучший въ дацанѣ и европейски меблированный. Всѣ ученые, писатели и туристы, бывавшіе у хамбо-ламы, принимались имъ съ особеннымъ радушіемъ и нерѣдко гостили у него по нѣскольکو дней. Къ сожалѣнію, мѣстные чиновники иногда злоупотребляютъ гостепріимствомъ буддійскаго владыки, заѣзжая къ нему просто погулять и превращая его мирную обитель въ трактиръ. Во время одного изъ посѣщеній хамбо-ламы г. Гомбоева мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены. Проѣздомъ заѣхали въ дацанъ мѣстный засѣдатель съ докторомъ. Угостивъ ихъ обѣдомъ съ винами, во время котораго засѣдатель позволялъ себѣ нѣудобныя шутки надъ хозяиномъ, желая, повидимому, позабавить меня и доктора, хамбо-лама вышелъ провожать своихъ гостей—имъ былъ поданъ экипажъ—и, стоя въ своемъ парадномъ парчевомъ и шелковомъ ламайскомъ костюмѣ безъ шапки на улицѣ зимой, выслушивалъ послѣднія распоряженія эскулапа.

— Скажи ему,—обратился послѣдній къ переводчику, уезжая ему небрежнымъ кивкомъ головы на хамбо-ламу,—чтобы онъ приказалъ своимъ ламашкамъ...

Послѣдовало какое-то санитарное распоряженіе относительно погребенія ламами бурятъ, ихъ прихожанъ.

Для умиловленія и угощенія знатныхъ свѣтскихъ и другихъ русскихъ чиновниковъ, не проѣзжающихъ мимо дацана, у хамбо-ламы имѣется русскій поваръ и настоящее шампанское, но самъ онъ ведетъ суровую и самую простую иноческую жизнь.

Мнѣ случалось заставать его, когда онъ не ждалъ гостей, въ простомъ нагольномъ бурятскомъ тулупѣ, за чтеніемъ тибетскихъ священныхъ книгъ или бесѣдующимъ съ ламами и мірянами-бурятами. Любовь и преданность бурятъ къ своему хамбо-ламѣ, какъ можно было постоянно видѣть и убѣждаться, безпредѣльны.

Весьма пріятно было встрѣтить въ хамбо-ламѣ г. Гомбоевѣ не узкаго и односторонняго фанатика, а челоѣка съ величайшей терпимостью къ другимъ религіямъ, при сравнительно широкихъ взглядахъ и большомъ для бурята умственномъ развитіи. Онъ учился и даже, если не ошибаюсь, кончилъ курсъ въ русской школѣ, въ г. Селенгинскѣ. Кромѣ совершеннаго знанія монгольской и тибетской литературы, г. Гомбоеву знакомъ древній палійскій языкъ. Къ христіанскому евангелію онъ относится съ большимъ интересомъ. Одинъ разъ я привезъ ему въ подарокъ библію на монгольскомъ языкѣ, купленную въ Иркутскѣ у англійскихъ или какихъ-то другихъ иностранныхъ миссіонеровъ, имѣющихъ въ Ир-

кутскѣ магазинѣ священныхъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Хамбо-лама съ удовольствіемъ принялъ біблію, говорилъ, что у него уже есть евангеліе на монгольскомъ языкѣ и онъ уже познакомился съ нимъ; по его мнѣнію, жизнь и ученіе Іисуса Христа во многихъ отношеніяхъ сходны съ ученіемъ и даже съ жизнью основателя буддизма, Шавья-Муни.

Книжка Ольденберга: „Будда, его жизнь, ученіе и община“, до того заинтересовала хамбо-ламу, что онъ даже временно вышелъ изъ обычнаго своего состоянія созерцательнаго покоя и величайшей сдержанности и оживился. Нѣсколько дней до поздней ночи проводилъ я время съ нимъ, передавая ему чрезъ переводчика содержаніе наиболѣе интересовавшихъ его главъ изъ этой книги.

Съ неменьшимъ интересомъ отнесся онъ и къ соч. проф. Позднѣва о буддійскихъ монастыряхъ въ Монголіи, и особенно къ „Буддійскому катехизису“ Олькотта, въ переводѣ г. Лесевича, только-что напечатанному тогда въ „Русской Мысли“. Почти всѣ вопросы буддійскаго катехизиса хамбо-лама понималъ, и къ моему удивленію далъ мнѣ отвѣты на нихъ, такъ близко сходящіеся съ отвѣтами катехизиса и вмѣстѣ съ тѣмъ столь своеобразные, что я очень жалѣю, что тогда же не записалъ ихъ. Но другіе ламы и ширетуи дацановъ Цонгольскаго, Джидинскаго и др., которымъ я при разговорѣ, во время посѣщенія этихъ дацановъ, предлагалъ различные вопросы изъ буддійскаго катехизиса, не могли понять почти ни одного изъ предлагаемыхъ имъ вопросовъ и не дали ни одного удовлетворительнаго отвѣта. Вина въ этомъ была, кажется, больше всего мой переводчикъ, простой казакъ-бурятъ, передававшій мои вопросы ламамъ едва ли не въ видѣ ужасной чепухи, приводившей ламъ въ недоумѣніе.

III.

Въ Гусино-Озерскомъ дацанѣ, резиденціи хамбо-ламы, подъ его непосредственнымъ завѣдываніемъ находится дозволенная правительствомъ буддійская школа съ десятилѣтнимъ курсомъ. Этотъ въ нѣкоторомъ родѣ буддійскій университетъ раздѣляется на четыре курса или 24 класса; собственно на 24 класса раздѣляются учебныя сочиненія и книги, преподаваемыя въ школѣ. По объясненію хамбо-ламы и штатныхъ ламъ, преподавателей школы, на первомъ ея курсѣ, продолжающемся четыре года, въ первые два года преподается чтеніе и письмо монгольское и тибетское, затѣмъ за-

учиваются наизусть молитвы и буддйскіе богослужебные уставы; въ слѣдующіе два года перваго курса занимаются переводами съ тибетскаго языка на монгольскій и преподается рисованіе и нѣкоторыя ремесла. Весь второй курсъ посвященъ изученію тибетской медицины; продолжается онъ три года; въ первомъ году преподается, если такъ можно выразиться, теорія тибетской медицины; она состоитъ въ выучиваніи наизусть пяти томовъ тибетскихъ медицинскихъ сочиненій и названій всѣхъ лекарствъ. Въ остальные два года на медицинскомъ курсѣ практически преподаются тибетская терапія и хирургія. Основныхъ болѣзней тибетская медицина насчитываетъ 101, а всѣхъ болѣзней 404; лекарствъ—большую частію внутреннихъ—до 450.

Третій курсъ продолжается одинъ годъ; на немъ изучается астрономія въ смыслѣ познанія солнца, луны и звѣздъ и ихъ движенія; также распознаваніе звѣздъ, о днѣ и часахъ, и астрологія—въ смыслѣ объясненія судьбы живыхъ и мертвыхъ по небеснымъ свѣтиламъ.

На четвертомъ курсѣ, продолжающемся два года, изучается тибетское богословіе и буддйская философія. Первый годъ послѣдняго курса посвящается такъ-называемому „ученому составу“, состоящему изъ 13 частей, и изученію смысла эмблематическихъ изображеній происхожденія страданія существъ и ничтожества всего земного, по священной буддйской картинѣ, называющейся „сансарыйнъ-хурдъ“ (колесо или мельница-лира). Во второмъ году этого курса преподается такъ-называемое „пустынное ученіе“, раздѣляющееся на три части, имѣющія тибетскія названія: чжудъ-ченба, сангагба и чжудъ-ренба.

Тибетскій и монгольскій языки и богослужебные уставы, читаемые въ школѣ на первомъ курсѣ, по словамъ г. Гомбоева, обязательно изучаются всѣми исповѣдующими буддизмъ; науки второго курса школы изучаются только посвятившими себя медицинской профессіи; науки же третьяго и особенно четвертаго курса предназначаются только для самыхъ способныхъ изъ лицъ, специально посвятившихъ себя ламайскому званію.

Большая священная и философская буддйская картина „сансарыйнъ-хурдъ“, о которой упомянуто выше, виситъ въ буддйской школѣ на стѣнѣ, налѣво отъ входа; нарисована она на полотнѣ красками и отличается отъ подобной же картины, воспроизведенной въ книгѣ проф. Позднѣва: „Очерки буддйскихъ монастырей въ Монголіи“, гораздо большей полнотою, новыми эмблемами, множествомъ новыхъ фигуръ, другимъ начертаніемъ и расположеніемъ эмблемъ и простыхъ фигуръ, и тѣмъ, что въ ней

изображены четыре круга, а не три, какъ въ картинѣ, приложенной къ соч. проф. Позднѣева.

Болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ оригинальномъ буддѣйскомъ университетѣ, о наукахъ, въ немъ преподаваемыхъ, и о методѣ преподаванія нельзя было добиться въ Гусино-Озерскомъ дацанѣ безъ знанія монгольскаго языка. Тибетское богословіе и буддѣйскую философію читаетъ въ школахъ самъ хамбо-лама Д. Г. Гомбоевъ, а другія науки преподають штатные ламы и тибетскіе врачи-бураты, проживающіе въ дацанѣ.

Въ Гусино-Озерскомъ дацанѣ рисуются всевозможныя буддѣйскія иконы и картины, даже „сансарыйнъ-хурдѣ“. Учителя живописи, ламы, преподають ее по китайской школѣ или системѣ въ своихъ особыхъ мастерскихъ. Есть также мастерскія, гдѣ выдѣлываются изъ папки и изъ глины и раскрашиваются или золотятся бурханы и разныя рѣзныя изъ дерева украшенія для дацановъ. Есть столярныя мастерскія для приготовленія жертвенниковъ, молитвенныхъ столиковъ, кѣотовъ и божницъ. Сверхъ того, въ дацанѣ есть нѣчто въ родѣ первобытной типографіи изъ продольныхъ деревянныхъ дощечекъ съ вырѣзанными на нихъ тибетскими словами. Доски эти покрываются китайской тушью и такимъ образомъ слова переводятся на бумагу.

У хамбо-ламы имѣется дипломъ или похвальный листъ отъ петербургскаго университета за пожертвованіе имъ университету какихъ-то тибетскихъ сочиненій; г. Гомбоевъ очень дорожитъ этимъ документомъ. Въ 1888 году хамбо-лама, узнавъ, что Восточно-сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества интересуется буддизмомъ и поднимаетъ вопросъ объ изученіи его, отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ Отдѣлу Геогр. Общества и тотчасъ послалъ ему огромную коллекцію бурхановъ, священныхъ буддѣйскихъ сосудовъ, одѣяній и др. предметовъ буддѣйскаго культа, на сумму до тысячи рублей, и съ тѣхъ поръ не перестаетъ снабжать Отдѣлъ—онъ избранъ членомъ Отдѣла—новыми коллекціями и отдѣльными предметами буддѣйскаго культа и побуждаетъ другихъ ламъ и богатыхъ бурятъ къ тому же, такъ что почти исключительно благодаря пожертвованіямъ хамбо-ламы Спб. Отдѣлъ Геогр. Общества теперь составилъ себѣ богатѣйшую въ Европѣ коллекцію предметовъ буддѣйскаго культа.

Когда въ Читѣ, областномъ городѣ Забайкальской области, поднятъ былъ вопросъ объ основаніи въ городѣ женской гимназіи и другого мужского средне-учебнаго заведенія, то средствъ не оказалось, и администрація обратилась къ хамбо-ламѣ Гомбоеву и къ бурятскимъ обществамъ съ просьбою о денежной по-

мощи. Гомбоевъ пожертвовалъ самъ значительную сумму, и по его просьбѣ и желанію забайкальскіе буряты и даже ламы изъ дацановъ собрали между собой по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей на то и другое учебное заведеніе, благодаря чему и были открыты оба эти заведенія, хотя воспользовались ими только русскіе, а изъ бурятскихъ дѣтей едва ли хотъ одинъ до сихъ поръ получилъ въ нихъ полное образованіе.

По случаю чудеснаго спасенія Государя Императора при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года хамбо-лама составилъ и ввелъ въ постоянное употребленіе во время богослуженій въ дацанахъ поэтическую молитву за царя на тибетскомъ и монгольскомъ языкахъ.

Все это однако не избавляетъ хамбо-ламу отъ состоянія подѣ постояннымъ подозрѣніемъ въ глазахъ мѣстной администраціи; она всѣхъ хамбо-ламъ, по искони сложившемуся обычаю, подозрѣваетъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Тибетомъ. Насколько справедливо было такое подозрѣніе относительно прежнихъ хамбо-ламъ, съ достовѣрностью я не могу сказать, но относительно хамбо-ламы Гомбоева оно въ высшей степени странно уже потому, что тибетскіе ламы, которые дѣйствительно и теперь иногда пробираются чрезъ нѣкъ не оберегаемую нашу монгольскую границу, странствуютъ по улусамъ и даже заходятъ въ дальніе дацаны, — первые и самые важные враги нынѣшняго хамбо-ламы. Увѣряя г. Гомбоева, что онъ сдѣлался русскимъ чиновникомъ и отпалъ отъ Тибета, эти эмиссары далай-ламы исподволь возбуждаютъ противъ него и буряты и даже дацанскихъ ламъ, и дѣйствуютъ не безъ успѣха, особенно въ отдаленныхъ отъ резиденціи хамбо-ламы дацанахъ, ловко пользуясь установленнымъ положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ запрещеніемъ хамбо-ламъ выѣзжать за предѣлы своего прихода безъ особаго на каждый отѣздъ разрѣшенія забайкальскаго губернатора.

По старой чиновнической традиціи, и нынѣшній хамбо-лама считается человѣкомъ, такъ сказать, политически неблагонадежнымъ. Вообще эти традиціи прочно сохраняются въ Сибири. Не даромъ же говорятъ про одного бывшаго тобольскаго губернатора, г. Деспотъ-Зеновича, что онъ, пріѣхавъ губернаторомъ въ Тобольскъ, потребовалъ къ себѣ на просмотръ, изъ губернскаго правленія, и повнынъ составляющійся и ежегодно исполняющійся въ каждой губерніи списокъ неблагонадежныхъ лицъ, и къ удивленію узрѣлъ среди неблагонадежныхъ въ списокъ свою собственную особу, внесенную въ списокъ давнымъ-давно, въ молодые годы его благотворной дѣятельности въ Сибири, и

съ тѣхъ поръ неизмѣнно пребывавшую въ списокѣ. Новый губернаторъ великодушно и съ полнымъ убѣжденіемъ вычеркнулъ себя изъ этого списка живыхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ забайкальскіе бураты и ламы узнали изъ газетъ, что калмыцкій хамбо-лама ѣздилъ въ Петербургъ, имѣлъ счастье представляться Государю и былъ удостоенъ милостиваго приѣма. Съ тѣхъ поръ завѣтной мечтой бураты и ихъ духовенства стало желаніе отправить хамбо-ламу въ Петербургъ повергнуть къ стопамъ Государа вѣрнопопданническія чувства отъ имени всѣхъ буддистовъ, русскихъ подданныхъ. Хамбо-лама Гомбоевъ въ 1883 году просилъ позволенія у мѣстной администраціи отправиться на коронацію Государа Императора, на что имѣлъ полное право, какъ духовный представитель нѣсколькихъ сотенъ тысячъ бураты, но получилъ рѣшительный отказъ. Въ послѣднее время, въ 1888—89 годахъ, Гомбоевъ, опираясь на свои личныя заслуги, возобновилъ ходатайство о разрѣшеніи ему ѣхать на свой собственный счетъ въ Петербургъ, и не ожидая отказа, готовилъ драгоценныя бурханы и другіе восточные дары, для поднесенія Государю Императору. Восточно-сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Географ. Общества съ своей стороны поддержалъ его ходатайство. Тѣмъ не менѣе, высшая мѣстная администрація снова отказала ему, доказавъ такимъ образомъ наглядно свою дипломатическую дальновидность.

И говорить нечего, какъ бы важно было въ интересахъ нашего правительства привлечь и облагодѣлать такого человѣка, какъ хамбо-лама, верховный духовный глава русскихъ буддистовъ, по малѣйшему слову котораго бураты-буддисты, всѣ какъ одинъ человѣкъ, готовы идти въ огонь и въ воду.

IV.

Въ 1887—89 годахъ нѣкто г. Е. Воронежъ издалъ нѣсколько брошюръ о положеніи буддизма въ Сибири ¹⁾, и въ нихъ, къ сожалѣнію, не безъ фанатизма, говоритъ о положеніи ламъ въ Забайкальѣ, объ ихъ нравственности, объ обираіи ими своихъ прихожанъ, о томъ, будто ламы имѣютъ по нѣскольку женъ, и именемъ русскаго правительства требуютъ отъ инородцевъ принад-

¹⁾ „По поводу ожидаемыхъ церковно-государственныхъ преобразованій въ Сибири“, Москва, 1887; „Ламскій вопросъ“, Москва, 1888; „Существенная историческая справка по ламскому вопросу“, Сиб., 1888, и „Русскимъ ли правительствомъ узаконено иносемное идолопоклонническое ламство въ православной Россіи“, Харьковъ, 1889.

лежности ихъ къ ламайству, т.-е. къ буддизму. Неизвѣстно откуда вывелъ авторъ такія заключенія, но они во многомъ противорѣчатъ непосредственнымъ наблюденіямъ надъ жизнью ламъ и отношеніями между ними и бурятами, ихъ прихожанами. Мнѣ не приходилось слышать, чтобы мірянинъ-бурятъ заочно называлъ въ разговорѣ ламъ иначе, какъ „благодѣтель лама“, „наши благодѣтельные ламы“, и пр. Ламы спиртныхъ напитковъ не пьютъ, и даже на бурятскихъ праздникахъ нельзя встрѣтить пьянаго ламу, чѣмъ они крайне выгодно отличаются отъ миссіонеровъ, среди которыхъ излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ развито въ высокой степени. Можетъ быть, молодые ламы и не безъ грѣха насчетъ седьмой заповѣди, но чтобы они отнимали женъ у мірянъ, этого не слышно; а сами буряты-міряне съ негодованіемъ отрицаютъ такіе факты и утверждаютъ, что всякій лама, еслибы онъ сдѣлалъ покушеніе на жену мірянина, былъ бы жестоко проученъ мужемъ и заклеименъ общимъ презрѣніемъ. Хотя русскіе купцы, побывавшіе въ Монголіи, увѣряютъ, что прежде тамъ былъ обычай: когда лама входитъ въ юрту, хозяинъ юрты садится на коня и уѣзжаетъ, предоставляя ламѣ, какъ почетному гостю, своихъ женщинъ. Къ нашимъ бурятамъ этотъ обычай во всякомъ случаѣ не перешелъ. Что касается до обиранія ламами своихъ прихожанъ, сами буряты говорятъ, что ихъ ламы берутъ только то, что имъ подадутъ, какъ за леченіе, такъ и за требы. Русскіе же, живущіе среди бурятъ, говорятъ, что самый большой расходъ у бурятъ на ламъ бываетъ во время похоронъ, которыя обходятся, по ихъ словамъ, буряту рублей до трехъ, а богатому и больше. Но насильственные вымогательства и обязательные поборы и взносы бурятъ на содержаніе дацановъ и ламъ отрицаютъ и мѣстные русскіе.

Не лишнимъ здѣсь будетъ рассказать случай изъ миссіонерской дѣятельности, переданный мнѣ живымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ его, однимъ извѣстнымъ русскимъ ученымъ, путешествовавшимъ по Сибири и въ частности по Байкалу, И. Д. Ч—скимъ. Дѣло было въ Тункинскомъ краѣ иркутской губ. Номинально крещенные въ христіанство буряты пригласили ламу и собрались въ укромномъ мѣстѣ служить „братскій молебень“, какъ называютъ мѣстные русскіе всякое нехристіанское богослуженіе инородцевъ. Путешественника буряты знали давно, имѣли въ нему довѣріе и не стѣснялись имъ. Богослуженіе началось; но, къ несчастію бурятъ, кто-то донесъ о немъ мѣстному миссіонеру. И вотъ въ самый разгаръ богослуженія внезапно на лошади влетѣлъ въ средину молящихся миссіонеръ. Скрываться

было поздно; миссіонеръ зналъ въ лицо многихъ молящихся. Буряты были ошеломлены и остались на мѣстѣ. Не торопясь, миссіонеръ привязалъ свою лошадь, подошелъ къ бурятамъ и молча выразительнымъ взглядомъ обвелъ ихъ, затѣмъ не менѣе выразительно сталъ похлопывать себя по карману. Буряты, сообразивши, очевидно, въ чемъ суть, заволновались, запушукались между собою, собрали денегъ, и одинъ бурятъ съ почтеніемъ поднесъ ихъ миссіонеру. Тотъ, также не торопясь, взялъ деньги, отвязалъ лошадь, сѣлъ и уѣхалъ. Богослуженіе возобновилось и продолжалось безпрерывно. Сцена была нѣмая—ни миссіонеръ, ни буряты не промолвили другъ другу ни одного слова.

Штатные ламы въ дацанахъ не только не имѣютъ по двѣ и по три жены, какъ утверждаетъ г. Воронежъ, но вообще, какъ не разъ приходилось мнѣ и самому наблюдать, и разспрашивать близко знающихъ ламъ и безъ фанатизма относящихся къ нимъ русскихъ, ведутъ въ дацанахъ строгую монашескую жизнь, цѣлый день проводя въ работѣ, чтеніи тибетскихъ книгъ или въ благочестивомъ созерцаніи. Дацаны производятъ полное впечатлѣніе мирныхъ обитателей покоя и молитвы, такъ что во время посѣщенія ихъ трудно не испытать такого впечатлѣнія. А нештатные ламы и вообще всѣ буряты, принимающіе обѣты, и въ Монголіи живутъ какъ простые міряне, въ юртахъ, съ женами и дѣтьми; у самыхъ богатыхъ селенгинскихъ бурятъ всегда по одной женѣ, и вообще едва ли есть въ Забайкальѣ буряты-буддисты, имѣющіе болѣе одной жены; у бурятъ такіе люди не считаются настоящими ламами, а тѣми же мірянами, только принявшими обѣты. Первый обѣтъ, который принимаетъ всякій богобоязненный бурятъ-буддистъ, это обѣтъ „не лишать жизни ни одного существа“. По этому обѣту, принявшій его не только долженъ отказаться отъ охоты на звѣрей и птицъ, но даже не смѣетъ убить у себя на тѣлѣ блоху, а долженъ, поймавъ, отпустить ее на свободу; не можетъ пить воды, пока не убѣдится, что съ водой не проглотитъ какой-нибудь мошки или другого живого существа. Второй обѣтъ заключается въ томъ, что принявшій его старается держать свою правую руку такъ, чтобы ею не приходилось совершать какихъ-нибудь угрожающихъ манипуляцій. Третій обѣтъ обязываетъ принявшаго его переступать въ ходьбѣ особеннымъ медленнымъ и степеннымъ шагомъ. Буряты, строго соблюдающій всѣ три обѣта, бываетъ иногда нѣсколько забавенъ въ обращеніи и ходьбѣ. Но обыкновенно вѣрующіе ограничиваются однимъ какимъ-нибудь обѣтомъ. Есть еще какіе-то обѣты, но я о нихъ не имѣю понятія.

Въ заключеніе г. Воронецъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ отъ имени „церкви православно-русской“ для упорядоченія буддизма въ Россіи. Одну изъ его мѣръ—отмѣну обязательныхъ штатовъ ламъ и дозволеніе существовать непштатнымъ или заштатнымъ, какъ они называются, ламамъ—можно признать вполне разумной мѣрой. Въ настоящее время каждый заштатный лама— а на одного штатнаго въ Забайкальѣ приходится не менѣе 100 заштатныхъ ламъ—покупаетъ свое нелегальное существованіе данью въ пользу земской полиціи, зарабатывающей такимъ способомъ большія деньги.

Всѣ остальные мѣры г. Воронца сводятся ко всевозможнымъ полицейскимъ обузданіямъ, сокращеніямъ, запрещеніямъ и къ высылкѣ ламъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, т.-е. носить характеръ гоненія и нетерпимости къ буддизму. Не повели бы подобныя мѣры, какъ доказано на расколѣ, только къ чрезвычайному усиленію буддизма въ Сибири среди инородцевъ!

Къ сожалѣнію, конечно, репрессивныя мѣры г. Воронца, по послѣднимъ свѣденіямъ изъ Сибири, тамъ начинаютъ осуществляться. По словамъ „Восточнаго Обзорѣнія“, № 44, за 1889 г., теперь ширетуевъ (настоятелей) въ дацаны назначаетъ уже не хамбо-лама, какъ искони и до сего времени было, а особая чиновничья коммиссія, засѣдающая въ Иркутскѣ, безъ всякаго участія хамбо-ламы, но зато съ авторитетнымъ участіемъ, въ качествѣ члена, архіепископа иркутскаго и нерчинскаго.

Если же оправдаются слухи о предполагаемомъ будто бы упраздненіи самаго званія и должности самостоятельнаго и независимаго отъ Тибета русскаго буддійскаго епископа, хамбо-ламы Гусино-Озерскаго дацана, то прямымъ послѣдствіемъ такого упраздненія едва ли не будетъ то, что всѣ наши забайкальскіе ламы будутъ посвящаться въ гелуна и гецуля (буддійскаго священника и дьякона) монгольскими и тибетскими хамбо-ламами, и чрезъ то установится тѣсная и подчиненная зависимость нашихъ бурятъ-буддистовъ, даже мірянъ, не говоря уже о ламахъ, отъ Тибета и далай-ламы. Чѣмъ можетъ угрожать такая, хотя и духовная, зависимость въ случаѣ, на примѣръ, нашей войны съ Китаемъ?—это понятно само собою.

Восточно-сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, учрежденный въ 1851 г. въ Иркутскѣ, на рубежѣ распространенія буддизма въ Сибири, не могъ не включить этой замѣчательной религіи въ сферу предметовъ своего изученія. Но буддизму до сихъ поръ не везетъ въ Отдѣлѣ Геогр. Общества. Года 3—4 тому назадъ отчасти интересовался буддизмомъ членъ Отдѣла, та-

лантливый изслѣдователь быта монголовъ и бурятъ и авторъ пре-восходнаго сочиненія о женщинѣ у монголо-бурятъ, оцѣненной и награжденнаго Центральнымъ Геогр. Обществомъ, Я. П. Дуброва. Но какъ бывший миссіонеръ и притомъ неудачникъ—онъ вскорѣ совсѣмъ сложилъ съ себя духовный санъ—г. Дуброва не могъ объективно относиться къ буддизму и главное свое вниманіе обра-щалъ на отыскиваніе сучковъ въ глазахъ буддійскихъ ламъ и жестокое бичеваніе ихъ въ своихъ сообщеніяхъ на общихъ собра-ніяхъ Отдѣла; поэтому, кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ о дацанахъ и ихъ жизни, и лирическихъ и патетическихъ изліяній противъ ламъ, разбросанныхъ въ его статьяхъ, въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣла, онъ не оставилъ послѣ себя изслѣдованій о буддизмѣ.

Еще менѣе основателемъ новѣйшій изслѣдователь буддизма при Вост.-сибирскомъ Отдѣлѣ Геогр. Общ., недавно пріѣхавшій въ Иркутскъ, учитель мѣстной духовной семинаріи г. Подгорбунскій.

Г. Подгорбунскій пока успѣлъ заявить о себѣ публичною лекціею о буддизмѣ, прочитанною имъ въ зданіи Отдѣла 19-го декабря 1888 года. Лекція по существу своему не была научнымъ разборомъ буддизма, ни даже бесѣдой о буддизмѣ, а единственно обличеніемъ буддизма съ христіанско-богословской точки зрѣнія. Лекторъ предъявилъ къ буддизму и къ ламамъ всѣ тѣ упреки, какіе съ такимъ же правомъ и съ такимъ же основаніемъ можно предъявить и другимъ религіямъ. Эта лекція г. Подгорбунскаго и не была напечатана въ ученомъ органѣ Отдѣла, а нашла себѣ мѣсто въ „Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Влад. Птицынъ.

ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВѢСА

РАЗСКАЗЪ.

Изъ юныхъ впечатлѣній.

I.

Было воскресенье.

Въ огромной институтской пріемной, какъ это всегда бывало въ праздничные дни, толпилось много народу.

Взрослыя дѣвицы въ свѣтло-голубыхъ форменныхъ платьяхъ, съ бѣлыми ослѣпительной чистоты пелеринками и рукавичками, съ гладко-зачесанными въ двѣ косы волосами, чинно и беззвучно выплывали одна за другою изъ массивныхъ дверей корридора, легко скользили по лощеному паркету на совершенно гладкихъ подошвахъ своихъ открытыхъ башмаковъ и, сдѣлавъ попутно граціозный реверансъ дежурной классной дамѣ, спѣшили къ группамъ знакомыхъ и родственниковъ, расположившихся по стѣнамъ обширной залы. Рѣзвые подростки, также въ форменныхъ, но уже другого цвѣта платьицахъ, выпархивали, какъ бабочки, и съ зарумянившимися щечками кидались на встрѣчу подоспѣвшей съ разными сладостями „bonne maman“ или „chère tante“. Вездѣ слышался взволнованный, полусдержанный говоръ, отрывистыя восклицанія, звуки поцѣлуевъ, шелестъ шолка и звяканье шпоръ праздничныхъ институтскихъ посѣтителей и посѣдительницъ.

Знакомый профиль дежурной классной дамы, чопорной и какъ бы окаменѣвшей въ своей официальной позѣ у окна, видѣлся въ сторонѣ. Только быстрые взгляды ея, зорко перебѣгавшіе отъ одной группы къ другой, напоминали еще о будничномъ и по-

стыломъ. Такъ и казалось, что сейчасъ раздадутся обычные призывы къ порядку: „mesdemoiselles, silence!“ или „tenez-vous droites“; но присутствіе постороннихъ избавляло и отъ этого докучнаго напоминанія.

Ждать мнѣ рѣшительно было некого.

Съ тѣхъ поръ, какъ я была въ институтѣ, меня никто не посѣщалъ. Куда дѣвалась моя мать, которую я знавала еще лѣтъ восемь назадъ, я не могла понять. Единственное предположеніе, на которомъ я останавливалась—было, что она умерла. Отъ меня это для чего-то скрывали, замалчивали, и я, шестнадцатилѣтняя высокая дѣвушка, съ худощавымъ лицомъ и сжатыми губами, молча выглядывала въ пріемные часы изъ-за массивной, пріотворенной наполовину двери въ залу, гдѣ толпились раздущенныя нарядныя дамы, щегольски-одѣтые молодые люди въ рінсе-нез и статные гвардейцы съ красиво-закрученными усами.

Я пытливыми глазами перебѣгала отъ одной группы къ другой, жадно ловила тамъ и сямъ нѣсколько отрывочныхъ восклицаній, невольно заглядывалась на секунду на молодого гвардейца, который, уронивъ перчатку, быстро и граціозно нагибался за нею, молча разглядывала разныхъ бездѣлушки и бонбоньерки, которыя показывали мнѣ возвращавшіяся съ свиданія подружки, съ благоговѣніемъ слѣдила глазами за удалявшимся шлейфомъ нарядной и очаровательной княгини З., которая каждое воскресенье являлась на свиданіе къ своей тринадцатилѣтней дочери, завидовала всѣмъ этимъ счастливицамъ, поспѣшно снимала набѣжавшую на рѣсницу слезу и потомъ, опечаленная и разстроенная на весь день, возвращалась въ дортуары.

Въ это воскресенье, когда я, по обыкновенію, какою-то невѣдомою силою была привлечена къ дверямъ пріемной и уже собиралась уходить, чтобы не пытаться дольше, я услышала за собою хорошо знакомый мнѣ пискливый голосокъ двѣнадцатилѣтней чернушки, Нади В., которой я покровительствовала, потому что она меня „обожала“.

— Ma chère Barbe! On vous appelle. venez vite!..

И она бросилась ко мнѣ, теребя меня за руку и увлекая за собою въ пріемную.

— Кто меня зоветъ?!

— Une dame... brune. Venez vite!

Я была поражена. Кому я могла понадобиться?!

Надя, не выпуская моей руки, влекла меня къ какой-то высокой, стройной брюнеткѣ.

— Варя! ты... ты меня не узнаешь?!.—Незнакомая дама

взяла мои руки и сдѣлала движеніе, чтобы привлечь меня къ себѣ.

Я невольно отшатнулась и оглядѣла ее. Она была хорошо одѣта и уже не первой молодости. Ея черные взбитые волосы кокетливо выглядывали изъ-подъ шляпки; ярко зарумянившееся, должно быть съ мороза, лицо ея было замѣтно напудрено.

Я въ недоумѣніи сдѣлала шагъ назадъ.

— Варя, а мать твоя!..

Она привлекла меня къ себѣ, прижала къ своей груди, осмала мою голову жаркими поцѣлуями.

— Ма mère! — тихонько всхлипнула я почему-то по-французски, чувствуя между тѣмъ, какъ вся кровь приливаетъ мнѣ къ сердцу и рыданія душатъ.

Незнакомая дама — моя мать — также плакала.

Рѣшительно не помню, не знаю, о чемъ мы говорили съ нею въ это свиданіе...

Я не спрашивала ее, откуда она, гдѣ была, отчего забыла меня. Я была слишкомъ потрясена. Помню только, что на всѣ ея увѣренія, что отнынѣ она никогда уже не покинетъ меня, и что по выходѣ изъ института я буду жить съ нею, я, какъ попугай, твердила все одно и то же:

— Oh, ma mère!.. Oh, ma mère!..

Когда свиданіе кончилось, я нѣсколько секундъ простояла неподвижно, какъ бы ошеломленная всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Да не во снѣ ли все это, только во снѣ!?

— Vous voilà bien fêtée! — встрѣтила меня въ корридорѣ, выходя изъ забытья, классная дама, когда я, едва соображая, какъ все это могло случиться, въ первый разъ возвращалась изъ приемной не съ пустыми руками.

Моя мать, кромѣ фруктовъ и конфетъ, снабдила меня также и деньгами.

Ахъ, какъ я была счастлива!.. Какъ радостно было сознаніе, что наконецъ-то я могу подѣлиться лакомствами съ подругами, въ свой чередъ угостить ихъ!

Въ дортуарѣ, куда мы снесли всѣ свои сокровища, меня засыпали вопросами:

— Кто эта красивая дама?..

— Мать!.. Votre mère?.. Vous avez une mère?

— Гдѣ же она была?.. за границей? Est-elle riche? jouit-elle d'une belle situation?

Сама себѣ я не могла бы отвѣчать на подобныя вопросы. Но я рисковала „tomber au ridicule“, если бы вздумала при-

знать, что ничего о ней не знаю. Я рѣшилась солгать. Краснѣя и запинаясь, но со всею развязностью, на которую я только чувствовала себя способною, я сплела цѣлую исторію.

Я рассказала, что мать моя „très riche“, что она долго лежала за границей, что дрянная ключница, которой было поручено снабжать меня всѣмъ необходимымъ, была „une ingrâte voleuse“, и, наконецъ, что я единственная и нѣжно любимая дочь у моей *excellente mère*.

Я сама была не прочь повѣрить выдуманному мною подробностямъ. Да и почему мнѣ было не вѣрить имъ,—въ нихъ было столько отрадно-вѣроятнаго.

Ночью, когда мы разбредлись по кроватямъ, я долго ворочалась съ боку на бокъ подъ своимъ тощимъ казеннымъ одѣяломъ. Неожидающее появленіе матери, о которой я до сихъ поръ имѣла только очень смутное воспоминаніе, пробудило во мнѣ разомъ всѣ золотыя, казавшіяся уже мнѣ сказочными, мечты о будущей счастливой и пріятной жизни на волѣ.

До этихъ поръ я всегда съ ужасомъ отворачивалась отъ перспективы, ожидавшей меня по выходѣ изъ института. Судьба бѣдныхъ пепиньерокъ, гувернантокъ и классныхъ дамъ, обреченныхъ на вѣчную угодливость и покорность, была мнѣ противна; а между тѣмъ, не получая никакихъ извѣстій о моей матери, не зная, чѣмъ объяснить ея таинственное исчезновеніе и молчаніе, я по-неволѣ считала себя уже заранѣе обреченною на подобную участь.

Роясь въ своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, я не могла отдѣлаться отъ впечатлѣній того изящнаго комфорта, который когда-то окружалъ меня.

Потомъ все исчезло, какъ-то разомъ растаяло, какъ будто магованіемъ волшебнаго жезла.

Я только смутно помнила еще не старое, красивое лицо отца въ военномъ генеральскомъ мундирѣ съ густыми блестящими эполетами, иногда съ яркою лентою черезъ плечо.

Я могла быть тогда шестилѣтнею дѣвочкою, не больше. Мы жили въ Петербургѣ, въ казенной огромной квартирѣ и на видной улицѣ. Домъ нашъ былъ полонъ прислуги; какіе-то курьеры, какъ беззвучныя тѣни, безпрестанно шмыгали въ кабинетъ отца, который иногда на кого-то сердился и громко кричалъ.

Я любила отца и всегда была рада, когда меня, разряженную и завитую, приводили изъ дѣтской къ нему. Онъ бралъ меня на колѣни, дѣлая при этомъ такъ, что я воображала себя верхомъ на лошади, когда онъ въ тактъ движенія ногою, на которой я

сидѣла, приговаривала то медленно, съ разстановкою: „вотъ такъ панъ! вотъ такъ панъ!“—то скоро, скоро, такъ что у меня захватывало дыханіе и я начинала хохотать: „а такъ жидъ, а такъ жидъ!“—позволяла мнѣ перебирать блестящія игрушки, развѣшенные у него на груди, и ласкала меня своею тонкою, длинною рукою, которая восхитительно пахла.

Но это случалось рѣдко и длилось недолго. Обыкновенно курьеръ, франтоватый и ловкій, котораго я принимала за очень важнаго чиновника, прерывала наши забавы сообщеніемъ, что экипажъ его превосходительства поданъ, и что время „пожаловать“.

Эти частые парадные сборы отца и слово „дворецъ“, о которомъ съ благоговѣніемъ упоминала няня, говоря о частныхъ выѣздахъ отца, дѣлали то, что въ моемъ воображеніи образъ его рисовался во всемъ блескѣ могущества и силы.

Мать моя, молодая, красивая дама, всегда шелестящая шолкомъ и разливающая вокругъ себя какой-то тонкій одуряющій ароматъ, на минуту вбѣгала въ мою дѣтскую, бросала мнѣ на диванъ новую куклу, громко бранила горничную, хлопала дверью и снова скрывалась на цѣлый день.

По праздникамъ въ мою дѣтскую няня приводила какого-то мальчика съ бѣлыми коротко-выстриженными волосами, одѣтаго въ кадетскую куртку. Его сажали ко мнѣ на широкій, мягкій диванъ, почти сплошь заваленный игрушками, и предлагали ему „поиграть съ сестрой“, т.-е. со мной.

Пока старшіе оставались въ комнатѣ, братъ застѣнчиво молчалъ и только исподлобья поглядывалъ то на меня, то на мои игрушки. Но какъ только няня выходила изъ дѣтской и мы оставались съ нимъ вдвоемъ, онъ тотчасъ начиналъ сиплымъ голосомъ выпрашивать то ту, то другую понравившуюся ему игрушку, а если я жадничала, увѣряя, что „мнѣ самой очень нужно“, онъ или больно щипалъ меня, или нарочно откручивалъ голову моей любимой куклѣ.

Я плакала только въ рѣдкихъ случаяхъ,—чаще съ широко-раскрытыми отъ изумленія глазами пытливо глядѣла на него.

Нерѣдко въ намъ въ дѣтскую по вечерамъ, а иногда и въ теченіе цѣлой ночи доносились звуки музыки и таинственный отголосокъ шумнаго праздника. Слышенъ былъ глухой топотъ танцующихъ паръ, какой-то нескладный гулъ, который долеталъ явственно, какъ только гдѣ-нибудь оставляли открытою дверь; а сквозь двойныя стекла огромныхъ оконъ слышалось ржаніе и

фырканье лошадей, перекликаніе кучеровъ и рѣзкій скрипъ колесъ подъѣзжавшихъ по мерзлomu снѣгу каретъ.

Было что-то фантастично-очаровательное для моего дѣтскаго воображенія въ этой праздничной атмосферѣ, которую я ощущала вокругъ себя. Мнѣ въ дѣтскую приносили обыкновенно сластей, и онѣ были такъ разнообразны, подавались на такихъ легкихъ, красивыхъ тарелочкахъ съ чудными рисунками, какихъ я не видала въ обыкновенные дни.

Меня укладывали спать въ обычное время, но я, предчувствуя, что няня непременно захочетъ выйти изъ комнаты, какъ только я засну, чтобы смотрѣть изъ маминаго будуара, какъ танцуютъ, и я останусь совершенно одна въ полусвѣщенной большой дѣтской, — никакъ не могла заснуть. Мнѣ было жутко и какъ-то странно-весело. Все вокругъ какъ будто кружилось въ тактъ доносившимся издалека звукамъ, а гдѣ-то неугомонно и страшно близко стучалъ таинственный молоточекъ: „тукъ-тукъ, тукъ-тукъ“. Мнѣ становилось страшно, я натягивала одеяло на голову, но тогда дѣлалось душно, горячее дыханіе жгло меня. А между тѣмъ няня приходила въ нетерпѣніе и начинала ворчать: „Да ну же, неугомонная, спи!“

Потомъ, помню, разъ вечеромъ случилось что-то неожиданное и совсѣмъ невѣроятное. На всѣхъ лицахъ былъ написанъ ужасъ, обо мнѣ всѣ забыли, раздавались только вопли тамап, прислуга металась, всѣ столпились въ кабинетѣ отца, раздавалось чье-то приказаніе: „доктора, доктора!“ На разспросы не менѣе другихъ растерявшейся няни кто-то изъ прислуги при мнѣ неосторожно объявилъ ей: „генераль своей жизни рѣшился!.. изъ пистолета... кончается...“

Я тогда не поняла всего ужаснаго значенія этихъ словъ. Меня увели въ дѣтскую, и я не смѣла больше разспрашивать...

На другой день въ большомъ залѣ, куда мнѣ всегда было немножко жутко входить, я увидѣла желтое съ синеватыми отеками лицо отца, который лежалъ, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, на столѣ. Вокругъ него горѣли свѣчи; зеркала были затянuty простынями и тоже казались покойниками. Въ залѣ раздавалось какое-то глухое, спѣшное и невнятное бормотанье. Мнѣ стало страшно, я заплакала, и меня увели.

Потомъ все какъ-то быстро измѣнилось. Квартира начала пустѣть; посреди комнатъ стояли какіе-то ящики съ соломой, картонки, чемоданы. Мамап почти все время проводила у меня въ дѣтской; она никуда не выѣзжала, часто плакала и говорила: „позоръ, позоръ!“ Ее почти перестали навѣщать. Помню, тамап

все жаловалась нянѣ, что и на похороны почти никто изъ прежнихъ знакомыхъ не пріѣхалъ. Няня въ отвѣтъ только вздыхала и какъ-то недружелюбно-укоризненно косилась на татапа.

Такъ прошло немного дней. Наконецъ разъ утромъ меня одѣли, закутали въ шубку, посадили въ карету и отвезли въ пансіонъ. Тамъ были все такія же маленькія дѣвочки, какъ и я сама. Мы учили грамматику, катехизисъ и вычитаніе. Дѣвочки ужасно трусили мадамъ Фоссъ. У нея были совсѣмъ волчьи, длинные, длинные зубы, и носила она синія круглыя очки. Маленькаго, рыжеватаго възерошеннаго учителя ариметики мы называли почему-то „турукулкой“.

Здѣсь я подросла. Первое время навѣщала меня изрѣдка моя прежняя няня Марѳа Мартемьяновна. Хотя я раньше не очень любила ее, не считая вовсе доброй, но здѣсь всегда была рада ей. Она приносила мнѣ иногда гостинцы. О татапѣ она только объясняла мнѣ, что ея нѣтъ, что она уѣхала въ другой городъ, и когда вернется—„ничего неизвѣстно“. Потомъ и няня перестала навѣщать меня; кто-то изъ прислуги въ пансіонѣ сказалъ мнѣ: „а твоя старушка умерла!“ Я не повѣрила, но мнѣ сдѣлалось почему-то скучно, и я заплакала. Когда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, мадамъ Фоссъ сама отвезла меня „въ самый лучший институтъ“ и здѣсь оставила. Съ тѣхъ поръ я не видѣла ея больше и не получала уже никакихъ извѣстій „изъ дому“.

И вотъ снова, спустя цѣлыхъ восемь лѣтъ, какъ съ неба свалилась ко мнѣ „татапъ“.

Когда она сказала мнѣ, что возьметъ меня домой, я такъ и представила себѣ опять свою дѣтскую съ большимъ диваномъ у стѣны, пестрые фигурные обои и всѣ свои игрушки до послѣдней мелочи. Мнѣ кажется, я бы знала, гдѣ искать свою любимую куклу „Соню“ съ отбитымъ носомъ...

Въ эту ночь я долго не могла заснуть.

Слова татапа: „какая ты у меня красotka!“ и потомъ: „я позабочусь о твоей судьбѣ“—по временамъ раздавались у меня въ ушахъ. Я рѣшила, что все устроивается отлично, и что теперь мнѣ не въ чемъ и некому завидовать...

II.

Я была самолюбива.

Большинство моихъ сверстницъ хорошо, дружественно относились ко мнѣ, съ нѣкоторыми даже я жила душа въ душу, но

какой-то тайный червякъ не переставалъ грызть меня во все время моего пребыванія въ институтѣ.

Это было самое аристократическое женское учебное заведеніе столицы. На одной скамьѣ со мною сидѣли дѣти титулованныхъ и богатыхъ родителей.

Я жадно слушала ихъ рассказы, когда, послѣ рождественскихъ каникулъ, въ скучныя стѣны темныхъ дортуаровъ вмѣстѣ съ ними вривался иной, заманчивый міръ легкой и упоительной жизни.

Рука въ руку, обнявшись за талію, бродила я по широкимъ корридорамъ то съ тою, то съ другою вернувшейся изъ отпуска подругою, жадно глотала ея слова, и два, три раза просила повторить одно и то же. И подруги не заставляли себя упрашивать.

Благодаря этимъ рассказамъ, на сколькихъ балахъ и пышныхъ празднествахъ присутствовала я мечтою, какъ граціозно и ловко подходилъ ко мнѣ гибкій, какъ тростникъ, гвардеецъ, охватывалъ мою талію и пускался со мною подъ звуки очаровательнаго вальса. То это былъ высокій, статный и немножко грубоватый брюнетъ, то изящный блондинъ съ легкой краской на матовыхъ щекахъ и съ голубыми глазами.

Мною овладѣвали эти мечты; онѣ гнѣздились въ моей головѣ; я слышала вокругъ себя страстный шопотъ мольбы и признаній, я чувствовала одуряющій запахъ надушенныхъ усовъ, я отбивалась отъ манящаго кошмара. Но мечта за мечтой, какъ въ калейдоскопѣ фигуры, мѣняли только цвѣтъ и сочетаніе, между тѣмъ какъ пестрый волшебный кругъ все вертѣлся у меня передъ глазами.

Блескъ, богатство, плавный шопотъ бархата, задорный шелестъ шолка, искрящіеся брилліанты, парные быстрые рысакъ подъ цвѣтною сѣткой въ саняхъ, высокій будуаръ съ мягкимъ ковромъ во всю комнату, въ которомъ неслышно тонетъ нога, раззолоченныя картины по стѣнамъ, красиво драпированный бѣлымъ и розовымъ шолкомъ альковъ, кружевная постель, неуловимый, раздражающій ароматъ и томный полусвѣтъ—вотъ что мерещилось мнѣ, когда, лежа на жесткой постели, дрожа отъ холода и страха, я закутывалась съ головой въ байковое одѣяло и не рѣшалась взглянуть на вытянутые ряды желѣзныхъ кроватей, тускло освѣщенныхъ мерцающимъ ночникомъ.

Въ классъ мы приходили блѣдныя и зѣвající. Сѣрое дождливое утро мутно глядѣло въ большія сводчатые окна. Учителя, по большей части невзрачныя и скучныя на видъ, лѣнивымъ голосомъ читали свои лекціи и убѣгали по первому звонку.

Подъ столомъ мы держали маленькія книжки французскихъ романовъ и жадно поглощали ихъ во время скучныхъ классовъ.

Ужасъ и отчаяніе овладѣвали мною каждый разъ, когда холоднымъ разсудкомъ я начинала размышлять о моей будущей судьбѣ. Всѣ мечты были осуществимы для другихъ, а для меня!?. Я не смѣла объ этомъ и думать.

Всѣми забытую, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, меня ждала страшная участь: всю жизнь просидѣть на этомъ классномъ стулѣ дежурной пепиньерки, заживо похоронить свою молодость въ этихъ четырехъ стѣнахъ, поблекнуть и увянуть старой дѣвой, вызывающей только смѣхъ беззаботныхъ дѣвушекъ, смѣло входящихъ въ жизнь...

Отъ одной этой мысли меня бросало въ холодъ. Когда наступали такія минуты раздумья, я становилась зла. Я видѣла въ каждой беззаботно проходящей подругѣ своего злѣйшаго личного врага, я готова была на всякую низость, чтобы только насолить, теперь же отомстить имъ за всѣ будущія униженія.

Начальство института, начиная съ директриссы, очень важной и чопорной старухи, и кончая послѣднею классною дамой, не очень интересовалось мной. Онѣ понимали, что имъ не для чего заискивать во мнѣ: я не была ни знатна, ни богата. Я сама могла бы искать ихъ расположенія лестью и униженіемъ, но я была слишкомъ горда для этого.

Въ минуты, когда я сознавала свое плачевное положеніе среди другихъ подругъ, я дичилась всѣхъ, забивалась въ дальній уголъ и, съ книгою въ рукахъ, холодно и сосредоточенно жила исключительно жизнью вымысла и жгучей фантазіи.

Стройной вереницей проходили тогда передъ моими глазами пышныя дамы съ какою-то загадочною, двусмысленною улыбкою на устахъ; за ними слѣдовали изящные кавалеры давнихъ и близкихъ временъ, въ стальныхъ кольчугахъ, блестящихъ латахъ, бархатныхъ колетахъ, въ расшитыхъ мундирахъ и модныхъ черныхъ фракахъ.

Теперь только, припоминая эти безумныя грезы пятнадцатилѣтней дѣвушки, я постигаю, насколько я была честолюбива...

Эти мечты такъ сжигались со мной, что я входила въ рекреационную залу съ самодовольной улыбкой на губахъ. Неприятныя голыя стѣны и дубовыя скамьи исчезали Богъ вѣсть куда, тусклые версировыя лампы превращались въ искрящіеся снопы свѣта и блеска, и я сама, въ своемъ короткомъ форменномъ платьѣ, преображалась въ знатную даму, волочашую за собой массивный

шлейфъ, за которымъ восторженно и вмѣстѣ робко почтительно слѣдуетъ блестящая плеяда нѣмыхъ поклонниковъ.

— Mademoiselle Barbe!.. quelle mine avez-vous? Que-ce qui vous fait tant plaisir?—спрашивала меня классная дама, раздосадованная моимъ непочтительно легкомысленнымъ видомъ.

— Rien du tout!..—и я торопилась уйти въ другой уголъ. Мои одноклассницы, дочери небогатыхъ родителей, которыхъ ждала участь, подобная моей, напрасно искали сближенія со мной. Я съ ужасомъ отворачивалась отъ скромныхъ ихъ надеждъ на „trois cents roubles d'appointements“.

Такъ проходили дни.

Мнѣ оставалось только полгода пробыть въ институтѣ, а вѣсти о моихъ родныхъ я ни откуда не получала.

Образы, запечатлѣвшіеся въ дѣтствѣ: восковое, мертвое лицо отца, всегда разраженная татап, старуха няня и бѣлоголовый кадетъ, съ упорствомъ разглядывающій полуобнаженные фигуры женщинъ, изображенныхъ на гравюрѣ „Rêve de bonheur“, висѣвшей на нашей дѣтской, смутно мерещились мнѣ иногда; порой же мнѣ казалось, что все это я видѣла только во снѣ.

Послѣ всего этого легко представить себѣ, какъ обрадовалась я неожиданному появленію татап, не вымышленной, не воображаемой, а дѣйствительно существующей, помнящей обо мнѣ...

Насколько можно было судить по ея костюму, она по прежнему не отказывала себѣ ни въ чемъ. Однако наше свиданіе было такъ кратко, и главное, такъ неожиданно, что я не успѣла ни о чемъ расспросить ее.

Въ слѣдующее воскресенье я поджидала ее съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ...

Къ моему горю, она не пріѣхала.

Прошла еще недѣля; я уже начинала сомнѣваться въ ея материнскомъ расположеніи ко мнѣ, какъ вдругъ она показалась въ дверяхъ пріемной залы и на этотъ разъ уже не одна.

За нею слѣдовалъ какой-то господинъ съ небольшой каштановой бородкой и гладко зачесанными за уши волосами. Онъ былъ одѣтъ очень прилично, но держалъ себя какъ-то угловато и особенно вначалѣ все порывался смѣяться, и какъ мнѣ казалось, безъ всякаго повода.

— Милая Варя, ты меня извини, — обратилась ко мнѣ татап, нѣжно цѣлуя меня: — я прошлое воскресенье не могла быть. Только-что наняла новую квартиру, — пришлось устроиваться. Вотъ я хочу тебя познакомить. Это нашъ родственникъ, Василій Ѳеодоровичъ Алѣевъ; онъ тоже захотѣлъ побывать у тебя.

Я сдѣлала кинесенъ незнакомому родственнику, а онъ въ отвѣтъ на это ухмыльнулся, какъ-то лубаво подмигнулъ мнѣ и пробормоталъ: „вась тутъ, небось, муштрують!“

Матап бросила на него какой-то загадочно-строгій взглядъ и попыталась овладѣть нитью разговора.

На этотъ разъ визитъ ея продолжался довольно долго.

Родственникъ между тѣмъ усѣлся въ сторонѣ, пощипывая бородку и безцеремонно оглядывая всѣхъ въ пріемной.

Между прочимъ, матап сказала мнѣ, что во время рождественскихъ вакацій она возьметъ меня домой, чтобы я успѣла огладѣться и поближе съ нею сойтись.

Я искренно поблагодарила ее.

На этотъ разъ я болтала безъ умолку. На всѣ мои разспросы, почему я такъ долго не видѣла ея, матап отвѣчала уклончиво, сказавъ только, что послѣ смерти отца дѣла были очень запутаны, она не могла оставаться въ Петербургѣ и все была въ разъѣздахъ... Къ моему ужасу и удивленію, во время разговора съ нею я замѣтила, что она довольно дурно говоритъ по-французски и даже избѣгаетъ объясняться на этомъ языкѣ. Это меня печалило. У нашихъ воспитанницъ французскія фразы такъ и сыпались въ перемежку съ русской рѣчью... Я считала это необходимымъ принадлежностью великосвѣтскаго тона.

Нашъ родственникъ мнѣ показался тоже не особенно „distingué“, и классная дама не разъ дѣлала гримасу на своемъ наблюдательномъ посту, когда онъ неожиданно шумно ерзалъ стуломъ, закидывая ногу на ногу, или, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, громко зѣвалъ, странно выгибая при этомъ спину худо-скрытымъ потягиваньемъ.

Однако это не помѣшало ему быть очень внимательнымъ ко мнѣ. Онъ подарилъ мнѣ огромную атласную бонбоньерку, на бѣлой крышкѣ которой была оттиснута прелестная вѣтка сирени.

Послѣ этого визита я съ радостью сообразила, что до Рождества оставалось только три недѣли, и съ затаеннымъ жгучимъ волненіемъ стала ждать желаннаго дня.

Въ одно изъ посѣщеній матап, которая перестала брать съ собою родственника, я полюбопытствовала узнать о томъ бѣлоголовомъ кадетѣ, который свертывалъ головы моимъ кувламъ.

— Ахъ, лучше не будемъ говорить о немъ!—тяжело вздохнула матап.

Я насторожила уши.

— Онъ погибъ!..

Я съ ужасомъ переспросила: — Умеръ?

— Нѣтъ, но лучше бы онъ умеръ. Его исключили изъ военнаго училища, гдѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ... Это было года три назадъ... Потомъ онъ попалъ въ компанію очень дурныхъ, злыхъ людей... Въ Петербургѣ его нѣтъ. Забудь о его существованіи.

Я на минуту опечалилась.

— А какъ тебѣ понравился Василій Ѳедоровичъ... родственникъ?

— Ничего, татап,—отвѣтила я въ замѣшательствѣ.

— Онъ немножко грубъ... невоспитанъ, но онъ очень добрый человекъ, онъ очень добръ...

Тутъ татап расцѣловала меня въ обѣ щеки и замѣтила, что я съ каждымъ днемъ хорошею.

Это былъ послѣдній приемный день до Рождества. Еще недѣля—и я вырвусь на свободу на цѣлыхъ три дня.

III.

Настало желанное морозное утро двадцать-пятого декабря. Матап не заставила себя ждать; она привезла съ собою въ огромной корзинѣ, которую швейцаръ нашъ торжественно внесъ ко мнѣ наверхъ, все необходимое для моего выѣзда, и черезъ полчаса я увидѣла себя въ зеркалѣ совершенно преобразенною.

Легкое кашемировое платье моднаго цвѣта „électrique“ живописно облегало меня со всѣхъ сторонъ; золотой миниатюрный медальонъ, повязанный на черной бархатѣ вокругъ шеи, порывисто поднимался и обличалъ волненіе, которое овладѣло мною, когда я впервые сдѣлала нѣсколько шаговъ въ новыхъ ботинкахъ на высокихъ и острыхъ каблучкахъ.

Все постылое, институтское, напоминающее унылое прозябаніе отъ звонка до звонка, я успѣла, казалось, сбросить разомъ вмѣстѣ съ казеннымъ форменнымъ платьемъ и противными, стоптанными башмаками.

Въ большой институтской прихожей татап надѣла на меня верхнее платье, нарочно для меня сшитое. Я была въ восторгѣ отъ коротенькой, ватной, бархатной кофточки, сшитой по талѣ, на шолковой вѣтчатой подкладкѣ и съ узенькимъ мѣховымъ воротникомъ. Котиковая щегольская шапочка и такая же муфточка дополняли мой нарядъ.

Усѣвшись съ татап въ глубину кареты, которая съ шумомъ покатила по тряской мостовой, я почувствовала себя такою

счастливою и довольною, что нѣсколько разъ залпомъ принималась цѣловать маманъ въ обѣ щеки. Такая искренность, повидимому, ей очень понравилась; она замѣтила, что всегда ждала видѣть свою дочь любящей и благодарной.

Все, что ни попадалось мнѣ по дорогѣ, смотрѣло весело и привѣтно. Лица прохожихъ и проѣзжихъ, залитыя яркимъ зимнимъ солнцемъ, казались счастливыми и праздничными. Я поминутно высовывала голову то въ одно, то въ другое окно, какъ будто боялась прозвѣвать что-нибудь очень замѣчательное и любопытное.

Мнѣ было ужасно хорошо, весело и какъ-то непонятно легко и свободно.

Между тѣмъ маманъ казалась чѣмъ-то озабоченною.

— Варя! — позвала она меня, когда я, засмотрѣвшись на выставку зеркальных оконъ магазиновъ, совсѣмъ готова была выпрыгнуть изъ кареты.

— Что, маманъ? — спросила я весело.

— Варя, я должна тебя предупредить...

Тутъ мнѣ показалось, что маманъ очень смутилась и не знала, какъ ей продолжать.

— О чемъ предупредить?

— Ты не знаешь... я забыла тебѣ сказать... Этотъ родственникъ, Василій Ѳеодоровичъ, котораго ты видѣла, живетъ у меня въ квартирѣ. Тебя это не должно удивлять...

— Нѣтъ!

„Зачѣмъ она говоритъ мнѣ это?“ — тутъ же мелькнуло у меня въ головѣ. Карета между тѣмъ свернула налѣво, и мы поѣхали по набережной канала. Послѣ четверти часа ѣзды мы остановились у подъѣзда большого краснаго пятиэтажнаго дома.

Я первая выскочила на панель; за мною вышла изъ кареты и маманъ, при помощи подоспѣвшаго на встрѣчу швейцара. Онъ распахнулъ передъ нами дверь и, снявъ почтительно шапку, поздравилъ „ея превосходительство“, т.-е. маманъ, съ благополучнымъ пріѣздомъ „барышни“.

Барышня, которую такъ радушно встрѣчали, была я, и мнѣ особенно понравилось привѣтствіе этого простолюдина; я сочла это за доброе предзнаменованіе.

Мы стали подниматься по лѣстницѣ, устланной узкимъ краснымъ ковромъ. Взобѣжавъ во второй этажъ, я остановилась у парадныхъ дверей бель-этажа и хотѣла позвонить.

— Нѣтъ, не здѣсь; мы живемъ выше, — остановила меня маманъ. Я побѣжала дальше.

— Здѣсь? — спросила я, запыхавшись и останавливаясь на площадкѣ третьяго этажа.

Матап утвердительно кивнула головой.

На дверяхъ была прибита большая, ярко-вычищенная мѣдная доска, на которой было изображено: „Василій Ѳеодоровичъ Алѣевъ“, а пониже: „повѣренный по дѣламъ“.

— Кто этотъ адвокатъ? родственникъ? — спросила я, недоумѣвая.

— Да, — односложно отвѣтила матап и сильно дернула звонокъ.

Маленькая стриженная дѣвчонка выбѣжала отворить намъ дверь. Мы очутились въ полутемномъ корридорѣ.

— Не сюда!.. Это комната жильцовъ, — снова остановила меня матап, когда я готова была влетѣть въ первыя полуотворенныя двери.

— Какихъ жильцовъ? — удивилась я.

Матап ничего мнѣ не отвѣтила и, взявъ меня за талью, ввела меня въ противоположную дверь. Мы вошли въ небольшую комнату, убранную какъ гостиная. Драпри на окнахъ, мебель, коверъ, даже скатерти на столахъ — были ярко-малиноваго цвѣта. Съ потолка спускался также малиновый фонарь.

— А-а... добро пожаловать! — протянулъ Василій Ѳеодоровичъ, поднимаясь съ дивана, на которомъ онъ полулежалъ, читая газету.

Поздоровавшись съ нимъ, матап провела меня въ другую, очень узенькую голубую комнату и сказала, что это — мой будуаръ.

Я сбросила съ себя верхнее платье и тотчасъ подѣла къ туалетному столику съ небольшимъ зеркаломъ, изящно задрапированнымъ хитро-расшитымъ полотенцемъ и со всѣми необходимыми принадлежностями женскаго туалета. Тутъ были: пудра, духи и масса разныхъ бездѣлушекъ, которыя мнѣ показались очаровательными. Особенно понравилась мнѣ изящно инкрустированная коробочка для украшеній и разныхъ мелочей.

— Что... угодилъ? Это я побаловать васъ захотѣлъ на первый разъ! — сказалъ, появившись въ дверяхъ и самодовольно улыбаясь, Василій Ѳеодоровичъ. Заслышавъ его, матап кинулась на встрѣчу и, захлопывая передъ самымъ его носомъ дверь, рѣзко замѣтила, что въ комнату молодой дѣвушки, не спросивъ позволенія, не входить.

Онъ весело захохоталъ, постоялъ еще нѣсколько секундъ у двери и затѣмъ удалился, насвистывая какую-то арію.

Послѣ легкаго завтрака, который намъ подали въ небольшой

столовой, отдѣланной очень пестро въ русскомъ вкусѣ, съ огромнымъ количествомъ вышитыхъ пѣтуховъ и несущихся во всю прыть троекъ, татап повела меня осмотрѣть все наше помѣщеніе, которое оказалось не очень обширнымъ.

Кромѣ маленькой гостиной, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ приемной для кліентовъ, являвшихся въ Василию Ѳедоровичу, кабинетъ его также былъ недурно обставленъ. За двумя обширными шкапами была скрыта его постель, а посреди комнаты стоялъ массивный письменный столъ съ разными фигурными украшеніями. Онъ былъ заваленъ очень аккуратно разложенными дѣлами и объемистыми книгами законовъ. Надъ широкимъ турецкимъ диваномъ на стѣнѣ висѣлъ поясной портретъ татап въ золоченой рамѣ. На портретѣ она была гораздо моложе своихъ лѣтъ, въ бархатномъ открытомъ платьѣ и съ розою въ волосахъ. Василій Ѳедоровичъ, который применилъ къ намъ во время обхода квартиры, находилъ, что „она — двѣ капли воды, нисколько не измѣнилась“.

Комната, гдѣ спала татап, рядомъ съ моей голубенькой каюткой, была вся заставлена какими-то ящиками, чемоданами и разною сборною рухлядью. Татап мнѣ объяснила, что комната эта еще не отдѣлана со времени ихъ переѣзда на эту квартиру.

На первыхъ порахъ меня очень удивляли звонки, раздававшіеся въ корридорѣ. Безпрестанно слышались шаги, иногда рѣзкое хлопанье дверьми.

Оказалось, что въ той же квартирѣ по другую сторону корридора татап сдавала внаймы цѣлый рядъ меблированныхъ комнатъ. По словамъ Василя Ѳедоровича, это окупало имъ всю квартиру. „Жильцы“, по его словамъ, были все люди солидные и въ платежѣ аккуратные. Въ шутку онъ и себя называлъ „жильцомъ“ татап. Утро прошло для меня незамѣтно.

Василій Ѳедоровичъ, сидя за чашкой чаю, иногда громко прочитывалъ изъ газеты, которую держалъ въ рукахъ, то, что казалось ему интереснымъ и для насъ. Между прочимъ, изъ фельетона онъ сталъ читать о какой-то вновь пріѣхавшей французенкѣ, которая иначе не принимала мужчинъ, какъ во фракахъ, а военныхъ — въ парадныхъ мундирахъ. При ней состоялъ молодой англичанинъ въ качествѣ домашняго секретаря, онъ велъ реестръ...

Татап не дала дочитать Василию Ѳедоровичу. Она вырвала у него изъ рукъ газету.

— Кто эта французенка? Отчего про нее въ газетахъ печатаютъ? — спросила я, очень заинтересовавшись.

— Это низкая тварь! Я не понимаю, какъ позволяютъ печатать!..—заявила рѣзко матан и покосилась на Василю Ѳеодоровича, который, ухмыляясь, взялъ газету снова и про себя дочиталъ интересный рассказъ.

Незадолго до обѣда пришелъ младшій братъ Василю Ѳеодоровича, который жилъ отдѣльно. Онъ низко поклонился всѣмъ, поздравилъ съ праздникомъ, а у матан поцѣловалъ руку.

— Ну, братъ Иванъ, вотъ тебѣ барышня подъ пару,—обратился къ нему старшій братъ, между тѣмъ какъ тотъ усялся въ дальнемъ углу, поджимая подъ кресло ноги.

Я съ любопытствомъ оглядѣла того, кого мнѣ предназначали въ кавалеры.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, съ рѣдкими, жирно-напомаженными волосами. Онъ былъ болѣзненно худощавъ; лицо его было выбрито и какъ-то непріятно лоснилось. Руки у него были красныя, съ противными обкусанными ногтями... Наружность его мнѣ не понравилась.

— Былъ у Гущина?.. — спросилъ его старшій братъ.

— Былъ.

— А у Лущева, Сидора Петровича?

— И у Лущева былъ.

— Съ праздникомъ поздравлялъ?

— Поздравлялъ.

— У барона хорошо приняли?

— Хорошо... Про васъ спрашивали...

— Что же спрашивали?

— Велѣли кланяться.

Оба брата замолчали. Матан, выйдившая распорядиться объ обѣдѣ, между тѣмъ возвратилась въ комнату.

— Я приглашу къ обѣду Барсова,—обратилась она къ Василю Ѳеодоровичу.

— Пригласите... Славный молодой человѣкъ!..

— Кто это Барсовъ? — поинтересовалась я.

— А это... Онъ здѣсь нанимаетъ у насъ комнату. Студентъ на выпускъ... Родители его въ провинціи. Кажется, люди со средствами. И какой красавецъ! Смотри, не влюбись, Варя!..

Василій Ѳеодоровичъ захохоталъ и сталъ повторять: „влюбится, влюбится, въ него всѣ влюбляются!“

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, онъ такой милый... Я очень люблю, когда онъ заходитъ поболтать иногда... Онъ такъ прелестно говорить. Съ тобою онъ знакомъ по моимъ рассказамъ; еще вчера онъ умолялъ меня: „Марья Ивановна, пожалуйста, ради всего

святого, не забудьте представить меня вашей дочери!“... Я его сейчас приведу.

Василій Ѳеодоровичъ глубокомысленно замѣтилъ, что Владиміръ Алексѣевичъ Барсовъ дѣйствительно прекрасный молодой человѣкъ и что, по его мнѣнію, онъ „очень далеко пойдетъ, потому что теперь университетское развитіе очень много значить въ юридическомъ быту“.

Матап между тѣмъ вышла.

Я поспѣшила юркнуть въ свою комнату, заглянула въ зеркало, оправила слегка волосы и даже раза два испробовала легкую, кокетливую улыбку. Я была оживлена. Мнѣ самой очень нравилась моя наружность. Пепельные волосы свободно, волнисто свучивались въ тяжелую косу, едва сдерживаемую легкимъ черепашковымъ гребнемъ; красиво-оттѣненные темными рѣсницами глаза, сѣрые и глубокіе, горѣли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ.

Въ гостиной между тѣмъ раздался чей-то молодой, пріятный мужской голосъ. Я вздрогнула и сообразила, что пора выйти.

До меня долетѣли слова матап: „вы не судите строго мою юную дебютантку“.

Я приостановилась за портьерой; мнѣ захотѣлось узнать, что отвѣтитъ молодой гость.

— Какъ бы я ни былъ строгъ,—раздался его звучный грудной голосъ,—вамъ, я увѣренъ, не придется краснѣть за нее...

Я распахнула портьеру и кокетливо, какъ бы въ недоумѣніи, остановилась на порогѣ.

Онъ вскинулъ на меня своими темными глазами какъ-то восторженно и низко, низко поклонился. Я отвѣтила ему граціознымъ реверансомъ. Матап расцѣловала меня и отрекомендовала насъ другъ другу.

Какъ я ни была предупреждена увидѣть въ своемъ новомъ знакомомъ олицетвореніе всевозможныхъ совершенствъ, я все-таки не ожидала, чтобы самая наружность его такъ поразила меня и могла производить такое обаятельное впечатлѣніе.

Лѣтъ двадцати-двухъ, трехъ, не больше, онъ былъ высокъ и строенъ; темно-каштановые его волосы, слегка вьющіеся или завитые, красивою шапкою лежали надъ его мужественнымъ и выразительнымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ просто, на немъ не было никакихъ золотыхъ украшеній; но въ своемъ темномъ галстухѣ и бѣломъ, какъ снѣгъ, отложномъ воротничкѣ, онъ былъ такъ аристократично приличенъ, что я невольно съ презрѣніемъ взглянула на младшаго Алѣева, который съ своими красными

руками и какими-то радужными панталонами казался настоящим лакеемъ передъ нимъ. Да и самъ Василій Ѳеодоровичъ съ своею массивною цѣпочкой, которую онъ безпрестанно перебиралъ руками или наматывалъ себѣ на большой палецъ, много терялъ въ его присутствіи.

Матап видимо благоволила къ гостю. Она усадила его подлѣ себя, а меня держала за талію.

— Ну, какъ вы находите мою диварку?..—спросила она Барсова, между тѣмъ какъ я отвела глаза въ сторону, держа въ рукѣ вѣсть отъ спинки кресла.

Онъ наклонилъ голову и сказалъ:

— Чего не смѣешь сказать, о томъ молчишь.—При этомъ онъ улыбнулся, показавъ рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, и слегка провелъ рукою по своимъ мягкимъ, тонкимъ усамъ. Щеки мои при этомъ, сама не знаю отчего, зарумянились, и я освободилась отъ объятій матап. Василій Ѳеодоровичъ тѣмъ временемъ подсѣлъ къ Барсову и завелъ съ нимъ какой-то „дѣловой“, мало интересный для меня разговоръ. Матап вышла распорядиться объ домѣ, а я, повернувшись на каблучкахъ, осталась стоять одна посреди комнаты. Младшій Алѣевъ нерѣшительно высунулся изъ своего угла, подошелъ ко мнѣ и сталъ меня занимать.

— Вы все учитесь въ институтѣ?

— Да, учимся.

— И трудно бываетъ?

Я, слегка прищуривъ глаза, пренебрежительно поглядѣла на него.

— Что „трудно бываетъ“?—невольно передразнила я.

Онъ опустилъ глаза, какъ бы въ нерѣшительности подыскивая слово, и наконецъ промолвилъ:—Экзаменъ.

Я чуть не фыркнула ему по-школьнически прямо въ лицо, но удержалась и только въ знакъ недоумѣнія пожала плечами.

Въ это время Барсовъ, уклонившись отъ интимной бесѣды съ Васи́ліемъ Ѳеодоровичемъ, подошелъ ко мнѣ. Взявъ со стола большой кабинетный альбомъ съ портретами разныхъ знаменитостей, онъ предложилъ мнѣ указать всѣхъ артистовъ и артистокъ, изображенныхъ на фотографическихъ снимкахъ. Мы усѣлись уютно возлѣ маленькаго столика въ углу, гдѣ было мѣсто только для двухъ. Младшій Алѣевъ снова отправился на свое мѣсто и застылъ въ прежней позѣ. Перелистывая альбомъ, Барсовъ а пргорос передалъ мнѣ интересное и потрясающее содержаніе прелестной пьесы, видѣнной имъ на сценѣ Михайловскаго театра. Эта пьеса называлась „Dalila“ и, по его словамъ, принадлежала перу „клас-

сическаго“ или „академическаго“ (не помню, какъ онъ выразился) французскаго писателя. Красавица артистка, фотографію которой я видѣла передъ собой, играла въ ней главную роль. Эта красивая женщина въ одну ясную ночь, когда луна кидала на землю снопы своихъ серебряныхъ лучей, а она сама стояла на балконѣ въ задумчивой позѣ и глядѣлась въ лазурное небо, эта женщина, безъ другого оружія, кромѣ своей красоты, взглянувъ на пылкаго юношу, заставила его задрожать и стать своимъ рабомъ. И ничто не помогло: ни кроткій блескъ очей прежде избранной невѣсты, ни коварство красивой властительницы. Онъ жилъ рабомъ у ея ногъ и умеръ съ проклятьемъ на устахъ и съ неизмѣнною любовью въ сердцѣ.

Мамап была права, когда сказала, что Барсовъ прекрасно говорить. Въ немногихъ словахъ онъ живо передалъ мнѣ впечатлѣніе, произведенное на него этой очаровательной пьесой.

Василій Федоровичъ, слышавъ нашъ разговоръ о театрѣ, сообщилъ, что на завтра онъ уже озаботился достать въ „Александринку“ ложу.

Я ужасно обрадовалась, что попаду на спектакль. Я, разумеется, никогда не бывала въ театрѣ и съ представленіемъ о немъ соединяла все заманчивое и обворожительное.

Барсовъ весьма пренебрежительно однако замѣтилъ, что „въ злополучной „Александринкѣ“ лицедействуютъ, а не играютъ, и вызвался достать ложу въ балетъ или въ Михайловскій театръ.

Для меня все это были пустые звуки; мнѣ было одинаково заманчиво, куда ни ѣхать; но я инстинктивно вѣрила вкусамъ Барсова, и мнѣ сталъ улыбаться больше балетъ или французскій театръ.

Василій Федоровичъ замѣтилъ однако, что ложа уже взята, „не пропадать же ей“, и что въ другой разъ можно „и насчетъ балета пройтись“.

Послѣ обѣда, который прошелъ очень оживленно, благодаря разговорчивому гостю, который съ необыкновенной легкостью умѣлъ переходить отъ одного предмета къ другому, мы снова перешли въ гостиную.

Барсовъ остался съ нами еще съ полчаса, выкурилъ сигару, которую ему съ обязательною любезностью предложилъ Василій Федоровичъ, и наконецъ простился съ нами, говоря, что онъ вечеромъ танцуетъ гдѣ-то въ обществѣ.

Въ глубинѣ души я была въ полномъ восторгѣ отъ Барсова. Было по истинѣ что-то обаятельное въ его наружности, въ его манерѣ держать себя, въ каждомъ его словѣ. Своимъ присутствіемъ

онъ выкупалъ въ моихъ глазахъ всю нескладную вульгарность, которая шокировала меня не только въ братьяхъ Алѣевыхъ, но отчасти даже и въ самой маман.

Съ его уходомъ все оживленіе пропало, и мы разбрелись по своимъ угламъ.

Василій Ѳеодоровичъ, которому маман за обѣдомъ любезно подливала вино, громко зѣвая и немилосердно потягиваясь, направился въ свой кабинетъ, объявивъ, что онъ желаетъ „задать храповицкаго“. Маман усадила младшаго Алѣева поиграть съ собою въ пиветъ, а я взяла первую попавшуюся книгу изъ числа весьма немногихъ, замѣченныхъ мною тамъ и сямъ въ квартирѣ. Мнѣ попался какой-то переводный англійскій романъ, страшно длинный и скучный, не смотря на то, что авторъ съ первыхъ же страницъ не пожалѣлъ красокъ на описаніе своей героини. Она исключительно своимъ трудомъ содержала цѣлую семью младшихъ сестеръ и братишекъ и отказалась отъ счастья быть любимой, такъ какъ умирающая мать завѣщала ей не покидать осиротѣвшихъ малютокъ. Словомъ, описывалась глупость, которой въ дѣйствительности никогда не бываетъ.

Вечеромъ къ чаю, когда Василій Ѳеодоровичъ вышелъ изъ своего кабинета съ опухшею отъ сна фізіономіей, къ маман пришла какая-то пожилая дама-гостья. Она разсыпалась передо мною въ похвалахъ и восклицаніяхъ, говоря, что знала меня крошкой, и все просила меня позволить еще и еще разъ себя поцѣловать.

Я сдержанно отвѣчала на ея восторженные ласки, искоса взглядывая на ея обрюзглыя и уже старчески обвислыя щеки, на ея огромный ротъ, въ которомъ торчали черные, рѣдкіе зубы, на ея взбитые, крепированные волосы и на сѣрое шолковое, необыкновенно пестро и ярко отдѣланное платье.

Василій Ѳеодоровичъ и маман были необыкновенно любезны съ Евлаіей Петровной Топоцкой (такъ звали гостью); но мнѣ она не понравилась, и я очень скучала, слушая ея безконечные рассказы о прежнихъ ея успѣхахъ и о подробностяхъ болѣзни и смерти ея незабвеннаго Stanislas, который умеръ отъ какой-то странной и непонятой докторами болѣзни, пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ этихъ разсказахъ прошелъ весь вечеръ. На прощанье гостья опять расцѣловала меня безчисленное число разъ и, давъ мнѣ торжественное обѣщаніе навѣщать меня въ институтъ, удалась въ сопровожденіи младшаго Алѣева, который, низко откланявшись со всѣми, вызвался проводить мадамъ Топоцкую.

Василій Ѳеодоровичъ, протрившись со мною и поцѣловавъ руку татапа, тоже удалился къ себѣ въ кабинетъ, предварительно осушивъ бутылку краснаго вина, которая весь вечеръ оставалась передъ нимъ.

Матап проводила меня до моей комнаты, гдѣ я, оставшись одна, стала неторопливо раздѣваться, раздумывая про себя обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною въ теченіе дня.

Стройный, изящный Барсовъ, съ аристократическою выдержкою котораго не вышло даже какъ-то представленіе о студентѣ, особенно приковалъ къ себѣ мое вниманіе. Его глаза, казалось, прожигали меня насквозь, когда онъ пристально и какъ-то поразительно-откровенно устремлялъ ихъ на меня изъ-подъ своихъ темныхъ, длинныхъ рѣсницъ.

Но чѣмъ онъ былъ въ домѣ татапа?!.. Простымъ, случайно знакомымъ жильцомъ, который сегодня здѣсь, а завтра забудетъ о нашемъ существованіи.

Гораздо больше смущали меня тѣ лица, рука объ руку съ которыми повидимому проходила жизнь татапа. Василій Ѳеодоровичъ и его братъ оба показались мнѣ такими скучными, вульгарными. Къ концу перваго же дня, проведеннаго въ ихъ обществѣ, первый уже бѣсилъ меня своимъ безпрестаннымъ смѣхомъ или громкими зѣвками, а второй—своей двуличною молчаливостью и отталкивающею наружностью. Мадамъ Топоцкая?!.. о ней я не знала, что и подумать. Василій Ѳеодоровичъ и татап повидимому въ ней заискивали, а между тѣмъ, еслибы не ея золотыя украшенія и дорогой нарядъ, я бы готова была принять ее просто за приживалку, которая, не имѣя своего угла, безцѣльно слоняется изъ дома въ домъ.

Когда я уже совсѣмъ раздѣтая лежала въ постели, дверь моей комнаты тихо отворилась и вошла татап въ бѣлой кофтѣ, съ двумя папилотками на лбу, держа свѣчу въ рукахъ.

— Вара, ты не спишь еще?

— Нѣтъ, татап.

— Удобно тебѣ?

— Хорошо, татап.

Она поставила свѣчу на ночной столикъ, накрывъ ее абажуромъ, и присѣла ко мнѣ на постель.

— Ты не очень устала? тебѣ спать не хочется?

— Совсѣмъ не хочется.

— Ну, такъ мы съ тобой потолкуемъ.

Я поднялась на подушкѣ и, упершись въ нее локтемъ, положила голову на руку.

Матап съ любовью посмотрѣла на меня и потрепала по открытому плечу.

— Какая ты у меня молоденькая... свѣжая!

Я застыдилась и натянула простыню до самого горла.

— Ну, что ты не проскучала сегодня?

— Нѣтъ, татап.

— Ахъ, Варя, не такъ бы я хотѣла тебя встрѣтить, — заговорила татап грустнымъ тономъ, взявъ мою руку и лаская ее.

— Я должна посвятить тебя... ты должна знать, — продолжала татап, помолчавъ минуту и переходя въ таинственный шопотъ. — Я нищая!.. Твой отецъ ничего не оставилъ мнѣ, ничего... даже честнаго имени!..

Я широко открыла глаза.

— Онъ занималъ очень видное положеніе; все толеало насъ на роскошь, мы вынуждены были дѣлать непомерныя траты... Я была молода, легкомысленна, считала его Крезомъ... Кончилось все это ужасно, ужасно!.. Незамѣтно для себя, онъ растратилъ огромныя суммы... Это были какія-то благотворительныя деньги, какой-то вѣренннй ему особый сборъ... хорошенько не знаю, но случай былъ вопіющій... замаять его было нельзя. Онъ не вынесъ ожидавшаго его поворота, покончилъ съ собой...

Я съ трудомъ перевела дыханіе. Матап между тѣмъ продолжала:

— Изъ милости мнѣ оставили жалкую пенсію. Она вся уходила на ростовщиковъ. Тебя позволили опредѣлить на казенный счетъ... благодарю и за это Создателя! Я не могла оставаться въ Петербургѣ; я скиталась гдѣ могла и какъ могла, пока мнѣ не удалось хоть какъ-нибудь привести въ порядокъ свои дѣла. Василій Ѳедоровичъ... его послалъ мнѣ самъ Богъ! Только благодаря ему, я могла обставиться, какъ видишь... Ты должна привыкнуть къ мысли, что мы не богаты.

Я подавила тяжелый вздохъ.

— Ты не должна унывать, — продолжала между тѣмъ, нѣсколько оживившись, татап: — дѣвушка съ твоей наружностью и съ твоимъ воспитаніемъ имѣетъ полное право рассчитывать на лучшую участь. Ты можешь сдѣлать партію... Мнѣ, старухѣ, конечно, нечего объ этомъ и думать, — моя пѣсенка спѣта; но ты, я увѣрена, — твое счастье еще впереди.

При этихъ словахъ я невольно стала внимательно оглядывать татап. Она дѣйствительно была немолода. Морщинки вокругъ глазъ, рѣдкіе, подозрительной черноты, — волосы, заплетенные въ одну короткую косичку, — наконецъ, поблекшій, искусственно поддерживаемый цвѣтъ лица, — все это ярко выступало теперь при

слабомъ свѣтѣ одинокой свѣчи. Въ ночной кофтѣ, безъ всякихъ украшеній, съ своими двумя бѣлыми завитками на лбу, она была далеко не тою видимою женщиною, какою показалась мнѣ на первомъ свиданіи въ институтѣ.

— Ахъ, милая Варя,—снова начала матан:—бѣдность ужасная вещь... Злѣйшему врагу своему грѣшно ея желать... Я знаю это по опыту. Еще два года назадъ, вернувшись сюда, я не смѣла показаться къ тебѣ... мнѣ нечего было надѣть... я не каждый день обѣдала... Я хотѣла руки на себя наложить, и еслибы не Василій Ѳеодоровичъ...

Тутъ матан не выдержала и заплакала. Изъ ея потускнѣвшихъ карихъ глазъ потекли двѣ крупныя слезы, которыя она отерла краемъ ночной кофты, оставивъ какой-то неопредѣленный слѣдъ на щекахъ.

— Матан, чей онъ родственникъ, Василій Ѳеодоровичъ? Твой или папа?—спросила я неожиданно.

Матан на секунду видимо сильно смутилась. Потомъ она обвила руками мою шею и въ какомъ-то странномъ волненіи сказала:

— Варя, зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?.. Ты не ребенокъ. Дѣти не должны строго судить своихъ матерей...

Тутъ она совсѣмъ припала ко мнѣ, и я видѣла, какъ плечи ея вздрагиваютъ и трясутся.

Она плакала. Я смутилась больше ея самой.

Послѣ небольшого молчанія она нѣсколько успокоилась и снова заговорила:

— Ты должна понять меня, Варя... Онъ—человѣкъ мнѣ преданный, я всѣмъ ему обязана... Правда, онъ нѣсколько скупъ и не всегда деликатенъ, но зато, право, онъ добръ, очень добръ... Онъ успѣлъ и тебя полюбить, и для тебя онъ готовъ многое сдѣлать, какъ для родной дочери...

Я молчала.

Матан еще долго говорила со мною на ту же тему, но я слушала ее какъ въ воду опущенная. Мнѣ она вдругъ показалась жалкою, жалкою до слезъ женщиною... Когда она, поцѣловавъ меня въ послѣдній разъ, тихо притворила за собою дверь моей комнаты, я уткнула лицо въ подушку и неудержимо зарыдала.

Мнѣ показалось вдругъ, что весь свѣтъ опустѣлъ, и солнце никогда не появится больше надъ землею.

Когда я наконецъ уснула, мнѣ привидѣлся тяжелый, страшный сонъ. Я видѣла себя въ расцвѣтѣ чарующей красоты и мо-

лодости. И старики, и молодые мужчины останавливались какъ вкопанные, завидѣвъ меня еще издали, и подолгу провожали меня глазами. Нарядныя дамы, все прежнія мои подруги дѣтства, съ нескрываемою завистью оглядывали меня съ ногъ до головы...

И вотъ однажды прочла я въ той самой газетѣ, которую давеча держалъ въ рукахъ Василій Ѳеодоровичъ, что испанская королева назначила въ своемъ дворцѣ великолѣпное празднество, на которое сзывала красавицъ всего свѣта...

Въ легкомъ газовомъ платьѣ, съ блѣдною розою въ волосахъ, съ обнаженною и взволнованною молодою грудью, едва ступая по бѣлымъ мраморнымъ ступенямъ, я вошла въ залитой огнями дворецъ. Гремѣла музыка. Влажный ароматъ южной ночи вривался какою-то опьяняющею заразою въ раскрытыя окна и двери дворца... Дамы, въ маскахъ и безъ масокъ, влача за собою шлейфы, медленно обмахивались длинными черными вѣерами... Кавалеры въ испанскихъ граціозныхъ костюмахъ, съ горящими глазами и курчавыми темными головами, низко кланялись имъ и провожали дальше...

Королева, въ коронѣ изъ рубиновъ и брилліантовъ, сидѣла на своемъ золотомъ кованномъ тронѣ. Вокругъ нея тѣснилась стража краснокожихъ дикихъ съ страусовыми перьями на головахъ и съ блестящими сѣкирами въ рукахъ.

Толпа отборныхъ красавцевъ-юношей, лишь только завидѣла, окружила меня. Они бросали на меня восторженные, палящіе взгляды. Переглянувшись между собою, они тутъ же рѣшили провозгласить меня первою красотою празднества; они уже подняли высоко надъ своими курчавыми головами кубки, чтобы пить мое здоровье... Но вдругъ произошло смятеніе... Кубки выпали у нихъ изъ рукъ, и они отшатнулись отъ меня...

Я не могла понять сначала, что случилось. Съ безнадежнымъ отчаяніемъ я оглянулась... О, ужасъ!.. позади меня стояла тапалъ, въ ночной кофтѣ, съ тощей косичкой на головѣ и съ папильотками на лбу; изъ-за ея спины, улыбаясь во всю ширь своей простоватой улыбки, выглядывалъ Василій Ѳеодоровичъ...

Все смѣшалось и закружилось вокругъ меня. Поднялся какой-то неистовый, пронзительный хохотъ... Смѣялись даже краснокожіе дикіе, бывшіе въ стражѣ королевы... И дворецъ вдругъ исчезъ... Мы вернулись домой пѣшкомъ, на дворѣ было мокро и грязно, и тапалъ сказала: „подбери юбки, Варя!“

IV.

На другой день я, по привычкѣ, проснулась довольно рано, хотя никто меня не будилъ. Изъ-за спущенныхъ сторъ слабо пробивался полусвѣтъ, и мнѣ было пріятно вспомнить, что я дома, что я могу еще повѣжиться въ теплой постели, подъ мягкимъ одѣяломъ.

Мамап между тѣмъ уже встала. Я слышала ея сдержанный шопотъ въ сосѣдней комнатѣ. Она отдавала какія-то привазанія проворной, но довольно безтолковой Аришѣ, двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ, которая прислуживала только мамап, между тѣмъ какъ взрослая горничная управлялась со всею остальной квартирой. Въ шутку мамап называла выстриженную подъ гребенку Аришу своей камеръ-юнгферой.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышала голосъ мамап у другой двери моей комнаты, уже въ столовой. Она была тамъ съ Василиемъ Ѳедоровичемъ и разливала ему чай.

Они разговаривали въ томъ сдержанномъ полу-тонѣ, который долетаетъ до слуха явственнѣе, чѣмъ громкая рѣчь.

— Варя еще спитъ?—спрашивалъ Василий Ѳедоровичъ.

— Да, пусть отдохнетъ, не нужно ее беспокоить,—отвѣчала мамап.

— Сегодня раненько былъ у меня Коломкинъ, — снова говорилъ Василий Ѳедоровичъ, громко прихлебывая чай изъ стакана:—кажется, дѣлишко выгорить...

— Съ княземъ Кунтушевымъ?

— Да, рыску (Василій Ѳедоровичъ именно такъ твердо произнесъ слово рыскъ) почти никакого; у князя рука вездѣ... Стало быть, либо опеку исплопочемъ, либо, въ крайности, несчастную несостоятельность оборудуемъ...

Я хорошенько не поняла значенія словъ, сказанныхъ Василиемъ Ѳедоровичемъ, но по оживленному тону его рѣчи догадалась, что въ этихъ именно непонятныхъ для меня словахъ и заключено что-то для него весьма пріятное.

— А какъ расчитываете вознагражденіе?—спросила съ участіемъ мамап.

— Да что! тутъ обмисуриться, кажется, не придется. Нѣкоторымъ образомъ кушъ слѣдуетъ...

Василій Ѳедоровичъ при этихъ словахъ какъ-то лукаво и виѣстъ добродушно захохоталъ. Мамап тотчасъ его остановила.

— Тсс!.. Варя! Смотрите только не прогадайте, вы вѣчно... Вамъ сулятъ золотыя горы—вы и растаете; лучше меньше, но...
Василій Федоровичъ опять захохоталъ.

— Лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ?

— Разумѣется.

— Да, тутъ дѣло меньше тридцати тысячъ не пахнетъ; за-чѣмъ шалить! — произнесъ Василій Федоровичъ, быстро мѣняя шутливый тонъ на какую-то торжественную важность.

Цифра, которую назвалъ Василій Федоровичъ, показалась мнѣ настолько огромной, что я невольно прониклась уваженіемъ къ человѣку, который за что-то, если только захочетъ, можетъ получить такія деньги. Онъ между тѣмъ продолжалъ:

— Конечно, весь кушъ впередъ не отваять. Хорошо бы, еслибы десятку заполучить. Коломвину за рекомендацію двѣ, а не то и всѣ три отсыплешь; ну, тысячи двѣ туда-сюда разойдутся, все люди-человѣки нужны...

— Ну, ужъ пошли округлять, можно бы и прижаться.

— Никакъ нельзя, дѣло такое; тутъ, во-первыхъ, рекомендація. Ну, а во-вторыхъ, тоже придется-таки привлечь кое-кого. Ежели на первыхъ порахъ, напримѣръ, тысячъ пять очистится, такъ и это можно даже сказать превосходно, есть за что братья!

— Отчего же не взяться, деньги хорошія.

Воцарилось на нѣсколько секундъ молчаніе. Василій Федоровичъ продолжалъ прихлебывать свой чай и какъ-то громко по-сашивалъ, повидимому находясь въ самомъ благодушномъ настроеніи. Между тѣмъ шатап снова заговорила.

— Я хотѣла бы сегодня прокататься немного съ Варей; надо побаловать дѣвочку.

— Что-жъ, можно! Я сейчасъ пойду мимо каретъ, такъ приплю Захара.

— Не лучше ли открытый экипажъ... Погода чудесная.

— Что-жъ, можно парныя санки съ Волынкина двора. Приплю!

— Только пожалуйста выберите получше... не поповскія. Если достанете, съ сѣткою...

— И съ сѣткой можно... А вечеркомъ, стало быть, въ театръ? Не пригласить ли Барсова съ нами?

— Нѣтъ, это будетъ навязчиво.

— Ну, а брата взять можно?

— Брата пригласите. Только не много ли будетъ насъ въ ложѣ?

— Что за много, всего четверо... А завтра я пригласить кое-кого по случаю новоселья на картишки... Вы, Марья Ива-

новна, голубушка, ужъ распорядитесь, чтобы все какъ слѣдуетъ: и закуска, и ужинъ... Можетъ быть, и князя Кунтушева залучить.

— Петра Степановича съ женой звали?

— Онъ говоритъ, что жена больна, не выходитъ.

— Вреть: я ее третьяго дня своими глазами въ гостиномъ видѣла. Она всегда болѣзненно отговаривается...

— Не желаетъ—не нужно; вамъ развѣ не все равно?

Матап ничего не отвѣчала.

— Марья Ивановна, не откажите галстучекъ завязать, — снова послышался голосъ Василя Ѳедоровича: — никакъ онъ у меня морскимъ узломъ не выходитъ... Прехитрая штука!..

— Садитесь... закиньте голову, да бороду уберите... вотъ такъ!—послышались отрывочныя замѣчанія матап.

Я догадалась, что она усадила передъ собою Алѣва и завывала ему галстухъ.

— Такъ-съ, отлично!—крякнулъ тотъ, когда процедура была кончена, заглядывая по всей вѣроятности въ зеркало.

— Марья Ивановна, попрыскайте меня эсбукетцемъ... Такъ!—послышался снова его голосъ.

— Да вы куда?..

— Да вотъ къ Коломкину, а съ нимъ вмѣстѣ къ князю. Кромѣ того, кое-какіе визитинки надо сдѣлать, неглижировать нельзя, люди нужны...

— Что вы дѣлаете?—почти съ испугомъ спросила матап.

— А что?

— Да кто же нынче утренніе визиты во фракъ дѣлаетъ?.. Побойтесь Бога!

— Не по модѣ?

— Конечно... При царѣ Горохѣ фракъ напяливали.

Василій Ѳедоровичъ громко и раскатисто засмѣялся.

— При царѣ Горохѣ? вотъ какъ!.. Стало быть, черный сюртукъ всего приличнѣе?

— Разумѣется. Перчатки не забудьте. Да смотрите, сани часамъ къ двумъ пришлите.

— Пришлю, у подъезда будутъ ждать.

— Ну, ступайте... Перчатки!

— Чувствительнѣйше... Захватилъ.

— Ну, ступайте.

— Ручку на прощанье.

— Тсс... Варя проснулась!

Василій Оедоровичъ чмокнулъ на прощанье руку маман, съ шумомъ надѣлъ галоши и громко захлопнулъ за собою дверь.

Выпроводивъ его, маман немедленно появилась въ дверяхъ моей комнаты.

— Варя, ты не спишь?

— Только-что проснулась, маман!

— Хорошо тебѣ спалось на новомъ мѣстѣ?

— Отлично.

Маман поцѣловала меня и предложила подать мнѣ кофе въ постель.

— Хочешь, Варя, я сдѣлаю тебѣ тартинокъ? Когда ты была маленькая, ты любила.

Я согласилась. Маман приказала Аришѣ затопить печь, сама намазала масломъ тартинки и усадила ее на корточкахъ передъ огнемъ съ двумя вилками, на которыхъ были натгнуты приготовленные тартинки. Ариша ѣжилась отъ жара, поминутно отдергивала то одну, то другую руку; но отъ этого тартинки оказались не менѣе вкусны.

— Ты моя прелесть!—говорила мнѣ маман, потрогивая меня по плечу, между тѣмъ какъ я, чувствуя себя совершенно счастливой, лѣниво запивала кофеемъ ломтики вкусныхъ тартинокъ.

Маман рѣшительно была въ меня влюблена. Меня трогало это; я такъ давно, такъ жадно хотѣла горячей и искренней привязанности. Я долго еще нѣжилась въ постели, причемъ маман не уходила отъ меня. Мы строили планы о будущемъ, которое должно было наступить, какъ только я выйду изъ института. Всѣ пожеланія маман ясно сводились къ тому, что я должна сдѣлать какую-то необыкновенно блестящую партію. Она въ это вѣрила. Какъ это могло случиться—она не высказывалась, но ея увѣренность невольно сообщалась и мнѣ. Начинало казаться, что стоитъ только захотѣть, чтобы все устроилось именно такъ, какъ я объ этомъ мечтаю. Все, что меня корбило теперь и уже начинало раздражать, исчезнетъ; наступитъ какой-то рай, въ которомъ осуществятся всѣ золотыя мечты мои.

Я одѣвалась долго. Маман сама мнѣ прислуживала. Время до двухъ часовъ прошло незамѣтно.

Когда мы вдвоемъ съ маман завтракали, прибѣжала Ариша сообщить, что сани пріѣхали. Я заторопилась. Пробѣгая по корридору, я столкнулась носъ къ носу съ Барсовымъ, который выходилъ изъ своей комнаты. Онъ былъ въ тепломъ пальто и шляпѣ и собирался выходить. Не зная, что отвѣтить на его любезное

привѣтствіе, я успѣла только спросить его: будетъ ли онъ вечеромъ въ театрѣ?

— Спѣшу запасться билетомъ, хотя я и не большой охотникъ до Александринки, — отвѣтилъ онъ; — впрочемъ, сегодня играетъ Х. (онъ называлъ фамилію актрисы). Такой прелести нѣтъ и въ московскомъ театрѣ.

Матап заставила меня потеплѣе одѣться. Такъ какъ кромѣ короткой бархатной кофточки у меня не было другого теплаго платья, она укутала меня подъ кофту легкимъ пуховымъ платкомъ. Я повиновалась не безъ опасенія однако, что это можетъ испортить легкость и грацію моего стана.

У подъѣзда, къ моему и татап удовольствію, стояла пара очень приличныхъ вороныхъ лошадей, запряженныхъ въ неширокія сани. По замѣчанію татап, Василій Федоровичъ „на радостяхъ раскутился“. Швейцаръ съ необычайно озабоченной важностью неторопливо усаживалъ насъ и накрывалъ медвѣжьей полостью. Щеголеватый кучеръ съ рыжеватою бородой, оглядѣвъ насъ съ татап и, повидимому, оставшись доволенъ тѣмъ, какъ мы ему представлялись, подобралъ возжи. Во всю дорогу потомъ мнѣ казалось, что онъ щеголялъ и своею исправной упряжью, и своими сѣдовками, большею частью безъ всякой надобности покрѣпывая то на прохожихъ, то на встрѣчныхъ извозчиковъ своимъ зычнымъ и протяжнымъ окрикомъ.

Что за прелесть былъ этотъ зимній день съ яркимъ солнцемъ, съ праздничною толпою гуляющихъ по широкимъ панелямъ Невскаго проспекта, Большой Морской и набережной Невы! Морозъ слегка пощипывалъ мнѣ щеки; въ спинѣ пробѣгалъ чуть-чуть ощутимый холодокъ; отъ быстрой ѣзды порой захватывало дыханіе. Мнѣ было весело и радостно.

По обѣимъ сторонамъ пути широкою лентою двигалась волнистая кайма гуляющихъ: офицеры, статскіе, дамы, дѣти, — все сливалось въ одну куда-то движущуюся массу. Я не различала лицъ, не различала костюмовъ; но всѣ, казалось, были нарядны, щеголеваты, красивы. Особенно весело было чувствовать себя среди несущейся на рыскахъ, блестящей, избранной публики, занявшей первое мѣсто и выставившейся всѣмъ на показъ. Какое множество, какое разнообразіе! Какія зарумянившіяся красотики въ яркихъ ротондахъ и въ совсѣмъ не зимнихъ, изящныхъ шляпкахъ попадались на встрѣчу намъ, перегоняли насъ! О каждой невольно хотѣлось спросить что-нибудь, узнать, кто она. Матап повидимому никого не знала — она все отмалчивалась.

Наше веселое, оживленное катанье какъ-то задорно привело

мнѣ на память скучные часы, когда почти шагомъ два раза въ годъ возили насъ по городу и подъ балаганы въ парадныхъ придворныхъ каретахъ. Пока еще на широкомъ институтскомъ дворѣ выстроивалась линія этихъ парадныхъ каретъ, предводительствуемая и замыкаемая конною свитою, вся картина была эффектна и красива; но стоило намъ облачиться въ наши зеленые капоры и длинные ватные капоты, какъ тотчасъ пропадала всякая охота показаться куда-нибудь.

Насъ разсаживали тѣсно по четыре и даже по пяти въ одну карету. Я всегда откидывалась назадъ. Я отлично понимала, что ничего, кромѣ самого жалкаго любопытства, мы не возбуждаемъ въ толпѣ зѣвакъ, останавливающихся при нашемъ приближеніи. Если иногда подруги и увѣряли, что снѣ успѣвали переглянуться и повокетничать съ тѣмъ или другимъ встрѣчнымъ „душкой“, то по большей части онѣ просто лгали и хвастали; никакіе „душки“ къ намъ въ карету не заглядывали. Если кто на насъ и заглядывалъ, то навѣрное про себя думалъ: „вотъ заморскіе звѣрки, вывезенные въ клѣткахъ на показъ!“

То ли дѣло было теперь въ открытыхъ саняхъ. Тутъ дѣйствительно нельзя было не замѣтить, какъ мчавшійся на встрѣчу быстро, быстро, точно по спѣшному дѣлу, закутанный въ бобровую шинель статскій или военный вдругъ вскидывалъ на насъ глазами и провожалъ такимъ оживленнымъ и вмѣстѣ пытливымъ взглядомъ, какъ будто бы хотѣлъ спросить: „откуда еще такая?“

Мамап изрѣдка называла мнѣ тѣхъ, кого мы встрѣчали, если они были чѣмъ-нибудь замѣчательны. Особенно высокопоставленныхъ я узнавала по портретамъ, отчасти знала ихъ по посѣщеніямъ института. Но тутъ встрѣчались кромѣ того посланники, разные денежные тузы, инженеры, адвокаты. Одинъ бывшій министръ, котораго мнѣ указала мамап, шелъ пѣшкомъ съ своими короткими, точно оборванными бабенбардами. Онъ ужасно былъ похожъ на нашего зайку-ламповщика Финогена, за версту отдававшего керосиномъ. И среди всей этой денежной и родовой знати всѣхъ ярче, элегантнѣе были тѣ по большей части красивыя, молодыя дамы, которыя ѣхали въ саняхъ однѣ, безъ провожатыхъ, которыя мчались шибче другихъ на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, обдавая свои яркія, бархатныя ротонды серебристою пылью.

На лицахъ ихъ былъ написанъ тотъ поднимающій нервы успѣхъ, который, хотя въ слабой степени, знакомъ каждой красивой женщинѣ. Здѣсь этотъ успѣхъ былъ нарисованъ самыми яркими, если можно такъ выразиться, ливующими красками...

Мы вернулись домой только въ обѣду: я—съ зардѣвшимися отъ мороза и волненія щеками, маман—довольная тѣмъ, что ея танье доставило мнѣ столько удовольствія.

Дома мы застали уже мадамъ Топоцкую. Оказалось, что я такъ пришлась ей по вкусу, что она, даже съ рискомъ насъ обезпечить, не могла отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ увидѣть меня.

Василій Ѳеодоровичъ, какъ мнѣ показалось, былъ не совсѣмъ въ духѣ. Перехвативъ маманъ въ корридорѣ, онъ сталъ объяснять ей что-то насчетъ Кунтушева, по дѣлу котораго будто бы выходило не совсѣмъ такъ, какъ онъ того ожидалъ. На какіе-то расходы по дѣлу требовалось сдѣлать заемъ,—тогда ему обѣщали тысячу пять. При этомъ Василій Ѳеодоровичъ весьма выразительно мотнулъ головою по направленію гостиной, гдѣ оставалась одна Топоцкая, пока мы выходили переодѣваться, и сказалъ чуть слышно, какъ будто только себѣ въ бороду: „старую дуру хорошо бы растрести, она за чулкомъ деньгу носить“.

Маманъ ничего не отвѣчала, но, возвратившись въ гостиную, любовно подсѣла къ мадамъ Топоцкой и пригласила ее остаться обѣдать. Та согласилась, но съ непремѣннымъ условіемъ сидѣть за обѣдомъ рядомъ со мною. Ей обѣщали и въ этомъ не отказать.

Послѣ обѣда я чувствовала себя нѣсколько утомленной. Маманъ приписала это долгому пребыванію на воздухѣ и посоветовала мнѣ удалиться въ мою комнату и отдохнуть. Я охотно послѣдовала ея совѣту.

Василій Ѳеодоровичъ, выпивавшій обыкновенно за обѣдомъ очень много вина, отяжелѣвшей походкой направился въ свой кабинетъ. Маманъ съ мадамъ Топоцкой остались вдвоемъ въ столовой, рядомъ съ моею комнатою. Я не спала и, лежа на кровати, слышала весь ихъ разговоръ. Маманъ очень ловко подошла къ порученію, на которое ей только вскользь намекнулъ Василій Ѳеодоровичъ. Она сперва долго и пространно рассказывала о выгодахъ, предстоящихъ отъ предлагаемаго дѣла князя Кунтушева, известнаго владѣльца нѣсколькихъ запущенныхъ по нерадѣнію управителей пріисковъ. Онъ, какъ фениксъ, долженъ былъ скоро возродиться въ новомъ блескѣ изъ пепла. Для этого, во-первыхъ, имѣлось въ виду разсчитать кредиторовъ неполнымъ рублемъ, и объ этомъ зналъ Василій Ѳеодоровичъ,—для этого существовали какіе-то опеки и конкурсы; во-вторыхъ, князю предстояла женитьба на милліонщицѣ (такъ маманъ и сказала: „милліонщица“) въ Москвѣ; въ-третьихъ, наконецъ, у него гдѣ-то въ пензенской губерніи была тетка, скряга, которая уже стара и долго не про-

живеть. По словамъ татап выходило такъ, что для того, кто имѣеть деньги, было бы истиннымъ безуміемъ не дать займа какихъ-нибудь пятнадцати тысячъ, когда въ одинъ годъ предстояло навѣрняка удвоить капиталъ.

Евѣлія Петровна Топоцкая, повидимому, очень жалѣла денегъ и не любила разставаться съ ними. Дѣлая все время возраженія какимъ-то страстнымъ, взволнованнымъ шопотомъ, она сначала увѣряла, что денегъ у нея нѣтъ вовсе и живеть она только на пенсіонъ, и лишь послѣ многихъ доводовъ татап, изъ числа которыхъ я запомнила упоминаніе о какомъ-то завѣщаніи ея мужа, она созналась, что деньги, конечно, нашлись бы, но объ этомъ во всякомъ случаѣ надо еще подумать и подумать.

Когда мы стали собираться въ театръ, я замѣтила, что мадамъ Топоцкая была въ очень возбужденномъ состояніи; на щекахъ ея появились какія-то красныя пятна. Матап, напротивъ, казалась только утомленной.

Когда добравшись на извозчикахъ въ театръ, мы въперомъ (младшій Алѣевъ ждалъ уже насъ при входѣ въ ложу, а мадамъ Топоцкая, также приглашенная, пріѣхала съ нами) разсѣлись въ ложѣ 1-го яруса, я безъ труда разыскала въ партерѣ, среди сотни и все болѣею частью плѣшивыхъ головъ, красивую, кудрявую голову Барсова. Онъ рѣзко выдавался среди этого множества ничтожныхъ и плоскихъ фizioномій.

На сценѣ шла какая-то странная пьеса. Она мнѣ очень понравилась, но, если судить строго, я ничего въ ней не поняла. На сценѣ все вертѣлась одна и та же актриса, любимица публики, которую и встрѣчали, и провожали рукоплесканіями. Она дурачила всѣхъ, и старыхъ, и молодыхъ, бывшихъ на сценѣ. Она лгала, лгала съ ужимками, притворялась то зло, то кокетливо, и всѣ были отъ нея безъ ума. Когда она дѣлала какую-нибудь гримасу, или вдругъ, ни съ того, ни съ другого, присѣдала и всплескивала руками, мадамъ Топоцкая восторженно шептала сзади меня:

— Душечка, обратите вниманіе!.. Какая мимика, что за игра, какая школа!..

Актрису много вызывали въ каждомъ антрактѣ и подносили цвѣты. Она, повидимому, и въ антрактахъ играла ту же роль; по крайней мѣрѣ, оставалась та же мимика, и такъ же она присѣдала и даже всплескивала руками при видѣ подношеній.

— Bravo, bravo! — вопилъ сзади насъ Василій Ѳеодоровичъ такъ громко, что татап нашла наконецъ нужнымъ остановить его.

Всего болѣе меня поразила развязка пьесы. Эту лгунью, безсовѣстно кривлявшуюся всѣ четыре акта, въ пятomъ всѣ дѣйствующія лица единогласно провозгласили самой очаровательной и добродѣтельной. Въ награду ей достался въ мужья актеръ съ самой приличной фizioноміей, на которомъ и фракъ сидѣлъ не такъ мѣшковато, какъ на другихъ.

Въ одномъ изъ антрактовъ къ намъ въ ложу входилъ Барсовъ. Я замѣтила, что раньше онъ посѣтилъ уже одну ложу бельэтажа, гдѣ было три какихъ-то блѣсоватыхъ, всѣ на одно лицо, дѣвицы съ родителями. Дѣвицы были некрасивы, и мнѣ не было неприятно, что онъ отдалъ имъ преимущество.

Сидя въ нашей ложѣ, я думала—онъ былъ какъ будто стѣсненъ и не хотѣлъ быть слишкомъ замѣченнымъ. Впрочемъ, я ужасно подозрительна и ревнива, и, можетъ быть, себѣ это только вообразила. О пьесѣ онъ выразился, что это салонная вещица съ заимствованнымъ сюжетомъ. Эти вещи пишутся для несравненной (онъ назвалъ премьершу), и она въ нихъ дѣйствительно легка и очаровательна, какъ никто. Это гордость русскаго театра,—больше смотрѣть некого!

Я приняла его мнѣніе на вѣру тѣмъ болѣе охотно, что сама не успѣла себѣ составить ровно никакого мнѣнія объ игрѣ актрисы и забыла содержаніе пьесы тотчасъ по выходѣ изъ театра.

Изъ театра матан пригласила къ намъ Барсова пить чай. Мадамъ Топоцкая и младшій Алѣксѣй отправились по домамъ. На этотъ разъ Барсовъ просидѣлъ съ нами за чайнымъ столомъ далеко за полночь.

Въ его темно-карихъ глазахъ было много магнетизма. Я всегда чувствовала, когда онъ смотрѣлъ на меня. Я поминутно вспыхивала, замѣчая, какъ онъ внимательно, во всѣхъ подробностяхъ, разсматриваетъ меня. Казалось, что онъ, пользуясь каждой минутой, дѣлаетъ мнѣ внимательную и строгую оцѣнку, и я не могла не замѣтить, что результаты этой оцѣнки были благопріятны для меня.

— Боже, какъ время пролетѣло!—вскочилъ онъ, когда пробило часъ.

Матан при этомъ какъ-то особенно любовно взглянула на меня и съ нѣскольکو лукавою улыбкою сказала:

— О, еще рано!..

— Онъ тебѣ нравится?—спросила она меня неожиданно, когда Барсовъ вышелъ.

— Да, онъ очень интересенъ, — отвѣтила я въ замѣшательствѣ.

— О, у него умная головка на плечахъ, онъ пробьетъ себя дорогу,—замѣтила маман.

— Лишь бы не вбилъ себя дурацкихъ понятій; у студентовъ это заразительно!—отрѣзалъ Василий Ѳеодоровичъ.

— Ну, онъ изъ порядочнаго семейства и, кажется, не нищій,—сухо замѣтила маман.

На этотъ разъ я заснула съ мыслью, что еслибы Барсовъ былъ даже нищій, онъ все же былъ бы очень интересенъ...

— „Madame, je suis pauvre!“—звучить чистый французскій акцентъ на одной изъ людныхъ улицъ.

Оборачиваюсь—это красавецъ Барсовъ протягиваетъ мнѣ руку. Ахъ, но тутъ я вспомнила роковыя слова маман: „ты должна привыкнуть къ мысли, что мы не богаты, Варя!“

V.

Наступилъ наконецъ третій и послѣдній день моего праздничнаго пребыванія у маман.

Какъ ни старалась она развлекать меня и разнообразить наше времяпровожденіе, я не могла не замѣтить, что ей некуда было даже повезти меня; у нея не было вовсе знакомствъ въ семейныхъ домахъ. Послѣ завтрака мы съ ней только прогулялись немного пѣшкомъ, причемъ заходили въ кондитерскую заказать мороженое для вечера и дѣлали разныя закупки въ Милютинныхъ лавкахъ. Весь день прошелъ потомъ въ приготовленіяхъ къ предстоящему приему гостей, созванныхъ на вечеръ Василиемъ Ѳеодоровичемъ.

Было рѣшено обезпокоить кого-нибудь изъ жильцовъ и войти съ нимъ въ соглашеніе для увеличенія размѣровъ помѣщенія. Маман настаивала на необходимости устроить отдѣльную карточную комнату: иначе—опасалась она—прокурятъ всю гостиную и негдѣ будетъ повернуться.

Василій Ѳеодоровичъ предложилъ-было переговорить объ этомъ съ Барсовымъ, но маман рѣшительно запротестовала. Она находила, что безпокоить его неудобно, и что она предпочитаетъ переговорить съ Малявскимъ, жильцомъ первой отъ входа, весьма помѣстительной и удобной комнаты.

— Я знаю, чѣмъ его взять,—сказала увѣренно маман:—онъ намъ споетъ что-нибудь; онъ ужасно любитъ, чтобы его слушали. Поетъ онъ неважно; ну, да вѣдь это не въ концертѣ.

Василию Ѳеодоровичу понравилась такая мысль.

— Чудесно, чудесно!—подхватилъ онъ.—Это даже въ своемъ родѣ шикъ: домашнее гбнїе!—И онъ залился своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

Матап отправилась для дипломатическихъ переговоровъ съ Малявскимъ и черезъ десять минутъ вернулась, ведя за собою какого-то атлетическаго сложенія господина съ широкой, совершенно черной эспаньолкой и такими же необыкновенно густыми усами. Его лицо, съ довольно правильными крупными чертами и лишь нѣсколько покосившимся въ лѣвую сторону носомъ, было бы совсѣмъ благообразно, еслибы не напоминало собой рисованной маски. Какого возраста былъ представшій передъ нами господинъ—трудно было опредѣлять, но во всякомъ случаѣ ему должно было быть за сорокъ лѣтъ. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то фантастическую бархатную куртку, сверхъ которой были выпущены огромные бѣлые воротнички.

— Это моя дочь,—познакомила насъ матап.

— Весьма прїятно, mademoiselle!—жеманно откланялся прїшедшій господинъ.

— Что, Павелъ Абрамовичъ,—дружески обратился къ нему Василій Ѳеодоровичъ, трепля его по плечу:—согласны вы съ нами провести вечерокъ? Попроете, а тамъ и въ картишки перекинетесь.

— Извините,—возразилъ Малявскій, какъ бы устраниаясь отъ фамилярныхъ жестовъ Василя Ѳеодоровича:—пѣтъ я готовъ, если этого желаютъ Марья Ивановна и mademoiselle... но, извините, я въ карты не играю.

— Какъ такъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ Василій Ѳеодоровичъ.—Мы васъ научимъ. Винтъ, конечно, штука хитрая, я самъ въ винтъ не играю, зато въ стуболку или въ макашку отчего не перекинуться?

— Нѣтъ, я вовсе въ карты не играю; это мое правило...

Малявскій сказалъ это чинно, сдержанно, но дѣлая при этомъ значительное лицо.

— Ну, глупости какія!—расхохотавшись, воскликнулъ Василій Ѳеодоровичъ и хотѣлъ-было снова потрепать по плечу Малявскаго; но тотъ, видимо обиженный, выпрямился во весь свой значительный ростъ и уже явно устранился отъ фамилярнаго похлопыванья.

— Не глупости, а мое правило, которое я самъ себѣ выработалъ!—стараясь овладѣть собою, отчеканилъ Малявскій.—Я знаю, чтѣ говорю. Играть въ карты или подло, или глупо.

Послѣднія слова онъ произнесъ медленно, но громко, какъ бы подчеркивая ихъ.

— Ого!—только и успѣлъ воскликнуть Василій Ѳеодоровичъ. Малявскій, почувствовавъ вѣроятно, что онъ слишкомъ далеко зашелъ, обратился въ тамап, какъ бы желая избрать ее посредницей.

— Не правда ли, мадамъ, каждый имѣетъ свое убѣжденіе? Я только думаю, что дать себя обыграть—не умно; обыграть же другого—еще хуже. Есть много другихъ, болѣе эстетичныхъ развлеченій, не правда ли?

Мамап поспѣшила его успокоить, замѣтивъ, что, конечно, о вкусахъ не спорять, и постаралась перевести рѣчь на интересовавшій ее предметъ.

— Я, мадамъ, артистъ въ душѣ,—торжественно заговорилъ Малявскій.—Я хорошо играю на разныхъ инструментахъ и могу сказать, что понимаю музыку, но истинное мое призваніе—пѣніе. Къ сожалѣнію, по причинѣ многихъ прозаическихъ занятій, я рѣдко, какъ вы знаете, остаюсь дома и недостаточно эзерцирую. Но сегодня я въ голосѣ. Я очень радъ, что могу доставить обществу удовольствіе.

Было рѣшено, что довольно плохенькое піанино, стоявшее въ комнатѣ Малявскаго, будетъ перенесено въ гостиную, а его комната преобразится въ карточную, причемъ оттуда вынесутъ и постель.

Малявскій попробовалъ-было протестовать противъ этого, но тамап весьма энергично и настойчиво дала понять несговорчивому артисту, что только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ онъ можетъ рассчитывать на дебютъ въ ея гостиной. Безъ всякой дальнѣйшей борьбы Малявскій сдался на капитуляцію. Онъ согласился временно переселиться въ крошечную полутемную комнату возлѣ кухни, гдѣ сложенъ былъ всякій хламъ.

— Но кто же мнѣ будетъ аккомпанировать?—спросилъ Малявскій.—Можетъ быть, вы, mademoiselle? Въ такомъ случаѣ мы прорепетуруемъ,—обратился онъ ко мнѣ.

Я отказалась.

Я брала уроки фортепіанной игры въ институтѣ и играла даже недурно, но у меня не было никакой увѣренности, а я была самолюбива...

— На что же вамъ лучше? — нашла тамап: — Евлалія Петровна Топоцкая. Она очень недурно играетъ,—вы ее разъ видѣли у меня,—она съ удовольствіемъ станетъ аккомпанировать.

— Да, но прорепетировать бы не мѣшало заблаговременно,—заискивающе снова повторилъ Малявскій.

Матап сдѣлала недовольное лицо; она видимо находила, что артистическія затѣи сопряжены съ слишкомъ большими хлопотами.

— Если бы вы позволили, Марья Ивановна, — началъ снова Малявскій: — я бы все устроилъ; я бы пригласилъ на вечеръ одну особу, мою знакомую, отличную музыкантшу... Она прекрасно аккомпанируетъ... Она знаетъ весь мой репертуаръ.

— Ну, вотъ еще, особу! — вырвалось у матап. — У насъ и то не палаты... При томъ совершенно незнакомая личность... Нѣтъ, это неудобно.

Послѣдовало неловкое молчаніе.

— Въ такомъ случаѣ, — началъ снова Малявскій упавшимъ голосомъ: — я попрошу у васъ адресъ госпожи Топоцкой; она, можетъ быть, не откажетъ мнѣ...

Матап ухватила за эту мысль, снабдила его запиской къ Топоцкой, при чемъ прибавила:

— Знаете ли, Павелъ Абрамовичъ: отлично, если бы вы не возвращались домой раньше вечера; вся эта перестановка васъ только стѣснить.

Малявскій постоялъ секунду въ раздумѣ и потомъ покорно отвѣтилъ:

— Хорошо, Марья Ивановна, я исполню ваше желаніе.

Черезъ десять минутъ онъ уже выходилъ изъ квартиры съ огромнымъ портфелемъ подъ мышкой, нагруженнымъ нотами.

— Что, онъ настоящій артистъ? — спросила я матап. — Онъ, кажется, очень преданъ музыкѣ...

— Какой тамъ артистъ! — пренебрежительно отозвалась матап: — конечно, можно о себѣ что угодно вообразить... Служить онъ гдѣ-то въ конторѣ, жилецъ исправный, только немного не сносенъ съ своей музыкой. Я, впрочемъ, при наймѣ оговорила для этого одинъ часъ, и онъ предпочитаетъ уходить къ своей музыкантшѣ... Тутъ есть какой-то кружокъ любителей, — онъ тамъ ее поддѣпилъ...

— Какой кружокъ? Онъ тамъ поетъ?

— Кружокъ драматическій; впрочемъ, тамъ и оперы ставятъ... Мы разъ были съ Василиемъ Федоровичемъ; Малявскій насъ и пригласилъ; очень мило... Ему, впрочемъ, кажется, и тамъ пѣть не даютъ; по крайней мѣрѣ, когда мы были, онъ игралъ въ оркестрѣ на контрабасѣ...

— Онъ русскій? — продолжала любопытствовать я.

— А Богъ его знаетъ! не то полякъ, не то чехъ... по паспорту, впрочемъ, русскій. Я думаю, просто жидъ: они всѣ музыкальны...

Весь этотъ день маманъ была въ нервномъ и раздраженномъ состояніи, хлопотала, распоряжалась, дѣлала разныя перестановки и раза два прикрикнула на Василия Ѳеодоровича, когда тотъ не-кстати выѣшался въ ея распоряженія. Онъ, по обыкновенію, добродушно разсмѣлся и, безнадежно махнувъ рукою, промолвилъ:

— Ну, и мнѣ попало!

Бѣдной Аришѣ отъ маманъ попутно достался порядочный подзатыльникъ.

Обѣдали мы на-скоро „кое-чѣмъ“, какъ выразилась маманъ, такъ какъ главная стряпня затѣвдалась на вечеръ.

Во время обѣда маманъ пристала къ Василию Ѳеодоровичу съ вопросомъ: кого же, наконецъ, онъ пригласилъ и на сколько персонъ слѣдовало разсчитать ужинъ?

Василій Ѳеодоровичъ, загибая пальцы на рукѣ, сталъ считать.

— Луцевъ, Сидоръ Петровичъ,—разъ!—онъ завернулъ большой палецъ.

— Кто этотъ Луцевъ? Никакъ не разберу...—спросила почему-то сердито маманъ.

— Какъ кто?.. Клеентъ; такъ, кажется, говорится?

— Клиентъ!

— Ну, все равно... По-русски сказать просто: адвокату деньги платять. Кое-что перепадаетъ отъ щедротъ. Очень съ рабочими судиться любить...

— Да кто онъ, купецъ?

— Негоціантъ... Пуговочный фабрикантъ, въ казну пуговицу ставить. На Петербургской свой домъ, фабрика... На бѣга тоже лошадей пускаетъ... для форсу.

— Ну, дальше?..

Василій Ѳеодоровичъ загнулъ второй палецъ.

— Дальше пойдетъ Гущанъ, Модестъ Петровичъ, нотаріусъ. Въ конторѣ у него братъ Ваня служить, ну, и я съ нимъ по судебной части исполу работаю.

— Этого знаю. Еще кто?

— Еще кто?.. А еще баронъ Федоръ Оскаровичъ Фирквишъ.—Василій Ѳеодоровичъ загнулъ третій, самый большой палецъ.—Богатый человекъ, очень богатый!.. По интендантству когда-то служилъ, потомъ самъ подряды бралъ, его теперь и въ полъ-милліона не уберешь... Подъ вѣрныя дѣла, случается, деньги даетъ, зато же и слупить... Кремень!

— Это не тотъ ли, у котораго какая-то исторія въ клубѣ была?

— А ей-Богу не знаю; можетъ, и съ нимъ... Ахъ, это вы

насчетъ оскорбленія дѣйствіемъ изъ-за двойного веселя, — онъ и есть! Такъ вѣдь это ужъ давно было... Еще Коломенкинъ, главно-управляющій князя Кунтушева, обязательно будетъ, нужный человѣкъ, — продолжалъ Алѣевъ и загнулъ четвертый палецъ.

— А самъ князь не изволитъ пожаловать? — почему-то язвительно спросила маман.

— Коломенкинъ обѣщался передать приглашеніе, а впрочемъ, сомнѣвается... Онъ, говорить, лучше запросто какъ-нибудь...

Послѣ минуты молчанія Василій Ѳедоровичъ, какъ бы спохватившись, снова оживился.

— А вотъ доктора чуть и не забылъ. Докторъ Саусановъ, Измаиль Дмитріевичъ, тоже богатый человѣкъ, а все Лазаря поетъ. Нынче лѣтомъ на кляжминскихъ водахъ дралъ съ живой и съ мертвой... Онъ все больше по женской части. Очень ужъ дамы его избаловали... — Василій Ѳедоровичъ замолчалъ, какъ бы погруженный въ мечтательное раздумье.

— Всѣ? — строго спросила маман.

— Стоящіе вниманія почти и всѣ, — промолвилъ Василій Ѳедоровичъ, разгибая пальцы и разводя руками съ такою комичною выразительностью, какъ будто хотѣлъ сказать: „ну, вотъ вамъ и всѣ, всѣ и вышли!“

— Братъ Ваня просилъ позволенія пріятеля одного своего привести изъ литераторовъ... въ газетахъ писать. Я позволилъ; это ничего?

Маман не отвѣтила.

— Петръ Степановичъ, конечно, не явится?.. — вдругъ желчно спросила маман: — у него жена больна?!

— Да, извиняется, — простодушно отвѣтилъ Василій Ѳедоровичъ.

Меня заинтересовало узнать, кто былъ этотъ Петръ Степановичъ, поведеніе котораго, очевидно, и смущало, и раздражало маман. Я спросила. Мнѣ отвѣчалъ Василій Ѳедоровичъ:

— Хорошій человѣчекъ... Тутъ одинъ молодой присяжный повѣренный, Лярскій, и жена у него молодая. Случается иногда дѣло потрудище, передовѣряемъ ему. Дешево беретъ. Знакомствъ денежныхъ у него никакихъ, такъ мы съ Модестомъ Ивановичемъ и присмотрѣли его. Очень удобно. Репутація у него по суду чистенькая, за большимъ не гонится...

— Васъ послушать, такъ только и свѣта, что въ окошкѣ... Идите вы съ вашимъ Лярскимъ, какъ съ цацей какой-нибудь! — остановила его маман.

Алѣевъ замолчалъ.

Я замѣтила, что хотя татап вообще относилась очень заботливо къ интересамъ Василія Ѳеодоровича, тѣмъ не менѣе онъ въ нѣкоторыя минуты просто-на-просто боялся ея.

— Старикъ Моринъ вѣроятно явится со своею Эжени?—спросила татап, нѣсколько успокоившись.

— Ну, еще бы, безъ него вода не освятится! Поужинать онъ на-даровщинку любить, да кстати и свою Евгению Львовну провѣтрить, она позалежалась у него, — зло пошутилъ Василій Ѳеодоровичъ.

— А все-таки добрый старикъ!—замѣтила татап.—И что тамъ ни говорите, генералъ, хоть и въ отставкѣ... и роду стариннаго; этого не купишь...

— Что и говорить! Генералъ на всѣ руки, — подтрунилъ Василій Ѳеодоровичъ. — Въ консисторіи по бракоразводнымъ дѣламъ три раза успѣлъ обернуться... Теперь развѣ для чего другого пригодится...

— Но, конечно, безъ средствъ, запутанъ, — слабо попыталась защитить Морина татап.

Я слушала, и на меня начинало находить какое-то уныніе, почти тоскливый страхъ... Людей, относительно которыхъ у самихъ хозяевъ сложилось такое опредѣленно-неблагопріятное мнѣніе, тѣмъ не менѣе нетерпѣливо ждали, готовились къ встрѣчѣ, не знали, какъ лучше угостить.

— Будетъ еще Воркуевъ, пріятель, тоже адвокатъ... Вотъ, барышня, — обратился Василій Ѳеодоровичъ ко мнѣ, — примите свои мѣры! Человѣкъ холостой, собою недурень, по-французски при случаѣ объясниться можетъ и шибко въ гору пошелъ, хоть и не въ присяжныхъ состоитъ, и всего только бывший судебный приставъ. А поглядите, на собственныхъ съ пристажкой ѣздить, что твой Треповъ-генералъ...

Василій Ѳеодоровичъ торжествующе, раскатисто захохоталъ.

— Ну, это не партія Варъ, — сухо замѣтила татап.

— Какъ знать чего не знаешь!—хитро подмигнулъ Алѣевъ.

— Знаете пословицу: не плюй въ колодезь, — водички захочется испить.

— Ну, довольно!— строго отрѣзала татап.

— Барсова-то не забыли пригласить?

— Какъ возможно!.. Разумѣется, приглашалъ, — встрепенулся Василій Ѳеодоровичъ. — Только онъ извиняется, говоритъ — попозднѣе изъ театра прійдетъ; онъ въ ложу къ кому-то приглашенъ...

Я насторожила уши.

Я чувствовала, какъ вся кровь приливаетъ мнѣ къ сердцу. Было бы слишкомъ ужасно провести послѣдній вечеръ безъ него и возвратиться въ институтъ, даже не простившись съ нимъ... Я рѣшила подольше остаться въ своей комнатѣ и выйти къ гостямъ только тогда, когда всѣ соберутся.

Мама въполнѣ одобрила мое намѣреніе и, сдѣлавъ мнѣ нѣсколько указаній относительно прически и туалета, вся ушла въ хозяйственныя заботы и приготовленія.

Ник. Кар.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЭЛЕГІЯ.

На мотивъ изъ Виктора Гюго.

Сегодня въ облакахъ погаснулъ лучъ заката,
Придетъ гроза и ночь, но смѣнитъ снова день
Разсвѣтомъ радостнымъ трепещущую тѣнь:
Холодной вѣчности невѣдома утрата.

И эти дни пройдутъ. Пройдутъ они толпою
Надъ бездною морей, и надъ горой сѣдой,
Угрюмо дремлющей подъ шапкой снѣговой,
Надъ рощей тихою, надъ нивой золотой.

Да, эти дни пройдутъ. Но вѣчной красотою
Все будетъ міръ блистать, и съ новою весной
Ручей заговоритъ серебряной волною
И роща зашумитъ ожившею листвою.

А я,—я скоро удалюсь въ разгарѣ пира,
Все ниже съ каждымъ днемъ склоняясь головою,
И вѣчной красоты ликующаго міра
Уходъ мой не смутитъ печальною слезой.

II.

Когда зимой въ степи безбрежной
Усталый путникъ занесенъ,
И слышитъ въ пѣснѣ вьюги снѣжной
Печальный отзвукъ похоронъ,—
Какъ онъ обрадованъ бываетъ
Когда во мракѣ передъ нимъ
Огонь пріѣтливый мелькаетъ:
Сомнѣнья прочь! Судьбой хранимъ,
Давно измученный, усталый,
Участьемъ дружескимъ согрѣтъ—
Найдеть тамъ путникъ запоздалый
Тепло, и ласку, и пріѣтъ.

Такъ я, измученный тоскою,
Бъ тебѣ—и сирѣ, и одинокъ—
Пришелъ на милый огонекъ,
Зажженный дружеской рукою.

Вл. Ладыженскій.

ВІОЛЕТТА МЕРІАНЪ

Романъ, соч. Огюстѣна Фигона.

Съ французскаго.

I.

Холодный и туманный разсвѣтъ, — разсвѣтъ сѣвернаго октябрьскаго дня. Шесть часовъ пробило въ монастырѣ „Гора-Сіонъ“. Когда замеръ звукъ послѣдняго удара, дверь монастыря растворилась, и группа женщинъ появилась на порогѣ. Три или четыре монахини окружаютъ и обнимаютъ со слезами на глазахъ молодую дѣвушку въ черномъ платьѣ и въ сѣрой войлочной шляпѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ дожидается небольшой ирландскій экипажъ саг, и кучеръ съ бичомъ въ рукахъ уже сидитъ на козлахъ.

— Пора, Нанъ? — спрашиваетъ кучера старѣйшая изъ монахинь.

Нанъ утвердительно киваетъ въ отвѣтъ.

Тогда поцѣлуи и рыданія умножаются.

— Прощайте, прощайте, милочка, Богъ васъ благослови!

Молодая дѣвушка — почти ребенокъ! — не можетъ отвѣчать: слезы душатъ ее.

Она усѣлась съ одного бока оригинальнаго экипажа; ноги ея висятъ въ пустотѣ, не упираясь ни во что, а багажъ, маленькій черныи чемоданчикъ, завязанный толстой веревкой, примощенъ кое-какъ къ другому боку.

Нанъ свиститъ; маленькая лошадка, пони, съ мѣста понеслась какъ стрѣла. Послѣднее „прости“ доносится какъ эхо, платки развѣваются въ воздухѣ... затѣмъ все исчезаетъ. Женщины, столпив-

шіяся на порогѣ, исчезли какъ сонныя видѣнія; крыша монастыря утопаетъ въ ледяномъ туманѣ. Закрывъ лицо руками, молодая дѣвушка заливается горячими слезами. Но ирландскій „кэръ“ не такого рода экипажъ, чтобы пассажиры могли предаваться горестнымъ размышленіямъ. Это все равно, что желать уснуть на велосипедѣ. Кто не привыкъ къ такому роду экипажей—долженъ напрягать все свое вниманіе и всю силу мускуловъ, чтобы усадѣть на мѣстѣ. Молодая дѣвушка поднимаетъ голову и озирается.

Трепетный, пасмурный день, по милому выраженію Виктора Гюго, „*plaine de naïtre comme l'enfant*“, немного проясняется и освѣщаетъ пейзажъ. Сѣрыя горы съ блѣдно-розовыми пятнами отъ обширныхъ пространствъ, поросшихъ увядшимъ верескомъ, вырѣзываются неопредѣленными контурами и обрамляютъ тѣсный горизонтъ. Въ глубинѣ долины носится туманъ, и тихонько лепечетъ невидимый ручеекъ. Съ каждымъ оборотомъ колесъ долина расширяется, горы мѣняютъ свои очертанія, и предметы теряютъ тотъ неизмѣнный видъ, въ какомъ они въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ предстояли передъ глазами дѣвушки. Для нея уже начинается неизвѣстное... Она поворачиваетъ голову назадъ и ищетъ глазами скрывшійся домъ; ей представляется монастырь, небольшія сѣни съ большимъ распятіемъ изъ раскрашеннаго дерева, продолговатый дортуаръ, гдѣ она такъ сладко спала и ей снились такіе чудные сны, а главное церковь,—о, церковь!—полная самыхъ чудныхъ воспоминаній о молитвахъ, извѣстныхъ одному Богу. Въ эту минуту тамъ идетъ обѣдня, и она невольно наклоняетъ голову, точно слышитъ на этомъ разстояніи звонъ колокольчика. И ей думается о милыхъ наставникахъ, оставленныхъ ею, и мысли которыхъ слѣдуютъ за ней, а молитвы послужатъ охраной въ свѣтѣ, обширномъ свѣтѣ, открытомъ теперь передъ нею.

Еще не было семи часовъ, когда ирландская телѣжка остановилась передъ подъѣздомъ станціи Расдрумъ, уже полной народа и шума. Всѣ ирландскія станціи таковы. Во всякое время дня и ночи онѣ осаждаются толпами народа. Ирландцы—народъ бродячій; они вѣчно внѣ дома, вѣчно въ дорогѣ; можно подумать, что ирландецъ примѣряется на безчисленныхъ мелкихъ путешествіяхъ къ великимъ тревоженіямъ эмиграціи. Онъ мѣняетъ село, въ ожиданіи, пока перемѣнитъ одно полушаріе на другое.

Нанъ поставилъ телѣжку и лошадь на конюшню знакомаго челоуѣка. Самъ онъ сѣлъ въ уединенное отдѣленіе вагона выѣстѣ съ молодой дѣвушкой, впервые ѣхавшей по желѣзной дорогѣ. Черезъ полчаса Нанъ протянулъ руку къ востоку, съ восклицаніемъ:— „Море!“ Молодая дѣвушка увидѣла немного безцвѣтной и мутной

воды, колеблемой непонятнымъ движеніемъ и тяжело ударявшейся въ морской берегъ. Въ какихъ-нибудь пятидесяти метрахъ разстоянія видъ прегражденъ таинственнымъ бѣлымъ туманомъ.

Путешественники сошли съ поѣзда въ Кингстоунъ и направились къ пароходу, разводившему пары неподалеку. Нанъ ставитъ на палубѣ около молодой дѣвушки съ такою осторожностью, какъ еслибы то была колыбель младенца, черный чемоданчикъ, обвязанный веревкой. На немъ можно прочесть надпись, гласящую имя и фамилію молодой дѣвушки въ черномъ платьѣ и войлочной шляпѣ: *Віолетта Меріанъ*.

Віолетта вынула кошелекъ изъ кармана и застѣнчиво, какъ особа, не привыкшая платить, положила полкроны въ ручищу Нана.

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Віолетта, не надо! я сдѣлалъ это ради удовольствія.

— Я такъ хочу, Нанъ... вы знаете, что не слѣдуетъ огорчать меня. Не безпокойтесь обо мнѣ: у меня есть все, что нужно.

Нанъ, растроганный и раздосадованный, перебирая въ рукѣ серебряную монету, съ которой еще не примирился, сошелъ на набережную. Віолетта, стоя на пароходѣ, успѣла кивнуть ему на прощанье. Нанъ, монастырскій садовникъ, былъ послѣдней нитью, привязывавшей ее къ прошлому; еще секунда—и эта нить оборвется. Колоколь провонилъ; пароходъ мѣрно проплылъ мимо дамбы Кингстоуна и точно привидѣніе скрылся въ туманѣ. Віолетта переѣхала море, не видя его.

Въ Голигедѣ она перешла съ парохода на поѣздъ желѣзной дороги, немедленно тронувшійся въ Лондонъ. Тутъ она раскрыла корзиночку, куда сестра-экономка положила кое-какую провизію, и позавтракала, запивъ стаканчикомъ свѣжей воды въ Честерѣ. Молодая дѣвушка, сидѣвшая въ одномъ съ нею отдѣленіи, угостила ее яблоками. Знакомство легко завязывается между дѣвушками. Незнакомка, улыбаясь, вдругъ спросила Віолетту:

— У васъ есть поклонникъ?

Віолетта покраснѣла.

— О, нѣтъ, я только-что вышла изъ монастыря!

— Изъ монастыря!.. Вы католичка? бѣдняжка!.. А у меня есть поклонникъ. Когда ему исполнится двадцать-одинъ годъ, мы обвѣнчаемся и отправимся въ Индію. Поглядите на мое кольцо: не правда ли, оно хорошенькое?

Она вынула изъ-за корсажа письма и прочитала ихъ Віолеттѣ.

Эта молодая дѣвушка смѣялась очень громко, болтала безъ

умолку и рассказывала удивительныя исторіи. Она ѣхала гостить на три недѣли къ теткѣ.

— О! какъ въ ея домѣ веселятся! Тамъ всегда бываетъ такъ много молодыхъ людей и такихъ любезныхъ!

— Но что вамъ до этого за дѣло, — спросила Віолетта: — если вы уже обручены?

— О! та снѣге, что-жъ такое? — отвѣчала безпечно дѣвица.

Она сошла въ Бру, и Віолетта была очень рада, что осталась одна. Но къ концу дня мысли ея омрачились. Наступающіе сумерки, усиливающійся туманъ, продолжительные и мрачные свистки локомотива, огоньки полустанковъ, мелькавшіе передъ ней точно молніи — все это наполняло ее грустью. Сердце у нея сжималось и голова начала очень сильно болѣть.

Наконецъ, поѣздъ прибылъ на станцію Пэддингтонъ.

Еще не выйдя изъ вагона, она увидѣла старика; сѣдого, очень худощаваго, въ длинномъ клерикальномъ сюртукѣ, отъ чего его худоба выступала еще рѣзче. Онъ улыбался и повидимому кого-то искалъ.

Она выскочила изъ вагона и подошла къ нему.

— Патеръ О'Келли? — спросила она.

— Я самый, мое дитя. А вы должно быть миссъ Меріанъ? Я хотѣлъ увести васъ къ себѣ обѣдать, но времени мало, если вы хотите уѣхать сегодня же вечеромъ, какъ мнѣ пишетъ сестра Агнеса. Мы пообѣдаемъ у одного ирландца-католика; онъ содержитъ небольшой ресторанъ въ двухъ шагахъ отсюда. Вы, должно быть, умираете съ голоду.

Віолетта послѣдовала за нимъ.

Зала была теплая и свѣтлая, ужинъ очень чисто поданъ, женщина, прислуживавшая, вѣжлива и привѣтлива, патеръ О'Келли веселъ, какъ почти всѣ старики-патеры. Віолетта ободрилась и разговорилась. Они толковали про монастырь „Гора-Сіонъ“ и про все, что знаетъ и любитъ молодая дѣвушка. Но вотъ патеръ О'Келли вынимаетъ часы.

— У насъ времени въ обрѣзъ.

Они сѣли въ кэбъ и Віолетта расширяетъ глаза, стараясь налету уловить, какой видъ имѣетъ этотъ громадный городъ, о которомъ толковали даже въ монастырѣ.

Туманъ такъ густъ, что кэбъ катится точно по морю испареній. Ничего не видя, слышишь смутный шумъ людскихъ шаговъ, стукъ лошадиныхъ копытъ, скользящихъ по гололедицѣ. Газовые рожки мелкаютъ желтыми пятнами. Тамъ и сямъ виднѣтся факелъ, окруженный краснымъ ореоломъ; рука полисмена, дер-

жащаго его, одна отчетливо видна; остальная фигура его представляет неопредѣленный и карикатурный силуэтъ. На каждомъ поворотѣ улицы вучеръ останавливается, ищетъ ощупью дорогу, а патеръ О'Келли, въ качествѣ ирландца, не застыившій, подобно саксонцу, въ бронѣ невозмутимости, живо бесѣдуетъ съ нимъ черезъ слуховое окошечко, устроенное вверху каба.

До станціи Чэрингъ-Кроссъ доѣхали безъ приключеній. Волненіе послѣднихъ десяти минутъ достигло апогея. Телѣжки съ багажемъ катятся во всѣхъ направленіяхъ. Всѣ кричатъ, переключаются; пассажиры торопятся, таща дѣтей.

Патеръ О'Келли прощался съ своей протезѣ. Онъ глядѣлъ на нее съ нѣжной жалостью, перебирая въ умѣ тысячу вещей.

— Сколько испытаній васъ ждетъ!—вздыхалъ онъ.

— О! два дня пути скоро минуютъ!

— Я думаю не объ одномъ только этомъ пути... но и о томъ, другомъ, жизненномъ пути!.. Вы такъ еще молоды! Ну, да Богъ васъ не оставитъ!..

Она слегка склонилась передъ нимъ. Онъ сложилъ почти непримѣтно два пальца правой руки и прошепталъ:

— *In nomine Patris... et Filii et Spiritus Sancti.*

Никто не видѣлъ жеста, никто не слышалъ святыхъ словъ въ окружающемъ гвалтѣ и суетѣ. Віолетта отправилась, напутствуемая благословеніемъ старика-патера.

Два часа спустя она прибыла въ Дувръ и сѣла на ночной пароходъ, отправлявшійся черезъ проливъ. Она забилась въ темный уголокъ, подъ мосткомъ, передъ большимъ отверстіемъ, въ которомъ ревелъ машина и откуда поднималось красноватое пламя. Въ этомъ темномъ уголку, гдѣ она спряталась, завернувшись въ свою навидку, никто ее не видѣлъ, ни даже мужчины, шагавшіе черезъ протянутыя ноги и растянутыя одѣяла; они выпускали клубы ситарнаго дыма и бросали на женщинъ смѣлые и любопытные взгляды, въ поискахъ за приключеніями. Наконецъ, за горой багажа, высившагося подъ парусинымъ чехломъ, съ котораго струилась вода, она увидѣла свѣтъ маяка въ Калѣ.

Ночь окончилась въ вагонѣ, набитомъ спящими людьми, и уже довольно поздно поутру Віолетта пріѣхала въ Парижъ. Патеръ, который долженъ былъ встрѣтить ее и руководить, какъ въ Лондонѣ патеръ О'Келли, не показывался. Сидя на скамейкѣ, молодая дѣвушка долго ждала съ тѣмъ нескончаемымъ терпѣніемъ, какое Богъ даруетъ смиреннымъ. Однако, часы проходили, и нужно было на что-нибудь рѣшиться. Она справилась съ бумагой, данной ей въ монастырѣ вмѣсто маршрута, и, спросивъ чемо-

данчикъ, оставила станцію. Она спросила дорогу у первой появившейся женщины, показавшейся ей доброй по наружности. То была торговка рыбой; она везла ручную телѣжку.

— Пожалуйста, какъ мнѣ пройти на ліонскую станцію?

Она ничего не поняла въ пространнѣхъ объясненіяхъ торговки, но пошла въ томъ направленіи, какъ та указывала рукой. Вскорѣ она очутилась на какомъ-то бульварѣ; онъ велъ вдоль канала. Земля была жирная и скользкая. Туманъ разсыялся, но шелъ мелкій, тихій, неотвязный дождь, похожій на злыхъ людей, которые язвятъ тихимъ голосомъ. Вюлетта перекидывала чемоданчикъ изъ одной руки въ другую; но онъ былъ тяжелъ и веревка рѣзала ей пальцы. Она присѣла на скамью; на другомъ концѣ старыя рабочія курилъ трубку.

— Далеко ли до ліонской станціи? — спросила она.

— До ліонской станціи? — повторилъ работникъ, вынимая трубку изо рта и глядя на нее съ такимъ видомъ, какъ будто бы его забавлялъ ея вопросъ. — До ліонской станціи? Неужто же вы хотите идти туда на вашихъ маленькихъ ножкахъ и неся эту машину?.. Я иду какъ разъ въ тотъ же кварталъ и помогу вамъ... Дордогой познакоимся... пять минутъ потерять не бѣда...

Въ этихъ словахъ не было ничего страннаго; они были даже обязательны; но взглядъ, сопровождавшій ихъ, возбудилъ внезапно недоувѣріе Вюлетты, и это недоувѣріе перешло въ страхъ, когда рабочій вдругъ придвинулся къ ней.

Мимо проѣзжалъ пустой фіакръ; кучеръ поглядѣлъ на нее. Она махнула ему рукой и подбѣжала къ каретѣ съ чемоданчикомъ въ рукахъ. Четверть часа спустя она сходилa у станціи. Тамъ она протянула портмоне кучеру.

— Что мнѣ съ этимъ дѣлать? — сказалъ онъ, видя англійскую монету.

Нѣхота и пожимая плечами, однако взялъ вдвое больше противъ того, что ему слѣдовало, какъ бы затѣмъ, чтобы обезпечить себѣ честный куртажъ по опасной операціи.

Послѣ тысячи затрудненій и тысячи тревогъ, послѣ вопросовъ, оставшихся безъ отвѣта, и бесполезной бѣготни взадъ и впередъ, испытывъ тягостную фамиллярность и грубость, она, наконецъ, усѣлась на повозку, ѣхавшій въ Марсель. Возлѣ нея крестьянка, державшая на колѣняхъ корзинку, набитую всякой всячиной, немедленно вступила въ разговоръ и одна почти его и поддерживала.

— Вы далеко ѣдете?

— О, да!

— А откуда вы ѣдете?

— Изъ Ирландіи.

— Изъ Ирландіи? Неужели?.. значитъ, вы ирландка?

— Нѣтъ, я французенка.

— Французенка? Неужели? Да какъ же это вы такъ говорите по-французски?

— Мой отецъ былъ французъ; онъ былъ учителемъ музыки въ одномъ ирландскомъ монастырѣ. Онъ умеръ, и тогда сестры воспитали меня.

— Понимаю... значитъ, вы французенка, хотя и не совсѣмъ. А я ѣду къ своимъ, въ полуверстѣ отъ Морé. Вы знаете Морé? Ахъ, нѣтъ, правда, вы не можете знать, какъ я глупа!.. вѣдь вы ирландка!.. то-есть, по рожденію, значитъ. А я возвращаюсь изъ Парижа; ѣздила по случаю тяжбы... вотъ ужъ всю душу вытянули!

И она рассказала про свою тяжбу Виолеттѣ: и какъ она началась, и какъ они ее проиграли въ судѣ, и какъ адвокаты говорили, что надо подать на апелляцію... и сколько денегъ это имъ стоило... не говоря уже просто, что дочь сбилась съ пути... и все по случаю этой тяжбы, потому... Но вы дѣвушка, съ вами нельзя объ этомъ говорить!.. А сынъ у нихъ въ Алжиріи и по уши увязъ въ долгахъ. Ахъ, Боже мой, какъ тяжело жить на свѣтѣ!.. Право!

Она плакалась такимъ образомъ два часа, вытирая по временамъ глаза уголкомъ клѣтчатаго синяго фуляра, служившаго крышкой корзинкѣ, откуда торчали странной формы предметы и даже, какъ казалось Виолеттѣ, шевелились.

Добравъ до своей станціи, она оборвала рассказъ, встала и сказала спокойно:

— Ну, до пріятнаго свиданія!

И вышла изъ вагона, тщательно ограждая свою корзинку.

Вагонъ наполнился пассажирами и снова опустѣлъ, и Виолетта могла, такимъ образомъ, видѣть безконечное разнообразіе человѣческихъ типовъ. Одни кричали, хохотали, пили, играли въ карты, шумѣли. Другіе читали или сидѣли, уставившись носомъ въ стекло окна или же погружившись въ печальную и глубокую думу. Были путешественники, которые всѣхъ знали. На каждой станціи они становились у двери, заставивъ ее своей широкой спиной, и фамиллярно здоровались съ станціоннымъ персоналомъ. Другихъ провожала при отъѣздѣ, или встрѣчала при возвращеніи, цѣлая толпа родственниковъ или знакомыхъ: и тутъ происходили

нескончаемыя рукопожатія и объятія. Третьи, наконецъ, проскользали въ вагонъ, молчаливые и незамѣченные, и точно также выходили изъ него. Въ дорогѣ происходили траги-комическія сцены: жены бранили мужей; разсѣянные люди пропускали станцію, на которой имъ слѣдовало сойти; безтолковые и суетливые забывали половину багажа въ вагонъ;—всѣ эти мелкіе эпизоды пути, которыми мы уже пресыщены, но которые Віолетта переживала впервые.

Когда она стала дремать вечеромъ, деревенскій патеръ читалъ требникъ, стоя у лампы. Когда Віолетта раскрыла глаза во время одной изъ остановокъ, то увидѣла вмѣсто патера тронхъ солдатъ, курившихъ сигары и съ хохотомъ рассказывавшихъ анекдоты. Они не были злыми на видъ. И если одинъ изъ нихъ, краснобай, поглядѣлъ на путешественницу, то больше, казалось ей, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе производилъ его умъ, нежели по другой причинѣ. По наивнымъ понятіямъ Віолетты, эти солдаты казались ей скорѣе покровителями, и она съ довѣріемъ уснула вновь послѣ краткой мысленной молитвы. Безъ сомнѣнія, небо хранило ее, а также и некрасивая войлочная шляпа, безобразившая дѣвушку, къ счастью ея. Когда она проснулась, солдаты въ свою очередь исчезли, но послѣ нихъ оставался ѣдкій запахъ табаку. Она спустила стекло, сняла шляпу и подставила лобъ бурному вѣтру, который несется вдоль двигающагося поѣзда. Она вдыхала свѣжій и чистый воздухъ и глядѣла на смутныя очертанія земли, на неопредѣленную массу лѣсовъ, на возбужденныя облака, сквозь которыя проникалъ лунный свѣтъ, озарявшій окрестность. Нѣсколько капель дождя омочили ея лицо и пріятно освѣжили усталыя вѣки. Мысль быстро переносилась на тысячи вещей. Она подумала о великомъ ночномъ покоѣ, объ огонькахъ, мелькавшихъ тамъ и сямъ въ потемкахъ, о человѣческихъ существахъ, которые такъ поздно засидѣлись у этихъ огоньковъ. Потомъ въ сотый разъ мысли ея вернулись къ „Горѣ-Сіонъ“. Ей видѣлась лампада, горѣвшая всю ночь въ церкви; ей видѣлись постели бѣлицъ и ихъ закрытые глаза и непорочные лбы. Потомъ, обратившись къ самой себѣ, Віолетта подумала о своей участи, похожей на поѣздъ, мчавшійся въ потьмахъ къ невидимымъ большимъ городамъ. Какая жизнь ожидаетъ ее въ концѣ этого быстрого путешествія? Кто эти незнакомцы, отъ которыхъ она будетъ зависѣть?..

Она проѣхала черезъ Ліонъ ночью. Утромъ, по пробужденіи, она увидѣла вагонъ озаренный веселымъ солнцемъ. Она выглянула въ окно; мѣстность показалась ей иной. Очертанія болѣе тонкія и опредѣленныя; свѣтъ ярче; теплыя струи пронеслись

въ воздухъ и что-то привѣтливое и счастливое въ наружности неба и земли возвѣщало о югѣ. При первой же остановкѣ всѣ пассажиры вышли изъ вагоновъ, движимые какъ бы однимъ общимъ чувствомъ. Они отряхивались, развертывали кашнѣ, разстегивали пальто, принимались насвистывать и напѣвать, живо глотали чашки черного кофе, отъ котораго шелъ паръ на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Женщины съ пѣвучими голосами, съ черными волосами, повязанными краснымъ фуляровымъ платкомъ, живо сновали вдоль поѣзда, предлагая южныя лакомства. Всѣ аппетиты могли найти себѣ удовлетвореніе, начиная съ голоднаго саксонца и кончая парижанкой, довольствующейся конфеткой: *pougat* изъ Монтелимара, сосиски изъ Арля, марсельскія коврижки, а главное, чудныя кисти винограда-мускатъ, съ продолговатыми золотистыми зернами.

Вioletta спросила, что стоитъ кисть винограда:— Слишкомъ дорого, — произнесла она со вздохомъ.

Проходившій мимо человекъ услышалъ слова и вздохъ. Сегунду спустя торговка вернулась въ дѣвушкѣ и подала ей кисть винограда, говоря: — Возьмите, барышня, мнѣ заплатили.

Молодая дѣвушка, покраснѣвъ какъ ракъ, съ бьющимся сердцемъ, держа портмонѣ на ладони, не знала, что ей дѣлать. Торговка улыбалась. „По вагонамъ!“ рѣзко закричалъ кондукторъ, и Violetta очутилась одна въ отдѣленіи вагона, съ кистью винограда въ рукахъ. Она была очень взволнована: неожиданное приключеніе вставало передъ ней щекотливымъ вопросомъ.

Кто заплатилъ за нее? Въ правѣ ли воспитанница сестеръ „Горы-Сіонъ“ принять эту кисть винограда и съѣсть ее?

И Violetta глядѣла на виноградъ—сочный, красивый, соблазнительный.

Но дѣтски-прямодушная совѣсть ея неумолимо повторала вопросъ:

— Кто же однако заплатилъ за нее?.. Да и полно, заплатили ли? Не по добротѣ ли сердечной отдала ей торговка послѣднюю, оставшуюся у нея отъ продажи, кисть винограда?— Конечно, такъ,—сказала себѣ Violetta;—я глупа съ своими колебаніями.

И она ѣла виноградъ ягоду за ягодкой съ величайшимъ удовольствіемъ, сама дивясь неожиданному открытію—что она такая лакомка.

И не успѣла она доѣсть виноградъ, какъ уже сознала себя виновной. Она рѣшила въ концѣ концовъ, что виноградъ подаренъ ей торговкой, но вотъ, съѣвши его, убѣдилась, что втайнѣ думаетъ противное. Когда она выходила изъ вагона въ Мар-

сели, она не смѣла глядѣть на другихъ пассажировъ и избѣгала ихъ сколько возможно. Предчувствіе говорило ей, что тотъ, кто далъ ей этотъ виноградъ—она *знала*, что то не женщина—будетъ играть важную роль въ ея жизни. Но съ этимъ предчувствіемъ стало то же, что и со многими другими: оно не оправдалось. Виновникъ подарка, если онъ и существовалъ, не показался и не потребовалъ платы за свое доброе дѣло. По мѣрѣ того, какъ ее увозилъ дальше поѣздъ, отправлявшійся въ Ниццу, воспоминаніе объ этомъ приключеніи изглаживалось. Наконецъ она перестала о немъ думать.

Фиолетовые цвѣта вечерней зари уже омрачали Средиземное море, когда она проѣзжала мимо Санъ-Рафаэля, въ ту пору еще жалкаго мѣстечка, погруженнаго въ сонъ подлѣ своего песчанистаго порта. Она увидѣла еще Леринскій архипелагъ при последнемъ лучѣ солнца. Затѣмъ пейзажъ побурѣлъ, омрачился и принялъ тотъ грозный видъ, какой принимаютъ ночью незнакомыя мѣста. Дикія ущелья, крутые склоны, обломки скалъ, взгроможденныхъ другъ на друга: Виолеттѣ казалось, что она ѣдетъ на конецъ свѣта.

Было уже совсѣмъ темно, когда она вышла на дебаркадеръ Банна. Двое или трое кучеровъ, лѣниво дремавшихъ на козлахъ, проснулись, видя ее, и стали вырывать другъ у дружки ея жидкій багажъ. Она показала одному изъ нихъ ключокъ бумаги, на которомъ стоялъ слѣдующій адресъ: „Вилла Марини“.

Только-что она усѣлась въ экипажъ, какъ лошадь побѣжала крупной рысью, радуясь, что можетъ страхнуть тучу мухъ, поживавшихъ ея ноздри. Скоро миновали домъ. Въ тѣ времена Антибская улица была не что иное, какъ проѣзжая дорога, обсаженная оливковыми деревьями и пролегавшая черезъ луга. Переѣзжавъ рельсы въ низинѣ, лошади пошли тише въ гору, на которой уже раскидывались немногія виллы. Затѣмъ дорога повернула направо, на болѣе узкую дорогу, подъ сѣнью пихтъ, откуда явственнѣе слышалось рокотаніе моря.

Кучеръ остановился у низкой рѣшетки; за нею, насколько можно было видѣть въ потемкахъ, находился густой садъ съ необыкновенными растеніями; затѣмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, плоская, какъ терраса, крыша дома, притаившагося въ кустахъ и деревьяхъ. Виолетта расплатилась съ кучеромъ, и тотъ немедленно хлеснулъ лошадь. Молодая дѣвушка стала ощупью искать колокольчика и нащупала среди плюща кольцо, привѣшенное къ желѣзной цѣпочкѣ. Она потянула его—и послышался

хриплый звукъ ржаваго колокола. Продавъ нѣсколько минутъ, она снова позвонила, и наконецъ послышались шаги по песку.

Молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, съ наружностью совершенной дикарки, въ одной рукѣ держа сальную свѣчу, а другою придерживая юбку, появилась по ту сторону рѣшетки; по ея пяткамъ отчаянно заливалась лаемъ собака.

— Вилла Марини?—спросила Віолетта прерывающимся отъ усталости и безпокойства голосомъ.

— Вилла Марини, sì!

— Герцогъ де-Наваренъ тутъ живетъ?

— No capisco,—пробормотала она.

И прибавила послѣ минутнаго размышленія:

— Aspetta momento.

И побѣжала къ дому. Собака осталась у рѣшетки и лаяла съ ожесточеніемъ. Почти въ ту же минуту растворилось окно въ первомъ этажѣ, и женскій голосъ, грубый и сердитый, прокричалъ въ темнотѣ:

— Кто тамъ? чего надо?

— Во-первыхъ,—сказала Віолетта,—точно ли я нахожусь у герцога де-Наваренъ?

— Ну, да; что-жъ далѣе?

— Я гувернантка, которую ждутъ изъ Ирландіи.

— Ахъ, да, слышала... Ну, вотъ такъ выбрали времечко, чтобы пріѣхать... да еще не предупредивши! Ну, да нечего дѣлать, входите.

Нѣсколько словъ обмѣнено было между женщинами на мѣстномъ нарѣчій, затѣмъ рѣшетка отворилась.

Никто не предложилъ Віолеттѣ снести ея чемоданъ въ домъ, и она сама втащила его. Въ сѣняхъ стояла высокая, толстая женщина, та самая, которая только-что говорила. Лицо ея также не понравилось Віолеттѣ, какъ и голосъ.

— А, значитъ, вы пріѣхали для дѣвочки?.. Вы умѣете шить, гладить? Привыкли ходить за дѣтьми? Вы на видъ не изъ сильнаго десятка... Вы уже были въ услуженіи?

— Въ услуженіи?—повторила Віолета.

Удивленіе, негодованіе душили ее и заставляли забывать объ усталости. Но она сдержала себя и холодно отвѣчала:

— Я приглашена не для того, чтобы шить и гладить, но чтобы воспитывать молодую дѣвицу.

— Молодую дѣвицу четырехъ лѣтъ! — расхохоталась женщина.—Впрочемъ, вы условитесь съ господами; это не мое дѣло.

— Не могу ли я переговорить съ ними сегодня же вечеромъ?

— Они въ Нидцѣ. Вы увидите ихъ завтра... Я же рано ложусь спать. Поэтому прощайте. Вотъ ваша комната.

Она провела ее въ первый этажъ и растворила дверь. Четыре општукатуренныхъ стѣны, соломенный тюфякъ на желѣзной кровати, стулъ и тазъ съ отбитымъ краешкомъ на комодѣ изъ некрашеннаго дерева. Можно было пожалѣть объ убранствѣ „Горы-Сіонъ“, какъ ни было оно скромно!

Мегера исчезла, и Віолетта осталась одна. Корзинка съ провизіей была пуста. Молодая дѣвушка умирала отъ голода, но не захотѣла бы попросить стаканъ воды въ этомъ негостепріимномъ домѣ. Первой ея мыслью было запереться на ключъ; но въ двери не было ни замка, ни ключа. Она подтащила комодъ къ двери, поставила свой чемоданъ на комодъ. Послѣ чего, задувъ свѣчу, протянулась, не раздѣваясь, на постели. При малѣйшемъ шумѣ, она приподнималась на локтѣ и прислушивалась съ тревогой. Но все спало въ домѣ. Она слышала только правильный прибой волнъ и вой вѣтра. Никакихъ успокоительныхъ звуковъ: ни людскихъ шаговъ, ни даже боя отдаленныхъ часовъ.

Боялась ли она? Нѣтъ: боязнъ воображаемой опасности была бы облегченіемъ сравнительно съ сознаніемъ ея дѣйствительнаго несчастія. Тѣмъ лишь, кому въ пору крайней нравственной деликатности приходилось проводить первую ночь подъ незнакомой крышей,—кто ложился въ постель впервые безъ напутственной ласки, послѣ того какъ прожилъ долгіе годы въ теплой атмосферѣ личныхъ привязанностей,—только тѣ поймутъ, какое тяжкое бремя удручало сердце Віолетты. Долго, очень долго текли ея слезы, горькія и жаркія, въ тиши ночи. Но молодость не создана для продолжительныхъ безсонницъ: до наступленія полуночи Віолетта уже спала крѣпкимъ сномъ.

II.

Ее разбудилъ серебристый и картавый голосъ ребенка, игравшаго въ саду. Яркій и веселый свѣтъ утра потоками лился въ окно безъ занавѣсокъ. Она торопливо одѣлась, не безъ смущенія устранила всѣ слѣды возведенной ею баррикады и сошла внизъ. Все было въ движеніи: въ домѣ, внѣ дома, болѣе десяти чело-вѣкъ дѣлали свое дѣло. Садовники косили траву, подстригали деревья, пололи куртины съ цвѣтами, подметали аллеи, разставляли скамьи на такія мѣста, откуда открывался красивый видъ или можно было укрыться въ тѣни для пріятной бесѣды или

уединеннаго раздумья. Внутри обойщики разставляли мебель, вѣшали жирандоли, прибавали густые и мягкіе ковры, одѣвали окна и каминны блестящими и легкими тканями. Другіе наполняли вазы рѣдкими цвѣтами; третьи мыли мозаичный полъ террасы, исчезавшій подъ коркой грязи и сухихъ листьевъ.

Вчерашняя толстуха стояла на террасѣ съ маленькой дѣвочкой и человѣкомъ, котораго Віолетта могла бы принять за господина—такъ онъ былъ хорошо одѣтъ. Свѣтскіе люди не ошиблись бы: только слуга могъ быть такъ наряденъ съ восьми часовъ утра и носить такую толстую булавку въ атласномъ галстухѣ.

Толстуха обратилась къ Віолеттѣ:

— Ахъ! вотъ и вы наконецъ! Вы не ранняя птичка... ну, да въ первый день... Вы еще не завтракали, Віолетта... Такъ васъ зовутъ, не правда ли? Я прочитала на вашемъ чемоданѣ. Какое смѣшное имя, не правда ли, м-г Шарль?.. Меня зовутъ Франсуаза Витали. Вы можете меня звать м-ше Витали.

Молодая дѣвушка не отвѣчала. М-ше Витали подошла къ ней и вполголоса объявила не безъ торжественности:

— Это камердинеръ г. герцога.

Лакей низко поклонился, какъ—онъ видѣлъ—дѣлали господа, когда ихъ представляли дамамъ. Віолетта слегка кивнула головой, а м-ше Витали, смущенная какъ бы то ни было холодной сдержанностью молодой дѣвушки, потирала себѣ руки.

— Вы знаете, господа вернулись. Она взбѣшена: она, кажется, проиграла дѣсти лудировъ въ Монако. Они пьютъ у себя шоколадъ... Кстати, милая, пойду взгляну, готовъ ли вашъ завтракъ.

Въ это время Віолетта повернулась къ маленькой дѣвочкѣ и улыбалась ей. Дѣвочка была хорошенькая, но грація ея движеній стѣснялась слишкомъ богатыми тряпками, какія на ней были накручены, и придавали ей видъ кружевного свертка. Она сначала молчала, сконфузясь незнакомки, и наблюдала за ней исподтишка и съ недоумѣніемъ. Наконецъ проговорила:

— Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Віолеттой.

— Какъ цвѣточки въ травѣ?

— Именно.

— О! они хорошенькіе и хорошо пахнутъ. У мамѣ они всегда вотъ тутъ.

И ребенокъ показалъ на грудь. Потомъ продолжалъ:

— Тебя вчера не было. Когда ты пріѣхала?

— Въ то время какъ вы спали. Я пріѣхала издалека, чтобы васъ любить и учить читать.

— Издалека, — проговорила дѣвочка задумчиво.

И вдругъ, точно ее поразила внезапная мысль, спросила:

— Развѣ ты ангелъ?

Граціознымъ движеніемъ, отъ котораго черная юбка вздулась вокругъ нея, какъ шаръ, Віолетта усѣлась на пяткахъ такъ, чтобы лицо ея приходилось наравнѣ съ личикомъ дѣвочки.

Гадкая войлочная шляпа и толстый дорожный салопъ не скрывали больше ея лица и талии. Бѣлый лобъ, осѣненный ореоломъ золотистыхъ волосъ, глаза синяго, почти фіолетоваго цвѣта, глядѣвшіе прямо, хотя и безъ всякой дерзости, дѣтскій ротъ и вѣрпкій подбородокъ, обличавшій твердость воли, круглая, бѣлая шейка, отъ которой взоръ неохотно отрывался — вотъ какова была Віолетта, и не одной только четырехъ-лѣтней дѣвочкѣ она могла показаться ангеломъ.

Ребенокъ не дождался отвѣта и съ дѣтской подвижностью объявилъ:

— Знаешь, я не хочу учиться читать.

— Не хочешь учиться читать?

— Нѣтъ, не хочу учиться читать; это скучно.

— Почему вы знаете, если еще не учились?

— Говорю тебѣ, что скучно! — съ нетерпѣніемъ закричала дѣвочка, топая ножкой.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Смотрѣть картинки.

— Всегда?

— Всегда.

— Но какія же картинки?

— Картинки, гдѣ нарисованы прекрасныя дамы, очень хорошо одѣтыя, а передъ ними кавалеры на колѣняхъ.

— Будемъ смотрѣть картинки, — сказала Віолетта, улыбаясь.

— Когда такъ, я тебя люблю.

И дѣвочка охватила ея шею руками.

Легкій скрипъ шаговъ по мозаикѣ далъ знать Віолеттѣ, что она больше не одна съ дѣвочкой на террасѣ. Что это? нарядный камердинеръ съ великолѣпной булавкой въ галстухѣ? Нѣтъ, этотъ субъектъ скрылся. Молодой человекъ въ утреннемъ вестонѣ стоялъ передъ нею и съ любопытствомъ и симпатіей глядѣлъ на маленькую сцену.

Віолетта встала съ полу, краснѣя.

— Mademoiselle Meriанъ? — спросилъ молодой человекъ.

— Да.

— Благодарю васъ, что вы пріѣхали, и надѣюсь, что вамъ у насъ понравится... Я вижу, что Мадлена уже васъ обожаетъ.

Въ эту минуту появилась м-ме Витали.

— Вашъ завтракъ приготовленъ въ кухнѣ, Віолетта... О! прошу прощенья, г. герцогъ...

— Благодарю, м-ме Витали; я сейчасъ иду.

— Пойдите!—сказалъ герцогъ, голосъ котораго вдругъ сталъ жестокъ и надмененъ.—Никто здѣсь не въ правѣ фамиллярно обращаться съ м-ле Меріанъ, и всякаго, кто осмѣлится выказать непочтительность, я прогоню немедленно... Что касается васъ, м-ле Меріанъ,—обратился онъ къ ней съ удвоенной почтительностью:—то будьте такъ добры и зовите эту добрую женщину „Франсоной“ или „Нуну“, какъ и всѣ мы.

Віолетта ушла, немного смущенная выговоромъ, сдѣланнымъ изъ-за нея м-ме Витали. Когда она проходила съ послѣднихъ ступенекъ лѣстницы, которая вела въ кухню, ее нагналъ камердинеръ.

— Г. герцогъ проситъ васъ пожаловать къ себѣ въ комнату. Вамъ тамъ подадутъ завтракъ; такъ приказалъ г. герцогъ.

— И я такъ думала,—сказала м-ме Витали:—да эта кухарка такая дура!

Поднимаясь вновь по лѣстницѣ, Віолетта слышала грубые простонародные и раздраженные голоса: то м-ме Витали вымечала свою досаду на кухаркѣ.

Дойдя до перваго этажа, Віолетта хотѣла пройти въ дрянное помѣщеніе, гдѣ она провела ночь. Но камердинеръ, безшумно слѣдовавшій по ея стопамъ, поспѣшно остановилъ ее.

— Извините, не сюда. Вотъ ваша комната.

И онъ растворилъ дверь. Віолетта увидѣла хорошенькую комнату, всю обитую ситцемъ-цвѣточками, и куда были тщательно перенесены всѣ ея вещи. Минуту спустя, на кругломъ столѣ, покрытомъ тонкой скатертью, съ длинной шелковистой бахромой, появился чай, сервированный по-англійски, въ сопровожденіи сытнаго и вкуснаго завтрака. Она сѣла и стала завтракать, глядя въ раскрытое настежь окно на море, подернутое восхитительной рябью и оживленное быстроходными небольшими барками съ бѣлыми парусами, кокетливо наклонявшимися подъ вѣтромъ. Вдали Антибскій мысъ уходилъ въ открытое море. Справа островъ св. Маргариты выступалъ изъ прозрачныхъ водъ съ своимъ лѣсомъ и старымъ замкомъ. Слѣва обрисовывалась красивая линія песку, окаймлявшаго мягкій изгибъ залива Жуанъ. Позади высились

алевсинныя рощи, затѣмъ шли сосны и наконецъ синеватая горы, а надъ ними снѣжные пики, замыкавшіе горизонтъ.

Какъ все измѣнилось въ нѣсколько минутъ! Не такъ ли дѣло происходитъ въ сказкахъ? Пришелъ волшебникъ, сказалъ слово, и домъ, угрюмый, враждебный, грозный, теперь у ея ногъ. Эта мрачная тюрьма, полная ночныхъ страховъ, теперь стала страннымъ, но очаровательнымъ гнѣздышкомъ, гдѣ благоухали рѣдкіе цвѣты, сіяло солнце, царило веселье, обитали благодѣтельные геліи или усмиренныя чудовища... Рѣшительно не слѣдуетъ торопиться проклинать жизнь!

Она доканчивала завтракъ, когда послышался стукъ въ дверь.

— Войдите!—весело закричала Віолетта.

М-ше Витали вошла въ комнату на цыпочкахъ и тщательно притворила за собой дверь. Послѣ того подошла улыбающаяся, таинственная, конфиденціальная, съ маленькими гримасками, которыя очень не шли къ ея толстой и свѣрной бабьей рожѣ.

— Я пришла взглянуть, не нужно ли вамъ чего, *mon petit chat*... Простите, что я васъ такъ называю, но я это нечаянно... я очень люблю молодежь, и когда мнѣ кто нравится...

— Садитесь,—сказала Віолетта, тронутая. И подумала:

„Эта женщина вовсе не такая дурная, какъ я ее считала“.

М-ше Витали не сѣла на указанный ей стулъ, но оперлась на спинку другого и нагнулась къ Віолеттѣ, чтобы хорошенько видѣть ея лицо.

— Вы видѣли нашего герцога? Какъ вы его находите?

— Да... онъ очень добръ, очень вѣжливъ.

— Ахъ, онъ большой вѣтренникъ, бѣгаетъ за юбками, но очень милъ, не правда ли? Ахъ! еслибы я была лѣтъ на двадцать моложе, онъ бы недолго свистѣлъ у меня подъ окнами!.. Ну, словомъ, вы ему понравились; это всѣ сейчасъ замѣтили. Вкусы его извѣстны... Да я, впрочемъ, заранѣе это угадала. Какъ только вы вчера пріѣхали, я сказала себѣ: — вотъ эта барышня понравится г. герцогу! И это мнѣ пріятно, потому что въ сущности я, видите ли, добрая, и люблю молодежь... И къ тому же скажу я вамъ, что Нелла всѣмъ надоѣла!

Эти послѣднія слова были такъ же непонятны Віолеттѣ, какъ еслибы были сказаны на неизвѣстномъ ей языкѣ. Она не обратила на нихъ никакого вниманія и замѣтила:

— Я очень рада, что понравилась г. герцогу, но для меня всего важнѣе то, понравлюсь ли я герцогинѣ.

Глубокое удивленіе выразилось на лицѣ м-ше Витали.

— Герцогинѣ... какой герцогинѣ?

— Да... я хочу сказать... хозяйкѣ дома... матери Мадлены...

— Ей! Неллѣ... Но, бѣдняжка моя, она—такая же герцогиня, какъ и я. Это итальянская танцовщица... по крайней мѣрѣ она говоритъ, что итальянка... И зоветъ себя Маринелли. А настоящее ея имя—Маринель, Виргинія Маринель. Папенька ея умеръ въ центральной тюрьмѣ города Клерво, отсиживая тамъ трехъ-годовичное заключеніе за мошенничество. Чго касается до нея, то она воспитывалась на улицѣ. И четырнадцати лѣтъ уже пустилась во всѣ тяжкія. Она продавала цвѣты и все остальное прочее на Монмартрскомъ бульварѣ; была натурщицей; прожила четыре года съ художникомъ, который ее билъ. Теперь она жеманится и кривляется: все, видите ли, не по ней,—даже глядѣтъ противно. Она увѣряетъ, что ей двадцать-шесть лѣтъ, но она раскрываетъ ротъ только затѣмъ, чтобы врать, и, повѣрьте слову, ей ближе къ сорока, нежели къ тридцати. Короче сказать, мы съ ней однихъ лѣтъ.

М-ше Витали долго продолжала въ этомъ родѣ съ той ожесточенной и завистливой ненавистью, какую можно встрѣтить въ такомъ высокомъ градусѣ только у современныхъ слугъ, когда они говорятъ о своихъ господахъ. Но Біолетта ее больше не слушала.

Она думала объ этомъ новомъ ударѣ, разрушавшемъ всѣ ея надежды, едва лишь онѣ зародились. Въ нѣсколькихъ грубыхъ словахъ м-ше Витали раскрыла передъ нею цѣлую сторону жизни, о которой она и не подозрѣвала. Но какъ ни была она неопытна, какъ же ей было не понять, что Мадлена—плодъ любви, не освященной церковью, не признаваемой закономъ?

Когда ей удалось отдѣлаться отъ м-ше Витали, она тотчасъ же сѣла писать письмо „сестрѣ“ Агнесѣ. Но на первыхъ же порахъ остановилась, не зная, въ какихъ словахъ выразить то, что она узнала. Какъ говорить объ этихъ вещахъ съ воспитательницей ея юности и съ тою, которая, чтобы лучше ихъ скрыть, всегда дѣлала видъ, что сама ихъ не знаетъ? Прошелъ часъ, и она сожгла уже два черновыхъ письма, когда послышался топотъ маленькихъ ножекъ въ корридорѣ.

— Ты здѣсь?—закричалъ голосъ Мадлены.

Біолетта пошла открыть дверь.

— Мама сегодня сердита. Она прогнала меня изъ гостиной, говоря, что она больна, и я слишкомъ шумлю. Пойдемъ со мной, я покажу тебѣ мои куклы.

Въ полдень, гонгъ, находившійся въ сѣняхъ, возвѣстилъ о завтракѣ. Біолетта сошла внизъ, держа за руку Мадлену, и встрѣ-

тила внизу лѣстницы герцога де-Наваренъ, только-что вернувшася послѣ верховой прогулки. Всѣ трое прошли въ гостиную, герцогъ пропустилъ Вюлетту впередъ, а самъ вошелъ вслѣдъ за нею, посадивъ дѣвочку себѣ на плечи.

Въ самомъ темномъ уголку этого обширнаго покоя, гдѣ двойныя розовыя шторы были тщательно опущены, сидѣла женщина на диванѣ, забившись въ подушки.

На ней былъ длинный пенюаръ янтарнаго цвѣта, и изъ-подъ него выглядывала ножка въ атласной туфлѣ. Другая туфля валялась на коврѣ. Матовый цвѣтъ лица, искусно взбудораженные черныя волосы, низкій лобъ, глаза скорѣе продолговатыя, чѣмъ большіе, и которымъ близорукость, настоящая или притворная, сообщала нѣкоторую томность, какая нравится мужчинамъ—вотъ все, что увидѣла Вюлетта съ порога, гдѣ остановилась.

Герцогъ Наваренъ подошелъ къ дивану, но Маринелли отвернулась къ стѣнѣ, проговоривъ съ надутымъ видомъ:

— Ахъ! этотъ гонгъ! еслибы вы имѣли хоть каплю жалости ко мнѣ, вы бы не подвергали страждущую женщину мукѣ слушать этотъ адскій шумъ.

— Я прикажу убрать его, вы больше его не услышите... Но вы знаете, m-lle Меріанъ пріѣхала.

— Нѣтъ... я ее еще не видѣла... Здравствуйте, m-lle Меріанъ! Неужели уже время завтракать, Филиппъ? я совсѣмъ не голодна.

— Позавтракайте все-таки ради моего удовольствія, — чуть-чуть подсмѣиваясь герцогъ.

— Мнѣ вовсе не хочется доставить вамъ удовольствіе.

Онъ помогъ ей встать.

— Я устала, — стонала она: — до смерти устала!

— Полноте! вы свѣжи, какъ роза!

— Вы видите, что вы меня дразните. Вы отлично знаете, что я не претендую на свѣжесть... я предоставляю свѣжесть мужичкамъ... и англичанкамъ, — прибавила она, искоса взглянувъ на Вюлетту.

— О! какъ свѣтло! — закричала она, входя въ столовую. — Какое ужасное солнце!

Камердинеръ Шарль бросился къ окну и спустил заразъ и штору, и жалюзи.

Нелли сѣла, повернувшись спиной къ свѣту, и указала Вюлеттѣ съ холодной улыбкой на мѣсто около ребенка.

Съ перваго же блюда, поднесеннаго ей, она скрестила руки и откинулась на спинку стула; но, видя, что никто не настаиваетъ,

васть на томъ, чтобы она ѣла, сдѣлала незамѣтный знакъ Шарлю, и тотъ снова поднесъ ей блюдо; она наложила себѣ полную тарелку и продолжала говорить или, вѣрнѣе сказать, ворчать короткими сухими фразами, сердитыми и неясными. Двери не запираются; окна тоже; мебель старая и безобразная: ни вкуса, ни шика,—дрянь такая, что трудно представить себѣ! О чемъ думалъ агентъ, который добылъ имъ эту развалину, гдѣ никого и принять нельзя! За кого же ее, наконецъ, принимаютъ?

— Есть ли тутъ магазины? — спросила она наконецъ.

— Вездѣ есть магазины,—разсѣянно отвѣчалъ герцогъ.

— Я поѣду погляжу... сегодня... если буду въ силахъ, и возьму Мадлену... Вы можете мнѣ сопутствовать, m-lle Меріанъ?

— Конечно, — отвѣчала Віолетта нерѣшительно.

— Но есть ли у васъ платье?.. Я хочу сказать—другое платье, кромѣ того, что на васъ?

— Увы! нѣтъ.

— О! это не бѣда. У меня здѣсь есть платья, которыхъ я больше не ношу, и почти не надѣванные. Альфонсина, моя горничная—портниха, она вамъ ихъ передѣлаетъ.

Носить обноски Маринелли!.. Віолетта молчала. Филиппъ вмѣшался не безъ оживленія.

— Что это вы придумали? одѣть въ свои старыя платья m-lle Меріанъ! Это неприлично.

Внезапный гнѣвъ передернулъ губы Нелли. Она съ вызовомъ поглядѣла на Наварена и гувернантку. Грубая женщина выступила изъ-подъ нарядной барыни, готовая ругаться, и, пожалуй, еще болѣе вульгарная, чѣмъ Витали.

— Неприлично! — вскричала она. — Почему?

— Потому, конечно,—отвѣтила Віолетта съ сильно бьющимся сердцемъ:—что этотъ туалетъ былъ бы слишкомъ богатъ для гувернантки.

Этотъ отвѣтъ зажалъ ротъ Нелли, но не умиловилъ ее; Филиппъ отвернулся. Къ тому же завтракъ былъ конченъ, и всѣ разошлись.

Въ тотъ же день, около четырехъ часовъ, Віолетта пошла и сѣла съ Мадленой на небольшой песчанистой террасѣ, расположенной въ пятидесяти шагахъ отъ дома и возвышавшейся на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря. Свѣтъ потухалъ съ приближеніемъ вечера, синяя дымка облекала даль, вѣтеръ упалъ и паруса повисли; длинныя барки застыли на мѣстѣ, какъ большія бѣлыя птицы. Волны замирали съ глухимъ и ласковымъ вздохомъ

среди сухихъ водорослей и кактусовъ, которые въ безпорядкѣ росли у подошвы террасы.

Черезъ четверть часа къ нимъ подошелъ герцогъ де-Наваренъ, съ серьезнымъ лицомъ, но это полу-грустное выраженіе шло къ нему. Ничто въ немъ не выдавало баловня свѣта и моды. Слегка продолговатое лицо, смуглое и блѣдное, съ довольно рѣзкими чертами. Глаза темно-голубые, и ихъ взглядъ, серьезный и проникающій, могъ подолгу останавливаться на женщинѣ, не смущая ее. Широкій лобъ, виски, красиво осыненные черными волнистыми волосами, усы довольно воинственные, но изящные и не закрученные побѣдоносно, по печальной модѣ послѣдняго времени.

Онъ былъ высокаго роста и походка его отличалась природнымъ достоинствомъ. Движенія были свободныя и спокойныя, голосъ глубокій, жесты рѣдкіе. Въ его фізіономіи и манерахъ не было и слѣда блестящей пустоты свѣтскаго человѣка, но скорѣе сдержанная и сосредоточенная страсть, пылкая меланхолія человѣка, которому опредѣлено въ жизни одно только: любить.

— Моя сигара васъ не пугаетъ?—спросилъ онъ мягко Вюлетту.

— Нисколько.

Онъ протанулъ руку къ крѣпости св. Маргариты, выдѣлявшейся на темной зелени острова, какъ разъ напротивъ ихъ.

— Вы глядѣли на это?

— Да. Что это такое?

— Въ былое время это была государственная темница, а теперь развалина, которая ни на что не годна... развѣ только для эффекта въ пейзажѣ. Вы знаете исторію Желѣзной Маски?

Да, она ее знала. Значить, здѣсь онъ былъ заключенъ и страдалъ.

— Бѣдный человѣкъ! я теперь всякій разъ, какъ взгляну на эти стѣны, вспомню и помолюсь о немъ.

Мысль „молиться“ за Желѣзную Маску должна была вызвать улыбку у парижанина 1866 года. Но эта улыбка быстро слетѣла съ лица герцога.

— Развѣ монастырь не та же тюрьма?—спросилъ онъ.

— О! нѣтъ. Вѣдь въ немъ живешь съ Богомъ; къ тому же я была такъ мала, когда попала въ монастырь!

— Ваша мать?..

— Моя мать умерла нѣсколько дней спустя послѣ моего рожденія... Вотъ она, поглядите.

И машинальнымъ жестомъ она разстегнула верхнюю пуговицу корсажа, вынула медальонъ и вдругъ остановилась, сконфузивъ

шись и сообразивъ, какъ фамиллярно такое движеніе, а въ особенностѣ смутившись отъ того, что подумала о томъ, какъ коротка цѣпочка, и что ему придется нагнуться совсѣмъ близко къ ней, чтобы поглядѣть на портретъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но съ большой скромностію. Онъ поглядѣлъ на миниатюру, потомъ на молодую дѣвушку, лицо которой было залито краской до самаго лба, потомъ опять на миниатюру, какъ бы сравнивая мать съ дочерью.

— Прелестное лицо!—сказалъ онъ, медленно опуская медальонъ:—очень печальное и кроткое.

Онъ принялъ прежнюю позу и рукою отгонялъ къ морю дымъ сигары, застоявшійся въ неподвижномъ воздухѣ.

— Мнѣ говорили, что вашъ отецъ былъ артистъ?

— Да, профессоръ скрипки и композиторъ. Бѣдный папъ! ему не повезло въ жизни! Никто ему не помогъ, не поощрилъ его. Ему трудно, очень трудно жилось.

— Вы его еще помните?

— Я помню, что мы жили въ маленькой квартирѣ въ очень большомъ городѣ, Лондонѣ или Дублинѣ, не помню больше. По вечерамъ папъ игралъ на скрипкѣ передъ открытымъ окномъ и я его слушала. Иногда онъ наклонялъ ко мнѣ свое доброе старое лицо и говорилъ:

— Тебѣ нравится это, малютка, скажи?—спрашивалъ онъ меня.

— Да, папъ, это прекрасно.

Тогда онъ бывалъ доволенъ, гладилъ меня по головѣ дрожащими пальцами и говорилъ:—Это я сочинилъ.

Она умолкла и опустила голову.

— Я не видѣла, какъ онъ умеръ, я ничего не помню объ его послѣдней болѣзни. Сосѣдка увела меня... я играла съ ея дѣтьми. О! я, должно быть, очень веселилась въ тотъ день, какъ папъ умеръ!..

Вдругъ рыданіе поднялось у нея въ горлѣ и голосъ ея оборвался.

— Ты плачешь?—сказала Мадлена.—Не плачь, не нужно.

— Простите, герцогъ!—сказала Віолетта.

— Я долженъ просить прощенія. Я васъ навелъ на печальныя воспоминанія. Расскажите мнѣ про монастырь.

Она рассказала о своихъ дѣтскихъ радостяхъ и горестяхъ, о подругахъ, о школьной жизни, о тѣсномъ и счастливомъ мірѣ, въ которомъ она жила. Часто она искала словъ, выражала свою мысль съ неправильностію, не лишенной прелести. Порою она

даже прибѣгала къ англійскому языку, такъ какъ герцогъ сказалъ ей, что говорить по-англійски.

Когда разсказъ былъ оконченъ, они остались на террасѣ и молча глядѣли, какъ закатывалось солнце за Эстерель.

Въ эту минуту вернулась „госпожа“ въ сопровожденіи Альфонсины, которая несла вучу пакетовъ. Дѣвочка побѣжала ей на встрѣчу.

— Мама, я выучила три буквы; мнѣ Віолетта нарисовала ихъ на пескѣ.

Нелли поглядѣла на герцога, потомъ на молодую дѣвушку. Она увидѣла стулья, повернутые другъ къ другу. Ея продолговатые, какъ у одалиски, глаза стали круглыми, какъ глаза дикой кошки, и жестокая улыбка обнажила острые зубы.

— Три буквы въ цѣлый день!—сказала она:—m-lle Меріанъ очень искусна. Должно быть твой папа ей помогалъ.

И ушла. Герцогъ поспѣдовалъ за нею. Въ ту минуту, какъ они переступали за порогъ гостиной, она обернулась къ молодому человѣку и бросила ему нѣсколько словъ, которыхъ Віолетта не слышала, но на которыя онъ отвѣтилъ только пожатіемъ плечъ.

Затѣмъ портьера опустила за ними.

Обѣдъ прошелъ еще угрюмѣе, чѣмъ завтракъ; всѣ хранили ледяное молчаніе. Послѣ обѣда Нелли ушла въ свой будуаръ, куда Мадлена хотѣла войти вслѣдъ за нею, но слова: „пошла вонъ!“ произнесенныя злымъ и хриплымъ голосомъ, устрашили ребенка.

Въ сѣняхъ прислуга перемигивалась и всѣ улыбались другъ другу многозначительно.

— Гроза въ воздухѣ?—сказала m-me Витали Альфонсинѣ, выходящей изъ комнаты своей госпожи.

— Ахъ, да!—отвѣчала Альфонсина протяжно:—она сейчасъ обрушилась на меня, но пускай поостережется второй разъ, а не то я потребую расчета. Мнѣ опостылѣло служить этимъ женщинамъ.

— Не говорите этого; вамъ выгодно служить у нея.

Камердинеръ удалился, не сказавъ ни слова.

— Скажите!—замѣтила Альфонсина:—г. Шарль не желаетъ себя компрометтировать.

— Нѣтъ, онъ знаетъ, что она къ нему благоволитъ.

Всѣ стояли на стражѣ, кто за дверью, кто на площадкѣ лѣстницы, чтобы видѣть, что произойдетъ.

Около восьми часовъ Віолетта находилась въ комнатѣ Мадлены,

которую только-что уложили въ постель. Вечеръ былъ очень жаркій, и ей пришло въ голову отворить окно. Машинально взглянувъ изъ него, она замѣтила кого-то у баллюстрады на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она такъ долго просидѣла сегодня. Она подумала сначала, что Нелли одна прохаживалась тамъ, но при болѣе внимательномъ взглядѣ убѣдилась, что ошиблась. Ихъ было двое, но они очень близко прижимались другъ къ другу. Они шли такимъ образомъ: онъ—наклонившись къ ней, она—поддерживаемая имъ,—и когда они подошли ближе, когда свѣтъ одного изъ освѣщенныхъ оконъ упалъ на нихъ, Віолетта увидѣла, что ихъ губы были слиты въ нескончаемый поцѣлуй.

Съ невыразимымъ чувствомъ стыда и гнѣва она поспѣшно отошла отъ окна, толкнувъ нечаянно ш-ше Витали, которая глядѣла ей черезъ плечо.

— Помирились!—сказала та. — Герцогъ заплатилъ двѣсти лундуровъ... Ахъ! эти мужчины! всѣ на одинъ покрой!

Позабывъ поцѣловать Мадлену, Віолетта вернулась къ себѣ, вesa дрожа отъ негодованія.

Передъ этимъ человѣкомъ она плакала! Она показала ему портретъ своей матери! Отчего въ этомъ домѣ, гдѣ всѣ ей не нравились и пугали ее, одинъ онъ внушилъ ей довѣріе и симпатію? Отчего, отчего же это? Жалкая дура! первый день, проведенный ею въ мірѣ, ознаменовался глупымъ поступкомъ.

Неужели она будетъ и дальше переходить отъ ошибки къ ошибкѣ, отъ заблужденія къ заблужденію—въ этомъ домѣ, гдѣ обиталъ порокъ и скрывались всякаго рода западни?

Она сѣла за письменный столъ, чтобы написать письмо настоятельница „Горы-Сіонъ“. Но не рѣшалась опустить перо въ чернильницу. Она впередъ знала, что ей отвѣтатъ, въ особенности—что ей скажутъ по возвращеніи.

„Милая дочь, одного взгляда на міръ достаточно было для васъ, чтобы открыть его злобу, одно соприкосновеніе съ нимъ,—и ваши ангельскія крылышки затрепетали... Да, міръ грѣшенъ, міръ золь, неисправимо золь... Душевный покой можно обрѣсти только въ чистой и свѣжей тѣни храма, въ объятіяхъ Христа... Мы не хотѣли вамъ этого говорить, теперь вы сами это открыли“.

И долгіе недѣли, мѣсяцы и годы тѣ же слова будутъ повторяться на всѣ лады и при всѣхъ случаяхъ съ тою непобѣдимой монастырской терпѣливостью, съ той кроткой настойчивостью, которая уже на землѣ служить преддверіемъ къ небу. И такъ будетъ до того дня, когда Віолетта, побѣжденная, скажетъ: да! Она чувствовала холодъ ножицъ, обрѣзавшихъ ея бѣлокурые

волосы, вуаль съ жесткими складками, облекавшій ее, какъ саванъ, и ей было страшно, хотя она была религіозна и даже набожна, но не чувствовала въ себѣ призванія къ монастырской жизни. Тысяча смутныхъ вещей трепетали въ ней, а главное—потребность свободы и даже борьбы... Къ чему отдыхать, когда не чувствуешь усталости? Къ чему созерцать, когда жаждешь дѣйствовать?

Сестры „Горы-Сіонъ“ были слишкомъ искренни, чтобы скрыть отъ нея, что есть честные люди и въ міру, и что и въ немъ можно спастись.

Все равно! Чтѣ бы ни случилось дальше, слѣдуетъ покинуть этотъ домъ и притомъ не медля, не дожидаясь отвѣта отъ настоятельницы, который можетъ придти не скоро. Она рѣшила завтра же уѣхать.

III.

На другое утро Нелли наполняла криками и взрывами смѣха домъ и садъ. Пеньюаръ съ бѣлыми и розовыми полосками замѣнилъ пеньюаръ янтарнаго цвѣта, и можно было подумать, что съ переменою платья она переменяла и характеръ. Она ребячилась больше дочери, взбѣгала по лѣстницѣ, перескакивая черезъ три ступеньки, смѣшила дѣвочку чуть не до конвульсій, всѣмъ улыбалась, фамиллярничала съ Франсуазой, чуть не кокетничала съ камердинеромъ, была особенно любезна съ Віолеттой, рѣшившись повидимому очаровать ее. Видя ее за питіемъ съ наклоненной шеей, она подошла сзади, похлопала ее по плечамъ, какъ подругу, говоря:

— Ахъ, какая у васъ хорошенькая шейка!.. настоящая дѣвическая шейка! Какъ! вы краснѣете отъ того, что я вамъ говорю это? Вотъ тебѣ разъ! отчего это? погодите, прежде чѣмъ краснѣть, чтобы мужчины стали говорить вамъ комплименты.

Послѣ того сѣла, зѣвнула, вздохнула, поглядѣла на пейзажъ, не видя его, объявила, что она „умираетъ“ отъ усталости, и обронила двѣ или три плоскости, изъ которыхъ состоитъ разговоръ существъ безъ воображенія и безъ культуры.

— Бѣдняжка! кажется, вамъ тяжело пришлось. Вашъ отецъ былъ очень бѣденъ, не правда ли?

— Мой отецъ,—сухо отвѣчала Віолетта,—былъ профессоръ скрипки.

Она понимала, что герцогъ де-Наваренъ пересказалъ этой женщинѣ часть того, чтѣ она ему говорила.

— Да, знаю... профессоръ скрипки можетъ заработать только на хлѣбъ да на воду... Я тоже знала, что такое нищета, по-вѣрьте...

Она прибынула ласковой и чувствительной и точно урокъ отвѣчала:

— Мой отецъ былъ рыбакомъ, моя мать чинила сѣти... мы жили въ маленькой хижинѣ около Неаполя... Разъ въ бурную ночь отецъ не вернулся...

Кончикомъ пальцевъ она отерла воображаемую слезу. Въ то же время она наблюдала за Віолеттой. Но ничего не прочитала въ ея глазахъ, кромѣ презрительнаго удивленія, неумолимаго пренебреженія, какое молодая дѣвушка чувствовала къ актрисамъ въ жизни, а не на сценѣ. Віолетта поспѣшно встала и повернулась спиной, чтобы скрыть свою досаду.

Герцогъ отправился въ яхтъ-клубъ. Онъ привелъ къ завтраку троихъ гостей: знаменитаго журналиста Оливье Ренекена, русскаго тенора Голомина, очаровывавшаго парижскіе салоны и пріѣхавшаго пѣть въ Ниццу; наконецъ, г. дю-Понъ, cocodes'a, какъ выражались въ то время.

Завтракъ былъ очень веселъ и минутами очень шуменъ; Ренекенъ, толстякъ лѣтъ пятидесяти, вульгарной, почти гнусной наружности, былъ главнымъ его героемъ. Онъ никогда не смѣялся, говорилъ неприличности угрюмымъ и сердитымъ тономъ, ни на кого не глядя и не переставая ѣсть. Когда его исторіи или выходки задѣвали кого-нибудь изъ присутствующихъ, онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Тѣмъ хуже для нихъ; чего они тутъ подвернулись. По-дѣломъ.

Нелли смѣялась съ аффектаціей, опровергнувшись на стулъ и выставляя на показъ свой бюстъ и зубы. Русскій теноръ съ меланхоліей своей расы и фатовствомъ своей профессіи замыкался въ безмолвіе. Г. дю-Понъ откровенно веселился, какъ человекъ, для котораго жизнь есть спектакль. Но, слушая журналиста, онъ поглядывалъ на герцога, Нелли и Віолетту, какъ бы стараясь что-то уразумѣть. Ренекенъ съ своей стороны—странное дѣло!—хотя и говорилъ такія вещи, которыя не касались молодой дѣвушки и которыя она не могла даже понять, почти не спускалъ съ нея глазъ, и это вниманіе наконецъ стало тяготить Віолетту.

— Знаете ли?—сказалъ дю-Понъ Ренекену, когда всѣ перешли на террасу пить кофе:—вы меня удивили сегодня утромъ; вы были забавны по обыкновенію, но не позволили себѣ ни одного грязнаго слова! А васъ всегда обвиняютъ въ непристойности!

— Развѣ вы думаете, я не умѣю себя вести, когда меня слушаютъ юныя особы?

Нелли попросила m-lle Меріанъ помочь ей разнести кофе, и молодая дѣвушка, сконфузившись, съ чашкой въ одной рукѣ и сахарницей въ другой, очутилась передъ страшнымъ журналистомъ, сидѣвшимъ въ сторонкѣ на баллюстрадѣ.

— Не надо сахару!—закричалъ онъ.—Никогда не употребляю сахару!

И вполголоса прибавилъ:

— Значить, вы хотите поступить на театр?

— Я?

— Да... я такъ думалъ... И мнѣ было васъ жаль... Я говорилъ себѣ: такая молодая, миленькая, такая скромница и вдругъ попадетъ къ актеркамъ. Но если такъ,—что же вы тутъ дѣлаете?

— Я пріѣхала, чтобы воспитывать маленькую Мадлену.

— Ахъ! это другое дѣло.

— Но не знаю, останусь ли.

— Отправляйтесь... отправляйтесь поскорѣе.

Само собой разумѣется, что это à parte ускользнуло отъ вниманія другихъ лицъ, сгруппированныхъ на другомъ концѣ террасы и занятыхъ въ это время наблюденіемъ за военнымъ кораблемъ, отбывшимъ Антибскій мысъ, и за которымъ они слѣдили въ подзорныя трубы.

— И я тоже отправлюсь,—прибавилъ толстый журналистъ другимъ тономъ.

Онъ поставилъ недопитую чашку на столикъ.

— Ихъ кофе ни къ чорту не годится. Еслибы m-me Реневенъ подала мнѣ такой, я бы съ ней развелся. Но никого такъ не надуваютъ, какъ милліонеровъ... Господа,—громко проговорилъ онъ:—прощайте; меня ждутъ въ Монте-Карло.

— Кто же васъ ждетъ?

— Да крупнѣе, разумѣется! Мнѣ надо проиграть штукъ пятьдесятъ луйдоровъ. Сегодня въ десять часовъ вечера мнѣ обчистятъ карманы. Если при выходѣ мнѣ попадется удобное дерево, я способенъ повѣситься... Поручаю себя вашимъ молитвамъ...

Онъ вышелъ среди общаго хохота. Минуту спустя, де-Понъ отправился вслѣдъ за Нелли и Голоминимъ въ билліардную залу.

— Г. герцогъ,—сказала Вюлетта нерѣшительно,—мнѣ нужно съ вами поговорить.

— Со мной? сдѣлайте одолженіе; я васъ слушаю.

— Извините, но я бы хотѣла, чтобы никто...

— Васъ не могъ перебить?—договорилъ онъ, немного удивленный.—Пожалуйте сюда...

Онъ отворилъ дверь курительной комнаты и, пододвинувъ ей кресло, весело сказалъ:

— Это нѣчто серьезное, значить...

— Г. герцогъ,—начала Віолетта, сильно поблѣднѣвъ и со слезами въ горлѣ, но стараясь однако изъ всѣхъ силъ превозмочь свое волненіе:—мое положеніе тяжелое. Мнѣ трудно высказать то, что я хочу сказать, потому что вы были добры ко мнѣ, и я ни за что на свѣтѣ не хотѣла бы васъ обидѣть. Но я должна высказаться. Если слова, которыя я скажу, вамъ не понравятся, —прошу васъ простить меня.

— Я заранѣе прощаю васъ, — отвѣчалъ герцогъ, ставшій серьезнымъ.

— Г. герцогъ, когда я сюда ѣхала, я думала, что ѣду къ герцогинѣ де-Наваренъ.

— Герцогинѣ!.. Ахъ! понимаю, но... это заблужденіе меня удивляетъ. Положеніе, въ какомъ я нахожусь, условія рожденія Мадлены—все это, увѣряю васъ, было отлично извѣстно посреднику, которому я поручилъ поискать въ Англіи католичку-наставницу для ребенка. Если онъ скрылъ эти обстоятельства, то былъ неправъ, а я имѣлъ основаніе думать, что вы обо всемъ предупреждены... И если вы были введены въ заблужденіе, то не мною...

— Я васъ ни въ чемъ не обвиняю; но какова бы ни была причина недоразумѣнія, я не могу остаться...

За этими рѣшительными словами послѣдовало тягостное молчаніе.

— Я не смѣю оспаривать принятое вами рѣшеніе,—сказалъ наконецъ герцогъ.—Оно меня огорчаетъ и глубоко удивляетъ... въ особенности, когда я припомню нашу продолжительную и дружескую бесѣду... Въ эту минуту вы, конечно, не знали...

— Извините, герцогъ, я уже знала...

Она знала! такъ откуда же это довѣріе, эта откровенность?.. Молодой человѣкъ искалъ, казалось, разгадки загадочнаго вопроса. Онъ долго глядѣлъ на молодую дѣвушку, опустившую глаза.

— Утро вечера мудренѣе,—проговорилъ онъ наконецъ медленно,—хотя и не всегда... Какъ бы то ни было, вы свободны—и съ той минуты, какъ вамъ будетъ угодно... Сегодня вечеромъ, завтра, черезъ недѣлю, если пожелаете отдохнуть въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Онъ отперъ письменный столъ и, поспѣшно засунувъ бумажку въ конвертъ, подалъ его ей.

— Вотъ вамъ на обратный путь въ Ирландію. Примите вмѣстѣ съ тѣмъ мои сожалѣнія за усталость такого длиннаго и бесполезнаго путешествія.

Голось его сталъ рѣзокъ и выкомѣренъ.

Онъ направился къ дверямъ. Вюлетта пробормотала что-то невнятное и вышла.

Придя къ себѣ въ комнату, она разорвала конвертъ и нашла тысячефранковый билетъ. Она горестно задумалась обо всемъ, что съ нею было со вчерашняго дня, и сумерки спустились вокругъ нея, а она этого и не замѣчала.

М-ше Витали отворила дверь, сообщавшуюся съ комнатою Мадлены.

— Пойдите сюда. Не знаю, что съ малюткой: она какая-то странная!

Вюлетта встала и испѣшнѣ перешла въ сосѣднюю комнату — большой покой, освѣщенный двумя окнами, выходившими на море. Маленькая дѣвочка лежала на диванѣ, окруженная игрушками, которыя ей подала м-ше Витали, и которыя она съ гнѣвомъ раскидала вокругъ себя. Блѣдная, неподвижная, она глядѣла пристально въ пустоту. Маленькое, блѣдное личико застыло точно у мертвой. Въ два или три часа произошла одна изъ тѣхъ страшныхъ переменъ, которыя можно видѣть только на дѣтяхъ этого возраста. Какъ узнать маленькую Мадлену, которая еще поутру вѣдъ себя отъ радости прыгала по аллеямъ съ матерью?

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ ней? — прошептала Вюлетта, опускаясь на колѣни передъ диваномъ.

— Возьми меня на колѣни! — сказала Мадлена.

Вюлетта посадила или вѣрнѣе положила ее къ себѣ на колѣни.

— Она дрожить... у нея ознобъ...

— Я пойду скажу, — сказала нянька.

Черезъ двадцать минутъ, не раньше, появилась Нелли въ очаровательномъ платьѣ, смѣло вырѣзанномъ четвероугольникомъ на груди и великолѣпно обрисовывавшемъ ея талію. Она какъ буря влетѣла въ комнату больной.

— Ну, что такое?.. Что съ тобой, мое сокровище? Улыбнись твоей мамѣ!

Она теребила ручки дѣвочки съ нервнымъ нетерпѣніемъ.

— Ты мнѣ больно дѣлаешь! — жалобно пропищала Мадлена.

— Она здорова... вы видите, что она здорова. Вы пугаете ее своими вытянутыми лицами... Ну, смѣйся же; я куплю тебѣ часы, если ты будешь смѣяться. Знаешь, хорошенькіе часики, что ходятъ и дѣлаютъ тикъ-такъ.

Мадлена какъ будто не слыхала.

— У нея жаръ,—сказала Виолетта.

— Она устала, вотъ и все.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался герцогъ де-Наваренъ.

— Готовы ли вы, Нелли? Если не хотите заставить нашихъ друзей себя ждать, то пора ѣхать.

— О! я не поѣду,—отвѣчала Нелли съ яростью:—всѣ какъ будто поклялись помѣшать мнѣ ѣхать. Мнѣ остается только раздѣться. Отправляйтесь одинъ и извинитесь за меня!

И, увидя себя въ зеркалѣ, вздохнула съ сожалѣніемъ и гнѣвомъ.

— Что такое? дѣвочка больна?

— То-есть, ее убѣдили, что она больна!

Герцогъ въ свою очередь осмотрѣлъ ребенка. Наступило молчаніе.

— Знаете что, — сказалъ герцогъ: — отправляйтесь вы на обѣдъ, а я останусь.

— Чтобы я ѣхала въ Ниццу совсѣмъ одна!

— Возьмите дю-Пона, если хотите!

— Дю-Понъ! О! онъ не совсѣмъ приличенъ, вашъ дю-Понъ!

— Ну, такъ съ Голоминнымъ.

— Да... пожалуй... съ Голоминнымъ... если вы этого требуете и если думаете, что нѣтъ опасности...

— Опасности... со стороны Голомина?

— Я не объ этомъ говорю... я говорю про ребенка. Прѣздомъ на станцію заѣзжайте за докторомъ, за лучшимъ; скажите, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ.

— Да, это вѣрно... вы хорошо придумали. Вѣдь мы общались; невѣжливо было бы заставить даромъ прождать себя. Я поѣду, если вы этого непремѣнно требуете. И вернусь сегодня вечеромъ... если только не опоздаю на послѣдній поѣздъ.

Она поцѣловала ребенка второпяхъ, завернулась въ подбитый мѣхомъ плащъ, который горничная держала на-готовѣ во время этого разговора.

— Завтра, я увѣрена, что не будетъ и слѣда болѣзни. Покойной ночи, мой ангелъ. До свиданія, Филиппъ, сегодня вечеромъ и самое позднее завтра утромъ.

Надо было уложить спать ребенка, который не хотѣлъ сойти съ колѣней Виолетты.

— Послушай,—говорила молодая дѣвушка, впервые отвѣчая ребенку на ея дружеское „ты“:—будь умница, Мадлена, дай себя раздѣть, и когда ты будешь въ постелькѣ, ты опять обовьешь руками мою шею, и я не уйду отъ тебя, пока ты не заснешь.

Она поцѣловала дѣвочку—и та послушалась.

Герцогъ пообѣдалъ одинъ внизу. Віолеттѣ подали супу на столікѣ возлѣ кровати. Она проглотила его второпяхъ, держа одной рукой горячія ручки Мадлены.

Около половины девятого песокъ въ саду заскрипѣлъ подъ тяжелыми шагами. То былъ докторъ Вентура, маленькій старичокъ, съ лысой головой и розовымъ лицомъ. Онъ также обѣдалъ у знакомыхъ, но, слышавъ, что дѣло идетъ о герцогѣ, рѣшился выйти изъ-за стола между первой и второй переменной. У него еще оставался на губахъ вкусъ послѣдней рюмки мадеры, которую онъ проглотилъ, а въ глазахъ—веселый огонекъ отъ мадригала, который онъ отпустить, по возвращеніи, сосѣдкѣ, женѣ нотариуса. Еслибы не тревога ожидавшихъ его людей, то забавно было бы видѣть, какъ круглое и веселое лицо этого стараго кутилы старалось застыть въ притворной серьезности.

Онъ сѣлъ около кровати, положилъ двѣ толстыхъ мужицкихъ лапы на колѣни и принялся за обычные разспросы, пощупалъ пульсъ у ребенка, протяжно вздохнулъ, сопровождая отвѣты, получаемые имъ, фразами:—Такъ, такъ вѣрно! именно!..—и нацарапалъ нѣсколько неразборчивыхъ строчекъ.—По ложкѣ черезъ каждый часъ... Не позволять ребенку раскрываться... Завтра увидимъ.

На лѣстницѣ онъ выразилъ надежду, что герцогъ поселится въ здѣшней мѣстности. На дорогѣ въ Фрежюсъ какъ разъ проѣзжаетъ вила одного разорившагося барича, очень выгодная афера. Владѣльцы усадили двѣсти тысячъ франковъ, а рады будутъ выручить хоть половину этой суммы.

Стеклянная дверь сѣней задребезжала, запираясь за нимъ,—и обитатели виллы остались въ той же тревогѣ, что и прежде.

Охъ! эти ночные визиты незнакомаго доктора въ началѣ болѣзни, столь же незнакомой! Какъ его ждешь! какъ волнуютъ его шаги! Съ какою жадностью ловишь его первыя слова!..

Наконецъ-то! вотъ онъ пришелъ, онъ знаетъ, онъ намъ скажетъ... А онъ уходитъ, ничего не сказавъ, потому что ничего самъ не знаетъ, и занятъ единственно тѣмъ, чтобы сохранить деворумъ и не запачкать лакированныхъ сапогъ, садясь обратно въ карету.

Теперь лицо дѣвочки было красное, вздутое, съ пятнами; она съ трудомъ дышала, глухо стонала и начинала бредить, но все еще цѣплялась за руку Віолетты, которая кротко и терпѣливо поправляла каждую минуту сползавшее съ дѣвочки одѣяло.

Такъ медленно тянулись часы до полуночи.

Герцогъ вышелъ изъ комнаты, но не ложился. Онъ дремалъ

на диванѣ въ курительной комнатѣ и въ промежуткахъ курилъ папироску.

— Такъ какъ дѣвочка не выпускаетъ васъ, то я пойду отдохну немного, — сказала м-ше Витали Виолеттѣ. — Вы позовите меня, когда она уснетъ.

Такимъ образомъ Виолетта осталась одна при больной. Всѣмъ намъ знакомы подобныя бѣдныя и даже еще мучительнѣйшія. Мадлена была чужая дѣвочка, которую она увидѣла въ первый разъ въ жизни менѣе чѣмъ двое сутокъ тому назадъ. Но кто бы не пожалѣлъ страждущаго ребенка? Къ тому же Мадлена сразу подарила ей свою дѣтскую симпатію. Она сразу бросилась ей на шею. Можно отвергнуть всякую другую любовь, но не эту!

Когда пробило три часа, герцогъ безъ шума вошелъ въ комнату. Онъ увидѣлъ, что молодая дѣвушка и ребенокъ спали, положивъ головы на одну подушку. Волоса ихъ перепутались, а рука дѣвочки охватывала шею Виолетты. Онъ поглядѣлъ на лица обѣихъ: у одной оно разгорѣлось отъ жара, у другой поблѣднѣло отъ усталости. Виолетта спала въ позѣ, изобличавшей крайнее утомленіе; руки были безсильно опущены; худенькія плечи обозначались подъ тонкой матеріей ея чернаго платья. Съ осторожностью онъ накиннулъ на нее шаль, но какъ онъ ни былъ ловокъ, а движеніе его разбудило ее. Какъ это часто бываетъ, она въ первую минуту по пробужденіи забыла все, чтѣ было, и вздрогнула отъ страха, увидя себя чуть не въ объятіяхъ Филиппа.

— Извините! я побоялся, чтобы вы не простудились.

Она встала сконфуженная съ полу, а онъ прибавилъ:

— Въ ваши годы надо спать. Я займу ваше мѣсто. Я могу проводить цѣлыя ночи безъ сна. Мнѣ это не разъ случалось на охотѣ.

Онъ не сказалъ о тѣхъ ночахъ, которыя проводилъ въ клубѣ или въ какомъ-нибудь кабачкѣ.

Герцогъ почти приказывалъ, и Виолеттѣ оставалось только повиноваться.

Она снова была уже на своемъ посту, когда вернулся докторъ. Сыпь, покрывавшая личико больной дѣвочки, не оставляла никакого сомнѣнія даже у людей неопытныхъ. То была оспа.

— Ахъ! Боже мой! — вскричала Витали: — мнѣ слѣдовало догадаться. Она играла третьяго дня съ дочкой садовника. Мы не знали, что та только-что оправилась отъ болѣзни.

Часъ спустя Нелли вернулась изъ Ниццы съ горничной.

— Вкусенъ ли былъ ужинъ? — спросилъ холодно Филиппъ.

— О! Филиппъ! не тервай меня!.. Зачѣмъ ты отпустилъ меня? Я нисколько не веселилась и всю ночь проплакала.

Была ли то комедія? Можетъ быть—да, можетъ быть—нѣтъ. Чудовищъ мало на свѣтѣ, но очень много пошлыхъ людей. Они не умѣютъ ни отказаться отъ удовольствія, ни отдѣлаться отъ угрызенія совѣсти, которое его отравляетъ.

— Но что съ ребенкомъ?

— У нея оспа.

Віолетта увидѣла, какъ лицо Маринелли исказилось отъ ужаса. Боялась она за себя или за ребенка? Опять вопросъ, но онъ скоро былъ разрѣшенъ. Если она и трепетала опасности, какой подвергалась жизнь дочери, то столько же опасалась и за себя. Она увидѣла ребенка, уже обезображеннаго болѣзнію, послала ему издали нѣсколько поцѣлуевъ, которыхъ Мадлена даже не замѣтила, и поспѣшно вышла, не говоря ни слова.

— Она умираетъ отъ страха!—замѣтила Витали.

И прибавила снисходительно:

— Оно и понятно, впрочемъ, когда вся сила только въ красотѣ. Въ ея ремеслѣ запрещено дурнѣть... или стариться.

И Витали испустила вздохъ, который многое могъ пояснить объ ея прошломъ.

— Охъ! Я всегда ей это говорила!.. Но нѣтъ, мотааетъ, мотааетъ безъ конца; неспособна подумать о будущемъ... А затѣмъ въ одинъ прекрасный день... трахъ... и нѣтъ ничего!

Приходъ герцога положилъ конецъ этой философіи помойной ямы, отъ которой Віолетту тошнило.

— Няня, оставьте насъ на минуту, мнѣ надо переговорить съ m-lle Меріанъ.

Когда они остались одни, герцогъ сказалъ очень вѣжливо и мягко:

— Когда вы думаете уѣхать? Теперь, когда оставаться опасно, я не смѣю ни одной лишней минуты удерживать васъ въ этомъ домѣ. Ошибку, которая привела васъ сюда вчера, еще было легко исправить; сегодня она могла бы дорого обойтись вамъ, чего я себѣ никогда бы не простилъ.

Віолетта порылась въ карманѣ, вынула конвертъ съ тысяче-франковымъ билетомъ и, передавая его герцогу, отвѣтила коротко:

— Возьмите это обратно, г. герцогъ, я остаюсь.

на диванѣ
папирску.

— Така

дохну нем

меня, кој

Така

намъ зно

Мадлена

разъ въ

не по

сразу в

ей на

К.

нату.

ложн

руба

об

от

ут

зн

в

а

л

.

...какъ и ея имя, такого отталкивающаго вида, что, не смотря на ея семнадцать лѣтъ, никто не ухаживалъ за нею, бѣдная Рероза, хотя никогда ни слова не сказала Віолеттѣ, внушала ей только же довѣрія, сколько Нелли и Витали внушали отвращенія.

Спустя девять дней жаръ спалъ, и докторъ Вентура объявилъ, что жизнь ребенка внѣ опасности. Скоро началось выздоровленіе. Въ этотъ моментъ слѣдовало удвоить заботливость, чтобы спасти ребенка отъ простуды, а между тѣмъ съ нимъ все легче и труднѣе стало ладить. Наконецъ, когда всякая опасность миновала, утомленіе до такой степени сказалось на Віолеттѣ, что она должна была на нѣсколько дней лечь въ постель.

Разъ утромъ Витали вошла въ ея комнату.

— Знаете новость? Она уѣзжаетъ. Да, она ѣдетъ въ Мадридъ. Она увѣряетъ, что директоръ театра настаиваетъ на выполнении его ангажемента, но всѣ знаютъ, что дѣло не въ томъ: она гонимается за Голоминнымъ.

Віолетта по обыкновенію ничего на это не сказала и воздержалась отъ всякихъ разспросовъ.

— Она хочетъ взять меня съ собой,—продолжала Витали.

И не знаю, поѣду ли... мнѣ здѣсь пріятнѣе, но съ этими женщинами выгоды большія...

— А Мадлена?

— О! Мадлена останется съ вами; этого потребовалъ герцогъ. Впрочемъ, мать и не противится. Дѣвочка занимала ее съ тѣхъ поръ, пока была хороша, какъ купидонъ, и ее весело было наряжать. Всѣ оборачивались на улицѣ и говорили: „О, взгляните, какая прелестная дѣвочка!“ а мужчины тотчасъ же связывались за мамашей... Но теперь совсѣмъ не то... Она перестала и цѣлый день твердить: „Ахъ! какъ она стала дурна! ужъ лучше было бы для нея умереть!“

— Мать это говоритъ!—воскликнула Віолетта:—какое богохульство!

— Да, конечно,—подтвердила Витали, но безъ всякаго жара.

Нѣсколько дней спустя Нелли уѣхала изъ Канна съ Альфонсиной и Витали. Экономка, сѣдая женщина, рекомендованная докторомъ Вентурой, заняла мѣсто Витали.

Какая тишина и прелесть воцаряется въ домѣ, когда изъ него исчезаютъ непріятныя намъ лица! Бѣдное жилище, которое мы начинали ненавидѣть, украшается и проясняется.

Начинаешь понимать, что не мѣсто причиняло страданія, а люди; природа въ сущности никогда не бываетъ намъ врагомъ до того дня, какъ приметъ насъ въ свои безмолвныя нѣдра.

Вотъ это почувствовала Віолетта, когда впервые сошла съ маленькой Мадленой въ садъ, удивительно спокойный и безмятежный подъ теплыми лучами ноябрьскаго солнца.

Никакихъ больше двусмысленныхъ улыбокъ, живыхъ ласкъ и глухой вражды. Не чувствуя больше надъ собой подозрительныхъ взглядовъ, молодая дѣвушка свободнѣе дышала, стала сама собой, той прежней дикаркой Віолеттой, какою она была мѣсяцъ тому назадъ. Ей казалось, что воздухъ сталъ чище, свѣтъ мягче; ей казалось, что жизнь сулитъ ей какія-то радости.

Герцогъ проводилъ Нелли до Марсели. Куда онъ затѣмъ пойдетъ? Само собой разумѣется, Віолетта не дѣлала вопросовъ, но Филиппъ вернулся вечеромъ слѣдующаго дня. Онъ тоже какъ будто освободился отъ какой-то тяжести, какъ будто помолодѣлъ безъ этой госпожи, которая была значительно старше его.

Онъ пріѣхалъ въ то время, какъ наставница и ея ученица кончали обѣдъ, и захотѣлъ, чтобы Мадлена оставалась при немъ, пока онъ въ свою очередь не пообѣдаетъ. Ребенокъ прилипъ къ отцу, путая ему волосы, дергая его за усы, а онъ терпѣливо позволялъ всѣ эти шалости.

— Мадлена,—сказала Віолетта вполголоса:—будь умница, не мучай папѣ.

— Нѣтъ... оставьте ее... Когда я подумаю, что мы съ вами чуть было не лишились ее...

Взглядъ, сопровождавшій эти слова, также пріобщалъ Віолетту къ этому „мы“. И это сближеніе было утонченнѣйшею изъ благодарностей.

Онъ прибавилъ:

— Надѣюсь, что ты очень любишь m-lle Меріанъ?

— Кто это m-lle Меріанъ?—спросилъ ребенокъ удивленный.

— Это я, дурочка!

— Віолетта, значить!.. Папѣ, почему ты не называешь ее Віолеттой?

— Я не въ правѣ звать ее Віолеттой,—тихо сказалъ Филиппъ, глядя волосы ребенку.

Дѣвочка подумала съ минуту:

— Ты, значить, ее не любишь?—спросила она.

Віолетта вспыхнула; Филиппъ зналъ это, хотя и не глядѣлъ на нее. Онъ отвѣчалъ очень серьезно:

— Нѣтъ, я ее очень люблю за то, что она очень добра и ухаживала за моею Мадленочкой.

Эти слова нашли откликъ въ сердцѣ Віолетты и запали въ него на долгое время. Но она не сумѣла ничего отвѣтить. Въ

восемнадцать лѣтъ, чѣмъ сильнѣе растроганъ человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ разговорчивъ. Къ тому же испытанія ея не были до-
кончены. Мадлена заявила рѣшительно:

— А я люблю ее за то, что она хорошенькая.

— Не правда ли?—сказалъ герцогъ, смѣясь, но все не глядя на Віолетту.—Она красивѣе, чѣмъ няня?

— Да, красивѣе, чѣмъ няня!

И прибавила, помолчавъ:

— Она красивѣе, чѣмъ няня... но мамá лучше ея.

— Ты находишь? — сказалъ Филиппъ и бросилъ быстрый и глубокий взглядъ на Віолетту.

Послѣ этого герцогъ точно самъ смутился и всталъ изъ-за стола, бросивъ салфетку на стулъ и почти не притронувшись до десерта. Шарль раскрылъ настежь дверь въ корридоръ. Віолетта направилась къ лѣстницѣ, держа за руку Мадлену, которую ей приходилось тащить.

— Какъ, вы уже уходите?—спросилъ Филиппъ.

— Да.

— А я хотѣлъ попросить васъ не уходить еще.

Слова эти были произнесены съ страннымъ смиреніемъ.

— Пойдемте въ курительную. Я буду читать газету и курить сигару. Вы принесете свою работу... или книгу... какъ вамъ угодно. И мы просидимъ вмѣстѣ, пока Мадлена не ляжетъ спать, —хотите?

— Я къ вашимъ услугамъ, г. герцогъ.

Они перешли въ курительную комнату. Большая лампа съ плотнымъ абажуромъ стояла на столѣ. Віолетта усѣлась около этого стола въ большомъ кожаномъ креслѣ. Бѣлый свѣтъ заливалъ ея руки, передникъ, который она подрубляла для куклы Мадлены, и ея наклоненное внимательное лицо; затѣмъ кругъ свѣта терялся, расходясь по темному ковру. Почти вся комната оставалась во мракѣ, въ особенности уголокъ, гдѣ усѣлся Филиппъ, и гдѣ сверкалъ только красный огонекъ сигары, когда онъ отряхивалъ съ нея пепелъ.

Онъ не взялъ газеты, какъ хотѣлъ. О чемъ онъ думалъ, неподвижно сидя въ потемкахъ?

Маятникъ часовъ медленно отсчитывалъ секунды. На дворѣ все было тихо. Въ домѣ слышались скромные звуки осторожныхъ шаговъ, безшумно открываемыхъ и закрываемыхъ дверей, легкій трескъ въ деревянныхъ панеляхъ.

Въ комнатѣ царила теплая температура, пропитанная ароматомъ турецкаго табаку.

Сидя около Віолетты, охвативъ ее рукой, Мадлена склоняла отяжелѣвшую голову надъ книжкой съ картинками, которыя разглядывала, и готовилась ко сну, напѣвая себѣ подъ носъ что-то монотонное и вялое. Иголка Віолетты быстро бѣгала и казалась единственной живой вещью среди этого всеобщаго усыпленія. О! какъ бываютъ странны и опасны молчанія, полныя невысказанныхъ мыслей, и которыя, однако, какимъ-то образомъ угадываются тѣми, отъ которыхъ ихъ скрываютъ. Но почему же Віолеттѣ такъ тяжело дышалось? почему сердце билось въ ея груди еще быстрѣе, чѣмъ двигалась иглолка въ пальцахъ? Никто не открывалъ ей того, что происходитъ въ душѣ молодого человѣка, который наединѣ съ молодой дѣвушкой глядитъ, какъ она шьетъ передникъ для куклы? Такъ въ чемъ же дѣло?.. И иглолка задвигалась еще быстрѣе...

Вдругъ Віолетта слегка вскрикнула, но тотчасъ же подавила крикъ.

— Вы укололись?—спросилъ герцогъ.

Въ одинъ мигъ онъ очутился около нея.

— О! пустяки!—отвѣчала она:—совсѣмъ пустяки! Это случается всякій разъ при неловкомъ движеніи.

— Я слышалъ, что нужно выдавить кровь; дайте сюда палецъ, да дайте же... Вотъ!

Онъ тихонько подавилъ его, и алая капля показалась изъ укулотого мѣста.

— Боже мой! ваша маншета въ крови!

— Велика бѣда!—весело сказалъ Филиппъ.

Она сдѣлала усиліе, чтобы отнять палецъ, который онъ удерживалъ.

— Вы все еще не совсѣмъ оправились отъ усталости,—сказалъ онъ:—и напрасно работаете... У васъ, кажется, лихорадка.

— Нѣтъ... нисколько.

— Отчего же у васъ такая горячая рука?

Голосъ его принялъ странную интонацію, совсѣмъ новую, вмѣстѣ и звучную, и сдержанную, и пальцы его сжались вокругъ пульса молодой дѣвушки. Что касается ея, то подъ ней подгибались колѣни. Она сгорала отъ стыда. Съ чего она такъ волнуется отъ того, что герцогъ такъ добръ и безпокоится объ ея здоровьѣ! И чѣмъ больше она старалась побѣдить себя, тѣмъ смущеніе ея становилось замѣтнѣе. О! какая дурацкая застѣнчивость!

Вдругъ Филиппъ выпустилъ горячую руку.

— Надо быть умницей, — сказалъ онъ, и чтобы придать

смыслъ этой загадочной фразѣ, прибавилъ: — надо быть умницей, m-lle Меріанъ, и идти спать. Мадленъ уже спитъ; да и я также лягу спать... и постараюсь заснуть... если съумѣю. Покойной ночи.

И онъ вышелъ довольно поспѣшно.

Сверху Виолетта видѣла, въ то время, какъ дѣвочка читала молитву, какъ онъ прохаживался на небольшой террасѣ вдоль морского берега. Когда она легла въ постель и задула свѣчку, она все еще слышала, какъ шаги его то приближались, то удалялись. Она говорила себѣ: — Какъ онъ былъ добръ и какъ я была нелѣпа!

Но если у нея оставалось на этотъ счетъ хоть какое-нибудь безпокойство, то встрѣча Филиппа на другое утро разсѣяла его. Онъ пошелъ ей на встрѣчу съ открытымъ и улыбающимся лицомъ и протянутой рукой.

— Знаете, чтѣ мы сегодня сдѣлаемъ? Докторъ позволилъ Мадленѣ выѣхать. Мы втроемъ поѣдемъ кататься. Будьте готовы послѣ завтрака.

Ѣхать кататься! съ герцогомъ! Виолетта ничего почти не могла вѣстъ, и когда только-что вышли изъ-за стола, пошла въ свою комнату переодѣться.

Она впервые надѣла новое платье, очень скромное, но совсѣмъ, однако, не похожее на то, что было скроено толстыми, неискусными ножницами сестеръ „Горы-Сіона“ по неизмѣнной выкройкѣ.

На голову она надѣла токъ изъ темной соломы, обшитый чернымъ бархатомъ. За него было заплачено четыре франка скромной модисткѣ въ Антибской улицѣ — и горничная Нелли не захотѣла бы надѣть его. Но тѣмъ не менѣе, въ новомъ платьѣ, въ новой шляпкѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, она показала себѣ въ зеркалѣ такую нарядной, что у нея сердце забилося отъ удовольствія. Но радость эта сопровождалась такою застѣнчивостью, что она не рѣшалась сойти внизъ. Ей казалось, что взоры всѣхъ упрекнутъ ее за кокетство и тщеславіе.

Къ счастью, когда она появилась въ гостиной, держа Мадлену за руку, герцогъ былъ или казался занятъ совсѣмъ другимъ, и ему было, повидимому, не до наставницы своей дочери.

— Письмо отъ мамѣ! — закричалъ онъ Мадленѣ. — Иди получать поцѣлуи, которые она тебѣ посылаетъ.

— Она мнѣ ничего больше не посылаетъ? — спросила дѣвочка, надувшись. — Она не посылаетъ игрушекъ?

— Нѣтъ; но мы купимъ ихъ, возвращаясь съ прогулки, заѣдемъ въ игрушечную лавку, и можешь сама купить, если хочешь.

Дѣвочка послѣ болѣзни стала требовательна и сварлива. Хитрое и сердитое выраженіе, чуждое ей прежде, не сходило теперь съ ея лица и было тѣмъ некрасивѣе, что слѣды болѣзни еще не совсѣмъ изгладились. Когда случайно она бывала весела, то дѣлала тысячу гримасъ, жеманясь, какъ всѣ избалованныя дѣти, и не подозревая, бѣдняжка, что ея ужимки стали гримасами.

Филиппъ бросилъ конвертъ на столъ. Машинально Віолетта взглянула на него; письмо было послано сначала въ Парижъ, откуда его переслали въ Каннъ.

Очевидно, Нелли считала, что герцогъ находится въ Парижѣ. Почему же онъ скрылъ отъ нея свое возвращеніе въ Каннъ? Но Віолеттѣ некогда было раздумывать: герцогъ торопился отъѣздомъ, и черезъ нѣсколько мгновеній они уже сидѣли въ большомъ ландо, запряженномъ отличными лошадьми, дожидавшимися у подъѣзда. Мадлена оставалась равнодушной, но Віолетта не успѣла пресытиться удовольствіемъ быстрой ѣзды по прекраснѣйшей мѣстности въ удобномъ и покойномъ экипажѣ. Глаза ея сверкали, щеки зарумянились. Еслибы она поглядѣлась теперь въ зеркало, то нашла бы себя еще болѣе хорошенькой. Быть можетъ, она прочла бы это въ глазахъ герцога, такъ какъ глаза мужчинъ, говорятъ, наилучшее зеркало. Но герцогъ глядѣлъ на море. Онъ увидѣлъ вдали броненосный корабль.

Проѣхавъ черезъ весь городъ, они выѣхали на дорогу въ Фрежюсъ. Миновавъ долину Сіаньи, оставивъ справа угрюмое мѣстечко Мандельѣ, а слѣва живописное селеніе Натуль, ландо стало медленно взбираться на первые склоны Эстереля. Путешественники вышли изъ экипажа на просѣкъ въ рощѣ пробковыхъ деревьевъ.

Тутъ дѣвочка нарвала цвѣтовъ, а Віолетта связала ихъ въ букеты. Затѣмъ Мадлена попросила ѣсть. Кучеръ указалъ на ферму, гдѣ можно было достать, по его словамъ, молока и фигъ. Они нашли также и виноградъ, висѣвшій на шпалерахъ тяжелыми и соблазнительными кистями.

Филиппъ взялъ самую лучшую и подаль Віолеттѣ.

— Это вамъ ничего не напоминаетъ? — съ улыбкой спросилъ онъ.

Она покраснѣла до ушей.

— Откуда вы узнали? — пролепетала она.

— Вѣдь это былъ я.

— Вы?

— Я самъ... Я сѣлъ на поѣздъ въ Ліонѣ, возвращаясь изъ Женевы по дорогѣ въ Ниццу... Въ Монтелимарѣ я услышалъ,

какъ вы восхищались виноградомъ, и мнѣ захотѣлось, чтобы ваше желаніе исполнилось... Вы были для меня незнакомы... Я даже не видѣлъ, что вы...

— Что я?—спросила Віолетта съ любопытствомъ.

— Я не видѣлъ вашего лица; оно было скрыто большой шляпой, не такой миленькой, какъ вотъ эта... Я надѣюсь, что вы не сердитесь?

— О, нѣтъ, напротивъ того. Я довольна, что то были вы... Вы очень добры!

— Нисколько. Я люблю доставлять удовольствіе.

— Но вѣдь это и значить быть добрымъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Филиппъ печально и чуть не смиренно:— я люблю живые глаза, разгорѣвшіяся щеки, выраженіе счастья на молодомъ лицѣ. Я люблю все это, какъ Мадлена любитъ игрушки. Чтобы все это имѣло цѣну, надобно бы чѣмъ-нибудь пожертвовать, а я въ жизнь свою еще ничѣмъ не жертвовалъ. Я иду куда хочу, покупаю, что мнѣ нравится, удовлетворяю всѣ свои прихоти, какъ хорошія, такъ и дурныя... Я вовсе не хочу, чтобы вы принимали меня за святого.

— Святого,—нѣтъ. Но вы добры...

— Почему вы знаете?

— Я не знаю, но думаю.

— Ну что-жъ, можетъ быть, вы и правы. Думайте такъ, и это заставитъ меня, безъ сомнѣнія, быть добрымъ.

На возвратномъ пути они остановились передъ магазиномъ игрушекъ. Въ магазинѣ находился г. дю-Понъ, торговавшій вѣрвь изъ лимоннаго дерева. Въ то время, какъ Мадлена, колеблясь, выбрать ли ей полишинеля или Ноевъ ковчегъ, совѣтовалась съ Віолеттой по этому важному дѣлу, дю-Понъ, смѣясь одними глазами, пожалъ руку пріятелю и шепнулъ ему одно слово, которое, однако, не ускользнуло отъ тонкаго слуха молодой дѣвушки:

— Поздравляю!

— Поздравляете? съ чѣмъ?—отвѣчалъ сухо герцогъ. — Что вы хотите сказать?

— Ничего ровно.

И дю-Понъ спокойно вернулся къ своимъ вѣрамъ.

Мадлена, не рѣшаясь отдать предпочтенія ни полишинелю, ни Ноеву ковчегу, завладѣла обоими. Она хотѣла, кромѣ того, завладѣть еще и дю-Пономъ.

— Почему ты не увезъ его съ собой, какъ въ прошлый разъ? Онъ мой другъ.

— Твой другъ глупъ.

— Я ему это скажу.

— Говори.

— Онъ разсердится.

— Мнѣ все равно.

То же возобновилось и на слѣдующіе дни. Они посѣтили поочереды Каппе и его красную виллу, гдѣ умерла Рашель; Жуанскій заливъ, набережная котораго была въ то время еще совсѣмъ пустынная, почти въ томъ же видѣ, въ какомъ ее попирали вмѣстѣ съ своими гренадерами грозный выходецъ съ о. Эльбы; Антибъ, съ его узкими улицами и старыми домами и уединеннымъ мысомъ, гдѣ столько прелестныхъ и укромныхъ мѣстечекъ; Валлори, мирную, сонную деревушку, которую еще не перевернули вверхъ дномъ успѣхи промышленности; кокетливый Грассъ, расположенный террасами и раздушенный какъ будуаръ кокетки; Сенъ-Валле, въ рамкѣ строгаго пейзажа, уже отзывающагося настоящими горами; долину Бара, зеленую и веселую какъ равнина бернского Оберланда. Они объѣхали всѣ эти мѣста и многія другія, у которыхъ нѣтъ громкаго имени, хотя они тѣмъ не менѣе прекрасны.

Мадлена оживала, и мало-по-малу слѣды оспы изглаживались на дѣтскомъ личикѣ. Вioлетта, счастливая, сіяла. Она видѣла и слышала ежедневно что-нибудь новое, занимавшее ея воображеніе настолько, что ей некогда было думать о самой себѣ. Ее удивляло нѣсколько одно то, что молодой, двадцатичетырехлѣтній юноша, у котораго столько друзей и знакомыхъ и такъ много всякихъ развлеченій, оставилъ все это для общества четырехлѣтняго ребенка и его наставницы, очень мало интересной. Между тѣмъ онъ былъ, повидимому, совершенно доволенъ, и у него не было ни скучающаго, ни разсѣяннаго вида, какъ при Нелли. Онъ никого не принималъ, никому не писалъ, ничего не читалъ и казался вполнѣ счастливъ. „Онъ обожаетъ дочь, — думала Вioлетта, — вотъ въ чемъ секретъ“.

Разъ утромъ они отправились завтракать на открытомъ воздухѣ по дорогѣ въ Грассъ на восхитительной лужайкѣ. Нѣсколько дней раньше, проѣзжая мимо этого мѣста въ коляскѣ, Вioлетта сказала Мадленѣ

— Не правда ли, Мадленъ, вотъ хорошенькое мѣстечко, чтобы угостить куколъ обѣдомъ?

Герцогъ, повидимому, не слышалъ этихъ словъ. Но въ одно прекрасное утро, когда небо было еще чище, а осенній воздухъ еще мягче и упоительнѣе, онъ сказалъ Вioлеттѣ, помогая ей сѣсть въ экипажъ:

— Поѣдемте обѣдать на выбранное вами мѣсто.

Въ это утро они много забавлялись. Послѣ завтрака, пока Шарль приготовлялъ кофе, Віолетта и Мадлена стали играть вдвоемъ. Молодая дѣвушка бѣгала маленькими шажками и давала себя ловить Мадленѣ къ великой радости ребенка.

— Еслибы я бѣгала съ вами вмѣсто Мадлены, то вы бы такъ дешево не отдѣлялись. Вамъ пришлось бы бѣгать въ самомъ дѣлѣ, да и тогда бы я васъ непременно поймала.

— Ни за что!—вскричала Віолетта.—Никто въ монастырѣ не бѣгалъ такъ скоро, какъ я.

Онъ всталъ; она пустилась бѣжать, и онъ бросился догонять ее. Віолетта неслась такъ легко, какъ будто не привасалась къ землѣ. Филиппъ обращался къ ней, а она отрывисто ему отбѣчала:

— Вы знаете, что я нагоняю васъ!—закричалъ ей Филиппъ.

— Нисколько.

— Ваши волосы растрепались!

— Пускай.

Разъ или два онъ успѣлъ только притронуться къ ней.

— Поймалъ!

— Неправда.

Этотъ быстрый бѣгъ, бѣлокурые, развѣвающіеся волосы, маленькіе нервныя крики, испускаемые Віолеттой подѣ влияніемъ страха—быть пойманной, все это оцѣняло Филиппа.

— О! наконецъ-то я васъ поймалъ!—закричалъ онъ глухимъ голосомъ.

Внезапно подѣ ногами Віолетты обнаружился небольшой ручей, дотогѣ скрытый неровностью почвы. Віолетта вскрикнула и ринулась впередъ. Она перескочила черезъ ручей, но упала въ траву, на другомъ берегу. Въ тотъ же мигъ Филиппъ очутился около нея на колѣняхъ, наклонившись къ ея лицу,—съ восклицаніемъ:

— Віолетта, Віолетта!

Она живо приподнялась и сѣла.

— Вы не ушиблись?

Віолетта отрицательно кивнула головой и обѣими руками сдвинула высоко вздымавшуюся грудь.

— Я запыхалась, вотъ и все!.. О! какъ я была неосторожна!.. Но все-таки вы меня не поймали, — прибавила она съ торжествующей улыбкой.

Они перешли обратно черезъ ручей по доскѣ и вернулись къ Мадленѣ, которая доставила себѣ удовольствіе „побранить папу“. Послѣ того всѣ сѣли въ коляску и доѣхали до деревни Монжёнъ.

Курьезная провансальская деревня, выстроенная на холмѣ; она была, должно быть, обведена валомъ въ былыя времена, когда варварскіе пираты промыслили увозомъ скота и молодыхъ дѣвушекъ. Дома, высокіе и черные, старые, угрюмые, огражденные рѣшетками и желѣзными рогатками, по-прежнему какъ будто тѣснились другъ къ другу, все еще опасаясь нападенія страшнаго врага. Въ центрѣ высилась церковная башня, наверху которой въ продолженіе многихъ вѣковъ сторожилъ часовой, озирая зеленую равнину и сверкающее море.

— Кучеръ говоритъ,—сказалъ Филиппъ:—что видѣ отсюда великолѣпный, и англичане ухитряются карабкаться туда, не свертывая себѣ шеи... Если хотите, Шарль сходить за ключомъ къ звонарю, и мы взберемся наверхъ, пока Мадлена спитъ на подушкахъ коляски.

Віолетта колебалась.

— Мнѣ бы не хотѣлось оставлять Мадлену.

— Но если она спитъ!.. Ахъ, понимаю въ чемъ дѣло,—прибавилъ онъ лукаво:—вы устали! вамъ не слѣдовало такъ много бѣгать. Я одинъ полѣзу на верхъ.

— Но я нисколько не устала,—возразила Віолетта.

И проворно выскочила изъ коляски.

Вовсе не такъ легко было взбираться на башню Монжентъ, и Віолетта не замедлила раскаяться въ томъ, что предприняла этотъ подъемъ. Каждую секунду оказывался недочетъ въ ступенькахъ, и камни отрывались подъ ихъ ногами. Темнота была глубокая, страшная. Правою рукой молодая дѣвушка ухватилась за веревку, служившую перилами, но прикосновеніе къ этой сырой и скользкой веревкѣ было ей невыразимо противно; она медленно поднималась, вытянувъ впередъ руки и уже чувствуя, какъ у нея кружится голова отъ такой крутой спирали—и въ такомъ узкомъ пространствѣ, что платье ея касалось стѣны съ двухъ сторонъ. Онъ шелъ за нею; оба безмолвствовали и слышенъ былъ только шумъ ихъ невѣрныхъ шаговъ и тяжелаго дыханія. Пробыло четыре часа. Они пробыли съ минуту какъ бы раздавленные этимъ звучнымъ сотрясеніемъ, отъ котораго вся башня, казалось, затрепетала снизу доверху.

Непріятный свѣтъ смѣнилъ сумракъ башни; сквозь шатающіяся ступеньки Віолетта видѣла свѣтъ подъ ногами. Внезапно налѣво отъ нея открылось широкое отверстіе, въ которое донеслась до нея струя сильнаго вѣтра, между тѣмъ какъ она вдругъ увидѣла большой сводъ голубого неба и обширное пространство волнистой

земли, усѣянной деревнями, а совсѣмъ близко отъ себя подъ ногами острыя крыши, сбѣгавшія по головоломной крутизнѣ.

— О!—вскричала она:—мнѣ страшно!

Едва успѣла она произнести эти слова, какъ почувствовала, что Филиппъ приподнялъ ее на рукахъ и, несмотря на ношу, быстро шагалъ вверхъ. Все снова стало черно. Въ полу-обморѣ, почти лишившись сознанія, она дала себя нести. И только чувствовала, или ей казалось, что она чувствуетъ, горячее дыханіе у себя на волосахъ и руки, страстно сжимавшіяся вокругъ ея талии, и даже слышитъ какія-то странныя слова, которыя ей шепчутъ на ухо, но которыхъ она не разслышала или не поняла.

Наверху лѣстницы была каменная скамья. Филиппъ положилъ на нее Віолетту съ нѣкоторой поспѣшностью и побѣжалъ на наружный балконъ, окружавшій колокольню. Она осталась съ минуту безъ движенія, безъ мысли, но въ какомъ-то сладкомъ забытѣ. Черезъ бойницу она увидѣла Филиппа. Онъ ни на что не глядѣлъ. Облокотившись на баллюстраду, онъ закрылъ лицо руками.

Тогда она сдѣлала надъ собой усиліе и, подобравъ платье одной рукой, другою опираясь въ стѣну, стала медленно спускаться. Дойдя до отверстія, она закрыла глаза и миновала его.

Нѣсколько минутъ она уже сидѣла въ экипажѣ, когда появился герцогъ, улыбающійся, но блѣдный. Онъ бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ проникающихъ взглядовъ, которыми загладываютъ прямо въ душу. Затѣмъ слегка замѣтилъ:

— Право, стоило поглядѣть! Какъ жаль, что вы ничего не видѣли.

— У меня голова закружилась.

— Да... мнѣ кажется, что у насъ у обоихъ немного закружилась голова.

Верхъ экипажа подняли ради ребенка, такъ какъ докторъ Вентура рекомендовалъ беречься ночной свѣжести. Мадлена спала на переднемъ сидѣннѣ. На задней скамейкѣ Віолетта и Филиппъ сидѣли, закутавшись теплыми мѣховыми одѣялами. Ночь стучалась вокругъ нихъ; но когда экипажъ проѣзжалъ мимо дома съ освѣщенными окнами, Віолетта видѣла при мимолетномъ свѣтѣ, что лицо герцога обращено къ ней. Оба не двигались и молчали. Это молчаніе тяготило молодую дѣвушку, но она не смѣла и не могла его прервать. Какое-то очарованіе оковывало ее чудной лѣнью, и въ этой лѣни таяла ея воля. Она была жерт-

вой неясныхъ, но очень сильныхъ ощущеній. Откуда это счастье, почти мучительное отъ своей силы, которое ее охватывало?

Такъ прошелъ часъ, быстрый и значительный, хотя ни одного слова не было произнесено...

Послѣ обѣда Віолетта убѣжала, ссылаясь на усталость ребенка, котораго она уложила въ постель. Она хотѣла быть одна, перебрать въ памяти весь день, постараться разобраться въ немъ и привести въ порядокъ смутныя мысли и чувства, кипѣвшія у нея въ мозгу и въ сердцѣ. Віолетта наслаждалась послѣдними двумя недѣлями на подобіе школьницы, отпущенной на каникулы, пользовалась свѣжимъ воздухомъ и свободой, новыми зрѣлищами, подобно тому, какъ пьетъ сухая земля желанный дождь. Но теперь это счастье доходило уже до нѣкотораго рода муки. Одно лицо занимало слишкомъ большое мѣсто въ ея мысляхъ...

И въ то время, какъ безпорядочныя представленія проносились въ ея головѣ, встревоженная, сбитая съ толку, она стала на колѣни у подножія своей кровати, передъ небольшимъ мѣднымъ изваяніемъ Богоматери, подареннымъ ей одною изъ престарѣлыхъ монахинь „Горы-Сіонъ“. Освѣжая разгоряченный лобъ прикосновеніемъ къ холодной простынѣ, Віолетта долго молилась и старалась прогнать воспоминаніе о тревожныхъ впечатлѣніяхъ вечера, громко произнося слова молитвы. Чей-то взволнованный голосъ какъ будто шепталъ ей на ухо: „Віолетта! Віолетта!“

Вдругъ она услышала дѣйствительный, настоящій шумъ, а не воображаемый. Въ комнатѣ Мадлены кто-то ходилъ; слышно было, какъ скрипѣлъ паркетъ. Она прислушалась; шумъ затихъ. Думая, что ошиблась, она снова стала молиться Богородицѣ... Портьера, отдѣлявшая ея комнату отъ комнаты Мадлены, заколебалась. Рѣшительно тамъ кто-то былъ... Она встала блѣдная съ колѣнъ и, прождавъ секунды двѣ, побѣжала въ ту комнату. Тамъ никого не было. Мадлена спала мирно, и свѣтъ отъ ночника падалъ на ея сомкнутыя вѣки... Ничего!.. А между тѣмъ Віолетта была убѣждена, что какая-то опасность пронеслась около нея: она почувствовала ея дуновеніе и подъ влияніемъ ретроспективнаго страха морозъ пробѣжалъ у нея по жиламъ.

Она заперлась вдвоемъ съ малюткой и провела тревожную ночь. Подъ утро ей послышался шумъ шаговъ и голосовъ въ домѣ; затѣмъ все успокоилось.

Шарль почтительно ждалъ Віолетту внизу лѣстницы и доложилъ ей, что герцогъ поручилъ ему передать ей, какъ онъ

сознавъ о томъ, что вынужденъ былъ внезапно уѣхать въ Парижъ. Герцога призываютъ дѣла... Герцогъ вернется черезъ три или четыре дня. Затѣмъ Шарль удалился укладывать чемоданы и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ свою очередь.

Прошло четыре дня, прошла недѣля — герцогъ не возвращался. Прошелъ и декабрь мѣсяцъ, затѣмъ январь, наконецъ — вся зима. А Филиппъ такъ и не вернулся.

А. Э.

РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

ВЪ

С И Б И Р И

— Н. Астыревъ. Очерки жизни населенія Восточной Сибири. На тайжныхъ прогалинахъ. М. 1891.

Вопросъ о русско-сибирской народности подновленъ въ послѣднее время, когда совершается усиленное переселеніе въ Сибирь изнутри Россіи и когда оно привлекло вниманіе изслѣдователей, между прочимъ поставившихъ вопросъ объ отношеніи переселенцевъ къ кореннымъ сибирякамъ. Отчасти въ связи съ переселеніемъ, отчасти по поводу обширныхъ статистическихъ работъ, предпринятыхъ въ Западной и Восточной Сибири, направилась въ Сибирь цѣлая группа изслѣдователей народной жизни, между прочимъ уже имѣвшихъ опытъ въ этомъ дѣлѣ въ Россіи европейской (Н. Астыревъ, Л. Личковъ, А. А. Кауфманъ и др.): имъ также бросался въ глаза этотъ вопросъ, вызывавшій въ тѣмъ или другимъ рѣшеніямъ.

Скажемъ впередъ, что въ этой ближайшей формѣ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ въ настоящее время съ какою-либо точностію, по той простой причинѣ, что для этого за прежнее время собрано пока слишкомъ мало положительныхъ, опредѣленныхъ данныхъ, а для сотенъ тысячъ новѣйшихъ переселенцевъ еще предстоитъ опредѣлить ихъ отношеніе къ сибирскимъ старожиламъ, и новый процессъ народнаго передвиженія еще совершается. Но за прошедшее время возможенъ и уже былъ поставленъ общій вопросъ о томъ, что дѣлалось съ русской народностью въ Си-

бири: къ какимъ же заключеніямъ приходили здѣсь наблюдатели русской народности въ Сибирь, — что, по ихъ мнѣнію, произошло съ національнымъ русскимъ типомъ въ странѣ, куда триста лѣтъ назадъ двинулась правительственная и народная колонизація и гдѣ она встрѣтила совершенно новыя условія природы, климата, туземнаго населенія, администраціи и промысла?

Извѣстное измѣненіе въ національномъ типѣ должно было произойти необходимо. Въ силу неизбежнаго этнологическаго процесса, новыя физическія условія не могли не повліять такъ или иначе уже на первыя поколѣнія русскихъ колонизаторовъ, побуждая ихъ физическія и нравственныя свойства приспособляться къ новой средѣ, — а эта среда была дѣйствительно не похожа на условія средней Россіи, гдѣ развилось гнѣздо великорусскаго племени, или даже того сѣвера, откуда явилось наибольшее число первыхъ сибирскихъ насельниковъ. Главнѣйшій процентъ ихъ пришелъ въ XVI—XVII столѣтіи изъ сѣверной Россіи, условія которой на первое время подходили къ занятой прежде всего сѣверо-западной части Сибири; но, во-первыхъ, съ самаго начала стали присоединяться къ этимъ сѣверянамъ самыя различныя элементы русскіе и не-русскіе, изъ другихъ поселенцевъ, ссыльныхъ, плѣнныхъ иностранцевъ, а, во-вторыхъ, колонизація уже вскорѣ подвинулась на югъ и дальній востокъ Сибири, гдѣ встрѣчена была совсѣмъ иная природа и обстановка; наконецъ съ самаго начала возникаютъ племенные помѣси съ туземными инородцами. Новыя поколѣнія сибирскаго населенія вырастали уже съ новыми этнологическими задатками, въ новыхъ условіяхъ земледѣльческаго труда, звѣроловнаго и иного промысла; продолжавшаяся колонизація на востокъ все умножала количество новыхъ условій, которыя все больше должны были видоизмѣнять первоначальный типъ, и съ возроставшимъ удаленіемъ восточнаго сибирскаго захолустья отъ національнаго центра увеличивалась изолированность, которая должна была только способствовать уtratѣ старыхъ свойствъ, забвенію прежнихъ бытовыхъ привычекъ и преданій и образованію новыхъ особенностей, — которыя въ самомъ дѣлѣ и не замедлили проявиться у сибирскаго человѣка, нынѣшняго сибирскаго „старожилѣ“.

Во многихъ случаяхъ приспособленіе къ средѣ могло имѣть для первоначальнаго типа только понижающее значеніе. Жизнь среди инородцевъ, усвоеніе ихъ промысла, необходимаго по условіямъ страны и раньше мало или совсѣмъ незнакомаго; племенное смѣшеніе, на первое время также неизбежное по недостатку русскихъ женщинъ, — вели къ измѣненію типа и къ пере-

ниманію обычая—представлявшаго менѣе высокій уровень культуры. Присоединялись наконецъ особыя условія гражданского быта. Далекая область, совсѣмъ недоступная ближайшему контролю центральной власти, съ самаго начала становилась поприщемъ крайняго произвола и самоуправства воеводъ, а также всякихъ служилыхъ людей; нравы воеводскаго самоуправления, установившіеся еще въ московскія времена, сохранились и, можетъ быть, еще усовершенствовались въ XVIII столѣтіи и дошли до новѣйшихъ временъ, когда ревизія Сперанскаго въ первый разъ указала невозможность такого „порядка вещей“. Трудно разсчитывать, но едва ли сомнительно, что административные нравы стали новымъ и важнымъ факторомъ въ развитіи склада сибирскаго общества. Испорченность администраціи создана была еще московскими временами и могла только усилиться въ Сибири вслѣдствіе самой ея отдаленности и трудности надзора; сибирское общество, въ теченіе вѣковъ воспитываемое подъ этими нравами, все болѣе привыкало къ нимъ и само въ свою очередь доставляло имъ пищу; въ концѣ концовъ стали находить, что для Сибири именно и нужны такіе правители-самоуправцы, что ея нельзя управлять „учеными способами“, какіе заводилъ Сперанскій и которые имѣли въ виду установленіе какого-нибудь правосудія и охраненія человѣческаго права и достоинства. Вліяніе подобнаго управленія не могло быть благопріятно для нравовъ: общество воспитывалось въ полномъ безправіи; для „высшихъ интересовъ“ не было мѣста, тѣмъ болѣе, что громадная страна лишена была до послѣдняго времени всякихъ средствъ образованія, кромѣ элементарной школы или какой-нибудь технической выучки. Впослѣдствіи Щаповъ писалъ цѣлое историческое обличеніе сибирскаго общества въ отсутствіи „высшихъ чувствъ“.

Народная масса была предоставлена самой себѣ, и не мудрено, что, лишенная школы и руководства просвѣщенныхъ пастырей, уходила въ тотъ грубый матеріалистическій бытъ, какимъ упрекаютъ ее не однажды новѣйшіе наблюдатели сибирской жизни.

Къ XVIII вѣку Сибирь несомнѣнно выработала уже извѣстныя бытовыя особенности, какъ въ народѣ, такъ и въ „обществѣ“. Было бы интересной работой собрать изъ обширной литературы путешествій XVIII вѣка черты нравовъ и обычаевъ; въ нихъ могли бы найтись немаловажныя данныя для объясненія историческаго развитія „русско-сибирской народности“. Путешественники прошлаго вѣка еще не думали ставить этого вопроса, но они отмѣчали уже особенности сибирскаго быта, указывали

нѣкоторыя отличія „сибиряка“ отъ жителя европейской Россіи. Позднѣе, эти отличія становятся дѣломъ признаннымъ, хотя далеко не выясненнымъ... Обычная привязанность къ родинѣ создаетъ мѣстный патріотизмъ, который проникаетъ въ литературу: у мѣстныхъ писателей Сибирь изображалась какъ страна чуть не патриархальной идилліи, какъ напр. въ разсказахъ Е. А. Авдѣевой. Въ тридцатыхъ годахъ мы читаемъ у Словцова защиту сибиряковъ отъ осужденій, какимъ они подвергались — отъ русскихъ, которымъ уже тогда ихъ привыкли противопоставлять. „Несмотря на видимое спѣяніе сибиряка радушнаго, гостепріимнаго, — пишетъ Словцовъ своимъ страннымъ риторическимъ языкомъ, — издавна клеветуютъ на него *отъ Россіи* различнымъ образомъ, и даже взводятъ на него чернокнижное искусство ¹⁾ вызывать нечистыхъ духовъ, подобно какъ и нынѣ поверхностные наблюдатели, за исключеніемъ благоразумнаго лейтенанта ф. Врангеля и его спутниковъ, называютъ разсудительнаго, хозяйственнаго, добронравнаго сибиряка невѣжею, лѣнливцемъ, развратнымъ. Оставляя безъ примѣчанія всѣ три присвоенія, какъ приличныя для сволочи русскихъ поселенцевъ (т.-е. ссыльныхъ), мы не могли бы безъ негодованія слышать тѣ же нареканія, еслибы кто вздумалъ относить ихъ къ коренному классу сибиряковъ“ ²⁾).

Этотъ сибирскій патріотизмъ въ прежнее время не имѣлъ впрочемъ никакого опредѣленнаго выраженія въ литературѣ, какъ, вѣроятно, и въ самомъ сибирскомъ обществѣ оставался однимъ инстинктомъ, не дошедшимъ до нѣсколько яснаго представленія. Пора его особеннаго оживленія восходитъ къ тѣмъ же пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ, съ которыхъ считалось „возрожденіе“ цѣлаго русскаго общества послѣ крымской войны. Тогдашнее возбужденіе отразилось въ лучшихъ людяхъ сибирскаго общества, и особливо въ средѣ молодежи, размышленіями о положеніи ихъ родины, стремленіями сдѣлать что-либо для улучшенія ея судьбы, для распространенія просвѣщенія, котораго было въ ней такъ мало, и т. п., наконецъ столь свойственными юности мечтами о дальнѣйшемъ широкомъ развитіи этой родины. Сибирская молодежь, искавшая высшаго образованія, должна была отправляться въ Россію, въ университеты и духовныя академіи въ Казани, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, и здѣсь ее охватывало то поднятое настроеніе, которое шло, все возрастая, съ половины

¹⁾ Словцовъ ссылается при этомъ на ук. Сенат. 2-го декабря 1782 г. объ осмотрительности въ пыткахъ.

²⁾ Историч. обозрѣніе Сибири, изд. 1886, ч. 2, стр. 4.

пятидесятихъ годовъ... Біографъ Щапова рассказываетъ, со словъ одного изъ товарищей его по казанской академіи, какъ еще въ первыхъ пятидесятихъ годахъ проявлялись между студентами-сибиряками порывы мѣстнаго патріотизма:

„Всѣ студенты-сибиряки, сколько я ихъ зналъ, были люди очень даровитые и отличались характеромъ смѣлымъ и прямымъ; это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что сибирское духовенство ¹⁾ не знало приниженія, которое испытало великорусское духовенство отъ помѣщиковъ, и было зажиточнѣе его. Сибиряки-студенты въ наше время ²⁾ полу-шутя, полу-серьезно называли свою Сибирь русской Америкой и говорили, что она, рано или поздно, отдѣлится отъ Россіи. Эти мысли высказывались, разумѣется, мимоходомъ и не развивались, но, можетъ быть, онѣ подали поводъ Щапову мечтать о федераціи, хотя впоследствии объ этомъ не мало говорено было въ литературѣ русской, особенно Костомаровымъ въ примѣненіи только къ древней русской исторіи“ ³⁾. Около того же времени, нѣсколькими годами позднѣе, тѣ же мысли бродили въ умахъ другого кружка сибирской молодежи, въ Петербургѣ и Томскѣ, и повлекли за собою процессъ о „сибирскомъ сепаратизмѣ“,—процессъ, по тому времени страшно преувеличенный и, къ сожалѣнію, инымъ испортившій жизнь, какъ С. С. Шашкову. Если и были дѣйствительно мечты о „сепаратизмѣ“, очевидно,—онѣ были столь неосуществимы, что были абсолютно безвредны; это была лишь форма юношескаго поэтическаго идеализма,—мечтательныя подробности его должны были отпасть сами собою: юность прошла,—но отъ прежняго идеализма осталось у лучшихъ людей здоровое зерно въ томъ горячемъ стремленіи служить дѣлу просвѣщенія и общественнаго развитія своей ближайшей родины; это стремленіе сказалось потомъ въ замѣчательныхъ учено-литературныхъ трудахъ и общественной дѣятельности многихъ людей этого поколѣнія.

Съ той поры, когда стало дѣйствовать сибирское молодое поколѣніе пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, въ литературѣ столько было сдѣлано для выясненія народной и общественной жизни Сибири, сколько не было сдѣлано за все прежнее время. Вопросы народнаго быта никогда прежде не привлекали къ себѣ такого оживленнаго вниманія и не вызывали столько изслѣдованій; въ первый разъ возникаетъ мѣстная печать, посвящаемая

¹⁾ Изъ котораго происходили эти студенты духовной академіи.

²⁾ 1850—54 годы.

³⁾ „А. П. Щаповъ“, Н. Аристова. Спб. 1883, стр. 11.

разнороднымъ интересамъ сибирской жизни, — и эта печать несомнѣнно развилась бы гораздо шире, еслибы не встрѣчалась съ обычной недовѣрчивостью надзора; въ сибирскомъ обществѣ небывалымъ прежде образомъ распространяется стремленіе къ основанію общепользныхъ учреждений, филантропическихъ и образовательныхъ, и чисто мѣстной инициативѣ и обильнымъ пожертвованіямъ должна быть отдана заслуга основанія сибирскаго университета. Въ обществѣ очевидно совершался невиданный прежде успѣхъ „самосознанія“.

Вмѣстѣ съ этимъ усиливалось желаніе разяснить историческое прошлое и современныя черты „русско-сибирской народности“. Отъ старыхъ временъ остался, къ сожалѣнію, слишкомъ недостаточный контингентъ правильно подготовленныхъ научныхъ силъ, которыя могли бы работать по вопросамъ исторіи, этнологіи и этнографіи. Что былъ запросъ на работу въ этомъ направленіи — это сказалось между прочимъ въ основаніи Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, который потомъ еще раздвоился на Восточно-Сибирскій въ Иркутскѣ и Западно-Сибирскій въ Омскѣ. Въ первомъ изъ нихъ между прочимъ ревностно трудился Щаповъ, высланный въ шестидесятыхъ годахъ въ Иркутскъ.

Научная дѣятельность Щапова сложилась въ разныхъ отношеніяхъ крайне неблагопріятно: сдѣлалъ онъ меньше и несовершеннѣе, чѣмъ могъ бы, по своимъ задаткамъ, при болѣе счастливыхъ условіяхъ. Но въ его трудахъ заключается, тѣмъ не менѣе, не мало указаній, весьма цѣнныхъ для этнографіи и исторіографіи. Основа его историческихъ взглядовъ заключалась въ стремленіи выяснить роль чисто народныхъ и областныхъ стихій въ цѣломъ историческомъ развитіи. Такимъ образомъ сибирскія изученія, къ которымъ онъ обратился въ своей ссылкѣ, совпадали съ его давними историческими интересами. Наконецъ, онъ самъ былъ родомъ сибирякъ, такъ сказать, специфическій, — его отецъ былъ русскій сибирскій старожилъ, дьячокъ въ захолустной деревнѣ иркутской губерніи (онъ приходился родственникомъ сибирскому, потомъ московскому митрополиту Иннокентію), мать — чистокровная бурятка. Сильно возбужденный тогдашнимъ общественнымъ настроеніемъ, Щаповъ, вернувшись въ Сибирь, повидимому ожидалъ встрѣтить его отголоски въ сибирскомъ обществѣ; въ данную минуту онъ не нашелъ того, чего искалъ, и вѣроятно это обстоятельство внушило ему нѣкоторый пессимизмъ, отразившійся потомъ на его трактатѣ о русско-сибирской народности. Этотъ трактатъ, собственно говоря, впервые поднималъ общій вопросъ —

съ извѣстнымъ подборомъ фактовъ, извлеченныхъ между прочимъ изъ прямыхъ личныхъ наблюдений ¹⁾).

По своему общему взгляду, Шаповъ возводилъ начало сибирской исторіи, самое занятіе страны, къ движенію чисто народному. Когда въ московскомъ періодѣ, дошедшемъ до своего неподвижнаго идеала, дальнѣйшее движеніе было возможно только съ разрушеніемъ старыхъ формъ и введеніемъ новыхъ — что послѣ и совершалось въ Петровской реформѣ, — то еще ранѣе Петра самъ народъ предпринялъ этотъ переворотъ, уходя массами на сибирскій востокъ: тамъ искали новой жизни, въ новыхъ условіяхъ природы и труда, вдали отъ стараго традиціоннаго быта. Въ Сибири, подъ вліяніемъ различныхъ отношеній новой обстановки, сталъ дѣйствительно складываться новый типъ народности: онъ разрывалъ со многими старыми преданіями, перерабатывался этнологически, мѣшаясь съ инородцами, создавая новыя формы труда и обычая, наконецъ сталъ даже противопоставлять себя „россейцамъ“; но, къ сожалѣнію, этотъ новый русско-сибирскій народъ лишенъ былъ помощи образованія и науки, отъ которыхъ сталъ, можетъ быть, даже дальше, чѣмъ были русскіе до Петра. Все это отразилось на современномъ сибирскомъ типѣ.

Онъ отличается отъ русскаго типа въ Европѣ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. „Природные русскіе сибиряки, — говоритъ Шаповъ, — представляющіе третье, четвертое, пятое и шестое поколѣніе уроженцевъ Сибири, подобно тѣмъ азіатскимъ племенамъ, съ которыми пришлось въ Сибири смѣшиваться славяно-русскому племени, вообще, большею частію не высоки ростомъ, сухощавы, болѣе или менѣе смуглы и черноволосы. Нѣсколько черноватый или смуглый цвѣтъ лица сибирякамъ, повидимому, и нравится болѣе, чѣмъ рыжій или красный. По крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ Сибири, особенно восточной, слово „краснорожій“ синонимично слову „безобразный“ и употребляется какъ бранное слово, тогда какъ слова: „черномазый, халзанъ, карымъ или карымочка“ ²⁾ употребляются, сколько мы слышали, какъ слова ласкательныя или любезно-шутливыя, наприм., относительно дѣтей или дѣвицъ. Борода у давнишнихъ, коренныхъ русскихъ уроженцевъ Сибири, если не всегда совер-

¹⁾ Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества, т. III, Иркутскъ, 1872; Историко-географическія замѣтки о Сибири, тамъ же, т. IV, 1873; О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества, въ „Отеч. Запискахъ“, 1872, № 10.

²⁾ Такъ называютъ въ Сибири метисовъ, людей смѣшаннаго происхожденія.

шенно черная, то большею частію темная, короткая и часто рѣдкая, да и ту сибиряки сплошь и рядомъ брѣютъ, оставляя только усы. Встрѣчая сибиряковъ съ болѣе или менѣе большой и густой бородой, русой или рыжей, мы спрашивали ихъ о происхожденіи и узнавали, что подобные сибиряки были такъ называемые въ Иркутскѣ „малолѣтки“, т.-е. представляли первое или второе поколѣніе отъ чисто-великорусскихъ родичей — ярославцевъ, нижегородцевъ, вологодцевъ и т. п.“¹⁾ „Конечно,—продолжаетъ Щаповъ,—всѣ эти отличительные признаки физической структуры русскаго сибирскаго населенія еще не обозначились, не установились... тѣмъ не менѣе, уже и въ настоящее время въ немъ замѣтно стремленіе къ образованію, путемъ скрещиванія и мѣстныхъ физико-географическихъ и этнологическихъ условій, однородной и своеобразной областной народности“.

Подобная бросающаяся въ глаза разниа отдѣляетъ истаго сибиряка отъ русскаго и въ умственномъ отношеніи. Умъ „россійскаго“ (какъ говорятъ въ Сибири) человѣка, хотя бы крестьянина, болѣе гибокъ и свободенъ, горизонтъ его шире, сужденія живѣе, самая рѣчь выразительнѣе. „Съ другой стороны сибирякъ, по большей части, простакъ, умъ его меньше расторопенъ и гибокъ. Логическіе приемы его мышленія менѣе развиты, ассоціаціи идей не такъ многосложны, какъ у великорусса—какого-нибудь нижегородца или ярославца. Зато въ сибирскомъ русскомъ населеніи разсудокъ, кажется, гораздо болѣе преобладаетъ надъ чувствомъ, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ. Холодно-разсудочная, практическая разсчетливость сибиряковъ или преобладающая наклонность въ матеріалистическому реальному умствованію подавляетъ въ нихъ почти всякое идеалистическое умонастроеніе. Оттого сибиряки вообще гораздо менѣе мистичны и религіозны, чѣмъ „россійскіе“ люди. Сибиряки даже, можно сказать, вовсе не отличаются мистицизмомъ; они больше, такъ сказать, утилитаристы и матеріалисты, чѣмъ мистики и идеалисты... Оттого на многія историко-традиціонныя общественныя учрежденія или принципы сибиряки смотрятъ гораздо свободнѣе или вольнѣе, чѣмъ великорусскій народъ. Напримѣръ, въ Сибири,

¹⁾ Щаповъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что однажды въ Иркутскѣ въ мѣщанской семьѣ, переселившейся изъ-за Байкала, ему случилось видѣть, какъ дѣвушки, природныя русскія сибирячки, разсматривали картину съ монгольскими или китайскими лицами; „хорошенькими“ казались имъ именно лица съ чисто-азиатскимъ, монгольскимъ или китайскимъ типомъ—узкіе глаза, плоскій носъ, широкія скулы, только съ большей округленностью цѣлаго очертанія лица; напротивъ, лица, смахивавшія нѣсколько на черкесовъ, татаръ, цыганъ и т. п., казались имъ „странными“.

особенно въ Иркутскѣ, все простонародье смотритъ весьма свободно на такъ называемые „сводные“ или гражданскіе браки... „Въ умственномъ складѣ великорусскаго человѣка болѣе отразилось вліяніе продолжительнаго тысячелѣтнаго историческаго опыта и отчасти вліяніе европейски-образованнаго класса, дворянства; въ умонастроеніи сибиряка болѣе отпечатлѣлось вліяніе дикой сибирской природы и полудикихъ сибирско-азиатскихъ племенъ“.

Умъ сибиряка направленъ только на чисто-матеріальныя интересы. „Самыя слова, выражающія понятія объ умственныхъ способностяхъ и функціяхъ человѣка, сибирякъ понимаетъ и употребляетъ въ утилитарно-матеріалистическомъ смыслѣ“. „Умъ“, это — хитрость; умный человѣкъ — умѣющій ловко обдѣлывать практическія дѣла, и т. п. Это матеріалистическое направленіе сказывается и въ нравственныхъ понятіяхъ; своекорыстіе преобладаетъ надъ побужденіями гуманными, ближайшіе семейно-родовые интересы — надъ нравственно-соціальными. Сибиряковъ не совсѣмъ правильно считаютъ людьми свобододолюбивыми. Правда, они какъ будто сильнѣе чувствуютъ право личности, „но за этимъ чувствомъ вольности и личнаго права и въ сибирякахъ сплошь и рядомъ скрывается и нерѣдко обнаруживается духъ раболовнѣи. Вѣрнѣе всего, повидимому, то замѣчаніе, высказываемое нѣкоторыми компетентными наблюдателями сибирскихъ нравовъ, что сибиряки (разумѣется, простонародные) грубы, дерзки, но въ то же время трусы... Вообще сибиряки грубы и дерзки передъ тѣмъ, кого они не боятся, но передъ большими чиновниками они раболовны и трусливы... Отъ своей дикости и неразвитости, сибирское населеніе еще весьма мало интересуется административными и гражданскими общественными учрежденіями. Вообще къ улучшенію своего общественнаго устройства, къ реформамъ и учрежденіямъ административнымъ и гражданско-бытовымъ оно относится большею частію крайне индифферентно или равнодушно и апатично“.

Въ параллель и дополненіе къ тому, что говорилъ Шаповъ о холодной разсудочности сибиряка, идутъ его замѣчанія о слабости развитія у сибиряковъ поэтическаго чувства. Оторвавшись отъ великорусскаго народа, сибиряки болѣею частью утратили и его поэзію, такъ какъ дѣйствительно, когда была покинута и забыта ея почва, тѣмъ легче память ея могла быть затерта новыми жизненными впечатлѣніями. „Сибиряки, — говоритъ Шаповъ, — болѣею частью забыли всю древне-русскую старину, всѣ эпическія сказанія или былины великорусскаго народа, даже большую часть великорусскихъ народныхъ вѣрованій или суевѣрій, при-

мѣтъ и обрядовъ, и т. п. Тогда какъ великорусскій народъ свято хранить и передаетъ изъ рода въ родъ тѣмъ старинныхъ суевѣрій и примѣтъ, превращая ихъ въ цѣлыя легенды, облакая въ форму эпическихъ сказаній или украшая разными вымыслами фантазій, сибирское населеніе держится сравнительно весьма немногихъ общерусскихъ суевѣрій или предразсудковъ, вынесенныхъ первыми поселенцами, да и тѣ передаются изъ рода въ родъ кое-какъ, безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ, часто въ измѣненномъ видѣ. Но, не придерживаясь многихъ старинныхъ русскихъ суевѣрій, сибиряки, зато, усвоили не мало суевѣрій и примѣтъ сибирскихъ инородцевъ или старинныя великорусскія суевѣрія измѣнили на свой ладъ. Такъ, многія суевѣрныя примѣты и предразсудки, относящіяся къ звѣроловству и скотоводству, заимствованы сибиряками отъ туземныхъ инородцевъ — бурятъ, тунгузовъ и остяковъ¹⁾. Такимъ же образомъ утрачена или искажена пѣсенная поэзія, а собственная не создалась: „мѣстныхъ самородныхъ сибирскихъ пѣсень почти вовсе нѣтъ, или весьма мало, да и тѣ, большей частью, не цѣльны, отрывочны и лишены всякой поэзіи, даже слишкомъ грубы и прозаичны“. Въ восточной Сибири замѣтно иногда даже прямое подражаніе пѣснямъ бурятскимъ...

Другой компетентный наблюдатель, извѣстный путешественникъ П. А. Ровинскій, приходилъ къ менѣе пессимистическимъ выводамъ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, г. Ровинскій провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири, особливо восточной, и посвятилъ нѣсколько интересныхъ статей¹⁾ именно наблюденіямъ надъ особенностями народнаго быта, характера и языка; относительно сибирскаго нарѣчія трудъ его объ этомъ предметѣ остается до сихъ поръ единственнымъ. Владѣя большимъ этнографическимъ опытомъ, г. Ровинскій имѣлъ матеріалъ для сличеній, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравненіе съ обычнымъ характеромъ великорусскаго народа выпадало въ пользу сибиряка. Щаповъ, относившійся къ послѣднему не весьма довѣрчиво, признавалъ однако въ сибирякахъ свойства, которыя могутъ считаться благопріятными — любознательность, меньшее развитіе суевѣрія, отсутствіе боязни къ новизнѣ. Въ Сибири даже простые люди перенимаютъ новыя обычаи, одежду, домашнюю обстановку. „Нѣтъ ни одного сибиряка, — говорилъ Щаповъ, — который бы, подобно великорусскому старовѣру, отвращался какъ отъ чертовщины отъ папиросы, сигары, чаю или кофе и т. п. Конечно, такая смѣлая воспріим-

¹⁾ Въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества, 1870—1873.

чивость всего болѣе выражается въ сферѣ матеріальной жизни, а въ сферѣ умственной она проявляется уже гораздо менѣе. Но все-таки и въ этомъ отношеніи сибиряки, повидимому, воспримчивѣе и любознательнѣе, по крайней мѣрѣ, старообрѣческой массы великорусскаго народа“. Г. Ровинскій указываетъ между прочимъ, что сибиряки относились съ большимъ уваженіемъ къ заѣзжимъ ученымъ путешественникамъ, которые жили между ними иногда въ самыхъ далекихъ захолустьяхъ и отъ которыхъ сибиряки зачинали даже объясненія различныхъ явленій природы. Сибирякъ не удивляется, что заѣзжій человѣкъ поселится въ глухой деревнѣ, будетъ собирать разныя вещи, записывать пѣсни и т. п. „Подозрительность и даже нѣкоторую враждебность, сопровождающую иногда интригой въ населеніи и доносомъ начальству, встрѣтите только въ людяхъ изъ Россіи, но отнюдь не въ туземцѣ-сибирякѣ“. Въ сибирякѣ-туземцѣ г. Ровинскій находилъ вообще, рядомъ съ этой любознательностью, много здравыхъ, чисто раціональных понятій; если эти понятія не идутъ глубже, то причина этого заключается только во внѣшнихъ условіяхъ, не дающихъ возможности развитія этихъ умственныхъ задатковъ,—другими словами, заключается въ недостаткѣ школы. Что касается до тѣхъ неблагоприятныхъ свойствъ, какія приписываются сибирскому характеру, какъ своекорыстіе, хитрость и т. п., то г. Ровинскій находилъ, что онѣ отчасти составляютъ свойство общечеловѣческое или же развились не на мѣстѣ, а принесены съ родины. Если сибиряки затеряли старое народное преданіе, то г. Ровинскій справедливо указывалъ подобное явленіе у англосаксонской расы, переселявшейся въ Америку: дѣйствительно, въ новыхъ условіяхъ, въ другой странѣ, безъ связей съ памятью общенародной, преданіе должно было необходимо затемняться и падать по мѣрѣ того, какъ на новомъ мѣстѣ должна была устанавливаться новая бытовая традиція. Въ связи съ этимъ тотъ же авторъ объяснялъ и упадокъ народно-поэтическаго преданія и творчества: этотъ упадокъ происходилъ, по его мнѣнію, отъ развитія „буржуазнаго духа“ (т.-е. городской цивилизаціи и нравовъ), который все болѣе распространяется не только въ Сибири, но и въ Россіи, и во всемъ человѣчествѣ. „Сравнительно съ великорусскими поселянами, — рассказываетъ Ровинскій, — простолюдины сибиряки имѣютъ нѣсколько мѣщанскій видъ, хотъ и живутъ совершенно по-деревенски. Самые отдаленныя селенія Сибири напоминаютъ болѣе наши мѣщанскіе хутора, а не настоящія деревни“. Западно-сибирскій крестьянинъ — „не скопидомъ, не торгашъ, какъ володимірецъ, а какъ волжанинъ любитъ хорошо поѣсть и попить,

отличается однако отъ послѣдняго умѣніемъ ухитить свой дворъ, изукрасить ворота и лицевую сторону избы рѣзьбою и разными узорочьями; любить онъ, чтобы въ избѣ у него была чистота и опрятность, чѣмъ не могутъ похвастаться наши поволжскіе жители, не смотря на то, что у нихъ большія избы дѣльнаго бруса и во всемъ видны достатокъ и изобиліе, не говоря уже о живущихъ въ вурныхъ избахъ въ губерніяхъ тамбовской, курской и пр. Сибирякъ моетъ и скоблитъ полы, стѣны и потолки, разстилаетъ по избѣ „полозы“ (половики), моетъ избу даже снаружи. Это дѣлается богатымъ и бѣднымъ одинаково, какъ бы по завѣту и священному долгу. То же самое вы встрѣтите только у поморскихъ старособрядцевъ да еще у малороссіянъ¹⁾. „При сравненіи быта тункинскаго¹⁾ русскаго съ бытомъ русскаго изъ коренной Россіи,—разсказываетъ дальше г. Ровинскій,—нельзя у перваго не замѣтить нѣкоторыхъ улучшеній по внѣшней обстановкѣ: чисто вымытые—не только полы, но стѣны и потолки; на полу нерѣдко половники или онъ посыпается пескомъ; нѣтъ спанья въ повалку; печенья изъ муки—такія же, какія въ Россіи встрѣтите только въ купеческихъ или барскихъ домахъ; непремѣнное условіе—мясная пища и чай, хоть не постоянно, но несравненно чаще, чѣмъ въ Россіи. Та же чистота и опрятность, а у женщинъ даже нѣкоторая роскошь въ одѣяніи; ловкость въ обращеніи и танцахъ,—сибирская восьмерка—это передѣланная кадрили, только несравненно живѣе; на пирушкахъ, въ самомъ разгарѣ страсти, подъ вліяніемъ сильнаго выпитія, все-таки наблюдается порядокъ и благообразіе. Однимъ словомъ, во всей обстановкѣ тункинскаго жителя вы видите уже нѣчто городское“.

Эта черта опрятной и нѣсколько красивой домовитости прежде всего приносится, конечно, извѣстной степени достатка; но тотъ же авторъ предполагаетъ другое основаніе, которое по всей вѣроятности также имѣло здѣсь свою долю. Этотъ инстинктъ культурности, по мнѣнію г. Ровинскаго, имѣлъ связь съ самымъ происхожденіемъ кореннаго населенія Сибири. Какъ мы упоминали прежде, первые поселенцы Сибири были жители сѣвернаго русскаго Поморья и Двинскаго края, нынѣшнихъ губерній архангельской, вологодской, вятской и пермской,—люди промышленные, бывалые, смѣлые плователи, много видавшіе и предприимчивые; и тогда, и послѣ они не знали крѣпостного права съ его подавляющими и унижающими вліяніями, и въ періодъ занятія Сибири могли развить еще болѣе свою предприимчивую энергію. Дѣйстви-

¹⁾ Тунка въ Иркутской губерніи.

тельно, исторія этого занятія представляетъ длинный рядъ предприятий, которыя свидѣтельствовали о необычайной выносливости и смѣлости этихъ открывателей Сибири: они шли въ невѣдомыя мѣста, на сѣверъ къ берегамъ Ледовитаго океана, на востокъ до Камчатки и границъ Монголіи и Китая; промышленники и военные люди вмѣстѣ покоряли встрѣчавшихся туземцевъ, строили „острожки“, будущіе города западной и восточной Сибири, и вмѣстѣ съ тѣмъ высматривали удобныя мѣста для осѣдлаго поселенія, для земледѣлія и пушного промысла, и уже скоро становились прочнымъ русскимъ населеніемъ среди инородческаго міра. Нѣтъ сомнѣнія, что наслѣдство этихъ первыхъ насельниковъ оставило свои слѣды въ характерѣ послѣдующаго сибирскаго населенія до нынѣшнихъ сибирскихъ „старожиловъ“.

Но на этомъ характерѣ легли и многія другія слѣдствія историческихъ отношеній стараго сибирскаго населенія.

Послѣ Щапова и Ровинскаго на вопросѣ о русско-сибирской народности остановился г. Анучинъ ¹⁾. Въ статьѣ, къ сожалѣнію, затерявшейся въ мало извѣстномъ изданіи и потомъ не повторенной, авторъ пересматриваетъ наблюденія и выводы упомянутыхъ этнографовъ и дѣлаетъ также обзоръ историческихъ условий, вліявшихъ на образованіе особаго оттѣнка русской народности въ Сибири. Однимъ изъ особенно важныхъ факторовъ въ этомъ процессѣ было, безъ сомнѣнія, смѣшеніе приплагаго русскаго населенія съ туземцами. Каковы бы ни были свойства первыхъ русскихъ колонистовъ и ихъ этнологическое и культурное превосходство надъ туземцами, но смѣшеніе съ послѣдними не могло не отразиться на физическомъ и духовномъ типѣ населенія, происходившаго изъ этого смѣшенія племенъ. Выше мы приводили изъ наблюденій Щапова примѣры того, какъ обнаруживались признаки этой смѣси. Эти примѣры могутъ быть очень размножены наблюденіями другихъ писателей, рассказами путешественниковъ и современныя мѣстныхъ свѣдущихъ людей.

Какъ мы говорили раньше, племенное смѣшеніе было неизбежно съ самаго начала. Первые завоеватели пришли въ Сибирь безъ женщинъ; точно также, позднѣе, отряды служилыхъ людей, высылаемые изъ Россіи въ распоряженіе воеводъ для охраны вновь основанныхъ городовъ и для новыхъ походовъ, шли въ Сибирь какъ военныя партіи и только впослѣдствіи, основавшись на мѣстахъ, выписывали изъ Россіи свои семьи, у кого онѣ были;

¹⁾ „Этнографическіе очерки Сибири“, въ „Ремесленной Газетѣ“, 1876, №№ 14, 15, 21, 22, 24 и 25.

много было, конечно, совсѣмъ безсемейныхъ. Недостатокъ въ женщинахъ былъ таковъ, что само правительство не однажды отправляло въ Сибирь партіи женщинъ, — всего чаще, безъ сомнѣнія, не справляясь объ ихъ нравственныхъ качествахъ. Такимъ образомъ съ самаго начала семьи русскихъ колонистовъ были смѣшанныя, и это должно было отразиться уже на первыхъ поколѣніяхъ русско-сибирскаго населенія. Въ то же время происходило другое явленіе, параллельное тому, какое во множествѣ приѣздовъ совершалось и въ Россіи: въ разрядъ *русскаго* населенія стало вступать не мало инородцевъ разныхъ племенъ, которые, саясь между русскими или окружаемые русскимъ населеніемъ, принимали христіанство, перенимали русскій языкъ, обычаи и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ затеривались между русскими, конечно, не теряя сполна своихъ наслѣдственныхъ особенностей. То и другое вносило въ общій складъ русско-сибирскаго населенія необычныя оттѣнки, которые потомъ и бросались въ глаза пріѣзжимъ изъ Россіи и ученымъ наблюдателямъ. Дальность страны и сознаніе этой новой складки въ быту и самомъ характерѣ населенія внушало и самимъ сибирякамъ представленіе объ ихъ особности: мы упоминали, что уже давно сибиряки отличаютъ себя отъ „россейцевъ“.

Въ своихъ очеркахъ г. Анучинъ собираетъ нѣсколько фактовъ этого племенного смѣшенія въ Сибирѣ, при чемъ въ русское племя вступали самые разнообразныя инородческіе элементы, отъ племенъ западной Сибирѣ и до крайняго востока. Такъ въ западной Сибирѣ происходило сильное смѣшеніе съ татарами. „Во многихъ западно-сибирскихъ деревняхъ, бывшихъ нѣкогда „ясачными татарскими селеніями“, въ настоящее время живетъ совершенно обрусѣлое, или переродившееся, смѣшанное потомство татаръ и русскихъ. Такіе роды, происшедшіе путемъ смѣшенія татаръ съ русскими, находятся и въ западно-сибирскихъ городахъ, въ Тюмени, Тарѣ, Туринскѣ, Канскѣ и др., а также по русскимъ деревнямъ, по рѣкамъ Турѣ, Тарѣ, Тоболу, Иртышу, Томи и др. Въ XVII и XVIII вѣкахъ, во многихъ сибирскихъ городахъ и деревняхъ, стали селиться калмыцкіе, бухарскіе и киргизскіе купцы, принимали русскую вѣру и женились на русскихъ женщинахъ. Съ другой стороны, сибирскіе казаки часто нарочно отправлялись въ калмыцкіе и киргизскіе улусы, чтобы захватывать въ плѣнъ бабоекъ, дѣвокъ и ребятъ, и въ XVIII вѣкѣ большинство военныхъ и гражданскихъ чиновъ, равно какъ вунцовъ и посадскихъ, приобрѣтали себѣ въ дворню калмыцкихъ и киргизскихъ „дѣвокъ, женокъ и ребятъ“, и, крестя ихъ, обра-

щали въ своихъ слугъ и служанокъ. Такимъ образомъ, въ составъ населенія западно-русскихъ городовъ и деревень постоянно прибывала масса азіатскихъ, тюрко-монгольскихъ поколѣній, которая, принимая русскую вѣру, и женясь часто на русскихъ женщинахъ, постепенно русѣли“. Въ XVII столѣтіи патріархъ Филаретъ писалъ уже обличительныя посланія въ Сибирь, укоряя сибирскихъ жителей, служилыхъ и жилацкихъ людей, которые жили съ татарскими, остяцкими, вогулицкими „поганскими женами“ и съ татарами некрещенными. Въ XVIII столѣтіи Татищевъ говорилъ о русскихъ жителяхъ западной Сибири, что „въ нихъ довольно въ лицѣ смуглыхъ, калмыковатыхъ и довольно отъ природы смѣшанной калмыцкой, татарской и киргизской“. Замѣтимъ, что при этомъ бывали взаимные случаи племенного преобладанія. „По свидѣтельству одного документа 1746 года, какъ русскіе плѣнныхъ киргизовъ крестили, такъ киргизы русскихъ „обсурманивали“; русскіе иногда поступали на службу къ ханамъ, киргизскимъ, добровольно принимали инородческіе обычаи, раздѣляли съ инородцами ихъ вѣрованія и воззрѣнія“ и т. д.

Другія смѣшенія происходили на сѣверѣ Енисея въ Туруханскомъ краѣ. Нѣкогда казаки уводили женщинъ у самоѣдовъ и остяковъ; позднѣе происходятъ добровольные браки между русскими, тунгузами, остяками и якутами. По словамъ самихъ туруханскихъ жителей, они народъ смѣшанный, *смѣшница*. „Вслѣдствіе такого смѣшенія съ инородческими племенами, физическій складъ туруханскаго населенія представляетъ многія особенности послѣднихъ. Въ физіономіяхъ многихъ русскихъ сплошь и рядомъ проглядываютъ черты остяцкаго, тунгускаго, самоѣдскаго и другихъ типовъ; часто можно встрѣтить цѣбъ волосъ, лица и всей кожи на тѣлѣ, а также устройство лица и сложеніе—почти совершенно такіе же, какъ у остяковъ. Большею частью это—народъ довольно низкаго роста, болѣе или менѣе сутуловатый, часто съ кривыми ногами, смотрящей исподлобья, съ выдающимися скулами, тощей бородой и съ косовато-прорѣзанными глазами. По силѣ они замѣтно уступаютъ южно-сибирскому населенію“... „Съ другой стороны, вслѣдствіе этого же скрещиванія съ остяками и тунгузами, русскіе пріобрѣли здѣсь и нѣкоторыя физическія преимущества, свойственныя этимъ туземнымъ племенамъ: такъ напр., они усвоили себѣ особенную утонченность органа зрѣнія. Извѣстно, что дикія племена, особенно звѣроловы, отличаются необыкновенною остротою и примѣтливостію зрѣнія“... „Въ образѣ жизни и умственномъ складѣ природныхъ русскихъ туруханскихъ жителей также много сход-

наго съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ у остяковъ, тунгузовъ и самоедовъ. Въ домашнемъ употребленіи у нихъ не мало тунгузскихъ и особенно остяцкихъ принадлежностей и издѣлій, а на ниву Енисея русскіе придерживаются даже нѣкоторыхъ инородческихъ суевѣрій: за образами, напримѣръ, на божницахъ держать инородческихъ истуканчиковъ или божковъ и занимаются, имѣть съ туземными инородцами, шаманствомъ. Наконецъ языкъ ихъ представляетъ значительную примѣсь инородческихъ словъ, а выговоръ и характеръ вокализации отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у остяковъ“.

Еще новыя видоизмѣненія русской народности совершаются на сибирскомъ востокѣ: здѣсь новыя племена и съ ними опять варіаціи типа. Въ особенности распространены два типа, происходящіе отъ смѣшенія русскихъ съ якутами на сѣверо-востокѣ, и монголо-бурятами въ иркутской губерніи и за Байкаломъ.

Относительно смѣшенія съ якутами давно уже было замѣчено, что это послѣднее племя, не по примѣру остальныхъ, не только не падаетъ отъ сближенія съ русскими и ихъ господства, но само успѣло наложить на русскихъ въ якутской области свой отпечатокъ. Это объясняется различными причинами. Съ одной стороны рѣдкое русское населеніе, напримѣръ, по Ленѣ, окружено болѣе многочисленными туземцами и въ скудной обстановкѣ своего быта подпадаетъ ихъ вліянію; съ другой, повидимому, само якутское племя больше другихъ инородцевъ сѣверной Сибири обладаетъ племенной энергіей и извѣстной даровитостью, которая помогла ему приспособиться къ новымъ условіямъ и уцѣлѣть. Въ якутской области русскіе даже почти совершенно слились съ якутами и образовали своеобразную, смѣшанную якутско-русскую народность. Физическій типъ этой народности подходит имѣнно болѣе къ якутскому, чѣмъ къ русскому, такъ какъ большинство имѣетъ смуглый цвѣтъ кожи, черные жесткіе волосы, узкіе, косоватые глаза, выдающіяся скулы и сухощавое сложеніе. Многіе русскіе, жениась на якуткахъ, даже совершенно объякучиваются, т.-е. почти забываютъ свой родной языкъ и усваиваютъ всѣ особенности якутскаго быта. Что касается впрочемъ до языка, то во всей области и даже въ самомъ городѣ Якутскѣ несравненно болѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники—якуты, всѣ наньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ. Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которыя быстро перенимаютъ у русскихъ, якуты вообще скоро и легко „объякучиваютъ“ русскихъ“.

Чрезвычайно сильно также смѣшеніе съ монголо-бурятами. Еще въ прошломъ столѣтіи знаменитый путешественникъ Паласъ указывалъ сильное распространеніе бурятскаго типа въ Забайкальѣ. „Изъ обоюдныхъ или взаимныхъ браковъ бурятъ и русскихъ происходитъ родъ мулатовъ, которые имѣютъ нѣсколько монгольскій обликъ и черные или очень темные волосы, но въ то же время правильныя и пріятныя черты лица, и извѣстны подъ именемъ карымовъ или карымковъ. Состоятельные русскіе сельскіе жители, а также и многіе горожане съ давнихъ поръ уже имѣютъ обычай выбирать себѣ въ жены бурятскихъ или монгольскихъ женщинъ, и буряты, побуждаемые временными выгодами или расчетами, охотно дозволяли своимъ дочерямъ креститься и выходить замужъ за русскихъ. Были и такіе примѣры, что богатые буряты сами крестились для того только, чтобы имѣть возможность взять за себя замужъ русскихъ женщинъ“.

Позднѣйшіе путешественники, иностранные и русскіе, не только подтверждаютъ это наблюденіе, но, можно сказать, даже усиливаютъ его. Г. Анучинъ припоминаетъ отзывъ извѣстнаго нѣмецкаго путешественника Эрмана и новѣйшія замѣчанія Шапова, Ровинскаго и доктора Франца Шперка. Ихъ общее впечатлѣніе было то, что въ населеніи Иркутскаго края и Забайкалья не только сильно замѣтна монголо-бурятская примѣсь, но что во многихъ случаяхъ доля настоящаго русскаго элемента въ этихъ „русскихъ“ весьма незначительна, если не совсѣмъ отсутствуетъ. По словамъ Ровинскаго, чисто русскихъ селеній здѣсь очень немного: русское населеніе сохранилось развѣ въ глухихъ заолустьяхъ и въ старообрядческихъ селахъ и малороссійскихъ слободахъ, но зато по Ленѣ, вокругъ Байкала и въ другихъ мѣстахъ есть множество селеній, жители которыхъ почти не приняли въ себя русской крови, но до такой степени обрусѣли, что часто ихъ не отличить отъ русскихъ. „Не соблазняйтесь тѣмъ“, — писалъ г. Ровинскій, — что большая часть фамилій въ этихъ селеніяхъ чисто русскія: Шелеховы, Усольцевы, Кобелевы, Хабаровы, Тюменцевы и др. Это — фамиліи крестныхъ отцовъ, а не ихъ предковъ“. Понятно, что опредѣлить здѣсь съ какою-нибудь точностью процентъ смѣшенія едва ли есть какая-нибудь возможность; во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть очень разнообразный. О томъ, какъ происходитъ самое обрусѣніе, рассказываетъ между прочимъ извѣстный натуралистъ, археологъ и этнографъ И. С. Поляковъ, самъ восточно-сибирскій уроженецъ, смѣшанной крови: „бурятъ, — говоритъ онъ, — вступающій въ бракъ съ женщиной, знакомой съ русскими нравами, съ русскимъ образомъ

жизни, сильно измѣняется; онъ оставляетъ образъ жизни вочевника, мѣняетъ юрту хотя и на плохую, но избу, съ окнами, съ русской печкой, украшаетъ ее картинами; онъ забываетъ національныя кушанья—арсу и тарасунъ; хозяйка готовитъ ему всѣ кушанья въ печкѣ, печетъ хлѣбы, тогда какъ ни одинъ бурятъ, живущій въ юртѣ, не имѣетъ для этого ни умѣнья, ни возможности. Вообще всѣ стремленія подобныхъ хозяевъ направлены къ тому, чтобы какъ можно больше походить на русскихъ. Они исполняютъ всѣ обряды православной церкви, говорятъ хорошо по-русски, одѣваются въ русскія одежды и т. п. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаясь съ ними, на первый разъ видишь болѣе бурятскаго, чѣмъ русскаго, хотя открыто высказать эту истину хозяевамъ и значитъ нанести имъ жестокое оскорбленіе. Противъ всякой истины, простодушно высказанной въ этомъ направленіи, они начинаютъ приводить доказательства, и мужъ и жена въ одинъ голосъ, своего русскаго происхожденія; въ этомъ случаѣ только ихъ собственная фигура, узкіе глаза, выдающіяся скулы, вообще широкое, угловатое лицо противорѣчатъ ихъ словамъ“.

Вліяніе смѣшенія не ограничивается только измѣненіемъ физическаго типа, но распространяется и на сторону нравственную и бытовую. „Указанное смѣшеніе русскаго типа съ монгольскимъ, —говоритъ г. Анучинъ, —замѣчается въ Восточной Сибири не въ одномъ только физическомъ обликѣ русскаго населенія, но и въ его умственномъ складѣ, который, во многихъ отношеніяхъ, также весьма замѣтно приспособился къ умонастроенію монголо-бурятскаго племени и усвоилъ не мало его умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Занимаясь, по примѣру бурятъ, больше скотоводствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ, русскіе и въ умонастроеніи своемъ, во многихъ отношеніяхъ, болѣе походятъ на бурятъ, чѣмъ на русскихъ, много усвоили бурятскихъ понятій, суевѣрій, примѣтъ и привычекъ. Въ домашнихъ дѣлахъ и обычаяхъ русское забайкальское населеніе не мало усвоило надѣлій, обычаевъ, поступковъ и сноровокъ бурятскихъ“. „Подражая бурятамъ, русскіе научились искусно ѣсть полусырое мясо изъ-подъ ножа, разрѣзывая его у самыхъ губъ снизу, и нерѣдко съ видомъ такой же кровожадности, какую обнаруживаютъ при этомъ и буряты“. „Даже въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ восточно-сибирское русское населеніе заимствовало многое у бурятъ. Напримѣръ, почти всѣ забайкальскіе казаки и многіе крестьяне и мѣщане, которыхъ предки были бурятско-русскаго смѣшаннаго происхожденія, вполне вѣруютъ въ бурятское шаманство или ламайское прорицательство. Это замѣчено впрочемъ не только въ

глуши Забайкалья, въ средоточіи монголо-бурятскаго населенія, но и въ окрестностях Байкала, вблизи Иркутска, напиримѣръ, въ селеніяхъ Култувѣ, Тунѣѣ и др.; держать даже и бурятскихъ идоловъ, истуканчиковъ или божковъ на вышкахъ своихъ домовъ и сами шаманять тайкомъ“.

Факты этого рода, собранные г. Анучинымъ, привели его къ такому общему заключенію: „Русская народность въ Сибири,—говоритъ онъ,—несмотря на многія неблагопріятныя условія, не только не затерялась, но, удержавъ всѣ существенныя черты своего типа, сдѣлала еще значительные успѣхи. Правда, нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири русскій типъ потерпѣлъ замѣтныя измѣненія, но измѣненія эти часто только кажущіяся и зависятъ отъ обрусѣнія инородцевъ. Множество инородцевъ, принимая русскую вѣру и русскій образъ жизни, мало-по-малу забываютъ свой родной языкъ и, вступая въ брачныя союзы съ русскими, принимаютъ и русскую фізіономію, хотя и удерживаютъ въ то же время нѣкоторыя черты своего первоначальнаго типа. Но явленіе такого рода не есть потеря русскими своей народности, а напротивъ, составляетъ торжество русской расы надъ нашими инородческими племенами. Отрекаясь отъ своей вѣры, своихъ полудивныхъ воззрѣній и принимая образъ жизни и мыслей русскаго племени, инородцы тѣмъ самымъ получаютъ возможность достигнуть просвѣщенія, стать въ число цивилизованныхъ людей, которыми они и будутъ къ чести и славѣ русской народности“.

Въ общемъ, это заключеніе по всей вѣроятности справедливо; но едва ли можно сказать, чтобы это руководящее значеніе русской народности не сопровождалось извѣстными ущербами для нея самой. Къ сожалѣнію, этотъ предметъ, послѣ изслѣдованій Щапова, Ровинскаго, Полякова, Анучина и также Ядринцева, изслѣдованій во всякомъ случаѣ отрывочныхъ, не встрѣтилъ до сихъ поръ болѣе обстоятельной и подробной обработки; между тѣмъ только при этой обработкѣ вопросъ получилъ бы извѣстную опредѣленность. Какъ мы замѣчали, приведенные факты могли бы быть добавлены множествомъ другихъ отдѣльныхъ показаній о русско-инородческихъ отношеніяхъ въ Сибири. Между прочимъ эти показанія нерѣдко свидѣтельствуютъ именно объ извѣстнаго рода упадкѣ, какой испытываетъ русская народность, мѣшаясь съ инородцами этнологически или даже только бытовымъ сожительствомъ. Едва ли можно считать для нея прибылью, если люди русскаго происхожденія начинаютъ принимать „умонастроеніе“ бурятское, якутское, киргизское или даже самоѣдское, такъ какъ во всякомъ

случаѣ это умонастроеніе ниже того, какимъ подобаеъ быть русскому. Мы упоминали сейчасъ, что если бураты иногда или нерѣдко усиленно стремятся казаться русскими, то съ другой стороны и среди русскихъ распространяются грубоватыя бурятскіе или иные инородческіе обычаи. Въ сороковыхъ годахъ извѣстный Кастрень заѣхалъ въ Обдорскъ; онъ изумился, что тамошніе русскіе жили такъ же, какъ окружавшіе ихъ самоѣды и остяки. Къ своимъ изслѣдованіямъ онъ не встрѣтилъ здѣсь никакого пониманія и никакого содѣйствія: „но чего другого и можно ожидать отъ людей, которые отказались отъ всѣхъ радостей и удовольствій цивилизованной жизни, съ одною цѣлью—хитростью и обманомъ присвоивать себѣ прибрѣтенное потомъ и трудомъ достояніе простодушныхъ и легковѣрныхъ туземцевъ. Это имъ, правда, и удалось, но этотъ успѣхъ повергнулъ большинство этихъ искателей счастья въ нравственную испорченность, причемъ они вмѣстѣ съ тѣмъ погрязли въ животную грубость, которая казалась имъ противнѣе грубости самихъ дикарей. Когда я, только-что пріѣхавши въ Обдорскъ, искалъ квартиры у одного переселившагося сюда изъ Тобольска мѣщанина, я нашелъ все его семейство сидящимъ на полу, гдѣ оно занято было тѣмъ, что ѣло сырую рыбу, которую самъ хозяинъ нарѣзывалъ въ куски. И когда я вскорѣ затѣмъ посѣтилъ образованнѣйшаго челоѣка въ городѣ, который былъ нѣчто въ родѣ мелкаго чиновника, онъ хвастался тѣмъ, что въ теченіе полугода не имѣлъ другой пищи, кромѣ сырой рыбы. Обыкновенная одежда жителей большею частью такая же, какъ у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ похожи на самоѣдовъ и тѣмъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленныя стада оленей“¹⁾ и т. д. Кастрень замѣчаетъ, что при всемъ томъ въ Обдорскѣ очень извѣстны были тобольскія моды, зеркала, вина и т. п.

Нѣчто подобное читаемъ въ новѣйшемъ „Очеркѣ Сургутскаго края“, г. Швецова. Сургутскій край—мало населенная, дикая, но еще богатая для промысловъ область западной Сибири, гдѣ русскіе съ самаго начала опять встрѣтились съ инородцами, остяками. Свѣжій челоѣкъ, попавшій въ этотъ край и ознакомившійся съ мѣстнымъ бытомъ, выноситъ такое же удручающее впечатлѣніе, какое пятьдесятъ лѣтъ назадъ испытывалъ Кастрень въ Обдорскѣ. Мѣстный бытъ—крайне огрубѣлый, отношенія съ инородцами состоятъ въ безжалостной эксплуатаціи, которой и надо приписать крайнѣйшій упадокъ и несомнѣнное вымирание та-

¹⁾ Nordische Reisen, I, стр. 280.

мошныхъ остояковъ. Русское населеніе Сургута (около 1.200 человекъ обоюго пола) представляется съ такими чертами. „Громадное большинство городского населенія состоитъ изъ русскихъ, и только нѣсколько семей принадлежатъ къ чистымъ представителямъ другихъ національностей: семья евреевъ (ссылные), дватри поляка и нѣсколько остояковъ и остоячекъ. Но „русскихъ“ сургутанъ въ свою очередь надо раздѣлить на двѣ части: на дѣйствительно русскихъ, т.-е. такихъ, которые сохранили внѣшность, языкъ и обычаи своихъ собратьевъ, населяющихъ Россію и Сибирь, и если въ чемъ поотстали, то не особенно сильно, съ одной стороны, и съ другой—русскихъ, представляющихъ смѣсь русскаго типа съ остоячимъ и происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ съ остояками; потомковъ обрусѣвшихъ остояковъ и окончательно обостячившихся русскихъ крестьянъ. Благодаря общему складу жизни въ Сургутѣ,носящему довольно замѣтный отпечатокъ инородческаго вліянія, такое различіе въ составѣ населенія не бросается сразу въ глаза, и подмѣтить его можно лишь при болѣе внимательномъ и близкомъ знакомствѣ съ сургутянами; первое же впечатлѣніе, притомъ довольно долго удерживающееся, получается болѣе или менѣе однородное и, говоря откровенно, не совсѣмъ выгодное для сургутанъ—впечатлѣніе помѣси русскаго съ остоякомъ“.

„Низкій ростъ, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорѣе медвѣдя, чѣмъ представителя кавказской расы—вотъ физическія особенности, свойственныя всему населенію. Черты лица сургутянина неправильны и рѣзки, развитыя скулы, широкій, некрасивый ротъ, узкіе глаза безъ выраженія, или, пожалуй, съ выраженіемъ придурковатости—все это дѣластъ его видъ не особенно привлекательнымъ, не говоря уже о грязи, толстымъ слоемъ покрывающей голову, лицо и руки многихъ изъ нихъ. Не смотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой, проворствомъ и ловкостью, но зато крайне выносливы, „двужилы“, по народному выраженію. Кстати скажемъ два слова и о наружности различныхъ представителей населенія округа. Крестьяне по внѣшнему виду значительно разнятся отъ городскихъ мѣщанъ—казаковъ: они много здоровѣе, какъ-то шире въ кости, видна большая сила, лицо и вся фигура дышатъ мощью и энергіей. Тяжелая борьба, которую имъ приходится постоянно вести съ окружающей природой, борьба, сопряженная съ опасностями и лишеніями, оставила замѣтный отпечатокъ на всей фигурѣ сургутскаго крестьянина, хотя неуклюжей, но мощной. Черты лица рѣзки, какъ и у горожанъ, если

еще не рѣзче и некрасивѣе. Полнѣйшую противоположность крестьянину представляет остякъ. Фигура этого несчастнаго дикаря съ перваго взгляда поражаетъ своей крайней невзрачностью и забитостью. Увидавъ въ первый разъ остяка, вы сразу чувствуете, что передъ вами представитель вырождающагося, исчезающаго племени“.

Авторъ, видимо не мѣстный житель, но прожившій достаточно въ Сургутѣ, чтобы присмотрѣться къ особенностямъ его жизни, между прочимъ пораженъ чрезвычайной лѣнью и нелюбовью къ труду сургутянъ. Самыя простыя работы и хозяйственныя подѣлки исполняются деревенскими или иногородними рабочими; самъ обыватель не имѣетъ къ такимъ работамъ ни охоты, ни умѣнья. Это странное явленіе г. Швецовъ объясняетъ двумя главными причинами: съ одной стороны распространена легкая нажива въ видѣ промышленной и торговой эксплуатаціи остяковъ, съ другой—это лѣнь историческая. Большинство сургутскихъ жителей—потомки казаковъ, пришедшихъ въ Сибирь съ Ермакомъ или вскорѣ послѣ него и участвовавшихъ въ первомъ занятіи Сибири. „Большинство изъ нихъ, какъ бывшіе казаки, до сихъ поръ еще находятся подъ извѣстной опекой, получаютъ казенныя пайки муки и крупъ, а до недавняго времени, 1882 года, находились на полномъ иждивеніи правительства. Почти даровое полученіе хлѣба въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, разумѣется, не могло не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на нравственномъ складѣ населенія, не могло не оторвать ихъ отъ труда, соединеннаго съ заботами и неудобствами“.

„Сургутъ прежде всего сибирскій городъ, и это всегда слѣдуетъ помнить, когда рѣчь заходить о той или иной чертѣ характера его населенія. Дѣло въ томъ, что, благодаря многимъ причинамъ, толковать о которыхъ было бы здѣсь неумѣстно, Сибирь въ значительной степени—страна легкой наживы, что относится преимущественно къ городамъ. Примѣры быстрого обогащенія при помощи торговли съ инородцами и эксплуатированія ихъ—этихъ паріевъ Сибири, и другихъ паріевъ—уголовныхъ ссыльныхъ, у всѣхъ на виду; случаи, когда человѣкъ буквально изъ ничтожества, изъ кабацкаго сидѣльца или торговца телатами, въ нѣсколько лѣтъ возносился на недостижимую для массы высоту, превращался въ обладателя сотенъ тысячъ,—такіе случаи, довольно частые, бьютъ по нервамъ простаго обывателя и разжигаютъ въ немъ самыя низменные инстинкты, вызываютъ страстное, неудержимое стремленіе выбиться изъ своего темнаго существованія,

влеченіе къ легкой наживѣ, торговлѣ, эксплуатаціи своего ближняго. Понятно, что трудъ отходить на второй, даже третій планъ“.

Въ связи съ этимъ создаются отношенія мѣстныхъ русскихъ къ инородцамъ. Съ одной стороны „остякъ—собака“ и эксплуатация его считается полнымъ правомъ, но съ другой стороны авторъ отмѣчаетъ „поразительное вліяніе остяковъ, племени съ несомнѣнно низшей культурой, вырождающагося и вымирающаго, на представителей великорусскаго племени. Это вліяніе чувствуется во всемъ — въ одеждѣ, пищѣ, языкѣ (остяцкіе слова и обороты рѣчи) и пр.“. Культурный уровень русскихъ несомнѣнно понизился: авторъ доказываетъ это цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ мѣстнаго быта; съ другой стороны понизился и бытовой уровень самихъ остяковъ — вслѣдствіе обнищанія и привитыхъ русскими бѣдствій, именно пьянства и заразныхъ болѣзней ¹⁾). Авторъ указываетъ въ Сургутскомъ краѣ какъ обрусѣлыхъ остяковъ, такъ и обостячившихся русскихъ крестьянъ.

Выше было упомянуто о томъ вліяніи, къ какому приводило издавна, въ другомъ краѣ Сибири, сожителство русскихъ съ якутами. Это племя вообще крѣпче многихъ другихъ инородческихъ племенъ Сибири и во многихъ случаяхъ сосѣдство кончается тѣмъ, что сами русскіе теряютъ свою народность. „Якуты, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ наблюдателей, — вообще трудолюбивы и хорошіе хозяева, насколько достасть умѣнія, почему въ результатѣ они и пользуются большимъ благосостояніемъ, нежели *подвергшіеся деградации* мѣстные русскіе крестьяне.

„Составляя преобладающій элементъ въ области, якуты какъ бы подчиняютъ своему вліянію сравнительно немногочисленныхъ здѣсь русскихъ, и подчиненіе это поразительнѣе всего выражается въ забвеніи при-ленскими крестьянами родного языка, которые и между собой не говорятъ теперь иначе, какъ по-якутски. Объ якучиваніе объясняется отчасти и тѣмъ, что многіе русскіе жьются здѣсь на якуткахъ.

„Все сказанное о якутахъ говоритъ за то, что этотъ народъ имѣетъ будущее, когда измѣнятся условія въ Сибири“ ²⁾).

Другую чрезвычайно интересную картину такой же „деградации“ русскаго племени представляетъ г. Рыбовъ еще далѣе въ сѣверо-восточной Сибири ³⁾. Какъ въ Сургутѣ, такъ и здѣсь,

¹⁾ Очеркъ Сургутскаго края, стр. 5—8, 56—59, 70—74 и др.

²⁾ Обитатели, культура и жизнь въ якутской области. М. С. Врудевича. Сиб. 1891, стр. 29.

³⁾ Полярныя страны Сибири. Замѣтки и наблюденія въ колымскомъ округѣ, „Сибирскій Сборникъ“, Сиб. 1887, стр. 1—42.

источники междуплеменныхъ отношеній восходятъ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, къ XVII вѣку. Горсть русскихъ поселяется въ сравнительно многочисленной инородческой средѣ: и въ настоящее время г. Рябовъ въ колымскомъ округѣ на одного русскаго считаетъ около 5,8 инородцевъ, а принимая другія цифры инородческаго населенія (вообще здѣсь не совсѣмъ ясныхъ и, вѣроятно, не легко опредѣлимыхъ)—даже 8,9. Въ XVII и даже XVIII вѣкѣ, по мѣстнымъ извѣстіямъ, въ якутской области (какъ впрочемъ и въ иныхъ областяхъ тогдашней Сибири) происходили многочисленные захваты инородческихъ женщинъ, не только въ военное время, когда бывали столкновенія съ инородцами, но и въ мирное. У казаковъ развилось настоящее многоженство. Продажа женщинъ прекратилась лишь въ концѣ прошлаго столѣтія ¹⁾. Въ этой торговлѣ, по замѣчанію автора, спросъ на инородческихъ дѣтей и женщинъ „предъявлялся исключительно русскими“. Ближайшимъ племенемъ, съ которымъ русскіе вступили въ сношенія въ сѣверной части колымскаго округа, въ низовьяхъ Колымы, были юкагиры, которые между прочимъ бывали союзниками русскихъ противъ чукчей. Южнѣе сосѣдями русскихъ были якуты, и такимъ образомъ въ низовьяхъ и на средней Колымѣ образовались двѣ главныя разновидности русскаго типа: „средне-колымчанинъ, который также мало имѣетъ право зваться русскимъ, съ гордостью называетъ себя таковымъ и зло подсмѣивается надъ низовикомъ“, т.-е. жителемъ нижней Колымы. Авторъ затрудняется съ какою-нибудь точностью опредѣлять племенные варіаціи этого края. „Трудно разобратъ въ такой мѣшанинѣ; одно только съ увѣренностью можно сказать, что въ жилахъ русскихъ, обитающихъ въ низовьяхъ Колымы, преобладаетъ скорѣе юкагирская кровь, чѣмъ кровь другихъ инородцевъ.

„Средній типъ, преобладающій между жителями средней Колымы, болѣе приближается къ типу якута“. Авторъ замѣчаетъ вообще, что въ большинствѣ случаевъ поколѣніе, получившееся изъ соединенія двухъ чистыхъ племенъ, русскаго и якутскаго, носить черты и видовые признаки, болѣе свойственные второму, чѣмъ

¹⁾ „Инородцы, находясь въ крайности и бѣдности, закабалали себя русскимъ и даже торговали своими дѣтьми... Якутскъ былъ рынкомъ для продажи рабовъ, ввезенныхъ изъ Охотска, Камчатки, Анадыря, Гижиги, Зашиверска и Колымскихъ знкомій. Эта торговля долго не прекращалась, не смотря на запрещенія; даже одно время само правительство склонно было допустить это зло, какъ неизбежное. Наконецъ главный ударъ невольничеству нанесенъ былъ указомъ 1808 г., а прекратилось рабство въ дѣйствительности послѣ указовъ 1825 и 1826 годовъ“. Рябовъ, стр. 11.

первому изъ этихъ племенъ. Какъ результатъ этого этнологическаго процесса, авторъ указываетъ физиологическое и культурное пониженіе и вырожденіе русскаго племени, чему онъ посвящаетъ особую главу. Когда въ Колымскѣ стали привозить политическихъ ссыльныхъ, рассказываетъ г. Рябовъ, то нѣкоторые изъ нихъ поражали колымчанъ своимъ будто бы колоссальнымъ ростомъ; на дѣлѣ ростъ былъ только нѣсколько высокій, но они казались чрезвычайно рослыми „среди колымской мелюзги“. Съ пониженіемъ роста уменьшалась и сила, что авторъ приписываетъ именно смѣшенію съ туземцами, которые не отличаются ни ростомъ, ни силой. Съ этимъ вмѣстѣ мѣстные жители отличаются лѣнивымъ, мало-подвижнымъ образомъ жизни: за исключеніемъ трехъ или четырехъ лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ, занятыхъ ловомъ рыбы, колымчане ничего не дѣлаютъ, непомѣрно спятъ, непомѣрно ѣдятъ и пьютъ. Вмѣстѣ съ физическимъ вырожденіемъ идетъ и упадокъ духовнаго развитія. Прежде всего авторъ указываетъ этотъ упадокъ на испорченности языка. Правда, жители колымскаго края не утратили русской рѣчи и даже навазали русскій языкъ мѣстнымъ юкагирамъ, но зато и ихъ русскій языкъ сильно потерпѣлъ: въ низовьяхъ Колымы онъ напоминаетъ какой-то дѣтскій лепетъ или дикое сюсюканье, непривычное для русскаго; ниже-колымчане не выговариваютъ шипящихъ звуковъ, потеряли звуки *р* и *л*. Средне-колымчане хотя также всѣ говорятъ по-русски, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ знаютъ якутскій языкъ и притомъ лучше, чѣмъ родной. „Громадное большинство здѣшняго населенія, особенно его женская половина, думаетъ на якутскомъ языкѣ и сплошь и рядомъ предпочитаетъ говорить между собою на немъ. Здѣсь, какъ и въ остальной области, общимъ объединяющимъ языкомъ служитъ якутскій, на которомъ говорятъ и тунгусы, и ламуты, и юкагиры верховьевъ Колымы“... „Русскій, говорящій по-якутски и не утратившій своего родного языка, внесъ въ послѣдній много якутскихъ словъ и далъ ему нѣкоторую якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе“.

„О бѣдности этого языка нечего уже и говорить. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ много ниже языка крестьянъ Россіи“.

Вмѣстѣ съ объединеніемъ языка шло вырожденіе народно-поэтическаго творчества. Колымчане забыли совсѣмъ старыя пѣсни, почти неспособны сложить новыхъ, и если поютъ, что бываетъ только послѣ попойки, то какую-нибудь новую, заносную пѣсню, совсѣмъ не подходящую къ ихъ собственной жизни. Авторъ рассказываетъ, что колымчане долго не могли привыкнуть къ тому,

что жившіе среди нихъ политическіе ссыльные пѣли безъ водки, и всегда подозревали, что они пили водку тайкомъ.

„Вообще,—говоритъ г. Рябковъ,—если колымчанинъ иногда и является творцомъ пѣсни или сказки, то все это въ незначительномъ масштабѣ и такъ безотрадно-грустно и бѣдно и по содержанію, и по мысли, вложеннымъ въ нихъ. Пожалуй, въ этомъ отношеніи, особенно въ области сказки, якутъ опередилъ руссаго. Колымчанинъ очень охотно слушалъ якута-сказочника, переносящаго его въ міръ фантазіи, хотя и не особенно богатой, но тѣмъ не менѣе отрывающей его хотя на время отъ грубой, неприглядной дѣйствительности. Между якутами попадаются замѣчательные сказочники“.

Авторъ заключаетъ: „Теперешній колымчанинъ, въ жилахъ котораго болѣе чѣмъ на половину течетъ инородческая кровь, почти забылъ все свое бывшее; онъ живетъ только настоящимъ днемъ, рѣдко смотритъ впередъ и еще меньше назадъ. Всѣ его воспоминанія, преданія не идутъ далѣе сотни лѣтъ. Онъ рѣшительно не знаетъ или очень смутно понимаетъ, что его дѣды, праѣды пришли изъ какой-то Россіи, съ Дону. Объ этой Россіи, объ этомъ Донѣ, онъ, конечно, имѣетъ самое туманное представленіе или вовсе никакого. Его міровоззрѣніе очень скудно, узко; оно тѣсно связано съ его Колымою, тайгой, безконечными болотами, озерами, съ унылой однообразной равниной тундры и съ такимъ же утомительно-малосодержательнымъ складомъ его и окружающихъ его инородцевъ жизни; рѣдко его міросозерцаніе идетъ дальше этой повседневности“.

Что въ данномъ случаѣ мы видимъ настоящее вырожденіе, это едва ли сомнительно.

Говоря въ другомъ мѣстѣ объ отношеніи русскаго населенія къ инородческому съ самаго начала сибирской исторіи, мы приводили мнѣніе г. Будинскаго объ особенной способности русскаго человѣка сближаться съ инородцами и перерабатывать ихъ, обращать ихъ въ русскихъ. „Подобное общеніе,—говорилъ г. Будинскій,—условливалось необыкновенною способностью русскаго человѣка къ уживчивости съ людьми — что, конечно, предполагаетъ и взаимную житейскую уступчивость. Русскій человѣкъ легко ориентированъ въ каждой новой мѣстности, умѣетъ приспособиться ко всякой природѣ, способенъ перенести всякій климатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ ужиться со всякою народностью, будь то самоѣды, остяки, вогулы, татары или нѣмцы; благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, онъ быстро превращалъ въ свою плоть и кровь всякихъ сибирскихъ инородцевъ,

хотя, конечно, и самъ не вполне оставался тѣмъ, чѣмъ былъ до переселенія въ Сибирь“ ¹⁾. Въ цѣломъ русскіе, безъ сомнѣнія, превосходили инородцевъ, между прочимъ превосходя ихъ лучшимъ вооруженіемъ, —тому и другому и обязано было быстрое занятіе Сибири, но, вообще говоря, здѣсь должны быть сдѣланы большія оговорки. „Культурное превосходство“, несомнѣнное въ цѣломъ, не совсѣмъ распространялось на отдѣльныхъ лицъ или разряды лицъ, которымъ приходилось вступать въ непосредственныя сношенія и связи съ инородцами. Эти разряды лицъ далеко не отличались высотой своей культуры и сближались съ инородцами, между прочимъ, потому, что съ обѣихъ сторонъ уровень требованій не представлялъ большого различія. Еще въ XVII столѣтіи высшая іерархія по церковнымъ соображеніямъ возставала противъ того, что русскіе въ Сибири слишкомъ легко сближались и братались съ татарами и иными инородцами; то перениманіе инородческихъ обычаевъ, самаго языка, которое доходило, какъ мы видѣли, до настоящей потери своей народности и превращало русскаго въ остяка или якута, во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о высотѣ культуры. Русскій человѣкъ въ своей способности „ужиться со всякою народностью“, какъ извѣстно, совсѣмъ не похожъ на нѣмца, англичанина или француза: послѣдніе въ своемъ отношеніи къ „низшимъ расамъ“ или къ племенамъ менѣе высокаго уровня цивилизаціи обыкновенно вовсе не отличаются уживчивостью и уступчивостью, и напротивъ, держатся высокомерно, а къ людямъ отъ нихъ зависящимъ — грубо, и даже иной разъ жестоко (въ послѣднемъ не было, какъ извѣстно, недостатка и въ нашихъ отношеніяхъ къ сибирскимъ инородцамъ); но едва ли также бываютъ съ ними такіе случаи поголовнаго вырожденія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, какіе мы видѣли въ Сибири. Дѣло въ томъ, что этого западно-европейскаго человѣка не покидаетъ сознаніе или инстинктъ своего культурнаго превосходства.

Изъ всѣхъ, нами кратко намѣченныхъ, условій сибирскаго народнаго быта, въ его внутреннемъ, экономическомъ, образовательномъ и административномъ устройствѣ, и въ отношеніяхъ русскаго населенія къ разнообразному и многочисленному инородческому міру, происходили очень сложные результаты, которые въ сущности весьма трудно было бы объединить въ какомъ-нибудь цѣльномъ и исключительномъ представленіи о русско-сибирской

¹⁾ „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“, стр. 334—335.

народности. Оно, очевидно, должно варьироваться по множеству отношений, въ которыхъ развилось населеніе той или другой отдѣльной мѣстности. Сибирскій старожилъ, ведущій свой родъ отъ сподвижниковъ Ермака, или новосель, только-что прибывшій изъ курской губерніи, или первое поколѣніе такого новосела; житель сѣвера или юга, востока или запада Сибири, мѣшавшійся въ той или другой степени съ тѣмъ или другимъ инородческимъ племенемъ; землепашецъ или звѣроловъ, человѣкъ богатый или среднего достатка, или промысловый рабочій, и т. д., и т. д., все это несомнѣнные сибиряки, но несомнѣнно чрезвычайно непохожіе одинъ на другого. Съ различнымъ обликомъ племенного типа, то вполне или почти вполне великорусскаго, то отгнѣннаго инородческими чертами, русско-татарскаго, русско-киргизскаго, русско-якутскаго, русско-бурятскаго, соединяется, смотря по частнымъ условіямъ быта и промысла, различный характеръ нравственнаго воспитанія и образовательныхъ средствъ. Точная картина русско-сибирскаго народнаго типа и характера очевидно должна состоять изъ цѣлаго ряда мѣстныхъ изображеній, которыя должны быть, судя по всему, весьма несходны. Съ другой стороны вѣроятно, что въ этомъ разнообразіи могутъ быть также извѣстныя общія черты, связанныя съ общимъ положеніемъ страны относительно метрополіи и съ ея общими особенностями, природными и климатическими, не похожими на европейско-русскія. Сибирякъ не безъ основанія противопоставляетъ себя „россеѣцамъ“, потому что дѣйствительно есть множество условій, отличающихъ его бытъ отъ русскаго, особливо центральнаго: просторъ земель; особые промыслы, неизвѣстные въ Россіи и развивающіе совсѣмъ особую бытовую складку; связи съ инородцами и неизбежная потеря старыхъ преданій; особые нравы администраціи и приспособленіе къ нимъ; особые условія промышленной дѣятельности, и т. п.,—все это были условія, общія для всей Сибири, и если онѣ дѣйствовали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, то понятно, что онѣ могли создать также общія для всей Сибири особенности нравовъ и понятій. Такимъ образомъ выводъ долженъ быть сдѣланъ на основаніи этихъ двухъ опредѣляющихъ условій сибирской жизни, мѣстныхъ и общихъ ея особенностей. Замѣтимъ притомъ, что первыя требуютъ тѣмъ болѣе вниманія, что при громадныхъ сибирскихъ пространствахъ мѣстная жизнь бываетъ обыкновенно очень разъединена: мѣстные особенности имѣютъ тѣмъ больше возможности укрѣпляться, чѣмъ меньше объединяющихъ условій; единственнымъ подвижнымъ элементомъ является торговое сословіе,—опять, конечно, въ большинствѣ слу-

часть движущееся въ опредѣленныхъ районахъ и едва ли представляющее особую образовательную силу.

Во всякомъ случаѣ существовало своеобразное явленіе — сибирская жизнь и сибирскіе типы — и литература не однажды пыталась воспроизводить ихъ. Если собрать все, что сдѣлано въ этомъ отношеніи путемъ беллетристики, мы получимъ рядъ картинъ, болѣе или менѣе талантливыхъ и рисующихъ болѣе или менѣе вѣрно различные сибирскіе типы, но изъ этой литературы мы до сихъ поръ не могли бы извлечь какого-либо опредѣленнаго заключенія по данному вопросу. Это, конечно, и не задача беллетристики, и гораздо больше указаній найдется въ литературѣ другого рода — этнографическихъ очеркахъ, разсказахъ путешественниковъ, которымъ именно бросались въ глаза непривычныя особенности сибирскаго быта и которые пытались найти имъ объясненіе и дать ихъ характеристику. Это желаніе естественно должно было являться въ особенности у свѣжихъ людей, знакомившихся съ Сибирью въ первый разъ и позабывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что они владѣютъ уже достаточнымъ опытомъ для разрѣшенія вопроса. Дѣйствительно, мы найдемъ въ литературѣ въскольکو попытокъ дать не только отдѣльные очерки видѣннаго въ Сибири, но и характеристику сибирскихъ людей и быта. Всего естественно, конечно, что въ подобныхъ разсказахъ прежде всего отражались личныя впечатлѣнія писателя, особливо когда ему приходилось вступить въ какое-либо столкновеніе съ сибирскими нравами: новая обстановка, въ которую онъ попадалъ и которая была непохожа на привычную русскую, убѣждала его, что онъ находится среди другого быта, и встрѣченныя эпизодическія впечатлѣнія и особливо столкновенія онъ вцѣредъ готовъ былъ обобщить и приписать всей этой средѣ. Такимъ образомъ распространилось въ литературѣ не мало отзывовъ о Сибири подобнаго огульнаго характера, которые представлялись выводомъ изъ фактическаго опыта и наблюденія. Должно сказать, что такія характеристики бывали нерѣдко весьма нелестнаго свойства для сибиряковъ, и понятно также, что мѣстные патріоты считали долгомъ вступить за земляковъ ¹⁾. Мы видѣли выше, что подѣ

¹⁾ Укажемъ примѣръ въ статьѣ г. Семилужинскаго („Вост. Обзоріе“, 1887, № 84) по поводу разсказа г. Кларка: „Варначка“. Въ разсказѣ изображается развращенность сибирскихъ нравовъ, которая обнаруживается тѣмъ, что молодую женщину, жительницу почтовой станціи, хотѣвъ заставить сдѣлать удовольствіе проѣзжему важному лицу, она отказывается и въ заключеніе кидается въ воду. Авторъ разсказа дѣлаетъ заключеніе о крайней испорченности жителей, вынуждающихъ молодую женщину къ безнравственному поступку, а г. Семилужинскій задаетъ вопросъ:

вліяніемъ личныхъ впечатлѣній даже Щаповъ, самъ сибирякъ и сибирскій патріотъ, высказывалъ противъ сибирскаго общества, т.-е. болѣе или менѣе образованнаго круга, обвиненія въ отсутствіи высшихъ общественныхъ интересовъ; но не менѣе тяжкимъ обвиненіямъ подвергались и другіе слои сибирскаго населенія: говорилось вообще объ испорченности, сухомъ эгоизмѣ сибирскаго населенія, приводились дѣйствительно возмутительныя картины присковой жизни, „охоты на горбачей“¹⁾ и т. п. Если бы собрать подобныя изображенія сибирской жизни въ одно цѣлое, получилась бы дѣйствительно удручающая картина крайней испорченности, гдѣ люди, поглощенные узкими интересами наживы, теряли всякое человѣческое чувство, превращались чуть не въ дикихъ звѣрей. Читатель, настроенный подобными картинами, находилъ бы для нихъ даже нѣкоторое подтвержденіе, читая, напримѣръ, корреспонденціи самихъ сибирскихъ газетъ, гдѣ рисовались такъ часто картины весьма грубой „общественной жизни“. Для чело-вѣка съ образовавшимися какимъ-нибудь путемъ предубѣжденіями, сибирская жизнь должна была повидимому представить обильный матеріалъ для суровыхъ осужденій.

Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ въ книгѣ г. Астырева²⁾. Имя автора должно быть памятно читателямъ „Вѣстника Европы“. Послѣ своего замѣчательнаго труда по изученію народной жизни въ самыхъ ея нѣдрахъ, въ Россіи, г. Астыревъ провелъ года два въ восточной Сибири за подобнымъ изученіемъ народнаго быта, приглашенный вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами къ участію въ статистическихъ работахъ, предпринятыхъ въ иркутской губерніи по совмѣстному плану иркутскаго генералъ-губернатора и министерства государственныхъ имуществъ. Исполняя официальную работу, г. Астыревъ имѣлъ, конечно, возмож-

---

кто виновать — эти ли сосѣди, или тѣ обычаи, которые допускали возможность подобныхъ требованій прожоразго чиновника, — и кто собственно эти обычаи установилъ? Въ самомъ разсказѣ г. Кларка упоминается, что односельчане были недовольны Оеией (героиня разсказа), что она своимъ отказомъ дѣлаетъ имъ „дредъ“; подразумевается, что чиновникъ, разсерженный отказомъ Оеии, можетъ отомстить имъ тѣмъ или другимъ способомъ, и въ такомъ случаѣ упоръ въ безвиравственности долженъ пасть, конечно, не на невіжественныхъ и беззащитныхъ крестьянъ, а на тѣхъ чиновниковъ, которые создали подобный обычай. Выразительность разсказа должна увеличиваться тѣмъ, что Оеия — „варначка“, дочь ссыльнаго, сохранившая нравственныя понятія, какіхъ не имѣется [у ея односельчанъ, туземцевъ.

¹⁾ Такъ называются въ Сибири бродяги, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири мирные поселеніе устраиваютъ на нихъ „охоты“ для грабежа ихъ жалкаго достоянія.

²⁾ О ней упомянуто было нѣсколькими словами въ Литературномъ Обзорѣніи, „Вѣстн. Европы“ 1891, декабрь.

ность собрать рядомъ съ тѣмъ большой запасъ личныхъ бытовыхъ наблюденій, которыя дѣйствительно стали вскорѣ появляться въ журналахъ, а затѣмъ были имъ собраны въ отдѣльную книгу. Давняя работа надъ изученіемъ народнаго быта, безъ сомнѣнія, должна была въ особенности приготовить нашего автора къ подобному труду. Первые очерки его („Въ волостныхъ писаряхъ“) уже указывали въ немъ опытнаго наблюдателя; множество любопытныхъ замѣтокъ разсыяно и въ настоящей книгѣ, которая во всякомъ случаѣ займетъ видное мѣсто въ литературѣ о Сибири.

Быть можетъ, она займетъ это мѣсто еще и потому, что, кажется, еще нигдѣ изображеніе сибирской жизни не было сдѣлано съ такимъ обиліемъ темныхъ красокъ, какъ здѣсь. Въ предисловіи авторъ предупреждаетъ, что онъ говоритъ въ своей книгѣ главнымъ образомъ объ иркутской губерніи: „Сибирь—такая огромная страна, съ такимъ разнообразіемъ условій жизни, что распространять мои выводы по нѣкоторымъ вопросамъ и на другія области сибирскія—весьма рискованно“. Но во всякомъ случаѣ и въ этомъ объемѣ сдѣлано здѣсь довольно обобщеній, которыя какъ будто относятся не къ одному иркутскому краю. Мы остановимся въ книгѣ г. Астырева въ особенности на главѣ II-й, изображающей „духовный міръ и нравы крестьянства“.

Авторъ начинаетъ издалека, съ историческихъ воспоминаній, которыя служатъ какъ бы введеніемъ къ разсказу о жизни современной.

„Два съ половиной вѣка назадъ небольшія кучки дерзкихъ и отчаянныхъ завоевателей проникли въ Восточную Сибирь. Путь ихъ былъ отмѣченъ горами мертвыхъ тѣлъ туземцевъ, нерѣдко убитыхъ измѣнническимъ образомъ; побѣда давалась сравнительно легко, ибо дикари не могли устоять съ своими стрѣлами и копьями противъ пришельцевъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Тотчасъ по занятіи края начался систематическій грабежъ его: нажива была лозунгомъ завоевателей, ибо только во имя ея, а не чего-либо другого, они рисковали своею жизнью, совершали чудеса мужества и выносливости, производили страшныя рѣзни туземцевъ, бились даже другъ съ другомъ за право сбора ясака съ нѣкоторыхъ племенъ, пускали въ ходъ хитрость, звѣрство, вѣроломство, подкупъ и обманъ. Это былъ вѣкъ силы, царство неправды; здѣсь не оказывалось мѣста чему-либо идейному; все было просто и грубо до-нельзя, матеріально въ худшемъ смыслѣ этого слова. Все, чтѣ считалось завѣтнымъ или почтеннымъ тамъ, на родинѣ, теряло здѣсь, въ пылу борьбы и въ погонѣ за добычей, свое значеніе и казалось несущественнымъ, только мѣ-

шавшимъ достиженію цѣли; никакой узды пришелецъ на себѣ не чувствовалъ и ни передъ чѣмъ не останавливался для удовлетворенія своихъ потребностей и страстей. Ему нужны были рабы—и онъ полонялъ или покупалъ туземцевъ, обращая ихъ въ рабовъ; ему нужна была женщина—и онъ заманивалъ къ себѣ въ Сибирь изъ Россіи дѣвицъ и дѣлалъ ихъ своими наложницами или законною женою, а потомъ, по минованіи въ нихъ надобности или начавъ почему-либо тяготиться ими, перепродавалъ ихъ въ другія руки или же отдавалъ во временный кортомъ (аренду), совершая на этотъ предметъ *письменную* сдѣлку; хотя бы у него оставалась жена за Ураломъ, онъ не задумывался вновь вѣнчаться въ Сибири, зная, что доказать его двоеженство немислимо, да и никому не нужно его доказывать; если не было русскихъ женщинъ, онъ покупалъ себѣ или похищалъ дѣвушекъ инородокъ и мальчиковъ; если ему нравилась соболья шапка тунгуза, онъ не задумывался убить владѣльца ея, чтобы ею завладѣть. Не было такого дѣйствія, предъ совершеніемъ котораго онъ останавливался бы, если только въ перспективѣ виднѣлись нажива или удовлетвореніе чувственности...

„А все, что могло бы его хоть нѣсколько сдерживать на этомъ пути грубаго матеріализма, отсутствовало. Крѣпкой патріархальности семьи не имѣлось; авторитета міра и общественнаго мнѣнія не существовало; церковь, и въ Россіи не стоявшая въ то время на высочомъ пьедесталѣ, не играла здѣсь никакой роли, ибо самыхъ храмовъ имѣлось ничтожное количество, а духовенство было такое, которое никакъ не могло служить чѣмъ-либо руководителемъ въ области этики и разсудникомъ нравственныхъ началъ; просвѣщенія, даже простой грамотности не было и помина; сколько-нибудь сносныя школы стали заводиться лишь въ концѣ прошлаго вѣка; наконецъ, сознаніе своей оторванности отъ всего, что осталось по ту сторону Урала, побуждало піонера ничѣмъ не стѣсняться и считать себѣ непозволеннымъ. Исключительно грубая сила служила ему залогомъ всякаго успѣха; эта сила стала единственнымъ предметомъ его поклоненія и уваженія, и новыя поколѣнія нарождались, видя вокругъ себя только безпредѣльное господство силы: все остальное, относящееся къ области этики, было отодвинуто на задній планъ“.

Это-то прошлое и должно было отразиться на послѣдующемъ характерѣ сибирскаго населенія. Авторъ останавливается сначала на его духовно-нравственномъ содержаніи. Картина современнаго положенія получается слѣдующая:

„Всѣ изслѣдователи народнаго быта въ Сибири, произведенія

которыхъ мнѣ извѣстны, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что сибирякъ—не идеалистъ и не мистикъ, а довольно-таки сухой матеріалистъ, равнодушный къ вопросамъ идейнаго характера, въ томъ числѣ и къ самой религіи; это же самое приходится подтвердить и мнѣ. Чрезвычайно знаменателенъ тотъ фактъ, что различныя раскольничьи и сектантскія ученія не находятъ въ Сибири сколько-нибудь плодотворной почвы для своего развитія "... „Жестоконъ ошибкой было бы, однако, заключить изъ факта неудачи сектантско-раскольничьихъ ученій въ Сибири, что мѣстное крестьянство держится господствующей религіи вполне сознательно, считая ее выше всѣхъ прочихъ вѣрованій: сибирякъ потому не измѣняетъ своей материнской вѣрѣ и не пристаётъ къ штундистамъ, духоборцамъ, субботникамъ и пр., что не даётъ себѣ труда серьезно думать о вопросахъ вѣры. Онъ относится къ сущности чужихъ вѣрованій индифферентно и даже отчасти презрительно, но не потому, что онъ убѣжденъ въ ихъ ложности, а потому, что онъ вообще не придаетъ важнаго значенія всѣмъ этимъ вопросамъ идейнаго и мистическаго характера. Храмъ Божій и причтъ при немъ существуютъ въ представленіи сибиряка сами по себѣ, а онъ, крестьянинъ, самъ по себѣ; поэтому нерѣдко можно встрѣтить хорошихъ, степенныхъ домохозяевъ, которые по 10—20 лѣтъ подъ рядъ ни разу не были въ церкви, хотя бы она помѣщалась въ томъ самомъ селѣ, гдѣ живутъ эти хозяева: это не сектанты и не атеисты, нѣтъ, это просто индифферентисты, которымъ церковь не нужна и которые, тѣмъ не менѣе, въ Бога вѣруютъ (по своему, конечно) и даже призываютъ Его имя въ важныхъ случаяхъ. Но, съ другой стороны, принужденный вести постоянную борьбу съ силами суровой сибирской природы и давно замѣтившій, что сосѣдній съ нимъ народъ, буряты, производятъ извѣстныя дѣйствія для этой же цѣли, причѣмъ дѣйствія эти носятъ таинственный характеръ, сибирякъ пробуетъ въ нуждѣ прибѣгать и къ бурятскимъ средствамъ: къ жертвоприношенію, къ моленію шамана, и т. п. Бываетъ, что, въ случаѣ какого-либо несчастія, — болѣзни или пропажи и т. п., — призывается сначала служить молебны священникъ, а затѣмъ, когда бѣда не проходитъ, является на сцену шаманъ".

Исполненіе христіанскихъ обрядовъ совершается только по необходимости, и если церковь находится далеко, то обходятся безъ нея и совсѣмъ: священникъ пріѣзжаетъ въ годъ два раза въ такія далекія мѣстности и сразу креститъ всѣхъ народившихся ребятъ, отпѣваетъ всѣхъ покойниковъ, которые похоронены безъ него, и т. д.; церкви посѣщаются очень рѣдко.

„Здѣсь мною сгруппированы только факты отрицательнаго характера, — говоритъ авторъ, — доказывающіе индифферентность сибиряковъ къ религіи; нельзя, однако, утверждать, чтобы не было фактовъ и противоположнаго характера: крестьянами строятся не мало церквей, служится много молебновъ на поляхъ, совершаются различныя освященія, поминки и другіе обряды, такъ что иному невнимательному наблюдателю можетъ даже показаться, что все въ этой области внутренняго міра сибиряка обстоитъ благополучно, по крайней мѣрѣ, не хуже и не лучше, чѣмъ у крестьянъ въ Европейской Россіи. Но, тѣмъ не менѣе, повторяю, при внимательномъ изученіи быта сибиряковъ, приведенное выше заключеніе объ ихъ индифферентности въ дѣлахъ вѣры оказывается вполне отвѣчающимъ дѣйствительности; вмѣстѣ съ этимъ дѣлается также яснымъ, что одна изъ причинъ такихъ холодныхъ отношеній крестьянъ къ церкви заключается въ личныхъ качествахъ ея служителей“.

Положеніе сельскаго священника въ Сибири совсѣмъ не то, какъ въ Россіи европейской: сибирское духовенство гораздо богаче. Священникъ получаетъ отъ прихожанъ хорошій домъ съ надворными постройками, имѣетъ большой земельный надѣлъ и обильную хлѣбную ругу, для разѣздовъ пользуется крестьянскими лошадьми, произвольно устанавливаетъ плату за требы и къ самому исполненію своихъ обязанностей относится совершенно формально.

„Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ личныхъ своихъ качествахъ многіе священники не только не привлекаютъ къ церкви индифферентныхъ въ дѣлѣ религіи прихожанъ, но еще болѣе отдаляютъ ихъ отъ нея; на церковь и на причтъ ея населеніе начинаетъ смотрѣть какъ на неизбѣжную расходную статью общественнаго и частнаго бюджетовъ — и только; ими пользуются, къ нимъ прибѣгаютъ лишь въ случаяхъ, когда законъ того велитъ, но нравственныхъ связей между этими двумя сторонами — нѣтъ. Въ результатѣ такихъ отношеній оказывается, что съ самимъ ученіемъ христіанскимъ сибирякъ весьма мало знакомъ; молитвъ онъ почти не знаетъ; злыхъ духовъ почитаетъ и умилостивляетъ ихъ, наравнѣ съ бурятами, щепотками табаку или лоскутками матерій, которые бросаетъ и вѣшаетъ на дерево при проѣздѣ мимо „шаманскаго мѣста“; такъ-называемая священная исторія, ветхо- и ново-завѣтная, извѣстна ему въ какихъ-то странныхъ передѣлкахъ, происшедшихъ не безъ вліянія языческихъ легендъ“.

Авторъ приводитъ образчики этихъ легендъ, гдѣ основы христіанскаго ученія совсѣмъ спутаны, и гдѣ однако заключается

весь кодексъ вѣры православнаго сибиряка, — „ибо ничего больше о сущности этой вѣры ему неизвѣстно“. Этому соответствуютъ нравственные представленія о грѣхѣ, о добрѣ и злѣ, — представленія, которыя кажутся автору похожими на идеи какихъ-нибудь бушменовъ. Единственное основаніе отношеній къ людямъ состоитъ въ голомъ и полномъ эгоизмѣ. „Но, — продолжаетъ дагѣ авторъ, — чтобы лучше понять характеръ сибиряка и его духовное развитіе, остановимся на тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ для своего умственнаго и духовнаго, нравственнаго воспитанія; посмотримъ, заимствуетъ ли онъ что-нибудь изъ сокровищницъ общечеловѣческаго разума, учится ли онъ въ школѣ, знакомится ли онъ съ порядкомъ вещей, существующимъ за предѣлами того уголка, который ему извѣстенъ, читаетъ ли онъ что-нибудь, чѣмъ увеселяется и занимается въ часы досуга, и т. д.“

Оказывается, что школъ очень не много, значительная часть населенія школою совсѣмъ не пользуется и положеніе ея вообще очень неудовлетворительно. Наблюдая школьное дѣло, по крайней мѣрѣ въ иркутскомъ краѣ, авторъ видѣлъ, что большинство грамотныхъ вышло не изъ официальныхъ, а изъ домашнихъ школъ, гдѣ главными дѣятелями были ссыльные: „за все зло, которое причиняетъ ссылка сибирскому населенію, она какъ бы пытается расплатиться съ нимъ нѣкоторыми крупницами добра, въ числѣ коихъ первенствующую роль занимаетъ распространеніе грамотности въ населеніи“. Но качество этой грамотности плохое: она служить только для мелкихъ практическихъ дѣлъ и нимало не поднимаетъ уровня образованія. „Вообще можно сказать, что иркутская деревня не читаетъ вовсе, отчасти не находя вкуса въ чтеніи, отчасти не имѣя возможности добыть матеріалъ для чтенія. Впрочемъ, виновата въ этомъ главнымъ образомъ не сама деревня, а городъ, который могъ бы быть и долженъ бы быть рассадникомъ образованія; но жизнь сибирскихъ городовъ — съ значительнымъ изъянцемъ по части умственности. Мѣстная пресса даетъ ежегодно тысячи примѣровъ косности и умственной лѣни сибирскихъ горожанъ; такъ напр., изъ газетъ я узналъ, что года два назадъ во всѣхъ магазинахъ Иркутска оказалась только одна книжка, вполне пригодная для народнаго чтенія, что во Владивостокѣ однажды прибыло съ пароходомъ 900 пудовъ игральныхъ картъ и только два пуда книгъ, и т. д., и т. д.“

Гораздо больше книгъ распространены лубочныя картины. Ихъ можно встрѣтить почти вездѣ, но и въ нихъ мѣстный житель можетъ почерпнуть мало полезнаго: ему нѣтъ нужды до содержанія картинъ, и крестьянину требуется прежде всего ар-

кость и пестрота красокъ, вѣроятно, потому, что онѣ скрашиваютъ будничную обстановку избы. Можно бы подумать, что это сельское населеніе, „совершенно не затронутое вліяніями литературы и искусства живописи“, довольствуется собственнымъ творчествомъ или заимствованиями у другихъ племенъ, съ которыми оно сталкивается. Но собственнаго творчества не видно, о немъ не говорятъ многочисленные этнографы, изучавшіе восточную Сибирь: „по отзыву всѣхъ, углублявшихся въ изслѣдованіе этихъ вопросовъ, сибирякъ—не поэтъ, не музыкантъ и не пѣвецъ“. Старый авторитетный писатель о Сибири, Словцовъ, называлъ ее „безголосой“—въ ней поетъ только заѣзжій чело-вѣкъ, чиновникъ, солдатъ или поселенецъ. Сибирякъ, по словамъ нашего автора, забылъ даже свою исторію, свое кровное родство съ Россіей, не имѣетъ никакого понятія объ Ермакѣ, объ отношеніяхъ своихъ предковъ къ мѣстнымъ инородцамъ. „Легенды и преданій у него, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ, если не считать тѣхъ отрывочныхъ сказаній, преимущественно демоническаго характера, которыя онъ позаимствовалъ отъ своихъ сосѣдей—язычниковъ-бурятъ, да обрывковъ изъ священной исторіи, услышанныхъ имъ отъ немногихъ начетчиковъ или лицъ духовнаго званія; русскій народный эпосъ ему также неизвѣстенъ, и онъ съ удивленіемъ и любопытствомъ слушаетъ изрѣдка забредающаго въ его деревню мастера говорить сказки, а такимъ мастеромъ оказывается не кто иной, какъ ссыльно-поселенецъ изъ Россіи“. Въ Сибири нѣтъ пѣсенъ: вынесенныя изъ Россіи забыты, новыхъ почему-то не сложилось—можетъ быть, подъ вліяніемъ угрюмой природы. „Сибирякъ вообще мало и рѣдко поетъ; сколько разъ приходилось наблюдать его при обстановкахъ, которыя непременно вызвали бы русскаго или малоросса на пѣсенный ладъ,—въ дорогѣ, на покосѣ, въ лодкѣ,—и почти ни разу мы не слышали его поющимъ. Еще въ притрактовыхъ селеніяхъ, черезъ которыя проходитъ или проѣзжаетъ много чужого народа, слышатся иногда ухарскія пѣсни подъ звуки гармоньки, но эти пѣсни, очевидно, позаимствованы въ самое послѣднее время у выходцевъ изъ фабрично-промышленныхъ областей Россіи; въ дальнихъ же мѣстностяхъ губерніи пѣсенъ не слышно вовсе, кромѣ какъ на гульбищахъ и пиршествахъ разнаго рода, когда подъ вліяніемъ алкоголя душа даже сибиряка рвется наружу и хочетъ вылиться въ какихъ-нибудь звукахъ“... „Даже вѣчорки проходятъ иногда вовсе безъ пляса, въ одномъ лишь непрерывномъ угощеніи питіями и закусками и въ заигрываніяхъ другъ съ другомъ молодежи, или же пляска состоитъ главнымъ образомъ изъ

„французскихъ кадрелей“, съ форсомъ отбываемыхъ подъ звуки гармоники, а иногда и скрипки“... Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ—особенно въ торгово-промышленныхъ пунктахъ—парни предпочитаютъ игру въ карты всякимъ другимъ удовольствіямъ: вслѣдствіе сравнительнаго обилія денегъ въ этихъ пунктахъ, азартныя игры въ нихъ весьма развиты, такъ что въ каждомъ общественномъ мѣстѣ—на сборнѣ, въ ямщицкой, въ кабакѣ—всюду можно встрѣтить группы игроковъ отъ пятнадцати-лѣтняго возраста, ставящихъ на конъ не только мѣдныя, но и серебряныя монеты. Вообще всякія азартныя игры составляютъ любимую забаву населенія“.

Въ результатъ этихъ наблюденій, которыя авторъ сопровождаетъ фактическими примѣрами, получаются слѣдующіе „итоги“:

„Сибирякъ оказывается весьма далекимъ отъ мистицизма, плохимъ сыномъ церкви даже съ обрядовой точки зрѣнія, ничего не получающимъ отъ школы и вообще просвѣщенія, совсѣмъ ничего не читающимъ и поэтому имѣющимъ самое смутное понятіе о мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ ряду современныхъ ему условий и явленій общественной жизни, и о своихъ отношеніяхъ къ нимъ; далѣе, у него не имѣется поэтической жилки, онъ склоненъ къ грубымъ удовольствіямъ, которыя и предлагаются ему услужливо отверженцами культурнаго общества, заискивающими передъ нимъ, какъ вообще заискиваетъ голодная нужда передъ сравнительною сытостью и довольствомъ. Весьма естественно, что въ результатъ всѣхъ этихъ причинъ и обстоятельствъ всякій сибирякъ не изъ числа безхозайныхъ пролетаріевъ, находящихся здѣсь въ полномъ подчиненіи у капиталистовъ, такъ же, какъ и вездѣ, въ высокой степени самостоятеленъ и самонадѣянъ. Мнѣ кажется, что не малую роль въ ряду причинъ, обусловившихъ это послѣднее качество сибиряковъ, играетъ присутствіе въ Сибири уголовно-ссылныхъ, представляющихъ собою живой примѣръ того, къ чему ведутъ „россійскіе“ порядки и російская культура: видя эту массу безпріютнаго люда, жалкаго, часто лишеннаго всякаго человѣческаго достоинства,—люда, въ числѣ коего нерѣдко попадаются и представители культурнаго класса съ несравненно болѣе широкими кругозорами, чѣмъ тѣ, которые имѣются у жителей сибирской глуши, сибирякъ пріучается третировать свысока все непонятное ему и чуждое его жизненной обстановкѣ.“

„...Сибирякъ не безъ основанія можетъ ихъ спросить, почему же они не ужились тамъ, гдѣ такъ хорошо, въ тѣхъ условіяхъ, которыя такъ превосходятъ сибирскія, почему они—эти арти-

сты, музыканты, письменные люди, столичные жители, крестьяне-общинники и проч., и проч., впади въ бездну порока и нищеты, почему они, вичащіеся передъ нимъ своимъ умственнымъ кругозоромъ, теперь пресмыкаются передъ нимъ изъ-за куска хлѣба, изъ-за стакана водки? Значить, не все хорошо тамъ, въ Россіи, какъ они говорятъ; значить, существующія тамъ жизненныя условія способствуютъ низведенію человѣка на ступень безличнаго наемника или даже шута — скорѣе, нежели порядки глухой, „необразованной“, но сытой сибирской жизни?.. И поэтому онъ, ситый сибирякъ, представляетъ собою чудесный типъ человѣка, глубоко вѣрующаго въ непреложность всего сущаго вокругъ него; онъ нигуда не стремится, у него нѣтъ прочныхъ идеаловъ, онъ доволенъ своимъ умственнымъ кругозоромъ, онъ не признаетъ возможности другого порядка вещей, кромѣ нынѣшняго, ибо нынѣшній даетъ ему сытость и довольство, а слѣдовательно, онъ хорошъ, и единственное, о чемъ развѣ хлопочетъ сибирякъ, это — отъ нынѣшняго же порядка вещей заполучить по возможности больше для своей утробы...

„Самомнѣнію сибиряка способствуютъ еще его столкновенія съ представителями другихъ сословій и профессій, особенно съ представителями умственного труда. Какъ на подборъ, огромное большинство этихъ представителей обладаетъ нравственными качествами весьма сомнительнаго достоинства и постоянно роняетъ свой авторитетъ „образованныхъ“ людей или просто „господъ“ въ глазахъ массы, которая этимъ самымъ приучается съ чувствомъ превосходства или даже презрѣнія смотрѣть на всѣхъ этихъ за-сѣдатель, лицъ духовнаго званія, писарей, врачей и проч., которые играютъ въ карты, пьянствуютъ и безобразничаютъ какъ и простые смертные, берутъ взятки и на каждомъ шагѣ продаютъ „законъ“, которому они служатъ, никакихъ умственныхъ наслажденій не знаютъ и вообще никакой культурной пропаганды въ деревнѣ не ведутъ. Вглядывается крестьянинъ въ поведеніе этихъ культуртрегеровъ и узнаетъ въ нихъ самого себя, развѣ только одѣтаго въ лучшее платье, да употребляющаго болѣе изысканныя яства и питія, — словомъ, имѣющаго болѣе денегъ для удовлетворенія своихъ потребностей и прихотей; отсюда... онъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относится къ „образованности“ культурныхъ людей, которая сама по себѣ, безъ денегъ, ни въ чемъ не проявляется и никакой цѣны не имѣетъ. Конечно, эта увѣренность крестьянъ иногда колеблется передъ очевидностью, когда культура и „образованность“ выказываютъ передъ ними свою истинную силу не въ зависимости отъ содержанія мошны ея піонера,

но пока подобныхъ доказательствъ нѣтъ на-лицо и они не бьютъ въ глаза, крестьянинъ склоненъ въ каждомъ проявленіи культурныхъ началъ видѣть или глупость, въ лучшемъ случаѣ—неправичность, или же подвохъ подъ него, крестьянина, съ цѣлью извлеченія изъ его кармана денегъ, нужныхъ для поддержанія достоинства культуртрегеровъ. Въ первомъ случаѣ онъ относится къ новаторству пренебрежительно, во второмъ—подозрительно. Какъ велико бываетъ самоиѣніе отдѣльныхъ лицъ изъ числа крестьянъ, ощущающихъ всей утробой своей сытость и довольство и при текущемъ въ сибирской деревнѣ порядкѣ вещей, видно, напримѣръ, изъ замѣчанія одного моего собесѣдника, съ которымъ я пробовалъ говорить о школѣ, грамотѣ и книгахъ:

— „Да къ чему намъ эти самыя книги-то, никакъ я въ толкъ не возьму!.. По нашему, баринъ, по деревенскому разсужденію, такъ книги эти всѣ выдуманы людьми, которымъ ѣсть нечего; ну, а у насъ, слава Богу, на нашъ вѣкъ хватитъ и безъ книгъ!“

Для „иллюстраціи“ сказаннаго авторъ собираетъ фактическіе примѣры изъ сибирскаго быта и продолжаетъ:

„Ко всѣмъ изображеннымъ здѣсь качествамъ сибиряка нужно присоединить еще одно, которое имѣетъ огромное вліяніе на теченіе всей общественной и даже домашней жизни населенія; качество это—крайне недоверчивое отношеніе не только къ чужимъ, пришлымъ людямъ, но и къ своимъ односельцамъ, даже къ близкимъ роднымъ, и въ зависимости отъ этого—скрытность характера“... „Такое отчужденіе остается не безъ вліянія и на сибирскую манеру держаться въ обществѣ: сибиряки вообще молчаливы и даже угрюмы, поэтому, въ гостяхъ, когда собираются не исключительно близкіе родные или знакомые, разговоры идутъ очень туго: гости налегаютъ преимущественно на яства и питія...

„Въ дѣлахъ общественныхъ также нѣтъ никакой вѣры никому, такъ или иначе выдвигающемуся изъ сѣрой массы: по мнѣнію мірянъ, у каждого старшины, старосты, вахтера, сборщика, писаря—рыльце въ пушку; да это, можно сказать, есть на самомъ дѣлѣ такъ, и неудивительно, что про воровъ идетъ дурная слава: удивительно то, что сегодняшніе критики и порицатели дѣйствій своихъ выборныхъ, попавъ сами завтра въ таковые, начинаютъ поступать во всемъ согласно преподаннымъ примѣрамъ, т.-е. тянуть къ себѣ въ домъ все, что худо лежатъ изъ общественнаго достоянія“. „У насъ кого ни выбери, все одинъ толкъ будетъ“,—говорили мнѣ не разъ крестьяне сами про себя и... не краснѣли при этомъ“.

Сибирякъ и у всѣхъ остальныхъ людей предполагаетъ тоже единственное помышленіе о своей личной выгодѣ и наживѣ, и когда самъ запасся нѣкоторымъ „капиталомъ“, то смотритъ на свои „власти“ даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на равныхъ. „Эта черта въ сибирякѣ—сознаніе собственного достоинства—дѣйствуетъ на человѣка, привыкшаго къ халуйству и рабству русскихъ „бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ“, сидящихъ нинѣ на копахъ надѣлѣ, весьма притягательнымъ образомъ и заставляетъ прощать ему многое. Приятно видѣть, какъ угрюмо-сдержанно ведетъ себя середнякъ-крестьянинъ хотя бы съ застѣпателемъ: онъ и руку ему съумѣетъ пожать, если тотъ протянетъ (а мнѣ, не носившему никакой „формы“, многіе сами протягивали руку, считая себя равней по отношенію къ „завъзему барину“), и не постѣснится посидѣть съ нимъ, даже выпить чайку и поговорить немножко о постороннихъ предметахъ, — словомъ, сибирякъ сознаетъ себя кое-чѣмъ, а не ничѣмъ“. Впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, если власти заламаются и начнутъ, какъ говорится, рвать и метать, то сибирякъ безропотно подчиняется, зная, что сила солому ломить.

Еще одна черта даетъ характеру сибиряка своеобразный и рельефный отпечатокъ: этой чертѣ, которая естественно развилась на указанномъ общемъ фонѣ, авторъ посвящаетъ особую главу подъ названіемъ: „Каменные сердца“. Названіе главы даетъ достаточное понятіе о свойствѣ ея содержанія: она посвящена изображенію жесткости или вѣрнѣе жестокости сибирскаго характера, доходящей дѣйствительно до размѣровъ поражающихъ. Это рядъ эпизодовъ изъ сибирской жизни, гдѣ между прочимъ мы встрѣчаемъ и упомянутую раньше охоту на бродягъ.

На этомъ мы окончимъ цитаты изъ книги г. Астырева, въ которой читатель найдетъ еще много весьма любопытныхъ разсказовъ и наблюденій, и остановимся на общемъ выводѣ книги относительно характера русскаго народа или народности въ Сибиріи. Выводъ—весьма мрачный, идущій даже гораздо дальше довольно пессимистическихъ заключеній Щапова. Крайнее развитіе грубаго эгоизма, доходящее до настоящей жестокости и потери обыкновеннаго человѣческаго чувства; отсутствіе всякихъ умственныхъ интересовъ въ сытомъ довольствѣ; потеря всякихъ преданій и даже способности къ поэтическому увлеченію; словомъ, утрата основныхъ условій человѣческаго достоинства, личнаго и общественнаго, — таково заключеніе автора о сибирскомъ народѣ. Правда, авторъ дѣлаетъ оговорку о разнообразіи сибирской жизни, о томъ, что имъ изучено было собственно только населеніе одного края,

но, какъ мы видѣли, онъ постоянно обобщаетъ и говорить не о крестьяннѣ видѣнныхъ имъ волостей Иркутской губерніи, а вообще о „сибирякѣ“. Надо думать, что другія свѣденія, которыя онъ вѣроятно имѣлъ, не опровергали его наглядныхъ впечатлѣній отъ того края.

Когда статьи г. Астырева являлись въ первый разъ въ журналѣ, въ мѣстной печати были высказаны упреки въ его пристрастномъ отношеніи къ „сытому“ сибирскому крестьянству, на которое эта сытость владеть отпечатокъ бездушнаго эгоизма и даже жестокости. Упоминая теперь ¹⁾ объ этой полемикѣ, г. Астыревъ объясняетъ, что причиной особенностей сибирскаго характера онъ считаетъ не одну эту сытость, а вмѣстѣ всѣ другія условія сибирской жизни вообще и отсутствіе идейныхъ интересовъ въ частности. И дальше въ примѣръ однородныхъ явленій народной жизни онъ приводитъ рассказы покойной С. В. Ковалевской о шведскихъ крестьянахъ одной мѣстности въ шхерахъ, гдѣ матеріальное благосостояніе и оторванность населенія во время осеннихъ и зимнихъ бурь и бездѣлья ведутъ къ крайнему извращенію всѣхъ нравственныхъ чувствъ. Наконецъ авторъ приводитъ свидѣтельство другого наблюдателя, который подобнымъ образомъ говоритъ объ умственной лѣни, грубости нравовъ и самоинтереса тѣхъ самыхъ жителей, какихъ и онъ изображаетъ.

Все это справедливо, но, не смотря на то, въ сужденіяхъ г. Астырева есть, кажется, другая односторонность, и странно, какъ она не была имъ самимъ замѣчена. За исключеніемъ извѣстныхъ особенностей, принадлежащихъ собственно сибирскому быту, большая часть качествъ, какими авторъ надѣляетъ „сибиряка“, принадлежитъ совершенно также огромному числу крестьянства и другихъ слоевъ населенія въ самой Россіи,—если не принадлежатъ цѣлымъ извѣстнымъ слоямъ всего человѣчества. Авторъ говоритъ, напримѣръ, о сибирякахъ какъ о дурныхъ сынахъ церкви; но можно ли сказать, чтобы русскій крестьянинъ, хотя, конечно, болѣе привязанный къ церковности, обладалъ правильными понятіями въ дѣлѣ вѣры и былъ въ правильныхъ отношеніяхъ съ служителями церкви (на чьей бы сторонѣ ни была вина неправильности)? Г. Астыревъ рассказываетъ о томъ, какъ грубый сибирякъ собирается поставить кучу свѣчей, еслибы оказалось, что „подохъ жеребецъ“ (о чемъ былъ слухъ)—не его, а его сосѣда или даже брата: чѣмъ лучше этого сибиряка какой-нибудь кулакъ изъ европейской Россіи, который полагаетъ, что покроетъ свои

¹⁾ Стр. 24, примѣчаніе.

мошенничества, если, напимѣръ, солеть колоколъ? Авторъ дѣлаетъ обзоръ лубочныхъ картинокъ, составляющихъ литературную и художественную пищу сибирскаго крестьянина; но эта пища — европейско-русскаго издѣлія и точно также распространена въ нашемъ простонародіи и т. д. Вся эта картина грубости, жестокости нравовъ, отсутствія идейныхъ интересовъ далеко не нова и съ различными эпизодами ея читатель давно знакомъ по изображеніямъ европейско-русской народной жизни, между прочимъ, у извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Сколько подобныхъ эпизодовъ найдется въ наиболѣе правдивыхъ деревенскихъ разсказахъ Глѣба Успенскаго; Салтыковъ уже изобразилъ практическую философію Колупаевыхъ и Разуваевыхъ; Островскій нарисовалъ достаточно типовъ „темнаго царства“. Полагаемъ, что во всемъ этомъ найдется очень много совершенно равнозначительнаго съ тѣми картинами, которыя производятъ такое удручающее впечатлѣніе на г. Астырева въ Сибири. Онъ приводитъ тупоумное разсужденіе невѣжественнаго сибирскаго крестьянина о бесполезности книгъ, но это разсужденіе давно предвосхищено г. Скалзубомъ и уцѣлѣло до сихъ поръ въ его потомствѣ. Такимъ образомъ „сибирякъ“ не выдумалъ въ этомъ отношеніи чего-нибудь собственнаго и оригинальнаго. Факты, разсказанные г. Астыревымъ, конечно, взяты изъ дѣйствительности и во всякомъ случаѣ прискорбны, но слѣдовало бы представить ихъ въ ихъ настоящихъ размѣрахъ, отличая то, что могло быть создано собственно дурной природой сибирскаго крестьянина, и то, что имъ вѣрно перенято и унаслѣдовано изъ общаго склада нашихъ нравовъ.

Авторъ не однажды ссылается на условія сибирской жизни, приписывая имъ, безъ сомнѣнія, справедливо происхожденіе различныхъ неприглядныхъ свойствъ сибирскаго быта и въ частности народнаго характера, сложившагося во многихъ случаяхъ столь непривлекательно. Собственно говоря, правильная оцѣнка сибирскаго характера была бы возможна только при обстоятельном изслѣдованіи этихъ условій, которыя во многихъ случаяхъ налагались на сибирскую жизнь, какъ нѣчто готовое, неизбежное, отъ нея самой независящее. Вліяніе природы и обусловленныхъ ею формъ труда, хозяйства, промысла и т. д. даны были положеніемъ вещей, но вся такъ-называемая культурная сторона быта была въ полной мѣрѣ дѣломъ цѣлаго состоянія просвѣщенія и въ колоніи, и въ метрополіи. И съ этой точки зрѣнія „сибирякъ“ окажется менѣе виновнымъ, чѣмъ онъ является въ разсказѣ г. Астырева. Самъ авторъ указываетъ крайнюю недостаточность тѣхъ культурныхъ средствъ, которыя могли бы снять эту кору не-

вѣжества и нравственнаго одичанія, въ которой пребываетъ сибирскій крестьянинъ; но болѣе правильная постановка этихъ средствъ едва ли была бы по силамъ самому сибирскому населенію, — и при доброй волѣ это выходило бы изъ его возможности.

Авторъ, какъ мы видѣли, начинаетъ издалека: первый источникъ народно-бытового склада въ восточной Сибири, онъ находитъ въ первыхъ завоевателяхъ и колонизаторахъ XVII-го вѣка (для западной Сибири было бы то же полувѣкомъ раньше), — но эти первые насельники были чисто русскіе люди. Дальнѣйшій бытъ русскаго населенія въ Сибири устроивался опять не мѣстными средствами, а указаніями изъ метрополи, и главные правители, а также большая доля второстепенныхъ постоянно бывали пріѣзжіе изъ Россіи. Такимъ образомъ слишкомъ отдалять сибирскую жизнь отъ общей русской и здѣсь довольно затруднительно. Правда, собственно народный бытъ, въ далекихъ захолустьяхъ въ большой мѣрѣ предоставленный самому себѣ, вырабатывалъ и самостоятельно извѣстныя особенности и могъ въ томъ числѣ вырабатывать тѣ самыя, которыя подвергаются осужденію нашего изслѣдователя, — но во всякомъ случаѣ вопросъ болѣе сложенъ, чѣмъ кажется г. Астыреву, и свалить на „сибиряка“ всѣ непривлекательныя стороны народныхъ нравовъ не значить рѣшить этотъ вопросъ. Есть наконецъ одно явленіе, совсѣмъ не затронутое г. Астыревымъ; это—сибирское общество. Извѣстные слои его, именно торговые и промышленные, представляютъ, вѣроятно, много однороднаго съ приведенной характеристикой сибирскаго крестьянина, тѣмъ болѣе, что многіе представители этого класса вышли прямо изъ крестьянства. Въ этихъ слояхъ повторилось, какъ рассказываютъ, не мало тѣхъ самыхъ нравственныхъ свойствъ, какія намъ указаны въ сибирскомъ крестьянинѣ—грубость нравовъ и отсутствіе идейныхъ интересовъ; но какъ помирить съ этимъ послѣднимъ то движеніе, которое въ особенности ярко обнаруживается въ сибирскомъ обществѣ за послѣдніе десятки лѣтъ и которое несомнѣнно свидѣтельствуетъ о присутствіи идейныхъ интересовъ. Мы разумѣемъ различныя проявленія общественной дѣятельности, которыя могутъ возбуждать только сочувствіе, какъ напр. тѣ огромныя пожертвованія, какія дѣлались въ Сибири для цѣлей просвѣщенія?

Въ послѣднее время, въ связи съ этими представленіями объ одичалости сибирскаго крестьянина, не однажды дѣлались соображенія о томъ, въ какое отношеніе къ сибирскимъ старожиламъ стануть сотни тысячъ новыхъ переселенцевъ. Мы упоминали

выше объ ожиданіяхъ, что послѣдніе обновятъ застоявшуюся жизнь сибирскаго крестьянства, внесутъ улучшенія въ отсталые способы хозяйства, явятся вообще свѣжимъ, культурнымъ элементомъ. Не перечисляя литературы, развивавшей довольно согласно (и весьма односторонне) эти предположенія, укажемъ любопытный отвѣтъ на нихъ въ статьѣ А. А. Кауфмана ¹⁾, — отвѣтъ тѣмъ болѣе компетентный, что принадлежитъ лицу, много работавшему именно по этому вопросу въ самой крестьянской средѣ Сибири западной. Въ 1888 году министерствомъ государственныхъ имуществъ предпринято было подробное изученіе и описаніе сельскохозяйственнаго быта крестьянъ западной Сибири, и г. Кауфманъ былъ въ числѣ исполнителей этой обширной работы ²⁾.

Указавъ нѣсколько примѣровъ характеристики сибирскаго населенія и отношеній между новыми переселенцами и старожилами, причемъ обыкновенно широкія заключенія о цѣломъ дѣлаются на основаніи небольшой части, г. Кауфманъ ограничивается тѣмъ райономъ, который былъ подробно обследованъ имъ самимъ, а также въ работахъ его сотоварищей, и приходитъ къ заключенію, которое должно внушить большую осторожность въ подобныхъ обобщеніяхъ.

Г. Кауфманъ объясняетъ вопросъ нѣсколькими наглядными примѣрами. Въ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ ближайшихъ окрестностей Томска, культурнаго центра западной Сибири и вмѣстѣ центра переселенческаго передвиженія, можно встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ типовъ. Подъ самымъ городомъ — рядъ селеній такъ-называемаго дачно-трактирнаго типа, гдѣ населеніе промышляетъ по преимуществу отдачей въ наймы дачъ, огородничествомъ, продажей молочныхъ продуктовъ, сѣна и дровъ, и земледѣліе почти отсутствуетъ. Другая мѣстность по промыслу рыболовная и въ противоположность „продувному“ населенію подгородныхъ деревень славится честностью и патриархальнымъ складомъ жизни. Третья мѣстность извѣстна своей испорченностью, которою обязана отчасти вліянію бывшаго каторжнаго завода, отчасти распространеннаго здѣсь найма на пріисковья работы. Совершенно особый типъ представляетъ населеніе „большой дороги“: здѣсь зажиточная часть населенія занимается дворничествомъ, почтовой, земской и другой гоньбой, множество вся-

¹⁾ Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ западной Сибири, „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891, апрѣль.

²⁾ Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ западной Сибири. Спб. 1888—91, XIII томовъ, изъ которыхъ четыре принадлежатъ г. Кауфману.

кихъ торгашей, лавочниковъ, не мало также и людей, занимающихся обворовываніемъ обозовъ и укрываніемъ краденаго; кромѣ этого „повальное пьянство, развратъ, полная нравственная испорченность, неспособность и отвращеніе къ тяжелому труду — всѣ эти черты дѣлаютъ трактоваго мужика самымъ несимпатичнымъ, даже отвратительнымъ типомъ“, — и т. д. Разнообразіе еще увеличится, если расширить районъ наблюденій, и параллельно съ экономическими различіями идутъ и различія въ нравственномъ складѣ: свойство почвы, то или другое количество земли, сосѣдство или дальность „большой дороги“, сосѣдство инородцевъ и т. д., создаютъ тотъ или другой характеръ сельско-хозяйственного или промышленнаго труда, большую или меньшую выдержку въ этомъ трудѣ, тотъ или другой бытовой обычай, и съ нимъ нравственный складъ населенія. Огульная, однообразная характеристика этихъ „сибиряковъ“ оказывается совершенно невозможной. „Что въ самомъ дѣлѣ общаго, — говоритъ г. Кауфманъ, — между кореннымъ пахаремъ, честнымъ, предприимчивымъ, трезвымъ крестьяниномъ южной части какого-нибудь туринскаго округа, выжимающимъ изъ земли все, что она можетъ дать, и плутоватымъ, вѣчно пьянымъ, живущимъ „съ бичика“ придорожнымъ мужикомъ или крестьяниномъ-пахаремъ при-томскаго района?.. между лѣнтяемъ, охотникомъ и торгашомъ, крестьяниномъ пелымской волости, и зажиточнымъ, работающимъ земледѣльцемъ-раскольникомъ юго-западной части ишимскаго округа? между сдающимъ дачи или до тонкости изощрившимся въ надуваніи при продажѣ сѣна неопытныхъ горожанъ крестьяниномъ томскихъ подгородныхъ селеній и патриархальнымъ рыболовомъ николаевской волости или пахаремъ-пчеловодомъ ишимской? Все это, вѣдь, „сибиряки“!.. Но есть ли возможность подвести этихъ „сибиряковъ“ подъ какую-либо общую характеристику“?

Точно также представляется большое разнообразіе въ приходящихъ въ Сибирь переселенцахъ, что и понятно, такъ какъ они приходятъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи съ различными приемами земледѣльческаго хозяйства. Г. Кауфманъ не отрицаетъ одного: „большая часть переселенцевъ приходитъ въ Сибирь съ большимъ запасомъ трудолюбія, съ знаніемъ если не лучшихъ орудій, то болѣе интенсивныхъ способовъ полеводства, чѣмъ какими обладаетъ коренное населеніе тѣхъ *многочисленныхъ* мѣстностей, куда направляется переселенецъ“. Но представляется вопросъ: насколько повысили переселенцы сельско-хозяйственный уровень въ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ уже болѣе

или менѣе продолжительное время, и что дѣлается относительно этого уровня тамъ, гдѣ ихъ вліяніе совсѣмъ отсутствуетъ?

Пересмотрѣвши различныя условія, какими обставляется этотъ вопросъ, г. Кауфманъ приходитъ къ заключенію, что переселенцы вносили мѣстами нѣкоторыя улучшенія въ мѣстномъ полеводствѣ; но рядомъ съ этимъ оказывается, что и сами туземцы не довольствуются старыми способами хозяйства и заботятся объ его улучшеніи. Что же касается общаго характера хозяйства, то переселенцы не внесли *ничего* своего особеннаго: вліяніе переселенія — чисто механическое. „Формы хозяйства измѣняются не потому, чтобы переселенецъ приносилъ съ собою усвоенные имъ въ „Россіи“ хозяйственные порядки, а просто потому, что тысяча дворовъ, поселенная на опредѣленной территоріи, не можетъ продолжать вести хозяйство столь же экстензивнымъ способомъ, какъ раньше хозяйствовали на той же территоріи 500 или 300 дворовъ; вліяніе переселенческаго элемента на общее развитіе формъ хозяйства, слѣдовательно, ничѣмъ не отличается отъ того вліянія, какое, при неизмѣнившемся количествѣ населенія, производитъ сокращеніе — путемъ, напримѣръ, отрѣзки значительной части ея въ казенное вѣдомство — количество состоящей въ его пользованіи земли“.

Чрезвычайно любопытенъ фактъ, выясненный упомянутыми сельско-хозяйственными изслѣдованіями западной Сибири. „Мы наблюдаемъ повсемѣстно, — говорится въ „Матеріалахъ“ ¹⁾, — процессъ *перехода* переселенцевъ отъ своихъ прежнихъ порядковъ къ тѣмъ, которые приняты у крестьянъ-старожиловъ: прибывъ изъ Россіи, переселенцы работаютъ сначала привезенными съ собою сохами (или плугами), иногда разбиваютъ пашни на три поля, иногда уваживаютъ землю и т. п.; но затѣмъ постепенно начинаютъ переходить къ сибирскимъ косамъ-коляскамъ, къ сибирской системѣ полеводства, и хозяйство переселенцевъ, гдѣ 20—30 прожившихъ въ ишимскомъ округѣ, ничѣмъ, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, не отличается отъ хозяйства крестьянъ-старожиловъ“. Переселенецъ, только-что пришедшій изъ Россіи, и переселенецъ, прожившій въ Сибири 20—30 лѣтъ, по заключенію г. Кауфмана, не имѣютъ между собой почти ничего общаго. Переходя къ сибирскимъ порядкамъ, новосель подбираетъ, конечно, и свои аргументы, напр.: „здѣшняя земля назъму не примаешь“, „плугъ по здѣшней землѣ вовсе не

¹⁾ Выпускъ 3-й; Кауфманъ, „Сѣв. Вѣстникъ“, стр. 45—46.

съ руки“, и вообще „ежели по нашему, по-русейски, хозяйство вести, безъ хлѣба насидишься“.

Къ такому же выводу приходитъ изслѣдованіе относительно другого вопроса, гдѣ ожидалось вліяніе переселенцевъ на застоявшійся или испортившійся сибирскій бытъ,—относительно общиннаго начала. „Переселенцы не только не привили въ Сибири усвоенныхъ ими на родинѣ общинныхъ порядковъ,—напротивъ, они вездѣ и въ этомъ отношеніи совершенно ассимилировались съ кореннымъ населеніемъ, и наоборотъ—гдѣ того требовалъ общій складъ земельныхъ отношеній, тамъ общинные порядки достигали наивысшаго развитія помимо всякаго вліянія переселенческаго элемента, подѣ вліяніемъ происходившей въ самомъ коренномъ сибирскомъ населеніи внутренней работы“¹⁾.

Такимъ образомъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ совершается процессъ перерожденія европейско-русскаго человѣка въ „сибиряка“. Очевидно, что если мѣняется черезъ два, три десятилѣтія способъ хозяйства и общинной жизни, составляющихъ капитальную основу крестьянскаго быта,—за этимъ легко можетъ послѣдовать, и вѣроятно слѣдуетъ, также перерожденіе другого обычая: окружающее сосѣдство, уменьшеніе культурныхъ вліяній, существовавшихъ въ „Россіи“ (напр., худшая постановка школы, и т. п.) могутъ въ слѣдующихъ ближайшихъ поколѣніяхъ сдѣлать переселенца „дурнымъ сыномъ церкви“, породить отсутствіе идейныхъ интересовъ, заставить его забыть преданія, привить алчность къ наживѣ, наконецъ, создать „каменные сердца“, однимъ словомъ, произвести все то, что въ разсказѣ г. Астырева составляетъ отличительныя черты „сибиряка“ и непривлекательныя свойства его народности.

Для объясненія этой народности недостаточно сослаться на предѣловъ нынѣшняго населенія въ XVII-мъ вѣкѣ,—характери поволеній могутъ мѣняться очень быстро съ измѣненіемъ обще-

¹⁾ Намъ кажется слишкомъ рѣшительнымъ или неполно сформулированнымъ изводъ г. Исаева, повторяемый г. Кауфманомъ, будто „всякая существующая система полеводства есть при данныхъ условіяхъ (естественно-историческихъ и экономическихъ) наилучшая изъ всѣхъ возможныхъ системъ“, и что при этомъ „свойства населенія“ не играютъ никакой или „далеко не первую“ роль. Неужели такимъ образомъ въ упомянутыхъ данныхъ условіяхъ не играла бы никакой роли большая степень умственного развитія, т. е. и большего пониманія данныхъ условий, и большего умѣнья ими пользоваться? и неужели также не имѣла бы значенія большая степень развитія нравственнаго,—хотя бы, напр., въ видѣ отсутствія безобразнаго пьянства и т. п.?

ственныхъ условій, и свойства народности могутъ быть лучше объяснены ближайшей исторіей общественныхъ условій, въ которыхъ выросли сибирскія поколѣнія. Въ свойствахъ „сибиряка“, описанныхъ г. Астыревымъ, мы не видимъ ничего прирожденнаго и фаталистическаго. Мы видѣли, какъ много общаго въ нихъ съ тѣми свойствами, какія по сію минуту можно наблюдать въ извѣстныхъ слояхъ народной жизни въ самой Россіи, и какъ здѣсь, такъ и тамъ могутъ развиваться лучшія стороны личной и общественной жизни подѣ влияніемъ просвѣщенія и гражданскаго благоустройства.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ ХСІ.

Всесильный царь, ты правишь нами
Съ недосигаемыхъ высотъ!..
Моя любовь, моя надежда,
Въ несчастяхъ жизни мой оплотъ!..
Когда враговъ могучихъ ковы,
Когда чумы смертельный ядъ
Тебѣ, покорный рабъ Егвой,
Суровой гибелью грозятъ,—
Тогда склони предъ Нимъ колѣни,
Къ Нему, рыдая, воззови—
И Онъ спасетъ тебя отъ смерти,
Великъ во мщеньи и въ любви!..
Не бойся тьмы зловѣщей ночи,
Во тьмѣ таящихся враговъ,—
Подъѣмни плачущія очи
Къ Царю безчисленныхъ міровъ...
Онъ снизойдетъ къ тебѣ, Всесильный,
Онъ освѣтитъ тебя врыломъ,
И будетъ чистая молитва
Твоимъ покровомъ и щитомъ!..
Ужасенъ гнѣвъ Его суровый,
Но если тысячи падутъ,—
Тебя, любимого Егвой,
Святые ангелы спасутъ!..

Они должны тебя лелѣять
 И на рукахъ своихъ носить,
 Чтобъ ты не могъ объ острый терній
 Ноги усталой уязвить!..
 И если ты исполненъ вѣры,
 Самоотверженной любви,—
 Одинъ войди въ пріютъ пантеры,
 ногой ехидну раздави...
 И тигра зубъ, и жало змѣя,
 И страшный врагъ, и черный моръ,—
 Страшны-ль тому, кого отмѣтилъ
 Творца всевѣдущаго взоръ?!..

II.

* * *

Если могучее солнце сверкаетъ,—
 Море горитъ золотой чешуею;
 Если угрюмыя тучи чернѣютъ,—
 Море грозитъ безпощадной волною...

Свѣтитъ ли солнце, чернѣютъ ли тучи,
 Гладь ли сверкаетъ, несется-ль волна,—
 Грозно недвижна, какъ вѣчность безстрашна,
 Тьмою одѣтая, спитъ глубина!..

III.

* * *

У яркихъ звѣздъ я взялъ мерцанье,
 У солнца—свѣтъ и теплоту,
 У розъ—душистое дыханье,
 У бѣлыхъ лилій—чистоту;
 У неба взялъ я безконечность,
 У моря—глубь его пучинъ
 И недоступность—у вершинъ
 Высокихъ горъ; у Бога—вѣчность,

И у себя я душу взялъ,—
 И создалъ женщину мечтою
 И, полонъ страстною тоскою,
 Я передъ ней рабомъ упалъ!..

IV.

* * *

Небо лазурью сверкало,—
 Море покорно лобзало
 Грозный гранить береговъ...
 Туча лазурь покрываетъ,—
 Грозное море рыдаетъ,
 Стонетъ подъ гнетомъ оковъ!..

Буря съ безумною злобою
 Воеетъ надъ бездной морской...
 Валъ беспощадный встаетъ...
 Въ блескъ величья суровомъ
 Гибель несетъ онъ оковамъ,
 Цѣпи гранитныя рветъ!..

V.

Побѣжденный валъ.

На гранитный утесъ налетѣла волна—
 И могучей отваги, и гнѣва полна,
 Но, разбившись о грудь великана,
 Потекла, побѣжденная, вспять,
 И за нею въ борьбѣ неустанно
 Налетаетъ другая опять!..

Но съ грядущею, новой волною,
 Побѣжденъ непосильной борьбою,
 Отраженный сплещается валъ,
 Ненавистный утесъ защищая
 И, какъ рабъ безотвѣтный, лобзая
 Въ жалкомъ страхѣ подножіе скалъ!

В. Г—енъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

и

КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ

ИЗЪ ДЕРЕВЕННЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

Познакомившись въ свое время съ текстомъ „Положенія о крестьянскомъ банкѣ“, я пришелъ къ заключенію, что оно не соответствуетъ ни сельскохозяйственнымъ условіямъ страны, ни мѣсту, которое долженъ занять крестьянскій банкъ въ сферѣ кредитныхъ учреждений. Но эти выводы я не имѣлъ тогда возможности провѣрить путемъ личныхъ, непосредственныхъ наблюденій.

Наконецъ, такой случай мнѣ представился года три тому назадъ.

По сосѣдству со мной, въ деревнѣ, устроилось самостоятельное крестьянское хозяйство, въ которомъ на каждую семью приходилось до 90 десятинъ земли. Въ этомъ хозяйствѣ, за недолгій срокъ моихъ наблюденій, площадь будущей экономической невзгоды увеличивалась съ такой ужасающей быстротой, что можно было рассчитать по пальцамъ то недалекое будущее, когда моимъ сосѣдямъ, не смотря на обиліе земли, придется подумать о пріисланіи „новыхъ мѣстовъ“ для своего поселенія.

А между тѣмъ тутъ же, богъ-о-богъ, шла другая исторія: за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ въ нашу мѣстность чрезвычайно усилилось эмиграціонное движеніе изъ прибалтійскихъ гу-

берній. Приходятъ люди, чуждые коренному населенію по языку, вѣрѣ и обычаямъ. Они поставлены, повидимому, въ худшія условія: меньше земли, выше плата. Но эти всельники пускаютъ корни очень прочно: черезъ два, три года по водвореніи у нихъ появляются признаки избытка, довольства, и никто изъ нихъ,—по крайней мѣрѣ я такихъ не встрѣчалъ,—не помышляетъ объ обратномъ движеніи на родину.

Объяснять такія явленія племенными различіями въ родѣ того, что пришельцы лучше и спорче работаютъ, меньше склонны къ пьянству и т. д.—дѣло весьма рискованное и ошибочное. Увѣряю, русскій крестьянинъ работаетъ не меньше и не хуже пришельца; если между ними въ этомъ случаѣ существуетъ разница, то не въ достоинствѣ, а въ характерѣ работы: русскій, какъ бы ни тяжела подчасъ почти каторжная работа, сохраняетъ всегда присущую ему веселость, общительность,—пришельцы же, за всякой работой, легкой и тяжелой, одинаково молчаливы и угрюмы. Что же касается до пьянства, то на этотъ счетъ скажу только одно: я каждую недѣлю четыре раза проѣзжаю мимо кабака, приютившагося около станціи желѣзной дороги: у „колоды“ этого кабака я всегда замѣчаю преобладаніе „чухонскихъ“ таратаекъ надъ русскими телѣгами, и такое же преобладаніе бритыхъ фізіономій пришельцевъ надъ бородатыми фізіономіями туземцевъ я постоянно вижу въ кабацкихъ окнахъ.

Племенное различіе той или другой расы тутъ не при чемъ, если оно и имѣетъ значеніе, то даже не второстепенное; разрѣшеніе задачи слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Мои сосѣди-крестьяне приобрѣли землю при помощи крестьянскаго банка,—это, такъ сказать, пенсіонеры государственной казны; мои сосѣди-пришельцы изъ прибалтійскихъ губерній сидятъ на владѣльческихъ земляхъ. Въ этомъ и заключается главная суть дѣла.

Каждый собственникъ земли желаетъ, чтобы эта земля приносила извѣстный процентъ; кромѣ того онъ знаетъ, что водвореніе поселенца на его землѣ требуетъ затратъ довольно значительнаго (какъ увидите ниже) капитала, который тоже долженъ приносить проценты. Въ силу этихъ простыхъ соображеній ни одинъ хозяинъ, — мы имѣемъ въ виду только такихъ, которые понимаютъ, что $2 \times 2 = 4$, — не отдастъ, напр., въ аренду участка земли въ 25 десятинъ лицу, являющемуся къ нему самъ-другъ, въ сопровожденіи одной коровы и одной лошади, — не отдастъ потому, что подобный арендаторъ или распорядится самымъ хищническимъ образомъ съ землей, обездоливъ ее въ концѣ въ первые же годы аренды, или не только не въ состояніи будетъ уплачи-

вать аренду, но и не прокормить самого себя. Такой арендаторъ только тяжелая обуза на шеѣ владѣльца, источникъ хозяйственной неурядицы, хлопотъ и всевозможныхъ непріятностей. Чтобы избѣжать этихъ непріятностей и ущербовъ, каждый владѣлецъ, прежде чѣмъ входить въ окончательное соглашеніе съ будущимъ арендаторомъ, собираетъ свѣденія о наличныхъ рабочихъ силахъ, находящихся въ его распоряженіи, о состояніи его живого инвентаря, словомъ, о его сельско-хозяйственной кредитоспособности, и затѣмъ, сообразуясь съ этой кредитоспособностью, предоставляетъ въ его распоряженіе участки земли тѣхъ или другихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, между землей и способностью ее обрабатывать устанавливается, къ обоюдной выгодѣ сторонъ, извѣстная и чаще всего очень строгая соотвѣтственность, гармонія. Не довольствуясь этой гармоніей, владѣлецъ путемъ контракта сдерживаетъ хищническія наклонности арендатора, устанавливая извѣстный сѣвооборотъ, воспрещая вывозку изъ имѣнія и продажу на сторону навоза, сѣна, соломы, обязывая ежегодно расчищать опредѣленную площадь луговъ, исключая изъ сѣвооборота растенія, истощающія почву, какъ напр. ленъ, и т. д. Наконецъ, между большинствомъ владѣльцевъ и поселившимися на ихъ земляхъ арендаторами съ теченіемъ времени, при нѣкоторой добро-совестности со стороны послѣднихъ, устанавливается, кромѣ юридической, еще другая, болѣе крѣпкая связь: связь обоюдныхъ выгодъ, благодаря которой владѣльцы являются банками для своихъ арендаторовъ: сѣмена слѣдуетъ переимѣнить — къ владѣльцу; искусственнаго удобрения привезти изъ города — къ владѣльцу; лошадей перерѣзало поѣздомъ желѣзной дороги — все опять къ нему же, и т. под.

Совокупность и взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ условій имѣютъ въ окончательномъ результатѣ то, что дѣло устроивается къ обоюдному удовольствію, т.-е. пришельцы изъ прибалтійскихъ губерній обсаживаются на владѣльческихъ земляхъ очень прочно, владѣлецъ достаточно аккуратно получаетъ арендную плату (частью деньгами, частью работой на мызномъ хозяйствѣ), земля же, постоянно удобряемая и подвергаемая болѣе или менѣе правильной обработкѣ, не только не превращается въ безплодную пустыню, но возвышается въ своей производительности и цѣнности. Послѣднее доказывается уже тѣмъ, что по окончаніи арендныхъ контрактовъ на такія земли новые контракты заключаются съ возвышеніемъ арендной платы и съ возвышеніемъ весьма замѣтнымъ — отъ 25 до 40 и даже до 50⁰/₀.

Ни одного изъ этихъ условій, подсказанныхъ обоюдными вы-

годами, а потому одинаково благоприятно вліяющихъ какъ на производительность земли, такъ и на благосостояніе проживающихъ на этой землѣ, не существуетъ для моихъ сосѣдей-крестьянъ, приобрѣвшихъ землю при помощи крестьянскаго банка. По теоріи, ихъ положеніе, какъ собственниковъ, гораздо благоприятнѣе по отношенію къ землѣ и по отношенію къ личному благосостоянію; въ дѣйствительности же получается явленіе какъ разъ противоположное. Почему же это такъ?

Думаю, что за отвѣтомъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ обратиться прежде всего къ самому положенію о крестьянскомъ банкѣ.

Отношенія заемщиковъ къ крестьянскому банку, какъ это ни странно, какъ это ни противорѣчитъ основной мысли законодателя, ничѣмъ не разнствууетъ отъ отношеній заемщиковъ къ частнымъ поземельнымъ банкамъ, — только въ отношенія первыхъ внесено еще болѣе казенщины, формализма. Многолѣтняя исторія земельныхъ банковъ и неблагоприятное вліяніе ихъ на развитіе отечественнаго земледѣлія прошли безслѣдно для составителей положенія о крестьянскомъ банкѣ. Государственная задача послѣдняго, его цѣли, не имѣющія ничего общаго съ коммерческими цѣлями частныхъ банковъ, не нашли себѣ отраженія въ Положеніи о крестьянскомъ банкѣ.

Вся дѣятельность крестьянскаго банка поглощается и исчерпывается двумя заботами: 1) чтобы не продорожить при выдачѣ ссудъ, и 2) чтобы не остаться въ убыткѣ при продажѣ имѣній. Исполнивши первую часть своей задачи, крестьянскій банкъ является лицомъ совершенно чуждымъ къ судьбамъ земли, оставшейся у него въ залогѣ, и къ судьбамъ лицъ, засѣвшихъ на этой землѣ. Напоминая о своемъ существованіи срочными повѣстками „о бездонмочномъ поступленіи платежей“, крестьянскій банкъ является лицомъ къ лицу съ своими должниками только въ тотъ моментъ, когда ихъ, вмѣстѣ съ чадами и „животинками“, приходится гнать на безцѣльно-горемычное странствованіе по широкому лицу земли русской.

Между крестьянскимъ банкомъ и его должниками не существуетъ никакой, подсказываемой обоюдными выгодами, экономической или сельско-хозяйственной связи, или, лучше сказать, эта связь существуетъ въ самой несимпатичной формѣ, совершенно тождественной съ связью между кассой ссудъ и должникомъ, снесшимъ въ эту кассу свои вещи. Та живая, неразрывная нить, проходящая между землей и ея хозяиномъ, — нить, въ силу которой одна и та же земля въ различныхъ рукахъ или даже въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, но при различныхъ условіяхъ, можетъ

дойти или до высокой степени производительности. или превратиться въ бесплодную пустыню,—нить, на крѣпости которой одинаково держится благосостояніе или упадокъ хозяйства,—не вошла въ сферу дѣятельности и заботливости крестьянскаго банка. Крестьянинъ въ глазахъ банка—только должникъ; какъ справляется и что чинить этотъ должникъ съ залогомъ (съ землей): насаждаетъ ли онъ семирамидины сады, или превращаетъ землю въ Сахару,—это для банка безразлично.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что положеніе должниковъ крестьянскаго банка гораздо хуже положенія заемщиковъ земельныхъ банковъ,—хуже потому, что вся ссуда поступаетъ цѣликомъ продавцу земли, не оставляя въ рукахъ крестьянъ ни одного лишняго рубля, которымъ они могли бы обернуться на новомъ мѣстѣ. Мало того, всѣ предшествовавшія сбереженія, чаще всего выражающіяся въ крестьянскомъ быту нѣсколькими головами скота, обыкновенно распродаютъ и идутъ на покрытіе задатковъ, доплатъ и другихъ расходовъ связанныхъ съ покупкой земли. Такимъ образомъ, сельскія общества и товарищества, приобретающія земли при помощи крестьянскаго банка, являются на эти земли въ качествѣ хозяевъ совершенно обезсиленными и безпомощными, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакого оборотнаго капитала который давалъ бы возможность выдержать начальные, самые трудные, почти всегда бездоходные годы хозяйства.

И первое, что встрѣчаетъ ихъ въ такомъ положеніи — это срочное напоминаніе крестьянскаго банка „о бездомномъ погашеніи платежей“.

Какъ вывертываются новые хозяева изъ такого дѣйствительно сквернаго положенія, и какія послѣдствія для кормилицы-земли наступаютъ отъ этого вывертыванія — будетъ рассказано ниже.

Верстахъ въ трехъ отъ меня находится имѣніе Т—но; въ немъ до 750 хозяйственныхъ десятинъ. Въ это имѣніе когда-то, впрочемъ, не особенно давно, были убиты большія деньги—и убиты, надо правду сказать, самымъ безтолковымъ образомъ: не подготовивши земли, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одной лишней картофелины, выстроили тамъ огромный заводъ для выдѣлки крахмала изъ картофеля; заводъ, конечно, „не расцвѣвши—отцвѣлъ“, не выпустивъ изъ своихъ амбаровъ ни одного фунта крахмалу; выстроили еще такихъ же громадныхъ размѣровъ—одинъ каменный фундаментъ былъ вышиной сажени въ $2\frac{1}{2}$ —какую-то необыкновенную вѣтряно-паровую мельницу, съ такими хитрыми приспособ-

соблѣніями, что не нашлось ни мельника, ни механика, которые сѣумѣли бы пустить въ ходъ эти приспособленія; мельницу постигла, конечно, участь крахмального завода; ей ни разу не привелось взмахнуть своими огромными крыльями. Понявъ тщету этихъ затѣй, покойный владѣлецъ Т—но продалъ заводъ и мельницу съ ихъ амбарами на сносъ, желѣзо въ ломъ, т.-е. что стоило тысячи—за грошъ, и самъ, не хозяйничая въ имѣніи, наѣзжалъ только время отъ времени для его обозрѣнія съ высоты птичьяго полета. Главный арендаторъ тоже не хозяйничалъ въ Т—но, а сдавалъ имѣніе второму арендатору, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи штукъ 6—7 скота, но опять-таки мало хозяйничалъ, а сдавалъ земли частью сосѣднимъ крестьянамъ, частью „чухнамъ“ (этимъ общимъ именемъ крестьяне зовутъ пришельцевъ изъ прибалтійскихъ губерній, сами же они называютъ себя „эстонцами“, а нѣкоторые говорятъ не безъ гордости: „мы—нѣмцы“), четыре семьи которыхъ поселились въ мызныхъ строеніяхъ.

Понятно, что при такомъ ходѣ хозяйства на всемъ имѣніи лежала печать запущенія: чудная, столѣтняя аллея березъ, тянувшая версты на двѣ къ мызѣ, была вырублена и напоминала о себѣ только пеньками (арендаторъ пришелъ къ заключенію, что стѣсняемыя березами поля плохо родятъ); на мызномъ дворѣ валялись неприбранные груды щебня, досокъ, бревенъ и прочихъ остатковъ разобранныхъ завода и мельницы, пруды покрылись плесенью и осокой; на длинномъ скотномъ дворѣ, рассчитанномъ головъ на 150, уныло мычало десятокъ коровенокъ; на гумнѣ въ двѣ топки не хватало половицъ; вырванные желѣзные стѣнки птичника пошли на какое-то другое употребленіе; отъ нихъ висѣли только клочки; на лугахъ сильно пробивался лознякъ...

Но, не смотря на эту печать запустѣнія, Т—но, до его залога въ крестьянскій банкъ, все же представлялось имѣніемъ очень хорошимъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: однихъ естественныхъ луговъ, хотя и сильно засоренныхъ, требующихъ значительной расчистки, было достаточно, чтобы прокормить головъ 50 скота; лѣсу, частью строевого, частью дровяного—десятины 300; вблизи имѣнія проходить желѣзная дорога. Словомъ, Т—но ждало только умнаго хозяина, который, не мечтая о немедленномъ водвореніи на запустѣлыхъ поляхъ „интензивнаго“ хозяйства и о громадныхъ барышахъ, толково, не скупясь и не ширясь, рѣшилъ бы затратить порядочный капиталъ частью на исправленіе ветхихъ зданій, частью на расчистку засоренныхъ луговъ, а главное—на приобрѣтеніе соотвѣтствующаго силамъ имѣнія живого инвентаря. Должно сказать, что земля въ нашей

мѣстности безъ удобренія, и притомъ сильнаго, не родить ничего или, лучше сказать, родить въ самомъ скудномъ объемѣ, самъ-другъ, — при наиблагопріятнѣйшихъ климатическихъ условіяхъ самъ-четверть, а чаще всего — „на сѣмена не соберешь“. Исключеніе изъ этого правила составляютъ въ первые года „новыя мѣста“ — „сухі“ по мѣстному выраженію, т.-е. земля, только-что вышедшая изъ-подъ вырубленнаго лѣса. При подобныхъ условіяхъ, чтобы порядочно хозяйничать въ такомъ имѣніи какъ Т—но (750 десятинъ), засѣвая отъ 10 до 15 десятинъ въ полѣ, необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи отъ 50 до 75 головъ скота съ введеніемъ въ сѣвооборотъ травосѣянія, или, чтобы не ломать сразу уже установившуюся въ хозяйствѣ трехпольную систему, распахивать, и непремѣнно съ удобреніемъ, отдѣльныя пустоши (старо-пахатныя земли), съ подсѣвомъ на нихъ подъ первый же годъ травы, — и, исправивъ такимъ путемъ эти пустыни, перейти къ многополью.

Такова была сельскохозяйственная фізіономія Т—но въ моментъ его продажи.

Это самое Т—но и облюбовали черезъ своихъ ходяковъ мои настоящіе сосѣди. Вынувъ изъ кубышекъ свои небогатыя сбереженія и пополнивъ ихъ распродажей большей части скотины, крестьянское товарищество уплатило этими деньгами задатокъ и часть покупной цѣны, а за тѣмъ „за помощью“ обратилось въ „крестьянскую банку“.

Крестьянскій банкъ, согласуясь съ своимъ Положеніемъ, весьма рѣдко „когда сочтетъ нужнымъ“ осмотрѣть; а когда идетъ рѣчь о выдачѣ ссуды „по спеціальной оцѣнкѣ“, то хотя и производить осмотръ должствующихъ остаться въ его залогъ имѣній, но ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности документальной стороною дѣла, то-есть той стороною, которая не можетъ дать даже отдаленнаго понятія о достоинствахъ или недостаткахъ имѣнія. Для полученія крестьянами ссуды подъ покупаемое имѣніе требуется только представленія по установленной формѣ со стороны покупателя: 1) проектъ условія съ продавцомъ на приобрѣтеніе земель, „подписанный обѣими сторонами съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ онаго“ „и съ точнымъ означеніемъ: какіе крестьяне, въ какомъ количествѣ наличныхъ душъ или домохозяевъ и у кого приобрѣтаютъ землю, какой именно участокъ или имѣніе и въ какомъ количествѣ десятинъ, за какую цѣну и на какихъ другихъ условіяхъ“; 2) мірской приговоръ или, если покупается земля товариществомъ, „обязательство“ о взаимномъ ихъ другъ за друга ручательствѣ въ исправномъ взносѣ, въ установленные сроки, слѣдующихъ въ уплату ссуды платежей, и 3) поименную вы-

пись изъ посемейной книги „о числѣ всѣхъ наличныхъ мужского пола душъ“; со стороны же продавца имѣнія: 1) планъ спеціального межеванія, а гдѣ таковаго межеванія не произведено — частный межевой планъ; 2) окладной листъ о причитающихся съ имѣнія сборахъ, и 3) подписку о несуществованіи на имѣніи аренднаго договора.

Всѣ эти документы были „выправлены“ моими сосѣдами (пришедшими изъ сосѣдней губерніи) въ полной исправности, а потому къ выдачѣ ссуды препятствій не встрѣтилось.

Я долженъ сказать, что Т—но куплено крестьянами дѣйствительно очень дешево: десятина обошлась имъ менѣе 20 рублей, но тѣмъ не менѣе, если бы въ сферу дѣятельности крестьянскаго банка, кромѣ разсмотрѣнія документовъ, „надлежащимъ порядкомъ засвидѣтельствованныхъ“, входило и предложеніе покупателямъ нѣкоторыхъ вопросовъ, самыхъ простыхъ, подсказываемыхъ жизнью, то, пожалуй, крестьянамъ и не пришлось бы быть моими сосѣдами.

Эти вопросы могли бы быть, по моему разумѣнію, формулированы хотя бы въ такомъ видѣ:—Хорошо, крестьянскій банкъ разрѣшить ссуду; но съ этой ссуды и погашенія причитается получить съ каждой семьи столько-то (до 60 р.); кромѣ того, съ каждой семьи причитается земскихъ, государственныхъ и иныхъ повинностей столько-то. Всѣ эти платежи требуются и потребуются строго почти немедленно по водвореніи на новомъ хозяйствѣ. Въ Т—но не черноземъ, который только паши, но подзолъ, ничего безъ удобренія не родящій. Вы приводите съ собой на новое хозяйство въ среднемъ числѣ по 3 головы скотины на семью; съ этимъ количествомъ скота можно обработать, и то самымъ севернымъ образомъ, самое большее 2 десятины въ полѣ. Васъ во всѣхъ семьяхъ столько-то ѣдоковъ, на каждого взрослого ѣдова потребуется одного только хлѣба 18 пудовъ въ годъ. Принимая во вниманіе, что средній урожай мѣстности новаго поселенія при томъ количествѣ навоза, который вы въ состояніи дать землѣ, не болѣе какъ самъ-четверть, — вы едва-едва, съ грѣхомъ пополамъ, въ состояніи будете прокормить себя и свои семьи до новыхъ хлѣбовъ. Укажите же источники, изъ которыхъ вы будете черпать средства, чтобы, кромѣ платежа лежащихъ на васъ государственныхъ и земскихъ повинностей, вносить еще крестьянскому банку его проценты и платежи?

Такого рода „точные“ вопросы требуютъ, для утвержденія въ состоятельности отвѣчающаго, такихъ же „точныхъ“ (крестьяне отлично знаютъ свою ариметику), основанныхъ на циф-

рахъ отвѣтовъ, которые — сомнительно, чтобы нашлись у моихъ сосѣдей.

Во всякомъ случаѣ на такіе вопросы, предложенные съ моей стороны, мои сосѣди отвѣчали фразами, въ которыхъ менѣе всего звучало хозяйственного, основаннаго на твердомъ разчетѣ, убѣжденіи: „какъ-нибудь сладимся“, „авось, Богъ дастъ“ и т. под.

Вѣроятно, и крестьянскій банкъ ничего иного не услышалъ бы...

Но къ счастью или несчастью крестьянскій банкъ, довольствуясь „засвидѣтельствованными документами“, никакихъ вопросовъ своимъ должникамъ не предлагаетъ, отвѣтовъ на нихъ не ждетъ, а потому новые люди, на зависть крестьянъ („гляди-ка, какую уйму земли захватили!“), сѣли при помощи „банки“ хозяйничать въ Т—но.

Во время посѣщеній моихъ новыхъ сосѣдей я замѣтилъ въ ихъ обиходѣ и въ нихъ самихъ одну характерную черту, — черту, которую не сглаживало время.

Въ нашей мѣстности коренные крестьяне живутъ (въ большинствѣ) бѣдно, цивилизація въ ихъ избы заглядываетъ, не смотря на близость желѣзной дороги и шестичасовое разстояніе отъ Петербурга, туго; главными носителями этой цивилизаціи являются „парни“, отбывающіе или отбывшіе воинскую повинность. Никакихъ отхожихъ промысловъ здѣсь не существуетъ; фабрикъ и заводовъ — тоже. Лѣтомъ крестьяне сидятъ на землѣ, зимой идутъ въ лѣсъ на пилку и рубку; изъ 20 крестьянъ не встрѣтишь и одного, который побывалъ бы въ Петербургѣ. Деревни небольшія: дворовъ въ 8, 10, много-много 20; свученности между деревнями нѣтъ, не то что въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ зачастую одна деревня кончается тамъ, гдѣ начинается другая.

Въ силу этихъ мѣстныхъ условій деревня успѣла еще во многомъ сохранить свой цѣльный отпечатокъ. Для здѣшняго мужика весь міръ ограничивается его околицей, Гаврилой, Кузьмой, Петрухой; въ этой тѣсной рамкѣ сосредоточены всѣ его интересы, радости, горе. Пришелъ сюда мужикъ давно, „старикъ не упоминать“, и сознаетъ, что съ этого крѣпко насиженнаго мѣста его не вышибутъ никакіе вѣтры. Отсюда — особенная любовь, пожалуй, своего рода патріотизмъ именно „своей“ околицы. Если послушать мужика изъ какой-нибудь Горушки, гдѣ всего-на-все 8 почернѣлыхъ, всплошную прижавшихся избъ, такъ можно подумать, что въ этой самой Горушкѣ чуть не сосредоточіе міра и всѣхъ его прелестей. „Наши косари всѣмъ косарямъ краса“... „Гдѣ-ста бабоевскимъ дѣвкамъ супротивъ нашихъ

жать "... „Разъ лаптевскіе мужики тебѣ такъ заорутъ“ и т. под. Словомъ, пройди свѣтъ, а другой такой же Горюшки не встрѣтишь. Послушаешь лаптевскаго мужика, та же исторія: „мы-ста!“ „да у насъ-ста!“ . Пословица: „всякъ куликъ свое болото хвалить“ — у насъ въ большомъ ходу. Эта любовь кулика къ своему болоту, кромѣ похвалы, выражается иногда и въ очень трогательной формѣ. Такъ, въ прошломъ великомъ посту выгорѣла до тла деревня Жадобинье; одинъ изъ „стариковъ“ („старикъ“ не отождествляется со старостью, это только домохозяинъ, тоже, что и „мужикъ“) этой деревни, нѣсколько разъ выбираемый въ старосты, былъ до того пораженъ общимъ горемъ, что бросался (буквально) прямо въ огонь спасать свой и чужой убогій скарбъ. Напрасно старались его удерживать, онъ вырывался и съ крикомъ: „мое Жадобинье горитъ—жить не хочу!“ — снова кидался въ огонь. Мужикъ сдержалъ свое слово: его Жадобинье сгорѣло, а онъ на третій день, тоже весь обгорѣлый, отдалъ Богу душу.

Повторяю, крестьяне въ общемъ живутъ довольно бѣдно, но эта бѣдность, особенно въ избахъ, гдѣ есть мало-мальски старательная „хозяйка“, не помѣха къ извѣстной домовитости, приборчивости. Чтобы войти въ избу, надо беречь лобъ—иначе какъ разъ стукнешься о притолоку; но въ этой избѣ скарбъ не валяется беспорядочными кучами; горшки на мѣстѣ, полъ выметенъ. Въ субботу и говорить нечего: все прибрано, ребятишки вымыты въ банѣ, передъ почернѣлой божницей нерѣдко теплится лампада.

Я остановился передъ этими чертами мѣстнаго населенія, чтобы сказать, что вотъ именно ихъ-то, этихъ-то чертъ я и не замѣчалъ въ жизни моихъ новыхъ сосѣдей.

Все ихъ житіе напоминаетъ не крестьянскій обиходъ, гдѣ каждая мелочь говоритъ, что хозяинъ засѣлъ крѣпко на мѣстѣ, какъ коренастый дубъ: здѣсь-молъ дѣтей выращу, здѣсь и помру!— а скорѣе лагерь, цыганскій таборъ. Сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Такого характера табора я не встрѣчалъ ни въ одной „чухонской“ избѣ, только-что срубленной въ непролазной трущобѣ. Не смотря на то, что прошло года три со дня водворенія, бабы все еще не успѣли разобратъся въ общемъ хламѣ, со сруей, веревками, армяками, валявшимися по всѣмъ угламъ; тряпицы, которыя еще при старомъ владѣльцѣ Т—но замѣняли разбитыя стекла, остались на прежнихъ мѣстахъ; зіяющія щели скотнаго двора зіяли по-прежнему, и по-прежнему не хватало половицъ на гумнѣ... Словомъ, видно, что ничья заботливо-хозяйская рука не прикладывалась къ новому жилищу. Ни въ комъ и ни въ чемъ не сказывалась прочность, устойчивость положенія; каждый жилъ

сегодняшнимъ днемъ, озираясь по сторонамъ, на чеку, ожидая чего-то—и чего-то съвернаго.

При такихъ условіяхъ о любви къ новому мѣсту не могло быть и рѣчи: почвы не находилось, чтобы взошло и уврѣпилось это благодатное зерно. Молодежь изъ моихъ новыхъ сосѣдей щеголяла, бахвалилась какимъ-то страннымъ, нехорошимъ космополитизмомъ. Отъ своихъ отстала, къ чужимъ не пристала. „Намъ все едино, гдѣ ни жить“. Что же касается до „мужиковъ“, то, повидимому, всѣ ихъ симпатіи были не здѣсь, но скоронены тамъ, на покинутомъ пепелищѣ. „Какая здѣшняя сторона! вотъ наша-то сторона!“... „Разъ это порядокъ, какъ печи здѣсь кладутъ! вотъ у насъ кладутъ!“... „Въ нашихъ мѣстахъ на одѣръ (телѣга) цѣлый домъ вали, а здѣшняя—только слово, что телѣга...“ и т. д. Слово, обѣтованная земля моихъ сосѣдей осталась тамъ, позади, сюда же загнала неволя, нужда.

— Чего вы, мужики, плохо у насъ обсаживаетесь?

— Обсадишься въ вашей сторонѣ! Ты гляди-ка, что изъ „банки“ намъ пишутъ!

Зная очень хорошо Т—но и сельскохозяйственные силы моихъ новыхъ сосѣдей (не хватало полныхъ трехъ головъ скотины на семью), я, конечно, ничего хорошаго не предвидѣлъ ни для земли, ни для нихъ самихъ; но меня тѣмъ не менѣе поразилъ слѣдующій фактъ.

Вслѣдствіе незначительности населенія и отсутствія пришлаго люда у насъ очень трудно добыть рабочихъ въ „горячую пору“. До Иванова дня поденщиковъ много; послѣ же Иванова дня приходится довольствоваться своими рабочими и только тѣми изъ крестьянъ, которые взяли деньги „подъ работу“ съ зимы или весны. Много-много, если придутъ еще „парни“ изъ ближайшей деревни, т.-е. той деревни, которая говоритъ про васъ: „это — нашъ баринъ“. На зовъ работать крестьяне весьма резонно отвѣчаютъ: „своей работой не обернешься, гдѣ въ чужие люди идти“. Вотъ именно въ такую-то горячую пору, безъ всякаго зова съ моей стороны, явились ко мнѣ на „поденщину“ (поденщина у насъ оплачивается въ обыкновенное лѣтнее время 60 к., въ сѣнокосъ—70 к., бабья 35 к., въ жнитво—40 к.) новые сосѣди, полные владѣльцы собственныхъ чуть не ста десятинъ на семью. Конечно, было отчего придти въ недоумѣніе, и я высказалъ его.

— До новыхъ хлѣбовъ кормиться нечѣмъ.

— Но кромѣ того, что кормиться, вамъ надо платить банку; какъ вы съ нимъ-то справитесь?

На это „парни“—неженатая молодежь, довольно беззаботно отвѣчали: „это дѣло стариковъ,—они брали, они и возись“; старики же, безнадежно почесывая въ затылкахъ, отдѣлывались фразами, ровно ничего не выражающими: „какъ нибудь“, „авось“, „можетъ, и собьемся“.

— Собьемся! Да чѣмъ собьетесь-то? Платить надо деньгами, а не щепками; поденщиной много по здѣшнимъ мѣстамъ не зарабатываешь. Насъ, хозяевъ, здѣсь—первой, другой, да и обчелся.

— Гдѣ ужъ заработать!..

— Хлѣбомъ что-ли уплатите?

— Хлѣбушка самимъ не хватить.

— Или скотину будете продавать?

— Скотину, самъ знаешь, какъ можно продавать; безъ нея зарѣзъ, съ дѣтьми по міру иди.

— Такъ чѣмъ же справитесь, старики?

— Богъ не безъ милости, какъ-нибудь.

И дѣйствительно на этотъ разъ Богъ оказался „не безъ милости“. Возлагаемая на него надежда оправдалась.

Въ Т—но, какъ я сказалъ выше, росъ до залога въ крестьянскомъ банкѣ очень хорошій дровяной и строевой лѣсъ. За этотъ лѣсъ, какъ за якорь спасенія, долженствовавшій удержать корабль на новомъ мѣстѣ, схватились на второй же годъ своего водворенія мои сосѣди и обратились въ крестьянскій банкъ съ просьбой разрѣшить имъ продать лѣсъ на срубъ.

Конечно, ничего нельзя было бы сказать противъ лѣсной эксплуатаціи, если бы крестьянскій банкъ, заботясь о достоинствѣ залога, выказалъ болѣе дальновидности, чѣмъ мои сосѣди, и обставилъ продажу извѣстными ограниченіями, какъ напр., весь лѣсъ долженъ быть раздѣленъ на извѣстное число участковъ (по мѣстному росту, по крайней мѣрѣ, дровяного лѣса); на каждомъ участкѣ должно оставаться извѣстное число деревьевъ для обсемененія; деревья менѣе 2¹/₂ вершковъ не подлежатъ вырубкѣ; вырубленная лѣсная площадь убирается въ зиму же рубки отъ заваловъ и т. д.

Въ нашей мѣстности лѣсныя цѣны быстро идутъ въ гору: сосновое бревно, стоившее десять лѣтъ тому назадъ 50 коп., не купишь въ настоящее время за девяносто коп.; требованія на дрова со стороны желѣзной дороги постоянны. Мои сосѣди могли произвести всю рубку (по участкамъ) и возку своими средствами, не прибѣгая къ найму постороннихъ рабочихъ, такъ какъ вся

лѣсная операція приходится зимой. Такимъ образомъ, обставленная извѣстными ограниченіями, лѣсная операція: 1) дала бы возможность моимъ сосѣдямъ достаточно исправно вносить въ „банку“ проценты и погашеніе; 2) сохраняла бы главнѣйшую цѣнность имѣнія, и 3) не шла бы въ разрѣзъ съ сельско-хозяйственными интересами моихъ сосѣдей.

Но забота о достоинствѣ залога не входитъ въ кругъ обязанности крестьянскаго банка, а потому,—и руководствуясь, вѣроятно, удивительной по своему содержанію 46 ст. дополнительныхъ правилъ оцѣнки земель, въ силу которой цѣнятся только земля подъ лѣсомъ, но „не принимается во вниманіе цѣна лѣсного матеріала“,—крестьянскій банкъ внялъ мольбамъ моихъ сосѣдей и разрѣшилъ имъ произвести сплошную вырубку лѣса. Въ свою пользу банкъ выговорилъ одно только условіе, а именно, чтобы всѣ покупныя деньги за лѣсъ были внесены въ погашеніе процентовъ и капитальнаго долга.

Совершивъ такую блестящую операцію (кромѣ уплаты недоимокъ, банковскій долгъ уменьшился сразу болѣе чѣмъ на половину), мои сосѣди вздохнули свободнѣе; вѣроятно, гораздо свободнѣе вздохнулъ и крестьянскій банкъ, отдѣлавшись на этотъ разъ такъ скоро и такъ дешево отъ насѣдающихъ на него со всѣхъ сторонъ горемычныхъ должниковъ.

За покупщикомъ лѣса на срубъ, конечно, дѣло у моихъ сосѣдей не стало; эти покупщики ждутъ и налетаютъ со всѣхъ сторонъ, какъ воробьи на падаль; подъ ихъ неумолимой работой лѣса въ нашей мѣстности исчезаютъ съ ужасающей быстротой; тамъ, гдѣ не болѣе десяти лѣтъ красовались дремучія дубравы, „раменье“, по мѣстному выраженію, нынѣ таятся безотрадныя пустыни, сплошь затканныя мелкимъ верескомъ, съ печально выглядывающими изъ него пеньками.

Смахнувъ лѣсъ и сдѣлавъ, такимъ образомъ, съ благословенія своей „банки“ первый и столь рѣшительный шагъ къ будущей голодовкѣ, мои новые сосѣди тѣмъ не менѣе вздохнули на первыхъ порахъ настолько свободно, что ни одинъ изъ нихъ не пришелъ ко мнѣ въ поденщину. Спрашиваю у другихъ сосѣдей мужиковъ:—разбогатѣли что-ли т—нцы?—Смѣются.

— Десятое ведро пьютъ.

— Съ какой радости? Иванъ Постный (нашъ мѣстный праздникъ) давно прошелъ.

— Землю пропциваютъ.

— Городишь, не зная что! Какую землю пропивают?
 — Сукѣ сдаютъ.
 — Изъ „пятины“?
 — Изъ „пятины“: „жердь“ — наше, „березнюга“ — пополамъ.
 — Ты взялъ?
 — Какъ же, четверть снесъ, десятину взялъ. Разговаривать раньше не хотятъ: ставъ на столъ четверть.

— Сколько сдали?

— Сорокъ десятинъ (мужикъ перечислилъ имена съемщиковъ), да сами ладятъ по десятинѣ на домъ. Теперь у т — нцевъ по два праздника будетъ: на Миколу (они нашего Ивана Поставного не признаютъ) да на сукѣ. И намъ съ ними сподручнѣе, „лядинъ“ у нихъ много; распахивай только да носи четверти.

Я долженъ сказать, что „пятина“ — это по нашимъ мѣстамъ самая страшная, самая губительная система хозяйства. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ нашей мѣстности преобладаютъ подзолистыя земли, требующія очень сильнаго удобренія. Лучшими землями считаются земли, вышедшія изъ-подъ только-что вырубленнаго лѣса, за исключеніемъ, конечно, „боровыхъ“ мѣстъ. Это вполне естественно: лѣсъ держитъ влагу, въ лѣсу накапливается слой перегноя. Правда, первая обработка такой земли очень трудна, — приходится распахивать цѣлину и притомъ между пнями, — но зато такая земля безъ навоза даетъ отъ самъ-шестъ до самъ-восемь и даже, впрочемъ рѣдко, до самъ-десять и болѣе. Вся предшествовавшая пахатѣ обработка заключается въ томъ, что оставшіяся за уничтоженіемъ капитальнаго лѣса лѣсокъ осенью рубятся и, вмѣстѣ съ сукѣми отъ ранѣе вырубленнаго лѣса, складывается на полосахъ въ кучи, которыя весной, передъ пахатой, сжигаются. Отсюда мѣстные выраженія: „сдавать сукѣ“, „орать въ сукѣхъ“.

Эти „сукѣ“ обыкновенно (другихъ условій я, по крайней мѣрѣ, не знаю) сдаются изъ „пятины“, то-есть собственнику земли уплачивается не деньгами, но хлѣбомъ изъ такого расчета: четыре снопа беретъ за свой трудъ и сѣмена съемщикъ, пятый же снопъ получаетъ собственникъ, какъ арендную плату за землю. Этотъ пятый снопъ съемщикъ обязанъ привезти на гумно собственника, а иногда въ этой обязанности присовокупляется и обязанность обмотить условленный снопъ. Къ этимъ главнымъ условіямъ присоединяются иногда побочныя, какъ напр., кому и въ какихъ частяхъ должно принадлежать „жердь“, т.-е. селовый лѣсъ, за тонявой (отъ 1 до 2 вершковъ) не пошедшій на дрова.

„Сукѣ“ „изъ пятины“ сдаются на три хлѣба, чаще всего въ

такомъ порядкѣ: озимъ, яровое и опять яровое; рѣже: озимъ, яровое и опять озимъ.

На прописанныхъ выше условіяхъ сдали „сухѣ“ въ количествѣ 40 д. сразу мои новые сосѣди, съ присовокупленіемъ въ этиѣ условіяхъ по $\frac{1}{4}$ ведра воды за десятину, въ качествѣ магарыча.

Первая блестящая операція моихъ сосѣдей (продажа лѣса на срубъ) уменьшила банковскій долгъ болѣе чѣмъ на половину; вторая, не менѣе блестящая, сдѣлала ихъ положеніе еще болѣе завиднымъ: не говоря уже о 10 ведрахъ воды, они, не прикладывая рукъ, даже при урожаѣ самъ-пять получаютъ въ первый годъ на кругъ 50 кулей, или въ частности на каждую семью по $5\frac{5}{9}$ куля, что даже при низкой цѣнѣ на хлѣбъ дастъ имъ возможность спокойно выжидать приглашенія „банки“ — озаботиться „безоимочнымъ и своевременнымъ погашеніемъ слѣдующихъ съ васъ платежей“.

Второй годъ, хоть и не столько, но все же дастъ что-нибудь; остается еще третій, да въ запасъ цѣлая площадь нетронутыхъ „суховъ“.

Охотниковъ брать „сухѣ“ на вышеуказанныхъ условіяхъ въ нашихъ мѣстахъ, за крестьянскимъ малоземельемъ, не оберешься, — стоитъ только не лѣниться продавать на срубъ лѣса и въ качествѣ собственника считать на гумнѣ привезенную „пятину“.

Но при этомъ слѣдуетъ оговориться: собственникъ, введеній „пятину“, подписываетъ смертный приговоръ своему имѣнію.

Послѣ сплошной рубки лѣса и такого пользованія земель, какъ „пятина“, происходитъ слѣдующая исторія.

Подъ „пятину“ разрабатываются только плоскогорья и ровныя площади, „боровныя“ же мѣста и „низины“ крестьяне (я говорю только о нашихъ мѣстахъ; такъ ли дѣлается въ другихъ, — не знаю) обходятъ: первыя потому, что даже съ удобреніемъ хлѣбъ на нихъ не родится; боровныя мѣста, какъ выражаются крестьяне, „жрутъ навозъ“ — и жрутъ, прибавимъ, безъ всякаго толку; на „низинахъ“ не сѣютъ потому, что зерно „вымокаетъ“, „вымерзаетъ“. Замѣчу, что предубѣжденіе крестьянъ противъ „низинъ“ не всегда справедливо; послѣ осушки „низинъ“ банками, если только берега низинъ не слишкомъ круты и близки, получается очень хорошій урожай, въ особенности — ячменя.

Правильно, съ достаточнымъ удобреніемъ, разработанныя мѣста изъ-подъ лѣса считаются лучшими пашнями, но такъ какъ при

разработкѣ „пятиной“ землѣ не дается ни одной соломенки, то съ ней совершается такое видоизмѣненіе. На плоскогорьяхъ и равнинахъ, вышедшихъ изъ-подъ лѣса, слой чернозема и вообще питательныхъ веществъ настолько тонокъ, что его и то съ грѣхомъ пополамъ хватаетъ на три хлѣба; третій хлѣбъ—я говорю объ обыкновенныхъ климатическихъ условіяхъ—больше самъ-четверть, самъ-пять уже не даетъ, будь это ярица или озимь. Выдержавъ три хлѣба, земля истощаетъ свою питательность и вслѣдствіе ежегодно повторявшейся распашки становится твердой, какъ камень. Уплотненіе земли и отсутствіе взятыхъ предшествовавшими посѣвами растительныхъ и животныхъ частицъ,—что сообщало почвѣ извѣстную долю губчатости, ноздреватости,—препятствуетъ всасыванію необходимаго для травяной растительности количества влаги. Въ силу всего этого, земля въ теченіе трехъ, четырехъ лѣтъ, послѣ предъидущихъ посѣвовъ, остается совершенно бурой, почти безъ всякихъ признаковъ растительности, а затѣмъ въ послѣдующіе годы начинаетъ заволакиваться самымъ опаснымъ врагомъ: тонкимъ, въ $\frac{1}{2}$ вершка, не болѣе, но удивительно плотнымъ слоемъ мха. Травяное сѣмя, случайно занесенное вѣтромъ, или попадаетъ не на землю, а на этотъ слой, или, попадая на землю, заглушается въ своемъ первоначальномъ развитіи тѣмъ же мхомъ, весьма быстро распространяющимъ свои владѣнія въ ущербъ всякой иной растительности.

Такимъ образомъ проходитъ лѣтъ десять, прежде чѣмъ на „пятинахъ“ покажутся жестыя, рѣдкія травы (муравы на нихъ никогда не бываетъ), настолько непригодныя въ хозяйствѣ, что ихъ обходитъ даже крестьянская, не избалованная кормами, корова, да начнетъ пробиваться кой-гдѣ чахлый ольшнякъ или соснякъ.

Итакъ, мои новые сосѣди, въ первые годы своего водворенія, успѣли весьма замѣтно измѣнить сельскохозяйственную фیزیономію имѣнія: она увеличила площадь для будущей голодовки на 50 десятинъ.

Но это далеко еще не все.

Въ числѣ проданнаго моими сосѣдами на срубъ лѣса находился соснякъ, растущій, какъ сказано, на боровыхъ мѣстахъ.

Здѣсь, на боровыхъ мѣстахъ, послѣ рубки лѣса (сосновые пни извлекаются изъ земли, они идутъ „на смоле“) картина оскудѣнія, запущенія и голодовки является еще болѣе безотрадной, чѣмъ предъидущая. Какъ бы ни была истощена и скудна почва, вышедшая изъ-подъ пятины, но все же лѣтъ черезъ пять, шесть, семь—тамъ и сямъ начинается сквозь мохъ пробиваться

и зеленѣть травка, кой-гдѣ покажется кудрявая березка; въ хозяйственномъ отношеніи это мѣсто на долго погибшее, но все же мѣсто живущее, борющееся: вы можете ждать, что лѣтъ черезъ пятнадцать березнякъ и ольшнякъ скроютъ изъ глазъ обездоленную пустыню. Не то на боровыхъ мѣстахъ. Въ силу своей песчаности и полнѣйшей бесплодности, это—сама смерть, мертвечина. Въ первые же годы послѣ рубки боръ покрывается сплошной стѣной (отъ $\frac{1}{2}$ до 1 аршина въ вышину) кустарниковиднаго, безлиснаго вереска, любимаго мѣстопребыванія змѣй („гадѣ любить здѣсь на солнышѣ грѣться“, утверждаютъ крестьяне), и съ теченіемъ времени эта стѣна только уплотняется, но не измѣняетъ своего характера: никакая трава черезъ нее пробиться не въ состояніи. Даже въ іюлѣ, когда верескъ покрывается лиловатыми, лишенными запаха, цвѣточками, эта Богомъ проклятая пустыня носитъ на себѣ все тотъ же отпечатокъ смерти. Въ жары и бездожде мѣста эти представляютъ для каждаго хозяина вѣчный источникъ тревожныхъ думъ и заботъ: храни Господь, если искра попадетъ! Благодаря вереску, огонь сразу охватываетъ огромныя пространства.

Но и здѣсь еще не кончается приготовленная моими сосѣдями площадь для голодовки.

Вся наша мѣстность представляется значительно волнистой (отсюда часто встрѣчающіяся названія деревень: различныя Горени, Горушки, Загоры), такъ что „низины“ занимаютъ около $\frac{1}{5}$ части всего пространства. Эти низины, какъ сказано выше, не распахиваются подъ пашину, потому что хлѣбъ „вымокаетъ“, „вымерзаетъ“. На низинахъ накопившійся слой чернозема, не только не смываемый, но постоянно приносимый съ плоскогорій, гораздо толще, чѣмъ на ровныхъ площадяхъ или возвышенностяхъ, а потому и благодаря также достаточной влажности, лѣсная растительность здѣсь самая могучая, травы же отличаются сочностью, мягкостью и душистостью. Въ іюлѣ, тамъ гдѣ лѣса расчищены отъ мелкоты, эти низины представляютъ чудный коверъ, весь затканый разнообразными цвѣтами: дикимъ гіацинтомъ, бельдежурами, ландышами, незабудками, фіалками, иванъ-да-марьями, земляникой.

Вотъ на этихъ-то благодатныхъ низинахъ природа мститъ расхитителямъ ея богатствъ инымъ, но не менѣе страшнымъ орудіемъ, чѣмъ на боровыхъ мѣстахъ.

Должно сказать, что рубка лѣса производится у насъ самымъ возмутительнымъ, самымъ варварскимъ образомъ; она напоминаетъ собой не эксплуатацію земельныхъ богатствъ; но какую-то разбойничью потѣху. Трудно представить картину болѣе мерзостнаго

издѣвательства надъ природой. Свалиять лѣсного гиганта вершковъ 12, 15 въ отрубѣ, а потомъ увидать, что гигантъ съ кривизной, на бревно не годится, и бросать его тутъ же на мѣстѣ, какъ есть со всѣми сучьями, гнить до свончанія вѣка; пройдешь нѣсколько шаговъ—опять натыкаешься на такого же гиганта: этого свалили, но не успѣли вывезти саннымъ путемъ, а потомъ о существованіи его забыли; рядомъ съ ними валяются „вершинники“, нерѣдко представляющіе 4-хъ-вершевыя бревна; далѣе, поляны („саженки“) дровъ, сбитыя вѣтромъ, и тутъ же рядомъ гниютъ груды сучьевъ, щепья, или новый гигантъ, вмѣстѣ съ громаднѣйшимъ корнемъ, вырванный изъ земли буреломомъ. Словомъ, въ срубленный лѣсъходишь точно въ жилище, только что выдержавшее разбойничье нападеніе: вездѣ царятъ хаосъ, смерть, разрушенія необузданныя, безжалостныя, никому ненужныя...

Во время роста лѣса на низахъ, вся влага, образующаяся отъ снѣговъ, дождей, стекающая съ болѣе высокихъ мѣстъ, или всасывается землей, или идетъ далѣе на потребу полей, граничащихъ съ низиной. Послѣ рубки лѣса каждый сваленный гигантъ, каждый сукъ, каждое неприбранное полѣно, мѣшая почвѣ впитывать влагу, въ то же время, не взирая на величину угла уклона, образуетъ естественную плотину, задерживающую дальнѣйшее движеніе воды. Вслѣдствіе этого и естественнаго охлажденія почвы отъ избытка водъ, эти благодатныя низины, гдѣ, помимо хозяйственныхъ соображеній (лучшія пастбища и при малой расчисткѣ отъ мелколѣся—лучшіе луга), все такъ радовало глазъ и слухъ, въ первый же годъ вырубки рѣзко измѣняютъ свой характеръ: вся земля, каждое бревно, каждый сукъ покрывается жирно водянистымъ мхомъ, растущимъ съ удивительной быстротой, не по днямъ, а по часамъ, такъ что черезъ годъ, много черезъ два, мохъ этотъ, плотный какъ тюфякъ, достигаетъ до аршина вышины, и изъ-подъ него, при каждомъ шагѣ, въ обиліи выступаетъ изъ-подъ ногъ вода. Проходитъ еще года два и изъ сердце радовавшей низины образуется уже, въ силу дальнѣйшаго застоя воды и роста мха, непролазнѣйшее болото, издали дающее знать о своемъ существованіи специфическимъ запахомъ разлагающагося трупa.

Итакъ, въ первые три года водворенія сельско-хозяйственная исторія моихъ сосѣдей обогатилась слѣдующими фактами: съ благословенія „банки“ они свалили лѣсъ, обездолили въ концѣ

50 десятинъ земли, превратили отличный боръ въ сыпучіе пески и низины въ непроходимыя болота.

Но на этомъ первомъ опытѣ превращенія удобныхъ земель въ голодныя пустыни сельскохозяйственная исторія моихъ сосѣдей не остановится и не можетъ остановиться; въ силу естественныхъ условій мѣстности, она должна идти все въ томъ же разрушительномъ направленіи. Разъ попавъ въ заколдованный кругъ хищничества, мои сосѣди уже не въ силахъ выбиться изъ него; напротивъ, этотъ кругъ будетъ только тѣснѣе замыкаться около нихъ.

Вся тайна развитія и процвѣтанія сельскаго хозяйства заключается въ гармоническомъ соотношеніи между земледѣліемъ и скотоводствомъ; прочное, исключющее вліяніе случайныхъ причинъ, развитіе одного — невозможно, немыслимо, безъ развитія другого; непремѣннымъ послѣдствіемъ нарушенія этого гармоническаго соотношенія между двумя отраслями сельскаго хозяйства является оскудѣніе земли. Этотъ законъ соотношенія одинаково примѣнимъ какъ для всей области сельскаго хозяйства, такъ и для каждаго частнаго хозяйства, какъ бы ничтожно ни было оно по своимъ размѣрамъ.

Погубивъ лѣсъ, мои сосѣди мало того, что уничтожили естественное хранилище необходимой для полей влаги и такую же естественную преграду вѣтрамъ, сдувающимъ въ бездождливыя осень и весну съ вспаханныхъ полей верхній, самый плодородный слой земли, т.-е. сразу понизили процентъ плодородія, — но вмѣстѣ съ тѣмъ они лишили себя возможности увеличить количество столь необходимаго для ихъ хозяйства скота. Лѣса, за исключеніемъ сосновыхъ, считались и считаются у насъ лучшими пастбищами; по вырубленному же лѣсу, благодаря заваламъ, скотина гулять и прискивать себѣ кормъ не въ состояніи; какъ пастбище, все пространство подъ вырубленнымъ лѣсомъ должно быть исключено изъ сельско-хозяйственнаго плана. Слѣдовательно, отнынѣ мои сосѣди должны довольствоваться въ качествѣ пастбища только „третьимъ полемъ“ съ его низкорослой, жесткой травой, да обрывками луговины, входящими въ составъ этого „третьяго поля“, то-есть довольствоваться такимъ скуднымъ пастбищемъ, которое уже само по себѣ кладетъ предѣлъ дальнѣйшему росту и развитію скотоводства.

Впрочемъ, уменьшивъ залоговую сумму и отдаливъ публичную продажу имѣнія, мои сосѣди и не прибавили ни одной лишней головы въ своемъ сельскохозяйственномъ инвентарѣ. Вырубкой лѣса и „пятиной“ только на время удалилась гроза, но

банкъ еще въ теченіе 30 лѣтъ будетъ приглашать моихъ сосѣдей къ заботливости „къ безденежному платежу 0/0 и погашенію ссуды“; что же имъ, едва имѣющимъ возможность прокормиться собственными средствами, остается дѣлать, въ этотъ длинный срокъ напоминаній, съ огромной площадью пустующихъ земель?

При отсутствіи для обработки земли собственныхъ средствъ (посредственныхъ или непосредственныхъ) эта обработка производится только двоякимъ способомъ: 1) отдачей земли въ аренду (обыкновенно краткосрочную) сосѣднимъ крестьянамъ, сидящимъ на собственномъ хозяйствѣ, и 2) постояннымъ заселеніемъ земли въ качествѣ арендаторовъ (болѣе или менѣе продолжительная аренда) людьми пришлыми, со стороны, оставившими собственное хозяйство. Для первыхъ—аренда только добавленіе, подспорье; вторые отдаютъ арендуемой отъ владѣльца землѣ всѣ свои сельскохозяйственные силы.

Но въ нашей мѣстности крестьяне, сидящіе на собственномъ хозяйствѣ, не берутъ въ аренду (исключая новинъ и суковъ) старопахатныхъ земель и пустошей на самыхъ льготныхъ условіяхъ, и они въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ вполне правильно. Наличность скота въ каждомъ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ настолько невелика, что удобренія, получаемого отъ этого скота, и притомъ удобренія скуднаго, едва хватаетъ на собственные полосы, такъ что продавать навозъ или вывозить его на чужую землю не рѣшится самый захудалый, пропащій крестьянинъ; арендовать же старопахатныя земли и пустоши, не давая землѣ удобренія, настолько операція рискованная, что на нее не находитъ охотниковъ въ нашей мѣстности.

Такимъ образомъ, этотъ способъ штопанья прорѣхъ въ бюджетѣ, т.-е. отдача пустующихъ земель (кромѣ „суковъ“) сосѣднимъ крестьянамъ—неисполнимъ для моихъ сосѣдей.

Въ началѣ статьи я упомянулъ объ эмиграціи въ нашу мѣстность прибалтійскихъ выходцевъ. Эти „чухны“, какъ окрестилъ ихъ народъ, являясь съ достаточнымъ количествомъ скота (нерѣдко до 10 головъ на семью); снимаютъ обыкновенно участки земли въ размѣрѣ 25 десятинъ на семью, съ платой по 3 р. за десятину (въ первые два года аренда чаще всего не взимается). Нормой принять 12-лѣтній срокъ для контрактовъ. Рѣже „чухны“ поселяются на владѣльческихъ земляхъ въ качествѣ „половинниковъ“, т.-е. платящихъ арендную плату сельскохозяйственными продуктами „исполну“. Какъ работники болѣе или менѣе опытные, „чухны“ представляютъ большое подспорье въ многоземельныхъ имѣніяхъ, не имѣющихъ возможности обернуться

собственными наличными средствами, тѣмъ болѣе потому, что „чухны“, осѣдая на мѣстѣ, мало-по-малу начинаютъ вводить улучшенные способы обработки земли (не могу, впрочемъ, не умолчать, что эти же „чухны“, разселившись по малодоступнымъ трущобамъ, внесли въ нашей мѣстности и новый сельско-хозяйственный бичъ—конокрадство).

Мои сосѣди лишены возможности и этими „чужими руками“ извлекать доходность изъ втунѣ лежащихъ земель. Каждая чухонская семья, являющаяся въ качествѣ арендатора или половинника, требуетъ: 1) устройства жилища и помѣщенія для приводимой скотины (изба, хлѣвъ, гумно, погребъ, амбаръ, сарай), что при экономическомъ веденіи дѣла и, при томъ, имѣя собственный лѣсъ, обходится не менѣе 500 р.; 2) пастбища для лѣтняго прокормленія скота, и 3) въ теченіе двухъ или трехъ (первыхъ) лѣтъ аренды, луговъ для зимняго продовольствія скотины.

Ни одно изъ этихъ условій невыполнимо для моихъ сосѣдей: денегъ на постройки у нихъ нѣтъ и взять не откуда; вырубивъ лѣсъ, они испортили пастбища настолько, что свою скотину выгонять некуда; сѣна хватаетъ только для своего хозяйства.

При отсутствіи личныхъ сельско хозяйственныхъ средствъ, иныхъ, кромѣ указанныхъ мною, способовъ къ эксплуатаціи пусто-порожныхъ земель въ нашемъ распоряженіи не находится.

Резюмируя все сказанное, оказывается: мои сосѣди, никѣмъ не вразумленные, никѣмъ не направленные, не разсчитали своихъ наличныхъ средствъ и промѣняли нищенское, незавидное мало-земелье на столь же незавидное, столь же нищенское много-земелье. Отъ этой замѣны не остались въ барышахъ ни государство, ни они. Конечно, часть окончательныхъ расчетовъ между кредиторомъ и должникомъ, между государствомъ и моими сосѣдами, еще не наступилъ, но онъ очень близокъ. Чтобы удержаться хотя на время, на нѣсколько лишнихъ лѣтъ, мои сосѣди поставлены въ необходимость повторить опытъ „съ пятиной“, услажденной соответствующимъ количествомъ магарыча. Земли для этой хищнической „пятины“ хватитъ еще года на четыре, а за тѣмъ изсякнетъ послѣдній источникъ „погашеній“, —изсякнетъ настолько, что любезное приглашеніе „банки“ „озаботиться“ останется безъ соответствующаго отвѣта со стороны моихъ сосѣдей.

Послѣдствія такой безотвѣтности съ точностью предвидѣла 31-ая ст. Положенія о крестьянскомъ банкѣ, гласящая: „если льгота допущена не была и недоимка въ теченіе слѣдующаго за просрочкою полугодія пополнена не будетъ, то банкъ обращаетъ землю несправнаго заемщика въ продажу съ публичныхъ торговъ“.

Не всегда нужно быть пророкомъ, чтобы предсказывать будущее; для этого нѣрѣдко достаточно обладать небольшою долею наблюдательности и знанія естественнаго хода вещей. Такъ и въ данномъ случаѣ: не надо обладать даромъ пророчества, чтобы безошибочно предсказать тотъ моментъ, когда мои сосѣди, сжатые со всѣхъ сторонъ въ конецъ, съ обезсиленными, превратившимися въ безплодныя пустыни, полями, „побредутъ розъ“, какъ говорилося въ старинныхъ челобитныхъ московскихъ „людишекъ“, побредутъ для новыхъ розысковъ гдѣ-то, тамъ далеко, за долами, за горами, висящихъ береговъ съ вѣчно льющимися медовыми струями.

Найдутся ли желающіе приобрести эти обездоленные пустыни и болота съ „публичныхъ торговъ“, или они перейдутъ въ обладаніе крестьянскаго банка, — это, конечно, тоже вопросъ, и при томъ вопросъ, разрѣшающійся на основаніи отчетовъ крестьянскаго банка въ пользу второго предположенія.

Мои личныя наблюденія ограничивались только однимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Конечно, я очень хорошо понимаю, что причина неимоверно быстрого упадка этого хозяйства (въ смыслѣ оскуднѣнія земли) лежитъ не въ мѣстныхъ условіяхъ и не въ личныхъ свойствахъ моихъ сосѣдей; но кромѣ отчетовъ крестьянскаго банка, я не имѣлъ достаточныхъ фактовъ для обобщенія моихъ выводовъ.

За послѣднее время дѣло въ этомъ смыслѣ измѣнилось: въ поврежденных изданіяхъ напечатано нѣсколько статей, изъ которыхъ можно придти къ несомнѣнному заключенію, что положеніе заемщиковъ крестьянскаго банка и ихъ хозяйствъ вездѣ одинаково плохо. Чтобы придти къ такому выводу, достаточно остановиться, напр., на сельскохозяйственномъ отчетѣ саратовскаго земства, производившаго свои наблюденія надъ очень большимъ райономъ и надъ цѣлымъ рядомъ тождественныхъ явленій. Указывая на постепенный упадокъ земледѣлія въ краѣ и разрабатывая мѣры къ удовлетворенію наиболѣе настоятельныхъ нуждъ, саратовское земство остановилось, между прочимъ, на неотложной необходимости „открыть кредитъ для малоземельныхъ крестьянъ на покупку земли, ибо *крестьянскій банкъ поставленъ совершенно неудовлетворительно и служитъ лишь земельному хищничеству и кулачеству*“. Такимъ образомъ, результатъ наблюденія земства надъ крестьянскими хозяйствами еще безотраднѣе моего: я видѣлъ только земельное „хищничество“; земство же знакомитъ насъ и съ другимъ великимъ зломъ деревни — кулачествомъ.

Что же касается до ежегодныхъ, официальныхъ отчетовъ, то, не повторяя голыхъ цифръ, достаточно указать нѣсколько фактовъ, почерпнутыхъ изъ тѣхъ же отчетовъ, безошибочно указывающихъ, что крестьянскому банку самому, не смотря на кратковременность существованія (Положеніе утверждено 18-го мая 1882 г.), приходится уже переживать критическій моментъ.

Къ числу такихъ фактовъ слѣдуетъ отнести, напр., совершенно не соответствующее естественному порядку вещей сокращеніе цифры ссудъ, какъ обратно пропорціональное увеличенію района дѣйствій банка; противное прямому назначенію крестьянскаго банка (являться на помощь малоземельнымъ, т.-е. недостаточнымъ крестьянамъ) предпочтеніе, оказываемое имъ тѣмъ сдѣлкамъ, которыя сопровождаются болѣе или менѣе крупными доплатами; ежегодное увеличеніе недоимокъ, не взирая на нерѣдко очень суровыя мѣры къ ихъ взысканію; полная безуспѣшность публичныхъ продажъ заложенныхъ имѣній, и т. д.

Всѣ эти факты говорятъ въ пользу того вывода, что въ положеніи и во всей дѣятельности крестьянскаго банка существуетъ органически больное мѣсто, и притомъ больное настолько, что не поддается на улучшеніе такихъ частныхъ, мѣстныхъ средствъ, каковыми являются мѣры для облегченія покупателей, приобретавшихъ имѣнія съ публичныхъ торговъ, строгость взысканій, требованіе доплатъ и т. под.

Повидимому крестьянскій банкъ созналъ и самъ нѣкоторые недостатки своего Положенія. Изъ сообщенія, недавно появившагося въ печати, видно, что центральное управленіе еще прошедшимъ лѣтомъ командировало двухъ чиновниковъ для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ неаккуратнаго поступленія платежей, а также для ознакомленія съ матеріальнымъ положеніемъ заемщиковъ, и что на основаніи собранныхъ свѣдѣній готовится пересмотръ устава банка.

Газеты, сообщая эти свѣдѣнія, присовокупляютъ, что есть основаніе къ предположенію объ уменьшеніи размѣра роста, какъ слишкомъ обременительнаго для заемщиковъ.

Къ сожалѣнію, у насъ не принято, чтобы гг. чиновники, командированные центральными управленіями, оглашали свои наблюденія и выводы, сдѣланные ими изъ этихъ наблюденій; но если предположеніе газетъ имѣетъ основаніе, то-есть, если крестьянскій банкъ остановить свое вниманіе на значительности роста, какъ на одной изъ главныхъ причинъ земельного оскуднѣнія и накопленія недоимокъ на заемщикахъ, то этимъ дѣло къ лучшему не подвинется ни на одинъ лишній шагъ. Уменьшеніе роста въ дан-

номъ случаѣ, во-первыхъ, несправедливо и, во-вторыхъ, бесполезно. Оно несправедливо потому, что свидѣтельства крестьянскаго банка приносятъ $5\frac{1}{2}\%$, и тѣ же $5\frac{1}{2}\%$ требуетъ банкъ съ своихъ заемщиковъ (слѣдующіе 1% или $\frac{1}{2}\%$ идутъ на погашеніе ссудъ и $\frac{1}{2}\%$ на расходы по управленію). При подобныхъ условіяхъ государство, уменьшая ростъ, совершаетъ уже не безубыточную финансовую операцію, но благодѣяніе, оказываетъ милость, и притомъ милость, расплачиваться за которую приходится другимъ классамъ общества, имѣющимъ, быть можетъ, не менѣе правъ на снисхожденіе и всякія милости. Уменьшеніе роста является дѣломъ въ то же время бесполезнымъ. Вотъ фактъ: мои сосѣди-заемщики крестьянскаго банка, чтобы уплатить проценты и погашеніе, прибѣгли къ вырубкѣ лѣса и къ хищнической эксплуатаціи земли; мои сосѣди-пришельцы изъ прибалтійскихъ губерній выплачиваютъ арендную плату частнымъ владѣльцамъ посредствомъ болѣе или менѣе правильной обработки полей; при этомъ послѣдніе платятъ больше первыхъ: если считать по количеству отводимой земли—въ 6 разъ, если же по семьямъ—въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Значитъ, дѣло не въ ростѣ; ростомъ наши крестьяне не избалованы,—настолько не избалованы, что если бы такой ростъ ($5\frac{1}{2}\%$ годовыхъ) пришелъ къ нимъ въ лучшей, чѣмъ настоящая, формѣ, то они и его считали бы благодѣяніемъ. Во всякомъ случаѣ величина роста—это только частность; улучшеніе же матеріальнаго состоянія заемщиковъ крестьянскаго банка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ростъ сельскаго хозяйства можетъ послѣдовать не отъ измѣненія той или другой частности, не отъ дополненія Положенія той или другой статьей, но только при условіи коренного измѣненія всей дѣятельности крестьянскаго банка, что потребуетъ пересмотра Положенія о крестьянскомъ банкѣ во всей его совокупности.

Исходной точкой этой дѣятельности должна послужить основная мысль законодателя,—мысль совершенно непонятая и неопѣненная составителями Положенія о крестьянскомъ банкѣ, нашедшими возможность ограничить свою работу позаймствованиями изъ уставовъ земельныхъ банковъ, съ добавленіемъ этихъ позаймствованій такими мелочными законоположеніями, которыя, собственно говоря, не имѣютъ никакого соотношенія къ сельскохозяйственной культурѣ. Между тѣмъ эта мысль была совершенно ясна. Законодатель, учреждая крестьянскій банкъ, конечно, не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду при помощи государственныхъ средствъ способствовать хищническому обезсиленію земли и увеличенію числа безнадежныхъ плательщиковъ; напротивъ, онъ пре-

слѣдовалъ высшую, государственную цѣль: укрѣпить, упорядочить бытъ малоземельныхъ крестьянъ и внести въ этотъ бытъ извѣстную степень благосостоянія, притомъ — благосостоянія сельско-хозяйственного, то-есть, находящагося въ прямой, непосредственной зависимости отъ процвѣтанія отечественнаго земледѣлія.

Вотъ, именно, въ достиженію этой, столь ясно намѣченной законодателемъ, цѣли и притомъ въ достиженію помимо всякихъ милостей и благодѣяній, должна быть направлена вся послѣдующая дѣятельность крестьянскаго банка.

Но достиженіе этой цѣли представляется немислимымъ, если при пересмотрѣ Положенія о крестьянскомъ банкѣ не откажутся отъ шаблоннаго взгляда на землю, какъ на единственное, вполне благонадежное обезпеченіе государственныхъ ссудъ, если отъ этой земли отдѣлять человѣка, хозяина, и въ этому послѣднему относятся только какъ къ должнику, плательщику.

Не слѣдуетъ забывать того простаго соображенія, что земля, взятая сама по себѣ, представляетъ мертвый капиталъ; ея цѣнность возвышается или падаетъ до нуля вслѣдствіе отношеній, въ которыя поставленъ къ ней человѣкъ, хозяинъ; земля и ея хозяинъ есть нѣчто цѣльное и единое; въ непосредственной, тѣсной связи между ними заключается тайна производительности первой — и благосостоянія второго, и наоборотъ — оскудѣнія первой и нищеты второго.

Въ силу этого въ учрежденіи, преслѣдующемъ государственную цѣль: поднять сельско-хозяйственное благосостояніе малоземельныхъ крестьянъ, — разсмотрѣніе документовъ, „надлежащимъ порядкомъ засвидѣтельствованныхъ“, должно отойти на задній планъ, а на передній выступить человѣкъ и земля, — повторяю, — какъ нѣчто цѣльное и единое; взаимодѣйствіе же этихъ двухъ функцій должно составлять предметъ „операций“ крестьянскаго банка.

Избѣгая подробностей, мелочей, постараемся намѣтить главнѣйшіе фазисы желательной дѣятельности крестьянскаго банка.

Прежде всего, крестьянскій банкъ и его многочисленныя отдѣленія должны сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ свѣденія о предлагаемыхъ въ извѣстномъ районѣ къ продажѣ имѣніяхъ. Эти матеріалы могутъ получаться непосредственно отъ самихъ продавцовъ, путемъ личныхъ сношеній и публикацій, или посредствомъ земскихъ управъ и предводителей дворянства. Конечно, получаемыя свѣденія не могутъ ограничиваться, какъ въ настоящее время, „планами спеціальнаго межеванія“, не дающими понятія

ни о достоинствахъ, ни о недостаткахъ имѣнія, но должны заключать въ себѣ полную сельскохозяйственную картину имѣнія. При неполнотѣ такой картины она должна исполняться путемъ осмотра со стороны крестьянскаго банка.

Такое сосредоточіе свѣденій о предлагаемыхъ къ продажѣ имѣніяхъ представляется необходимымъ вотъ почему. Главнѣйшій, капитальнѣйшій недостатокъ современныхъ операцій крестьянскаго банка заключается въ томъ, что онѣ совершаются внѣ всякаго соотношенія между покупаемымъ имѣніемъ и сельскохозяйственными силами покупателя. Наше крестьянство выросло на трехпольной системѣ и на распахѣ „новинъ“, т.-е. на системѣ, обуславливающейся наименьшимъ количествомъ живого инвентаря и наибольшимъ количествомъ земельного пространства. Находясь на низкомъ уровнѣ сельскохозяйственнаго развитія, крестьянство до сихъ поръ еще не создало, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ и приведетъ практикуемая система, а потому, при разрѣшеніи вопроса о покупкѣ имѣнія, оно прежде всего останавливается на размѣрахъ имѣнія и на размѣрахъ „новинъ“, въ немъ находящихся.

При настоящемъ положеніи крестьянскій банкъ, ограничиваясь часто канцелярской, формальной стороною дѣла, не имѣетъ никакихъ основаній, чтобы разрѣшить этотъ, повторяю, капитальнѣйшій вопросъ (соотношенія) ни въ отрицательную, ни въ положительную сторону. Формы соблюдены—и крестьянскій банкъ, въ силу закона, утверждаетъ сдѣлку.

Обѣ договаривающіяся стороны при подобныхъ порядкахъ дѣйствуютъ, относительно будущаго, наугадъ, съ связанными глазами. Крестьяне въ надеждѣ—„авось Богъ смилуется“, банкъ—въ столь же обманчивой надеждѣ: „авось взыщутъ“. Послѣдствія столь аномальнаго положенія одинаково печальны какъ для крестьянскаго банка, такъ и для заемщиковъ.

Изъ отчетовъ крестьянскаго банка видно, что продажа съ публичныхъ торговъ заложенныхъ имѣній идетъ безуспѣшно (въ 1888 г. публичные торги состоялись всего 3 раза; въ 1889 г. — два, а въ 1890 — четыре), такъ что къ 1891 году осталось за банкомъ всего 88.429 дес. на сумму (ссуды) почти пяти милліоновъ рублей (всего выдано ссудъ 56 милліоновъ). Эти цифры сами по себѣ краснорѣчивы, но онѣ сдѣлались бы еще болѣе краснорѣчивыми, если бы ихъ возможно было иллюстрировать свѣденіями: 1) сколько „доплатъ“ изъ своихъ убогихъ кармановъ сдѣлано крестьянами, чтобы приобрести эти 88.429 дес., и 2) сколько сотенъ крестьянскихъ семей (до знакомства съ банкомъ хотя и малоземельныхъ, но все же

земельныхъ, имѣвшихъ свое хозяйство), сидѣвшихъ на 88.429 дес., пришлось пустить по міру, въ качествѣ совершеннѣйшихъ, до тла разоренныхъ нищихъ... Впрочемъ, даже забывая объ этихъ фактахъ, цифра 88.429 дес. важна съ другой стороны. Крестьяне отлично знаютъ цѣну земельнымъ угодьямъ и рѣдко продорожаютъ въ опредѣленіи ихъ дѣйствительной стоимости, такъ что съ безошибочностью можно сказать, что большая часть изъ 88.429 дес. доведена до степени негодности, до величины ея отрицательной стоимости (только подобныя земли не находятъ себѣ покупателей) уже съ момента принятія ихъ въ залогъ. Поэтому и принимая во вниманіе, что періодъ полнаго истощенія земли, не смотря на однообразіе приемовъ хищническаго пользованія, болѣе или менѣе разнообразенъ, по разнообразію мѣстныхъ условій; что для земель, принятыхъ банкомъ въ залогъ въ 1889—91 гг., этотъ періодъ только-что наступилъ, и наконецъ главное, что вся-то дѣятельность крестьянскаго банка началась съ 23-го апрѣля 1883 г., можно, основываясь на одной голой цифрѣ 88.429 дес., придти въ заключенію, что крестьянскій банкъ въ весьма непродолжительномъ времени явится въ новой, совершенно несвойственной ему роли: самаго крупнаго земельного собственника въ Россіи и притомъ собственника, затратившаго миллионы народнаго достоинства на приобрѣтеніе никому и ничему непригодныхъ пустынь.

Къ такимъ послѣдствіямъ приводятъ нынѣ практикуемыя сдѣлки наугадъ, безъ опредѣленія соотношенія между землей и сельскохозяйственными силами покупателей.

Но при опредѣленіи этого соотношенія и при голомъ отказѣ, въ случаѣ отрицательнаго заключенія, крестьянскій банкъ можетъ впасть въ другую, не менѣе опасную крайность. Не должно забывать, что за его помощью обращаются чаще всего крестьянскія общества малоземельныя и малосильныя въ сельскохозяйственномъ отношеніи. При строгой проверкѣ намѣченныхъ на покупку участковъ съ силами покупателей, крестьянскому банку чаще всего пришлось бы ограничиваться отказомъ, а потому государственная задача, возложенная на него: приходитъ на помощь наиболѣе нуждающимся, — осталась бы невыполненной. Вотъ для того, чтобы выйти изъ этого положенія, сосредоточіе въ рукахъ крестьянскаго банка и его отдѣленій всѣхъ свѣдѣній о предлагаемыхъ къ покупке земляхъ, и должно оказать самую существенную услугу. Во-первыхъ, это избавить крестьянъ отъ блужданій, сопряженныхъ съ расходами и потерей времени, за розысками имѣній, такъ какъ они будутъ знать, что всѣ эти свѣдѣнія гораздо легче и скорѣе найти въ конторѣ банка, и во-вто-

рыхъ, дать возможность банку, не ограничиваясь голымъ отказомъ, принять на себя роль руководителя, направляя крестьянскія общества на покупку такихъ участковъ, которые находятся въ большемъ или меньшемъ соотвѣтствіи съ сельско-хозяйственными силами покупателей. Словомъ, крестьянскій банкъ, располагая вышеуказанными свѣдѣніями, явится для сельскихъ обществъ и товариществъ прежде всего справочной конторой, въ высшемъ, государственномъ значеніи, т.-е. конторой направляющей и руководящей.

Вся современная дѣятельность крестьянскаго банка, начиная съ разсмотрѣнія документовъ, „установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованныхъ“ и кончая моментомъ выдачи ссуды, отличается удивительной быстротой и столь же удивительной незамысловатостью; работа банка усложняется уже потому, при изысканіи „наилучшихъ“ средствъ во взысканію недоимокъ и продажи съ публичныхъ торговъ заложенныхъ имѣній. Эта быстрота и незамысловатость отчасти напоминаютъ пословицу; „тяпъ да ляпъ—и вышелъ корабль“. Но не должно забывать, что корабли, выходящіе изъ мастерскихъ „тяпа да ляпа“, при первомъ столкновеніи съ прихотливой стихіей не только даютъ течь, но и разползаются по всѣмъ швамъ. Чтобы придать большую прочность и устойчивость кораблю крестьянскаго банка, слѣдуетъ, послѣ положительнаго разрѣшенія капитальнаго вопроса о соотвѣтственности размѣровъ и условій покупаемаго имѣнія съ сельско-хозяйственными силами покупателя, занятія разработкой другого не менѣе капитальнаго вопроса: о будущности залога. Въ юридическомъ мірѣ трудно найти примѣръ, гдѣ бы кредиторъ, не смотря на кратковременность залога (мы имѣемъ въ виду залогъ недвижимыхъ имуществъ), не постарался бы обезпечить стоимость залога до срока сдѣлки путемъ ограниченія со стороны должника-собственника права пользованія имуществомъ. Эта практика установлена вѣками, и едва ли найдутся разумныя основанія опровергать ея цѣлесообразность въ данномъ случаѣ. Напротивъ, 88.429 десятинъ, оставшихся за банкомъ, говорятъ въ пользу сугубаго обращенія вниманія на эту сторону дѣла. Сельскія общества приобретаютъ имѣнія при помощи государственныхъ средствъ; земля во всякій моментъ можетъ перейти къ кредитору-государству, слѣдовательно, до послѣдняго погашенія она составляетъ въ извѣстной степени государственное достояніе, и государство не только имѣетъ право, но и обязано заботиться, чтобы залогъ-земля, впрямь до окончательнаго выкупа, сохраняла свою стоимость.

Эта цѣль достигается путемъ контрактныхъ соглашеній между кредиторомъ и должникомъ, залогодателемъ. Начертать общій типъ контракта между крестьянскимъ банкомъ и сельскими обществами, покупающими при его помощи земли, невозможно не только для различныхъ полосъ Россіи, но даже для имѣній, находящихся въ одной полосѣ, такъ какъ сельско-хозяйственныя условія смежныхъ имѣній могутъ быть далеко не тождественны: но что пригодно и полезно одному—можетъ послужить только тяжелымъ обремененіемъ для другого. Во всякомъ случаѣ, сообразно преслѣдуемой цѣли (сохранить стоимость имѣнія во все время нахождения его въ залогѣ), условія контрактовъ должны быть съ одной стороны отрицательныя, т.-е. что залогодатель не въ правѣ дѣлать, съ другой—положительныя, т.-е. что онъ обязанъ дѣлать. Для выясненія моей мысли приведу нѣсколько первыхъ попавшихся подъ руку примѣровъ. Отрицательныя условія: залогодатель не въ правѣ производить сплошную рубку лѣса, отдавать пусто-порожнія земли въ аренду постороннимъ лицамъ безъ одобренія этихъ земель навозомъ, частымъ чередованіемъ однихъ и тѣхъ же растений истощать почву и т. д. Положительныя условія: залогодатель обязанъ разрабатывать ежегодно извѣстное количество луговъ; въ имѣніяхъ съ преобладаніемъ мокрыхъ мѣстъ проводить извѣстное число сажень канавъ для осушки; въ имѣніяхъ безлѣсныхъ насаждать въ указанныхъ мѣстахъ ежегодно извѣстное количество деревьевъ и т. д. Приводя эти примѣры, я вовсе не хочу сказать, чтобы они вошли въ каждое обязательство крестьянскаго банка съ сельскими обществами; напротивъ, указывая на невозможность начертать общій типъ контракта, я настаиваю, что условія обязательствъ должны быть выработаны каждый разъ на мѣстѣ и быть продиктованы послѣ достаточнаго знакомства съ наиболѣе выдающимися сторонами имѣнія. Практичность и необременительность—первыя достоинства этихъ условій, и эти достоинства должны выступать настолько рельефно, чтобы крестьяне могли, такъ сказать, осязать пользу отъ ихъ исполненія не только для банка, но и для нихъ самихъ.

Подобные контракты (конечно, при контролѣ за ихъ исполненіемъ) служатъ единственной правовой уздой для удержанія залогодателя отъ хищническаго пользованія землей, и можно быть увѣреннымъ, что еслибы заключеніе ихъ не было, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ, исключено изъ нынѣ дѣйствующаго положенія, безуспѣшность публичныхъ торговъ представляла бы въ исторіи крестьянскаго банка исключительное явленіе.

На основаніи положенія о крестьянскомъ банѣвѣ вся ссуда выдается на руки продавцу имѣнія; процентъ же, погашеніе и расходъ по управленію вносятся (26 и 28 ст.) за каждое истекшее полугодіе съ $\frac{1}{2}\%$ пени за просроченный мѣсяцъ; льгота въ платежахъ допускается только (какъ сказано въ Положеніи) „въ случаѣ особыхъ бѣдствій, постигшихъ заемщика“. Такимъ образомъ сельское общество и товарищество съ первыхъ же дней своего хозяйничанья на новомъ мѣстѣ должно озаботиться покрытіемъ во что бы то ни стало банковскіе платежи.

При составленіи положенія, вѣроятно, предполагалось, что мужику стоитъ только сѣсть на землю, чтобы изъ-подъ его рукъ начали расти всякіе злаки, и притомъ въ количествѣ, достаточномъ не только для удовлетворенія потребностей собственнаго и своей семьи желудка, но и для покрытія государственныхъ, земскихъ и банковскихъ платежей. При этомъ не принято во вниманіе даже слѣдующее соображеніе: въ силу климатическихъ и историческихъ условій, главнѣйшую роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ играютъ озимые хлѣба (въ большинствѣ рожь, на югѣ пшеница), яровые же служатъ добавленіемъ, подспорьемъ. На послѣдніе крестьянинъ возлагаетъ надежды только при неурожаѣ первыхъ, т.-е. въ трудно-экономическіе годы. „Яровой сѣю съ поддышкой и на-сторонны гляжу; ржаной сѣю, шапка съ головы свалится, а той не подыму“,—говоритъ народъ.

При такихъ условіяхъ хозяйства, т.-е. при первенствующемъ значеніи озимыхъ хлѣбовъ, когда бы ни совершилась купля-продажа и залогъ, каждое сельское общество, въ теченіе болѣе чѣмъ года (если же купля была совершена въ осенніе мѣсяцы—около двухъ лѣтъ) поставлено въ самое тяжкое положеніе: оно лишено физической возможности воспользоваться своей наиболѣе доходной статьей, озимымъ хлѣбомъ; мало того, для собственнаго прокормленія этотъ хлѣбъ долженъ покупаться на сторонѣ. Слѣдовательно, въ немногосложномъ крестьянскомъ бюджетѣ по крайней мѣрѣ цѣлый годъ остается покрытой самая серьезная статья расхода. Крестьянская семья безъ озимыхъ хлѣбовъ (даже при хорошемъ урожаѣ яровыхъ) находится на голодномъ положеніи, вдумать, что въ такомъ положеніи она въ состояніи уплатить банковскіе платежи—великое заблужденіе.

При исчисленіи сроковъ поступленія платежей не слѣдуетъ забывать и слѣдующихъ обстоятельствъ.

Тѣ благодатныя земли, которыя довольствовались плохо проведенной бороздой, чтобы вознаградить трудъ земледѣльца чуть не сторицею, давно уже отошли въ область преданія. Огромное

большинство имѣній, предлагаемыхъ къ продажѣ, носятъ на себѣ серьезнѣйшіе изъяны въ видѣ замшаренныхъ и заросшихъ луговъ, истощенныхъ пустырей, загаженныхъ лѣсовъ, полуразвалившихся построекъ и пр. Имѣнія, представляющія изъ себя въ сельскохозяйственномъ отношеніи готовое, облупленное яичко, продаются весьма рѣдко, въ силу какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, и такіа счастливыя исключенія находятъ себѣ покупщиковъ помимо участія крестьянскаго банка.

Каждому, кому приходилось вести хозяйство на новомъ мѣстѣ и притомъ вести благоразумно, рассчитывая всякую копѣйку, безъизвѣстно, что первые годы бываютъ преисполнены неудачъ и ошибокъ, сопряженныхъ съ неизбѣжными и непроизводительными расходами, и что, не смотря на все вниманіе и тяжкій трудъ, проходитъ по меньшей мѣрѣ три, четыре года затратъ трудомъ и капиталомъ прежде, чѣмъ земля „наладится“, сельскохозяйственная машина пустится въ ходъ. Думать въ эти года о какихъ-либо излишкахъ, доходахъ — напрасная мечта. Положеніе сельскихъ обществъ и товариществъ, усѣвшихъ на новомъ мѣстѣ, не представляется болѣе завиднымъ потому, что они обладаютъ „своимъ“, не наемнымъ трудомъ. Съ однѣми голыми руками, какъ бы ни были крѣпки эти руки, ничего съ землей не подѣлаешь, только тогда, когда „положу назему кучу, такъ и Богу не кучусь“. Напротивъ, это положеніе требуетъ къ себѣ наибольшаго вниманія уже потому, что сельскія общества чаще всего садятся на новое хозяйство въ конецъ обезсиленными расходами, неизбѣжно сопряженными съ покупкой земли.

Здравая, не только сельскохозяйственная, но и финансовая политика должна подсказывать, чтобы процессъ „осѣданія“ крестьянъ на новомъ хозяйствѣ проходилъ по возможности спокойно. Чѣмъ глубже пустятся корни, тѣмъ лучше для будущаго обѣихъ сторонъ. Требованіе платежей отъ собственника, когда онъ самъ не успѣлъ еще наладиться на землѣ, когда эта земля представляетъ только источникъ невознаграждаемаго труда, заставляетъ его дѣйствовать очертя голову, бросаться хищнически на первую попавшуюся доходную статью. Такимъ образомъ ходъ сельскохозяйственной машины портится сразу и портится настолько (какъ показываютъ ежедневные отчеты крестьянскаго банка о возрастаніи недоимокъ), что ее не въ состояніи направить и исправить очень сильныя мѣры.

Это неумолимое, какъ судьба, требованіе платежей на первыхъ же порахъ поселенія, помимо непосредственного, экономически-разорительнаго значенія, производитъ на крестьянъ и въ

нравственномъ смыслѣ самое деморализующее вліяніе; въ нихъ не успѣваетъ зародиться и созрѣть то исполненное извѣстной гордости сознаніе: „это мое“, „здѣсь я сижу крѣпко“, которое столь необходимо и столь благотворно въ земледѣльческомъ трудѣ. Наблюдая надъ моими сосѣдами (какъ крестьянами, не лучше и не хуже другихъ), я постоянно замѣчаю въ ихъ дѣйствіяхъ неувѣренность, робость. Заглядывать впередъ они не любятъ, у каждаго въ мозгу засѣла мысль, что имъ не совладать съ дѣломъ, что „банка“ въ концѣ концовъ все же съѣстъ и выгонитъ ихъ. Въ силу этого они и къ землѣ относятся не какъ къ „своему“, священному углу, но какъ къ чему-то временному, скоропроходящему: взять съ нее что только можно, а тамъ хоть трава не расти. Той своего рода нѣжности „къ своей полосѣ“, которая зачастую проглядываетъ у крестьянъ, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Вблизи отъ меня есть нѣсколько крестьянъ, тоже довольно крупныхъ собственниковъ (отъ 25 до 100 дес.), но собственниковъ безъ помощи банка. Разница въ отношеніи къ землѣ между ними и т—цами громадная: т—цы „за патыну“ „пропивали землю“; послѣдніе же, глядя на это, говорили: „не лѣхіе люди, а губать свое добро. Эхъ, бить-то ихъ некому“.

Чтобы дать возможность крестьянамъ, приобретающимъ землю при помощи крестьянскаго банка, не только выдержать первые, самые трудные годы хозяйства, но и прочно остаться на новомъ мѣстѣ, необходимо, во-первыхъ, процентъ и погашеніе не требовать по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ поселенія,—всѣ же слѣдующіе за это время платежи разложить на второе десятилѣтіе займа; и во-вторыхъ, часть ссуды, соотвѣтственно недостаточности въ живомъ и мертвомъ инвентарѣ покупщиковъ, выдавать имъ на руки. Это, смотря по обстоятельствамъ, можетъ совпадать, но можетъ и не совпадать съ моментомъ совершенія залога. Напримѣръ, у крестьянъ мало скотины, но и луговъ въ приобретенномъ имѣніи недостаточно для прокормленія большого числа; прикупивъ скотины, окажется—нечѣмъ кормить ее. Во избѣжаніе этого, ссуда (являющаяся частью долга) можетъ быть выдана только тогда, когда банкъ удостовѣрится въ соотвѣтственномъ увеличеніи площади луговъ.

Въ видѣ исключенія въ срокахъ платежа процентовъ и погашенія, Положеніе (29 и 30 ст.) перечисляетъ рядъ „постигшихъ заемщиковъ особыхъ бѣдствій“, которыя (бѣдствія) „могутъ быть признаны основаніемъ для допущенія отсрочки въ недоимкѣ, не далѣе однако какъ на четыре слѣдующихъ полу-

годя". При этомъ добавлено, „что если бѣдствія повторятся два года сряду“, то разсрочка уплаты можетъ быть вновь допущена, „но не далѣе какъ на три года“ — „съ платежемъ 6⁰/₁₀ на оставшюся недоимку“. Къ числу „особыхъ бѣдствій“ отнесены: пожаръ, наводненія, градобитія, падежъ скота, внезапная (?) смерть или тяжкая болѣзнь заемщика-домохозяина“ и т. под.

При введеніи крестьянскаго банка, можно подумать, предполагали, что ему суждено дѣйствовать не въ мірѣ живыхъ, экономическихъ явленій, но въ какомъ-то безвоздушномъ, мертвомъ пространствѣ, и дѣйствовать съ правильностью и точностью, хорошо налаженного механизма, а потому, исключивъ всякую личную дѣятельность, всякую критику явленій, постарались замѣнить эту столь необходимую дѣятельность и критику разъ установленной, строго определенной „казенной“ мѣркой: „документами, надлежащимъ порядкомъ засвидѣтельствованными“ — для разрѣшенія правовыхъ и экономическихъ вопросовъ; „нормальной оцѣнкой“ — для опредѣленія достоинствъ и недостатковъ земли; „двухгодичнымъ срокомъ“ — для исчисленія силы впечатлѣнія „особыхъ бѣдствій“, обрушающихся на крестьянскія хозяйства.

Чтобы выяснитъ всю несостоятельность такого „казеннаго“, чисто формальнаго отношенія „къ особымъ бѣдствіямъ“, достаточно привести два-три примѣра, взятыхъ изъ жизни.

Возьмемъ „смерть“ домохозяина. Уже не говоря о томъ странномъ предпочтеніи, которое отдаетъ банкъ „внезапной“ смерти домохозяина передъ смертью медленно разрушающей, аневризму — передъ тифомъ; апоплексіи — передъ чахоткой, — но я, напримѣръ, близко знаю такихъ двѣ крестьянскихъ семьи: глава (юридически, „домохозяинъ“) первой — былъ мужикъ лѣнивый, любилъ вздорить и выпить, тѣмъ не менѣе его хозяйство шло хорошо, такъ какъ, не считая двухъ дѣвушекъ-невѣстъ, въ семьѣ находились три взрослыхъ парня, — старшій (женатый) изъ нихъ совместно со „старухой“ вель и держалъ все хозяйство; глава второй — отличнѣйшій мужикъ, неутомимый, всюду поспѣвавшій работникъ, но обремененный большой семьей, состоявшей изъ старухи-матери, едва передвигавшей ноги, жены и четырехъ подростковъ, изъ которыхъ старшему было 13 лѣтъ. И тотъ, и другой „домохозяинъ“ отдали Богу душу: первый осенью настоящаго года, второй — пять лѣтъ тому назадъ. Повидимому, оба событія совершенно тождественны между собой, и если слѣдовать приёмамъ крестьянскаго банка, сила впечатлѣнія ихъ — одинаково должна умалиться въ двухгодичный срокъ, а между тѣмъ послѣ смерти перваго домохозяина строй жизни не только не расша-

тался, но, избавившись отъ вздорнаго вмѣшательства, семья вздохнула свободнѣе, хозяйство пошло еще лучше; послѣ же смерти второго, — не смотря на пять истекшихъ лѣтъ, — семья до сихъ поръ напоминаетъ собой безпомощное, разоренное гнѣздо... Возьмемъ другое „особое бѣдствіе“ — неурожай. Развѣ можно проводить, по силѣ экономическихъ послѣдствій, какую-либо параллель между неурожаемъ, захватившимъ небольшую мѣстность, не колеблющимъ цѣнъ ни на хлѣбные продукты, ни на заработки, — съ страшнымъ Божиимъ гнѣвомъ, отъ котораго гибнетъ съ голоду чуть не половина страны, и на борьбу съ которымъ уходятъ иногда всѣ силы страны! И тамъ, и здѣсь неурожай, но примѣненіе двухгодичнаго срока къ полосѣ, захваченной повальнымъ неурожаемъ, равнялось бы глумленію надъ великимъ несчастіемъ.

Конечно, никакія предвзятые, разъ и навсегда установленныя нормы, сроки и мѣрки не могутъ дать болѣе или менѣе удовлетворительныхъ отвѣтовъ на вопросы, задаваемые жизнью и ея разнообразнѣйшими условіями; но положеніе заемщиковъ крестьянскаго банка не сдѣлается еще особенно завиднымъ, если, въ видѣ улучшенія, будетъ допущенъ одинъ только болѣе просторъ, большая свобода при оцѣнкѣ „особыхъ бѣдствій“. Не должно забывать, что подъемъ крестьянскихъ хозяйствъ, застигнутыхъ однимъ изъ „особыхъ бѣдствій“, совершается весьма медленно, какъ въ силу бѣдствія, такъ (и едва даже не болѣе) благодаря тому, что хозяйство попадаетъ въ кабальную зависимость мѣстныхъ ростовщиковъ, дающихъ возможность на первыхъ порахъ кое-какъ справиться съ нахлынувшей бѣдой. Въ нашей мѣстности условія крестьянскихъ ссудъ настолько тяжелы (отъ 50 до 100 и даже болѣе ‰), что семьи, разъ попавшія въ эти тиски, рѣдко уже выбиваются изъ нихъ. Такія семьи являются совершеннѣйшими мухами въ цѣпкихъ лапахъ паука; и если такія мухи очутятся, сверхъ того, въ положеніи заемщиковъ крестьянскаго банка, то участь ихъ, не взирая на всякіе льготные сроки, можно считать заранѣе предрѣшенной...

Интересы крестьянскаго банка настолько тѣсно связаны съ степенью благосостоянія заемщиковъ, что въ силу этой связи банку не слѣдуетъ ограничиваться пассивнымъ отношеніемъ (не взыскивать въ извѣстный срокъ) къ „особымъ бѣдствіямъ“. Придти въ-время на помощь къ разоренному крестьянскому хозяйству и умалить зло, проистекающее отъ „особыхъ бѣдствій“, дать возможность (конечно, не даромъ), не прибѣгая къ хищническому истощенію производительной силы земли, стать крестьянину на ноги, сдѣлаться аккуратнымъ плательщикомъ. — такова, „при осо-

быть бѣдствіяхъ", должна быть положительная сторона дѣятельности крестьянскаго банка.

Въ заключеніе статьи подведу итоги сказанному.

1) Крестьянскій банкъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ свѣденія о предлагаемыхъ къ продажѣ имѣніяхъ, способствуетъ, путемъ выдачи ссудъ, въ совершенію только такихъ сдѣлокъ, гдѣ размѣры и условія имѣнія болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ сельско-хозяйственнымъ силамъ покупателей; 2) доплата со стороны покупателей не можетъ имѣть значенія при разрѣшеніи банкомъ вопроса о совершеніи сдѣлки, ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону; 3) нормальная оцѣнка, какъ не дающая понятія о достоинствахъ и недостаткахъ имѣнія, должна быть во всѣхъ случаяхъ замѣнена оцѣнкой дѣйствительной, производимой на мѣстѣ; 4) одновременно съ залогомъ между банкомъ и залогодателемъ совершается контрактъ, обезпечивающій стоимость имѣнія за время нахожденія въ залогѣ; 5) часть (опредѣляемая каждый разъ особо) залоговой ссуды выдается на руки покупателямъ имѣнія; 6) проценты за первые три года взыскиваются только со второго десятилѣтія ссуды; 7) льготные сроки опредѣляются послѣдствіями, причиняемыми хозяйству „особыми бѣдствіями“, и 8) въ случаяхъ „особыхъ бѣдствій“ банкъ отерываетъ для своихъ заемщиковъ личный сельскохозяйственный кредитъ.

Каждая изъ упомянутыхъ операций, а тѣмъ болѣе ихъ совокупность не можетъ быть исполнена при помощи какихъ-либо нормъ и канцелярскихъ аршинѣвъ. Помимо тщательнаго вниманія, добросовѣстности и усидчивой работы, все это требуетъ отъ крестьянскаго банка очень большого запаса экономическихъ и сельскохозяйственныхъ свѣденій, и притомъ свѣденій разнообразнѣйшихъ, смотря по разнообразію мѣстностей, гдѣ совершаются операціи. Измѣненіе въ характерѣ операцій должно вызвать такимъ образомъ и соотвѣтствующее измѣненіе въ банковомъ персоналѣ, съ предоставленіемъ въ немъ первенствующаго значенія мѣстнымъ элементамъ. Безспорно все это представляетъ большія трудности, но я полагаю, что въ такомъ многосложномъ дѣлѣ, какъ операціи крестьянскаго банка, только при обладаніи большимъ запасомъ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ свѣденій, и возможно распорядиться милліонами государственнаго достоянія, не размѣнивая эти милліоны на обнищавыя въ конецъ крестьянскія семьи и на обездоленные въ конецъ же пустыни.

Н. Соколовскій.

ОБОРОТЫ И ОПЕРАЦИИ КАЗНЫ

въ 1890 году

ПО ОТЧЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ.

Желѣзныя дороги. — Движеніе государственныхъ долговъ въ 1890 году. — Движеніе недоимокъ и долговъ государственному казначейству въ 1890 году. — Конверсія займовъ. — Свѣденія по кассовымъ оборотамъ. — Свободная наличность государственнаго казначейства въ 1891 году. — Обороты специальныхъ капиталовъ.

Предметъ наиболѣе крупнаго казеннаго хозяйства и оборотовъ государственнаго казначейства составляютъ желѣзныя дороги, казенныя и частныя. Значеніе этой отрасли ясно уже изъ многочисленности и большой стоимости обязанныхъ вѣдать ее центральныхъ правительственныхъ учреждений. Учрежденій этихъ дѣйствительно не мало, а именно: 1) въ составѣ министерства путей сообщенія—департаментъ желѣзныхъ дорогъ, стоившій въ 1890 году 245 т. рублей; инспекція по надзору за частными желѣзными дорогами, обошедшаяся въ 456 т. р.; инспекція за изготовленіемъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей (60 т. р.), и, наконецъ, *временное* управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которое, какъ всѣ временныя наши официальные учрежденія, обѣщаетъ пережить многія постоянныя, и притомъ неудержимо ширится въ составѣ и потребностяхъ: въ 1887 г. содержаніе его стоило 212 т. р.; въ 1889 г. оно дошло уже до 320 т. р., а въ 1890 году—до 540 т. рублей; 2) въ составѣ государственнаго контроля—сперва желѣзнодорожный отдѣлъ, а нынѣ желѣзнодорожный департаментъ, удовлетворившійся въ 1890 году на свои расходы относительно скромною суммой въ 114 т. р.—и 3) въ составѣ министерства финансовъ—образованный въ 1889 году департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, потребовавшій въ 1890 году 243 т. рублей. Итого, шесть

учрежденій; недостаетъ одного до знаменательной цифры семи. Въ этотъ счетъ не вошли, съ одной стороны, разныя комиссіи, учредительныя (напр., тарифныя) или повѣрочныя, которыя, какъ излюбленная форма нашей бюрократической дѣятельности, никогда не переводятся и всегда на-лицо въ достаточномъ числѣ, замѣняя одна другую; съ другой — учрежденія мѣстнаго желѣзнодорожнаго контроля, которыя по сущности своей дѣятельности могутъ быть также причислены къ центральнымъ органамъ. Что касается до мѣстнаго управления казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, то содержаніе ихъ входитъ въ составъ эксплуатаціонныхъ расходовъ каждой дороги.

Ввѣренное попеченію и руководству поименованныхъ учреждений хозяйство можетъ быть раздѣлено на два отдѣла: а) казенныя желѣзныя дороги, т.-е. принадлежащія казнѣ и ею эксплуатируемыя, протяженіемъ въ 7 т. верстъ съ небольшимъ; и б) частныя дороги, къ которымъ относится и Николаевская дорога, принадлежащая казнѣ, но находящаяся въ арендѣ Главнаго общества, — всего около 18 тысячъ верстъ.

Изъ дорогъ, эксплуатируемыхъ казною, семь построены казною; остальные перешли въ казну отъ частныхъ обществъ, по большей части вслѣдствіе ихъ полной несостоятельности. Приводимъ цифровыя данныя по этимъ дорогамъ относительно: а) поступившихъ отъ нихъ въ 1890 г. доходовъ ¹⁾; б) эксплуатаціонныхъ расходовъ, и в) суммъ лежащихъ на этихъ дорогахъ уплатъ процентовъ и погашенія. Въ послѣдней рубрикѣ по нѣкоторымъ дорогамъ мы не нашли свѣдѣній, да и приводимыя нами по ней цифры взяты собственно не за 1890 г., а за 1889 годъ ²⁾.

Замѣтимъ вкратцѣ, что отчетъ государственнаго контроля, приведя въ отдѣлѣ, обнимающемъ исполненіе финансовыхъ смѣтъ, общія цифры доходовъ и расходовъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ и въ приложеніи къ отчету, и въ объяснительной запискѣ, отводя весьма много мѣста самымъ подробнымъ счетамъ казны съ частными желѣзными дорогами, не даетъ, однако, выводовъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ отчетномъ году. Окончательный результатъ счетовъ съ частными желѣзными дорогами ясенъ изъ приводимой въ концѣ объяснительной записки таблицы. Но счета по эксплуатаціи казенныхъ дорогъ — т.-е. то, что мы намѣрены теперь сдѣлать — не приводятся, а между тѣмъ это было бы повидимому очень не трудно

¹⁾ Цифры эти представляютъ собственно не заработокъ дорогъ въ 1890 г., а поступленіе отъ нихъ въ этомъ году, въ томъ числѣ и за прежнее время, причемъ нѣкоторыя суммы, причитающіяся по эксплуатаціи 1890 г., въ этотъ счетъ не попали.

²⁾ Статистическія свѣдѣнія государственнаго контроля о желѣзныхъ дорогахъ за 1889 годъ. Такія же свѣдѣнія за 1890 годъ еще не явились въ печати.

для государственнаго контроля, имѣющаго для этого всѣ данныя. Напомнимъ еще, что лѣтъ 9—10 тому назадъ нынѣшній министръ путей сообщенія, тогда еще членъ государственнаго совѣта, въ брошюрѣ о преобразованіи смѣтъ, предлагалъ эксплуатацію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ вести по особому специальному счету, внося изъ него въ роспись только окончательный результатъ—прибыль или убытокъ. Это не только давало бы точное понятіе о желѣзнодорожныхъ операціяхъ, но также внесло бы равномерность въ отчеты по росписи, которая теперь ежегодно увеличивается, и по доходамъ и по расходамъ, вслѣдствіе перехода въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Словомъ, по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ установился бы порядокъ, принятый для государственнаго банка: только его прибыли, передаваемые въ государственное казначейство, попадаютъ въ отчетъ. По казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ вносились бы не прибыль, а убытокъ. Можно было бы финансовые результаты операціи отмѣчать по двумъ графамъ: по доходной—избытокъ доходовъ эксплуатаціи надъ расходами, и по расходной—уплату процентовъ и погашенія обязательствъ, лежащихъ на казнѣ по капиталамъ употребленнымъ на постройку дорогъ.

Дороги, находившіяся въ 1890 году въ завѣдываніи казны, слѣдующія:

а) дороги, построенныя казною:

	Доходъ.	Расходъ.	Сумма платежей по стронт. капитал.
1) Ливенская	277.446	162.249	77.317
2) Баскунчакская	356.902	135.896	169.405
3) Екатерининская	4.681.322	2.563.070	1.771.677
4) Полѣвскія	3.954.180	3.082.400	2.907.504
5) Самаро - Уфимская и Уфо-Златоустовская	860.406	929.924	—
6) Исково-Рижская	787.036	920.278	—
7) Закаспійская	4.012.028	4.278.932	болѣе 1 м. р.
Итого	14.929.470	12.072.749	—

б) Дороги, приобрѣтенныя казною отъ частныхъ обществъ:

1) Харьковско-Николаевская	7.446.649	4.290.060	4.408.229
2) Тамбово-Саратовская	2.574.124	1.642.648	2.554.042
3) Уральская	5.435.853	3.365.379	4.543.931
4) Муромская	207.474	222.455	459.341
5) Рязско-Моршанская, Моршанско-Сызранская, Рязско-Вяземская	5.181.909	5.617.289	4.400.031
6) Закавказская	13.488.081	7.927.000	5.757.389
Итого	34.329.090	23.064.774	22.117.963

По всѣмъ дорогамъ . . . . . 49.258.560 35.137.527 —

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что изъ дорогъ казенной постройки нѣкоторыя даютъ чистый доходъ, за покрытіемъ уплатъ по суммамъ, употребленнымъ на ихъ сооруженія: екатерининская, баскунцкая, ливенская. Убыточны полѣвскія и закаспійская дороги, но онѣ построены не съ коммерческой, а съ политической цѣлью, и составляютъ одну изъ необходимыхъ государственныхъ затратъ. Но и въ нихъ съ теченіемъ времени замѣчается улучшение. Въ 1887 году дефицитъ по полѣвскимъ дорогамъ составлялъ 3 мил. р. ¹⁾, теперь онъ понизился до 2 мил. р.; дефицитъ закаспійской дороги съ 2 мил. р. уменьшился до 1½ м. р.

Безнадежны дороги, перешедшія въ казну отъ частныхъ обществъ. Лежація на нихъ непомерно большія обязательства составляютъ слѣдствіе или безпутно-затраченныхъ, или въ значительной долѣ растроченныхъ строительныхъ капиталовъ. Устранить убыточность этихъ дорогъ такъ же невозможно, какъ невозможно вернуть капиталъ, исчезнувшій въ строительномъ водоворотѣ. Казна могла заботиться только объ уменьшеніи убытка; результатомъ такой заботы и былъ приемъ дорогъ въ казенное завѣдываніе, такъ какъ при управленіи обществами казнѣ, гарантировавшей уплату процентовъ по ихъ облигаціямъ и акціямъ, приходилось нести еще большія затраты.

Въ общемъ, по всѣмъ казеннымъ дорогамъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами цифръ, дополняя приблизительными цифрами неуказанную нами сумму платежей по 3 дорогамъ, ежегодный убытокъ казны составляетъ около 14 мил. р. ²⁾, изъ которыхъ 11 мил. р. упадетъ на дороги, перешедшія въ казну отъ частныхъ обществъ.

Во взаимно-обязательныхъ отношеніяхъ находится казна также почти ко всѣмъ дорогамъ, находящимся въ завѣдываніи обществъ. Сущность этихъ обязательствъ составляетъ нѣкоторую пародію извѣстной социалистической формулы: работать по мѣрѣ силъ, получать по потребности. Нѣкоторыя дороги настолько выгодны, что обходятся въ послѣднее время своими средствами, не выходя, впрочемъ (за исключеніемъ немногихъ), изъ долга казнѣ, но остальные по множеству рубрикъ берутъ съ казны сколько влѣзетъ, уплачивая ей сколько вздумается. Что послѣднее выраженіе употреблено нами не ради краснаго слова — доказывается слѣдующимъ. Изъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ за 1889 г. видно, что по такъ-называемымъ на официальномъ жаргонѣ *дивиденднымъ* дорогамъ, т. е. такимъ, которыя могли выдать акціонерамъ дивидендъ, казнѣ все-таки пришлось заплатить по гарантіи строительныхъ капиталовъ около 4 м. р. По

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, январь, 1889 г., стр. 378.

²⁾ Въ 1889 г. приплата казны составляла 13.880.000 р.

всѣмъ же частнымъ дорогамъ эта приплата составляла въ 1889 году 23 мил. рублей.

Главный расходъ казны на частныя желѣзныя дороги—это приплата по гарантіи, но сверхъ того производятся постоянныя выдачи то кратковременныхъ ссудъ, то авансовъ въ счетъ суммъ, которыя предполагается реализовать выпускомъ какихъ-либо облигацій, и т. п. Расчетомъ казны съ желѣзными дорогами по разнымъ рубрикамъ отводится очень много мѣста: независимо отъ цифръ самого отчета, страницъ сто въ приложеніи къ нему, и страницъ до сорока въ объяснительной запискѣ. Прослѣдить перипетіи эти въ журнальной статьѣ нѣтъ возможности. Поэтому относительно измѣненій, происшедшихъ въ долговыхъ счетахъ казны съ желѣзными дорогами за 1890 годъ, мы приведемъ лишь рядъ цифръ, даваемыхъ государственнымъ контролемъ въ объяснительной запискѣ по отчету:

Къ 1 января 1890 года состояло за обществами желѣзныхъ дорогъ	1.054.417.488 р.
Въ 1890 году прибавилось къ долгу	127.017.722 р.
Въ теченіе года убавилось	49.507.527 р.
Къ 1 января 1891 года осталось въ долгу	1.131.927.685 р.
болѣе противъ 1 января 1890 г. на	77.510.196 р.

Слѣдуетъ замѣтить, что эти 77¹/₂ м. р. не составляютъ прямыхъ выдачъ казны желѣзнымъ дорогамъ; въ счетъ ихъ вошли также и проценты по прежнему долгу общества казнѣ (есть долги процентныя и безпроцентныя); но не полученные проценты не могутъ не считаться новымъ долгомъ. Если остановиться на этой цифрѣ 77¹/₂ мил. р. и присоединить къ нимъ 14 мил. р., выведенныхъ выше убыткомъ казны по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, то общая сумма затратъ казны на желѣзныя дороги въ 1890 года составляетъ около 90 мил. рублей. Собственно эти 77¹/₂ м. р. окончательной затратой считаться не могутъ; они вписаны въ долговые счета подлежащихъ желѣзныхъ дорогъ и будутъ изъ года въ годъ нарастать процентами (конечно, тоже въ долгъ), такъ что, Богъ дастъ, современемъ желѣзнодорожный долгъ, перевалившій нынѣ за миллиардъ, дойдетъ до двухъ миллиардовъ, а можетъ быть, и далѣе. Вопросъ о размѣрѣ будущаго долга желѣзныхъ дорогъ казнѣ сводится къ вопросу, скоро или не скоро одна или другая дорога, запутавшись въ долгу и безтолковымъ веденіемъ дѣла заставивъ казну потерять терпѣніе, упадетъ въ лоно ея, подобно дорогамъ тамбово-саратовской, уральской, муромской и другимъ. Причемъ, разумѣется, по долгамъ, лежащимъ на дорогѣ, казнѣ придется уже расчитываться съ самой собою.

Свѣденія, сообщаемыя отчетомъ государственнаго контроля, могутъ быть распределены на два отдѣла: бюджетный и кассовой. Подъ бюд-

жизни свѣденіями мы разумѣемъ такія, которыя касаются отношеній государственныхъ средствъ къ удовлетворенію государственныхъ потребностей; подъ кассовыми — сообщающія о положеніи въ данный срокъ суммъ государственнаго казначейства, ихъ оборотахъ и движеніи, независимо отъ цѣлей, для которыхъ онѣ могутъ послужить. На границѣ между тѣми и другими могутъ быть поставлены свѣденія о *состояніи дологовыхъ счетовъ государственнаго казначейства за 1890 годъ*.

Сумма *домовъ* государственнаго казначейства составляла къ 1-му января 1890 года—5.505.435.436 рублей кредитныхъ (2.991.146.914 р. кр., 1.452.068.448 р. зол. и 38.464.000 серебр. рублей) ¹⁾. Къ 1-му января 1891 года сумма долговъ составила 5.521.791.219 р. кр. ²⁾, т.-е. она увеличилась за 1890 годъ на 16.355.783 р., что, однако, по замѣчанію государственнаго контроля, не представляетъ новаго бремени для государственнаго казначейства,—напротивъ, послужило къ его облегченію, такъ какъ въ 1890 г. было изъято пяти-процентныхъ и четырехъ съ половиною-процентныхъ долговъ на 455.309.167 р., съ замѣною ихъ долгами четырехпроцентными.

По отдѣламъ долговъ въ 1890 году было въ нихъ такое движеніе:

	СОСТОЯЛО:	
	къ 1 янв. 1890	къ 1 янв. 1891
	рублей кредитныхъ:	
1) на общегосударственныя потребности.	3.574.926.543	3.543.768.869
(въ томъ числѣ къ 1 января 1890 г. безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ 568.559.742 р.)		
2) по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ . . .	1.465.379.243	1.516.645.900
3) по спеціальн. займамъ выкупи, операціи	465.129.650	461.376.450
Итого . . .	5.505.435.436	5.521.791.219

Въ долгахъ государственному казначейству произошло слѣдующее измѣненіе:

	Было къ 1890 г.	Оставалось къ 1891 г.
	рублей кредитныхъ:	
1) долговъ по счетамъ казенныхъ управленій, казначейства и распорядительныхъ управленій	184.784.762	198.209.069
2) за обществами желѣзныхъ дорогъ	1.054.417.488	1.181.927.685
Всего	1.239.202.250	1.380.136.754

¹⁾ До 1890 г. по росписамъ и отчетамъ серебр. рубль считался въ одномъ курсѣ съ золотымъ; такъ, по росписи 1889 г.—по 1 р. 70 коп. кред. Впервые по отчету за 1890 годъ, при курсѣ золотого рубля, принятаго для росписи въ 1 р. 70 к. кр., серебряный рубль исчисленъ въ 1 р. 19 коп. Вслѣдствіе этого и сумма долга къ 1 янв. 1890 г., показанная въ прошлогоднемъ отчетѣ—болѣе показываемой нынѣ на 19.616.640 рублей кред.

²⁾ Въ перечнѣ долговъ къ 1891 г. не показана валюта; не показана также сумма кредитныхъ билетовъ.

Такимъ образомъ, общее увеличеніе долговъ государственному казначейству составило 90.934.504 р.; изъ нихъ на 77.510.197 увеличились долги желѣзныхъ дорогъ и на 13.424.307 р.—остальные долги, изъ которыхъ наибольшая сумма увеличенія оказалась по выкупнымъ платежамъ: бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на сумму около $1\frac{1}{2}$ м. р., и съ бывшихъ казенныхъ на 6 сличкомъ мил. рублей.

Увеличеніе долга по желѣзнымъ дорогамъ оказалось независимо отъ сложения около милліона рублей долговъ, числившихся на дорогахъ, перешедшихъ въ 1890 году въ казну.

Въ связи съ движеніемъ въ 1890 году долговыхъ обязательствъ казны находятся произведенныя въ этомъ году *конверсіи*, т.-е. замѣна однихъ долговыхъ обязательствъ другими съ пониженнымъ процентомъ. Считаемо нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о ихъ сущности и о выгодахъ, которыя извлекло изъ нихъ государственное казначейство.

По конверсіямъ было произведено въ 1890 году три операціи. Первая по пятипроцентнымъ англо-голландскимъ займамъ двухъ выпусковъ 1864 и 1866 года и по 6-му пятипроцентному займу 1855 г., всего на сумму непогашеннаго долга 81.426.277 р. зол., за которые уплачивалось процентовъ въ годъ 4.071.314 рублей золотомъ.

Для выкупа этихъ займовъ былъ заключенъ въ 1890 году четырехпроцентный золотой россійскій заемъ 2-й выпускъ 1890 года на нарицательную сумму 90 мил. рублей, за которые причитается процентовъ 3.600.000 р. з., т.-е. менѣе показаннаго выше на 471.314 р. зол., которые, переложенные въ кредитную валюту по курсу, принятому для росписи 1890 года, 1 р. 70 к. кред. за золотой рубль, составляютъ 801.233 рублей.

Сверхъ того отъ реализаціи этого займа, за покрытіемъ расходовъ по конверсіи, образовался свободный остатокъ въ 3.927.311 р. кред., послужившій выѣстъ съ другими суммами на досрочное погашеніе пятипроцентныхъ займовъ. Вслѣдствіе этого проценты на этотъ остатокъ въ размѣрѣ 5, всего 196.365 р., должны быть причислены къ сбереженіямъ казны въ уплатѣ процентовъ по ея обязательствамъ. Такимъ образомъ, общая выгода, извлеченная этою конверсіею, составляетъ 997.599 рублей кредитныхъ.

Вторая операція—по 7-му пятипроцентному займу 1862 года, сумма долга по которому простиралась до 94.575.000 р. зол. Для конверсіи его заключенъ россійскій четырехпроцентный золотой заемъ 3-й выпускъ 1890 г. на нарицательную сумму 75 мил. р., на которые причитается процентовъ 3 мил. р. зол. При реализаціи этого займа (по курсу около 86 коп. за рубль) было выручено 68.283.150 р. зол. Остальная сумма 26.291.850 р. была уплачена изъ наличныхъ средствъ

государственного казначейства. Такъ какъ покрыть часть долга на 26 м. р. можно было и безъ конверси, то конверси относится собственно къ 68.283.150 р., за которые слѣдуетъ уплачивать по новому займу, какъ за полные 75 м. р., по 4%, 75 мил. рублей. По прежнему же пятипроцентному займу казна должна бы платить 3.414.592 р. Такимъ образомъ, получается сбереженіе въ 414.592 р. зол., которые, по переложеніи въ кредитные по курсу 1 р. 70 коп. за золотой рубль, составляютъ 704.068 рублей.

Третья операція — конверси облигацій харьково-кремненчугскаго участка харьково-николаевской желѣзной дороги, сумма долга по которымъ составляла 10.441.103 руб., а проценты, по расчету 5%, 522.055 р. золотомъ. Для конверси и выкупа этихъ облигацій былъ заключенъ четырехпроцентный золотомъ заемъ 4-й выпускъ 1890 г. на нарицательную сумму 10.441.000 руб. зол. При реализаціи этого займа выручено 9.814.538 руб. зол., которые и употреблены на погашеніе облигацій, причемъ недостающіе 626.567 р. з. дополнены изъ средствъ государственнаго казначейства. Полученная отъ этой операціи выгода составила 73.087 р. зол. или 124.247 рублей кредитныхъ.

Всѣ три операціи вмѣстѣ повели къ сбереженію въ платежѣ процентовъ по государственнымъ долгамъ на сумму 1.825.914 рублей кредитныхъ.

Какъ сказано выше, въ отчетѣ государственнаго контроля сверхъ бюджетныхъ свѣденій приводятся и свѣденія о различныхъ кассовыхъ оборотахъ. Разработка этихъ свѣденій, дѣятельно производившаяся въ послѣдніе годы, въ отчетѣ за 1890 годъ доведена, повидному, до полноты, не оставляющей желать ничего большаго. Приведемъ перечень этихъ свѣденій, чтобы дать наглядное представленіе о сложности государственнаго счетоводства. Свѣденія эти сосредоточиваются главнымъ образомъ въ IV отдѣлѣ отчета: „Общій сводъ оборотовъ по государственнымъ росписямъ въ теченіе 1890 года“, имѣющимъ предметомъ: а) сопоставленіе суммъ, значащихся въ кассовомъ сводѣ, съ соотвѣствующими суммами отчета по исполненію государственной росписи, и б) выясненіе сущности производившихся въ теченіе 1890 года оборотовъ, съ указаніемъ происшедшихъ измѣненій въ кассовой наличности государственнаго казначейства. Въ соотвѣтствіе съ этимъ отдѣлъ распределяется на три главы: 1) остатокъ суммъ государственнаго казначейства къ 1 января 1890 года; 2) обороты суммъ государственнаго казначейства въ теченіе 1890 года; и 3) какъ выводъ двухъ предшествующихъ, остатокъ суммъ государственнаго казначейства къ 1 января 1891 года.

Вторая глава заключаетъ свѣденія объ оборотахъ въ теченіе 1890 г. (не смѣтнаго, а гражданскаго): по государственнымъ доходамъ и расходамъ и по конверсіямъ, выполненнымъ въ 1889 и въ 1890 году; по суммамъ, временно обращавшимся въ кассовой наличности; по расходамъ за счетъ постороннихъ источниковъ и по ихъ возвращенію; по обмѣну билетовъ государственнаго казначейства, по обмѣну принадлежащихъ казнѣ процентныхъ бумагъ на деньги и денегъ на процентныя бумаги; по обмѣну звонкой монеты на кредитные билеты и обратно; по взаимному обмѣну кредитныхъ рублей, разнѣнной монеты, золота и серебра въ монетѣ и металлахъ; по передвиженію суммъ между кассами; по купонамъ, оплаченнымъ за счетъ государственнаго банка; по контромаркамъ на обывательскіе подводы; наконецъ по прочимъ кассовымъ оборотамъ (на 22—23 мил. рублей).

Переходя отъ номенклатуры къ сущности и останавливаясь лишь на денежныхъ знакахъ, результатъ означенныхъ оборотовъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующемъ сопоставленіи:

	къ 1 января 1890 г.	къ 1 января 1891 г.
суммъ кредитными билетами . . .	182.597.059 р.	196.850.052 р.
золотомъ	126.571.006 "	162.995.795 "
банковимъ серебромъ . . .	8.138.948 "	6.083.189 "
<hr/>		
Всего въ кредитныхъ рубляхъ, по раз- счету золотого рубля равнымъ 1 р. 70 к., а серебрянаго 1 р. 19 к. кредитныхъ	407.453.111 р. 99 к.	481.181.898 р. 90 к.
болѣе къ 1891 году на 73.728.786 рублей 91 коп.		

Сама по себѣ наличность суммъ государственнаго казначейства въ томъ или другомъ размѣрѣ не имѣетъ особаго финансоваго значенія, такъ какъ скопленіе суммъ въ данное время можетъ быть совершенно случайнымъ. Государственный контроль и не ограничивается оправданіемъ общей наличности: въ слѣдующемъ V отдѣлѣ онъ опредѣляетъ *свободную наличность государственнаго казначейства* къ истеченію смѣтнаго періода 1890 года, т.-е. такихъ суммъ, которыя къ этому времени не имѣли никакого опредѣленнаго назначенія, и которыми, слѣдовательно, можно свободно распорядиться.

Къ смѣтному періоду 1890 года такая наличность составляла 214.408.824 р. 13 к. ¹⁾ Для вывода свободной наличности къ концу этого періода, т.-е. къ смѣтному періоду 1891 г., бухгалтерія государственнаго контроля беретъ всю наличность государственнаго каз-

¹⁾ По отчету за 1889 г. она была исчислена въ размѣрѣ 218.559.608 р. 53 к., т.-е. болѣе на 4.150.784 р. 40 к. Эта разница объясняется перечисленіемъ въ отчетъ за 1890 г. оборотовъ въ серебряной монетѣ по курсу 1 р. 19 к. вмѣсто курса по 1 р. 70 к., по которому тѣ же обороты были перечислены въ 1889 году.

начейства къ этому сроку, 481.181.898 р. 90 к., и исключаетъ изъ нея суммы, имѣющія уже опредѣленное назначеніе, а именно: а) суммы на удовлетвореніе невыполненныхъ къ 1 января 1891 года расходовъ по росписи 1890 года—167.539.431 р. 53 к.; б) на удовлетвореніе невыполненныхъ расходовъ по росписямъ прежнихъ лѣтъ—59.156.091 р. 77 к. кред. и 10.780.457 р. 99 к. золотомъ; в) на окончаніе расчетовъ по конверсіямъ 2.001.350 р. 99 к. Всего суммъ, имѣющихъ назначеніе—247.023.652 р. 87 к. По вычетѣ ихъ изъ указанной выше общей наличности, свободная наличность государственнаго казначейства къ смѣтному періоду 1891 года опредѣлится въ 234.158.246 р. 3 к.

Эта сумма получается при условіи считать золотой рубль равнымъ 1 р. 70 к. кред., а серебряный—1 р. 19 коп. кредитныхъ. Между тѣмъ, для росписи 1891 года принять иной курсъ: для золотого рубля 1 р. 60 к. и для серебрянаго—1 р. 12 к. кред. Почисляя золотую и серебряную наличность по этому курсу (золотомъ 139.499.138 р. 94 к. и серебромъ 6.075.382 р. 9 коп.), отчетъ государственнаго контроля выводитъ остатокъ по курсу 1891 года въ 219.783.055 р. 32 к. кредитныхъ.

Нѣтъ надобности указывать на важное значеніе—не только касовое,—какое имѣетъ эта часть отчета государственнаго контроля, особенно во время подобное переживаемому нами нынѣ. Еще недавно, какъ извѣстно, основываясь на данныхъ этого отчета, правительство рядомъ точныхъ цифръ могло опровергать слухи о положеніи средствъ нашего государственнаго казначейства, недостаточно будто бы удовлетворительномъ въ виду постигшаго Россію бѣдствія.

Обращаемся къ заключительной части отчета *о специальныхъ сборахъ и капиталахъ, состоящихъ въ распоряженіи правительственныхъ учреждений*. Специальныхъ капиталовъ, изъ которыхъ одни имѣютъ общегосударственное значеніе, другіе—какую-нибудь частную цѣль, очень много, и именно 306, въ размѣрѣ отъ нѣсколькихъ десятковъ рублей до десятковъ милліоновъ.

Въ сложности вся сумма этихъ капиталовъ составляла (деньгами, бумагами и долгами) 287.824.524 рубля. Приходъ ихъ въ 1890 году равнялся 53.286.230 рублямъ, а расходъ—42.845.527 рублямъ, такъ что къ 1891 году капиталы эти достигли 298.655.187 рублей.

Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ—это инвалидный капиталъ, размѣръ котораго въ 1890 г. былъ почти въ $25\frac{1}{2}$ мил. р.; дохода съ него поступило слишкомъ $3\frac{1}{2}$ мил. р. и израсходовано до 3 мил. р., такъ что сумма его къ 1891 году составила слишкомъ 30 мил. р.

Капиталь заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ отъ 5.980.000 рублей возросъ въ теченіе 1890 года до 6 м. р. слишкомъ, при поступленіи около полумилліона и при расходѣ въ 300.000 р.

Въ вѣденіи министерства народнаго просвѣщенія числилось всѣхъ капиталовъ къ 1890 г. на сумму 26 мил. р., которые къ 1891 году увеличились до 28 мил. р., при доходѣ въ $8\frac{1}{2}$ мил. р. и расходѣ въ 7 мил. р. Изъ доходныхъ статей можно отмѣтить сборъ за слушаніе лекцій и за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ, простиравшійся до 4 мил. рублей. Въ 1886 году сборъ этотъ составлялъ только 3.237.000 рублей; такимъ образомъ, въ теченіе 4 лѣтъ онъ возросъ на 700.000 р. слишкомъ, что, къ сожалѣнію, должно быть отнесено не столько къ увеличенію числа учениковъ, сколько къ послѣдовавшему за это время возвышенію платы за ученіе.

Заслуживаютъ вниманія также эмеритальныя кассы. Наиболѣе значительная изъ нихъ эмеритальная пенсіонная касса военно-сухопутнаго вѣдомства, капиталъ которой къ 1890 году составлялъ 96 мил. р., а къ 1891 г.— $97\frac{1}{2}$ мил. р., причемъ дохода поступило свыше 8 мил. р., а расхода произведено 6.706.000 р.

Въ блестящемъ положеніи находится эмеритальная касса судебного вѣдомства. За 1890 годъ капиталъ ея возросъ съ 9.750.000 р. до 10.750, при доходѣ въ 1.150.000 р. и при расходѣ всего въ 150.000. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о двухъ кассахъ нижегородъ. Капиталь эмеритуры горныхъ инженеровъ составлялъ къ 1890 году 1.580.529 р.; дохода въ него поступило 141 т. р., а расходовъ произведено около 137 мил. р., и къ 1891 году капиталъ увеличился до 1.585.075 р., т.-е. цифры ниже той, въ какой онъ числился, напр., въ 1887 году (1.599.000). Эмеритальные расходы имѣютъ свойство расти очень быстро и въ теченіе весьма продолжительнаго періода (отъ 60 до 90 лѣтъ), такъ что для обезпеченія состоятельности эмеритальной кассы нуженъ первоначальный весьма значительный капиталъ съ значительными, доставляемыми имъ, ежегодными доходами. Задача эмеритальной кассы, для того чтобы она осталась состоятельной, сводится почти къ тому, выражаясь образнымъ языкомъ, чтобы въ теченіе указаннаго періода геометрическая прогрессія возрастанія расходовъ не догнала арифметическую прогрессію увеличенія доходовъ. Положеніе, подобное тому, въ какомъ находится касса горныхъ инженеровъ, неминуемо грозитъ ей банкротствомъ въ самомъ близкомъ будущемъ; судя по цифрамъ дохода (313 т. р.) и расхода (207 т. р.), при капиталѣ менѣе 3 мил. р., недалеко ушла отъ нея касса инженеровъ путей сообщенія. Эмеритальная касса морского вѣдомства гораздо въ лучшемъ положеніи. Капиталь ея къ 1890 году составилъ 2.380.000 р. и къ 1891 г. возросъ до

2.600.000 р., при доходѣ въ 1.635.000 р. и расходѣ въ 1.413.000 р.; а между тѣмъ въ официальныхъ сферахъ, какъ мы слышали, уже начинаютъ опасаться за ея состоятельность, и не безъ основанія, не смотря на миллионъ рублей дохода, доставляемый ея капиталомъ, независимо отъ эмеритальныхъ взносовъ: слишкомъ мала разница между доходомъ и расходомъ, и она должна все уменьшаться, а затѣмъ начнется превышеніе расхода надъ доходомъ, вслѣдствіе того, что ежегодно прибываетъ все болѣе и болѣе эмеритантовъ и съ болѣе высокими окладами.

Наиболѣе крупныя расходы изъ специальныхъ капиталовъ были на слѣдующіе предметы: на эмеритальныя и другія пенсія и пособія лицамъ, оставившимъ службу и инвалидамъ (11.645.586 р.); устройство и содержаніе зданій, дорогъ и монументовъ, церковныя потребности и пр. (8.575.189 р.); на содержаніе учебныхъ заведеній, стипендіи и пособія на воспитаніе (5.224.948 р.), пособія по случаю пожаровъ (4.665.630 р.), издержки по тюремной части (2.136.185 р.) и пр.

Изъ нашего обзора свѣдѣній, доставляемыхъ отчетомъ государственнаго контроля, нельзя не заключить о выгодныхъ результатахъ той заботливости, которую государственный контроль, въ предѣлахъ возможнаго, проявлялъ до сихъ поръ съ цѣлью упорядочить наше государственное финансовое хозяйство. Авторитетъ контроля, какъ въ официальныхъ сферахъ, такъ и въ обществѣ, зависитъ прежде всего отъ вѣрности сообщаемыхъ имъ данныхъ и отъ безпристрастной ихъ оцѣнки: и то, и другое составляютъ, какъ надобно думать, главный предметъ заботливости нашего государственнаго контроля.

0.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1892 г.

Общая характеристика минувшаго года.—Правительственныя мѣры по обезпеченію народнаго продовольствія.—Дѣятельность нижегородской губернской продовольственной комиссіи.—Рѣчь нижегородскаго губернатѣра при открытіи губернскаго земскаго собранія.—Постановленія Особаго Комитета.—Циркуляр саратовскаго губернатѣра.

Минувшій годъ не ознаменованъ, какъ два его предшественника, крупными перемѣнами въ области законодательства. Одно время можно было думать, что ему суждено завершить собою циклъ возвратныхъ преобразованій, исходной точкой котораго послужилъ университетскій уставъ 1884 г.; можно было думать, что за измѣненіями въ сферѣ судебно-административной и въ сферѣ земской непосредственно послѣдуетъ то же и въ сферѣ городского самоуправленія. Городовое положеніе 1870 г. до сихъ поръ, однако, остается неприкосновеннымъ; разсмотрѣніе законопроекта, его замѣняющаго, отложено, судя по слухамъ въ печати, до слѣдующаго законодательнаго періода. Продолжалось, въ 1891 г., осуществленіе положеній 12-го іюля 1889 г., дѣйствующихъ теперь въ значительно большей части земской Россіи; началось осуществленіе земскаго положенія 12-го іюня 1890 г. Черезъ годъ или два выборный мировой судъ будетъ у насъ рѣдкостью, сохранившея только въ столицахъ и немногихъ большихъ городахъ, какъ бы въ видѣ воспоминанія о другой эпохѣ—а земскія собранія первоначальнаго типа окончательно отойдутъ въ прошлое. Мы слѣдили, насколько было возможно, за дѣятельностью новыхъ учрежденій. Для характеристики пореформеннаго земства нѣтъ еще на-лицо достаточныхъ матеріаловъ; первая сессія обновленныхъ губернскихъ собраній происходила, и то не вездѣ, только въ истекшемъ мѣсяцѣ, а свѣденія о новыхъ уѣздныхъ собраніяхъ, какъ и о старыхъ, по обыкновенію немногочисленны и неполны. Нѣсколько больше успѣли обрисоваться новыя судебно-административныя учрежденія, не смотря на скудный

запасъ данныхъ, оглашаемыхъ путемъ печати. Господство одного направления не устраняетъ здѣсь, повидимому, нѣкотораго разнообразія сочетаній, образуемыхъ старыми традиціями и новыми задачами. Этому разнообразію способствуетъ, отчасти, неоднородный составъ губернскихъ присутствій и уѣздныхъ сѣздовъ, отчасти—самый характеръ власти земскихъ начальниковъ. Чѣмъ шире усмотрѣніе, тѣмъ неизбежнѣе различіе въ способахъ и границахъ пользованія имъ. Нѣтъ, конечно, недостатка и въ объединительныхъ тенденціяхъ; но онѣ не вездѣ одинаково настойчивы и одинаково интенсивны. Довольно рѣзкое несходство между уѣздами замѣчается иногда даже тамъ, гдѣ всего чувствительнѣе вліяніе губернской власти. Окончательному торжеству центростремительныхъ силъ надъ центробѣжными—если оно, рано или поздно, наступитъ—будетъ предшествовать, по всей вѣроятности, значительная перемѣна въ личномъ составѣ земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружного суда, а можетъ быть, и въ самомъ устройствѣ и порядкѣ дѣйствій судебно-административныхъ учреждений. Положенія 12-го іюля—и въ особенности процессуальныя правила 29-го декабря 1889 г.—не вполне подходятъ къ тому идеалу, который создали для себя иные ихъ исполнители. До извѣстной степени „приспособленіе“ къ этому идеалу можетъ совершаться и на почвѣ дѣйствующаго законодательства—но только до извѣстной степени, потому что есть предѣлъ, за которымъ „аккомодация“ закона переходитъ въ прямое его нарушение. Возможно, впрочемъ, и противоположное движеніе: возможно частичное измѣненіе закона въ смыслѣ приближенія къ общимъ, основнымъ началамъ права. Такимъ измѣненіемъ былъ бы, напри-
мѣръ, пересмотръ *временныхъ* правилъ о волостномъ судѣ, еслибы онъ былъ направленъ къ устраненію неудобствъ, указанныхъ нами въ предыдущемъ обзорѣ; такимъ измѣненіемъ было бы и установленіе публичности засѣданій губернскаго присутствія или возложеніе на уѣзднаго члена окружного суда предсѣдательства въ судебныхъ засѣданіяхъ уѣзднаго сѣзда.

Важнѣйшіе законодательные акты истекшаго года были разсмотрѣны нашимъ журналомъ или въ особыхъ статьяхъ, или во „внутреннихъ обзорѣніяхъ“. Полнаго сочувствія заслуживаетъ законъ 12-го марта объ узаконеніи и усыновленіи. Правила 4-го мая о школахъ грамоты ничего, въ сущности, не измѣнили въ положеніи этой отрасли начальнаго обученія. Законъ 3-го іюня объ упрощенномъ судопроизводствѣ вызываетъ разныя мнѣнія, но во всякомъ случаѣ составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ прежнимъ порядкомъ. Новый таможенный тарифъ является послѣднимъ словомъ давно господствующей у насъ финансовой системы.

Начиная со второй половины года, вниманіе правительства и общества сосредоточилось почти исключительно на неурожаѣ и его послѣдствіяхъ. Наиболѣе энергичныя мѣры въ борьбѣ съ бѣдствіемъ были приняты, правда, только въ концѣ ноября. Почти одновременно съ учрежденіемъ Особаго Комитета, подѣ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, рѣшено открыть въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, общественныя работы, въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ предполагалось сначала. Въ дополненіе къ прежде отпущенному на этотъ предметъ 1½ миллиону ассигновано еще 10 милл. рублей, а для организаціи работъ образовано особое совѣщаніе, подѣ предсѣдательствомъ А. А. Абазы, изъ министра внутреннихъ дѣлъ, министра финансовъ и государственнаго контролера. Завѣдывающимъ общественными работами назначенъ строитель закаспійской желѣзной дороги, генералъ Анненковъ. Цифра разрѣшенныхъ ссудъ достигла, къ началу декабря, 55¾ миллионовъ, изъ которыхъ почти 12 миллионовъ израсходованы на озимыя посѣвы, а около 44 миллионовъ предназначено на покупку хлѣба для продовольствія и сѣмянъ для яровыхъ посѣвовъ ¹⁾. Какая именно часть этой сумми должна пойти собственно на продовольствіе, какая часть ея уже поступила въ распоряженіе земства—этого изъ правительственнаго сообщенія не видно; мы узнаемъ изъ него только, что *приобрѣтено*, преимущественно для продовольствія, около 25½ милл. пудовъ, т.-е. *истрачено* едва ли болѣе 30 миллионовъ рублей. Самыя крупныя ссуды достались на долю губерній казанской (6.600.000), самарской (6.400.000) и саратовской (6 миллионовъ рублей). Въ скоромъ времени слѣдуетъ ожидать дополнительныхъ ассигновокъ, такъ какъ, по словамъ сообщенія, продовольственная нужда опредѣлится вполне только „по разсмотрѣніи всѣхъ имѣющихся по этому предмету свѣдѣній въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, происходящихъ, въ болѣе части мѣстностей, въ теченіе декабря“. Губернскимъ земскимъ собраніямъ предстоитъ также выяснить размѣръ ссудъ, необходимыхъ для приобрѣтенія яровыхъ сѣмянъ.

О способѣ распредѣленія ссудъ и пособій на мѣстѣ, среди пострадавшаго населенія, свѣдѣній все еще мало, и они имѣютъ, болѣею частью, отрывочный, случайный характеръ. Примѣру нижегородской губернской продовольственной комиссіи, оглашающей свои постановленія (начиная съ второй половины ноября) путемъ разсылки ихъ въ редакцію газетъ и журналовъ, другія учрежденія того же рода покамѣстъ еще не слѣдуютъ. Конечно, официальные акты, выражающіе

¹⁾ Не вполне оправдалось, слѣдовательно, предположеніе г. Д. Самарина, по расчету котораго, къ половинѣ ноября, минимальная цифра ассигновокъ на продовольствіе составляла 48 милл. рублей.

шіе собою, притомъ, не столько дѣятельность на мѣстѣ, сколько контроль надъ нею и разрѣшеніе встрѣчаемыхъ ею затрудненій, не могутъ замѣнить собою частныхъ сообщеній, идущихъ прямо съ театра борьбы, изъ деревенъ, пораженныхъ нуждою. Отношеніе между тѣми и другими—приблизительно такое же, какъ между реляціей о сраженіи и письмомъ очевидца-участника боя. Последнее имѣетъ передъ первымъ безспорное преимущество непосредственности и свободы—но оно касается лишь одного эпизода битвы, а реляція изображаетъ ее, такъ или иначе, во всемъ ея объемѣ. Наше сравненіе было бы неполно и неточно, еслибы мы не повели его нѣсколько дальше. Журналы учрежденія, призваннаго руководить, въ предѣлахъ губерніи, продовольственнымъ дѣломъ—это не только реляція о прошедшемъ, но диспозиція на ближайшее будущее; рѣчь идетъ здѣсь не только о сдѣланномъ, но и о томъ, что и какъ предполагается сдѣлать. Постановленія нижегородской губернской комиссіи заслуживаютъ, поэтому, внимательнаго изученія, и мысль генерала Баранова, по инициативѣ котораго имъ дана широкая гласность, должна быть признана весьма счастливою.

Составъ нижегородской губернской продовольственной комиссіи—довольно многочисленный; число присутствующихъ въ ея засѣданіяхъ доходитъ до сорока или даже превышаетъ эту цифру. Рядомъ съ архіереемъ, вице-губернаторомъ, управляющимъ казенною палатою и другими должностными лицами засѣдаютъ здѣсь, подъ предсѣтельствомъ губернатора, предводители дворянства, члены земскихъ и городскихъ управъ и частныя лица. Такія же смѣшанныя комиссіи имѣются, кажется, во всѣхъ уѣздахъ нижегородской губерніи. Въ одномъ изъ засѣданій губернской комиссіи возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли опредѣлить точнѣе отношенія ея къ комиссіямъ уѣзднымъ, т. е. установить предѣлы власти, принадлежащей послѣднимъ. Предсѣдатель губернской комиссіи нашелъ—и, какъ намъ кажется, совершенно правильно,—что теперь не время заниматься подробной регламентаціей продовольственнаго дѣла. Вмѣсто составленія инструкцій, все старающихся предусмотрѣть заранѣе, гораздо лучше слѣдить за дѣятельностью уѣздныхъ комиссій, пополняя ея пробѣлы и исправляя ея ошибки. А отъ ошибокъ и даже отъ систематически неправильной постановки дѣла нѣкоторыя уѣздныя комиссіи, повидимому, далеко не свободны. Такъ, напримѣръ, въ лукояновскомъ уѣздѣ есть село (Василевъ Майданъ), выгорѣвшее въ прошломъ году и не успѣвшее еще оправиться послѣ пожара; крестьяне построили только дома, но не имѣютъ ни дворовъ, ни хозяйственныхъ службъ. У пятнадцати домохозяевъ вовсе не оказалось ржаного хлѣба; запасы яровыхъ хлѣбовъ также очень скудны. И что же? Уѣздная комиссія

отказываетъ этимъ крестьянамъ въ выдачу ссуды, чтобы сломить „упорство“, съ которымъ они отказываются вносить выкупные платежи! *Продовольственная* коммиссія, берущая на себя роль сурового сборщика податей—это явленіе, по меньшей мѣрѣ, неожиданное и оригинальное. Другая продовольственная коммиссія (сергачская) занимается пропагандой общественной запашки, обращая ея устройство въ условіе для получения ссуды. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ упущенія уѣздныхъ коммиссій были исправлены, по распоряженію губернатора, еще до доклада губернской коммиссіи. Въ сергачскомъ уѣздѣ существуютъ вообще странныя взгляды на продовольственный вопросъ. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ этого уѣзда (А. М. Ермоловъ) обратился къ губернатору съ жалобой на губернскую земскую управу, обвиняя ее въ неисполненіи постановленій губернской продовольственной коммиссіи. Дѣло въ томъ, что 10-го ноября коммиссія постановила: 1) отпускать сергачскому уѣзду хлѣбъ изъ лысовскаго склада и 2) закупать рожь у мѣстныхъ землевладѣльцевъ по цѣнѣ, установленной уѣздными продовольственными коммиссіями. Между тѣмъ изъ лысовскаго склада стали получать хлѣбъ крестьяне макарьевского уѣзда, а закупка хлѣба у сергачскихъ землевладѣльцевъ была приостановлена телеграммой губернской управы. По словамъ г. Ермолова, ему стоило большого труда „убѣдить помѣщиковъ подождать продавать свою рожь скупщикамъ и въ особенности на винокуренный заводъ Пашкова; онъ завѣрилъ ихъ, что сергачскому земству рожь понадобится, и для блага губерніи они согласились ждать и ждутъ“. Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Право получать хлѣбъ изъ лысовскаго склада было признано за ближайшими къ Лысову волостями макарьевского уѣзда самою губернской коммиссіей, въ засѣданіи 17-го ноября, на основаніи новыхъ, вполне убѣдительныхъ данныхъ. Что касается до покупки ржи у сергачскихъ помѣщиковъ, то она была приостановлена въ виду несоразмѣрно высокой цѣны, назначенной мѣстною коммиссіей: 1 руб. 60 коп. за пудъ ржи (на мѣстахъ!), тогда какъ губернское земство, въ то же самое время, покупало рожь на владикавказской желѣзной дорогѣ, съ доставкой въ Нижній и прочими накладными расходами, по цѣнѣ отъ 1 руб. 36 коп. до 1 руб. 38 коп.! Кто же повѣритъ, что сергачскіе помѣщики, готовые продать рожь по 1 руб. 60 коп. и даже, въ расчетѣ на эту цѣну, нѣсколько повременить съ продажей, имѣютъ въ виду блага губерніи?.. Въ засѣданіи губернской коммиссіи за губернскую земскую управу вступился, какъ и слѣдовало ожидать, самъ губернаторъ. „Ожиданія землевладѣльцевъ,—замѣтилъ онъ,—не обмануты; имъ предложено уступить земству свои запасы по ограниченной, не выше определенной, цѣнѣ“ (1 руб. 32 коп.)—цѣнѣ, прибавимъ имъ

отъ себя, болѣе чѣмъ вдвое превышающей недавнія цѣны на рожь и какъ нельзя болѣе выгодной для производителей. Замѣчательно, что на вызовъ губернатора продать рожь по этой цѣнѣ, обращенный ко всѣмъ землевладѣльцамъ нижегородской губерніи, отозвался, по 1-е декабря, только *одинъ* (васильсурскій предводитель дворянства, г. Зубовъ), уступившій земству 4.000 пудовъ ржи по 1 руб. 32 коп. Болѣе льготное предложеніе сдѣлано крупнымъ хлѣбнымъ торговцемъ, г. Бугровымъ, выразившимъ готовность продать весь имѣющійся у него хлѣбъ по той цѣнѣ, по которой онъ имъ самимъ купленъ, „безъ полученія какой-либо для себя выгоды и безъ зачета процентовъ на затраченный капиталъ“. Эта цѣна, для ржи—1 руб. 28 $\frac{1}{2}$ коп. за пудъ ¹⁾. Другой хлѣбный торговецъ, г. Блиновъ, предложилъ продать земству 40.000 пуд. ржи по 1 руб. 38 коп. за пудъ, т.-е. по послѣдней заготовительной цѣнѣ земства. Три арзамасскихъ купца—гг. Стрегулинъ, Вавинъ и Амозовъ—даютъ безвозмездно помѣщенія для склада земскаго хлѣба, въ количествѣ болѣе 200 тысячъ пудовъ; г. Стрегулинъ предоставляет, сверхъ того, арзамасскому земству безвозмездное пользованіе двумя принадлежащими ему мельницами.

Къ 1-му декабря губернской управою были израсходованы всѣ средства, отпущенныя правительствомъ на закупку хлѣба. Между тѣмъ, закупленнаго хлѣба можетъ хватить, по расчету продовольственной комиссіи, только до второй половины февраля; остается еще приобрести 1871 тыс. пуд.—больше половины всего количества, необходимаго для губерніи (3.321 тыс. пуд.). Мѣсячная пропорція хлѣба на продовольствіе 587 тысячъ нуждающихся опредѣлена въ 440 тысячъ пудовъ, считая только по 30 ф. на ѣдока; для весеннихъ мѣсяцевъ эта пропорція повышена до 500 тысячъ пудовъ. Конечнымъ пунктомъ выдачи продовольственныхъ ссудъ принято 1-го іюля (правильнѣе, конечно, было бы отдалить его до 1-го августа или, по меньшей мѣрѣ, до 15-го іюля). Наступленіе распутицы въ нижегородской губерніи ожидается около 1-го марта; для развозки по мѣстамъ громаднхъ хлѣбныхъ грузовъ остается, слѣдовательно, только два мѣсяца. Само собою разумѣется, что и доставка хлѣба, и самый хлѣбъ обошлись бы гораздо дешевле, еслибы вся заготовка, или хотя бы большая ея часть, была сдѣлана раньше, до закрытія навигаціи. Въ среднемъ выводѣ рожь приобреталась земствомъ по 1 руб. 27 коп.—а послѣдніи заготовительныя цѣны доходили, какъ мы уже знаемъ, до 1 руб. 38 коп. До распутицы должны быть доставлены на мѣста

¹⁾ Для удостовѣренія въ дѣйствительной цѣнѣ покупокъ г. Бугровъ предлагаетъ представить подлинныя свои торговныя книги.

и запасы ярового хлѣба для посѣва, въ количествѣ до 230 тысячъ четвертей, на сумму до 1.150 тыс. рублей (въ счетъ которыхъ земствомъ уже получено 300 тысячъ). Этотъ расчетъ—скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной надобности. При опредѣленіи ссудъ на обмѣненіе яровыхъ полей продовольственная коммиссія принимаетъ во вниманіе только цифры урожая и приходитъ къ заключенію, что около $\frac{2}{3}$ общей площади крестьянскаго ярового поля могутъ быть засѣяны сѣменами самихъ крестьянъ. Трудно предположить, чтобы это заключеніе оправдалось на самомъ дѣлѣ; нужда нынѣшняго года во многихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, заставляетъ крестьянъ употребить въ пищу *все* имѣющіеся у нихъ запасы ярового хлѣба.

Въ журналахъ нижегородской продовольственной коммиссіи и приложеніяхъ къ нимъ разсѣяно не мало заявленій о попыткахъ крестьянъ получить ссуду, не имѣя на то права, объ уклоненіи ихъ отъ работъ, о пропиваніи ими значительныхъ суммъ и т. п.; но есть также и узанія совершенно иного свойства. Такъ, напримѣръ, рядомъ приведены слѣдующіе факты: въ заштатномъ городѣ Починкахъ каждый изъ пяти винныхъ складовъ торгуетъ въ базарные дни на сумму отъ 500 до 800 рублей—а въ арзамасскомъ уѣздѣ замѣчается полный застой всякой вообще торговли. Губернскій предводитель дворянства предлагалъ, въ арзамасскомъ уѣздѣ, по 50 коп. въ день за очистку валежника въ его лѣсу, но крестьяне отъ работы отказались—а макарьевскій уѣздный предводитель удостовѣряетъ, что въ желающихъ работать нѣтъ недостатка и что на небольшихъ общественныхъ работахъ крестьяне соглашались получать плату хлѣбомъ. Отсюда ясно, что никакихъ общихъ выводовъ изъ отдѣльныхъ, случайныхъ данныхъ дѣлать нельзя; факты одного рода уравниваются другими, прямо противоположными. По справедливому замѣчанію генерала Баранова, сомнѣваться въ тяжеломъ положеніи сельскаго населенія нѣтъ никакой причины; можно признать только, что нужда—не поголовная и не вездѣ одинаковая...

Кто имѣетъ право на земскую помощь—одни ли крестьяне, впадшіе въ полную нищету, или также и тѣ, которыхъ помощь можетъ остановить на пути къ обѣднѣнію? Васильсурская уѣздная продовольственная коммиссія предлагала выдавать ссуды только тѣмъ, которые не могутъ чего-либо продать, лицамъ пострадавшимъ отъ пожаровъ, градобитій, болѣзней, падежей, и тѣмъ, которые не могутъ идти на заработки. Имуществомъ, не подлежащимъ продажѣ, признавались, при этомъ, земледѣльческія орудія, необходимое носильное платье, лошадь и корова, если она нужна для прокормленія дѣтей. Противъ такого ограниченія права на ссуду энергично возсталъ одинъ изъ членовъ губернской коммиссіи, П. В.

Неклюдовъ (нижегородскій вице-губернаторъ). „Нельзя, — сказалъ онъ, — опредѣлять степень нужды продажей крестьянскаго имущества. Надо благодарить Бога, что у крестьянина есть хоть какой-нибудь избытокъ, и не задача комиссіи — лишать его этого. Скупщики купили бы крестьянское имущество за безцѣнокъ, и только они и нажились бы. Такъ продается имущество при взысканіи съ крестьянъ зазанныхъ недоимокъ — и отъ этого не имѣютъ выгоды ни казна, ни плательщики“. Весьма возможно, однако, что васьурскій проектъ, переданный на предварительное разсмотрѣніе под-комиссіи, найдетъ защитниковъ въ средѣ губернской комиссіи. На эту мысль наводитъ насъ слѣдующій фактъ, записанный въ журналѣ засѣданія 17-го ноября. Крестьянинъ села Ульянова (лукояновскаго уѣзда) Никита Панферовъ просилъ, въ числѣ другихъ, о выдачѣ продовольственной ссуды. При повѣркѣ этой просьбы обнаружилось, что Панферовъ имѣетъ пару лошадей, корову, трехъ овецъ, пару собакъ, самоваръ, стоящій не менѣе 15 рублей, и *нѣсколько тудовъ* гречневой крупы и другого хлѣба. Губернаторъ сообщилъ комиссіи, что Панферовъ привлеченъ къ отвѣтственности — очевидно, за неправильное причисленіе себя къ нуждающимся въ ссудѣ. Намъ кажется, что для выясненія правъ Панферова на ссуду слѣдовало бы привести въ извѣстность, изъ сколькихъ душъ состоитъ его семья, сколько за нимъ числится надѣльной земли и что даютъ теперь въ лукояновскомъ уѣздѣ за лошадь, корову, овцу и самоваръ, хотя бы и пятнадцатирублевый. Весьма можетъ быть, что при такомъ изслѣдованіи корова оказалась бы нужной даже съ точки зрѣнія васьурскаго проекта ¹⁾, вторая лошадь — необходимой для успѣшной вспашки надѣла, а все вмѣстѣ взятое — имѣющимъ грошовую рыночную цѣнность. Допустимъ, однако, что просить о ссудѣ Панферовъ не имѣлъ основанія; слѣдуетъ ли отсюда, что онъ заслуживалъ привлеченія къ отвѣтственности? Изъ журнала комиссіи не видно, чтобы онъ давалъ ложныя показанія, принималъ особыя мѣры къ сокрытію своего имущества; если онъ и ошибался, то вѣдь „ошибка въ фальшь не ставится“... Признать право на помощь только за крестьянами, сохранившими, въ обрѣзъ, одиѣ лишь элементарнѣйшія принадлежности крестьянскаго хозяйства, значило бы сдѣлать неизбѣжнымъ такое обѣднѣніе народа, слѣдовъ котораго не изгладилъ бы и длинный рядъ урожайныхъ годовъ.

Кстати объ отвѣтственности. Мы надѣялись найти въ журналахъ нижегородской продовольственной комиссіи какія-либо свѣденія о причинахъ экстраординарной мѣры, постигшей недавно одного изъ

¹⁾ Васильурскій проектъ совершенно упускаетъ изъ виду, что корова, въ крестьянскомъ хозяйствѣ, цѣнна не только молокомъ, но и удобреніемъ.

нижегородскихъ земскихъ дѣятелей — председателя лукояновской уѣздной земской управы, купца Валова. Наша надежда не оправдалась. Въ журналѣ засѣданія 17-го ноября сказано, буквально, слѣдующее: „успѣху продовольственнаго дѣла въ Лукояновѣ много повредила мѣстная земская управа, болѣе чѣмъ сомнительная дѣятельность которой, и въ особенности председателя управы Валова, вынудила меня (т.-е. губернатора) ходатайствовать о примѣненіи чрезвычайной мѣры. Уже послѣдовало Высочайшее соизволеніе на удаленіе г. Валова отъ должности“. Изъ этого короткаго сообщенія не видно ни основаній, ни даже существа обвиненія; не видно, было ли истребовано отъ г. Валова объясненіе, всегда, даже въ маловажныхъ случаяхъ, предшествующее дисциплинарному взысканію; не видно, почему отвѣтственность пала только на г. Валова, тогда какъ опороченъ образъ дѣйствій всей уѣздной управы; не видно, наконецъ, почему „болѣе чѣмъ сомнительная“—т.-е. заключающая въ себѣ признаки преступности—дѣятельность председателя и членовъ лукояновской земской управы не сдѣлана предметомъ судебного преслѣдованія. Если дѣйствія управы или ея председателя заключали въ себѣ малѣйшіе признаки злоупотребленія или хотя бы преступной небрежности, губернское земское собраніе не затруднилось бы, конечно, возбудить уголовное дѣло, разсмотрѣніе котораго въ публичномъ судебномъ засѣданіи, каковъ бы ни былъ его исходъ, удовлетворило бы вполнѣ общественную совѣсть. Подсудимому или подсудимымъ предоставлены были бы всѣ средства къ оправданію—и если бы, не смотря на то, состоялся обвинительный приговоръ, виновнаго или виновныхъ постигла бы, безъ сомнѣнія, кара болѣе строгая, чѣмъ одно увольненіе отъ должности.

Предстоящая широкая организація общественныхъ работъ придаетъ особый интересъ предположеніямъ, высказаннымъ по этому предмету нижегородскою губернскою продовольственною комиссіею. Общественныя работы, по ея мнѣнію, должны соответствовать слѣдующимъ главнымъ условіямъ: результаты ихъ должны быть полезны не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ; требуемая ими затраты должны, по возможности, окупаться ихъ доходностью, или, по крайней мѣрѣ, выгодами, доставляемыми населенію; техника работъ должна быть самая простая, общедоступная, заключааясь преимущественно въ работѣ лопатой и въ подвозѣ матеріаловъ; населеніе, привлекаемое къ работамъ, должно этимъ путемъ отрабатывать продовольственную ссуду; уклоняющимся отъ работъ, при полной способности ихъ исполнить, выдача продовольственной ссуды должна

быть по возможности затруднена. Наиболѣе спорной кажется намъ цѣлесообразность послѣдняго условія. Общественныя работы должны быть организованы такъ, чтобы населеніе принималось за нихъ охотно, безъ прамого или косвеннаго принужденія. Каково будетъ положеніе крестьянина, поставленнаго передъ такой дилеммой: или пойти за нѣсколько десятковъ или сотенъ верстъ на работу, ему, можетъ быть, совершенно незнакомую и несвойственную, оставивъ семью, нуждающуюся въ его присмотрѣ, и лишившись заработка, который онъ могъ бы получить около дома—или потерять право на ссуду, безъ которой ему и семьѣ угрожаетъ, въ данную минуту, самая крайняя нужда?! Кто будетъ, въ добавокъ, опредѣлять способность крестьянина къ данной общественной работѣ, кто будетъ взвѣшивать основанія, которыми мотивируется „уклоненіе отъ работы“? Безъ сомнѣнія—сельское и волостное начальство, на безпристрастіе котораго разсчитывать довольно трудно. Земскому начальнику, завѣдывающему нѣсколькими волостями, по-неволѣ придется, большею частью, принимать на вѣру донесенія старосты или старшины. Лишать права на ссуду отказъ отъ общественной работы могъ бы—и то не всегда—развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда работа предлагается вблизи селенія и не требуетъ отлучки изъ дома. Между тѣмъ, большая часть работъ, проектированныхъ нижегородскою губернскою комиссіею, приурочены къ Нижнему-Новгороду или къ одной небольшой части губерніи (устройство шоссе между Нижнимъ-Новгородомъ и Арзамасомъ — того самаго шоссе, которое еще недавно губернскимъ земскимъ собраніемъ признано не особенно нужнымъ для губерніи). Единственная категорія работъ, имѣющая чисто мѣстное значеніе—это улучшеніе грунтовыхъ дорогъ. Ихъ много вездѣ и онѣ почти вездѣ нуждаются въ починкѣ, не требующей со стороны руководителей работы—никакихъ спеціально-техническихъ знаній, со стороны ея исполнителей—никакихъ особыхъ навыковъ. Зимой могла бы быть произведена подвозка матеріаловъ, ранней весной можно было бы приступить къ починкѣ; кое-что могло бы быть сработано даже зимой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, ухабы сильно тормозятъ перевозку земскаго хлѣба. Генералъ Барановъ поступилъ совершенно правильно, настаивая на немедленномъ устраненіи этого неудобства и предлагая уѣзднымъ управлѣніямъ открыть временный на то кредитъ, въ счетъ суммъ, имѣющихъ быть ассигнованными на общественныя работы. Есть и другія мѣстныя работы, нижегородскою комиссіею не намѣченныя, но имѣющіяся въ виду особаго центрального совѣщанія объ общественныхъ работахъ: такова, напримѣръ, постройка зданій для сельскихъ школъ, больницъ, хлѣбныхъ магазиновъ. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, на ближайшую очередь будутъ поставлены именно мѣстныя работы,

а не работы общегосударственнаго значенія, потому что для послѣднихъ необходимъ всесторонне-обдуманнй планъ, а первыя могутъ быть предприняты безъ большой предварительной подготовки. Всѣ возраженія противъ общественныхъ работъ, которыя намъ приходилось въ послѣднее время читать и слышать, касаются именно работъ обширныхъ, сложныхъ, предполагающихъ большія затраты на изысканія, на технику, на машины и инструменты. Сюда относятся, на примѣръ, постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, исправленіе русла рѣкъ, углубленіе гаваней, устройство, въ большихъ размѣрахъ, работъ оросительныхъ или осушительныхъ. Поспѣшность здѣсь неумѣстна, ошибки—опасны, доля расходовъ, упдающихъ на рабочую плату—относительно невелика. Другое дѣло—работы мелкія, всякому сподручныя, ни съ какимъ рискомъ не сопряженныя, не отрывающія населеніе отъ обычнаго мѣста жительства, распределяющія между рабочими почти всю стоимость предпріятія. Организатія *такихъ* работъ кажется намъ въ высшей степени желательной и вполне осуществимой, лишь бы только онѣ совершались не изъ-подъ палки, въ буквальный и переносный смыслъ слова.

Весьма любопытно отношеніе нижегородской губернской продовольственной комиссіи—или, лучше сказать, ея председателя—къ частной благотворительности. „Въ уѣздахъ и городахъ губерній,—замѣтилъ генераль Барановъ въ первомъ гласномъ засѣданіи комиссіи,—существуетъ у отдѣльных лицъ и формирующихся негласныхъ кружковъ наклонность собирать въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая пожертвованія и раздавать ихъ нуждающимся самостоятельно. Не говоря уже о томъ, что эта форма благотворительности не поддается необходимому контролю, надо имѣть въ виду, что *она не можетъ достигать своего назначенія* (? вѣроятно, слѣдуетъ читать: *она можетъ не достигать* своего назначенія?). Вслѣдствіе этого предполагается сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы никто въ губерніи безъ спеціальнаго разрѣшенія не имѣлъ права собирать пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая и раздавать полученные суммы помимо съ этою цѣлью въ губерніи организованныхъ учреждений. вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимымъ воспретить лицамъ, желающимъ получить продовольственную помощь, обращаться непосредственно въ какія бы то ни было учрежденія, завѣдующія сборомъ и распределеніемъ пособій пострадавшимъ отъ неурожая, помимо своего ближайшаго и непосредственнаго начальства“. Въ журналѣ засѣданія 1-го декабря записано слѣдующее: „въ губернскую земскую управу явился на дняхъ присяжный повѣренный Са-

довскій, изъяснившій, отъ имени неизвѣстнаго жертвователя, желаніе взять на прокормленіе одну изъ пострадавшихъ деревень. Выборъ палъ на деревню Адашево, сергачскаго уѣзда, съ 215 жителями, для которыхъ куплено хлѣба на 2.700 рублей. Н. М. Барановъ заявляетъ, что онъ поручилъ мѣстному земскому начальнику тщательно надблести, чтобы прокормленіе крестьянъ сказаннаго селенія на средства неизвѣстнаго жертвователя совершалось правильно и, не отличаясь въ лучшую сторону отъ прокормленія нуждающихся на казенную ссуду, въ то же время не было бы и хуже его". Въ засѣданіи 17-го ноября, генераль Барановъ предложилъ ходатайствовать о томъ, чтобы впредь, при распредѣленіи въ Петербургъ и Москвѣ собираемыхъ пожертвованій, часть ихъ была удѣляема и на нижегородскую губернію. Раньше,—читаемъ мы въ журналѣ коммисіи— „Н. М. Барановъ не находилъ надобности обращаться, какъ дѣлали нѣкоторые изъ губернаторовъ, съ просьбами и воззваніями къ частной благотворительности, потому, во-первыхъ, что и безъ воззваній мѣстная благотворительность даетъ съ избыткомъ возможность удовлетворять настоящіе случаи острой нужды, и, во-вторыхъ, онъ былъ увѣренъ, что будетъ установлено полное объединеніе суммъ, собираемыхъ для нуждающихся". Изъ журнала того же засѣданія мы узнаемъ, что отдѣленія Краснаго Креста въ Сергачѣ и Луконовѣ до половины ноября „никакой дѣятельности въ помощи голодающимъ еще не проявляли“.

Всѣ изложенные нами взгляды коммисіи можно резюмировать такъ: вызывать частную благотворительность въ эпоху общественнаго бѣдствія не слѣдуетъ, а когда она проявляется сама собою, ее нужно взять подъ надзоръ и подвергнуть строгой регламентаціи. Печально было бы наше настоящее и еще печальнѣе будущее, еслибы точку зрѣнія нижегородской продовольственной коммисіи можно было признать господствующею. Въ дѣйствительности мы видимъ, къ счастью, совсѣмъ не то или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ то. Едва только успѣли обрисоваться размѣры бѣдствія, какъ уже раздались со всѣхъ сторонъ призывы къ благотворительности. Иначе и быть не могло, въ виду лучшихъ преданій нашего прошлаго. „Кликнуть кличь“, чтобы оповѣстить о бѣдѣ и возжечь усердіе добродѣтельныхъ жертвователей—нѣчто вполне согласное съ духомъ русскаго народа, да и вообще съ требованіями критической минуты. Нужно, во-первыхъ, чтобы по всей странѣ пронеслась вѣсть о несчастьѣ—пронеслась не только въ видѣ официальныхъ сообщеній, по необходимости сухихъ и сдержанныхъ, но и въ живыхъ образахъ, въ горячихъ словахъ, вылившихся изъ души очевидцевъ. Нужно, во-вторыхъ, чтобы каждый могъ направить свои пожертвованія тѣмъ путемъ, который ка-

жется ему наиболѣе цѣлесообразнымъ, въ тѣ руки, которымъ онъ всего больше вѣрить, въ ту изъ нуждающихся мѣстностей, которая всего ближе его сердцу. Особенную цѣну имѣютъ, поэтому, именно самыя раннія заявленія о голодѣ, шедшія прямо съ мѣстъ наибольшей нужды и разбудившія общество настойчивыми указаніями на близкую опасность. Къ частнымъ лицамъ вскорѣ присоединились и должностныя, начиная съ земскихъ начальниковъ и кончая губернаторами (по адресу которыхъ посланъ косвенный упрекъ въ приведенныхъ нами словахъ генерала Баранова). Все это было совершенно естественно и сослужило большую службу. Частныя лица видѣли вокругъ себя всѣ признаки нужды, страшной въ настоящемъ и еще болѣе грозной въ будущемъ; они чувствовали себя безсильными бороться съ нею—и звали на помощь, какъ зовутъ застигнутые наводненіемъ или пожаромъ. Должностныя лица очень хорошо знали, что главной поддержкой для населенія послужать мѣры общегосударственнаго характера; но это не мѣшало имъ понимать, что рядомъ съ правительственною помощью останется еще слишкомъ много мѣста для общественной и частной. Они сознавали себя нравственно-обязанными сказать во всеуслышаніе печальную правду, не ожидая ни „объединенія помощи“, ни такого увеличенія нужды, при которомъ трудно было бы что-нибудь сдѣлать даже въ самыхъ „острыхъ“ ея случаяхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что официальные „воззванія“ принесли свою долю пользы и ужъ конечно никому и ничему не повредили. Что касается до частныхъ призывовъ, то самое оглашеніе ихъ въ печати позволяло установить контроль надъ сборомъ вызываемыхъ ими пожертвованій. Устранялось, такимъ образомъ, единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ этого способа организаціи частной благотворительности. Отсюда не слѣдуетъ еще, впрочемъ, чтобы гласность помощи, идущей отъ частныхъ лицъ, была безусловно необходима. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что старожиль-землевладѣлецъ, пораженный бѣдственнымъ положеніемъ сосѣдей-крестьянъ, начинаетъ помогать имъ собственными средствами. Отлично зная положеніе каждаго нуждающагося, онъ снабжаетъ одного—деньгами, другого—хлѣбомъ, третьяго—молокомъ или топливомъ. Все это дѣлается съ глазу на глазъ, безъ шума и огласки. Скоро, однако, свободныя средства благотворителя истощаются; онъ обращается письменно или словесно къ своимъ друзьямъ и ближайшимъ знакомымъ и получаетъ, благодаря имъ, возможность продолжать свою дѣятельность. Неужели въ этомъ есть что-либо предосудительное или неудобное, требующее мѣръ пресѣченія или предупрежденія? Опасаться, что жертвуемые деньги не дойдутъ по назначенію, нельзя, въ подобныхъ случаяхъ, уже потому,

что самый способ сбора предполагает полное довѣріе жертвователей къ собирающему пожертвованія—довѣріе, на чемъ-нибудь да основанное и чѣмъ-нибудь да оправдываемое. Чтобы откликнуться на *публичный* вызовъ къ пожертвованіямъ, нѣтъ надобности знать лицо, отъ котораго идетъ вызовъ; гарантіей служить здѣсь самая публичность, неизбѣжно влекущая за собою ту или другую форму и степень контроля. Вызовъ частный, негласный можетъ, наоборотъ, подѣйствовать только на тѣхъ, кто знаетъ вызывающаго и вѣритъ въ его честность, энергію и преданность дѣлу... Еще менѣе цѣлесообразнымъ въ постановленіяхъ нижегородской продовольственной комиссіи кажется намъ запрещеніе „самостоятельной“ раздачи пособій, помимо официально-образованныхъ *учрежденій*, а также запрещеніе самимъ нуждающимся обращаться въ эти учрежденія иначе какъ черезъ посредство непосредственнаго начальства. Первое изъ этихъ запрещеній прежде всего неисполнимо: какъ услѣдить за тѣмъ, чтобы никто не передавалъ нуждающимся денегъ или хлѣба прямо изъ рукъ въ руки? Второе запрещеніе осуществимо, но сопряжено съ установленіемъ такихъ формальностей, которыя, замедляя и затрудняя полученіе пособія, легко могутъ, вдобавокъ, сдѣлаться источникомъ злоупотребленій. Всѣмъ извѣстно, что „непосредственное начальство“ крестьянъ, т.-е. сельскія и волостныя власти, далеко не всегда безкорыстно охраняетъ интересы подвластнаго имъ населенія. Всякое „средостѣніе“, воздвигаемое между помогающими и получающими помощь, неминуемо должно охладить, извратить благотворительность, парализовать лучшія ея стороны, облечь ее въ какой-то мундиръ, меньше всего свойственный простымъ, добрымъ, сердечнымъ отношеніямъ между ближними. Избытокъ регламентаціи долженъ, какъ намъ кажется, уменьшить даже самую сумму пожертвованій. Неизвѣстному жертвователю, взявшему на себя прокормленіе цѣлой деревни въ сергачскомъ уѣздѣ, едва ли пріятно было узнать, что задуманное имъ доброе дѣло поставлено подъ „тщательный надзоръ“ земскаго начальника, съ тѣмъ, чтобы облагодѣтельствованные крестьяне кормились отнюдь не лучше, чѣмъ ихъ сосѣди, продовольствуемые на казенную ссуду. Исходя изъ точки зрѣнія, выразившейся въ этомъ распоряженіи, слѣдовало бы запретить устройство народныхъ столовыхъ, потому что деревни, гдѣ онѣ существуютъ, несомнѣнно кормятся лучше, чѣмъ деревни, гдѣ производится только раздача хлѣба. Однообразіе и благотворительность—понятія, взаимно исключаемыя одно другимъ... Укажемъ, въ заключеніе, на противорѣчіе, поразившее насъ при чтеніи журналовъ нижегородской продовольственной комиссіи. Въ видѣ приложения къ одному изъ нихъ напечатанъ циркуляръ нижегородскаго губернатора къ земскимъ начальникамъ,

(отъ 22-го ноября). Земскій начальникъ — читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ — „не долженъ считать себя ни мировымъ судьей, ни чиновникомъ. Онъ долженъ помнить, что во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ, гдѣ онъ видитъ необходимость поступиться буквой того или другого правила, для достиженія успѣха дѣла, онъ долженъ принять на себя это отступленіе ¹⁾. Допущеніе смертныхъ случаевъ отъ голода или доведеніе населенія до отчаянія не могутъ быть оправданы никакими ссылками на ММ входящихъ и исходящихъ журналовъ и легальностью отписки... Безъ промедленія и безъ всякихъ формальностей земскій начальникъ долженъ моментально придти на помощь своими средствами и затѣмъ истребовать ее изъ подлежащихъ учреждений. Теперь, во время бѣдствія, земскій начальникъ въ глазахъ населенія долженъ быть рукой Провидѣнія, спасающаго отъ бѣды“... Не знаемъ, какъ согласить эти наставленія съ общимъ духомъ правилъ, установленныхъ для сбора и раздачи пожертвованій и для ходатайствъ о пособіи. Если земскій начальникъ долженъ приходить на помощь населенію „безъ промедленія и безъ всякихъ формальностей“, то на какомъ же основаніи замедлять помощь другого рода, требуя представленія пожертвованій непременно въ подлежащіе учреждения и запрещая просить о пособіи безъ разрѣшенія начальства? Неужели землевладѣлецъ, къ которому обращается голодающій сосѣдъ, долженъ отвѣтить ему: „вотъ сумма, которую я жертвую въ твою пользу—но я представлю ее въ ближайшее попечительство, а ты обратись туда, заручившись рекомендаціей волостного старшины“? Въ такое время, какъ настоящее, роль „спасающей руки“ не должна составлять ничьей монополіи. Между нуждающимися и готовыми облегчить нужду не должно быть никакихъ заставъ и рогатокъ.

Замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу постановленій нижегородской губернской продовольственной комиссіи, отнюдь не мѣшаютъ намъ признать, что въ ея дѣятельности есть многое столь же заслуживающее подражанія, какъ и огласка, данная ею этой дѣятельности. Въ особенности симпатичнымъ кажется намъ временное объединеніе правительственныхъ, земскихъ и общественныхъ силъ, достигаемое не подчиненіемъ однихъ—другимъ, а свободнымъ согла-

¹⁾ Вполнѣ соглашались съ тѣмъ, что въ дѣлѣ помощи голодающимъ невозможно стѣсняться буквою закона, мы не можемъ не пожалѣть, что въ циркулярѣ слишкомъ подчеркивается мысль о различіи между земскимъ начальникомъ и мировымъ судьей. Заботиться о голодающихъ земскій начальникъ призванъ не въ качествѣ судьи, а въ качествѣ администратора. Приглашеніе не стѣсняться закономъ, идущее параллельно съ напоминаніемъ, что земскій начальникъ—не мировой судья, можетъ возбуждать мысль, что законъ не вполнѣ обязателенъ для земскихъ начальниковъ и въ ихъ судебной дѣятельности.

шеніемъ, имѣющимъ въ виду только общую пользу. „Нижегородская губернія,—говоритъ генералъ Барановъ въ рѣчи, которою онъ открылъ на дняхъ нижегородское губернское земское собраніе, — первая, не ожидая приказа, явила возможность слить дѣятельность земства, общества и администраціи. Вотъ уже болѣе полугода мы работаемъ у одного дѣла, какъ работаютъ вѣсть люди, прежде недостаточно знакомые, въ моменты общей опасности: дружно, не считаясь разиѣрами труда и мало руководствуясь табелью росписанія обязанностей. При такомъ отношеніи къ дѣлу не должна имѣть мѣста излишняя ревность къ правамъ и обязанностямъ той или другой должности, того или другого учрежденія. Невогда намъ быть особенно осмотрительными въ соблюденіи формъ чиновничьяго этикета. Работая спѣшно, въ тѣснотѣ, можно безъ всякаго злого намѣренія наступить сосѣду на ногу и даже не успѣть въ этомъ извиниться“. Прекрасныя слова, въ особенности если имъ вполне соотвѣтствуетъ дѣло и если „сосѣдскія“ права дѣйствительно признаются за *ослами* участниками работы, а не только за однимъ изъ нихъ... Какъ бы то ни было, типъ единенія въ борьбѣ съ бѣдою, выработанный самою жизнью въ нижегородской губерніи, гораздо цѣлесообразнѣе единенія искусственнаго, устанавлиаемаго путемъ сосредоточенія въ однихъ рукахъ распорядительной власти. Энергія составляетъ, повидимому, отличительную черту генерала Баранова—и, тѣмъ не менѣе, онъ нашелъ возможнымъ раздѣлить работу съ *товарищами*, не стремясь обратить ихъ въ *подчиненныхъ*.

Другая система принята въ губерніи самарской. Во вниманіе въ исключительнымъ обстоятельствамъ текущаго неурожайнаго года, самарскій губернаторъ уполномоченъ „принять на себя, при содѣйствіи состоящаго подъ его предсѣдательствомъ особаго по продовольственной части совѣщанія, распорядительную власть по продовольственному дѣлу въ губерніи, пользуясь для исполнительныхъ дѣйствій какъ наличнымъ составомъ земскихъ управъ, такъ и другими, по усмотрѣнію его, лицами изъ чиновъ администраціи, земства и другихъ мѣстныхъ учреждений“. Иными словами, продовольственное дѣло передано всецѣло изъ рукъ земства въ руки администраціи, и земскія управы обращены въ обыкновенныя присутственныя мѣста, прямо подвластныя губернатору. Непосредственнымъ поводомъ къ этой мѣрѣ послужилъ, безъ сомнѣнія, отчетъ тайнаго совѣтника Звегинцова (см. „Прав. Вѣстникъ“, № 271), командированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ самарскую губернію и указавшаго не мало упущеній въ дѣятельности тамошнихъ земскихъ учреждений. Но вѣдь мѣстная администрація и раньше имѣла возможность обнаружить, предупредить или исправить эти упущенія:

ей стоило только дѣйствовать по примѣру нижегородской губернской администраціи. „Несоотвѣтствіе наличныхъ силъ нѣкоторыхъ земскихъ управъ съ лежащими на нихъ обязанностями,—читаемъ мы въ отчетѣ г. Звегинцова, — объясняется, отчасти, тѣмъ, что по случаю реформы крестьянскихъ учреждений, введенной въ самарской губерніи въ минувшемъ іюлѣ, много прежнихъ дѣятелей ушло на государственную службу, и земству пришлось пополнять составъ управъ, въ самое нужное время, людьми новыми, съ дѣломъ незнакомыми“ (прибавимъ къ этому, что въ концѣ 1890 или началѣ 1891 года скончался предсѣдатель самарской губернской земской управы, Крыловъ, стоявшій во главѣ земскаго дѣла нѣсколько трехлѣтій сряду и вынесшій на своихъ плечахъ борьбу съ голодомъ 1880-81 г.). Нельзя не пожалѣть, что составъ земскихъ исполнительныхъ органовъ былъ ослабленъ какъ-разъ „въ самое нужное время“. Лучше было подождать нѣсколько мѣсяцевъ съ введеніемъ новыхъ учреждений, чѣмъ отвлекать въ ихъ среду множество силъ, необходимыхъ для другого, болѣе важнаго и совершенно неотложнаго дѣла... Совокупная дѣятельность администраціи и земства, если бы она началась по инициативѣ губернатора, вслѣдъ за первыми признаками бѣдствія, представляла бы, во всякомъ случаѣ, больше гарантій успѣха, чѣмъ расширеніе, *post factum*, губернаторскихъ полномочій.

Въ половинѣ истекшаго мѣсяца обнародовано весьма важное объявленіе Особаго Комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича. Въ видахъ объединенія всѣхъ благотворительныхъ учреждений и для предупрежденія и устраненія неудобствъ, проистекающихъ отъ совмѣстной, но независимой дѣятельности каждаго изъ нихъ, Особый Комитетъ призналъ необходимымъ образованіе въ каждомъ губернскомъ городѣ одного общаго губернскаго комитета, который явился бы „посредствующимъ звеномъ между центральнымъ (Особымъ) комитетомъ и исполнительными органами его на мѣстахъ, до отдѣльныхъ волостей и селеній включительно, съ тѣмъ, чтобы въ губернскомъ комитетѣ сосредоточивалось изслѣдованіе дѣйствительныхъ нуждъ и высшее завѣдываніе всѣми жертвуемыми средствами. Эта централизація дѣятельности ни въ какомъ случаѣ не должна, однако, стѣснять прочія дѣйствующія въ губерніи учрежденія въ сборѣ пожертвованій и лишать ихъ свободы въ опредѣленіи способовъ подаванія помощи населенію. На губернскіе комитеты (или совѣщанія, образуемыя тамъ, гдѣ открытіе комитета признано будетъ неудобнымъ) слѣдуетъ возложить, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанность образовывать немедленно, гдѣ благотворительныя

попечительства мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ не имѣютъ, участковыя и сельскія попечительства. Затѣмъ Особый Комитетъ, принявъ въ соображеніе, что, при предстоящей ему дѣятельности, встрѣтится надобность въ самыхъ подробныхъ свѣдѣніяхъ о томъ, чѣмъ выражается на мѣстахъ благотворительность и какими мѣстными средствами она располагаетъ, постановилъ: поручить члену, завѣдывающему дѣлопроизводствомъ, собрать свѣдѣнія о дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ учреждений, а если возможно, то и частныхъ лицъ, занимающихся сборами въ пользу нуждающихся вслѣдствіе неурожая. Въ предупрежденіе нѣкоторыхъ неудобныхъ приемовъ частной благотворительности, не воплѣ согласныхъ съ требованіями общественнаго порядка, напр. оглашенія невѣрныхъ свѣдѣній о бѣдственномъ положеніи извѣстныхъ мѣстностей, Особый Комитетъ нашелъ воплѣ целесообразнымъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о воспрепятствованіи печатать воззванія лицамъ, не получившимъ на сборъ пожертвованій разрѣшенія отъ правительственной власти. Комитетъ считаетъ, однако, крайне желательнымъ *отнюдь не стѣснять* дѣятельности лицъ, посвятившихъ себя, по чувству христіанской любви къ ближнему, дѣлу помощи нуждающимся, а напротивъ, признаетъ необходимымъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить этихъ лицъ въ прямое общеніе съ Особымъ Комитетомъ и подвѣдомственными ему учреждениями, обезпечивъ ихъ возможною матеріальною поддержкой со стороны этихъ учреждений. Въ лицѣ такихъ частныхъ благотворителей, по мнѣнію Особого Комитета, получились бы самые надежные сотрудники, полезные уже потому, что они хорошо знаютъ мѣстную нужду и близки къ ней. На полезное значеніе такихъ частныхъ благотворителей и на необходимость ихъ поддержки Особый Комитетъ полагалъ указать всѣмъ губернскимъ органамъ благотворительной организаціи. Входящимъ въ кругъ своей дѣятельности Особый Комитетъ считаетъ воспособленіе всѣмъ нуждающимся, вслѣдствіе неурожая, лицамъ, въ мѣстностяхъ, недородомъ постигнутыхъ, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы исключена была всякая возможность одновременной выдачи одному и тому же лицу пособій изъ нѣсколькихъ различныхъ источниковъ”.

На практикѣ, при исполненіи постановленій Особого Комитета, могутъ возникнуть нѣкоторые вопросы, на которыхъ мы считаемъ нелишнимъ остановиться. Централизація благотворительной дѣятельности не должна, по мысли Комитета, стѣснять свободу мѣстныхъ учреждений въ опредѣленіи способовъ подаванія помощи населенію. Какъ согласовать это правило съ другимъ, воспрепятствующимъ одновременную выдачу пособій изъ нѣсколькихъ различныхъ источниковъ? Представимъ себѣ, что уѣздное попечительство Краснаго Креста

приняло на себя снабженіе *хлѣбомъ* тѣхъ крестьянъ деревни А., которые не получаютъ земской продовольственной ссуды (въ большинствѣ случаевъ, какъ извѣстно, выдаваемой только лицамъ не-работчаго возраста). Въ правѣ ли другое учрежденіе—напримѣръ, волостное или сельское попечительство—устроить въ той же деревнѣ столовую, для снабженія всѣхъ нуждающихся горячею пищею? Вѣдь они будутъ, такимъ образомъ, получать помощь одновременно изъ двухъ источниковъ—а, между тѣмъ, о запрещеніи столовой очевидно не можетъ быть и рѣчи. Мы думаемъ, поэтому, что ограниченіе, выраженное въ заключительномъ пунктѣ постановленій Комитета, направлено только противъ злоупотребленія помощью, т.-е. противъ полученія ея, *въ одномъ и томъ же видѣ*, изъ двухъ или нѣсколькихъ учреждений, единственно вслѣдствіе того, что каждому изъ нихъ неизвѣстны распоряженія другихъ или другого. Иными словами, постановленіе Особого Комитета не можетъ и не должно быть толкуемо въ смыслѣ единообразія или математическаго уравненія помощи, о которомъ мы говорили при разборѣ дѣятельности нижегородской губернской комиссіи. Столь же несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, и то, что свобода дѣйствій, сохраняемая Особымъ Комитетомъ за мѣстными *учрежденіями*, должна принадлежать и частнымъ лицамъ или группамъ частныхъ лицъ, ни къ какому учрежденію не примкнувшимъ... Съ общимъ духомъ постановленій Особого Комитета несомнѣнно, какъ намъ кажется, нижегородское запрещеніе непосредственной, „самостоятельной“ раздачи пожертвованій, собранныхъ частными лицами, а также требованіе разрѣшенія отъ начальства, какъ необходимаго условія для полученія пособія. Всѣ подобныя мѣры должны пасть, въ виду желанія Особого Комитета „отнюдь не стѣснять дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя дѣлу помощи нуждающимся“.

Чѣмъ ближе весенняя распутица, тѣмъ большую важность приобретаетъ вопросъ о своевременной закупкѣ и *подвозкѣ* хлѣба не только въ центральные склады, но и на мѣста, въ нуждающіяся мѣстности. Особенно яркимъ доказательствомъ этому служить циркуляръ саратовскаго губернатора земскимъ начальникамъ, напечатанный въ № 256 „Саратовскаго Дневника“. Около половины ноября губернаторъ предложилъ особому совѣщательному комитету обсудить, возможно ли для губернской управы купить и доставить въ губернію, для обезпеченія ея продовольствіемъ по 1-е апрѣля и сѣменами яровой посѣвъ, около $5\frac{3}{4}$ милл. пудовъ хлѣба, если принять во вниманіе, что губернская управа могла заготовить въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, *при помощи Волги*, только $2\frac{1}{2}$ милл. пудовъ. Коми-

теть нашелъ, что *если покупка такого количества хлѣба и возможна, то доставка и развозка его по губерніи будетъ едва ли осуществима или по меньшей мѣрѣ до крайности затруднительна, и что поэтому слѣдуетъ принять энергическія мѣры къ правильной раздачѣ ссудъ на продовольствіе населенія.* Дальше идетъ подробный перечень этихъ мѣръ: земскіе начальники приглашаются приступить къ новой подворной провѣркѣ списковъ нуждающихся, съ принятіемъ въ расчетъ, какое количество хлѣба можетъ быть приобрѣтено самимъ крестьяниномъ *путемъ продажи лишняго скота и другого движимаго имущества.* Выдача каждому домохозяину, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть уменьшена; *лица, безъ уважительныхъ причинъ уклоняющіеся отъ работъ, должны быть исключены изъ списка нуждающихся.* Норму, опредѣленную земскимъ собраніемъ (по 1 пуду на ѣдока), слѣдуетъ понимать такъ, что это количество выдается только не имѣющимъ рѣшительно никакого другого продовольственного подспорья и никакой возможности что-либо заработать. А что, если всѣ эти мѣры, о значеніи и внутренней цѣнности которыхъ мы говорили выше, окажутся недостаточными? Что если, несмотря на всѣ урѣзыванья и вычерчиванья, число ѣдоковъ все-таки окажется, въ мартѣ мѣсяцѣ, сравнительно большимъ, чѣмъ количество *наличнаго* хлѣба?.. Затрудненія, встрѣчающіяся при покупкѣ и подвозкѣ хлѣба, не могутъ быть названы непреодолимыми; нужно только своевременно предусмотрѣть ихъ и своевременно приготовиться къ борьбѣ съ ними. Но какъ и чѣмъ восполнить недостатокъ хлѣба, если онъ обнаружится гдѣ-нибудь въ глухой мѣстности, въ самый разгаръ бездорожья?.. Не ясно ли, что изъ посылокъ, выставленныхъ саратовскимъ совѣщательнымъ комитетомъ, слѣдовало бы вывести совершенно иное заключеніе, клонящееся не къ сокращенію числа и размѣра ссудъ, а къ доведенію продовольственныхъ запасовъ, во что бы то ни стало, до цифры, вполне обезпечивающей губернію? Если часть хлѣба и окажется неизрасходованною къ 1-му апрѣля, то даромъ она не пропадетъ, потому что продовольственные ссуды придется продолжать вплоть до новаго урожая ¹⁾).

Въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, говоря о необходимости соразмѣрять величину ссуды *только* съ величиною бѣдствія, мы ссылались, между прочимъ, на статью г. Д. Самарина, напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; теперь мы можемъ прибѣгнуть къ ссылкѣ еще болѣе неожиданной — къ ссылкѣ на „Гражданина“. Эта газета, еще недавно негодовавшая на неблагонамѣренный

¹⁾ Изъ рѣчи, произнесенной саратовскимъ губернаторомъ 9-го декабря при открытіи губернскаго земскаго собранія, видно, что онъ вполне сознаетъ необходимость усиленной доставки и развозки хлѣба.

образъ мыслей г. Д. Самарина, усвоила себѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, его основную идею. Для борьбы съ бѣдствіемъ,—читаемъ мы въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго (7-го декабря)—„надо теперь въ началѣ выдвинуть всѣ силы и не жалѣть средствъ; если 200 милліоновъ нужно—нужно 200 милліоновъ издержать, если 300 милліоновъ — то 300, если пол-милліарда — то пол-милліарда“ ¹⁾. Нѣсколькими днями раньше „Гражданинъ“ высказался за „государственное изслѣдованіе“ вопроса объ „упорядоченіи деревенской экономической жизни“ черезъ посредство комитета, составленнаго изъ „опытныхъ правительственныхъ и провинціальныхъ лицъ“ (послѣдній, не совѣтъ ясный терминъ означаетъ, вѣроятно, нѣчто въ родѣ „свѣдущихъ людей“ 1881 г.). Очень ужъ, по всей вѣроятности, назрѣла потребность въ серьезныхъ мѣрахъ, если отголоски ея проникли даже подъ темныя и глухіе своды пещеры, именуемой „Гражданиномъ“...

¹⁾ Эта мысль высказывается не прямо отъ лица автора „Дневника“, но изъ заключительныхъ словъ его ясно, что онъ считаетъ ее правильною.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1892.

Политическія событія 1891 года.—Взаимныя отношенія великихъ державъ и франко-русскій союзъ.—Политическія дѣла въ Германіи и нѣмецкое общественное мнѣніе.—Старый и новый канцлеръ.—Торговые трактаты и ихъ значеніе.—Положеніе дѣлъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. — Дополнительные свидѣнія о бернскомъ конгрессѣ географовъ.

Истекшій годъ внесъ существенныя перемѣны въ общее положеніе дѣлъ въ Европѣ. Вслѣдъ за паденіемъ князя Бисмарка постепенно падаетъ или перерождается его политическая система: въ началѣ года сошелъ со сцены его безпокойный раздражитель и единомышленникъ, Крипси, а въ концѣ—положенъ предѣлъ той узко-національной таможенной войнѣ, которая подрывала основы взаимнаго довѣрія и спокойствія даже среди государствъ средне-европейской лиги мира. Прежній духъ непримиримаго національнаго эгоизма и тревожнаго соперничества все болѣе удаляется изъ сферы международныхъ отношеній. Германская политика движется уже не по тому пути, по какому направлялъ ее князь Бисмаркъ. Не смотря на нервную впечатлительность и быстроту рѣшеній Вильгельма II, берлинскій кабинетъ ни въ чемъ не отступаетъ отъ принциповъ умѣренности и миролюбія; а это направленіе нѣмецкой дипломатіи отражается соотвѣтственнымъ образомъ на дѣйствіяхъ и стремленіяхъ другихъ европейскихъ державъ. Антагонизмъ между Италіею и Франціею значительно ослабѣлъ; Австро-Венгрія сократила свою активную роль въ вытѣсненіи русскаго вліянія на Востокъ и стала соблюдать гораздо большую сдержанность въ дѣлахъ Балканскаго полуострова; газетные толки о неминуемыхъ будто бы военныхъ столкновеніяхъ затихли и не привлекаютъ уже общественнаго вниманія. Сложныя задачи внутренней жизни заняли повсюду подобающее имъ мѣсто; воинственный патріотизмъ, господствовавшій въ полемикѣ оффиціозной печати, становится удѣломъ немногихъ листовъ, которымъ никто не придаетъ серьезнаго значенія. Этотъ успокоительный поворотъ, начавшійся съ отставки князя Бисмарка, совершился повидимому окончательно въ теченіе 1891 года.

Событія, которыя въ другое время могли бы оказаться опасными для международнаго мира, прошли благополучно и не оставили крупныхъ слѣдовъ въ общей европейской политикѣ. Франція оффиціально

сблизилась съ Россією; французская броненосная эскадра была предметомъ восторженныхъ овацій въ Кронштадтѣ, и франко-русское сближеніе сдѣлалось безспорнымъ положительнымъ фактомъ. Въ нѣмецкихъ газетахъ, близкихъ къ князю Бисмарку, высказывалось мнѣніе, что эти краснорѣчивыя манифестаціи были бы невозможны, еслибы бывший канцлеръ оставался на своемъ посту; по всей вѣроятности, онъ пустилъ бы въ ходъ обычные приемы оффиціознаго запугиванья, чтобы удержать Францію отъ такого шага, а еслибы скрытыя угрозы не подѣйствовали, то положеніе могло бы принять серьезный характеръ. Очень можетъ быть, что князь Бисмаркъ усмотрѣлъ бы въ кронштадтскихъ демонстраціяхъ враждебный вызовъ и рѣшился бы предупредить готовящуюся коалицію какимъ-нибудь слѣпымъ ударомъ; такимъ образомъ могла бы разыгратъ европейская война изъ-за желанія избѣгнуть предполагаемыхъ опасностей франко-русскаго союза для Германіи. Нынѣшнее германское правительство поступило не по этому бисмарковскому рецепту; оно отнеслось безучастно къ состоявшемуся формальному сближенію двухъ державъ, противъ которыхъ направлена средневропейская „лига мира“. Съ точки зрѣнія воинственныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, Германія выказала въ этомъ случаѣ непростительную слабость; газеты заговорили объ упадкѣ національнаго престижа и вспоминали съ сожалѣніемъ о тѣхъ славныхъ дняхъ, когда никакія манифестаціи по внѣшней политикѣ не могли происходить въ Европѣ безъ вѣдома и согласія желѣзнаго канцлера. Что же вышло въ результатъ? Оправдались ли предсказанія и жалобы нѣмецкихъ публицистовъ, воспитанныхъ на системѣ Висмарка? Всякій видитъ теперь, что франко-русскій союзъ былъ страшенъ для Германіи только до тѣхъ поръ, пока онъ былъ лишь проектомъ, мечтою, предметомъ фантастическихъ надеждъ и смѣлыхъ комбинацій. Нѣмцы не только ничего не потеряли отъ того, что Франція сблизилась съ Россією, но, напротивъ, могли только выиграть отъ скорѣйшаго осуществленія идеи, упорно занимавшей французскіе умы.

Въ политикѣ, какъ и въ частной жизни, разочарованіе часто наступаетъ вслѣдъ за исполненіемъ желанія. Можно думать, что французы уже теперь относятся къ мысли о русскомъ союзѣ не столь восторженно, какъ полгода тому назадъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было выбрать болѣе неудачнаго момента для возвышенія и празднованія оффиціальной франко-русской дружбы. Не успѣли еще замолкнуть ликованія кронштадтской встрѣчи и слѣдовавшихъ за нею шербургскихъ и иныхъ торжествъ, какъ обнаружались у насъ и выступили на первый планъ печальныя обстоятельства, устранившія возможность скорого активнаго участія Россіи въ какихъ-либо между-

народныхъ предпріятіяхъ. Наша внутренняя забота напомнила о себѣ чрезвычайно некстати для поклонниковъ французскаго союза и любителей виѣшной политики вообще. Непріятное впечатлѣніе произвели на французовъ и наши несвоевременныя финансовыя операціи, имѣвшія какъ будто цѣлью извлечь немедленныя денежныя выгоды изъ сочувствій и восторговъ нашихъ новыхъ друзей. Подписка на русскій заемъ, объявленная въ Парижѣ послѣ кронштадтскихъ событій и незадолго до проявленія болѣе рѣзкихъ послѣдствій неурожая, получила совершенно нежелательный отгѣнокъ и дала богатую пищу насмѣшкамъ и недоумѣніямъ западно-европейской печати. Русскому правительству приписывалось желаніе воспользоваться горячими французскими симпатіями для наполненія опустѣвшихъ будто бы государственныхъ кассъ; Россія изображалась въ видѣ запутавшагося должника, который ищетъ друзей лишь для того, чтобы брать у нихъ деньги взаймы. Нѣмецкія патріотическія газеты охотно предоставляли французамъ исключительное право снабжать Россію презрѣннымъ металломъ и энергически возражали противъ всякой попытки привлечь къ этому дѣлу германскіе капиталы. Мечта о союзѣ низведена была на почву какихъ-то денежныхъ расчетовъ, и порывы французскаго увлеченія по-неволѣ слабѣютъ.

Народныя симпатіи и популярность нигдѣ не отличаются такою переѣчивающею и непрочною, какъ во Франціи, и съ нашей стороны было бы благоразумно заранѣе предвидѣть наступленіе возможной реакціи въ чувствахъ французовъ относительно Россіи. Французы отчасти ошиблись въ своихъ предположеніяхъ и надеждахъ; они старались достигнуть сближенія съ громадѣйшимъ и могущественнѣйшимъ государствомъ, готовымъ въ случаѣ надобности двинуть миллионную армію противъ Германіи для поддержанія и защиты французскихъ правъ и интересовъ, а вмѣсто того они видятъ, что эта огромная имперія вовсе не можетъ употреблять свои силы на виѣшнія дѣла, что она сама озабочена экономическимъ бѣдствіемъ, доходящимъ до голода, и что борьба съ этимъ внутреннимъ недугомъ должна поглощать все вниманіе и заботы правительства. Понятно, что при этихъ условіяхъ союзъ не имѣетъ для Франціи той цѣны, какую придавало ему большинство французовъ. Сами французы изъ чувства приличія воздерживаются отъ комментаріевъ по поводу неожиданнаго оборота, принятаго вопросомъ о желанномъ союзѣ со времени кронштадтскихъ демонстрацій; но журналистика другихъ странъ съ особеннымъ злорадствомъ занимается разъясненіемъ происшедшей переѣвы, уличая французовъ въ необдуманной поспѣшности и въ напрасныхъ иллюзіяхъ.

Конечно, серьезныя политическія комбинаціи могутъ быть расчи-

таны на многіе годы, и неурожай одного года, каковъ бы онъ ни былъ, неспособенъ самъ по себѣ повліять на политику великихъ державъ. Эта точка зрѣнія непримѣнима однако къ данному случаю. Для Россіи вообще не нужны никакіе внѣшніе союзы; ей не нужно было и формальное сближеніе съ Франціею, какъ мы говорили не разъ. Намъ нѣтъ вообще ни малѣйшей надобности виѣшиваться къ чужіе политическіе счеты и играть активную роль въ разрѣшеніи западно-европейскихъ споровъ; у насъ своихъ собственныхъ неотложныхъ дѣлъ слишкомъ довольно. Мы можемъ поэтому не придавать большого практическаго значенія измѣнившимся взглядамъ иностранцевъ на наше политическое положеніе; напротивъ, чѣмъ скорѣе откажутся французы отъ своихъ преувеличенныхъ ожиданій и чѣмъ меньше будутъ они надѣяться на нашу дѣятельную помощь въ вопросѣ объ Эльзасѣ-Лотарингіи, тѣмъ лучше для насъ и для нихъ самихъ. Но этотъ отрицательный выводъ пріобрѣтаетъ особенное освѣщеніе въ связи съ обстоятельствами настоящаго времени. То, что случилось у насъ, есть нѣчто большее, чѣмъ простой неурожай, даже нѣчто большее, чѣмъ временный голодъ: обнаружился полный, долго подготовлявшійся упадокъ всего экономическаго благосостоянія народной массы, обнаружилось глубокое и не легко поправимое разстройство всего народнаго земледѣльческаго хозяйства, обнаружился важные недуги и неурюстройства во всѣхъ нашихъ общественныхъ порядкахъ. Какъ въ военное время раскрывается несостоятельность системы, казавшейся вполне удобною при обыкновенномъ мирномъ ходѣ жизни, такъ и необходимость борьбы съ голодомъ выдвинула множество недочетовъ, злоупотребленій и грѣховъ, остававшихся прежде скрытыми или мало замѣтными. Обычная формула, что все обстоитъ благополучно, опровергается на каждомъ шагу; въ обществѣ вырабатывается и крѣпнеть сознаніе, что первая и важнѣйшая задача государства заключается въ исправленіи замѣченныхъ золъ, въ устраненіи или смягченіи тяжелыхъ условий, разстроивающихъ экономическій бытъ большинства народа. Пока не устранены эти внутренніе недуги, до тѣхъ поръ нельзя и думать о какихъ-либо внѣшнихъ политическихъ предпріятіяхъ. Неподготовленность къ цѣлесообразнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, отсутствіе послѣдовательности и единства въ распоряженіяхъ, погрѣшности и повальные злоупотребленія среди исполнителей,—все это на войнѣ парализуетъ и дѣлаетъ вполне безплодными самыя геройскія усилія и подвиги арміи. Мы достаточно испытали это на себѣ не только въ эпоху крымской войны, но и въ послѣдней турецкой кампаніи, и если всѣ наши громадныя жертвы въ 1877—78 годахъ привели лишь къ незначительнымъ результатамъ, то въ этомъ виноваты единственно тѣ военныя, интен-

дагские и административные порядки, которые раскрыты были войною, и которые заставляли насъ желать скорѣйшаго заключенія мира во что бы то ни стало. Теперешній опытъ, вызванный неурожаемъ, разоблачаетъ тѣ же старыя черты, все еще держащіяся твердо въ нашихъ нравахъ и привычкахъ и коренящіяся очевидно въ особенностяхъ всего нашего общественнаго строя. Въ этомъ смыслѣ народный голодъ, будучи стихійнымъ экономическимъ бѣдствіемъ, является въ то же время первостепеннымъ политическимъ событіемъ 1891 года. Между прочимъ, по увѣренію многихъ заграничныхъ газетъ, нашъ голодъ избавилъ Европу отъ военныхъ опасностей, которыя будто бы неизбежно возникли бы послѣ кронштадтскихъ манифестацій; французскія ружья, какъ говоритъ берлинская „National-Zeitung“, начали бы тогда стрѣлять сами собою, по первому мановенію Россіи. Не доверяя нашему миролюбію, нѣмецкіе публицисты усмотрѣли въ нашей народной бѣдѣ вполне убѣдительную гарантію мира. Можно бы идти дальше и сказать, что такое положеніе дѣлъ, при которомъ периодически возникаетъ голодъ въ массахъ крестьянства, совсѣмъ не располагаетъ къ активной внѣшней политикѣ и заставляетъ государственную власть заняться прочнымъ устройствомъ внутреннего благосостоянія страны. Это соображеніе должно успокоить подозрительныхъ иностранцевъ по крайней мѣрѣ на время, тѣмъ болѣе, что и наши крикливые патріоты перестали говорить о войнахъ, союзахъ и нашествіяхъ въ виду болѣе близкихъ и настоятельныхъ заботъ.

Въ государствахъ, гдѣ не бываетъ голода при неурожаѣ и гдѣ нѣтъ простора хищеніямъ и кулачеству, замѣчается тѣмъ не менѣе недовольство въ различныхъ слояхъ общества; это недовольство высказывается свободно, не стѣсняясь, путемъ публичной критики существующихъ учреждений или отдѣльныхъ дѣйствій ихъ, безъ всякаго ущерба для авторитета государства и правительства. Иногда недовольство имѣетъ лишь сантиментальные мотивы; такъ, въ Германіи многіе продолжаютъ сожалѣть о вынужденномъ безлѣтствіи князя Бисмарка и о недостаточной геніальности его преемника, генерала Каприви. Нѣмецкіе либеральные публицисты недовольны тѣмъ, что Вильгельмъ II часто произноситъ изреченія, не оправдываемыя обстоятельствами, хотя эти изреченія нисколько не иамѣняютъ общихъ разумныхъ принциповъ его положительной программы, проводимой на практикѣ. Молодой императоръ, повидимому, раздражается постоянными критическими замѣчаніями князя Бисмарка, появляющимися въ газетахъ по поводу той или другой правительственной мѣры; онъ косвенно даетъ ему отпоръ въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ, тѣмъ и объясняются ихъ частныя противорѣчія и крайности. Когда онъ грозитъ „сокрушить непокорныхъ“, то это значить, что онъ по-

зиція бывшаго канцлера не должна переходить за извѣстные предѣлы; такъ же точно имѣется въ виду Бисмаркъ, когда выставляется правило, что „воля короля—высшій законъ“ (вмѣсто классическаго принципа: *salus reipublicae—suprema lex*). Эти невинныя противрѣчія сильно смущаютъ многихъ благонамѣренныхъ нѣмцевъ. „Непредвидѣнныя рѣшенія и скачки въ нашей внутренней политикѣ, — говоритъ, напр., „National-Zeitung“, — рѣзкая переимчивость въ оцѣнѣ нашихъ обстоятельствъ, выражающаяся то въ представленіи объ уличномъ возстаніи, то въ мечтѣ о всеобщемъ рабочемъ законодательствѣ для Европы, недовѣріе къ твердости правительства относительно нѣкоторыхъ вліятельныхъ теченій, неизбежное сравненіе настоящаго съ недавнимъ прошлымъ, — таковы истинныя причины безпокойства и дурного настроенія. Правительственныя переимѣны, пережитыя нами, не могутъ пройти безъ значительныхъ послѣдствій, которыя выступаютъ въ своемъ полномъ значеніи только тогда, когда прошло изумленіе по поводу совершившагося“. Такъ отзывается о дѣйствіяхъ Вильгельма II одинъ изъ самыхъ сдержанныхъ и солидныхъ органовъ нѣмецкой печати. Подъ „совершившимся“ слѣдуетъ разумѣть удаленіе Бисмарка, а все остальное касается разныхъ изреченій, не заслуживающихъ вовсе столь строгой критики. Что стремленіе къ международному рабочему законодательству совмѣщается съ мыслью о возможномъ возстаніи соціальной демократіи, — это вполне естественно, ибо хорошія намѣренія правителей не служатъ еще гарантіей успѣха, а общіе международныя законы въ пользу рабочихъ далеко не исчерпывали бы соціально-демократическихъ программъ; существенныя требованія и надежды рабочаго класса не могутъ быть удовлетворены добровольно, безъ упорной борьбы, и предвидѣть такую борьбу не значитъ еще быть противникомъ широкихъ плановъ соціальной реформы.

Какъ ни мѣнялись намѣренія и взгляды Вильгельма II, но политическая жизнь Германіи не задерживалась ими, и никто не мѣшаетъ газетамъ критиковать невѣрныя или ошибочныя мнѣнія правительства, указывать на сдѣланныя ошибки и требовать ихъ исправленія. Теперь даже князь Бисмаркъ признаетъ важное значеніе этой общественной публичной критики и удѣляетъ парламенту и печати руководящую, первенствующую роль, которую онъ слишкомъ часто склоненъ былъ отрицать или ограничивать, пока находился у власти. Бывшій канцлеръ опирается на принципъ свободной общественной критики и контроля, когда высказываетъ свои замѣчанія о новой германской политикѣ. А патріоты недовольны и съ грустью вспоминаютъ тѣ времена, когда у нихъ былъ грозный канцлеръ, властный руководитель европейской дипломатіи, и когда вся Европа обращала

свои шоры на Берлинъ, прислушиваясь внимательно къ каждому слову Бисмарка. Генераль Каприви, при всѣхъ его выдающихся качествахъ и достоинствахъ, не удовлетворяетъ людей, избалованныхъ гениальностью и удачами его знаменитаго предшественника. Больше или меньше остроумныя параллели между обоими канцлерами до сихъ поръ еще составляютъ любимую тему національно-консервативныхъ газетъ; эта тема разрабатывается съ настойчивымъ однообразиемъ и въ серьезныхъ разсужденіяхъ, и въ сатирическихъ листкахъ, и въ карриатурахъ. Между тѣмъ сами нѣмецкіе патріоты сознаются, что возвратъ къ прошлому невозможенъ и нежелателенъ. Для національнаго самолюбія было лестно имѣть надъ собою „железнаго канцлера“; но для обыкновенной политической и общественной жизни несравненно пріятнѣе обходиться безъ этого подавляющаго авторитета и довольствоваться генераломъ Каприви. Этотъ генераль, не смотря на свое военное званіе, оказывается большимъ дипломатомъ, осторожнымъ государственнымъ человекомъ и талантливымъ ораторомъ; рѣчи, произнесенныя имъ въ имперскомъ сеймѣ, отличаются дѣловымъ, серьезнымъ тономъ, ясностью и убѣдительностью аргументаціи и блещутъ своеобразнымъ юморомъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ установилась традиція, что военный мундиръ дѣлаетъ человека способнымъ рѣшать всякіе административные и хозяйственные вопросы, требующіе специальныхъ знаній и опытности; прохожденіе военной службы до нѣкотораго ранга считалось достаточною подготовительною школою для занятія высшихъ должностей въ государственномъ управленіи, вслѣдствіе чего многія первостепенныя задачи разрѣшались по военному или оставались совершенно въ сторонѣ, а главное вниманіе обращалось на мелочи, на внѣшніе признаки авторитета, къ великому ущербу для дѣйствительныхъ интересовъ страны. Въ Германіи такая практика давно уже оставлена въ виду ея очевидной несостоятельности; должностныя лица имѣютъ дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ, а высшимъ сановникамъ приходится развивать и поддерживать свои идеи въ парламентѣ противъ опытныхъ и свѣдущихъ депутатовъ, для чего нужно прежде всего имѣть какія-нибудь опредѣленныя идеи по разнымъ предметамъ государственнаго хозяйства и управленія. Очевидно, и генераль Каприви назначенъ канцлеромъ только потому, что онъ обладаетъ способностями и знаніями государственнаго человека. Эти способности и знанія онъ ярко выказалъ въ парламентскихъ преніяхъ по поводу внѣшней политики и торговыхъ договоровъ. Подробныя объясненія его въ засѣданіи палаты 27-го ноября (н. ст.) заключали въ себѣ цѣлую политическую программу, противъ которой ничего не могли сказать дѣятели оппозиціи; въ рѣчи затрогивались весьма ловко нѣкоторые щекотливые вопросы,

касающіеся отношеній къ иностраннымъ державамъ, причемъ указана была полная неосновательность пессимизма, овладѣвшаго извѣстною частью журналистики. Съ такимъ неопредѣленнымъ и неуловимымъ врагомъ, какъ общественное настроеніе, трудно бороться съ успѣхомъ, но рѣчь генерала Каприви несомнѣнно успокоила умы, по сознанію даже публицистовъ „Кѣльнской“ и „Національной Газеты“.

Болѣе положительныхъ и цѣнныхъ результатовъ достигло германское правительство въ области таможенной политики. Одностороннее и строгое покровительство національной промышленности введено было въ систему въ большей части государствъ европейскаго материка, такъ же точно, какъ и въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Каждая страна усердно ограждаетъ себя отъ ввоза иностранныхъ продуктовъ посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, для поощренія внутренняго производства, стараясь въ то же время способствовать усиленію вывоза своихъ собственныхъ произведеній въ чужія земли, также огражденные покровительственнымъ тарифомъ. Закрывая свои границы для произведеній и издѣлій сосѣднихъ странъ, каждое государство этимъ самымъ закрываетъ иностранные рынки для своей національной промышленности, затрудняетъ сбытъ ея продуктовъ и вызываетъ искусственный кризисъ, отражающійся наиболѣе чувствительно на положеніи нищаго рабочаго класса; а такъ какъ покровительственная система господствуетъ повсюду, то всѣ одинаково стѣснены, вездѣ оказываются избытки товаровъ, не имѣющіе свободнаго сбыта, и экономическій кризисъ становится хроническимъ и повсемѣстнымъ. Промышленный антагонизмъ между народами, связанными политическимъ союзомъ, подрываетъ основы этой внѣшней близости и солидарности, такъ какъ экономическіе интересы дѣйствуютъ на людей постоянно и непрерывно съ гораздо болѣею силою, чѣмъ отвлеченныя соображенія и кабинетныя комбинаціи. Въ Австріи и особенно въ Венгріи замѣчалось понятное раздраженіе по поводу таможенныхъ мѣръ Германіи, направленныхъ противъ ввоза австрійскихъ и венгерскихъ продуктовъ; это раздраженіе проявлялось въ печати всякій разъ, когда заходила рѣчь о тарифныхъ стѣсненіяхъ и объ упорной неуступчивости германскихъ протекціонистовъ. Переговоры о торговыхъ договорахъ между Австріею и Германіею велись уже давно, при князѣ Бисмаркѣ, но они не обѣщали успѣха и только усиливали скрытое недовольство австрійцевъ, въ виду рѣшимости берлинскаго кабинета твердо охранять односторонніе предполагаемые интересы германскихъ производителей, безъ всякаго вниманія къ интересамъ сосѣдей и союзниковъ.

Въ торговыхъ отношеніяхъ постоянно забывался принципъ взаимности, на которомъ основываются обычныя международныя связи культурныхъ націй. Тарифная война, наносившая удары не только иностранной конкуренціи, но и собственному національному производству, является несомнѣнно самымъ бессмысленнымъ проявленіемъ узкаго, замкнутаго націонализма; она создаетъ тревожную атмосферу вражды и недовѣрія въ такой области человѣческой дѣятельности, которая по преимуществу требуетъ мира и спокойствія. Элементъ непріязни и подозрительности поддерживается среди государствъ, озабоченныхъ повидимому сохраненіемъ взаимныхъ чувствъ миролюбія и симпатіи. Протекціонизмъ, доведенный до извѣстнаго предѣла, выдаетъ въ противорѣчія не только съ самимъ собою, но и съ системою политическихъ союзовъ и съ общими заботами о международномъ мирѣ. Этому вредному порядку вещей положенъ теперь конецъ въ значительной части Европы, благодаря заключенію торговыхъ договоровъ между Германіею, Австро-Венгріею, Италіею, Бельгіею и Швейцаріею.

Представляя эти договоры имперскому сейму въ засѣданіи 10-го декабря (н. ст.), генералъ Каприви въ полторачасовой рѣчи объяснилъ всю важность и благотворность взаимныхъ уступокъ и соглашеній въ сферѣ международной тарифной политики. Къ 1-му февраля 1892 года кончается срокъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Франціею съ другими державами и имѣвшихъ практическое значеніе и для Германіи, въ силу одной изъ статей франкфуртскаго мирнаго трактата; послѣ этого срока утратили бы силу умѣренные охранительные тарифы и насталъ бы опять періодъ усиленнаго протекціонизма, съ его обычными послѣдствіями—стѣсненіемъ международныхъ торговыхъ связей, закрытіемъ иностранныхъ рынковъ и ухудшеніемъ общихъ экономическихъ условій въ заинтересованныхъ странахъ.

Крайности покровительственной системы берутъ окончательно верхъ во Франціи, гдѣ недавно еще палата депутатовъ и сенатъ утвердили возвышенныя тарифныя ставки, грозящія между прочимъ закрыть французскій рынокъ для продуктовъ Испаніи и Итали. Испанія раздражена и готовится отвѣчать тою же монетою; враждебное настроеніе невольнo пріобрѣтаетъ политическій оттѣнокъ, и французы рискуютъ лишиться испанской дружбы и увеличить силы средне-европейской „лиги мира“ новымъ союзникомъ, въ ущербъ своему отечеству, ради усиленной охраны выгодъ южныхъ винодѣльцовъ. Ни одно государство не можетъ предвидѣть, какія новыя мѣры будутъ приняты другими державами относительно международной торговли; отсюда общая неопредѣленность и неустойчивость, недовѣріе къ бли-

жайшему будущему, вспышки раздраженія и вражды при всякомъ новомъ и неожиданномъ ударѣ со стороны чужого протекціонизма.

Германское правительство рѣшилось предупредить всеобщее водвореніе этой системы, послѣ упомянутого выше срока французскихъ и другихъ западно-европейскихъ договоровъ; съ этою цѣлью и заключены трактаты, обезпечивающіе для Германіи и для союзныхъ съ нею державъ правильныя и прочныя отношенія по международной торговлѣ по крайней мѣрѣ на двѣнадцать лѣтъ. Германія понизила пошлины на ввозимый хлѣбъ съ 5 марокъ до 3½ марокъ, т. е. до того уровня, какой существовалъ въ 1887 году; это главная и существенная уступка въ пользу Австро-Венгріи. Пошлины значительно понижены относительно всѣхъ почти товаровъ; онѣ оставлены лишь въ томъ размѣрѣ, который признается необходимымъ для дѣйствительной охраны національной промышленности, безъ устраненія иноземнаго соперничества.

Значеніе этихъ договоровъ не поддается еще точной оцѣнкѣ, но нельзя не видѣть, что сдѣланъ рѣшительный шагъ первостепенной важности для всей экономической жизни европейскихъ народовъ и что заслуга этого шага принадлежитъ нынѣшней Германіи, свободной отъ владычества князя Бисмарка. Насколько эти новые договоры должны повліять на политику другихъ государствъ—видно уже изъ того, что Франція тотчасъ постановила продлить силу торговыхъ трактатовъ, срокъ которыхъ истекаетъ 1-го февраля настоящаго года, и вмѣстѣ съ тѣмъ понизила высокій тарифъ относительно испанскихъ винъ. Французская палата депутатовъ приняла эти рѣшенія послѣ энергической рѣчи Рибо, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отчета о заключенныхъ Германіею договорахъ. Такъ же точно и другія державы, въ томъ числѣ и Россія, вынуждены будутъ считаться съ этимъ новымъ положеніемъ вещей и видоизмѣнить свои тарифы соотвѣтственно новымъ условіямъ международной торговли въ значительной части Европы. Образованіе средне-европейскаго таможеннаго союза, къ которому вѣроятно примкнутъ еще Румынія, Болгарія и Сербія, должно быть признано важнѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ политическимъ фактомъ за истекшій годъ.

Во Франціи министерство Фрейсине-Констана сохраняло свое положеніе среди продолжающейся борьбы партій, успѣшно отражая нападки клерикаловъ, консерваторовъ и крайнихъ радикаловъ. Временное перемиріе между республиканскими группами парламента прекратилось послѣ того какъ прошла гроза буланжистскаго движенія; радикалы, съ Клемансо во главѣ, возвратили себѣ свободу дѣйствій

и стали вновь нападать на правительство за его слишкомъ умѣренную и безцѣльную политику по вопросамъ соціального законодательства. Въ палатѣ возобновились горячіе споры по поводу враждебнаго республикѣ поведенія католическаго духовенства, и, по обыкновению, эти пренія окончились ничѣмъ. Нынѣшнее министерство, управляющее дѣлами Франціи съ весны 1890 года, приобрѣло наибольшую популярность послѣ формальнаго сближенія съ Россією; но это сближеніе утратило теперь свой жгучій интересъ въ глазахъ французовъ, и политическіе успѣхи, достигнутые Рибо, не обезпечиваютъ долговѣчности кабинета, въ виду измѣнившейся тактики радикаловъ.

Въ истекшемъ году сошли со сцены нѣкоторые политическіе дѣятели, заставлявшіе много говорить о себѣ въ свое время: во Франціи генераль Буланже и бывший президентъ Греви, въ Германіи—графъ Мольтке и глава парламентской партіи центра, Виндгорстъ, въ Англіи—руководитель ирландскаго движенія, Парнелль.

Въ Англіи положеніе дѣлъ мало измѣнилось: кабинетъ лорда Сольсбери держится крѣпко, опираясь не только на консерваторовъ, но и на часть либераловъ, съ Гартингтономъ и Чамберленомъ во главѣ. Тѣмъ не менѣе, престарѣлый Гладстонъ ведетъ дѣятельную оппозиціонную пропаганду, произноситъ длинныя рѣчи въ пользу различныхъ реформъ, особенно поземельной, и расчитываетъ на успѣхъ своей партіи на будущихъ выборахъ. Положеніе парламентскихъ группъ отчасти измѣнилось подъ вліяніемъ смерти герцога Девоншайрскаго: наслѣдникъ его, маркизъ Гартингтонъ, переходитъ въ верхнюю палату, и руководство либеральными диссидентами остается пока въ рукахъ одного Чамберлена.

Въ Италіи новое министерство Рудини успѣшно справляется съ тяжелымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ расточительною политикою Крипи: въ послѣднемъ бюджетѣ нѣтъ уже дефицита, безъ котораго не обходились итальянскіе финансы за послѣдніе годы. Въ Австро-Венгріи—все тѣ же внутренніе національные счеты: кабинетъ графа Таафе не нашелъ еще такой политической формулы, подъ которую подходили бы нѣмцы, поляки и чехи. Энергическія нападенія младочеховъ на эту систему вѣчнаго лавированія и черезъ-чуръ вызывающія рѣчи младочешскаго предводителя, Грегра, отдаляютъ развязку чешскаго кризиса на неопредѣленное время.

Въ октябрьской книгѣ нашего журнала (1891 г.) была помѣщена корреспонденція изъ Швейцаріи по поводу всемірнаго географическаго съѣзда въ Бернѣ. Мы получили теперь дополнителныя свѣденія, относящіяся преимущественно къ послѣднему засѣданію съѣзда,

на которомъ М. Н. Анненковъ сдѣлалъ сообщеніе, помѣщаемое нами ниже, о важности успѣховъ распространенія географическихъ свѣдѣній въ связи съ новѣйшею эмиграціею и колонизаціею.

Всѣмъ извѣстна та агитація, которая теперь ведется во многихъ странахъ различными агентами, завлекающими, ради личныхъ цѣлей, простыхъ, довѣрчивыхъ людей самыми заманчивыми обѣщаніями и разсказами о мѣстахъ для поселенія. Обыкновенно эти обѣщанія не оправдываются, и эмигранты, испытавъ цѣлый рядъ невзгодъ, возвращаются обратно на родину, изнуренные и обнищавые, какъ это и было съ нашими переселенцами, отправившимися изъ западной Россіи въ Бразилію, и какъ то случается съ французскими и итальянскими басками, съ переселенцами изъ Австріи и проч. Въ виду этого и чтобы оказать переселенческому дѣлу помощь, М. Н. Анненковымъ была высказана мысль о необходимости сосредоточенія доставляемыхъ путешественниками свѣдѣній о различныхъ странахъ съ точки зрѣнія пригодности ихъ для колонизаціи. Собраніе съѣзда отнеслось къ докладу съ полнымъ сочувствіемъ, которое и выразилось немедленнымъ избраніемъ особой комиссіи для заведыванія этимъ дѣломъ.

На комиссію эту возложено съѣздомъ составленіе и разсылка географическимъ обществамъ разныхъ странъ особаго „вопросника“ (Questionnaire), съ просьбой сдѣлать, если будетъ признано нужнымъ, измѣненія и добавленія, послѣ чего комиссіей будетъ установлена окончательная его редакція, въ которой онъ и разошлется въ географическія общества для снабженія имъ путешественниковъ.

На ту же комиссію возложено всѣ получаемыя отъ путешественниковъ свѣденія обрабатывать, систематизировать и печатать въ журналахъ для свѣденія лицъ, которые нуждаются въ подобныхъ данныхъ.

Такимъ образомъ, благодаря участію географическаго съѣзда, мало-по-малу будутъ устанавливаться и публиковаться точныя данныя о тѣхъ мѣстахъ, которыя пригодны для колонизаціи. Мѣра эта несомнѣнно является весьма крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ разрѣшенія вопросовъ эмиграціи и колонизаціи.

Въ этомъ же засѣданіи разрѣшался вопросъ о назначеніи времени и мѣста для слѣдующаго съѣзда; послѣ продолжительныхъ и горькихъ споровъ между представителями Италіи и Испаніи, изъ которыхъ одинъ предлагалъ Геную, а другой Севилью, вопросъ этотъ, по предложенію М. Н. Анненкова, былъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ: рѣшено созвать съѣздъ въ Лондонѣ только черезъ три года, въ виду того, что, при нынѣшнемъ ходѣ развитія географической науки и изслѣдованій, не соберется въ годъ достаточнаго количества новаго матеріала и притомъ члены съѣзда не успѣютъ приготовить свои рефераты; но такъ какъ вопросъ о празднованіи въ будущемъ

году 400-лѣтней годовщины открытія Колумбомъ Америки не можетъ быть оставленъ безъ вниманія къ нему съѣзда, то постановлено просить географическія общества всѣхъ странъ прислать делегатовъ на означенное празднованіе въ Геную; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено просить географическія общества Италіи и Испаніи предоставить въ распоряженіе делегатовъ казенные пароходы, которые доставили бы ихъ изъ Генуи въ Гуэльбу и Севилью, гдѣ и состоится окончательное празднованіе дня открытія Америки, т.-е. 12-е сентября 1892 г.

На М. Н. Анненкова собраніемъ съѣзда возложено и самое приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія.

УСПѢХИ ГЕОГРАФИИ, КАКЪ ОСНОВА ЭМИГРАЦИИ И КОЛОНИЗАЦИИ.

Читано на Вернскомъ конгрессѣ 1891 г.

Россія предприняла въ послѣднее время постройку желѣзныхъ дорогъ въ странахъ не только отдаленныхъ, но и весьма мало извѣстныхъ и изслѣдованныхъ. Постройки эти дали мнѣ возможность изучить вопросъ, который я и прошу у васъ позволенія изложить передъ вами, а именно: о значеніи въ XIX столѣтіи успѣховъ распространенія географическихъ свѣденій, какъ основы эмиграціи и колонизаціи.

Весьма любопытно было бы изучить тѣ законы природы, по которымъ въ извѣстныя историческія времена совершаются событія, которыя хотя по наружному виду не имѣютъ между собою ничего общаго и отнюдь не согласованы никакими предустановленіями, тѣмъ не менѣе имѣютъ одну общую связь, одну общую цѣль, къ которой они какъ будто неуклонно двигаются.

Замѣчаютъ только, что подобная цѣль явленій повторяется при этомъ періодически, и что между подобными явленіями настаетъ какъ будто тишина, какъ будто совершенное спокойствіе впереди или послѣ ряда событій, имѣющихъ одинъ и тотъ же характеръ.

Но до сихъ поръ не было достаточно обращено вниманіе на подобнаго рода явленія: какъ будто побуждаемые какимъ-то электрическимъ токомъ, который иногда обнимаетъ громадное пространство,

люди безсознательно двигаются по извѣстному направленію, неудержимо сокрушая передъ собою всѣ препятствія.

И въ мірѣ географическихъ событій больше, можетъ быть, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, встрѣчаются подобныя явленія, и въ этомъ отношеніи эпоха, въ которую мы живемъ, необыкновенно сходна съ эпохой великихъ открытій конца XV-го и начала XVI-го ст. Какъ тогда, такъ и теперь, люди, по виду ничего общаго между собою не имѣющіе, живущіе въ совершенно разныхъ странахъ, представляющіе совершенно различныя степени развитія и культуры, неудержимо, по какимъ-то неисповѣдимымъ законамъ природы, занимаются одними и тѣми же дѣломъ. Въ этомъ отношеніи сравненіе между событіями конца XV-го и начала XVI-го ст.—и тѣми, которыя происходятъ передъ нашими глазами, поразительно.

Съ 1492 и по 1522 г. передъ глазами исторіи происходитъ настоящее обновленіе, цѣлый умственный и общественный переворотъ. Повсюду непреодолимое стремленіе и движеніе въ область неизвѣстнаго.

Въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ и открытія близко слѣдуютъ одно за другимъ: Христофоръ Колумбъ, Васко-ди-Гама и Магелланъ предпринимаютъ свои знаменательныя путешествія, подарившія намъ новый міръ.

Открытіе Христофора Колумба порождаетъ энтузіазмъ не только въ Испаніи, но и во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Умы ослѣплены богатствомъ странъ, изобилующихъ всевозможными драгоценными произведеніями, и очарованы перспективой тѣхъ безчисленныхъ человеческихъ массъ, которыя должны будутъ признать могущество королей Кастиліи и владычество истинной вѣры.

Борьба завязывается между Испаніей и Португаліей; знаменитая „пограничная линія“ установлена; это меридіанъ, проведенный отъ одного полюса къ другому въ 100 лье (приблизительно 450 верстъ) на западъ отъ острововъ Азорскихъ и Зеленаго мыса.

Всѣ земли, лежащія на з., должны принадлежать Испаніи, и на в.—Португаліи.

Въ то время, какъ Колумбъ открываетъ Америку и провозглашаетъ въ ней владычество Испаніи, Васко-ди-Гама достигаетъ Индіи, обогнувъ мысъ Доброй Надежды. Экспедиція Васко-ди-Гама останется навсегда предметомъ народной эпопеи для португальцевъ, да и вообще Васко-ди Гама и Альбукеркъ скорѣе принадлежатъ къ области поэзіи, чѣмъ исторіи.

Соединеніе жажды золота, религіознаго прозелитизма и какой-то неудержимой потребности распространиться по всему міру тѣмъ

болѣе поражаютъ насъ, что дѣло идетъ о народѣ, занимающемъ въ самой Европѣ ничтожное мѣсто.

Только пятнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Христофора Колумба, Магелланъ, наконецъ, открываетъ проходъ, который такъ страстно и долго искали, и такимъ образомъ совершается первое кругосвѣтное плаваніе.

Замѣчательно, что почти одновременно, и во всякомъ случаѣ на такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, такіе люди, такіе великіе гении, какъ Христофоръ Колумбъ, Васко-ди-Гама, Фернандо Кортесъ, Пизарро, Америго-Веспучи, Марко-Поло и многіе другіе совершаютъ открытія, имѣющія значеніе міровыхъ переворотовъ.

И въ XVII, и въ XVIII ст., мы видимъ грандіозныя экспедиціи, но ихъ нельзя поставить на ряду съ тою чисто лихорадочною страстью, которая овладѣваетъ міромъ въ эпоху великихъ открытій.

Послѣ этой блестящей эпохи наступаетъ періодъ сравнительнаго затишья, продолжавшагося до второй половины XIX-го ст., когда вновь просыпается лихорадочная дѣятельность, такъ сказать, болѣзненная потребность познакомиться съ дальними странами, еще неизвѣданными, присоединить ихъ къ цивилизованному міру и такимъ образомъ создать для человѣческой дѣятельности новое поприще.

„Мы поражены,—говоритъ Вивьенъ де С. Мартенъ,—когда бросимъ бѣглый взглядъ на ту массу путешествій и экспедицій, которыя открыли новыя страны человѣчеству во второй половинѣ XIX-го ст.

„Къ изслѣдованію Африки приступаютъ почти одновременно и съ разныхъ сторонъ французы, англичане, американцы и нѣмцы.

„Ричардсонъ, Бардъ и Фогель добираются до Чадскаго озера и до Томбукту съ сѣвера.

„Экспедиція, организованная въ Готѣ подъ предводительствомъ Гегина, подходитъ къ этому же озеру Египта черезъ Хартумъ.

„Французы посылаютъ цѣлую серію смѣлыхъ изслѣдователей на югъ Алжира: Рейно—въ Туатъ, Бербрюгера—въ Тугуртъ, Бонмена—въ Гадамесъ, Изманла Бударба—въ страну туареговъ.

„Цѣлый рядъ весьма важныхъ научныхъ сочиненій появляется одновременно. Таковы напримѣръ: „Описаніе положенія французскихъ колоній и научныхъ изслѣдованій въ Алжирѣ“; сочиненія Дарно, Бренъ-Ролла, Лежана, Бакера и Шумана для Верхняго Египта; Т. Фебра, Р. д'Эликура, А. д'Аббади и Бэка для Абиссиніи; В. Мюнцингера—о странѣ богосовъ, и Ф. Вернера—о бассейнѣ Верхняго Нила.

„По отношенію къ Южной Африкѣ—знаменитое путешествіе Спика и Гранта черезъ экваторіальную область, заключающую въ себѣ источники Нила, также изслѣдованія въ этихъ областяхъ Крамифа и

Ребмана; наконецъ, знаменитыя открытія Бавера, Ливингстона и Стэнлея.

„Для Мадагаскара—ислѣдованія Альфреда Грандидье. Труды и ислѣдованія Рича, Энсвордта, Раулисона, Френеля, Анперта, Лофтуса, Ботта, Джонса, Лайярда—для долины Тигра и Эвфрата.

„Въ Малой Азіи—В. Гамильтонъ, Энсвордъ, Тэксъе, Леба, Ваддингтонъ, Феллоу, Перротъ, Бартъ, Кипертъ и, прежде всего, Пьеръ Чихачевъ, который, за исключеніемъ археологін, сдѣлалъ одинъ столько же, сколько всѣ другіе вмѣстѣ, и изучилъ во всѣхъ направленіяхъ эту въ высшей степени классическую страну. Армения и въ особенности Кавказскій перешеекъ также были предметомъ важныхъ изученій и ислѣдованій.

„Для Аравіи и устьевъ Тигра и Эвфрата—Зетценъ, Бурггардтъ, Нибуръ, Валленъ, Арно, Ж. Галеви; Г. Шубертъ, Люинъ, Вильсонъ, Робинсонъ, Таблеръ, Ванъ-де-Вельде—для Палестины.

„Для Китая и Японіи—А. Ремюза, С. Жюльенъ, Перри, Зибольдъ, Паллегуа и, наконецъ, безсмертные труды Рихтгофена, президента берлинскаго Географическаго Общества.

„Для Сѣверной Америки—масса самыхъ важныхъ географическихъ работъ была сдѣлана каждымъ изъ штатовъ, а четыре желѣзныя дороги, соединяющія Тихій и Атлантическій океаны, дали возможность быстро объѣздить и изучить множество совершенно неизвѣстныхъ земель.

„Для Южной Америки и Перу—Р. Сольданъ; для Аргентинской республики—атласъ Мартена Мусси; для Бразиліи—труды Кастельнау, Я. Нимейера и Мендесъ Альмейда, этнографическія работы Альцида д'Орбиньи, Мартіуса и Вайца. Наконецъ, замѣчательныя работы, которыя были сдѣланы въ южныхъ моряхъ и въ моряхъ арктическихъ и антарктическихъ, пути, открытые вокругъ Сѣверной Америки, докторомъ Гэйсомъ (Hayes) и капитаномъ Галлемъ, и ледяныя моря вокругъ Сибири, ислѣдованныя Норденшельдомъ, останутся навсегда такими фактами, передъ которыми преклонятся будущія поколѣнія“.

Мы, русскіе, имѣемъ также право сказать, что и мы внесли не малую лепту въ это обширное море новыхъ невѣдомыхъ странъ и огромныхъ пространствъ, менѣе извѣстныхъ человѣчеству, чѣмъ поверхность луны.

Для этого достаточно бросить бѣглый взглядъ на широкое поле русскихъ ислѣдованій въ Сибири и центральной Азіи.

Задолго до настоящаго времени были сдѣланы важныя открытія смѣлыми путешественниками, Иванъ Грозный, Петръ Великій, Ела-

терина II посылають въ Сибирь гетмановъ, изслѣдователей, ученыхъ. Сначала идетъ покореніе, затѣмъ изслѣдованіе и изученіе страны.

Въ 1867 г. Пржевальскій начинаетъ свою столь короткую, но столь же и блестящую карьеру путешественника и изслѣдователя первыми подвигами въ Уссурийскомъ краѣ. Его экспедиціи въ глубь Ани, въ Монголію, въ Ордосъ и въ Тибетъ слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться.

Цѣлый рядъ другихъ именъ слѣдуетъ за именемъ Пржевальскаго.

Въ 1864 г. Императорское Географическое Общество отправляетъ Сѣверцева въ страны за Чу и Или.

Въ 1867 г. оно же посылаетъ Потанина въ Монголію, а въ 1883 г. — въ Китай.

Въ 1841 г. Игнатьевъ организуетъ большую хивинскую экспедицію.

Въ 1867 и въ 1870 гг. Федченко предпринимаетъ свои замѣчательныя изслѣдованія въ Алтаѣ.

Въ 1875 г. Кауфманъ организуетъ гиссарскую экспедицію.

Въ 1889 г. наше же Географическое Общество отправляетъ на озеро Лобъ-Норъ экспедицію подъ предводительствомъ Грумъ-Гржимайло.

Замѣчательны также экспедиціи Семенова, нынѣшняго вице-предсѣдателя Географическаго Общества, Мушкетова и капитана Громбчевскаго.

Было бы слишкомъ долго перечислять имена всѣхъ путешественниковъ, изслѣдователей и ученыхъ, которые одинъ за другимъ отправлялись въ эти далекія страны. Обратимъ вниманіе лишь на тотъ общій фактъ, что эксплораціонное движеніе, сначала сосредоточенное на Сибири и полярныхъ областяхъ, перенеслось затѣмъ на югъ; Каспійское и Аральское моря, Киргизскія степи, Туркестанъ, Усть-Уртъ, Туркменія, Аму-Дарья, Монголія, Китай, Хива, Бухара и Афганистанъ поочередно привлекаютъ многочисленныхъ ученыхъ и путешественниковъ.

Открытіе въ 1888 г. закаспійской желѣзной дороги представляетъ обширное поле дѣятельности самымъ крупнымъ коммерческимъ предпріятіямъ. Г. Фрари волюй правъ, когда онъ говоритъ, что XIX в. заканчивается великое дѣло покоренія міра Европой, начало XVI вѣкомъ.

Въ 1789 г. англо-саксонская Америка была населена весьма умѣренно, и предѣлы ея не шли дальше береговъ Атлантическаго океана: латинская Америка представляла изъ себя замкнутую колонію.

Африка оставалась неизвѣстнымъ пространствомъ на главной части своего протяженія, и враждебнымъ на остальномъ.

Въ Азіи была захвачена Индія англичанами. Сибирь представляла ледяную пустыню, Китай и Японія оставались закрытыми, а Австрія— необитаемой.

Въ наши дни осталось весьма мало такихъ пунктовъ на земномъ шарѣ, въ которые не проникали бы товары и идеи Запада. Соперничающія націи, представительницы цивилизаціи, стремятся съ тревожнымъ соревнованіемъ во всѣ страны, которыя еще можно покорить или эксплуатировать. Америка—это новая Европа, но только болѣе молодая и обширная. Африка пройдена почти по всѣмъ направленіямъ; по ея дорогамъ спѣшатъ путешественники, а за ними купцы, солдаты и колонисты.

На мысѣ Доброй Надежды, въ Океаніи, также какъ и въ Канадѣ, появляются цѣлыя конфедераціи новыхъ народовъ. Обширное царство восточной Азіи открыло или дало сломать свои ворота. Японія какъ-то сразу присоединилась къ Европѣ. Какъ античный Александръ и еще съ большимъ, чѣмъ онъ, основаніемъ, мы находимъ міръ слишкомъ малымъ для себя.

Если эмиграція сдѣлалась легче, то одновременно она стала и необходимѣе.

Населеніе растетъ почти во всей Европѣ съ ужасающей быстротой. Великобританія, Германія, Италія, Бельгія, Швейцарія — переполнены обитателями; русскіе, распространившись по всей своей обширной имперіи, уже переходятъ границы Азіи.

Условія измѣнились; люди уже болѣе не привязаны къ землѣ или ремеслу силой привычки, закона, среды; промышленные перевороты принуждаютъ ихъ искать работы въ иныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ есть спросъ на нее. Обездоленные классы уже не довольствуются скромнымъ положеніемъ отцовъ и дѣдовъ; они не мирятся, какъ съ какою-то Божьей карой, съ нищетой, съ чернымъ хлѣбомъ, съ холодомъ, голодомъ, съ гордостью богачей, съ притѣсненіями власти, съ тяжестью налоговъ, съ ограниченностью родного горизонта, съ прозябаніемъ.

Съ каждымъ днемъ этотъ новый потокъ эмиграціи народовъ дѣлается все болѣе и болѣе сильнымъ и общимъ. Самыя осѣдлыя націи приходятъ въ движеніе. Послѣ англичанъ и ирландцевъ выступаютъ германцы, затѣмъ скандинавцы, итальянцы, и даже французы перестаютъ быть такими закоренѣлыми домохозяевами.

Великое нашествіе варваровъ произвело меньшее перемѣщеніе народовъ.

Было бы очень интересно найти объясненіе такому электрическому току, такому стремленію въ новыя, невѣдомыя страны, сначала для того, чтобы ознакомиться съ ними, а потомъ—завладѣть ими для экс-

плуатаціи ихъ богатствъ, какъ это дѣлается англичанами въ Индіи, или для колонизаціи, какъ это дѣлается англичанами въ Америкѣ, или русскими въ Средней Азіи.

Это движеніе сначала эксплораціонное, а потомъ колонизаціонное, не обозначаетъ ли оно, что въ извѣстное время человѣчеству тѣсно въ занимаемомъ имъ пространствѣ, и что оно требуетъ расширенія сферы своей дѣятельности, такъ сказать, воздуха, въ которомъ ему было бы не трудно дышать!

Очень часто подобныя движенія—окупаціонныя, колонизаціонныя или завоевательныя—дѣлаются вопреки правительству, или по крайней мѣрѣ совершенно противъ большинства лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ административнымъ сферамъ, и даже часто вопреки общему мнѣнію большинства народа, который неудержимо стремится впередъ.

Такъ было съ англичанами въ Индіи; такъ случилось съ русскими въ Средней Азіи. Неоднократно русское правительство самымъ категорическимъ образомъ заявляло, что оно не пойдетъ впередъ, и твердо, самымъ добросовѣстнымъ образомъ на это рѣшалось,—и тѣмъ не менѣе событія, вопреки всѣмъ принятымъ мѣрамъ, толкали страну впередъ.

Вышеизложенные факты несомнѣнны и, смѣю надѣяться, не лишены интереса для географическаго конгресса. Невозможно отрицать, что Географическое Общество и конгрессы, которые ихъ соединяють, играютъ очень важную роль въ развитіи географіи, какъ науки.

Однимъ словомъ, географія, какъ наука, начинаетъ пріобрѣтать широкое развитіе, которое должно вызывать чувство гордости въ людяхъ, интересующихся ею.

Фрари правъ, говоря, что „свѣденія по географіи сопровождаютъ его всюду, въ его разговорахъ и въ его чтеніяхъ. Другія наши свѣденія блѣднѣютъ съ теченіемъ времени; свѣденія же по географіи постоянно крѣпнютъ и растутъ. Самыя распространенныя книги послѣ романовъ—это рассказы путешественниковъ. Серьезная газета вполне понятна лишь тому, кто знакомъ съ географіей“.

„Иностранная, колоніальная и экономическая политика, вызывающая столько спорныхъ вопросовъ, можетъ быть доступна лишь подъ этимъ условіемъ. Я осмѣливаюсь даже сказать, что географія есть именно та наука, которая больше всего способствуетъ нашему развитію, которая дѣлаетъ людей истинно возвышенными и выдающимися въ ихъ общественной дѣятельности, и которая даетъ намъ возможность пріобрѣсти, не опасаясь попасть въ ряды педантовъ, славу образованнаго человѣка.“

„Когда географія сдѣлается тѣмъ, чѣмъ она должна быть, когда программы перестанутъ вгонять ее въ неправильныя рамки, когда

учителямъ дана будетъ полная свобода широко выполнить свою задачу, взывать къ воображенію и здравому смыслу учениковъ, а не только къ ихъ памяти, тогда будутъ удивляться тому, что было возможно такое сухое отношеніе къ наукѣ, которая можетъ занять первое мѣсто между науками, занимающимися изученіемъ природы и человѣчества. Но для этого надо было, чтобы гениальный человекъ поставилъ эту науку на надлежащее мѣсто.

„Элисе Реклю отерпѣлъ намъ всю необъятную ширь той науки, которую всецѣло онъ овладѣлъ. Онъ первый, по крайней мѣрѣ во Франціи, показалъ въ колоссальномъ трудѣ своемъ, что въ задачѣ географіи входитъ собрать и согласовать цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ и до тѣхъ поръ разбросанныхъ свѣденій. Талантъ писателя, богатство его языка, гибкость и, такъ сказать, прозрачность его стиля помогли ему побѣдить и вывести изъ подвластнаго положенія Музу, которую онъ избралъ и сдѣлалъ парицей. Скромная прислужница Кліо стала соперницей своей госпожи, юной и торжествующей соперницей. Когда-то говорили, что наше время есть вѣкъ исторіи; быть можетъ, наше время назовутъ когда-нибудь вѣкомъ географіи.

„Читая сочиненіе Э. Реклю, самое выдающееся произведеніе нашего вѣка, которое еще больше, чѣмъ работа Бюффона, можетъ сравниться въ величинѣ съ самой природой, мы невольно вспоминаемъ тѣ сухіе трактаты, тѣ мертвыя номенклатуры, которыми когда-то истязалась наша ученическая память, — эти перечни морей, горъ, острововъ, проливовъ, рѣкъ и городовъ, которые механически выговаривались дѣтскими устами, — и мы приходимъ къ убѣжденію, что наши дѣти счастливѣе насъ.

„И все-таки эта самая географія, такъ печально преподаваемая, была уже тогда одною изъ наукъ, наиболѣе легко нами усвоиваемыхъ, — что же будетъ тогда, когда ее оживить методъ преподаванія ея достойный?“

Несомнѣнно, что географическія общества и ихъ конгрессы дали могучій толчокъ изученію географіи.

Вообще конгрессы географическіе и иные часто бывали упреекаемы въ томъ, что они недостаточно практически принимаются за дѣло, и что нельзя сдѣлать прямыхъ выводовъ изъ тѣхъ докладовъ, которые на нихъ дѣлаются. Мнѣ кажется, что это крайне несправедливо, потому что если бы конгрессы имѣли единственной своей цѣлью поставить въ связь между собою тѣхъ талантливыхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которые на нихъ собираются, то и это было бы уже большой заслугой передъ наукой. Но тѣмъ не менѣе, можетъ быть, было бы возможно придать дѣйствительно болѣе прав-

тическое направлѣніе и дать болѣе полезный толчокъ тѣмъ работамъ, которыя столь многими географическими обществами дѣлаются въ настоящее время.

Общее изслѣдованіе громадныхъ, невѣдомыхъ до тѣхъ поръ, пространствъ въ Азіи, Африкѣ и Южной Америкѣ почти закончено; теперь по большей части остались только изслѣдованія, такъ сказать, притоковъ къ тѣмъ главнымъ линіямъ, которыя уже пройдены.

Крайне желательно, чтобы эти изслѣдованія по возможности были произведены по одной общей программѣ, которая могла бы быть выработана на одномъ изъ будущихъ географическихъ конгрессовъ, и которая дала бы возможность будущимъ изслѣдователямъ твердо держаться извѣстныхъ рамокъ при тѣхъ изысканіяхъ, которыя они производятъ.

Главное при этомъ, конечно, имѣть въ виду колонизацію и необходимыя данныя, которыя было бы полезно получить для того, чтобы рѣшиться тѣмъ или другимъ народностямъ перейти въ мало-населенныя страны.

Извѣстно, сколько горькихъ испытаній, сколько бѣдъ и золь произошло отъ малознаваемости тѣхъ странъ, куда направлялась эмиграція и гдѣ, вмѣсто богатыхъ, плодородныхъ мѣстъ, колонистовъ ожидало полное разочарованіе и самыя ужасныя лишенія.

Неоспоримо и то, что подчасъ ко всему этому еще присоединялась самая наглая спекуляція. Образовывались колонизаціонныя компаніи съ цѣлью эксплуатаціи бѣдныхъ людей, которые могли бы не покидать своей страны и быть тамъ счастливыми, или же внести свою долю труда въ другія страны, болѣе плодородныя и счастливыя.

Какъ часто эти разочарованія, эти бѣды, эти напрасно потраченные силы имѣютъ своей единственной причиной полное невѣденіе тѣхъ странъ, въ которыя направлено эмиграціонное движеніе!

Быть можетъ, географическія общества могли бы дать болѣе практическое направлѣніе географическимъ изслѣдованіямъ.

Безчисленные изслѣдователи, которые въ настоящее время изучаютъ отдаленныя страны по всѣмъ направленіямъ, могли бы собрать необходимыя данныя для того, чтобы можно было рѣшить, представляетъ ли та или другая страна удобную почву для эмигрантовъ и колонистовъ.

Быть можетъ, даже географическія общества нашли бы возможнымъ посылать на свой счетъ делегатовъ отъ колонистовъ, желающихъ перенести свою дѣятельность въ новыя мѣста, для того, чтобы эти делегаты могли во-очію убѣдиться въ пригодности этихъ мѣстъ.

Много несчастій, много понапрасну истраченныхъ силъ, много

жертвъ было бы устранено, еслибы эмиграція и колонизація могли собрать заблаговременно положительныя свѣдѣнія о тѣхъ отдаленныхъ странахъ, гдѣ новыя экспансивныя силы могли бы найти для себя новое поле дѣятельности.

Какъ мы это сказали выше, надо было бы выработать программу, сообразно съ которой данныя эти и были бы собираемы, послѣ чего ихъ слѣдовало бы сгруппировать въ извѣстной системѣ и опубликовать.

Программа эта могла бы быть первоначально разработана географическими обществами и окончательно принята на одномъ изъ будущихъ конгрессовъ.

Въ этой программѣ были бы соединены всѣ данныя, полезныя для эмигрантовъ и колонистовъ. Эта работа естественно распалась бы на двѣ части:

1) Работы, произведенныя путешественниками, изслѣдователями и учеными, изучающими страны, принадлежащія ихъ собственной націи, и которыя, по своему географическому и историческому положенію, могутъ быть колонизованы лишь эмигрантами этой же націи.

2) Открытія и изслѣдованія тѣхъ странъ и мѣстностей, которыя могутъ служить для колонизаціи эмигрантамъ, желающимъ покинуть свои страны, не сохраняя своей національности; эти страны могли бы образовать независимыя государства, которымъ, быть можетъ, суждено было бы достигнуть величія и обширности нѣкоторыхъ новыхъ странъ, созданныхъ колонизаціей и достигшихъ необычайнаго могущества.

Самый видъ земной поверхности, очевидно, мало-по-малу измѣняется во многихъ своихъ частяхъ. Безъ сомнѣнія, наука не представляетъ такой силы, которая могла бы перемѣстить континенты, моря или горы, но она высушила озера, расчистила лѣса, культивировала пустыни, построила города, прорыла гавани, измѣнила теченіе рѣкъ и, самое главное, уничтожила разстоянія.

И даже на нашихъ глазахъ сколько чудесъ производятъ жгѣзныя дороги, пересѣкая долины, рѣки, горы, пустыни и пески, принося съ собою жизнь и богатство,—каналы, соединяющіе между собой моря, и гигантскіе мосты, уничтожающіе перешейки!

Суэзскій каналъ казался невозможнымъ, а теперь корабли безчисленною толпою проходятъ его ежедневно; закаспійская жгѣзвая дорога представлялась неосуществимой, а въ настоящее время торговое движеніе и число путешественниковъ возрастаетъ на ней съ каждымъ годомъ. Фортскій мостъ перекинулся черезъ морской рѣкавъ. Парижское Географическое Общество серьезно обсуждало вопросъ о постройкѣ моста, соединяющаго Францію съ Англіею. Окс-

чаніе сибирской желѣзной дороги позволить совершать переѣзды между Лондономъ и Владивостокомъ въ 20 дней, тогда какъ теперь на это требуется 35 дней черезъ Бриндизи и Суэцъ, и 32 дня черезъ Канаду.

Какую великую услугу могли бы оказать географическія общества всему человѣчеству, обративъ свое вниманіе на страны, которыя изъ недосыгаемыхъ стали для насъ доступны, и въ которыя могла бы направиться эмиграція и колонизація!

М. Н. Анненковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1892.

- *Національная система политической экономіи.* Сочиненіе д-ра Фридриха Листа. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей К. В. Трубинкова, съ его вступленіемъ, примѣчаніями и біографическимъ очеркомъ Фр. Листа. Спб., 1891. Стр. XXVI и 452. Цѣна 3 р.

Сочиненіе Фридриха Листа, вышедшее въ свѣтъ въ 1841 году, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нѣмецкой политико-экономической литературы; оно упоминается или разбирается вкратцѣ во всѣхъ учебникахъ политической экономіи, особенно нѣмецкихъ. О теоріи Листа, объ ея достоинствахъ и недостаткахъ писано было очень много; самая книга значительно устарѣла по содержанію: она написана была еще въ то время, когда ученія англійскихъ экономистовъ-классиковъ безраздѣльно господствовали въ наукѣ и когда считалось еще великою ересью не соглашаться въ чемъ-либо съ Адамомъ Смитомъ и его истолкователемъ, Сэемъ. Горячая полемика Листа противъ Смита и Сэя представлялась чѣмъ-то новымъ и смѣлымъ въ началѣ сороковыхъ годовъ; она затрогивала вопросы, волновавшіе лучшихъ людей Германіи, такъ какъ переносила завѣтныя національныя идеи и стремленія въ область экономическихъ интересовъ нѣмецкаго народа. Отвлеченной доктринѣ, разсуждающей о хозяйствѣ и богатствѣ вообще, Листъ противопоставлялъ изученіе условій, способствующихъ благосостоянію и развитію отдѣльныхъ независимыхъ націй, причемъ имѣлъ въ виду печальныя политическія и хозяйственныя дѣла своего германскаго отечества. Листъ интересовался главнымъ образомъ вопросами международной торговли и международнаго соперничества; онъ жестоко нападалъ на торговую политику англичанъ, приписывая имъ коварное намѣреніе погубить неокрѣпшую еще фабричную промышленность другихъ народовъ посредствомъ свободнаго ввоза англійскихъ издѣлій, доведен-

ныхъ до высшей степени совершенства и дешевизны. Германская промышленность не выдержала бы этой конкуренціи и обречена была бы на гибель; при полной свободѣ соперничества, нѣмецкій народъ попалъ бы въ экономическую зависимость отъ Англіи послѣ того, какъ ему удалось отстоять свою политическую независимость противъ наполеоновской Франціи. Эта перспектива чрезвычайно пугала Листа, чѣмъ и объясняется страстный и рѣзкій тонъ его разсужденій.

Листъ началъ свою борьбу противъ идей свободы торговли въ 1819 году, составивъ краснорѣчивую петицію въ германскій союзный совѣтъ отъ имени представителей нѣмецкаго купечества, собравшихся на ярмарку въ Франкфуртъ-на-Майнѣ; онъ взялся затѣмъ хлопотать передъ дворами второстепенныхъ германскихъ государствъ объ уничтоженіи внутреннихъ пограничныхъ таможенъ и объ образованіи германскаго таможеннаго союза, съ цѣлью экономическаго объединенія нѣмцевъ и лучшей охраны ихъ промышленности отъ англійскихъ посягательствъ. За эту практическую дѣятельность онъ былъ лишенъ профессорской катедры въ Тюбингенѣ; впоследствии онъ былъ даже преданъ суду и приговоренъ къ тюремному заключенію, такъ что вынужденъ былъ бѣжать во Францію. Листъ продолжалъ пропаганду своихъ идей въ различныхъ американскихъ и нѣмецкихъ изданіяхъ; въ Соединенныхъ Штатахъ онъ самъ сталъ промышленникомъ, разбогатѣлъ и вернулся на родину уже въ 1832 г. въ качествѣ американскаго гражданина. У Листа были еще свѣжи впечатлѣнія и испытанія наполеоновской эпохи; онъ говоритъ о континентальной системѣ, какъ о чемъ-то очень недавнемъ, указываетъ на необходимость самостоятельной національной промышленности въ виду возможности внѣшнихъ нападеній и войнъ, и постоянно обвиняетъ Англію въ стремленіи къ всемірному владычеству. Тѣ преувеличенныя опасенія, которыя Листъ высказываетъ въ своей книгѣ, должны казаться теперь странными; его энергическія филиппики противъ Англіи и нападки на ея классиковъ-экономистовъ утратили значительную долю своего интереса для настоящаго времени.

Для Листа англійское торгово-фабричное процвѣтаніе было идеаломъ, къ которому долженъ стремиться каждый народъ, обладающій нужными для этого естественными и политическими условіями. Тогда рабочій вопросъ пребывалъ еще въ туманѣ и мало занималъ экономистовъ: социальное движеніе не выступило еще наружу, не было еще событій 1848-го года и позднѣйшихъ кризисовъ, связанныхъ съ судьбою обездоленнаго и все болѣе возрастающаго рабочаго класса. Съ другой стороны, многія истины, которыя съ такимъ жаромъ доказывалъ Листъ, представляются теперь слишкомъ банальными, обще-

извѣстными; онѣ давно уже признаны всѣми и не вызываютъ никакихъ теоретическихъ споровъ. Въ сущности Листъ почти не касался научныхъ, теоретическихъ основъ политической экономіи и въ этой области не отрицалъ заслугъ Адама Смита и Сэя; онъ останавливался только на нѣкоторыхъ вопросахъ, имѣющихъ общее значеніе, и прежде всего старался разъяснить первостепенную важность производительныхъ силъ, какъ источниковъ мѣновныхъ цѣнностей, въ противоположность теоретикамъ-классикамъ, принимавшимъ количество самыхъ мѣновныхъ цѣнностей за мѣрило богатства. По своему главному содержанію и направленію трактатъ Листа долженъ былъ бы носить другое заглавіе: это—національная система *экономической политики*, а не система политической экономіи, какъ ошибочно полагалъ самъ авторъ.

Однако, книга Листа, хотя и устарѣла въ существенныхъ своихъ частяхъ, остается тѣмъ не менѣе поучительною и интересною для современнаго читателя, какъ по оригинальной силѣ и ясности развиваемыхъ идей, такъ и по живости и образности изложенія; она несомнѣнно заслуживала перевода на русскій языкъ, причемъ полезно было присоединить вступительную статью для надлежащей критической оцѣнки труда Листа и для указаній на позднѣйшую обширную литературу по вопросамъ международной экономической политики. Насколько необходимы такіе предварительные комментаріи для правильнаго пониманія сочиненія Листа, можно видѣть изъ того, что въ послѣднемъ (седьмомъ) изданіи, вышедшемъ въ 1883 году въ Штутгартѣ подъ редакціею профессора Эеберга (Eheberg), присоединено „историческое и критическое вступленіе“, составляющее по объему почти цѣлую самостоятельную книгу въ 249 страницъ (Historische und Kritische Einleitung zu Fr. List's Nationalem System der Politischen Oekonomie, von K. Th. Eheberg). Если такой объяснительный этюдъ понадобился для нѣмецкой образованной публики, то тѣмъ болѣе нуженъ былъ бы подобный комментарій для русскихъ читателей, незнакомыхъ съ нѣмецкою экономической литературою и особенно съ современнымъ положеніемъ вопроса о покровительственной системѣ.

Къ сожалѣнію, русскій переводъ появился безъ надлежащаго вступительнаго очерка, хотя бы составленнаго по этюду проф. Эеберга, но зато снабженъ крайне страннымъ и даже неповытнимъ „вступленіемъ“ другого рода, которое по своему характеру не только не имѣетъ ничего общаго съ политическою экономіею, но прямо противорѣчитъ общему духу и смыслу самой книги Листа. Составитель этого „вступленія“, г. К. Трубниковъ, принявъ почему-то Фридриха Листа за выразителя идей новѣйшаго націонализма, протекцію

низма и мракобѣсія, и на этомъ основаніи навязываетъ ему солидарность съ такими воззрѣніями, отъ которыхъ въ ужасѣ отвернулся бы почтенный нѣмецкій экономистъ, горячій поборникъ гражданской и національной свободы, считавшійся въ свое время даже революціонеромъ. Громкія фразы о великомъ значеніи труда Листа сопровождаются указаніями, свидѣтельствующими о полномъ незнакомствѣ редактора перевода съ затронутыми имъ предметами и вопросами. Книга Листа представляется ему послѣднимъ словомъ истинной науки, какъ будто послѣ этой книги (съ 1841 года!) все научно-экономическое движеніе остановилось, и затѣмъ остальная литература состоитъ сплошь изъ одиѣхъ „ложныхъ доктринъ“. Разсужденія автора объ этихъ „ложныхъ доктринахъ“ составляютъ очевидный болѣзненный бредъ: тутъ смѣшаны въ одну кучу Адамъ Смитъ, Будда, Шопенгауеръ, Конфуцій, принципъ *laissez faire*, Левъ Толстой, промышленный протекціонизмъ и христіанство, безъ всякой связи и смысла. Дѣло доходитъ до того, что спасительность высокихъ таможенныхъ пошлинъ оказывается въ какомъ-то близкомъ сосѣдствѣ съ вопросами религіи и съ цитатами изъ евангелія, а сочиненіе Фридриха Листа, трактующее о международной торговлѣ, выдается за цѣлебное средство противъ всякихъ общественныхъ и нравственныхъ недуговъ, противъ ложныхъ ученій и утопій „чужеземной фабрикаціи“ (какъ будто сама книга Листа—не иностранное произведеніе). По увѣренію г. Трубинкова, Россія (sic!) „не имѣетъ ни малѣйшаго понятія“ объ указанной книгѣ, которая даже „весьма мало извѣстна большей части нашихъ ученыхъ экономистовъ“ (стр. II); и въ то же время перечисляется рядъ ученыхъ и правительственныхъ дѣятелей, придерживающихся у насъ будто бы теоріи и идей Листа, и въ числѣ этихъ лицъ упоминается имя лица, стоящаго во главѣ нашихъ государственныхъ финансовъ (стр. VII). Неужели это еще мало для Листа? Прибавимъ для курьеза, что авторъ, повидимому, смѣшалъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, профессора Лоренца Штейна, съ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ Пруссіи, барономъ Штейномъ, дѣйствовавшимъ въ началѣ столѣтія (см. стр. V и VII, гдѣ имя Л. Штейна поставлено между именами Тьера и Бисмарка въ разрядѣ политическихъ дѣятелей, а не въ рубрикѣ „германскихъ извѣстныхъ экономистовъ“). Недѣльны и злобныя выходки, присоединенныя къ книгѣ Листа въ видѣ „вступленія“, могутъ только оттолкнуть читателя и отнять у него охоту познакомиться съ содержаніемъ сочиненія, рекомендуемаго столь страннымъ образомъ. А между тѣмъ самая книга нисколько не отвѣтственна за вздорныя толкованія и бредни ея мнимыхъ поклонниковъ.

Фридрихъ Листъ совершенно неповиненъ въ тѣхъ преувеличеніяхъ

протекціонизма, которыя у насъ нерѣдко прикрываются его именемъ. Доказывая необходимость охраны національной промышленности посредствомъ таможенныхъ пошлинъ, онъ стоитъ лишь за умѣренное, разумное покровительство и прямо высказывается противъ запретительныхъ тарифовъ; другими словами, его доводы подкрѣпляютъ лишь ту охранительную систему, которая дѣйствовала у насъ съ конца шестидесятихъ до второй половины семидесятихъ годовъ. Книга Листа является прямымъ осужденіемъ протекціонныхъ излишествъ, въ родѣ господствующихъ у насъ въ послѣдніе годы. „Всякое преувеличеніе и преждевременность въ примѣненіи началъ протекціонизма,—говоритъ Листъ,—наказываетъ націю (въ переводѣ прибавлено еще: „самое себя“) уменьшеніемъ ея благосостоянія. Ничего не можетъ быть вреднѣе и хуже внезапнаго и полнаго огражденія страны запретительными пошлинами... Слишкомъ возвышенныя ввозныя пошлины, которыя совершенно исключаютъ иностранную конкуренцію, вредны для той самой страны, которая ихъ вводитъ, такъ какъ вслѣдствіе этого исчезаетъ у заводчиковъ и фабрикантовъ стремленіе къ соревнованію съ другими странами и поддерживается рутина“ (а не „равнодушіе“, какъ выразился переводчикъ). Цѣлесообразная протекціонная система не доставляетъ монополіи туземнымъ производителямъ, а даетъ только гарантію отъ потерь тѣмъ лицамъ, которыя жертвуютъ своими капиталами и посвящаютъ свои способности и труды для новыхъ, еще неизвѣстныхъ отраслей промышленности“ (стр. 55—58). Для того, чтобы обезпечить такую гарантію относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отраслей производства въ Германіи, „достаточно было бы умѣренной протекціонной пошлины, которая въ теченіе пяти слѣдующихъ лѣтъ могла бы возвыситься до 25%, продержаться на этой высотѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ понизиться до 15 или 20%“ (стр. 445). Какъ далеки наши тарифныя ставки отъ этихъ скромныхъ требованій Листа!

Политическія идеи, развиваемыя Листомъ, также едва ли подходятъ къ программѣ нашихъ протекціонистовъ. Листъ много разъ повторяетъ и доказываетъ ту мысль, что „свобода и промышленность идутъ рука объ руку, хотя нерѣдко одна изъ нихъ прежде вынуждается къ жизни“. „Если гдѣ-либо зарождается торговля или промышленность, то это уже показываетъ, что не далека и свобода; понимаетъ ли гдѣ свобода свое знамя, это служитъ уже вѣрнымъ признакомъ того, что рано или поздно промышленность откроетъ туда путь“ (стр. 62). Для развитія мануфактурной и фабрично-заводской промышленности необходимы извѣстныя общія соціальныя условія, а именно „учрежденія и законы, обезпечивающіе гражданамъ личную и имущественную неприкосновенность, свободное примѣненіе своихъ

уиственныхъ и физическихъ силъ" (стр. 53). „Что ограничительная (т.-е. протекціонная) торговая политика только тогда можетъ оказывать надлежащее дѣйствіе, когда она поддерживается успѣхами культуры и свободными учрежденіями страны—доказываетъ упадокъ Венеціи, Испаніи и Португаліи, ретроградное движеніе Франціи вслѣдствіе отміны Нантскаго эдикта и исторія Англіи, въ которой свобода всегда развивалась параллельно съ успѣхами промышленности, торговли и національнаго богатства" (стр. 167). „Свобода мысли и свобода гражданская, государственный строй и превосходство политическихъ учреждений,—вотъ что главнымъ образомъ дало возможность англійской торговой политикѣ разработать естественныя богатства страны и развить производительныя силы націи" (стр. 360). Любопытны замѣчанія Листа о тогдашней Россіи. „Нельзя не сознаться,—говоритъ онъ,—что недостатокъ образованія и политическихъ учреждений долженъ задерживать дальнѣйшіе промышленные и коммерческіе успѣхи Россіи, если только императорскому правительству не удастся согласовать общее состояніе страны съ потребностями промышленности посредствомъ созданія разумныхъ городскихъ и земскихъ учреждений, посредствомъ постепенныхъ ограниченій (въ переводѣ почему-то прибавлено слово: „таможенныхъ") и затѣмъ окончательной отміны крѣпостнаго права, посредствомъ созданія образованнаго средняго сословія и свободнаго крестьянства, и при помощи усовершенствованія внутреннихъ путей сообщенія, равно какъ и сообщеній съ Азією. Вотъ тѣ завоеванія, которыя предстоятъ Россіи въ теченіе настоящаго столѣтія, и это послужитъ основаніемъ дальнѣйшихъ успѣховъ ея въ земледѣліи и промышленности, какъ и въ торговлѣ, мореплаваніи и морскомъ могуществѣ. Но чтобы реформы подобнаго рода стали возможны и осуществимы, необходимо прежде всего, чтобы русское дворянство поняло, что его матеріальныя интересы непосредственно связаны съ этими реформами" (стр. 147). Не забудемъ, что это писано было въ 1840 году, когда никто еще не думалъ у насъ о городскомъ и земскомъ самоуправленіи, и когда мысль объ отмінѣ крѣпостнаго права принадлежала еще къ числу такъ-называемыхъ превратныхъ и злонамѣренныхъ идей.

Переводчикъ не указываетъ, какимъ изданіемъ онъ руководствовался; по всей вѣроятности, онъ не имѣлъ въ виду упомянутаго выше изданія 1883 года (подъ редакціей проф. Деберга), какъ можно судить по нѣкоторымъ признакамъ. Къ книгѣ приложенъ коротенькій біографическій очеркъ Листа (стр. XXI—XXVI), дающій лишь весьма поверхностныя свѣденія объ его дѣятельности; между прочимъ, здѣсь пропущенъ такой существенный фактъ, какъ самоубійство Листа (въ 1846 году). Примѣчанія, которыми снабженъ русскій переводъ, боль-

шею частью излишни и нѣкоторые изъ нихъ даже не имѣютъ никакого смысла, а нужныхъ примѣчаній, т.-е. такихъ, которыя разъясняли бы или дополняли бы текстъ, нѣтъ вовсе,—если не считать тенденціознаго примѣчанія къ небольшой главѣ о Россіи. Иногда цѣль примѣчанія сводится, очевидно, только къ тому, чтобы напомнить о существованіи редактора перевода; такъ напр., въ текстѣ говорится очень ясно, что непріятно высказываться откровенно о Ротте въ тотъ моментъ, когда собираются взносы на устройство памятника этому писателю, а въ переводѣ сдѣлано въ выносѣ такое поясненіе: „подъ наименованіемъ памятника Листъ имѣлъ очевидно (?) въ виду предстоявшее изданіе собранія сочиненій (?) Роттека“ (стр. 24). Откуда почерпнуто это удивительное поясненіе и зачѣмъ оно понадобилось—неизвѣстно.

Самый переводъ полонъ ошибокъ и неточностей, затрудняющихъ пользованіе книгою. „Метуэнскіе договоры (Methuen-Verträge),—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ,—могутъ заключаться только въ такихъ странахъ, гдѣ кабинетное мнѣніе—все, а общественное мнѣніе—нуль“ (стр. 34). Не всякій читатель догадается, что подъ „Метуэнскіе договоры“ слѣдуетъ разумѣть торговый договоръ, заключенный съ Португаліею въ 1703 году англійскимъ министромъ Метьюномъ и чрезвычайно выгодный для Англіи; объ этомъ упоминается въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ книги. „Кабинетное мнѣніе“ поставлено вмѣсто „мнѣнія кабинетовъ“ (Meinung der Kabinette—стр. XXXIV нѣм. изд. 1883 г.),—что далеко не одно и то же. На страницѣ 43 сказано: „трудно, конечно, также *утверждать*“, тогда какъ по смыслу оригинала надо было поставить слово: „отрицать“. Въ Лондонѣ существовали будто бы какіе-то „Штальгофскіе купцы“, ганзейцы, имѣвшіе контору подъ названіемъ Штальгофа (стр. 72) или „въ Штальгофѣ“ (стр. 73); здѣсь нѣмецкій переводъ англійскаго выраженія (steel-yard, Stahlhof,—буквально „стальной дворъ“) принятъ за особое англійское названіе. Далѣе, римскіе пандекты „распространили кровавую (!?) заразу на континентѣ“ (стр. 104), вмѣсто: „юридической чумы“, какъ значитса въ подлинникѣ (Rechtspest); вѣроятно, переводчикъ хотѣлъ сказать: „правовая зараза“. Въ оригиналѣ говорится о „прежнихъ потребителяхъ французскихъ сельскихъ хозяевъ“, а въ переводѣ сказано: „прежніе потребители земледѣльцы“ (стр. 196). Переводчикъ говоритъ объ „отраженіи индивидуальной свободы“ (стр. 389), когда надо было сказать „уничтоженіе“ или „отрицаніе“.

Между прочимъ, автору приписывается такое совершенно неправдоподобное разсужденіе: „Причины антипатій суть въ то же время и причины симпатій. Менѣе сильныя (націи) симпатизируютъ слишкомъ сильнымъ, угнетенныя—завоевателямъ, континентальныя державы—

морскому владычеству, страны, бѣдныя промышленностью и торговлею,—тѣмъ, которыя стремятся къ промышленной и торговой монополіи, страны цивилизованныя—менѣе цивилизованнымъ, страны монархическія—странамъ вполне или отчасти демократическимъ“ (стр. 431). Понятно, что въ подлинникѣ выражено нѣчто прямо противоположное: слабыя и угнетенныя націи проникаются чувствами взаимной симпатіи *противъ* завоевателей, монопольныхъ державъ и пр. (стр. 332 нѣм. изд.). Авторъ говоритъ о важности того принципа, чтобы нейтральныя державы признавали только дѣйствительную блокаду, а не номинальную, словесную (стр. 339 нѣм. изд.); въ переводѣ же значителенъ наоборотъ, что „нейтральныя державы должны уважать не одну только дѣйствительную блокаду того или другого порта, но, по одному только заявленію, и блокаду противъ всего морского побережья“ (стр. 440).

Многія имена и названія, даже общезвѣстныя, до того исковерканы въ переводѣ, что узнать ихъ трудно. Вмѣсто знаменитаго Юма, постоянно цитируется какой-то невѣдомый „Гумъ“ (стр. 71 и др.); острова „Гвернезей и Іерзей“ (стр. 100) должны обозначать Герисей и Джерсей; неудобочитаемый „Арквиргтъ“ (стр. 108, въ примѣч. г. Трубникова)—вмѣсто Аркрайта; Берингъ, Пригаръ, лордъ Кастлериджъ, Бюрке, „Мельбургское министерство“—вмѣсто Боуринга, Причарда, лорда Кастльри, Борка, министерства Мельбурна.

Очень жаль, что книга Листа появилась у насъ въ столь неопытномъ видѣ, и что изданіе русскаго перевода не попало въ болѣе компетентныя руки.—Л. С.

— Алексѣй Харузинъ. По поводу брошюры: *О студенческой жизни въ Дерптѣ*. М. 1891.

Въ одномъ изъ послѣднихъ Литературныхъ Обозрѣній „Вѣстника Европы“ прошлаго года было упомянуто объ анонимной брошюрѣ съ этимъ заглавіемъ; на нее отвѣчаетъ теперь г. Харузинъ. Въ брошюрѣ анонима поставлено эпитетомъ: *Quieta non movege*—„не трогайте того, что спокойно существуетъ“; г. Харузинъ ставитъ въ противовѣсъ поговорку: „Только и свѣту, что въ окошкѣ“, и она заставляетъ угадывать его отношеніе къ защитнику дерптскихъ порядковъ студенческой жизни. Когда соблюдается правило: *audiat altera pars*, это бываетъ очень полезно для разъясненія дѣла,—и какъ увидимъ, оно дѣйствительно разъясняется больше,—но желательно, чтобы въ такихъ случаяхъ полемика держалась въ спокойныхъ предѣлахъ; безъ этого,—какъ тоже увидимъ,—она обыкновенно осложняетъ вопросъ

раздраженіями (хотя бы не только личными, но и до известной степени общественными), которыя снова запутываютъ дѣло.

Авторъ первой брошюры говорилъ специально о бытѣ дерптскихъ студентовъ; г. Харузинъ расширяетъ предметъ до цѣлаго вопроса о положеніи Балтійскаго края. Студенческіе нравы въ Дерптѣ несомнѣнно имѣютъ связь съ общимъ положеніемъ края, и это обстоятельство должно бы, намъ кажется, внушить нѣкоторую осторожность въ трактованіи дерптскаго вопроса. Крупныя отношенія развиваются мимо этого частнаго вопроса, который могъ бы быть разсматриваемъ самъ по себѣ, какъ собственно „академическій“; вмѣшивая эти крупныя отношенія,—которыя выступаютъ на сцену именно въ послѣднее время,—мы только затруднимъ его спокойное рѣшеніе. Остзейскій край переживаетъ теперь своего рода кризисъ, какового еще никогда не испытывалъ. Не будемъ вдаваться въ подробности тѣхъ явленій, какими сопровождаются усиленныя мѣры къ его обрусенію; не будемъ также исчислять основаній, побуждающихъ къ этимъ мѣрамъ,—нѣтъ сомнѣнія, что государство имѣло основаніе желать, чтобы отдѣльныя его части были тѣснѣе связаны съ центромъ, чтобы государственный языкъ получилъ полное право гражданства въ край, населенномъ не однимъ, а нѣсколькими инородными племенами, а также и русскими, и гдѣ только въ силу старыхъ преданій господствовалъ языкъ нѣмецкій. Власть имѣетъ свои соображенія, главнымъ источникомъ которыхъ было упомянутое выше основаніе; но, не касаясь ихъ и ограничиваясь нѣкоторыми частными бытовыми подробностями, не трудно видѣть, что общее положеніе дѣла затрагиваетъ множество частныхъ отношеній, старыхъ обычаевъ и привычекъ, и когда власть совершаетъ свое дѣло, люди общества должны чувствовать себя въ известномъ деликатномъ положеніи. Они могутъ и обязаны содѣйствовать видамъ правительства, когда къ тому призваны; въ данномъ случаѣ они могутъ быть усердными сторонниками обрусительныхъ мѣръ, но, кажется, въ видахъ самого правительства они должны бы умножать скорѣе примиряющіе, чѣмъ раздражающіе элементы положенія, а въ послѣднихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка. Дѣло въ томъ, что новыми мѣрами преобразовываются бытовыя отношенія, существовавшія въ теченіе многихъ вѣковъ и долгое время послѣ присоединенія остзейскаго края къ Россіи не тронутыя самою русскою властью; нынѣшнія поколѣнія остзейскихъ нѣмцевъ, старое и молодое, прожили свой вѣкъ или выросли въ убѣжденіи, что это и есть порядокъ, свойственный ихъ родинѣ. Известно, что нѣкоторые изъ остзейскихъ патріотовъ доводили представленіе объ особенностяхъ положенія края даже до представленія объ его отдѣльности политической; но, кромѣ этой крайности, исторія остзейскихъ губерній пред-

ставляетъ, напротивъ, цѣлую массу фамилій, проводшихъ такую же служилую жизнь, какъ и другое русское дворянство. Съ прошлаго вѣка и приблизительно до половины нынѣшняго, „нѣмцы“ остзейскаго края были даже особенно въ ходу въ правительственной и административной области. Это служебное преобладаніе нерѣдко изображалось у насъ, какъ нѣчто противонародное, какъ одно изъ зловредныхъ послѣдствій Петровской реформы; но едва ли справедливо исторически упустить изъ виду одно обстоятельство, которое несомнѣнно имѣло здѣсь свое вліяніе, а именно то, что остзейскіе нѣмцы въ XVIII вѣкѣ, когда вводилось столько новаго въ гражданской и военной администраціи, оказывались нерѣдко весьма способными исполнителями, такъ какъ обыкновенно владѣли большею степенью образованія и большей выдержкой, почему во многихъ случаяхъ имъ и отдавалось предпочтеніе передъ исполнителями русскими. Понятно, что сваливать вину этого преобладанія надъ русскими на однихъ нѣмцевъ было бы странно и несправедливо: очевидно, что вели къ тому нѣкоторые недостатки на сторонѣ самого русскаго общества.

Авторъ настоящей брошюры относится къ „балтамъ“ не весьма сочувственно и, разбирая вопросъ о бытѣ дерптскихъ студентовъ, касается и цѣлаго вопроса о характерѣ остзейскаго быта и остзейской цивилизаціи. Говоря безотносительно, онъ во многомъ, безъ сомнѣнія, правъ, но вопросъ въ томъ, насколько вообще возможны въ подобныхъ случаяхъ безотносительныя рѣшенія.

По поводу неловкой защиты дерптскихъ студенческихъ обычаевъ тѣмъ аргументомъ, что дерптскій университетъ остался чуждъ волненіямъ, происходившимъ въ другихъ русскихъ университетахъ, г. Харузинъ дѣлаетъ то же замѣчаніе, какое высказано было въ рецензіи „Вѣстн. Европы“,—что этотъ фактъ указываетъ только, что дерптскіе студенты были чужды русскимъ общественнымъ интересамъ. „Почему не „волнуется“ дерптскій университетъ?“ — спрашиваетъ г. Харузинъ. „А потому, что студентовъ этого университета, какъ и вообще всѣхъ балтійцевъ, интересуеть лишь ихъ собственная „политика“, а не общіе интересы Россіи, не общегосударственныя стремленія, которыя, къ сожалѣнію, вели къ печальнымъ заблужденіямъ нѣкоторыхъ представителей нашей молодежи. Балты имѣютъ свою „политическую“ жизнь, ограниченную узкими рамками своихъ балтійскихъ интересовъ“.

Г. Харузинъ опровергаетъ и другія утвержденія оспариваемаго имъ автора, напримѣръ, относительно большого числа профессоровъ и академиковъ, вышедшихъ изъ дерптскаго университета, такъ что будто бы каждый 50-й студентъ дѣлается профессоромъ или акаде-

микомъ. Воспользовавшись вышедшей недавно книгой гг. Отто и Гассельбладта (Von den 14,000 Immatriculirten Dorpats Streifzüge in das „Album Academicum“ der kaiserlichen Universität Dorpats, 1891), г. Харузинъ весьма ограничиваетъ эту цифру профессоровъ и академиковъ (314 со времени основанія дерптскаго университета). Изъ названной книги оказывается, во-первыхъ, что изъ числа 314 „академиковъ и профессоровъ“ 116 были преподаватели въ лицеяхъ, доценты, лекторы и ветеринары; всѣ насчитанные академики принадлежатъ исключительно старому поколѣнью; изъ хронологической таблицы, составленной гг. Отто и Гассельбладтомъ, оказывается, что цифра профессоровъ, доставляемыхъ дерптскимъ университетомъ, къ послѣднимъ десятилѣтїямъ все болѣе и болѣе падаетъ и нѣмецкіе авторы сами замѣчаютъ, что наибольшая цифра профессоровъ, вышедшихъ изъ дерптскаго университета, приходится къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ: въ то время, какъ извѣстно, въ дерптскомъ университетѣ учрежденъ былъ такъ-называемый профессорскій институтъ изъ лучшихъ питомцевъ русскихъ университетовъ, для приготовленія къ занятію каеэдръ; послѣ Дерпта они отправлялись болѣею частью также за границу. Такимъ образомъ, по заключенію г. Харузина, они не должны идти въ счетъ, и онъ подвергаетъ даже сомнѣнію, справедливо ли смотрѣли у насъ въ то время на дерптскій университетъ, какъ смотреть теперь и не безъ основанія, на университеты западные. Сомнѣніе, кажется, на этотъ разъ излишне: наши университеты въ тѣ годы не блистали учеными силами.

Наконецъ, обращаясь собственно къ студенческимъ обычаямъ Дерпта, г. Харузинъ не только не согласенъ съ опровергаемой имъ брошюрой относительно ихъ воспитательнаго значенія, но находитъ ихъ нескладными, а иногда и совершенно безобразными. Нѣкоторые приводимые имъ „обычаи“ (надо думать, что свѣденія достовѣрны) дѣйствительно отвратительны. Укажемъ для образчика примѣры: „Младшіе (студенты) должны безпрекословно исполнять всѣ порученія старшихъ (нерѣдко и обидныя и оскорбительныя); за слушаніе „фуксъ“ подвергается наказанію, заключающемуся обыкновенно въ томъ, что его заставляютъ насильно пить пиво (однимъ духомъ бутылку) или же (болѣе сильныя мѣры наказанія) ему намѣшиваютъ въ стаканъ подонки пива, воду, водку, мыло, бросаютъ сюда же окурки папиросъ и заставляютъ все это выпить однимъ духомъ. Какъ передавали студенты Дерпта, будто въ этотъ же стаканъ плюютъ; мы лично отказываемся (или по крайней мѣрѣ не желаемъ) этому вѣрить“ (стр. 12).

Не знаемъ, насколько распространенъ этотъ „обычай“. Надо думать, для человѣческаго достоинства, что онъ практикуется рѣдко — иначе трудно понять самую возможность существованія корпора-

ція, которая бы ихъ придерживалась, но вообще въ студенческихъ обычаяхъ надо предположить что-то, что дѣлало ихъ столь живучими. Дерптскій обычай, какъ извѣстно, есть простое повтореніе германскаго; послѣдній живетъ уже нѣсколько столѣтій и недавно удостоился даже поощренія со стороны германскаго императора. Привлекательная и, пожалуй, извѣстная воспитательная сторона корпораціи состояла въ извѣстномъ просторѣ, въ подобіи общественныхъ учрежденій, въ чувствѣ солидарности; самыя дуэли отвѣчали юношескому задору. Едва ли сомнительно, что при самомъ снисходительномъ взглядѣ корпораціи въ ихъ нынѣшней формѣ отжили свое время; но можно понять защиту ихъ въ дерптской брошюрѣ, какъ можетъ быть защищаемъ привычный старый обычай, тѣмъ болѣе, что ничто новое, соответствующее лучшимъ сторонамъ прежняго обычая, его пока не замѣняетъ. Что потребность извѣстнаго корпоративнаго быта существуетъ и у насъ, въ университетахъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, это доказывается множествомъ такъ-называемыхъ „исторій“, которыя хронически повторяются, сопровождаясь обыкновенно бѣльшимъ или меньшимъ числомъ жертвъ; но до сихъ поръ этотъ корпоративный бытъ никакъ не могъ установиться. Въ Дерптѣ думаютъ, что до извѣстной степени эта потребность удовлетворена существованіемъ корпорацій. Чѣмъ могли бы быть онѣ замѣнены—не указываетъ и г. Харузинъ; онъ довольствуется только обличеніемъ, и едва ли правъ, потому что вопросъ объ устройствѣ студенческаго быта все-таки остается. Конечно, можно все это запретить и уничтожить; но, кажется, разумнѣе преобразовывать то, что создавалось нѣкогда побужденіями, въ большой мѣрѣ здравыми. Намъ кажется, что общественная критика, которой хочетъ служить г. Харузинъ, могла бы быть спокойнѣе и, напримѣръ, могла бы обойтись безъ тѣхъ предположеній, какія дѣлаетъ авторъ на страницѣ 9, объясняя эпиграфъ дерптской брошюры какъ угрозу, или безъ догадокъ о личности автора (стр. 42).

— *Чтенія* въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1891 годъ. Книги первая, вторая, третья. Изд. подъ заглавіемъ Е. В. Барсова. М. 1891.

„Чтенія“ московскаго Общества исторіи и древностей—одно изъ старѣйшихъ нашихъ ученыхъ изданій. Основанныя въ половинѣ 40-хъ годовъ подъ руководствомъ Бодянскаго, прерванныя на нѣсколько лѣтъ въ 1848 вслѣдствіе исторіи по поводу изданія русскаго перевода Флетчера (тогда ихъ замѣнилъ „Временникъ“) и возобновленныя

по минованіи невзгоды въ 1850-хъ годахъ снова подъ редакціей Бодянскаго, онѣ получили тогда большое значеніе въ нашей исторической литературѣ, какъ богатый сборникъ изслѣдованій и матеріаловъ, нерѣдко высокой цѣнности. Онѣ сохраняютъ подобное значеніе и донынѣ, не смотря на то, что въ настоящее время наша историческая и археографическая литература чрезвычайно расширилась въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ сороковыхъ годахъ. „Чтенія“ предназначены, конечно, для спеціалистовъ; многіе матеріалы относятся къ весьма частнымъ вопросамъ нашей старой исторіи, но рядомъ съ этимъ нерѣдки матеріалы и изслѣдованія болѣе широкаго историческаго интереса. Таковы, напримѣръ, многія работы, помѣщенные въ вышедшихъ донинѣ трехъ книгахъ „Чтеній“ за 1891 годъ. Укажемъ нѣчто особенно замѣчательное.

Въ первой книгѣ находимъ начало изданія, въ которомъ давно настоятъ необходимость. Это—собраніе сочиненій Юрія Крижанича, гдѣ уже въ самомъ началѣ мы встрѣчаемся съ такими трудами знаменитаго сербо-хорвата, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстны и были разысканы недавно гг. Колосовымъ и М. Соколовымъ. До сихъ поръ вышло въ „Чтеніяхъ“ два выпуска этого изданія.

Далѣе, встрѣчаемъ здѣсь изданіе стараго сочиненія, которое было однимъ изъ первыхъ опытовъ по исторіи русской литературы; это—„Библіотека Россійская, или свѣденіе о всѣхъ книгахъ, въ Россіи съ начала типографій на свѣтъ вышедшихъ. Трудъ епископа Дамаскина (Семенова-Руднева)“. Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, въ монашествѣ Дамаскинъ (1735—1796), бывшій въ концѣ жизни ректоромъ московской славяно-латинской академіи и умершій епископомъ нижегородскимъ, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ вліянія западно-европейской науки въ нашемъ обществѣ прошлаго вѣка. Воспитанникъ московской академіи и затѣмъ профессоръ крутицкой семинаріи, онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ отправился за границу въ качествѣ инспектора при нѣсколькихъ молодыхъ семинаристахъ, посланныхъ тогда для довершенія образованія за границу, и при этомъ самъ въ теченіе шести лѣтъ (1766—1772) пробылъ слушателемъ въ геттингенскомъ университетѣ, гдѣ уже обратилъ на себя вниманіе своими знаніями. „Библіотека россійская“ представляетъ громадный библиографическій трудъ съ историческими замѣчаніями и исполненный съ ученой критикой, въ то время у насъ еще очень рѣдкой. Въ свое время трудъ Дамаскина остался неизданнымъ, и настоящее изданіе его составляетъ фактъ довольно оригинальный. Въ книгѣ „Чтеній“, изданной въ 1891 году, читатель на первый разъ встрѣтитъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ нѣсколько десятковъ страницъ той бумаги, формата и шрифта, какіе употреблялись въ „Чтеніяхъ“ въ

концѣ сороковыхъ годовъ! Дѣло въ томъ, что еще въ 1848 году въ московскомъ Обществѣ предполагено было издать сочиненіе Дамаскина, и нѣсколько листовъ его было уже отпечатано В. М. Ундольскимъ, извѣстнымъ археографомъ; но въ это самое время произошелъ упомянутый погромъ, прервавшій изданіе „Чтеній“. Работа Ундольскаго осталась лежать въ книжномъ складѣ Общества; теперь оно возымѣло благоу мысль извлечь эту работу изъ-подъ спуда и въ книгу 1891 года вpletены листы, отпечатанные въ 1848-мъ. Впослѣдствіи, въ 1851, Ундольскій снова возвратился къ намѣренію издать книгу Дамаскина, но и въ этотъ разъ изданіе остановилось почему-то на первыхъ листахъ, и такъ какъ въ печатаніи сдѣланы были нѣкоторыя переѣмны противъ прежняго и притомъ оно было подвинуто дальше, чѣмъ въ первомъ опытѣ, то нынѣшняя редакція присоединила и листы, отпечатанные въ 1851 году. Но если уже разъ Общество вспомнило трудъ Ундольскаго, то надо было бы желать, чтобы оно и докончило это изданіе. Во второй редакціи Ундольскаго трудъ Дамаскина доведенъ только до 449 №, 1713 года, между тѣмъ цѣлое сочиненіе простирается до 1785 года; и изъ рукописи Дамаскина напечатано лишь 395 листовъ, когда ихъ всѣхъ 1484.

Въ первыхъ двухъ книгахъ „Чтеній“ 1891 г. помѣщено обширное изслѣдованіе г. Бѣлокурова объ Арсеніи Сухановѣ, авторѣ извѣстнаго „Проскинитарія“. Напечатана пока первая часть, заключающая біографію Суханова (440 стр. и 160 стр. приложений); трудъ чрезвычайно обстоятельный, и въ приложеніяхъ собрано много документовъ изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Далѣе, находимъ статью г. Каптерева (автора книги о „Характерѣ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, 1885) объ іерусалимскомъ патріархѣ Досіеѣ въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ въ 1669—1707 годахъ. Статья г. Каптерева заключается въ изданіи новыхъ архивныхъ документовъ къ исторіи этого патріарха, съ объяснительнымъ предисловіемъ; собственное изслѣдованіе печаталось авторомъ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1891 г.

Во второй книгѣ „Чтеній“ мы встрѣчаемъ еще одинъ историческій трудъ, оставшійся отъ сороковыхъ годовъ. Это—лѣтопись византійца Теофана, въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго профессора московскаго университета (давно умершаго) В. И. Оболенскаго. Дѣло въ томъ, что Бодянскій еще въ 1846 году началъ было печатать доставленный Оболенскимъ переводъ Теофана, но при сличеніи съ оригиналомъ оказалось, что переводъ не весьма удаченъ. Впослѣдствіи этотъ переводъ выправленъ былъ Ф. А. Терновскимъ и изданъ Обществомъ въ 1858—57 годахъ; изданный теперь текстъ Оболен-

скаго имѣть, по словамъ самой нынѣшней редакціи, только „историко-литературное значеніе“, но это значеніе такъ невелико, что можно бы совсѣмъ обойтись безъ этого изданія.

Въ третьей книгѣ отмѣтимъ большую библиографическую работу г. Рузскаго о различныхъ спискахъ хожденія въ Святую землю игумена Даніила; далѣе переводъ одного изъ старинныхъ путешествій въ Москву, именно книги Таннера о путешествіи польскаго посольства въ 1678 году; наконецъ обширное изслѣдованіе г. Сапожникова: „Самосожженіе въ русскомъ расколѣ со второй половины XVII-го вѣка до конца XVIII-го“.

Трудъ г. Сапожникова раздѣленъ на нѣсколько главъ, почти совпадающихъ съ царствованіями, начиная съ царствованія Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича до фактовъ самоистребленія и самоистязанія въ XIX столѣтіи. Авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ, что представляла объ этомъ предметѣ печатная литература, но главную цѣнность изслѣдованія составляютъ тѣ данныя, какія были имъ извлечены изъ матеріаловъ архивныхъ, нерѣдко въ печати до сихъ поръ совсѣмъ неизвѣстныхъ. Въ этомъ случаѣ послужилъ г. Сапожникову московскій архивъ министерства юстиціи, который вмѣстѣ съ московскимъ же архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ доставляетъ нынѣшнимъ историкамъ множество важныхъ матеріаловъ по нашей старинѣ. Въ предисловіи авторъ укоряетъ писавшихъ раньше объ этомъ предметѣ въ неполнотѣ ихъ свѣденій; но это бываетъ постоянно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ впервые затрогивается въ литературѣ. Цѣлая масса фактовъ нашей старины еще ожидаетъ монографическаго изслѣдованія; такое изслѣдованіе необходимо исправить и дополнить прежнія свѣденія, но прежде чѣмъ онѣ будутъ сдѣланы (а это, безъ сомнѣнія, будетъ задачей для цѣлыхъ поколѣній ученыхъ изыскателей), историки не могутъ миновать поставленныхъ вопросовъ и будутъ пока рѣшать ихъ по тѣмъ даннымъ, какія имѣются на-лицо. Это будетъ даже вѣчнымъ вопросомъ историческаго знанія. Въ архивѣ министерства юстиціи г. Сапожниковъ просматривалъ дѣла сената, синода, раскольнической конторы и отчасти сибирскаго разряднаго, суднаго и сыскаго приказовъ. Но давно ли весь этотъ матеріалъ сдѣлался доступенъ для изслѣдованія?

Собственный взглядъ автора на причины самосожженія въ заключительной главѣ изложенъ не весьма ясно; но вообще онъ полагаетъ, что самосожженія составляютъ исключительно принадлежность безнравственности. Онъ припоминаетъ кстати поученія протопопа Аввакума, который доказывалъ, что насильственная смерть за вѣру „вождѣнна“, что должно стоять въ своей вѣрѣ непоколебимо „и страха человѣческаго не бояться, а надѣяться на Бога всенадежнымъ упо-

ваніемъ и смѣло по Христѣ страдать“... „Хотя и бить стануть или жечь: ино слава Господу Богу о семъ. Но что лучше сего? Съ мученики въ чинъ, съ апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ... А съ ~~онимъ~~ — то здѣсь не большое время потерпѣть... Боишься пещи той? Дерзай, плюй на нее, не бось! До пещи страхъ-отъ, а егда въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся“...

Въ безпоповщинѣ въ особенности развилось представленіе о необходимости или обязанности пострадать за истинную вѣру, и отсюда основной мотивъ самосожженій. „Но исполненія такихъ догматическихъ требованій, — говоритъ авторъ, — безпоповцы придерживались различно: одни раскольники сожигались самопроизвольно, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ со стороны блюстителей закона; другіе съ предвзятой мыслью о близости конца міра упорно искали возможности умереть за вѣру старую, и сожигались, когда надежда ихъ исполнялась; третьи сожигались при томъ условіи, если нарушался ихъ обыкновенный порядокъ жизни гонителями ихъ, и напротивъ того не сожигались, когда ихъ оставляли въ покоѣ“.

По словамъ г. Сапожникова, самосожженія совершались обыкновенно при участіи руководителей изъ самыхъ упорныхъ дѣятелей раскола, которые раздѣлялись, впрочемъ, на двѣ категоріи: одни только возбуждали къ самосожженію, сами избѣгая его; другіе бывали руководителями цѣлыхъ скопищъ и большею частью сожигались сами вмѣстѣ со своими послѣдователями.

„Избраннымъ мѣстомъ самосожженій были тобольская, пермская и олонекская губерніи, гдѣ столбами раскола были Аввакумъ и его сподвижники. Отсюда невольно приходишь къ убѣжденію, что самосожженія были въ определенныхъ „толкахъ“ безпоповщины, что догматомъ для того у нихъ служило неправильное пониманіе христіанскаго ученія и что рвеніе, которымъ дышалъ расколъ, доводило послѣдователей его до поразительнаго самообольщенія „спастися отъ своихъ грѣховъ“; вмѣсто того, чтобы не бояться мученій и страданій, спокойно ждать казни и смерти, они сами шли въ объятія ихъ, предавая себя самосожженію. Сожигатели наставляли своихъ учениковъ, ихъ женъ и дѣтей, боясь, что они не отстоятъ, по ихъ слабости и безхарактерности, свою вѣру, а вѣдь вѣнецъ смерти отерываетъ врата райа!“

Въ концѣ приложенъ списокъ вождей раскола и ихъ сподвижниковъ, встрѣчавшихся въ описаніи самосожженій; таблица самосожженій съ указаніемъ мѣста, времени и числа сжегшихся; наконецъ, указатель печатныхъ свѣденій о самосожженіяхъ.— А. В.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года были получены въ редакціи слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К. — Албука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 5-е. Спб. 92. Стр. 68. Ц. 10 к.

Амютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). — Нашихъ полей агоды, романъ. М. 92. Стр. 377. Ц. 1 р.

Безсоновъ, К. — Противупожарный вопросъ и пожарная реформа. Херсонъ, 91. Стр. 30.

Бендеревъ, капитанъ. — Сербско-болгарская война 1885 г. Съ прилож. 12 плановъ. Спб. 92. Стр. 490. Ц. 3 р. 50 к.

Бѣристерна-Бѣрисонъ. — Единобращіе и многобращіе, призывъ къ сѣверной молодежи. Перев. съ дат. П. Ганзенъ. Съ прилож. біографіи автора и его портрета. Спб. 91. Стр. 55. Ц. 40 к.

Васильевъ, П. Г. — Дѣтскій театръ. Сиротка. Сцены изъ народнаго быта. Спб. 92. Стр. 40. Ц. 40 к.

Веберъ, Георгъ. — Всеобщая исторія. Перев. съ 2-го изд. Т. XIV: Девятнадцатое столѣтіе. Отдѣлъ 1: до іюльской революціи и ея прямыхъ послѣдствій. Перев. В. Невѣдомскаго. М. 92. Стр. 1012. Ц. 6 р.

Верещанинъ, Н. В. — По поводу неурожаея текущаго года. Докладъ въ годовомъ собраніи В.-Эконом. Общества. Спб. 91. Стр. 19.

Геттнекеъ, Эм. — Опытъ построенія научной критики (Эстопсихологія). Перев. съ франц. Д. Струнина. Спб. 92. Стр. 121. Ц. 80 к.

Гранстремъ, М. — Синее знамя, историч. разсказъ временъ нашествія монголовъ. Съ 65 рис. и картой походовъ Чингисхана. Спб. 92.

Грейфенбергъ, В. С. — Отчетъ по отдѣленію душевно-больныхъ симферопольскихъ богоугодныхъ заведеній за 1890 г. Спб. 91. Стр. 38.

Греминъ, А. Б. — Шурочка, разсказъ. Спб. 92. Стр. 63. Ц. 40 к.

Григоровичъ, Д. В. — Повѣсти и разсказы для народнаго чтенія. Спб. 92. Стр. 192.

Гринъ, Дж. Ричардъ. — Исторія англійскаго народа. Т. I. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 91. Стр. 450. Ц. 3 р.

Гусевъ, А. — Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Н. Толстого и его руководителѣ. Каз. 92. Стр. 108. Ц. 60 к.

Дружининъ, Н. — Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Ч. I: Начальные понятія, общія опредѣленія и практическія указанія. Ч. II: Основные государственные законы. Спб. 92. Стр. 194. Ц. 1 р.

Дубновъ, С. М. — Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. Спб. 91. Стр. 91. Ц. 35 к.

Запоскинъ, Н. П. — Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Каз. 92. Стр. 102. Ц. 60 к.

Залиштинъ, А. С. — Очеркъ теоріи государственнаго кредита. Спб. 92. Стр. 175. Ц. 1 р. 50 к.

Корольковъ, А. Л., и Матюшенко, П. Т. — Начальный учебникъ физики и химіи. Съ 290 рис. въ текстѣ. Кіевъ, 91. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.

Кренке, В. Д. — О сельскомъ хозяйствѣ. Т. III. Третье, испр. и доп. изд. Спб. 91. Стр. 224. Ц. 60 к.

Лаврецкій, М. — Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта. Ревель. 91. Стр. 55. Ц. 50 к.

- Лашковъ, В. Л.*—Сочиненія. Изд. 2-е. Спб. 91. Стр. 423. Ц. 2 р.
- Лычинъ, А.*—Самовозгораніе грузовъ въ трюмахъ коммерческихъ судовъ и возвышеніе температуры въ казематахъ военныхъ судовъ. Севастополь, 92 Стр. 8.
- Лякидъ, А. Г.*—Въ океанѣ звѣздъ, астрономическая Одиссея. Спб. 92. Стр. 271. Ц. 1 р. 50 к.
- Мировичъ, Н.*—Госпожа Роланъ. Романъ. Спб. 90. Стр. 192. Ц. 1 р.
- Михайловъ, врачъ К. Ф.*—Дѣтскія лѣтнія вакаціонныя колоніи за границей и въ Россіи. М. 91. Стр. 16.
- Покора-Лихтанскій, К. Л.*—Философскій споръ о показателѣ правъ. Варш. 88. Стр. 55. Ц. 1 р.
- Розенбаха, д-ръ П. Я.*—Современный мистицизмъ. Критич. очеркъ. Спб. 91. Стр. 52.
- Розальонъ-Сошальской, А. К.*—Безродный, разск. для дѣтей, составл. по Малб. Изд. 2-е. Спб. 92. Стр. 199.
- Семетовскій, К.*—Ученіе Иисуса Христа о блаженствѣ. Кіевъ, 91. Стр. 88.
- С., Ольга.*—Необдуманный бракъ. Од. 91. Стр. 37. Ц. 30 к.
- Сторожевъ, В. Н.*—Матеріалы для исторіи русскаго дворянства. I. Десятни и Тысячная книга XIV в. М. 91. Стр. 459.
- Уарова, И. А.*—Къ вопросу о вліяніи промыванія желудка на усвоеніе азотистыхъ частей пищи у здоровыхъ и больныхъ людей. Спб. 91. Стр. 70.
- Филипповъ, Н. Н.*—Семья землемѣра (для взрослыхъ), разсказъ. Спб. 91. Стр. 64.
- Фирсовъ, Н.*—Къ методологіи хозяйственной статистики. Брош. изъ „Юрид. Вѣстника“. Спб. 91.
- Фришмутъ, Марія.*—О женскомъ образованіи. Брошюра изъ „Вѣстника воспитанія“. М. 91. Стр. 71.
- Чалхушьянъ, Гр.*—Идеалы французской адвокатуры. Спб. 91. Стр. 89.
- Щербаковъ, А. С.*—Краткія бесѣды объ изслѣдованіи пищевыхъ продуктовъ санит. врача въ Ростовѣ-н.-Д. Воронежъ, 91. Стр. 50.
- Эльзе.*—Волшебный камень. Спб. 91. Стр. 388. Ц. 2 р.
- Юндша, Клеменсъ.*—Связи, картинки деревенской жизни. Перев. съ польск. В. Лаврова. М. 92. Стр. 155. Ц. 50 к.
- Георговскій, А. В.*—Сказки попугая. Перед. съ персидскаго. Спб. 91. Стр. 117. Ц. 1 р. 50 к.
- Якобій, П. И.*—Проектъ организаціи земскаго попеченія о душевно-больныхъ московской губерніи. М. 91. Стр. 248.
- Бекетистовъ, Ив.*—Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Изд. М. Ледерле и К°. Спб. 91. Стр. 271. Ц. 1 р. 15 к.

— Дешевая Библіотека: № 160 и 161 — Плутархъ, Сравнительныя жизнеописанія, т. I и II. — № 217 — В. Шекспиръ, Ромео и Юлія, траг., перев. Н. Кукова. — № 215 — Р. Гайгардъ, Копи царя Соломона, пов., перев. Ек. Бекетовой.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 36 и 37 (Ерунда—Збругъ). Изд. А. Гарбель и К°. М. 91. Стр. 1533—1772. Ц. по 40 к.

— Отчетъ Тамбовской губернской земской Управы губернскому земскому собранію по продовольственной операціи 1891 г. I: Заготовки зерна ржи, законченные до октября. II: Выданныя ссуды для овимаго посѣва. Тамб. 91.

— Русскій календарь на 1892 г., А. Суворина. XXI годъ. Съ картою желѣзныхъ дорогъ. Слб. 92. Стр. 605.

— Рѣчь, произнесенная Директоромъ на торжественномъ актѣ въ Варшавскомъ Институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ 3 іюня 1891 г. Варш. 91. Стр. 12.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи. Т. XVII: Частное землевладѣніе Лебедянского уѣзда. Тамб. 91.

— Сообщение Слб. отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. 1891 г. Вып. 3. Слб. 91. Стр. 112.

— Труды Саратовскаго Общества сельскаго хозяйства. Вып. 1 и 2. 1891 г. Сарат. 91. Стр. 18. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Le socialisme moderne, par *Maurice Block*, membre de l'Institut. Paris, 1891. Стр. 196. Ц. 1 фр. 25 сант.

Морисъ Блокъ — одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ французскихъ экономистовъ старой школы, почти столь же авторитетный, какъ Гюставъ де-Молинали, и не менѣе его трудолюбивый и плодовитый. Молинали работаетъ больше въ области теоретическихъ вопросовъ политической экономіи; Морисъ Блокъ занятъ преимущественно вопросами прикладной экономіи и статистики. Молинали стоитъ во главѣ научнаго органа правовѣрной экономической доктрины, ежемѣсячнаго „*Journal des économistes*“; Морисъ Блокъ издаетъ ежегодиники политической экономіи и статистики съ 1856 года (*Annuaire de l'économie politique et de la statistique*). Молинали и Морисъ Блокъ одинаково остаются вѣрными принципамъ классической доктрины, разработанной Адамомъ Смитомъ и нашедшей талантливыхъ популяризаторовъ во Франціи, въ лицѣ Сэя и Бастіа. И Молинали, и Морисъ Блокъ, энергически проповѣдуютъ и защищаютъ „здравыя“ научныя начала, пренебрегаемыя или осуждаемыя новѣйшими поколѣніями экономистовъ; оба они возстаютъ противъ „пагубныхъ“ заблужденій и софизмовъ, внесенныхъ въ науку теоретиками и глашатаями соціальной реформы. Но Молинали не довольствуется поддержаніемъ и защитой „здравыхъ“ экономическихъ идей; онъ не утверждаетъ, что критика существующаго хозяйственнаго строя лишена всякихъ основаній, и что само собою „все идетъ въ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ“ при свободномъ дѣйствіи „естественныхъ зако-

новъ“ экономической жизни. Молинали пытается двигать впередъ науку и вмѣстѣ съ нею расширить практическое ея примѣненіе; онъ ставитъ промышленные идеалы, нигдѣ еще не осуществившіеся, и требуетъ упраздненія всего того, что противорѣчитъ имъ. Онъ смѣло переноситъ теорію свободной частной конкуренціи въ сферу политическихъ и международныхъ интересовъ, рѣшительно отвергаетъ существенныя принадлежности и функціи современнаго государства, указываетъ на вредъ многочисленныхъ монополій, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, и объясняетъ существующее социальное зло именно этимъ наслѣдіемъ старины, загромаждающимъ нашу жизнь и мѣшающимъ полному примѣненію истинныхъ экономическихъ принциповъ. Морисъ Блокъ не позволяетъ себѣ такихъ смѣлыхъ фантазій; онъ не заглядываетъ такъ далеко въ будущее и не берется предлагать программу дальнѣйшихъ усовершенствованій въ хозяйственномъ и политическомъ бытѣ народовъ. Блокъ находитъ, что и теперь все идетъ прекрасно, по крайней мѣрѣ въ общемъ и главномъ, и что нѣкоторые частные диссонансы въ могущественномъ ходѣ прогресса не нарушаютъ естественной общей гармоніи. Эта гармонія, съ точки зрѣнія Мориса Блока, нарушается лишь поверхностными и неосновательными притязаніями людей, стремящихся къ передѣлкѣ фактической дѣйствительности изъ любви къ новизнѣ или вслѣдствіе недовольства своей личной судьбою. Морисъ Блокъ старается, въ формѣ легкихъ и популярныхъ бесѣдъ, опровергнуть ученія социализма и доказать совершенную несостоятельность ихъ, не только логическую и научную, но прежде всего практическую, житейскую.

Будучи авторомъ многихъ солидныхъ трактатовъ по политической экономіи и статистикѣ (каковы, напр., двухтомная „Statistique de la France“, сочиненіе „Progrès de la science économique depuis Ad. Smith“, въ двухъ томахъ; „Traité théorique et pratique de statistique“, „Dictionnaire de l'administration française“, „Des charges de l'agriculture dans les divers pays de l'Europe“ и др.), Морисъ Блокъ, какъ и Молинали, выступалъ уже не разъ въ роли популяризатора экономическихъ теорій, и повидимому съ большимъ успѣхомъ: его „Petit manuel d'économie pratique“ былъ награжденъ Монтіоновскою преміей и переведенъ „на двѣнадцать языковъ“, какъ значится на обложкѣ книги. Авторъ усвоилъ себѣ взглядъ на популяризацію, весьма распространенный между французскими писателями и въ томъ числѣ экономистами. По этому взгляду ученые люди должны обращаться къ массѣ читающей публики какъ къ малымъ дѣтямъ, растолковывать имъ пространно самыя элементарныя вещи, въ родѣ того, что дважды-два = четыре, приводить наглядные и простѣйшіе примѣры, говорить прибаутками въ простонародномъ стилѣ, съ цитатами изъ

басень Лафонтена, и избѣгать вообще всякихъ серьезныхъ разсужденій и положительныхъ указаній. Въ результатѣ выходитъ, что читатель остается съ тѣми свѣденіями и понятіями, какія имѣлъ раньше, и въ немъ невольно зарождается недовѣріе къ представителямъ науки, которые какъ будто хотятъ скрыть отъ простыхъ смертныхъ свои истинныя знанія. Научныя положенія и выводы, предлагаемые публикѣ этими учеными писателями, слишкомъ похожи на легковѣсную поддѣлку, на какой-то скудный суррогатъ науки. Между тѣмъ политическая экономія, по своему предмету и характеру, вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ трудныхъ и мало доступныхъ наукъ, которыя требуютъ особой спеціальной подготовки для ознакомленія съ ея точными основами. Экономисты не имѣютъ повода считать свои теоріи недоступными обыкновенному пониманію; они смѣло могли бы излагать ихъ цѣликомъ, въ видѣ поучительныхъ и общепонятныхъ разъясненій, безъ искусственной научной терминологіи. Тогда обнаружилось бы, что по многимъ капитальнымъ вопросамъ существуютъ еще въ наукѣ споры и разногласія, и что сами ученые экономисты не достигли еще единства въ научныхъ понятіяхъ и идеяхъ. Поэтому и въ обращеніяхъ къ несвѣдущей публикѣ экономисты-популяризаторы должны были бы избѣгать того тона научной непогрѣшимости, который слишкомъ часто господствуетъ въ сочиненіяхъ подобнаго рода.

Книжка Мориса Блока представляетъ типическій примѣръ популяризаціи, въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее ученые экономисты во Франціи. Авторъ думаетъ увѣрить читателей, что мысль о социальныхъ преобразованіяхъ вытекаетъ лишь изъ простаго невѣжества. „Люди, считающіе себя способными передѣлать міръ по лучшему плану,—говоритъ онъ,—могутъ быть легко уличены въ своей ошибкѣ. Добрый Лафонтенъ разсказалъ намъ, что случилось съ поселяниномъ, который удивлялся, почему на великолѣпномъ дубѣ растутъ маленькіе желуди, а не крупныя тыквы: не логичнѣе ли было бы, чтобы на большомъ деревѣ были большіе плоды? Поселянинъ однако измѣнилъ свое мнѣніе, когда желудь упалъ ему прямо въ лицо; онъ сообразилъ, что ему досталось бы посильнѣе, если бы на дубѣ росли тыквы“. Даже для предполагаемаго дѣтскаго кругозора несвѣдущей публики это сравненіе социальныхъ реформаторовъ съ глупымъ поселяниномъ едва ли покажется правильнымъ и убѣдительнымъ. Всякій здравомыслящій человѣкъ можетъ замѣтить, что общественныя и экономическія порядки создаются и поддерживаются людьми, подлежатъ ихъ контролю и критикѣ, и несомнѣнно допускаютъ коренныя измѣненія и усовершенствованія, тогда какъ появленіе желудей на дубѣ не зависитъ отъ нашей воли и замѣна ихъ тыквами остается

нѣ предѣловъ человѣческой власти. Экономическій бытъ культурныхъ народовъ много разъ подвергался искусственнымъ перемѣнамъ и крутой ломкѣ; рабство и крѣпостное право признавались когда-то необходимыми учрежденіями, а теперь перешли въ область преданій, благодаря настойчивымъ усиліямъ людей, позволявшихъ себѣ критически относиться къ человѣческимъ порядкамъ данной эпохи. Строй хозяйственныхъ отношеній постоянно находится въ процессѣ образованія и преобразованія; онъ мѣняется почти на нашихъ глазахъ, и эти перемѣны бросаются въ глаза даже на разстояніи десятилѣтій. Мы не говоримъ уже о такихъ крупныхъ фактахъ, какъ переворотъ 1789 года во Франціи, сразу измѣнившій экономическія и политическія условія жизни населенія. Рабочій классъ повсюду въ Европѣ поставленъ теперь совершенно иначе, чѣмъ въ былое, недавнее еще время, и всякій понимаетъ, что это улучшение достигнуто сознательною энергіею представителей и защитниковъ рабочаго класса, организаціею извѣстныхъ союзовъ (trade-unions) въ Англіи и въ другихъ странахъ, распространеніемъ образованія въ народѣ, поднятіемъ нравственнаго и культурнаго уровня трудящихся, большею сплоченностью и цѣлесообразностью дѣйствій при охранѣ интересовъ рабочихъ отъ произвола капиталистовъ. Рабочіе въ Германіи, бывшіе вполнѣ безпомощными до начала шестидесятыхъ годовъ, достигли теперь того, что ихъ признаютъ серьезною политическою силою въ государствѣ; потребности и стремленія ихъ владутся въ основу обширныхъ законодательныхъ реформъ. Эти и подобные имъ факты хорошо извѣстны каждому и никакъ не могутъ быть скрыты даже отъ самыхъ наивныхъ и доверчивыхъ читателей Мориса Блока. Смѣшно доказывать людямъ, что дѣятели, совершившіе или подготовившіе эти преобразованія, похожи на глупыхъ поселянъ, критикующихъ дубовыя пишки. А между тѣмъ всѣ аргументы, излагаемые въ книжкѣ Мориса Блока, сводятся къ этому отрицанію самой возможности значительныхъ экономическихъ перемѣнъ и усовершенствованій, причемъ не дѣлается различія между ошибками и увлеченіями социалистовъ и разумными реформаторскими стремленіями, вызываемыми необходимостью. Авторъ не признаетъ существованія социальнаго вопроса, издавна волнующаго умы въ Европѣ; онъ ничего не говоритъ ни о государственномъ социализмѣ, ни о новѣйшемъ рабочемъ законодательствѣ, а довольствуется насмѣшливою критикою нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мнѣній Прудона, Маркса, Лассаля, Бебеля. Такого матеріала недостаточно, конечно, даже для популярнаго этюда о „современномъ социализмѣ“.

Послѣ небольшого вступленія авторъ упоминаетъ о фантастическихъ проектахъ общественнаго устройства въ діалогахъ Платона и

въ „Утопіи“ Томаса Моруса, приводитъ вкратцѣ содержаніе „Утопіи“ и легко опровергаетъ ее, обращается затѣмъ къ творцамъ новѣйшаго социализма и уличаетъ ихъ въ честолюбіи, разбираетъ и осмѣиваетъ теорію цѣнности Маркса, мнѣніе Лассалля о „желѣзномъ законѣ“ заработной платы, взгляды Прудона на собственность и кредитъ. Въ заключительныхъ главахъ говорится о важной роли капитала, о значеніи предпринимателей, о раздѣленіи труда, о рабочей платѣ, деньгахъ и кредитѣ. Эти разнообразныя вопросы затронуты такъ бѣгло и поверхностно, что читатель едва ли вынесетъ что-либо положительное изъ обзора ихъ, сдѣланнаго Морисомъ Блокомъ.

Книжка ученаго французскаго экономиста производитъ вообще странное впечатлѣніе по своей безсодержательности, особенно если сопоставить это сочиненіе съ трудами другихъ французскихъ писателей по тому же предмету, какъ напр. Эмиля де-Лавелё („*Le socialisme contemporain*“) и Поля Леруа-Больё („*Le collectivisme*“).

II.

— Die Lügen unserer Socialdemokratie, von *Hans Blum*. Wismar, 1891. Стр. 422.

Сочиненіе Ганса Блума заключаетъ въ себѣ далеко не простой обвинительный актъ противъ нѣмецкой социальной демократіи, какъ можно было бы думать по заглавію, а цѣлое изслѣдованіе о дѣятельностяхъ, теоріяхъ и стремленіяхъ социально-демократической партіи съ момента ея основанія до настоящаго времени, по документальнымъ источникамъ и тщательно собраннымъ свѣденіямъ. Авторъ собиралъ свои матеріалы въ теченіе многихъ лѣтъ; онъ имѣлъ возможность близко слѣдить за дѣятельностью вождей нѣмецкаго социализма, въ качествѣ журналиста и парламентскаго дѣятеля; онъ видѣлъ Лассалля на знаменитомъ съѣздѣ рабочихъ въ Лейпцигѣ, въ 1863 году, при самомъ зарожденіи партіи. Мы находимъ здѣсь возможно полный сводъ данныхъ по исторіи новѣйшаго социалистическаго и рабочаго движенія въ Германіи, съ выдержками изъ парламентскихъ рѣчей, изъ отчетовъ о конгрессахъ и программахъ социальной демократіи, изъ сочиненій, заявленій и манифестовъ ея организаторовъ и предводителей, въ связи съ личными воспоминаніями и впечатлѣніями автора.

Книга распадается на двѣ главныя части: первая трактуетъ о „развитіи социальной демократіи и ея ученія отъ 1863 до 1891 г.“ (стр. 7—175), а вторая посвящена разбору отдѣльныхъ сторонъ и принциповъ нѣмецкаго практическаго социализма, — о будущемъ госу-

дарствѣ, о бракѣ, семьѣ и воспитаніи, о любви къ отечеству, о чувствѣ законности, о религіи, о расположеніи къ рабочимъ. Блумъ обвиняетъ социалистическихъ проповѣдниковъ и вождей въ лицемеріи и лживости, въ противорѣчіяхъ и недомолвкахъ, въ нарушеніи нравственныхъ и религіозныхъ началъ, приче́мъ не указываетъ, въ какой мѣрѣ эти недостатки свойственны другимъ политическимъ партіямъ. Онъ не жалѣетъ красокъ для изображенія темныхъ дѣяній и мыслей Бебеля, Маркса, Либкнехта, но признаетъ великіе таланты и національный патріотизмъ Лассала. Рѣзкій обличительный характеръ книги не мѣшаетъ, впрочемъ, живому интересу ея богатаго фактическаго содержанія.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1892.

Декабрьскія сессіи губернскихъ земскихъ собраній.—Нѣчто о докторскихъ „дощечкахъ“ и о желѣзнодорожныхъ буфетахъ.—Опасный избытокъ усердія.—Неожиданный результатъ недавняго спора.—Церковная школа и г. Горбовъ.—Двадцатипятилѣтіе дѣятельности В. А. Манасеина и А. М. Унковскаго.—Начало дѣла въ здѣшней Думѣ о мужѣ.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ открылись первыя губернскія земскія собранія, образованныя на основаніи земскаго положенія 12-го іюня 1890 г. (московское, саратовское, вятское, тверское). Для общей ихъ характеристики нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ; можно указать только нѣкоторыя черты, сразу обращающія на себя вниманіе. „Законъ 12-го іюня,—читаемъ мы въ рѣчи, произнесенной московскимъ губернаторомъ при открытіи московскаго губернскаго земскаго собранія, — положивъ въ основу избранія земскаго представительства не одинъ только имущественный цензъ, а главнымъ образомъ начало сословное, и тѣмъ обезпечивъ каждому классу мѣстнаго населенія свободный и широкій доступъ къ представительству въ собраніи, тѣмъ самымъ устранилъ отъ земскихъ выборовъ тотъ характеръ шаткой случайности, который почти постоянно омѣчалъ выборы, основанные исключительно на имущественномъ правѣ“. Въ этихъ немногихъ словахъ можно найти немало спорныхъ положеній. Едва ли, во-первыхъ, можетъ быть рѣчь объ открытіи *каждому* классу населенія *свободному и широкому* доступу въ земское представительство, когда

столь существенно уменьшено число гласныхъ отъ крестьянъ и самый доступъ ихъ въ собраніе поставленъ въ зависимость не только отъ довѣрія избирателей, но и отъ усмотрѣнія губернатора. Нельзя утверждать, во-вторыхъ, что при дѣйствіи прежняго положенія въ основѣ земскаго представительства лежалъ *только* имущественный цензъ; выборы отъ сельскихъ обществъ носили на себѣ (съ точки зрѣнія *активной* избирательнаго права) ясно выраженный сословно-крестьянскій характеръ. Преждевременно, въ-третьихъ, говорить объ устраниеніи, путемъ сословной организаціи выборовъ, „характера шаткой случайности, постоянно (постоянно ли?) отиѣчавшаго“ прежніе земскіе выборы. Чѣмъ меньше избирателей является въ избирательное собраніе, тѣмъ вѣроятнѣе становится „случайность“ избранія—а при дѣйствіи новаго земскаго положенія избиратели, и притомъ именно избиратели-дворяне, далеко не вездѣ, какъ извѣстно, отличаются особенною исправностью. Въ московскомъ уѣздѣ, напримѣръ, на сѣздѣ мелкихъ собственниковъ-дворянъ явилось, изъ числа 125 внесенныхъ въ списокъ, только 16 (!); въ избирательное дворянское собраніе—изъ числа 106 также всего шестнадцать, которымъ пришлось выбрать *восемнадцать* гласныхъ. Чѣмъ же подобные выборы отличаются отъ прежнихъ, на чемъ основано предположеніе, что въ нихъ менѣе случайности?.. Новое устройство земскихъ учреждений — продолжаетъ губернаторъ — „вводить ихъ въ кругъ правительственныхъ органовъ, какъ необходимое звено, устанавливая надъ ними постоянное наблюденіе и контроль мѣстной власти. Сознаніе этой тѣсной связи, этого общенія должно вызвать въ средѣ вашей необходимость разумной осмотрительности въ принятіи рѣшеній по дѣламъ, подлежащимъ вашему обсужденію“. Неужели, однако, прежнему московскому губерньскому земскому собранію, столько сдѣлавшему для губерніи и во многихъ отношеніяхъ служившему примѣромъ для всей Россіи, не доставало, вслѣдствіе слабости административнаго контроля, „разумной осмотрительности“? „Разумная осмотрительность“ заключается, какъ намъ кажется, не въ томъ, чтобы взвѣшивать впередъ шансы согласія или несогласія администраціи съ постановляемымъ рѣшеніемъ, а въ томъ, чтобы заботиться исключительно о внутренней цѣнности и цѣлесообразности рѣшенія. Заранѣе отступать или останавливаться передъ одною *возможностью* протеста—значить брать на себя роль, вовсе не свойственную земскому собранію. Широкое право протеста, предоставленное администраціи, нисколько не лишаетъ земство права—и не снимаетъ съ него, слѣдовательно, обязанности—руководствоваться, при постановленіи рѣшенія, исключительно собственными своими взглядами и убѣжденіями.

Весьма интересенъ слѣдующій эпизодъ, происшедшій въ сара-

товскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ виду усиленныхъ за-
 нятий по продовольственному дѣлу, саратовская губернская земская
 управа пригласила въ свою среду, на правахъ члена, одного изъ
 мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, и увеличила составъ своей канцеляріи.
 Средства для покрытія расходовъ по этому предмету управа пред-
 положила заимствовать изъ продовольственнаго капитала, т.-е. при-
 числить ихъ къ продовольственной ссудѣ, подлежащей возвращенію
 со стороны крестьянъ. Это предложеніе вызвало въ собраніи ожив-
 ленныя пренія. Одни гласные находили, что расходъ, о которомъ
 идетъ рѣчь, ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ расходовъ по
 управленію и, подобно имъ, долженъ быть обращенъ на общія зем-
 скія средства; другіе гласные полагали, что это значило бы возло-
 жить лишнее бремя на тѣхъ владѣльцевъ, которые не пользуются
 продовольственною ссудой. Если вѣрно,—возразилъ на это гласный
 Ченныкаевъ,—что расходы по продовольственному счетоводству ля-
 гутъ *бременею* на землю, то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ налагать это
 бремя лишь на крестьянскую землю, т.-е. именно на ту, которая въ
 этомъ году ничего не родила (и составляетъ только $\frac{1}{10}$ всей пло-
 щади губерніи). „Сумма, о которой идетъ дѣло (3.840 руб.),—замѣ-
 тилъ гласный Усачевъ,—такъ мала, что не стоило бы такъ долго о
 ней и говорить; но тутъ есть другая сторона. Земство является те-
 перь опекуномъ народа; оно, слѣдовательно, отвѣтственно за его не-
 счастье и должно употребить всѣ силы, чтобы поправить крестьян-
 нина. Здѣсь, на земскомъ собраніи, крестьяне не имѣютъ своихъ
 представителей, которые могли бы защитить свои интересы. Громад-
 ное большинство собранія—крупные землевладѣльцы. Это обстоятель-
 ство налагаетъ на нихъ долгъ быть деликатнѣе въ вопросахъ о сво-
 ихъ собственныхъ интересахъ и обязываетъ ихъ разложить хоть
 часть крестьянской тяготы на все земское населеніе губерніи. Зада-
 чей земства никоимъ образомъ не могутъ быть признаны интересы
 крупнаго капитала (землевладѣнія). Земство возбуждаетъ теперь во-
 просы объ обводненіи и облѣсеніи края, чтобы предотвратить буду-
 щіе неурожаи; почему же оно не заботилось о нихъ раньше, не
 оградило крестьянъ отъ нынѣшняго неурожаа? Значить, въ нынѣш-
 немъ ужасномъ положеніи крестьянства нашъ грѣхъ, наша вина—
 мы должны искупить ее“. Въ этой рѣчи совершенно напрасно усмот-
 рѣнъ былъ призывъ къ „борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ“: она
 заключаетъ въ себѣ только призывъ къ самой простой справедливо-
 сти. Громадное большинство собранія стало, однако, на сторону
 управы, предложеніе которой принято большинствомъ всѣхъ голо-
 совъ противъ *нѣти*. Весьма можетъ быть, что въ прежнемъ губерн-
 скомъ собраніи дѣло получило бы другой исходъ или, по крайней

мѣръ, большинство голосовъ, поданныхъ за предложеніе управы, оказалось бы не столь значительнымъ.

Гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе производитъ отчетъ о томъ засѣданіи саратовскаго губернскаго земскаго собранія, въ которомъ состоялось чествованіе бывшаго саратовскаго губернатора, генералъ-лейтенанта Косича. Вслѣдъ за открытіемъ сессіи собранія, въ Саратовъ пришла вѣсть о назначеніи г.-л. Косича командиромъ 4-го армейскаго корпуса. Собраніе постановило поднести бывшему губернатору адресъ, въ которомъ дѣятельность его характеризуется слѣдующими словами: „ваше неутомимое и энергичное участіе въ ходатайствахъ земства о выдачѣ ссудъ для продовольствія, по выдачѣ населенію хлѣба, въ привлеченіи пожертвованій, вызываетъ всеобщее удивленіе и одобреніе, тѣмъ болѣе, что вы въ этой дѣятельности не останавливались даже и въ то время, когда приведеніе въ исполненіе вашихъ взглядовъ встрѣчало на своемъ пути немалыя затрудненія. Результатомъ этой неутомимой и гуманной энергіи былъ тотъ фактъ, который саратовское земство считаетъ необходимымъ засвидѣтельствовать передъ всѣми: безъ такихъ заботъ и трудовъ вашихъ, земство было бы поставлено въ крайне тяжелое положеніе по продовольствію населенія. Въ теченіе всей пятилѣтней дѣятельности вашей, саратовское земство находило въ васъ полную поддержку своимъ начинаніямъ и ходатайствамъ, причемъ весь періодъ вашего служенія ни разу не былъ омраченъ какими-либо разногласіями съ вашими представителями“. Этотъ адресъ губернскаго собранія хотѣло передать г.-л. Косичу, in cogroge, въ его квартирѣ; но г.-л. Косичъ самъ явился въ собраніе и, выслушавъ адресъ, благодарилъ гласныхъ въ прекрасной рѣчи. „Мои нервы, — сказалъ онъ, между прочимъ, — были сильно потрясены отъ мысли, что расстаюсь съ вами въ такую тяжелую для губерніи минуту, а потому теперь испытываю такое тяжелое, горькое чувство, которое едва могу переносить. Это — не фраза! Мнѣ, какъ солдату и какъ гражданину, трудно удалиться съ поста, когда край въ такомъ тяжеломъ положеніи; но, оставляя его, надѣюсь, что вашими усиліями и заботами губернія не потерпитъ тѣхъ страшныхъ затрудненій, которыя уже испытываютъ другія мѣстности. Въ настоящее время, благодаря вашей заботливости о населеніи, не было ни смертныхъ случаевъ отъ голода, ни даже болѣзней. Дай Богъ, чтобы такъ было и дальше!“

Составляетъ ли дощечка съ означеніемъ званія, имени и фамиліи и нумера квартиры, если она прибита къ наружнымъ дверямъ дома, *выѣтску*, въ техническомъ и юридическомъ значеніи этого слова?

Таковъ вопросъ, возникшій недавно въ Ригѣ и составлявшій предметъ судебного разбирательства въ тамошнихъ мировыхъ учрежденияхъ. Дѣло въ томъ, что по распоряженію лифляндскаго губернатора, объявленному въ мартѣ 1889 г., всѣ „торговныя и всякія иного рода вывѣски, выставляемыя на стѣнахъ домовъ и у магазиновъ“, должны быть изготовляемы не только на одномъ нѣмецкомъ или нѣстномъ, но и на русскомъ языкѣ, по предварительномъ разсмотрѣніи и, въ случаѣ надобности, исправленіи полицейскою цензурою. Осенью 1890 г., т. е. полтора года спустя послѣ этого распоряженія, въ одномъ изъ околотковъ Риги были сорваны полиціею дощечки съ фамиліями докторовъ, написанными на одномъ нѣмецкомъ языкѣ. Въ числѣ лицъ, по отношенію къ которымъ принята эта мѣра, былъ докторъ медицины Гетшель. Мировой судья 1-го участка гор. Риги, находя, что подъ вывѣской слѣдуетъ разумѣть всякое, о чемъ бы то ни было и въ какой бы то ни было формѣ, выставленное снаружы объявленіе, и имѣя въ виду, что доктору, къ которому вынуждено обращаться все населеніе Риги, слѣдовало бы особенно позаботиться о томъ, чтобы не лишать и русское населеніе города возможности пользоваться выставленною вывѣскою, и потому написать ее по-русски, призналъ Гетшеля виновнымъ въ неисполненіи законнаго распоряженія полиціи и приговорилъ его, на основаніи ст. 29 уст. о наказ., валаг. миров. судьями, къ денежному штрафу въ 16 рублей. „Не довольствуясь этимъ (?),—такъ сказано въ приговорѣ сѣзда,—Гетшель обжаловалъ рѣшеніе судьи рижско-вольмарскому мировому сѣзду. Мировой сѣздъ нашелъ, что лица, занимающіяся вольномедицинскою практикою, не лишены характера официальныхъ дѣятелей. Знаніе ими русскаго языка—настолько существенное требованіе закона, что имъ обусловлено самое право на занятіе медицинскою практикою. Рѣшительная воля закона водворить въ прибалтійскомъ краѣ русскую рѣчь выражена въ Высочайшемъ повелѣніи 3-го января 1850 г. и повторена въ законѣ 1885 г. Законъ этотъ требуетъ, чтобы русская рѣчь сдѣлалась господствующею и исключительною въ присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ края. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ смысла этого закона вытекаетъ безспорно и то положеніе, что всякое публичное объявленіе и извѣщеніе въ частной жизни должно быть дѣлаемо на русскомъ языкѣ; требованіе русской рѣчи въ русскомъ государствѣ, и къ тому же отъ лица официального, обязаннаго знать этотъ языкъ—требованіе безспорно законное, внушаемое долгомъ вѣрноподданства. Если же требованіе это законно, то рижскій полиціймейстеръ имѣлъ полное право лично отъ себя, не испрашивая разрѣшенія губернатора, предъявить таковое доктору Гетшелю, и протестъ послѣдняго, притомъ въ такой настойчивой формѣ,

въ какой заявляетъ его обвиняемый, не можетъ быть не наказуемъ. На основаніи этихъ соображеній мировой съѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи.

Не смотря на кажущуюся маловажность, дѣло доктора Гетшеля заслуживаетъ внимательнаго изученія. Замѣчательно, прежде всего, постепенный ростъ обвиненія, не съ специфически-уголовной, а съ политической и общественной точки зрѣнія. Квалификація проступка не измѣнялась, степень отвѣтственности, грозившей доктору Гетшелю, не увеличилась—но раздвигались, если можно такъ выразиться, рамки судейскихъ соображеній и темнѣли краски, въ которыхъ изображался образъ дѣйствій обвиняемаго. Въ первоначальной простотѣ своей обвиненіе является лишь въ полицейскомъ протоколѣ: здѣсь идетъ рѣчь только о томъ, можно ли считать дощечку—*вывѣской* и подводить ее подъ дѣйствіе губернаторскаго распоряженія о вывѣскахъ. Намъ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшается общеупотребительнымъ значеніемъ слова: вывѣска—не противорѣчающимъ, въ данномъ случаѣ, никакому юридическому опредѣленію. Вывѣска—это нѣчто бросающееся въ глаза, прямо имѣющее цѣлю обратить на себя вниманіе; это нѣчто такое, чего трудно не замѣтить, нѣчто „гласящее во всѣ концы“, что въ данномъ мѣстѣ работаетъ такой-то ремесленникъ, совершается такая-то торговля, помѣщается такое-то учрежденіе. Понятіе объ „объявленіи, выставленномъ снаружѣ“, гораздо шире; оно обнимаетъ собою и афиши, и оглашаемыя путемъ расклейки официальные оповѣщенія, и надписи о квартирахъ, отдаваемыхъ вънаймы—однимъ словомъ, многое никогда и нигдѣ не подводимое подъ понятіе о вывѣскѣ. Небольшую дощечку, указывающую мѣстожителство даннаго лица—хотя бы въ ней и было упомянуто его званіе и хотя бы она была прибита къ наружнымъ дверямъ дома,—никто, въ обществѣ, не назоветъ вывѣской, потому что она дѣйствительно не совмѣщаетъ въ себѣ характеристичныхъ признаковъ послѣдней. Такъ, повидимому, смотрѣла сначала на докторскія дощечки и рижская полиція; иначе не прошло бы полутора года между объявленіемъ губернаторскаго распоряженія и примѣненіемъ его къ злополучнымъ дощечкамъ. Шаткостью мотива, послужившаго первоначальной основой обвиненія, объясняются, быть можетъ, позднѣйшія его варіаціи. Уже мировой судья, признавъ дощечку вывѣской, не считаетъ возможнымъ ограничиться этимъ соображеніемъ и присоединяетъ къ нему упрекъ Гетшелю, что онъ, какъ докторъ, не позаботился сдѣлать надпись на дощечкѣ понятной для русскаго населенія гор. Риги. А что, еслибы докторъ Гетшель вовсе не выставилъ никакой дощечки? Съ точки зрѣнія, на которую становится мировой судья, это было бы еще болѣе предосудительно, потому что о мѣстѣ жительства доктора труднѣе было бы узнавать не только

русскому, но и нѣмецкому населенію; между тѣмъ, никто тогда бы и не подумалъ о возбужденіи противъ Гетшеля уголовнаго преслѣдованія. Выставка какихъ бы то ни было дощечекъ или объявленій для докторовъ не обязательна, и на самомъ дѣлѣ они, сплошь и рядомъ, къ ней не прибѣгаютъ; нельзя, поэтому, ставить имъ въ вину употребленіе на дощечкѣ, которой могло бы и не быть вовсе, одного только языка, по собственному ихъ выбору. Еслибы рѣчь шла о томъ, какъ сдѣлать докторскія квартиры легко находимыми для каждаго, то въ Ригѣ къ нѣмецкому и русскому тексту надписи слѣдовало бы прибавить еще латышскій, а во всѣхъ вообще городахъ—придумать для докторскихъ квартиръ какой-нибудь виѣшній знакъ, понятный и для неграмотныхъ (въ родѣ, напримѣръ, орла, помѣщаемого надъ аптеками). Мировой сѣздъ уклоняется въ сторону еще гораздо дальше, чѣмъ мировой судья; о томъ, принадлежитъ ли дощечка къ категоріи вывѣсокъ, онъ не разсуждаетъ вовсе, а прямо переноситъ вопросъ на политическую почву. Онъ забываетъ, при этомъ, мудрыя французскія изреченія: *qui veut trop prouver, ne prouve rien* (кто хочетъ доказать слишкомъ многое, тотъ не доказываетъ ничего), и *qui trop embrasse, mal étreint* (плохо захватываетъ тотъ, кто слишкомъ многое обнимаетъ). Въ самомъ дѣлѣ, признавая вольнопрактикующихъ врачей „официальными дѣятелями“ и устанавливая, вслѣдъ за тѣмъ, что у „должностныхъ лицъ“ прибалтійскаго края русская рѣчь должна быть *господствующею и исключительною*, мировой сѣздъ возлагаетъ на рижскихъ врачей обязанность употреблять русскій языкъ не только въ дощечкахъ, возводимыхъ на степень вывѣсокъ, но и въ бесѣдахъ съ больными. Ничего подобнаго не требуетъ отъ нихъ законъ, да и не можетъ требовать, потому что это было бы неисполнимо. Слишкомъ далеко идетъ мировой сѣздъ и тогда, когда утверждаетъ, что *всякое публичное объявленіе и извѣщеніе въ частной жизни (!)* должно быть *дѣлаемо на русскомъ языкѣ*. Сколько намъ извѣстно, жителямъ Риги не возбраняется печатать не по-русски извѣщенія о рожденіи дѣтей, бракѣ, смерти, приѣздѣ, отъѣздѣ и вообще всякаго рода газетныя объявленія, несомнѣнно носящія на себѣ характеръ публичности. Нечего даже и думать о воспрещеніи подобныхъ объявленій, пока въ Ригѣ издаются газеты не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ (и латышскомъ) языкѣ. Всѣ соображенія мирового сѣзда бѣгутъ, такимъ образомъ, мимо цѣли. Не совѣмъ понятнымъ, наконецъ, представляется для насъ указаніе мирового сѣзда на „настойчивость“, съ которою обвиняемый протестовалъ противъ распоряженія о снятіи дощечки. Никакихъ признаковъ особой настойчивости со стороны обвиняемаго мы въ дѣлѣ не видимъ, если только не считать такимъ признакомъ принесеніе жалобы на рѣшеніе мирового

судьи и защиту ея въ засѣданіи сѣзда; но вѣдь въ пользованіи средствами оправданія, дарованными закономъ, никто до сихъ поръ не усматривалъ еще чего-либо предосудительнаго. „Не довольствоваться“ рѣшеніемъ, на которое допускается жалоба, всякій имѣетъ полное юридическое и нравственное право. Докторъ Гетшель воспользовался этимъ правомъ по отношенію къ приговору мирового сѣзда, который, какъ мы слышали, и отмѣненъ уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ прав. сената.

Мы только-что упомянули о неисполнимости требованія, направленного къ употребленію русскаго языка въ частныхъ сношеніяхъ между не-русскими по происхожденію. Оказывается, однако, что неисполнимость требованія не всегда препятствуетъ его предъявленію. Въ печати появились недавно свѣденія о циркулярѣ правленія варшавско-тереспольской желѣзной дороги, предписывающемъ совершенное изытіе польскаго языка изъ употребленія какъ служащими на желѣзной дорогѣ, при сношеніяхъ ихъ съ пассажирами, публикой и *между собою*, какъ равно и въ буфетахъ желѣзнодорожныхъ станцій, содержателями буфетовъ и буфетною прислугой. Всѣмъ этимъ лицамъ строго внушено отнюдь и ни съ кѣмъ не употреблять польскій языкъ, ни при обращеніи къ публикѣ, ни между собою, въ пассажирскихъ помѣщеніяхъ. Нарушителямъ этого требованія грозитъ отвѣтственность, какъ за неисполненіе правительственныхъ распоряженій, а при повтореніи—немедленное удаленіе отъ занимаемой должности. Мы видимъ въ этой мѣрѣ вѣчто похожее на то, что называется въ уголовномъ правѣ превышеніемъ необходимой обороны. Отъ людей, постоянно приходящихъ въ соприкосновеніе съ публикой, можно требовать знанія государственнаго языка; можно настаивать на томъ, чтобы русскій, проѣзжая по желѣзной дорогѣ въ предѣлахъ Россіи, вездѣ и всегда могъ говорить съ поѣздной и станціонной прислугой на русскомъ языкѣ. Идти еще дальше и предписывать употребленіе русскаго языка даже въ разговорѣ служащихъ между собою, даже въ отвѣтахъ на вопросы, сдѣланные по-польски—значитъ создавать, безъ всякой надобности, тяжелое положеніе и для самихъ служащихъ, и для значительной части публики. Легко ли, напримеръ, поляку-сторожу или кондуктору отвѣчать по-русски поляку-крестьянину или рабочему, вовсе не знающему русскаго языка? Не все ли это равно, что совершенно отказывать въ отвѣтѣ на вопросъ, быть можетъ весьма важный для спрашивающаго? Легко ли, съ другой стороны, такъ тщательно наблюдать за собою, чтобы не обмолвиться парой польскихъ словъ въ разговорѣ, за прилавкомъ, съ товарищемъ-полякомъ? Желательно ли поощрять соглядатайство, при такихъ условіяхъ возникающее и развивающееся почти неизбежно?

Да и много ли выиграетъ государственный языкъ отъ того, что на немъ будетъ сказано, по принужденію, нѣсколько лишнихъ словъ или фразъ? Отнюдь не больше, чѣмъ отъ прибавленія на докторскихъ дощечкахъ, въ остзейскомъ краѣ, надписи на русскомъ языкѣ.

Какъ ни желательно широкое распространеніе христіанства между инородческими племенами Сибири, оно не должно быть ускоряемо искусственными средствами. Прочно и плодотворно только обращеніе обдуманное, неторопливое, искреннее и безусловно добровольное. Само собою разумѣется, что воплія обнять христіанское ученіе язычники-инородцы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, неспособны; но они могутъ придти къ твердому убѣжденію въ превосходствѣ его передъ прежними ихъ вѣрованіями—и только съ этого момента долженъ возникать вопросъ о ихъ крещеніи. „При крайне низкой степени умственного развитія язычниковъ-инородцевъ, близко граничащаго съ состояніемъ первобытной дикости, — сказано въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1883 г., — высокія истины христіанскаго ученія болѣею частью остаются недоступными для ихъ пониманія, такъ что они остаются при одной внѣшней, обрядовой сторонѣ христіанства, которую часто смѣшиваютъ съ обычаями и суевѣріями язычества“. На такой почвѣ всегда возможно и даже вѣроятно обратное отпаденіе въ язычество, столь тяжкое, по своимъ послѣдствіямъ, для самихъ новообращенныхъ и столь неблагоприятное для дальнѣйшаго успѣха миссіонерской проповѣди. На самомъ дѣлѣ, однако, принятіе язычниковъ въ лоно православной церкви совершается иногда, повидимому, безъ соблюденія достаточной осторожности. Вотъ что мы узнаемъ, напримѣръ, изъ того самаго отчета, о которомъ упомянуто выше: „инородческій князь Гантимуровъ (христіанинъ), въ іюнѣ 1883 г., приказалъ живущимъ въ его вѣдомствѣ ороченамъ собраться на рѣкѣ Самтѣрѣ для привитія предохранительной оспы. Туда же, *вмѣстѣ съ княземъ*, отправился и миссіонеръ. Послѣ объясненій о необходимости оспопрививанія, рѣчь перешла къ спасенію души. *Князь* принялъ живое участіе въ этой бесѣдѣ, стараясь доказать ороченамъ-язычникамъ ихъ невѣжественное заблужденіе въ шаманствѣ. Плодомъ бесѣды было обращеніе ко Христу тридцати человекъ, которые и сподобились принять св. крещеніе въ тихихъ струяхъ рѣки Самтѣра“. Крещеніе, — замѣтили мы тогда же, приведа это мѣсто отчета ¹⁾), — „слѣдовало здѣсь, повидимому, непосредственно за проповѣдью; гдѣ же основанія ожидать, что новообращенные сдумаютъ оградить свою вѣру противъ наветовъ перваго встрѣтившагося имъ ламы или шамана? Присутствіе

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1886 г.

начальника представляется столь же недостаточнымъ залогомъ искренности и прочности обращенія, какъ и подарки новокрещаемымъ, о которыхъ говорится въ отчетѣ". Еще менѣе желательнымъ, чѣмъ поспѣшность, представляется, конечно, внѣшнее давленіе на инородцевъ. До насъ доходятъ изъ Сибири свѣденія о нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдняго рода, весьма прискорбныхъ. Лѣтомъ истекшаго года балаганскій окружной исправникъ обратился къ головамъ своего вѣдомства съ циркулярнымъ предложеніемъ, въ которомъ увѣдомлялъ ихъ, что мѣстный преосвященный вскорѣ прибудетъ въ балаганскій округъ ¹⁾ для крещенія инородцевъ. Къ этому увѣдомленію исправникъ присоединилъ обращенную къ головамъ просьбу не остаться безучастными въ дѣлѣ привлеченія къ крещенію возможно большаго числа инородцевъ, помимо *подлежащихъ крещенію*, которые *обязательно должны быть доставлены* ко дню пріѣзда преосвященнаго въ бахеевскій миссіонерскій станъ, подъ опасеніемъ законной (?) отвѣтственности для самихъ головъ и для родовыхъ старостъ (подъ именемъ „подлежащихъ крещеній“ слѣдуетъ здѣсь, очевидно, разумѣть инородцевъ, заранѣе включенныхъ въ списокъ обращающихся). Участіе свѣтскихъ властей въ такомъ чисто-религіозномъ дѣлѣ, какъ переходъ изъ язычества въ христіанство, кажется намъ уже само по себѣ явленіемъ въ высшей степени ненормальнымъ; но его опасность увеличивается еще больше возможностью излишняго усердія со стороны низшаго начальства, руководимаго страхомъ отвѣтственности или надеждой на награду. Мы слышали, что предложеніе балаганскаго исправника имѣло послѣдствіемъ бѣгство однихъ инородцевъ, вынужденный приводъ другихъ, а если вѣрить жалобамъ, поданнымъ въ октябрѣ мѣсяцѣ иркутскому генералъ-губернатору — и болѣе серьезныя насилія. Основательность или неосновательность подобныхъ жалобъ обнаружить, по всей вѣроятности, слѣдствіе; но чтобы предупредить ихъ возможность, чтобы оградить свободу совѣсти, на которую имѣетъ право и язычникъ, необходимо полнѣйшее воздержаніе свѣтскихъ властей отъ всякаго внѣшательства въ великое дѣло распространенія христіанства.

Въ № 350 газеты „Гражданинъ“ приведено на дняхъ письмо одного священника, изъ „Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, писанное противъ русскихъ буддистовъ (см. о буддизмѣ въ Забайкальѣ, выше: статья г. Птицына), съ цѣлью возбудить противъ нихъ преслѣдованіе. Газета называетъ это письмо, не безъ основанія, „самымъ смѣлымъ и самымъ грубымъ проявленіемъ, съ одной стороны

¹⁾ Балаганскій округъ, иркутской губерніи, обнимаетъ собою, между прочимъ, балаганское „инородческое вѣдомство“, состоящее изъ 16 бурятскихъ родовъ.

невѣжества, а съ другой стороны, неразумной нетерпимости, переходящей всякіе предѣлы“. Вотъ содержаніе этого письма: „Дѣло въ томъ,—говоритъ авторъ письма,—что древній буддизмъ не зналъ никакихъ молитвъ, да и не имѣлъ кому молиться, потому что избавленіе свое отъ золъ жизни совершалъ онъ самъ, безъ всякаго участія боговъ, которые, къ тому же, по словамъ самого Будды, были существами столь же слабыми, безпомощными и подверженными страданіямъ, какъ и люди. Въ болѣе новыхъ формаціяхъ буддизма, правда, появились и молитвы, но въ нихъ буддисты пока еще молятся о томъ, что по ихъ ученію составляетъ высшее благо, т.-е. молятся о лучшемъ перерожденіи въ будущемъ, перерожденіи, которое поставило бы ихъ на путь къ нирванѣ, то есть,—небытію, или, по крайней мѣрѣ, безсознательнаго бытію, и о достиженіи самой нирваны. Дампилъ же Гомбоевичъ молится, напротивъ, о томъ, чтобы Верховный Богъ Будда и Всевышній Богъ, дарующій безсмертіе, дали Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу долголѣтнюю жизнь, т.-е. молятся какъ разъ о томъ, что съ точки зрѣнія буддизма считается самымъ величайшимъ несчастіемъ. Такимъ образомъ, выходитъ одно изъ двухъ: или составитель молитвы подъ видомъ счастья желаетъ самаго величайшаго несчастія Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу, или же отрекается ради чего-то отъ самого основного ученія буддизма, что сознательно-личная жизнь—зло, и проситъ у Будды того, чего послѣдній запрещалъ просить. Послѣднее болѣе вѣроятно. Пожелать Государю Императору нирваны, конечно, было неудобно и неприлично. Между тѣмъ обратиться на себя и на всю корпорацію дамъ вниманіе, какъ на патріотовъ, въ виду нѣкоторыхъ цѣлей было нужно. И вотъ глава буддизма у бурятъ, обязанный заботиться о сохраненіи его цѣлости, самъ же первый приносить въ жертву какимъ-то расчетамъ свою религію. Все это, конечно, очень грустно и набрасываетъ неблагоприятную тѣнь на самыя молитвы, которыя поэтому являются простою насмѣшкою надъ самыми дорогими для человѣка религіозными чувствами“...

„Какъ вамъ нравится—замѣчаетъ газета „Гражданинъ“—это упражненіе іезуитско-семинарскаго лукавства, слитаго съ незнаніемъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь... Если „Епархіальныя Вѣдомости“ пускаютъ въ обращеніе между сибирскимъ духовенствомъ такіа гнусныя изтолкованія даже молитвы буддистовъ только для того, чтобы въ одно и то же время вызывать къ ненависти противъ нихъ, а съ другой стороны, съ этою ненавистью совершать, для полученія наградъ и повышеній, обращеніе буддистовъ въ православіе, то легко себѣ представить, что же дѣлается тайно съ этими несчастными буддистами, если то, что явно,—такъ идетъ въ разрѣзъ и съ интересами

русскаго правительства, и въ особенности съ духомъ любви христіанской церкви.

„Буддистъ-бурятъ“ опровергаетъ въ „Восточномъ Обзорѣніи“ ту нелѣпость, что буддизмъ отвергаетъ-де молитву вообще и молитву за царя въ особенности, ссылаясь на изреченія самого Будды, помѣщенныя въ Ганджурѣ. Но неужели нужны какія-нибудь ссылки, или опроверженія, чтобы привести къ убѣжденію всякаго христіанина, насколько статья „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ грубо-безтактна, язычески зла и іезуитски лукава“...

Мы не упоминали, до сихъ поръ, о безчисленныхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, вызванныхъ извѣстнымъ рефератомъ Влад. Серг. Соловьева „о причинахъ упадка средневѣковаго міросозерцанія“. Въ посторонней защитѣ В. С. Соловьевъ не нуждается, а характеръ нападеній, которымъ онъ подвергался, легко могъ быть угаданъ и опредѣленъ по самому источнику, откуда они исходили. Существа спора мы не намѣрены касаться и теперь; мы хотимъ только подчеркнуть одинъ изъ его возможныхъ результатовъ, едва ли предусмотрѣнный оппонентами В. С. Соловьева. Послѣ всего сказаннаго „Московскими Вѣдомостями“ и ихъ союзниками, имъ будетъ не совѣсьмъ удобно—по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣкотораго времени, пока не изгладится воспоминаніе о спорѣ—повторять обычные призывы къ „свѣтской рукѣ“ въ дѣлахъ совѣсти и вѣры (хотя бы, наприимѣръ, по отношенію къ штундистамъ). Сначала противники В. С. Соловьева держались точки зрѣнія преимущественно формальной, отрицая существованіе въ восточной церкви *ижеизмизмизм*, въ тѣсномъ смыслѣ слова; но съ этой позиціи они мало-по-малу, сами того, быть можетъ, не замѣчая и не желая, стали переходить на другую, отстаивая вообще терпимость восточной церкви. Вотъ, наприимѣръ, нѣкоторые изъ заключительныхъ выводовъ г. Заозерскаго, въ статьѣ, которою „Московскія Вѣдомости“ рѣшили закончить полемику съ В. С. Соловьевымъ („М. В.“, № 345): „православная восточная церковь *принципіально* (курсивъ въ подлинникѣ) была во всѣ времена совершенно чужда жестокаго обращенія съ еретиками и всегда предисывала, въ лицѣ собора іерарховъ своихъ, кроткое съ ними обращеніе. Никто не можетъ быть осужденъ въ ереси безъ формальнаго обвиненія; единственное крайнее наказаніе, къ коему присуждается обвиняемый въ ереси, есть отлученіе отъ церкви — анаѣема. Тѣлесныя истязанія и наказанія духовнымъ лицамъ примѣнять воспрещается безусловно, т.-е. и непосредственно, и *посредственно*, *черезъ кого-либо* (курсивъ нашъ)... Византійскіе императоры, *по политическимъ соображеніямъ* (курсивъ въ подлинникѣ), назначали за *пропаганду* (id.) еретическую уголовныя наказанія; это могло служить по-

водомъ къ преслѣдованію еретиковъ уголовнымъ порядкомъ. Но эта возможность ослаблялась слѣдующими обстоятельствами: 1) если еретики вели себя покойно, ихъ не преслѣдоваль, не разыскиваль никто 2) и самая пропаганда служила поводомъ къ преслѣдованію только при условіи, если явится частный обвинитель, который вчиналь и велъ процессъ противъ обвиняемаго еретика, подъ страхомъ строгой отвѣтственности за клевету, если не успѣваль отстоять доказательствами своего обвиненія. Нѣкоторые случаи дѣйствительнаго преслѣдованія еретиковъ въ Византіи всегда имѣли основаніемъ своимъ мнимую или дѣйствительную *политическую* агитацію, и починъ въ дѣлѣ преслѣдованія всегда принадлежалъ лично императорамъ. Собственно ересь, какъ религиозное убѣжденіе, была тутъ только прикрытіемъ политической интриги. Частая смѣна династій, интриги придворныхъ, войско, состоявшее по большей части изъ наемныхъ чужеземцевъ, неспокойное настроеніе умовъ, нравственная распущенность, — все это дѣлало императоровъ весьма подозрительными, весьма ревнивыми къ охраненію своей безопасности и нерѣдко внушало имъ видѣть опасность тамъ, гдѣ ея вовсе не было. При такомъ положеніи дѣлъ, что удивительнаго, что подозрительный императоръ, нерѣдко самъ достигшій трона узурпаціей и убійствомъ, раздражался гоненіемъ противъ еретиковъ, подозрѣвая въ нихъ опасный для себя политическій элементъ. Въ какой степени точны и достовѣрны вышеизложенныя положенія—это вопросъ, въ обсужденіе котораго мы не входимъ. Для насъ важно только то, что они прямо направлены противъ всякаго преслѣдованія за вѣру, противъ уголовной наказуемости ереси (а слѣдовательно, и раскола). Напечатавъ статью г. Заозерскаго (и многія другія, приходящія къ тому же общему выводу—напр. статьи профессоровъ Павлова и Горчакова), московская газета не можетъ, безъ слишкомъ явнаго противорѣчія, спрятать въ карманъ только-что развернутое знамя терпимости. Она должна признать, что въ настоящее время, за отсутствіемъ обстоятельствъ, перечисляемыхъ г. Заозерскимъ, нѣтъ больше и „политическихъ“ основаній къ уголовному преслѣдованію еретиковъ; она должна помнить, что инициативу обвиненія въ силу „политическихъ“ соображеній брала на себя, во всякомъ случаѣ, не церковь, „принципально“ его осуждавшая... Когда „Русское Обозрѣніе“ (даже „Русское Обозрѣніе“!) усмотрѣло въ нападеніяхъ на В. С. Соловьева „нѣсколько криминалистическій оттѣнокъ“ (въ виду ст. 178 и 179 улож. о наказ., грозящихъ весьма тяжелыми уголовными карами за порицаніе христіанской вѣры или православной церкви), „Московскія Вѣдомости“ (№ 339) отвѣчали на это, что угрозы уложенія остаются мертвой буквой: „на практикѣ ст. 178 и 179 не только обходятся,

но прямо не примѣняются къ случаямъ, подобнымъ данному". И этотъ отвѣтъ онѣ также должны тщательно запомнить: вѣдь оружіе, временно покоящееся въ ножнахъ, во всякое время можетъ быть извлечено оттуда и оказаться по прежнему смертоноснымъ. Всегда ли, впрочемъ, оно и теперь лежитъ въ ножнахъ? Справка съ уголовно-статистическими данными едва ли разрѣшила бы этотъ вопросъ въ смыслѣ безусловно утвердительномъ... Въ подтвержденіе своего взгляда московская газета ссылается на рѣзкія выраженія, безнаказанно употребленныя, по отношенію къ православной церкви, однимъ изъ старообрядцевъ, на собесѣдованіи 17-го ноября. Но развѣ собесѣдованія съ раскольниками были бы мыслимы, если бы участіе въ нихъ становилось поводомъ къ уголовнымъ преслѣдованіямъ? Сказанныя при другихъ условіяхъ, тѣ же самыя слова едва ли прошли бы даромъ для лица, ихъ произнесшаго.

Въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ мы обратили вниманіе на перемѣну къ лучшему, происшедшую, повидимому, въ воззрѣніяхъ одного изъ защитниковъ церковной школы, г. Горбова; мы замѣтили, что онъ приурочиваетъ теперь церковность школы не къ вѣдомству, въ которомъ она состоитъ, а къ ея духу и устройству. Намъ сообщаютъ, что г. Горбовъ и раньше точно такъ же относился къ дѣлу; въ подтвержденіе этого указываютъ на статью, помѣщенную имъ, въ 1887 г., въ „Православномъ Обзорѣннѣ“, подъ заглавіемъ: „Неясныя стороны русской начальной школы“. Дѣйствительно, въ этой статьѣ г. Горбовъ высказывается противъ *безусловнаго* подчиненія духовенству *всѣхъ* начальныхъ школъ, существующихъ и еще могущихъ открыться; онъ проводитъ мысль, что „учить и руководить въ школахъ долженъ тотъ, кто можетъ сдѣлать это лучше“ (вопреки мнѣнію его оппонента, находившаго, что учителемъ и руководителемъ начальной школы долженъ быть *обязательно* священникъ). Но вѣдь у насъ шла рѣчь не о томъ, что думалъ и говорилъ г. Горбовъ въ 1887 г.; мы имѣли въ виду его литературныя дебюты (1884 г.), когда онъ утверждалъ, напримѣръ, что во главѣ учительскихъ школъ (проектированныхъ имъ въ замѣнъ учительскихъ семинарій) непременно долженъ стоять священникъ. Какъ бы то ни было, мы очень рады признать, что г. Горбовъ давно уже не принадлежитъ къ числу систематическихъ противниковъ свѣтской, по устройству, школы. Мы всегда боролись противъ всякой монополии въ области начальнаго обученія противъ всякой попытки подвести его подъ одинъ уровень, сосредоточить завѣдываніе имъ въ рукахъ одного сословія. Это основной пунктъ; всѣ остальные имѣютъ

сравнительно-второстепенное значеніе... Въ послѣднее время нападенія на свѣтскую начальную школу сдѣлались нѣсколько менѣе часты и менѣе интенсивны. Затишье ли это передъ бурей, или поворотъ къ другому, болѣе мирному настроенію—покажетъ время. Не слышно, по крайней мѣрѣ, о новыхъ случаяхъ передачи земскихъ школъ, самими земскими собраніями, въ вѣденіе духовенства. Гдѣ такая передача состоялась, тамъ о ней иногда жалѣютъ—жалѣютъ тѣмъ болѣе, что возвращеніе къ прежнему порядку уже не представляется возможнымъ (укажемъ, для примѣра, на пренія, происходившія еще недавно въ вольскомъ—саратовской губерніи—уѣздномъ земскомъ собраніи). Все больше и больше, съ другой стороны, накапливается фактовъ, говорящихъ въ пользу земской школы. Однимъ изъ любимыхъ противъ нея аргументовъ служилъ такъ-называемый „рецидивъ безграмотности“, т.-е. непрочность знаній, приобретаемыхъ въ земской начальной школѣ. На этомъ конькѣ ѣздили еще не такъ давно нѣкоторые гласные горбатовскаго (нижегородской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія, утверждавшіе, что особенно много разучившихся грамотѣ встрѣчается въ районахъ павловскомъ и богородскомъ. Инспекторъ народныхъ училищъ, М. В. Овчинниковъ, рѣшилъ недавно произвести повѣрочное изслѣдованіе именно въ этихъ районахъ, приурочивъ его къ призыву новобранцевъ. Изъ числа лицъ, явившихся къ призыву, 41 человекъ имѣло льготу четвертаго разряда (т.-е. свидѣтельство объ окончаніи курса въ начальной школѣ), 5 человекъ—льготу третьяго разряда (т.-е. свидѣтельство объ окончаніи курса въ двухклассномъ училищѣ). Испытанію подверглось изъ нихъ 34, и оно дало очень благоприятные результаты. *Всѣ* экзаменовавшіеся твердо знали Законъ Божій, отвѣчая болѣе или менѣе слабо только по молитвамъ и изъ ветхаго завѣта. Чтеніе славянское и русское оказалось выше средняго. Прочитанное пересказывали удовлетворительно; читали всѣ сознательно, а нѣкоторые даже выразительно. Въ орфографіи замѣчались нѣкоторыя ошибки, но искаженія словъ не было. Каллиграфія оказалась удовлетворительной. Въ общемъ экзамень показаль, что пройденное въ школѣ усвоено учениками вполнѣ сознательно. Еслибъ гдѣ-нибудь дѣйствительно и оказались рецидивы безграмотности,—замѣтилъ г. Овчинниковъ, докладывая о результатахъ своего изслѣдованія, 3-го декабря, въ московскомъ комитетѣ грамотности,—то это еще ничуть не можетъ послужить упрекомъ земской школѣ. Это значить только, что земство должно заботиться не только объ учащихся, но и объ окончившихъ курсъ. Докладчикъ рекомендовалъ устройство библиотекъ, изъ которыхъ выдавались бы книги не только ученикамъ школъ, но и всѣмъ желающимъ, и организацію воскресныхъ повторительныхъ курсовъ. Докладчикъ опро-

вергалъ и другой доводъ противниковъ земской школы—будто бы школа ведетъ къ увеличенію въ народѣ преступности. Произведенное г. Овчинниковымъ, чрезъ учителей горбатовскаго уѣзда, изслѣдованіе не зарегистрировало ни одного случая преступленія, совершеннаго окончившимъ курсъ въ земской начальной школѣ ¹⁾.

Въ продолженіе минувшаго декабря исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени занятія В. А. Манасеиннымъ профессорской каѳедры въ петербургской военно-медицинской академіи и со времени вступленія А. М. Унковскаго въ число присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты. День юбилея В. А. Манасеина былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднимъ днемъ его преподавательской дѣятельности. Примѣняя къ самому себѣ, съ неумолимою строгостью, то начало, за которое онъ всегда стоялъ въ печати и въ совѣтѣ академіи, В. А. Манасеинъ призналъ, что онъ не долженъ больше оставаться на каѳедрѣ, чтобы не стѣснять доступъ къ ней молодыхъ, свѣжихъ силъ. Побужденія, которыми онъ руководствовался, заслуживаютъ такого же глубокаго уваженія, какъ и вся его дѣятельность, въ качествѣ ученаго, врача и публициста; но мы не вполне убѣждены въ цѣлесообразности его рѣшенія. Двадцать пять лѣтъ, проведенныхъ на каѳедрѣ, далеко не всегда знаменуютъ собою ослабленіе энергіи, упадокъ умственной силы. Стоитъ только назвать Гельмгольца, Вирхова, Моммзена, Ранке, чтобы убѣдиться въ возможности плодотворной профессорской дѣятельности не только пятидесятилѣтнихъ, зрѣлыхъ людей, но и семидесятилѣтнихъ старцевъ. Стремиться, какъ намъ кажется, слѣдуетъ не къ тому, чтобы увольнять, во что бы то ни стало, профессоровъ, достигшихъ извѣстнаго, вовсе еще не преклоннаго возраста, а къ тому, чтобы ставить *рядомъ съ ними* молодыхъ, начинающихъ дѣятелей, съ свободой выбора, для учащихся, между тѣми и другими. Нѣчто похожее на такой порядокъ существуетъ уже теперь въ нашихъ университетахъ; желательно только, чтобы право профессора, выслужившаго срокъ, на продолженіе преподавательской дѣятельности было признано за нимъ безусловно, а не поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія начальства, и чтобы выборъ между прежнимъ преподавателемъ и новымъ не былъ затрудняемъ побочными обстоятельствами,—напр., вліятельнымъ положеніемъ профессора въ экзаменаціонной комиссіи. Чѣмъ бы ни былъ, однако, разрѣшенъ общій вопросъ о сверхсрочной профессорской службѣ, потеря такого профессора, какъ В. А. Манасеинъ, слишкомъ тяжела и

¹⁾ См. „Русскія Вѣдомости“, № 338.

для товарищей его, и для студентовъ. Не всякій обладаетъ даромъ нравственнаго вліянія на слушателей; не всякій можетъ служить для нихъ живымъ примѣромъ. Даже единственный недостатокъ В. А. Манасеина — нѣсколько бьющая черезъ край горячность въ борьбѣ съ не-научными, по его мнѣнію, способами леченія и съ представителями ихъ въ средѣ медицинской корпораціи—зависитъ отъ глубокой преданности его наукѣ, отъ высокихъ требованій, предъявляемыхъ имъ къ званію врача.

Въ адвокатской профессіи, свободной и не ограниченной, какъ профессура, опредѣленнымъ числомъ кафедръ, никакого предѣльнаго возрастнаго срока не существуетъ, и къ продолженію дѣятельности А. М. Унковскаго нѣтъ, къ счастью, никакихъ формальныхъ препятствій. Всякому, сколько-нибудь знакомому съ исторіей вашей присяжной адвокатуры, хорошо извѣстна почтенная и полезная роль, принадлежащая здѣсь А. М. Унковскому. Въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ онъ работалъ почти двадцать лѣтъ, долго былъ безсѣннымъ его предсѣдателемъ; въ гражданской его практикѣ памятливы громкіе процессы, въ которыхъ онъ являлся представителемъ общественнаго интереса противъ частныхъ (дѣло харьковскаго земства съ Поляковымъ, дѣло городского кредитнаго общества съ бывшими его директорами и др.). Но для массы публики имя А. М. Унковскаго связано преимущественно съ крестьянскимъ дѣломъ—и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что вмѣстѣ съ послѣднимъ оно и перейдетъ въ исторію. Сначала, до 1860 г., въ качествѣ тверскаго губернскаго предводителя дворянства и члена мѣстнаго губернскаго комитета, потомъ—въ качествѣ одного изъ первыхъ защитниковъ крестьянскихъ правъ и интересовъ въ процессахъ съ бывшими ихъ помѣщиками (большую частью — въ дѣлахъ о землѣ, приобрѣтенной крестьянами на имя помѣщика во время существованія крѣпостнаго права), А. М. Унковскій постоянно стоялъ на сторонѣ справедливости и правды, возвышаясь надъ узкими сословными тенденціями. Вступивъ, въ декабрѣ 1866 г., въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ, онъ увеличилъ этимъ самымъ, — какъ совершенно правильно замѣтилъ нынѣшній предсѣдатель совѣта, В. О. Люстихъ, на товарищескомъ обѣдѣ въ честь А. М. Унковскаго,—нравственный авторитетъ молодой корпораціи. Для нея было чрезвычайно важно имѣть въ своей средѣ людей, раньше уже успѣвшихъ занять видное и почетное мѣсто на другомъ поприщѣ—и такими именно людьми были В. Д. Спасовичъ и А. М. Унковскій.

Въ тотъ моментъ, когда мы заканчиваемъ нашу хронику, дѣло о части муки, купленной въ г. Либавѣ петербургскимъ городскимъ

общественнымъ управленіемъ, съ цѣлью обезпеченія народнаго продовольствія, только-что начинается выясняться, и потому для полнаго и всесторонняго сужденія о немъ еще не настало время. Нужно надѣяться, что это дѣло будетъ до конца разслѣдовано самою Думой, обязанной къ тому и во имя собственной чести, и въ интересахъ всего городского самоуправленія. Судебный процессъ, уголовный или гражданскій,—суда потому, что, какъ сообщаютъ газеты, поставщикъ муки, призванной компетентными лицами негодною и, во всякомъ случаѣ, несоотвѣтствующею цѣнѣ, арестованъ,—сдѣлался неизбеженъ; рассмотрѣнный и разрѣшенный публично, онъ раскроетъ подробности этого печальнаго дѣла и обнаружитъ настоящихъ его виновниковъ. Пока можно сказать только одно, а именно, что общественное самоуправленіе представляетъ всегда ту несомнѣнную выгоду, что его ошибки ничѣмъ не ограждаются отъ публичнаго ихъ обсужденія и оглашенія, а потому и могутъ исправляться быстро и безъ особаго труда.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

О сѣздѣ по пожарному дѣлу въ Россіи.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія созывается Сѣздъ русскихъ дѣателей по пожарному дѣлу въ Россіи, при участіи правительственныхъ и общественныхъ учреждений, въ кругъ дѣятельности коихъ входитъ забота о предупрежденіи пожаровъ и борьбѣ съ огнемъ.

Занятія Сѣзда распределяются между слѣдующими отдѣлами его:

I.—О средствахъ и способахъ предупрежденія пожаровъ.

II.—О приборахъ и средствахъ для обнаруженія пожаровъ и утѣдмленія о нихъ.

III.—О снарядахъ, приборахъ и составахъ для тушенія пожаровъ.

IV.—О спасительныхъ снарядахъ, приборахъ и подааніи первой помощи пострадавшимъ.

V.—О средствахъ передвиженія огнегасительныхъ снарядовъ и людей въ мѣсту пожара.

VI.—О статистикѣ и литературѣ:

а) Пожарнаго и б) Страхового дѣла.

Сѣздъ открывается одновременно съ устраиваемою Всероссійскою Пожарною Выставкою въ г. С.-Петербургѣ, въ апрѣлѣ 1892 г., въ помѣщеніи Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Время и продолжительность, равно и подробная организація его будутъ опубликованы впоследствии.

Въ Сѣздѣ могутъ участвовать: а) представители правительственныхъ и общественныхъ учреждений; б) члены Императорскаго Русскаго Техническаго Общества; в) техники и ученые, занимающіеся разработкою вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ пожарному дѣлу; г) лица, стоящіе во главѣ городскихъ и земскихъ пожарныхъ командъ какъ въ административномъ, такъ равно и распорядительномъ отношеніи; д) представители вольныхъ пожарныхъ обществъ и командъ и е) лица, извѣстныя своею дѣятельностью по пожарному дѣлу.

Лица, упомянутыя въ предъидущемъ пунктѣ и желающія быть членами Сѣзда и имѣть право голоса, заявляютъ о томъ въ Организаціонный Комитетъ заблаговременно.

Входный билетъ и отличительные знаки для членовъ Съѣзда раздаются въ канцеляріи Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. При этомъ за билетъ, входный знакъ и экземпляръ программы Съѣзда взимается съ каждаго члена Съѣзда единовременно по 10 рублей.

Примѣчаніе. Сумма, такимъ образомъ полученная, предназначается на покрытіе разныхъ расходовъ по устройству Съѣзда.

Занятія Съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ по утвержденной программѣ Съѣзда и въ постановленіи резолюцій по обсуждающимся вопросамъ.

Члены Съѣзда пользуются правомъ бесплатнаго посѣщенія Всероссийской Пожарной Выставки, устраиваемой въ Петербургѣ, съ цѣлью распространенія свѣденій о современномъ состояніи производства огнегасительныхъ снарядовъ, средствъ для борьбы съ огнемъ и предупрежденія возникновенія пожаровъ.

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества ходатайствовалъ о предоставленіи гг. членамъ Съѣзда льготы на проѣздъ въ С.-Петербургъ и обратно.

Объявляя о вышеизложенномъ, Комитетъ покорнѣйше проситъ лицъ, имѣющихъ намѣреніе прибыть въ Съѣздъ или желающихъ представить свои доклады, вопросы и мнѣнія на разсмотрѣніе его, сообщить объ этомъ заблаговременно, какъ для полученія свидѣтельствъ на льготный проѣздъ въ С.-Петербургъ и обратно, такъ и для внесенія ихъ докладовъ и проч. въ программу Съѣзда.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

С. О. Шарановъ. Сочиненія. Книга первая. Спб., 92. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

Надвѣя свои сочиненія, г. Шарановъ не преувеличиваетъ ихъ внутреннюю цѣнность: «завѣю, — говоритъ онъ скромно, — хорошо знаю, что не могутъ жить большіе дѣны всѣ эти статьи и корреспонденціи, писанныя нѣспоро, отрицочно, и по предметамъ частію малонашимъ, или заключающія слабое отраженіе вѣдѣннаго на пути». Тѣмъ не менѣе авторъ чувствовалъ себя способнымъ быть преемникомъ Аксакова, въ качествѣ выразителя идей славянофильства, и, по собственному его сознанію, онъ такъ хорошо исполнилъ эту роль въ журналѣ «Русское Дѣло», что многіе серьезно принимали его за самостоятельнаго, вдохновеннаго публициста. «Повторялось, — говоритъ онъ, — то-же, что съ пророкомъ Елисеємъ. Пророка Ілію уносили огненные кони, тотъ сбрасывалъ съ себя милость, ученики схватили ее и сдѣлались пророкомъ... И облекся милостью пророка и металлъ потихоньку (!) громъ съ такимъ тактомъ и достоинствомъ, что даже цезаря увлекались (?) и пожимали печатать очень сильныя и необычныя въ подделурной газетѣ статьи». Но иллюзія продолжалась недолго, и сами авторъ вполнѣ разочаровался въ своихъ силахъ; онъ напелъ въ себя не только отсутствіе оригинальности въ мысляхъ, но, въ ужасу своему, открылъ въ себѣ «чисто-европейскую психическую черту» — наклонность къ практическому, утилитарному взгляду на жизнь. Практическое знакомство съ народно-хозяйственными вопросами и задачами не составляетъ, конечно, чѣй-либо особой напснальной черты, и оно именно побудило автора принять за своими статьями нѣкоторый общій интересъ. Впрочемъ, пока напечатанныя разсужденія и замѣтки по предметамъ постороннимъ, возмемическія статьи о церковныхъ дѣлахъ, публицистиче рѣчи по разнымъ случаямъ, заграничныя письма и т. п.

Исторія русской этнографіи. Томъ IV. Білоруссія и Сибирь. А. Н. Пигина. Спб. 92. Стр. XI и 488. Ц. 3 р.

Съ выходомъ четвертаго тома закончено изданіе труда, съ сущностью котораго знакомы читатели «Вѣстника Европы». При систематической переработкѣ обширнаго историко-литературнаго матеріала пришлось многое прибавить и развить, особенно въ отношеніи бібліографическихъ указаний и цитатъ, въ видахъ возможно болѣе полной изложенія. Какъ видно изъ предисловія, авторъ имѣлъ въ виду не столько тѣсный кругъ специалистовъ, сколько образованныхъ любителей народоуѣдѣній и начинающихъ этнографовъ вообще. Въ концѣ приложенъ подробный алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Фабричная гигиена. Н. В. Святловскаго, фабричнаго инспектора варшавскаго округа. Съ 153 рисунками въ текствѣ. Спб. 91. Стр. 719. Ц. 4 р. Изд. Ф. Павленкова.

Обширный трудъ д-ра Святловскаго заслуживаетъ вниманія не однихъ специалистовъ, для которыхъ онъ преимущественно предназначенъ; сверхъ научно-техническаго матеріала, здѣсь со-

брана масса свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи нашихъ фабричныхъ рабочихъ и о тяжелой, иногда почти невыносимой санитарной обстановкѣ многихъ нашихъ промышленныхъ заведеній. Даже элементарныя предупредительныя мѣры для охраны жизни и здоровья рабочихъ припимаются какъ бы въ видѣ исключенія; такого рода вопросы, какъ замѣчаетъ авторъ, приходится у насъ въ значительномъ состояніи, и статистика несчастныхъ случаевъ, происходящихъ на нашихъ фабрикахъ, совершенно можно связать, отсутствовать» (стр. 24). Большая часть описываемыхъ производствъ изучена авторомъ лично при осмотрахъ фабрикъ харьковскаго и варшавскаго округовъ, по должности фабричнаго инспектора.

Душа женщины. Опытъ женской психологіи. Ф. М. Вендтъ. Переводъ С. Спб. 92. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣдованіе женской психологіи на основаніи научныхъ фактовъ и наблюденій приводитъ автора къ тому заключительному выводу, что «есть что-то чудное въ душѣ женщины» (стр. 229); эти же слова поставлены во главѣ сочиненія, въ видѣ эпиграфа. Старался держаться положительной научной почвой, авторъ не избѣгаетъ и поэтическихъ увлеченій, что впротѣкѣ естественно и понятно въ виду самаго характера избранной имъ темы. Переводчикъ прибавилъ отъ себя подробныя разсужденія въ концѣ книги, съ значительными выдержками изъ общезнѣстныхъ произведеній Шекспира.

Синекъ знамя. Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Заимствовано съ французскаго М. Гранстрема. Съ 65 рисунками и картой походоу Чингисхана. Спб. 91. 8°; 268 стр.

Мы не припомнимъ, чтобы кому-либо изъ писателей для юношества приходила мысль взять сюжетомъ разсказа—времена Чингисхана. Авторъ настоящей книжки справедливо напелъ, что эта забытая эпоха можетъ доставить немалый историческій интересъ, и перечитала значительную литературу, чтобы разсказателю похождения героя въ приближенныхъ Чингисхана, на которомъ сосредоточены событія. Авторъ ведетъ читателя изъ степей Монголіи въ Среднюю Азію, Китай, Индію, Палестину, въ ихъ тогдашнемъ состояніи, и даетъ рядъ картинъ, которыя могутъ заинтересовать много читателей чертами эпохи, обыкновенно столь темной и загадочной. Книжка кончается разсказомъ о первомъ нашествіи монголовъ на древнюю Русь.

Софья Васильевна Ковалевская. А. Г. Столятова, Н. Е. Жуковскаго и Н. А. Некрасова. Съ портретомъ С. В. Ковалевской. М. 91. Больш. 8°; 55 стр.

Люди, знавшие С. В. Ковалевскую или знакомые отчасти съ ея дѣятельностью и литературными трудами, съ большимъ интересомъ встрѣтятъ книжку, гдѣ проф. Столятовъ далъ вѣ краткую біографію, а гг. Жуковскій и Некрасовъ сообщили, для специалистовъ, оцѣнку ея трудовъ по прикладной и чистой математикѣ. Къ книжкѣ приложенъ прекрасное исполненный фототипическій портретъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1892 г.

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. союзн	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ пониженія годовой цѣны подписки.

Съ перваго января открыта подписка на первую четверть 1892 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія ливні. — *Изъ городовъ и иностраніи* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилию, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородіе, доплачиваютъ 1 руб. 60 коп., а иногородіе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, или Департаментъ, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты на возвратъ* журнала высылаются Конторою только тѣмъ нѣмъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 лин., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1892.

Стр.

I.—ТОРЖЕСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКАГО НАЧАЛА НА ЗАПАДѢ (XII в.).—Писа Николевић III.—II-VI.—Окончаніе.—В. И. Герье	461
II.—ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.—Романъ.—Часть первая: XXI-XI.—П. Д. Боборы- кина	494
III.—МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.—I.—В. И. Буслаяна	569
IV.—ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВѢСА.—Разсказъ.—VI-IX.—Окончаніе.—Вик. Кар.	595
V.—НАШЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ О НАРОДНОМЪ ПРОДОВОЛЬСТВІИ.—Исто- рическій очеркъ.—I-V.—Е. Э. Карташова	628
VI.—ВЮЛЕТТА МЕРІАНЪ.—Романъ, соч. Ог. Филона.—Съ франц.—У-УП.—А. Э.	679
VII.—ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ И РЕФОРМА.—Е. Шмурло, XVI вѣкъ и его зна- ченіе въ русской исторіи.—А. В. Пыпина	722
VIII.—НА АФОНѢ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—I-IV.—А. Ф. Брандта	745
IX.—МАШИНИСТЪ.—Поэма Ф. Коннэ.—Перев. О. Михайловой	755
X.—НАШЪ ТОРГОВЫЙ БАЛАНСЪ.—I-II.—Л. З. Слонимскаго	792
XI.—ВАЛЕРІАНЪ МАЙКОВЪ.—Его критическіе опыты, 1845-1847 гг.—А. В.—пъ	810
XII.—ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ С. В. КОВАЛЕВСКОЙ.—Собщ. Н. К. Григъ	832
XIII.—ХРОНИКА.—Изъ недавней поездки въ тамбовскую губернію.—Впечат- лѣнія и смѣтки.—К. К. Арсеньева	834
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Копыта Е. П. В. Великаго Кнзя Констан- тина Николаевича.—Вѣдомость о положеніи продовольственнаго дѣла.—На- рождающееся государство.—Голодъ или „обостренная нужда“?—Газетный обвини- тельный актъ противъ земства.—Нападенія на земскую статистику.—Жур- налы нижегородской продовольственной комиссіи.—Перемена въ управле- ніи министерствомъ путей сообщенія	861
XV.—ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСШИСЬ НА 1892 ГОДЪ.—О.	871
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Парламентскіе и политическіе вопросы въ Пруссіи.—Новый законопроектъ о народныхъ школахъ, его достоинства и недостатки.—Польскій вопросъ въ Познани и его особенности.—Француз- скія дѣла.—Жалобы „Славянскихъ Искрѣтъ“ на несочувствіе къ нимъ австрій- скихъ властей	880
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—„Помощь голодающимъ“. Научно-литератур- ный сборникъ, изд. „Русскихъ Вѣдомостей“.—П. В. Анненковъ и его друзья, т. I.—А. П.—Новыя книги и брошюры	902
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. La femme du vingtième siècle, par J. Simon.—II. Histoire des doctrines économiques, par A. Esquirol.—J. C.	913
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Газетный похороны противъ частной по- мощи и даровой раздачі хлѣба.—Формула: caveat convales, въ пѣснѣйшій переходѣ гг. Шатокина, Семеновича и К°.—Взаимное отношеніе госу- дарственной и частной помощи.—Страшная эпизодъ, связанный съ диспу- томъ г. Гиларова	915
XX.—ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сочиненія С. Ф. Шарапова, кн. 1.—Исто- рія русской этнографіи, А. Н. Пыпина, т. IV.—Фабричная гигиена, В. В. Святловскаго.—Душа женщины, Ф. Вендта.—Синее знамя, разсказъ М. Гран- стремъ.—С. В. Ковалевская, А. Столякова, Н. Е. Жуковскаго и П. А. Не- расова	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обложки.)

ТОРЖЕСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКАГО НАЧАЛА НА ЗАПАДѢ

(XII вѣкъ).

Окончаніе.

II *).

Вопросъ объ отношеніяхъ Иннокентія III къ свѣтской власти и политикѣ открываетъ предъ нами новую, чрезвычайно обширную и въ высшей степени замѣчательную дѣятельность этого папы: здѣсь, въ этой области, находятъ себѣ провѣрку принципы усвоеннаго имъ себѣ міровоззрѣнія и вытекавшія отсюда начала, которыми онъ руководился при организаціи и управленіи церковью; здѣсь мы видимъ его на наклонной плоскости крайняго расширенія и превращенія власти, со всѣми нравственными послѣдствіями такихъ стремленій, съ пренебреженіемъ къ чужому праву и неразборчивостью средствъ; здѣсь произвольно стираются предѣлы между служеніемъ и господствованіемъ (*ministerium et dominium*), между священствомъ и цареніемъ, противъ чего такъ наивно и пророчески еще недавно предостерегалъ св. Бернгардъ современныхъ ему папъ; здѣсь духовный идеалъ становится политическимъ средствомъ, теократія—мірскою державою, и

См. выше: янв., 5 стр.

томъ I.—Февраль, 1892.

30/1

великій зодчій монументальнаго сооруженія средневѣкового духа — виновникомъ предстоявшаго ему разрушенія.

Но при оцѣнкѣ свѣтской политики Иннокентія III, его ошибокъ и увлеченій въ этой области, его принциповъ и ихъ результатовъ, нужно ради справедливости имѣть въ виду прежде всего то положеніе дѣла, которое Иннокентій засталъ, восходя на престолъ св. Петра, и то необыкновенно благопріятное для папства стеченіе обстоятельствъ, которое какъ бы силою рока увлекало Иннокентія впередъ по пути безпримѣрнаго успѣха и невиданнаго величія. Будучи кардиналомъ, Иннокентій былъ свидѣтелемъ давно небывалаго униженія папства, особенно чувствительнаго послѣ его возвышенія Григоріемъ VII и недавней силы при Александрѣ III. Положеніе это обусловливалось какъ полнымъ ничтожествомъ предшественниковъ Иннокентія, такъ и силою личности и колоссальными размѣрами власти современнаго имъ императора. Судьба средневѣковой Европы покоилась какъ будто на вѣсахъ; въ одной чашѣ ихъ находилось папство, въ другой — имперія; положеніе вѣсовъ зависѣло отъ того, уравнивались ли личности одновременныхъ папъ и императоровъ, или на одной сторонѣ оказывался значительный перевѣсъ. И никогда еще чаша папства не была такъ легковѣсна, какъ при Целестинѣ III, потому что никогда еще на противоположной чашѣ не было такого груза, каковымъ былъ Гогенштауфенъ Генрихъ VI. Папство когда-то само устроило восстановление имперіи на Западѣ. Идея имперіи глубоко коренилась въ римской традиціи и была необходимыми вѣнцомъ средневѣкового міровоззрѣнія; съ другой стороны, крѣпкая рука варварскаго, но благочестиваго императора была необходима римскому епископу для защиты Рима отъ ближайшихъ враговъ, лангобардовъ, для устраненія притязаній византійскихъ императоровъ и для проведенія римскаго супремата надъ сѣверными и западными странами Европы. Карлъ V. и его германскіе преемники съ успѣхомъ исполнили возложенную на нихъ миссію, но, исполняя ее, они взяли на себя задачу, которая на нихъ была возложена не папами. Являясь въ Римъ спасать папу отъ мятежныхъ римлянъ и непокорныхъ бароновъ, они не разъ избавляли самихъ римлянъ отъ недостойныхъ папъ или устраняли расколъ и соблазнъ въ римской церкви своимъ вмѣшательствомъ въ папскіе выборы. Такимъ образомъ власть созданнаго Римомъ императора стала переростать авторитетъ римскаго епископа, и тяжелой борьбой пришлось Григорію VII въ борьбѣ за инвентуру сломить верховенство императора надъ нѣмецкимъ и итальянскимъ епископатами, установить независимость избранія папы отъ

императора и заставить преемника цезарей преклонить колѣно передъ намѣстникомъ св. Петра. Но въ мощныхъ рукахъ Гогенштауфеновъ императорская власть снова оправилась, и Александръ III въ борьбѣ съ Фридрихомъ Барбароссой едва поддерживалъ равновѣсіе между обоими мечами, духовнымъ и свѣтскимъ, опираясь на духъ независимости и на національное чувство расцвѣвшихъ итальянскихъ коммунъ. Въ этой борьбѣ съ императорами самымъ вѣрнымъ оплотомъ папъ давно уже были норманскіе короли, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ вотчиной св. Петра, владычествовавшіе надъ Сициліей и Неаполемъ. Но въ концѣ XII-го вѣка именно въ этомъ отношеніи наступилъ самый неожиданный оборотъ дѣла. Династія норманская прекратилась въ мужскомъ колѣнѣ и наслѣдница ихъ владѣній вышла замужъ за наслѣдника Фридриха Барбароссы, принося съ собою въ приданое могущество и сокровища своихъ предковъ самому энергическому, крутому и предприимчивому изъ Гогенштауфеновъ. Такимъ образомъ сопернику папъ удалось занять въ самомъ тылу ихъ командующее дѣломъ положеніе. Располагаясь абсолютною властью и военными средствами своихъ норманскихъ предшественниковъ, Гогенштауфенъ взялъ въ тиски, между норманской монархіей и Германіей, Ломбардію и Римъ. Онъ не только усмиривъ строптивыя демократіи сѣверной Италіи, но во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ, не заботясь о дарѣ Константина и дарственной грамотѣ Пипина, насаждалъ своихъ воеводъ и даже въ самомъ Римѣ превратилъ старинное, почетное, но безсильное званіе городского префекта въ дѣйствительное орудіе императора надъ колыбелью имперіи.

Все это совершилось на глазахъ кардиналъ-дьякона Лотара. Воспитанный въ традиціяхъ папскаго Рима, съ душою, способной понимать упоеніе власти, онъ видѣлъ, какъ преемники Григорія Великаго и Григорія VII, провозгласившіе себя намѣстниками Божиими, въ своей собственной столицѣ перестали быть хозяевами и распорядителями. И вдругъ, на его глазахъ, дѣло приняло совершенно другой оборотъ. 28-го сентября 1197 года неожиданно умеръ императоръ Генрихъ VI; его наслѣдникъ Фридрихъ былъ трехлѣтнимъ ребенкомъ; держава Гогенштауфеновъ, сила которой заключалась въ единствѣ руководившей ею воли, распалась; правленіе Неаполемъ и Сициліей перешло въ руки вдовы умершаго императора: братъ императора Филиппъ, прибывшій въ Италію, чтобы отвезти своего юнаго племянника въ Германію для вѣнчанія его нѣмецкимъ королемъ, былъ задержанъ, на пути въ Монтефіасконе, поднявшейся при первомъ

извѣстїи о смерти императора народной волной; сама Германія тотчасъ распалась на два враждебныхъ лагеря: Гибеллиновъ и Вельфовъ и среди всѣхъ этихъ смутъ, сопровождавшихъ крушеніе имперїи, 8-го января слѣдующаго года взомель на папскій престолъ Иннокентій III.

Сама судьба вложила въ руки молодого папы возстановленіе папства. Предъ Иннокентіемъ открылась необъятная перспектива и цѣль, достойная великаго политика. Быстро прошелъ онъ одну за другою всѣ стадїи, которыя вели къ этой цѣли, и слѣдить за нимъ по этому пути всегда будетъ задачей увлекательной для историка; мы только въ общихъ чертахъ дадимъ себѣ отчетъ объ исполненїи имъ своей задачи.

Прежде всего надо было Иннокентію обезопасить папство въ самомъ Римѣ. Римскій префектъ, возстановленный въ своихъ правахъ Генрихомъ VI въ качествѣ императорскаго намѣстника или губернатора Рима, потерявъ подъ собою почву, промѣнялъ господина и призналъ себя вассаломъ папы. Такимъ образомъ навсегда исчезла самая тѣнь императорской власти въ Римѣ, ея права перешли къ римскому епископу. Но въ Римѣ была еще другая сила, съ которою нужно было считаться. Римъ, какъ и другіе итальянскіе города, представлялъ собою коммуну, т.-е. самодержавную городскую общину. Народъ ежегодно самъ избиралъ въ Капитоліѣ своихъ верховныхъ магистратовъ, которые въ то время назывались сенаторами. При воцаренїи Иннокентія сенаторомъ былъ Скотто изъ древняго римскаго рода Папароне. По настоянію Иннокентія, онъ отказался отъ своей должности, и папа посредствомъ денежныхъ подарковъ убѣдилъ народъ не пользоваться своимъ правомъ избранія сенаторовъ. Иннокентій, провозгласивъ это право папской привилегіей, черезъ назначенное имъ довѣренное лицо или посредника (*mediatus*) назначилъ новаго сенатора, и по всему городу поставленные этимъ сенаторомъ судьи были замѣнены папскими судьями. Такимъ образомъ оба начала власти, коренившіяся въ древнемъ Римѣ, какъ монархическое, такъ и демократическое, перешли въ руки римскаго епископа.

Переходъ имѣлъ отчасти лишь формальный характеръ. Римскій народъ не хотѣлъ примириться съ совершеннымъ имъ самимъ отреченіемъ, и образовавшіяся среди римскихъ аристократическихкихъ родовъ партїи изъ своихъ видовъ мutilи толпу. Состоявшіе до Иннокентія сенаторами вліятельные народные вожди Капоччи (Сароссі) и Піерлеоне возбуждали умы противъ папы, говоря, что онъ какъ ястребъ общипалъ птицу, лишивъ городъ власти и волостей. Въ 1203 г. Иннокентій III былъ принужденъ бѣжать

изъ Рима въ то самое время, когда латинскіе крестоносцы завоевывали для Рима Константинополь. Въ 1205 г. его положеніе было еще опаснѣе. Въ самомъ Римѣ, запершись въ своемъ ла-теранскомъ дворцѣ, онъ былъ очевидцемъ ожесточенной борьбы между своими приверженцами и противниками, которые взаимно осаждали, брали приступомъ и сожигали свои укрѣпленные высокими башнями дома или замки, построенные въ развалинахъ и изъ обломковъ древнихъ церквей и театровъ. Но постепенно, умнымъ и искуснымъ образомъ дѣйствія, терпѣніемъ и умѣренностью, деньгами и энергическими мѣрами, Иннокентію удалось смирить бароновъ и народъ и сдѣлаться номинальнымъ государемъ и фактическимъ правителемъ Рима.

Вторымъ дѣломъ Иннокентія въ области свѣтской политики было возстановленіе папской области въ средней Италіи и уничтоженіе тѣхъ вассальныхъ по отношенію къ императору воеводствъ, которыя Генрихъ VI образовалъ надъ землями и городами, прежде принадлежавшими св. Петру. Иннокентій достигъ этой цѣли въ союзѣ съ итальянскимъ національнымъ духомъ, враждебнымъ иноземному владычеству. Въ первый же годъ своего правленія Иннокентій заявилъ, что Италія достойна быть обладательницей *объихъ властей* или *двойного* примата, такъ какъ по божескому промыслу ей достался принципатъ надъ всѣми областями. „Въ силу этого намъ надлежитъ, — говоритъ папа, — позаботиться объ Италіи особымъ отеческимъ попеченіемъ“. Какъ видно изъ этихъ словъ, папство при Иннокентіѣ провозгласило себя поборникомъ національнаго принципа въ Италіи, и этимъ способомъ оно во всѣ времена достигало въ Италіи наибольшихъ своихъ успѣховъ. До какой степени Иннокентій хорошо понималъ силу волны, его поднимавшей, видно изъ того, что когда одинъ изъ нѣмецкихъ воеводъ, Конрадъ фонъ-Урслинггенъ, котораго императоръ поставилъ герцогомъ сполетскимъ, предложилъ папѣ признать себя его данникомъ и ленникомъ и предоставить ему всѣ свои вѣрности, то Иннокентій отвергъ это выгодное для него предложеніе. „Онъ склонился въ сторону свободы, — говоритъ его биографъ, — такъ какъ многіе возроптали, что онъ будто бы покровительствуетъ тевтонамъ, которые поработили ихъ жестокой тиранніей“. Опираясь на антифеодалныя муниципальныя и національныя стремленія, Иннокентій легко и быстро совершилъ переворотъ, замѣнивъ въ средней Италіи императорскую власть папскою. Еще лѣтомъ 1198 года онъ имѣлъ возможность объѣхать многочисленныя города герцогства Сполетскаго и Умбріи — Сполето, Ассизи, Фолиньо и многіе другіе и принять ихъ въ под-

данство римской церкви. Даже Перуджіа въ то время признала надъ собою его верховную власть. Иннокентій благоразумно довольствовался однимъ принципомъ, не торговался съ городами относительно частностей, щедро предоставляя имъ муниципальные права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ вотчины св. Петра, озаботился объ упроченіи папской власти: назначалъ правителей (легатовъ или ректоровъ), строилъ укрѣпленія и поручалъ ихъ папскимъ кастелланамъ.

Итакъ, свѣтскія владѣнія папства были снова ему возвращены; но могъ ли Иннокентій считать ихъ окончательно обезпеченными отъ новаго захвата? Въ Италію можетъ придти новый императоръ и снова насаждать своихъ воеводъ по городамъ и замкамъ вотчины св. Петра. Иннокентій очевидно могъ быть покоенъ относительно этой вотчины лишь въ томъ случаѣ, если ему бы удалось также успѣшно разрѣшить въ своемъ интересѣ болѣе трудное и сложное дѣло о наслѣдіи императорской короны; здѣсь наглядно для насъ обнаруживается связь между вотчинными интересами папъ и ихъ общей политики относительно имперіи. Но вопросъ объ имперіи и объ отношеніяхъ къ нему папства имѣлъ для папъ еще принципиальное значеніе. Мы касаемся почвы, на которой практическіе интересы папъ сплетаются съ теоретическими соображеніями, гдѣ папы-идеалисты должны были становиться политиками, а политики—искать опоры въ идеалахъ, гдѣ защитники идеи презрѣнія къ міру превращались въ самыхъ энергическихъ поборниковъ власти надъ міромъ.

Моментъ былъ настолько благопріятенъ для папы, что только дряхлый старецъ или мечтатель на престолѣ св. Петра упустилъ бы его. Ни въ какомъ случаѣ не былъ на это способенъ Иннокентій.

Продолжавшаяся уже болѣе вѣка борьба между священствомъ и царствомъ, между папствомъ и имперіей, только-что приведшая къ полному торжеству имперіи, могла только теперь или никогда разрѣшиться въ пользу папства, ибо „нынѣ,—восклицалъ Иннокентій,—церковь по милости Божіей обрѣтается въ единствѣ, имперія же по винѣ грековъ раздѣлена“.

Слабая сторона имперіи заключалась въ отсутствіи наслѣдственности въ ней. Князья-избиратели были слишкомъ заинтересованы въ недопущеніи наслѣдственности, такъ, какъ каждое новое избраніе служило обезпеченіемъ ихъ независимости и источникомъ личныхъ для нихъ выгодъ. Поэтому и фактическій пере-

ходъ власти отъ отца къ сыну въ той же династіи не могъ искоренить принципа избирательности императора. Хотя въ XII вѣкѣ императорская власть принадлежала Гогенштауфенамъ уже въ трехъ поколѣніяхъ, Генрихъ VI тотчасъ по рожденіи у него сына позаботился о томъ, чтобы онъ былъ избранъ князьями королемъ Германіи или, какъ тогда его называли, *римскимъ* королемъ. Но ранняя смерть императора разрушила его династическіе расчеты. Братъ Генриха, Филиппъ, пытался сначала поддержать права племянника, но такъ какъ ему не удалось привести молодого Фридриха изъ Италіи и въ Германіи начались смуты, то онъ былъ принужденъ, въ интересахъ своего дома и имперіи, самъ выступить кандидатомъ въ императоры и былъ избранъ въ мартъ 1198 года. Но этимъ дѣло не окончилось. Побѣжденные Гогенштауфеномъ Вельфы выступили для новаго состязанія съ ними. Они породнились съ англійскимъ королевскимъ домомъ; король Ричардъ, лично оскорбленный Генрихомъ VI, помогъ своему племяннику, Оттону Брауншвейгскому, приобрести приверженцевъ; его сторону принялъ вліятельный архіепископъ кельнскій, и четыре мѣсяца спустя послѣ избранія Филиппа Оттонъ былъ провозглашенъ своей партіей императоромъ.

Такимъ образомъ Иннокентію представилась возможность съ высоты папскаго престола разсматривать вопросъ о „трехъ избранныхъ Германіи“, а въ настоящее время въ исторіи разсматривается другой не менѣ спорный вопросъ объ оцѣнкѣ образа дѣйствія самого Иннокентія въ данномъ дѣлѣ.

Нѣкоторые изъ современныхъ судей Иннокентія заявляютъ, что ему слѣдовало руководиться въ этомъ дѣлѣ справедливостью и миролюбіемъ, т.-е. высказаться за того изъ соперниковъ, чье избраніе было наиболѣе справедливымъ и вѣрнѣе всего привело бы къ сохраненію мира. На это можно возразить, что все это совершенно вѣрно, если видѣть въ папѣ представителя божескаго царства въ его идеальномъ смыслѣ. Но во времена Иннокентія божеское царство воплотилось въ церкви, а церковь приняла формы полу-духовнаго, полу-свѣтскаго государства съ монархическимъ главою, съ столицей и съ царской вотчиной; вопросъ о справедливости двоился: можно было не только ставить вопросъ, кто изъ трехъ королей Германіи правильно избранъ съ точки зрѣнія государственнаго права Германіи, но спрашивать, кто изъ нихъ правильно избранъ въ глазахъ римской церкви, и точно также въ дѣлѣ обезпеченія мира можно было имѣть въ виду и миръ въ Германіи, и мирное обезпеченіе за папою присвоенныхъ имъ земель и правъ. Вопросъ изъ сферы идеальной схо-

диль на почву политическую или, другими словами, нравственный идеалъ былъ виденъ лишь съвозъ средѹ противоположныхъ политическихъ интересовъ.

Читая теперь официальные документы, исходившіе по этому дѣлу изъ папской канцеляріи, нельзя не подивиться, до какой степени для Иннокентія идеальное призваніе папства отождествилось съ его земною задачею и его духовные интересы были поглощены чисто политическими. Авторъ известнаго намъ аскетическаго трактата является теперь не только искуснымъ, но и беззащѣннымъ дипломатомъ, и въ затруднительномъ положеніи, въ которое ставилъ папство тройной выборъ въ Германіи, Иннокентій не только обнаруживаетъ осторожную выжидательную политику, но пользуется обстоятельствами, чтобы сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ въ интересахъ папства, чтобы увѣнчать его притязаніе на всемірную власть и присвоить ему право назначать императора.

Обратимся по этому поводу къ двумъ любопытнымъ документамъ, разосланнымъ Иннокентіемъ въ первый годъ борьбы за престолъ. „Посланіе ко всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ Германіи“ начинается съ торжественнаго заявленія о необходимости „согласія между царствомъ и священствомъ“, въ силу завета самого Христа, подтверждаемаго рядомъ текстовъ изъ св. Писанія; затѣмъ необходимость согласія мотивируется рядомъ величественныхъ образовъ. Сравнивши папство и имперію съ двумя херувимами, устремившими свой взоръ „на дѣло примиренія“, Иннокентій продолжаетъ: „это двѣ удивительныя и красивыя колонны, стоящія у входа храма... это два великихъ свѣтила, которыя Господь поставилъ на небосклонѣ—свѣтило бѣльшее, которое управляетъ днемъ, и меньшее, которое управляетъ ночью; это два меча, о которыхъ говорили апостолы“, и т. д. Перечисляя благотворныя послѣдствія такого согласія между папствомъ и имперіей, Иннокентій говоритъ: чрезъ нихъ распространяется вѣра, сокрушается ересь, насаждаются добродѣтели, подрѣзаются пороки, сохраняется справедливость, изгоняется несправедливость, процвѣтаетъ миръ, усмиряется насиліе; съ умиротвореніемъ христіанскаго народа покоряется варварство язычниковъ, съ увеличеніемъ имперіи умножается свобода церкви, съ невредимостью тѣла выигрываетъ спасеніе душъ и одинако соблюдаются права какъ клира, такъ и народа. Оправдываясь противъ обвиненія, которое лживо возводятъ противъ него злокозненные люди, будто онъ замышляетъ гибель или ослабленіе имперіи, папа заявляетъ, что, напротивъ, стремится къ его охраненію и возвеличенію, ибо

хотя нѣкоторые императоры сильно обижали церковь, другіе однако ее всѣми способами почитали. Затѣмъ, наконецъ, Иннокентій высказываетъ главную цѣль своего письма: „Мы ожидали и до сихъ поръ ждемъ, не обратитесь ли вы сами, руководясь здравымъ разсудкомъ и желая положить конецъ столькимъ бѣдствамъ, къ нашей помощи, для того, чтобы чрезъ насъ, кому это дѣло, какъ извѣстно, подлежитъ и по началу, и по своему завершенію, уладилась при вашемъ содѣйствіи такая великая распря. Но такъ какъ вы съ этой стороны выказываете нерадѣніе и медленность, то мы, которые, согласно слову пророка, поставлены Господомъ надъ народами и царствами, чтобы вырывать и разрушать, а также созидать и насаждать, желая исполнять обязанность, лежащую на нашемъ санѣ, увѣщаемъ васъ въ совокупности и извѣщаемъ апостольскимъ посланіемъ, чтобы имѣющіе страхъ Господень и радѣющіе о чести имперіи обратили свое полное вниманіе на устроеніе ея для того, чтобы не погибла ея свобода и не уничтожилось ея значеніе. И такъ какъ всякое замедленіе заключаетъ въ себѣ серьезную опасность, то мы, заботясь о томъ, что считаемъ полезнымъ, на того обратимъ апостольскую благосклонность, за кѣмъ признаемъ большее благорасположеніе и заслуги“. Еще яснѣе выразилъ Иннокентій свое требованіе, чтобы ему было предоставлено назначеніе императора, въ письмѣ къ примасу Германіи, архіепископу майнцскому, который, состоя въ то же время кардиналъ-епископомъ Сабинны, былъ послѣ папы „первымъ членомъ Господней церкви“. Хотя архіепископъ стоялъ во главѣ князей, высказавшихся за Филиппа, папа требуетъ отъ него, чтобы онъ вмѣнилъ въ обязанность всему духовенству своей епархіи признать королемъ и поддерживать того, чье назначеніе удостоится папскаго одобренія. Съ своей стороны папа обѣщаетъ архіепископу усердно поддерживать въ этомъ дѣлѣ пользу и честь его самого, а также и всѣхъ къ нему приближенныхъ.

Еще непріятнѣе, чѣмъ это искательство, поражаетъ въ письмѣ папы неправильное освѣщеніе дѣла. Оно такъ изложено, какъ будто сперва состоялось избраніе Оттона, а потомъ уже избраніе Филиппа. Выходитъ такимъ образомъ Оттонъ правильно избраннымъ, тогда какъ, напротивъ, большинство князей согласилось на Филиппа, а Оттонъ былъ избранъ позднѣе, когда уже состоялось законное избраніе короля, и при томъ крайне незначительнымъ числомъ приверженцевъ.

Папа, однако, своей цѣли не достигъ, и князья не думали предоставить дѣла имперіи на его усмотрѣніе. Оттонъ, правда, стѣс-

ненный своимъ противникомъ, всѣ упованія свои возложилъ на Иннокентія, увѣрялъ его въ самыхъ ласкательныхъ выраженіяхъ въ своей сыновней преданности и давалъ самыя торжественныя обѣщанія служить интересамъ римской церкви. Но иначе поступили приверженцы Филиппа: они отправили папѣ посланіе отъ имени и частью за личною подписью главнѣйшихъ князей имперіи—одного патріарха, 4 архіепископовъ, 22 епископовъ, 4 аббатовъ, короля богемскаго, 8 герцоговъ, 6 марекграфовъ и 3 пфальцграфовъ,—въ которомъ просили папу „не протягивать никоимъ образомъ руки на права имперіи къ обидѣ ея“, заявляя, что она отнюдь не потерпитъ, чтобы право церкви было кѣмъ-нибудь нарушено или умалено. Въ силу этого они испрашивали его благорасположенія къ своему королю и господину для того, чтобы несправедливость не торжествовала надъ справедливостью, но ложь всегда уступала правдѣ.

Между тѣмъ дѣла принимали для Оттона дурной оборотъ: король Ричардъ, поддерживавшій его деньгами, умеръ, и нѣкоторые изъ его приверженцевъ перешли на сторону Филиппа. Торжество Гогенштауфеновъ было близко; тогда Иннокентій, вмѣсто того, чтобы склонить всѣхъ окончательно въ пользу Филиппа и замирить Германію, рѣшился выступить изъ своего выжидательнаго положенія и открыто высказался за Оттона. Онъ сдѣлалъ это въ знаменитомъ историческомъ документѣ: „Заявленіе по зрѣломъ обсужденіи папы Иннокентія по дѣлу о трехъ избранныхъ на имперію“. Въ интересахъ папства, говоритъ здѣсь Иннокентій, обсудить тщательно и осторожно устройство римской имперіи, ибо, какъ извѣстно, имперія принадлежитъ папѣ и по началу своему, и по концу. *По своему началу*—потому что императорская власть перенесена изъ Греціи папствомъ и въ интересахъ папства ради его защиты; по своему завершенію—потому что императоръ чрезъ возложеніе руки получаетъ отъ первосвященника окончательное и послѣднее свое повышение, такъ какъ имъ благословляется, имъ вѣнчается и имъ облачается властью. Затѣмъ въ документѣ разсматривается съ трехъ точекъ зрѣнія, какъ надлежитъ папѣ дѣйствовать относительно трехъ избранниковъ, а именно, что возможно или дозволено, что достойно и что полезно. Аргументація относительно перваго изъ кандидатовъ, шестилѣтняго Фридриха, отличается явной казуистикой, такъ какъ папа разсматриваетъ вопросъ, возможно ли возражать противъ его избранія, несмотря на то, что оно подтверждено повторными клятвами князей, а разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что князья, избирая двухлѣт-

ного ребенка, не могли знать, будетъ ли онъ пригоденъ для царства: „развѣ онъ не могъ оказаться глупымъ или настолько опрометчивымъ, что былъ бы недостойнъ даже менѣ важной почести“? А затѣмъ случилось событіе, котораго не предвидѣли князья, и которое дѣлаетъ невозможнымъ соблюденіе клятвы—смерть отца. Ибо такъ какъ имперія не можетъ быть управляема намѣстникомъ (*procurator*), и императоръ не можетъ быть избранъ *на время*, и церковь не можетъ и не желаетъ обойтись безъ императора, то ясно, что дозволено обезпечить имперію другимъ лицомъ. Впрочемъ, рѣшающій въ глазахъ папы аргументъ былъ, конечно, послѣдній, а именно, что для куріи было вредно признаніе короля Неаполя и Сициліи императоромъ Германіи, такъ какъ отъ такого соединенія церковь пришла бы въ полное разореніе.

Въ числѣ аргументовъ противъ Филиппа, самую болѣшую роль играетъ тотъ, что онъ былъ отлученъ отъ церкви за захватъ въ вотчинѣ св. Петра, и хотя потомъ съ него было снято это отлученіе, папа доказываетъ, что снятіе было совершено съ нарушеніемъ формы и потому не можетъ считаться состоявшимся. Другой аргументъ, почему церковь не должна согласиться на избраніе Филиппа, сводится къ тому, что еслибы Филиппъ слѣдовалъ теперь за братомъ, подобно тому, какъ его братъ Генрихъ наслѣдовалъ отцу, то казалось бы, что имперія досталась имъ не по избранію, а принадлежитъ по наслѣдству, и такимъ образомъ стало бы наслѣдственнымъ достояніемъ то, что должно быть слѣдствіемъ добровольнаго признанія. А что полезно противодѣйствовать Филиппу, то это для всѣхъ очевидно. „Ибо онъ тиранъ и изъ рода тиранновъ, и еслибы мы ему не противодѣйствовали, то поступили бы, какъ будто вооружая противъ себя бѣшенаго и вручая ему мечъ на нашу гибель“. Затѣмъ слѣдуетъ длинный обвинительный актъ противъ всѣхъ предковъ Филиппа, чтобы выставить ихъ наслѣдственными врагами церкви, при чемъ первымъ изъ рода Гогенштауфеновъ поставленъ Генрихъ V, послѣдній изъ франконскаго дома, сестра котораго вышла замужъ за одного изъ Гогенштауфеновъ. Въ противоположность этому папа, слегка и вскользь упомянувъ о возраженіяхъ противъ поддержки Оттона, горячо высказывается за него въ безконечной тирадѣ, въ которой факты затемнены и искажены казуистикой, политическіе мотивы софистически скрыты за религіозными соображеніями, поддерживаемыми текстами писанія. „Такъ какъ равное или даже большее число изъ тѣхъ, которыхъ касается избраніе императора, склонились, какъ извѣстно, въ пользу Оттона; такъ какъ годность и

достоинство избираемаго должны быть приняты въ соображеніе не менѣе и даже болѣе, чѣмъ число избирателей, и не столько важно численное большинство со стороны избирающихъ, сколько здравое ихъ разсужденіе; такъ какъ Оттонъ болѣе пригоденъ къ управленію имперіи, чѣмъ Филиппъ, въ силу того, что Господь караетъ грѣхи отцовъ въ потомкахъ ихъ до третьяго и четвертаго колѣна, если они ненавистники его, Филиппъ же подражаетъ грѣхамъ предковъ своихъ въ притѣсненіи церкви, и хотя мы и не должны за зло воздавать зломъ, но оказывать благодѣяніе обидѣвшимся намъ, мы, однако, и не обязаны вознаграждать почестями за оскорбленіе тѣхъ, кто пребываетъ въ обычной къ намъ враждебности, и не должны вооружать противъ себя умоизступленныхъ; и такъ какъ наконецъ Господь, какъ видно изъ писанія, чтобы сокрушить гордеца, избралъ скромнаго и принявъ въ цари Давида, то очевидно, что и намъ позволительно, и намъ слѣдуетъ, и намъ полезно выказать Оттону нашу апостольскую благосклонность".

Такимъ образомъ Иннокентій открыто вступилъ въ распрю за императорскую корону, когда эта распря уже близилась къ концу, чтобы возстановить равновѣсіе между двумя мировыми властями въ пользу церкви; вмѣшавшись въ борьбу, папа упорно велъ ее и поддерживалъ Оттона, не смотря на то, что обстоятельства становились все болѣе неблагопріятны для послѣдняго. Наступилъ моментъ, когда дѣла Оттона приняли такой дурной для него оборотъ, что Иннокентій, подъ вліяніемъ отчаянія, впалъ въ тяжелую болѣзнь и въ Германіи распространились слухи о его смерти. Радостныя извѣстія, что король англійскій Іоаннъ рѣшился энергичнѣе поддерживать Оттона, что французскій король Филиппъ-Августъ, союзникъ Гогенштауфеновъ, согласился, по настоянію папы, оставаться нейтральнымъ и нѣкоторый военный успѣхъ, одержанный Оттономъ, снова оживили надежды и возстановили силы Иннокентія. Но ему предстояло большое разочарованіе. Іоаннъ Безземельный денегъ не далъ; и главный покровитель Оттона, архіепископъ кельнскій, виновникъ всей междоусобной войны, перешелъ на сторону Филиппа; его примѣру послѣдовали другіе князья, между прочимъ родной братъ Оттона. Напрасно стыдилъ папа нѣмецкихъ князей: „не человѣку другъ, а фортуна, тотъ, кто, подобно тростнику на вѣтру, колеблется отъ случайностей, и кому улыбался въ счастіѣ, того покидаетъ въ опасности". Но самому папѣ пришлось измѣнить политику; онъ воспользовался случаемъ, чтобы черезъ аквилейскаго патріарха, лица близкаго къ Филиппу, завести съ нимъ сношенія по дѣлу одного епископа. Слѣдствіемъ этого было письмо Филиппа къ Иннокентію, чрезвычайно благородное

по тону исполненное чувствомъ собственнаго достоинства, но очень почтительное къ папѣ. Тогда папа поручилъ патриарху устроить перемиріе между воюющими; Филиппъ перемирія не принималъ, и Оттонъ едва избѣгъ плѣна; онъ былъ всѣми оставленъ. При такихъ обстоятельствахъ Иннокентій уступилъ и отправилъ въ Германію легатами двухъ вліятельныхъ кардиналовъ съ обширными полномочіями. Легаты сняли съ Филиппа отлученіе, уговорили его положить оружіе и предложили соглашеніе, въ силу котораго Филиппъ долженъ былъ быть признанъ императоромъ, а Оттонъ женился на его старшей дочери и получилъ въ приданое родовое герцогство Гогенштауфеновъ. Во время этихъ переговоровъ случилось неожиданное и небывалое событіе: Филиппъ былъ убитъ, личнымъ неудовольствіямъ, своимъ вассаломъ графомъ Виттельбахскимъ.

Иннокентій достигъ своей цѣли: онъ клеймилъ съ негодованіемъ позорное дѣло убійства, но его радость не знала границъ; его ставленники и орудіе стали во главѣ имперіи; спокойствіе вотчины св. Петра и господство церкви надъ миромъ были обезпечены. Его письмо къ Оттону—ликующій гимнъ во славу церкви и идеальнаго божескаго царства, которое должно было наступить подъ ея покровомъ. „Благословенъ будь Господь, который по невыразимому своему милосердію исполнилъ наше желаніе относительно тебя, главной Его части, и, какъ мы твердо уповаемъ, не отступить отъ насъ, пока желаніе наше не исполнится воплнѣ, къ хвалѣ и славѣ имени Его, къ чести и пользѣ церкви, а также имперіи и всего христіанскаго народа“. Восхваляя достоинства Оттона, папа восклицаетъ, что можетъ похвалиться словомъ Господнимъ и сказать, что нашелъ человека по сердцу своему: „О, драгоценный мой сынъ, моя душа такъ слилась съ твоею и сердце твое такъ срослось съ моимъ, что, какъ мнится намъ, мы какъ будто одного и того же хотимъ и желаемъ, какъ будто составляемъ одну душу и единое сердце; какую можно ожидать отъ этого пользу, того ни перомъ нельзя написать, ни языкомъ сказать, ни даже умомъ помыслить. Ибо намъ двоимъ главнымъ образомъ поручено управленіе этимъ міромъ; если мы будемъ единодушны и согласны въ добрѣ, то на самомъ дѣлѣ, какъ сказалъ пророкъ, солнце и луна будутъ идти своимъ чередомъ, кривда станетъ правдой и все шероховатое сдѣлается ровнымъ, такъ какъ намъ двоимъ съ Божьей помощью ничто не можетъ препятствовать и воспротивиться, ибо въ нашихъ рукахъ оба меча, о которыхъ Господь сказалъ апостоламъ: „довольно ихъ“! Ибо священническій авторитетъ и царская власть, присущіе намъ въ

своемъ вышемъ проявленіи, которые обозначаются тѣми двумя мечами, совершенно довѣляютъ благополучному исполненію своего назначенія, если только каждый изъ насъ будетъ мощно поддерживать другого. А такъ именно полезно и такъ должно быть, чтобы каждая сторона находила у другой дѣйствительную помощь для того, чтобы порядокъ міра, пришедшаго отъ изобилія зла какъ бы къ полному разоренію, нашими заботами былъ возстановленъ съ искорененіемъ въ немъ пороковъ и насажденіемъ добродѣтели“.

Послѣдняя часть письма принимаетъ болѣе дѣловой характеръ; папа озабоченъ тѣмъ, чтобы уладить всѣ спорные пункты по дѣламъ римской вотчины и обезпечить исполненіе щедрыхъ обѣщаній, данныхъ Оттономъ куріи. Не смотря, однако, на эту тѣнь, пробѣгающую по письму, нельзя думать, чтобы Иннокентій въ перепискѣ съ новымъ императоромъ не переживалъ дѣйствительно моментовъ идеальнаго настроенія, когда предъ нимъ раскрывалась широкая перспектива плодотворной дѣятельности: притязанія папства осуществились; папа на самомъ дѣлѣ имѣлъ право утверждать, что въ его рукахъ источникъ и вѣнецъ императорской власти,—и чего нельзя было бы достигнуть съ покорнымъ и преданнымъ императоромъ, который всѣмъ былъ обязанъ римской церкви?

И однако, для Иннокентія было бы лучше, если бы ему не выпало на долю это торжество; для него было бы менѣе тяжело претерпѣть много зла отъ своего явнаго противника Филиппа, чѣмъ испытать то горе, которое ему готовилъ его „драгоценнѣйшій“ сынъ. Годъ спустя по смерти Филиппа, въ 1209 г., Оттонъ прибылъ въ Римъ для коронованія. Торжественный обрядъ совершился въ полномъ порядкѣ. При выходѣ изъ собора императоръ, по обычаю, держалъ стремя папы, и оба потомъ верхами отправились съ блестящей свитой въ Латеранъ, чтобы отпраздновать торжество. Торжество было омрачено, какъ бывало иногда и прежде, кровавымъ столкновеніемъ между римскимъ населеніемъ и войсками императора, которые считали себя въ правѣ требовать угощенія. Въ стычкѣ погибло много людей и еще больше пало лошадей рыцарской свиты. Оттонъ потребовалъ вознагражденія, и отказъ папы былъ первымъ поводомъ къ недоразумѣнію между ними. Это было печальной случайностью, но недоразумѣніе приняло болѣе роковой и неизбежный характеръ, когда Оттонъ, надѣвъ на себя императорскую корону, проникся традиціей своихъ предшественниковъ и захотѣлъ вступить во всѣ ихъ права относительно свѣтской власти въ Италіи и въ Цер-

ковной Области. Иннокентій увидѣлъ предъ собою врага, превзошедшаго тѣхъ, кто былъ изъ породы *тиранновъ*. Мы не станемъ слѣдить за подробностями и перипетіями новой распри между царствомъ и священствомъ. Уже въ слѣдующемъ году Иннокентій отлучилъ Оттона отъ церкви и объявилъ князей Германіи свободными отъ вѣрности тому, кто „не остается вѣрнымъ Богу и церкви“. Но декретами нельзя было побороть Оттона, и Иннокентію пришлось противъ Оттона прибѣгнуть къ помощи ненавистныхъ церкви Гогенштауфеновъ и содѣйствовать притязаніямъ на отцовскій престолъ юнаго Фридриха, несостоятельность котораго и пагубное значеніе для церкви онъ такъ систематически изложилъ предъ всѣмъ міромъ. Послѣ трехлѣтней борьбы Фридрихъ одолѣлъ своего соперника и въ 1215 году, незадолго до смерти Иннокентія, самый юный изъ трехъ избранниковъ короновался въ Ахенѣ короной Германіи. Авторъ трактата о презрѣнности міра и людей имѣлъ за это время много повсюду убѣдиться въ справедливости своей нравственной теоріи, и много глубокой горечи находимъ мы за эти годы въ перепискѣ Иннокентія. „Господу и вамъ,— пишетъ онъ архіепископу равеннскому,— жалуемся мы на императора, который, не помня нашихъ благодѣяній и забывъ свои обѣщанія, воздалъ намъ зломъ за добро, ненавистью за любовь, обидою за милость, оскорбленіемъ за почетъ; какъ нечестивый сынъ, онъ началъ съ угнетенія своей матери, которая со всѣмъ усердіемъ старалась, противъ общаго, почти всѣхъ, желанія, возвысить его на престолъ, какъ это вамъ и другимъ вполнѣ извѣстно; многіе теперь глумятся надъ нами, говоря, что мы по заслугамъ страдаемъ, такъ какъ сами сковали мечъ, которымъ намъ нанесена тяжелая рана; но пусть глумителямъ отвѣтитъ за насъ Всевышній, которому вѣдома чистота нашихъ помысловъ и который, какъ видно изъ писанія, самъ не безъ причины о себѣ сказалъ: „жалѣю, что создалъ человѣка“.

Иннокентій жалуется, однако, не только лицамъ, на сочувствіе которыхъ онъ могъ рассчитывать, но и такимъ, которые имѣли полное основаніе присоединяться къ числу глумившихся надъ нимъ. Къ нимъ въ особенности принадлежалъ и французскій король Филиппъ-Августъ, который, враждуя съ королемъ Англіи, постоянно и рѣзко настаивалъ, чтобы Иннокентій не поддерживалъ Оттона. Теперь же, въ 1210 году, папа пишетъ королю: „О, если бы, дорогой сынъ мой, о, если бы нравъ Оттона, называемаго императоромъ, былъ намъ также хорошо извѣстенъ, какъ онъ былъ извѣстенъ вамъ, мы не были бы имъ

такъ нечестно обмануты. Не безъ стыда я сообщаю вамъ о моихъ, опасеніяхъ, ибо вы столько разъ меня предостерегали“.

III.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, вмѣшательство Иннокентія III въ дѣла имперіи было для него источникомъ многихъ разочарованій и ударовъ, тяжелыхъ для его личнаго чувства. И однако же, въ вѣковомъ антагонизмѣ между папствомъ и имперіей именно Иннокентій III окончательно склонилъ вѣсы въ пользу духовной власти. Иннокентій засталъ дѣло въ такомъ положеніи, что въ Римѣ командовалъ императорскій префектъ, а римскій епископъ былъ менѣе обезпеченъ въ своихъ свѣтскихъ правахъ и въ своей независимости отъ свѣтской власти, чѣмъ любой изъ епископовъ священной римской имперіи, и воспользовавшись обстоятельствами, Иннокентій смѣло провозгласилъ теорію, въ силу которой самое могущественное государство тогдашняго времени становилось вотчиной св. Петра, а преемникъ римскихъ цезарей и Карла Великаго—простымъ ставленникомъ римскаго епископа. Иннокентій нашелъ императора, который изъ личныхъ видовъ далъ свое согласіе на эти притязанія, и, не смотря на энергическіе протесты нѣмецкихъ князей, аргументація Иннокентія III вошла въ декреталии, т.-е. стала каноническимъ закономъ для всего западнаго міра.

Въ отвѣтъ посламъ короля Филиппа Иннокентій подвелъ спорный вопросъ объ избраніи преемника Генриху VI подъ общую теорію о преимуществѣ священства надъ царствомъ. Аргументація вращается отчасти въ представленіяхъ, взятыхъ изъ дѣйствительныхъ отношеній между духовною и свѣтскою властью. Достойнѣе тотъ, кто получаетъ десятину, чѣмъ тотъ, кто ее платитъ; ниже стоитъ тотъ, кто получаетъ благословеніе, чѣмъ тотъ, кто его даетъ; достойнѣе тотъ, кто даетъ помазаніе, чѣмъ помазанный, и т. д. Еще болѣе важны по своимъ послѣдствіямъ и еще сильнѣе выражаютъ притязанія папской власти примѣненныя къ данному вопросу толкованія разныхъ текстовъ св. писанія. Въ нихъ ясно проглядываетъ намѣреніе отождествить духовную власть съ божественною, чтобы поставить ее выше свѣтской власти. Слова книги Бытія о Мельхиседекѣ, что онъ былъ „царемъ государства и слугою Всевышняго“, даютъ Иннокентію поводъ противопоставить государству божество (*civitatem et divinitatem*) и сопоставить съ различіемъ между ними подобное различіе между

царемъ и священникомъ. Текстъ изъ книги Исхода (XXII, 28): „Судей не злословь и начальника въ твоємъ народѣ не поноси“¹⁾ истолковывается Иннокентіемъ такъ, что „Господь священниковъ называлъ богами, а царей начальниками“. Другой текстъ даетъ поводъ отождествить священника съ ангеломъ Пасхи; эта дальнѣйшая аргументація уже кажется ослабленіемъ. „Внзьямъ дана власть на землѣ, а священникамъ — на небѣ. Одни поставлены надъ тѣломъ, другіе — надъ душою, и насколько душа достойнѣе тѣла, настолько священникъ достойнѣе царя“.

Вторая часть аргументаціи принимаетъ историческій характеръ: „ибо священство не только превосходитъ царство по достоинству, но и по времени... Оба они, какъ царство, такъ и священство, учреждены были для народа Божьяго; но священство — по Божьему поставленію, царство же — вслѣдствіе людского вымогательства“ (per extorsionem). Что у евреевъ священство предшествовало царству — легко было подтвердить всѣмъ извѣстными фактами; но чтобы не осталось сомнѣнія относительно такого же хода дѣла у язычниковъ, у которыхъ, по свидѣтельству писанія, царство ведетъ свое начало отъ Бѣла у ассирійцевъ, а отъ Нимврода — у вавилонянъ, Иннокентій указываетъ на то, что Ной предшествовалъ этимъ царямъ и былъ правителемъ надъ ковчегомъ, т.-е. „какъ бы священникомъ церкви“.

Точно также и дальѣе преимущество священства надъ царствомъ доказывается не только происхожденіемъ, но и всей ихъ исторіей. Противъ того и другого воздвигнуты были соблазнъ и расколъ; но расколъ не одолѣлъ священства, какъ показываетъ исторія еврейскаго народа; расколъ же, воздвигнутый противъ царства, не былъ усмирень, а превозмогъ, какъ то свидѣтельствуешь исторія царя Саула. Точно также и въ дальнѣйшемъ теченіи времени не священство, а царство подверглось раздѣленію послѣ Соломона. Но алтарь съ золотымъ тельцомъ, воздвигнутый у израильтянъ, былъ сокрушенъ и рука царя сожжена, раздѣленіе же царства іудейскаго осталось до конца. И чтò случилось въ ветхомъ завѣтѣ, тò повторилось и въ новомъ; одновременно произошло раздѣленіе какъ священства, такъ и царства при папѣ Иннокентіѣ II и при королѣ Лотарѣ. Противъ Иннокентія возсталъ Анаклетъ, противъ Лотаря — Конрадъ. Но въ обоихъ случаяхъ взяли верхъ католики — ибо Иннокентій короновалъ Лотаря — и потерпѣли поражение схизматики Анаклетъ и Конрадъ, ибо

¹⁾ Въ текстѣ Вульгаты сказано: *Diis non detrahes et principi populi tui non maledices.*

правда побѣждаетъ еривду. То же повторилось и при папѣ Александрѣ III, когда императоръ Фридрихъ, не какъ защитникъ церкви, а какъ притѣснитель ея, содѣйствовалъ схизмѣ и благопріятствовалъ схизматикамъ. Но схизма погибла съ схизматиками. Нынѣ же церковь, по милости Божіей, состоитъ въ единствѣ, имперія же, въ силу грѣховъ, раздѣлена. Церковь, однако, воздастъ царству не тѣмъ, что отъ него получила, но соболѣзнуеть ему. Впрочемъ, къ апостольскому престолу давно уже надо было обратиться, и ему это дѣло подлежить, такъ какъ онъ перенесъ имперію съ востока на западъ, и по его же усмотрѣнію дается императорскій вѣнецъ. Изложенный здѣсь документъ представляетъ собою двойной интересъ: какъ литературный памятникъ, его можно признать продолженіемъ исторіи божескаго царства у Августина, доведенной имъ до паденія языческаго Рима. Иннокентій проводитъ исторію божескаго царства далѣе чрезъ средніе вѣка до собственныхъ дней, также противопоставляя ему свѣтское государство и отождествляя съ нимъ церковь — римскую церковь.

Какъ юридическій памятникъ, этотъ документъ имѣетъ важное значеніе для оцѣнки папской политики. Вмѣшательство Иннокентія въ избраніе германскаго короля и его притязаніе подчинить этотъ выборъ рѣшенію папъ можетъ быть оправдано, какъ мы указывали, положеніемъ Церковной Области и тою ролью, которую могъ играть въ Италіи и въ самомъ Римѣ германскій король въ качествѣ императора. Съ этой точки зрѣнія все, что предпринялъ Иннокентій III въ дѣлахъ Церковной Области и Германіи по смерти Генриха VI, можетъ быть объяснено самообороною противъ могущественныхъ Гогенштауфеновъ. Но разсмотрѣнный нами документъ и ему подобные представляютъ дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ; изъ нихъ оказывается, что стремленіе Иннокентія поставить императорскую корону въ зависимость отъ папъ имѣло принципиальный характеръ и вытекало изъ его общаго воззрѣнія на мірскія дѣла. Конечно, можно было бы сказать, что необходимость отстаивать свою независимость отъ императора побудила папу перейти въ наступленіе и въ пылу борьбы ему пришлось повысить тонъ и притязанія. Но такое толкованіе исключается тѣмъ, что политика Иннокентія по отношенію къ имперіи является выраженіемъ цѣлой системы и началомъ новой эпохи въ отношеніяхъ духовной власти къ свѣтскимъ властямъ и интересамъ. Характернымъ признакомъ этихъ новыхъ отношеній является новый принципъ, провозглашенный Иннокентіемъ, новый выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ давно призна-

наго положенія. „Священство выше царства по достоинству, по назначенію и по происхожденію“. Это положеніе можно считать краеугольнымъ камнемъ средневѣкового міровоззрѣнія — его основаніе можно найти уже въ „божескомъ царствѣ“ Августина; но теперь новое примѣненіе получаетъ эта формула: если священство достойнѣе царства, то въ силу того оно имѣетъ право требовать себѣ его подчиненія, и такъ какъ священство олицетворяется папою, то формула эта на практикѣ приводила теперь къ требованію, чтобы свѣтскія власти подчинялись папѣ и *въ святскихъ* вопросахъ.

Вотъ въ этомъ заключается новый поворотъ въ средневѣковой жизни, насколько она находилась подъ вліяніемъ папства, и нельзя не сказать, что виновникомъ этого поворота былъ въ значительной степени Иннокентій III. Ему же принадлежитъ значительная доля отвѣтственности въ томъ, что папство, ставъ во главѣ церкви, какъ божескаго царства, признало царствованіе своимъ призваніемъ на землѣ и распростерло свою власть изъ области духовныхъ интересовъ въ свѣтскіе. Этотъ процессъ, обнаружившійся яснѣе въ XIII в. послѣ Иннокентія III, привелъ къ паденію римской церкви, а вмѣстѣ съ нею и средневѣкового міровоззрѣнія. Требуя себѣ подчиненія свѣтскихъ интересовъ во имя своего духовнаго значенія, папство повидимому выиграло и достигло небывалаго величія и авторитета; но это было самообольщеніе, потому что чѣмъ болѣе оно связывало себя свѣтскими интересами, чѣмъ болѣе оно ими поглощалось, тѣмъ болѣе матеріализировалась и затемнялась представляемая имъ идея, которой она была обязана своею силою, и тѣмъ слабѣе, слѣдовательно, становился его авторитетъ.

Высказанный въ „отвѣтѣ“ посламъ короля Филиппа^а взглядъ, что преимущество духовныхъ интересовъ надъ свѣтскими ведетъ въ праву духовной власти распоряжаться послѣдними, поддерживается и обобщается интересными документами, изданными по поводу узаконенія незаконныхъ королевскихъ и княжескихъ дѣтей. Два раза пришлось Иннокентію рѣшать подобные вопросы: по просьбѣ французскаго короля, который желалъ, чтобы его дѣти отъ второго брака, признаннаго папою незаконнымъ, были тѣмъ не менѣе признаны принцами королевской крови, и въ аналогическомъ дѣлѣ одного южно-французскаго сеньера. Оба случая важны въ томъ отношеніи, что здѣсь идетъ рѣчь не о простыхъ только гражданскихъ правахъ, пріобрѣтаемыхъ узаконенными дѣтьми, но о вопросѣ государственнаго права. Важно при этомъ не столько самое дѣло, сколько аргументація папы. А именно

Иннокентій основываетъ свое право признавать незаконныхъ дѣтей законными наследниками отцовъ на томъ, что церкви предоставлено право, въ видѣ исключенія изъ общаго закона, посвящать незаконныхъ дѣтей въ духовныя должности и даже допускать до епископства. Въ силу этого Иннокентій „признаетъ (V, 128) правдоподобнымъ и вѣроятнымъ право церкви узаконять незаконныхъ дѣтей для дѣйствій свѣтскихъ“, „ибо такъ какъ въ духовныхъ дѣлахъ требуется какъ большая мудрость, такъ и большій авторитетъ и способность, то должно считать дозволеннымъ въ меньшемъ дѣлѣ то, что допускается въ дѣлѣ болѣе важнымъ. Затѣмъ, далѣе, папа утверждаетъ, что было бы чудовищно, если бы тотъ, кто признанъ правоспособнымъ для духовныхъ дѣйствій, относительно мірскихъ оставался бы неправопоспособнымъ, — и отсюда дѣлается выводъ, что „римская церковь обладаетъ властью узаконять не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ“. Это общее положеніе подтверждается рядомъ текстовъ изъ ветхаго и новаго завѣта, и самая аргументація любопытна не только потому, что характеризуетъ средневѣковую логику, но, что особенно важно, ведетъ къ результату, далеко превышающему значеніе даннаго, рассматриваемаго папою, случая. Иннокентій истолковываетъ слова Второзаконія (XVII, 8, 12): „Если по какому дѣлу затруднительнымъ будетъ для тебя разсудить между кровію и кровію, судомъ и судомъ, ...то встань и пойди на мѣсто, которое изберетъ Господь“... И „кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго тамъ на служеніи предъ Господомъ Богомъ твоимъ... тотъ долженъ умереть“ — въ томъ смыслѣ, что подъ мѣстомъ, которое избралъ Господь, слѣдуетъ разумѣть *апостольскій престолъ*, а подъ священниками изъ колѣна левитовъ — римскихъ кардиналовъ, „братьевъ нашихъ, состоящихъ помощниками намъ въ исполненіи священнической должности по чину (juge) левитовъ. А изъ новаго завѣта, кромѣ извѣстнаго текста, относящагося къ апостолу Петру, приводятся слова апостола Павла къ коринтянамъ (1, VI, 3): „Развѣ не знаете, что мы будемъ судить ангеловъ, не тѣмъ ли болѣе дѣла житейскія?“ Все это должно служить слѣдующему выводу, что папа не только въ церковной вотчинѣ, надъ которою онъ обладаетъ полною властью въ свѣтскихъ дѣлахъ, но и въ другихъ странахъ, имѣетъ „по усмотрѣнію и по извѣстнымъ причинамъ *свѣтскую юрисдикцію*“ ¹⁾).

¹⁾ Certis causis inspectis, temporalem jurisdictionem causaliter exercemus.

IV.

Принципъ былъ провозглашенъ, принципъ важный по своимъ послѣдствіямъ и по выводамъ, въ немъ заключавшимся; еще важнѣе то, что этотъ принципъ былъ провозглашенъ устами папы, который обладалъ и энергіей воли, и умѣньемъ воспользоваться имъ до крайнихъ послѣдствій. Но нужно сказать, что и обстоятельства сложились чрезвычайно благоприятно для примѣненія къ дѣлу упомянутаго принципа и могли бы ввести въ искушеніе натуру болѣе созерцательную и мистическую, чѣмъ Иннокентій ІІІ. Не только спорившіе объ императорской коронѣ, избранные въ Германіи короли, но цѣлый рядъ другихъ королей обращались къ Иннокентію по дѣламъ, касавшимся ихъ свѣтской власти и короны; въ дни Иннокентія ІІІ стала полною дѣйствительностью метафора, отождествлявшая папскую власть съ солнцемъ, а императорскую или свѣтскую съ луною, и около папскаго солнца кружился цѣлый сонмъ второстепенныхъ планетъ, отъ него получавшихъ свой свѣтъ. Короли съ запада и востока и съ далекаго сѣвера шли отовсюду на поклоненіе Риму и сами признавали папу главою свѣтской власти. „Кто не отнесется съ благодарностью,—писалъ Иннокентію король Даніи,—къ тому, чтобы вы, отецъ нашъ, заняли предсѣдательство между королями и князьями“ (*paternitatem vestram praesidere*: VI, 234). Король Богеміи принялъ отъ Иннокентія утвержденіе своей короны. Чешскій герцогъ воспользоваться соперничествомъ между Оттономъ и Филиппомъ, чтобы добиться согласія послѣдняго на принятіе имъ королевскаго титула. Иннокентій, желая переманить герцога въ лагерь Оттона, предложилъ ему съ своей стороны корону, и герцогъ, хотя онъ считался вассаломъ императора, не отказался принять корону изъ рукъ папы.

Польскій король Болеславъ, раздѣливъ свою державу между сыновьями, постановилъ, чтобы городъ Краковъ всегда принадлежалъ старшему въ родѣ и по наслѣдству переходилъ къ тому, кто окажется старшимъ. Чтобы скрѣпить свое постановленіе, король выхлопоталъ въ Римѣ одобреніе своего статута папою и обѣщаніе покарать нарушителей его отлученіемъ отъ церкви. Въ силу этого, герцогъ силезскій обращается къ Иннокентію съ просьбою о помощи, и папа становится такимъ образомъ блюстителемъ польскаго престола и верховнымъ судьей въ дѣлахъ о наслѣдованіи членовъ королевской династіи (XIII, 82).

Еще болѣе лестно было для Иннокентія обращеніе къ нему

за короною болгарскаго царя, такъ какъ Болгарія принадлежала восточной церкви и подчиненіе ея князя папѣ могло быть началомъ ея присоединенія къ церкви римско-католической. Изъ переписки между Инновентіемъ и Калоіоанномъ, царемъ „болгаръ и влаховъ“ до насъ дошло три письма. Въ первомъ изъ нихъ болгарскій царь благодаритъ папу за присылку къ нему монаха съ письмомъ, которое для него „дороже золота и всякихъ драгоценныхъ каменій“... „Нынѣ, св. отецъ, ты, какъ добрый пастырь и глава всѣхъ вѣрныхъ христіанъ, желая собрать во-едино сыновъ католическаго и апостольскаго престола, обратился и къ намъ, отдаленнымъ отъ тебя тѣломъ“. Калоіоаннъ сообщаетъ въ отвѣтъ на папское посланіе, что его братья и онъ давно желали войти въ сношеніе съ папою, но не могли привести это въ исполненіе въ виду многочисленныхъ противниковъ. Нынѣ же (V, 115), когда къ тому представилась возможность, болгарскій царь выражаетъ желаніе, чтобы его страна была упрочена въ положеніи дочери по отношенію ея матери, римской церкви; а затѣмъ проситъ у своей матери, римской церкви, какъ любимый сынъ, корону и честь, какою обладали его предшественники, цари Петръ и Самуилъ. „Если вашему святѣйшеству угодно будетъ это исполнить, то чтѣ вы признаете нужнымъ возложить на наше царство, тѣмъ и будетъ совершено во славу Господа и римской церкви“. Отвѣтъ папы можетъ служить образчикомъ осторожной и умной политики, которая умѣетъ при слабыхъ матеріальныхъ средствахъ производить сильное впечатлѣніе. Болгарскій царь просилъ прислать „великихъ пословъ“, соотвѣствующихъ его достоинству. Изложивъ на основаніи папскаго архива исторію прежнихъ сношеній между Римомъ и Болгаріей и напомнивъ судьбу, которой подверглось у болгаръ посольство папы Адріана, папа мотивируетъ этимъ, что онъ и на этотъ разъ не рѣшается отправить въ Болгарію кардинала, а посылаетъ своего приближеннаго, капеллана Іоанна, въ качествѣ папскаго легата. Іоаннъ везетъ съ собою *паллиумъ* для архіепископа болгарскаго; что же касается до короны, то ему поручено навести всѣ нужныя справки о дарованіи короны римскою церковью предшественникамъ Калоіоанна и вступить съ нимъ объ этомъ въ надлежащіе переговоры. Переговоры имѣли успѣхъ и въ 1204 году, въ то самое время, когда французскіе рыцари взяли Константинополь и водворили въ немъ господство римской церкви, въ Болгарію былъ отправленъ кардиналъ Левъ, чтобы именемъ папы вѣнчать короною царя Калоіоанна. Въ грамотѣ, данной кардиналу, Иннокентій изображаетъ съ большою пышностью и торжественностью полно-

мочія апостольской катедры, ведущей свое начало отъ Петра, которому „поручена не особая какая-либо церковь, а весь міръ и вселенская церковь“, и котораго Господь, поручивъ каждому свою отдѣльную заботу, приобщилъ съ собою совокупности власти. Съ высоты такого своего величія Иннокентій „поставлялъ Калоянна царемъ надъ народами болгаръ и влаховъ“ и чрезъ кардинала Льва вручалъ ему царскій скипетръ и царскую діадему, какъ бы возлагая ее на него собственными руками. вмѣстѣ съ тѣмъ папа предоставлялъ царю право чеканить монету съ своимъ именемъ, а архіепископа тырновскаго возводилъ въ званіе пріамаса съ подчиненіемъ ему митрополитовъ всей болгарской и волонской земли и съ привилегіей вѣнчать на царство царей болгарскихъ именемъ (auctoritate) апостольскаго престола.

Въ указанныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о принятіи государемъ своей короны изъ рукъ папы; свѣтская власть преклоняется передъ духовной, ищетъ въ ней свою опору и религіозное освященіе и въ этомъ смыслѣ признаетъ ее своимъ источникомъ; разграниченіе властей при этомъ сохраняется, подчиненіе понимается въ духовномъ смыслѣ. Но на этомъ дѣло не остановилось: при Иннокентіѣ, область религіозная и мірская смѣшались и духовное покровительство стало свѣтскимъ верховенствомъ. Въ томъ же (1205 году), когда была послана корона болгарскому царю, прибылъ въ Римъ моремъ король Петръ Аррагонскій, чтобы получить свою *наследственную* корону изъ рукъ папы. Въ торжественномъ шествіи Иннокентій отправился съ королемъ къ монастырю св. Панкратія, гдѣ поручилъ епископу Портуенскому совершить помазаніе Петра, а затѣмъ собственноручно вѣнчалъ его, вручивъ ему всѣ знаки королевскаго достоинства: коLOBій и хламиду, скипетръ и яблоко, корону и митру, и принявъ отъ него присягу въ вѣрности и повиновеніи апостольскому престолу. Изъ монастыря шествіе двинулось къ собору св. Петра; здѣсь нововѣнчанный король сложилъ на алтарь апостола свой скипетръ и корону и изъ рукъ папы получилъ рыцарскій мечъ; королевство же свое онъ принесъ въ даръ св. Петру, главѣ апостоловъ, и призналъ себя за владѣніе имъ данникомъ въ грамотѣ, которую передалъ надъ алтаремъ въ руки папы. Присяга же была слѣдующаго содержанія. „Въ глубинѣ сердца вѣрую и устами признаю, что римскій первосвященникъ, преемникъ св. Петра—наи́стинникъ Того, чрезъ Кого цари царствуютъ и князья князятъ; Того, Кто властвуетъ надъ государствомъ людскимъ и кому хочетъ, тому его даетъ. Я, Петръ, Божіей милостью король аррагонскій, графъ барселонскій и владѣтель Монпелье (Montis Pessulani),

желая укрѣпить себя, послѣ Господа, главнымъ образомъ покровительствомъ св. Петра и апостольскаго престола, тебѣ, досточтимый отецъ и господинъ, папа Иннокентій, и чрезъ тебя святой римской церкви даю въ приношеніе свое царство и въ виду божественной любви и ради спасенія души моей и предковъ моихъ, превращаю его тебѣ и твоимъ преемникамъ на вѣчное время въ чиншевое владѣніе съ тѣмъ, чтобы ежегодно изъ королевской казны уплачивались апостольскому престолу 250 масмудовъ ¹⁾ и съ тѣмъ, что я, а также и преемники мои—мы обязываемся относительно тебя особливою вѣрностью и служеніемъ“.

Итакъ, здѣсь независимое королевство вступало въ юридическое и имущественное подчиненіе римскому епископу. Папа приобрѣталъ свѣтскую власть надъ свѣтскимъ государемъ и становился черезъ это непосредственно заинтересованнымъ въ цѣлой массѣ политическихъ и денежныхъ вопросовъ, которые могли возникать на этой почвѣ. Къ какимъ послѣдствіямъ это должно было повести, обнаруживается особенно ярко изъ другого аналогическаго, но еще болѣе поразительнаго факта, захвата верховной власти со стороны папы надъ могущественнымъ и богатымъ англійскимъ королевствомъ.

V.

Борьба съ Англіей проходитъ черезъ все управленіе Иннокентія III, и она въ особенности важна для сужденія о его политикѣ и для характеристики направленія, принятаго папствомъ въ періодъ его полного торжества. Въ Англіи эпоха величественнаго Иннокентія совпадаетъ съ правленіемъ ничтожнѣйшаго по характеру и вмѣстѣ съ тѣмъ тиранническаго до преступности короля; никогда, однако, злополучная година въ жизни народа не была такъ богата благотѣльными для него послѣдствіями, какъ царствованіе Іоанна Безземельнаго. Столкновеніе между папою и королемъ началось въ 1207 году, по случаю упомянутаго нами избранія новаго архіепископа кентерберійскаго, вслѣдствіе того, что Иннокентій устранилъ королевскаго кандидата и провелъ своего собственнаго кандидата Стефана Лангтона въ санъ примааса Англіи. Такое вмѣшательство Иннокентія было новшествомъ и съ точки зрѣнія господствовавшего въ Англіи обычая непра-

¹⁾ Арабская монета съ измѣнчивымъ названіемъ, которое производятъ отъ имени одного испанскаго халифа.

вильнымъ; но съ другой стороны оно оправдывается тѣмъ, что англійскіе короли обратили избраніе своихъ духовныхъ вассаловъ— епископовъ и прелатовъ—въ доходную статью, и особенно при Іоаннѣ Безземельномъ вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церкви стало источникомъ крайнихъ злоупотребленій. Іоаннъ отказался признать римскаго ставленника, и Иннокентій схватился за папскіе перуны—въ 1208 наложилъ интердиктъ на Англію, а въ слѣдующемъ году отлучилъ Іоанна отъ церкви. Эти средства не подѣйствовали: отъ интердикта, т.-е. запрещенія богослуженія, пострадалъ только народъ, а король, не знавшій никакихъ укоровъ совѣсти, превратилъ его даже въ орудіе своего корыстолюбія. Онъ подвергъ секвестру имѣнія прелатовъ, прекратившихъ богослуженіе, какъ непокорныхъ вассаловъ, самихъ же прелатовъ предоставилъ на полный произволъ всякаго рода насиліямъ: такъ, однажды Іоаннъ приказалъ отпустить на свободу разбойника, убившаго на большой дорогѣ священника, и прибавилъ при этомъ, что этотъ разбойникъ избавилъ его отъ одного изъ его враговъ. Такое глумленіе надъ духовною властью Иннокентій, конечно, не могъ оставить безнаказаннымъ; онъ протерпѣлъ четыре года, но, наконецъ, желая покарать короля, сдѣлалъ новый роковой шагъ на пути расширенія папской власти и смѣшенія духовнаго начала съ свѣтскимъ. Онъ объявилъ приговоръ о низложеніи короля Англіи Іоанна и о поставленіи на его мѣсто другого, болѣе достойнаго, подъ руководствомъ папы. И для того, чтобы этотъ декретъ не остался пустымъ словомъ, Иннокентій поручилъ исполненіе его наслѣдственному врагу англійскихъ королей, „могущественнѣйшему королю Франціи“. Папа возлагалъ на Филиппа-Августа сверженіе англійскаго короля какъ *святое дѣло*, общая ему поэтому „за этотъ подвигъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ его“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предоставилъ ему и всѣмъ преемникамъ его „королевство Англію—въ вѣчное владѣніе“. Въ то же время Иннокентій разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ вельможамъ, рыцарямъ и другимъ воинамъ у разныхъ народовъ, взывая къ нимъ, чтобы, „осѣнясь знавомъ св. креста на низложеніе короля Англіи, они слѣдовали въ этомъ походѣ за королемъ Франціи какъ за своимъ вождемъ и потрудились отомстить за обиду все-ленской церкви“. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа предоставилъ всѣмъ, кто окажетъ содѣйствіе низверженію англійскаго короля, тѣ же церковныя привилегіи по отношенію къ ихъ имуществу и душѣ, какими пользовались всѣ „посѣщающіе гробъ Господень“. Какъ видно, идея о „внутреннихъ крестовыхъ походахъ“, отождествленіе еретиковъ съ басурманами, захватившими *святая мѣста*, принесла

быстро свои злосчастные плоды. За четыре года предъ этимъ французское рыцарство было приглашено осѣнить себя крестомъ для истребленія альбигойцевъ и присвоенія ихъ земли на югѣ Франціи. Теперь ему предлагаютъ идти на сѣверъ, повторить экспедицію Вильгельма норманскаго и завоевать себѣ помѣстья въ богатой Англіи, чтобы наказать ослушника папскихъ буллъ. Рубежъ между идеальнымъ и корыстнымъ интересомъ былъ перейденъ, и движеніе пошло быстро по наклонной плоскости. Съ этихъ поръ почти всякая политическая распря, въ которой было заинтересовано папство, стала приравниваться папами къ крестовому походу, и если идея крестовыхъ походовъ такъ быстро утратила свою одушевляющую и нравственную силу надъ людьми XIII-го вѣка, то вина падаетъ въ значительной степени именно на тѣхъ, кто наиболѣе старался поддерживать ея обаяніе и приводить ее въ исполненіе—на Иннокентія III и его преемниковъ.

Минутный, впрочемъ, успѣхъ отъ средства, придуманнаго Иннокентіемъ, превзошелъ всѣ его ожиданія. Упрямый, но трусливый Іоаннъ, глумившійся надъ всѣми духовными карами, до такой степени растерялся, когда въ его воображеніи заблестѣли мечи французскихъ рыцарей, что онъ теперь въ крайнемъ малодушіи былъ готовъ всевозможными уступками папы искупить свое высокомеріе. Недостойному униженію съ одной стороны соответствовала съ другой—ослѣпленная успѣхомъ гордость. Нельзя не сказать, что Иннокентій увлекся своимъ торжествомъ и перенесъ его изъ области духовной и нравственной на почву земныхъ и свѣтскихъ интересовъ. По свидѣтельству извѣстнаго англійскаго лѣтописца, Матвѣя Парижскаго, въ *Римѣ*, т.-е. на глазахъ Инновентія, были сформулированы условія примиренія между папою и королемъ, и согласно съ этимъ уговоромъ Іоаннъ издалъ 15-го мая 1213 г. ту пресловутую грамоту „во всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ“, въ которой онъ отрекался отъ власти надъ своимъ королевствомъ и приносилъ его въ даръ папѣ.

Въ этой грамотѣ, скрѣпленной печатью, „Іоаннъ, Божіею милостью король Англіи“, объявлялъ всей совокупности христіанъ, что, „во многомъ оскорбивъ Господа и мать свою, св. церковь, весьма нуждаясь вслѣдствіе этого въ Божьемъ милосердіи и ничего достойнаго не имѣя предложить въ удовлетвореніе Господа и церкви кромѣ собственнаго и царства своего униженія,—онъ, не насиліемъ побужденный и не страхомъ принужденный, но по собственному началу и доброй волѣ и съ общаго совѣта своихъ бароновъ, предлагаетъ и свободно уступаетъ Господу и св. апостоламъ Петру и Павлу и св. римской церкви

матери своей и господину своему папѣ Иннокентію и всѣмъ католическимъ преемникамъ его—все королевство Англію и все королевство Ирландію со всѣми правами и принадлежностями ради отпущенія грѣховъ какъ собственныхъ своихъ, такъ и всѣхъ родичей, какъ живыхъ, такъ и покойныхъ; а затѣмъ, получая эти королевства отъ Господа и римской церкви и держа ихъ въ качествѣ вассала (*feudatarius*), онъ—въ присутствіи мудраго мужа Пандульфа, субдіакона и приближеннаго господину папѣ, присягаетъ и клянется въ вѣрности упомянутому господину своему папѣ Иннокентію и его католическимъ преемникамъ и римской церкви, обрядъ же вассальной присяги (*homagium ligium*) совершить въ присутствіи господина папы, когда будетъ имѣть возможность предстать предъ нимъ лично“. Обязавъ затѣмъ къ вассальной вѣрности своихъ примыхъ потомковъ, король постановлялъ въ знакъ вѣчнаго своего обязательства изъ доходовъ своего королевства взаимно всякой службы и обычая, которые онъ за нихъ долженъ былъ бы нести, ежегодно папѣ уплачивать сверхъ установленнаго динарія св. Петру—1000 марокъ стерлинговъ.

Торжество Иннокентія III въ глазахъ міра было безусловное: къ вочинѣ св. Петра и къ ленамъ, отъ него зависящимъ, королевству Неаполю и Сиціліи и королевству Аррагонскому, теперь прибавились первоклассныя королевства Англіи и Ирландіи. Иннокентій ликовалъ и представлялъ свою побѣду торжествомъ духовнаго начала надъ мірскимъ.

Отвѣчая королю, извѣщавшему его, что онъ „по внушенію св. Духа“ сталъ его вассаломъ, согласно съ прилагаемой грамотой, Иннокентій писалъ: „Къ Тому возносимъ благодарность, Кто изъ зла умѣетъ извлечь добро, за то, что въ своемъ милосердіи Онъ внушилъ тебѣ дать должное удовлетвореніе церкви. Ибо кто же научилъ тебя, кто побудилъ тебя къ этому, какъ не тотъ божественный духъ, который нисходитъ на кого пожелаетъ? Вотъ видишь ли, право твое надъ королевствомъ твоимъ стало теперь возвышеннѣе и прочнѣе, чѣмъ твое прежнее право, ибо священническое знамя развѣвается надъ нимъ и власть твоя стала царскимъ священнослужительствомъ, какъ сказано въ посланіи апостола Петра и въ законѣ Моисеевомъ“ (XVI, 79). Но была ли то дѣйствительная побѣда духовнаго надъ свѣтскимъ началомъ? Не заблуждался ли Иннокентій въ этомъ отношеніи и не было ли все это, наоборотъ, выраженіемъ того, что духовное начало проникалось мірскими интересами? Въ письмѣ къ Іоанну Иннокентій выражаетъ желаніе, „чтобы Господь всегда исполнялъ правое

желаніе короля и поддерживалъ его благія намѣренія и далъ бы ему умѣніе такъ обладать мірскими благами, чтобы не утратить вѣчныхъ“. Не примѣнимы ли эти слова столько же къ самому Иннокентію, сколько къ королю, и не нанесъ ли Иннокентій, распространивъ власть папства надъ независимымъ королевствомъ, серьезнаго ущерба той духовной власти, которую онъ окружилъ такимъ мірскимъ ореоломъ?

Въ рѣдкихъ случаяхъ въ исторіи за несправедливымъ захватомъ или проявленіемъ надменнаго высокомѣрія такъ быстро наступала Немезида, какъ въ дѣлѣ супремата, установленнаго папою надъ Англіей. Соединивъ свои интересы съ интересами своего вассала-короля, Иннокентій пересталъ защищать противъ него независимость англійской церкви. Папскій легатъ, дѣйствуя сообща съ королевскими клериками и министрами, сталъ деспотически распоряжаться духовными должностями, пренебрегая каноническими правилами объ избраніи и правами патроновъ. Тогда англійское духовенство, столь же мужественно отстаивая свои права, какъ и феодальная аристократія, присоединилось къ послѣдней, и послѣ двухлѣтнихъ смутъ свѣтскіе и духовные бароны, во главѣ которыхъ стоялъ и папскій ставленникъ, Стефанъ Лангтонъ, вынудили у Іоанна „великую хартію вольностей“, съ которой началась новая эра въ политической жизни Англіи.

Замѣчательное совпаденіе событій! Одно изъ самыхъ характерныхъ проявленій средневѣкового міровоззрѣнія и теократическаго принципа находится такимъ образомъ въ непосредственной связи съ событіемъ, которое стало исходнымъ пунктомъ „новаго духа“ въ европейской культурѣ. Противоположность столкнувшихся здѣсь началъ тотчасъ же и наглядно выразилась въ враждебности, съ которою Римъ отнесся къ колыбели европейскаго либерализма. Нельзя безъ захватывающаго интереса читать буллу, въ которой папа осуждалъ „великую хартію“. Изъ-за обветшалыхъ формулъ оживаютъ предъ нами погасшія страсти, въ нихъ когда-то выражавшіяся, и въ страстности рѣчи, съ которою говоритъ папа, мы непосредственно чувствуемъ значеніе интереса, предъ нами нарождающагося. „Не желая потакать дерзости столь великой злобы, — къ презрѣнію апостольскаго престола, къ нарушенію королевскаго права, къ позору англійскаго народа и великой опасности дѣла Христова, которая, конечно, намъ грозила бы, если бы мы своею властью не отвергли все, что было такимъ способомъ вынуждено у такого государя, осѣнившего себя крестомъ, — отвергая это даже на тотъ случай, если бы король самъ пожелалъ сохранить свои обязательства, — мы, именемъ Господа Всемогущаго, Отца, Сына

и св. Духа, а также властью св. апостоловъ Петра и Павла, какъ и нашею собственною властью и съ общаго братьевъ нашихъ согласія, *осуждаемъ* безусловно этого рода сдѣлку и *про- кинаемъ* ее, воспрещая подѣ страхомъ анаемы, чтобы король не смѣлъ ее соблюдать, а бароны и ихъ сообщники требовать ея соблюденія; какъ самую грамоту, такъ и всѣ обязательства и поруки, какія бы ни были ради ея или на основаніи ея установлены, мы признаемъ несостоявшимися и уничтожаемъ съ тѣмъ, чтобы они никогда въ будущемъ не имѣли какой-либо силы“. Но слово владыки міра, отвергавшаго краеугольный камень политической и духовной свободы, пронеслось безсильно; свѣтскіе и духовные бароны понимали значеніе даннаго имъ залога и не только от- ставляли его противъ оружія короля, но и не отступили, когда Иннокентій поразилъ ихъ отлученіемъ отъ церкви и на всю Англію наложилъ религиозное запрещеніе— „пока бароны не дадутъ удовольстворенія королю и не возвратятся къ повиновенію“. Антагонизмъ между папствомъ и зарождавшимся національнымъ духомъ Англіи явно обнаружился; недостойный союзъ между великимъ папою и ничтожнымъ королемъ изъ-за мірскихъ, можно прямо сказать, матеріальныхъ интересовъ прошелъ не даромъ: онъ послужилъ къ ослабленію королевской власти и къ умаленію папскаго ореола, и въ краснорѣчивыхъ обличеніяхъ тогдашнихъ вождей англійскаго народа противъ короля и папы уже слышенъ отдаленный гулъ того народнаго голоса, который заговорилъ устами Веклефа и триста сличкомъ лѣтъ спустя вызвалъ на свѣтъ ре- формацию: „ты, Іоаннъ, печальной памяти для будущихъ вѣковъ, придумалъ, чтобы земля твоя, издревле свободная, холопствовала; изъ свободнѣйшаго царя ты сдѣлался данникомъ, фермеромъ и вассальнымъ холопомъ (vasallus servitutis)!

„А что же сказать о тебѣ, папа, ты, который долженъ былъ бы, какъ отецъ святости, зеркало благочестія, блюститель справедливости и хранитель правды, сіять образцомъ для всего міра? Вотъ кому ты сочувствуешь, кого хвалишь и охраняешь! Причина, почему ты защищаешь склонившагося къ тебѣ вымогателя англійскихъ денегъ и мучителя британскаго дворянства, заключается въ твоемъ желаніи, чтобы всѣ эти деньги были поглощены преисподней римской жадности; но эта причина и это оправданіе—преступленіе предъ Богомъ и самообвиненіе“.

. VI.

Мы можемъ теперь подвести итоги дѣятельности Иннокентія III. Съ точки зрѣнія развитія папской власти это непрерывный рядъ успѣховъ и побѣдъ. Съ вступленія на престолъ ему удалось приобрести верховную власть надъ Римомъ, возстановить вотчину св. Петра, стать политическимъ руководителемъ итальянскаго государства, изъ крайняго униженія предъ имперіей сдѣлать папство рѣшающей инстанціей при избраніи императора; въ 1200 г. ему удается надломить упорство горделиваго французскаго короля, расторгнуть его незаконный бракъ и заставить признать отверженную имъ законную жену; въ 1204 г. совершается неожиданное торжество Рима надъ Константинополемъ, и въ томъ же году болгарскій царь принимаетъ свою корону изъ рукъ римскаго епископа; въ то же время одинъ изъ испанскихъ королей слагаетъ свою корону на алтарь св. Петра и признаетъ себя данникомъ Рима; въ 1209 году по повелѣнію папы толпы крестоносцевъ сокрушаютъ ересь въ южной Франціи, которая болѣе вѣка свободно распространялась и грозила охватить весь югъ.

Въ 1212 г. Иннокентій располагаетъ по своему усмотрѣнію короною Англіи, и годъ спустя непокорный Іоаннъ самъ приноситъ свой вѣнецъ и свое королевство къ стопамъ папы; наконецъ, Иннокентій завершаетъ свою дѣятельность среди блестящаго вселенскаго собора, который дѣйствуетъ какъ *органъ папы* и освящаетъ, такъ сказать, единодержавіе папы надъ церковью.

Но къ какому же все это привело результату? прежде всего къ тому, что въ Римѣ сосредоточивалась такая масса мірскихъ дѣлъ и заботъ, съ которою могла справляться только такая могучая и энергическая личность, какъ Иннокентій III. Но самъ Иннокентій—былъ ли онъ дѣйствительно въ состояніи справиться съ своими обязанностями? Черезъ всю его переписку постоянно тянется жалоба, что онъ изнемогаетъ подъ бременемъ дѣлъ. Онъ неоднократно въ ней заявляетъ, что „не желаетъ, какъ и не долженъ того желать — отдавать предпочтеніе мірскому предъ духовнымъ“. Но имѣлъ ли онъ, при условіяхъ, въ которыхъ находился, возможность постепенно „избирать вѣрный путь“, чтобы, какъ онъ выражается, „не пренебрегать свѣтскими интересами и въ то же время *выше ихъ* ставить, какъ и слѣдовало, духовные“ (II, 202)? Нужно отдать справедливость Иннокентію: въ своей личной жизни онъ старался, сколько могъ, среди житей-

скихъ волненій не терять изъ вида духовной цѣли. Такъ, среди заботъ объ управленіи міромъ Иннокентій находитъ досугъ, чтобы написать рядъ проповѣдей передъ Рождествомъ на тему о пришествіи Христовомъ. Онъ дѣлаетъ это, чтобы „вырваться изъ заботъ мірскихъ, которыя подъ давленіемъ злости времени сильно меня отягощаютъ, и не пренебречь вовсе духовной заботою, которая ради обязанности апостольскаго служенія въ особенности на мнѣ лежитъ“. Но въ самомъ посвященіи этихъ 29 проповѣдей аббату Арнульфу Иннокентій мѣтко изображаетъ состояніе своего духа и въ этомъ изображеніи нельзя видѣть только обычное авторское оправданіе. „О, еслибы я по обязанности проповѣдника самъ исполнялъ то, о чемъ сейчасъ говорю! но я подавленъ скопленіемъ столькихъ процессовъ, опутанъ узами столькихъ дѣлъ, что по необходимости, разбившись по частямъ, я долженъ оказаться болѣе слабымъ по каждой отдѣльной части. Предаваться созерцанію мнѣ не дозволено, ибо даже дышать мнѣ не даютъ. Я такъ отданъ другимъ, что почти пересталъ принадлежать самому себѣ“. При такомъ обремененіи дѣлами страдали не только духовныя обязанности, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ были неизбѣжны упущенія, какъ въ этомъ искренно признается Иннокентій въ письмѣ къ архіепископу пизанскому, которому вмѣстѣ съ другими лицами папою былъ порученъ сборъ денегъ въ пользу крестоваго похода (I, 409). Папа оправдывается предъ ними въ томъ, что хотя онъ не припомнить, „точно ли онъ выразился“ въ письмѣ къ нему, но во всякомъ случаѣ намѣреніе его было таково, чтобы собранная сумма денегъ была употреблена по назначенію, а въ Римъ былъ доставленъ только общій ея итогъ. „Если же въ письмѣ, нами къ вамъ посланномъ, можетъ быть, что-нибудь и содержится въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ собранныя деньги прислать намъ, то это произошло не по нашему намѣренію, а вслѣдствіе излишества занятій, относительно которыхъ мы должны сказать, что чѣмъ большому количеству предметовъ мы посвящаемъ наше вниманіе, тѣмъ менѣе тщательно мы въ состояніи подумать о каждомъ отдѣльно“.

Вотъ это признаніе Иннокентія: „чѣмъ больше дѣлъ мы охватываемъ, тѣмъ менѣе съ ними справляемся“, могло бы служить эпиграфомъ для его правленія и характеристикой для созданнаго имъ положенія дѣла.

Если личность, одаренная такой энергіей и такой страстью къ дѣятельности, жаловалась, что ей непосильна задача, взятая на себя папствомъ, то что же приходилось сказать о другихъ менѣе способныхъ и мощныхъ преемникахъ Иннокентія III?

Судьба Европы стала зависѣть отъ того случайнаго обстоятельства, кого именно запертые въ конклавъ кардиналы возведутъ на престолъ св. Петра. Но не въ этомъ только заключалась ненормальность положенія, въ которомъ находилось папство. Чѣмъ энергичнѣе былъ папа, чѣмъ болѣе онъ отдавался своему призванію, тѣмъ болѣе онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ міромъ, тѣмъ рѣзче онъ долженъ былъ проявлять въ немъ свою власть, тѣмъ болѣе зависимъ становился онъ отъ лицъ, служившихъ ему орудіемъ, тѣмъ болѣе онъ нуждался въ золотѣ, чтобы содержать своихъ многочисленныхъ служителей, — однимъ словомъ, тѣмъ болѣе духовная власть папы принимала мірской характеръ. Такимъ образомъ должны были все болѣе и болѣе мельчать и понижаться идеальныя задачи папства, средства для достиженія этихъ задачъ становились цѣлью и божеское царство Августина превращалось въ вотчину св. Петра.

Эти два понятія находятся между собою въ самой близкой взаимной связи. Одно вносило въ жизнь церкви ея идеальную струю, давало ей духовную силу и высоко поднимало надъ міромъ; другое служило руководящимъ началомъ для ея вѣшняго строя и ея организаціи, давало ей форму и возможность осуществить свою власть надъ міромъ. Но формальный принципъ начинаетъ постепенно преодолѣвать: всѣ заботы устремлены только на его развитіе, и чѣмъ совершеннѣе становится вѣшній строй папства, тѣмъ пышнѣе развивается его царственная форма, тѣмъ болѣе выдыхается его идеальное содержаніе. Замѣтный поворотъ въ этомъ направленіи обнаруживается со времени Иннокентія III, и исторія его жизни должна заканчиваться вопросомъ: какая доля отвѣтственности лежитъ въ этомъ отношеніи на немъ самомъ? Можно сказать, что въ немъ самомъ, въ его личной жизни и дѣятельности совершился тотъ переворотъ, который мы отмѣчаемъ въ исторіи церкви и папства. Аскетическій принципъ и у него является точкою отправления его духовной дѣятельности. Но мы видѣли у него только одну сторону его — „презрѣніе къ міру“, которое не дополняется и не увѣнчивается, какъ у Августина и Бернарда, вознесеніемъ на небо, мистическимъ созерцаніемъ небснаго идеала: презрѣніе къ міру теряетъ такимъ образомъ свой религіозный поводъ и свой смыслъ; оно получаетъ значеніе литературной темы, становится безцѣльнымъ, или, лучше сказать, оно получаетъ совершенно другой смыслъ: пренебреженіе къ міру становится средствомъ, чтобы утвердить свою власть надъ нимъ, и презрѣніе къ человѣку становится здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, средствомъ для управленія людьми. Правда,

обстоятельства, среди которых дѣйствовалъ Иннокентій, были крайне благоприятны для расширенія папской власти; съ одной стороны, они, какъ мы видѣли, вынуждали папу ради самозащиты прибѣгать къ наступательному образу дѣйствія, наталкивали его на превращеніе духовной власти въ свѣтское владычество, съ другой—сами короли снимали предъ нимъ свои вѣнцы и клали ихъ на алтарь св. Петра. Но Иннокентій не знаетъ предѣловъ въ этомъ утвержденіи папской власти; онъ повидимому управляетъ міровыми событіями, но въ дѣйствительности самъ унесенъ вихремъ этихъ событий; какъ гениальный механикъ, онъ увлеченъ дѣйствіемъ искуснаго снаряда, имъ усовершенствованнаго; онъ служитъ системѣ, которая сложилась до него и которую онъ закончилъ, но уже не спрашиваетъ, къ чему это должно привести, и не будетъ ли полное торжество системы къ ущербу той великой идеи, ради которой она была создана?

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ Иннокентій трудился безъ устали въ пользу этой системы; онъ повидимому ни разу не приостановился, ни разу не усомнился въ ея пригодности.

Въ виду этого дальнѣйшая исторія папства служитъ къ укору Иннокентія III; но исторія—не судебный процессъ, который непременно долженъ оканчиваться *приговоромъ*, т.-е. или полнымъ оправданіемъ, или осужденіемъ; историкъ не только судья,—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и зритель, котораго охватываетъ и увлекаетъ гениальное исполненіе великой исторической роли, разыгрывающейся на его глазахъ; а кромѣ того въ исторіи роль не можетъ быть отдѣлена отъ исполнителя, дѣйствующія въ ней лица не вымышлены,—это живыя человѣческія личности, внушающія къ себѣ интересъ и участіе. И чѣмъ ближе мы знакомимся съ такою личностью, чѣмъ болѣе возможности мы имѣемъ, какъ относительно Иннокентія III, проникнуть въ сферу ея индивидуальнаго бытія, тѣмъ болѣе возрастаетъ наше участіе.

Въ Иннокентіѣ III олицетворяется высшее торжество средне-вѣковаго папства и вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ раздвоенія между идеальной и политической исторіей папства и преобладаніе послѣдняго интереса надъ первымъ.

Но неужели среди поколѣнія, которое представляетъ собою Иннокентій, совершенно погасъ священный огонь идеала и заглохла идея „божескаго царства“ въ его духовномъ смыслѣ?

На этотъ вопросъ служить лучшимъ отвѣтомъ исторія смиреннаго „нищаго“ монаха Франциска Ассизскаго...

В. ГЕРЬЕ.

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXI *).

На слѣдующій день послѣ отъѣзда Теркина, Серафима от-
правилась къ отцу.

— Починили мостъ?—спросила она своего кучера, когда они
подъѣзжали къ рѣчкѣ.

Еще третьяго дня пролетка чуть не завязла, правымъ пе-
реднимъ колесомъ, въ щель провалившейся доски.

— Не видать чтой-то, Серафима Ефимовна.

Кучеръ Захаръ, молодой малый, съ серьгой въ ухѣ, чисто
плотный и франтоватый—онъ брилъ себѣ затылокъ черезъ день—
обернулъ къ ней свое загорѣлое, широкое лицо, съ темной бо-
родкой, и улыбнулся.

— Проѣзжай шагомъ!

Замедленный ходъ лошади вызвалъ въ Серафимѣ желаніе
прислониться къ задку крытой пролетки; верхъ ея былъ полу-
опущенъ.

Она сидѣла подъ зонтикомъ изъ чернаго кружева и была
вся въ черномъ, въ томъ самомъ туалетѣ, какъ и въ тотъ ве-
черъ свиданія съ Теркинымъ у памятника предъ его отъѣздомъ.
Ея миндалевидные глаза обошли медленно кругомъ.

Мостъ старый, съ пошатнувшимися перилами, довольно ши-
рокій, приходился наискосокъ отъ темнаго деревяннаго зданія,

---

*) См. выше: янв., 49 стр.

по ту сторону рѣчки, влѣво отъ плотины, гдѣ она была запружена.

Фасадъ съ галдарейками закрывалъ отъ взгляда тѣхъ, кто шелъ или ѣхалъ по мосту, бокъ мельницы, гдѣ дѣйствовалъ водяной приводъ. Справа, изъ-за угла зданія, виднѣлись сажени березовыхъ дровъ, старое куле, вороха рогожъ, разная хозяйственная рухлядь.

Съ рѣки шелъ розовый отблескъ заката. Позади высился городъ, мягко освѣщенный, съ полосами и большими пятнами зелени по извилинамъ овраговъ. Бѣлые и красные каменные дома ярко выдѣлялись на этомъ фонѣ. Колокольни и главы церквей прорѣзывались въ воздухѣ и горѣли искрами.

Серафима посмотрѣла вправо, гдѣ, за рѣкой на набережной, въ полверстѣ отъ города высилась кирпичная глыба съ двумя дымовыми трубами.

Это была паровая мельница, построенная лѣтъ пять назадъ. Она отняла у отца ея двѣ трети „давальцевъ“. На ней мололи тотъ хлѣбъ, что хранился въ длинномъ рядѣ побурѣлыхъ амбаровъ, шедшихъ вдоль берега рѣки, только ниже, у самой воды. Сваи, обнаженные послѣ половодья, смотрѣли частоеоломъ, и поверхъ его эти бурые ящики, все одной и той же формы, точно висѣли въ воздухѣ.

Отъ той вальцовки и покачнулись дѣла Ефима Галактионича. Врядъ ли послѣ него останется что-нибудь, кромѣ дома съ мельницей, да кое-какихъ деньжонокъ.

Дочь его и не хотѣла бы думать объ этомъ, да не можетъ. Ей довольно противно сторожить смерть отца. Она не считаетъ себя ни злой, ни бездушной. Но отецъ такъ мучится, что для него кончина—избавленіе.

Съ той минуты, какъ она вернулась ночью домой отъ Теркина, въ нее еще глубже проникло влеченіе къ деньгамъ Калеріи—„казанской сироты“, напустившей на себя святость. Вѣдь той ничего не нужно, кромѣ своей святости... Зачѣмъ „сестрѣ милосердія“ капиталъ?

Когда пролетка, привскочивъ легонько на послѣднемъ бревнѣ моста, вѣхала на противоположный берегъ рѣчки, Серафима задала себѣ именно этотъ вопросъ.

По разрыхленной песчаной дорогѣ—мостовой тутъ не было—они подѣхали къ крылечку, приходившемуся подъ наружной галдарейкой, безъ навѣса.

Съ него неширокая лѣстница вела сначала на галдарейку,

потомъ съ площадки въ чистыя комнаты хозяевъ, занимавшихъ весь передъ ветхаго зданія.

На крыльцѣ Серафима поправила вуалетку и сказала кучеру:

— Захаръ, ты прїѣзжай за мною, когда всенощная отойдетъ... Или лучше—когда барина въ клубъ свезешь.

— Слушаю-съ, Серафима Ефимовна.

Сереева въ ухѣ кучера ярко блеснула при поворотѣ пролетки.

Молодая женщина легко взбѣжала на площадку, но тамъ остановилась и какъ бы прислушивалась.

Беззвучно и жарко было на этой площадкѣ, гдѣ пахло теплыми старыми бревнами наружной стѣны. Только подальше, за досчатой дверью, приходившейся по срединѣ галдарейки, жужжалъ шмель.

Она знала, что мать не спитъ. Если и приляжетъ, то гораздо раньше, часу во второмъ; а теперь уже восьмой.

Мать не видала она больше сутокъ. Въ эти сорокъ часовъ и рѣшилась судьба ея. Ей уже не уйти отъ своей страсти... „Вася“ взяла ее всю. Только при мужѣ, или на людяхъ, она еще сдерживаетъ себя, а чуть осталась одна—все въ ней затрепещетъ, въ головѣ—пожаръ, безумныя слова толпятся на губахъ, хочется цѣловать мантилью, шляпку, въ которой она была тамъ, наверху, у памятника.

И вотъ сейчасъ, когда она остановилась въ трехъ шагахъ отъ двери въ помѣщеніе родителей, ее точно что дернуло и краска вспыхнула на матово-розовыхъ щекахъ, глаза отуманились.

Она любила и немножко боялась мать, хотя та всегда ее прикрывала передъ отцомъ во всемъ, за что была бы буря. Если бы не мать, она до сей поры изнывала бы подъ отцовскимъ надзоромъ вотъ въ этомъ бревенчатомъ домѣ, въ опрятныхъ низковатыхъ комнатахъ, безмолвныхъ и—для нея—до нестерпимости тоскливыхъ.

Но мать—не слабая, рыхлая насѣдка. Въ ней не меньше характера, чѣмъ въ отцѣ, только она умнѣе и податливѣе на всякую мысль, чувство, шутку, проблескъ жизни. Ей бы не въ мѣщанкахъ родиться, а въ самомъ тонкомъ барствѣ. И отъ нея ничего не укроешь. Посмотрить тебѣ въ глаза и все пойметъ. Вотъ этого-то взгляда и пугалась теперь Серафима.

Какъ она жила до сихъ поръ—мать знала, по крайней мѣрѣ знала то, какъ она живетъ съ мужемъ, „каковъ онъ есть человѣкъ“, видѣла, что сердце дочери не нашло въ такомъ мужѣ

ничего, кромѣ сухости, чванства, бездушныхъ повадокъ картежника.

Про ихъ встрѣчи съ Теркинымъ она какъ будто догадывалась. Серафима рассказывала ей про ихъ первую встрѣчу въ саду,—не все, конечно. Съ тѣхъ поръ она нѣтъ-нѣтъ да и почувствуетъ на себѣ взглядъ матери,—взглядъ этихъ небольшихъ сѣрыхъ, впалыхъ и пронизательныхъ глазъ,—и сейчасъ должна взять себя въ руки, чтобы не проговориться о перепискѣ, о тайныхъ свиданіяхъ.

Но все это было только начало. А теперь? Какъ она взглянетъ прямо въ лицо матери?.. Вѣдь у нея любовникъ...

„Любовникъ!“—произнесла Серафима про себя и стала холодѣть. Вдругъ, какъ она не выдержать?.. Нѣтъ, теперь, до смерти отца—ни подъ какимъ видомъ!..

Ея нервно-вздрагивающая рука въ длинной перчаткѣ взялась за скобу.

Дверь была одностворчатая, обитая зеленой, мѣстами облущившейся клеенкой.

Она оказалась запертой изнутри. Это удивило Серафиму.

Она заглянула въ окно передней, выходившее на галдарейку. Въ передней никого не было.

Родители ея держали прежде, кромѣ стряпухи, дворника, кучера, еще работницу и чистую горничную. Теперь у нихъ только двѣ женщины. Лошадей они давно перевели.

Она постучала въ окно разъ-другой.

Отперли ей не сразу.

— Ахъ! барышня!

Такъ Авдотья, пожилая женщина, въ головкѣ и кацавейкѣ, до сихъ поръ зоветъ ее.

— Что это?.. Почему вы заперлись?—торопливо и вполголоса спросила Серафима.

— Извините, барышня,—Авдотья говорила такъ же тихо:—боялась я... Потому ночь цѣлую не спамши... Ефимъ Галактионичъ мучились шибко. Я и прикурнула.

— А теперь какъ папенька?

— Къ вечернямъ имъ полегче стало, забылись... Докторъ два раза былъ.

— Мамаша почиваетъ?

— Ужъ не могу вамъ сказать... Сама-то я спала... Врядъ ли почиваютъ. Онѣ завсегда на ногахъ.

— Если мамаша отдыхаетъ, не буди ее... Я посижу въ гостиной... Пройди, узнай.

Она нарочно усала Авдотью въ дальнюю комнату, гдѣ мать ея спала съ тѣхъ поръ, какъ она стала себя помнить, чтобы ей самой не входить прямо къ Матренѣ Ниловнѣ. Въ гостиной она больше овладѣетъ собою. Ея внезапное волненіе тѣмъ временемъ пройдетъ.

Авдотья отворила ей дверь въ большую низковатую комнату съ тремя окнами. Свѣтъ, сквозъ полосатыя шторы, ровно обливалъ ее. Воздухъ стоялъ въ ней спертый. Она боялась отпирать. Хорошая рядская мебель въ чехлахъ занимала двѣ стѣны въ жесткой симметріи: диванъ, столъ, два кресла. Въ простѣнкахъ узкія бронзовые зеркала. На стѣнахъ олеографіи въ рамахъ. Чистота отзывалась раскольниковымъ домомъ. Крашеный полъ такъ и блестѣлъ. По немъ отъ одной двери къ другой шли бѣлые половики. На окнахъ цвѣты и бутылки съ краснымъ уксусомъ.

Какъ только Авдотья скрылась за дверью во внутреннія комнаты, Серафима пододвинулась къ одному изъ зеркалъ, потянула вуалетку, чтобы ея лицо ушло подъ тюль до рта, и вглядывалась въ свои глаза и щеки,—не могутъ ли они ее выдать?

XXII.

Мать подошла къ ней такъ тихо, что она встrepенулась, когда та окликнула ее:

— Здравствуй, Симочка!

Серафима перелистывала нумера старой „Нивы“, лежащія на столѣ, около лампы, еще съ той поры, когда она ходила въ гимназію.

— Ахъ, маменька! Здравствуйте!

Онѣ поцѣловались три раза, какъ всегда, по-купечески.

Небольшого роста, широкая въ плечахъ, молодежавшаго выразительнаго лица, Матрена Ниловна ходила въ платкѣ, по старому обычаю. На этотъ разъ платокъ былъ легкій, крепоновый, темно-лиловый, повязанный распущенными концами внизъ по плечамъ и заколотый аккуратно булавками у самаго подбородка. Подъ платкомъ виднѣлась темная кацавейка, ея неизмѣнное одѣяніе, и такая же темная шерстяная юбка, короткая, такъ что видны были замшевыя туфли и чистые шерстяные чулки домашнего вязанья.

Матрена Ниловна не передала дочери своей наружности. Волосъ изъ-подъ надвинутаго на лобъ платка не было видно,

но они у нея оставались по прежнему русые, цвѣта орѣховаго дерева, густые, гладкіе и безъ сѣдины. Брови, такого же цвѣта, двумя густыми кистями лежали надъ выпуклостями глазныхъ орбитъ. Проницательные и впалые глаза, сѣрые, тѣнистые, съ крапинками на зрачкахъ, особенно молодили ее. Въ крупномъ свѣжѣмъ рту сохранились зубы твердые и бѣлые, подбородокъ слегка двоиhsя.

— Чтѣ папенька?

Серафима спросила это тише, чѣмъ обыкновенно говорила въ гостинѣй.

Онѣ еще стояли по срединѣ комнаты.

— Да что, Симочка... Столь плохъ, столь плохъ... Сегодня больно на зарѣ маялся, сердешный. Я хотѣла-было за тобой посылать... Заливаетъ ему грудь-то... ни лежать, ни сидѣть... Теперь вотъ забылся... И я пошла отдохнуть.

— Простите, маменька, я васъ разбудила.

— Не спала я... Какой тутъ сонъ!..

Кистью правой руки Матрена Ниловна истоиво перекрестила ротъ—она не могла сдержатъ нервной зѣвоты.

— Спасибо, Симочка, заѣхала... Муженекъ-то вернулся небось?

Серафима знала, что Матрена Ниловна въ такихъ же чувствахъ къ Рудичу, какъ и она сама.

— Вчера прѣхалъ.

— Съ чѣмъ? Съ пустушкой или повысили?

— Къ осени общали товарища прокурора.

— Жалованья-то больше нѣшто?

— Нѣтъ, меньше.

— Ну, такъ чему же тутъ радоваться?

— Ходъ теперь другой будетъ.

— Все едино! Въ клубѣ на зеленомъ суиѣ спустить.

Полныя губы Матрены Ниловны повела косвенная усмѣшка. Сѣрые бойкіе глаза остановились на дочери, но не особенно пристально. Ихъ затуманивали душевная горечь и большое утомленіе.

Серафима все-таки опустила рѣсницы, хотя уже не боялась выдать себя. Разговоръ самъ пошелъ въ такую сторону, что ей нечего было направлять его.

Онѣ присѣли на диванъ. Матрена Ниловна прикоснулась правой рукой къ плечу дочери. Въ свою „Симочку“ она до сихъ поръ была влюблена, только не проявляла этого въ нѣжныхъ словахъ и ласкахъ. Но Серафима знала отлично, что мать

всегда будетъ на ея сторонѣ, а чего она не можетъ оправдать,—напримѣръ, ея „певѣрія“,—то и на это Матрена Ниловна махнула рукой.

— Свой разумъ есть,—говаривала она.—Сколь это ни прискорбно мнѣ... Уповаю на милость Божію... Онъ, Батюшка, простѣтитъ ее и помилуетъ.

Она не поблажала ей ни въ чемъ, что было противъ ея правилъ, выговаривала, но всегда точно старшая сестра или много тетка, какъ бы разсуждала вслухъ. Не хотѣла она и подливать масла въ ихъ супружескіе нелады. Если она и сейчасъ такъ высказалась насчетъ своего зятя, то потому, что у нихъ давно уже установился этотъ тонъ. Въ сердцѣ Матрены Ниловны не закрывалась ранка горечи противъ того „лѣдыря“, который сманилъ у нихъ съ старикомъ единственную ихъ дочь, красавицу и умницу. Не случилось этого „божьяго поущенія“, Симочка, конечно, попала бы за какого-нибудь миллионера по хлѣбной или другой торговлѣ. Мало ли ихъ по Волгѣ? Есть и такіе, что учились въ Казани, въ студентахъ, а коренного дѣла своего не бросаютъ.

Боязнь выдать себя совсѣмъ отлѣгѣла отъ Серафимы. Рокотное слово „любовникъ“ уже не прыгало у нея въ головѣ. Мать простить ей, когда надо будетъ признаться.

И такъ ей стало легко, почти весело... Она даже застыдилась. Отецъ умираетъ черезъ комнату, а она въ такихъ чувствахъ!

— По тебѣ стосковался,—все такъ же тихо продолжала Матрена Ниловна:—задыхается, индо посоловьѣть весь, а чуть маленъко отлегло, сейчасъ спросить:—Симочка не побываетъ ли?

Наклонившись къ лицу дочери, она прибавила чуть слышно:

— За эти мѣсяцы, вотъ какъ онъ разнемогся, тебя сталъ жалѣть... не въ примѣръ прежняго. И ровно ему передъ тобой совѣстно, что оставляетъ дѣла не въ прежнемъ видѣ... Вчерашняго числа этакъ поглядѣлъ на меня, у самого слезъ полны глаза и говорить: „Смотри, Матрена, хоть и малый достатокъ Серафимѣ послѣ меня придется, не давай ты его на сѣденіе муженьку... Домъ твой, на твое имя записать... А остальное что—въ руки передамъ. Сторожи только, какъ бы во снѣ духъ не вылетѣлъ“...

Дочь слушала, низко опустивъ голову. Ей хотѣлось спросить: „Папенька, значитъ, завѣщанія не оставить?“

Но вопросъ не шелъ съ губъ. Не завѣщаніе беспокоило ее, а вопросъ о деньгахъ ея двоюродной сестры, Камерин.

— Коли папеньку самого раздумье разбираетъ, отчего же онъ не распорядится?—такъ же тихо, какъ мать, спросила она.

— Утречкомъ, говорить, коли отпустить хоть чуточку, достаю мнѣ „пекатунку“ красного дерева и подай.

Онѣ помолчали.

— Стало быть,—выговорила Серафима слишкомъ какъ-то спокойно:—въ этой пекатулѣ и капиталъ Калеріи?

Ихъ взгляды встрѣтились. Лицо Матрены Ниловны потемнѣло, и она тотчасъ же отвела голову въ сторону.

Калерія и ее мозжила. Ничего она не могла, по совѣсти, имѣть противъ этой дѣвушки. Развѣ то, что та, еще подросткомъ, отъ старой вѣры сама отошла, а Матрена Ниловна тайно оставалась вѣрна закону, въ которомъ родилась, больше, чѣмъ Ефимъ Галактіонъ. Не совлада она съ ревностью матери. Калерія росла „потихоней“ и „святошей“ и точно всѣмъ своимъ нравомъ и обликомъ хотѣла сказать:

„Смотрите на насъ съ Симочкой. Я—праведница, и меня Господь Богъ за это възмездуетъ; а та—грѣшница, только и думаетъ, что о суетномъ и мірскомъ, предана всѣмъ плотскимъ вожделѣніямъ“.

Гдѣ же ей взять наружность противъ Симочки, а все-таки, когда она здѣсь жила, передъ тѣмъ, какъ въ Петербургѣ въ „стриженныя“ собѣжала, стоящіе молодые люди почитали ее больше, чѣмъ Симочку, хоть она и по ученію-то шла всегда позади.

Не хотѣла Матрена Ниловна помириться и съ тѣмъ, что „святошѣ“ достанутся, быть можетъ, большія деньги,—она не знала сколько именно,—а Симочкѣ какой-нибудь пустякъ. Ея душу непріязнь къ Калеріи колыхала, точно какой тайный недугъ. Она только сдерживалась, и съ глазу на глазъ съ дочерью, и наединѣ съ самой собою.

Все это было какъ будто и грѣшно, а грѣха она и боялась, и не любила, по совѣсти. Но ежеминутно она сознавала и то, что не выдержитъ напора жалости къ дочери и ревниваго чувства къ Калеріи. Если представится случай поступить явно къ выгодѣ Симочки, она не устоитъ.

— Затѣмъ же откладывать? — заговорила немного погромче Серафима и бросила долгій взглядъ въ сторону двери, гдѣ черезъ комнату лежалъ отецъ.—Ежели папенька проснется да посвѣжѣе будетъ... вы бы ему напомнили. А то... неровень часъ. Онъ самъ же боится.

Говорить дальше въ такомъ же смыслѣ Серафимѣ тяжело

было. Она перемѣнила положеніе своего гибкаго и роскошнаго тѣла. Щеки у нея горѣли.

— Какъ жарко!

Этотъ возгласъ былъ для нея большимъ облегченіемъ.

— Ты бы шляпку-то сняла,—замѣтила Матрена Ниловна.— Вонъ она какая у тебя, прости Господи, ровно улей какой.

И мать тихо разсмѣялась.

Пока Серафима вынимала длинныя булавки изъ волосъ и клала шляпку на столъ, Матрена Ниловна, оправивъ концы платка, какъ бы про себя выговорила:

— Извѣстное дѣло, зачѣмъ откладывать. Каковъ-то онъ, голубчикъ, проснется?..

Ей уже представлялась „шкатулка“ изъ краснаго дерева съ мѣдными бляшками и наугольниками съ секретнымъ ящичкомъ старинной работы... Тамъ лежитъ капиталъ Калеріи. И сдается ей, что Ефимъ Галактіонычъ поручить ей распоряженіе этими деньгами.

Дрожь повела ей плечи, а въ комнатѣ было не меньше двадцати градусовъ.

Дверь изъ передней приотворили. Показалась „головка“ Авдоты.

— Матушка,—долгимъ шопотомъ протянула она:—Ефимъ Галактіонычъ никакъ проснулись. Слышала я, кашляли.

— Хорошо,—хозяйскимъ тономъ отвѣтила Матрена Ниловна.—Скажи имъ: Серафима, молъ, Ефимовна пріѣхали.

Мать и дочь поглядѣли одна на другую и встали съ дивана.

XXIII.

Въ концѣ девятого часа Серафима ѣхала домой.

Пролетка медленно поднималась по „дамбѣ“—такъ называютъ мощеную дорогу отъ набережной въ городъ.

Фонари только-что начали зажигать. Небо висѣло густое и низкое, полное звѣздъ.

На одну звѣзду, съ изумруднымъ блескомъ, вдумчиво смотрѣла Серафима.

Все обошлось хорошо, лучше, чѣмъ она могла желать.

Отца она видѣла въ темнотѣ его чуланчика. Онъ лежитъ цѣлый день въ угловой коморкѣ, безъ оконъ, гдѣ кровать при-
тнута къ стѣнѣ, и между ея краемъ и стеклянной дверью меньше полуаршина разстоянія. Мать сколько разъ упрашивала его пере-

браться въ комнату, гдѣ они когда-то спали вмѣстѣ; но онъ не соглашался.

Въ коморкѣ было такъ темно, что она не могла отчетливо разглядѣть отцовскаго лица, замѣтила только, что оно раздулось; грудь была обнажена сверху; косой воротъ рубашки откинутъ.

Отецъ полусидѣлъ въ постели, прислонившись къ высоко-взбитымъ подушкамъ. Показалось ей, что борода еще посѣдѣла и глаза смотрѣли на нее гораздо мягче обыкновеннаго.

Небывалое волненіе охватило ее, когда она наклонилась къ нему и взяла руку, уже налитую водой, холодную. Передъ ней полумертвецъ, а она боится, какъ бы онъ не проникъ ей въ душу, какимъ-нибудь однимъ вопросомъ не распозналъ, съ какими затаенными мыслями стоятъ онѣ съ матерью у его кровати.

— Дочка,—перехваченными звуками говорилъ ей отецъ:—ты на меня не ропщи!

— Папенька! Что вы!—смогла она отвѣтить и противъ воли заплакала.

— Не моя вина, милая... Времена не тѣ... все пошло на умаленіе.

— Чего тутъ, Ефимъ Галактионовичъ!—вмѣшалась мать.—Нѣшто она что?.. Ужъ ты не разстроивай себя... безъ нужды. Полегче тебѣ сѣдни—вотъ бы и сказалъ намъ, какое твое желаніе.

Мать не договорила. Она слышала ея голосъ сбоку и немного сзади отъ себя.

„Догадается!“ подумала Серафима. „Какъ бы не испортить всего!“

Но отецъ самъ потребовалъ шкатулку. Она помогла матери достать ее изъ-подъ столика, въ проходной комнатѣ, отдѣлявшей гостиную отъ коморки, гдѣ лежалъ отецъ.

Шкатулка показалась ей чрезвычайно легкой, должно быть отъ возбужденія. Онѣ обѣ держали ее передъ отцомъ.

Онъ, дрожащими и налитыми пальцами, досталъ ключъ съ цѣпочки, висѣвшей у него на груди, и долго не могъ отпереть. Наконецъ, пружина музыкально прозвенѣла, и крышку онъ откинулъ съ ихъ помощью.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ уже совсѣмъ замирающимъ голосомъ:—здѣсь... Пальцемъ надавите—въ правомъ углу—и отскочить планочка.

У него еще достало силъ показать, какъ слѣдовало надавить.

— Что тамъ найдете... больше ничего и нѣтъ... Нигдѣ не ищите, въ другомъ мѣстѣ... И—по-божески, по-божески...

Отецъ началъ метаться. Чтобы запереть шкатулку, пришлось

снять съ его шеи цѣпочку, гдѣ, кромѣ ключа, висѣлъ большой оловянный крестъ и ладанка.

Она думала — онъ кончается. Мать поспѣшно убрала шкатулку и прибѣжала на ея зовъ.

— За докторомъ послать-инъ, Ефимъ Галактіонычъ? — спросила мать, сдерживая рыданія.

И Серафима готова была разрыдаться.

Еслибы у отца хватило тѣлесныхъ силъ сказать ей еще разъ: „Смотри, дочка, не обижай Калеріи, не бери грѣха на душу!“ — она упала бы на колѣни и во всемъ призналась бы.

Но отецъ ослабъ. Онъ обѣ страшно испугались: думали, сейчасъ отойдетъ. Пометался онъ съ минуту, потомъ ему стало легче; онъ наклонился и чуть слышно выговорилъ:

— Подъ сюда, Серафима.

Она опустилась на колѣни. Отецъ благословилъ ее и поцѣловалъ въ голову.

— Прощай, дочка, — еле слышно прошепталъ онъ. — Живи по-божески... Муженекъ не задался... Терпѣть надо... По честному...

Она тихо плакала; но въ ней уже ничто не влекло ее къ признанію. Да и какъ бы она показалась... Зачѣмъ?.. Чтобы потрясти отца, убить его на мѣстѣ?

Слезы облегчили ее. Мать тоже тихо плакала.

— Ну, подите!

Въ гостиной онъ обнялись и, отойдя къ печкѣ, въ дальній уголъ, пошептались.

— Пришлите за мной... ежели ночью... папенька отходить будетъ.

— Зачѣмъ? — сказала Матрена Ниловна. — Онъ благословилъ тебя. Теперь ужъ не встать ему, сердешному...

О „пакетѣ“ онъ больше не говорили; но между ними и безъ словъ что-то было условлено.

„Васѣ деньги нужны до зарѣзу, а досталъ ли онъ у того барина?“

Серафима спросила себя и сейчасъ же подумала о близкой смерти отца. Неужели ей совсѣмъ не жалко потерять его? Опять обвинила она себя въ бездушіи. Но что жъ ей дѣлать: чувство у нея такое, точно она его уже похоронила и ѣдетъ съ похоронъ домой. Гдѣ же взять другого настроенія? или новыхъ слезъ? Она поплакала тамъ, у кровати отца, и на колѣнки становилась.

Жутко ей передъ матерью за „любовника“, но теперь она больше не станетъ смущаться: узнаетъ мать или нѣтъ — ей отъ

судьбы своей не уйти. И съ Рудичемъ она жить будетъ только до той минуты, когда имъ съ матерью достанется то, что лежитъ въ потаенномъ ящикѣ отцовской шкатулки.

Есть у нея предчувствіе, что Вася денегъ у того барина не добудетъ. Завтра или послѣ-завтра должна придти къ ней депеша, адресованная „до востребованія“. Каждое утро она будетъ сама ходить на телеграфъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вернулся изъ Москвы мужъ, она за собою слѣдитъ. Но ей не нужно особенно себя сдерживать. Онъ для нея точно какой-то постоялецъ. Ни злобы, ни раздраженія, ни желанія показать, какъ она къ нему относится... Только бы онъ не вздумалъ нѣжничать.

И третьяго дня, и сегодня она жаловалась на головную боль, нарочно лежала передъ обѣдомъ. Она не будетъ больше „принадлежать“ Северу Львовичу—ни подъ какимъ видомъ.

Про себя она зоветъ мужа „Северъ Львовичъ“, и это имя „Северъ“ кажется ей сегодня смѣшнымъ. Да и весь-то онъ—такое ничтожество... Теперь мужъ ничего не можетъ надъ ней, ровно ничего. Еще много двѣ недѣли—она опять подумала о смерти отца—и ея слѣдъ простылъ.

И нисколько ей не страшно скрыться отсюда. „Скандалъ!“ закричать всѣ въ городѣ. Быть на линіи прокурорши и жить домою, считаться самой красивой молодой дамой—и вдругъ бѣжать... Съ вѣмъ?.. Про ея связь врядъ-ли кто знаетъ. Можетъ быть, догадывается одна пріятельница... Сочтутъ за тайную нигилистку. Нарочно, молъ, влюбила въ себя судебного чиновника, вывѣдала отъ него какія-нибудь тайны и убѣжала за границу. Про то, какъ она живетъ съ нимъ, конечно, говорятъ въ городѣ, знаютъ, что онъ игрокъ, но думаютъ, должно быть, что она до сихъ поръ влюблена въ него; жалѣютъ, пожалуй, или называютъ „дурой“. Она въ послѣднюю зиму мало выѣзжала, была всего на двухъ-трехъ вечерахъ въ клубъ, ухаживателей не поощряла, по цѣлымъ недѣлямъ сидѣла одна. Да и какая охота приглашать кого-нибудь? Северъ Львовичъ начнетъ каждый разъ умищать, гримасы строить, колкости говорить, показывать, какой онъ джентльменъ и какая она „мужичка“ и „моветонка“. Въ первый годъ она еще терпѣла, а съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтила Теркина, не желала выносить этихъ „фасоновъ“.

И съ той самой поры она считаетъ себя гораздо честнѣе. Нужды нѣтъ, что она вела больше года тайныя сношенія съ чужимъ мужчиной, а теперь и отдалась ему,—все-таки она честнѣе. У нея есть для кого жить. Всю свою душу отдала она Васѣ,

вѣрить въ него, готова пойти на что угодно, только бы онъ шелъ въ гору. Эта любовь замѣняла ей все... Ни колебаній, ни страха, ни вопросовъ, ни сомнѣній!..

И вдругъ она запѣла вполголоса на самомъ крутомъ подъемѣ дамбы:

„О, люби меня безъ размышленья,
Безъ тоски, безъ думы роковой!“

Давно она выучила этотъ романсъ, на слова Майкова, еще въ гимназіи. Сейчасъ же заметалась передъ ней вся обстановка того ужина съ цыганами, гдѣ она впервые увидала Васю.

Ея родной городъ, въ ту минуту пустой и дремотный, приучилъ ее, съ дѣтства, къ разговорамъ о чувствахъ и любовныхъ исторіяхъ... Въ немъ—въ его лѣтнихъ гуляньяхъ, въ жизни большой рѣки, въ военныхъ стоянкахъ, въ пивницахъ зимой, въ опереткѣ—было что-то тайно-гульливое. Въ здѣшнихъ женщинахъ рано сказывается характеръ, независимость рѣчи и замашекъ. Какъ она сама грубила всѣмъ, лѣтъ съ двадцати!.. Сколько было у нея маленькихъ романовъ съ гимназистами! Какихъ „дѣловъ“ слышала она въ тотъ же возрастъ, въ родѣ убійства одного извѣстнаго кутилы офицеромъ, въ притонѣ... И она знала—*именно*.

Вотъ она какая была „гадкая дѣвчонка“, хоть и не хуже другихъ.

А теперь она вся трепетала и рвалась къ тому, кто взялъ ее на жизнь и смерть. И выходило, что она теперь какъ будто честнѣе!

XXIV.

Долго пришлось Серафимѣ ждать возвращенія мужа изъ клуба. Захаръ поѣхалъ за нимъ къ двѣнадцати.

Цѣлый часъ просидѣла она за пьянино. На нее нашла неудержимая потребность пѣть.

Но сначала она раздѣлась, поспѣшно побросала все на полъ и на свою кровать. Горничная, съ маслистымъ лицомъ, бродила какъ сонная муха.

Она дала на нее окрикъ.

— Положи капоть и ступай!.. Ты мнѣ надоѣла, Оenea!

Спальня была угловая комната въ четыре окна. Два изъ нихъ выходили на палисадникъ. Домъ — деревянный, новый, съ крыльцомъ, стоялъ на спускѣ въ котловину, въ тихой улицѣ, по дорогѣ къ кладбищу.

Большая тишина обволакивала его ночью... Изрѣдка трещотка ночного сторожа засвербитъ справа, и звукъ надоѣдливо простойтъ въ воздухѣ съ минутой, и потомъ опять—мертвая тишина. Даже гулъ пароходныхъ свистковъ не доходитъ до нихъ.

Когда Серафима надѣла капоть—голубой, съ кружевомъ, еще изъ своего приданаго — и подошла къ трюмо, чтобы распустить косу, она, при свѣтѣ одной свѣчи, стоявшей на ночномъ столикѣ между двумя кроватями, глядѣла на отраженіе спальни въ зеркалѣ и на свою свѣтлую, рослую фигуру, съ обнаженной шеей и полуоткрытыми руками.

Въ этой спальнѣ прошла ея замужняя жизнь. Все въ ней было ея—данное за ней изъ родительскаго дома. Обѣ орѣховыя кровати, купленные на ярмаркѣ въ Нижнемъ у московскаго мебельщика Соловьева съ „Усытрѣтенки“, какъ произносила ея мать; вотъ это трюмо—оттуда же, коверъ, кисейныя шторы, отдѣлка мебели изъ „морозовскаго“ кретона, съ восточными разводами... И два золоченныхъ стульчика въ углу, около палецъ. Къ пальцамъ она не присаживалась съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ.

Тутъ, въ этомъ супружескомъ покоѣ, она стала умиѣть. Съ каждымъ мѣсяцемъ обнажалась передъ ней личность ея „благовѣрнаго“. Не долго тщеславіе брало въ ней верхъ надъ способностью оцѣнки. Да и не очень-то она преклонялась, даже когда выскочила за него замужъ, предъ его „бѣлой костью“. Мужчины, по теперешнимъ временамъ, всѣ равны передъ неглупой и красивой молодой женщиной. Не то что она — все-таки дочь почтенныхъ людей, по мѣстному купечеству, гимназистка съ медалью—какая-нибудь дрянъ, потаскушка, гладишь, влюбить въ себя перваго въ городѣ богача или челоѣвка въ чинахъ, дворянина съ титуломъ и помыкаетъ имъ, какъ собачонкой. Мало развѣ она знаетъ такихъ исторій?

И ничего-то въ ея жизни съ Северомъ Львовичемъ не было душевнаго, такого, что ея дѣлало бы чище, строже къ себѣ. Добрѣе къ людямъ, что закрѣпляло бы въ сердцѣ связь съ челоѣкомъ, если не страстно любимымъ, то хотя съ такимъ, котораго считаешь выше себя.

Она стала портиться. Въ дѣвушкахъ у нея были порывы, всякія благородныя мысли, жалость, способность отливаться на горе, на бѣду. И было время—она втайнѣ завидовала этой самой Калеріи. И ее днями влекло куда-нибудь, гдѣ есть большое дѣло, на которое стоитъ положить всю себя—коли нужно и пострадать.

Съ мужемъ все это вышло у нея, ровно червякъ какой сточилъ. Не полюби она Васи—что бы изъ нея вышло?

„Гулящая бабенка!“ — почти вслухъ выговорили ея губы въ ту минуту, когда правой рукой Серафима приподняла тяжелую косу, взявъ ее у корней волосъ, и сильнымъ движеніемъ перекинула ее черезъ плечо, чтобы освѣжить лицо.

Оо свѣчей въ рукахъ прошлась она потомъ вдоль всѣхъ трехъ комнатъ, узковатой столовой и гостиной, такой же угловой, какъ и спальня, но больше на цѣлое окно.

Не жаль ей этого домика, хотя въ немъ, благодаря ея при-
смотру, все еще свѣжо и нарядно. Опрятность принесла она съ собою изъ родительскаго дома. Въ кабинетъ мужа, по ту сторону передней, только слава, что „шикарно“, — подумала она ходячимъ словомъ ихъ губернскаго города, — а ни къ чему прикоснуться нельзя: пыль, все кое-какъ поставлено и положено. Но Северъ Львовичъ не терпитъ, чтобы перетирали его вещи, дотрогивались до нихъ... Онъ называетъ это: „разночинская чистоплотность“.

Нѣтъ, не жаль ей ничего въ этомъ домикѣ. Жаль одного только—годовъ, проведенныхъ безъ любви, въ постыломъ сожительства.

„Хуже всякой адвокатской содержанки!“ — гнѣвно подумавъ она, поставила свѣчу на пьянино, подняла крышку и нѣсколько разъ прошлась по гостиной взадъ и впередъ. — „Разумѣется, хуже содержанки!“ — повторила она. Содержанку любятъ для нея самой, тратятся на нее, хоть и не уважаютъ ее, зато изъ-за нея обманываютъ женъ, попадаютъ часто въ уголовщину, рѣжутся, отравляются... А она?.. Только и есть утѣшеніе, что Северъ Львовичъ не завелся еще никѣмъ на сторонѣ. Оттого, конечно, что у него, какъ у игрока, всѣ другія страсти вышло. Да и случая не представлялось. Его никто не любитъ; онъ вездѣ держитъ себя чванно, съ азвой, все какъ-то ежится, когда разговариваетъ съ губернскими дамами, всѣмъ своимъ тономъ показываетъ, что онъ—настоящій баринъ, правовѣдъ, сенаторскій сынъ и принужденъ жить въ трущобѣ, среди разночинцевъ и ихъ *самоз*—его любимое слово. И какая въ этомъ сладость, что онъ ее ни на кого не промѣнялъ, даже если бъ она и любила его?.. Она до сихъ поръ ему не противна. Есть у него дома женщина, ничего ему не стоитъ, ея деньги всѣ ушли на него же. Шутка! Безъ малаго тридцать тысячъ!

Эта цифра зажглась въ ея головѣ, какъ огненная точка. Васѣ нужно какъ-разъ столько. Даже меньше!.. Будь у нея въ

ящикѣ или въ банкѣ такіа деньги, она ушла бы съ нимъ, вотъ сейчасъ уложилась бы, послала бы Оеню за извозчикомъ и — прямо бы на пароходъ или на желѣзную дорогу, съ ночнымъ поѣздомъ.

Почему не встрѣтила она Васю четыре года назадъ? И свободна была, и деньги были, и любовь бы настоящая, безповоротная погнала ее подъ вѣнецъ, а не самолюбивая блажь дѣвочки, удостоенной ухаживанія барича-правовѣда.

Щеки Серафимы пылали. Ей стало нестерпимо-противно на самое себя. Бранныя слова готовы были соскочить съ ея разгоряченныхъ красныхъ губъ.

И также нестерпимо-жалко сдѣлалось Васи. Онъ, бѣдный, долженъ теперь биться изъ-за двадцати тысячъ. Скорѣе всего, что не достанетъ... Или впутается въ долгъ за жидовскіе проценты.

Она сѣла у пьянино, порывисто, чтобы освободить себя отъ наплыва горечи, и взяла нѣсколько сильныхъ аккордовъ.

Что было, то прошло! Онъ ее любить... Она ему принадлежитъ! Чего же больше? Еще недѣля, двѣ — и не будетъ ея въ этихъ постылыхъ комнатахъ.

Она запѣла вдругъ тотъ цыганскій романсъ, который помогъ имъ сойтись съ первой же встрѣчи: „Коль счастливъ я съ тобой бываю“... Это она за него поетъ, за Васю... И словъ ей не нужно, — слова глупыя и старомодныя, — довольно одной мелодіи.

Много, много разъ повторила она одинъ мотивъ... Потомъ запѣла другой романсъ, на тѣ слова, что она начала вслухъ произносить, когда ея пролетка поднималась наверхъ дамбы:

„О, люби меня безъ размысленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой!“

Она вспомнила не одни эти два стиха, а и дальше — всѣ куплеты. Какъ только кончился одинъ куплетъ, въ головѣ сейчасъ выскакивали первыя слова слѣдующаго — точно кто ей ихъ подсказывалъ. Она даже удивилась... Спроси ее, знаетъ ли она это стихотвореніе Майкова — она отвѣтила бы, что дальше двухъ первыхъ стиховъ врядъ ли пойдетъ...

Когда въ горлѣ сказалась усталость, Серафима посмотрѣла на часы въ столовой — было половина двѣнадцатаго — и опять она заходила уже вдоль всѣхъ трехъ комнатъ... Двѣ стояли въ темнотѣ.

Послѣ возбужденія, улегшагося за пьянино, голова заработала спокойнѣе, въ виду послѣднихъ рѣшительныхъ вопросовъ.

Зачѣмъ бѣжать? Почему не сказать мужу прямо: „не хочу

съ тобой жить, люблю другого и ухожу къ нему?" Такъ будетъ прямѣе и выгодиѣе. Всѣ стануть на ея сторону, когда узнаютъ, что онъ проигралъ ея состояніе. Да и не малое удовольствіе—кинуть ему прямо въ лицо свой приговоръ. „А потомъ довести до развода и обвиняться съ Васей... Нынѣ такой исходъ—самое обыкновенное дѣло. Не Богъ знаетъ чтѣ и стоить—какихъ-нибудь три, много четыре тысячи!“—подумала Серафима.

„Какъ бы не такъ! Отпустить онъ по доброй волѣ! Дать онъ разводъ! И чтобы на себя вину взять—ни за что! Въ немъ крючкотворецъ сидитъ, законникъ, сыщикъ, „представитель общественной совѣсти“, какъ онъ величаетъ себя. Да и не хочетъ она „по честному“—ей припомнились слова отца—уходить отъ него. Онъ этого не стоитъ... Пускай ни о чемъ не догадывается въ своемъ самодовольствѣ и чванномъ самообожаніи. На тебѣ любила два года, ѣздила на свиданія въ Нижній, здѣсь видалась, у тебя подъ носомъ, и ушла, оскрамила тебя больше, чѣмъ самое себя“...

Серафима начала громко шептать.

И ни разу ей не представился вопросъ: „а поймаетъ и вызоветъ по этапу?“

XXV.

Пробило и двѣнадцать. Она не слыхала боя часовъ.

Не раздѣваясь, прилегла она на кушетку въ гостиной и задремала. На пьянино догорала свѣча.

Обыкновенно она ложилась часу въ первомъ и не ждала мужа. Онъ возвращался въ два, въ три. И сегодня Захаръ будетъ его ждать, пожалуй, до разсвѣта. Если Северъ Львовичъ проигрался, онъ раздѣнется у себя въ кабинетъ, на цыпочкахъ войдетъ въ спальню и ляжетъ на свою постель такъ тихо, что она почти никогда не проснется. Но чуть только ему повезло—онъ входитъ шумно, непременно разбудить ее, начнетъ хвалиться выигрышемъ, возбужденно забрасывать ее вопросами, выговаривать ей, что она сонная...

Серафима сначала задремала, потомъ крѣпко заснула. Ее разбудилъ звонокъ въ передней.

Она раскрыла глаза и сразу не могла распознать, гдѣ лежить и какой часъ дня. Въ два окна, выходившія на дворъ, вливался уже отблескъ утренней зари; двена, по уличному фасаду, были закрыты ставнями. Въ гостиной стоялъ двойственный свѣтъ.

Съ кушетки ей. видна была дверь въ сѣни... Позвонили еще разъ. Заспанная Оеия отворила наконецъ. Северъ Львовичъ вошелъ и крикнулъ горничной:

— Сколько разъ надо звонить?

„Проигрался“, сказала Серафима про себя. Сонъ совсѣмъ отлетѣлъ, и она сообразила, что уже свѣтаетъ.

Она, еще не поднимаясь съ кушетки, продолжала издали смотрѣть на мужа, пока Оеия стаскивала съ него свѣтло-гороховое, очень короткое пальто на шолковой полосатой подкладкѣ. Шляпу, свѣтлую же, онъ также отдалъ горничной.

На лицо его падало довольно свѣту изъ окна передней—лицо моложаво-обрюзгое, овальное, бритое, кромѣ длинныхъ и тонкихъ усовъ; что-то актерское было въ этомъ лицѣ, въ глазахъ съ опухлыми вѣками, въ прямомъ, короткомъ носѣ, въ гримасѣ рта. Онъ одинъ во всемъ городѣ вставлялъ въ лѣвый глазъ моновль. Темнорусые волосы замѣтно рѣдѣли на головѣ.

Такой же моложавый, сухой и малорослый станъ въ двубортной синей разстегнутой визиткѣ, изъ-подъ которой выглядывалъ бѣлый жилетъ. На ногахъ—красно-желтые башмаки, тоже единственные въ городѣ.

Ему на видъ казалось за-тридцать.

„Проигрался!“—рѣшила еще разъ Серафима и, не притворяясь спящей, лежала въ той же полусогнутой позѣ.

— Вы здѣсь?.. Съ какой стати, а?

Голосъ его, слегка въ носъ и вздрагивающій, непріятно прошепслся по ея нервамъ.

— Надѣюсь, меня не ждали?

Опять этотъ ненавистный, отрывистый говоръ затрещалъ, точно ломающаяся сухая скорлупа гороховыхъ стручьевъ.

Мужъ приучалъ жену въ хорошему тону, былъ съ ней на „вы“ и только въ самыхъ интимныхъ разговорахъ переходилъ на „ты“. Она привыкла называть его „Северъ Львовичъ“, и „ты“ не говорила ему больше года, съ поѣздки своей на ярмарку.

— Тагъ, заснула...

Серафима сладко потянулась и свои бѣлыя обнаженные руки загнула за спину. Одна нога въ атласной черной туфлѣ съ цвѣтнымъ бантомъ свѣсилась съ кушетки. Мужъ ея возбужденно прошелся по гостиной и щелкнулъ нѣсколько разъ языкомъ. Съ этой, противной для нея, привычкой, она не могла помириться.

— Который часъ?—лѣниво и глухо спросила она.

— Не знаю... видите, свѣтаетъ.

И онъ засмѣялся короткимъ и высокимъ смѣхомъ, чего съ нимъ никогда не бывало.

„Должно быть, здорово обчистили его!“ — выговорила она про себя.

— Неужели все время въ клубъ?

И этотъ вопросъ вышелъ у нея лѣниво и небрежно.

— Сначала... да. А потомъ... у этого прїѣзжаго инженера.

— Какого?

„Очень мнѣ нужно знать!“ — добавила она мысленно.

— Ахъ, Боже мой. Я вамъ говорилъ. Несвиѣцкій... Запржецкій. Полачишко!.. Шулеръ!..

Онъ сдержалъ свое раздраженіе, откинулъ бортъ визитки на одинъ бокъ, засунулъ большой палецъ за выемку жилета и сталъ, нервно закинувъ голову.

— Несомнѣнный шулеръ!.. И этакихъ мерзавцевъ въ клубъ пускають!

— Вы зачѣмъ же съ нимъ сѣли?

— Развѣ это написано на лбу?.. Игра вдвоемъ.

— Въ пикетъ?

— Нѣтъ, въ палки.

— Колоду подмѣнилъ?

„И зачѣмъ я съ нимъ разговариваю? — подумала она. — Какое мнѣ дѣло? Чѣмъ больше продулся, тѣмъ лучше“.

Когда она говорила, мысленно у ней выскакивали рѣзкія, неизящныя слова.

— Въ клубъ... нѣтъ, это невозможно! — онъ заходилъ, все еще съ большимъ пальцемъ въ выемкѣ жилета: — нѣтъ, у себя, въ номеръ..

— Ловко! — вырвалось у нея такимъ безцеремоннымъ звукомъ, что Рудичъ вскинулъ на нее свой монокль: — значитъ, въ нему отправились?..

— Нельзя было... Ты понимаешь. Я былъ въ такомъ проигрышѣ.

Онъ незамѣтно для себя сталъ говорить ей „ты“.

— На сколько же?

— На очень значительную сумму. На очень!..

— Совѣстно выговорить, небось?

Такого тона Северъ Львовичъ еще не слыхалъ отъ жены.

Въ другое время онъ остановилъ бы ее однимъ какимъ-нибудь движеніемъ перекошеннаго рта, а тутъ онъ только выкинулъ монокль изъ орбиты глаза и быстро присѣлъ на кушетку, такъ быстро, что она должна была подвинуться.

— Серафима, ты понимаешь... теперь для меня, въ такую минуту... на дняхъ должна придти бумага о моемъ назначеніи...

— И вы еще больше спустили?

Сквозь свои пушистыя рѣсницы, съ вѣками немного покраснѣвшими отъ сна, она продолжала разглядывать мужа. Неужели эта дрянъ могла командовать ею, и она по доброй волѣ подчинялась его фанаберіи и допустила себя обобрать до нитки?.. Ей это казалось просто невозможнымъ. И вся-то его фигура, и актерское одутлое лицо такъ мизерны, смѣшны. Просто взять его за плечи и вытолкать на улицу—большаго онъ не заслуживаетъ. Никакихъ уколовъ совѣсти не чувствовала она передъ нимъ—даже не вспомнила, ни на одно мгновеніе, что она—невѣрная жена, что этотъ человѣкъ въ правѣ требовать отъ нея супружеской вѣрности.

Онъ провелъ бѣлой, барской ладонью по своей лысющей головѣ и почесалъ затылокъ.

— Словомъ... мой другъ... это экстраординарный проигрышъ. Я могъ бы, какъ... представитель, ты понимаешь... судебной власти... арестовать этого негодая. Но нужны доказательства...

— Не дурно было бы!—перебила она.—Самъ же играть до пѣтуховъ у шулера, и самъ же арестовать его явился... ха, ха!

Такого смѣха жены Рудичъ еще никогда не слыхивалъ.

— Ты пойми—онъ взялъ ее за руку и примостился къ ней ближе—ты должна войти въ мое положеніе...

— Да сколько спустили-то?

— Сколько, сколько!..

— Тысячу или больше?

— Тысячу!.. Какъ бы не такъ! Подымай выше!..

Онъ самъ соскочилъ съ своего обычнаго тона.

— Ну, и что-жъ?

Этотъ возгласъ Серафимы заставилъ его взять ее за талію, прилечь головой къ ея плечу и прошептать:

— Спаси меня!.. Серафима! Спаси меня!.. Попроси у твоего отца. Подѣйствуй на мать. Ты это сдѣлаешь. Ты это сдѣлаешь!..

Его губы потянулись къ ней.

— Никогда!..—выговорила рѣзко и твердо Серафима и оттолкнула его обѣими руками.

— Ты съ ума сошла?

Онъ чуть было не упалъ.

— Отправляйтесь спать!

И когда онъ опять протянулъ къ ней обѣ руки со слащавой гримасой брезгливаго рта, она отдалила его колѣнными и однимъ движеніемъ поднялась.

У дверей столовой она обернулась, стала во весь ростъ и властно прокричала:

— Не смѣйте ко мнѣ показываться въ спальню! Слышите!.. Ни спасать васъ, ни жить съ вами не желаю! И стращать меня не извольте. Хотя сейчасъ пулю въ лобъ... на здоровье! Но ко мнѣ ни ногой! Слышите!

Она пробѣжала черезъ столовую въ спальню, захлопнула дверь и звонко повернула ключъ.

И когда она, отъ стремительности, почти упала на край своей кровати, то ей показалось, что она дала окрикъ прислугѣ или какому-нибудь провинившемуся мальчишкѣ, котораго запрутъ въ темную и высѣкутъ...

XXVI.

Теркинъ шелъ по тропѣ мимо земляныхъ подваловъ, гдѣ хранился керосинъ, къ конторѣ, стоявшей подальше, у самой „балки“, на спускѣ къ берегу.

Солнце пекло.

Онъ былъ весь одѣтъ въ парусинѣ; впереди его шагала молодой, сухощавый брjunетъ въ свѣтлой ластиковой блузѣ, шолковомъ картузѣ и большихъ сапогахъ; это и былъ главный техникъ на химическомъ заводѣ Усатина, того „благопріятеля“, у котораго Теркинъ надѣялся сдѣлать заемъ.

Сегодня утромъ онъ не засталъ его въ усадьбѣ. Усатинъ уѣхалъ въ городъ, за двадцать верстъ, и его ждали къ обѣду. Онъ долженъ былъ вернуться прямо въ контору.

Туда они и шли съ Дубенскимъ—такъ звали техника съ завода изъ-за Волги. Тотъ также пріѣхалъ по дѣлу. И у него была „большая спѣшка“ видѣть Арсенія Кирилыча.

Усатинъ наѣзжалъ одинъ въ эту приволжскую усадьбу, гдѣ когда-то онъ сосредоточилъ торгъ керосиномъ. Семейство его проживало съ конца зимы гдѣ-то за границей.

Теркина принялъ нарядчикъ. Онъ еще помнитъ его съ того времени, когда самъ служилъ у Арсенія Кирилыча; его звали Верстаковъ; ловкій, немножко вороватый малый, употреблявшійся больше для разъѣздовъ, уже пожилой.

Верстаковъ ему обрадовался и повелъ его сейчасъ же наверхъ, гдѣ помѣщаются комнаты для гостей.

— Надолго къ намъ, Василій Ивановичъ?—спросилъ онъ его тономъ двороваго.

Прежде онъ держался съ нимъ почти какъ равный съ равнымъ.

На его вопросы о хозяйствѣ, его дѣлахъ, новыхъ предпріятіяхъ и планахъ Верстаковъ отвѣчалъ отрывочно, съ особеннымъ поворотомъ головы въ сторону, видимо съ умышленной сдержанностью.

Но Теркинъ не хотѣлъ допытываться; только у него что-то внутри защемило. Какъ будто въ уклончивыхъ отвѣтахъ Верстакова онъ почуялъ, что Усатинъ не можетъ быть настолько при деньгахъ, чтобы дать ему двадцать тысячъ, хотя бы и подъ залогъ его „Батрака“, а крайній срокъ взноса — много черезъ десять дней, да и то еще съ „недохваткой“. Остальное ему повѣрять подъ вексель до будущей навигаціи.

Тамъ же, въ усадьбѣ, дожидался Усатина и его техникъ или „делѣатуръ“, какъ называлъ его Верстаковъ. Они другъ другу отрекомендовались, за чаемъ.

Дубенскаго онъ сразу опредѣлилъ: навѣрно изъ „технологическаго“, съ большимъ гоноромъ, идей самыхъ передовыхъ, — можетъ, уже и побывъ гдѣ-нибудь, въ мѣстахъ „отдаленныхъ“, — нервный, на все долженъ смотрѣть ужасно серьезно, а хозяйское дѣло считать гораздо ниже дѣла „меньшей братіи“.

Такъ выходило, по соображеніямъ Теркина, изъ повадки и наружности техника: лицо подвижное, подслѣповатъ, волосы длинные, борода плохо растетъ, говоритъ жидкимъ теноромъ, отрывисто, руками то обдергиваетъ блузу, то примется за бородку. О пріятномъ тонѣ, объ умѣннѣ попасть въ ноту съ чужимъ человѣкомъ онъ заботится всего меньше.

За чаемъ Теркинъ узналъ отъ него, что Усатинъ долженъ тотчасъ же отправиться въ Москву, — можетъ быть, не успѣетъ даже переночевать.

— Вамъ по какому дѣлу? — спросилъ Дубенскій, тревожно поглядѣвъ на него и, не дождавшись отвѣта, добавилъ быстро: — я вѣдь такъ спросилъ... понимаете... Можетъ... какое свѣденіе нужно... по заводу?

— Нѣтъ, я по другимъ статьямъ, — отвѣтилъ Теркинъ съ усмѣшкой.

Малый ему скорѣе нравился, но прямо ему говорить: „я, молъ, заемъ пріѣхалъ произвести“ — онъ не считалъ умѣстнымъ. Лучше было вести разговоръ такъ, чтобы самъ „интеллигентъ“ распоясался.

— Распирили дѣло на заводѣ? — освѣдомился онъ добродушно, небрежнымъ тономъ, какъ человѣкъ, которому обстоятельства Усатина давно извѣстны. — Вѣдь Арсеній Кирилычъ хотѣлъ, помнится

мнѣ, сосѣднюю лѣсную дачу заполучить и еще корпусъ вывести для разныхъ спеціальныхъ производствъ?

— Пѣтъ, дача не куплена... и все по старому... даже сокращено дѣло...

Техникъ тыкалъ папиромъ въ пепельницу, говоря это.

— Что-жъ? Охлади́лъ патронъ, или сбытъ не тотъ противъ прежняго?

— Разныя причины... понимаете... въ другую сторону были направлены главные интересы. Арсеній Кирилычъ — человекъ, какъ вамъ извѣстно, увлекающійся.

— Еще бы!

— Да и конкуренція усилилась. Прежде, въ этомъ районѣ, едва ли не одинъ всего заводъ былъ, а нынче... расплодился. И подвозъ... по новымъ чугункамъ...

— Такъ, такъ!

Слушая техника, Теркинъ изъ-за самовара вглядывался въ него.

„Вѣдь тебя, *пѣря*, — по-мужицки думалъ онъ: — что-нибудь можить... также нетерпящее... въ чемъ твоя подоплека замѣшана. И тебѣ предстоитъ крупный разговоръ съ патрономъ“...

Ему стало его вдругъ жаль, точно онъ его давно знаетъ, хотя онъ могъ бы быть недоволенъ и помѣхой лишняго человека, и тѣмъ, что этотъ „делѣктуръ“ разстроенъ. Конечно, дѣло, по которому онъ прѣхалъ — денежное и непріятное.

Стало быть, есть разныя замѣнки въ оборотахъ Арсенія Кирилыча... Почему же онъ самъ-то такъ вѣрить, что у него легко перехватить крупноватый кушъ? Вѣдь не на обумъ же онъ дѣйствовалъ?.. Не малый младенецъ. Не свистунъ какой-нибудь!

Не дальше какъ по веснѣ онъ видѣлся съ Усатинымъ въ Москвѣ, въ „Славянскомъ Базарѣ“, говорилъ ему о своемъ „Батракѣ“, намекалъ весьма прозрачно на то, что въ концѣ лѣта обратится къ нему.

И тотъ ему отвѣтилъ, похлопавъ по плечу:

— Весьма радъ буду, Теркинъ, поддержать васъ... Напомните мнѣ мѣсяца за два... письмомъ.

Онъ и напомнилъ. Правда, отвѣта не получилъ, но это его тогда не смутило. А весной, когда они встрѣтились въ Москвѣ, Усатинъ „оборудовалъ“ новое акціонерное дѣло по нефтяной части и говорилъ о немъ съ захлебываніемъ, приводилъ цифры, безъ хвастовства упоминалъ о дивидендѣ въ двадцать-три процента, шутя предлагалъ ему нѣсколько акцій „на разживу“, и Теркинъ ему, также шутя, сказалъ на прощанье:

— Мнѣ теперь, Арсеній Кирилычъ, всякій грошъ дорогъ. Дайте срокъ, ежели Волга-матушка не подкузьмать, на первыхъ же рейсахъ и подѣлитесь тогда малой толикой вашихъ акцій.

Что говорить, человѣкъ онъ „рисковый“, всегда разбрасывался, новую идею выдумаетъ и кинется впередъ на всѣхъ парахъ, но сметки онъ и знаній—огромныхъ, кредитомъ пользовался, по всей Волгѣ, громаднымъ; самые прожженные кулаки вѣрили ему на-слово. „Усатинъ себя заложить, да отдасть въ срокъ“—такая прибаутка сложилась про него давнымъ-давно.

Къ тому же Арсеній Кирилычъ самъ когда-то пострадалъ, посидѣлъ малую толику за свое „направленіе“. Онъ не въ дѣльцы себя готовилъ, а по ученой части; ходилъ въ народъ, хотѣлъ всю свою душу на него положить и въ скоромъ времени попался. Это его на другую дорогу повернуло. Черезъ пять, десять лѣтъ, онъ уже гремѣлъ по Волгѣ, ворочалъ оборотами въ сотни тысячъ. А все въ немъ старая-то закваска не высыхала: въ молодежи льнулъ, ходъ давалъ тѣмъ, кто, какъ Теркинъ, съ волчьимъ паспортомъ выгнанъ былъ откуда-нибудь, платилъ за бѣдныхъ учащихся, поддерживалъ въ двухъ земствахъ все, что дѣлалось толкового на пользу трудового люда.

Усатинъ приласкалъ Теркина, приставилъ къ отвѣтственному дѣлу; а когда представилась служба крупнѣе и доходнѣе, опять по желѣзнодорожной части, онъ самъ ему все схлопоталъ и, отпуская, наставилъ:

— Смотрите, Теркинъ! Подъ вашей командой перебивается тысяча рабочихъ. Не давайте, насколько можете, эксплуатировать ихъ, гноить подъ дождемъ, въ шалапахъ, кормить вонючей союниной и ржавой судачиной да жидовски обчитывать!

Тогда Теркину даже не очень нравилось, что Усатинъ такъ носится съ мужиками, съ рабочими, часто прощаетъ тамъ, гдѣ слѣдовало строго взыскать. Но его уваженіе къ Арсенію Кирилычу все-таки росло съ годами — и къ его высокой честности, и къ „башкѣ“ его, полной всякихъ замысловъ, одинъ другого удачнѣе.

Правда, начали до него доходить слухи, что Усатинъ „зарывается“... Кое-кто называлъ его и „прожекторомъ“, предсказывали „крахъ“, и даже про его акціонерное общество стали поговаривать какъ-то странно. Не дальше, какъ на дняхъ, въ Нижнемѣ, на ярмаркѣ, у Никиты Егорова въ трактирѣ привелось ему прислушаться къ одному разговору за сосѣднимъ столомъ...

Можетъ быть, Усатинъ и зарвался. Только скорѣе онъ въ трубу

вылетить, чѣмъ измѣнить своимъ правиламъ. Слишкомъ онъ для этого гордъ... Такіе люди не гнутся, а ломаются, даромъ что Арсеній Кирилычъ на видъ мягкій и покладистый.

XXVII.

Подходя въ конторѣ, Дубенскій обернулся и, защищаясь ладонью отъ палящаго солнца, спросилъ:

— Не хотите ли въ садикѣ посидѣть? Тамъ и тѣнь есть.

— И весьма... Можетъ, ждать Арсенія Кирилыча долго придется, — возбужденно отозвался Теркинъ.

Они уже были у забора.

— Къ полудню долженъ быть.

Техникъ отворилъ дверь въ палисадникъ и впустилъ перваго Теркина. Контора — бревенчатый новый флигель съ зеленой крышей — заднимъ фасомъ выходила въ палисадникъ. Противъ крылечка стояла купа тополей. По обѣимъ сторонамъ лѣсени пустили раскидистую зелень кусты сирени и бузины.

— Да вотъ на лѣсенкѣ посидимъ, — сказалъ Теркинъ. — Тутъ всего прохладнѣе. Здоровая же нынче жара! Какъ думаете, градусовъ чуть не тридцать на припекѣ?

— Около того... Не угодно ли?

Техникъ протянулъ ему свою папиросницу.

— Много благодаренъ... Какъ васъ по имени-отчеству?

— Петръ Ивановъ...

Съ лица Дубенскаго не сходило выраженіе ущемленности. Теркину еще больше захотѣлось вызвать его на искренній разговоръ; да, кажется, это и не трудно было.

— Въ Москву депешей что-ли требуютъ Арсенія Кирилыча? — спросилъ онъ умышленно-небрежнымъ тономъ и выпустилъ дымъ папиросы въ бокъ, не глядя на Дубенскаго, сѣвшаго ниже его одной ступенькой.

— Три телеграммы пришли... Одна даже на мое имя... Потому я и знаю... Первые двѣ получены съ нарочнымъ, вчера еще.

— Да вѣдь Арсеній Кирилычъ въ городѣ?..

— Отъ насъ станція ближе... Оттуда прямо посылаютъ...

— Значить, приспичило?

Дубенскій взглянулъ на него съ наморщеннымъ лбомъ и выговорилъ слегка дрогнувшимъ звукомъ:

— Все по обществу... этому.

— По какому? По нефтяному дѣлу?

— Именно.

— Въ правленіи, поди, чего натворили? Кассиръ съжалъ али что? По нынѣшнему времени—это самый обыкновенный сюр-призъ.

— Нѣтъ... видите ли...

Техникъ снялъ картузь и отеръ платкомъ потъ съ високаго, уже морщинистаго лба.

— Да вы, Петръ Ивановичъ, не думайте, пожалуйста, что я у васъ выпытываю. Ни Боже мой!.. Въ дѣловые секреты вѣд-раться не хочу... Но вамъ уже извѣстно, что я у Арсенія Ки-рилыча служилъ, много ему обязанъ, безусловно его почитаю. Слѣдственно, къ его интересамъ не могу быть равнодушень.

Глаза Теркина загорѣлись, и онъ, обернувшись къ технику всѣмъ лицомъ, говорилъ теплыми нотами.

Тотъ накрылся, сдѣлалъ громкую передышку и вытянулъ ноги.

— Вы ничего не читали въ газетахъ?—неуверенно и опять съ приподнятой бровью спросилъ онъ.

— Да я больше недѣли и газеты-то въ рукахъ не держалъ. Все на пароходахъ обитаюсь, вверхъ и внизъ.

— Тогда, конечно...

„Не рѣчишь ты, милый другъ“,—подумалъ Теркинъ.

— А вѣшто что-нибудь такое есть? Травля какая... Набать забили?

— Именно, именно... И такъ неожиданно. Подняли тревогу... Письма... Обличенія... Угрозы...

— Угрозы? Чѣмъ же стращаютъ и по какому поводу?

— Это... сложно... долго рассказывать... разумѣется, въ каж-домъ акціонерномъ предпріятіи—щеки Дубенскаго начали крас-нѣть и глаза забѣгали—какою цѣлью задаются?.. На что дѣй-ствуютъ?.. На буржуазную алчность. Дивидендъ! Вотъ приманка!

— А то какже?

Вопросъ Теркина прозвучалъ вѣско и серьезно.

— Да развѣ трудовымъ людямъ,—еще нервнѣе спросилъ Ду-бенскій:—вотъ такимъ хоть бы, какъ вы и я, слѣдуетъ откарм-ливать буржуевъ?

„Ну да, ну да,—думалъ Теркинъ,—ты изъ такихъ. Не ухо-дился еще“...

— Не давать хорошаго дивиденда, — выговорилъ онъ спо-койно:—такъ и акція не поднимутся въ цѣнѣ, и предпріятіе лоп-нетъ. Это—буки-азъ—ба.

— Конечно, конечно! Буки-азъ—ба... Но есть предѣлъ...

Можно... вы понимаете... можно, по необходимости, подчиняться условіямъ капиталистическаго хозяйства.

— Какого?—переспросилъ Теркинъ.

— Капиталистическаго... понимаете... буржуйнаго... Но если перепустить мѣру и... какъ бы сказать... спекулировать на усиленные приманки—это не обходится безъ... понимаете?..

„Безъ шахеръ-махерства“,—добавилъ про себя Теркинъ.

— Понимаю,—протянулъ онъ вслухъ и сдунулъ пепелъ съ папиросы.

— Ну, вотъ, — оживленнѣе и смѣлѣе продолжалъ Дубенскій: — и надо, стало-быть, усиленно пускать въ ходъ все, что привлекаетъ буржуа.

„Экъ заладилъ,—перебилъ про себя Теркинъ:—буржуй да буржуй!“

— Это вы буржуйемъ-то вообще состоятельныхъ людей зовете?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Представителей капиталистическаго хозяйства...

— Да позвольте, Петръ Ивановичъ, вы все изволите употреблять это выраженіе—капиталистическое хозяйство... И въ журналахъ оно мнѣ кое-когда попадаетъ. Да какое же хозяйство безъ капитала?

Онъ хорошо понималъ, куда клонить Дубенскій, и самъ не прочь былъ потолковать о томъ, какъ бы надо было людямъ трудовымъ и новымъ заводить, что можно, сообща. Но его этотъ техникъ началъ раздражать болѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Такое „умничанье“ считалъ онъ неумѣстнымъ и двойственнымъ въ человѣкѣ, пошедшемъ по дѣловой части. Что хочется ему поскорѣе начать хозяйствовать — это естественно... Или общество устроить почестнѣе, такъ, чтобы каждый пайщикъ пользовался доходомъ, сообразно своей работѣ, какъ, напримѣръ, въ томъ пароходномъ товариществѣ, куда онъ самъ вступаетъ... А вѣдь этотъ Дубенскій не въ ту сторону гнетъ... Онъ навѣрно сочувствуетъ затѣямъ въ родѣ крестьянскихъ артелей изъ интеллигентовъ.

И Теркину вспомнился тутъ его разговоръ на пароходѣ съ тѣмъ писателемъ, Борисомъ Петровичемъ. Онъ ему прямо сказалъ тогда, что считаетъ такія затѣи вредными. Тамъ, въ крестьянскомъ быту, еще скорѣе можно вести такое артельное хозяйство, коли желаешь—съ дуру или отъ великаго ума—выпрягать себя въ хомутъ землепашца; а на заводѣ, на фабрикѣ, въ большомъ промысловомъ и торговомъ дѣлѣ...

Дубенскій не сразу ему отвѣтилъ.

— Не въ томъ вопросъ...—началъ онъ еще нервнѣе.—Безъ

капитала нельзя. Но на кого работать?.. Вотъ что-съ!.. У Арсенія Кирилыча были совсѣмъ другія идеи... Онъ хотѣлъ дѣлать рабочихъ участниками... вы понимаете?

— Понимаю!.. Это въ видѣ процента, что-ли?

— Именно.

— Противъ этого я не буду говорить... Но опять—не сразу же... Надо спервоначалу поставить дѣло на прочный фундамент...

— А вышло по другому, — голосъ Дубенскаго упалъ: — совсѣмъ по другому. Понадобились... я вамъ сказалъ... приемы... дѣлечества... понимаете? И въ этихъ случаяхъ можно очутиться въ сообщникахъ, не желая этого...

„Вотъ оно что!—подумалъ Теркинъ:—видно, и тебя впуталъ хозяинъ-то?“

— О чемъ же собственно въ газетахъ гвалтъ подняли? — спросилъ онъ строже и даже нахмурился.

— Миѣ, право... весьма непріятно излагать вамъ это... Конечно, тутъ есть какая-нибудь интрига...

— Подвохъ!.. Со стороны меньшинства? Или дѣйствительно проруха какая?

— Есть... къ сожалѣнію... и кое-что, похожее на правду.

— Да неужто Арсенію Кирилычу серьезные гадости предстоятъ? Преслѣдованіе?

„Неладно, неладно“, прибавилъ Теркинъ про себя, и ему стало вдругъ ясно, что онъ уйдетъ отсюда съ пустыми руками.

— Арсенія Кирилыча вызываютъ безотлагательно. Надо сейчасъ же принять мѣры.

— Онъ—ума палата... Въ разныхъ передрыгахъ бывалъ... Да къ тому же, какъ я его разумѣю, ничего безчестнаго, неблаговиднаго онъ на душу свою не возьметъ... Не такой человѣкъ.

„А почему ты знаешь?“—поправилъ онъ самого себя.

И ему захотѣлось, забывая про неудачу своей поѣздки къ Усатину, поглядѣть на то, какъ Усатинъ поведетъ себя и во что именно завязилъ онъ одну ногу... а можетъ, и обѣ.

— Очень, очень... все это прискорбно!

Возгласъ Дубенскаго отзывался большой горечью.

Теркинъ съ боку оглядѣлъ его и подумалъ:

„Какой ты техникъ, директоръ?.. Тебѣ бы лучше книжки сочинять или общежитія на евангельскій манеръ устроить“.

— Да вѣдь вы—служащій... ваше дѣло сторона. Коли вы передъ акціонерами прямо неотвѣтственны?..—спросилъ Теркинъ, нагнувшись къ Дубенскому.

— Въ настоящую минуту... весьма трудно отвѣтить вамъ... вы понимаете... весьма трудно.

XXVIII.

Загудѣвшій вдали колокольчикъ прервалъ Дубенскаго.

— Это Арсеній Кирилычъ?—спросилъ Теркинъ.

— Онъ, онъ!

Оба встали и вернулись къ наружному крыльцу съ навѣсомъ и двумя лавками.

Тамъ уже дожидалось нѣсколько человекъ мелкихъ служащихъ, всѣ въ лѣтнихъ картузахъ и такихъ же большихъ сапогахъ, какъ и Дубенскій.

— Арсеній Кирилычъ ѣдутъ, — доложилъ одинъ изъ нихъ технику и снялъ картузь.

Тотъ поблагодарилъ его наклоненіемъ головы.

— Онъ навѣрно въ конторѣ побудетъ, — сказалъ Дубенскій Теркину, пропуская его впередъ.

Справа изъ сѣней была просторная комната, въ четыре окна, отдѣланная какъ конторы въ хорошихъ сельскихъ экономіяхъ: сѣренкіе обои, нѣсколько картъ и расписаній по стѣнамъ, шкафы съ картонами, письменный столъ, накрытый клеенкой, гнутая вѣнская мебель.

Но и въ ней стояла духота, хотя всѣ окна были настежь.

— Здѣсь посидимъ или пойдѣмъ на крылечко?—спросилъ Теркинъ, не выносившій духоты.

Можно было еще кое-что повывѣдать у Дубенскаго. Но онъ не любилъ никакихъ подходовъ. Пожалуй, есть и какая-нибудь нешуточная загвоздка... Быть можетъ, и ничего серьезнаго для кредита Усатиной фирмы нѣтъ, а этотъ нервный интеллигентъ волнуется изъ-за личной своей щепетильности, разрѣшаетъ вопросъ слишкомъ тревожной совѣсти.

Но... газеты? Обличительный набатъ?.. Положимъ, у насъ клевета и диффамация—самый ходкій товаръ, и на всякое чиханье не наздравствуешься... Однако, не стали бы изъ-за однихъ газетныхъ утокъ слать три депеши сразу.

Дубенскій такъ былъ поглощенъ предстоящимъ объясненіемъ съ Усатинымъ, что не слышалъ вопроса Теркина, и заходилъ взадъ и впередъ по конторѣ.

Вопроса своего Теркинъ не повторилъ и присѣлъ къ ову, ближайшему отъ крыльца.

Черезъ двѣ-три минуты показалась коляска, въ родѣ тарантаса, на рессорахъ, слѣва, изъ-за длиннаго амбара, стоявшаго поодаль, по дорогѣ изъ уѣзднаго города.

Сажень за тридцать острые глаза Теркина схватили фигуру Усатина. Онъ ѣхалъ одинъ, съ откинутымъ верхомъ и фартукомъ, въ облакѣ темноватой степной пыли. Лошади, всѣ въ мылѣ, темнобурой масти, отлично сѣзженные, широко раскинулись своимъ фронтомъ. Коренникъ подъ темнокрасной дугой, съ двумя колокольчиками, иноходью раскачивался на крупныхъ рыскахъ; пристяжныя, посвѣтлѣе „рубашкой“, скакали головами врозь, съ длинными гривами, всѣ въ бляхахъ и ремняхъ, съ концами, волочившимися по землѣ. Молодой кучеръ былъ въ бархатной безрукавкѣ и низкой ямской шапкѣ съ перомъ.

„Ожирѣлъ, Богъ съ нимъ, Арсеній Кирилычъ, — подумалъ Теркинъ, продолжая оглядывать его. — Трехпудовый купчина... Барское обличье совсѣмъ потерялъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, Усатинъ, даже въ послѣдніе три мѣсяца—они видѣлись весной—сдѣлался еще тучнѣе. Тѣло его занимало все сидѣнье просторнаго фаятона, грузное и большое, въ чечунчовой парѣ; голова ушла въ плечи, круглая и широкая; двойной подбородокъ свѣсилъ на рубашку, борода точно повзлѣзла, такая же русая, какъ и прежде, безъ замѣтной, на разстояніи, сѣдины; только острые темносѣрые глазки прорѣзали жиръ щекъ и точечками искрились изъ-подъ крутыхъ бровныхъ орбитъ, совсѣмъ почти безъ бровей. Ротъ сохранялъ свою свѣжесть и сочность, съ маленькими зубами. На все лицо ложилась тѣнь отъ соломенной шляпы съ вуалемъ, на англійскій манеръ.

„Важно катить!—подумалъ Теркинъ, засмотрѣвшись охотники на тройку, и почувствовалъ пріятное, чисто русское ощущеніе лихости и молодечества.—Важно!.. Кабы на такихъ же полныхъ рыскахъ и во всемъ прочемъ!“

И ему захотѣлось вѣрить, что такой человѣкъ, какъ Арсеній Кирилычъ, не свихнется; что всѣ эти газетные слухи — просто „враки“, и только такой „головастикъ“ какъ Дубенскій можетъ мучиться изъ-за подобныхъ пустяковъ.

За нѣсколько шаговъ до крыльца храпъ лошадей слышался явственно, и пыль, вздымаясь высокими клубами, совсѣмъ закрыла фигуру Усатина, когда онъ подъѣзжалъ къ конторѣ.

Оба они, и Теркинъ, и Дубенскій, вышли на крыльцо.

Усатинъ грузно вылѣзалъ, опираясь на руку одного изъ служащихъ. Перваго увидалъ онъ Теркина.

— А!.. Василій Ивановичъ!.. Вы какъ?..

Овликъ, сдѣланный молодымъ, немного шепелявымъ голосомъ, показалъ Теркину, что Усатинъ забылъ про ихъ разговоръ въ Москвѣ и про то письмо, которое онъ писалъ ему, на дняхъ, извѣщая о своемъ приѣздѣ... Быть можетъ, не получилъ его...

Они поздоровались.

— Мы вотъ съ господиномъ Дубенскимъ разсудили перехватить васъ, Арсеній Кирилъчъ, по дорогѣ въ усадьбу. Пожалуй, отсюда прямо на чугунку уеатите... Васъ ждутъ депеши. Съ моимъ личнымъ дѣломъ я повременю... А письма моего вы развѣ не получили?

— Какого письма?

— Изъ Ярославля я вамъ писалъ, на той недѣлѣ?..

— Нѣтъ... Вы куда же адресовали?

— Да сюда, въ усадьбу.

— Я больше недѣли мыкаюсь...

И видя, что Дубенскій, съ нервнымъ лицомъ, переминается съ ноги на ногу, Усатинъ быстро повернулся въ его сторону и не договорилъ.

— Петръ Иванъчъ?.. У васъ, стало, что-нибудь экстренное?

— Три депеши, Арсеній Кирилъчъ. Одна была на мое имя. Вотъ онѣ.

Дубенскій вынулъ изъ кармана три телеграммы и съ дрожью въ пальцахъ подалъ ихъ.

— Изъ Москвы?—спросилъ Усатинъ.—Теркину показалось, что голосъ его дрогнулъ, и, не раскрывая телеграммъ, онъ обратился, все еще у крыльца, къ служащимъ:—вамъ тоже къ спѣху?

— Какъ же, Арсеній Кирилъчъ... — отвѣчалъ за всѣхъ стоявшій впереди худой высокій малый, съ длинной желтой бородой.—Насчетъ теперь...

Бѣлой пухлой рукой Усатинъ сдѣлалъ движеніе.

— Хорошо!.. Господа, я сейчасъ къ вамъ... Только отпущу ихъ... Пожалуйте въ комнаты.

Теркинъ и Дубенскій вернулись въ контору, гдѣ Дубенскій опять началъ ходить взадъ и впередъ.

— Послушайте... Петръ Иванъчъ,—овликнулъ его Теркинъ, стоя у двери.

— Что вамъ?—разсѣянно отозвался Дубенскій.

— Коли вамъ надо сейчасъ же объясниться съ Арсеніемъ Кирилъчемъ, я могу и въ садикъ пойти.

— Нѣтъ... Затѣмъ же... Вѣроятно, онъ сейчасъ поѣдетъ въ усадьбу...

— Да вѣдь я вижу, Петръ Ивановичъ... вы самъ не свой...
Право, я лучше въ садикъ выйду.

Теркинъ взялся за ручку двери, и только-что онъ отворилъ ее—столенулся на порогъ съ Усатинымъ.

— А вы куда?—звонко спросилъ тотъ, входя въ контору и снявъ шляпу.

Черепъ его совсѣмъ полысѣлъ и только кругомъ, въ уровень ушей, шла полоса русыхъ, плотно остриженныхъ волосъ съ легкой просѣдью.

Депешъ онъ еще не читалъ и держалъ ихъ въ другой рукѣ.

— До васъ у Петра Ивановича неотложное дѣло... Я на воздухъ побуду.

— Да развѣ такъ приспичило, Дубенскій?

— Вы депеши еще не прочли?—спросилъ техникъ съ удивленіемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ...

Теркину захотѣлось остаться посмотрѣть, измѣнится ли Усатинъ въ лицѣ, когда прочтетъ депешу.

Первую, уже распечатанную, пришедшую на имя Дубенскаго, Усатинъ раскрылъ и пробѣжалъ.

— А! вотъ что!—глухо вырвалось у него.—Предполагаю, какого содержанія остальные двѣ... Господа... Ыдемъ. Я вскрою эти депеши у себя въ кабинетѣ.

— Быть можетъ,—началъ Дубенскій:—вамъ отсюда придется ѣхать на станцію.

— Нѣтъ, другъ мой... я и безъ того измучился. Если нужно, я поѣду завтра... да и то... Я знаю тѣхъ... московскихъ. Сейчасъ голову теряютъ.

Глаза его перебѣгали отъ Дубенскаго къ Теркину... Лысина была влажная. Носъ, нѣсколько вздернутый и тонкій—на такомъ широкомъ и пухломъ лицѣ—сохранялъ свое прежнее характерное выраженіе.

— Ыдемте, господа... И первымъ дѣломъ—выкупаемся.

Еще разъ пробѣжалъ онъ депешу и наморщилъ лобъ.

Но двухъ остальныхъ онъ такъ и не вскрылъ.

„Малодушіе закралось,—подумалъ Теркинъ:—чуетъ что-нибудь очень невежесное...“

Но вѣра въ этого человѣка еще не дрогнула въ немъ. И желаніе отвести бѣду ему—зашевелилось въ его душѣ.

XXIX.

Въ гостиной, съ дверью, отворенной на обширную террасу, было свѣжѣе, чѣмъ на воздухѣ. Спущенныя шторы не пропускали яркаго свѣта, а вся терраса стояла подъ парусиннымъ навѣсомъ.

Теркинъ оглядывалъ комнату—большую, неуютную, немножко заброшенную. Мебель покрывали чехлы. Хозяйскаго глаза не чувствовалось. Правда, семейство Усатина за границей. Но все-таки было что-то въ этой гостиной, точно предвѣщавшее крахъ.

Усатинъ, когда они пріѣхали, провелъ Дубенскаго въ кабинетъ. Голоса ихъ не доносились въ гостиную, да Теркинъ и не думалъ прислушиваться... Объясненіе затянулось. Онъ закурилъ уже третью папиросу.

Дверь изъ кабинета выходила тоже на террасу, за угломъ.

Заслышавшись наконецъ гулъ разговора. По террасѣ шли Усатинъ и Дубенскій. Они остановились въ глубинѣ ея противъ того кресла, гдѣ сидѣлъ Теркинъ.

Техникъ ерошилъ волосы и двигался бокомъ, заслоненный обширнымъ туловищемъ Усатина. И на лицѣ Арсенія Кирилыча Теркинъ тотчасъ же распозналъ признаки волненія. Щеки неровно краснѣли, въ губахъ и ноздрахъ пробѣгали струйки нервозности, только глаза блестѣли по прежнему.

— Какъ знаете! Я васъ не желаю насильно удерживать,—дошли до слуха Теркина слова Арсенія Кирилыча:—но не слѣдовало, милый мой, такъ рано труса праздновать!..

Онъ обернулся въ сторону открытой настежъ двери и увидалъ Теркина.

— Значить, вы сейчасъ обратно?—рѣзче спросилъ онъ вслѣдъ затѣмъ Дубенскаго.

Тотъ что-то пробормоталъ и торопливо протянулъ руку, сдѣлалъ два шага по террасѣ назадъ, потомъ повернулъ и прошелъ гостиной, чтобы проститься съ Теркинымъ.

— Перетолковали?—спросилъ его Теркинъ.

— Да-съ... Я ѣду... сейчасъ... Очень жаль, что не удалось...

Дубенскій не договорилъ, стиснулъ руку Теркина и быстро зашагалъ къ двери въ переднюю. Волосы его были въ беспорядкѣ, все лицо влажное.

— Ну, будьте здоровы!

Свое пожеланіе Теркинъ пустилъ ему вслѣдъ, стоя.

— А!..—окликнулъ его сзади Усатинъ.—Вотъ это чудесно! Какая прохлада! Мы здѣсь и закусимъ... Въ столовой навѣрно

духота... Только еще рано... Мы посидимъ, потолкуемъ... Не угодно ли на диванъ?

Онъ взялъ Теркина за плечо и повелъ его къ низкому дивану у одной изъ внутреннихъ стѣнъ.

— Вотъ сюда... Позвольте раскурить о вашу папиросу.

Они разсѣлись... Усатинъ закурилъ и раскинулся по спинкѣ дивана.

— У-фъ!... — выпустилъ онъ воздухъ звонкой нотой.

— Вамъ, Арсеній Кирилъчъ, навѣрно не до меня и не до моихъ дѣлъ, — началъ Теркинъ искренно и скромно. — Что-то у васъ такое стряслось...

— Вы знаете? Изъ газетъ?

Вопросъ Усатина зазвучалъ рѣзко.

— Нѣтъ, отъ господина Дубенскаго... я кое-что...

— Господинъ Дубенскій, — прервалъ уже раздражительнѣе Усатинъ: — какъ я ему сейчасъ на прощаніе сказалъ, слишкомъ скоро труса празднуетъ.

Онъ ударилъ себя по ляжкѣ и переимѣнилъ положеніе своего грузнаго тѣла.

— Удивительное дѣло!.. Кажется, я всѣмъ такимъ господамъ, какъ милѣйшій Петръ Ивановичъ, давалъ и даю ходъ. Безъ моей поддержки ему бы не выбраться изъ мизеріи поднадзорнаго прозбанія.

— А господинъ Дубенскій изъ нелегальныхъ былъ?

— Помилуйте!.. И какъ еще!.. Теперь онъ директоръ значительнаго завода. Пять тысячъ жалованья и процентъ. Во мнѣ было достаточно времени увѣриться. Я никого изъ работающихъ со мною не подведу.

— Вы-то!

Это восклицаніе вылетѣло у Теркина задушевной нотой.

— Только со мной идти надо впередъ смѣло, не бояться риска, временныхъ заклепокъ, подвоховъ, газетной брехни, всякихъ дешевыхъ обличеній, даже прокурорскаго надзора... на случай доносовъ...

— А нѣшто до этого дошло, Арсеній Кирилъчъ? — вполголоса спросилъ Теркинъ, слегка нагнувшись къ Усатину.

— Дошло ли?!

Усатинъ прищурился на Теркина и мотнулъ головой.

— Доносъ, навѣрно, сдѣланъ на дняхъ... Въ обѣихъ депешахъ говорится про это.

И какъ бы спохватившись, онъ перебилъ себя восклицаніемъ:

— Я знаю и чувствую, откуда это идетъ. За все свое прошлое приходится отвѣчать теперь, Теркинъ... Вѣдь вашего отца, сколько я помню, его односельчане доканали?..

— Въ Сибирь сослали,—подсказалъ Теркинъ.

— За что?

— Смутьянъ, вишь, былъ... Правду всѣмъ въ глаза говорилъ.

— А я весь свой вѣкъ ворочалъ дѣлами и въ гору шелъ, не измѣняя тому, что во мнѣ заложили лучшіе годы, проведенные въ университетѣ. Вотъ мнѣ и не хотятъ простить, что я шестидесятыми годами отзываюсь, что я врагъ всякой татарской надувастики и рутинны... И поползли клопы изъ всѣхъ щелей,—клопы, которымъ мы, двадцать лѣтъ назадъ, пикнуть не давали. А по нынѣшнему времени—они ко двору.

— Вѣрно, вѣрно, Арсеній Кирилычъ.

— Такіе клопы—мерзкая гадина, и надо ее истреблять персидскимъ порошкомъ, а не трусить... Вы, навѣрно, въ газетахъ уже читали...

— Ей-ей, не читалъ, Арсеній Кирилычъ. Я уже говорилъ господину Дубенскому, что больше недѣли листка въ глаза не видалъ.

— Тѣмъ лучше!.. Гнусная интрига, направленная противъ меня. Я вамъ за завтракомъ расскажу въ общихъ чертахъ.. Разумѣется, если всѣ, кто у меня служатъ, будутъ также щепетиленъ и слабъ душою, какъ господинъ Дубенскій—не мудрено подъ каждое дѣло подкопаться.

Видно было, что на техника онъ въ сильныхъ сердцахъ и долженъ излить сначала все, что у него накипѣло внутри.

— Помилуйте!—закричалъ онъ и подвинулся къ Теркину.—Вы завѣдуете технической частью въ акціонерномъ дѣлѣ; вы прямо не замѣшаны, не значите ни членомъ правленія, ни кассиромъ—и вдругъ, оттого, что дѣло связано, между прочимъ, и съ производствомъ, по которому вы давали свою экспертизу, вы сейчасъ—караулъ! И готовы стать на сторону тѣхъ, кто строчить доносы и бѣгать набатъ въ завѣдомо шантажныхъ газетчкахъ!.. Все это, чтобы выгородить свое цѣломудріе, ха, ха!..

Усатинъ быстро поднялся и заходилъ по гостиной.

Въ первый разъ видѣлъ Теркинъ такую раздраженность въ своемъ бывшемъ хозяинѣ.

Но онъ съ нимъ былъ согласенъ, хотя и не зналъ, изъ-за чего Дубенскій „выгораживалъ“ себя на случай исторіи по акціонерному обществу. Усатинъ, навѣрно, расскажетъ ему, въ чемъ

дѣло, не теперь, такъ позднѣе. Несомнѣнно, однакожъ, что минута для займа двадцати тысячъ неподходящая, и лучше будетъ первому не заводить объ этомъ рѣчи.

— Теркинъ! — заговорилъ опять Усатинъ, подойдя плотно къ дивану: — вы у меня переночуете?

— Съ удовольствіемъ, Арсеній Кирилычъ.

— Передъ завтракомъ мы съѣдимъ выкупаться... Вы мнѣ писали... по дѣлу... я вѣдь, батюшка, не нашелъ вашего письма. Теперь я вспомнилъ нашъ разговоръ въ „Славянскомъ Базарѣ“... Вамъ кредитъ нуженъ?

— Точно такъ.

— Приблизительно, на какую сумму?

Глаза Усатина заиграли. Въ нихъ что-то промелькнуло, какое-то мгновенное соображеніе.

— Тысячъ на двадцать.

— Эхъ, милый мой! И зачѣмъ вы у меня тогда не попросили прямо, въ Москвѣ?.. Я бы тогда и сорокъ далъ...

— Хотѣлъ самъ извернуться.

— Да вы мнѣ напомните, въ чемъ дѣло.

Теркинъ кратко и дѣловито рассказалъ ему про своего „Батрака“.

— Такъ!.. Ну, тутъ можно и безъ залога обойтись... Дайте мнѣ срокъ, какую-нибудь недѣлю, все наладить въ Москвѣ, тогда мы и это уладимъ.

— Ой-ли? Арсеній Кирилычъ! — радостно вскрикнулъ Теркинъ и поднялся.

Глаза Усатина продолжали играть. Онъ что-то обдумывалъ.

— Поѣдѣте купаться на рѣку... а тамъ поѣдемъ и еще обширно перетолкуемъ.

XXX.

До разсвѣта не могъ заснуть Теркинъ наверху, въ той комнатѣ, которую отвѣлъ для него нарядчикъ Верстаковъ.

Такого душевнаго переполоха давно не случалось съ нимъ.

Только въ концу ранняго обѣда, когда Арсеній Кирилычъ велѣлъ подать домашней водянки и стараго коньяку, стало ему въ домѣхъ, къ чему подбирается его старый хозяинъ.

— Вы сами знаете, Теркинъ, — началъ Усатинъ другимъ тономъ, спокойнѣе и задушевнѣе: — крупныя дѣла не дѣлаются безъ нѣкоторыхъ компромиссовъ.

Не сразу уразумѣлъ онъ, на чемъ произошла „заминка“ въ

новомъ акціонерномъ предпріятіи, пущенномъ въ ходъ Арсеніемъ Кирилъчемъ. Какъ онъ ни прикрывалъ того, что стряслось въ Москвѣ, своей діалектикой,—но „уголовщиной“ запахло.

Появились разоблаченія подставныхъ акціонеровъ и дутаго дивиденда, растраты основного капитала и фиктивной цѣны акцій, захваченныхъ на двѣ трети Усатинымъ и его подручными. Можно было весьма серьезно опасаться вмѣшательства администраціи и даже прокурорскаго надзора.

И какъ Усатинъ ни замазывалъ сути дѣла, какъ ни старался выставить все это „каверзой“, съ которой легко справиться, Теркинъ распознавалъ, что тотъ не на шутку смущенъ и долженъ будетъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь экстреннымъ мѣрамъ, разумеется, окольными путями.

Прежде чѣмъ Усатинъ заговорилъ о „маленькой услугѣ“, онъ уже подумалъ:

„Будетъ меня пытатъ и предложить нелегальную сдѣлку“.

— Рискъ пустой,—сказалъ Усатинъ, подбодривая его своими маслянистыми глазками. — А вы мнѣ покажете, Теркинъ, что добро помните... И я вамъ даю слово—въ одну недѣлю уладить ваше дѣло по уплатѣ за пароходъ... на самыхъ льготныхъ для васъ условіяхъ.

Конечно, если вѣрить въ звѣзду Арсенія Кирилъча и рискнуть, то можно даже примоститься къ дѣлу, буде оно пойдетъ опять полнымъ ходомъ, заставить заплатить за себя двадцать тысячъ, которыхъ даромъ никто не дастъ... Но придется за это впутать себя въ цѣлую „махинацію“, взять съ Усатина дутыхъ векселей на сотню тысячъ и явиться подставнымъ владельцемъ не одного десятка акцій.

И Усатинъ не сдѣлаетъ этого, не заручившись документами, покрывающими его фиктивный долгъ, такими же дутыми. Кто говорить! Это сплошь и рядомъ дѣлается во всякихъ банкахъ, обществахъ, ликвидаціяхъ и администраціяхъ.

Уходя спать, Теркинъ сказалъ Усатину:

— Утро вечера мудренѣе, Арсеній Кирилъчъ, позвольте мнѣ все обсудить... Слишкомъ ужъ внезапно все это налетѣло на меня.

На что тотъ сказалъ ему:

— Только завтра за чаемъ вы мнѣ отвѣтите: да или нѣтъ. Мнѣ надо взять поѣздъ въ часъ дня, и въ случаѣ вашего согласія мы двинемся вмѣстѣ въ Москву.

До разсвѣта онъ провозился въ постели, перебиралъ на всякіе лады, можетъ онъ или нѣтъ пойти на такое дѣло, и кончилъ

тѣмъ, что рѣшилъ уклониться, хотя бы задержка въ отысканіи двадцати тысячъ испортила всѣ его расчеты.

Но это рѣшеніе не успокоило его... Онъ началъ добираться до глубины своихъ побужденій.

Изъ благороднаго ли оно источника вытекло?.. Честность ли это?.. Или просто смѣтка, боязнь влопаться въ уголовное дѣло?..

Кажется, больше второе, чѣмъ первое. И такая оцѣнка своей совѣсти огорчила его чрезвычайно... Даже потъ выступилъ у него на лбу.

„Стало быть,—пыталъ онъ себя:—будь я увѣренъ, что все останется шито-крыто, иди предпріятіе Усатина ни шатко, ни валко, не поднимай никто тревоги въ газетахъ, я бы, пожалуй, рискнулъ помочь ему въ его дѣловескихъ комбинаціяхъ, предъявилъ бы, когда нужно, дутые документы и явился бы на общее собраніе съ чужими акціями?“

И на этотъ вопросъ онъ не могъ почему-то отвѣтить себѣ:

„Нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ!“

Арсенія Кирилыча онъ любилъ, готовъ былъ оказать для него услугу... Такъ почему же онъ отказывается теперь, когда тому грозитъ прямая бѣда?..

На это онъ отвѣчалъ сначала, что Усатинъ „покачнулся“, а съ этимъ и его вѣра въ него... Значить, онъ ужъ не прежній Арсеній Кирилычъ. Тотъ, ни подъ какимъ видомъ, не сталъ бы подстроивать такую „механику“.

А кто его знаетъ?.. Можетъ, онъ и прежде способенъ былъ на то же самое, да только пыль въ глаза пускалъ, всѣхъ проводилъ, въ томъ числѣ и его, простофилю.

„Нужды нѣтъ,—оправдывалъ себя Теркинъ:—если онъ и проводилъ меня, я-то самъ честно вѣрилъ въ него, считалъ себя куда рыхлѣе въ вопросахъ совѣсти; а теперь я вижу, что онъ на то идетъ, на что, быть можетъ, я самъ не пошелъ бы въ такихъ же тискахъ“.

„А почему ты знаешь?“—вдругъ спросилъ онъ самого себя, и въ груди у него сразу защемило... Увѣренности у него не было, не могъ онъ ручаться за себя. Да и кто можетъ?.. Какой дѣлецъ, любитель риска, идущій въ гору, съ пылкой головой, съ обширными замыслами?

Какъ можетъ онъ оградить самого себя, разъ онъ въ дѣлахъ, да еще безъ капитала, съ плохимъ кредитомъ, отъ того, что не вылетитъ въ трубу и не попадетъ въ лапы прокурорскаго надзора?..

Съ каждымъ пятью минутами онъ все больше и больше запутывался, послѣ того какъ пришелъ къ твердому выводу: на посылы Усатина не идти.

— Этакая ерунда!—произнесъ онъ вслухъ, скинулъ съ себя одѣяло и всталъ.

Дольше онъ не желалъ теребить себя, но въ душѣ все-таки оставалось неяснымъ, заговорила ли въ немъ честность, или только жуткое чувство уголовной опасности, нежеланіе впутаться въ темное дѣло, гдѣ можно очутиться и въ дуракахъ.

Онъ поднялъ штору, открылъ окно и поглядѣлъ на даль, въ сторону берега, гдѣ круто обрывался оврагъ. Все было залито розовымъ золотомъ восхода... Съ рѣки пахнуло мягкой прохладой.

Тотчасъ же, не умываясь, онъ присѣлъ къ столу, досталъ изъ своего дорожного мѣшка бумаги и конвертъ и быстро написалъ письмо Арсенію Кирилчу, гдѣ прямо говорилъ, что ему трудно будетъ отказываться, и онъ просить не пенять на него за то, что уѣхалъ, не простившись, на пароходную пристань.

Одѣвшись, онъ сошелъ тихонько внизъ и разбудилъ Верстакова, который спалъ въ комнатѣ возлѣ передней.

Верстаковъ, когда узналъ, что онъ хочетъ уѣхать черезъ часъ и нужно ему запретъ лошадь, почему-то не удивился, а выйдя на крыльцо, шопотомъ началъ спрашивать про „исторію“. Всѣмъ своимъ видомъ и тономъ нарядчикъ показывалъ Теркину, что боится за Арсенія Кирилча чрезвычайно, и самъ сталъ проговариваться о разныхъ „недохваткахъ“ и „прорѣхахъ“ и по заводу, и по нефтяному дѣлу.

— Вы, батюшка, Василій Ивановичъ,—просительно кончилъ онъ, придя за вещами Теркина въ его комнату:—позвольте на васъ надѣяться. Признаться вамъ, по совѣсти, ежели дѣло крикнетъ—пропадетъ и мое жалованье, за цѣлыхъ семь мѣсяцевъ.

— Неужто не получалъ?—спросилъ удивленно Теркинъ.

— Ей же ей!.. Вамъ я довольно извѣстенъ... На что го-жусь и на что нѣтъ... Вы теперича сами хозяйствовать собираетесь... не оставьте вашими милостями!

Этого нарядчика, еще нестарого, юркого, прошедшаго хорошую школу, онъ зналъ, считалъ его не безъ плутоватости, но еслибы ему онъ понадобился—отчего же и не взять?

— „Чего тутъ?—поправилъ онъ себя.—Ты сначала кредитъ-то себѣ добудь да судохозяиномъ сдѣлайся!“

— Хорошо!—отвѣтилъ онъ вслухъ и пристально поглядѣлъ на сухую, жилистую фигуру и морщинистое лицо Верстакова, ловко и безъ шума снарядившаго его въ дорогу.

— Чаю не угодно? Значить, Арсенія Кирилыча не будить?

— Ни подъ какимъ видомъ. Только письмо ему подать. А чаю я напьюсь на пароходѣ.

У крыльца стояла долгуша въ одну лошадь. Верстаковъ вызвался и проводить его до станціи, да Теркинъ отклонилъ это.

„Немножко какъ будто смахиваетъ на бѣгство“, подумалъ онъ про себя, по пути къ пристани. И отъ чего я бѣгу? Отъ уголовщины или отъ дѣла съ дурнымъ запахомъ?

И на этотъ вопросъ онъ не отвѣтилъ.

XXXI.

— Позвольте вамъ сказать... Капитанъ не приказываетъ быть около руля.

Съ этими словами матросъ обратился къ Теркину, стоявшему около лѣваго кожуха на пароходѣ „Сильвестръ“.

— Почему такъ?—спросилъ онъ и нахмурился.—Вездѣ пассажиры перваго класса имѣютъ право быть наверху.

— Вонъ тамъ не возбраняется.

Матросъ указалъ на верхнюю палубу, обширную, безъ холщевыхъ навісовъ. Она составляла крышу американской рубки, съ семейными каютами.

И онъ прибавилъ:

— Наше дѣло подневольное. Капитанъ гнѣваются.

Теркинъ не хотѣлъ поднимать исторіи. Онъ могъ отправиться къ капитану и сказать, кто онъ. Но надо тогда выставляться, называть свою фамилію, а ему было это неудобно въ ту минуту.

— Ну, ладно,—выговорилъ онъ и вернулся на верхнюю палубу, гдѣ по срединѣ шель двойной рядъ скамеекъ—бѣлыхъ, какъ и весь пароходъ.

Ему не хотѣлось выставляться. Онъ былъ не одинъ. Съ нимъ ѣхала Серафима. Дня за три передъ тѣмъ они сѣли на этотъ пароходъ ночью. Она ушла отъ мужа, какъ только похоронили ея отца, оставила письмо—мужъ игралъ въ клубъ—и взяла съ собою всего одинъ чемоданъ и сумку.

Третій день идутъ они кверху. Пароходъ „Сильвестръ“—плохой ходокъ. Завтра утромъ должны быть въ Нижнемъ. Завечерѣло и ночь надвигалась хмурая, безъ звѣздъ, но еще не стемнѣло совсѣмъ.

Во всѣ эти дни Теркинъ не могъ овладѣть собою.

Вотъ и теперь, ходя по верхней палубѣ, онъ и возбужденъ,

и подавленъ. Ему жутко за Серафиму, не хочется ни подо что подводить ее. Нарочно выбралъ онъ такой пароходъ: на немъ все мелкіе купцы да простой народъ, татары. Пассажировъ перваго класса почти нѣтъ. Занялъ онъ двѣ каюты, одна противъ другой. Серафима хотѣла помѣститься въ одной, съ двумя койками—онъ не согласился. Онъ просилъ ее днемъ показываться на палубѣ съ опаской. Она находила такую осторожность „трусостью“ и повторяла, что желаетъ даже „скандала“,—это только поскорѣе развяжетъ ее навсегда.

Уже на второй день поутру начало уходить отъ Теркина то блаженное состояніе, когда въ груди таетъ радостное чувство; онъ даже спросилъ себя разъ:

„Неужли выше этого счастья и не будетъ?“

Однако женщина владѣла имъ какъ никогда. Это—связь, больше того—сообщничество. „Мужняя жена“ бѣжала съ нимъ. Въ его жизнь клиномъ вошло что-то такое, чего прежде не было. Онъ чувалъ, что Серафима хоть и не приберетъ его къ рукамъ—она слишкомъ сама уходила въ страсть къ нему,—но станетъ съ каждымъ днемъ тянуть его въ разные стороны. Нельзя даже предвидѣть—куда именно. И непременно отразится на немъ ея существо, взгляды, пристрастія, увлеченія, растяжимость „бабьей совѣсти“—онъ именно такъ выражался,—суетность во всѣхъ видахъ.

Досадно было ему думать объ этомъ и расхолаживать себя „подлыми“ вопросами, сравненіями.

Взглядъ его упалъ на группу пассажировъ, вправо отъ того мѣста, гдѣ онъ ходилъ, и сейчасъ въ головѣ его, точно по чьему приказу, выскочилъ вопросъ:

„А нешто не то же самое всякая плотская страсть?“

Спинами къ нему сидѣли на одной изъ скамеекъ, раздѣлявшихъ пополамъ палубу, женщина и двое мужчинъ, молодыхъ парней, смахивающихъ на мелкихъ приказчиковъ или завочниковъ.

На женщину онъ обратилъ вниманіе еще вчера, когда они пошли отъ Казани, и догадался, кто она, съ кѣмъ и куда ѣдетъ.

Ей было уже за тридцать. Сразу восточный нарядъ—голову ея покрывалъ бархатный колпакъ съ какимъ-то мѣшкомъ, откинутымъ на бокъ,—показывалъ, что она татарка. Шольковая короткая безрукавка ловко сидѣла на ней. Лицо подрумяненное, съ насурмленными бровями, хитрое и худощавое, могло еще нравиться.

Теркинъ призналъ въ ней „хозяйку“, ѣздившую съ ярмарки домой, въ Казань, за новымъ „товаромъ“.

И товаръ этотъ, въ лицѣ двухъ дѣвушекъ, одной толстой, грубаго лица и стана, другой почти ребенка, показывался изъ

рѣдка на носовой палубѣ. Онѣ были одѣты въ шапки и длинныя полковыя рубахи съ оборвами и множествомъ дешевыхъ бусъ на шеѣ.

Ему и вчера сдѣлалось непріятно, что они съ Серафимой попали на этотъ пароходъ. Ихъ первыя ночи проходили въ такомъ сосѣдствѣ. Надо терпѣть до Нижняго. При хозяйкѣ, не отказывавшейся отъ заигрыванія съ мужчинами, состоялъ хромой татаринъ, еще мальчишка, прислужникъ и скрипачъ—обычная подробность татарскихъ притоновъ.

Эта досадная случайность грязнила ихъ любовь.

До Теркина долеталъ смѣхъ обоихъ мужчинъ и жидкіе, отрывочные звуки голоса татарки, говорившей довольно чисто по-русски. Она держала себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ, не хотала нахально, а только отшучивалась.

Лакей принесъ пива. Началось угощенье, но безъ пьянства. Поднялся наверхъ по трапу и татаринъ-скрипачъ и, ковыляя, подошелъ къ группѣ.

„Еще этого не хватало!“ съ сердцемъ подумалъ Теркинъ. „Кабацкая музыка будетъ. И того хуже!“

Ужъ конечно на его „Батракъ“ ничего подобнаго не можетъ случиться. Такихъ „хозяекъ“, съ дѣвицами и музыкантами, онъ формально запретить принимать капитану и кассирамъ на пристаняхъ, хотя бы на другихъ пароходахъ товарищества и дѣлалось то же самое.

Не будь необходимости проѣхать до Нижняго тихонько, не называя себя, избѣгая всякаго повода выставиться, онъ бы и теперь заставилъ капитана „прибрать всю эту нечисть“ внутрь, приказать татаркамъ сидѣть въ каютахъ, что обыкновенно и дѣлается на пароходахъ получше и съ большимъ порядкомъ.

„Нѣшто не все равно?—повторилъ онъ свой вопросъ:—вѣдь и тутъ тоже влеченіе!“

Онъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли, ушелъ на самую корму, сѣлъ на якорь. Но и туда долетали гоготаніе мужчинъ, угощавшихъ татарку, и звуки ея низкаго, непріятнаго голоса. Нѣкоторые слова своего промысла произносила она, по-русски, съ бессознательнымъ цинизмомъ.

Голова Теркина заработала, помимо его воли, и все новыя, ждкіе вопросы выскакивали въ ней точно на зло ему.

Можетъ ли быть полное счастье, когда оно связано съ утайкой и вотъ съ такими случайностями? Навѣрно здѣсь, на этомъ самомъ пароходѣ, еслибы прислуга, матросы, эта „хозяйка“ и ея кавалеры знали, что Серафима не жена его, да еще убѣжала

съ нимъ, они бы стали называть ее однимъ изъ циническихъ словъ, вылетѣвшихъ сейчасъ изъ тонкаго, слегка скошеннаго рта татарки.

И такъ все пойдетъ, пока Серафима не обвиняется съ нимъ. А когда это будетъ? Она не заикнулась о бракѣ, ни до побѣга, ни послѣ. Тайнство для нея ничего не значить. Пока не стоитъ она и за уваженіе, за почетъ, помирится изъ любви къ нему со всякимъ положеніемъ. Да, пока... а потомъ?

Онъ впервые убѣждался въ томъ, что для него обычай не потерялъ своей силы. Неловкость положенія будетъ непременно давить его. Къ почету, къ уваженію онъ чувствителенъ. За нее и за себя онъ еще не мало страдаетъ.

Мужъ Серафимы—теперь товарищъ прокурора. По доброй волѣ онъ не пойдетъ на разводъ, не возьметъ на себя вину, ни надо припасти крупную сумму для „отступного“.

Да и не чувствовалъ онъ себя въ брачномъ настроеніи. Бракъ не то. Бракъ—дѣло святое, даже и для тѣхъ, у кого, какъ у него, нѣтъ крѣпкихъ вѣрованій.

Чего онъ ждалъ и ждалъ со страхомъ—это вопроса: „полюжимъ, она тебя безумно любить, но развѣ ты застрахованъ отъ ея дальнѣйшихъ увлеченій?“ И этотъ вопросъ пришелъ вотъ сейчасъ, все подъ раздражающій кутежъ двухъ мѣщанъ, въ короткихъ пиджакахъ и свѣтлыхъ картузахъ.

Въ такомъ настроеніи онъ не хотѣлъ спускаться къ Серафимѣ внизъ пить чай; но ему было бы также непріятно, еслибы она, соскучившись сидѣть одна, пришла сюда на верхнюю палубу.

Одно только сладко щекотало: чувство полной побѣды, сознаніе, что такая красивая, умная, нарядная, рѣчистая женщина бросила для него—мужичьяго сына—своего мужа, каковъ бы онъ ни былъ,—барина, правовѣда, на хорошей дорогѣ. А такіе, съ протекціей, забираются высоко,—думалъ онъ.

XXXII.

Въ каютѣ Серафимы стемнѣло. Она ждала Теркина къ чаю и немного вздремнула, прислонившись къ двумъ подушкамъ. Одну изъ нихъ предложилъ ей Теркинъ. У нея взята была съ собою всего одна подушка. Когда она собралась на пароходъ, пришлось оставить остальные дома, вмѣстѣ со множествомъ другого добра: мебели, бѣлья, столового и спальнаго, зимняго платья, даже серебра,—всякихъ ящичковъ и туалетныхъ вещей, принадлежавшихъ ей, а не Рудичу, купленныхъ на ея деньги.

Но полчаса передъ тѣмъ она проснулась и обвела своими прекрасными, съ алмазнымъ отблескомъ глазами голыя и бѣлосоватыя стѣны каюты, сумку, лежавшую въ углу, матрацъ и пикейное одѣяло, добытые откуда-то Теркинымъ; и ей не стало жаль своей хорошей обстановки и всего брошеннаго добра.

Вытребовать все это отъ Севера Львовича не удастся, да она и не хочетъ. Пускай продастъ и проиграетъ. Она ему написала, что онъ можетъ распорядиться всѣмъ, какъ ему угодно.

Что ей въ этомъ добръ? Вася съ ней! Она начала съ нимъ новую жизнь.

— Вася, Вася!—повторяли безслышно ея губы.

Ей непріятно только то, что онъ просить ее поменьше показываться на палубѣ. Конечно, это показываетъ, какъ онъ на нее смотритъ! Но чего ей бояться и что терять? Еслибы она не ставила выше всего его любви, жизни съ нимъ, она—жена товарища прокурора, у всѣхъ на виду и въ почетѣ—не ушла бы такъ скандально.

Но для нея нѣтъ ни скандала, ни непріятностей, ни страховъ, ни сожалѣній, ничего!..

Мужчины, видно, изъ другого тѣста сдѣланы, хотя бы и такіе пылкіе и смѣлые, какъ ея Вася. У нихъ слишкомъ много всякихъ дѣлъ, всюду ихъ тянетъ, не даетъ имъ окунуться съ головой въ страсть.

Она остановила себя. Ни въ чемъ не желаетъ она обвинять его. Онъ ее любитъ. Вѣрить она и въ то, что еще ни одна женщина его такъ не „захлеснула“.

Это его выраженіе; оно ей нравится, какъ вообще всякія мѣткія народныя слова. Они—одного поля ягода. Въ нихъ жилахъ течетъ крестьянская кровь. Оба разночинцы. И это званіе ихъ не коробитъ. Если ему хотѣлось выйти въ люди, добиться званія почетнаго гражданина, то только затѣмъ, чтобы оградить свое достоинство. Развѣ можно у насъ не быть *чѣмъ-нибудь*,—говорила она себѣ,—если не хочешь рисковать, что тебя всякій становой оборветъ, а то такъ и засадить въ темную? Впрочемъ,—продолжала она разсуждать,—вѣдь не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, она сама слышала, что на ярмаркѣ тѣлесно наказали такого же почетнаго гражданина. Возьмутъ, да и пропишутъ.

Но все тамъ, внутри—она не могла опредѣлить, гдѣ именно: въ груди или въ мозгу—говорило ей, что ея судьба безповоротно связана съ Васей. Если ей суждено „пойматься“ на этой любви, то она все въ нее уложить до послѣдней капли своихъ силъ, страстей, ума, жизненности.

Нѣтъ, для нея, съ того часа, какъ она пошла на первое свиданіе съ Васей, разницы между *своимъ* и *его* добромъ. И сладко ей это полное отсутствіе чувства собственности.

Половина приданого пошла также на мужа, но тамъ деньги ухлопаны въ его игрецкое безпутство, потому что она сразу не умѣла себя поставить, глупа была, подчинялась ему изъ тщеславія. И скоро начала жалѣть, дѣлать ему сцены, и до, и послѣ первой встрѣчи съ Васей.

Какая сила деньги—она теперь хорошо знала. Въ ея теперешнемъ положеніи, свой капиталъ—хотя бы и маленькій—охъ, какъ пригодится! Вѣдь она никакихъ правъ не имѣетъ на Васю. Онъ можетъ ее выгнать, когда ему вздумается. У матери остались, правда, домъ съ мельницей; но она отдала ихъ въ аренду... не Богъ знаетъ какую. Тысячу рублей, врядъ ли больше. Матери и самой надо прожить.

И все-таки она опять не можетъ держаться ни за какія деньги, ни за большія, ни за малыя.

Сейчасъ отдать она Васѣ все до послѣдней копѣйки... Это для нея самой одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ оселковъ того, чтò онъ для нея.

Ее тяготитъ та сумма, которую она везетъ съ собою въ дорожномъ мѣшеѣ.

Въ лицѣ Серафима ощутила внезапную теплоту, какъ только ея мысль перешла на эту „сумму“.

Передъ ней опять нѣмая сцена. Вотъ мать ея вынимаетъ изъ шкатулки—той самой шкатулки, что отецъ, передъ смертью, велѣлъ подать къ нему на кровать—большой пакетъ. На немъ написано рукой отца съ ошибками правописанія: „Племянницѣ моей, Калеріи, все находящееся въ семъ конвертѣ оставляю въ полную собственность. Сумма сія, въ билетахъ и серіяхъ—а которая и въ закладныхъ листахъ—достается на ея долю, потому какъ приумножена на ея деньги. И прошу я племянницу мою Калерію—тетку не оставить и дочь мою Серафиму—такимъ же манеромъ, ежели, паче чаянія, онѣ придутъ въ денежное разстройство“.

Все это крупными буквами было написано на свободной отъ печатей сторонѣ пакета, въ какіе вкладываются дѣловые бумаги.

Онѣ обѣ переглянулись; мать сломала печать и выговорила шопотомъ:

— Ну, Господи, благослови!

Помнится, даже перекрестилась своимъ раскольниковымъ крестомъ, съ заносомъ руки вправо и влѣво, на самый уголокъ плеча.

Печать была крупная и не сразу подалась. Въ конвертѣ оказалась подкладка изъ толстой марли.

Заперлись онѣ въ спальнѣ матери. Съли обѣ на край постели, вытряхнули изъ пакета всѣ цѣнные бумаги. Много ихъ выпало разныхъ форматовъ и цвѣта: розовый, зеленый, голубой, желтоватый колеръ ободковъ заигралъ у нея въ глазахъ, и тогда первая ея мысль была:

„У Васи будутъ деньги на пароходъ, если онѣ и не раздобудетъ у того барина“.

Купоны нигдѣ почти не были отрѣзаны, кромѣ серій. Стали онѣ считать—считала она, а мать только тяжело переводила духъ и повторяла изрѣдка: „Ну, ну!“ Перечли два раза. Она все записала на бумажку. Вышло—безъ купоновъ—тридцать одна тысяча триста рублей.

Мать отдала ихъ ей всѣ и сказала:

— Симочка!.. Мы передъ Калеріей немного провинимся, ежели изъ этихъ денегъ чтѣ удержимъ. Воровать мы у ней не будемъ. Зачѣмъ ей этакой капиталъ?.. Она все равно, что Христова невѣста... Пушай мы съ тобой прото знаемъ. Когда нужно, окажемъ ей пособіе.

А въ умѣ она къ словамъ матери добавила:

„Двадцать тысячъ Васѣ пригодятся. А десять мы придержимъ. На что Калеріи больше тысячи рублей?.. На глупости какія?.. Стриженнымъ раздавать?..“

Отъ матери она хоронила свое рѣшеніе—совсѣмъ убѣжать—до самой послѣдней минуты.

Наканунѣ она сказала ей, уѣзжая домой:

— Мамаша, ежели мнѣ не въ моготу будетъ выносить мое постылое житіе съ Рудичемъ, вы не подымайте тревоги. Вамъ будетъ извѣстно—гдѣ я. Здѣсь вы жить не хотите. Вотъ поѣдете въ роднымъ. Коли тамъ вамъ придется по душѣ, наймете домикъ и перевезете свое добро. А разлетится къ вамъ Рудичъ—вы съумѣете его осадить.

Въ сумкѣ увезла она капиталъ Калеріи, но ничего еще не говорила объ этомъ Васѣ. Онѣ тоже молчитъ про то, съ каимъ отвѣтомъ уѣхалъ отъ Усатина. Но что-то ей подсказывало, что ни съ чѣмъ.

Сегодня она должна довести до того, чтобы онѣ взялъ себѣ двадцать тысячъ. Будетъ онѣ допытываться, чьи это именно деньги—она скажетъ; а нѣтъ—такъ и не надо говорить. Могъ и отецъ оставить ей съ матерью.

Она еще разъ и долго поглядѣла на мѣшокъ, потомъ под-

нялась и взяла его со стула въ углу, положила на столикъ, подѣ окномъ, спустила штору, зажгла свѣчу и стала ждать его такъ нетерпѣливо, что хотѣла даже подняться на палубу.

Ночь совсѣмъ уже понадвинулась надъ пароходомъ.

XXXIII.

Чай они пили въ каютѣ Теркина, напротивъ, черезъ узкій корридорчикъ.

Былъ уже десятый часъ въ исходѣ. На такомъ же узкомъ, откидномъ столикѣ у окна чайный приборъ распозлся безпорядочно.

Серафима сидѣла на кровати, облокотясь о кожаную подушку, Теркинъ—на стулѣ, противъ окна. Штора была спущена. Горѣла одна свѣча. Въ каютѣ было душно.

Разговоръ пошелъ не совсѣмъ такъ, какъ она желала. Теркинъ все еще не разсказалъ ей подробно, съ чѣмъ онъ возвращался отъ Усатина. Въ Нижнемъ они рѣшили сейчасъ же перѣѣхать на чугунку, съ пристани, и съ вечернимъ скорымъ поѣдомъ дальше, въ Москву, гдѣ она и останется, а онъ съѣздитъ еще разъ въ Нижній.

— У меня,—заговорилъ онъ, закуривая папиросу:—тамъ, по Яузѣ, въ сторону отъ дороги къ Троицѣ, намѣчено мѣстечко. Ты московскія-то урочища мало знаешь, Сима?

— Совсѣмъ не знаю. Даже въ Сокольникахъ не была. Мы ѣздили въ Москву зимой.

— Чудесное есть мѣстечко... около Свиблова. На лодкѣ можно спуститься, по Яузѣ... Берега-то всѣ въ зелени. Мнѣ одинъ человѣчекъ уступить свою дачку... Ему какъ разъ надо ѣхать, на нѣсколько недѣль, въ Землю Войска Донского.

— Найдѣмъ!.. По мнѣ, пожалуй, хотъ и подѣ Нижнимъ. Есть прекрасныя мѣста, туда, по Окѣ, за Соляными амбарами.

— Нѣтъ, этого не нужно, Сима!.. Особенно во время ярмарки. Никакого нѣтъ резону тамъ оставаться.

Онъ немножко нахмурилъ брови, но тотчасъ же его большіе глаза, со слезой, улыбнулись и онъ протянулъ ей руку.

— Ты ужъ довѣрься мнѣ, — выговорилъ онъ, оглядывая ее, и потомъ подхватилъ ея руку—она хотѣла что-то достать на столикѣ—и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

Отъ этой ласки она трепетно прильнула къ нему головой и тихо, чуть слышно сказала:

— Вася! Какъ же ты... тамъ въ Сормовѣ покончилъ?.. Вѣдь дѣло-то не ждать... Пароходъ твой, чай, давно готовъ?

— Готовъ, — небрежно выговорилъ Теркинъ.

— Сядь сюда... поближе ко мнѣ!

Она усадила его рядомъ съ собою, сама пододвинулась къ подушкѣ и оставила обѣ руки въ его рукахъ.

— Вотъ такъ. А то я тебя совсѣмъ не чувствую...

Онъ негромко разсмѣялся и взялъ ее за талию.

— Должно быть, тотъ баринъ... тамъ на низу... не при деньгахъ?

Теркинъ помолчалъ.

— Зачѣмъ намъ съ тобой, Сима, о дѣлахъ перебирать!.. Это еще успѣется. Какая тебѣ въ этомъ сладость?..

— Нѣтъ!.. Ты напрасно, Вася!—Она выпрямила станъ и поглядѣла на него вбокъ.—Все, что ты и твои заботы, планы—это и моя жизнь. Больше у меня нѣтъ никакой, да и не будетъ!

Ея голосъ низковатый и слегка вздрагивающій проникалъ въ него и грѣлъ. Такъ можетъ звучать только беззаветная любовь.

И чего ему скрытничать?.. Вѣдь это—самолюбіе мужчины, ничто другое... Не хочется сказать прямо: „да, я потерпѣлъ осѣчку и денегъ у меня нѣтъ, и врядъ ли я ихъ добуду въ теченіе августа“.

У него всегда второе душевное движеніе лучше перваго. И въ эту минуту, и во сколькихъ случаяхъ жизни, онъ такъ вотъ и ловилъ себя и поправлялъ.

— Что-жъ! — вымолвилъ онъ, тряхнувъ головой.—Лгать не хочу. Усатинъ теперь и самъ такъ запутался, что дай Богъ отъ уголовщины уйти.

— Какъ такъ?

Онъ рассказалъ ей просто, что видѣлъ и слышалъ отъ Дубенскаго и самого Усатина.

— Покачнулся, значить?—спросила она и опустила голову.

— Этого мало, Сима. Покачнулся не въ однихъ дѣлахъ... а въ правилахъ своихъ. Это ужъ не прежній Усатинъ. Мнѣ прямо посулъ сдѣлать, чтобы я его прикрылъ... дутымъ документомъ.

Онъ съ большимъ оживленіемъ рассказалъ и про „подходъ“ Усатина.

— Разумѣется... ты отказался. Нешто ты пойдешь на это?.. Другіе пойдутъ, а не ты.

Губы ея прикоснулись къ его лбу.

И она подумала въ ту же минуту:

Томъ I.—Февраль, 1892.

35/4

„Не приметъ онъ нашихъ денегъ. Будетъ доискиваться, не украли ли мы ихъ у Калеріи?“

Это ее смутило, но она не дала смущенію овладѣть собою и снова прижалась къ нему.

— Вася!.. Бѣда невелика... Деньги найдутся.

Онъ поглядѣлъ на нее быстро и отвелъ глаза.

Ему бы слѣдовало сейчасъ же спросить: „Откуда же ты ихъ добудешь?“—но онъ ушелъ отъ такого вопроса. Отецъ Серафимы умеръ десять дней назадъ. Она третьяго дня убѣжала отъ мужа. Про завѣщаніе отца, про наслѣдство, про деньги Калеріи онъ хорошо помнилъ разговоръ у памятника; она пока ничего ему еще не говорила, или лучше, онъ самъ какъ бы умышленно не заводилъ о нихъ рѣчи.

То была въ немъ деликатность. Онъ такъ объяснялъ это. Но теперь приходилось сдѣлать два-три вопроса, отъ которыхъ не слѣдовало бы отвертываться, если поступать по строгой честности.

— Видишь,—продолжала Серафима тихо, но тревожнѣе, чѣмъ бы нужно...—Послѣ отца осталось... больше, чѣмъ мы съ мамашей думали... И никакого завѣщанія онъ не оставилъ.

— Не оставилъ?—переспросилъ Теркинъ и вскинулъ на нее глазами.

— Ей-же-ей!.. Никакого!—почти вскрикнула она и схватила его за руку.—Никакого завѣщанія... Онъ при мнѣ, еще тогда, какъ ты уѣхалъ къ Усатину, велѣлъ подать швагулу и рассказать...

Она какъ будто запнулась.

„А деньги Калеріи?“ подсказалъ себѣ Теркинъ.

— Однако... выражалъ свою волю... устно или... оставилъ для передачи... твоей двоюродной сестрѣ?..

— Вася!—еще порывистѣе перебила его Серафима и положила горячую голову на его лѣвое плечо...—Зачѣмъ ей деньги?.. Я ужъ тебѣ говорила, какая она... И опять же отецъ и къ ней обращается.

— Значить, есть завѣщаніе?

— Нѣтъ, я тебѣ покажу... просто на пакетѣ написано... И прямо говорится, чтобы она подѣлилась и съ матерью, и со мною.

— Однако... капиталъ оставленъ прямо ей... Стало, ея деньги были въ оборотахъ отца, и онъ, какъ честный человѣкъ, не пожелалъ брать грѣха на душу.

— Вася! Милый! Зачѣмъ такъ ставить дѣло?.. Маменька и я вольны распорядиться этими деньгами, какъ намъ совѣсть наша

скажетъ... Мы не ограбимъ Калеріи. Да она первая, коли на то пошло, дастъ намъ займы.

— Это дѣло десятое, Сима!

И онъ почувствовалъ, что подается.

— Но я такъ, изъ рукъ въ руки отъ тебя, одной тысячи не приму, пока ты къ ней не обратишься... Да и то мнѣ тяжело будетъ одолжаться изъ такого источника.

— Это почему?

На рѣсницахъ ея заблестѣли двѣ крупныя слезинки.

— Тебѣ стыдно... Ты гнушаешься. Источникъ нехорошъ!.. Спасибо!..

Она готова была разрыдаться.

— Сима! Развѣ я въ такомъ смыслѣ?.. Ты не понимаешь меня!

Его сильныя руки обнимали ее... Она подъ его ласками утихла сразу.

— Нѣтъ!.. Позволь! Позволь!

Серафима вскочила, взяла дорожный мѣшокъ, торопливо отперла ключикомъ и достала оттуда паветъ.

Теркинъ слѣдилъ за ней глазами. Онъ не могъ подавить въ себѣ вопроса: какая сумма лежала тамъ?

— Вотъ, милый, смотри... и подпись отца.

— Я читать не стану... Уволь... Я вѣрю тебѣ.

Ея руки, вздрагивая, начали вынимать изъ павета цѣнныя бумаги.

„Стало, онѣ печать-то сломали?“ спросилъ мысленно Теркинъ, но не выговорилъ вопроса вслухъ.

Вся койка, на томъ мѣстѣ, гдѣ Серафима сейчасъ сидѣла, покрылась серіями, билетами и закладными листами.

— Тутъ слишкомъ на тридцать тысячъ... Вася! Ты видишь... во всякомъ случаѣ останется еще, ежели и вынуть сейчасъ двадцать.

И не давая ему говорить, она вынула двѣ сумки изъ фла-нели.

— Милый!.. Сдѣлай ты мнѣ одолженіе... Уложимъ все это въ сумки, раздѣлимъ поровну и надѣнемъ на грудь. Мало ли что можетъ случиться въ дорогѣ... Этого-то ты мнѣ не можешь отказать.

Она все такъ же порывисто накинута ему на шею одну изъ сумочекъ и стала складывать билеты.

Теркинъ глубоко вздохнулъ.

XXXIV.

Сильнѣйшій толчокъ разбудилъ его и заставилъ привскочить. Онъ спалъ крѣпко. Прошло болѣе двухъ часовъ, какъ онъ вернулся отъ Серафимы съ замшевымъ мѣшкомъ на груди.

Въ первыя три-четыре секунды онъ не могъ опредѣлить, что это такое за толчокъ. Рука его потянулась къ столу за спичками.

Въ каютѣ было совсѣмъ темно.

Но сейчасъ же догадался онъ, что страхъ бѣда.

На палубѣ и по всему корпусу парохода возрастающій шумъ; гдѣ-то затрещало; крики и бѣготня; рѣжущее шипѣніе паровъ.

„Тонемъ!“ мгновенно рѣшилъ онъ, всталъ на ноги, успѣлъ зажечь свѣчу и натянуть на себя пиджакъ. Онъ спалъ въ жилетѣ и одѣтый, прикрываясь пледомъ. Подъ подушкой лежалъ его бумажникъ. Онъ сунулъ его въ боковой карманъ и ошупалъ замшевую сумку.

„Здѣсь!“ радостно подумалъ онъ и, ничего не захвативъ съ собою, рванулся изъ своей каюты.

Онъ уже переживалъ минуты настоящей опасности и зналъ, что не теряется. Въ головѣ его сейчасъ же становилось ясно и возбужденно, какъ отъ большого приѣма хины.

Надо спасти себя, Серафиму и деньги, а на все прочее добро махнуть рукой... Съ нимъ былъ чемоданъ и мѣшокъ... Съ нею также.

Онъ уже сообразилъ, — на это пошло пять секундъ, — что ударъ нанесенъ какимъ-нибудь встрѣчнымъ пароходомъ, что ударило въ носовую часть и навѣрно проломило ее. Каюты пассажировъ второго класса навѣрно уже затоплены. Можетъ взорвать и паровикъ.

— Серафима Ефимовна! Серафима Ефимовна!..

Онъ стучалъ въ дверку ея каюты и трясъ ее за ручку.

— Ты, Вася? — спросонья откликнулась она.

— Тонемъ! Выбѣгайте! Коли раздѣты — все равно!..

Онъ поглядѣлъ влѣво, гдѣ была дверь на палубу. Тотъ край парохода еще не затонулъ.

Въ ихъ корридорчикѣ пассажировъ, кажется, не было.

На палубѣ гамъ возрасталъ. Пронеслись надъ нимъ слова въ рупоръ:

— Что-жъ вы, разбойники! На утекъ? Спасай пассажировъ! Черти! Слышите, аль нѣтъ?..

Теркинъ соображалъ такъ же ясно и возбужденно—а руками продолжалъ трясти ручку двери—что пароходъ, налетѣвшій на нихъ, уходитъ, пользуясь темнотой ночи, и такъ у него закипѣло отъ этой подлости, что онъ чуть не выскочилъ на палубу.

Серафима отомкнула задвижку. Она была полуодѣта, съ разстегнутымъ лифомъ пеньюара.

— Что такое?

Въ полутемнотѣ онъ не могъ разглядѣть ея лица, но голосъ не выдавалъ большого переполоха.

— Спасаться надо, Сима! Вотъ чтѣ...

— Тонемъ?

— Наскочилъ пароходъ!..

Она начала хватать платье, мѣшокъ.

— Ничего съ собой не брать!—почти грозно крикнулъ онъ и потянулъ ее за руку.—Мѣшокъ на тебѣ... тотъ... замшевый?

— На мнѣ,—отвѣтила она перехваченнымъ звукомъ, но онъ почувалъ, что она въ обморокъ не упадетъ и будетъ его слушать.

— Какъ же, Вася, весь багажъ погибнетъ?

Онъ даже ничего не отвѣтилъ и потащилъ ее за собой.

Въ его головѣ уже всплыла совершенно отчетливо фигура спасательнаго обруча съ названіемъ парохода, который онъ вчера видѣлъ на кормѣ. Всего одинъ такой обручъ и значился на „Сильвестрѣ“.

Первымъ движеніемъ Теркина было броситься въ кормѣ и схватить обручъ... Онъ сдѣлалъ это въ темнотѣ, держась другой рукой за руку Серафимы.

На верхней рубкѣ капитанъ, спросонья выскочившій въ одномъ бѣлѣ изъ своей каюты, его помощникъ, рулевые—метались, кричали въ рупоръ, ругались съ пассажирами.

Вода хлынула черезъ проломъ въ каюты второго класса и затопила правую часть палубы, проникала и въ машинный трюмъ.

Въ темнотѣ народъ бѣгалъ, ахалъ, бранился скверными словами; татарки ревели; какой-то купецъ вопилъ благимъ матомъ:

— Голубчики! Православные!.. Отпустите душу на покаяніе! Тысячи не пожагю!

— Катеръ!—крикнулъ сильнымъ, надорваннымъ звукомъ капитанъ.

О немъ, въ первыя минуты, всѣ забыли, но Теркинъ вспомнилъ. Наканунѣ онъ, ходя наверху, подумалъ: „еще слава тебѣ, Господи, что одинъ катеръ имѣется; на иныхъ пароходахъ и того нѣтъ!“

И всё, какъ ополоумѣвшее стадо, бросились къ катеру, подтанутому у одного изъ бортовъ кормовой части.

Одними изъ первыхъ подбѣжали къ нему Теркинъ и Серафима.

Теркинъ впоследствии не могъ бы рассказать, какъ этотъ катеръ былъ спущенъ на воду среди гвалта, давки и безурядицы; онъ помнилъ только то, что ему кого-то пришлось нечаянно столкнуть въ воду, — кажется, это былъ татарченкоу-музыкантъ. Въ рукахъ его очутился топоръ, которымъ онъ отрубилъ канатъ, и, обхвативъ Серафиму за талию, онъ хотѣлъ протискаться къ рулю, чтобы править самому.

Пароходъ, проломившій имъ носъ, утекать предательски. Капитанъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться минутой и на всѣхъ парахъ подойти какъ можно ближе къ плоскому берегу, продолжалъ ругать въ рупоръ утекавшій пароходъ, который, наконецъ, остановился, но саженьяхъ въ тридцати.

Вся правая половина была уже затоплена. И катеръ не могъ отчалить сразу, запутался за какой-то канатъ. Въ него все еще прыгалъ народъ, обезумѣвшій отъ страха, но многіе падали мимо, въ воду.

Теркинъ не помнилъ и того, когда именно, сейчасъ же или минуты черезъ три-четыре, катеръ накренило и половина спасавшихся попала въ воду.

Съ этой минуты все у него осталось въ памяти до мелочей.

— Вася!.. Я здѣсь!.. — раздавалось около него.

Его руки точно какимъ-то чудомъ охватили станъ Серафимы. Она вся вздрагивала, держась за его плечо, приподнялась въ водѣ и крикнула:

— Плыдемъ!..

Спасательный снарядъ былъ еще на немъ. Оба они умѣли плавать; онъ даже славился еще въ гимназiи тѣмъ, что могъ доплывать безъ усталости до середины Волги.

— На тебѣ мѣшокъ? — спросилъ онъ, овладѣвъ собою окончательно.

— На мнѣ!..

Платье мѣшало имъ, прилипло къ тѣлу, тануло на дно, но ихъ подхватила обоихъ разомъ могучая страсть къ жизни; они оба почували въ себѣ такую же могучую молодость и смѣлость.

Позади раздавались крики утопавшихъ. Теркинъ ихъ не слышалъ. Ни на одно мгновеніе не заговорило въ немъ желаніе броситься къ тѣмъ, кто погибалъ, кто не умѣлъ плавать. Онъ спасалъ Серафиму, себя и оба замшевыхъ мѣшка. Подруга его

плыла рядомъ; онъ снялъ съ себя обручъ и накинулъ на нее. Въ обоихъ чувство жизни было слишкомъ цѣпо. Они должны были спастись и черезъ три минуты находились уже внѣ опасности. До берега оставалось десятокъ другой саженой.

— Вася!.. Милый!..—повторяла Серафима, набираясь дыханія; ея руки и ноги усиленно работали, голова поднималась надъ уровнемъ воды и распутившіеся волосы покрывали ей почти все лицо.

Они были уже въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ берега. Ихъ ноги начали задѣвать за песокъ.

Можно было идти вбродъ.

— Милый!.. Ты со мной!.. И деньги не пропали... Твои теперь деньги!.. Слышишь—твой!..

Она глубоко вздохнула, и вразъ они стали на ноги. Но вода была имъ по поясъ.

Сзади слышались крики и удары весель о воду.

XXXV.

Густое облако разорвалось вдоль, и черезъ узкую скважину выглянулъ мѣсяцъ.

Впереди, невдалекѣ отъ низменнаго берега, чуть-чуть отдѣлялись отъ сумрачнаго, беззвѣзднаго неба стѣны обгорѣлаго собора съ провалившимся куполомъ. Ниже шли остатки монастырской ограды.

Теркинъ и Серафима, всѣ мокрые и еще тяжело дышашіе, шли на красный огонекъ костра. Тамъ они обсушатся.

— Робинзоны? А? Сима?—спросилъ на ходу Теркинъ.

Серафима разсмѣялась. Все это было такъ ново. Могли погибнуть и не погибли. Деньги цѣлы и невредимы. И костеръ точно для нихъ кто-то разложилъ. Давно ей не было такъ весело. Ни одной минуты не пожалѣла она о всѣхъ своихъ туалетахъ, бѣльѣ, вещахъ. Теперь это все затоплено. Пускай! Дѣло наживное.

— Да, Вася!.. Ты—Робинзонъ! Я—Пятница!—выговорила она и вздрогнула.

— Что, лихорадитъ?—спросилъ онъ заботливо.

— Побѣжимъ!

Они пустились бѣжать. Спасательный обручъ она бросила, какъ только вышла на берегъ. И Теркина начинала пробираться дрожа. Платье прилипло еще плотнѣе, чѣмъ въ водѣ. Въ боко-

вомъ карманѣ визитки онъ чувствовалъ толстый бумажникъ—въ немъ лежали взятыя на дорогу деньги и нужные документы. И къ груди, производя ощущение чесотки, прилипла замшевая большая сумка съ половиной всей суммы, спасенной ими обоими.

Пробѣжались они съ четверть версты.

Вотъ они и у костра. Его пламя вблизи лизало яркими языками рогожныя стѣнки шалаша. Около костра, спинами, сидѣло двое.

— Богъ помочь, ребята!—крикнулъ Теркинъ.

Сидѣвшіе у костра обернулись.

Одинъ—старичокъ, крошечнаго роста, сморщенный, беззубый, въ низкой пляпнежѣ, отозвался жидкимъ голоскомъ:

— Откуда Богъ несетъ?

Другой былъ паренекъ лѣтъ семнадцати, въ рваномъ полушубкѣ, но въ сапогахъ. Его круглое, блѣлое лицо, еще безбородое, краснѣло отъ пламени костра. Онъ что-то палочкой переворачивалъ по краямъ костра, гдѣ уже лежала зола.

— Присѣсть можно?—спросилъ Теркинъ.—А, православные?

— Нештѣ!.. Садись...

— Вы никакъ рыбаки?—спросилъ онъ старика.

— Займаемся по малости.

Теркинъ посадилъ Серафиму. Свою визитку онъ сбросилъ и повѣсилъ ее на уголъ шалаша.

Оба они, все еще веселые и возбужденные, начали грѣться. Отъ нихъ пошелъ паръ. Рыбаки оглядывали ихъ—старикъ исподлобья, парень во всѣ глаза; онъ даже пересталъ переворачивать то, что лежало подъ золой.

— Небось, картошку печете?—спросилъ Теркинъ, угадавъ то, что дѣлаетъ парень.

— Нештѣ,—прошамкалъ старикъ.—А вы откуда будете?

— Потонули, дѣдушка. Съ парохода!—звонко отвѣтила Серафима и разсмѣялась.

Она сидѣла бовомъ къ костру, вытянувъ ноги. Туфли удержались на ея ногахъ; она ихъ сняла и поставила на золу.

— Ишь ты!—вымолвилъ старикъ.

Теркинъ началъ рассказывать, какъ на нихъ налетѣлъ пароходъ и они пошли ко дну, какъ спаслись вплавь.

— Пресвятая Богородица!

Старикъ перекрестился.

— Значить, какъ есть?.. Все потравили, ваше степенство?—спросилъ паренекъ.

Теркинъ понялъ, что тотъ принималъ его за купца.

— Какъ есть,—повторилъ онъ.—А картошка-то, малый, у тебя, поди, готова? Вотъ барыню-то угостилъ бы!..

— Съ нашимъ удовольствіемъ,—добродушно отвѣтилъ парень.

Черезъ полчаса Серафима спала въ шалашѣ, подъ визиткой Теркина, высохшей у костра. Онъ самъ сидѣлъ, прикрываясь рогожей, и поддерживалъ огонь.

Мужиковъ не было видно. Парня онъ услалъ въ городъ Макарьевъ. Развалины его монастыря и армарочныя зданія видѣлись отсюда. Городъ лежитъ позади, и его не видно было. Теркинъ узналъ отъ рыбаковъ, что въ городѣ „настоящей гостинницы“ нѣтъ, а только постоялые дворы. Даже свѣжей булки трудно достать иначе, какъ въ базарные дни, когда ихъ привозятъ изъ-за Волги, изъ Лыскова, гдѣ живетъ и „все начальство“. Но паренекъ оказался шустрый. Теркинъ далъ ему мелочи—карманныя его деньги, точно чудомъ, не выпали изъ панталонъ—и наказалъ: найти ямщика съ тарантасикомъ или съ телѣжкой почище и пріѣхать сюда, и захватить, коли не добудетъ попоны или ковра, хоть двѣ рогожи, прикрыть барыню. Парень—его звали „Митюнъка“—обѣщалъ все это доставить „въ наилучшемъ видѣ“ и къ разсвѣту.

Старичокъ пошелъ къ лодкѣ улаживать снасть. И ему Теркинъ сунулъ въ руку двугривенный.

Съ тепломъ большая истома стала разбирать его у костра. Но онъ боролся съ дремотой. Заснуть на берегу, въ глухомъ мѣстѣ, было рискованно. Кто знаетъ, тотъ же беззубый мужичокъ могъ вернуться и уложить ихъ обоихъ топоромъ.

Да и паренекъ—кто его знаетъ—могъ привести съ собою изъ города пару молодцовъ, тоже не съ пустыми руками.

Курить было нечего. Папиросница осталась въ каютѣ. На душѣ у него младенчески тихо и ясно. Онъ даже не особенно радъ своему спасенію. Ему теперь кажется, что онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ спастись. Такой пловецъ, какъ онъ!.. Ударъ пришелся по носовой части, каюта не была сразу затоплена.

Да, но Серафима?.. Его находчивости обязана она тѣмъ, что лежитъ теперь въ шалашѣ и спитъ дѣтскимъ сномъ.

Спокойно, самоувѣренно мысли о превосходствѣ мужчины проникали въ его голову. Гдѣ же женщины противъ мужчины!.. Взяла бы она одна! И деньги потеряла бы. Навѣрно!.. Безъ платья, безъ кофѣйки, безъ паспорта... Должна была бы вернуться въ мужу, еслибъ осталась въ живыхъ.

„Безъ паспорта“, мысленно повторилъ онъ. „А по какому

виду будетъ она теперь проживать? Ну, на дачѣ можно недѣлю-другую протянуть. Дать синенькую мѣстному уряднику—и оставить тебя въ покоѣ. Но потомъ?”

Ему неприятно, что такіе житейскіе вопросы („каверзные“, выговорилъ онъ про себя) забрались въ него. Онъ не могъ отдаться одной радости отъ сознанія, что она жива, спасена имъ, лежитъ вонъ въ шалашѣ, что ея судьба связана съ его судьбой, и никому не принадлежитъ она, кромѣ него.

Дремота опять подкралась къ нему и „каверзные“ вопросы уходили...

Ему представились, всплыли внезапно, какъ всегда въ полубытіи, обѣ „рожи“ мужиковъ—круглая щека „Митюньки“, съ козырькомъ фуражки, переломленнымъ по срединѣ лба, и морщинистое, маленькое лицо старика, въ низкой шляпенѣ, съ курчавыми, сѣдѣющими волосами, въ верблюжемъ зипунѣ.

Они—мужики настоящіе, заводскіе. И ему пріятно, что къ нимъ онъ не почувствовалъ такого недоверія, не съежилось его сердце, какъ всегда бываетъ съ нимъ отъ прикосновенія простого народа, особливо на Волгѣ. Эти же рыбаки дали имъ съ Серафимой обогрѣться, накормили картошкой. Митюнька побѣждалъ въ городѣ, добудетъ лошадей

„Все мужики!“ тихо, улыбаясь, выговорилъ Теркинъ, щуя глаза на огонь.

И ему вспомнилась сказка Салтыкова о двухъ генералахъ, попавшихъ на необитаемый островъ.

„Ну, нѣтъ, я бы нашелся,—увѣренно подумалъ онъ.—Во мнѣ не барская, а крестьянская кровь небось!.. Избу срубимъ, колъ на то пошло!“

Глаза его начали слипаться. Дрова потрескивали.

XXXVI.

Извозчичья пролетка остановилась, не доѣзжая Воскресенскихъ воротъ, у праваго троттуара, идущаго вдоль Историческаго музея, въ Москвѣ.

Теркинъ выскочилъ первый и посадилъ Серафиму.

Только вчера „обмундировались“ они, какъ шутя отзывался Теркинъ. Онъ купилъ почти все готовое на Тверской и въ Пассажахъ. Серафима обшивалась дольше; но и на нее пошло всего три дня—два платья были уже доставлены отъ портнихи; остальное она купила въ магазинахъ. Ни ей, ни ему не хотѣлось транжирить; но все-таки у нихъ вышло больше шестисотъ рублей.

— Вотъ эта?—спросила Серафима и указала свободной рукой на часовню.

День стоялъ очень жаркій, небывалый въ половинѣ августа. Свѣту было столько на площадкѣ передъ Иверской, что пучки восковыхъ свѣчъ, внутри часовни, еле мерцали изъ темноты.

— Эта самая,—отвѣтилъ Теркинъ.

Серафима никогда не бывала тутъ, или если и проѣзжала мимо, то не останавливалась. Она всего разъ и была въ Москвѣ — и то зимой.

Тогда она въ „это“ не входила. Родители не наказывали ей ставить свѣчу, и мать, и отецъ, даже въ единоувѣріи, „церковнымъ“ святынямъ не усердствовали.

И Теркинъ сегодня утромъ—они стояли на Мясницкой въ номерахъ—не мало удивился, когда Серафима сказала ему:

— Прежде всего зайдѣмъ къ Иверской.

Правда, они собрались осмотрѣть Кремль, Грановитую палату и дворецъ, пройтись назадъ Александровскимъ садомъ и завтракать у Тѣстова, но объ Иверской для того, чтобы прикладываться къ иконѣ, рѣчи не было.

Въ Теркинѣ въ послѣдніе годы совсѣмъ заглохли призывы вѣрующаго. Больше пяти лѣтъ онъ не бывалъ у исповѣди. Его чувство отворачивалось отъ всего церковнаго. Духовенства онъ не любилъ и не скрывалъ этого; терпѣть не могъ встрѣтить расу и поповскую шапку или шляпу съ широкими полями.

Когда, въ первый вечеръ ихъ знакомства, Серафима дала ему понять, что она ни къ православію, ни къ расколу себя не причисляетъ—это его не покорило. Напротивъ!

Сегодня приглашеніе поклониться Иверской удивило его, но не раздражило.

„Что-жъ,—подумалъ онъ тотчасъ же.—Дѣло женское! Столько передрагъ пережила, бѣдная!.. Отъ мужа ушла, чуть не погибла на пароходѣ, могла остаться безъ гроша... Все добро затонуло. Вотъ старья-то дрожжи и забродили... Все-таки въ благочестивомъ домѣ воспитана“...

Ему даже это какъ будто понравилось подъ-конецъ. Натура Серафимы выяснялась передъ нимъ: вся изъ порыва, когда говорила ея страсть, но въ остальномъ—скорѣе разсудочная, безъ твердыхъ правилъ, безъ идеала. Въ любимой женщинѣ онъ хотѣлъ бы все это развить. На какой же почвѣ это установить? На хорошихъ книжкахъ? На мысленіи? Онъ и самъ не чувствуетъ въ себѣ такого грунта. Не было у него довольно досуга,

чтобы путемъ чтенія или бесѣдъ съ „умственнымъ“ народомъ выработать себѣ кодексъ взглядовъ и вѣрованій.

Такъ онъ вѣдь мужчина; у него всегда будетъ какой ни на есть „царь въ головѣ“, а женщина—почти каждая—вся изъ однихъ порывовъ и уколовъ страсти.

На паперти часовни въ два ряда выстроились монахини. Богомольцы всходили на площадку и тутъ же клали земные поклоны. Серафима никогда еще въ жизнь свою не подходила къ такому мѣсту, извѣстному на всю Россію. Она не любила прикладываться, когда мать брала ее въ единобѣрческую церковь, и врядъ ли сама поставила хоть одну свѣчу.

Ей не хотѣлось допытываться, почему она захотѣла быть у Иверской. Вѣдь не изъ одного же любопытства!..

На паперти она не дѣлала поклоновъ и даже не перекрестилась, но проникла въ часовню и тамъ опустила на колѣни.

Теркинъ оставался у паперти.

Молча поднялись они къ Никольскимъ воротамъ подъ руку.

Въ Кремлѣ пробыли они больше часа, осмотрѣли соборы, ходили и по Грановитой палатѣ; во дворецъ ихъ не пустили.

Въ двѣнадцатомъ часу возвращались они пѣшкомъ, по главной аллеѣ Кремлевскаго сада. Имъ обоимъ хотѣлось ѣсть. Кремль оставилъ въ нихъ ощущеніе чего-то крупнаго, такого, что не нуждается ни въ похвалахъ, ни въ обсужденіи. Вся внутренность Успенскаго собора стояла еще у Серафимы передъ глазами: громадный, уходящій вверхъ иконостасъ, колонны, тусклый блескъ позолоты, куда ни кинешь взглядъ—что-то „индѣйское“,—опредѣлила она, когда вышла на площадь, къ Красному крыльцу. Грановитая палата ее немного утомила и не прибавила ничего новаго къ тому, съ чѣмъ она выходила изъ Успенскаго собора.

— Такъ мы „подъ машину“?—спросилъ ее Теркинъ; они уже миновали темный проходъ подъ мостомъ, ведущій отъ Троицкихъ Воротъ къ башнѣ „Кутафѣ“, направляясь къ Тѣстову.

Онъ прижималъ локтемъ ея руку и заглядывалъ ей подъ шляпу, такую же темную, съ большими полями, какъ и та, что погибла со всѣмъ остальнымъ добромъ на пароходѣ „Сильвестръ“.

У него на душѣ осталось отъ Кремля усиленное чувство того, что онъ „русакъ“. Оно всегда сидѣло у него въ глубинѣ, а тутъ всплыло такъ же сильно, какъ и отъ картинъ Поволжья. Никогда не жилось ему такъ смѣло, какъ въ это утро. Подъ рукой его билось сердце женщины, отдавшей ему красоту, молодость, честь, всю будущность. И не смущало его то, что она, среди бѣла дня, идетъ объ руку съ бѣглой мужней женой. Кто

бы ни встрѣтился съ ними—онъ не побойтся ни за себя, ни за бѣлянку.

Вотъ сейчасъ будутъ они сидѣть въ трактирѣ, въ общей залѣ, слушать „машину“, ѣсть растегая на міру: смотри, кто хочетъ.

— Подъ машину!—задорно повторила Серафима и остановила его передъ большими воротами.—Погляди, Вася, какая эта Москва характерная! Прелесть!

И такъ имъ обоимъ сдѣлалось молодо, что они готовы были пуститься навадъ, по липовой аллеѣ, въ горѣлки.

Снизу отъ Экзерциргауза грузно скакалъ, съ фореиторомъ, зеленый вагонъ конки, грохоталъ и звенѣлъ, такъ же задорно и ухарски, какъ и они оба чувствовали себя въ ту минуту.

— А позавтракаемъ,—подхватилъ Теркинъ:—сейчасъ садимъ на конку и въ Сокольники. Видишь, вонъ станція.

Завтракъ ихъ „подъ машиной“ затянулся до третьяго часа. Было все такъ же жарко, когда они, пройдя подъѣздъ, остановились у станціи поджидать вагона въ Сухареveckъ и дальше до Сокольниковъ.

На Теркинѣ былъ свѣтлый пиджакъ на-распашку. Въ правомъ боковомъ карманѣ лежалъ бумажникъ съ нѣсколькими нужными письмами, одной роспиской, книжкой пароходныхъ рейсовъ его „Товарищества“—и рублей до четырехсотъ деньгами.

Еще у Тѣстова Серафима замѣтила ему:

— Вася!.. Смотри! Какъ у тебя бумажникъ отдулся.

— Ничего!—небрежно замѣтилъ онъ.—Я еще не помню, чтобы меня обокрали. А я ли не ѣзжалъ!..

Подползъ вагонъ снизу. Дожидалось нѣсколько человѣкъ.

Только-что Теркинъ вошелъ въ вагонъ и Серафима за нимъ слѣдомъ, какъ ихъ спереди и сзади стѣснили въ узкомъ проходѣ вагона: спереди напиралъ приземистый мужчина, въ чуйкѣ и картузѣ, въ родѣ лавочника; сзади оттѣснили Серафиму двое молодыхъ парней, смахивающіе на рабочихъ.

— Что вы толкаетесь!.. Съ ума сошли!—крикнулъ Теркинъ.

Чуйка пролѣзла мимо него на заднюю площадку.

— Садись! Мѣсто есть!—сказалъ Теркинъ Серафимѣ и почему-то инстинктивно схватился за боковой карманъ. Бумажникъ его выхватили.

— Держи!.. Жулики! Бумажникъ!—крикнулъ онъ тотчасъ же и бросился изъ вагона.

Вышла суматоха. Многіе видѣли, какъ два парня побѣжали на Тверскую. Чуйка исчезла—должно быть, юркнула въ ворота дома Московскаго трактира.

— Городовой!—крикнулъ Теркинъ, не растерявшись. Городового близко не оказалось.

XXXVII.

— Вотъ не угодно ли просмотрѣть фотографіи извѣстныхъ карманниковъ?

Офицеръ положилъ передъ Теркинымъ на подоконникъ большой, уже потрепанный альбомъ и лѣнливо пошелъ въ другую комнату.

Теркинъ присѣлъ на стулъ и откинулъ покрывку альбома. Позади его, у стола, гдѣ сидѣлъ другой полицейскій офицеръ, шло разбирательство. Хриплый мужской голосъ раздавался въ перемежку съ женскимъ, молодымъ, жирнымъ и высокимъ.

— Ахъ, какъ не стыдно такъ говорить!—жалобно протянулъ женскій голосъ.

— А то какже?—зло перебилъ мужской.—Извѣстно, платье ты заложил... Небось, гдѣ оно нашлось? Въ портерной?

— Иванъ Дорошеичъ! Бога вы не боитесь!.. У васъ дѣвушка и безъ того точно колодницы какія! Господи!

Раздалось всхлипываніе.

— Мелі еще! Паскуда!

— Постойте, любезнѣйшій! — проговорилъ голосъ полицейскаго.

Не оглядываясь, Теркинъ понялъ, кто тутъ тягался передъ „поручикомъ“—содержатель „дешеваго“ дома съ своей „дѣвушкой“, откуда-нибудь изъ Пильникова или отъ Лузскаго моста. Онъ слыхалъ про эти мѣста, но самъ никогда тамъ не бывалъ.

Разбирательство мѣшало ему уйти въ разсматриваніе фотографій московскихъ карманниковъ. Да онъ и не надѣялся найти портретъ жулика, что выхватилъ у него бумажникъ два дня назадъ.

Лицо и тѣлесный складъ того, видомъ лавочника, который толкалъ его спереди, достаточно врѣзался ему въ память: рябинки по щекамъ, бородака съ просѣдью, круглыя ноздри; кажется, въ одномъ ухѣ сережка. Но онъ ли выхватилъ у него бумажникъ, или одинъ изъ тѣхъ парней, что напирали сзади? А тѣхъ онъ не могъ бы распознать, не кривя душой; помнить только лиловую рубаху, на-выпускъ, одного изъ нихъ—и только.

Да и вообще онъ ни крошечки не вѣритъ въ успѣхъ дознанія и поисковъ. Онъ даже не очень охотно давалъ показаніе въ

участіѣ, гдѣ продиктовалъ текстъ заявленія, появившагося на другой день въ газетахъ. А сегодня, когда онъ подалъ новое письменное заявленіе начальнику сыскной полиціи, вотъ въ той большой комнатѣ,—ему хотѣлось сказать:

— Извините за беспокойство. Вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ.

Начальникъ задалъ ему два-три вопроса строгимъ голосомъ, съ унылымъ взглядомъ чловѣка, которому такая „пустяковина“, какъ кража изъ пиджака четырехсотъ рублей, нисколько не занимательна.

И потомъ, когда онъ говорилъ съ офицеромъ, пригласившимъ его ознакомиться съ альбомомъ извѣстныхъ карманниковъ и другихъ воровъ, ему еще яснѣе стало, что „ничего изъ этого не выйдетъ“.

— У васъ и документы были въ бумажникѣ?—спросилъ его офицеръ.—Паспортъ?

— Паспорта не было; но два-три письма дѣловыхъ... И письма одна...

— Денежная?

— Да, денежная.

Офицеръ усмѣхнулся и посмотрѣлъ вбокъ.

— Видите... У здѣшнихъ жуликовъ бываетъ иногда такая повадка. Деньги они прикарманяютъ, а ежели бумаги, паспорта и другое что—въ почтовый ящикъ опустятъ, который поближе.

— Честность, значить, есть... своего рода джентльменство.

— Какъ видите.

— А на этотъ разъ они не разсудили такъ поступить?

— Почтовое вѣдомство намъ препроводить... коли что найдется въ ящикахъ.

Все это говорилось тономъ совершеннаго равнодушія. Теркинъ глядѣлъ на офицера и думалъ, какая ему, должно быть, тоска на этой постылой службѣ... Воспитывался онъ, навѣрно, въ юнкерскомъ училищѣ, вышелъ въ драгуны, по службѣ не пошелъ—куда же идти?.. Въ полицію. Смыслилъ онъ въ лошадахъ, въ хорошей ѣздѣ, книжки почитывалъ, барышень умѣлъ смѣшить, ну, въ картишки... А тутъ надо интересоваться нравами и повадками „господъ жуликовъ“, принимать въ сердцу всякую обывательскую непріятность, постоянно работать головой, изощрять свою память и наблюдательность. Тосчища!

Альбомъ, развернутый передъ Теркинымъ на подоконникѣ, держался не въ особенномъ порядкѣ. Нижнія карточки плохо сидѣли въ своихъ отверстіяхъ, не шли сплошными рядами, а съ

промежутками. Но все-таки было много всякаго народа: мужчинъ, женщинъ, скверно и франтовато одѣтыхъ, бородатыхъ и совсѣмъ безбородыхъ, съ скопческими лицами, смуглыхъ и блѣднѣвшихъ. И фамилии показывали, что тутъ стеклись воры и карманники съ разныхъ русскихъ окраинъ: мелькали польскія, нѣмецкія, еврейскія, хохлацкія фамиліи.

На одной фамиліи Теркинъ остановился:

— Кашица,—прочелъ онъ вслухъ.

Такой фамиліи онъ еще никогда не слыхалъ.

Карманникъ Кашица снятъ былъ въ шапкѣ и въ чуйкѣ съ мерлушковымъ воротникомъ. И, взглядываясь въ него, Теркинъ подумалъ:

„А вѣдь тотъ былъ въ этомъ родѣ“.

Сходство съ жуликомъ, толкавшимъ его въ вагонъ конки, показалось ему довольно близкимъ: какъ будто есть и рябины, и борода такого же рисунка; въ глазахъ что-то, оставившее слѣдъ въ памяти.

Больше минуты взглядывался онъ въ лицо Кашицы... И похожъ, и непохожъ!..

— Ну, что?.. Не признали никого?—раздался сзади молодой, басистый голосъ поручика.

Теркинъ обернулся.

— Съ однимъ какъ будто есть сходство. И фамилія у него такая курьезная—Кашица.

— Очень можетъ быть... коли онъ на свободѣ... Это узнать нетрудно.

Теркинъ всталъ.

— Нѣтъ, поручикъ, положительно утверждать не могу... Еслибъ дошло до судебного разбирательства—не присягну...

— Ужъ это—ваше дѣло!..

Теркину пришла мысль о сыщикѣ.

— Всего бы лучше...—сказалъ онъ вполголоса:—на сыщика руку наложить. Хорошій процентъ ему...

— Безъ сыщика и не обойдется,—уклончиво отвѣтилъ офицеръ и спросилъ, поворачиваясь на каблукъ:

— Адресъ вашъ изволили оставить?

— Какже!

Онъ далъ адресъ меблированныхъ комнатъ, откуда сегодня же они должны были переехать за городъ.

Потануло поскорѣе уйти изъ душныхъ низкихъ комнатъ сыскаго отдѣленія, разомъ „поставить крестъ“ на своей потерѣ,

хотя, въ виду близкихъ большихъ платежей, деньги на карман-
ные расходы были бы весьма и весьма нелишнія.

Воздухъ этихъ комнатъ, пропитанный запахомъ канцелярской
пыли, сургуча и сапожной кожи, хваталъ его за горло. Онъ
много видалъ видовъ, но рѣдко попадалъ въ такія мѣста, какъ
полицейскіе участки, съѣзжіе дома, „кутузки“. Въ настоящей
тюрьмѣ или острогѣ и совсѣмъ не бывалъ, даже въ качествѣ
посѣтителя.

Гадливое чувство поднималось въ немъ... Все тутъ пахло
развратомъ, грязью самой мелкой плутоватости и кровью звѣр-
скихъ убійствъ. Лица сновавшихъ полицейскихъ, унтеровъ, ка-
кихъ-то подозрительныхъ штатскихъ въ темной и большой пе-
редней, наполнили его брезгливой тревогой и вмѣстѣ острымъ
сознаніемъ того, какъ онъ въ душѣ своей и по всему харак-
теру жизни и дѣлъ далекъ отъ этого трущобнаго царства.

На крыльцѣ садика, куда выходилъ фасадъ зданія, Теркинъ,
только-что надѣвшій шляпу въ сѣняхъ, опять снялъ ее, какъ
дѣлаютъ невольно, выходя изъ духоты на свѣжій воздухъ.

Но на дворѣ было едва ли не жарче, чѣмъ въ комнатахъ
сыскаго отдѣленія.

Онъ остановился и поглядѣлъ на переулочъ сквозъ рѣшетку
забора... Тамъ стояли два извозчика... Изъ-за сосѣднихъ домовъ
искрился крестъ какой-то близкой церкви.

Вдругъ его что-то пронзило. Ощущеніе—было ему давно из-
вѣстно. Нѣсколько лѣтъ, когда онъ просыпался, первой его
мыслью являлись внутреннія слова: „тебя съѣли въ волостномъ“...
И краска вспыхивала на щекахъ... Иногда это замѣнялось кар-
тиной сумасшедшаго дома и уколомъ совѣсти въ формѣ словъ:
„ты носилъ личину“.

И тутъ совершенно такъ же, съ внезапнымъ приливомъ къ
щекамъ, онъ услышалъ внутри себя вопросъ:

„А ты чѣмъ лучше карманника Кашицы?“

Вопросъ переплелся тотчасъ же съ вереницей устыжающихъ
мыслей: о деньгахъ Калеріи, о платежѣ за пароходъ.

Вѣдь онъ уже пошелъ на сообщничество съ Серафимой. На
груди его—замшевая сумка и въ ней деньги, нужныя для того,
чтобы спустить на воду пароходъ „Батракъ“.

XXXVIII.

Пастухъ заигралъ на длинной берестовой трубѣ.

Подъ этотъ звукъ проснулся Теркинъ...

Онъ лежалъ въ мезонинѣ дачи, передѣланной изъ крестьянской избы. Сзади, изъ балконной двери на галерейку, въ отверстіе внутренней подвижной ставни проходилъ лучъ зари. Справа окно было только завѣшено коленкоровой шторой. Свѣтъ уже наполнялъ низкую и довольно просторную комнату, гдѣ, кромѣ желѣзной кровати, стояли умывальникъ и шкафъ для платья да два стула.

Особая деревенская тишина обволакивала его. Звукъ трубы дѣлалъ ее еще ощутительнѣе. Пастухъ игралъ совсѣмъ такъ, какъ, бывало, въ селѣ Кладенцѣ, когда надо было выгонять корову.

Онъ лежалъ съ полузакрытыми глазами и прислушивался. Давно ему не приводилось просыпаться такъ рано на деревенскомъ просторѣ. Думать, соображать, отдаваться заботамъ дня, заглядывать въ будущее—не хотѣлось.

Внизу поживаетъ Сима. Тамъ спальенка тѣсная, въ одно окно и съ такой же узкой желѣзной кроватью. Онъ могъ бы почевать внизу. Но на этомъ онъ не безъ умысла не настаивалъ, что, кажется, ей не очень понравилось.

Но онъ находилъ, что такъ лучше. Прислуга можетъ принимать ихъ за мужа и жену, но все-таки пристойнѣе не давать повода къ лишнимъ разговорамъ.

Да и не это одно. Зачѣмъ сразу повторять супружескую жизнь... „перины, подушки“,—какъ онъ выражался въ этихъ случаяхъ.

Такъ онъ думалъ вчера, когда они улаживали свое дачное житье, а теперь его полудремота переходила отъ ощущений утра къ чувству тихаго довольства и ласки, обращенной на подругу.

Пересталъ играть пастухъ. Протянулось нѣсколько минутъ. Изъ-за рѣки долетѣло блеянье. Гдѣ-то калитка скрипнула на ржавыхъ петляхъ. Дергачъ задергалъ въ низинѣ. И еле-еле схватывало ухо звуковое трепетаніе жаворонка.

Рубиновый отсвѣтъ пропалъ. Мягкій снопъ свѣта залилъ комнату.

— Нечего валяться!—выговорилъ вслухъ Теркинъ и сбросилъ съ себя пижеевое одѣяло.

Все внизу спало глубокимъ сномъ: Серафима, горничная, кухарка, даже кухонный мужикъ, взятый изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Теркинъ наскоро умылся и, накинувъ на себя пальто прямо поверхъ рубашки и въ туфляхъ, спустился на цыпочкахъ по узкой лѣсенкѣ, которая вела на заднее крыльцо.

Емко втянулъ онъ въ себя воздухъ на холодѣ зардѣвавшаяся утра.

Особенной свѣжестью росы еще отзывался этотъ воздухъ. Ночи стали уже холоднѣе, и внизъ по лощинѣ, куда Теркинъ повернулъ по дорогѣ въ овражекъ, бѣлая пелена покрывала озимые всходы. И по деревьямъ овражка ползли разрывчатые куски жидкаго тумана.

Какъ ему жаль было ружья и собаки! Они остались тамъ, на Волгѣ, въ посадѣ, гдѣ у него постоянная квартира, по близости пароходной верфи. Тамъ же и все остальное добро. На „Сильверстѣ“ погибла часть платья, туалетныя вещи, разныя бумаги. Но все-таки у него было такое чувство, точно онъ начинаетъ жизнь сызнова, по выходѣ изъ школы, съ самымъ легкимъ багажемъ—безъ кола, безъ двора.

Да „кола и двора“ у него и до сихъ поръ какъ слѣдуетъ нѣтъ. Изъ крестьянскаго общества онъ давно уволился. Домишко Ивана Провофныча, послѣ смерти старухи, отдалъ въ аренду, потомъ продалъ.

А захотѣлось ему въ эту минуту, когда онъ спускался къ овражку, владѣть землей, да не здѣсь, а на Волгѣ, съ усадьбой на горѣ, съ паркомъ, чтобы лѣсу была не одна сотня десятинъ, и рыбная ловля, и пчельникъ, и заливные луга, свой конскій заводъ.

И вспомнилось ему, какъ онъ еще мальчуганомъ гостилъ съ отцомъ въ промысловомъ селѣ „Заводное“, вверхъ по Волгѣ въ сосѣдней губерніи, на луговомъ берегу, и какъ онъ забирался на колокольню одной изъ двухъ церквей и по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на барскую усадьбу съ паркомъ, который спускался внизъ въ самой рѣкѣ. Все внутри его пылало жаждой обладать такимъ угощемъ, сдѣлаться богатѣмъ и купить у господъ всю ихъ „дачу“ вмѣстѣ съ дремучими лѣсами. Онъ не зналъ этихъ господъ, а не любилъ ихъ. И тогда въ домѣ уже никто не жилъ. Цѣтники и паркъ стояли въ забросѣ. У него сердце болѣло за все это приволье.

И вотъ теперь передъ нимъ отъкрывается даль владѣльческаго обладанія. Черезъ два-три дня онъ поѣдетъ въ Нижній вносить за „Батрака“ двадцать тысячъ и спускать парходъ на воду, дѣлать свой первый рейсъ вверхъ по Волгѣ. Онъ проѣдетъ мимо того села Кладенца, гдѣ его сѣкли, и мимо той усадьбы, гдѣ строевые лѣса стоятъ въ глубинѣ.

Глаза Теркина мечтательно глядѣли въ даль лощины, откуда бѣлая пелена уже исчезла подѣ тепломѣ утреннихъ лучей. Онѣ сталѣ припоминать свои дѣтскія ощущенія, когда онѣ лазилѣ на колокольню села „Заводное“. Тогда такая усадѣба казалася ему чѣмѣ-то сказочнымѣ, въ родѣ тѣхъ сокровищъ и чертоговѣ, что вставали передѣ нимѣ, еще передѣ поступленіемѣ въ гимназію, надѣ разрозненной частью „Тысячи и одной ночи“.

А теперь это было если неосуществимо сегодня, завтра, то возможно, вѣроятно, если „Батракѣ“ принесетѣ съ собой удачу. Пароходѣ, участіе въ „Товариществѣ“—это только ступеньки, средство расширить „районѣ“. Кѣ лѣсу тянетѣ его... И тянетѣ не такѣ, какѣ гнусаго скупщика, который рубить и корчуетѣ, хищнически истребляетѣ вѣковые кражи сосноваго бора, полнога чудесной русской мощи и поэзіи.

Нѣтъ! Не о томѣ мечтаетѣ онѣ, Василій Теркинѣ, а какѣ разѣ объ охраненіи родныхъ богатствѣ. Еслибы судьбѣ угодно было, чтобы такія угоды, какѣ лѣсная дача при усадѣбѣ „Заводное“, попали въ его руки—онѣ положилѣ бы на нее всю душу, завелѣ бы раціональное хозяйство съ правильными порубками. Можетѣ быть, и совсѣмѣ бы не рубилѣ десятки лѣтъ, и сдѣлалѣ бы изѣ этого дремучаго бора „заказникѣ“. Будутѣ у него дѣти, и дѣтямѣ бы завѣщалѣ его, какѣ неприкосновенную, неотчуждаемую собственность, какѣ майоратѣ,—такѣ у барѣ водится, которые ограждаютѣ свой родѣ отѣ обѣднѣнія.

Быстрой, легкой походкой поднялся онѣ изѣ овражка, гдѣ черныи лѣсокѣ распозлся по подѣемамѣ, и вышелѣ проселкомѣ на самыи верхѣ волока.

Оттуда виднѣлась красная крыша и рѣзко штукатуренныи стѣны какой-то фабрики. Онѣ уже слышалѣ звонѣ фабричнаго колокола, когда сходилѣ отѣ себя, сверху.

Вотѣ чего онѣ не будетѣ заводить. Хотѣ бы у него деньги куры не клевали. Фабричное дѣло! Мастеровщина! Заводская гольѣба, пьяная, ярыжная, франтоватая, развратная, оторванная отѣ сохи и топора.

Онѣ не обмазываетѣ медомѣ „мужичка“; онѣ, еще двѣ недѣли назадѣ, въ разговорѣ съ Борисомѣ Петровичемѣ, доказывалѣ, что крестьянству надо сначала копейку сколотить, а потомѣ уже о спасеніи души думать. Но развѣ мужикѣ скопить ее фабричной лямкой? Три человекѣ на сотню выбьются, да и то самыи плутоватыи; остальные—какѣ онѣ выразилѣ тогда—„осатанѣнныи“.

Это самое слово употребилѣ онѣ мысленно, и сейчасѣ передѣ нимѣ всплыло нервное и доброе лицо любимаго писателя; онѣ

вспомнилъ и то, что ему тогда хотѣлось поискреннѣ исповѣдаться Борису Петровичу.

А теперь пошелъ ли бы онъ по доброй волѣ на такую исповѣдь, вотъ по дорогѣ въ тотъ лѣсъ, на полномъ досугѣ?

Онъ мотнулъ на особый ладъ головой и произнесъ вслухъ:

— Мало ли что!

„Батракъ“ ждетъ тамъ, на Волгѣ, въ Сормовѣ. Сегодня же онъ выдастъ вексель Серафимѣ. Это ея дѣло—вѣдаться съ той, со святошей, съ Калеріей.

Самый этотъ звукъ: „Калерія“—былъ для него непріятенъ.

То-ли дѣло Серафима! Красавица, свѣжа, какъ распустившійся розанъ, умница, смѣлая и преданная всѣмъ существомъ своимъ и безъ всякихъ глупыхъ причудъ. Она вѣритъ ему. Когда ей понадобится капиталъ—она знаетъ, что онъ добудетъ его.

XXXIX.

Извивами между кудравыхъ, веселыхъ береговъ протекаетъ Яуза. Лодка лѣниво и плавно повернула за выдавшійся мысокъ, гдѣ у самаго обрыва разросся кленъ, и корни, на половину обнаженные, глядѣлись въ чуть замѣтное вздрагиванье проточной воды.

На рулѣ сидѣла Серафима, на веслахъ—Теркинъ. Они ѣздили кататься внизъ по Яузѣ, къ парку, куда владѣлецъ пускаетъ публику и гдѣ устроена театральная зала.

Вечеръ медлилъ надвигаться. Розовато-желтоватый край неба высился надъ кустами и деревьями побережья. Тепло еще не уходило... Стояли двадцатые числа августа.

Работая веслами, безъ шляпы, въ томъ самомъ пиджакѣ, откуда у него выхватили въ Москвѣ бумажникъ, Теркинъ любовался Серафимой, сидѣвшей вбокъ, съ тонкой веревкой, накинутой вокругъ ея стана, въ свѣтлой фланелевой рубашкѣ съ отложнымъ матросскимъ воротникомъ. На ней тоже не было шляпки. Волоса на лбу немного разметались. Грудь высокая, драпированная складками мягкой рубашки, тихо колыбалась. Засученныя по локоть руки двигались медленно, туда и сюда, и бѣлизна ихъ блестяла минутами отъ этихъ движеній. И въ лицѣ она немного порозовѣла. Пышный, полуоткрытый ротъ выступалъ ярче обыкновеннаго на фонѣ твердыхъ щекъ, покрытыхъ янтарнымъ пушкомъ.

— Благодать!—тихо выговорилъ Теркинъ.

Онъ приподнялъ весла надъ водой и капли западали въ воду.

И тотчасъ же онъ воззрился влѣво, въ одно крутое мѣсто берега, гдѣ видѣлись темныя мужскія фигуры. Тамъ, кажется, разведенъ былъ и огонекъ.

Еще вчера кухонный мужикъ рассказывалъ ему, что на Лужѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ они теперь катались, московскіе жулики собираются въ ночи, дѣлать добычу, ночуютъ, кутятъ. Позднѣе и пошаливаютъ, коли удастся напасть на запоздавшего дачника, особливо барыню.

— Про вашу покражу, — сказалъ ему мужикъ, — навѣрно они превосходно все знаютъ.

Объ этомъ именно вспомнилъ Теркинъ.

— Сима! — погромче окликнулъ онъ: — держи-ка полѣвѣе, вонъ къ тому обрыву.

И онъ ей рассказалъ про свой разговоръ съ кухоннымъ мужикомъ.

Она рассмѣялась и выпрямила станъ.

— Что-жъ, Вася, ты хочешь знакомство съ ними свести?

— Почему нѣтъ? Небось! Не ограбятъ! Да у меня-жъ ничего и нѣтъ. Развѣ пиджакъ снимутъ. Мы подѣждемъ, я спрыгну. Попрошу огонька. А ты взадъ и впередъ покатайся. Когда я крикну: ау! — подплывай. Ты вѣдь умѣешь грести? Справившись?

— Еще бы! — увѣренно и весело откликнулась Серафима и ловко стала направлять носъ лодки къ крутому обрыву, гдѣ видѣлась, утопанная въ травѣ, узкая тропа, шедшая внизъ, къ водѣ.

По этой тропѣ и вскарабкался Теркинъ. Стало немного темнѣть.

Однимъ скачкомъ попалъ онъ наверхъ, на плѣшинку, подкупой деревьевъ, гдѣ разведенъ былъ огонь и что-то варилось въ котелкѣ. Пониже, на обрывѣ, примостился на корточкахъ молодой малый, испитой, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и опореалъ на босу ногу. Онъ курилъ и держалъ удочку больше, кажется, для виду. У костра лежала, подобравъ ноги въ сапогахъ, баба, въ родѣ городской кухарки; лица ея не видно было изъ-подъ надвинутаго на лобъ ситцеваго платка. Двое уже пожилыхъ мужчинъ, съ обликомъ настоящихъ карманниковъ, валялись тутъ же.

— Огоньку можно? — звонко спросилъ Теркинъ у того, что удилъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Ни онъ, ни товарищи его не выказали удивленія и только переглянулись между собою. Женщина не подналась съ мѣста и даже повернула голову въ другую сторону.

— Кашицу варите? — спросилъ той же звонкой и ласковой нотой Теркинъ и, закуривъ папиросу, подошелъ къ костру.

— Супъ-потафи! — хрипло и насмѣшливо отвѣтилъ одинъ изъ валавшихся, въ холстинномъ грязномъ картузѣ и непомѣрно широкихъ штанахъ, какіе носятъ полотеры.

— А что, братцы, — заговорилъ Теркинъ, не покидая ласкового тона: — вы вѣдь всѣ знаете другъ друга, — оба лежавшіе у костра приподнялись немного: — вотъ у меня на дняхъ выхватили бумажничъ, у Воскресенскихъ воротъ на конкѣ... денегъ четыреста рублей. Ихъ теперь, извѣстное дѣло, и слѣдъ простылъ. Мнѣ бы бумаги вернуть... письма нужны и одну росписку... Они вѣдь, все равно, господамъ рыцарямъ тумана ни на что не пригодятся.

— Какъ вы сказали? — переспросилъ хриплый. — Рыцарямъ?..

— Тумана... Такая книжка есть. Цѣлое сообщество... господъ артистовъ по вашему промыслу, въ городѣ Лондонѣ.

— Ишь ты! — пустилъ глухой нотой карманничъ въ картузѣ.

Теркинъ не сомнѣвался, что всѣ они не просто шатуны, а профессиональные воры.

— Такъ вотъ, братцы, — продолжалъ онъ еще веселѣе и добродушнѣе. — Ваши товарищи иногда паспорта и бумаги возвращаютъ, опускаютъ въ почтовый ящикъ. Объ этомъ мнѣ въ сыскномъ отдѣленіи говорили. И со мной бы такъ можно обойтись. Ежели за это награду пожелаете... я не откажу... А затѣмъ, прощайте!

Онъ сбѣжалъ внизъ и крикнулъ:

— Ау!

Лодка была въ двухъ аршинахъ. Серафима однимъ ударомъ веселъ врѣзалась носомъ въ то мѣсто, гдѣ кончалась тропа, и Теркинъ вскочилъ.

Они молчали минуты съ двѣ, на обратномъ пути вверхъ по рѣкѣ.

Потомъ онъ передалъ ей разговоръ съ „жуликами“, и она сказала съ лаской въ глазахъ:

— Школьникъ ты, Вася! Молоденькій какой! Моложе меня! Даромъ, что на десять лѣтъ старше!

Но когда они причаливали къ доскамъ пристани, около бу-пальни и сквозь густо темнѣвшую стѣну липъ чьего-то сада, онъ увидѣлъ главку старинной церкви, построенной въ видѣ шатра. Теркинъ, совершенно такъ же, какъ на крыльцѣ сыскаго отдѣленія, почувствовалъ, какъ его пронизала мысль:

„А ты чѣмъ лучше ихъ?“

Это даже разсердило его; онъ хотѣлъ бы подавить, еслибъ

можно было, быстрый приливъ краски къ щекамъ, котораго однако Серафима не замѣтила.

— Присядемъ вонъ туда, на скамью. Немножко отдохнемъ.

Она указала ему рукой на скамью, стоявшую въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега, около низкаго частокола. Надъ скамьей нагнули свои вѣтви двѣ старыя березы. Стволы ихъ были совсѣмъ изрѣзаны.

Теркинъ провелъ ее подъ руки, но не сѣлъ рядомъ съ ней, а сталъ разбирать нарѣзки одной изъ березъ.

— Вася! — окликнула она его. — Сядь, милый!

Онъ сѣлъ.

— Что ты вдругъ смолкъ?.. А?.. Точно тебя холодной водой облили.

— Ничего. Съ какой стати?..

Онъ выговорилъ это возбужденно и заглянулъ ей въ лицо.

— Нѣтъ! Я знаю... что тебя можжить!.. Вотъ завтра ты въ Нижній собрался. Пароходъ на воду спускать. И вмѣсто того, чтобы на всѣхъ парахъ идти, ты опять теребишь себя. Глупости какія!

Это „глупости какія“ вышло у нея такъ мило, что онъ не воздержался и взялъ ее за талию.

— Извѣстно, глупости! Со мной нечего хитрить, Вася. Я вижу. Сколько разъ повторять тебѣ, что это дѣло мое съ мамшей. Ты у меня занимаешь... Да еще векселя тутъ всякіе... Я не приму векселя.

— Ну, этого я не допущу! — почти гнѣвно выговорилъ онъ, поднялся и заходилъ передъ ея глазами.

— Сядь, сядь! Не бурли! Что это въ самомъ дѣлѣ, Васенька! Такой дивный вечеръ, тепло, звѣздочки вонъ загораются. На душѣ точно ангелы поютъ, а ты съ своими глупостями... Зачѣмъ мнѣ твой вексель? Разсуди ты по купечески... А еще дѣловымъ человекомъ считаешь себя! Выдалъ ты мнѣ документъ. И прогорѣлъ. Какой же намъ отъ этого профитъ будетъ? А?..

— А умру я? Утону? Или на желѣзной дорогѣ вагонъ разобьешь?

— Такъ что-жъ?

— У тебя заручка есть.

— Какая? Вася! Побойся Бога! Хочешь непременно въ покойники записываться... Гадость какая! Ну, умрешь. Я предъявлю вексель. Что же останется, коли пароходъ у тебя на одну треть въ кредитъ? Заводъ, небось, прежде всѣхъ другихъ кредиторовъ поидеть?

— Вонъ какой дѣлецъ выискался!—шутливо вскричалъ онъ; но тотчасъ же перемѣнилъ тонъ, сѣлъ опять рядомъ съ нею, взявъ ея руку и сказалъ тихо, но сильно: —Безъ документа я денегъ этихъ не возьму. Сказано—сдѣлано!

Они помолчали.

— Ахъ, вы, мужчины! Законники! Точно дѣти малыя! Какъ знаешь! Только чтобы до твоего отъѣзда ни одного слова больше объ этихъ деньгахъ. Слышишь?

Поцѣлуй звонко разнесся въ засвѣжѣвшихъ сумеркахъ.

— Дурачокъ ты, Вася! Нужды нѣтъ, что мы не вѣнчаны съ тобой! Но насъ судьба веревочкой перевязала—слышишь! Мужъ да жена—одна сатана! Знаешь поговорку?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ и опустилъ голову...

XL

— Молись Богу! —раздалась команда.

Молодой, раскатистый голосъ пронесся по всему пароходу „Батракъ“.

Капитанъ Подпасковъ—изъ морскихъ шкиперовъ, весь въ сѣнѣ, нервный, небольшого роста, съ усами, безъ бороды—снялъ свою фуражку, обшитую галуномъ, и перекрестился.

Рядомъ съ нимъ, впереди рулевого колеса, стоялъ и Теркинъ, взявшись за мѣдныя перила.

И онъ снялъ поярковую низкую шляпу и перекрестился вслѣдъ за капитаномъ.

Всѣ матросы выстроились на нижней палубѣ—сзади шла верхняя, надъ рубкой семейныхъ каютъ—въ синихъ рубахахъ и шляпахъ, съ красными кушаками,—обхватывая овалъ носовой части. И позади ихъ линіи, въ два ряда, лежали арбузы ожерельемъ ярко-зеленаго цвѣта—грузъ какого-то торговца.

Всѣ пассажиры носовой палубы обнажили головы.

Теркинъ, не надѣвая шляпы, кивнулъ раза два на пристань, гдѣ, въ проходѣ у барьера, только-что заставленнаго рабочими, столпились провожавшіе „Батрака“ въ его первый рейсъ, вверхъ по Волгѣ: два пайщика, свободные капитаны, конторщики, матросы, полицейскіе офицеры, нѣсколько дамъ, всѣ пріѣхавшіе проводить пассажировъ.

— Путь добрый, Василій Ивановичъ!—послалъ громче другихъ стоявшій впереди капитанъ Кузьмичевъ.

Его большая, кудельно-рыжая голова высилась надъ другими — и могучія плечи, стянутыя неизмѣнной коричневой визиткой.

— Смѣлымъ Богъ владѣть! — крикнулъ ему въ отвѣтъ Теркинъ и махнулъ фуражкой.

Кузьмичевъ рассчитывалъ, кажется, попасть на его „Батракъ“; но Теркинъ не пригласилъ его, и когда тотъ сегодня утромъ передъ молебномъ и завтракомъ сказалъ ему:

— Василій Ивановичъ. Вѣдь тотъ аспидъ, котораго мы спустили съ „Бирюча“, судомъ меня преслѣдуетъ...

Онъ ему уклончиво отвѣтилъ:

— Ничего не возьметъ!

Но не сказалъ ему:

— Не бойтесь! Если будутъ тѣсненія, — переходите ко мнѣ.

Но въ ту минуту, когда онъ крикнулъ: „Смѣлымъ Богъ владѣть“, онъ забылъ про исторію съ Перновскимъ и думалъ только о себѣ, о движеніи впередъ, по горѣ жизни, гдѣ на самомъ верху горѣла золотомъ и самоцвѣтными камнями царь-птица личной удачи.

Солнце било его прямо въ темя полуденнымъ лучомъ, но онъ оставался безъ шляпы, когда, послѣ команды капитана, „Батракъ“ сталъ плавно заворачивать вправо, пробираясь между другими пароходами, стоявшими у Софроновской пристани, противъ площади Нижнебазарной улицы.

Онъ любовался своимъ „Батракомъ“. Весь бѣлый, съ короткими трубами для отвода пара, — отдушины были, по заграничному, вызолочены — съ четырьмя спасательными катерами, съ полосатымъ тикомъ, покрывавшимъ верхнюю палубу бѣлой рубки, легкій на ходу, нарядный и чистый, весь разуукрашенный флагами, „Батракъ“ сталъ сразу лучшимъ судномъ Товарищества. И сразу же, въ эти послѣдніе дни августа, привалило къ нему столько груза и пассажировъ, что сегодня, полчася до отхода, хозяинъ его далъ приказаніе больше не грузить, боясь сѣсть за Сормовымъ, на томъ перекаѣ, гдѣ онъ самъ сидѣлъ на „Бирючѣ“.

Надъ нимъ слѣва высился горный берегъ Нижняго. Зеленъ обрывовъ уходила въ синее небо безъ малѣйшаго облака; на полгорѣ красѣла затѣйливая пестрая глыба Строгановской церкви, а дальше ютились домики Гребешка. Торчали обрубкомъ Муравьевской башни, и монастырь рѣзко бѣлѣлъ колокольнями, искрился крестами главъ.

А еще дальше расплзлась ярмарка; точно сѣрый многоглавый паукъ, раскинулась она по двумъ рукавамъ Оки и плела свою паутину изъ такого же сѣраго товара, на фонѣ желто-сѣрыхъ

песковъ, тянувшихся въ обѣ стороны. И куда ни обращался взглядъ, вездѣ, на двухъ великихъ русскихъ рѣкахъ, обмелѣвшихъ и тягостно сдавленныхъ перекатами, тѣснились носы и кормы судовъ, ждущихъ ходу внизъ и вверхъ, съ товаромъ и промысловымъ людомъ, пришедшимъ на нихъ же сюда, къ Макарію, праздновать ежегодную тризну передъ идолами кулацкой наживы и мужицкой страды.

Уши у него заложило отъ радостнаго волненія; онъ не слышалъ ежеминутнаго гудѣнія пароходныхъ свистовъ, и только все смотрѣлъ впередъ, на плѣсъ рѣки, чувствуя всѣмъ существомъ, что стоитъ наверху рубки *своего* парохода и пускаетъ его въ первый рейсъ, полнымъ груза и платныхъ пассажировъ, идетъ противъ теченія съ подымательной силой и смѣлостью, не боится ни перекатовъ, ни полнаго безводья, ни конкуренціи, никакой неадачи!..

Но губы его стали шевелиться и что-то выговаривать.

Изъ самыхъ раннихъ ячеекъ памяти, внезапно, выскочили стихи, и какіе!—нѣмецкіе, что его и удивило, и порадовало. По-нѣмецки онъ учился, какъ и всѣ его товарищи, черезъ пень-колоду. Но въ пятомъ классѣ нѣмецъ заставилъ ихъ всѣхъ учить наизусть одну изъ балладъ Шиллера.

— „Er stand auf seines Daches Zinnen“,—выговорилъ Теркинъ уже громко, подъ ритмическій грохотъ машины.

— „Er stand auf seines Daches Zinnen“,—повторилъ онъ, и память подсказала ему дальше:

Und schaute mit ergötzten Sinnen
Auf das beherrschte Samos hin!

И онъ ярче, чѣмъ въ отроческіе годы, вызвалъ передъ собою картину эллинской жизни. Такое же побѣдное солнце... Властитель стоитъ на плоской крышѣ съ зубцами, облитой свѣтомъ, и любитъ всѣми своими „восхищенными чувствами“ покореннымъ островомъ. Самось—его! Самось у него подъ ногами... Смиранный пьедесталъ его величія и мощи!..

Древнегреческій городъ съ цѣлымъ островомъ—и одинъ изъ безчисленныхъ волжскихъ пароходовъ, которому красная цѣна шестьдесятъ тысячъ рублей!

„Василій Иванычъ!.. Не хватили ли, батюшка, черезъ край?“ установилъ онъ себя съ молодой усмѣшкой и тутъ только замѣнилъ, что все время стоялъ безъ шляпы; а „Батракъ“ уже миновалъ сибирскую пристань.

„А кто его знаетъ, каковъ былъ этотъ Самось?“ думалъ онъ

дальше, и струя веселаго, чисто волжскаго задора разливалась по немъ. „Вѣдь это только у поэтовъ выходитъ все великолѣпно и блистательно; а на самомъ-то дѣлѣ, на нашъ аршинъ, оказывается мизерно. И храмы-то ихъ знаменитые меньше хорошей часовни. Пожалуй, и Самось-то тотъ же Кладенецъ, когда онъ былъ стольнымъ городомъ. И Поликрать не выше старшины Степана Малмыжскаго?“

Село Кладенецъ, его родина, всплыло передъ его внутреннимъ зрѣніемъ такъ отчетливо, какъ никогда. А имя Степана Малмыжскаго вызвало тотчасъ незабываемую сцену наказанія розгами въ волостномъ правленіи.

Еще засвѣтло подойдетъ онъ, на „Батракъ“, къ Кладенцу... Что-то будутъ гуторить теперешніе заправилы схода—такіе же, поди, плуты, какъ Малмыжскій, коли увидятъ его, „Ваську Теркина“, подкидыша, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, передъ рулевымъ колесомъ—хозяиномъ и заправилой такой „посудины“?

Чувство пренебрежительнаго превосходства не допустило его больше до низкихъ ощущеній стародавней обиды за себя и за своего названнаго отца... Издали снятьъ онъ шляпу и поклонится его памяти, глядя на погостъ около земляного вала, гдѣ не удалось лечь Ивану Прокофьичу. Косточки его, хоть и въ другомъ мѣстѣ, радостно встрепенутся. Его Вася, штрафной школьникъ, позорно наказанный его „ворогами“, идетъ по Волгѣ на всѣхъ парахъ...

И тутъ только его возбужденная мысль обратилась къ той, кто выручилъ его, на чьи деньги онъ спустилъ „Батрака“ на воду. Тамъ, около Москвы, любящая, красивая женщина, умица и до гроба вѣрная помощница,—рвется къ нему. Въ Нижний онъ уговорилъ ее не ѣздить. Теперь ей уже доставили депешу, пущенную послѣ молебна и завтрака.

Въ депешѣ онъ повторилъ ея любимую поговорку:

„Мужъ да жена—одна сатана“.

— Вѣрно!.. Одна сатана!—выговорилъ онъ всей грудью и кривнулъ капитану:

— Давайте полный ходъ!

П. Боворыкинъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

I *).

Года черезъ два по восшествіи на престолъ императора Александра Николаевича, графъ С. Г. Строгановъ переселился изъ Москвы въ Петербургъ на постоянное жительство въ своемъ домѣ съ извѣстными уже вамъ залами, картинной галереею и съ безподобнымъ кабинетомъ; но вскорѣ онъ долженъ былъ воротиться назадъ въ званіи московскаго генералъ-губернатора. Въ этой должности онъ пробылъ не больше года, потому что былъ приглашенъ во дворецъ для высокаго призванія состоять попечителемъ при особѣ Его Высочества покойнаго Цесаревича Николая Александровича.

Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ Цесаревичъ по годамъ и развитію соответствовалъ поступавшимъ тогда въ студенты. Имѣя это въ виду и цѣня рѣдкія, блистательныя его дарованія, графъ по строго обдуманному плану составилъ для него своеобразный университетскій курсъ изъ нѣсколькихъ наукъ юридическаго и филологическаго факультетовъ и военной академіи генеральнаго штаба, а въ преподаватели взялъ профессоровъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній и духовной академіи.

Въ 1859 г., 11 ноября, получилъ и я отъ графа слѣдующее официальное письмо:

„М. г., Ѳеодоръ Ивановичъ! Высоко цѣня ученые труды ваши, я нашелъ полезнымъ пригласить васъ для преподаванія Его Высочеству Государю Наслѣднику исторіи русской словес-

*) Первая часть воспоминаній Ѳ. И. Буслаева, обнимавшая эпоху его дѣтства и школы, напечатана въ 1890 г. (окт., нояб. и дек.); вторая часть, напечатанная въ 1891 г. (апр., май, іюнь, іюль, окт. и нояб.), содержитъ въ себѣ первый періодъ дѣятельности автора въ эпоху имп. Николая I; настоящею статью начинается третья и послѣдняя часть: эпоха имп. Александра II.—*Ред.*

ности, въ томъ ея значеніи, какъ она служитъ выраженіемъ духовныхъ интересовъ народа, и имѣлъ счастье повергать сіе на усмотрѣніе Государи Императора, на что и послѣдовало Высочайшее Его Величества соизволеніе. Во исполненіе Высочайшей воли сообщено о новомъ назначеніи вашему министру народнаго просвѣщенія.

„Извѣщая о семъ, прошу васъ, милостивый государь, о составленіи по сему предмету программы въ томъ видѣ, какъ вы предполагаете вести занятія съ Наслѣдникомъ, имѣя въ виду годовой срокъ и лекціи по три раза въ недѣлю“.

Я зналъ впрочемъ еще до полученія этого офіціального документа о рѣшеніи графа вызвать меня и покойнаго Сергѣя Михайловича Соловьева, для чтенія лекцій Государю Наслѣднику. Вотъ вамъ выдержка изъ письма графа ко мнѣ, отъ 26 октября 1859 г.

„Сегодня я писалъ академику Гроту, прося его дать мнѣ письменно и послѣдовательно свѣденія о занятіяхъ его съ Наслѣдникомъ, но узналъ, что Яковъ Карловичъ уѣхалъ въ Москву. Хотя я увѣренъ, что онъ съ вами увидится, но считаю нужнымъ предупредить васъ и просить о томъ же сообщить Сергѣю Михайловичу Соловьеву. Желательно, чтобы вы оба получили отъ Грота нужныя подробности о занятіяхъ его съ Наслѣдникомъ и о степени его развитія.

„Прилагаю вамъ при семъ перечень всѣмъ сочиненіямъ, прочитаннымъ при участіи Классовскаго.

„Мнѣ, кажется, О. И., что главное вниманіе ваше должно быть обращено на приученіе Воспитанника къ *самодѣятельности*, знакомя его съ бытомъ и умственнымъ развитіемъ Россіи въ исторіи ея литературы; но не терять изъ вида необходимость упражнять Наслѣдника въ письменныхъ занятіяхъ, въ передачѣ словесно, отчетливо всего пройденнаго вами; однимъ словомъ, приучать его къ труду. Впрочемъ, при вашей опытности мнѣ нечего останавливаться на этихъ подробностяхъ“.

Для будущей полной біографіи покойнаго Цесаревича Николая Александровича помѣщая упомянутый въ письмѣ графа перечень сочиненій, прочитанныхъ имъ съ Классовскимъ.

„Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, кромѣ пройденныхъ статей изъ стилистики и теоріи поэзіи, кромѣ упражненій въ собственныхъ сочиненіяхъ, переводахъ и т. д., читалъ съ преподавателемъ Классовскимъ:

„1) Хераскова: двѣ пѣсни изъ „Россіады“ и „Владимира“, отрывки изъ „Кадма и Гармонія“.

„2) Фонъ-Визина: „Недоросль“, „Калисеенъ“.

- „3) Кострова: 1-я рапсодія „Иліады“.
- „4) М. Н. Муравьева: отрывокъ изъ „Аскольда“, разговоры (нѣкоторые) „Въ Царствѣ мертвыхъ“.
- „5) Екатерины II: „Февей“, „Хлоръ“.
- „6) Дмитріева: „Ермакъ“, „Причудница“, „Воздушная башня“.
- „7) Карамзина: „Борнгольмъ“ и нѣсколько „Писемъ русскаго путешественника“.
- 8) Гнѣдича: двѣ рапсодіи „Иліады“.
- 9) Жуковского: нѣсколько рапсодій „Одиссеи“, „Наль и Дамаанти“, 2-я пѣснь „Энеиды“, отрывокъ изъ „Мессіады“ Кюпштока, „Орлеанская дѣва“.
- „10) Грибоѣдова: „Горе отъ ума“.
- „11) Пушкина: „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“, „Мѣдный всадникъ“, „Скупой рыцарь“, отрывки изъ „Евгенія Онѣгина“ и „Кавказскаго плѣнника“, „Путешествіе въ Арзерумъ“, отрывки изъ „Записокъ“, „Гробовщикъ“, „Капитанская дочка“, „Дубровский“.
- „12) Лермонтова: „Герой нашего времени“ (съ необходимыми пропусками).
- „13) Гоголя: отрывки изъ „Мертвыхъ душъ“, „Тарасъ Бульба“, „Шинель“.
- „14) Тургенева: „Бирюкъ“, „Бѣжинъ лугъ“.
- „15) Григоровича: „Антонъ-горемыка“.
- „16) Мельникова: „Поярковъ“, „Красильниковы“.
- „17) Нѣсколько пѣсней изъ „Божественной Комедіи“ Данта, въ переводѣ Мина.
- „Для практическаго знакомства съ древнимъ языкомъ читаны:
- „I.—Проповѣдь Луки Жираты (по исторической хрестоматіи Галахова).
- „II.—Отрывокъ изъ проповѣди Иларіона (по истор. хрест. Галахова).
- „III.—Отрывокъ изъ проповѣди Іоанна Болгарскаго (о частяхъ рѣчи), по издан. Калайдовича.
- „IV.—Сазаво-Эмаусскаго евангелія (по изданію Ганки)“.
- „V.—Остромірова евангелія (по изданію Ганки).
- „VI.—Супрасльской рукописи (по изданію Миклошича).
- „VII.—Святославова Изборника (по изданію Буслаева).
- „VIII.—Русской Правды (по изд. Калачова).
- „IX.—Несторовой лѣтописи (по Лаврентьевскому списку).
- „X.—Нѣсколько народныхъ сказокъ (по историч. хрестом. Галахова).

„XI.—Письмо царя Алексѣя Михайловича къ Никону (по изданію Бартенева).

„Кромѣ того Его Высочество занимался переложеніемъ въ-которыхъ „псалмовъ“ и „Соломоновыхъ притчей“ на современный русскій языкъ.

„Примѣчаніе. Въ этотъ перечень не вошло читанное Его Высочествомъ съ г. Гротомъ (почти въ продолженіе 5 лѣтъ), съ г. Гончаровымъ (въ продолженіе 7 мѣсяцевъ) и друг.

„Классовскій занимался съ Его Высочествомъ: 1) съ 8 дек. 1856 г. по 17 ноября 1857 г.; 2) съ сентября 1858 г. до 22 октября того же года; 3) съ мая (за вычетомъ семинедѣльныхъ каникулъ) 1859 г. до 23 октября того же года. Всего около 15 мѣсяцевъ“.

Въ половинѣ декабря 1859 г., закончивъ лекціи въ московскомъ университетѣ, я переѣхалъ со своимъ семействомъ въ Петербургъ и помѣстился въ одномъ изъ домовъ графа, находящемся въ Саперномъ переулкѣ, между Надеждинскою улицею и саперными казармами. Теперь рѣшительно не могу припомнить, чѣмъ былъ я занятъ и что дѣлалъ до 27 декабря, когда получилъ отъ графа слѣдующее увѣдомленіе:

„О. И. Ваша первая лекція будетъ завтра въ 12 часовъ. Приходите ко мнѣ въ $\frac{1}{2}$ двѣнадцатаго, чтобы вмѣстѣ поѣхать во дворецъ.

„Въ форменномъ фракѣ, бѣлый галстукъ и крестъ“.

„До свиданія.—Графъ Строгановъ“.

Когда такимъ образомъ наступилъ день и часъ для приступа къ дѣлу, живо представляю себѣ и теперь, какое смутное уныніе на меня напало и безнадежное раздумье одолѣло меня. Я чувствовалъ себя не въ силахъ начать и совершить трудное, великое дѣло, на которое былъ призванъ. Страшился я не за себя, а за свою науку, которой былъ преданъ всѣмъ своимъ существомъ,—страшился потому, что у меня не хватить способностей предложить ее Августѣйшему слушателю въ томъ видѣ и составѣ, въ какомъ я ее люблю и восхищаюсь ею. Я былъ довольно опытенъ въ университетскомъ преподаваніи и умѣлъ владѣть вниманіемъ студентовъ своей аудиторіи; впрочемъ, на расположеніе равнодушной толпы никогда не рассчитывалъ и вполнѣ довольствовался сочувствіемъ немногихъ избранныхъ, настоящихъ моихъ учениковъ, которые любовно и преданно цѣнили мои труды и изслѣдованія въ непочатыхъ еще тогда сокровищахъ русской старины и народности. Теперь—совсѣмъ иное дѣло. Теперь не только моя

скромная аудиторія, но цѣлые факультеты съ придачею военной академіи сосредоточиваются около одной особы, предлагая необходимые результаты разнообразныхъ знаній для безпримѣрнаго въ нашей исторіи самаго полного и многосторонняго образованія будущаго царя русской земли. Въ такомъ необъятномъ кругозорѣ государственныхъ, военныхъ и всякихъ другихъ наукъ интересы моей спеціальности сокращаются чуть не до мелочной забавы празднаго любопытства. Потому-то мой предметъ, какъ приготовительный или общеобразовательный, и назначенъ былъ только на одинъ первый годъ четырехлѣтняго курса. Къ этому я долженъ вамъ прибавить еще вотъ что. Еще въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, усердные ревнители правды деликатно намекали мнѣ, что я попадѣю во дворъ исключительно по милости графа Строганова, который всегда былъ ко мнѣ черезъ-чуръ пристрастенъ и снисходителенъ. Другіе заботливо соболѣзновали, представляя себѣ, какъ стану я доучивать своему слушателю каліками переходжими, прелестями крестьянской избы и деревенскихъ хороводовъ, рукописными подлинниками и разными патериками.

Но прежде чѣмъ буду говорить вамъ о своихъ лекціяхъ, я долженъ въ немногихъ словахъ познакомить васъ съ тою аудиторіею, гдѣ были онѣ читаны. Цесаревичъ занималъ въ бель-этажѣ небольшую часть эрмитажнаго корпуса съ той его стороны, гдѣ отдѣляется онъ отъ Зимняго дворца узкимъ проѣздомъ съ Дворцовой площади къ набережной Невы. Входъ въ апартаменты Цесаревича былъ именно съ того проѣзда. Надобно изъ швейцарской подняться по лѣстницѣ, чтобы сначала очутиться въ небольшой и темноватой прихожей или передней. Кромѣ входа съ лѣстницы, въ этой комнатѣ еще три двери: налѣво, въ задніе или внутренніе покои, а также и въ крытую, висячую надъ тѣмъ проѣздомъ галерею, которою эрмитажный корпусъ соединяется съ Зимнимъ дворцомъ; прямо отъ входа въ корридоръ, ведущій въ залы живописной галереи Эрмитажа, и, наконецъ, направо — въ пріемныя комнаты Цесаревича, съ окнами на Дворцовую площадь, сначала въ залу и потомъ направо же въ кабинетъ. Въ немъ-то и читали профессора свои лекціи Государю Наслѣднику за длиннымъ кабинетнымъ столомъ, приставленнымъ узкою стороною къ окну. Цесаревичъ сидѣлъ спиною къ залѣ, а профессоръ, противъ него, спиною къ глухой стѣнѣ, вдоль которой шелъ широкій шкафъ съ книгами, вышиною аршина въ два.

Лекціи я читалъ въ самый ранній часъ, съ котораго ежедневно начинались учебныя занятія Цесаревича, именно съ девяти до десяти, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, а накануне,

то-есть, по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ, весь день я употреблялъ на составленіе и тщательную обработку того, что завтра утромъ буду излагать своему слушателю. Я не читалъ ему написанное на принесенныхъ съ собою листахъ, а соображалъ съ ними, время отъ времени давалъ своей лекціи форму болѣе оживленной бесѣды, вызывая его на вопросы въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ мнѣ казалось, возможно было съ его стороны какое-либо недоразумѣніе. Принесенные листы оставлялись ему для приготовленія отчета, которымъ и начиналась слѣдующая лекція.

Такимъ образомъ, кромѣ воскресенья, была у меня занята вся недѣля. Впрочемъ, по прочтеніи лекціи Наслѣднику, весь день я отдыхалъ на полной свободѣ до самаго вечера. Съ десяти часовъ до двѣнадцати я дѣлалъ посѣщенія, заставляя въ такое раннее время всѣхъ, кого мнѣ хотѣлось видѣть, или, пройдя изъ комнатъ Цесаревича черезъ переднюю въ Эрмитажъ, прогуливался по заламъ живописной галереи и скульптурнаго музея. Въ двѣнадцать часовъ завтракалъ по большей части у Доминика, когда намѣревался провести часа два въ Публичной Библіотекѣ, повидаться кое съ кѣмъ и навести какія-нибудь справки въ книгахъ или въ рукописяхъ. Только такимъ образомъ могъ я сноситься съ своими знакомыми, потому что, будучи сильно занятъ срочною работою, я никого не принималъ у себя на дому. Даже по воскресеньямъ и въ тѣ свободные вечера не было мнѣ настоящаго отдыха: въ эти промежутки времени я изготавлялъ для печати обширный сборникъ своихъ монографій. Впрочемъ, какъ вы сейчасъ увидите, такая работа не только не отвлекала меня отъ составленія лекцій, но вполне согласовалась съ этой моей обязанностью и даже способствовала къ болѣе удачному и успѣшному ея исполненію.

Исторія русской и вообще средневѣковой литературы—такой обширный и всеобъемлющій предметъ, что я не иначе могъ распорядиться имъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ, какъ раздробляя его на спеціальные курсы, которые ежегодно мѣнялъ по мѣрѣ того, какъ вдавался все дальше и глубже въ новыя изслѣдованія по русской старинѣ и народности. Потому, чтобы не растерять безслѣдно съ большимъ трудомъ собираемые мною факты, я не ограничивался въ приготовленіи къ лекціямъ голословными программами, а писалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ все, что буду излагать своимъ слушателямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, желая популяризировать свою науку черезъ посредство журналовъ и разныхъ періодическихъ сборниковъ, я извлекалъ для печати изъ своихъ лекцій монографіи, иногда довольно объемистыя, въ которыхъ опускалъ слишкомъ спеціальныя подробности, необ-

ходимыя и наставительныя для студентовъ, но не вразумительныя и скучныя для большинства образованной публики, не подготовленной интересоваться лингвистическими и филологическими тонкостями. Съ 1847 г., когда я вступилъ на кафедру, и до 1860 г. такихъ монографій накопилось столько, что еслибы собрать ихъ изъ періодическихъ изданій, то вышелъ бы очень увѣсистый томъ, даже цѣлыхъ два тома, какъ это и случилось.

Однимъ изъ самыхъ преданнѣйшихъ и вполне сочувствующихъ моимъ изслѣдованіямъ учениковъ былъ Александръ Александровичъ Котляревскій, впоследствии профессоръ славянскихъ нарѣчій въ дерптскомъ университетѣ, а потомъ въ кievскомъ св. Владиміра. По смерти своей онъ оставилъ замѣчательную бібліотеку, очень цѣнную по рѣдчайшимъ старопечатнымъ изданіямъ, особенно иностраннымъ. Собиралъ онъ ее съ большимъ знаніемъ дѣла и въ Россіи, и за границею въ теченіе всей своей жизни, не щадя крупныхъ издержекъ, которыми по своему состоянію могъ онъ располагать. Но и тогда, будучи студентомъ и юнымъ кандидатомъ, онъ любилъ хорошія книги и читать, и собирать, а также и отдѣльныя статьи, вырѣзывая ихъ изъ старыхъ журналовъ, которые покупалъ пудами за безцѣнокъ у московскихъ букинистовъ на Никольской и подъ Сухаревой башнею. Само собою разумѣется, съ великимъ стараніемъ отыскивалъ онъ и собиралъ мои статьи, крупныя и мелкія, гдѣ бы ни были онѣ печатаны. Бережно и въ хронологическомъ порядкѣ сложивъ ихъ всѣ вмѣстѣ, онъ любовался на нихъ, воображая, какъ бы красиво гармонировали онѣ между собою, еслибы очутились отпечатанными въ особомъ сборникѣ. Это была его любимая мечта, и онъ не переставалъ высказывать ее мнѣ всякій разъ, какъ завяжется между нами бесѣда о русскихъ пѣсняхъ, сказкахъ, легендахъ или о старинныхъ рукописяхъ. Общимъ для обоихъ насъ девизомъ нашихъ думъ, замысловъ и нескончаемыхъ разговоровъ была типическая фраза: „старина и народность“.

Мечта моего любимого ученика наконецъ осуществилась въ двухъ томахъ моихъ „Историческихъ Очерковъ русской народной словесности и искусства“, напечатанныхъ въ Петербургѣ въ 1860 г., именно въ то самое время, когда я составлялъ и читалъ лекціи Государю Наслѣднику.

У Котляревскаго былъ пріятель, связанный съ нимъ товариществомъ и давнишнею дружбою, который въ то время имѣлъ въ Петербургѣ одинъ изъ лучшихъ книжныхъ магазиновъ, именно книгопродавецъ Кожанчиковъ. Ему-то и присовѣтовалъ Котляревскій издать на свой счетъ это собраніе моихъ монографій,

снабдивъ его снимками съ миниатюръ изъ русскихъ лицевыхъ рукописей, какъ моихъ собственныхъ, такъ и находящихся въ частныхъ и публичныхъ библіотекахъ. Большую часть такихъ рукописей я привезъ съ собою изъ Москвы; другія добывалъ въ Петербургѣ. Когда я исправлялъ и дополнял свои изслѣдованія для печати, художникъ, приглашенный Кожанчиковымъ, изготовлялъ копии съ миниатюръ у меня на дому, а также и въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Такимъ образомъ, день за день у меня параллельно тянулись двѣ настоятельныя работы, и чтобы не спутаться и не растеряться въ своихъ научныхъ интересахъ и не раздвоить своего вниманія, я принялъ издаваемые мною монографіи за матеріалъ, изъ котораго извлекалъ свои лекціи для Цесаревича. Потому, если желаете знать, что и какъ я преподавалъ ему, прошу васъ просмотрѣть хотя бы оглавленія обоихъ томовъ моихъ „Историческихъ Очерковъ“; а если заглянете тамъ же въ перечень лицевыхъ рукописей, откуда взяты снимки, то составите себѣ понятіе о тѣхъ художественныхъ памятникахъ, которые я приносилъ ему на свои лекціи. Никогда не забуду, съ какимъ наслажденіемъ читалъ я ему объ Остромировомъ евангеліи, объ изборникѣ Святославоу и о великолѣпныхъ миниатюрахъ Сійскаго евангелія по драгоценнымъ рукописямъ, которые были доставляемы намъ для лекцій изъ петербургской Публичной Библіотеки, московской Синодальной и съ далекаго сѣвера изъ Сійскаго монастыря.

Само собою разумѣется, порядокъ и планъ моихъ лекцій былъ совсѣмъ не тотъ, что въ „Историческихъ Очеркахъ“. Основнымъ принципомъ преподаннаго мною курса была идея о великомъ призваніи, для котораго готовилъ себя мой слушатель. Я долженъ былъ предложить ему изъ своей науки то, что подобаетъ вѣдать будущему Царю Россіи!

Для выполненія такой трудной задачи, сколько хватить у меня силъ и способностей, я вознамѣрился расширить объемъ исторіи русской литературы изъ тѣсныхъ предѣловъ такъ-называемой изящной словесности, а въ методѣ преподаванія предпочелъ общимъ обзорѣніямъ и поверхностнымъ характеристикамъ личное знакомство учащагося съ литературными произведеніями, приобретаемое внимательнымъ ихъ прочтеніемъ.

Чтобы дать вамъ понятіе о разнообразіи интересовъ, возбужденныхъ въ умѣ Цесаревича моими лекціями, для примѣра привожу вамъ слѣдующее официальное письмо ко мнѣ О. А. Оома, отъ 1 мая 1861 г., черезъ четыре мѣсяца по окончаніи моихъ занятій съ Его Высочествомъ.

„М. Г., Оеодоръ Ивановичъ. Въ библіотекѣ Государя Наслѣдника Цесаревича оказались, между прочимъ, слѣдующія принадлежащія вамъ книги.

„1) О Россійскихъ Святыхъ, рукопись въ древнемъ переплетѣ. I т.

„2) Регламентъ духовной коллегіи. I т.

„3) Исторія русской церкви, Макарія, епископа Винницкаго, т. III. Спб., 1857 г.

„4) Памятники великорусскаго нарѣчія. Спб., 1855 г.

„5) Владимірскій Сборникъ. Тихонравова. Москва, 1857 г.

„6) Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями. Доброхотова. Москва, 1852 г. I т.

„7) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича I т., въ листъ.

„До отправленія этихъ сочиненій къ вамъ, м. г., мнѣ кажется необходимымъ покорнѣйше просить васъ почтить меня увѣдомленіемъ, не поднесены ли нѣкоторыя изъ этихъ книгъ въ даръ Его Императорскому Высочеству съ тѣмъ, чтобы остальные за симъ немедленно возвратить вамъ.

„Письмо это адресую въ университетъ, по указанію вашему; о томъ же, куда слѣдуетъ послать книги, ожидаю извѣщенія вашего.

„Въ субботу, 29-го апрѣля, Государь Наслѣдникъ переѣхалъ въ Царское-Село; поговаривали-было объ отъѣздѣ 9-го мая въ Москву, но еще неизвѣстно, состоится ли это предположеніе;—если суждено будетъ и мнѣ при этомъ случаѣ побывать въ Бѣлокаменной, то, конечно, не премину навѣстить васъ“.

Въ этомъ письмѣ, по счастливой для меня случайности, сохранился до сихъ поръ образчикъ, или—какъ бы сказать—маленькій отрывокъ каталога книгъ, какія могли тогда интересоватъ Августѣйшаго ученика и его наставника. Тутъ и неисчерпаемая сокровища народной безыскусственной словесности въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ и въ разныхъ другихъ формахъ наивнаго творчества; тутъ и древніе храмы, монастыри и всякія монументальныя урочища по далекимъ концамъ нашего отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и житія русскихъ угодниковъ; тутъ наконецъ и законодательные кодексы церковнаго и гражданскаго содержанія.

Изъ приведеннаго въ письмѣ перечня три книги были поднесены мною въ даръ Государю Наслѣднику, именно: одна рукописная „О Россійскихъ Святыхъ“, и двѣ печатныя: „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“, въ первомъ изданіи XVII вѣка, и позднѣйшая перепечатка „Духовнаго регламента“.

Въ перечнѣ не названа одна рукопись, которую я тоже по-

дарилъ Цесаревичу, и, вѣроятно, потому, что была помѣчена имъ самимъ, какъ его собственность. Когда я читалъ ему лекціи о раскольничьей литературѣ, коснулся между прочимъ необузданныхъ увлеченій и крайностей безпощаднаго изувѣрства старообрядцевъ, и для иллюстраціи своей характеристики принесъ на лекцію принадлежащую мнѣ лицевую рукопись съ миниатюрами самаго злостнаго ухищренія этихъ сектантовъ. При этомъ я вовсе не имѣлъ въ виду возбудить къ нимъ ненависть, а желалъ только позабавить балаганными каррикатурами, въ которыхъ вполне отличается тупое и пошлое невѣжество, когда оно дерзаетъ глумиться надъ святоотеческими предметами. Рукопись эта такъ понравилась Цесаревичу съ перваго же раза, какъ только онъ пересмотрѣлъ въ ней миниатюры, что я съ величайшимъ удовольствіемъ ему подарилъ ее. Его радость была самою драгоценною для меня наградой. Съ тѣхъ самыхъ поръ мнѣ не случилось увидать эту курьезную рѣдкость. По памяти я не могъ бы теперь рѣшительно ничего сказать о ней въ подробности, еслибы въ каталогѣ своихъ рукописей не нашелъ слѣдующаго ея описанія:

„Книга о семи небесахъ, о сотвореніи Адама и Евы“.

Цѣлая раскольничья поэма. Начинается апокрифическими разсказами о первыхъ челоуѣкахъ; затѣмъ объ искупленіи; далѣе, отличіе вѣры старой отъ новой или Никоновой; потомъ повѣсти изъ патериковъ; далѣе, слово о челоуѣкѣ въ отличіе его отъ животныхъ, отъ золота и другихъ металловъ и проч. Вся рукопись въ миниатюрахъ; при каждой миниатюрѣ объяснительный текстъ. Письмо поморское XVIII вѣка въ четвертку. Рукопись рѣдчайшая, единственная въ своемъ родѣ“.

Полюбивъ науку, Его Высочество полюбилъ и относящіяся къ ней рукописи и книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ охоту составлять свою собственную, кабинетную библіотеку, по своему личному выбору и вкусу. Однажды, читая о великомъ значеніи древнихъ монастырей въ исторіи просвѣщенія нашего отечества, я принесъ на лекцію точную копію, снятую литографически съ великолѣпной лицевой рукописи XVI вѣка, содержащей въ себѣ житіе преподобнаго Сергія и хранящейся въ библіотекѣ Троицкой Лавры. Въ иконописной мастерской этого же монастыря былъ изготовленъ и печатный снимокъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, но по очень умѣренной цѣнѣ, всего по семи рублей ¹⁾. Въ обдуманно сочиненныхъ и довольно изящно выполненныхъ

¹⁾ За такую же литографированную копію съ пражской лицевой рукописи Апокалипсиса я заплатилъ сорокъ рублей.

миниатюрахъ изображенъ старинный русскій бытъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, начиная отъ церковной службы и келейной молитвы, отъ школы съ учениками и учителемъ и до мелочей домашнего обихода, какъ мелютъ муку, какъ мѣсятъ тѣсто, пекутъ просвиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и великія событія, сопряженные съ Мамаевымъ побоищемъ, и мирное водвореніе источниковъ просвѣщенія для малограмотной еще въ то время Москвы и ея пустынныхъ окрестностей, въ построеніи значительнаго количества новыхъ монастырей по мысли преподобнаго Сергія и трудами его благочестивыхъ учениковъ, довольно образованныхъ по тому времени, предприимчивыхъ и даровитыхъ, какъ напримѣръ самый лучший изъ всѣхъ нашихъ иконописцевъ, знаменитый Андрей Рублевъ, который даже и представленъ на одной изъ миниатюръ, какъ онъ пишетъ икону надъ воротами Андроникова монастыря; — все это и многое другое привело Цесаревича въ такое восхищеніе, что онъ тотчасъ же порѣшилъ приобрести и для себя такой же экземпляръ копій. Немедленно было послано въ Троицкую Лавру, и черезъ нѣсколько дней къ великой радости получилъ онъ желанную драгоценность.

Изъ того, что я теперь вамъ рассказываю, вы сами можете заключить, какъ неосновательны были мои тревожныя опасенія, когда я только-что началъ читать курсъ исторіи русской литературы Государю Наслѣднику. Не болѣе, какъ черезъ три мѣсяца послѣ того мои ревностныя старанія сдѣлать самое лучшее, что только могу, были вознаграждены такимъ неожиданнымъ и невообразимымъ для меня успѣхомъ, который превзошелъ всякую мѣру самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и мечтаній, казавшихся мнѣ прежде несбыточными.

Это было на святой недѣлѣ. Въ страстную субботу, возвратившись съ лекціи домой, я порѣшилъ на цѣлые восемь дней отъ Свѣтлаго Воскресенія и до „Красной Горки“ сбросить съ плечъ всѣ заботы срочныхъ трудовъ и обязанностей, отвести душу на полной свободѣ и запастись свѣжими силами. Но не долго пришлось мнѣ лелѣять заманчивые планы льготныхъ досуговъ. Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, когда я сидѣлъ за полуденнымъ завтракомъ со своею семьей и съ пріѣхавшими изъ Москвы моими друзьями, Виторовымъ и Котляревскимъ, сверхъ всякаго чаянія является изъ дворца курьеръ съ увѣдомленіемъ, что Его Высочество Государь Наслѣдникъ будетъ слушать мои лекціи въ продолженіе всей святой недѣли, то-есть, во-вторникъ, въ четвергъ и въ субботу. Чтѣ было дѣлать и какъ мнѣ быть? Къ завтрашнему дню приготовиться я не успѣю, и потомъ—чтѣ ста-

лось съ моими праздничными мечтаніями! А пуще всего я боялся наскучить Цесаревичу своими лекціями, полагая, что насъ обоихъ какъ бы приневоливаютъ трудиться по лютеранскому календарю. Немедля ни минуты, выскочивъ изъ-за стола, лету стремглавъ на первомъ попавшемся извозчикѣ къ графу С. Г., впопыхахъ говорю ему, что всю эту недѣлю я думалъ отдыхать, и сегодня не готовился къ завтрашней лекціи, а теперь ужъ два часа, пишу же я ее цѣлый день съ утра до поздней ночи. Графъ обѣщалъ немедленно побывать во дворцѣ, а потому дать мнѣ знать. Вечеромъ получаю отъ него записку слѣдующаго содержанія:

„Во вторникъ будетъ ваша лекція у Наслѣдника. Если вы не приготовили лекціи, можно употребить этотъ часъ на репетицію въ видѣ разговора“.

Итакъ, на другой день, въ девять часовъ утра, мнѣ суждено было явиться къ Цесаревичу безъ лекціи—съ пустыми руками и съ повинною головою. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это все равно, что онъ радъ меня видѣть и похристосоваться со мною, что ему такъ пріятно начинать свои учебные часы моими лекціями. Столько обрадованъ былъ я такимъ лестнымъ для меня признаніемъ, что въ отвѣтъ ничего другого не могъ сказать, какъ только выразить мою усерднѣйшую готовность доставлять ему это удовольствіе не только три раза въ недѣлю, но и всѣ семь дней, не исключая и воскресенья, еслибы это было возможно. Проведя цѣлый часъ въ откровенной бесѣдѣ, мы не имѣли времени на репетицію пройденнаго. Тогда же рѣшено было, чтобы я передалъ Государю Наслѣднику всѣ листы прочитанныхъ мною лекцій въ его собственность, а слѣдующіе за тѣмъ не бралъ бы съ собою назадъ и навсегда оставлялъ ихъ у него. Такимъ образомъ, весь мой рукописный курсъ исторіи русской литературы и остался въ библиотекѣ Его Высочества.

Въ 1860 г., императорская фамилія перемѣстилась въ Царское-Село 19-го апрѣля и оставалась тамъ до первыхъ чиселъ декабря, а къ Николину дню возвратилась въ столицу, чтобы праздновать тезоименитство покойнаго Государя Наслѣдника. Въ тотъ годъ весна была такая холодная, что я могъ перебраться на свою дачу не раньше, какъ въ половинѣ мая, и потому цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ ѣздить по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Царское-Село и обратно. Много было сутокъ въ этотъ промежутокъ времени, но она меня развлекала и даже забавляла, когда я воображалъ себя въ положеніи магника съ широкими взмахами на разстояніи сорокаминутнаго ма-

канья взадъ и впередъ. Въ день лекціи вставалъ я въ шесть часовъ, безъ четверти восемь былъ въ вокзалѣ царскосельской желѣзной дороги и около половины девятаго прїѣзжалъ въ Царское-Село; съ девяти до десяти читалъ лекцію Цесаревичу, потомъ завтракалъ на станціи желѣзной дороги и къ полудню возвращался домой.

Когда я переѣхалъ со своимъ семействомъ въ Царское-Село, въ экономіи моего дня прибыло по малой мѣрѣ три часа, которые я терялъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца на переѣзды по желѣзной дорогѣ. Дачу мы занимали на Колпинской улицѣ въ томъ ея концѣ, гдѣ подходитъ она къ дворцовому парку, или, какъ говорилось во времена Пушкина, къ царскосельскимъ садамъ.

Въ день моей лекціи Государю Наслѣднику я выходилъ изъ дому въ восемь часовъ утра и прогуливался цѣлый часъ, чтобы къ девяти явиться къ Его Высочеству. Поперекъ перешедши улицу, идущую вдоль парка, я тотчасъ же входилъ подъ тѣнь его густыхъ аллей, направляясь къ такъ-называемому Николаевскому дворцу, по имени императора Николая Павловича, который обыкновенно проводилъ въ немъ все время, назначенное для пребыванія въ Царскомъ-Селѣ; отсюда я сворачивалъ направо къ Арсеналу или къ фермѣ, потомъ, обращаясь назадъ, шелъ мимо китайскихъ домиковъ и черезъ нѣсколько минутъ входилъ въ огромный полукругъ двора, образуемый сплошнымъ рядомъ каменныхъ зданій для разныхъ службъ и для квартиръ придворныхъ чиновъ. Середину діаметра этого полукруга занимаетъ задняя сторона дворца. Именно на этотъ дворъ, или, вѣрнѣе сказать, на эту площадь, выходили окна нижняго этажа и наружное крыльцо тѣхъ комнатъ, которыя занималъ во дворцѣ Цесаревичъ. Расположены онѣ были почти такъ же, какъ въ его эрмитажномъ отдѣленіи: изъ передней входъ въ залу и прямо дверь въ кабинетъ, который даже разстановкою мебели походилъ на эрмитажный. Ближайшій путь ко мнѣ на дачу былъ съ крыльца направо мимо этихъ оконъ, а потомъ, миновавъ церковь и зданіе бывшаго царскосельскаго лицея, выйдешь изъ воротъ на улицу.

Чтобы говорить теперь о моихъ занятіяхъ съ Государемъ Наслѣдникомъ въ Царскомъ-Селѣ, мнѣ слѣдуетъ мѣсяца за два воротиться назадъ. По окончаніи лекціи о народной поэзіи въ связи съ преданіями и обычаями, приступая къ письменнымъ памятникамъ древне-русской литературы, я долженъ былъ сначала ознакомить своего слушателя съ ихъ византійскими источниками и образцами. Когда слѣдовало мнѣ говорить о кіево-печерскомъ патерикѣ, предварительно я вошелъ въ нѣкоторыя подробности вообще

о патерикахъ византійскихъ, издавна составлявшихъ любимое чтеніе нашихъ предковъ, разумѣется, въ церковно-славянскомъ переводѣ. Эти назидательныя произведенія въ формѣ старинныхъ сборниковъ новеллъ и повѣстей, раздѣленные на небольшія главы, предлагаютъ самое занимательное и разнообразное содержаніе въ отдѣльныхъ, иногда не связанныхъ между собою рассказахъ о подвижничествѣ древне-христіанскихъ отшельниковъ и пустынножителей, какъ они въ молитвѣ и безмолвіи спасаются въ необозримыхъ песчаныхъ степяхъ, пріютившись въ тѣсныхъ пещерахъ, каждый самъ по себѣ въ одиночку, въ дальнемъ разстояніи отъ другихъ; какъ иногда они сходятся между собою и бесѣдуютъ, но больше пребываютъ въ сообществѣ съ дикими звѣрями, укрощаютъ ихъ и берутъ себѣ на служеніе и въ товарищество; какъ изрѣдка встрѣчаются съ проѣзжими купцами цѣлаго каравана или съ заблудшими разбойниками, и отъ тѣхъ и другихъ узнаютъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; какъ исповѣдуютъ приходящихъ къ нимъ грѣшниковъ или утѣшаютъ несчастныхъ,—а то приводятъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, причемъ иногда, за отсутствіемъ воды, совершаютъ таинство крещенія сыпучимъ пескомъ.

По принятому мною обычаю приносить на лекцію самый памятникъ литературы, о которомъ идетъ рѣчь, на этотъ разъ я взялъ съ собою старопечатную книгу въ малую четвертку, подъ заглавіемъ: „Лимонарь, сирѣчь Цвѣтникъ, премудрыми киръ Іоанномъ, Софроніемъ и инѣми различными преподобными отцы сочиненъ“,—и оставилъ этотъ патерикъ Цесаревичу для просмотра. Его Высочество такъ былъ заинтересованъ имъ, что, прочитывая страницы по двѣ въ день, внимательно изучалъ это интересное литературное произведеніе въ теченіе всего великаго поста и святой недѣли, и столько дорожилъ имъ, какъ онъ самъ сказалъ мнѣ потомъ, что взялъ его съ собою въ вагонъ, когда отправился въ Царское-Село. Это была первая старопечатная книга, которую онъ прочелъ всю сполна. Какъ драгоценную реликвию, я берегу ее вмѣстѣ съ письмами моей матушки и гр. С. Г. Строганова. На послѣднемъ ея листѣ моею рукою означено: „19-го апрѣля 1860 г., во вторникъ, эта книга была перевезена изъ Петербурга въ Царское-Село Государемъ Наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ въ его собственномъ портфелѣ. Петербургъ, 24-го апрѣля 1860 г.“.

Къ этимъ дорогимъ документамъ моего прошедшаго я присоединилъ еще два: книгу въ большую четвертку и брошюру въ восьмую долю листа.

Книга содержитъ въ себѣ „Древнія русскія стихотворенія,

собранныя Киршею Даниловымъ. Москва, 1818 г.". Ее читалъ Цесаревичъ и отмѣтилъ карандашемъ *nota-bene* слѣдующіе стихи, въ которыхъ какое-нибудь изреченіе остановило на себѣ его вниманіе, а именно: 1) изъ былины о Потокѣ Михаилѣ Ивановичѣ: „до любви я молодца пожалую“, стр. 216; „по его по щаски (т.-е. счастки) великія“, стр. 216; „заскрыпѣли полосы булатныя“, стр. 217; „провѣщится ему лебедь бѣлая“, стр. 217; 2) изъ былины о Добрынѣ Никитичѣ: „купатися на Сафать-рѣку“, стр. 346; „пойдешь ты, Добрыня, на Израй на рѣку“, стр. 346; „надѣвалъ на себя шляпу земли греческой“, стр. 346; „свою онъ любимую тетушку, тоя-то Марью Дивовну“, стр. 349; 3) изъ былины о поѣздкѣ Ильи Муромца съ Добрынею: „а втопоры Илья Муромецъ Ивановичъ гляючи на свое чадо милое“, стр. 363; „поклонитися о праву руку до сырой земли; онъ по роду тебѣ батюшка, старой козака“, стр. 264, и проч.

Брошюра содержитъ въ себѣ скорбный помянникъ, приобретенный мною позже, въ Ниццѣ, 9-го мая 1875 г., подъ заглавіемъ: „Chapelle commémorative de S. A. I. le Grand-Duc Césarewitch Nicolas Alexandrowitch, à Nice“.

Изъ этого сцѣпленія фактовъ изъ различныхъ эпохъ, которые теперь сливаются для меня въ одно нераздѣльное цѣлое, я долженъ высвободить ваше вниманіе и остановить его на томъ, какъ въ Царскомъ-Селѣ проводилъ я лѣто 1860 г.

Для подерѣвленія здоровья Цесаревичу слѣдовало купаться въ морѣ, и для того отправился онъ въ Либаву со своею свитою, въ которой были графъ С. Г. Строгановъ, флигель-адъютантъ Рихтеръ, Ѳ. А. Оомъ и лейбъ-медикъ Шестовъ. Эта санитарная поѣздка рѣшительно не удалась. Въ теченіе іюля мѣсяца, проведеннаго Государемъ Наслѣдникомъ въ Либавѣ, было пасмурно и холодно; море хмурилось и бурлило. Большую часть времени приходилось проводить у себя въ комнатахъ, читать и бесѣдовать. Графъ передавалъ мнѣ, что Цесаревичъ взялъ съ собою мои лекціи и по вечерамъ иногда читалъ вслухъ своимъ спутникамъ съ профессорскою интонаціею и съ внушительными паузами, будто съ кафедры университетской аудиторіи. „И какъ это было хорошо, — говорилъ графъ, — совсѣмъ по-студенчески! Студенты любятъ изображать изъ себя своихъ преподавателей и мечтать объ ожидающей ихъ профессурѣ“.

Что касается до меня, то для работы по изготовленію моихъ „Историческихъ Очерковъ“ эти четыре недѣли стояли цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ. Первый томъ былъ уже отпечатанъ и часть второго, такъ что я могъ теперь легко справиться съ дополне-

ніями и передѣлками своихъ монографій, чтобы къ декабрю выпустить въ свѣтъ оба тома.

Теперь я намѣренъ разсказать вамъ о событіи, какъ громъ поразившемъ тогда меня, — о великомъ бѣдствіи, которое могло грозить гибельными послѣдствіями. Однажды въ августѣ мѣсяцѣ прихожу читать лекцію Государю Наслѣднику. Мнѣ говорятъ, что онъ боленъ и еще не выходилъ изъ спальни. Я отправился къ графу Строганову, который, когда пріѣзжалъ въ Царское-Село помѣщался тутъ же, въ нижнемъ этажѣ дворца. Онъ говоритъ, что случилась большая бѣда. Вчера, вмѣстѣ съ Государемъ, Цесаревичъ выѣхалъ верхомъ на скаковой кругъ и — не знаю, при какихъ обстоятельствахъ — упалъ съ лошади навзничъ. Боялись, не повредилъ ли онъ себѣ спину, но опасенія по свидѣтельству врачей оказались напрасны. На другой день мнѣ дано было знать, что завтра Цесаревичъ будетъ слушать мою лекцію. Онъ покаялся мнѣ въ этотъ разъ совсѣмъ не тѣмъ, что былъ всего три дня назадъ. Всегда бодрый, ясный и веселый, теперь онъ какъ-то отуманился, будто утомился отъ непосильной усталы, будто изнемогъ послѣ тяжелой болѣзни. Такъ было мнѣ горестно и жалко. Моя лекція развлекла его, и, прощаясь со мною, онъ по прежнему привѣтливо улыбнулся. Черезъ нѣсколько дней здоровье Цесаревича вполнѣ возстановилось, и все приняло обычный порядокъ, будто ни въ чемъ не бывало.

По осени вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна прибыла изъ-за границы въ Царское-Село и заняла Николаевскій дворецъ. Она была уже безнадежно больна и вскорѣ скончалась (20 октября). Въ ея многочисленной свитѣ была одна особа, съ которой я непременно долженъ немножко познакомить васъ. Это былъ Гриммъ, человѣкъ очень образованный и ученый, и состоялъ нѣкогда гувернеромъ или воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича; покончивъ возложенную на него обязанность, съ почетомъ и щедрою пенсіею онъ воротился въ свое отечество и долго проживалъ тамъ до тѣхъ поръ, пока въ пятидесятыхъ годахъ не былъ вызванъ въ Россію на вторичную службу къ императорскому двору въ качествѣ наблюдателя или инспектора классовъ при покойномъ Государѣ Наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ.

Когда для Его Высочества былъ составленъ университетскій курсъ, обязанности Гримма прекратились сами собой, и онъ опять уѣхалъ въ Германію, награжденный удвоенною пенсіею.

Теперь, какъ я уже вамъ сказалъ, онъ прибылъ въ Царское-Село въ свитѣ императрицы Александры Ѳеодоровны. Я съ нимъ познакомился еще до его отъѣзда за границу. Однажды встрѣ-

четь онъ меня въ царскосельскомъ паркѣ, недалеко отъ Николаевского дворца, и вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія накинулся на меня съ жестокими укоризнами. Припомнить въ точности слова его я теперь не могу, но общій смыслъ ихъ глубоко залегъ въ моей памяти. Онъ говорилъ, что послѣ опаснаго потрясенія, какое постигло Государя Наслѣдника на смотру, требовалось тотчасъ же прекратить всѣ его учебныя занятія и ни о чемъ другомъ не помышлять, какъ только объ его здоровьѣ, а вмѣсто того — какое непростительное ослѣпленіе, какая пагубная оплошность! Эти зловѣщія опасенія я приписалъ тогда мстительности оскорбленнаго человѣка, который никакъ не могъ забыть, что по распоряженію графа Строганова онъ былъ удаленъ изъ придворной службы.

Когда осенніе дни стали значительно короче, Государь Наслѣдникъ пригласилъ меня приходить къ нему по вечерамъ пить чай. Я могъ исполнить его желаніе только въ дни моихъ лекцій, потому что наканунѣ я готовился къ нимъ съ утра до поздней ночи, о чемъ, кажется, я уже вамъ говорилъ. Вечера эти проводили мы обыкновенно вдвоемъ; только изрѣдка приходилъ къ намъ О. Б. Рихтеръ, да раза два протопресвитеръ Рождественскій; что же касается до графа Строганова то онъ вовсе не бывалъ, хотя на моихъ лекціяхъ въ теченіе всего года неизмѣнно присутствовалъ.

Сидѣли мы за большимъ обѣденнымъ столомъ у самовара; Цесаревичъ самъ заваривалъ чай и разливалъ въ чашки. Чтобы постоянно удовлетворять воспримчивой любознательности моего Августѣйшаго собесѣдника, наши разговоры сами собою настроились на серьезный ладъ. Этому, между прочимъ, не мало способствовало и данное мнѣ графомъ указаніе воспользоваться этими вечерами, чтобы ознакомить Его Высочество съ идеями, взглядами и направленіями современной образованной или вообще читающей публики по болѣе интереснымъ выдержкамъ изъ журнальной беллетристики и по такимъ газетнымъ статьямъ, которыя почему-либо возбудили всеобщее вниманіе и надѣлали много шума.

Чѣмъ больше заинтересовывался Цесаревичъ бойкимъ движеніемъ тогдашней періодической литературы, тѣмъ живѣе обнаруживалось въ немъ желаніе составить себѣ ясное и точное понятіе о ея главнѣйшихъ дѣятеляхъ, объ отличительныхъ качествахъ каждаго изъ нихъ, о нравѣ и обычаяхъ и вообще о той обстановкѣ, въ которой они живутъ и дѣйствуютъ. На первомъ планѣ были для него не номеръ журнала, не газетный листъ, а живые люди, которые ихъ сочиняютъ и печатаютъ для распространенія

въ публикѣ своихъ убѣжденій, мечтаній и разныхъ доктринъ. Чтобы удовлетворить такому разумному желанію, я долженъ былъ входить въ біографическія подробности о журналистахъ и ихъ сотрудникахъ, прозаикахъ, поэтахъ и критикахъ не только новѣйшаго времени, но и прежнихъ годовъ—по скольку это находилъ нужнымъ и полезнымъ. Я рассказывалъ о журнальныхъ партіяхъ въ ихъ междоусобной борьбѣ, объ ожесточенной враждѣ, съ какою критика встрѣчала произведенія нашихъ великихъ писателей—Карамзина, Пушкина, Гоголя; говорилъ о западникахъ и славянофилахъ, о „Библіотекѣ для Чтенія“ и о пресловутомъ баронѣ Брамбеусѣ, о „Сѣверной Пчелѣ“ Булгарина и Греча, о „Москвитянинѣ“ Погодина и о критическихъ статьяхъ Шевырева, объ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевского, и о Бѣлинскомъ, о „Современникѣ“ Панаева, и о Некрасовѣ, Добролюбовѣ и о многихъ другихъ.

Въ эти досужіе вечера много говорилось всякой всячины, но о чемъ именно и какъ, все это представляется мнѣ теперь смутно, отрывочно и перепутанно, можетъ быть, потому что вниманіе мое было больше сосредоточено на собесѣдникѣ, нежели на предметахъ разговора. Впрочемъ, изъ немногаго, чтò удержалось въ моей памяти, передамъ вамъ кое-что. Однажды зашла у насъ рѣчь о старинныхъ деревянныхъ постройкахъ, которыхъ теперь уже такъ мало осталось въ нашемъ отечествѣ, и о важномъ ихъ значеніи для опредѣленія характеристическихъ особенностей вполнѣ русскаго архитектурнаго стиля. По этому случаю Цесаревичъ разсказалъ мнѣ одинъ любопытный фактъ изъ исторіи нашей областной администраціи, который сообщилъ ему графъ Блудовъ или кто другой изъ членовъ государственнаго совѣта. Лѣтъ за двадцать назадъ, во времена императора Николая Павловича, для предохраненія святыни Божьихъ храмовъ отъ опустошительныхъ пожаровъ было предписано упразднить и сломать въ селахъ деревянные церкви, а взамѣнъ ихъ соорудить каменные. Но такъ какъ во многихъ мѣстахъ не хватало средствъ для такой цѣнной перестройки, то православные крестьяне оставались нѣсколько лѣтъ безъ церковной службы. Этою неурядицей удачно воспользовались окольные сектанты и мало-по-малу ихъ всѣхъ переманили въ свои расколыничьи молельни. Изъ своихъ разсказовъ хорошо помню только два маленькихъ анекдота, и то, вѣроятно, по той причинѣ, что они касаются нашихъ лекцій. Сердобольные пріатели мои, о которыхъ я говорилъ вамъ прежде, не переставали заботиться обо мнѣ и въ Петербургѣ. Они распустили слухъ, будто я, ступая во дворцѣ по паркету, поскользнулся и свихнулъ

себѣ ногу: это надо разумѣть, что на лекціяхъ я потерпѣлъ фіаско. Потомъ провеселась молва, будто я прочелъ Наслѣднику цѣлую лекцію объ отиѣнныхъ достопримѣчательностяхъ крестьянской избы. Надъ этими выдумками нехитраго остроумія мой собесѣдникъ много смѣялся.

Около того времени, какъ возвратились мы къ Николину дню изъ Царскаго-Села въ Петербургъ, мои „Историческіе Очерки“ вышли въ свѣтъ и для меня было изготовлено нѣсколько роскошныхъ экземпляровъ. Первый изъ нихъ я представилъ своему Августѣйшему ученику, а другой—графу Строганову. Принявъ отъ меня оба тома, Его Высочество прежде всего просмотрѣлъ ихъ оглавленіе, потомъ сталъ перелистывать, останавливаясь на иныхъ страницахъ по нѣскольку минутъ, и при этомъ изъяслялъ свое удовольствіе, что встрѣчаетъ извѣстные для него предметы, о которыхъ онъ слышалъ на моихъ лекціяхъ. Особенно льстило его самолюбію видѣть въ обоихъ томахъ изданные для публики снимки съ миниатюръ изъ такихъ лицевыхъ рукописей, которыя были уже у него подъ руками.

Дня черезъ два онъ сказалъ мнѣ, что Государыня Императрица изъявила желаніе получить экземпляръ моихъ „Историческихъ Очерковъ“. Это было немедленно исполнено черезъ посредство Цесаревича, а вслѣдъ затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ о намѣреніи Ея Величества быть у насъ на слѣдующей лекціи, которая на этотъ разъ съ утренняго часа была переведена на вечерній. Мы оба ожидали ее не въ кабинетѣ, а въ залѣ. Цесаревичъ волновался больше моего, потому что былъ такъ доволенъ и радъ, приведя къ исполненію задуманный имъ планъ. Когда появилась Государыня, онъ куда-то исчезъ, и я остался одинъ передъ Ея Величествомъ. Она остановилась у двери, которая тотчасъ же была затворена. Я стоялъ среди залы и не зналъ, что мнѣ дѣлать: идти на встрѣчу Государынѣ или оставаться на мѣстѣ и ждать, но она медлила, и я мпovenно рѣшился на первое. Когда я подошелъ къ ней, она изъявила мнѣ милостивую благодарность за поднесенную книгу. Въ эту минуту Цесаревичъ уже стоялъ рядомъ со мной. Лекція удалась какъ нельзя лучше, потому что меня воодушевлялъ и ободрялъ своимъ веселымъ, радостнымъ настроеніемъ Августѣйшій ученикъ мой.

Послѣднюю лекцію читалъ я Цесаревичу 31-го декабря, 1860 г., а передъ отъѣздомъ въ Москву былъ у него вечеромъ 16-го января 1861 года. Изъ всего, что тогда говорилось, помню только немногія его слова, искреннія и душевные, которыя глубоко и навсегда вкоренились въ моемъ сердцѣ. Рѣчь шла о нашихъ те-

перь уже поконченныхъ занятіяхъ. Сначала онъ спросилъ меня, какою отмѣтою оцѣнилъ бы я его свѣденія и успѣхи, еслибы онъ держалъ экзаменъ вмѣстѣ съ другими моими слушателями въ университетѣ. Я сказалъ, что онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ лучшихъ. И какъ обрадовался Наслѣдникъ такому отличію! Потомъ, послѣ небольшой паузы, будто отвѣчая на чей-то вопросъ, онъ тихо промолвилъ: „да, теперь я знаю, какъ мнѣ воспитывать и учить своихъ дѣтей, если Господь Богъ благословитъ меня ими“. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ предстанетъ въ моихъ мечтаніяхъ и думахъ прекрасный образъ царственного юноши, слышатся мнѣ эти вѣщія слова. Такъ и остались они не разгаданы, вмѣстѣ съ его свѣтлыми надеждами и помыслами.

Чтобы не заподозрилъ меня кто въ пристрастіи, не буду вдаваться въ голословныя, бездоказательныя похвалы, а вмѣсто того приведу вамъ въ заключеніе нѣсколько выдержекъ изъ газетныхъ сообщеній ¹⁾ о путешествіи Государя Наслѣдника лѣтомъ 1861 года по Волгѣ на нижегородскую ярмарку и оттуда въ Казань. Прочитывая эти отрывки, безъ сомнѣнія, вы не разъ подумаете, какимъ бы сталъ въ зрѣломъ возрастѣ этотъ безподобный, несравненный юноша, которому было тогда всего восемнадцать лѣтъ.

„Изъ мельницы Его Высочество отправился на находящуюся вблизи хлѣбную пристань. Взойдя на коноводную машину купца Блинова, онъ сначала осмотрѣлъ устройство ея, потомъ спустился въ люкъ, нагруженный 60 тысячами пудовъ муки, и разспрашивалъ о способѣ нагрузки и разгрузки, о томъ, какъ суда паузаются на меляхъ, какъ содержатся судорабочіе, какую получаютъ они плату и т. п. Онъ ласково и привѣтливо говорилъ со многими изъ судорабочихъ о разныхъ предметахъ, относящихся до ихъ быта, о ихъ занятіяхъ и заработной платѣ, зашелъ въ устроенную на машинѣ комнату приказчика, въ подробности осматривалъ ея устройство и убранство и ласково разговаривалъ съ приказчиками. Послѣ того машина была приведена въ движеніе и пошла взадъ и впередъ по нѣскольку сажень. Въ это время Его Высочество разспрашивалъ хозяина и рабочихъ о приѣмахъ ихъ работы, изъявилъ желаніе узнать разныя термины и особыя слова, употребляемые при судоходномъ дѣлѣ, а послѣ того перешелъ на баржу, нагруженную пшеницею „насыпью“. Здѣсь, спустившись въ мурью вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Рихтеромъ, статскимъ совѣтникомъ Мельниковымъ и купцомъ Блиновымъ, Его Высочество прошелъ вдоль баржи (35 са-

¹⁾ См. „Московскія Вѣдомости“ 1861 г., №№ 193, 194, 195, 196.

женъ) по колѣни въ пшеницѣ. Видъ громаднаго количества золотистой бѣлотурки произвелъ на Его Высочество сильное впечатлѣніе и онъ съ жаркимъ любопытствомъ разспрашивалъ о нашей ниже-волжской пшеницѣ, о способахъ ея нагрузки и разгрузки, о торговлѣ ею, о мѣстахъ размолъ и продажи. Въ это время зашла рѣчь о разгрузкѣ хлѣба въ куляхъ, отъ 9 до 12 пудовъ въсомъ каждый, и Государь Наслѣдникъ, узнавъ, что эти кули перетаскиваютъ на себѣ рабочіе, пожелалъ видѣть такихъ силачей. На караванѣ судовъ въ это время находилось болѣе пятисотъ рабочихъ. Вышли впередъ, по вызову Его Высочества, двое красивыхъ, прекрасно сложенныхъ молодцовъ и бросились въ мурью за кулями. Одного звали Дмитріемъ, другого Артемьемъ, оба крестьяне нижегородскаго уѣзда. Съ живостью опустился за ними въ мурью и Государь Наслѣдникъ, и они, взваливъ на плечи девятипудовые кули, быстро пошли, почти бѣжали по неровной поверхности нагруженныхъ кулей. Его Высочество отъ души любовался русскими молодцами и каждому изъ нихъ пожаловалъ изъ своихъ рукъ по полуимперіалу. Восторгъ Дмитрія и Артемья былъ неописанный; они вызывались взвалить по 12 пудовъ на плечи и носить такую тяжесть, но было уже довольно поздно и Его Высочество вышелъ на берегъ, пробывъ на судахъ среди рабочихъ болѣе часа. Громкое „ура!“ раздалось по Волгѣ и Окѣ, когда Наслѣдникъ простался съ судорабочими и сходилъ на берегъ. „До всего доходить! Все самъ знать хочетъ! Любитъ мужика Царевичъ!“ раздавалось среди пришедшаго въ восторгъ рабочаго народа. „Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! — говорили по сторонамъ: — хочетъ съ сѣрымъ мужикомъ ознакомиться. Вотъ ужъ прямой Царевичъ!

„Съ хлѣбной баржи Государь Наслѣдникъ отправился въ ряды съ тулупами, армяками, кафтанамъ и другою крестьянской одеждой, останавливался въ нѣсколькихъ лавкахъ, разспрашивая хозяевъ о мѣстахъ производства, о цѣнахъ на одежду, о томъ, долго ли она носится, и купилъ для себя армякъ изъ верблюжьяго сукна, который тутъ же и взять былъ въ коляску. Остановился Государь Наслѣдникъ и у сложеннаго кучами на землѣ поношеннаго и зачinenнаго крестьянскаго платья, покупаемаго бѣдняками, и разспрашивалъ о цѣнахъ и о томъ, долго ли бѣднѣе можетъ проносить такую одежду.

„Его Высочество заходилъ въ курени разныхъ хозяевъ, отбѣдывалъ хлѣбъ черный и бѣлый, разспрашивалъ о цѣнахъ на хлѣбъ, сравнивалъ цѣнность этого перваго предмета продовольствія съ цѣнностью заработковъ рабочаго класса, осматривалъ склады хлѣба,

квашни, опару; ему рассказанъ былъ весь процессъ печенія хлѣба, и когда подошли къ печамъ, изъ которыхъ вынимали только-что испеченные хлѣба, онъ взялъ лопату, вынулъ одинъ за другимъ три хлѣба и ловко выкинулъ ихъ на прилавокъ. Нельзя описать восторга хлѣбопековъ и столпившагося вокругъ куреня просто-народа. Видя, что Наслѣдникъ русскаго престола раздѣляетъ честный трудъ съ рабочими, народъ, котораго около куреней собралось до нѣсколькихъ тысячъ, не закричалъ „ура“, но зато многіе безмолвно перекрестились и у всѣхъ лица были такъ свѣтлы, такъ радостны! Ласково простившись съ хозяевами и приказчиками куреней, Его Высочество пошелъ въ „обжорный рядъ“ и простыя харчевни. Онъ былъ въ двухъ такихъ харчевняхъ, осматривалъ ихъ до послѣднихъ подробностей, ходилъ въ кухни, смотрѣлъ посуду, припасы, приготовленные народныя кушанья, въ одной харчевнѣ нѣсколько минутъ простоялъ у печки, когда кухаръ пекъ гречневые блины, въ другой изволилъ спросить меу и выпилъ стаканъ.

„Въ мыльныхъ рядахъ Государь Наслѣдникъ осматривалъ склады мыла, начиная отъ высшихъ сортовъ яичнаго казанскаго до простаго жирового, употребляемаго простонароде и для стирки бѣлья. Привѣтливо разговаривая съ торговцами, Его Высочество съ особенной заботливостью разспрашивалъ, увеличивается ли и притомъ до какой степени продажа мыла низшихъ сортовъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, изволилъ замѣтить, что было бы весьма желательно, чтобы мыльное производство у насъ какъ можно болѣе распространилось, потому что это было бы вѣрнымъ доказательствомъ того, что русскій народъ, большею частію неопытный, сталъ заботиться о чистотѣ, которая, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ служить мѣриломъ развитія цивилизаціи.

„Потомъ Государь Наслѣдникъ осматривалъ устройство дома и домашнюю утварь крестьянина Куранова. Войдя въ избу, Цесаревичъ, по народному обычаю, положилъ три поклона передъ святыми иконами и, замѣтивъ въ божницѣ (кѣлтѣ съ образами) старинные образа, разговаривалъ о нихъ съ хозяиномъ. На набожныхъ хозяевъ и крестьянъ произвели сильное впечатлѣніе слова Его Высочества о старинныхъ иконахъ: изъ этихъ словъ они узнали, что онъ хорошо изучилъ русское иконописаніе и его пошибы (стили). „На божье-то милосердіе ¹⁾ дѣдка какой!“ — говорили съ истиннымъ умиленіемъ крестьяне. Но еще болѣе удивило ихъ, когда Его Высочество, взявъ изъ божницы кожаную

¹⁾ Такъ называютъ у насъ въ народѣ иконы.

лѣстовку, сталъ разспрашивать Куранова о значеніи ея и самъ говорилъ, что четыре лопасти лѣстовки знаменуютъ четырехъ евангелистовъ, обшивка ихъ—евангельское ученіе и т. д. Разговаривая съ Курановымъ о числѣ бабочекъ на лѣстовкѣ, по которымъ считаютъ при молитвѣ поклоны и произнесеніе словъ: „Господи помилуй!“, Государь Наслѣдникъ спросилъ: „Всегда ли на лѣстовкѣ одинаковое число бабочекъ?“—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, вынулъ изъ пальто свою лѣстовку, наланунѣ поднесенную ему игуменьей Минодорой, и сталъ сличать ее съ лѣстовкой Куранова. Нельзя описать впечатлѣнія, произведеннаго этимъ на народъ, увидѣвшій, что Наслѣдникъ знаетъ и уважаетъ заветные русскіе обычаи. „Русскій! Настоящій русскій! Слава тебѣ, Господи!“—говорили крестьяне и крестьянки со слезами на глазахъ; многіе набожно крестились. Громкое „ура!“ раздалось по Подновью, когда Наслѣдникъ вышелъ отъ Куранова на улицу.

„Во время плаванія по Волгѣ въ Казань и обратно, находившійся въ свитѣ Государя Наслѣдника статскій совѣтникъ Мельниковъ, какъ скоро подходилъ пароходъ къ какому-либо селенію, объяснялъ Его Высочеству о промыслахъ и занятіяхъ мѣстныхъ жителей, о бытѣ ихъ, а также рассказывалъ народныя легенды, приуроченныя къ разнымъ мѣстностямъ Поволжья, говорилъ о народныхъ пѣсняхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ и пр. т. п. Государь Наслѣдникъ очень любитъ русскую этнографію и съ особенною любознательностью изучаетъ бытъ русскаго народа во всѣхъ его проявленіяхъ; поэтому онъ чрезвычайно интересовался всѣми дѣлаемыми ему на Волгѣ этнографическими объясненіями.

„Послѣ ранняго завтрака Государь Наслѣдникъ съ генераль-адъютантомъ графомъ Строгановымъ, флигель-адъютантомъ Рихтеромъ и статскимъ совѣтникомъ Мельниковымъ отправился въ университетъ на лекціи. Здѣсь Его Высочество былъ встрѣченъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, княземъ Вяземскимъ, прошелъ въ церковь, а оттуда черезъ кабинеты и актовую залу въ аудиторію профессора физиологіи, Овсянникова, гдѣ слушалъ лекцію о крови, сопровождаемую физиологическими демонстраціями. Послѣ лекціи Государь Наслѣдникъ долго изволилъ разговаривать съ профессоромъ, благодарилъ его за лекцію и пожелалъ, подъ руководствомъ его, сдѣлать нѣсколько микроскопическихъ наблюденій надъ кровью.

„На лекціяхъ Государь Наслѣдникъ садился не на приготовленныя для него кресла, но всегда на студентскія скамейки.

„Весь вечеръ разговоръ шелъ объ университетѣ и о студентахъ, причемъ Его Высочество не разъ говорилъ, что очень же-

лательно, чтобы въ нашихъ университетахъ было какъ можно болѣе достойныхъ профессоровъ и какъ можно болѣе студентовъ.

„На слѣдующій день, т.-е. 18-го августа, Государь Наслѣдникъ, послѣ ранняго завтрака, отправился опять въ университетъ для слушанія лекцій. Сначала онъ былъ въ аудиторіи профессора уголовного права, г. Чебышева-Дмитріева, и выслушалъ лекцію о значеніи уголовного наказанія. Поблагодаривъ профессора и обласкавъ его, Государь Наслѣдникъ прошелъ въ аудиторію профессора чистой математики А. Попова, слушалъ у него вступительную лекцію о варіаціонномъ счисленіи и по окончаніи ея благодарилъ профессора и благосклонно принялъ поднесенное имъ Его Высочеству сочиненіе: „Рѣшеніе задачи о волнахъ съ высшимъ приближеніемъ“. Послѣ того Государь Наслѣдникъ, въ аудиторіи профессора Булича, слушалъ лекцію эстетики: о вліяніи христіанства на искусство. Благодаря г. Булича, Его Высочество изволилъ замѣтить, что ему было очень интересно слушать то, что онъ говорилъ о византійской школѣ, и это было тѣмъ болѣе ему пріятно, что напоминало ему профессора московскаго университета Буслаева и его лекціи, которыя онъ преподавалъ ему. Простившись съ профессорами и студентами, Государь Наслѣдникъ оставилъ университетъ. Въ это время студентъ Головачевъ подалъ Его Высочеству записку, въ которой изложилъ стѣсненное свое состояніе и совершенную невозможность слушать университетскія лекціи по причинѣ бѣдности. Государь Наслѣдникъ тотчасъ же приказалъ выдать г. Головачеву 150 рублей и впредь выдавать ему такую же сумму изъ доходовъ Его Высочества въ продолженіе четырехъ лѣтъ, если онъ будетъ своевременно переходить изъ курса въ курсъ. При этомъ объяснено было Его Высочеству положеніе бѣдныхъ студентовъ, которыхъ особенно много въ казанскомъ университетѣ. Съ большимъ участіемъ слушалъ Государь Наслѣдникъ о молодыхъ людяхъ, которымъ бѣдность препятствуетъ пользоваться первѣйшимъ благомъ на землѣ—просвѣщеніемъ, подробно разспрашивалъ онъ о взаимной помощи казанскихъ студентовъ другъ другу, объ учрежденной ими кассѣ и принималъ на свой счетъ содержаніе пяти бѣдныхъ студентовъ въ продолженіе всего ихъ курса. Вообще казанскій университетъ произвелъ на Государя Наслѣдника самое пріятное впечатлѣніе: и въ Казани, и послѣ отъѣзда изъ этого города, онъ часто вспоминалъ о пріятныхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ поучительныхъ часахъ, которые онъ провелъ на студентской скамейкѣ. Вообще можно сказать, что во все время пребыванія въ Казани Государя Наслѣдника занимали почти исключительно

утромъ университетскія и академическія лекціи, а вечеромъ — заводы. Изъ университета 18-го августа Его Высочество отправился въ духовную академію, гдѣ выслушалъ двѣ лекціи: профессора Порфирьева — о началѣ письменности у славянъ, и профессора обличительнаго богословія, архимандрита Хрисанфа, о взглядѣ евреевъ на христіанство. По окончаніи лекцій, Его Высочество изволилъ осматривать Соловецкую бібліотеку, состоящую изъ значительнаго количества старинныхъ рукописей и переведенную сюда изъ Соловецкаго монастыря во время войны 1853—1856 г.

„Послѣ обѣда Его Высочество съ тѣми же лицами, которыя сопровождали его поутру въ университетъ, отправился въ Ягодную слободу для обозрѣнія кожевеннаго производства на заводѣ, принадлежащемъ товариществу и устроенномъ въ обширныхъ размѣрахъ. Управляющій заводомъ, почетный гражданинъ г. Котеловъ, объяснялъ Его Высочеству весь процессъ кожевеннаго производства, начиная съ моченія сырыхъ кожъ до окончательной ихъ выработки. Послѣдовательно переходя изъ одного отдѣленія завода въ другое, Государь Наслѣдникъ изволилъ разспрашивать въ подробностяхъ о кожевнномъ дѣлѣ, узнавалъ въ то же время и о заработной платѣ рабочимъ въ каждомъ отдѣленіи. Въ строгальнѣ, гдѣ производится самая трудная работа, Государь Наслѣдникъ на колодѣ мастера Лазаря Аванасьева строгалъ кожу, очищая ее отъ мездры“...

Въ послѣдній разъ видѣлъ я Цесаревича въ іюнѣ 1864 года. Возвращался я тогда съ своимъ семействомъ изъ чужихъ краевъ. Нашъ поѣздъ на цѣлый часъ былъ задержанъ на прусской таможенной станціи въ Эйткуненѣ, потому что здѣсь остановился для завтрака Наслѣдникъ Цесаревичъ, который ѣдетъ за границу. Не медля ни минуты, я бросился въ вокзалъ, насилу протискался сквозь толвучую давку нѣмецкой публики къ открытымъ дверямъ залы, гдѣ за столомъ съ своею свитою онъ завтракалъ. Но войти я не могъ. Въ дверяхъ стояли сплошнымъ рядомъ жандармы прусской пограничной стражи. Я просилъ ихъ пропустить меня, совалъ имъ свою визитную карточку для передачи кому-нибудь изъ сидящихъ за столомъ, увѣряя, что всѣ они знаютъ меня отлично — ничто не помогало: стоять себѣ, не шелохнуться, какъ истуканы, и только время отъ времени пропускаяютъ официантовъ, которые снуютъ взадъ и впередъ, прислуживая за столомъ. Мнѣ оставалось только одно средство достигнуть цѣли. Я повернулся назадъ и остановилъ официанта, ко-

торый несъ блюдо съ кушаньемъ, и до тѣхъ поръ не пускалъ его, пока онъ не взялъ мою карточку.

Онъ передалъ ее ближайшему изъ сидящихъ за столомъ, но такъ какъ была она напечатана нѣмецкими буквами, то мою фамилію сначала не разобрали и карточка пошла изъ рукъ въ руки. Кому же придется въ голову, чтобы могъ я очутиться въ Эйт-куненъ? Наконецъ, Цесаревичъ громко назвалъ меня по имени, жандармы передо мною разступились, и я вошелъ въ залу. Онъ очень обрадовался и во все время завтрака не переставалъ говорить со мною. Когда мы вышли на платформу, веселое оживленіе исчезло съ его прекраснаго лица, и, разставаясь со мною, онъ промолвилъ взволнованнымъ голосомъ: „Какъ мнѣ грустно, какъ тяжело мнѣ разставаться съ родиною!“

Θ. Буслаевъ.

ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВѢСА

РАЗСКАЗЪ.

Изъ юныхъ впечатлѣній.

VI *).

Первой гостьей на вечерѣ, устроенномъ Василюмъ Ѳеодоровичемъ, какъ и слѣдовало ожидать, была Еввалія Петровна Топоцкая. Еще далеко не было восьми часовъ, какъ она была уже на-лицо. Ее привела въ мою комнату маман, не имѣвшая досуга быть съ нею.

Осыпая поцѣлуями мою шею и плечи (я только-что собралась переодѣться), Топоцкая объявила, что она будетъ совершенно счастлива присутствовать при моемъ туалетѣ...

Сама она была въ полномъ парадѣ. Платье у нея было дорогое, отдѣланное кружевомъ. На немилосердно взбитыхъ скудныхъ волосахъ ея былъ припиленъ очень элегантнѣйшій чепчикъ, что-то въ родѣ птичьяго гнѣздышка для крошечной райской птички. По ея словамъ, это было послѣднее слово парижскихъ модъ. Руки ея были въ кольцахъ и старинныхъ массивныхъ браслетахъ.

Въ моемъ распоряженіи было все одно и то же платье; но при помощи ажурной фрезы и крепили для воротника и рукавчиковъ я надѣялась придать себѣ достаточно нарядный видъ.

Еввалія Петровна, кажется, совершенно искренно находила,

---

*) См. выше: январь, стр. 187.

что я „une beauté accomplie“, и что мнѣ не для чего заботиться о туалетѣ.

Павелъ Абрамовичъ Малавскій, о пѣнии котораго Евлалія Петровна отзывалась сдержанно, вернулся вмѣстѣ съ нею. Онъ прошелъ прямо въ свою импровизированную конуру, гдѣ переодѣлся, такъ какъ ни за что не хотѣлъ появиться иначе, какъ въ полномъ туалетѣ, т.-е. во фракѣ.

— Голосъ у него не салонный, но чувство есть, — отзывалась о его пѣнии Топоцкая, которая музицировала съ нимъ нѣсколько часовъ кряду. — Жаль, что басъ (онъ увѣряетъ, впрочемъ, баритонъ); я не люблю басовъ... то ли дѣло теноръ, какъ у Мазини! — съ сокрушительнымъ вздохомъ прибавила она.

Вскорѣ послѣ восьми часовъ раздался первый звонокъ, заставившій предположить гостей. Василій Ѳеодоровичъ многозначительно крикнулъ, прокашлялся и направился въ прихожую встрѣчать...

На этотъ разъ оказалась фальшивая или почти фальшивая тревога. Пока явился только Иванъ Васильевичъ, младшій братъ Алѣева, ведя за собой пріятеля „изъ сотрудниковъ“ какой-то маленькой столичной газеты. Это былъ невзрачный, худосочный, совсѣмъ еще молодой субъектъ, съ маленькими сонными, заплаканными глазками и уморительно задорнымъ хохолкомъ на головѣ.

Евлалія Петровна Топоцкая, у которой я замѣтила какую-то необъяснимую для нея симпатію къ младшему Алѣеву, тотчасъ же оставила меня и вышла въ гостиную.

Къ ихъ голосамъ присоединился вскорѣ и голосъ Малавскаго, который, соскучившись, вѣроятно, въ своей клѣткѣ, предпочелъ здѣсь дожидаться съѣзда гостей. Бесѣда шла вяло; говорила все больше одна Топоцкая; изрѣдка слышался и сиповатый голосъ юнаго литератора.

Послѣ новаго звонка я услышала въ гостиной еще незнакомые голоса, на которые, впрочемъ, еще не вышла тамап.

Вслѣдъ затѣмъ Топоцкая привела ко мнѣ въ комнату дѣвицу Морину, которая явилась вмѣстѣ со своимъ отцомъ, отставнымъ генераломъ. Оказалось, что медлительно-слащавый мужской голосъ именно принадлежалъ генералу, а другой, женскій, сюсюкающій и какъ-то неожиданно обрывающійся (точно она вела рѣчь, идя по скользкому мѣсту, гдѣ ноги безпрестанно разъѣзжаются и можно упасть) — его дочери, дѣвицѣ Евгеніи или „Эжени“, какъ называла ее тамап.

Мы познакомились и, не зная что сказать, безцеремонно и

внимательно оглядѣли одна другую. Я замѣтила, что мужчины никогда такъ не оглядываютъ другъ друга.

Эжени Морина съ перваго взгляда могла показаться даже интересною. Какъ у всѣхъ малокровныхъ и золотушныхъ, у негъ былъ необыкновенно вѣснаго оттѣнка цвѣтъ кожи на лицѣ и на рукахъ.

Ея свѣтло-голубые глаза были также недурны. Все остальное было ниже критики: какой-то напухшій, мясистый носъ; большой, съ совершенно бѣлыми, тонкими губами ротъ, и безобразно выдающийся красный подбородокъ.

Одѣта она была не безъ претензій, но безвкусно: въ свѣтлой юбкѣ и черной бархатной баскѣ съ какими-то фантастическими розовыми бантиками.

Побѣдивъ свою видимую растерянность, mademoiselle Морина сообщила мнѣ, что она ежедневно бываетъ занята до 8 часовъ вечера, такъ какъ служить въ какой-то библіотекѣ. При этомъ она почему-то, очень жеманно и очень прислуживая, нашла нужнымъ завѣрить меня, что дѣлаетъ это отнюдь не изъ нужды и даже противъ воли отца, который не въ состояніи, конечно понять, что наше время „эмансипировало личность женщины“.

Что она хотѣла сказать этой мудреной для меня тогда фразой, я даже не взяла себѣ труда подумать.

Прошло еще нѣкоторое время, и вечеръ оказался въ полномъ разгарѣ. Всѣ съѣхались, кого ожидалъ Василій Федоровичъ. Не приѣхалъ только князь Кунтушевъ, но и тотъ извинялся нездоровьемъ черезъ своего главноуправляющаго Коломкина, необыкновенно худого, повидимому чахоточнаго малаго, съ лихорадочно блестящими и неутомимо бѣгающими маленькими, но острыми, какъ два гвоздя, глазами.

Мамап сочла нужнымъ обставить мой выходъ нѣкоторою торжественностью.

Я слышала изъ моей комнаты, какъ она притворно растеряннымъ голосомъ умоляла самыхъ почетныхъ гостей, нотариуса Гущина и барона Фишвика, не быть строгими къ ея дикарѣ, т.-е. ко мнѣ, и ободрить ея дѣвочку.

Я появилась, сохранивъ полное внѣшнее самообладаніе, но ощущая внутри себя то—впослѣдствіи такъ хорошо знакомое мнѣ—чувство замиранія, предшествующее всякому серьезному успѣху, всякой побѣдѣ.

Побѣда мною была дѣйствительно одержана,—я не могла не замѣтить этого.

Нотариусъ Гущинъ, ближайшій сотрудникъ и пріятель Василія

Федоровича, толстакъ, со щеками ярко-кирпичнаго цвѣта и нитаращенными глазами, первый, по праву наиболѣе близкаго знакомаго, привѣтствовалъ меня.

Онъ не сказалъ мнѣ ничего опредѣленнаго и даже, кажется, вовсе ничего не сказалъ, но зато такъ настойчиво потрясъ мою руку въ своей огромной рукѣ, такъ добродушно замоталъ во всѣ стороны своимъ гладко-выбритымъ, жирнымъ подбородкомъ, что я не могла не принять этихъ выразительныхъ движеній за выраженіе самой безкорыстной и несомнѣнной симпатіи.

За нимъ слѣдовалъ баронъ Фишвикъ. Этотъ былъ сѣдоватый, съ очень оригинальной и какъ-то невольно памятной наружностью, господинъ. Бросалась въ глаза прежде всего его очень длинная, густая, съ сильной просѣдью борода. Эта борода напоминала мнѣ почему-то Пушкинскаго „утопленника“. Какъ будто только-что вытащенная изъ воды, плоская, однообразно-сплошная растительность закрывала добрую половину его груди. Зато совершенно круглая голова была выстрижена подъ гребенку и кое-гдѣ просвѣчивала.

Когда, подавая барону руку, я взглянула ему въ глаза, эти глаза невольно поразили, едва ли не испугали меня.

Это были необыкновенно живые, полные огня и какого-то пронизательнаго лукавства глазки совсѣмъ не стараго и даже вовсе не стараго человѣка. Право, можно было подумать, что въ своихъ видахъ и расчетахъ онъ только прикидывается старикомъ и нарочно надѣваетъ такую нелѣпо-длинную, сѣдую бороду...

Принявъ смиренный видъ почтеннаго старца, баронъ какъ-то отечески нѣжно задержалъ мою руку въ своей, и къ большому удовольствію тапан, не спуская съ меня глазъ, промолвилъ:

— Дайте мнѣ еще взглянуть на васъ!.. — И затѣмъ уже обратился къ тапанъ съ словами: — О, почтеннѣйшая Марья Ивановна, судьба вашей дочери въ ея собственныхъ рукахъ. Повѣрьте моей опытности.

Я сдѣлала книксенъ и пошла знакомиться дальше.

Въ фабрикантѣ Лучевѣ я ждала почему-то увидѣть чуть ли не простого русскаго купца въ длинномъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ. Оказалось нѣчто совершенно противоположное. Наружностью онъ видимо старался походить не то на чиновную особу, не то на иностранца. Весь бритый, расчесанный съ проборомъ позади, онъ производилъ впечатлѣніе стѣсненнаго въ своихъ движеніяхъ автомата. Казалось, что онъ намѣренно принялъ эту

личину, какъ бы боясь прорваться на чемъ-нибудь или уронить свое достоинство. Онъ не нашелся ничего сказать мнѣ, но очень чопорно и очень сдержанно поклонился, скрививъ при этомъ свое бритое лицо въ какую-то, повидимому, многозначительную гримасу.

Докторъ Саусановъ былъ довольно интересный, необыкновенно блѣдный и видимо пожившій субъектъ, съ длинными, волнистыми, пепельнаго цвѣта, зачесанными назадъ, волосами. Онъ былъ въ открытомъ сюртукѣ, вышитой манишеѣ и съ нескончаемымъ количествомъ жетоновъ и брелочковъ на часовой цѣпочкѣ. На указательномъ пальцѣ онъ носилъ солитеръ.

Этотъ, какъ будто за что-то будируя меня, почти раздраженно поздоровался со мной.

— Здрастесь!..—и ни слова болѣе.

Я вспомнила замѣчаніе Василя Федоровича, что онъ очень „избалованъ женщинами“.

Въ числѣ гостей былъ адвокатъ Воркуевъ, тотъ самый, успѣхамъ котораго дивился Василій Федоровичъ, и котораго онъ мнѣ прочилъ въ женихи.

Я не могла не обратить вниманія на него. Какъ только я появилась въ гостиной, Воркуевымъ тотчасъ овладѣло какое-то развязное безпокойство. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, расшаркался и затѣмъ уже все время неугомонно толочся, какъ бы желая скорѣе привлечь къ себѣ мое вниманіе, пока я по установленному тамашъ порядку дѣлала свои реверансы...

Когда очередь наконецъ дошла до него, онъ сталъ какъ-то усиленно шевелить всѣмъ корпусомъ и потрясать мою руку.

Онъ даже сказалъ мнѣ при этомъ что-то, чуть ли не по-французски, чего я впрочемъ не разслышала.

Потому ли, что я взглянула на него съ чрезмѣрною требовательностью, какъ на возможнаго для меня жениха, или онъ дѣйствительно былъ таковъ, только онъ показался мнѣ просто-на-просто „mauvais ton“.

Довольно незначительнаго роста, на страшно высокихъ каблукахъ, суетливый, юркій и видимо желающій привлечь къ себѣ вниманіе, онъ не понравился мнѣ съ перваго взгляда, хотя у него было довольно красивое и свѣжее лицо.

Я отошла отъ него тѣмъ болѣе поспѣшно, что онъ, повидимому, рѣшилъ тотчасъ же завладѣть моимъ вниманіемъ. Онъ уже пододвигалъ мнѣ кресло, предлагалъ сѣсть, держа наготовѣ стулъ и для себя... Мнѣ оставалось, между тѣмъ, познакомиться

еще съ генераломъ Моринимъ, который съ радушной и приветливой улыбкой самъ шелъ мнѣ на встрѣчу.

Это былъ очень небольшого роста, тщедушный старичокъ, въ генеральскомъ отставномъ мундирѣ, съ необыкновенно благороднымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, съ сѣденькими височками, гладко зачесанными впередъ.

Онъ горячо потрясъ мою руку своими обѣими крошечными руками, объявивъ, что знавалъ меня малюткою и что съ моимъ покойнымъ отцомъ онъ служилъ въ одномъ полку во время венгерской кампаніи.

— Было это въ 49 году!—торжественно оглядывая всѣхъ, прибавилъ старикъ, какъ бы сомнѣваясь, чтобы присутствующіе слышали о такой военной кампаніи.

Остальные были все знакомые: мадамъ Топоцкая, Эжени Морина, Иванъ Оедоровичъ, его пріятель литераторъ, съ которымъ я только-что обмѣнялась поклономъ, наконецъ Малявскій...

Этотъ послѣдній, въ открытомъ жилетѣ и черномъ фракѣ, скрестивъ на груди руки, стоялъ неподвижно, какъ бы окаменѣвъ, не то въ трагической, не то въ торжественной позѣ. Выраженіе его нѣсколько поблѣднѣвшаго лица было какое-то странное, почти зловѣщее...

Несмотря на видимо свободно избранную позу въ глубинѣ двери, онъ имѣлъ видъ человѣка, держащаго обѣими руками сосудъ, наполненный жидкостью, которую онъ боится расплескать. При этомъ въ выраженіи его лица, не перестававшаго напоминать собою маску, прибавилась какая-то новая, почти неуловимая черточка, способная возбудить жалость и состраданіе. Вотъ, вотъ, казалось, маска эта задергается, заплещетъ, и изъ глазъ Малявскаго, ни съ того, ни съ другого, потекутъ слезы...

Мамап предлагала гостямъ чай.

Хорошо дрессированная, заправская столичная служанка разносила его на огромномъ подносѣ. За нею слѣдовала, съ сухарницей въ рукахъ, наша камеръ-юнгфера Ариша, искусно приглаженная и приодѣтая.

Уставивъ глаза въ сухарницу и, видимо, помня еще давешній подзатыльникъ мамап, она заботилась только объ одномъ, какъ бы наложенные красивой горкой сухари и печенья не разползлись по сторонамъ и не рассыпались на полъ. Мамап во времена строго и выразительно взглядывала на нее.

Гости были неразговорчивы. Чувствовалась какая-то холодная замкнутость и взаимное отчужденіе. Каждый дѣлалъ видъ, что занятъ только своимъ стаканомъ.

Среди общаго молчанія раздался вдругъ голосъ Воркуева, покоровившій всѣхъ своей рѣзкой произительностью.

— Позвольте-съ—отъ бѣшеной коровы!—воскликнулъ онъ, подливая въ чай рому въ то время, когда матан предлагала ему сливки.

Василій Ѳедоровичъ попробовалъ-было засмѣяться, но тутъ же поперхнулся горячимъ чаемъ и закашлялся.

Матан, замѣтивъ, что Малавскій отказался отъ чая и продолжалъ хранить прежнюю выразительность позы, какъ находилъ, обрадовалась ему и, обращаясь немножко ко всему обществу, промолвила:

— Господа, вы не поскучаете... Вотъ, Павелъ Абрамовичъ намъ споетъ что-нибудь. Онъ большой любитель. Не правда ли, Павелъ Абрамовичъ, вы намъ споете?..

Малавскій жеманно поклонился и бросилъ выразительный, полный, какъ мнѣ показалось, молебъ взглядъ на Евлазію Петровну.

Топоцкая встала съ своего мѣста, расправила свое пышное платье и, кокетливо прищуривая свои и безъ того маленькіе глазки, промолвила:

— Такое общество... Право, я смущена.

Кое-кто ободрилъ ее.

Генераль Моринъ кинулся открывать пьянино и пододвинуть табуретъ.

Малавскій, съ еще болѣе усиленнымъ выраженіемъ затаенной жалкости въ лицѣ, послѣ долгихъ умищиваній, уставился наконецъ за своею аккомпаниаторшею, нѣсколько разъ нагнулся къ ней черезъ плечо, откашлялся и сталъ какъ-то автоматически перелистывать ноты.

Наконецъ былъ взятъ первый аккордъ. Всѣ взглянули въ сторону пѣвца, который, казалось, открылъ уже наполовину ротъ. Но вдругъ, для всѣхъ неожиданно, лицо его совершенно исказилось и побагровѣло. Выраженіе злобы и раздраженія, которыхъ онъ повидимому не въ силахъ былъ побороть, ясно отразилось на немъ. Виновиномъ этой бѣды оказался Воркуевъ. Уставившись у самаго края пьянино противъ Малавскаго, онъ безцеремонно пускалъ ему въ лицо цѣлые клубы дыма отъ огромной сигары, которую онъ закурилъ съ начала вечера.

— Извините,—какимъ-то болѣзненно-желчнымъ шопотомъ, видимо едва сдерживаясь, заговорилъ Малавскій.—Это слишкомъ!.. Я не курящій человѣкъ, я не привыкъ... Я берегу голосъ! Я не могу неглижировать, когда пою въ обществѣ.

— Что такое?—задорно спросилъ Воркуевъ, становясь въ полуоборотъ къ нему и принимая вызывающую позу.

— Сигару, сигару! Я прошу, я требую, бросьте сигару!—едва не переходя въ крикъ, завопилъ, блѣднѣя, Малявскій.

Воркуевъ сдѣлалъ гримасу, выражающую полное равнодушіе, и сталъ усерднѣе прежняго раскуривать сигару.

Могло бы произойти нешуточное столкновеніе, еслибы матан, съ проворной граціей, не очутилась среди спорящихъ. Она разъяснила Воркуеву, что артисты—очень требовательный народъ, и что это—святое право искусства...

Большинство общества приняло сторону Малявскаго, находя уважительнымъ его требованіе.

Воркуевъ ни за что не хотѣлъ бросить сигары и удалился въ сосѣднюю комнату вмѣстѣ съ Василиемъ Ѳедоровичемъ. Генераль Моринъ, напротивъ, поспѣшилъ загасить только-что закуренную имъ папиросу. Баронъ Фишвикъ, не курившій вовсе, наставительно и во всеобщее свѣденіе замѣтилъ, что эти глупыя соски—отрава и больше ничего.

Сидя рядомъ съ mademoiselle Мориной, которая рѣшилась, повидимому, не отходить отъ меня весь вечеръ, я приготовилась слушать. Въ институтѣ мнѣ случалось слышать хорошее пѣніе. У нѣкоторыхъ воспитанницъ были прекрасные голоса, я сама пѣла въ хорѣ; кромѣ того къ намъ привозили иногда знаменитостей для участія въ институтскихъ концертахъ.

Я сначала не повѣрила своимъ ушамъ. Когда раздались первые звуки, мнѣ почудилось, что они выходятъ не изъ груди атлетически-сложеннаго пѣвца, а изъ какого-то глухого подземелья. Такъ запѣлъ Малявскій.

Какъ бы заранѣе сговорившись, всѣ выразительно переглянулись между собой. На всѣхъ лицахъ, казалось, было написано одно лишь недоумѣніе, сопровождаемое настойчивымъ вопросомъ: „позвольте, однакоже, что это такое?“... Младшій Алѣевъ открылъ даже ротъ, да такъ и остался, не закрывая его, пока вокальная часть вечера не кончилась.

Въ самомъ дѣлѣ, что это было такое?

Матан первая безнадежно и какъ-то покорно опустила голову. Она была сконфужена.

Только Василій Ѳедоровичъ и генераль Моринъ по прежнему глядѣли весело и беззаботно. Добродушный генераль даже выразительно покачивалъ въ тактъ головой.

Усы ли, необыкновенно густые и опущенные внизъ, мѣшали Малявскому пѣть, или у него и вовсе не было голоса, только

ВЫХОДИЛО ЧТО-ТО КОМИЧЕСКИ-ЖАЛКОЕ. Какъ будто пѣлъ не онъ, а какой-то вантрилокъ, подражающій пѣвцу. При этомъ онъ безпрестанно терялъ тактъ, не впадѣть то замедлялъ, то ускорялъ темпъ и произносилъ невнятные слова. Чувство въ его пѣніи сказывалось лишь въ томъ, что въ иныхъ мѣстахъ онъ закидывалъ назадъ голову и зажимуривалъ глаза.

Онъ взялъ для начала входную бравурную арію Фигаро изъ „Севильскаго цирюльника“. Выходило однако что-то погребально-монотонное, не смотря на то, что артистъ изъ всей мочи поспѣвалъ за аккомпаниментомъ, усиленно отбивая тактъ ногою.

— „Фигаро-сі, Фигаро-ла. Фигаро, Фигаро! браво, брависсимо!“ — съ какимъ-то безнадежнымъ упорствомъ тянулъ Малявскій, между тѣмъ какъ Евлалія Петровна, ловко перебирая пальцами, уходила отъ него все впередъ, видимо желая удивить слушателей и бѣгlostью пальцевъ, и выразительностью своего тушѣ.

Когда замеръ послѣдній звукъ пѣнія, застрявшій какимъ-то безформеннымъ комкомъ въ усахъ Малявскаго, Евлалія Петровна, довольная и раскраснѣвшаяся, повернулась на табуретѣ къ слушателямъ. Она была удовлетворена и возбуждена не пѣніемъ, а своею собственною игрой.

Генераль Моринъ кинулся къ ней и сталъ выражать ей похвалы; тамап, видимо стараясь позабыть о несчастномъ Малявскомъ, спѣшила также благодарить ее.

Только одинъ Василій Ѳеодоровичъ, находясь въ состояніи какого-то экзальтированнаго размягченія, подошелъ къ Малявскому, дружески похлопалъ его по плечу и, снисходительно посмѣиваясь, промолвилъ:

— Ничего, зато по-итальянски!

Малявскій какими-то мутными глазами взглянулъ на него. Видно было, что онъ не успѣлъ еще очнуться отъ своего артистическаго угара.

Воркуевъ, насмѣшливо выглядывавшій во все время пѣнія изъ дверей кабинета, не выдержалъ и почти вслухъ отпустилъ:

— Вотъ такъ Фигаро... прямо изъ Испаніи!

Иванъ Ѳеодоровичъ и литераторъ съ задорнымъ хохолкомъ хихикнули въ отвѣтъ на это замѣчаніе.

Баронъ Фишвикъ, видимо желая потушить готовяся разгорѣться страсти, дипломатично обратился къ Малявскому:

— Чертовски трудная партія!.. Котоньи и тотъ надъ ней пыхтѣлъ; ну, а русскій задохнется...

Это обращеніе ободрило Малявскаго; онъ вставилъ свое слово:

— Я восемь лѣтъ ее штудирую; современемъ надѣюсь поборотъ всѣ трудности.

— Похвально!—замѣтилъ баронъ.

Хотя никто больше не выразилъ одобренія и не просилъ повторенія, тѣмъ не менѣе случилось такъ, что Малавскій снова заплѣлъ. Инициатива принадлежала Евлаіи Петровнѣ, которая, пошептавшись о чемъ-то съ пѣвцомъ, расправила свое пышное платье и, снова усѣвшись за пѣянино, стала брать аккорды.

Пѣніе было такъ же неискусно и мало выразительно, какъ и прежде. Всѣ видимо скучали, и тамап безъ всякой церемоніи пришла на помощь желавшимъ играть въ карты. Она шепнула что-то Василию Ѳедоровичу, который тотчасъ исчезъ и появился уже съ колодой картъ въ рукахъ, предлагая каждому желающему взять карту. Точно по мановенію волшебнаго жезла, съ видимымъ облегченіемъ, игроки двинулись прочь изъ гостиной, гдѣ, ничего не видя и не замѣчая, Малавскій продолжалъ надсаживать легкія.

Онъ казался неутомимымъ и, вѣроятно, никогда бы не кончилъ, еслибы тамап не прибѣгла къ хитрости, вызвавъ неожиданно, посреди какого-то романа, мадамъ Топоцкую въ другую комнату.

Послѣ этого пѣніе прекратилось.

Въ гостиной оставались всѣ неиграющіе въ карты, рѣшительно недоумѣвая, чтѣ имъ дѣлать и о чемъ говорить. Выручалъ только словоохотливый генералъ Моринъ да по временамъ выходившій изъ-за картъ Воркуевъ, на котораго з, повидимому, произвела большое впечатлѣніе; по крайней мѣрѣ, появляясь въ гостиной, онъ съ какою-то упрямою назойливостью все вертѣлся передо мной.

Я была не въ духѣ.

Разстроенная, какъ будто чѣмъ-то огорченная или раздосадованная, я не принимала никакого участія въ разговорахъ окружающихъ. Я чувствовала себя почему-то очень несчастною.

Я чего-то ждала отъ сегодняшняго сборища, я готовилась къ нему, чувствуя себя въ праздничномъ настроеніи,—и вдругъ все разсѣялось, какъ дымъ. Я чувствовала себя неудовлетворенною; на душѣ у меня было такъ хорошо знакомое мнѣ еще по институту тупое недовольство всѣмъ окружающимъ и ощущение холодной пустоты.

Изъ гостиной, въ сопровожденіи моей неизмѣнной спутницы Эжени Мориной, почувствовавшей ко мнѣ, повидимому, самую искреннюю и неодолимую симпатію, я уходила въ другія комнаты, заглядывала и въ карточную, гдѣ табачный дымъ уже стоялъ

столбомъ и гдѣ игроки, съ возбужденными, какъ будто озлобившимися лицами, то-и-дѣло схватывались между собой изъ-за неправильнаго хода или необдуманнаго назначенія.

Я была зла и наблюдательна, т.-е я хочу сказать, что я всегда очень быстро схватывала и угадывала дурныя, отталкивающія или смѣшныя стороны окружающихъ. Эту несчастную способность, отравившую впоследствии не мало хорошихъ минутъ моей жизни, я выработала въ себѣ съ ребяческаго возраста, благодаря обособленной замкнутости моего непригляднаго сиротства.

И теперь я съ какимъ-то злораднымъ наслажденіемъ давала волю своей прозорливой наблюдательности.

Въ комнатѣ безцѣльно слонявшагося теперь по всей квартирѣ Малавскаго, видимо скучавшаго, было достаточно простора для того, чтобы умѣстить всѣхъ игравшихъ въ карты.

За однимъ столомъ сидѣло четверо: баронъ Фишвикъ, нотаріусъ Гущинъ, докторъ Саусановъ и, наконецъ, фешенебельный негоціантъ Луцевъ. Они вели серьезно и глубокомысленно игру. Баронъ Фишвикъ, какъ мнѣ показалось, игралъ всѣхъ счастливѣе и спокойнѣе, причемъ (я это отлично могла замѣтить со стороны) онъ по временамъ ловко и проворно заглядывалъ въ карты сосѣдямъ, какъ будто случайно скашивая свои живые и проницательные глаза.

Толстая Гущинъ только неимоვნно громко сопѣлъ и пыхтѣлъ, жалуюсь, что ему совсѣмъ не везетъ. Докторъ Саусановъ былъ блѣденъ и имѣлъ раздраженный видъ человѣка, собирающагося нанести оскорбленіе. Негоціантъ Луцевъ, наоборотъ, придавалъ своей фізіономіи какую-то дѣланную улыбку, выражавшую не то самодовольствіе, не то привѣтливость.

Когда эти четверо игроковъ, молча и съ необыкновенною важностью перебрасывались картами, можно было подумать, что они священнодѣйствуютъ или по крайней мѣрѣ разрѣшаютъ какую-либо сложную, научную дилемму. Только по временамъ они обмѣнивались злыми, язвительными, а подчасъ и просто дерзкими замѣчаніями. Особенно несносенъ былъ Саусановъ. Онъ безъ всякой церемоніи кричалъ, грозно жестикуюлируя, и доходилъ до того, что упрекалъ своего партнера въ недобросовѣстности и еще Богъ знаетъ въ какихъ преступленіяхъ.

Сначала мнѣ приходило на умъ, что эти ссоры могутъ кончиться печально, разразившись чѣмъ-нибудь серьезнымъ, но генералъ Моринъ, который въ карты не игралъ и также, какъ мы, бродилъ безцѣльно изъ одного угла въ другой, успокоилъ меня.

— О, за картами это всегда такъ!—добродушно улыбаясь,

замѣтилъ онъ.—Тутъ ужъ, знаете ли, безъ чиновъ, взаимно. За картами обидѣ не полагается, хотъ разбойникомъ одинъ другого назови. Это всякій понимаетъ: азартъ... ну, а въ азартѣ чело-вѣкъ въ словѣ не воленъ!

За другимъ столомъ, нѣсколько поодаль, тѣснились остальные игроки. Ихъ игра была еще болѣе оживлена. Передъ каждымъ игровомъ въ кучахъ были сложены деньги, лица были красны и взволнованы. Сюда подсаживалась иногда мапан и также пы-тала счастье.

— Ну, ужъ тутъ игра форменная, макао!—пояснилъ мнѣ Моринъ.—Имъ теперь не до разговоровъ.

И дѣйствительно, даже Воркуевъ настолько увлекся игрой, что забылъ о своихъ ухаживаньяхъ за мной. Ему страшно не везло, и онъ поминутно, съ кислой и натянутой миной, вытаски-валъ изъ своего толстаго бумажника новую сотенную. Маман, на-оборотъ, казалась оживленною; кучка скомканныхъ бумажекъ все росла передъ нею.

Проходя мимо столовой, я взглянула на часы: было уже около одиннадцати. Я смертельно скучала и внутренно тревожилась. Моя мысль была занята Барсовымъ, хотя я и старалась увѣрить себя, что мнѣ безразлично—придетъ онъ или нѣтъ. Я невольно прислушивалась къ каждому звонку; кровь напряженно прили-вала къ сердцу.

Среди монотоннаго и скучнаго пѣнія Малявскаго, мнѣ, какъ нарочно, западали въ память слова одного прелестнаго и дотогѣ неслышаннаго мною романа:

„Я изъ дома бѣдныхъ Авровъ..
Полюбивъ, мы умираемъ!“

—заканчивался романъ.

Очаровательно-таинственный смыслъ стиховъ какъ-то незамѣтно подкрался ко мнѣ и проникъ въ самый сокровенный уголокъ души. Какая-то тихая и покорная грусть сладко и вмѣстѣ больно сжимала мнѣ сердце. Въ воображеніи все перепуталось: я ли была та царская дочь, при видѣ которой рабъ умираетъ, или сама я была рабыня, обреченная на смерть—не знаю, только мнѣ начи-нало казаться, что какимъ-то болѣзненнымъ откровеніемъ передо мною вдругъ раскрывается смыслъ таинственной связи словъ про смерть и любовь, о чемъ пѣлось въ пѣснѣ:

„Полюбивъ, мы умираемъ!..“

Да, да, смутно проносилось во мнѣ какъ бы какимъ-то пред-

чувствіемъ,—сперва любовь, а тамъ смерть. „Полюбивъ, мы умираемъ!“ То-есть, смерть идетъ вслѣдъ за любовью, а не любовь за смертью. Пока есть любовь, есть жизнь, и она смѣняется смертью. Но когда нѣтъ любви,—нѣтъ ничего, нѣтъ ни жизни, ни смерти.

И это состояніе, когда „нѣтъ ничего“, тяготило мнѣ душу. Здѣсь, среди этихъ людей, которые должны бы были быть мнѣ близки уже по тому одному, что ближе ихъ у меня никого не было, я чувствовала себя совершенно чужою, почти враждебно настроенною.

Мнѣ стало жаль себя.

Когда же избавлюсь я наконецъ отъ этого вѣчнаго холода одиночества? Чѣмъ разрѣшится моя духовная замкнутость? Кто заставитъ горячо и блаженно забиться мое сердце?

Ужели никогда и никто?

Отдѣлавшись въ карточной комнатѣ отъ своихъ спутниковъ, я медленно шла по корридору, желая пройти въ свою комнату. Мнѣ хотѣлось остаться одной; слеза готова была повиснуть на моей рѣсницѣ. Въ эту минуту раздался рѣзкій звонокъ. Я невольно остановилась и замерла на мѣстѣ.

Черезъ секунду, пересѣкая корридоръ и прямо направляясь ко мнѣ, весело и оживленно спѣшилъ Барсовъ.

VII.

Съ приходомъ Барсова явилась возможность не скучать.

Онъ тотчасъ же сомкнулъ вокругъ себя небольшой кружокъ. Всѣ неигравшіе въ карты поспѣшили въ гостиную, гдѣ разомъ стало и шумно, и уютно. Затѣялись даже *petits jeux*, въ которыхъ стали принимать живѣйшее участіе такіа почтенныя лица, какъ генералъ Моринъ, Евлалія Петровна и даже смотрѣвшій на всѣхъ сентябремъ Малявскій. Барсовъ былъ въ ударѣ; онъ очень мило шутилъ и проявлялъ необыкновенную изобрѣтательность. У него была положительная способность нравиться всѣмъ безъ исключенія и побуждать всѣ сердца. Евлалія Петровна и Эжени Морина, нѣсколько знавшія его раньше, были совсѣмъ отъ него безъ ума; онъ съ какимъ-то восторженнымъ обожаніемъ относились къ нему. Но въ этомъ еще не было ничего удивительнаго; я чувствовала по себѣ, какъ женщинѣ трудно не поддаться обаянію его мужественной красоты и вмѣстѣ изящной, почти женственной граціи. Гораздо болѣе удивляло меня то, что почти въ такой же мѣрѣ

онъ покорялъ и сердца мужчинъ. Точно онъ зналъ, чѣмъ плѣнить каждаго и до тонкости изучилъ людскія слабости.

Когда передъ ужиномъ были оставлены на время карты и почти все общество собралось въ гостиной, я замѣтила, какъ этотъ молодой Барсовъ ловко и легко сумѣлъ овладѣть каждымъ, привлечь вниманіе всѣхъ. Съ барономъ Фишвикомъ и докторомъ Саусановымъ онъ былъ и раньше на дружеской ногѣ. Они относились къ нему съ видимой симпатіей, хотя и не безъ отѣйна нѣкотораго покровительства, которое ему было очевидно пріятно.

Въ разговорѣ тотчасъ же нашелся общій интересъ—балетъ, откуда Барсовъ только-что вернулся.

Онъ назвалъ фамиліи балетныхъ завсегдатаевъ, которые, какъ видно, представляли изъ себя тѣсно сплоченный и дружескій кружокъ.

— Ну, а какъ наша прелесть, доморощенная prima ballerina assoluta, воздушная NN., нынче удостоилась подношеній?—спросилъ баронъ, поглаживая свою сѣдую бороду и хитро бѣгая по сторонамъ своими живыми, проницательными глазами.

— Еще бы!.. Самъ сидѣлъ сегодня въ боковой ложѣ,—весело отвѣтилъ Барсовъ.—Въ пику итальянской дивѣ сегодня нѣкоторая демонстрація учинилась.

— Ага, понимаю! Ну, что же наши?..

— *Молодцами себя показали!*—еще веселѣе, показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ, отозвался Барсовъ.

— Работа, стало быть, была?—не безъ ехидства переспросилъ Саусановъ.

— Еще какая! Предводительствовалъ самъ геній балета.

— И рыцарь танцевальнаго трико,—язвительно вставилъ Саусановъ.

— Онъ на всѣ руки, человекъ образованный... книги пишетъ!—поправилъ баронъ Фишвикъ.

— Да, однимъ словомъ... honni soit, qui mal y pense!—весело заключилъ характеристику Барсовъ.

Послѣ легкой паузы баронъ Фишвикъ продолжалъ на тему, которая ему видимо была по сердцу.

— Небось всѣ первые ряды въ сборѣ, цѣлая армія?..

— Не безъ того!—увѣреннымъ тономъ знатока подтвердилъ Барсовъ.—Полководецъ, при немъ генералъ на посылахъ, ну, а прочіе—пѣшки.

— Да,—одобрительно просмаковалъ баронъ Фишвикъ.—Вотъ это я понимаю, это настоящая сила!..

— „Небрежнымъ маніемъ руки сдвигаетъ цѣлыя полки!“ — пародируя извѣстный стихъ, засмѣялся Барсовъ.

— Да-съ, *сдвигаетъ!* — съ нешуточною сосредоточенностью проскандировалъ баронъ и, выразительно захлопывая одною рукою ладонь другой, вдругъ провозгласилъ: — Гамъ, и слопаль! А и вся-то сила — денежки!.. — Послышались оживленные возгласы по поводу послѣдняго замѣчанія. Всѣ эти возгласы слились въ какой-то согласный, внушительный гулъ, подтверждавшій справедливость только-что высказаннаго. Василий Ѳедоровичъ, съ свойственнымъ ему экспансивнымъ добродушіемъ, не удержался и, торжествующе хихикая, еще разъ, неизвѣстно для чего, во всеуслышаніе повторилъ возгласъ барона: „гамъ, и слопаль!“

Генераль Моринъ, высовываясь изъ-за другихъ, которые всѣ были выше его ростомъ, засеменилъ на мѣстѣ ногами и поднялся зачѣмъ-то даже на цыпочки. Молодой литераторъ съ хохолкомъ покраснѣлъ до корней волосъ, и мнѣ показалось, что отъ волненія его безусая верхняя губа вся покрылась росинками пота. Можно было подумать, что въ присутствіи влюбленнаго юноши неосторожно заговорили объ извѣстной красавицѣ, тайномъ и недостижимомъ предметѣ его пылкой страсти. Чахоточный Котомкинъ, нервно потирая руки, ходилъ изъ угла въ уголъ. Негоціантъ Лучевъ старался сохранить обычную презентабельную улыбку, но мнѣ показалось, что какъ только рѣчь зашла о миллионерѣ и его могуществѣ, у него какъ-то странно стала дергаться лѣвая бровь. Воркуевъ во все время разговора хранилъ свой обычный самоувѣренный и легкомысленный видъ. Онъ нѣсколько разъ пытался даже вмѣшаться въ разговоръ, желая что-то сказать и о балетѣ, и о миллионерѣ, но, повидимому, онъ не былъ въ курсѣ дѣла, — по крайней мѣрѣ его не захотѣли слушать.

Одинъ только Малявскій, который послѣ неудачнаго дебюта, по выраженію шатап, „слонялся какъ душа неотпѣтая“, — мнѣ показалось, не раздѣлялъ ни общаго восторга, ни возбужденія.

Какъ и передъ самымъ началомъ пѣнія, лицо его было необыкновенно блѣдно и выражало ту же, уже раньше замѣченную мною, растерянную жалкость. Когда я его увидѣла такимъ, мнѣ невольно пришло въ голову, что онъ опять не сдержится и сдѣлаетъ какую-нибудь непріятность всему обществу.

Какъ я подумала, такъ и случилось.

Нотариусъ Гуцинъ, хранившій до сихъ поръ упорное молчаніе и только пыхтѣвшій на всю комнату, вдругъ пожелалъ заключить послѣднимъ аккордомъ гамму и безъ того согласныхъ мнѣній относительно преимуществъ богатства. Мотая изъ стороны

въ сторону своимъ жирнымъ подбородкомъ, онъ съ какою-то грузной рѣшительностью, не допускавшею повидимому возраженій, медленно и внушительно заявилъ:

— Да, по моему такъ!.. Безъ средствъ человекъ — „тѣфу“, просто гадость какая-то!..

— Нуль! — слышался чей-то возгласъ.

— Бѣдность не порокъ, однако же и не добродѣтель, — раздалось въ другомъ мѣстѣ.

— Одно прозябаніе, только землю бременишь!

— Жить не стоитъ!

— Борьба за существованіе! Кто побѣдилъ, тотъ и правъ! — развязно вставилъ свое слово Воркуевъ.

Эти возгласы сыпались со всѣхъ сторонъ.

Барсовъ, очутившійся въ центрѣ оживленнаго кружка, съ какимъ-то веселымъ и задорнымъ торжествомъ поглядывалъ на всѣхъ, не высказывая, однако, своего мнѣнія.

Въ эту минуту, продираясь изъ-за другихъ, съ сжатыми кулаками, приблизился къ нему Малавскій. Онъ весь трясся и едва владѣлъ собою.

— Я къ вамъ обращаюсь, молодой человекъ, — почти съ крикомъ завопилъ Малавскій. — Вы студентъ, стало быть человекъ образованный, ученый. Какъ вы можете... такія мысли?!..

— Позвольте, позвольте, — привсталъ съ своего мѣста Барсовъ, отстраняя отъ себя рѣшительнымъ жестомъ Малавскаго: — обратитесь къ тѣмъ, кто здѣсь высказывался, а меня увольте.

На Малавскаго сталъ насканивать Воркуевъ.

— Позвольте, однако же, что за умникъ такой выискался! Самъ Шопенгауеръ!.. — горячился онъ.

— Кто-съ? — медленно переспросилъ Малавскій.

— Шопенгауеръ! — повторилъ Воркуевъ.

— Не имѣю чести быть знакомымъ.

Кое-кто засмѣялся.

— Оставьте, господа! охота, право, спорить! — вмѣшался Василій Ѳедоровичъ. — Пройдемтесь лучше по первой; вдова Попова и такъ уже по насъ соскучилась.

Въ группѣ гостей проявилось оживленное движеніе.

Малавскій былъ недоволенъ и желалъ высказаться.

— Такъ судить о людяхъ недостойно, недостойно быть человекомъ... нельзя такъ судить, невозможно!..

— Да отчего же нельзя? — дразнилъ его Воркуевъ: — стало быть можно, если судимъ.

— Нельзя! — заладилъ свое Малавскій.

Матап рѣшилась положить конецъ всякимъ спорамъ. Она направила всѣхъ въ столовую.

Маявскій на этотъ разъ оказался, однако, непокладистымъ. Онъ рѣшительно отказался долѣе оставаться въ нашемъ обществѣ, и на замѣчаніе матап, что его комната во всякомъ случаѣ не освободится ранѣе утра, такъ какъ и послѣ ужина, можетъ быть, будутъ играть въ карты, онъ ей сказалъ въ полъ-голоса: „въ такомъ случаѣ я знаю, что мнѣ дѣлать, Марья Ивановна: я уйду вовсе!“ Матап сердито пожала плечами и махнула на него рукой.

Барсовъ, который позднѣе другихъ послѣдовалъ со мною въ столовую, напелъ для чего-то нужнымъ перехватить Маявскаго и объясниться съ нимъ. Я испугалась, опасаясь столкновенья, но, противъ всякаго ожиданія, объясненіе ограничилось всего одною фразою, которую Барсовъ произнесъ медленно и отчетливо:

— И съ чего вы взяли, Павелъ Абрамовичъ, что я раздѣляю ихъ мнѣнія?.. Развѣ это люди? это какіе-то дезертиры челоѣчества!—Маявскій широко и сочувственно открылъ на него свои удивленные глаза. Онъ стремительно схватилъ руку Барсова и крѣпко стиснулъ ее въ своей. Послѣ того, уже успокоенный, онъ направился къ выходу.

— Жалкій маньякъ!—значительно усмѣхнулся Барсовъ, провожая Маявскаго глазами и подставляя мнѣ руку, чтобы вести въ столовую.

Матап ничего не пожалѣла, чтобы ужинъ удался вполнѣ. У нея были широкіе вкусы, и не далѣе, какъ въ это утро она доказывала Алѣеву, на котораго иногда вдругъ нападала упрямая скупость, что ужъ лучше вовсе ничего не затѣвать, нежели затѣвать въ половину. Такъ какъ гости почти всѣ были люди нужные и полезные, то Василій Ѳедоровичъ почти безъ возраженій сдался на капитуляцію. Было признано за совершенно обязательное, чтобы закуска была разнообразна и обильна и непременно со свѣжей икрой и омарами, а вина дорогія и отъ Фейка. Только въ графинъ было розлито дешевенькое крымское, которое могло сойти и незамѣтно. Въ концѣ ужина рѣшено было предложить по бокалу настоящаго шампанскаго. Закусывали у отдѣльнаго стола, гдѣ то-и-дѣло слышались радужныя приглашенія Василя Ѳедоровича то отвѣдать рабиновой, то пройти по англійской горькой, то, наконецъ, придерживаться старообрядства, т.-е. выпить очищенной. По настоянію Василя Ѳедоровича,—не смотря на возраженія матап, которая находила, что это „мѣщанство“,—какая-то красная перцовка была подана въ особомъ графинѣ съ орган-

чикомъ, хитро прилаженнымъ въ донышкѣ графина. Это была идея и покупка самого Василя Федоровича, и онъ совершенно по-ребячески радовался и хохоталъ, когда поднимали графинъ и органчикъ начиналъ играть.

За столомъ я сидѣла рядомъ съ Барсовымъ; по другую его сторону примостилась Эжени Мориана.

Матап покровительствовала намъ, передавая всего, что было самого вкуснаго.

Я должна признаться, что всегда была немножко лакомка. Въ институтѣ мы не были избалованы. Видъ разнообразныхъ и вкусныхъ закусокъ соблазнительно дѣйствовалъ на меня.

Присутствіе Барсова, который мнѣ нравился, на первыхъ порахъ, однако, нѣсколько стѣсняло меня. Я, чего добраго, готова была подражать жеманной Эжени, которая не могла проглотить куска безъ того, чтобы не покраснѣть; она, повидимому, съ рискомъ остаться совершенно голодною, рѣшилась строить изъ себя какую-то *petite bouche* до конца.

Однако самъ Барсовъ такъ заразительно-вкусно и аппетитно ѣлъ, такъ мило и увлекательно поощрялъ меня, что я очень скоро перестала стѣсняться. Послѣ первой выпитой рюмки вина я даже почувствовала себя необыкновенно свободно. Я забыла о всѣхъ окружающихъ; мнѣ начинало казаться, что я вдвоемъ съ Барсовымъ составляю что-то замкнуто-обособленное, и что никто не въ правѣ нарушить нашъ пріятный *tête-à-tête*.

Особенно къ концу ужина я испытывала всю полноту никогда неиспытаннаго блаженства.

Всѣмъ, повидимому, казалось естественнымъ предпочтеніе, оказываемое мною Барсову. Еще въ началѣ ужина поднимались кое-какіе общіе разговоры, острили насчетъ пѣнія и странной выходки Малавскаго, спрашивали меня объ институтѣ, заводили рѣчь объ актерахъ; но по мѣрѣ того, какъ радушные хозяева усердно подливали гостямъ вино и лица этихъ послѣднихъ разгорались и краснѣли, стали образовываться болѣе замкнутыя группы, слышались уже только интимные разговоры.

Воркуевъ овладѣлъ безусмыъ, совершенно пьяненькимъ литераторомъ, безпрестанно чокаясь съ нимъ и объясняясь въ дружбѣ. Мелькомъ я слышала, какъ онъ настойчиво приглашалъ его къ себѣ, общая угостить какою-то необыкновенною мадерой, и вмѣстѣ съ тѣмъ звалъ его въ судъ, чтобы тотъ могъ описать потомъ въ газетахъ, какъ онъ, Воркуевъ, хорошо кого-то защищалъ. Литераторъ былъ очевидно польщенъ; его масляные глаза

забѣгали совсѣмъ весело, а хохолокъ сталъ торчать задорнѣе прежняго.

— Я позвоню въ телефонъ... у меня телефонъ!—повторялъ Воркуевъ нѣсколько заплетающимся языкомъ.—Теперь вездѣ телефонъ... У васъ въ редакціи тоже телефонъ... Чокнемся!

Они чокались и съ каждою новою рюмкою все болѣе и болѣе влюбленными глазами смотрѣли другъ на друга.

Баронъ Фишвикъ рѣзко и безапелляціонно, по своему обыкновенію, что-то доказывалъ своему сосѣду, желчному доктору Саусанову. Только и слышно было: акціи, директора, ревизіонныя комиссіи. Они, повидимому, не соглашались только въ частностяхъ: докторъ Саусановъ обзывалъ всѣхъ директоровъ правленія разбойниками, между тѣмъ какъ баронъ Фишвикъ признавалъ ихъ финансовыми гениями. Толстякъ Гущинъ былъ такъ погруженъ въ огромныя порціи, которыя ему обязательно накладывала таша, что, казалось, не понималъ уже ни слова изъ того, что ему долго и пространно объяснял Коломкинъ. Рѣчь шла о какихъ-то конкурсахъ, протестахъ, процентахъ, въ чемъ я ровно ничего не понимала.

Негоціантъ Лучевъ, на долю котораго въ собесѣдники достался генераль Моринъ, послѣ первой же рюмки вина весь пошелъ какими-то красными пятнами. Онъ упорно молчалъ, но едва удерживался отъ произвольныхъ звуковъ и снисходительно осклаблялся, выслушивая отставного кавалериста, какъ любилъ рекомендовать себя Моринъ, который усердно хвалилъ его призывную кобылу „Такова“.

— Вы на проскачки не смотрите,—суетился маленькій генераль:—проскачки отъ наѣздника. Дайте мнѣ эту кобылу въ руки, я съ ней на шестиверстную пойду. Въ кобылѣ главное задъ... Ну и передъ тоже...

Польщенный Лучевъ все снисходительнѣе осклаблялся.

Иванъ Ѳедоровичъ, который всѣхъ меньше пилъ, съ настойчивостью ухаживалъ за Евлаіей Петровной. Она, чувствуя себя въ пріятномъ возбужденіи, въ свою очередь кокетничала съ нимъ на пропалую.

Но всѣхъ возбужденнѣе и веселѣе казался Василій Ѳедоровичъ. На его багровомъ и вспотѣвшемъ лицѣ было столько не-принужденнаго довольства, радушія и пріязни, что, право, было весело глядѣть. Въ своемъ благодушномъ сочувствіи ближнему онъ дошелъ до того, что уже не обращался ни къ кому иначе, какъ съ привѣтственнымъ возгласомъ: „голубушка“. Повидимому,

онъ перезабылъ всѣ имена и отчества, не различалъ пола и всѣхъ безъ различія такъ и называлъ: „голубушка моя“.

Я много ѣла и даже нѣсколько выпила. То же дѣлалъ и Барсовъ. Это не отнимало, однако, у насъ столько времени, чтобы не успѣвать перекинуться многозначительнымъ взглядомъ, обмѣняться откровеннымъ замѣчаніемъ и, тѣмъ или другимъ способомъ, проявить взаимную близость и ту почти неувимую, но могучую и настойчивую связь, которая обыкновенно сразу устанавливается между людьми, симпатизирующими другъ другу.

По мѣрѣ того, какъ вокругъ насъ становилось все шумнѣе и оживленнѣе, нашъ духовный союзъ становился и тѣснѣе, и интимнѣе. Нѣсколько возбужденная виномъ и необычнымъ для меня праздничнымъ оживленіемъ, я всѣмъ своимъ существомъ ощущала близость этого мужественнаго красавца, чувствовала на себѣ его теплое дыханіе и нѣжные, ласкающіе взгляды.

Когда было подано шампанское, баронъ Фишвикъ, которому нельзя было отказать ни въ умѣ, ни въ тактѣ, сказалъ маленький спичъ, смыслъ котораго былъ таковъ, что онъ пьетъ за пышный расцвѣтъ моей красоты.

Матап горячо расцѣловала меня. Василій Ѳеодоровичъ пробовалъ кричать „ура“. Всѣ подошли ко мнѣ и жали руку. Барсовъ воспользовался случаемъ и крѣпко стиснулъ мои тонкіе пальцы въ своей сильной, мужественной рукѣ.

— Вамъ завтра опять предстоитъ вернуться въ влѣтку—ну, теперь уже не надолго, — шутливо замѣтилъ баронъ, осушая за мое здоровье полный бокалъ.

— Да... выпускныхъ не отпускаютъ вовсе. Мнѣ въ видѣ исключенія разрѣшено пробить у матап всего три дня; завтра конецъ моему отпуску.

У меня мелькнула грустная мысль, что я, быть можетъ, теперь долго, долго не увижу Барсова.

Какъ бы угадывая меня, мадамъ Топоцкая, хитро и многозначительно прищуривая свои глазки, промолвила, обращаясь къ Барсову:

— Отчего бы вамъ, monsieur Барсовъ, не поѣхать какъ-нибудь съ Марьей Ивановной въ институтъ? Я сама собираюсь навѣстить Варичку подъ видомъ родственницы.

— Если Марья Ивановна будетъ такъ добра, это, конечно, доставить мнѣ большое удовольствіе, — отозвался Барсовъ.

— Отчего же нѣтъ, непременно!.. Если, хотите, въ первое же воскресенье, я васъ выдамъ за кузена, — вмѣшалась матап.

„Cousinage—dangereux voisinage“, весело мелькнула въ моей головѣ не разъ слышанная французская поговорка.

— Стоять, стоять побывать! — многозначительно замѣтил баронъ. — Помилуйте, вѣдь это цѣлая оранжерея дорогихъ цвѣтовъ, полураспустившіеся бутоны, будущее украшеніе столицы. Если вы любитель изящнаго, молодой человекъ, — совѣтую, совѣтую. Что за разнообразіе, что за подборъ! Тамъ едва распустившаяся роза, здѣсь скромная маргаритка, дальше стройная лилія, еще дальше черный тюльпанъ... Вы знаете его происхождение? — предки отборные. Цвѣтникъ, говорю вамъ, настоящій цвѣтникъ!..

— Bravo, bravo! — захлопала въ ладоши Евалія Петровна: — вы, баронъ, поэтъ, настоящій поэтъ... право!

— Не поэтъ, а просто тонкій цѣнитель, — лукаво поглядывая на меня своими живыми глазами и поглаживая свою сѣдую бороду, отвѣтилъ баронъ.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, вы должны какъ-нибудь съѣздить со мной, — подтвердила матан, обращаясь къ Барсову: — тамъ столько хорошенькихъ, — глаза разбѣгутся.

— Этого-то я и боюсь! — отшучивался Барсовъ.

— Чего же вамъ бояться-то?

— Сердце у меня очень влюбчивое: чего добраго, стану вздыхать по цѣлому институту, — отдѣлался онъ снова шуткою.

„О, чего добраго, — подумала я, — и весь институтъ сталъ бы вздыхать по тебѣ!“

Отъ выпитаго съ непривычки вина, отъ всѣхъ этихъ намековъ и похвалъ, я чувствовала, какъ щеки мои начинаютъ пылать, а передъ глазами въ какомъ-то прозрачномъ туманѣ все колеблется, плыветъ и движется.

Какою-то непобѣдимою силою, точно молодое деревцо подѣ стремительнымъ натискомъ вѣтра, меня всю какъ-то клонило и влекло въ ту именно сторону, гдѣ сосѣдомъ моимъ былъ Барсовъ. Мнѣ стоило усилій противиться такому влеченію. А онъ, словно понимая, насколько я легкомысленна, опрометчива и слаба, весь ушелъ въ настойчивое вниманіе ко мнѣ, сосредоточился на неотступномъ ухаживаніи за мной. По временамъ онъ, словно по неосторожности, дотрогивался до меня плечомъ, искалъ случая прикоснуться къ моей рукѣ.

Каждое его прикосновеніе жгло меня огнемъ.

За столомъ въ концѣ ужина нѣсколько распумѣлись. Воркуевъ и безусый литераторъ совсѣмъ опьянѣли и пробовали говорить сальности. Матан постѣшила удалить меня. Она предложила Барсову подать мнѣ руку и увести въ гостиную. За нами

послѣдовала и Эжени Морина, которая къ концу ужина имѣла какой-то не то обиженный, не то растерянный видъ.

Ведя меня подъ-руку, Барсовъ явно воспользовался случаемъ: вздыхая полною грудью, онъ крѣпко и нѣжно прижалъ къ себѣ мою руку. Я слабо отвѣтила на его пожатіе.

Въ это время Эжени Морина, какъ бы очнувшись отъ какого-то забытья, вздумала также напомнить о себѣ Барсову. Она стала увѣрять его, что еще въ первую встрѣчу съ ней онъ обѣщалъ дать ей свою фотографію, и вотъ до сихъ поръ не исполнилъ.

— Развѣ?! — неосторожно воскликнулъ Барсовъ.

— Вотъ прекрасно! — жеманно заторопилась Морина. — Даже не помните своихъ обѣщаній!

Она приложила руку къ сердцу, какъ бы призывая его въ свидѣтели того, что обѣщаніе было дѣйствительно дано.

— Съ удовольствіемъ... завтра же пришлю, если позволите, — поправился Барсовъ.

— Опять забудете! — еще жеманнѣе и переходя въ нѣкоторую томность воскликнула Морина. — Я хочу сейчасъ... это не трудно... вы здѣсь живете...

У Барсова, повидимому, мелькнула какая-то счастливая мысль.

— Mesdemoiselles! я думаю, не будетъ нескромностью пригласить васъ къ себѣ... въ мою комнату... Будьте моими гостями!

Мы обѣ переглянулись. Я была въ нерѣшительности. Первою откликнулась Морина. Она не находила препятствій принять любезное приглашеніе Барсова.

Мы весело, но вмѣстѣ осторожно, чтобы не привлечь вниманія, двинулись по корридору. Барсовъ шелъ впереди насъ.

Его компата, раздѣленная драпировкою на двѣ половины, была очень мило убрана. Видно было, что таташ приложила къ ней стараніе. Барсовъ зажегъ свѣчи, и мы, какъ двѣ школьницы, очутившись въ его власти, присмирѣли.

Онъ старался быть милымъ и любезнымъ хозяиномъ. Показавъ намъ нѣсколько гравюръ и эстамповъ, онъ досталъ двѣ свои фотографіи и, на каждой подписавъ число и свою фамилію, передалъ намъ.

Когда онъ наклонялся, чтобы писать, глаза мои упали на бѣлый и ровный рядъ, раздѣлявшій его прелестные волосы. Меня такъ и влекло бережно приложиться губами къ этой умной и красивой головѣ. Морина была въ восторгѣ отъ полученнаго портрета, я же радовалась тому, что мнѣ даже не пришлось спросить у него фотографію — онъ самъ предложилъ ее мнѣ.

Вскорѣ послышалось движеніе стульевъ въ столовой; всѣ дви-

нулись въ гостиную. Едва я успѣла что-либо сообразить, Эжени Морина съ испуганнымъ видомъ бросилась вонъ изъ комнаты. Я тоже хотѣла послѣдовать ея примѣру...

Въ эту минуту случилось что-то до такой степени неожиданное, въ чемъ я не могу дать себѣ отчета до сихъ поръ. Барсовъ удержалъ меня за руку. Ранѣе, чѣмъ я успѣла опомниться, онъ съ силою закинулъ назадъ мою голову и поцѣловалъ въ самыя губы.

— Прелесть моя!—взволнованнымъ, страстнымъ попортомъ вырвалось у него изъ груди.

— Сумасшедшій!—едва могла отвѣтить я подавленнымъ вздохомъ и выскочила въ освѣщенный корридоръ.

Онъ легкою и увѣренною поступью послѣдовалъ за мною.

VIII.

Конецъ вечера былъ нѣсколько испорченъ страннымъ поведениемъ нѣкоторыхъ изъ гостей, а съ ними вмѣстѣ и Василия Ѳедоровича. Вставъ изъ-за стола, четверо едва держались на ногахъ. Это я узнала потомъ, но когда я хотѣла войти въ гостиную, я увидѣла только слѣдующее. Воркуевъ, прихлопывая каблукими, къ большому удовольствію фабриканта и Василия Ѳедоровича, пытался танцевать мазурку, причемъ дѣлалъ какіе-то странные курбеты. Литераторъ что-то громко, но непонятно декламировалъ. Фешенебельный же негоціантъ, не проронившій во весь вечеръ ни одного слова, дошелъ до того, что сталъ безпричинно какъ-то дико вскрикивать, звалъ всѣхъ кататься на тройкахъ и, остановившись посреди комнаты, пытался поймать и поцѣловать которую-нибудь изъ дамъ. Евлалія Петровна едва, едва увернулась отъ его объятій.

Василій Ѳедоровичъ, тотъ, весь расплывшись въ какую-то блаженную улыбку, притопывалъ ногами, щелкалъ пальцами, приставивъ и вообще шумѣлъ.

Нужна была вся энергія татап, чтобы положить конецъ такому неожиданному неприличію. Она безъ всякой церемоніи выпроводила гостей. Не въ мѣру разбушевавшійся негоціантъ былъ насильно уведень изъ квартиры обязательнымъ генераломъ Моринимъ и Иваномъ Ѳедоровичемъ, который, уводя его за руку, все оборачивался и прощался съ Евлаліей Петровной.

Самого Василия Ѳедоровича татап безъ всякой церемоніи грубо втолкнула въ комнату Малявскаго и заперла на ключъ.

Минуты черезъ двѣ оттуда раздался уже громкій и протяжный храпъ.

Барсовъ какъ-то незамѣтно скрылся, такъ что я и не увидѣла его больше.

Мы остались съ маман вдвоемъ въ освѣщенныхъ комнатахъ, прокуренныхъ табачнымъ дымомъ и хранившихъ безпорядокъ, оставленный гостями.

Маман была видимо взволнована и раздражена. Не раздвываясь, въ какомъ-то забытѣ она сѣла посреди гостиной на первый попавшійся стулъ. Руки ея, словно въ безнадежномъ утомленіи, опустились по обѣимъ сторонамъ ея пышнаго платья.

Я также присѣла въ сторонѣ на низкомъ диванѣ.

Мы обѣ были погружены въ молчаніе.

О чемъ думала она—не знаю. Повидимому, думы ея были невеселы.

Я же была погружена въ свои мысли, и мысли эти были такъ значительны, что я не знаю, думала ли я еще когда-нибудь такъ напряженно во всю остальную мою жизнь.

Я готова была рѣшиться сейчасъ же пойти позвать Барсова, привести его сюда, чтобы онъ немедленно успокоилъ, обрадовалъ маман, объявилъ ей о нашей любви и о томъ, какъ мы должны быть счастливы.

У меня не было въ головѣ и мысли, чтобы могло быть иначе. Если онъ нашелъ болѣе удобнымъ отложить это до другого раза,—конечно, это его дѣло, но мнѣ не было стыдно признаться во всемъ сейчасъ же.

Я чувствовала, что отнынѣ принадлежу ему всецѣло и навсегда, и что уже ничто не въ силахъ ни отвратить, ни измѣнить этого. Признаніе было у меня на языкѣ. Я взглянула на маман, на ея полуопущенныя, слегка подкрашенныя вѣки, на ея тусклое, какъ-то полинявшее отъ утомленія лицо, на ея взбитую прическу и, сама не знаю отчего, рѣшилась сохранить свою тайну.

Нѣтъ, мелькнуло въ моей головѣ, я терпѣливо выношу ее въ моемъ сердцѣ, я сберегу ее отъ посторонняго взгляда. Пусть, когда я буду уже въ институтѣ, онъ самъ все объяснить, все устроить и... позоветъ меня.

Какая полнота блаженства — переживать свое дѣйственное счастье въ одиночку, пока его никто не знаетъ, никто ему не завидуетъ, никто за него не судитъ!

О, какъ я буду достойна его, этого счастья!

Какую, неожиданно для него самого, горделиво-вѣрную и пре-

данную подругу найдетъ онъ во мнѣ, этотъ смѣлый, умный, самоуверенный красавецъ, съумѣвшій съ перваго взгляда и оцѣнить, и отличить ту, для которой онъ сталъ теперь дороже жизни!..

Онъ еще не знаетъ меня. Совсѣмъ не знаетъ. Я не шестнадцатилѣтняя заурядная дѣвчонка, я *не институтка*. Я слишкомъ много передумала и перечувствовала для своихъ шестнадцати лѣтъ, чтобы не стѣмѣть разомъ возвыситься до него. Не даромъ съ перваго брошеннаго на него взгляда мною овладѣло тревожное, глубокое предчувствіе... Онъ будетъ всѣмъ въ моей жизни. Какъ вознаграждена я, съ избыткомъ вознаграждена за все, за все!..

Въ эту минуту татап раскрыла глаза.

— Вара!.. о чемъ ты плачешь?—спросила она съ тревогой.

И точно—слезы стояли въ моихъ глазахъ, но это были слезы тихія и блаженныя.

— Нѣтъ, татап!.. ничего!.. я такъ!

Матап быстро поднялась и, какъ-то рѣшительно, грузно ступая по ковру, приблизилась ко мнѣ и неожиданно опустилась передо мною на колѣни. Я смутилась. Она схватила мои руки и стала осыпать ихъ поцѣлуями. Она порывисто дышала и, вся прижавшись ко мнѣ, какъ-то истерически, нервно вздрагивала.

Я стала успокаивать ее, но она не слушала меня и, пряча лицо въ мои колѣни, повторяла, рыдая:

— Измучилась я, изстрадалась, Вара... Ты у меня одна, одна... бѣдная!.. бѣдная!..

Видно, татап и не подозрѣвала, какъ я богата, какое сокровище сокрыто у меня на сердцѣ...

IX.

Какъ далеко отнесена я теперь событіями и временемъ отъ впечатлѣній, только-что описанныхъ мною. Подчасъ мнѣ начинаетъ казаться, что минула цѣлая вѣчность, хотя прошло всего нѣсколько лѣтъ. Почему эти три дня, проведенные мною впервые внѣ институтскихъ стѣнъ, такъ легко и вмѣстѣ неизгладимо запечатлѣлись въ моихъ воспоминаніяхъ? Почему все, что я видѣла, все, что пережила тогда, такъ рѣзко обособлено и закончено въ моемъ представленіи? Я не могла бы выкинуть ни одного штриха, ни одной подробности безъ того, чтобы не измѣнить, не извратить совершенно характера воспринятаго мною тогда. Послѣ я никогда уже не была въ состояніи такъ непосредственно задер-

живать въ своемъ духовномъ обиходѣ всѣхъ воспринятыхъ мною впечатлѣній.

Смѣшно сказать, — но въ эти три дня, мнѣ кажется, улеглась вся моя наивность, вся моя молодость. Я, какъ губка, готова была впитать въ себя все, что пошлетъ мнѣ судьба. И я впитала. Потомъ очень скоро началась усиленная душевная работа, поднялась страшная ломка.

Такъ кончилась моя молодость, та настоящая молодость, которая дважды не повторяется, и которой, увы! судьбою мнѣ было отпущено совсѣмъ въ обрѣзъ.

Теперь мнѣ девятнадцать лѣтъ, но молодости нѣтъ, и я взялась за перо подъ вліяніемъ странной потребности души, пережившей самое себя, перетраживать свои воспоминанія.

Итакъ, продолжаю.

Я возвратилась въ институтъ глупой, радужно настроенной дѣвчонкой только для того, чтобы очень скоро догадаться и понять, что причины радоваться не было никакой. Въ самомъ дѣлѣ, что я себя вообразила? Съ чего я взяла, что мимоходомъ взятый отъ меня, воровской, сопровождаемый легкимъ насиліемъ поцѣлуй молодого, избалованнаго повѣсы давалъ мнѣ основаніе задумываться о будущемъ или могъ въ какомъ-нибудь отношеніи рѣшить мою судьбу?

Правда, мною властно руководилъ инстинктъ, какое-то неосмысленное и неодолимое чувство, подъ вліяніемъ котораго я ясно ощущала всю огромность того, что произошло тогда со мной.

Но мало ли чего не вообразить себѣ шестнадцатилѣтняя, ничего не смыслящая дѣвчонка! Сантиментализмъ былъ не въ модѣ даже у насъ въ институтѣ, а я вздумала прилагать его тамъ, гдѣ онъ былъ совсѣмъ не у мѣста.

Нечего, кажется, и говорить, что Барсовъ предложенія мнѣ не сдѣлалъ, съ тамапъ объясненія не имѣлъ и отъ любви ко мнѣ не умеръ. Очень скоро я только съ чувствомъ стыда и тайной досады вспомнила о своемъ глупомъ приключеніи. Я ясно поняла, какъ оскорбительно для всякой порядочной дѣвушки было его поведеніе. Ни съ одною изъ тѣхъ блесоватыхъ дѣвицъ, съ которыми я видѣла его въ театрѣ, онъ, конечно, не позволилъ бы себѣ ничего подобнаго. И все отчего? Чѣмъ я хуже ихъ? Я вѣдь не понимала тогда, почему онъ въ правѣ смотрѣть на меня иначе. Неужели только благодаря двусмысленности положенія тамапъ въ качествѣ подруги жизни Василя Федоровича и содержательницы меблированныхъ комнатъ я очутилась уже внѣ строгихъ условій свѣта и приличій? Чѣмъ я была виновата, что попала въ обще-

ство, которое могло показаться ему нѣсколько грубымъ и распушеннымъ? Тѣмъ больше долженъ онъ былъ щадить меня, предостеречь, избавить отъ него.

А между тѣмъ онъ же первый воспользовался моею неопытностью...

И его подѣлуй какимъ-то клеймомъ лежалъ теперь у меня на душѣ, мучилъ и тяготилъ меня.

Эти догадки, разъ запавъ мнѣ въ голову, поддерживали во мнѣ какую-то злую, непримиримую вражду къ Барсову. Безъ этого, чего добраго, его образъ навсегда, не смотря на легкомысліе его поведенія, остался бы самымъ чистымъ и плѣнительнымъ моимъ воспоминаніемъ...

Но я, кажется, забѣжала впередъ.

Я вѣдь не сказала еще, что, не смотря на свои обѣщанія, Барсовъ ни разу не заглянулъ ко мнѣ въ институтъ.

Онъ, кажется, намѣренно избѣгалъ свиданія со мною. Матап, Евлалія Петровна и даже Эжени Морина посѣщали меня въ пріемные дни. Отъ нихъ я узнавала о немъ нѣкоторыя подробности.

Сначала я съ замираніемъ сердца ждала его появленія. Вскорѣ я убѣдилась, что ждать напрасно. Какъ-то незадолго до выпуска, весною, матап сообщила мнѣ, что Барсовъ отъ нея выѣхалъ. Къ нему пріѣзжала изъ провинціи мать, съ которою онъ вмѣстѣ уѣхалъ потомъ въ Москву.

Я съ нѣкоторымъ душевнымъ облегченіемъ приняла это извѣстіе. Я была рада, что по выходѣ изъ института не увижу его. Какою могла быть моя встрѣча съ нимъ? При одной мысли объ этой встрѣчѣ я начинала ощущать нервную дрожь...

Между тѣмъ время шло; приближались выпускные экзамены.

Я была не изъ послѣднихъ ученицъ, но на шифръ никакимъ образомъ не могла рассчитывать, и потому довольно небрежно вела свои занятія. Матап также мало интересовалась моими успѣхами. Все это время она была исключительно занята заботами о моей экипировкѣ или, какъ она выражалась, о моемъ приданомъ.

Вѣроятно, дѣла Василія Ѳедоровича были въ полномъ ходу или матап очень усиленно приналегала на него,—по крайней мѣрѣ я видѣла, что на все это денегъ тратится много, и что она поставила себѣ цѣлью заготовить для меня все самое лучшее и дорогое.

Нерѣдко, пріѣзжая на свиданіе, матап привозила показать мнѣ то пару прелестныхъ шольковыхъ чулокъ, то образчикъ кру-

жева или батиста для бѣлья, то отдѣлку на платьѣ, то, наконецъ, картинку моднаго фасона платья, пальто или шляпки. Всѣ выпускныя, кромѣ самыхъ бѣдныхъ или круглыхъ сиротъ, были привлечены тѣмъ же, и я была счастлива, что судьба моя въ этомъ отношеніи сложилась такъ удачно. Я воображаю, какъ бы я была зла и раздражена, еслибы сбылись мои давнія опасенія, еслибы татап не появилась какъ разъ въ самый нужный моментъ добрымъ и великодушнымъ геніемъ. Право, можно было подумать, что она поставила все на карту, лишь бы я была экипирована не хуже другихъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ моихъ подругъ. Она была неистощима въ своей изобрѣтательности; ей все казалось мало и недостаточно *distingué*. Во всѣхъ этихъ заботахъ и хлопотахъ у нея обнаружился своего рода *point d'honneur*, передъ которымъ она ни за что не хотѣла отступить.

Меня глубоко трогали ея заботы и я была ей несказанно благодарна и признательна.

Евлялія Петровна Топоцкая и Эжени Морина помогали татап въ ея хлопотахъ относительно моего приданаго. Ихъ очень занимало рыскать по магазинамъ, и онѣ съ необыкновенной предупредительностью брали на себя разныя порученія. Бѣдняжка Эжени Морина, которая не была избалована дорогими нарядами, совсѣмъ какъ-то растерялась и опѣшила, узнавъ о тѣхъ тонкихъ, художественныхъ подробностяхъ женскаго туалета, которыя готовила мнѣ татап. Въ одно изъ своихъ посѣщеній Евлялія Петровна, послѣ ужасно длиннаго и сложнаго предисловія и нѣсколькихъ вздоховъ, поднесла мнѣ въ подарокъ прелестный кружевной вѣеръ.

Даже Василій Ѳеодоровичъ не остался чуждъ общей заботливости обо мнѣ. Онъ подарилъ мнѣ изящный браслетъ и пару недурныхъ серегъ съ бирюзой, оправленной брилліантовыми ро-
зетками.

Я узнала отъ татап, что лѣтомъ мы будемъ жить на дачѣ. Черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ выпуска уже и перейдемъ. Съ представленіемъ о дачной жизни у меня были связаны самыя розовыя фантазіи. Я воображала себѣ какіе-то величественные загородные замки—въ родѣ тѣхъ, какіе мнѣ случалось видѣть на картинахъ. Евлялія Петровна съ восторженностью пятнадцатилѣтней дѣвочки дѣлилась со мной своею радостью. Оказалось, что лѣто она проведетъ съ нами; татап уступала ей одну комнату на дачѣ, съ окошкомъ прямо въ садъ. Она собиралась быть моею неутомимою спутницею на всѣхъ дачныхъ прогулкахъ и увѣряла, что намъ будетъ превесело.

Между тѣмъ наступили экзамены. Мои способности какъ-то необыкновенно обострились, я была возбуждена. Съ достоинствомъ и вмѣстѣ съ какою-то вызывающей небрежностью я отлично выдержала всѣ экзамены. Это привело въ немалое замѣшательство моихъ классныхъ дамъ и учителей, которые не хотѣли замѣчать моихъ способностей и не вѣрили въ мое прилежаніе. Шифра, однако, я все же не могла получить, такъ какъ годовые мои баллы были безупречны.

Въ стѣнахъ института уже чуялось вѣяніе роковой, блаженной минуты, когда массивныя двери настежъ откроются передъ цѣлымъ выпускомъ. Свобода, новая жизнь!.. Весь институтъ былъ въ волненіи, особенно мы, выпускныя, и слѣдующія за нами, почти такія же взрослые дѣвушки. Подруги, близкія между собой, и подростки, обожавшія выпускныхъ, съ печалью предвидѣли минуту разставанья и тѣмъ усиленнѣе клялись во взаимной вѣрности и давали торжественныя обѣщанія никогда, никогда не забывать другъ друга.

Какъ ни прискучилъ мнѣ институтъ, какъ ни опротивѣли мнѣ его голыя стѣны и сводчатые окна, какъ ни держала я себя замкнуто въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ, тѣмъ не менѣе при мысли о томъ, что я покидаю эти стѣны навсегда,—мною овладѣвала безконечная грусть, въ голову закрадывались опасенія. Кто знаетъ, что ждетъ меня впереди? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, я была ограждена отъ всякихъ случайностей; я знала, что завтра будетъ похоже на сегодня, а тамъ... Даже лица нелюбимыхъ классныхъ дамъ начинали казаться не такими двоедушными и злыми, и большой звонокъ старика Михея издавалъ, казалось, не такіе рѣзкіе и пронзительные звуки.

Словно передъ исповѣдью, каждая изъ насъ, выпускныхъ, старалась примириться съ тѣмъ, съ кѣмъ была до сихъ поръ въ ссорѣ. Всѣ тайныя шпильки и явныя обиды были прощены, забыты. Мы предчувствовали, что отнынѣ уже разбредемся въ разныя стороны, жизнь каждой изъ насъ пойдетъ своею дорогою, и что одна только общая забота обязываетъ насъ въ этихъ пріютившихъ насъ стѣнахъ оставить по себѣ добрую память.

По окончаніи экзаменовъ наступилъ торжественный актъ. Какъ всегда, это было большимъ событіемъ въ жизни института. Ничего параднаго и торжественнаго мнѣ не случалось видѣть по томъ во всю мою жизнь. Парадный спектакль, на который приглашаются только избранные, и который принято называть „спектаклемъ-малъ“, вѣроятно, далъ бы приблизительное понятіе о нашемъ торжествѣ. Важные сановники въ блестящихъ мундирахъ,

военныхъ и статскихъ, представители гвардіи, молодые люди въ изящнѣйшихъ черныхъ фракахъ и затѣмъ дамы, и молодыя, и старыя, всѣ необыкновенно разряженныя, какъ бы щеголяющія другъ передъ другомъ своими туалетами! Но и это былъ только фонъ блестящей картины, на которой главныя фигуры были по истинѣ величественны и внушали намъ благоговѣніе...

Матан и Евлалія Петровна, приложившія всѣ усилія, чтобы попасть на это торжество, терялись гдѣ-то въ заднихъ рядахъ въ полной безвѣстности. Общество было слишкомъ изысканно и замкнуто, чтобы онѣ могли рассчитывать быть на виду. Это обстоятельство не мало смущало меня, тѣмъ болѣе, что именно родителямъ выпускныхъ, какъ самымъ заинтересованнымъ, на празднествѣ, всегда отводились лучшія мѣста.

Посреди блестящихъ дамскихъ нарядовъ мы, выпускныя, въ своихъ бѣлыхъ легкихъ платьяхъ, напоминали собою скромныхъ весталовъ, присутствующихъ на богослуженіи. Мы казались даже всѣ нѣсколько похожими другъ на друга, когда размѣстились полукругомъ близъ кафедры, съ которой говорились рѣчи, читался какой-то отчетъ и затѣмъ раздавались награды воспитанницамъ.

— *Des vrais anges!* — сказала про насъ громко какая-то очень важная и уже преклонныхъ лѣтъ княгиня, внимательно лорнируя насъ, когда мы дефилировали передъ нею.

Можетъ быть, здѣсь, охваченная впечатлѣніями необычнаго торжества, единственный разъ я пожалѣла, что не дала волю своимъ честолюбивымъ мечтамъ, не добивалась съ первыхъ же дней пребыванія въ институтѣ полученія высшей награды—шифра. При одной мысли, что и я могла бы быть въ числѣ немногихъ счастливицъ, на которыхъ обращено всеобщее вниманіе въ ту минуту, когда имъ выпадаетъ высокая честь врученія награды, я невольно упрекала себя не столько въ лѣни, сколько въ легкомыслии и небрежности. Одно лишь нѣсколько утѣшало меня: я рѣшительно была самой красивою на этомъ празднествѣ. Я не могла не замѣтить, какъ каждый случайно брошенный на меня взглядъ тотчасъ же переставалъ быть равнодушнымъ и переходилъ во взглядъ, полный изумленія, вниманія и симпатіи, а подчасъ и восторженнаго оцѣпененія. Нѣтъ, право, я не преувеличиваю и не обманываю себя... На меня было обращено столько многозначительныхъ и внимательныхъ взглядовъ, что ими могла бы гордиться любая свѣтская красавица. Мнѣ показалось даже, что начальница стала какъ-то особенно глядѣть на меня послѣ того, какъ нѣсколько очень высокопоставленныхъ лицъ обратили вниманіе на мою наружность и по всей вѣроятности—по крайней

мѣрь я въ этомъ увѣрена—спросили у нея мою фамилію. Я очень смутилась при одной мысли: я знала отлично, что, благодаря печальной исторіи моего отца, моя фамилія прозвучитъ не-пріятно для всѣхъ этихъ избалованныхъ счастьемъ и успѣхомъ господъ.

Торжество завершилось пѣніемъ воспитанницъ. Пѣлись кантаты, приличные случаю. Все закончилось общимъ шумнымъ оживленіемъ, когда воспитанницы, охваченныя восторженнымъ настроеніемъ, свободно ринулись по корридорамъ и лѣстницамъ провожать до подъѣзда высокопоставленныхъ гостей...

Было по истинѣ что-то трогательное и величественное въ этомъ свободномъ, наивномъ общеніи незрѣлой юности, не имѣющей еще никакого представленія о жизни и суровыхъ условіяхъ дѣйствительности, съ живымъ символомъ того, что вмѣщаетъ въ себѣ столько могущества, власти и ослѣпительнаго блеска. Мы сами становились какъ будто выше, въ насъ западали надежды, отблескъ славнаго величія какъ бы задѣвалъ насъ своими лучами...

Не даромъ начальница, дружески бесѣдовавшая съ нами послѣ торжества, напутственно приглашала насъ всю жизнь помнить этотъ великій для насъ день. Развѣ можно *это* забыть!..

По принятому разъ навсегда обычаю мы, выпускныя, еще разъ собрались въ стѣнахъ института. Сборище это носило уже иной, совершенно неофициальный характеръ. Мы съѣхались для того, чтобы благодарить начальницу, нашихъ воспитательницъ и проститься другъ съ другомъ.

На этотъ разъ мы были уже не робкія пансіонерки, а вполне законченныя свѣтскія молодыя дѣвицы, разряженныя въ парадныя визитныя платья, прелестныя весеннія шляпки и длинныя модныя перчатки. Тутъ уже можно было наблюдать все разнообразіе вкусовъ, достатка и соціального положенія, сказывающихся всегда въ едва уловимыхъ оттѣнкахъ туалета и того общаго характера его, который мы по-французски называемъ „tenue“.

Мама и здѣсь приложила всѣ свои старанія, чтобы я была одѣта вполне изящно и даже великолѣпно. Она достигла этого. Никогда еще я не правилась себѣ такъ, какъ въ этотъ день, когда, взглянувъ въ зеркало, увидѣла передъ собой настоящую красавицу въ чудной шляпкѣ съ большими полями, круто загнутыми съ одной стороны и отдѣланными мелкими, мелкими голубыми цвѣтами, которые такъ шли къ моему лицу. А чудное платье цвѣта кремъ, отдѣланное въ тѣнь шляпки голубымъ,— да это былъ одинъ восторгъ! Оно плотно и вмѣстѣ нѣжно охватывало мою граціозную фигуру...

Каждая изъ насъ запаслась нѣсколькими дюжинами своихъ фотографическихъ карточекъ и мы обмѣнивались ими, сопровождая эту мѣну горячими прощальными поцѣлуями. Это напоминало христосованье въ институтской церкви послѣ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенья. Окончилось и это послѣднее свиданіе бывшихъ одноклассницъ. Каждая изъ насъ возвращалась домой растроганная, съ нѣсколькими десятками фотографій въ рукахъ.

Навѣрное со всѣми было такъ же, какъ со мной. На другой день эти фотографіи торжественно размѣщались въ нарочно для этого купленный изящный альбомъ; на другой и на третій день онѣ снова внимательно пересматривались; черезъ мѣсяць показывались только новымъ знакомымъ, а черезъ годъ поблекшій альбомъ валялся уже гдѣ-нибудь въ углу съ потускнѣвшими и полинявшими карточками, едва приводя на память столь близкія нѣкогда черты.

Первые нѣсколько дней послѣ выпуска я чувствовала себя въ какомъ-то глупо-праздничномъ настроеніи. Усиленные посѣщенія отца и дочери Моринныхъ и неизмѣнной Евлаліи Петровны—вотъ, однако, все, чѣмъ ознаменовалось для меня это торжественное событіе. Былъ, правда, устроенъ маленькій обѣдъ, на которомъ пилось даже шампанское, но изъ постороннихъ былъ приглашенъ одинъ только Воркуевъ, который на этотъ разъ поправился мнѣ еще меньше прежняго. Мнѣ не удалось видѣть даже Малавскаго, котораго я очень хорошо запомнила, и въ которому у меня сохранилась какая-то странная и необъяснимая не то симпатія, не то жалость. Оказалось, что татап на другой же день послѣ исторіи на вечерѣ безпощадно выпроводила его, и жильцами у нея были совершенно незнакомыя мнѣ лица.

Такимъ образомъ, праздничное настроеніе, которое я считала почему-то для себя обязательнымъ, очень скоро смѣнилось самою будничною скукою, среди которой непрестанныя заботы обо мнѣ татап и Евлаліи Петровны просто раздражали меня.

Онѣ, повидимому, задались цѣлью поддержать во мнѣ, во что бы то ни стало, мое прежнее ребячески-наивное состояніе духа, способное все окрашивать оттѣнкомъ какихъ-то нелѣпо-розовыхъ надеждъ и ожиданій...

По тремъ днямъ, проведеннымъ раньше у татап, я приблизительно знала, какія именно забавы и развлеченія мнѣ предстоятъ и что вообще можетъ ожидать меня. О, на этотъ счетъ я не предавалась больше радостнымъ иллюзіямъ!..

По ночамъ, когда я оставалась одна въ своей небольшой ком-

натѣ, на меня, съ непривычки засыпать одной, вѣяло какимъ-то непривѣтнымъ холодкомъ. Слѣша укрыться одѣяломъ, дрожа отъ какого-то внутренняго волненія, я нерѣдко оглядывала съ любопытствомъ свою новую обстановку и думала почти вслухъ: „Ну, вотъ сбылись твои завѣтныя мечты! Твое царство между этими голубенькими стѣнами... За одною дверью спать маманъ, которой теперь, быть можетъ, также не спится, и не отъ чрезмѣрнаго счастья, конечно... А тамъ—за другою, входною дверью—весь городъ, шумный и тревожный, съ сотнями тысячъ людей, изъ которыхъ ни одному нѣтъ дѣла до тебя!“ А давно ли я мечтала, что стоитъ только вырваться изъ душныхъ стѣнъ монастыря—жизнь заблещетъ, заиграетъ вокругъ, и сотни дружескихъ, восторженныхъ привѣтствій потянутся на встрѣчу ко мнѣ. Какъ я была наивна! я воображала, что цѣлый городъ будетъ моимъ жилищемъ, всѣ люди—моими близкими!.. Я учила географію, я знала, что есть еще другія страны, государства, города, отдѣленные другъ отъ друга пространствомъ; но мнѣ какъ-то никогда не приходило въ голову, что и живущіе бокъ-о-бокъ въ одномъ городѣ, даже въ одномъ громадномъ петербургскомъ домѣ—люди другъ другу совсемъ чужіе, обособленные, замкнутые...

Съ первыхъ годовъ дѣтства я привыкла таить про себя свои страхи, надежды и маленькія скорби. Я всегда была горделиво-замкнута. Былъ ли теперь достаточный поводъ—распахнуть настежь свою душу?.. Передъ кѣмъ и для чего? Свобода только въ дѣтскихъ мечтахъ рисовалась мнѣ какимъ-то веселымъ празднествомъ общенія. Но теперь я уже не ребенокъ!..

Правда, жизнь едва успѣла мелькнуть передо мною,—но развѣ своимъ пытливымъ, изощреннымъ въ мелочныхъ наблюденіяхъ умомъ я не успѣла уже разглядѣть все достаточно? развѣ я не вынесла поучительнаго для моего тревожно-бьющагося, полнаго таинственныхъ предчувствій сердца урока?.. Это не страхъ, однако, о, нѣтъ!—я не боюсь жизни. Я даже совершенно увѣрена, что она не стѣбитъ страха...

Потѣснившись,—я знаю,—она гостепріимно разступится передо мною, если только я сама захочу того. Но захочу ли я?..

То, что было угадано мною изъ-за случайно приподнятой завѣсы, только слабо влечетъ къ себѣ...

Ник. Кар.

НАШЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

0

НАРОДНОМЪ ПРОДОВОЛЬСТВІИ

Историческій очеркъ.

Неурожай, тяжелыя послѣдствія котораго переживаемъ мы теперь, обратить конечно вниманіе правительства, общества и ученой литературы на вопросъ обезпеченія у насъ народнаго продовольствія. Явятся проекты реформъ дѣйствующаго по этому предмету законодательства, будутъ поданы, кому слѣдуетъ, записки и напечатаны изслѣдованія съ выводами и самыми умѣренными, и самыми крайними, колеблющимися отъ мысли о необходимости „въ исключительныхъ случаяхъ“ конфискаціи или экспроприаціи хлѣбныхъ запасовъ—и до мысли о томъ, что самый вопросъ обезпеченія продовольствіемъ есть чистое недоразумѣніе, такъ какъ въ Европѣ его нѣтъ, а „значить“, и у насъ быть ему не должно.

Пройдетъ бѣдствіе, по горячимъ слѣдамъ его закипитъ работа—и дай Богъ, чтобы она не заглохла, пока не успѣютъ сдѣлать что-нибудь существенное.

И въ законодательныхъ, и въ ученыхъ работахъ будетъ конечно предложено многое, что не только обсуждалось у насъ прежде, но что, въ свое время, нашло себѣ мѣсто и въ законѣ, и въ жизни. Поэтому мнѣ представляется нелишнимъ изложить въ краткомъ историческомъ очеркѣ тѣ мѣры, которыя были у

насть испробованы. Разбирать ихъ я не буду. Начну же съ Уложения царя Алексѣя Михайловича, такъ какъ мысли, при немъ господствовавшія, легли въ основу политики Петра Великаго и ближайшихъ его преемниковъ.

I.

Наше законодательство о народномъ продовольствіи выработалось историческимъ путемъ. Оно — слѣдствіе, во-первыхъ, особенностей страны, почвы, климата, способовъ сообщеній; во-вторыхъ, тѣхъ указаній, которыя давалъ предъидущій опытъ, и въ-третьихъ — различныхъ экономическихъ теорій, доходившихъ къ намъ съ запада.

Вначалѣ законодательство это заключало лишь правила о хлѣбной торговлѣ и стремилось придать послѣдней то или другое направленіе; въ минуты бѣдствій отъ чрезвычайной дороговизны или голода принимались исключительныя мѣры, переставшія дѣйствовать по минованіи опасности. Петръ Великій высказываетъ мысль о необходимости цѣлой системы мѣръ, которая въ обыкновенное время подготавливала бы средства на случай крайней нужды. Екатерина II приводитъ въ исполненіе мысль Петра; съ нея поѣтому начинается исторія законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія. При Петрѣ III и Екатеринѣ II въ первый разъ ощущается вліяніе европейскихъ теоретиковъ на положенія нашего законодательства по продовольствію — сочиненія мыслителей школы Кенэ положили основаніе провозглашенію свободы хлѣбной торговли. Въ царствованіе Екатерины II, Павла I и въ первую половину царствованія Александра I путемъ указовъ, касавшихся отдѣльныхъ вопросовъ обезпеченія продовольствія, образовался остовъ соотвѣтственнаго законодательства. Къ концу этого времени теорія Смита о преимуществахъ свободы торговли вообще пустила такіе глубокіе корни въ нашихъ законодательныхъ сферахъ, что явилась мысль о бесполезности запасныхъ магазиновъ въ виду состоявшейся уже тогда отмѣны главнѣйшихъ стѣсненій торговли хлѣбомъ; отсюда попытка устройства системы продовольствія, построенной исключительно на денежныхъ запасахъ. Но предшествующій опытъ энергически воспротивился такому стремленію — и результатомъ взаимодѣйствія двухъ противоположныхъ теченій былъ законъ 1822 года, въ которомъ, впрочемъ, теоретическія соображенія играли болѣе видную роль. Нѣсколько ошибокъ, сдѣлан-

ныхъ составителями этого закона, привели къ радикальному его измѣненію въ 1834 г. Въ новомъ законѣ, въ противоположность предыдущему, практика далеко оттѣснила теорію и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, лишила законъ широкихъ философско-экономическихъ основаній и проложила путь грубой казуистики. Послѣдующій ходъ законодательства былъ чуждъ тѣхъ научныхъ началъ, которыя не могли быть доказаны непосредственнымъ кратковременнымъ опытомъ. Но отъ такого положенія дѣлъ спасены мы были закономъ 1842 г. Послѣдній, хотя и полный казуистики и самой мелочной регламентаціи, въ общихъ основаніяхъ своихъ оперся на разумныя теоретическія соображенія, дальнѣйшимъ развитіемъ которыхъ и былъ законъ 1866 года. Какъ бы то ни было, но законодательство по народному продовольствію никогда не отрывалось у насъ отъ жизни; весь его ходъ показываетъ чрезвычайную историческую послѣдовательность. Въ началѣ царствованія Екатерины все законодательство о хлѣбныхъ магазинахъ заключалось въ двухъ-трехъ фразахъ; затѣмъ рядомъ отдѣльныхъ указовъ эти общія положенія развиваются въ глубь и ширь; опредѣляется, какою долженъ быть хлѣбъ и по сколько его имѣть, кому заботиться о запасахъ, кому собирать и какъ хранить ихъ. Изъ отдѣльныхъ узаконеній составилъ при Павлѣ I оловъ, который при Александрѣ I, закономъ 1822 г., облеченъ былъ плотью и составилъ цѣлую систему. Но и послѣ этого не прекратилось развитіе подѣ влияніемъ ежедневнаго опыта. Приведу примѣръ. Въ царствованія Александра I и Николая I мы видимъ цѣлый рядъ указовъ: въ такой-то и такой-то мѣстности разрѣшается вмѣсто четверти ржи въ запасномъ магазинѣ имѣть столько-то кукурузы или другого какого-нибудь хлѣба; при замѣнѣ ржи кукурузой или ярицей, для какого-нибудь одного уѣзда или волости, требуется законодательное утвержденіе мѣры; когда же опытъ доказалъ необходимость такой замѣны во многихъ мѣстахъ, изданъ былъ общій законъ, разрѣшавшій министру внутреннихъ дѣлъ дозволить, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, замѣну ржи другими хлѣбами.

Итакъ, законодательство наше о народномъ продовольствіи, находясь подѣ влияніемъ экономическихъ теорій и въ то же время никогда не выходя изъ-подѣ влияния опыта, должно было измѣнять свои основныя взгляды по мѣрѣ накопленія данныхъ, указывавшихъ, что извѣстные законы или неправильны, или нецѣлесообразны. Отсюда нѣсколько крупныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои отличительныя черты. Такихъ періодовъ я насчитываю четыре. Каждый изъ нихъ въ общемъ рѣзко отли-

зается отъ предъидущаго и послѣдующаго; но конечно начальныя и конечныя точки періодовъ сливаются между собою, и если я принимаю извѣстный годъ или законодательный актъ, какъ пограничную черту, то только въ видахъ удобства изложенія. Часто извѣстный періодъ не достигъ еще своей кульминаціонной точки, а уже зародились и проявляются въ отдѣльныхъ законахъ идеи слѣдующаго періода—и наоборотъ. За примѣрами ходить не далеко. Третій періодъ есть главнымъ образомъ время систематизаціи и разработки подробностей, а между тѣмъ попытки къ тому и другому встрѣчаются еще при императорѣ Павлѣ I, въ срединѣ второго періода. Законъ 1842 г., по своимъ основнымъ положеніямъ, принадлежитъ четвертому періоду, а изданъ въ срединѣ третьаго. Періоды эти слѣдующіе.

Первый—съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до 1761 г. Въ теченіе этого періода законодатель придерживается взгляда, что изданіе законовъ, дозволяющихъ или воспреещающихъ ввозъ или вывозъ хлѣба изъ одной мѣстности страны въ другую, а также опредѣляющихъ большую или меньшую величину пошлинъ съ него, при передвиженіяхъ его, можетъ быстро и сильно вліять на подвозъ хлѣба къ угрожаемой голодомъ мѣстности и, слѣдовательно, на цѣны ихъ; при значительной высотѣ послѣднихъ—запрещаютъ вывозъ, при дальнѣйшемъ подъемѣ ихъ—дозволяютъ ввозъ, сначала съ пошлиной, а потомъ даже безпошлинно; пониженія цѣнъ стремятся достигнуть также запрещеніемъ перекупа и регламентаціей хлѣбной торговли—таксы устанавливаются на всѣ предметы продовольствія; въ случаѣ сильныхъ неурожаевъ государство налагаетъ руку на частныя запасы, продаетъ и раздаетъ ихъ неимущимъ, причемъ иногда владѣльцы ихъ остаются почти безъ всякаго вознагражденія, потому что за отобранный хлѣбъ получаютъ плату не по тогдашнимъ цѣнамъ, а взятый у нихъ хлѣбъ возвращается имъ натурой въ урожайное время; иногда прибѣгаютъ къ выдачамъ хлѣба изъ провіантскихъ магазиновъ военнаго вѣдомства, къ покупкѣ его на казенныя средства и къ невзиманію податей въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ.

Второй періодъ—съ 1761 по 1816 годъ. Тутъ отвергается прежній насильственный способъ пріобрѣтенія хлѣба для продовольствія неимущихъ во время голода; провозглашаются и начинаютъ примѣняться принципы свободы хлѣбной торговли внутренней и вѣншей, но признаніе этой свободы, принятое въ принципѣ, подвергается на практикѣ постояннымъ исключеніямъ и ограниченіямъ, такъ что колебанія и противорѣчія между *profession de foi* законодателя и примѣненіемъ этого *profession de*

foi къ жизни—характеризуютъ этотъ періодъ. Императрица Екатерина II и Александръ I стремятся провести безусловную свободу внутренней торговли и условную свободу внешней; а Павелъ I, относясь несочувственно къ свободѣ заграничнаго отпуска и ввоза, еще менѣе покровительствовалъ свободѣ внутреннего оборота и сильно стѣснялъ его законами о перекупѣ и таксахъ. Въ этомъ періодѣ зарождается и получаетъ свои общія, еще, впрочемъ, неопредѣленные очертанія законодательство о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ,—и послѣдніе заводятся въ большей части имперіи; дѣлаются также опыты примѣненія нѣкоторыхъ косвенныхъ мѣръ содѣйствія обезпеченію продовольствія. Вообще, будучи періодомъ только провозглашенія принциповъ и частичнаго проведенія ихъ въ жизнь, періодъ этотъ есть въ то же время періодъ общихъ выраженій въ законѣ, общихъ правилъ, не разработанныхъ въ подробностяхъ, дающихъ широкую свободу примѣнителямъ закона и дѣйствующихъ далеко не на всемъ пространствѣ имперіи.

Третій періодъ—съ 1816 по 1861 г. Законодательство по хлѣбной торговлѣ характеризуется постепеннымъ и полнымъ торжествомъ идей свободы, не только въ теоретическихъ построеніяхъ законодателя, но и въ практическомъ примѣненіи ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, вызывающимъ законодательную дѣятельность; свобода эта въ концѣ періода почти полная, и единственными ограниченіями ея являются: внутри имперіи—таксы на нѣкоторые хлѣбные припасы въ немногихъ городахъ, а въ торговлѣ заграничной—пошлины на хлѣбъ. Въ дѣлѣ законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія, въ тѣсномъ смыслѣ, періодъ этотъ—время сбора и группировки всего добытаго опытомъ въ цѣлую обширную систему. По характеру законодательныхъ актовъ періодъ этотъ можетъ быть раздѣленъ на два отдѣла: первый—до 1834 года, второй—до 1861 года.

Законодательство перваго отдѣла является дѣломъ теоретиковъ, мало знакомыхъ съ условіями нашего быта и потому надѣлавшихъ ошибокъ, погубившихъ ихъ систему; вначалѣ этого отдѣла практика такъ мало имѣла вліянія на составителей закона, что всю систему обезпеченія продовольствія предполагалось основать на денежныхъ запасахъ; потомъ на мѣстныя условія было обращено большее вниманіе, и составителями закона 14-го апрѣля 1822 г. видимо руководила мысль о томъ, что для мѣстностей съ развитыми путями сообщенія и значительнымъ классомъ хлѣбныхъ торговцевъ, для мѣстностей, привыкшихъ жить покупнымъ хлѣбомъ, гораздо удобнѣе и вѣрнѣе имѣть запасы въ деньгахъ—и наоборотъ, гу-

берніямъ, богатымъ собственнымъ хлѣбомъ, безъ развитыхъ путей сообщенія и дѣятельнаго класса лицъ, знающихъ хлѣбные рынки и умѣющихъ отыскать новые для закупки запасовъ, дешевле и безопаснѣе содержаніе хлѣбныхъ магазиновъ. Но эти вполне вѣрныя основанія подвошены были нѣсколькими ошибками, явившимися вслѣдствіе недостаточнаго знанія условій страны и среды, долженствовавшей примѣнять законъ.

Второй отдѣлъ этого періода—съ изданія закона 1834 года. Въ противоположность составителямъ закона 1822 г., редакторы Положенія 5-го іюля 1834 г. были, главнымъ образомъ, казуисты, не сумѣвшие возвыситься до построенія системы обезпеченія продовольствія на широкихъ научныхъ основаніяхъ; они создали систему обезпеченія продовольствія безъ всякаго вниманія къ условіямъ развитія путей сообщенія, числа хлѣботорговцевъ, средствъ населенія, количества добываемаго хлѣба; для нихъ между харьковской и тверской губерніями было только одно различіе—въ названіи; и въ той, и въ другой должны были существовать и хлѣбные, и денежные запасы и при томъ въ совершенно одинаковой пропорціи. Мелочная регламентація, сложность и запутанность управленія и контроля, крайнее обиліе несущественныхъ подробностей—вотъ основныя черты закона 5-го іюля 1834 года. Его недостатки привели къ тому, что очень скоро, въ 1842 г., весьма значительная часть населенія имперіи, государственные крестьяне, были изъяты изъ сферы его дѣйствія и поставлены въ нѣсколько лучшія условія. Положеніе 1842 г. провозгласило *принципъ взаимнаго страхованія* въ примѣненіи къ обезпеченію продовольствія государственныхъ крестьянъ. Объединеніе всѣхъ капиталовъ продовольствія государственныхъ крестьянъ явилось непосредственнымъ выводомъ изъ этого принципа; объединеніе это придало капиталамъ значительную подвижность, возможность поспѣть въ-время въ мѣстность, угрожаемую бѣдствіемъ. Но составители этого закона не были достаточно послѣдовательны; они не провели чрезъ весь законъ основныя свои взгляды, а напротивъ—въ подробностяхъ слишкомъ приблизились къ Положенію 5-го іюля 1834 г. Кромѣ того, они пытались примѣнить принципъ взаимнаго страхованія не только къ денежнымъ, но и къ хлѣбнымъ запасамъ. Ясно, что было бы полной нелѣпостью собрать всѣ хлѣбные запасы въ одномъ мѣстѣ, какъ это было сдѣлано съ запасами денежными; составители закона это понимали, но, отступивъ отъ таковаго вывода изъ принципа, остановились по отношенію къ хлѣбнымъ запасамъ на полупути—учредили центральные хлѣбные магазины; при тогдашнихъ путяхъ сообще-

нія это было ошибкой: хлѣбъ не обладаетъ удобствами храненія денегъ и не имѣетъ подвижности достаточной, чтобы быстро и безъ большихъ хлопотъ пройти большія разстоянія по грунтовымъ дорогамъ и придти на помощь нуждающимся.

Какъ бы то ни было, законъ 1842 г. былъ шагомъ впередъ. Послѣдующіе законы все болѣе становились на разумную точку зрѣнія,—таковы: законъ о возвратѣ ссудъ государственными крестьянами не по тѣмъ цѣнамъ, которыя существовали во время ссуды, а по цѣнамъ, *назначеннымъ* при выдачѣ; этотъ законъ (прямое слѣдствіе принципа взаимнаго страхованія, провозглашеннаго въ 1842 г.) устранилъ баснословное накопленіе недоимокъ и сильно облегчилъ пострадавшихъ. Въ теченіе этого же періода развивается законодательство по обезпеченію продовольствія на окраинахъ имперіи. Одни изъ вновь устанавливаемыхъ порядковъ близко подходят къ дѣйствующимъ во внутреннихъ губерніяхъ. Другіе, напр. въ губерніяхъ прибалтійскихъ, по нѣкоторымъ только вопросамъ уклоняются отъ общихъ законовъ; такъ, въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи видимъ отсутствіе денежныхъ запасовъ и обезпеченіе продовольствія однимъ хлѣбомъ; здѣсь же встрѣчаемъ нѣкоторыя смѣлыя попытки, какъ, напр., опытъ соединенія дѣла продовольствія съ устройствомъ банка и другой опытъ—соединеніе учреждений по народному продовольствію съ учреждениями призрѣнія бѣдныхъ. Третій рядъ узаконеній—главнымъ образомъ сибирскія—рѣзко уклоняется отъ основного порядка обезпеченія продовольствія въ имперіи, представляя систему казенныхъ хлѣбныхъ запасовъ, всегда готовую принять на свою отвѣтственность продовольствіе цѣлаго края.

Четвертый періодъ въ исторіи нашего законодательства по народному продовольствію характеризуется примѣненіемъ начала полной свободы хлѣбной торговли, стремленіемъ законодателя привлечь къ дѣлу общественныя силы (правила 1862 года и временныя правила для земскихъ учреждений) и измѣненіемъ системы денежнаго обезпеченія продовольствія закономъ 25-го апрѣля 1866 года. Раздробленіе капиталовъ продовольствія ставило каждую губернію въ необходимость или довольствоваться, въ случаѣ нужды, исключительно собственными средствами, или же всей тяжестью бѣдствія обременять государственное казначейство въ то самое время, когда капиталы продовольствія другихъ губерній оставались въ бездѣйствіи. Законъ 25-го апрѣля 1866 года, образовавъ общій по имперіи продовольственный капиталъ, обратилъ массу неподвижныхъ и недѣятельныхъ капиталовъ въ одно живое цѣлое, всегда готовое помочь нуждающимся; сохранивъ

за органами мѣстнаго самоуправленія возможность безъ большихъ хлопотъ помогать въ крупныхъ размѣрахъ пострадавшимъ, онъ въ то же время оставилъ судьями мѣстныхъ нуждъ и страданій (не доведшихъ еще населеніе до отчаяннаго положенія) представителей тѣхъ же самыхъ нуждающихся; допустивъ образованіе сельскихъ денежныхъ капиталовъ продовольствія, онъ далъ обществамъ возможность легко и быстро помогать нуждамъ отдѣльныхъ ихъ членовъ; наконецъ, оставляя значительныя суммы въ распоряженіе земскихъ собраній, а также капиталы въ рукахъ обществъ, законъ далъ возможность незамѣтно, путемъ практики, соединить между собой дѣло продовольствія и призрѣнія бѣдныхъ; эти двѣ сферы далеко не всегда могутъ быть ясно разграничены; но когда расходы на ту и другую находятся въ рукахъ одного распорядителя, онѣ могутъ слиться и дополнять другъ друга; не вина закона, что исполнители его не сумѣли въ большинствѣ случаевъ воспользоваться имъ въ общему благу. Законъ 25-го апрѣля 1866 года не примѣнили, однако, къ обезпеченію народнаго продовольствія принципъ страхованія; руководись онъ имъ — размѣръ отчисленій съ каждой губерніи въ общій продовольственный капиталъ не представилъ бы одну и ту же цифру на душу, да и ежегодныя денежныя взносы не были бы уничтожены.

Очертивъ такимъ образомъ главныя особенности нашего законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія въ разные періоды его существованія, обращусь къ болѣе подробному изложенію мѣръ каждаго періода.

II.

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и въ послѣдующихъ его указахъ находимъ по хлѣбной торговлѣ слѣдующія распоряженія. Набожный царь, запрещавшій торговать и вообще отпирать ряды въ воскресные и праздничные дни, разрѣшилъ „сѣстные товары и конскій кормъ, овесъ и сѣно продавать во вся дни и часы невозбранно“; въ грамотѣ же калужскому воеводѣ князю Львову высказана мысль о необходимости противодѣйствія скупы: — „закупщикомъ на продажу и въ городѣхъ хлѣба продавать не велѣтъ“.

Съ цѣлью обезпеченія народнаго продовольствія въ тѣсномъ смыслѣ принимались различныя мѣры.

„Боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ“... предписано было „холопей своихъ кормить“, и нарушеніе этого постановленія влекло за собой такія послѣдствія: „а которые всякихъ чиновъ люди

въ голодное или въ въ такое иное время, не хотя холопей своихъ кормить, сошлютъ ихъ съ двора, а отпускныхъ имъ не дадутъ и крѣпостей не выдадутъ, а велятъ имъ кормиться собою“... „и въ томъ на нихъ отъ тѣхъ ихъ холопей челобитье будетъ...“ „тѣхъ ихъ бояръ спрашивать, прямо ли они ихъ съ дворовъ отъ себя сослали...“, и если по показанію бояръ холопское челобитье окажется справедливымъ, то „и въ холопѣ приказѣ тѣхъ ихъ холопей, записавъ въ книги, дати имъ воля и отпускныя имъ дати изъ холопья приказу“. Если же бояре покажутъ, что холопы „бьютъ челомъ ложно, а они ихъ съ двора отъ себя не сослали...“, „приказать тѣмъ боярамъ холопей въ голодное время хорошо кормить...“, и за жалобу, чтобы они „дурна надъ ними низкого не учинили...“

Уложение смотритъ на продажу себя въ рабство какъ на средство продовольствія, освящаетъ его закономъ и оговариваетъ условія его примѣненія. „А будетъ кто въ голодное время самъ себя съ женою, или сына, или дочь отдастъ кому въ рабство за прокормъ...“, „по записи жити имъ у того...“, „покаместъ они окупятся или отработаются...“

Царь прилагалъ особенную заботу къ дѣлу продовольствія Москвы. Въ названной выше грамотѣ къ калужскому воеводѣ князю Львову, имѣющей въ виду главнымъ образомъ фискальныя цѣли, явно проглядываетъ забота о снабженіи столицы запасами: „Вѣдомо намъ...“ „въ Калугѣ...“ „...всякіе люди хлѣбъ продаютъ въ отвозъ по деревнямъ безпошлинно...“ „въ томъ нашей Государевѣ денежной казнѣ недоборъ чинится...“ „Продавати тотъ хлѣбъ въ городѣхъ...“ „а въ отвозъ, опричь Москвы, закупщикомъ на продажу и въ городѣхъ хлѣба продавать не велѣтъ, а велѣтъ тѣхъ городовъ всякимъ людямъ по зимнему пути продажной всякой хлѣбъ везти къ Москвѣ“¹⁾.

Но этимъ не ограничились заботы о продовольствіи столицы и городовъ вообще. Когда въ 1660 году Россію посѣтило трудное время дороговизны, государь прибѣгнулъ къ изслѣдованію причинъ бѣдствія и стремился узнать тѣ средства устраненія его, которыя считались наилучшими среди его подданныхъ. Съ этою двойною цѣлью „указалъ Великій Государь говорить боярамъ съ гостями и гостинными, и суконными, и черныхъ сотенъ, и слободъ съ торговыми людьми, отчего учинилась на Москвѣ и въ городѣхъ, предъ прежнимъ, дорогая цѣна и чѣмъ ту дорогую цѣну мочно перемѣнить...“: „отъ того ли,

¹⁾ 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. I, 1860 годъ, № 284.

что...“ „многіе закупщики, что гдѣ покупать, надѣ того куплею вьжутъ вязку, и вязкою много цѣну на все прибавляютъ“. Мнѣнія, высказанныя по этому поводу, были очень разнообразны; въ нихъ нашли себѣ мѣсто и господствовавшіе взгляды на неурожай, и указанія на тяжелое бремя военной службы, и неудовольствіе противъ духовенства, и противоположность интересовъ различныхъ классовъ, изъ которыхъ „гости говорятъ, чтобъ вину не быть“, а черныя сотни— „вина держать для мірскія нужды, но не много“, и требованія вмѣшательства власти, въ видахъ обезпеченія продовольствія, и, наконецъ, приглашенія правительству помочь бѣдствію государевой казной. Одни находили, что хлѣбъ „дорогъ отъ недородовъ, отъ кружечныхъ дворовъ, отъ многого виннаго куренья и пивныхъ варъ и отъ многихъ закупщиковъ...“, совѣтовали не пропускать хлѣбъ въ черкасскіе города, обобрать его у духовенства и велѣть окрестнымъ на сто верстъ жителямъ везти его въ Москву. Другіе указывали: „многіе люди на службѣ Великаго Государя побиты, а иные и по се число служатъ и послѣ морового повѣтрія пашенныхъ людей стало меньше, потому и хлѣбъ, и всякое съѣстное стало дороже...“ „перекупщики покупаютъ дешевою цѣною, а сами тѣ перекупщики продаютъ тотъ хлѣбъ дороже...“ По поводу послѣдней причины черныхъ сотенъ люди были даже государю челомъ, „чтобъ у закупщиковъ, гдѣ хлѣбъ закупили, и тотъ бы у нихъ хлѣбъ переписать, и чтобъ тотъ хлѣбъ поднять къ Москвѣ Великаго Князя казною и продать бѣднымъ людямъ, и тѣмъ бы закупщикамъ тотъ хлѣбъ дать по ихъ цѣнѣ деньги“.

Результатомъ этого правительственнаго изслѣдованія былъ указъ во всѣ замосковныя, украинныя и сѣверскіе города: „весь хлѣбъ молотить и въ города возить и продавать, а въ кладяхъ бы ни у кого не стояло. А буде кто молотить не учнетъ и въ города не повезутъ, и тотъ хлѣбъ указалъ Государь *имать ратнымъ людямъ безденежно*“ ¹⁾).

Какъ видно, соображенія о военныхъ тягостяхъ и другихъ причинахъ бѣдствія и приглашеніе помочь государственной казной мало нашли сочувствія у совѣтниковъ государевыхъ, зато призывъ къ рѣшительному вмѣшательству въ дѣло сбора или продажи хлѣба не остался безъ одобренія.

Позднѣе, въ 1674 году, прибѣгли и къ заимообразной выдачѣ хлѣба: „указали тебѣ Валуичину самому скудному людямъ, у которыхъ хлѣба нѣтъ, велѣли имъ дать въ займы хлѣба изъ

¹⁾ 1-е П. С., т. I, 1660 г., № 287.

нашихъ государевыхъ житницъ поскольку пригоже по своему разсмотрѣнію, и въ томъ хлѣбъ взять тебѣ-жѣ по ихъ порученыя записи и взыскать по новинѣ“.

Ближайшіе преемники Алексѣя Михайловича не оставили безъ всякаго вниманія вопросъ о хлѣбной торговлѣ. Замѣчено было, что многія лица изъ торгующаго класса употребляютъ въ дѣло неправильныя мѣры. Это вызвало указъ „вмѣсто тѣхъ не прямыхъ воровскихъ мѣръ сдѣлать новыя“. Но мысль объ облегченіи торговли хлѣбомъ не только не дѣлаетъ успѣховъ, но даже гложетъ и на хлѣбную торговлю смотреть какъ на удобный предметъ обложенія. Θεодоромъ Алексѣевичемъ приказано взимать съ хлѣбнаго товара „по десяти денегъ съ рубля съ прямыхъ съ продажныхъ цѣнъ“. Мысли же о вредѣ скупа и необходимости преслѣдовать скупщиковъ постоянно укрѣпляются. Алексѣй Михайловичъ только воспреещалъ продавать хлѣбъ закупщикамъ; теперь отношеніе къ скупу уже иное: „на Москвѣ перекупнымъ хлѣбомъ торговать не вѣлно“... „а будутъ которые люди сему Великаго Государя указу непослушны“... и „на Москвѣ хлѣбъ всякій большимъ числомъ учнутъ закупать“... „тѣхъ людей иматъ и приводить въ приказъ большія казны“... послѣ чего имъ „учинено будетъ наказаніе безъ пощады“. Чѣмъ далѣе, тѣмъ суровѣе тонъ указовъ относительно скупа—скупщикамъ „быть въ жестокомъ наказаніи и вѣчномъ разореніи“¹⁾.

Петръ Великій, считая возможнымъ путемъ законодательныхъ мѣръ вліять на ходъ торговли хлѣбомъ, издавалъ распоряженія, имѣвшія въ виду усилить приливъ хлѣбныхъ грузовъ къ извѣстнымъ пунктамъ и такимъ образомъ пользовался хлѣбной торговлей какъ средствомъ обезпеченія народнаго продовольствія. Съ него начинается безконечный рядъ указовъ, то расширяющихъ, то стѣсняющихъ свободу торговли хлѣбомъ или мѣстно—въ извѣстныхъ только частяхъ имперіи, или на всемъ ея протяженіи.

Недостатокъ и дороговизна средствъ продовольствія вызываютъ распоряженія о нестѣсненіи хлѣбной торговли никакими административными мѣропріятіями, объ уменьшеніи или сложеніи ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Таковъ указъ о свободномъ пропускѣ со вниманіемъ пошлинъ хлѣба въ донскіе города въ видахъ того, что „били челомъ намъ донскіе атаманы и казаки“... „чинится-де имъ крайняя обида и голодъ хлѣбными запасами отъ прибыльщиковъ“... почему „на Донъ“... „торговыхъ людей пропускать безъ задержанія“. Петръ Великій принималъ существованіе непосред-

¹⁾ 1-е П. С., т. III, № 1480.

ственной зависимости между внутренними цѣнами на хлѣбъ и возможностью вывоза его за границу; такъ въ указѣ объ отпускѣ хлѣба изъ Архангельска онъ говоритъ: „хлѣбъ у города закупать и за море отпускать невозбранно“... „ежели хлѣбъ покупкою будетъ въ московской губерніи ниже рубля, а когда выше, то отпуску онаго за море не быть“. Еще полнѣе доказывается присутствіе въ немъ такой увѣренности слѣдующими распоряженіями: „Понеже извѣстіе есть, что въ російскомъ государствѣ хлѣбъ за недородомъ покупаютъ цѣною высокою“... „того ради у города Архангельскаго, въ Санкт-Петербургѣ, въ Ригѣ, въ Ревелѣ хлѣбу отпускъ за море удержать и иноземцамъ на тотъ заморскій отпускъ не продавать“; и затѣмъ: „Господа сенаты! Письмо ваше“... „до насъ дошло, въ которомъ пишете“... „что-де въ рижскій портъ хлѣбъ для продажи болѣе привозятъ изъ Польши и изъ Литвы“..., „задерживать не велите, дабы не испортить тѣмъ въ Ригѣ торгу“... „Отъ города Архангельскаго хлѣба, который уже въ портъ привезенъ, задерживать не велите, ибо того хлѣба назадъ поворачивать уже невозможно“. Ясно, кажется, что, воспрещаая заграничный отпускъ, имѣлось въ виду ограниченіемъ мѣстъ сбыта понизить цѣны и, слѣдовательно, совершенно логично было дозволить вывозъ изъ портовъ такого хлѣба, который или шелъ не отъ насъ и не къ намъ (напр., привезенный въ Ригу изъ Польши для отправки въ Германію), или такого, который не могъ уже вліять на количественное снабженіе внутреннихъ рынковъ.

Во время голода 1723 г., въ видахъ устраненія спроса Петербургомъ хлѣба изъ внутреннихъ губерній, разрѣшенъ свободный привозъ въ Петербургъ хлѣба изъ-за моря; заграничный же отпускъ воспрещенъ.

Съ тою же цѣлью—вліять на обиліе хлѣба внутри Имперіи—понижали и даже совсѣмъ отмѣняли пошлыны на привозный хлѣбъ. Въ 1724 г. вслѣдствіе неурожая допущенъ былъ привозъ хлѣба во всѣ порты съ половинной пошлиной; нѣсколькими мѣсяцами позже пошлина понижена до 5 коп. съ рубля стоимости продукта; осенью же дозволенъ даже беспошлинный въ Петербургъ ввозъ заграничнаго хлѣба.

Но всѣ мѣры, принятыя Петромъ для того, чтобы путемъ регламентаціи иностраннаго хлѣбнаго ввоза и вывоза повліять на обиліе продуктовъ внутри имперіи, оказались слабы въ виду чрезвычайнаго неурожая 1723 г. и дороговизны въ этомъ и слѣдующемъ годахъ. Петръ взялся за дѣло съ обыкновенной своею рѣшительностью и пыломъ; употребленная имъ мѣра—мѣра крайняя. Вслѣдствіе „хлѣбнаго недороду во многихъ мѣстахъ“... приказано

было... „гдѣ народный голодъ явился, описать у *постороннихъ* излишній хлѣбъ, чей бы онъ ни былъ, а описавъ — учинить имъ смѣту, сколько кому всякаго хлѣба въ годъ надобно; именно на сѣмена своихъ и крестьянскихъ пашень и на содержаніе домашнихъ расходовъ и на пропитаніе крестьянъ, для собственныхъ ихъ и крестьянскихъ расходовъ, оставлять того хлѣба на годъ или на полтора, а достальной раздать постороннимъ немущимъ крестьянамъ, которые хлѣба не имѣютъ, на сѣмена и на нужное пропитаніе до новаго хлѣба, сколько кому потребно будетъ въ займы съ росписками, а не лишнее“. „У купцовъ и у промышленниковъ хлѣбъ описать же для того, чтобы они, у продавцевъ скупая, хлѣбъ высокою цѣною не продавали и тѣмъ бы большой тягости народу не чинили“ ¹⁾.

Петръ вѣрилъ въ пользу и возможность осуществленія этихъ мѣръ, и потому поступилъ вполне послѣдовательно, издавъ въ слѣдующемъ году указъ, стремившійся до мелочей опредѣлить условія торговли хлѣбомъ; указомъ этимъ на ряду съ постановленіемъ, что всѣ хлѣбные припасы должны продаваться не мѣрою, а вѣсомъ, опредѣлялось количество выпекаемаго изъ пуда муки хлѣба, саетъ, кренделей, и повелѣвалось составить таксы на хлѣбъ, рассчитывая пекарямъ прибыли на ситные хлѣбы по алтыну, на сайки, крендели, калачи по два алтына на пудъ противъ цѣны муки.

Однако Петръ видимо признавалъ, что мѣры его не могутъ существовать продолжительное время, что для обезпеченія продовольствія нужно создать систему мѣръ и учреждений, которыя, дѣйствуя постоянно, могли бы служить для правительства и населенія опорой въ исключительное время.

Съ этою цѣлью въ 1723 г. „его императорское величество указалъ въ камеръ-коллегіи учинить контору и придать къ ней особаго человѣка, который бы всегда мыслилъ и доносилъ о магазинахъ государственныхъ и о прочихъ, какимъ образомъ во время недорода народъ довольствоваться“. Затѣмъ въ слѣдующемъ году приказано „учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасной былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ; сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ и къ тому свои прибавить и предложить“.

Этими указами былъ намѣченъ отдѣльный разрядъ личныхъ силъ, долженствовавшихъ радѣть о продовольствіи; но тѣмъ же

¹⁾ 1-е П. С., т. VI, 1723 г., № 4168.

указомъ, который говорилъ объ учрежденіи „экономіи генеральнаго“, опредѣлялись и основанія для скопленія матеріала, долженствовавшаго быть обезпеченіемъ народа на случай нужды; указомъ назначены мѣста нужнымъ магазинамъ: 1) въ Петербургѣ; 2) въ Ригѣ; 3) на Дону; 4) на Днѣпрѣ или Деснѣ; 5) въ Смоленскѣ; 6) въ Астрахани. Главныя изъ нихъ—1, 2 и 3; прочія меньше. „Озаботясь личнымъ и матеріальнымъ составомъ учреждений по продовольствію, Петръ не оставилъ безъ вниманія и мѣры, которыя лучше и правильнѣе могли направить дѣятельность органовъ продовольствія. Съ этою цѣлью изданы указы, опредѣлявшіе способъ приведенія въ извѣстность, какия нужды и требованія могутъ быть заявлены по народному продовольствію; приказано было „впредь изъ губерній и провинцій о хлѣбѣ, гдѣ какой родился и какими цѣнами покупаютъ, въ камеръ-коллегію рапорты посылать“... „изъ ближайшихъ понеждѣльно, а изъ дальнихъ помѣсячно“. При вѣдомостяхъ должны были прилагаться прейскуранты цѣнъ всѣхъ главныхъ съѣстныхъ припасовъ.

Если прибавить къ числу вышеуказанныхъ мѣръ: 1) расширение личнаго состава хлѣбныхъ торговцевъ, путемъ дозволенія иностранцамъ торговать хлѣбомъ въ розницу, 2) запрещеніе провіантскимъ подрядчикамъ покупокъ хлѣба, привезеннаго изъ-за моря, и 3) распоряженіе помѣщикамъ и приказчикамъ „накрѣпко за крестьянами смотрѣть“, чтобы они хорошо обрабатывали землю и заботились о расширеніи посѣвовъ, то этими тремя распоряженіями исчерпываются всѣ принятые Петромъ законодательныя мѣры по обезпеченію народнаго продовольствія.

Ближайшіе преемники Петра почти совсѣмъ упустили изъ виду его мысль объ основаніи хлѣбныхъ магазиновъ; по остальнымъ же вопросамъ шли путемъ, имъ намѣченнымъ.

До послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны преобладаетъ взглядъ, по которому вывозъ хлѣба считается опаснымъ, а задержка его разсматривается какъ средство пособія населенію въ случаѣ неурожая или дороговизны. Цѣлый рядъ указовъ или ограничиваетъ опредѣленными условіями отпускъ, или не дозволяетъ его изъ извѣстныхъ мѣстъ, или воспрещаетъ его вообще. Не всегда, правда, имѣются въ виду цѣли продовольственныя; такъ, указъ 1746 г. *воспрещаетъ отпускъ, для того, чтобы имѣть возможность болѣе дешевой покупки припасовъ для войска Балтійскаго края* ¹⁾.

Отпускъ безпозшлинный разсматривается какъ своего рода

¹⁾ 1-е II. С., т. XII, 1746 годъ, № 9258.

одождіе или привилегія и является главнымъ образомъ вслѣдствіе соглашеній съ Швеціей; такъ, въ 1726 г. повелѣвается пропускать беспошлинно изъ прибалтійскихъ портовъ въ Швецію хлѣбъ и въ покупкѣ его шведами, а также нагрузкѣ на корабли „никакого помѣшательства и остановки отнюдь не чинить“; затѣмъ по мирному договору королю шведскому предоставлено закупать и вывозить беспошлинно хлѣба на 50.000 руб., исключая случая, когда по неурожаю ея императорскому величеству угодно будетъ вообще воспретить выпускъ хлѣба; въ другой разъ тѣ же условія распространены на покупку хлѣба до 100.000 р.

Беспошлинное передвиженіе хлѣбовъ внутри имперіи дозволяется въ случаяхъ недорода и голода.

Ввозъ вообще дозволяли, но беспошлинный только при значительныхъ неурожаяхъ.

Таксы устанавливались нерѣдко, причемъ приказывалось „накрѣпко смотрѣть, чтобы... купцы цѣнъ не возвышали“... „а для лучшаго смотрѣнія всѣмъ купцамъ покупной на продажу хлѣбъ“... „складывать въ однихъ опредѣленныхъ рыночныхъ мѣстахъ, а въ другихъ мѣстахъ и по дворамъ отнюдь не складывать“¹⁾.

Въ видахъ предупрежденія неурожаевъ предписывается помѣщикамъ крестьянъ кормить, сѣменами снабжать и чтобы они ихъ „по міру для милостыни отнюдь не допускали“, иначе „взыскано будетъ на самихъ помѣщикахъ съ немалымъ штрафомъ“. То же приказаніе повторено помѣщикамъ, архіерейскимъ и монастырскимъ экономамъ съ добавленіемъ обязанности наблюдать, чтобы земля не лежала праздно, за неисполненіе чего быть имъ „въ жестокое истязаніи и въ вѣчномъ разореніи, безъ всякаго отъ насъ милосердія“.

Отъ мѣстныхъ учреждений и лицъ требуются также свѣденія о предстоящихъ нуждахъ, о цѣнахъ, о томъ, кормятъ ли крестьянъ помѣщики.

Когда неурожай поражалъ ту или другую мѣстность, принимались мѣры въ родѣ Петровскихъ; но пользы отъ нихъ было мало. Помочь думали усиленіемъ взысканій за сокрытіе хлѣба; въ этомъ отношеніи никто однако не превзошелъ Бирона; когда по донесенію бѣлгородской губернской канцеляріи оказалось, что при исполненіи распоряженій объ описи хлѣба „того хлѣба является самое малое число и то не у всѣхъ жителей“ и что недостатокъ пропитанія дошелъ до того, что „многіе и нынѣ уже питаются по необходимости нуждѣ лебедой и желудями“... было приказано

¹⁾ 1-е П. С., т. XI, 1742 г., № 8503.

„описи учинивъ въ самой крайней скорости“... „велѣтъ при описи того хлѣба у обывателей и у кого надлежитъ *имать сказки подъ смертною казнью*, чтобъ они при той описи хлѣба ничего не таили“ „и показывали, сколько у кого какого хлѣба въ наличности есть, самую правду“; затѣмъ доставивъ смѣту потребностей неимущихъ „по свидѣтельству губернатора и воеводъ съ товарищи штабъ и оберъ-офицерами, оставивъ на собственное пропитаніе и обѣщаніе крестьянъ, раздавать на нужное пропитаніе до новаго хлѣба“ ¹⁾. Другимъ указомъ того же года велѣно описать хлѣбъ у купцовъ и продавать его, получая прибыли не болѣе гривны на рубль. Тѣ же мѣры были распространены въ слѣдующемъ году на губерніи московскую, бѣлогородскую, смоленскую, воронежскую, казанскую, новгородскую, архангельскую и нижегородскую; хлѣбъ былъ описанъ посланными губернаторами и воеводами, штабъ- и оберъ-офицерами и раздавался подъ росписки. Въ 1754 году тоже прибѣгали къ описямъ и раздѣлъ хлѣба.

Петръ Великій хотя и строго смотрѣлъ на попытки скрывать собственный хлѣбъ, но все же не предписывалъ „*имать сказки подъ смертною казнью*“. Самый фактъ такого распоряженія хотя бы и со стороны Бирона, ненавидѣвшаго русскихъ и все русское, указываетъ, какъ мало достигали цѣли насильственные мѣры описи, отбирания и конфискаціи хлѣба.

Прибѣгали еще въ этомъ періодѣ къ выдачамъ хлѣба изъ провіантскихъ магазиновъ военнаго вѣдомства, къ закупкамъ правительствомъ небольшихъ партій, причемъ наблюдалась особенная осторожность: „вышеписанный хлѣбъ губернатору и воеводамъ съ товарищами покупать секретно яко бы не для раздачи неимущимъ, а на принадлежащія казнѣ расходы, дабы обыватели, увидѣвъ то въ казну заготовленіе хлѣба, не могли обнадѣясь на оныя въ пропитаніи людей и крестьянъ и въ заготовленіи къ будущему лѣту на сѣмена ослабѣвать“ ²⁾.

Къ частной помощи обращались только разъ—въ злополучномъ 1734 году: „какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ для такого хлѣбнаго недостатка милостыню давать не запрещать и дабы въ пропитаніи неимущимъ вспоможеніе чинили“.

Наконецъ, облегчали населеніе, приказывая въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ „взысканіе подушныхъ удерживать и экзекуцію вывести“ ³⁾ и распоряжаясь „никому вина не курить опричь тѣхъ людей, кои на кабаки“... „поставкою вина по кон-

¹⁾ 1-е П. С., т. XIII, 1749 года, № 9590.

²⁾ 1-е П. С., т. IX, 1734 года, № 6569, п. 8.

³⁾ 1-е П. С., т. IX, 1734 года, № 6569, п. 10.

трактамъ обязались“, причемъ „по выкурениі подряднаго числа больше того курить не давать“¹⁾.

III.

Указъ Петра III въ 1761 году открываетъ второй періодъ нашего законодательства по народному продовольствію. Въ сознаніи законодателя уясняется наконецъ мысль, что террористическій способъ добыванія хлѣба для снабженія недостаточныхъ путемъ описи и слѣдующей затѣмъ экспроприаціи или конфискаціи не достигаетъ предполагаемой цѣли, такъ какъ множество запасовъ скрывается, а торговля перестаетъ дѣйствовать, что способъ этотъ нарушаетъ массу интересовъ, несправедливъ и, какъ слѣдствіе всего этого, вреденъ. Въ 1761 г. правительство рѣшило: „во всемъ государствѣ публиковать указомъ“, чтобъ всѣ помѣщичьи, синодальныя, архіерейскія и монастырскія вотчины содержали по малой мѣрѣ годовой запасъ для прокормленія себя и своихъ крестьянъ и для обмѣненія полей, „понеже *впередъ* въ случаѣ неурожаа хлѣба, какъ прежде было, у имущихъ наличный *хлѣбъ описыванъ* и для прокормленія постороннимъ неимущимъ пропитанія и на обзавоженія сѣменами *раздаванъ не будетъ*“!.. Указъ этотъ не былъ отмѣняемъ и принудительные хлѣбные займы, а также отобраніе хлѣба, какъ мѣра общая, допускаемая законодательствомъ, болѣе не встрѣчаются въ нашей исторіи.

Около этого же времени рѣшительно измѣняется ходъ законодательства, какъ по вопросу о хлѣбной торговлѣ, такъ и по вопросу о запасныхъ магазинахъ.

Какъ и въ предъидущемъ періодѣ, законодатель смотрѣлъ на хлѣбную торговлю какъ на средство обезпеченія продовольствія, но взгляды его расширяются и, слѣдовательно, способъ пользованія торговлею уже не тотъ.

Прежде о свободѣ хлѣбной торговли не было и рѣчи; дозволялось иногда въ извѣстное время продавать за границу хлѣбъ, но такое позволеніе было только исключеніемъ; теперь исключеніе становится общимъ правиломъ. Прежде запрещеніе вывоза было положеніемъ обыкновеннымъ; теперь на него смотрятъ какъ на мѣру, требующую установленія ея путемъ законодательнымъ. Отпускъ безпошлинный и пониженіе пошлинъ встрѣчаются гораздо чаще. Хотя колебанія въ вопросѣ свободы хлѣбной тор-

¹⁾ 1-е П. С., т. XIII, 1750 года, № 9709.

гови и составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ этого періода, но колебанія идутъ отъ принциповъ свободы торговли, составляющихъ все-таки основу убѣжденій законодателя.

Правительство отказывается отъ попытокъ предъидущаго періода мелочно регулировать хлѣбную торговлю, но въ то же время не можетъ еще вполне освободиться отъ нѣкоторыхъ прежнихъ взглядовъ, слѣдствіемъ которыхъ является: а) воспрещеніе вывоза изъ извѣстной мѣстности въ видахъ пониженія въ ней хлѣбныхъ цѣнъ; б) убѣжденіе, что содержаніе правительственныхъ хлѣбныхъ запасовъ можетъ серьезно вліять на высоту цѣнъ,—убѣжденіе, вызвавшее слова указа Екатерины: „хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была“, и в) взглядъ Александра I на задачи правительственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ: „предметъ“ ихъ „есть двоякій: общее умѣреніе торговыхъ цѣнъ“... и „частное пособіе людямъ недостаточнымъ“.

Расширеніе свободы торговли хлѣбомъ — дѣло Петра III и Екатерины II. Петръ III повелѣлъ „хлѣбный торгъ сдѣлать отъ всѣхъ портовъ“. Дальше пошла Екатерина.

Въ началѣ царствованія своего она придерживалась еще Петровской точки зрѣнія и дозволила отпускать хлѣбъ изъ Архангельска только тогда, когда онъ стоялъ въ московской губ. не выше рубля, а изъ Петербурга—когда подрядныя и покупныя цѣны были „куль 1 р. 56¹/₂ в.“. Но въ 1763 году сенатъ, разсматривъ представленія о выпускѣ хлѣба изъ Лифляндіи, высказываетъ государынѣ свой взглядъ на свободу торговли хлѣбомъ и ходатайствуетъ объ утвержденіи его мнѣнія; въ виду указа, опредѣлявшаго, при какой цѣнѣ хлѣба въ Москвѣ можно отпустить его за границу, сенатъ разсуждаетъ такъ: дозволеніе отпуска хлѣба „есть само собою наибольшій способъ къ отвращенію всякаго недостатка“; даже въ случаяхъ сильнаго неурожая, запрещеніе отпуска хлѣба „губерніи... ни мало полезнымъ не почитаетъ“; такъ какъ хлѣбная торговля—основное занятіе купечества Эстляндіи и Ревеля, то коль скоро этотъ торгъ „запретительными объ отпускѣ указами препятствіе себѣ получить, то какъ у дворянъ, такъ и у мѣщанъ ни денегъ, ни кредиту не будетъ и окажется всеобщая скудость и бѣдность“; затѣмъ... „а ежели де нѣсколько сумма хлѣба къ ежегодному вывозу установится, то тамошнему торгу предѣлъ положенъ будетъ, а купечеству и земскимъ обывателямъ въ плодородныхъ годахъ и по умноженіи земледѣлства въ торгахъ своихъ приращенія уповать не можно будетъ“;... наконецъ, „ежели назначится цѣна такимъ обра-

зомъ, что когда хлѣбъ дороже той цѣны будетъ, то и вывозу не быть и тѣмъ, какъ дворянству, такъ и мѣщанству вся надежда совсѣмъ отыметъ, не упоминая о многихъ спорахъ, которые восплѣдуютъ"... На основаніи всего этого сенатъ полагалъ необходимымъ, „чтобъ торгъ хлѣбомъ и отправка онаго водою былъ на всѣ будущія времена не возбраненъ, не нарушая никогда сію вольность никакимъ запрещеніемъ, монополіями или другими какими изытіями“. Государыня рѣшила вопросъ такъ. „Быть по сему. А о выпускѣ хлѣба изъ російскихъ портовъ стараться сдѣлать учрежденіе на всегдашнія времена, согласуя сему о Лифляндіи постановленію“. Польза свободы хлѣбной торговли внутренней и внешней была признана. Рядъ отступленій не измѣнилъ общаго хода законодательства. Такъ, въ 1785 г., въ виду московской дороговизны приказано печатать цѣны на хлѣбъ, причемъ замѣчено, что дѣлается это, *„дабы промышляющіе онымъ, въдавая цѣны и находя свою собственную пользу, могли дѣлать подвозъ“*... *„а сіе и есть самое надежнѣйшее средство упредить не только недостатокъ, но и дороговизну“*...

Въ 1787 году было объявлено: „вольная торговля хлѣбомъ внутри имперіи нашей не токмо не ограничена никакими узаконеніями, но дарована совершенная свобода внутреннему торгу“.

Попытка императора Павла I поворотить назадъ въ вопросѣ хлѣбной торговли осталась безъ послѣдствій; замѣчательно, что этотъ не терпѣвшій противорѣчія государь въ то самое время, когда онъ заботился о составленіи хлѣбныхъ таксъ, согласился съ представленіемъ сената, докладывавшаго ему: „сенатъ пріемлетъ смѣлость представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ для умноженія привоза въ города припасовъ и пріохочиванія въ тому людей, добровольно капиталы свои на то употребляющихъ, таксу назначить единственно по городамъ для жительствающихъ въ оныхъ, но и то на одно мясо и печеный хлѣбъ и на тѣ припасы, кои суть онаго города и уѣзда его продукты“... Сенатъ, конечно, готовъ повелѣть и другое, но рекомендуетъ сокращеніе таксъ, расширеніе свободы — и государь соглашается съ нимъ.

Александръ I, вѣрный политикъ бабки, приказалъ: „всѣ изданныя доселѣ запрещенія на вывозъ за границу разнаго хлѣба“... „отмѣнить“... Также отмѣнить и всѣ запрещенія о вывозѣ хлѣба изъ одной губерніи въ другую.

Запасные магазины въ этомъ періодѣ имѣютъ въ виду: 1) служить средствомъ пропитанія въ случаяхъ нужды и 2) вліять на цѣны.

По вопросу о запасныхъ магазинахъ Петръ III стоитъ еще на почвѣ предъидущаго періода: „повелѣваемъ сенату представить намъ основательный планъ, какимъ образомъ завести нечувствительно нужные на всякій случай магазины“. Екатерина же II рѣшительно берется за дѣло. Ни города, ни деревни не были забыты ею.

Именнымъ указомъ 20-го августа 1762 г. приказано „хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ... „Но села еще скорѣе могутъ найтись въ очень затруднительномъ положеніи“... деревенская экономія требуетъ, чтобъ для непредвидѣннаго случая имѣть въ готовности хлѣбный капиталъ, достаточный для снабженія тѣмъ въ нуждѣ своихъ поселянъ“... безъ такого капитала сельчанинъ „съ ненадежностью и страхомъ на послѣдующій годъ взирать“; вѣрность положенія этого указъ доказываетъ тѣмъ, что у многихъ дворянъ нарочно сохраняются большіе запасы, а потому повелѣвается „отнынѣ стараться въ каждой деревнѣ завести такіе магазины, въ коихъ всегда на цѣлый годъ запасы хлѣба сохранялись, перемѣняя оный каждый годъ передъ новой жатвой, дабы тѣмъ въ случаѣ совершенной нужды крестьянъ прокормить и до совершеннаго разоренія не допустить можно было“. Объ успѣхахъ этой мѣры коллегія должна была доносить императрицѣ и „распоряженіе сдѣлать“... „дабы лѣнныя и нерадивыя крестьяне сіе наше объ нихъ материнское попеченіе во зло употреблять не могли“.

Въ то же время не теряется мысль о необходимости и важности магазиновъ въ мѣстахъ, гдѣ народное продовольствіе не можетъ быть обезпечено торговлей.

Одновременно со взглядомъ на хлѣбные магазины, какъ средство прибѣжища и спасенія, въ случаѣ серьезнаго недостатка продовольствія, проводится и другая мысль о томъ, что магазины могутъ служить средствомъ, вліяющимъ на высоту цѣнъ. Екатерининскій указъ 20-го августа 1762 г. говоритъ: „хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы *цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была*“.

Подъ вліяніемъ этой мысли не мало разъ открывались петербургскіе магазины въ случаяхъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго подобія голода, и издавались законодательные акты, опредѣлявшіе цѣну продаваемаго изъ магазиновъ хлѣба. Та же мысль сохранилась и при Александрѣ I. При реформѣ петербургскихъ запасныхъ магазиновъ высказано, что они должны „... имѣя всегда въ готовности способы предупредить всякій открыться могущій недостатокъ въ продовольствіи городскихъ и окрестныхъ обывателей, *ограничить*

купно и непомятное стремленіе къ стяжанію вольныхъ промышленниковъ, не престающихъ пользоваться къ возвышенію цѣнъ для своихъ выгодъ всѣми случаями“.

Въ силу этого опредѣлено: „предметъ магазиновъ есть двоякій: 1) общее умѣреніе торговыхъ цѣнъ; 2) частное пособіе людямъ недостаточнымъ“... Опредѣленіе это разъяснено такъ: „цѣны хлѣба въ сравненіи съ торговыми могутъ быть довольно умѣренны и для достаточныхъ людей сносны, но для бѣдныхъ въ то же время онѣ весьма могутъ быть отяготительны. Для того и должно существовать два рода или два отдѣленія магазиновъ: одни для всѣхъ обывателей вообще, другіе только для недостаточныхъ“...

Затѣмъ характеръ пособій выясняется слѣдующими словами: „правительству нѣтъ никакого основанія всѣхъ обывателей принимать на свое продовольствіе; довольно, если въ случаяхъ нужды озаботить оно себя продовольствіемъ бѣдныхъ“... Та же мысль о вліяніи на цѣны лежитъ въ основѣ указа 1808 г.: „продавать ржаную муку изъ петербургскаго запаснаго магазина такими цѣнами, какія по соображенію ихъ съ цѣнами вольной продажи могли бы служить къ пониженію сихъ послѣднихъ и удержанію ихъ въ умѣренности“... Въ 1817 г. приказано „для пониженія цѣнъ выпустить изъ запасныхъ магазиновъ 50.000 кулей муки“...

Только къ концу этого періода является мысль о сравнительной дороговизнѣ и бесполезности хлѣбныхъ магазиновъ, въ мѣстностяхъ достаточно обезпечиваемыхъ хлѣбною торговлею; подъ вліяніемъ этой мысли признаются бесполезными запасные магазины петербургской губерніи, потому что „...крестьяне имѣютъ способы пріобрѣтать хлѣбъ дешевле съ барокъ, проходящихъ уѣздные города, и что капиталъ оныхъ чрезъ разныя издержки можетъ уменьшиться и, наконецъ, по необращенію истребиться“¹⁾...

Въ законодательствѣ о хлѣбныхъ магазинахъ вначалѣ все неопредѣленно: количество и способъ сборовъ, количество и способъ выдачъ, устройство учреждений, выдающихъ запасы, и т. д.

Заводятся мало-по-малу магазины на пространствѣ почти всей имперіи, за исключеніемъ мѣстностей, гдѣ по тогдашнему положенію дѣлъ невозможно было имѣть ихъ, напр., въ Зауральѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири, или гдѣ были они признаны ненужными, напр., въ Закавказьѣ; послѣднее сдѣлано, впрочемъ, по просьбѣ мѣстныхъ обывателей.

¹⁾ 1-е П. С., т. XXXI, 1811 года № 24802. Замѣчу, что этого же мнѣнія держался еще въ 1804 году с.-петербургскій губернаторъ Кушниковъ.

При заведеніи магазиновъ законодатель стремится къ тому, чтобы фактъ существованія ихъ не возбудилъ ложныхъ надеждъ и увлеченій, или чтобы цѣль ихъ основанія не была объяснена превратно. На обѣ эти цѣли указываютъ слова указа 1765 г.; „распоряженіе сдѣлать, дабы лѣнныя и нерадивыя крестьяне сіе наше о нихъ материнское попеченіе во зло употреблять не могли“; въ подтвержденіе того же приказано при учрежденіи магазиновъ смотрѣть, чтобы крестьяне, въ надеждѣ на нихъ, не ослабляли свою дѣятельность, а въ наставленіи экономическимъ правленіямъ сказано, что члены послѣднихъ проѣздомъ чрезъ вотчины должны вразумлять крестьянъ, „что тѣ запасныя магазины и собираемый отъ нихъ хлѣбъ не для казенной надобности и употребленія учреждаются, но единственно для собственной ихъ пользы и спасенія въ случаѣ голода и недородовъ“.

Заведеніе магазиновъ и наполненіе ихъ производится въ большинствѣ случаевъ на средства обществъ, долженствующихъ ими воспользоваться.

Строятся магазины—въ мѣстахъ обильныхъ лѣсомъ—изъ дерева, въ другихъ—изъ камня, но допускается также содержаніе запаснаго хлѣба въ ямахъ или въ немолоченныхъ скирдахъ. Полагается имѣть ихъ въ каждомъ селѣ, въ которомъ болѣе 50 дворовъ; дозволяется заводить и при меньшемъ количествѣ дворовъ, а также соединяться нѣсколькимъ поселкамъ для заведенія одного общаго магазина, а въ Малороссіи заводить ихъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ учреждены волостныя правленія.

Дворянамъ дозволяется на нѣсколько своихъ имѣній имѣть одинъ магазинъ или содержать въ каждой экономіи отдѣльный.

Наполняются сельскіе магазины сборомъ натурою; городскіе—или сборомъ съ отпускаемаго за границу хлѣба,—напр., въ Нарвѣ съ каждыхъ 100 ластовъ нагружаемыхъ оставлять по пяти въ запасный магазинъ,—или, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, покупкою, причемъ рекомендуется получать хлѣбъ изъ первыхъ рукъ.

Количество сборовъ и запасовъ сначала не опредѣляется точно. Екатерина II въ 1765 г. повелѣла имѣть годовой запасъ; потомъ запасы эти возвышены до двухъ-лѣтнихъ по числу душъ, но затѣмъ, въ виду чрезвычайной обременительности содержанія такихъ запасовъ, количество ихъ снова понижено до годового и опредѣлено въ 3 четверти озимаго и 3 четверика ярового на душу.

Относительно рода хлѣба законодатель является очень неизыскательнымъ и не стѣсняетъ свободу обществъ. Зато онъ

предъявляетъ далеко не удобоисполнимыя требованія относительно освѣженія запасовъ; перемѣнять ихъ предписывается сначала ежегодно и только позже издается распоряженіе о двухъ и трехлѣтнемъ срокѣ. Вначалѣ не опредѣляется кому и сколько выдавать изъ собранныхъ запасовъ. По смыслу законодательныхъ актовъ выдачи должны производиться только членамъ обществъ; на это указываетъ и распоряженіе касательно войсковыхъ поселеній, въ которыхъ запасы составляютъ исключительно для членовъ общества.

Количество выдачъ не болѣе половины запасовъ въ случаяхъ всеобщаго неурожая, но не при частныхъ бѣдствіяхъ.

Относительно выдачъ требуется вообще сдержанность, приказывается выдавать „по личнымъ спискамъ нуждающихся, а не на цѣлыя общества безъ разбора“, избѣгать выдачъ при „нѣкоторыхъ частныхъ токмо недостаткахъ отъ неурожая, отъ выбитія градомъ и тому подобнаго“ и сберегать хлѣбъ „до времени всеобщаго неурожая, въ который одно сіе спасительное заведеніе можетъ отвратить всеобщій голодъ“ ¹⁾.

Добиться исправнаго положенія запасныхъ магазиновъ было, повидимому, не легко; на это указываетъ постоянное измѣненіе порядка завѣдыванія магазинами и контроля за ними.

Съ 1784 г. магазины находились въ вѣденіи казенныхъ палатъ, причемъ свидѣтельствовали ихъ коменданты и исправники; съ 1799 г. магазины переданы губернаторамъ; на докладѣ объ этомъ сената положена Высочайшая резолюція: „смотрѣніе имѣть предводителямъ, а не инымъ“; но вскорѣ оказалось, что предводители хорошо исполнять возложенную на нихъ обязанность не могутъ и контроль за магазинами передали земскимъ судамъ и особымъ чиновникамъ, назначеннымъ губернскимъ правленіемъ; этотъ порядокъ тоже не далъ хорошихъ результатовъ,—и вотъ мало-по-малу, сначала въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а съ 1807 года во всѣхъ управлявшихся на общемъ основаніи губерніяхъ приказано „брать какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ казенныхъ селеніяхъ съ начальниковъ оныхъ подписки о томъ, что положенное въ магазинахъ ихъ количество хлѣба дѣйствительно въ нихъ находится; въ случаѣ же неисправнаго содержанія магазиновъ привлекать къ уголовной отвѣтственности и взыскивать недостающій хлѣбъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ съ самихъ помѣщиковъ, а въ казенныхъ—съ обществъ. „За членами земскихъ судовъ оставлено право освидѣтельствованія магазиновъ и доно-

¹⁾ 1-е. П. С. т. XXXI, годъ 1811, № 24525.

шенія губернатору, а предводителямъ вѣннено въ обязанность „производить по временамъ внезапнымъ образомъ осмотръ магазиновъ и повѣрку хранящемуся въ немъ хлѣбу“, дѣлая это съ помощью нужнаго числа дворянъ.

За несвоевременное представленіе подписокъ установлены штрафы: въ первый разъ 25 рублей, во второй вдвое и т. д.

Такимъ образомъ контроль въ большинствѣ случаевъ свелся къ представленію подписокъ тѣхъ лицъ, которыя сами должны были образовать запасы.

Изъ остальныхъ мѣръ обезпеченія продовольствія обращаютъ въ этомъ періодѣ на себя вниманіе: а) казенная закупка и продажа хлѣба, внѣ всякой связи съ запасными магазинами; дѣлалось это для разныхъ мѣстностей, но въ наибольшемъ размѣрѣ въ 1813 году для смоленской губ., особенно пострадавшей при нашествіи французовъ; б) денежныя пособія въ Сибири и въ той же смоленской губ.; в) разсрочка и отсѣна взысканій въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ; г) общественныя работы; въ 1774 году, напр., въ воронежской губ. приказано губернатору вокругъ городовъ, потерпѣвшихъ отъ неурожая, „зачать дѣланіе рововъ“, ... „за умѣренную денежную или хлѣбную отъ казны плату, всякому полу и возрасту людей, ибо кто не можетъ рыть землю, тотъ носить оную будетъ“; д) стѣсненіе винокуренія и другія болѣе мелкія мѣры.

IV.

Во второмъ десятилѣтіи текущаго вѣка начинается третій періодъ законодательства нашего по обезпеченію народнаго продовольствія.

Тутъ, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, мысль, что развитая хлѣбная торговля — лучшее средство обезпеченія продовольствія населенія, служитъ основаніемъ законодательства о хлѣбной торговлѣ; но общность основной мысли не мѣшаетъ однако этому періоду рѣзко отличаться отъ предшествовавшаго. Во второмъ періодѣ свобода внѣшней торговли, хотя и принятая въ принципѣ, подвергается постояннымъ изытіямъ и ограниченіямъ, — является, такъ сказать, условною; въ третьемъ — она признается рѣшительно. Въ первый разъ заявлено это въ Положеніи комитета министровъ 24-го апрѣля 1818 г., которымъ опредѣлено *тпускать хлѣбъ за границу безъ всякаго ограниченія*. Мотивы такого рѣшенія приведены въ представленіи министра финансовъ;

въ немъ, между прочимъ, сказано: „пространство российской имперіи, заключающее въ себѣ столь великую разнообразность климата и почвы, при населеніи коего $\frac{9}{10}$ упражняется въ земледѣліи, скотоводствѣ и приобрѣтеніи предметовъ первой потребности, не дозволяетъ имѣть ни малѣйшаго опасенія о повсемѣстномъ неурожаѣ, отъ котораго бы могъ произойти великій недостатокъ въ продовольствіи народномъ“... „нужно только облегчить всѣ пути внутреннихъ сообщеній, охранять свободу торговли, никакими распоряженіями не стѣсняемой, и непрерывнымъ дозволеніемъ заграничнаго отпуска никогда не лишать земледѣльца надежды воспользоваться плодами трудовъ своихъ“... Безусловное признаніе необходимости полной свободы торговли хлѣбомъ не устраняетъ, впрочемъ, исключеній; но исключенія эти дѣлаются не въ видахъ обезпеченія или облегченія продовольствія, а для достиженія совсѣмъ другихъ цѣлей; таковы, напр., запрещенія и стѣсненія вывоза 1828, 48, 54 и 55 годовъ, принятыя въ виду военныхъ обстоятельствъ, съ желаніемъ лишить противника необходимыхъ ресурсовъ и для предохраненія грузоотправителей отъ весьма вѣроятныхъ потерь всего товара.

Въ то время, какъ законодательство предъидущаго періода, несмотря на признаніе пользы свободы внѣшней торговли, въ силу частыхъ изыятій сосредоточивается, такъ сказать, на вопросѣ — отпускать ли хлѣбъ за границу, или не отпускать? въ третьемъ періодѣ вопросъ ставится иначе — допускать ли привозъ и отпускъ хлѣба съ пошлиной или беспошлинно? И во всѣхъ случаяхъ, гдѣ является возможность помочь пострадавшимъ отъ неурожая съ помощью иностраннаго подвоза, вопросъ рѣшается въ пользу беспошлиннаго ввоза; въ законодательныхъ актахъ постоянно встрѣчаются такіа выраженія: „для облегченія средствъ продовольствія и возможнаго уменьшенія цѣнъ разрѣшить беспошлинный привозъ зернового хлѣба изъ-за границы“... „по случаю неурожая минувшаго лѣта“, „беспошлинный привозъ иностраннаго хлѣба допускать“... и т. п.

По частному случаю высказано въ 1836 году, что „не должно дѣлать никакого ограниченія въ количествѣ промѣниваемаго китайцамъ хлѣба“; ибо „всякое ограниченіе торговли хлѣбомъ препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія и промышленности“.

Относительно внутренней хлѣбной торговли подтверждается, что она совершенно свободна во всемъ государствѣ, и очень рѣдко встрѣчаются ея ограниченія, да и тѣ по связи съ беспошлиннымъ ввозомъ въ отдѣльныя мѣстности. Наконецъ, въ этомъ періодѣ не встрѣчаются уже два господствовавшія прежде мнѣнія, что правительство путемъ законодательства можетъ вліять на общія

хлѣбныя цѣны и регулировать ихъ съ помощью запасныхъ магазиновъ.

Изъ остальныхъ, касающихся хлѣбной торговли, мѣръ этого періода обращаютъ на себя вниманіе: ссуды въ 1847, 1848 и 1849 годахъ подъ залогъ хлѣба изъ коммерческаго банка; дозволеніе иностраннымъ кораблямъ безпошлинно перевозить хлѣбные грузы между русскими портами; семь лѣтъ практиковавшаяся система выдачи отпускныхъ премій за пшеничную муку и сухари и нѣсколько мелкихъ льготъ разнымъ мѣстамъ и лицамъ.

Запасные магазины съ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія привлекали къ себѣ особенное вниманіе законодателя, но тогда они были дѣло новое; относившіяся до нихъ распоряженія касались отдѣльныхъ вопросовъ, не были сгруппированы въ систему мѣръ и учреждений и пользы отъ магазиновъ оказывалось меньше, чѣмъ того первоначально ожидали. Поэтому во второмъ десятилѣтіи текущаго вѣка на запасные магазины воздвигнуто было гоненіе. Вотъ въ главныхъ чертахъ ходъ этого дѣла.

Въ Положеніи комитета министровъ 21-го августа 1816 г. сказано было: „всѣ изданныя доселѣ постановленія и распоряженія насчетъ устройства и содержанія сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ исполненіи своемъ не приносятъ соотвѣтствующаго намѣреніямъ правительства успѣха; сборъ хлѣба съ крестьянъ хотя и производится, но по образу взноса онаго и по самой пропорціи крайне обременителенъ для нихъ, отъ чего состоятъ большіе недоборы; въ раздачѣ онаго изъ магазиновъ и въ возвращеніи выдаваемаго заимообразно происходятъ одни только безпорядки и запутанность, ибо во многихъ нѣтъ никакихъ счетовъ, сколько кто изъ крестьянъ внесъ хлѣба и сколько остался долженъ; и вообще, несмотря на всѣ строгія мѣры, магазины повсюду остаются безъ должнаго наполненія“... Послѣ такого вступленія можно было бы ожидать законодательнаго исправленія указанныхъ недостатковъ; но тогдашніе дѣятели сочли неудовлетворительную дѣятельность не признакомъ дурной организаціи, а доказательствомъ полной несостоятельности хлѣбныхъ магазиновъ, и подъ вліяніемъ такого взгляда рѣшили покончить вовсе съ ними.

Начертаны были слѣдующія общія основанія реформы: „сборъ хлѣба, какъ съ помѣщичьихъ, такъ и съ казенныхъ крестьянъ отмѣнить“; каждому помѣщику имѣть свой запасъ хлѣба; у допустившаго крестьянъ до голода брать имѣніе въ опеку; запасы имѣть также „въ экономическихъ и въ удѣльныхъ имѣніяхъ“,

образовавъ ихъ изъ хлѣба, находящагося въ упраздняемыхъ магазинахъ; вмѣсто хлѣбныхъ сборовъ „опредѣлить сборъ денежный по 25 коп. съ ревизской души“; учредить въ губерніяхъ особые комитеты народнаго продовольствія“, въ распоряженіе которыхъ поступить денежный сборъ съ тѣмъ, что они „должны будутъ учинить положеніе, какую сумму нужно на-лицо въ губерніяхъ деньгами или въ хлѣбѣ, гдѣ содержать магазины на сіи суммы и по сколько“, отсылая остальные деньги „въ заемный банкъ для приращенія изъ процентовъ“...

Принявъ въ соображеніе тогдашнюю степень развитія хлѣбной торговли и тогдашніе пути сообщеній, уже à priori можно было сказать, что такая система продержится недолго. Въ дѣйствительности она даже и не была примѣнена. Положеніе комитета министровъ отрицало пользу запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, но жизнь брала свое, и вслѣдъ за этимъ Положеніемъ были изданы сенатскіе указы: одинъ, предписывавшій губернаторамъ строго наблюдать за содержаніемъ магазиновъ въ исправности, и другой, приказывавшій мѣщанамъ томской губерніи, живущимъ по селамъ, также завести магазины. Затѣмъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ комитета министровъ постановлено: „предложить дворянству на разсужденіе: какимъ образомъ лучше и удобнѣе на будущее время наполнять хлѣбомъ и содержать въ надлежащемъ устройствѣ сельскіе запасные магазины, подъ чьимъ надзоромъ и отвѣтственностью имѣть иные“... Итакъ, чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ предположенія объ отмѣнѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, тотъ же комитетъ министровъ занимается вопросомъ, какъ лучше устроить ихъ! Въ томъ же 1816 году приказано: „въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дворянство для выборовъ или по другимъ случаямъ въ скоромъ времени собранія имѣть не будетъ, пригласить для составленія положенія о магазинахъ только предводителей и по нѣскольку уполномоченныхъ отъ каждаго уѣзда дворянъ въ видѣ депутатовъ“... Изъ Положенія комитета министровъ, 15-го февраля 1818 г., видно, что на предложенные дворянству вопросы получилось 38 отвѣтовъ; отвѣты эти, хотя часто и противорѣчащіе другъ другу, все же показали, что существованіе запасныхъ магазиновъ признается необходимымъ, и что только пропорція наполненія (3 четв. озимаго и 3 четв. яров.) считается всюду слишкомъ большой и обременительной. Въ виду этого комитетъ дѣлаетъ новую попытку провести *свои* предположенія—поручаетъ распорядиться, чтобы губернаторы, имѣя въ виду постановленіе комитетомъ 21-го августа 1816 г., обсудили вмѣстѣ съ вице-губернаторами, губернскимъ и уѣздными предводителями, управ-

ляющимъ удѣльной конторой и однимъ или двумя выборными отъ каждаго уѣзда кандидатами, сколько можетъ поступить по губерніи вмѣсто хлѣбныхъ взносовъ денежнаго 25-копѣчнаго сбора; по соображенію сложности урожаевъ каждой губерніи, опредѣлить, нужно ли заводить особые магазины на суммы этого сбора, и если нужно, то гдѣ именно и на какое количество хлѣба; самому же министру полиціи, принявъ во вниманіе всѣ имѣющія такимъ образомъ поступить свѣденія, составить проектъ, не упуская изъ виду, что 25-копѣчный сборъ не есть постоянный, а будетъ производиться только до полученія необходимой суммы.

Въ 1819 году ¹⁾ комитетъ разсуждалъ: „19-лѣтній опытъ, со времени изданія въ 1799 году постановленія объ учрежденіи во всемъ государствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, показалъ, съ какимъ неудобствомъ и отягощеніемъ сопряжено существованіе оныхъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ Россіи, по обширности ея и по разнообразію климатовъ и почвы земли, повсемѣстнаго голода никогда не было и быть не можетъ. Совершенное удостовѣреніе въ сихъ истинахъ очевидно ведетъ къ тому заключенію, что *сколь съ одной стороны основательна предположенная отмена хлѣбнаго сбора, столько съ другой бесполезно замѣнять оный постоянною денежною податью*, ибо кромѣ того, что нѣтъ въ ней существенной надобности, правительство, принявъ на себя излишнюю и ненужную заботу заводить и содержать общественные магазины, должно бы было, можетъ быть, сборъ нѣсколькихъ лѣтъ употребить первоначально на одну постройку сихъ магазиновъ, на поддержаніе ихъ и на присмотръ за ними, чрезъ что вовлекло бы себя въ болшія еще неудобства, нежели какія встрѣтились въ нынѣшней системѣ сбора хлѣба въ натурѣ“.

Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ заготовлено было Положеніе комитета. Чтобы характеризовать его, достаточно привести слѣдующія выдержки: „Установленный для наполненія сельскихъ запасныхъ магазиновъ сборъ хлѣба, какъ съ помѣщичьихъ, такъ и съ казенныхъ крестьянъ, навсегда отмѣнить; вмѣнить помѣщикамъ въ обязанность, чтобы они сами своевременно заботились объ обезпеченіи продовольствія крестьянъ своихъ; въ случаѣ же упущенія таковой обязанности имѣнія ихъ отбирать немедленно въ опеку; при таковой отвѣствен-

¹⁾ Подробности этой неудавшейся попытки комитета министровъ интересующіяся лица найдутъ на страницахъ 22—48 первой части Матеріаловъ по вопросу объ обезпеченіи продовольствія, изданныхъ, въ 1859 году, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

ности помѣщиковъ предоставить уже имъ полную свободу имѣть или не имѣть запасные магазины". Поднося такое положеніе свое на Высочайшее утвержденіе, комитетъ докладывалъ, „что положеніе его основано на совершенномъ убѣжденіи, что при предполагаемыхъ распоряженіяхъ продовольствіе народное прочтѣе еще будетъ обезпечено, нежели какъ было до толѣ. Къ тому же не будетъ никуда накапливаться огромныя запасы хлѣба, безъ всякой надобности, вопреки правиламъ государственнаго хозяйства, не будетъ извлекаемо изъ обращенія значительныя капиталы чрезъ установленіе постоянной на нѣсколько лѣтъ денежной подати, а народъ весьма много облежится, внеся только одновременно столь малозначущую съ души сумму; наконецъ, облежится само правительство, сего дѣла и переписки по народному продовольствію безъ сомнѣнія уменьшатся, между тѣмъ какъ при установленіи постоянного существованія въ губерніяхъ комитетовъ они необходимо должны бы были умножиться“.

Если припомнить состояніе нашихъ путей сообщенія въ двадцатыхъ годахъ, ту чрезвычайную медленность, съ которой передвигались тогда грузы, тѣ усилія, которыя цѣлыя десятилѣтія дѣлало правительство, чтобы добиться отъ помѣщиковъ наполненія ихъ запасныхъ магазиновъ, страшно становится подумать, въ какимъ послѣдствіяхъ могло бы повести, при сильномъ неурожаѣ въ большемъ числѣ губерній, утвержденіе предположеній комитета, упразднявшихъ собраніе запасовъ и отмѣнявшихъ всякій контроль за засыпкой хлѣба помѣщиками.

Къ счастью, императоръ Александръ I не раздѣлялъ увлеченій комитета по вопросу продовольствія.

Два раза положеніе комитета было ему возвращаемо,—то для разъясненій, то для собранія дополнительныхъ свѣдѣній.

Комитетъ какъ будто бы не понималъ, что государю вновь предлагаемая система не представляется достаточно обезпечивающею продовольствіе населенія. Но въ серединѣ 1820 г. князь Кочубей сообщилъ комитету, „что его величество признаетъ необходимымъ имѣть магазины, если не вездѣ, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители могутъ подвергнуться опасности недостатка въ продовольствіи, что есть, конечно, губерніи, кои опасности неурожаевъ или недостатку въ продовольствіи подвержены быть не могутъ, что есть другія, въ коихъ недостатки сей, по близости хлѣбородныхъ губерній, удобно предотвращенъ быть можетъ; но что есть притомъ такія, кои при уничтоженіи магазиновъ въ вѣнчайшемъ затрудненіи находиться могутъ“.

Затѣмъ, 7-го іюня 1821 года, объявлено было комитету министровъ окончательное рѣшеніе: „государь императоръ, будучи предъувѣренъ въ пользу существованія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, изволилъ отлагать, по сей причинѣ, подписаніе представленнаго отъ комитета министровъ проекта указа объ уничтоженіи магазиновъ. Между тѣмъ открывшійся по черниговской губерніи и по другимъ мѣстамъ недостатокъ въ продовольствіи удостовѣрилъ совершенно въ необходимости существованія сихъ магазиновъ. Посему его императорское величество повелѣваетъ, дабы комитетъ министровъ *немедленно учинилъ распоряженіе къ возстановленію существованія сельскихъ запасныхъ магазиновъ*, на прежнемъ или лучше устроенномъ основаніи, *и потомъ уже занялся бы соображеніемъ къ отвлеченію тѣхъ неудобствъ и затрудненій, кои прежде встрѣчались по наполненію и содержанію магазиновъ*“.

Такимъ образомъ мнѣніе комитета министровъ было отвергнуто и систему обезпеченія продовольствія стали утверждать на другихъ основаніяхъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ теченіе 3¹/₂ лѣтъ, въ которыя комитетъ велъ борьбу противъ запасныхъ магазиновъ, устройство послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ до тѣхъ поръ не было, не прекращалось и не разъ издавались сенатскіе указы объ учрежденіи ихъ и управленіи ими.

Наконецъ именнымъ указомъ 14-го апрѣля 1822 г. установлена новая система обезпеченія народнаго продовольствія. „Для наблюденія и опредѣленія, въ какихъ случаяхъ и какія мѣры въ неурожайные годы должны быть приемы, учреждается въ каждой губерніи комиссія продовольствія; 2) мѣры эти могутъ быть или обыкновенныя, или же требующія „чрезвычайныхъ пособій; 3) въ каждой губерніи устанавливаются или хлѣбные запасы, или денежныя капиталы; 4) для опредѣленія, въ какихъ губерніяхъ должны быть содержимы запасы хлѣбные и въ какихъ денежныя капиталы, приемиются въ соображеніе: а) количество собственныхъ хлѣбныхъ произведеній губерніи, б) положеніе ея относительно къ воднымъ и сухопутнымъ сообщеніямъ и къ хлѣбной торговлѣ, в) способъ промышленности, г) удобность содержать хлѣбные магазины; 5) по соображеніи всѣхъ сихъ обстоятельствъ, въ каждой губерніи имѣетъ быть опредѣлено постояннымъ правиломъ, хлѣбные ли запасы должны быть въ оной содержимы, или денежныя капиталы; 6) когда внутренніе запасы недостаточны, тогда къ дополненію недостатка комиссія продовольствія обращается къ мѣрамъ чрезвычайныхъ

пособій ссудю отъ правительства“. На обязанности комиссіи продовольствія возложено было: во-первыхъ, составлять соображенія „а) о состояніи урожая внутри губерніи, б) о состояніи урожая въ тѣхъ мѣстахъ, откуда хлѣбъ въ губернію доставляется, в) о состояніи положенныхъ въ губерніи запасовъ“; во-вторыхъ, разрѣшеніе ссудъ—хлѣбныхъ до $\frac{2}{3}$, наличныхъ запасовъ, денежныхъ до 25.000 руб. При большой нуждѣ, по представленіямъ предводителей и казенныхъ палатъ, комиссія можетъ разрѣшить выдачу и остальной $\frac{1}{3}$ запасовъ, а въ крайнихъ случаяхъ ходатайствовать о пособіи передъ высшимъ правительствомъ черезъ посредство губернатора.

Въ запасныхъ магазинахъ количество хлѣба должно составлять 2 четверти на ревизскую душу и собирается зерномъ по 4 гарнца ежегодно. Храненіе, цѣлость и освѣженіе запасовъ лежитъ на помѣщикахъ, обществахъ, казенныхъ палатахъ и удѣльныхъ конторахъ, смотря по тому—помѣщики ли, свободныхъ хлѣбопашцевъ, казенныя или удѣльныя это имѣнія; ссуды же зависятъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ отъ помѣщиковъ, въ удѣльныхъ отъ удѣльныхъ конторъ, и въ селеніяхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и казенныхъ—отъ комиссіи продовольствія. О состояніи запасовъ губернаторамъ сообщаются ежегодныя свѣденія. Денежные капиталы составляютъ ежегоднымъ сборомъ по 25 коп. съ души, каковой продолжается до тѣхъ поръ, пока образуется сумма, достаточная для покупки (принимая въ расчетъ пятилѣтнюю цѣну) одной четверти на ревизскую душу; капиталы эти ни на что, кромѣ продовольствія, не могутъ быть обращены; собираются они въ казначействахъ, а оттуда передаются въ казенныя палаты; наблюдается, „дабы суммы различныхъ вѣдомствъ не были смѣшиваемы между собою“; „капиталы употребляютъ на пособія въ продовольствіи такъ, чтобы каждое состояніе получило пособие изъ капитала, непосредственно ему принадлежащаго“.

Ссуды производятся или деньгами, или хлѣбомъ, „смотря по тому, что болѣе соотвѣтствовать будетъ случаю, по которому нужно оказать помощь“. Проценты взимаются по 6 на 100. Отсрочка возврата разрѣшается на годъ комиссіей, а дальнѣйшая—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. „Выдачу денегъ для продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ обезпечить вѣрнымъ залогомъ или имѣніемъ...“ или „надежнымъ поручительствомъ...“; при неплатежѣ имѣніе берется въ опеку; ссуды же крестьянамъ удѣльнымъ, казеннымъ и свободнымъ хлѣбопашцамъ обезпечиваются всѣмъ обществомъ. Постановленія указа не распространены на губерніи архангельскую, лифляндскую, эстляндскую и курлянд-

скую и сибирскія, а также на Грузію, Бессарабію, колоніи иностранцевъ и магазины горнаго вѣдомства.

Таковы основныя положенія указа 14-го апрѣля 1822 г. Законодательныя постановленія по обезпеченію продовольствія, изданныя въ послѣдующія 12 лѣтъ, являются или пополненіемъ его, или дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ его основу. Отступленія отъ нихъ хотя и встрѣчаются, но они рѣдки. Важнѣйшія суть: 1) именной указъ 1823 г., которымъ, на основаніи предложенія калужскаго собранія, опредѣлено, сверхъ содержанія въ калужской губерніи сельскихъ запасныхъ магазиновъ, составить капиталъ „посредствомъ единовременнаго сбора въ теченіе двухъ лѣтъ съ каждой ревизской души мужеска пола 50 копѣекъ“, и 2) Высочайше утвержденный докладъ министра императорскаго двора, установившій новый, непредвидѣнный закономъ 14-го апрѣля 1822 г., способъ наполненія магазиновъ въ имѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства—посредствомъ общественной запашки. Въ докладѣ этомъ говорится, что существующія узаконенія не обезпечиваютъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, потому что, собирая по 4 гарнца ежегодно, потребно 32 года для составленія полнаго запаса, считая, что все время будутъ и урожай, и исправные взносы; денежный сборъ составитъ достаточную сумму, считая по 12 р. четверть во время неурожая и при отсутствіи недоимокъ, только въ 48 лѣтъ. „Для отвращенія сихъ видимыхъ неудобствъ уничтожить подушный сборъ хлѣба и денегъ и учредить взамѣнъ того особую запашку полей, назначивъ подъ оную отъ каждой ревизской души въ селеніяхъ, избыточныхъ земель, по одной шестнадцатой долѣ десятины въ каждомъ полѣ, въ малоземельныхъ же по одной тридцать-второй долѣ. Поля сіи, отведенныя, сколь возможно, ближе къ селеніямъ и отличенныя наименованіемъ общественныхъ, должны быть удобряемы, обрабатываемы и убираемы всѣмъ міромъ по наряду; способъ сей общааетъ большія выгоды; лежащія на крестьянахъ обременительныя недоимки уничтожатся; магазины всѣхъ удѣльныхъ имѣній въ самое короткое время наполнятся опредѣленнымъ количествомъ хлѣба; избытки онаго могутъ поступать въ продажу, а вырученные за то деньги, обращаясь ^{00/00} въ какомъ-либо изъ кредитныхъ установленій, составятъ со временемъ немаловажный капиталъ; земледѣіе, обращенное во всѣхъ казенныхъ или оброчныхъ селеніяхъ, непримѣтно будетъ усовершенствоваться и распространяться къ общей государственной пользѣ, къ улучшенію самой нравственности поселянъ“ ¹⁾.

¹⁾ 2-е II. С., т. II, 1827 года, № 1406.

Этотъ докладъ, слабый своими предположеніями, былъ мѣтокъ критикой и вѣрно указалъ главный недостатокъ закона 14-го апрѣля 1822 года—медленное при дѣйствіи его накопленіе запасовъ.

Для помѣщиковъ нѣсколько расширена была возможность кредитоваться при неурожаяхъ ради продовольствія крестьянъ; измѣнены сроки для доставленія свѣденій объ урожаѣ; прежній способъ собиранія свѣденій объ урожаяхъ и запасахъ въ селеніяхъ казенныхъ замѣненъ новымъ; подробно опредѣлены тѣ дѣла, которыя не могутъ быть рѣшены коммиссіями продовольствія, а должны восходить къ министру внутреннихъ дѣлъ или даже на Высочайшее усмотрѣніе.

Грядомъ съ общимъ, установленнымъ закономъ 14-го апрѣля 1822 г., порядкомъ, дѣйствовавшимъ на пространствѣ большей части имперіи, опредѣлены были затѣмъ способы обезпеченія продовольствія и въ остальныхъ мѣстностяхъ. Въ архангельской губерніи и остзейскомъ краѣ измѣненія заключались главнымъ образомъ въ названіяхъ; въ горныхъ заводахъ вся забота о продовольствіи лежала на ихъ владѣльцахъ; въ Сибири введена была система казенныхъ запасовъ, весьма близкая къ полной гарантіи правительствомъ достаточнаго количества средствъ пропитанія для всего населенія.

Закономъ 14-го апрѣля 1822 года установлена цѣлая система несложная, ясная, построенная въ большинствѣ случаевъ на совершенно вѣрныхъ соображеніяхъ. И черезъ 12 лѣтъ эта система падаетъ, признается нигде негодною! Дѣло въ томъ, что составители закона 1822 года упустили изъ виду полное почти отсутствіе экономическихъ знаній въ обществѣ нашемъ; оказалось, что губернаторы, предводители и другіе члены „особыхъ собраній“ вовсе не подготовлены для разрѣшенія поставленной имъ задачи и, не получивъ достаточно ясныхъ и полныхъ указаній, стали, примѣняя законъ, дѣлать вовсе не то, что было въ дѣйствительности нужно и что имѣлъ въ виду законодатель... Закономъ было опредѣлено, что рѣшеніе, завести ли въ губерніи хлѣбные магазины или составить денежные капиталы, предоставляется особымъ губернскимъ собраніямъ и указано, что „для опредѣленія, въ какихъ губерніяхъ должны быть содержимы запасы хлѣбные и въ какихъ денежные капиталы, приеѣмлетъ въ соображеніе: а) количество собственныхъ хлѣбныхъ произведеній губерніи, б) положеніе ея относительно къ водянымъ и сухопутнымъ сообщеніямъ и къ хлѣбной торговлѣ, в) способы промышленности и г) удобность содержать хлѣбные магазины“.

Если бы пояснено было, что именно считать благопріятству-

щимъ заведенію магазиновъ и что болѣе удобнымъ для сбора капитала, тогда не вышло бы той страшной путаницы, которая оказалась въ дѣйствительности, и продовольствіе основано было бы на серьезныхъ соображеніяхъ; между тѣмъ достаточныхъ разъясненій дано не было, и потому получились такія рѣшенія, по которымъ въ одномъ мѣстѣ обиліе собственнаго хлѣба — основаніе для заведенія магазиновъ, въ другомъ — для денежныхъ сборовъ; удобство путей сообщенія въ однихъ губерніяхъ приводится какъ доказательство необходимости магазиновъ, въ другихъ — денежныхъ капиталовъ; развитіе промышленности, по мнѣнію однихъ, говоритъ въ пользу магазиновъ, по мнѣнію другихъ — въ пользу сборовъ деньгами.

Дѣвѣнадцать собраній высказались за запасные капиталы, сорокъ — за магазины. Довольно кинуть бѣглый взглядъ на перечень тѣхъ и другихъ, чтобы тотчасъ замѣтить, что при рѣшеніи предложеннаго членамъ особыхъ собраній вопроса они рѣшительно не имѣли никакой общей руководящей мысли; видно это изъ того, что въ одномъ и томъ же отдѣлѣ стоятъ губерніи столь противоположныя по почвѣ, климату и производительности, какъ, напр., ярославская и оренбургская, архангельская и кievская, минская и таврическая, и что въ разныхъ отдѣлахъ находятся губерніи, имѣющія столь много общаго, какъ владимірская и костромская.

Взглянувъ на мотивы такихъ рѣшеній, сразу же выясняется себѣ, что дѣло продовольствія было построено на крайне зыбкой почвѣ.

Одни и тѣ же условія ведутъ какъ разъ въ противоположнымъ выводамъ. Ясно, что аргументація тѣхъ или другихъ должна быть невѣрна, построенная на ея соображеніяхъ система продовольствія несостоятельна — и, какъ необходимое послѣдствіе этого, неизбежны для населенія страданія отъ недостатка продовольствія. Въ подтвержденіе этого приведу сущность мнѣній нѣсколькихъ собраній. Губернія московская малоземельна, собственнаго хлѣба недостаточно, но при развитіи путей сообщенія и промысловъ крестьяне всегда могутъ покупать достаточно хлѣба и отдѣлять часть его въ магазины; отсюда заключеніе — завести магазины. Олонецкая: продовольствіе зависитъ отъ привознаго хлѣба, пути подвоза удовлетворительны; заключеніе — завести магазины. Пермская: неплодородна, пути перевозки удобны; заключеніе — завести магазины. Въ противоположность этому, владимірская: своего хлѣба недостаточно, содержаніе магазиновъ дорого; заключеніе — имѣть денежные капиталы; екатеринославская: земли плодородны, въ урожайные годы нуждается единственно въ способахъ сбыта, окру-

жена плодородными губерніями; заключеніе — завести магазины; казанская: граничить съ хлѣбородными губерніями; заключеніе — имѣть денежныя капиталы.

Однѣ и тѣ же первыя послышки съ подстановкой разныхъ вторыхъ приводятъ къ различнымъ выводамъ. Для москвичей удобство путей и развитіе промысловъ, со второй посылкой — возможностью легко покупать хлѣбъ, является доказательствомъ того, что магазины нужно завести; для владимірской тотъ же недостатокъ хлѣба, тѣ же пути и промыслы, со второй посылкой — привозный хлѣбъ все-таки дорогъ, — доказательство въ пользу денежныхъ сборовъ. Встрѣчается не только различіе выводовъ при разныхъ вторыхъ послышкахъ, но и такія, напр., заключенія, что для екатеринославцевъ сосѣдство съ хлѣбородными губерніями — доказательство въ пользу запасныхъ магазиновъ, а для казанцевъ то же сосѣдство — доказательство выгоды денежныхъ сборовъ. Можно привести не мало такихъ сопоставленій, но уже изъ сказаннаго ясно, что распределеніе губерній въ томъ видѣ, какъ оно состоялось, наносило смертельный ударъ новому закону. Голодовки 1833 и 1834 г. доказали это.

Другая ошибка составителей закона 1822 года заключалась въ томъ, что капиталы продовольствія были распределены между множествомъ вѣдомствъ; это имѣло слѣдствіемъ крайнюю ихъ неподвижность.

Третьей ошибкой было опредѣленіе количества ежегоднаго хлѣбнаго сбора въ такомъ размѣрѣ, что полная пропорція могла быть собрана только въ теченіе 32 лѣтъ, между тѣмъ какъ неурожаи случались гораздо чаще.

Эти три основныя ошибки сдѣлали то, что дѣятелямъ 1834 г. законъ 1822 г. показался никуда негоднымъ. Вотъ почему въ именномъ указѣ сенату отъ 5-го іюля 1834 года сказано, что опытъ „минувшаго года, когда многія изъ обильнѣйшихъ губерній постигнуты были неурожаемъ, показалъ, что сіи правила не могутъ быть признаны совершенно достаточными, и что въ Положеніи 1822 г. нужны нѣкоторыя дополненія и измѣненія“. Поэтому поручено было особому комитету „выискать и предначертать надежнѣйшія по возможности мѣры“ по обезпеченію народнаго продовольствія. Результатомъ работъ комитета и было Высочайше утвержденное 5-го іюля 1834 года Положеніе о запасахъ для пособія въ продовольствіи.

Сущность закона этого въ слѣдующемъ: „Для пособія въ случаѣ недостатка въ хлѣбѣ на продовольствіе поселянъ и на засѣвъ полей *въ каждой губерніи* устанавливаются сборы: хлѣбный и де-

нежный. Первымъ наполняются сельскіе запасные магазины; изъ второго составляется капиталъ для вспомоствованія деньгами на покупку нужнаго хлѣба“. „Въ *городахъ* вмѣсто хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ составляются *лишь денежные капиталы*“...

Постановленія этого закона не распространяются на Грузію и губерніи *остзейскія, сибирскія и архангельскую*, а также на имѣнія удѣльныя, дворцовыя, колонистовъ и царанъ. Въ предѣлахъ дѣйствія закона 5-го іюля 1834 г. попеченіе о народномъ продовольствіи возлагается на комиссіи продовольствія, которымъ принадлежитъ: „общій надзоръ за состояніемъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и денежныхъ для пособія въ продовольствіи капиталовъ, собраніе и разсмотрѣніе подлежащихъ о томъ и о видахъ урожая свѣденій, а равно и всѣ нужныя по сей части распоряженія. Состоятъ они въ непосредственномъ вѣденіи министра внутреннихъ дѣлъ“, собираются по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, наблюдаютъ: 1) „за исправнымъ содержаніемъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и цѣлостію капиталовъ продовольствія“; 2) назначаютъ зависящія отъ нихъ частныя пособія; 3) предполагаютъ общія чрезвычайныя мѣры „въ случаѣ общаго неурожая“, стараясь въ дѣйствіяхъ своихъ „избѣгать всего, что могло бы распространить какое-либо преждевременное, напрасное опасеніе, отъ коего возвышаются цѣны на хлѣбъ, нужды народа увеличиваются и пособія дѣлаются затруднительнѣе“. Непосредственное завѣдываніе магазинами ввѣряется особымъ смотрителямъ изъ поселянъ, ближайшее наблюденіе надъ которыми поручается въ имѣніяхъ казенныхъ волостнымъ правленіямъ, въ помѣщичьихъ — самимъ владѣльцамъ или ихъ управляющимъ; дальнѣйшій надзоръ принадлежитъ казеннымъ палатамъ, уѣзднымъ предводителямъ дворянства, окружнымъ управленіямъ и земскимъ полиціямъ, смотря по мѣстности и вѣдомству, въ которомъ состоитъ магазинъ. Начальники губерній и министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ могутъ также посылать для ревизіи своихъ чиновниковъ. Наполняются магазины ежегоднымъ взносомъ поселянами, съ каждой ревизской души по получетвертику озимаго и по 2 гарнца ярового, до тѣхъ поръ пока составитъ на всякую приписанную къ магазину ревизскую душу по 1 четверти озимаго и по $\frac{1}{2}$ четв. ярового. Капиталы продовольствія образуются сборомъ съ тѣхъ же лицъ по 10 коп., пока не составитъ 1 р. 60 коп. ассигн. на ревизскую душу; въ городахъ же мѣщане вносятъ по 15 в. съ души въ теченіе 20 лѣтъ. Всѣ продовольственные капиталы „составляютъ особую общественную собственность губерній и не могутъ быть обращаемы ни на какое другое употребленіе“.

Ссуды для продовольствія могутъ быть двухъ родовъ: 1) *частныя*, „по распоряженіямъ мѣстныхъ начальствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лишь нѣкоторыя семейства или немногія селенія постигнуты неурожаемъ, потерпѣли отъ градобитія, пожара и тому подобныхъ несчастій“; въ этихъ случаяхъ онѣ производятся лишь хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ, не свыше $\frac{1}{4}$ части наличнаго запаса и съ разрѣшенія волостного правленія, помѣщика, думы или ратуши (смотря по вѣдомству); ссуды же до половины запаса производятся съ разрѣшенія комиссіи продовольствія; и 2) *общія*, „оказываемыя съ разрѣшенія высшаго правительства по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ въ случаѣ важнаго по всей губерніи или въ большей части оной неурожая и непомѣрнаго вслѣдствіе того возвышенія цѣнъ на хлѣбъ“; онѣ производятся: или а) изъ хлѣбныхъ запасовъ, причемъ не только всѣ эти запасы могутъ быть употреблены съ вѣденія министерства внутреннихъ дѣлъ, но на тѣхъ же основаніяхъ могутъ быть передвинуты къ нуждающимся запасы другихъ волостей и уѣздовъ, а съ разрѣшенія его императорскаго величества и другихъ губерній; или б) изъ капиталовъ продовольствія „посредствомъ заимообразной выдачи денегъ нуждающимся, или же покупкою для нихъ хлѣба, смотря по удобности...“ Съ этою цѣлью „каждая комиссія продовольствія имѣетъ всегда въ распоряженіи своемъ десять тысячъ руб.“; въ видѣ же изыятія „въ случаѣ крайней нужды и для выигранія времени комиссія продовольствія можетъ сама употребить до 35.000 руб. ассигн., донося о семъ немедленно министру внутреннихъ дѣлъ“; министерствомъ же разрѣшаются сверхъ этихъ 35.000 р. ссуды еще до 50.000 руб., для болѣе же крупныхъ требуется Высочайшее соизволеніе. Комиссія продовольствія для опредѣленій своихъ о выдачѣ ссудъ собираетъ свѣденія о числѣ нуждающихся черезъ сельское начальство, помѣщиковъ, думы и ратуши, причемъ всѣ имѣющіе надобность въ пособіи по степени нужды раздѣляются на три разряда. Срокъ возврата денежныхъ ссудъ—два и три года; въ теченіе третьяго года взимается съ выданнаго капитала 6⁰/₀. Возвратъ ссудъ, выданныхъ на продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ, обеспечивается имѣніями владѣльцевъ, причемъ въ случаѣ неплаты имѣнія эти берутся въ опеку, а взысканія распространяются на все имущество; въ имѣніяхъ не-владѣльческихъ возвратъ обеспечивается круговою порукою общества. Всѣмъ хлѣбнымъ запасамъ и денежнымъ капиталамъ ведется соотвѣтствующими мѣстами и лицами подробный счетъ и ежегодно отдается отчетъ въ ихъ употребленіи.

Таковы основанія закона 5-го іюля 1834 года. Дальнѣйшее законодательство по народному продовольствію, вплоть до 1861 г., въ районѣ дѣйствія закона 5-го іюля представляетъ поясненіе, развитіе и сравнительно мелкія измѣненія этого послѣдняго. Исключеніе представляетъ законъ 1842 г. относительно обезпеченія продовольствія государственныхъ крестьянъ; исключеніемъ является онъ только по принципамъ, но вовсе не развиваетъ основное провозглашаемое имъ начало и въ подробностяхъ своихъ близко подходитъ къ закону 5-го іюля 1834 года.

Послѣ изданія закона 5-го іюля 1834 г. учрежденіе сельскихъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, конечно, не приостановилось; что же касается городскихъ запасныхъ магазиновъ, то число ихъ нѣсколько сократилось закрытіемъ смоленскаго, повѣнецкаго и астраханскаго. Умножились разряды лицъ, облагаемыхъ сборомъ на продовольствіе, присоединеніемъ сюда: вольныхъ людей, евреевъ и однодворцевъ, имѣющихъ постоянную осѣдность въ селеніяхъ, нѣкоторыхъ мѣщанъ и ямщиковъ, крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ, и водворенныхъ на казенныхъ земляхъ нижнихъ чиновъ. Явились также лица, которые, не дѣлая взносов въ магазины, пользуются изъ нихъ при недородахъ хлѣбомъ: увѣчные нижніе чины и другіе. Расширилось пространство, на которое распространялся законъ—въ предѣлы дѣйствія его включена губернія архангельская, въ губерніяхъ же сибирскихъ предоставлено „мѣстнымъ начальствамъ руководствоваться Положеніемъ 5-го іюля 1834 г. въ общихъ основаніяхъ онаго, касательно сбора хлѣба и денегъ на продовольствіе, устройство и управленіе существующихъ тамъ по указу 14-го апрѣля 1822 года сельскихъ запасныхъ магазиновъ, отчетности и оказанія пособій нуждающимся съ соблюденіемъ возможныхъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ предосторожностей“, возложивъ обязанности комиссіи народнаго продовольствія „на губернское управленіе, а обязанности предводителя дворянства и попечителя за магазинами—на окружныя управленія, земскія полиціи и городовыя начальства“. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уничтожены хлѣбные сборы и замѣнены исключительно денежными: олонеккая губернія, часть пермской и другія.

Существеннѣйшими изъ дополненій закона 5-го іюля 1834 г. были слѣдующія:

Въ томъ же 1834 г. изданы правила объ отсрочкѣ платежей по долгамъ капиталу продовольствія, лежащимъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ; такая отсрочка допускалась для имѣній, въ которыхъ долгъ, „совокупно съ недоимкою ихъ за прежнее время

до 1-го октября 1833 г. на каждую душу, не превышаетъ той суммы, какая назначена по классамъ губерній для выдачи въ ссуду съ присовокупленіемъ надбавочныхъ 50 руб. на душу“.

Въ 1837 году опредѣлены отношенія предводителя къ попечителямъ запасныхъ магазиновъ. „Надзоръ за исправнымъ содержаніемъ запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ возложенъ собственно на уѣздныхъ предводителей дворянства; попечители же магазиновъ назначены имъ только въ помощь по сей обязанности; гг. предводителямъ надлежитъ самимъ заботиться объ устраненіи встрѣчающихся въ выборѣ попечителей затрудненій отъ уклоненія дворянъ отъ сей должности и дѣйствовать своимъ личнымъ убѣжденіемъ, ибо въ противномъ случаѣ, гдѣ попечители выбраны не будутъ, обязанность по надзору за магазинами должна упасть на нихъ однихъ, какъ сіе наблюдается при отсутствіи или болѣзни помощниковъ по службѣ вообще“.

Въ 1839 г. „запасные хлѣбные магазины въ селеніяхъ казеннаго вѣдомства, вмѣстѣ съ денежными капиталами, предоставить въ полное вѣденіе министра государственныхъ имуществъ“ и зависящихъ отъ него учреждений.

Въ 1840 г. дозволено „дворянству каждой губерніи и области назначить число попечителей запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ для каждаго уѣзда и опредѣлить имъ ежегодное жалованье, включая въ оное и способы на разъѣзды, не превышая однакожь каждому 150 р. сер.“.

Въ 1841 г. признано было, что запасный капиталъ продовольствія въ 10 р. 60 к. ассигн. на душу недостаточенъ, что въ виду этого приходится обращаться къ ссудамъ изъ государственнаго казначейства или передвигать капиталы продовольствія однихъ губерній въ другія, дѣлая позаймствование съ уплатою 0/0 0/0; посему повелѣно: „внести капиталы продовольствія, въ частности принадлежащія государственнымъ крестьянамъ каждой губерніи, въ одинъ общій, съ подраздѣленіемъ онаго на капиталы продовольствія губерній, первому и второму департаментамъ государственныхъ имуществъ подвѣдомственныхъ“...

Это узаконеніе было признакомъ новаго взгляда—болѣе вѣрнаго, подробнѣе затѣмъ высказаннаго въ слѣдующемъ году, но, къ сожалѣнію, не проведеннаго съ достаточною послѣдовательностью Положеніемъ объ обезпеченіи продовольствія государственныхъ крестьянъ. „Мѣры обезпеченія основываются—говорится въ законѣ этомъ—на взаимномъ застрахованіи государственными крестьянами своего продовольствія посредствомъ опредѣленныхъ хлѣбныхъ и денежныхъ взносовъ для составленія хлѣбныхъ запасовъ“.

Но основная мысль эта не проводится черезъ весь законъ. „Положеніе“ опредѣляетъ, что „по свойству неурожаевъ, частныхъ или общихъ, хлѣбные запасы учреждаются также двоякаго рода: частные, составляемые въ селеніяхъ для обмѣненія полей и продовольствія мѣстныхъ жителей, и общіе, учреждаемые въ главныхъ пунктахъ водныхъ путей сообщенія для передвиженія по требованію обстоятельствъ“; такіе запасы составляются покупкою въ урожайные годы хлѣба главнымъ образомъ въ губерніяхъ, изобилующихъ имъ, и запасы эти хранятся въ центральныхъ магазинахъ. Сельскіе магазины наполняются такъ же, какъ и по закону 1834 г., съ тѣмъ только отличіемъ, что кромѣ взноса хлѣба отдельными лицами допускается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ введеніе общественной запашки и даются подробныя правила относительно послѣдней, случаевъ ея примѣненія и способовъ производства въ губерніяхъ, состоящихъ и на хозяйственномъ, и на оброчномъ положеніи. „По составленіи полной пропорціи запасовъ въ сельскихъ магазинахъ сборъ хлѣба въ оныя продолжается въ половину“: а) на усиленіе запасовъ, б) для продажи въ видахъ устройства центральныхъ магазиновъ, в) на составленіе хозяйственнаго капитала и другія полезныя для государственныхъ крестьянъ учрежденія. „Въ губерніяхъ промысловыхъ дозволяется, взаимнъ добавочной порціи хлѣба, вносить деньгами по цѣнѣ, назначаемой министромъ государственныхъ имуществъ“. Ссуды, какъ и по Положенію 1834 г. — частныя и общія. Денежный сборъ опредѣляется въ 6 коп. съ ревизской души; когда капиталъ дойдетъ до такой суммы, что составитъ по 48 коп. сер. на душу, то сборъ на усиленіе его уменьшается до трехъ коп. съ души. Сборъ этотъ „обращается безъ раздѣленія на губерніи на составленіе особаго запаснаго капитала подъ именемъ: продовольственнаго капитала государственныхъ крестьянъ, который состоитъ въ полномъ распоряженіи министерства государственныхъ имуществъ. По доставленіи хлѣба на мѣсто неурожая пособие государственнымъ крестьянамъ оказывается двоякимъ образомъ: а) черезъ продажу хлѣба ниже существующихъ мѣстныхъ цѣнъ по назначенію министерства и б) выдачею ссудъ. Продажа по низшей цѣнѣ производится государственнымъ крестьянамъ преимущественно въ промысловыхъ губерніяхъ при непомѣрномъ возвышеніи цѣны на хлѣбъ“. Ссуды хлѣбомъ производятся, „когда крестьяне, особенно земледѣльческихъ губерній, не имѣютъ ни хлѣба, ни способа для обмѣненія полей и продовольствія“. При увеличеніи продовольственнаго капитала отъ успѣшныхъ распоряженій служащихъ, 20% прибыли отчисляется въ ихъ пользу.

Такимъ образомъ, мысль о страховомъ значеніи сборовъ на продовольствіе выразилась только въ объединеніи всѣхъ капиталовъ продовольствія государственныхъ крестьянъ, а въ другихъ §§ закона она не нашла себѣ мѣста.

Въ дополненіе къ закону этому повелѣно въ 1844 г., — въ виду того, что въ земледѣльческихъ губерніяхъ отпускъ хлѣба опредѣляется натурою „съ возвратомъ деньгами по цѣнѣ заготовленія“, а между тѣмъ могло случиться, что хлѣбъ будетъ закупленъ по очень высокимъ цѣнамъ, — ссуды, производимыя государственнымъ крестьянамъ хлѣбомъ изъ запасовъ, покупаемыхъ во время неурожая на счетъ продовольственнаго капитала, возвращать въ послѣдующіе неурожайные годы, по назначенію министерства, съ уплатою по тѣмъ самымъ цѣнамъ, которыя опредѣляются при выдачѣ въ ссуду хлѣба изъ центральныхъ магазиновъ¹⁾.

Изложивъ главные законы по народному продовольствію въ теченіе третьяго періода, нужно бросить хотя бѣглый взглядъ на остальные мѣры, принимавшіяся въ теченіе этого времени въ районѣ дѣйствія вышеизложенныхъ законовъ. Обращаютъ на себя въ этомъ отношеніи вниманіе: а) *Ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ*. Въ 1821 г. въ губерніяхъ витебской и могилевской отпускали суммы изъ казенныхъ палатъ на продовольствіе крестьянъ помѣщичьихъ имѣній, поступившихъ въ опеку. Съ тѣхъ поръ пособія изъ кредитныхъ установленій и государственнаго казначейства сдѣлались явленіемъ обыденнымъ; особенно значительны онѣ были въ 1833 и 1834 годахъ. При неурожаѣ 1840 г. были изданы правила выдачи ссудъ изъ кредитныхъ установленій; они относились до губерній тульской, калужской и рязанской, но потомъ примѣнялись и въ другихъ случаяхъ. Въ 1846 г. допущена выдача ссудъ и для такихъ имѣній, по которымъ долги превышали банковую оцѣнку съ тѣмъ только, чтобы такіе имѣнія брать въ опеку или назначить надъ ними администрацію. б) *Разсрочка и сложеніе ссудъ недоимокъ и пенъ* по ссудамъ съ 1833 года встрѣчается довольно часто. 1) Разсрочиваются всѣ платежи, которымъ наступаютъ годовые сроки. 2) Разсрочиваются ссуды на два или на три года и даже до 10 лѣтъ. 3) Разсрочиваются годовые взносы платежей и недоимокъ въ кредитныя установленія на остальное время займовъ. 4) Разсрочиваются недоимки за хлѣбъ до 41½ года (какъ въ повѣнечкомъ уѣздѣ олонекской губерніи въ 1844 году). в) Опредѣляются *моты* главнымъ образомъ переселенцамъ по взносу

¹⁾ 2-е П. С., т. XIX, 1844 г., № 17548.

хлѣба въ магазины. г) Выдаются *денежныя и хлѣбныя пособия* *мелкимъ чиновникамъ* и служителямъ разныхъ вѣдомствъ или въ видѣ прибавки известной части жалованья, или назначеніемъ просто цифры ссуды, или выдачей мѣсячины. д) Допускается *безденежная выдача паспортовъ*, отпускъ соли въ кормъ скоту по цѣнамъ заготовленія и другія мелкія мѣры.

Во многихъ мѣстностяхъ имперіи дѣйствовали особенныя правила по обезпеченію народнаго продовольствія. Наибольшія представляли отличія остзейскій край и Сибирь. Одна общая черта проходитъ чрезъ всѣ касающіяся остзейскаго края узаконенія—народное продовольствіе обезпечивается въ немъ только хлѣбными магазинами, денежныхъ же сборовъ и запасовъ не производится; исключеніе представляетъ учрежденіе на островѣ Эзелѣ, соединившее въ себѣ функции краткосрочнаго и ипотечнаго кредита, ссуды на осушеніе болотъ и обработку пустошей, а также и обезпеченіе продовольствія хлѣбными запасными магазинами. Мѣстное управленіе магазинами въ остзейскомъ краѣ отличается большею степенью самостоятельности. Основанія обезпеченія народнаго продовольствія въ Сибири рѣзко отличались отъ принятыхъ въ центральной Россіи; магазины наполнялись не сборами съ населенія, а посредствомъ правительственныхъ закупокъ; исключеніе представляли магазины рыбные—тутъ сборъ производился съ лицъ, имѣющихъ пользоваться запасомъ; сибирскіе запасные магазины всегда открыты были для продажи хлѣба людямъ недостаточнымъ и даже для отпуска мѣсячнаго запаса лицамъ состоятельнымъ; капиталы ихъ употреблялись также на покупку инородцами оленей, пороха, пуль и т. д. Въ 1836 году дозволено было примѣнить въ Сибири правило закона 1834 года, но дозволеніемъ этимъ мѣстныя власти воспользовались мало и дѣйствующими остались прежніе порядки.

V.

Начало четвертаго періода нашего законодательства по обезпеченію народнаго продовольствія совпадаетъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Хотя послѣ 19-го февраля 1861 года и издаются еще по народному продовольствію постановленія, по духу своему мало отличающіяся отъ предъидущаго періода, но они касаются только подробностей, а между тѣмъ все яснѣе и яснѣе просвѣчиваютъ стремленія законодателя, придавшія своеобразный оттѣнокъ дѣлу обезпеченія народнаго продовольствія въ наше время.

Основными чертами законодательства являются: совершенное освобожденіе хлѣбной торговли, желаніе привлечь къ дѣлу общественныя силы, расширеніе правъ мѣстныхъ исполнителей закона и сліяніе капиталовъ разныхъ вѣдомствъ въ одинъ общій имперскій продовольственный капиталъ, пріобрѣтшій такимъ образомъ гораздо болѣе подвижность и могшій поѣтому принести гораздо болѣе пользы.

Очень интересно то, что всѣ основныя стремленія этого періода вовсе не представляются чѣмъ-нибудь новымъ въ дѣлѣ обезпеченія у насъ народнаго продовольствія.

Сознаніе необходимости освободить хлѣбную торговлю отъ стѣсненій проявилось уже въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія; не было только рѣшимости послѣдовательно провести его въ жизнь; это сдѣлано въ 60-хъ годахъ нашего вѣка.

Въ 20-хъ годахъ уже сознавали, что въ виду разнообразія экономическихъ условій разныхъ мѣстностей имперіи и различнаго положенія въ нихъ сельскаго хозяйства предпочтительнѣе въ однихъ случаяхъ хлѣбные запасы, а въ другихъ—денежныя; сознавали также, что мѣстные дѣатели должны яснѣе видѣть, деньги или магазины лучше обезпечать населеніе.

На этихъ началахъ и былъ построенъ законъ 1822 года. Я изложилъ выше, какую потерпѣлъ онъ неудачу вслѣдствіе непониманія экономическихъ вопросовъ членами тогдашняго русскаго провинціального общества и отъ отсутствія руководящихъ объясненій. Временныя правила о земскихъ учрежденіяхъ въ другихъ только словахъ предоставляютъ по обезпеченію народнаго продовольствія мѣстнымъ силамъ тѣ же права, что и законъ 1822 года—они и привлекали къ дѣлу общественныя силы и дозволяли замѣну хлѣбныхъ запасовъ денежными.

Наконецъ, сліяніе продовольственныхъ капиталовъ разныхъ вѣдомствъ въ одинъ имперскій было повтореніемъ мысли закона 1842 года о продовольственномъ капиталѣ государственныхъ крестьянъ, задача котораго была страховая. Но только законъ 1866 года былъ послѣдовательнѣе и шелъ дальше закона 1842 г.

Такимъ образомъ, особенно новаго по дѣлу обезпеченія народнаго продовольствія въ послѣднемъ прожитомъ нами періодѣ сказано или сдѣлано не было; но особый характеръ періоду дало именно совокупное примѣненіе мѣръ освобожденія хлѣбной торговли, привлеченіе мѣстныхъ силъ и сліяніе капиталовъ продовольствія.

Хлѣбная торговля, пользовавшаяся значительной свободой и въ предъидущій періодъ, становится вполне свободной. Въ 1866 г.

отмѣнены ограниченія, установленныя по торговлѣ хлѣбомъ и другими жизненными припасами въ Петербургѣ.

Въ запискѣ министра финансовъ, на основаніи которой былъ составленъ этотъ законъ, между прочимъ, сказано, что къ числу мѣръ обезпеченія продовольствія столицы отнесено—не производить закупокъ для казны и за границу изъ тѣхъ запасовъ, которые предназначаются Петербургу, а въ случаѣ надобности и вовсе не выпускать хлѣбъ за границу; съ улучшеніемъ путей сообщенія и „въ особенности съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ сохраненіе сказанныхъ постановленій, конечно, уже излишне“; невозможно услѣдить за ихъ исполненіемъ,—напр., чтобы не вывозился хлѣбъ за границу изъ Финляндіи или въ окрестности столицы; между тѣмъ установленія эти даютъ поводъ къ разнаго рода стѣснительнымъ мѣрамъ; такъ, „однажды главнымъ начальствомъ столицы сдѣлано было распоряженіе о недозволеніи покупки въ С.-Петербургѣ скота для городовъ Павловска и Царскаго-Села“, выпускъ котораго за границу въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ не прекращался; „наконецъ, разныя формальности неизбежно должны вести къ излишнимъ издержкамъ промышленниковъ, которые, само собою разумѣется, разлагаютъ эти издержки на цѣну продуктовъ.

Насколько укрѣпилась мысль, что съ развитіемъ сѣти путей сообщенія торговля хлѣбомъ сама можетъ обезпечить продовольствіе всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ центровъ, показываетъ разрѣшеніе, въ 1866 году, городамъ обращать въ фонды банковыхъ учреждений ихъ продовольственные капиталы, „въ томъ вниманіи, что жители городскихъ поселеній, получая въ торговлѣ и промыслахъ достаточныя средства къ обезпеченію собственнаго продовольствія, вообще не прибѣгали и не прибѣгаютъ къ займамъ на этотъ предметъ изъ продовольственного капитала, вслѣдствіе чего послѣдній, оставаясь при настоящемъ своемъ назначеніи, представляетъ, такъ сказать, мертвый капиталъ“.

Вывозъ хлѣбовъ сдѣланъ безпошлиннымъ и не былъ запрещаемъ вывозъ, несмотря на неурожаи 1868 и 1880 годовъ (о самарскомъ голодѣ 1873 года, какъ бѣдствіи чисто-мѣстнымъ, я не говорю); запрещеніе же вывоза изъ азовскихъ и черноморскихъ портовъ хлѣба въ 1877 году объясняется, какъ упомянуто выше, тогдашней войной съ Турціей.

Положеніемъ 19-го февраля 1861 года помѣщики были освобождены отъ лежавшей прежде на нихъ обязанности продовольствовать крестьянъ во время неурожаевъ. Явилась поэтому необходимость устройства продовольственной части въ се-

леніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Сдѣлано это было цѣлымъ рядомъ узаконеній. Начало положено правилами 24-го декабря 1862 года, которыя позднѣе легли въ основу узаконеній о продовольственной части у крестьянъ и другихъ наименованій. Правилами этими упразднена должность попечителей запасныхъ магазиновъ, обязанности которыхъ переданы сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ. Мѣрскимъ сходамъ предоставлено „отпускъ хлѣба на посѣвы производить крестьянамъ, дѣйствительно нуждающимся въ хлѣбѣ для обсемененія полей, выдавая каждому не болѣе количества, потребнаго на засѣяніе обрабатываемой имъ земли; *выдачу хлѣба на продовольствіе разрѣшать единственно нуждающимся* крестьянамъ и притомъ *въ мѣру дѣйствительной необходимости, не допуская ни въ какомъ случаѣ раздѣленія хлѣбныхъ запасовъ пополюно между всеми крестьянами*“. Установлено было также, что „выданныя ссуды, какъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, такъ и изъ продовольственнаго капитала *взыскиваются съ лицъ, получившихъ таковыя; при совершенной же несостоятельности ихъ возмѣщаются въ общества*“; возвратъ ссудъ долженъ быть производимъ изъ перваго и во всякомъ случаѣ не позднѣе, какъ изъ втораго урожая; процентовъ по ссудамъ изъ продовольственныхъ капиталовъ не насчитывается.

Въ 1864 году временными правилами для земскихъ учреждений завѣдываніе дѣломъ продовольствія передано въ значительной его части изъ рукъ администраціи въ распоряженіе земства. При этомъ „земскія учрежденія не входятъ въ непосредственныя распоряженія по вносу, храненію и расходованію хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ сельскихъ обществъ, предоставляя это усмотрѣнію общественныхъ сходовъ“... Управы разсматриваютъ и утверждаютъ постановленія сельскихъ сходовъ объ обращеніи хлѣбныхъ запасовъ въ денежные капиталы; онѣ „ограничиваются надзоромъ за ненарушеніемъ сходовъ“... „правилъ о запасахъ“; онѣ могутъ „производить ревизіи и удостовѣренія на мѣстѣ черезъ своихъ членовъ“ и о виновныхъ доносить по принадлежности. „Продовольственные капиталы и хлѣбные запасы передаются въ распоряженіе земскихъ учреждений каждой губерніи“. Отъ усмотрѣнія земскихъ собраній зависитъ „учрежденіе сборовъ на продовольствіе для усиленія продовольственнаго капитала“. Управы опредѣляютъ необходимость выдачи пособій, размѣръ ихъ и сроки возврата. Ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ могутъ производиться какъ для покупки хлѣба въ общественные запасы, такъ и для раздачи денегъ на руки; но „закупка хлѣба для продовольствія самими управами допускается по положи-

темной о томъ просить нуждающагося общества". Сложение п
разсрочка недоимокъ по ссудамъ зависать отъ губернскаго зем-
скаго собранія.

При передачѣ въ 1866 году государственныхъ крестьянъ изъ
вѣденія министерства государственныхъ имуществъ въ вѣденіе
министерства внутреннихъ дѣлъ постановлено, что „хлѣбные за-
пасы въ казенныхъ селеніяхъ и мірскіе капиталы, принадлежащіе
обществамъ государственныхъ крестьянъ, предоставляются въ рас-
поряженіе сихъ обществъ на основаніяхъ, установленныхъ для
крестьянъ—временно-обязанныхъ и собственников“.

25-го апрѣля 1866 года изданъ законъ, которымъ внесены
весьма важныя измѣненія въ системѣ обезпеченія народнаго
продовольствія. Въ совокупномъ представленіи министровъ внут-
реннихъ дѣлъ, императорскаго двора, государственныхъ иму-
ществъ и финансовъ, говорилось между прочимъ: „хотя по По-
ложенію 1834 года счетъ капиталамъ велся отдѣльно по губер-
ніямъ,—но недостаточность мѣстныхъ капиталовъ неоднократно
заставляла прибѣгать къ займамъ изъ капиталовъ другихъ губер-
ній, вслѣдствіе чего нѣкоторыя губерніи задолжали значительныя
суммы другимъ; такимъ образомъ, съ самаго начала собран-
ныя суммы по необходимости приняли характеръ общаго продо-
вольственнаго капитала по имперіи“. Продовольственные капи-
талы „составляли постоянно по всѣмъ вѣдомствамъ общій источ-
никъ, къ которому вѣдомства эти обращались для покрытія нуждъ,
въ случаѣ неурожаевъ и другихъ бѣдствій; причемъ только одно
министерство внутреннихъ дѣлъ вело счеты капиталу по губер-
ніямъ, по другимъ же капиталъ этотъ обращался въ общую
массу. Равномѣрное распредѣленіе всего продовольственнаго ка-
питала между губерніями представляется положительно невоз-
можнымъ; съ другой стороны, передача всего капитала земскимъ
учрежденіямъ поставила бы правительство въ крайнее затрудне-
ніе при тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе значительнаго неурожая
въ какой-либо мѣстности, мѣстныя средства оказались недоста-
точными...“

Въ виду такихъ соображеній законъ опредѣлилъ „изъ общей
массы продовольственныхъ капиталовъ вѣдомствъ: внутреннихъ
дѣлъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ отчислить: а) по
48 в. с. на каждую ревизскую мужескаго пола душу всѣхъ во-
обще сословій, участвовавшихъ въ составленіи означенныхъ ка-
питаловъ, и образовать изъ этихъ отчисленій губернскіе продо-
вольственные капиталы, по числу ревизскихъ душъ въ каждой гу-
берніи, съ тѣмъ, чтобы капиталы эти не были обращаемы на ка-

кое-либо другое употребленіе, кромѣ заимообразныхъ, въ предѣлахъ той губерніи, которой принадлежитъ капиталъ, пособій на обрѣженіе полей и продовольствіе, и б) по 52 к. на каждую ревизскую мужескаго пола душу изъ тѣхъ сословій, которыя подлежали денежному на продовольствіе сбору въ размѣрѣ 1 руб., именно: мѣщанъ и другого званія городскихъ обывателей и изъ поселенныхъ въ нѣкоторыхъ частныхъ имѣніяхъ крестьянъ, составивъ изъ этихъ 52-хъ копѣчныхъ отчисленій мѣстныя подлежащихъ городскихъ или сельскихъ обществъ денежные средства, назначаемыя исключительно на предметъ продовольствія. За произведеннымъ отчисленіемъ изъ продовольственныхъ капиталовъ *остающіяся суммы, какъ въ наличности, такъ въ ссудахъ и недоимкахъ обратить въ общій продовольственный капиталъ по имперіи* (за исключеніемъ кавказскаго края и тѣхъ губерній, въ коихъ сборъ въ продовольственный капиталъ не производится) *для производства изъ оного на продовольствіе пособій въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда при сильныхъ неурожаяхъ существующіе хлѣбные запасы и продовольственные, губернскіе и другіе мѣстные капиталы въ той или другой губерніи будутъ оказываться недостаточными.* Возложить завѣдываніе симъ капиталомъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, причислить оныя подъ наименованіемъ „общій продовольственный капиталъ“ въ спеціальнымъ средствамъ министерства“.

Взимающійся на составленіе продовольственныхъ капиталовъ сборъ съ податныхъ сословій прекращенъ, за исключеніемъ взиманія остававшихся по немъ недоимокъ. Центральные магазины министерства государственныхъ имуществъ переданы въ вѣденіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣднему поручено составить рядъ правилъ: „о завѣдываніи общимъ продовольственнымъ капиталомъ и о выдачѣ изъ него пособій; о порядкѣ завѣдыванія центральными магазинами; объ охраненіи хлѣбныхъ сельскихъ запасовъ отъ непредусмотрительнаго распоряженія ими запасами со стороны самихъ сельскихъ обществъ“.

Порученія эти были исполнены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ слѣдующемъ 1867 г.

Прежде всего внесено было представленіе о центральныхъ хлѣбныхъ магазинахъ. Министерство находило, что магазины эти „по своему положенію въ мѣстностяхъ, путемъ хлѣбной торговли обезпеченныхъ отъ рѣшительнаго недостатка хлѣба, не могутъ принести значительной пользы крестьянамъ, живущимъ недалеко отъ нихъ“, „что съ пополненіемъ сельскихъ магазиновъ до установленнаго размѣра по 1 1/2 четв. на душу составляетъ столь

огромная масса запаснаго хлѣба, отъ 500.000 до 800.000 и даже 1.000.000 четвертей въ губерніи, при которой содержаніе, въ центральныхъ магазинахъ, запаса отъ 10 до 30.000 четверт., назначеннаго для нѣсколькихъ губерній, не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на облегченіе обывателей въ средствахъ продовольствія. Между тѣмъ заготовленіе и храненіе и этихъ незначительныхъ хлѣбныхъ запасовъ сопряжено со многими неудобствами и немаловажными издержками". Послѣдствіемъ такого представленія было послѣдовательное закрытіе центральныхъ запасныхъ магазиновъ.

Послѣ вопроса о центральныхъ хлѣбныхъ магазинахъ рѣшено было, что *общій по имперіи продовольственный капиталъ назначается главнымъ образомъ „для оказанія ссудъ на продовольствіе и обѣщаніе полей въ крайнихъ случаяхъ по совершенномъ истощеніи въ какой-либо губерніи или области какъ сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ и губернскаго продовольственнаго капитала“*. Ссуды изъ капитала этого—на сроки отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ,—*„разрѣшаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по представленіямъ губернаторовъ, основаннымъ на постановленіяхъ губернскихъ земскихъ управъ или продовольственныхъ комиссій, съ тѣмъ, однако, чтобъ министерство на одну губернію разрѣшало ссудъ не свыше 50.000 руб. въ годъ; на расходы же, превышающіе эту сумму, испрашивало Высочайшее разрѣшеніе черезъ комитетъ министровъ“*. „Разрѣшенные въ выдачѣ суммы зачисляются: по губерніямъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, *безпроцентнымъ на 3 года долгомъ на мѣстной губернской земской управѣ, которая распоряжается какъ выдачею ссудъ нуждающимся, такъ и возвратомъ оныхъ въ общій продовольственный капиталъ въ назначенному сроку“*. *Въ губерніяхъ же, гдѣ земскія учрежденія не введены, ссуда зачисляется безпроцентнымъ, на три года долгомъ на надлежащихъ сельскихъ или городскихъ обществахъ“*. „Слѣдующія въ общій продовольственный капиталъ *недвижки, по установленному въ оный сбору, могутъ быть признаны безнадежными ко взысканію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда при несостоятельности лицъ, съ коихъ онъ подлежитъ къ сбору, поступленіе ихъ не обезпечивалось круговою порукою“*. Наконецъ, мин. внутреннихъ дѣлъ предоставлено, „впредь до изданія особыхъ правилъ, относительно выдачи хлѣбныхъ ссудъ изъ общественныхъ сельскихъ магазиновъ“ распорядиться, чтобы: а) въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ не введены земскія учрежденія, ссуды на посѣвъ и продовольствіе изъ сельскихъ магазиновъ и также ссуды изъ капиталовъ, переданныхъ въ завѣдываніе мѣщанъ и другихъ со-

словій и обществъ, разрѣшались мѣстными комиссіями народнаго продовольствія, когда требуется выдача до половины хранящагося на-лицо хлѣба или капитала, а свыше этого количества—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; въ губерніяхъ же, гдѣ существуютъ земскія учрежденія, такія ссуды, до половины наличныхъ запасовъ и капиталовъ, допускались съ разрѣшенія уѣздныхъ управъ, а свыше этого количества—съ утвержденія губернской управы.

Положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія установлены для губерній, не имѣющихъ земскихъ учреждений, порядковъ и условія замѣны сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами; имъ опредѣлено, что *„замѣна хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами можетъ быть разрѣшаема только обществамъ такихъ селеній, гдѣ хлѣбопашество не составляетъ главнаго занятія жителей и гдѣ поэтому содержаніе хлѣбныхъ запасовъ обременительно для крестьянъ, а денежные капиталы могутъ достаточно обезпечить нужды народнаго продовольствія“*. Для такой замѣны требуется приговоръ сельскаго схода, составленный не менѣе какъ $\frac{2}{3}$ голосовъ лицъ, составляющихъ сходъ; приговоръ, черезъ предводителя дворянства съ заключеніемъ его, представляется на утвержденіе соединеннаго присутствія комиссіи народнаго продовольствія и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и затѣмъ доводится до свѣденія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Самарскій голодъ 1873 года далъ толчокъ дальнѣйшему развитію законодательства нашего по обезпеченію народнаго продовольствія. Новыхъ взглядовъ по крупнымъ вопросамъ продовольствія въ законъ внесено не было, но зато даны земскимъ учреждениямъ болѣе подробныя указанія, какъ дѣйствовать и въ обыкновенное время для сбора и храненія запасовъ, и въ случаяхъ, когда является потребность въ продовольственныхъ ссудахъ.

Главное въ этомъ отношеніи значеніе имѣли, конечно, правила 21-го мая 1874 года.

Ими опредѣлено: „уѣздныя земскія управы, по полученіи приговоровъ сельскихъ обществъ о выдачѣ ссудъ изъ хлѣбныхъ запасовъ, а равно изъ замѣняющихъ оныя общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ, распоряжаются о производствѣ, черезъ одного изъ членовъ своихъ или гласнаго, уполномоченнаго на то земскимъ собраніемъ, мѣстнаго дознанія о дѣйствительномъ положеніи нуждающихся членовъ общества, о чемъ составляется *актъ съ означеніемъ въ ономъ числа и состава нуждающихся семействъ и количества находящагося въ общественномъ магазинѣ хлѣба“*.

Ссуда разрѣшается уѣздной управой, если по выдачѣ ея останется все же не менѣ половины установленныхъ запасовъ; иначе дѣло представляется въ губернскую управу съ заключеніемъ уѣздной.

Заготовленіе хлѣба управа „предоставляетъ непосредственному распоряженію сельскаго общества“, при чемъ выдаетъ впередъ лишь сумму, необходимую для задатка.

Хлѣбъ раздается членамъ обществъ, внесеннымъ въ актъ; „половое“ же *раздѣленіе запаса строго воспрещается, подѣ ответственностію сельскаго начальства*“.

Возвращаются ссуды изъ перваго урожая, а при невозможности этого управы могутъ отсрочить вернуть, но не свыше, однако, какъ на два года.

Для наблюденія за дѣйствіями сельскихъ обществъ управы производятъ ревизіи черезъ членовъ; „члены управы удостовѣряются: состоитъ ли въ магазинѣ должествующее находится въ наличности количество хлѣба, хорошаго ли качества этотъ хлѣбъ, а также вполнѣ ли правильно и согласно съ данными разрѣшеніями производились ссуды и своевременно ли онѣ возвращаются“.

Надзоръ за дѣломъ продовольствія лежитъ на губернаторахъ, которые могутъ и ревизовать запасы. „Опредѣленія сельскихъ сходовъ объ обращеніи хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ въ денежныя общественныя капиталы представляетъ уѣздная управа съ ея заключеніемъ на утвержденіе губернской управы, которая разрѣшаетъ такую мѣру лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по имѣющимся въ виду ея даннымъ, такая замѣна хлѣбныхъ запасовъ денежными признается возможною и съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы замѣнѣ установленнаго количества хлѣба были внесены деньги по высшей изъ годовыхъ средне-сложныхъ справочныхъ цѣнъ въ теченіе предшествовавшихъ 10 лѣтъ; во-вторыхъ, чтобы распродажа хлѣбныхъ запасовъ разрѣшалась лишь въ мѣрѣ, соответствующей сдѣланнымъ въ дѣйствительности, замѣнѣ ихъ, денежнымъ взносамъ, а самыя магазины предоставлялись въ распоряженіе сельскаго схода не иначе какъ по взносу всего общественнаго продовольственнаго капитала“.

Общественныя продовольственныя капиталы вносятся по распоряженію управъ въ государственныя кредитныя установленія на текущій счетъ или срочными вкладами, или обращаются въ государственныя процентныя бумаги или гарантированныя правительствомъ акціи и облигаціи.

Такой же, какъ и правила 20-го мая, характеръ разъясненія или даже только болѣе подробнаго изложенія дѣйствующаго закона

имѣть постановленіе 11-го ноября 1874 года, по которому сумм, разрѣшенныя къ выдачѣ изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, „зачисляются по губерніямъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, безпроцентнымъ на три года долгомъ на мѣстной губернской земской управѣ, которая распоряжается какъ выдачею ссудъ нуждающимся, такъ и возвратомъ оныхъ въ общій продовольственный капиталъ въ означенному сроку“.

Но въ томъ же 1874 году состоялось узаконеніе, указывавшее на нѣкоторый поворотъ во мнѣніяхъ по дѣлу обезпеченія продовольствія, поворотъ въ пользу запасовъ хлѣбомъ въ натурѣ, — а именно, разрѣшена была, въ виду нѣсколькихъ частныхъ ходатайствъ, обратная замѣна денежныхъ общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ хлѣбными запасами.

Къ концу 1874 года выработалась почти цѣликомъ вся система законодательства нашего по обезпеченію народнаго продовольствія, дѣйствующая теперь во всѣхъ управляемыхъ на общемъ основаніи губерніяхъ и внесенная въ послѣднее (1889 года) изданіе устава народнаго продовольствія. Законодательная дѣятельность по обезпеченію народнаго продовольствія съ 1874 года затихаетъ и изъ новыхъ, относящихся сюда, постановленій обращаютъ на себя особенное вниманіе только два. Первымъ, состоявшимся 15-го февраля 1883 года, установлено, что продовольственные общественные капиталы, хранясь въ вѣденіи земскихъ управъ и замѣняющихъ ихъ учрежденій, „употребляются исключительно на продовольственные и сѣменные нужды сословій и обществъ, причемъ никакія изъ сего источника позаймствованія для удовлетворенія другихъ потребностей не допускаются“. Вторымъ важнымъ за послѣдніе годы узаконеніемъ по продовольственной части является Высочайше утвержденное 23-го мая 1886 года Положеніе комитета министровъ, которымъ повелѣно „распубликовать установленнымъ для правительственныхъ распоряженій порядкомъ, что, на точномъ основаніи дѣйствующихъ узаконеній объ условіяхъ обезпеченія народнаго продовольствія въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія, *отвѣтственность за исправный возвратъ правительству ссудъ, выдаваемыхъ изъ названнаго капитала губернскимъ земскимъ учрежденіямъ, лежитъ на сихъ послѣднихъ*, по принадлежности, съ тѣмъ, что *отъ нихъ, при содѣйствіи губернскаго начальства, зависитъ принимать потребныя въ установленномъ порядкѣ мѣры къ возмѣщенію упомянутыхъ ссудъ съ лицъ, воспользовавшихся ими отъ земствъ*“.

Е. КАРТАВЦЕВЪ.

ВІОЛЕТТА МЕРІАНЪ

Романъ, соч. Огюстена Филона.

Съ французскаго.

V *).

Три года прошло—въ томъ числѣ и роковой 1871 годъ. Гдѣ же находимъ мы Віолетту Меріанъ осенью 1871 года?

Очень далеко отъ лучезарнаго мыса Круазетъ, гдѣ она провела такіе счастливые дни, — а именно, въ скромной комнатѣ меблированной квартиры въ улицѣ Туръ-д'Одръ, въ Булони.

Можно прожить цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы въ этомъ городѣ, не подозрѣвая о существованіи этой многолюдной и бѣдной улицы, окаймленной лавками, гдѣ сосредоточивается торговля предметами, необходимыми для моряковъ. Со стороны моря туда добираешься сквозь сѣть проулочковъ съ очень крутымъ подъемомъ, а пройдя ее вдоль, спускаешься къ некрасивымъ улицамъ, господствующимъ надъ сырмъ кварталомъ Тентельери, всегда печальнымъ и угрюмымъ, за исключеніемъ базарныхъ дней.

Віолетта занимаетъ маленькую, бѣдно убранную комнатку надъ лавкой дрогиста. Въ этой комнатѣ двѣ кровати: одна большая, другая маленькая. На столѣ остатки ужина. Маленькая, семи или восьми-лѣтняя дѣвочка сидитъ около Віолетты. Не трудно узнать въ ней Мадлену, хотя она не похорошѣла. Свѣтлые и нѣжные какъ полкъ первые волосы выпали послѣ болѣзни и смѣнились каштановыми, толстыми и неповоротливыми во-

---

*) См. выше: январь, стр. 230.

лосами. Черты утратили первоначальную правильность, а кожа — бѣлизну и нѣжность. Физиономіи недостаетъ подвижности, составляющей главную прелесть дѣтскихъ лицъ.

Мы застаемъ ихъ въ сумерки сентябрьскаго вечера. Въ полуоткрытое окно доносится стукъ деревянныхъ башмаковъ, дѣтскіе голоса въ перемежку съ вечернимъ колокольнымъ звономъ. Мадлена только-что прочитала вечернюю молитву; она встала съ коленъ, раскинула коврикъ, сложенный ею вчетверо для молитвы, чтобы не чувствовать холодъ кирпичнаго пола. Она раздѣвается съ задумчивымъ видомъ. Вотъ она легла... Віолетта заботливо укутала ее одѣяломъ, подоткнула его со всѣхъ сторонъ, поцѣловала дѣвочку въ лобъ, но выраженіе угрюмой задумчивости не покидаетъ сѣрыхъ глазъ ребенка.

— О чемъ ты думаешь, милочка?—спрашиваетъ Віолетта.

— Ни о чемъ.

Воцаряется молчаніе; затѣмъ дѣвочка безъ приглашенія начинается монотоннымъ и ворчливымъ голосомъ, въ которомъ сонливость борется съ *idée fixe*:

— Ты меня заставляешь каждый вечеръ молиться за папѣ и за мамѣ. Но гдѣ же они, мой папа и моя мама? Почему мы не пойдѣмъ съ ними повидаться? скажи!.. Вчера маленькій мальчикъ и маленькая дѣвочка, съ которыми я играла на пескѣ, хотѣли меня взять съ собой искать крестовъ. Они мнѣ сказали:—Поди попросись у твоей мама. — Ты сидѣла на складномъ стулѣ и чинила бѣлье. Я сказала: это не моя мама. А тогда маленький мальчикъ спросилъ:—А кто же она?—А я сказала:—Это Віолетта.—А онъ сказалъ:—А кто это Віолетта? Тогда я сказала:—Я не знаю. Тогда они стали смѣяться, и я не захотѣла больше съ ними играть... Скажи въ самомъ дѣлѣ, почему ты не моя мама?

Віолетта искала отвѣта, но, въ счастію, ребенокъ, охваченный сномъ, уже перенесся въ страну грезъ. Тогда Віолетта съ большой осторожностью разняла худенькія ручки, обвитыя вокругъ ея шеи, накрыла ихъ одѣяломъ, надѣла шляпу, вышла на цѣпочкахъ и сошла на улицу.

Она быстро шла. По вечерамъ этотъ кварталъ полонъ гуляющихъ, полупьяныхъ и ищущихъ вульгарныхъ приключеній. Но молодая дѣвушка шла тѣмъ быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ, который во всѣхъ странахъ означаетъ: я знаю куда иду, ни на кого не гляжу и никого не слушаю.

Она замедлила шагъ въ улицѣ Сиблекенъ и остановилась передъ большимъ магазиномъ модъ и бѣлья подъ вывѣской „Св.

Христофора“. „Св. Христофоръ“, какъ принято называть магазинъ въ Булони, содержится уже въ теченіе тридцати лѣтъ дѣвками Макелье. Младшая Эрнестина какъ разъ въ эту минуту наблюдала по обыкновенію за тѣмъ, какъ закрывали ставни, такъ какъ магазинъ готовились запереть.

Віолетта подошла къ ней и застѣнчиво сказала:

— Я пришла за отвѣтомъ. Надѣюсь, что мѣсто еще не занято?

И кончикомъ перчатки она указала на ярлыкъ, приклеенный къ стеклу изнутри лавки со словами: „*Требуется особа для англійской переписки*“.

Эрнестина очень смутилась.

— Нѣтъ,—отвѣчала она:—но... моя сестра съ вами поговорить.

M-me Макелье старшая стояла за прилавкомъ, выправившись съ достоинствомъ. Строгое лицо ея обрамлялось двумя длинными сѣдыми бровями, которыя казались еще длиннѣе отъ накрахмаленныхъ лопастей допотопной кружевной косыночки.

— Я пришла справиться насчетъ англійской переписки, — пролепетала Віолетта.

— Очень жаль, но это невозможно.

— Ахъ!—съ отчаяніемъ вздохнула Віолетта:—могу я спросить о причинѣ?

— Это положеніе ниже васъ, — залепетала Эрнестина:— мы платимъ очень мало. Дѣла идутъ такъ худо!

— Дѣла идутъ такъ, какъ должно,—строго перебила старшая сестра.—Но правда—то, что наши заказчики принадлежать къ городской аристократіи. Эти дамы очень строги насчетъ нравственности.

— Нравственности? Я васъ не понимаю.

— А, кажется, очень понятно. Эта дѣвочка, которая при васъ...

— Я ея воспитательница; ея родные поручили мнѣ ее.

— Но почему же въ такомъ случаѣ они не платятъ вамъ за ея содержаніе?

— Это длинная исторія...

— Я васъ не спрашиваю...

Віолетта, сначала покраснѣвшая, теперь поблѣднѣла.

— Итакъ, вы думаете... Помилуйте, да это нелѣпо!.. Я всего на четырнадцать лѣтъ старше Мадлены.

— Вы очень хорошенькая,—продолжала m-me Макелье старшая такимъ тономъ, который ясно показывалъ, какое это важное преступленіе въ ея глазахъ.—Вы очень хорошенькая и ка-

жетесь очень молодою, но наружность ничего не доказываетъ. Я не могу показывать вашего метрическаго свидѣтельства всѣмъ лицамъ, приходящимъ въ магазинъ.

— Прощайте!—сказала Віолетта.

Она быстро направилась къ двери. Эрнестина шепнула ей на ухо:

— Я вамъ буду давать работу безъ вѣдома сестры.

Но молодая дѣвушка была уже на улицѣ. Она шла скорымъ шагомъ, подгоняемая словами, только-что услышанными ею, и звономъ колоколовъ, точно смѣявшихся надъ нею.

Изморозь или просто туманъ,—но нѣсколько холодныхъ капель упали въ воздухъ. Около Тентельерійскаго квартала на освѣщенныхъ углахъ прохаживались медленно подъ дождемъ неопредѣленные тѣни. Она подумала о черныхъ нѣдрахъ позорной нищеты, мимо которой проходила, и содрогнулась. Холодъ пробѣжалъ у нея по жиламъ, и она плотнѣе закуталась въ жиденькую лѣтнюю мантильку.

Минуту спустя молодая дѣвушка вернулась къ себѣ. Мадлена мирно спала. Віолетта прикрыла ее платкомъ сверху одеяла и, наклонившись къ ней, тихонько ее поцѣловала. Слеза выкатилась изъ ея глазъ на лобъ ребенка.

— Бѣдная, бѣдная!—прошептала Віолетта.—Узнаешь ли ты когда-нибудь, какъ дорого ты мнѣ стоишь!

Она задула свѣчу. Комнаты освѣщались только фонаремъ, качавшимся у дверей дрогиста. Въ этой полутьмѣ Віолетта провела много часовъ неподвижная и задумчивая.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія, которой m-lle Малель старшая не хотѣла выслушать.

Послѣ внезапнаго отъѣзда Филиппа де-Наваренъ зима протекла безъ всякихъ приключеній на виллѣ Марини. Віолетта занималась воспитаніемъ ребенка, стараясь посвятить христіанскіе сѣмена въ душу маленькой язычницы.

Вмѣстѣ съ экономкой, садовникомъ и его семьей, Репарата, возведенная въ званіе кухарки, дополняла гарнизонъ виллы.

Несмотря на ея большую молодость, Віолетту слушались; благодаря обаянію ея манеры—спокойной, ласковой—и образованія, никто не думалъ оспаривать у нея бразды правленія. Каждый мѣсяцъ повѣренный герцога присылалъ сумму денегъ, считавшуюся необходимой на веденіе дома, но большая часть этихъ денегъ не истрачивалась, а откладывалась въ банкъ на всякій случай.

М-ше Витали писала изъ Мадрида; перо ея было такъ же тяжело и неуклюже, какъ языкъ проворенъ и боекъ.

„Удостоверяемъ васъ, что мы живы и здоровы — я и госпожа“. Письма были наполнены жалобами на кухню и стирку, на хлопоты „съ господскими вещами“. Она не забывала прибавлять, что она „соскучилась по м-лле Мадленѣ“. Перваго января Нелли прислала драгоценные уборы въ подарокъ маленькой дочери. Голоминъ, „пребывавшій въ Мадридѣ и очень любившій дѣтей“, просилъ позволенія послать съ своей стороны конфеты.

Весною пришелъ приказъ ѣхать въ Монтрѣ, на берега Женевского озера, гдѣ заранѣе была нанята квартира. Герцогъ и его фаворитка должны были тамъ съѣхаться, но лѣто прошло, а они такъ и не появились. Осенью Віолетта получила странное сообщеніе отъ м-ше Витали. Отнынѣ присылка денегъ повѣреннымъ де-Наварена будетъ прекращена. *Ни подъ какимъ предлогомъ* (слова эти были подчеркнуты два раза) м-лле Меріанъ не должна была обращаться къ герцогу. Такъ было безповоротно рѣшено между господами. Сама госпожа будетъ теперь присылать ежемѣсячныя деньги на содержаніе ребенка, но только сумма значительно сократится. Слѣдуетъ, отпустивъ экономку, оставить няньку и Репарату, если ея довольны, и вести хозяйство такъ, чтобы на него хватало трехсотъ франковъ въ мѣсяцъ.

Віолетта была удивлена этой переменной, этимъ таинственнымъ запрещеніемъ, равнодушіемъ герцога къ нѣжно-любимому ребенку. Она страдала отъ мысли, что теперь ея положеніе при Мадленѣ будетъ зависѣть отъ Нелли. Но поздно было раздражаться или огорчаться. Она незамѣтно такъ привязалась къ дѣвочкѣ, что не могла уже разстаться съ нею безъ горя.

Въ началѣ 1870 г. Віолетта съ своей воспитанницей жила въ деревнѣ, у одного винодѣла около Лозанны. Нелли, писавшая поочередно изъ Одессы и Каира, возвѣстила, что прежде, чѣмъ отправиться въ Рио-ди-Жанейро, она проѣдетъ черезъ Парижъ, гдѣ желаетъ свидѣться съ дочерью. Віолетта пустилась въ путь съ Мадленой. Въ Парижѣ онѣ прождали два дня въ указанномъ отелѣ. Въмѣсто танцовщицы пришла телеграмма изъ Бордо: „пароходъ отходитъ; она посылаетъ поцѣлуй Мадленѣ“.

На другой день письмо оттуда же предписывало Віолеттѣ поселиться на берегу моря „въ такомъ мѣстѣ, гдѣ жизнь дешева“, такъ какъ содержаніе сокращается до двухсотъ франковъ.

Въ тотъ же вечеръ Віолетта уѣхала въ Булонь.

Деньги, приславшіяся до тѣхъ поръ довольно аккуратно, стали приходять рѣдко и неаккуратно. Письма м-ше Витали то-

же становились рѣдкими и зловѣщими. Въ первомъ она клала морскую болѣзнь и отчаянное морское плаваніе. Затѣмъ пошли иныя жалобы. Все тамъ было северно; все шло худо. Директоръ театра нищій и не платитъ денегъ. У m-ше Витали разыгрались ревматизмы; госпожѣ тоже нездоровится; она совсѣмъ не то, что была прежде.

Скоро за четыре мѣсяца оказалась просрочка. Витали прислала небольшую сумму. „Дѣлайте какъ знаете, расплатитесь съ самыми неотложными долгами. Также приходится подчасъ. Мы и не то видали съ госпожой!“

Віолетта черпала изъ сбереженій, накопленныхъ въ первый годъ, и съ ужасомъ видѣла, какъ таетъ ея запасъ. Тѣмъ временемъ вспыхнула война. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ она не получала изъ Бразиліи ни денегъ, ни извѣстій. Какъ во время осады, ей приходилось сокращать лишніе рты. Віолетта не знала, какъ ей быть и какимъ образомъ водворить Репарату на родинѣ, когда та пришла со слезами объявить, что уходитъ отъ нея, потому что нашла себѣ мужа. Дикарка превратилась въ красивую дѣвушку. Ея большіе глаза и черные волосы вскружили голову бѣлокурому фермеру изъ окрестностей Портеля; онъ каждый день проѣзжалъ съ тележкой мимо ихъ дома и снабжалъ ихъ молокомъ и масломъ.

Наставница и маленькая дѣвочка прожили въ полной безвѣстности долгіе и ужасные мѣсяцы этой страшной зимы. Віолетта нѣсколько разъ писала въ Бразилію, но не получала отвѣта. Кто-то сказалъ ей, что война произвела безпорядокъ и путаницу во всѣхъ сообщеніяхъ даже внѣ округа, занятого военными операціями. Но съ весны 1871 г. всѣ сомнѣнія разсѣялись.

Такъ какъ мать Мадлены не давала больше признаковъ жизни, то не обязана ли она обратиться къ отцу, пренебрегая негѣлымъ запрещеніемъ?

Въ эпоху коммуны Віолетта, взглянувъ въ одну газету, которую ее снабдили, прочитала имя Наварена. Дѣло шло какъ разъ о Филиппѣ. Газета припоминала его доблестное поведеніе въ Кульмѣ и при отступленіи на Мансъ, и хотя онъ и не думалъ выступать кандидатомъ и нисколько о томъ не хлопоталъ, одинъ изъ западныхъ департаментовъ, гдѣ находились его родовыя помѣстья, выбралъ его депутатомъ въ національное собраніе. Онъ уже два или три раза обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ.

Въ ту эпоху замѣчалось какое-то обновленіе, какое-то мимолетное усиленіе вліянія и блеска стариннаго французскаго дворян-

ства, и оно какъ будто готовилось вернуть первенство, утраченное имъ въ послѣдніа восемьдесятъ лѣтъ. Герцогъ де-Наваренъ, казалось, призванъ играть первенствующую роль въ числѣ этихъ молодыхъ людей, которые были вмѣстѣ вельможами, политиками и воинами, и отъ которыхъ Франція много ожидала.

Біолетта колебалась обратиться къ нему. Кромѣ запрещенія Нелли, ее удерживалъ какой-то тайный стыдъ, связанный съ воспоминаніями о виллѣ Марини. Она думала, что поспѣетъ еще, и переѣхала изъ улицы Бостонъ, гдѣ занимала двѣ комнаты, въ улицу Туръ д'Одръ, гдѣ удовольствовалась одной комнатою для себя и Мадлены.

Резервъ уменьшался съ мѣсяца на мѣсяцъ, и Біолетта могла уже съ точностью рассчитать день, когда останется безъ гроша. Она укоряла себя, что такъ долго черпала изъ „капитала“ Мадлены и жила на ея счетъ. Она рѣшила зарабатывать свое пропитаніе и дѣвочки. И это рѣшеніе не было для нея результатомъ геройскихъ усилій. Ей даже и въ мысль не приходило, что она исполняетъ сверхъ того, къ чему обязываетъ ее долгъ, принимая на свое попеченіе постороннюю дѣвочку, которую небрежность и эгоизмъ родителей посадили ей на шею. Напротивъ того, она очень хорошо сознавала, что истиннымъ бѣдствіемъ для нея будетъ появленіе родной матери, когда та потребуетъ отъ нея свою дочь. Это событіе—такое, казалось бы, натуральное и предусмотрѣнное—было бы для нея настоящей катастрофой.

Она стала искать работы. Отчего бы ей не давать уроковъ англійскаго языка французенкамъ и французскаго англичанкамъ? По совѣту одного книгопродавца она напечатала объявленія въ газетахъ и скоро узнала, что въ городѣ имѣется больше учителей, чѣмъ учениковъ. Она подумала о какой-нибудь торговой должности, и первымъ опытомъ ея въ этомъ родѣ было обращеніе къ дѣвкамъ Макелье. Тутъ отказъ сопровождался еще и оскорбленіемъ. Она думала посвятить Мадленѣ только жизнь, а оказывалось, что приходится жертвовать и своей репутаціей.

Она не спала эту ночь, но приняла великое рѣшеніе. Когда дѣвочка проснулась, она сказала ей, цѣлуя ее:

— Одѣвайся скорѣе, Мадлена. Я сдѣлаю то, чего ты хочешь. Мы отправимся разыскивать твоего папѣ.

Нѣсколько часовъ спустя онѣ уже ѣхали въ Парижъ.

Герцогъ де-Наваренъ жилъ съ матерью въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ и старинныхъ домовъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья въ Университетской улицѣ. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ домовъ, на которомъ стоитъ имя владѣльца, и хотя онъ и под-

чинился нивелирующему обычаю ставить на домахъ бѣлый номеръ на синемъ фонѣ, однако, никто никогда не обращалъ на него вниманія, для всѣхъ это былъ собственный домъ герцоговъ Наваренъ. Празднества, которыя тамъ давались во время реставраціи, были всѣмъ памяты. Съ тѣхъ поръ домъ, носившій трауръ по легитимной монархіи, раскрывалъ свои двери лишь для нѣсколькихъ короткихъ знакомыхъ. Съ своимъ садомъ, который можетъ сойти за цѣлый паркъ, съ каминами величиной съ комнату, съ обширными, точно салонъ, альковами, съ лѣстницей, которая вывѣстила бы въ себѣ шеститажный домъ съ бульвара Османа, съ свѣжестью погреба и звучностью монастыря—домъ слишкомъ великъ и слишкомъ печаленъ для современной жизни, которая съѣживается и тѣснится на малыхъ пространствахъ, ради комфорта, а также и за недостаткомъ мѣста, всего же болѣе потому, что ищетъ себѣ квартиры по росту.

Старая герцогиня де-Наваренъ, мать Филиппа, послѣдняя изъ особъ, которая умѣла сидѣть въ большихъ креслахъ стіла Людовика XIV, съ прямыми спинками, спускаться съ лѣстницы съ перилами изъ кованаго желѣза,—произведеніе художниковъ, не оставившихъ по себѣ преемниковъ,—наполняетъ этотъ обширный домъ медленнымъ и величественнымъ шелестомъ своего плейфа. У нея нѣтъ ничего общаго съ нашимъ временемъ, съ нашей манерой говорить и чувствовать. Между нею и парижанами, проходившими мимо ея дверей, высилась вѣковая стѣна—нѣчто въ родѣ той бездны, которая отдѣляетъ м-ше де-Ментенонъ отъ m-lle Лавинь, Боссюэта—отъ клоуна въ черномъ фракѣ.

Филиппъ, хотя и отличался отъ нея и давно уже эмансипировался, подчинялся однако бессознательно, быть можетъ, вліянію герцогини. Она не столько вдохновляла его, сколько стѣсняла. Въ инныя минуты она бросала на него холодную тѣнь, какую бросаетъ сосѣдство собора на обыкновенные дома, построенные слишкомъ близко отъ него.

Было одиннадцать часовъ утра, когда Віолетта прошла черезъ большой дворъ отеля и, слѣдуя указаніямъ швейцара, направилась въ небольшому подъѣзду лѣваго флигеля. На звонокъ появился лакей, взялъ ея карточку и впустилъ въ гостиную, гдѣ дождалось уже нѣсколько лицъ. Ей было неловко. Эти темныя и строгія зданія, эти высокія залы, молчаливые слуги наполняли ее смутнымъ страхомъ. Возможно ли, чтобы въ такой обстановкѣ она встрѣтила того самаго молодого человѣка, простаго и ласковаго, обращавшагося съ нею какъ съ равной на лугахъ Грасса?

Дѣтскія понятія о вельможахъ оживали въ ея воображеніи и смущали то воспоминаніе, которое у нея сохранилось о Филиппѣ.

Но эти размышленія не долго длились. Ее почти немедленно пригласили въ кабинетъ герцога.

Она остановилась на секунду на порогѣ. Изъ глубины комнаты герцогъ шелъ на встрѣчу ей быстро, весело, съ протянутой рукой, улыбаясь ртомъ и глазами,—точно они разстались всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ.

Ни одного слова не было произнесено. Одного взгляда было достаточно, чтобы увидѣть происшедшія въ нихъ обонхъ перемены. Онъ сталъ мужественнѣе, сильнѣе; видно было, что онъ носилъ шпагу, командовалъ людьми, дрался съ непріятелемъ. Можно было также догадаться, что онъ переступилъ изъ поры желаній въ пору страстей.

Съ своей стороны онъ увидѣлъ, что дѣвочка стала женщиной, съ болѣе сильной волей, болѣе опытной въ жизни, способной обороняться отъ опасностей, грозящихъ ей со стороны другихъ и со стороны самой себя.

Все остальное было тайной. Любовь посѣтила ли эту душу? Любовь счастливая или жестокая? Пережила ли она рѣшительный кризисъ жизни? Или же онъ видѣлъ передъ собой прежнюю молодую дѣвушку? Онъ сомнѣвался въ этомъ.

Но какъ роскошно распустилась ея красота! Утреннее солнце безпрепятственно входило въ окно безъ занавѣсей, около котораго онъ ее усадилъ. Но ея свѣжести не страшень былъ этотъ яркій свѣтъ. Онъ сѣлъ напротивъ нея, слегка наклонившись впередъ и окидывая ее любопытнымъ взглядомъ.

Такъ какъ она молчала, то онъ прервалъ молчаніе банальной фразой, какой начинаются всѣ разговоры.

— Еслибы вы знали, какъ я радъ васъ видѣть!

— Вы помните мое имя?

— Я все помню.

Новое молчаніе послѣдовало за этими словами, которыя могли значать очень много или ровно ничего. Опустивъ глаза, Віолетта думала, что она грезитъ. Все, что она хотѣла сказать, всѣ фразы, придуманныя ею въ фіакарѣ и въ пріемной, вылетѣли у нея изъ головы. Къ волненію ея примѣшивалась странная радость. Она была счастлива, что попала сюда, и не помнила—зачѣмъ пришла.

— Ну чтожъ,—весело началъ Филиппъ:—вы теперь стали парижанкой?

— Я пріѣхала вчера вечеромъ.

— И сегодня утромъ пришли повидаться со мной?.. Вотъ

это мило!.. Если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ, то располагайте мной... И во-первыхъ, что вы дѣлаете? Какія ваши занятія?

Эти слова напомнили Виолеттѣ, зачѣмъ она пришла.

— Но, герцогъ, я все еще при Мадленѣ. Я о ней... о вашей дочери пріѣхала говорить съ вами.

Лицо герцога, открытое и веселое, омрачилось.

— О моей дочери?—холодно повторилъ онъ и такъ, какъ еслибы эти слова казались ему бессмысленными.

Потомъ прибавилъ:

— Васъ, значить, не предупреждали о... происшедшихъ перемѣнахъ?..

— Мнѣ говорили, что я ничего не буду больше получать отъ васъ, что мать ребенка будетъ давать деньги на его содержаніе, сокративъ послѣднія на двѣ трети.

— А больше ничего не говорили?

— Рѣшительно ничего. Деньги присылались очень неаккуратно, а въ послѣдніе полтора года ничего не присылали. Я писала, но не получила никакого отвѣта.

— И неудивительно. Она умерла, умерла въ 1870 г., утонула въ морѣ, во время прогулки.

Онъ произнесъ эти слова глухимъ голосомъ и съ лицомъ, выражавшимъ скорѣе ужасъ, нежели огорченіе.

— Какъ ужасно!—прошептала Виолетта.

Наступило долгое молчаніе.

— Итакъ, у Мадлены нѣтъ больше матери,—проговорилъ наконецъ Виолетта.—Бѣдное дитя... Но вы ей остаетесь!

— А съ лѣта 1870 г.?—спросилъ герцогъ, пропуская эти слова безъ замѣчанія:—какъ вы жили? чтѣ съ вами было?

Виолетта коротко рассказала все, что было въ послѣдніе два года. Она передала о своихъ попыткахъ найти работу и вскользь упомянула о своихъ неудачахъ.

— Рано или поздно, я добьюсь. Я думаю, что всегда находишь то, чего усердно ищешь, съ терпѣніемъ и настойчивостью. Но прежде всего и несмотря на запрещеніе я сочла за лучшее обратиться къ вамъ. Хорошо ли я сдѣлала?

— Все, чтѣ m-lle Меріанъ дѣлаетъ, хорошо, — отвѣтилъ Филиппъ.

Но озабоченное лицо его не согласовалось съ этими словами. Онъ въ свою очередь уставился глазами въ коверъ, а Виолетта тревожно наблюдала за нимъ.

Онъ какъ будто хотѣлъ заговорить, но поглядѣлъ на нее и вслухъ произнесъ, но какъ бы про себя:

— Нѣтъ, это невозможно!

Невозможно! Но что же? Что это за тайна, которую нельзя было сообщить Віолеттѣ?

Филиппъ снова заговорилъ, но очень медленно и какъ бы взвѣшивая каждое слово:

— Я бы хотѣлъ сдѣлать васъ судьей моего образа дѣйствій... Но вынужденъ молчать... изъ уваженія къ вамъ... Я пригласилъ васъ къ этой дѣвочкѣ и, значить, принялъ отвѣтственность передъ вами... а также и передъ собой. Вы много сдѣлали для ребенка; безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ того требовалъ долгъ, и я васъ благодарю. Ясно, что я не могу оставлять ее болѣе ни минуты на вашемъ иждивеніи. Что съ нею сдѣлать? Подумаемъ, поищемъ вмѣстѣ!.. И, во-первыхъ, необходимо, чтобъ воспитаніе ея было скромное, очень скромное... Никакихъ иллюзій, никакихъ ложныхъ идей, ничего такого, что дало бы ей право думать, что она предназначена къ блестящей будущности... Такой будущности у нея нѣтъ. Словомъ, не надо совсѣмъ той роскоши, среди которой вы ее у меня нашли.

— Она отвыкла отъ нея со мною, — отвѣтила Віолетта, улыбаясь.

— Тѣмъ лучше!.. Я помѣщу ее въ солидный пансіонъ, гдѣ никто не будетъ знать о ея происхожденіи. Она будетъ воспитываться среди молодыхъ дѣвушекъ мелкаго купечества и той трудолюбивой буржуазіи, которая не боится испортить работою рукъ, гдѣ женщины умѣютъ сами причесываться, одѣваться, а въ случаѣ нужды и стряпать. Вы меня понимаете?

— Совершенно.

— Въ сущности, можетъ быть, въ этомъ классѣ можно найти наиболѣе честныхъ людей... а также и счастливыхъ. Короче сказать, худо ли, хорошо ли, а вотъ ея доля въ жизни, и надо, чтобы она къ ней была подготовлена. Такой пансіонъ не трудно найти...

Хотя послѣдняя фраза не заключала прямого вопроса, но каждое слово, повидимому, было рассчитано на одобреніе. Этого одобренія однако не воспослѣдовало. Неужели молодая дѣвушка имѣла что-нибудь противъ такого простого и разсудительнаго плана? Ахъ!.. она думаетъ, быть можетъ, о своемъ собственномъ положеніи. Филиппъ поспѣшилъ успокоить ее насчетъ такихъ законныхъ соображеній.

— Само собой разумѣется, что моей первой заботой будетъ

найти вамъ мѣсто наставницы въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ на самыхъ почетныхъ и выгодныхъ условіяхъ. Я обязанъ васъ вознаградить за тяжкій дебютъ въ педагогической карьерѣ и за всѣ испытанія, которыхъ я былъ причиной.

Віолетта ничего не отвѣчала. Филиппъ замѣтилъ, что у нея дрожать руки. Вдругъ слеза скатилась съ ея длинныхъ рѣсницъ на перчатку.

— Извините меня,—сказала она.—Но у меня нѣтъ никого родныхъ, и въ тѣ четыре года, что я ходила за дѣвочкой, я къ ней очень привязалась. Мысль разстаться съ нею для меня ужасна.

— Вы не разстанетесь съ нею,—отвѣтилъ Филиппъ съ свойственной ему порывистостью и беря руку молодой дѣвушки.—Даю вамъ слово, что вы съ ней не разстанетесь.

Віолетта поглядѣла на него влажными отъ благодарности глазами.

— Но только не знаю, повѣрите ли вы мнѣ,—продолжалъ герцогъ, не выпуская руки молодой дѣвушки.

— Я повѣрю всему, что вы скажете.

Онъ съ минуту помолчалъ, какъ бы наслаждаясь этими доверчивыми словами, и продолжалъ весело:

— Я бѣденъ, я очень бѣденъ... Эти слова должны казаться очень смѣшными въ моихъ устахъ, среди всей этой роскоши, лакея у дверей и восьми лошадей на конюшнѣ. А между тѣмъ это чистая правда. У меня ничего нѣтъ... Кто въ томъ виноватъ?.. Изъ состраданія не спрашивайте меня о томъ!.. Вѣрно то, что все здѣсь принадлежитъ моей матери. Благодаря ей, я сохраняю внѣшность богатаго человѣка... какимъ, впрочемъ, со временемъ и стану, если буду вести себя умно... Тѣхъ денегъ, что я получаю, какъ депутатъ, хватаетъ только на сигары и на уплату по счетамъ моего портного. Знаете, какъ меня зовутъ пріятели? Герцогъ Іовъ, по имени герцога, дѣйствующаго лица въ одной комедіи, который заимствовалъ его въ свою очередь отъ хорошо извѣстнаго вамъ патріарха.

— О! въ такомъ случаѣ...

— Я поклялся, что вы не разстанетесь съ ребенкомъ. Я буду курить меньше сигаръ... вотъ и все!.. Устраивайтесь какъ знаете. Прежде всего нужно вамъ найти квартиру. Почему бы вамъ не помѣститься въ Версаль? Хотя Версаль и столица, но тамъ, кажется, живутъ дешево, такъ какъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ наивныхъ людей, никто тамъ въ дѣйствительности не живетъ.

— Я поищу,—сказала Віолетта, вставая, такъ какъ замѣтила, что въ послѣднюю минуту герцогъ поглядѣлъ на часы.

Въ этотъ моментъ послышался стукъ въ дверь.

Шарль церемонно вошелъ и сказалъ:

— Герцогиня ждетъ г. герцога.

— Иду,—отвѣчалъ Филиппъ съ мягкимъ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ, признакомъ досады чловѣка, который не свободенъ, знаетъ это, и которому тѣмъ не менѣе это слишкомъ часто напоминаютъ.

Онъ быстро нацарапалъ что-то на чекѣ и передалъ его въ руки Віолеттѣ, говоря:

— Вотъ на первые расходы.

— Вы не хотите повидать Мадлены?

— Это не къ спѣху. Я приѣду, когда вы устроитесь, поглядѣть, не надо ли вамъ еще чего...

Герцогъ проводилъ Віолетту до порога и почтительно поклонился. Спускаясь съ лѣстницы и проходя по двору дома Навареновъ, молодая дѣвушка чувствовала, что у нея тяжело на сердцѣ. Ей казалось, что это свиданіе, вначалѣ такое простое и радушное, окончилось точно аудіенція. Она получила чего хотѣла, но оставила Филиппа озабоченнымъ, встревоженнымъ этимъ обязательствомъ, отъ котораго онъ думалъ, что избавился, и вотъ оно вновь налагалось на него. Неужели онъ серьезно могъ забыть дочь? Неужели разрывъ съ матерью вызвалъ такую холодность къ ребенку?.. Бѣдность, на которую онъ ссылался... слѣдуетъ ли принимать ее серьезно?

Всѣ эти вопросы повергли Віолетту въ большое смущеніе, потому что при всякихъ соображеніяхъ приходилось осуждать Филиппа, а ей этого не хотѣлось.

Віолетта рѣшалась быстро. Уже на другой день она нашла квартиру въ Версалѣ, въ самой отдаленной части стариннаго квартала Сентъ-Луи, прилегающаго къ Саторійскому лѣсу. Главный фасадъ зданія выходилъ на улицу Бурдоннѣ. Въ глубинѣ вымощеннаго двора, украшеннаго нѣсколькими кустами, стоялъ небольшой павильонъ, и онъ-то соблазнилъ Віолетту. Онъ состоялъ изъ двухъ комнатъ, расположенныхъ одна надъ другой и сообщавшихся внутренней лѣстницей; кромѣ того была еще небольшая кухня, куда нужно было спускаться по тремъ ступенькамъ; все это было меблировано на старинный ладъ и бѣдно. Были каминны.

— Въ нихъ можно даже разводить огонь,—наивно говорила домовладѣлица. — Что касается кухни, заставленной горшками изъ-подъ цвѣтовъ, то ее легко привести въ порядокъ. День-

щикъ офицера, занимавшаго павильонъ до начала войны, часто жарилъ въ ней котлеты для своего господина, поручика гренатеровъ гвардіи; онъ прожилъ тутъ два года, тихонькій, какъ барышня, вѣчно уткнувшись въ книги. Родители его были поселяне изъ окрестностей Шартра... и присылали ему яицъ и масла... Онъ умеръ подъ Сентъ-Прива, бѣдняга!

И кончикомъ фартука старуха утерла слезу.

Эта слеза произвела благопріятное впечатлѣніе на Біолетту. Въ особенности ее очаровалъ садъ, расположенный позади павильона. То былъ уединенный и заброшенный уголокъ, гдѣ росла всякая сорная трава и шиповники. Желѣзнодорожная насыпь ограничивала видъ, точно валъ въ укрѣпленномъ городѣ; за нею виднѣлся поросшій лѣсомъ холмъ, вершина котораго перерывала горизонтъ прямой линіей.

Въ этомъ забытомъ уголку не слыхать было никакого житейскаго шума, ничего кромѣ протяжныхъ и меланхолическихъ свистковъ поѣздовъ западной дороги, или звона колоколовъ въ женскомъ монастырѣ, строгія строенія котораго и большіе, тихіе сады замыкають городъ.

Біолетта въ тотъ же вечеръ поселилась въ квартирѣ поручика-философа. Она приняла въ немъ Филиппа, котораго извѣстила запиской. Въ ожиданіи его прихода она старательно причесала и одѣла Мадлену. Но есть лица, которыхъ ни нарядъ, ни оживленіе не украшаютъ. Къ тому же обвинявшій гардеробъ ихъ не давалъ возможности особенно нарядно одѣться. Мадлена съ утра выказывала большое нетерпѣніе увидѣть отца. Біолетта воображала, что, завидя его, она бросится ему на шею. Ничуть не бывало. Когда герцогъ появился на порогѣ комнаты, гдѣ онѣ обѣ находились, дѣвочка, охваченная внезапно застѣнчивостью, забилась въ уголъ. Біолетта взяла ее за руку и подвела къ герцогу.

— Что-жъ это ты, Мадлена? Такъ-то ты здороваешься?

Дѣвочка подошла съ опущенными глазами и прошептала церемоннымъ и холоднымъ голосомъ, точно отвѣчала урокъ:

— Bonjour, monsieur.

— Monsieur!—повторила Біолетта.—Ты разучилась говорить: papà?

— Оставьте ея!.. не мучьте!..—сказалъ герцогъ.

Онъ поспѣшно притронулся губами ко лбу, который подставляла ему дѣвочка, и тотчасъ же прибавилъ:

— Ступай играть въ садъ!

— Не забудь надѣть шляпу, Мадлена.

— Нѣтъ, мамѣ.

Дѣвочка вышла, и въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Какъ вы ее находите?—спросила наконецъ молодая дѣвушка.

— Она очень выросла.

Герцогъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Подумали ли вы объ одной вещи?

— О какой, герцогъ?

— Эта дѣвочка называетъ васъ мамѣ. Если она будетъ звать меня папѣ,—что подумаютъ?

Вюлетта покраснѣла.

— Я имѣла слабость дозволить ей называть меня именемъ, на какое я не имѣю права. Надо будетъ отгучить ее отъ этого.

— Какъ вамъ угодно!.. Очевидно, вамъ лучше знать, что удобно... Я думалъ, что быть можетъ... въ интересахъ будущаго лучше бы, еслибы эта дѣвочка отвыкла глядѣть на меня какъ на отца... въ обыкновенномъ смыслѣ.

Онъ колебался и казался смущеннымъ, какъ и въ первое свиданіе.

— Можетъ быть,—согласилась Вюлетта съ тягостнымъ и печальнымъ удивленіемъ, не ускользнувшимъ отъ Филиппа.

— Пора идти въ палату,—серьезно проговорилъ онъ.

И, направляясь къ двери, оглядѣлъ комнату.

— Какъ вамъ тутъ будетъ худо!—сказалъ онъ.

— А я надѣялась на комплименты!..

— Вы слишкомъ буквально приняли то, что я говорилъ третьяго дня про свою нищету. Я пришлю вамъ кое-какую мебель. Эта черезъ-чуръ уже плоха.

Онъ повернулъ ручку двери. За нею стояла Мадлена съ большою кошкой на рукахъ. Бѣдная Мадлена! Она не умѣла вести себя какъ ребенокъ, все дѣло котораго заключается въ томъ, чтобы внушать любовь. Когда она чувствовала, что вела себя глупо, то очень неловко и неумѣло старалась это поправить. Стоя передъ отцомъ, она проговорила съ некрасивой гримасой:

— Вотъ кошка!

— Великолѣпная!

Онъ опять поцѣловалъ ее, но такъ, что поцѣлуй пришелся частью волосамъ дѣвочки, частью шеурѣй ангорской кошки.

Когда онъ ушелъ, у m-lle Меріанъ такъ сжалось сердце, что слезы брызнули бы изъ глазъ, еслибы она не удержалась.

„Боже мой!—сказала она себѣ:—какое дурное начало!“

VI.

Но жизнь постоянно опровергаетъ наши предчувствія и предвидѣнія. Она совсѣмъ не логична, — жизнь вообще... Все, кажется, устроилось къ лучшему — и вдругъ все рушится. А иногда наоборотъ, порою люди и вещи принимаютъ враждебный и непривѣтливый видъ; все мрачно, грозитъ западней и опасностями — и тутъ-то наступаютъ періодъ счастья.

Со второго визита герцогъ де-Наваренъ вступилъ въ интимную бесѣду съ домовладѣлицей, м-ме Бертеленъ.

— Надо, чтобы вы знали, кто я такой и кто такіе ваши новые жильцы. Не слѣдуетъ допускать ничего двусмысленнаго относительно такой особы, какъ м-лле Меріанъ, которая не только достойна всякаго почтенія, но даже и поклоненія. Она изъ милосердія позволяетъ этой дѣвочкѣ называть себя матерью. Она посвятила себя этой дѣвочкѣ, круглой сиротѣ. Она — дочь моего пріятели, убитаго на войнѣ. Я обѣщаль заботиться о ней и ея пріемной матери. Я ручаюсь за ихъ издержки — и вотъ для начала вамъ плата впередъ за весь годъ за квартиру.

Эта маленькая рѣчь съ ея выразительнымъ заключеніемъ произвела глубокое впечатлѣніе на м-ме Бертеленъ. Она уважала деньги и любила романы. Герцогъ произвелъ на нее впечатлѣніе „настоящаго дворянина“. Что касается Віолетты, то она съ умиленіемъ глядѣла, какъ она прохаживалась по садику съ книжкой въ рукахъ, „точно королева“!

Въ Версалѣ живутъ еще старинныя воспоминанія, сохранившіяся неизвѣстно какимъ образомъ, и въ воздухѣ какъ будто носятся королевскія вѣянія; людямъ случается еще повторять: „счастливъ какъ король; прекрасна, какъ королева“.

М-ме Бертеленъ подѣлилась своими впечатлѣніями съ м-ме Тьерсо, которая жила въ главномъ корпусѣ. Трое малыхъ ребятишекъ вѣчно возились вокругъ ея юпокъ. Что касается самого Тьерсо, который лѣтъ семь или восемь какъ вышелъ изъ центральной школы и начиналъ уже зарабатывать деньжонки, то — добрякъ, но зубоскаль, какъ истый сынъ Парижа — онъ корчилъ лукавыя гримасы, когда при немъ говорили про герцога и про хорошенькую барышню съ дѣвочкой; но жена стыдила его, и онъ почтительно раскланивался съ Віолеттой, встрѣчаясь съ нею у воротъ.

— Пусть дѣлаютъ какъ хотятъ, это насъ не касается... Къ тому же, ты знаешь, я это такъ говорю, въ шутку... Я знаю,

что есть на свѣтѣ честныя женщины и кромѣ здѣсь присутствующей м-ше Лилины Тьерсд.

И онъ звучно цѣловалъ жену въ шею.

Великій вопросъ: какъ кого звать—уладился очень просто.

— Послушай, Мадлена,—сказалъ однажды Филиппъ:—мнѣ не нравится, что ты зовешь меня папѣ.

— Отчего?

— Не знаю... но есть очень хорошенъкое имя, и я его очень люблю: это—*дружокъ*. Если ты будешь звать меня дружокъ, я подарю тебѣ куклу, которая вертитъ глазами и поетъ!

— Вертитъ глазами! и поетъ! Правда? О! общаюсь тебѣ, папѣ... нѣтъ, дружокъ...

Мадлена получила свою куклу, и слово „папѣ“ исчезло изъ ея лексикона.

Жизнь текла тихо, мирно, беззаботно. Виолетта выходила по утрамъ съ дѣвочкой въ хорошую погоду. Гуляла съ ней по пустынному парку. Вѣтви деревь, лишенныхъ листы, переплетались точно черныя кружева на блѣдномъ фонѣ неба. Въ глубинѣ широкихъ, прямыхъ аллей—легкій туманъ, пробиваемый лучами блѣднаго солнца, окутывалъ даль. Тамъ и сямъ садовникъ подметалъ паркъ; старый отставной офицеръ, съ трудомъ опираясь на трость, прогуливался, погруженный въ горькую думу о ревматизмахъ.

Въ одно январское утро, довольно холодное, Виолетта шла по длинной аллей каштановыхъ деревь, уставленной бюстами римскихъ императоровъ. Мадлена бѣжала впереди на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Никакого другого шума, кромѣ стука ея палочки по обручу и треску сухихъ листьевъ подъ ногами, не было слышно. Виолетта шла бодрымъ шагомъ, вдыхая воздухъ полной грудью, съ улыбкой на губахъ, съ раскраснѣвшими отъ холода щеками и блестящими изъ-подъ черной вуалетки глазами.

Вдругъ восклицаніе Мадлены привлекло ея вниманіе. На поворотѣ аллей показался Филиппъ.

— Я обѣдалъ въ Версаль, — сказалъ онъ: — опоздалъ на послѣдній поѣздъ и долженъ былъ переночевать въ „Резервуарахъ“, а теперь пришелъ выкурить сигару въ паркѣ. Какъ поживаете? Вы ходите здѣсь гулять по утрамъ?

— Каждый день, когда погода хороша. Развѣ я вамъ не говорила?

— Не помню.

Герцогъ пошелъ рядомъ съ нею. Вскорѣ они очутились на открытомъ пространствѣ, которое тянется между Зеленымъ-Ков-

ромъ и началомъ канала. Они пошли по берегу его въ направленіи къ Трианону.

— Подрѣзанныя аллеи мнѣ надоѣдаютъ. Здѣсь природа свободнѣе. Люди или деревья — мнѣ всѣхъ жалко, кто живетъ въ стѣсненіи, — всѣхъ, кому мѣшаютъ расти и развиваться на волѣ.

— Развѣ есть люди, которыхъ подрѣзаютъ въ формѣ пирамиды или шара, какъ кусты? — спросила Віолетта, смѣясь.

— Вы видите передъ собой одного изъ такихъ несчастныхъ. Истины, которымъ я обязанъ вѣрить, идеи, которымъ я долженъ служить — все это было установлено людьми, сошедшими въ могилу за сто лѣтъ до моего рожденія и ничего не знавшими объ условіяхъ, при которыхъ мнѣ придется жить.

Въ эту минуту всадникъ проскакалъ по аллеѣ, шедшей вдоль канала. Филиппъ вдругъ остановился.

— Мой бывшій мундиръ! Еслибы вы знали, какъ при видѣ его бьется сердце!.. Это квартирмейстеръ... Я былъ только бригадиромъ!..

И онъ заговорилъ о страданіяхъ войны, о страшныхъ испытаніяхъ, какимъ подвергалась луарская армія при отступленіи на Мансъ. Несмотря на все, это все-таки было славное время; онъ не сожалѣетъ, что ему пришлось его пережить. Въ тотъ моментъ онъ и понялъ страданія бѣдняковъ, и узналъ, какая сила въ вѣрѣ. Онъ рассказывалъ про своего начальника, храброго и набожнаго генерала де-Сони, про знамя Св. Сердца и про звуковъ Шаррета, не какъ вѣрующій, но какъ человѣкъ, бывшій свидѣлемъ того, какъ религія вдохновляетъ и подвигаетъ на геройскія дѣла.

Затѣмъ онъ заговорилъ о палатѣ и о молодыхъ депутатахъ-монархистахъ, которые, какъ и онъ, перешли прямо изъ *Café-Anglais* на поле битвы, а съ поля битвы на трибуну.

— Они заняты только заговорами!.. Точно ничего другого дѣлать не остается! точно намъ не предстоитъ обновить Францію!.. Ахъ! еслибы они хотѣли! еслибы они понимали!.. Старинная аристократія могла бы еще играть прекрасную роль, но надо торопиться: быть можетъ, ей представляется послѣдній случай, и завтра... я хочу сказать, черезъ десять лѣтъ будетъ уже поздно!

Онъ высказывался съ природнымъ краснорѣчіемъ, сдерживая свой звучный голосъ, стегая кончикомъ трости травинки пыльнымъ и быстрымъ жестомъ, возбужденный, опьяненный яркимъ зимнимъ днемъ, отлично гармонировавшимъ съ химерами юности, солнечными лучами, отражавшимися въ водѣ, а можетъ быть также задумчивымъ и искреннимъ взглядомъ, устремленнымъ на него Віо-

леттой. Бываютъ часы, когда душа сама просится на языкъ, когда рыцарское желаніе дѣйствовать и воевать приподнимаетъ насъ отъ земли, когда жизнь, приподнятая до послѣдней степени, бьетъ ключомъ.

Филиппъ долго говорилъ съ видимымъ удовольствіемъ, какъ будто бы стараясь найти форму для своихъ смутныхъ мечтаній объ общественномъ возрожденіи; онъ ихъ освѣщалъ, выяснялъ самому себѣ...

Было уже поздно, когда Віолетта вернулась къ себѣ. Весь день у камина она невольно продумала объ этомъ новомъ человѣкѣ, вдругъ обнаружившемъ себя передъ нею, и цѣлый міръ неизвѣстныхъ идей, куда она впервые проникла, открывался передъ нею.

На другой день погода опять потеплѣла и дверь была полуотворена. Она читала послѣ завтрака, когда вдругъ тѣнь встала между нею и свѣтомъ. Голосъ Филиппа заставилъ ее вздрогнуть.

— Какъ! вы читаете газету! вы, значить, интересуетесь политикой?

Віолетта встала, краснѣя, и сложила газету, ни слова не говоря.

— Вы говорили вчера въ палатѣ?

— Да. Не могъ удержаться. Что-то толкало меня впередъ. О! нѣчто очень странное. Я никогда не испытывалъ ничего подобнаго... Не обращайтесь на меня вниманія: дѣлайте такъ, какъ еслибы меня тутъ не было... Я прошелъ вдоль лѣваго берега. Но видя, что мнѣ остается еще три четверти часа до засѣданія, вздумалъ зайти сюда... Я буду читать на этомъ диванѣ.

Онъ вынулъ книгу изъ кармана и положилъ ее себѣ на колѣни, но не сталъ читать.

Въ безмолвіи этого мирнаго квартала слышно было, какъ напѣвалъ женскій голосъ.

— Кто это поетъ?

— Моя сосѣдка, м-ше Тьерсо.

— Она укачиваетъ своего младенца?

— О, нѣтъ,—отвѣчала Віолетта, смѣясь.

— Почему вы смѣетесь?

— Такъ.

— Ну, скажите!

— Ну, вотъ, если хотите непременно знать, то м-ше Тьерсо поетъ весь день, когда ея мужъ остается съ нею и не ѣздитъ въ Парижъ... А вотъ и ея мужъ! Я была увѣрена, что онъ здѣсь!

— Какъ это мило! она, значить, любить своего мужа?

— Разумѣется, любить! — отвѣчала Віолетта тономъ вроткаго упрека, точно вопросъ этотъ ее огорчалъ.

Филиппъ пристально глядѣлъ ей въ глаза, стараясь прочесть сокровеннѣйшія ея мысли. Потомъ вдругъ омрачился и опустил глаза въ полъ.

— Какъ эти люди счастливы! Тотъ, кто не устраивалъ самъ гнѣзда для своей подруги и своихъ птенцовъ, тотъ не знаетъ радости жизни. Я воображаю себѣ ихъ счастье, когда они скопять денегъ достаточно, чтобы купить лампу, гарнитуру для камина, хорошенькое платьице для дѣвочки, когда м-ше Тьерсо подарить мужу пенковую трубку или м-г Тьерсо принесть женѣ пару серегъ и самъ вдѣнуть ихъ ей въ уши! Вотъ настоящая жизнь, не правда ли?

— Не знаю, — отвѣчала Віолетта: — думаю, что да.

Она упрекнула себя за глупый отвѣтъ, но не сдумала бы придумать болѣе умнаго, хоть убейте!

— До свиданья, — сказалъ Филиппъ. — Пора. Я опять приду завтра.

И дѣйствительно, онъ появился завтра, и съ тѣхъ поръ визиты его стали каждодневными.

Эти посѣщенія были для него въ родѣ отдыха отъ бурной и дѣловой жизни. Для Віолетты и Мадлены они были апогеемъ дня. Все утро проходило въ ожиданіи его.

— Надо будетъ сказать объ этомъ дружку... Надо будетъ показать это дружку, — говорила Мадлена.

— Торопись, — поощряла ее Віолетта: — а не то ты не будешь готова къ тому времени, какъ онъ придетъ.

Онѣ знали, въ которомъ часу онъ выходитъ изъ дому, въ которомъ садится на поѣздъ. Вотъ теперь онъ подъѣзжаетъ къ дебаркадеру, вотъ онъ на улицѣ Рояль, минуетъ Кавалерійскій кварталъ и вступаетъ въ улицу Сень-Медерихъ. Дверь отворяется — и онъ входитъ!

Когда онъ уходилъ, онѣ говорили о томъ, что онъ сказалъ, раздумывались надъ этимъ. Віолетта тщательно прибирала книги, бумаги, которыя онъ оставлялъ разбросанными на столѣ. Иногда она переписывала для него замѣтки или вырѣзывала газетныя статьи, отмѣченныя синимъ карандашомъ. Онъ, смѣясь, называлъ ее своимъ секретаремъ, съ каждымъ днемъ откровеннѣе высказывалъ всѣ свои помыслы, описывалъ свой образъ жизни, характеры окружавшихъ его лицъ, засѣданія въ палатѣ, обѣды въ „предмѣстьѣ“, весь ходъ политической и свѣтской жизни. Часто

онъ являлся усталый, угрюмый, съ отвращеніемъ ко всему, кромѣ тѣхъ мелочей, какія отмѣчали жизнь двухъ затворницъ. Разсѣянно ласкалъ онъ кошку и игралъ съ Мадленой. Эти переходы отъ энтузіазма къ отвращенію, этотъ приливъ и отливъ, почти такой же правильный, какъ и морской, и отличающій мужчину отъ женщины, которая болѣе вѣрна самой себѣ, несмотря на неровности характера,—стали дѣломъ привычнымъ для Вюлетты, и она знала всѣ его фазисы.

Когда стало теплѣе, она взяла привычку проводить все время послѣ полудня въ садикѣ, на складномъ стулѣ.

Непрерывное жужжаніе насѣкомыхъ убаюкивало ее и прерывалось порою рѣдкимъ шумомъ крыльевъ пролетающей стаи птицъ, отъ котораго она вздрагивала. Она часто забывала работу, слѣдя за облаками, бѣжавшими съ запада, или глядя на темную массу лѣса, начинавшую тамъ и сямъ оживать. Соки быстро поднимались вверхъ, и видя, съ какой радостью наблюдала Вюлетта за оживающей природой, можно было подумать, что весна этого года была также весной ея жизни.

Въ одинъ прекрасный день, въ началѣ апрѣля мѣсяца, Вюлетта и Филиппъ сидѣли въ садикѣ: она на скамейкѣ съ иголкой въ рукахъ; онъ, протянувшись на травѣ, курилъ.

— Вы любите этотъ садикъ?—сказалъ онъ.

— Да, очень.

— Ну, такъ позвольте мнѣ его привести въ порядокъ.

— Но я его люблю именно за беспорядокъ.

— Неужели нужно, чтобы чертополохъ и крапива заглушали эти кусты анютиныхъ глазокъ и піоновъ? Еслибы поправить эту бесѣдку и обвить вокругъ нея эти глицины, которые волочатся по землѣ, то у васъ будетъ хорошенькое убѣжище для лѣта, куда можно поставить столъ и скамью. А вотъ абрикосовый кустъ, которому отлично произростать на этой стѣнѣ, открытой для полуденнаго солнца. Еслибы обрубить всѣ лишнія вѣтви, то на немъ могли бы расти плоды.

— О, мамъ! подумай только! абрикосы!

— Черезъ три мѣсяца по улицамъ будутъ возить тележки съ абрикосами, и ты можешь ихъ покупать, сколько твоей душѣ угодно.

— Но это будутъ не ваши абрикосы,—отвѣтилъ Филиппъ:— не тѣ абрикосы, за которыми вы ходили, слѣдили за ихъ ростомъ, сторожили первое появленіе золотистаго румянца... Скажите, хотите ли вы взять меня въ садовники?

— Разумѣется.

Пять минутъ спустя Филиппъ уже держалъ въ рукахъ необходимые инструменты; онъ бросилъ жакетку на первый попавшійся кустъ и принялся расчищать этотъ уголокъ дѣвственной земли съ увлеченіемъ пионера дальняго американскаго запада. Мадлена помогала ему. Работая, онъ строилъ разные проекты. Бесѣдки уже казалось мало. Нуженъ кіоскъ, цѣлый домъ. Мадлена требовала бассейнъ съ красными рыбками, утесовъ, лабиринта. Наступилъ моментъ, когда при мысли того, что должно было помѣститься въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, всѣ трое расхохотались.

— Какъ вы хорошо смѣтаетесь!—замѣтилъ Филиппъ, съ улыбкой глядя на молодую дѣвушку.

— Развѣ есть люди, которые дурно смѣются?

— Безъ сомнѣнія. Бываетъ фальшивый смѣхъ, какъ и фальшивое пѣніе. Бываетъ смѣхъ, котораго бы не слѣдовало допускать... Ахъ! еслибы можно было настраивать людей, какъ и фортепьяно!

— Боже мой! А палата-то? у васъ какъ разъ теперь коммисія.

— Я не пойду, вотъ и все.

— Не пойдете?

— Нѣтъ; я имъ скажу, что я долженъ былъ чистить садъ m-lle Меріанъ.

И онъ весело продолжалъ работать.

Когда онъ кончилъ, то пришелъ и сѣлъ около нея, уставъ здоровой усталостью, и задумался съ улыбкой на губахъ. Солнце уже заходило и свѣтъ какъ будто размягчался. Въ этотъ тихій часъ слышались далекіе дѣтскіе голоса, ослабленные разстояніемъ.

— Какое спокойствіе!—сказалъ онъ.

И они долго молчали.

— Вамъ пора обѣдать, а я долженъ ѣхать.

Но, говоря это, онъ не поднимался съ мѣста, точно приросъ къ нему.

— Да прогоните же меня... если только... но я не смѣю!..

— Что такое?

— Ну вотъ, если вы хотите, чтобы праздникъ былъ полный, то пригласите меня обѣдать. Будьте такъ любезны.

— Вы у себя дома,—сказала Віолетта.—Но, боюсь, обѣдъ вамъ не понравится.

— Напротивъ того, мнѣ все покажется превкуснымъ, потому что я умираю съ голода.

— Дружокъ у насъ обѣдаетъ!—закричала Мадлена, прыгая. Въ одну секунду домикъ взбудоражился. М-ше Бертеленъ была призвана на совѣтъ и ссудила тарелки. Кухарка, понимавшая важность обстоятельства, понеслась за разными покупками такъ быстро, что вѣтеръ сорвалъ съ нея чепецъ. Въ это время Віолетта накрывала на столъ и не могла помѣшать Филиппу помогать ей.

Этотъ импровизированный обѣдъ прошелъ очень весело, прерываемый то громкимъ хохотомъ, то комическимъ отчаяніемъ и всякими приключеніями. Каждый поочередно вставалъ изъ-за стола, иногда оба вмѣстѣ, чтобы достать тотъ предметъ, котораго не хватало. Чѣмъ сильнѣе горевала и волновалась Віолетта, тѣмъ веселѣе казался Филиппъ.

— Я никогда еще такъ хорошо не обѣдалъ,—сказалъ онъ за десертомъ.—Теперь я сварю вамъ кофе... Я научился его варить, когда былъ солдатомъ... Между нами будь сказано, я его варю гораздо лучше, чѣмъ Шарль.

Хорошъ ли былъ кофе, сваренный Филиппомъ? Віолетта не сумѣла бы этого рѣшить. Но герцогъ былъ въ восторгѣ. Люди, живущіе обычно нервами и воображеніемъ и которые удалены отъ всякихъ матеріальныхъ трудовъ, бываютъ наивно счастливы, когда имъ удастся доказать самимъ себѣ, что они сумѣли бы, въ случаѣ нужды, пахать землю и стряпать кушанье и что они почти такъ же умны, какъ и ихъ слуги.

— Какой чудесный день я провелъ!—сказалъ онъ, пожимая руку молодой дѣвушкѣ.

Она провожала его до воротъ вмѣстѣ съ Мадленой, которая совсѣмъ дремала, держась за платье Віолетты. Онѣ слѣдили за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока его видно было при мигающемъ свѣтѣ фонарей.

Съ этихъ поръ онъ часто проводилъ съ ними все время послѣ полудня. Онъ дѣлалъ вмѣстѣ съ ними длинныя прогулки по окрестностямъ каждый разъ, какъ погода тому благоприятствовала.

Віолетта выразила желаніе побывать въ палатѣ; герцогъ помогъ ей удовлетворить любопытство. Молодая дѣвушка пришла съ билетомъ, поднялась, какъ ей указали, по узкой винтовой каменной лѣстницѣ и была введена въ галерею, откуда увидѣла массу головъ, непрерывно шевелившихся и озаренныхъ свѣтомъ, падавшимъ съ потолка. Смѣхъ, восклицанія, топотъ ногъ, неопредѣленные движенія, причины которыхъ ей были непонятны, издавались этой толпой. Такъ какъ собраніе помѣщалось въ

театрѣ, то можно было подумать, что видишь нервную публику *первыхъ* представлений, ожидавшуюся поднятія занавѣса и начала спектакля. На дѣлѣ занавѣсъ уже былъ поднятъ и спектакль начался, но никто не обращалъ на него вниманія. Кто-то былъ на трибунѣ и говорилъ, но никто его не слушалъ, да и нельзя было разслушать его словъ. Видно было только, какъ онъ размахивалъ руками, — вотъ и все. Президентъ, казалось, спалъ, убаюкиваемый шумомъ, какъ тѣ морскія птицы, которыя спятъ съ распушенными крыльями въ то время, какъ ихъ носитъ буря. Нѣсколько депутатовъ, повернувшись къ оратору спиной, осматривали логи, наводя на нихъ бинокли. Секретарь, бѣловурая голова котораго эффектно и не безъ намѣренія выдѣлялась на зеленой драпировкѣ бюро, граціозно скрестя ноги, меланхолично поглядывалъ на дипломатическую трибуну, куда вошла красавица-иностранка въ кирасѣ изъ чернаго стекляруса, блестящей какъ кираса воинственныхъ героинь Тасса. По всей залѣ шель обмѣнъ карточекъ, писемъ, депешъ и рукопожатій, причемъ депутаты прогуливались вдоль скамеекъ... И Вioлетта спрашивала себя, какимъ образомъ могутъ вырабатываться законы въ такой суматохѣ.

Около нея какой-то господинъ называлъ своей дамѣ знаменитыхъ людей. Золотыя очки, голова точно изъ сморщенного прапника съ бѣлымъ, волновавшимся хохолкомъ — то былъ г. Тьеръ. Бѣлокурый, близорукий господинъ, элегантный, походившій на англичанина, мигавшій голубыми глазами и выставившій впередъ бородатый подбородокъ — это Рауль Дюваль. Это что такое? Онъ разговариваетъ съ Гамбеттой?

— Какъ! этотъ толстякъ съ жирными волосами, толстый животъ котораго обозначался изъ-подъ сянга пальто съ бархатнымъ воротникомъ — это Гамбетта?

— Именно.

— А этотъ, съ блѣднымъ, надменнымъ, но убитымъ лицомъ, этотъ левъ съ бѣлой гривой, кто онъ?

— Ахъ, это Жюль-Фавръ!

Вioлетта слушала, но вниманіе ея было вдругъ привлечено трибуной. Нѣмая маріонетка съ отчаянными жестами исчезла и кто-то появился на ея мѣсто. Вся кровь молодой дѣвушки прилила къ сердцу: то былъ Филиппъ.

Случалось ли вамъ видѣть на трибунѣ или на подмосткахъ театра дорогое вамъ существо? Часто описывали ощущенія ораторовъ и артистовъ. Но кто перескажетъ о томъ, что происходитъ въ душѣ матери, жены, сестры, любовницы, когда издали,

потерянная въ толпѣ, она видитъ того, кого любить, на пьедесталѣ, такъ сказать,—который можетъ оказаться и позорнымъ столбомъ, подвергающимся зависти или оскорбленіямъ? Сейчасъ онъ былъ тамъ, въ обыкновенной комнатѣ, говорилъ естественнымъ голосомъ, съ привычными жестами, съ мягкой интонаціей дружеской бесѣды, непринужденный, ласковый, открытый. И вотъ онъ теперь весь напряженный отъ волненія, приготовившійся къ борьбѣ, выдающій каждымъ движеніемъ тѣла, всей игрой мускуловъ—усиліе, которое можетъ доходить до страданія, когда человѣкъ служитъ мишенью для тысячи глазъ! Стоитъ оборваться голосу, стоитъ обмолвиться неловкимъ словомъ, и молчаливые недоброжелатели, окружающіе его, открыто заявятъ себя. А стоитъ только упасть, чтобы быть немедленно растоптаннымъ.

И бѣдная зрительница не можетъ оказать ему помощи, что бы ни случилось. Потъ выступаетъ у нея на лицѣ, точно она тоже борется,—но что толку? Она краснѣетъ, блѣднѣетъ, ломаетъ свои руки, разрываетъ перчатки въ темномъ уголку, гдѣ никто ее не замѣчаетъ. У нея нѣтъ даже радости борьбы, которая успокоиваетъ нервы: бесплодное волненіе душитъ ее, не находя себѣ исхода.

Віолетта не была ни мать, ни сестра, ни жена, ни любовница, но она испытывала, однако, всѣ эти ощущенія, тѣмъ болѣе мучительныя, что они смѣнили вялое равнодушіе къ зрѣлищу, дотогдѣ для нея почти нисколько не интересному.

Появленіе на сценѣ Филиппа было внезапное. Такъ бросаются въ воду смѣльчаки, еще не умѣющіе плавать.

Схвативъ фразу предъидущаго оратора, онъ ринулся въ споръ съ такою стремительностью, что палата не сразу замѣтила его присутствіе.

Однако раздались одинокія „тс!“, головы перестали вертѣться, шумъ разговоровъ постепенно затихъ, установилась сравнительная тишина, среди которой голосъ юнаго оратора раздавался ясный и звучный.

О чемъ говорилъ онъ? Віолетта была слишкомъ чужда вопросамъ этого рода, и главное, слишкомъ смущена, чтобы понимать. Какъ она ни старалась, но не могла уловить смысла; до нея долетали только звуки, музыка его голоса, и эта музыка казалась ей плѣнительной. Дѣло шло о законѣ насчетъ жилищъ для рабочихъ, и говоря о тѣсныхъ квартирахъ, гдѣ сосредотчивается жизнь цѣлой семьи, о скромномъ счастьи, какое можетъ тамъ гнѣздиться, о крошечномъ садикѣ, гдѣ играютъ дѣти и братски прозябаютъ кое-какіе цвѣты и овощи, „какъ бы въ

родѣ символа примиренія между практической жизнью и идеаломъ“, — онъ напомнилъ Біолеттѣ про часто высказываемые имъ порывы къ скромной и трудолюбивой жизни. Можно было подумать, что воспоминаніе о бѣдномъ домикѣ улицы Бурдоннѣ носится передъ его глазами, видимое только для него и для нея. При этой повѣи, вдругъ вызванной къ жизни въ центрѣ прозы, движеніе снисходительнаго скептицизма пробѣжало по залѣ и выразилось легкимъ хихиканьемъ.

Біолетта негодовала, но восклицанія: „très bien!“ раздавшіеся на лѣвой, придали бодрости монархическому оратору. Рѣчь его стала свободнѣе и плавнѣе. Конечъ ея увѣнчался если не триумфомъ, то несомнѣннымъ успѣхомъ, и ораторъ уѣлся на свое мѣсто среди рукоплесканій.

— Недурно для герцога! — сказалъ толстякъ-насмѣшникъ, перечислявшій знаменитости своей спутницѣ около Біолетты.

При шумѣ рукоплесканій реакція произошла въ душѣ молодой дѣвушки. Слезы брызнули у нея изъ глазъ, и она поспѣшила выйти. Она быстро миновала отель „Резервуаровъ“ и углубилась въ паркъ. Шелъ дождь. Она долго и безсознательно кружилась по аллеямъ, въ тѣни высокихъ деревьевъ. Руки и щеки ея горѣли; дрожь восторга пробѣгала по ней и заставляла ее ускоривать шаги, хотя она сама не знала, куда шла. Одну минуту ей показалось, что кто-то идетъ зади нея... О! еслибъ то былъ онъ!

VII.

На другой день, въ тотъ самый часъ, когда обыкновенно приходилъ Филиппъ, раздался звонокъ у воротъ, появился какой-то господинъ и вступилъ въ переговоры съ служанкой м-ше Бертеленъ.

„Кто-нибудь пришелъ къ Тьерсо“, подумала Біолетта.

Къ ея удивленію, незнакомецъ пошелъ по двору, оглядываясь вокругъ себя; впереди него шла служанка, которой онъ отдалъ визитную карточку.

— Къ вамъ гости. Этотъ господинъ спрашиваетъ, угодно ли вамъ будетъ его принять?

Біолетта взглянула на карточку: „Виконтъ Октавъ дю-Понъ“. Она тотчасъ же вспомнила дю-Пона, пріятеля герцога де-Наварена, затрававашаго въ виллѣ Марини, вмѣстѣ съ Реннекеномъ.

— Просите! — отвѣчала она.

Ею овладѣло сильное безпокойство, заставляющее забывать о лицемѣрныхъ предосторожностяхъ общественной жизни.

— Боже мой! что случилось?

Она встрѣтила его этими словами, когда онъ появился на порогѣ со шляпой въ рукѣ и смущеннымъ видомъ, вполне приличнымъ для гонца съ худыми вѣстями. Онъ угадалъ, какое волненіе произвелъ его приходъ, и поспѣшилъ имъ воспользоваться.

— Мое присутствіе,—медленно произнесъ онъ,—заставляетъ васъ думать, что Филиппъ...

— О! скажите, что съ нимъ случилось?

— Ничего, сколько мнѣ извѣстно. Я полагаю, что онъ чувствуетъ себя какъ нельзя лучше послѣ своей вчерашней рѣчи, которая навлекла на него сегодня утромъ комплименты со стороны органа Гамбетты.

И, ослабляясь, дю-Понъ хлопнулся на стулъ, котораго ему не предлагали, между тѣмъ какъ Вюлетта машинально опустилась на диванъ.

— Если такъ, то я не понимаю, почему...

— Это очень просто. Я васъ видѣлъ вчера въ палатѣ, замѣтилъ васъ (да и какъ васъ не замѣтить!) и узналъ, само собою разумѣется, хотя вы страшно похорошѣли съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ Каннѣ.

— Но адресъ? какъ вы узнали?..

— Боже мой!—отвѣчалъ дю-Понъ съ усиленнымъ добродушіемъ:—когда мужчина хочетъ узнать, гдѣ живетъ женщина, то всего лучше ему идти за ней слѣдомъ... Я пошелъ за вами слѣдомъ... О! это меня нисколько не затрудняло... Мнѣ и дѣлать больше нечего, какъ выслѣживать женщинъ... Я считаю, что я въ своемъ правѣ, не правда ли? Филиппъ вдвойнѣ виноватъ. Отъ друзей не скрываются... и такихъ особъ, какъ вы, не сажаютъ въ кѣтку.

Это галантное зубоскальство оскорбляло молодую дѣвушку, но какъ было ей защищаться? Волненіемъ, выраженнымъ ею насчетъ Филиппа, не выдала ли она себя этому недоброжелательному и любопытному челоуѣку? Не обнаружила ли она передъ нимъ тайны, въ которой не признавалась самой себя? Какое оружіе могло оборонить ее отъ дерзостей?

Глубоко смущенная и униженная, она тщетно старалась овладѣть собой, какъ вдругъ Мадлена, возвращаясь изъ сада, внезапно растворила дверь.

Удивленіе, въ которомъ не было ничего дѣланнаго, выразилось на лицѣ дю-Пона.

— Кто эта дѣвочка? Неужели... неужели это дочь Нелли?

— Это Мадлена. Развѣ вы не знали, что я ея воспитательница? Что же бы я здѣсь иначе дѣлала?

— Ясно! — произнесъ вслухъ дю-Понъ тономъ человѣка, спохватившагося и мысленно обсуждающаго новый для него оборотъ дѣла.

Очевидно, положеніе было менѣе вульгарное и болѣе сложное, нежели онъ думалъ. Тѣмъ лучше! веселѣе будетъ разобраться въ немъ. Задача требовала ума недюжиннаго, а онъ льстил себя мыслью, что у него недюжинный умъ.

— Ясно, — повторилъ онъ. — Я такъ хорошо это зналъ, что пріѣхалъ именно затѣмъ, чтобы повидать дѣвочку. Вы знаете, я былъ другомъ ея матери. Еслибы не этотъ мотивъ, я бы не позволилъ себѣ нарушить ваше уединеніе.

Эти слова, почтительно произнесенныя, съ легкимъ наклономъ головы, какъ бы служили извиненіемъ за легкомысленное вступленіе въ бесѣду. Віолетта почувствовала почву подъ ногами.

— Уединеніе, — вы вѣрно сказали, потому что я никого не принимаю.

— Кромѣ Филиппа?

— Г-нъ герцогъ здѣсь у себя дома.

„Хитришь, голубушка, и вмѣстѣ съ тѣмъ хочешь меня выпроводить за дверь... Постой же“...

Такъ думалъ виконтъ, въ то время, какъ его блаженная улыбка, полужакрытые глаза и вся особа, наклоненная съ ласковымъ участіемъ къ Віолеттѣ, и даже самая шляпа, которую онъ кротко вертѣлъ въ рукахъ, какъ бы свидѣтельствовали о невинности его намѣреній. Старше герцога лѣтъ на десять, дю-Понъ былъ въ томъ возрастѣ, когда утомленный, но не раскисший гуляка, поставленный между послѣдней любовью и первымъ ревматизмомъ, становится злымъ, сварливымъ и завистливымъ, когда донъ-Жуанъ исподтишка дѣлается врагомъ хорошихъ женщинъ, продолжая вздыхать по нимъ.

Наступило минутное молчаніе.

— Вы скоро его увидите, — продолжала Віолетта, думая поскорѣе отдѣлаться отъ посѣтителя. — Онъ каждый день заходитъ въ этотъ часъ повидать дочь. Я удивляюсь, что его еще нѣтъ.

— Онъ сегодня не будетъ, — спокойно отвѣтилъ дю-Понъ.

Глаза Віолетты вопросительно устремились на него.

— Нѣтъ, онъ не могъ пріѣхать. У него... какъ, бишь, это называется на матримоніальномъ жаргонѣ?.. свиданіе. Вы знаете, въ чемъ дѣло? Онъ вамъ объ этомъ говорилъ?

Віолетта отрицательно покачала головой.

— Ну, вотъ, его хотятъ женить. О! я не выдаю этимъ тайны. Всѣ это знаютъ. Дѣвица Мофринъезъ девятнадцати лѣтъ, хорошенькая, пять милліоновъ приданаго, ни отца, ни матери; есть тетуски слабаго здоровья—лучшее дворянство Пуату. Епископъ уладилъ дѣло съ герцогиней де-Наваренъ. Какъ? вы этого не знали?—заклучилъ онъ въ формѣ неопредѣленнаго вопроса, поглаживая босы Мадленъ.

— Какъ могла я это знать?—холодно отвѣчала Віолетта. — Мое дѣло воспитывать Мадлену. Герцогъ не сообщаетъ мнѣ о своихъ дѣлахъ.

Это была неправда. Онъ ей пересказывалъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ. Но Віолетта вмѣстѣ съ гордостью и самообладаніемъ открыла въ себѣ способность лгать—неотъемлемое право всякаго слабаго существа, которое мучаютъ, чтобы выпытать его. Она смутилась, когда подумала, что Филиппу угрожаетъ опасность. Но на этотъ разъ ничто не показало ей противнику, что нанесенный имъ ударъ попалъ въ цѣль.

„Я сегодня ничего больше не добыю“, подумалъ дю-Понъ.

И простился, благодаря за „любезный пріемъ“ и обѣщаясь принести конфетъ Мадленѣ.

Послѣ его отъѣзда Віолетта долго оставалась неподвижной, въ застывшей позѣ, съ пристальнымъ и жесткимъ взглядомъ. Мадлена любопытно за ней наблюдала.

— Иди играть... иди въ садъ!—сказала она хриплымъ голосомъ.

— Я не буду сегодня учиться?

— Нѣтъ.

Ей хотѣлось быть одной, чтобы думать.

Около четырехъ часовъ звуки хорошо знакомаго голоса заставили ее вздрогнуть. Филиппъ вошелъ съ бурной радостью.

— Вы меня больше не ждали? У мамѣ было благотворительное засѣданіе, по случаю новаго филантропическаго заведенія, которое хотятъ учредить. Меня заставили сказать рѣчь, родъ проповѣди. Еслибы вы знали, какъ это было нелѣпо! Была толпа старухъ...

— Не все же, думаю, однѣ старухи?—вырвалось у нея, хотя она тотчасъ же пожалѣла, что сказала это. Но Филиппъ не обратилъ никакого вниманія на эти слова.

— Нѣтъ, конечно. Были и молодня, но такія же полоумныя, какъ и тѣ. Не знаю, какъ мнѣ удалось убѣжать. Поговоримъ о другомъ. Ну! вы были вчера въ палатѣ. Какъ вы нашли мою рѣчь?

Онъ сидѣлъ на маленькомъ табуретѣ, почти у ногъ молодой дѣвушки, и глядѣлъ на нее открытымъ и проникающимъ взоромъ. Но Вioлетта, противъ обыкновенія, отворачивала глаза.

— Ваша рѣчь была очень хороша, насколько я могу судить.

— Какъ вы мнѣ это говорите!

— Какъ же я должна говорить?

— Не знаю... Я надѣялся на теплое, задушевное слово. Ну, все равно! пойдете гулять. Мадлена принесетъ свою шляпку и пойдетъ съ нами.

— Извините меня, герцогъ; я сегодня очень устала. Мадлена надѣнетъ шляпку и пойдетъ съ вами.

Опечаленный Филиппъ поглядѣлъ на нее. Что означаетъ это холодное смиреніе? и этотъ титулъ „герцогъ“, который по молчаливому соглашенію былъ изгнанъ изъ ихъ разговоровъ въ послѣднее время? Что они были другъ для друга? Они сами хорошо не знали; отъ этого-то изъ ихъ бесѣды и изгнаны были всякіе титулы и формулы, какъ фамиліарные, такъ и церемонные. Но въ самомъ этомъ уклоненіи отъ всякихъ названій была какая-то скрытая интимность, которою они втайнѣ наслаждались.

И вотъ вдругъ теперь, безъ всякой видимой причины, онъ снова дѣлается „герцогомъ“, человекомъ, который платитъ деньги m-lle Меріанъ за то, что она занимается воспитаніемъ его дочери.

Онъ хотѣлъ бы ее спросить. Но извѣстно, что на вопросъ: „что съ вами?“ — никогда еще женщина не отвѣчала иначе, какъ однимъ словомъ: „Ничего“.

А потому Филиппъ и промолчалъ.

— Пойдемъ, Мадлена.

Ребенокъ молча послѣдовалъ за нимъ въ Саторійскій лѣсъ. Когда они проходили по желѣзнодорожному мѣсту, она вынула что-то изъ кармана.

— Знаешь ты это?

И показала ему ключокъ полированного картона, теперь уже смятый и запачканный, на которомъ стояло имя виконта дю-Понъ.

— Гдѣ ты взяла эту карточку, маленькая шалунья? въ моемъ карманѣ?

— Нѣтъ, не въ моемъ карманѣ, — солидно отвѣчала Мадлена. — Этотъ господинъ прѣзжалъ сегодня въ гости къ мамѣ.

Лицо Филиппа передернулось точно отъ сильной физической боли.

— А что господинъ этотъ въ первый разъ былъ въ гостяхъ у твоей мамы? — спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

Вотъ до чего онъ дошелъ въ какихъ-нибудь нѣсколько се-

бундъ! Въ свою очередь онъ подозрѣвалъ, разспрашивалъ, пользовался легкомысліемъ или коварствомъ ребенка. Это было стыдно, недостойно его, онъ это чувствовалъ, но хотѣлъ знать.

— Въ первый разъ, — отвѣчала Мадлена; — но онъ сказалъ, что придетъ опять.

Прогулка была непродолжительна. Герцогъ вскорѣ привелъ дочь обратно и сѣлъ въ темный уголокъ. Віолетта продолжала работать. Въ продолженіе часа не было сказано ни слова. Сидя на дѣтскомъ стулѣ, Мадлена исподтишка поглядывала то на Віолетту, то на Филиппа. „Дружокъ“ сердился на ея мамѣ. И это она сдѣлала, показавъ ему карточку. Она не знала почему, но наслаждалась результатомъ. Она ссорила большихъ, хотя ей не было еще и девяти лѣтъ отъ роду. Мамѣ провинилась, и ей будетъ отъ того худо. Тѣмъ лучше — она такая строгая. Въ послѣднее время Мадлену совсѣмъ позабыли, и вотъ что отъ того вышло. Нѣтъ, право, это веселѣе, чѣмъ дергать за волосы маленькую Тьерсо или прятать спички m-me Бертеленъ.

Наконецъ, Филиппъ рѣшился уйти и угрюмо простился. Когда дверь за нимъ затворилась, у Віолетты стало еще тяжелѣе на душѣ.

— Знаешь? — сказала тогда Мадлена: — я сказала дружкѣ, что дю-Понъ былъ у насъ.

— Ты сказала это? какая ты злая!

— Ты мнѣ не сказала, чтобы я не говорила.

Вдругъ дверь отворилась: Филиппъ вернулся. Очутившись на улицѣ, онъ вспомнилъ ироническое слово Віолетты о „старухахъ“. Связавъ его съ визитомъ дю-Пона, онъ все понялъ и не могъ удержаться, чтобы не вернуться. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно передъ молодой дѣвушкой, которая дрожала отъ волненія.

— Вы что-нибудь позабыли? — спросила она.

— Да, я позабылъ васъ спросить...

Въ этотъ мигъ его взглядъ встрѣтился съ черными любопытными глазами Мадлены.

— Шла бы ты навѣрхъ укладывать спать куклу!

Когда они остались вдвоемъ, онъ взялъ обѣ руки Віолетты и сѣлъ около нея. Затѣмъ продолжалъ тихимъ и нѣжнымъ голосомъ:

— Я забылъ васъ спросить, почему вы мнѣ не сказали про визитъ дю-Пона.

— Не знаю сама; я дурно сдѣлала. О! я вижу, что дурно сдѣлала.

— Хотите, я вамъ скажу, почему вы мнѣ не сказали?

Віолетта не отвѣчала. Если онъ понялъ ее, — она пропала.

— Вы не сказали мнѣ про этотъ визитъ, потому что не хотѣли повторить того, что вамъ рассказывалъ дю-Понъ. Такъ?

Онъ все еще держалъ ея руки и старался заглянуть ей въ глаза, которые она отворачивала.

— Дю-Понъ сказалъ вамъ, что меня хотятъ женить.

Віолетта опустила голову. О! еслибы она могла исчезнуть въ эту минуту, провалиться сквозь полъ, умереть! Герцогъ медленно повторилъ, — точно ему пріятно было ее мучить:

— Дю-Понъ сказалъ вамъ, что меня хотятъ женить... Вы ему повѣрили и естественно подумали: что станется съ Мадленой, если это событіе совершится. Это васъ тревожило, но изъ деликатности вы молчали.

Думала ли она единственно лишь о Мадленѣ?

И вѣрилъ ли этому самъ Филиппъ? Или же изъ великодушія притворялся, что вѣритъ? Все равно, Віолетта почувствовала, что можетъ приподнять голову.

— Если эта идея мнѣ и пришла въ голову, мнѣ бы слѣдовало ее отогнать. Прошу васъ простить меня за то, что я этого не сдѣлала. Я должна была лучше знать васъ; я должна была знать, что вы не бросите Мадлены, что вы ее не забудете.

— Напротивъ того, вы были въ правѣ этого опасаться, такъ какъ мое предъидущее поведеніе могло подать поводъ къ такому подозрѣнію. Да, вы имѣли право тревожиться насчетъ своей пріемной дочери.

Онъ нѣжно сжималъ ея руку, такъ нѣжно, что это пожатіе казалось невольнымъ. Віолетта не старалась высвободиться отъ этого честнаго рукопожатія; доброта Филиппа трогала ее.

— Но успокойтесь, — продолжалъ онъ, — я не женюсь.

— Отчего же? Ваше имя, ваше положеніе васъ къ тому обязываютъ; ваша мать этого желаетъ, общество ваше подвигаетъ васъ къ тому... Рано или поздно — вы женитесь.

— Я не женюсь, даю въ томъ клятву.

— Потому что m-lle де-Мофриньезъ вамъ не нравится; но завтра, можетъ быть, вы встрѣтите молодую дѣвушку, достойную васъ, и будете рады на ней жениться.

— Еслибы я ее встрѣтилъ, я бы не могъ ее любить... или, вѣрнѣе сказать, я встрѣтилъ молодую дѣвушку, о которой вы говорите. Я ее встрѣтилъ, но не могу на ней жениться. У меня есть тиранъ, преданный, любящій тиранъ, но тиранъ. Вы знаете, что я говорю о матери. Я могу однимъ словомъ разбить ея иго, но вмѣстѣ съ тѣмъ я разобью ея сердце. До послѣдняго издыханія моя мать не разстанется съ нѣкоторыми предрасудками,

отжившими свое время, и вмѣстѣ съ тѣмъ у нея жажда миллионъ, совершенно въ духѣ нашего времени... Я очень гордъ за ту, кого бы я хотѣлъ имѣть женой; я бы считалъ ее оскорбленной, еслибы мать моя встрѣтила ее не съ распростертыми объятіями. Правъ я или нѣтъ?

— Правы, — прошептала она, спрашивая себя, хорошо ли она его понимаетъ, не смущаетъ ли ее фантазія, и дѣйствительно ли эти слова исходятъ изъ устъ Филиппа, или только мерещатся ей?

Они долго сидѣли молча, рука въ руку, очарованные.

Наконецъ, голосомъ, прерывающимся отъ блаженства и волненія, онъ проговорилъ послѣ долгаго молчанія:

— Можно быть счастливымъ и такъ... Бываетъ такая очаровательная дружба, что ее жалъ мѣнять на дюжинное счастье.

Эти слова пролили такой бальзамъ въ душу Віолетты и внушили ей столько довѣрія, что она приблизилась къ нему невольно и положила голову на его плечо, плача отъ радости. Тогда ему показалось, что человѣческое счастье не можетъ заходить дальше. Но въ тотъ самый мигъ, какъ Филиппъ прижалъ губы къ бѣловатымъ волосамъ, рассыпавшимся у него по плечу, онъ почувствовалъ, какъ живо слово „дружба“, только-что произнесенное имъ. Тотъ чистый восторгъ, то мистическое счастье, то ясное сознаніе своей силы, которыми онъ за минуту гордился, растаяли въ немъ, уступивъ мѣсто какой-то невыразимой нѣгѣ. Еще нѣсколько секундъ — и онъ будетъ не властенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, мягко отстранилъ милое личико, наклоненное къ нему, взглянувъ на него еще разъ какъ бы затѣмъ, чтобы запечатлѣть въ памяти этотъ чудный мигъ...

Потомъ Филиппъ подошелъ къ лѣстницѣ, которая вела въ первый этажъ.

— Вернись, Мадлена! — сказалъ онъ.

То былъ конецъ очарованію. Нѣсколько секундъ спустя онъ простился съ Віолеттой.

Но когда онъ вышелъ, то никакъ не могъ рѣшиться удалиться и бродилъ вокругъ павильона, а затѣмъ остановился подъ окномъ маленькой гостиной. Старая кисейная занавѣска плохо закрывалась, и онъ могъ видѣть лицо Віолетты, остававшейся въ той же позѣ, въ какой онъ ее оставилъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ двери, изъ которой онъ вышелъ. Почти сверхъестественный свѣтъ озарялъ ее лицо: расширенные глаза сверкали радостью и экстазомъ. Щеки горѣли, грудь вздымалась отъ счастья.

Филиппъ долго любовался этимъ зрѣлищемъ. Потомъ отвернулся

и съ жаркимъ вздохомъ, съ упоеніемъ самоотверженія и добрѣтели, быстро пошелъ прочь по печальнымъ и безлюднымъ улицамъ, гдѣ старая мостовая звучала подъ его ногами. Онъ думалъ о ней, о ея великодушномъ довѣріи. Бѣдная и благородная дѣвушка! Она была въ его власти!.. Но онъ не заставитъ ее страдать, онъ не обманетъ ея довѣрія!.. Филиппъ переживалъ тотъ моментъ любви, когда сердце ничего не требуетъ, кромѣ отвѣта. Болѣе разсудительный или благородный, чѣмъ другіе люди, онъ общалъ себѣ, что этотъ мигъ, прелесть котораго онъ вполнѣ ощущалъ, продлится долго, продлится вѣчно.

Между тѣмъ какъ его экзальтація все росла, экзальтація Віолетты мало-по-малу затихала и уступала мѣсто жестокому размысленію. Чтѣ она сдѣлала подъ впечатлѣніемъ радости быть любимой,—радости, которая ослѣпила, опьянила ее, лишила разсудка? она выдала себя, выдала болѣе безповоротно, чѣмъ простыми словами. Она показала, чтѣ она чувствуетъ въ душѣ къ тому, кому объ этомъ меньше всѣхъ слѣдовало знать. Горячій взрывъ страсти поразилъ бы ее, и она стала бы обороняться; добрыя, неясныя, но такія почтительныя рѣчи захватили ее врасплохъ. И вотъ она склонилась къ нему на плечо и плакала... Какъ могла она это сдѣлать? Какъ смѣла она такъ поступить?.. Какими глазами она посмотритъ на него завтра?.. При этихъ мысляхъ щеки ея пламенѣли отъ стыда и потъ выступалъ на лбу.

Филиппъ былъ добръ и деликатенъ сегодня. Но всегда ли будетъ онъ такимъ? Куда заведетъ ихъ такая близость? Одно было ясно изъ всѣхъ словъ Филиппа: онъ не могъ на ней жениться. Она сама никогда объ этомъ не думала. О чемъ же она думала? она сама не знала. Бѣдное дитя, воспитанное изъ милости, она принимала счастье, какъ оно давалось, то-есть какъ мечту, готовая вернуться къ неблагодарной, пошлой, горестной жизни, когда мечта разсѣется. Быть можетъ, она думала, что любить безнадежно, а въ такомъ случаѣ гдѣ же была бы опасность? Но теперь туманъ разсѣялся. Филиппъ высказался, и положеніе дѣлъ совсѣмъ измѣнилось. Она смутно боялась того, чего мужчины хотятъ отъ женщинъ. Если любимая женщина не можетъ быть женой, то чѣмъ ее дѣлаютъ?.. Віолетта не хотѣла даже произносить этого слова, но оно насильно просилось на ея цѣломудренный языкъ.

Тогда отвращеніе, гордость, которымъ нельзя научить, но которыя бывають врожденныя, поднимались въ ней и на минуту

подавляли любовь, какъ она ни была сильна. Инстинктъ чистоты бралъ верхъ надо всѣмъ. Лучше смерть, чѣмъ позоръ.

Но она не погибнетъ, она спасется бѣгствомъ. Она убѣжитъ отъ этого опаснаго счастья, она оставитъ этотъ домъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться.

Уѣхать! бросить Мадлену!

Эта мысль причиняла боль, точно рана. Она почувствовала сильнѣе чѣмъ когда-либо крѣпость узъ, привязывавшихъ ее къ ребенку. Да, она глубоко любила ее. По привычкѣ ли? потому ли, что Мадлена была ея дочь? Она не знала, но не могла думать о разлукѣ съ ней безъ боли. Мадлена еще сегодня выглядалась фальшивой и жестокой относительно ея? Но что же такое? развѣ сердятся на дѣтей? Знаютъ ли они, какую они боль причиняютъ? да и желаніе ли огорчить руководило дѣвочкой? не было ли это скорѣе порывомъ любящаго, страстнаго ребенка, мучимаго ревностью? И развѣ ревность эта была неосновательная? Филиппъ не ласкалъ ее больше, холодно говорилъ съ нею, почти не замѣчалъ. Сама Віолетта была, быть можетъ, менѣе къ ней внимательна. Теперь она собиралась совсѣмъ ее бросить! это будетъ низостью, измѣной. Такъ, обманывая себя, она убѣдила себя, что долгъ удерживаетъ ее при Мадленѣ. И она уцѣпилась за этотъ хрупкій софизмъ, какъ за вѣтку, переброшенную черезъ пропасть.

VIII.

Когда Филиппъ появился на другой день, онъ велъ себя такъ, какъ всегда. Ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не показывалъ онъ, чтобы помнить о томъ, что произошло вчера, или желалъ имъ воспользоваться. Освобожденная отъ тяжелой тревоги; съ довѣрчивостью юнаго и любящаго сердца, Віолетта снова погрузилась въ счастье. Увы! иллюзія длилась недолго.

Святая дружба, союзъ душъ—обманчивая мечта благородной и чистой любви! Многіе увлекались ею раньше Филиппа и Віолетты, и многіе будутъ увлекаться ею послѣ нихъ. Какъ сладка была бы близость, не смущаемая грубыми и туманными желаніями; то умственное обладаніе, не знающее пресыщенія и горечи, когда невинность, отдаваясь, оставалась бы невинностью! Эта надежда на сверхчеловѣческое счастье постоянно возрождается въ мірѣ и постоянно обманывается. Скоро атмосфера, которая окружаетъ влюбленныхъ, переполняется страстью. Женщина притягиваетъ какъ магнитъ. Всякое прикосновеніе становится лаской, а всякая

ласка—сладострастіемъ; пожатіе руки производитъ потрясающее впечатлѣніе. Слова, которыми обмѣниваются влюбленные, дышать еще спокойствіемъ дружбы, а уже взгляды жаждутъ поцѣлуевъ.

Свѣтъ, палата, пріятели, мать — все, кромѣ Віолетты, стало теперь безразличнымъ для Филиппа. Онъ жилъ только ею и около нея. Счастливый и веселый сначала, онъ становился нетерпѣливъ и сосредоточенъ. Послѣ долгихъ промежутковъ молчанія голосъ его звучалъ хрипло, выдавая этимъ страшную внутреннюю борьбу, сдерживаемую волей.

Онъ неопредѣленно поговаривалъ о поѣздѣ въ Вандею, необходимую по личнымъ и политическимъ дѣламъ. Віолетта ухватилась за эту идею и почти насильно заставила его рѣшиться ѣхать. Это будетъ, думала она, полезнымъ перерывомъ и прекратить опасное и напряженное положеніе дѣлъ. Филиппъ уступилъ и однажды вечеромъ простился на три недѣли съ версальскими затворницами.

Утромъ Віолетта сошла внизъ съ уныніемъ и тоской. Отвертая ставни гостиной, чтобы впустить солнце, она вскрикнула.

Филиппъ сидѣлъ въ садикѣ и читалъ. Онъ подошелъ къ ней.

— Я не могъ! — шопотомъ проговорилъ онъ.

Съ этого дня она стала читать въ глазахъ Филиппа безмолвную мольбу, можетъ быть — невольную и безсознательную. Новый нравъ проявлялся въ немъ и шелъ въ разрѣзъ съ мягкими, спокойными, почтительными манерами, съ его прежнимъ веселымъ самообладаніемъ. Онъ былъ по очереди унылъ и раздражителенъ. То молчалъ по цѣлымъ часамъ и раздражался отъ пустяковъ, сердился какъ будто на Віолетту, то унижался передъ нею и просилъ прощенья. Отношеніе къ ребенку быстро мѣнялось. Часто Віолетта удивлялась его холодности къ дочери и равнодушію ко всему, что ея касается. „Дѣвочка не умѣетъ заставить себя полюбить“, думала она.

Теперь холодность Филиппа переходила почти во вражду. Онъ рѣзко говорилъ съ Мадленой, бросая на нее строгіе взгляды, жаловался на то, что она слишкомъ шумитъ, а въ другой разъ раздражался тѣмъ, что замѣчалъ ее забывшейся въ уголъ, молчаливой, съ настороженными глазами и ушами. Она видимо стѣсняла его и мѣшала ему. Разъ онъ проговорилъ, точно думая вслухъ:

— Ей было бы лучше въ пансіонѣ!

— А я куда же дѣнусь? — спросила Віолетта: — развѣ я ее дурно воспитываю?

Филиппъ опустилъ голову и умолкъ.

Чѣмъ холоднѣе и суше обращался Филиппъ съ Мадленой, тѣмъ сильнѣе привязывалась къ ней Віолетта, какъ къ единственному ясно сознанному долгу. Она усерднѣе чѣмъ когда-либо давала ей уроки и требовала, чтобы Мадлена неотступно присутствовала, когда бывалъ Филиппъ. Недѣли протекали безъ всякихъ tête-à-tête. Прогулки по уединеннымъ рощамъ и лѣснымъ чащамъ были оставлены. Віолетта ходила слушать полковую музыку въ паркѣ; ее какъ будто притягивала теперь толпа, куда Филиппъ не могъ за нею слѣдовать.

Разъ, послѣ полудня, она выдумала, что ей нужно ѣхать въ Парижъ за покупками, чтобы выгадать нѣсколько часовъ свободныхъ и имѣть возможность на досугѣ обсудить свое положеніе и разобраться въ самой себѣ.

Она возвращалась изъ Парижа съ тѣмъ поѣздомъ, который отправляется въ пять часовъ съ Монпарнасской станціи. Пассажировъ было немного. Въ томъ отдѣленіи, куда она вошла, сидѣлъ толстякъ съ сѣдыми волосами, полуприкрытый большой развернутой газетой. Поѣздъ двинулся. Машинально Віолетта глядѣла сквозь стекла на скучныя окраины большого города, на улицы, кишачія народомъ, на высокіе дома со множествомъ оконъ, съ глухими стѣнами, испещренными гигантскими афишами; на окраины бульваровъ, окруженные гадкими заборами изъ деревянныхъ досокъ; на пролагаемые новые кварталы, съ домишками, спитыми на живую нитку и уже готовыми развалиться; на сѣдѣки не больше комнаты, гдѣ тряпки, навѣшенные на протянутыя веревки, дрожать, точно отъ холода. Она глядѣла на всѣ эти вещи, не видя ихъ, погруженная въ мучительную думу, въ неподвижной позѣ, но съ бурей въ душѣ.

Она не замѣтила, что старый господинъ пересталъ читать, отбросивъ со вздохомъ отвращенія семь или восемь газетъ на лавку, и наклонилъ къ ней желтое лицо съ тройнымъ подбородкомъ и голубыми поблекшими и больными глазами.

— Чортъ меня возьми, — проговорилъ хриплый голосъ, — если вы не та гувернантка, которую я видѣлъ въ Каннѣ четыре года тому назадъ!

Віолетта вздрогнула. Она поглядѣла прямо въ лицо старому господину.

— М-г Реннекенъ?

— Онъ самый... а это вы, не правда ли?

— Да.

— Ага! — съ торжествомъ произнесъ Реннекенъ. — Всѣ эти молокососы въ редакціи воображаютъ, что я становлюсь безпамят-

нымъ. Быть можетъ,—что касается именъ, то я ихъ и забываю! Но лица, чортъ возьми! лица я не забываю... И къ тому же вы поразили меня... Да вотъ помните: я думалъ, что вы хотите поступить на сцену. Кстати, вы были наставницей дѣвочки, ребенка Нелли, которую считали дочерью Наварена. Не знаете ли, что случилось съ бѣдной дѣвочкой?

— Конечно, знаю, тѣмъ болѣе, что возвращаюсь теперь къ ней. Но извините, вы сказали: ребенка, котораго считали дочерью герцога де-Наварена. Я хорошо разслышала? Я не ошибаюсь?

— Безъ сомнѣнія. Дѣло это произвело много шума, когда истина обнаружилась и они разстались... Всѣ газеты пересказали объ этой исторіи. А вы ничего о ней не знаете, хотя и воспитываете ребенка?

— Ровно ничего... Но тогда кто же отецъ?..

— Отецъ? Да Голоминъ же... тотъ самый, который тогда обѣдалъ вмѣстѣ съ нами на виллѣ... Я вижу, что вы мнѣ не вѣрите. Послушайте, вѣдь это вещи щекотливыя. И кстати: вы замужемъ? Нѣтъ, вижу, что нѣтъ. И вижу, что вы все еще та... прежняя. Старая бестія, какъ я, шатающаяся по Парижу уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ, не можетъ въ этомъ ошибиться. А потому, понимаете... есть такія подробности...

— Но какъ же вы узнали?

— Голоминъ похвастался! Онъ былъ вѣдь сумасбродъ, этотъ Голоминъ, полоумный, какъ всѣ эти славяне. И попался въ нигилистическомъ заговорѣ. Теноръ! скажите, какъ это къ нему пристало? Его сослали, и онъ умеръ въ чахоткѣ. Но это не все. Пойдите, дайте вспомнить. Тутъ замѣшана была горничная, которую прогнали. Ахъ! вотъ имена—бѣда моя!

— Альфонсина?

— Можетъ быть... Ну, словомъ, она хотѣла отомстить госпожѣ своей за то, что она дала ей пощечину. Благодаря этой... Альфонсинѣ, какъ вы ее называете, выяснилось какъ Божій день, что лѣта дѣвочки были скражены. Она, оказывалось, старше на цѣлый годъ сравнительно съ тѣмъ, какъ думалъ Наваренъ. Она родилась до его связи съ Нелли. Мальчишка, которому приносятъ трехлѣтнюю дѣвочку, увѣряя, что ей всего полтора года, конечно, ничего въ этомъ не смыслить. Его не удивляетъ, что она такъ развита для своихъ лѣтъ. Еще бы! вѣдь это его дочь. Ему кажется вполне естественнымъ, что онъ—отецъ маленькаго чуда, которое ходитъ, насчитываетъ полонъ ротъ зубовъ и разговариваетъ какъ большая въ то время, когда большинство младенцевъ умѣетъ только реветъ на рукахъ у кормилицы...

И онъ засмѣялся хриплымъ смѣхомъ, напоминавшимъ трескъ спущеннаго голландскаго волчка.

— И вы ничего этого не знали? Вотъ удивительно!.. И воспитывали, однако, ребенка.

— Я и теперь его воспитываю.

— Но кто же платить, однако?

— Герцога... Онъ каждый день навѣщаетъ дочь... то-есть дѣвочку, которую я еще минуту назадъ считала его дочерью.

Лицо Реннекена выразило глубокое удивленіе. Вдругъ онъ вскричалъ:

— Ого! понимаю. Домикъ въ старинномъ кварталѣ Версала, гдѣ герцогъ проводитъ свою жизнь... молодая женщина, которую неизмѣнно сопровождаетъ маленькая дѣвочка... это значитъ вы?

— Да.

— Ахъ, чортъ возьми! вѣдь сколько сплетенъ-то ходить объ этомъ! Мнѣ даже приносили замѣтки по этому поводу для напечатанія въ газетѣ, въ отдѣлѣ „слуховъ“, но я бросалъ ихъ въ огонь... Но скажите же мнѣ, дитя мое, что же происходитъ? чего отъ васъ хотятъ? Какую роль вамъ навязываютъ?

Молодая дѣвушка не отвѣчала ни слова, но руки ея дрожали; она нервно перебирала завязки у шляпы и волосы, которые трепалъ вѣтеръ. Это искреннее волненіе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Извините меня,—началъ Реннекенъ. — Я, можетъ быть, глупо поступилъ, рассказавъ вамъ объ этомъ. Но теперь вы знаете, и если захотите забыть сказанное, это—ваше дѣло. Я по крайней мѣрѣ въ васъ камнемъ не брошу!

— Севръ! Севръ! — кричалъ кондукторъ.

— Я здѣсь схожу; я отправляюсь на фабрику.

Разговоръ рѣзко оборвался, и Віолетта не успѣла ни о чемъ разспросить Реннекена. Но она не сомнѣвалась въ его правдивости. Къ тому же она хотѣла побыть одна, чтобы обсудить новое положеніе дѣлъ, какое ей теперь вдругъ открылось, и привести въ порядокъ свои мысли.

Мадлена не была дочерью герцога. Какъ она не догадалась объ этомъ раньше? Разрывъ съ матерью, внезапно прекращенная пенсія, холодный, стѣсненный и странный видъ, съ какимъ онъ принималъ ее, когда она явилась напомнить ему о позабытыхъ родительскихъ обязанностяхъ, равнодушіе въ ребенку, смѣнившееся въ послѣднее время какъ бы враждой и досадой—теперь, когда постоянное присутствіе Мадлены и ея усиливающаяся ревность служили какъ бы препятствіемъ и упрекомъ! Еще недавно не

говорилъ ли онъ о томъ, чтобы помѣстить ее въ пансіонъ? Да, это ясно, слишкомъ ясно!

Въ первую минуту вслѣдъ за неожиданнымъ открытіемъ, какое ей сдѣлалъ Реннекенъ, она почувствовала лихорадочное желаніе увидѣться съ Филиппомъ, разспросить его, упрекнуть въ обманѣ! Зачѣмъ онъ обманулъ ее? Какая тайная надежда, какая глухая мысль о предательствѣ руководила имъ?

Но чѣмъ болѣе она размышляла, тѣмъ ей все становилось понятнѣе. Герцогъ сначала, конечно, уступилъ чувству жалости къ покинутой всѣми сиротѣ и къ той, которая служила ей приѣмной матерью. Въ этотъ моментъ онъ готовъ былъ высказать правду, и если этого не сдѣлалъ, то лишь вслѣдствіе благородной совѣстливости: не желая обнаруживать передъ нею житейскія мерзости. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ заманить ее въ западню; онъ былъ честенъ и деликатенъ, скрывая отъ нея истину. Онъ мало-по-малу уступилъ чувству непреодолимаго влеченія. По мѣрѣ того какъ поведеніе молодого человѣка выяснялось ей, гнѣвъ ея утихалъ. Но чѣмъ горячѣе сердце ея говорило за Филиппа, тѣмъ сильнѣе сознавала она опасность.

Послѣдніе міражи разсѣялись. Не отецъ Мадлены ежедневно являлся въ домикъ улицы Бурдоннѣ, но человѣкъ, страстно любившій Віолетту Меріанъ. Любовь, одна любовь влекла его туда, гдѣ его ждали муки и радости влюбленнаго человѣка и отсюда онъ не могъ оторваться. Она въ свою очередь чувствовала, какъ ее захватывала, заполняла, гипнотизировала эта великая любовь.

Раскрывая дверцу вагона, она увидѣла герцога, протягивавшаго ей руку.

— Я такъ и думалъ, что вы на поѣздѣ. Но опоздалъ и не успѣлъ васъ разыскать.

Она приняла предложенную имъ руку. Когда они сходили съ лѣстницы, съ ними повстрѣчался какой-то человѣкъ и поклонился. Віолеттѣ припомнились слова Реннекена о слухахъ, носившихся въ кружкѣ знакомыхъ Филиппа. Она прочтала, или ей показалось, что она читаетъ въ улыбкѣ незнакомца: — Наваренъ и его любовница! — Охваченная гнѣвомъ, она хотѣла отнять руку, но не могла. Въ ней уже появилась реакція, какое-то малодушное желаніе ничего не видѣть, ни о чемъ не думать: — Чтѣ ей за дѣло въ сущности!

Она оперлась на руку, которую только-что собиралась отвергнуть.

Филиппъ и не догадывался о внутренней борьбѣ молодой дѣвушки. Онъ чувствовалъ, что она болѣе нервна, чѣмъ обыкновенно, — вотъ и все.

— Послушайте! — сказалъ онъ, останавливаясь на углу улицы Сенъ-Клу: — Я обѣдаю у президента и проведу ночь въ „Резервуарахъ“, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ. Хотите быть доброй, очень доброй?

— Что надо сдѣлать?

— Я васъ не видѣлъ цѣлый день. Позвольте мнѣ пріѣхать въ десять часовъ проститься съ вами. Я пробуду не болѣе минуты, но это заставитъ меня забыть о скукѣ протекшаго вечера.

— Въ десять часовъ! но всѣ будутъ спать; кто вамъ отопретъ?

— Вы. Очень просто.

Она не отвѣчала. Молчаніе принято было за знакъ согласія.

— До вечера! — сказалъ онъ.

— До вечера! — машинально повторила она, удивляясь, точно не ея голосъ произнесъ эти слова.

Быть можетъ, она бы опомнилась и взяла назадъ свое общаніе, но онъ уже удалился, а она, точно прикованная къ мѣсту, слѣдила за тѣмъ, какъ онъ исчезъ въ аллеѣ.

Въ первый разъ ей приходилось принимать Филиппа въ такой часъ. Мадлена будетъ уже уложена въ постель; всѣ въ домѣ будутъ спать... Что такое она дозволила? Что она дѣлаетъ? Что съ нею завтра будетъ?

Было безъ четверти семь, когда Віолетта вернулась домой. Мадлена побѣжала ей на встрѣчу.

— Ты привезла мнѣ что-нибудь изъ Парижа?

— Увы! нѣтъ, мое сокровище, я не подумала.

— Прежде ты всегда думала!

Подали обѣдъ.

— Прикажете надѣть абажуръ на лампу? — спросила служанка.

— О, нѣтъ! ничего не будетъ видно! — закричала Мадлена.

— Да, да! — сказала Віолетта. — Эта лампа глаза рѣжетъ.

Она жаждала темноты; она уже испытывала желаніе прятаться.

Обѣдъ прошелъ молча; Мадлена дулась. Віолетта сѣла въ кресло въ то время, какъ убирали со стола, а дѣвочка принималась раскладывать пасьянсъ.

Толстыя занавѣси на окнахъ, привѣтливый огонь въ каминѣ, мягкій свѣтъ лампы — все это придавало комнатѣ уютную прелесть, и она одинаково годилась какъ пріютъ для мыслителя, такъ и для любовнаго свиданія. Никакого шума не доносилось извнѣ, кромѣ глухой жалобы со стороны гѣса. Внутри ничего не было слышно, кромѣ треска дровъ въ каминѣ и стука маятника. На часахъ пробило восемь. Прежде чѣмъ пройдетъ полночь, судьба Віолетты будетъ рѣшена.

Вдругъ она вскрикнула:

— Мадлена! поди—поцѣлуй меня!

Дѣвочка, удивленная, встала и медленно подошла.

Віолетта вѣрно обняла ее и страстно прижала къ груди.

— Ты мнѣ дѣлаешь больно,—пробормотала дѣвочка.

— Любишь ли ты меня?—шопотомъ сказала Віолетта.

— Да, мамá.

— Ты права: я твоя мать... а ты—моя дочка, моя милая дочка.

Минуту спустя, во время которой она какъ будто успокоилась и собралась съ духомъ, хотя все еще нервная, она сказала уже болѣе спокойно:

— Ты сердилъ на меня за то, что я сегодня о тебѣ не подумала, но теперь этому конецъ; я буду думать только о тебѣ одной. И даже въ эту минуту думаю о томъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе. Ты помнишь нашу добрую Репарату? Хочешь къ ней съѣздить? Ты увидишь овечекъ, куръ и кроликовъ.

Глаза Мадлены засіяли.

— Кроликовъ... какъ маленькій Жанъ, котораго я похоронила въ саду?

— Да, но Жанъ былъ кроликъ изъ картона, а кролики у Репараты живые. Они прыгаютъ; у нихъ длинныя уши и они ими шевелятъ и будутъ ѣсть у тебя изъ рукъ траву.

— О! поѣдемъ сейчасъ!

— Да, поѣдемъ сейчасъ.

— Я позову Шарлотту; она поможетъ намъ уложить чемоданы.

— Никого не зови; намъ не нужно чемодановъ. Надѣнь шляпу и жди меня.

Она быстро вѣзжала по маленькой внутренней лѣстницѣ. Когда она появилась минутъ черезъ десять, то держала въ рукѣ небольшой саквояжъ, куда второпяхъ сунула самыя необходимыя вещи и кое-какіе сувениры и два или три золотыхъ украшенія, сохранявшихся у нея со временъ перваго дѣтства Мадлены. Віолетта была очень блѣдна, говорила отрывисто и рѣзко.

— Ты готова?

— Да, мамá.

— Идемъ.

Послѣднимъ взглядомъ окинула она маленькую гостиную, гдѣ была такъ счастлива и гдѣ могла бы быть счастлива и далѣе, но на новый ладъ. Филиппъ представился ей мысленно.

— Идемъ!—повторила она съ нетерпѣніемъ, чувствуя, что готова расплакаться.

Она вышла, прошла по двору невѣрными шагами, готовая вернуться назадъ. Когда ворота затворились за ней, ей показалось, что надъ ней захлопнули крышку гроба. Черезъ часъ онъ будетъ стоять тутъ, трепеща отъ любви... Сердце ея разрывалось, все существо возмущалось противъ ужасной жертвы. Инстинктъ, толкающій каждое человѣческое существо къ счастью, не дающій ему калѣчить или убивать себя, вопилъ такъ громко, что заглушалъ голосъ совѣсти. Будь онъ здѣсь, она бы упала къ нему въ объятія. Съ минуту она оставалась неподвижная, одурѣвъ отъ горести передъ тяжелыми, затворенными воротами.

— Ахъ!—вдругъ вскрикнула Мадлена.

— Что такое?

— Я не могу ѣхать.

— Отчего?

— Я забыла Мелію.

Мелія—любимая кукла, подаренная „дружкомъ“, съ большими фарфоровыми глазами и „настоящими“ волосами, считалась дочкой Мадлены.

— Ты черезъ нѣсколько дней вернешься и тогда возьмешь ее.

— Ты, значитъ, не знаешь, что она не можетъ обойтись безъ меня?.. не можетъ же она одна ложиться спать... кто же ее будетъ раздѣвать?.. и притомъ она боится спать въ потемкахъ.

Віолетта молчала. Эта пародія на материнство какъ будто имѣла въ виду осмѣять ея добрыя намѣренія. Подумавъ, она сказала:

— Я тебѣ куплю другую.

— Но это не будетъ Мелія; я люблю Мелію. И когда Мелія увидитъ ту, другую, она будетъ завидовать.

Если Віолетта вернется назадъ, то найдетъ ли она въ себѣ силы вновь уйти? Неужели судьба пользуется такимъ вздорнымъ случаемъ, чтобы толкнуть ее въ объятія Филиппа? Неужели рѣшено, что она погибнетъ изъ-за Меліи, погибнетъ изъ-за куклы?

Она напрягла всю силу воли и дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы и странно противорѣчили веселымъ словамъ, напомнила:

— А кролики-то, Мадлена!.. ты вѣрно забыла про кроликовъ?

— О! да, правда! Я о нихъ и не подумала.

И сама схватила за руку пріемную мать и потащила ее за собою. Вскорѣ обѣ исчезли.

А. Э.

XVI-ЫЙ ВѢКЪ И РЕФОРМА

— Е. Шмурло. XVI вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. Спб. 1891.
(Изъ годового Отчета училища Св. Анны за 1891 годъ).

Сочиненіе г. Шмурло есть небольшая брошюра, представляющая повидимому актовую рѣчь, но ея содержаніе возбуждаетъ интересъ. Наши историческія работы въ послѣднее время болѣею частью до такой степени направлены на детали, болѣе или менѣе безразличныя для общаго опредѣленія основныхъ историческихъ событій, что производитъ очень пріятное впечатлѣніе трудъ, хотя бы незначительный по объему, ограниченный самыми общими очертаніями предмета, но касающійся тѣхъ крупныхъ явленій нашей исторіи, съ которыми связано цѣлое историческое и общественное міровоззрѣніе, и которыя, однако, остаются до сихъ поръ спорными.

Несмотря на чрезвычайное расширеніе работъ по русской исторіи за послѣднее время, въ нашей литературѣ остается не мало крупныхъ пробѣловъ, — не говоря о временахъ новѣйшихъ, труднѣе доступныхъ для изслѣдованія, — даже относительно старыхъ временъ, вполне отошедшихъ въ исторію, и для которыхъ основной матеріалъ болѣе или менѣе опредѣлился въ литературѣ, или по крайней мѣрѣ намѣченъ въ архивныхъ каталогахъ. Пробѣлы въ литературѣ обозначаютъ и недостаточную ясность извѣстныхъ историческихъ періодовъ, лицъ и событій, и въ числѣ такихъ невыясненныхъ пунктовъ давно уже указывается и стоитъ на очереди между прочимъ многозначительная эпоха Ивана Грознаго и самая личность этого царя. Въ самомъ дѣлѣ, то и другое до сихъ поръ остается вопросомъ очень темнымъ, хотя важность вопроса обнаруживается уже тѣмъ, что онъ обращалъ на себя вниманіе

съ первыхъ шаговъ нашей научной историографіи, что мнѣнія историковъ расходились до прямой противоположности, и что эпоха Грознаго противопоставлялась даже Петровской реформѣ, какъ примѣръ самобытнаго русскаго прогрессивнаго движенія въ противность насильственному Петровскому преобразованію, нарушавшему чисто національное развитіе нашей исторіи. Разногласіе объ эпохѣ Грознаго начинается уже въ XVIII столѣтіи, и любопытно, что защита Грознаго противъ традиціонныхъ обвиненій въ безцѣльной тиранніи совпадала съ осужденіями Петра, — какъ примѣры этого мы нашли бы и за послѣднее время. Была впрочемъ и другая точка зрѣнія, гдѣ личность и дѣянія Грознаго находили высокую оцѣнку независимо отъ враждебнаго отношенія къ реформѣ: это была точка зрѣнія тѣхъ историковъ, которые въ сороковыхъ годахъ ставили задачу объясненія русской исторіи съ точки зрѣнія органическаго развитія внутренней жизни, причемъ инныя по внѣшности непривлекательныя, даже вопіющія внѣшнія событія и отдѣльныя явленія покрывались успѣхомъ этого внутренняго роста народной жизни. Таковъ былъ нѣкогда взглядъ Кавелина. И до послѣдняго времени представленіе о Грозномъ двойится въ глазахъ нашихъ историковъ: припомнимъ Костомарова, для котораго Иванъ Грозный былъ человѣкъ малоумный, трусливый, зѣвски настроенный психопатъ, полупомѣшанный, а иногда, быть можетъ, и совсѣмъ помѣшанный; или припомнимъ книгу г. Бѣлова ¹⁾, гдѣ дѣянія полупомѣшаннаго представляются, напротивъ, дѣломъ необходимости и политической мудрости и подвѣргаются сомнѣнію даже самые факты жестокостей Грознаго. Самая яркость этого противорѣчія указываетъ, какъ недостаточно разработаны источники, изъ которыхъ извлекаются столь противоположные выводы. Вмѣстѣ съ тѣмъ до сихъ поръ очень недостаточно выяснены и общія условія вѣка, которому, однако, приписывается первостепенная историческая роль.

На этихъ общихъ условіяхъ вѣка остановился г. Шмурло въ своей книжкѣ.

Что дѣло идетъ для автора именно объ этой первостепенной исторической роли XVI-го вѣка, читатель видитъ изъ первыхъ строкъ сочиненія, гдѣ ставится вопросъ о той или другой оцѣнкѣ Петровской реформы. „Царствованію Петра Великаго, — говоритъ г. Шмурло, — издавна усвоено названіе эпохи преобразованій, времени реформаторской, подчасъ даже революціонной дѣятельности. Русское общество XVIII-го и первой половины XIX-го

¹⁾ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка“. Спб. 1886.

вѣка иначе и не смотрѣло на работу перваго нашего императора. Представлялся ли царственный преобразователь „земнымъ богомъ“ или, наоборотъ, „антихристомъ“, одинаково въ обоихъ случаяхъ его время понималось какъ рѣзкій рубежъ, какъ глубокая грань между старою и новою Россіею. Два основныхъ направленія со всѣми ихъ оттѣнками нашли въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія определенное выраженіе въ двухъ школахъ: западниковъ и славянофиловъ“. Указавъ толкованія обоихъ этихъ школъ, авторъ продолжаетъ: „Взглядъ славянофиловъ, принципиально исключая точку зрѣнія западниковъ, сходилъ съ послѣдними лишь въ одномъ: оба направленія видѣли въ дѣятельности Петра переворотъ, рѣзкую перемѣну, разрывъ съ прошлымъ. И для тѣхъ, и для другихъ Петръ заслонялъ своей гигантскою фигурою всю старую Русь“.

Это пониманіе событій того времени должно было отразиться и на нашей исторіографіи. Обзоръ отношеній нашихъ прежнихъ историковъ къ Петровской реформѣ былъ недавно предметомъ особаго изслѣдованія г. Шмурло ¹⁾, и здѣсь авторъ только вкратцѣ упоминаетъ мнѣнія старыхъ историковъ, какъ Шлѣцеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Устряловъ, которые вообще начинали съ Петра новый періодъ русской исторіи, а затѣмъ упоминаетъ о взглядахъ новѣйшихъ писателей, у которыхъ еще продолжается распря славянофиловъ и западниковъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, но уже нѣтъ мѣста прежнимъ крайностямъ. По мнѣнію автора, всего больше уступокъ сдѣлали славянофилы. Уже Хомяковъ уступалъ, что для людей его взглядовъ весь вопросъ былъ въ томъ: былъ ли Петръ *полнымъ* представителемъ потребностей русскаго народа, потому что *частную* правду его дѣла они никогда не отвергали. Новѣйшіе славянофилы, въ лицѣ Н. Данилевскаго, порицаютъ только нѣкоторыя подробности Петровскихъ преобразованій: безусловно вредными они признаютъ только перемѣны въ бытѣ, нравахъ и понятіяхъ русскаго народа—просвѣщеніе слѣдовало развивать извнутри, а не насаждать извнѣ, а Петръ захотѣлъ сдѣлать Россію Европой, и этимъ принесъ ей „величайшій вредъ“. Историки, какъ г. Бестужевъ-Рюминъ, несмотря на все сочувствіе къ взглядамъ Н. Данилевскаго, находятъ именно, что Петръ возвелъ „въ своей геніальной природѣ качества *народныя* до высочайшей степени“, но что дѣло Петра было искажено при его преминкахъ. Указавъ затѣмъ другіе взгляды (какіе между прочимъ излагались и въ „Вѣстникѣ Европы“), авторъ заключаетъ:

¹⁾ „Петръ Великій въ русской литературѣ. Опытъ историко-библіографическаго обзора“. Спб. 1889.

„Нельзя не признать, что въ *обомъ* возрѣніяхъ проявляется, пускай, невольное, но все же большое уклоненіе отъ истины. Идеаль Данилевскаго—насаждать просвѣщеніе не извнѣ, а развивать его изнутри,—вѣрный самъ по себѣ, былъ непримѣнимъ для даннаго времени. Россія *уже была слишкомъ европейскою* державой, чтобы поколѣніями вырабатывать то, на достиженіе или обезпеченіе чего Петръ употребилъ единицы лѣтъ. Держаться въ сторонѣ отъ международной жизни, сознательно чураться европейскаго просвѣщенія значило наложить на себя руку (руки?) и перейти въ разрядъ или азіатскихъ, или третъестепенныхъ европейскихъ государствъ. Никто не станетъ отрицать крайностей и увлеченій Петра Великаго, но торопливость его дѣйствій не составляла личныхъ свойствъ государя, а висѣла, такъ сказать, въ воздухѣ. Періодъ шволь,—а вѣдь таковое значеніе имѣло для Россіи болѣе тѣсное соприкосновеніе съ Европой!—есть всегда періодъ увлеченій, заимствованій. Способность въ эти годы *jugate in verba magistri* говоритъ только въ пользу ученика, доказывая его даровитость, воспримчивость, богато одаренную натуру. Вѣдь только для души косной и неспособной проходить безслѣдно слово учителя.

„Переходя къ другому возрѣнію, разумѣется, охотно признаемъ, что формы московскаго государства и быта были временныя, а не выражали собою исконныхъ національных чертъ русскаго народа; да едва ли теперь кто изъ славянофиловъ и станетъ серьезно поддерживать это представленіе. Точно также внѣ сомнѣнія и тотъ фактъ, что сплоченіе восточно-славянскихъ племенъ въ одно государство произошло далеко не въ такой благодушной формѣ, какъ это казалось нѣкогда славянофиламъ первой формации. Не можемъ спорить и противъ того, что татарское владычество оставило глубокой отпечатокъ въ нашихъ правахъ и формахъ государственныхъ, что въ до-петровскую эпоху личность жила поработенною, а „цѣльность“ не была еще достигнута вполне, и что разрывъ между высшими и низшими классами—въ чемъ, какъ извѣстно, славянофилы постоянно упрекаютъ людей XVIII-XIX вв.—началъ замѣтно проявляться еще и раньше: движеніе антиприказное, всѣ эти бунты казацкіе и крестьянскіе, опозитизированіе Разина въ пѣсняхъ народныхъ,—ясно говорятъ, что идеалы XVII-го вѣка далеко не всѣми понимались одинаково“.

„Но оказалась ли панацеей этому злу реформа Петра?“—спрашиваетъ авторъ и выставляетъ свои возраженія противъ этой послѣдней точки зрѣнія, находившей въ особенности мѣсто на

страницахъ „Вѣстника Европы“¹⁾. Эти возраженія кажутся намъ не весьма доказательными, начиная уже съ того, что *панацей* реформу Петра никто не считалъ. Если бы это была „панацея“, то русскому народу оставалось бы послѣ того только процвѣтать и благоденствовать, чего на самомъ дѣлѣ не было, и этого вовсе не говорилъ историческій взглядъ, оспариваемый въ дальнѣйшихъ словахъ г. Шмурло. Этотъ взглядъ говорилъ только, что многіе существенные недостатки старой русской жизни были сознаны въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣка, и что Петровская реформа открыла путь и полагала *первое начало* въ ихъ исправленію и восполненію. Только первые панегиристы Петра въ XVIII вѣкѣ (къ которымъ въ XIX могутъ быть прибавлены развѣ лишь Устряловъ и Погодинъ) способны были говорить, а можетъ быть, и думать, что Петръ Великій сполна создалъ новый народъ и новую національную жизнь; тѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилось очевиднымъ, что дѣло Петра съ одной стороны было далеко не достаточно, чтобы быть „панацеей“, а съ другой, что народный организмъ и бытовое преданіе были слишкомъ устойчивы для того, чтобы ихъ могла передѣлать въ нѣсколько десятиковъ лѣтъ воля одного человѣка, хотя бы гениальнаго и могущественнаго по характеру и по средствамъ. Въ послѣднее время, въ особенности послѣ трудовъ С. М. Соловьева, историки все больше убѣждаются въ томъ, что преобразование русской жизни на рубежѣ XVIII-го вѣка было дѣломъ чрезвычайно постепеннымъ и медленнымъ, какъ органическій процессъ, и занимались отыскиваніемъ бытовыхъ явленій XVII-го вѣка въ XVIII-мъ и, наоборотъ, разыскиваніемъ въ XVIII-мъ вѣкѣ и даже раньше начатковъ того образовательнаго и преобразовательнаго движенія, самымъ крупнымъ проявленіемъ котораго стала Петровская реформа.

Обращаемся къ возраженіямъ г. Шмурло противъ указанной точки зрѣнія. Здѣсь говорилось между прочимъ, въ противность (выставлявшемуся у славянофиловъ) мнѣнію о *цѣльности* русской жизни и единствѣ народа *московской* Россіи, что этого понятія о народной цѣльности въ тѣ времена не было. Г. Шмурло возражаетъ: „Развѣ можно еще говорить о „цѣльности“ въ эпоху пугачевщины?.. Въ теченіе всего XVIII-го вѣка раскольники бѣгутъ въ лѣса, предають себя сожженію... Если въ XVII столѣтіи „народъ протестовалъ противъ насилія бѣгствомъ отъ государства на окраины въ казачество, разбойничествомъ, которое дошло до эпическихъ размѣровъ въ дѣяніяхъ Стеньки Разина“, то и въ

¹⁾ Ср. Шмурло, „XVI-й вѣкъ“, стр. 6—11.

послѣдующемъ вѣкѣ угнетенная масса находить свой идеаль въ Ванькѣ Каинѣ и въ подвигахъ на большой дорогѣ. Разбойничество—повсемѣстное зло XVIII-го вѣка, а вѣдь что оно такое, какъ не то же казачество, только въ формѣ, обусловленной инымъ временемъ? „Украинѣ“ больше нѣтъ; ихъ заняла сильная правительственная власть; бѣжать больше некуда, дѣйствовать сплошной массою нельзя—приходится разбрасываться по мелочамъ. Мѣры московскихъ государей дѣйствительно были круты, но не забудемъ, что рядомъ съ этой „восточной деспотіей“ мирно ужились земскіе соборы“.

Здѣсь опять возражатель приписываетъ оспариваемому взгляду больше, чѣмъ въ немъ высказано. Точно также въ немъ вовсе не было сказано, будто бы съ Петровской реформы было тотчасъ приобрѣтено то сознаніе цѣльности, котораго этотъ взглядъ не видѣлъ въ Россіи московской. Читатель можетъ провѣрить по цитатамъ г. Шмурло, что объ этой цѣльности, въ противность взгляду славянофильскому, говорилось не какъ о фактѣ, совершившемся въ началѣ XVIII-го столѣтія, а только какъ о народно-общественномъ началѣ, которое съ тѣхъ поръ получило возможность развитія въ русской жизни и котораго нѣсколько осязательные плоды мы можемъ наблюдать только къ новѣйшему періоду нашей жизни. Такимъ образомъ ссылки автора на пугачевщину, на Ваньку Каина и т. п. неумѣстны. Столь же неумѣстно и другое возраженіе. По поводу того, что правленіе Петра было названо суровой деспотіей, г. Шмурло возражаетъ: „Но подобную „суровость“ не трудно отыскать и въ болѣе позднее время. Эпоха временщиковъ, самовластіе Меншикова, Долгорукихъ, наконецъ, бироновщина,—едва ли все это было для народа легче, чѣмъ злоупотребленія Морозова, Плещеева, Милославскихъ и др. Въ такомъ случаѣ можно ли говорить, что въ XVIII столѣтіи существовало „нравственное право“, существовала „личность“? Послѣдняя появляется никакъ не ранѣе 19-го февраля 1861 года“. Опроверженіе опять не соответствуетъ опровергаемому тексту.

Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ, высказанъ слѣдующимъ образомъ: „Очевидно, намъ до тѣхъ поръ не выбратся изъ дебрей Петровскаго вопроса, доколѣ мы не отрѣшимся раз навсегда отъ ложнаго представленія, будто эпоха Петровская есть какая-то грань, какой-то рѣзкій рубежъ межъ старой и новой Россією. Вотъ почему, изображая XVII и XVIII вѣка, какъ два совершенно обособленныхъ міра, мы непременно впадемъ въ противорѣчіе съ реальными фактами, будемъ ли смотрѣть гла-

зами западниковъ или славянофиловъ. Чтобъ быть послѣдовательными, первымъ всегда приходилось отвергать въ по-реформенной Россіи черты, аналогичныя съ чертами XVII-го вѣка, и закрывать глаза на явленія московской жизни, однородныя съ фактами послѣдующаго времени. Совершенно одинаково поступали и славянофилы, въ обратномъ только порядкѣ. На дѣлѣ же вовсе не было такой противоположности, и худая сторона продолжала сохраняться, равно какъ и старое добро не думало изсякать послѣ Петровскихъ преобразованій. Весь вопросъ такимъ образомъ сводится къ разницѣ не *качественной*, а только *количественной*.

Выводъ о тѣсной связи старой и новой Россіи, какъ мы видѣли, не новъ: на этомъ настаиваетъ цѣлый рядъ новѣйшихъ трудовъ о той эпохѣ,—но въ заключительныхъ словахъ кроется однако большое заблужденіе, о чемъ мы скажемъ далѣе.

Главная мысль г. Шмурло идетъ впрочемъ гораздо далѣе. Онъ утверждаетъ, что взглядъ С. М. Соловьева, „будто до-петровская Русь аналогична съ средними вѣками западной Европы“¹⁾, „долженъ быть признанъ невѣрнымъ и устарѣлымъ“. Вести такъ далеко наши средніе вѣка ошибочно: они кончились у насъ одновременно съ западно-европейскими, т.-е. въ концѣ XV-го и къ началу XVI-го вѣка. Если отдѣльныя черты стараго времени проскальзываютъ и позднѣе, то это—обыкновенная черта чело-вѣческаго развитія, и г. Шмурло припоминаетъ, что, напримѣръ, положеніе народной массы во Франціи даже до конца XVIII-го вѣка было такое же безправное, какъ въ средніе вѣка, что въ Германіи мелкіе владѣльцы въ XVIII-мъ столѣтіи еще торговали своими подданными, продавая ихъ на рекрутскихъ рынкахъ; если до-Петровская Русь опредѣляла свое національное бытіе религіозными соображеніями, то и въ самой Европѣ вплоть до конца XVII-го вѣка соображенія религіозныя имѣли такую же силу въ судьбахъ народовъ.

„Разумѣется,—продолжаетъ г. Шмурло,—русское національное самосознаніе XVI-XVII-го вв. было уже нынѣшняго, но все же достаточно широко, чтобъ не называть его только „инстинктивнымъ“ и „недоконченнымъ“. Если западъ въ ту пору рисовался народной массѣ сплошь „фряжскимъ“ или „нѣмецкимъ“, то вѣдь и нынѣ она именуетъ *нѣмцемъ* и *басурманомъ* всякаго иноземца, въ первомъ случаѣ—неправославнаго христіанина,

¹⁾ Авторъ присволяетъ эту точку зрѣнія и писателямъ „Вѣстника Европы“, которые, по его взгляду, повторяли ее вслѣдъ за Соловьевымъ, что не совершенно точно.

во второмъ—мусульманина или язычника ¹⁾. Едва ли и теперь извѣстно ей существованіе испанцевъ, итальянцевъ, шведовъ, датчанъ... Неужели Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Алексѣй Михайловичъ, Ордынъ-Нащокинъ по-дѣтски понимали національные интересы своего времени? Программа русско-литовскихъ отношеній была выработана (?) этими дѣятелями, и Екатеринѣ II только оставалось ее выполнить; балтійскій вопросъ давно уже назрѣлъ въ сознаниі русскаго общества (?), когда великій Петръ принялся за его осуществленіе. Идея народной цѣльности точно также крѣпко владѣла людьми XVI-XVII-го вѣковъ; только она могла породить и отыскать тѣ силы, которыя сберегли русскую землю отъ общей распатанности въ тяжелую годину страшнаго лихолѣтія. Всякій признаетъ, что по силѣ національнаго подъема 1612-й годъ не только не ниже, но и выше, величавѣ 1812-го. Въ то же время растетъ и крѣпнетъ идея о Москвѣ—третьемъ Римѣ, что неизбѣжно выдвигало насъ въ сферу болѣе широкихъ національныхъ представленій“.

„Итакъ,—заключаетъ г. Шмурло,—эпоха Петра Великаго не есть какой-нибудь водораздѣлъ, рѣзко отдѣляющій двѣ совершенно различныхъ системы. Нѣтъ, и до нея, и послѣ нея мы видимъ одно теченіе *однаго и тѣхъ же* водъ“. Только раньше были ручьи, а потомъ большая рѣка, которая производила своей силой впечатлѣніе неожиданности. „Только этою неожиданностью да трудностью услѣдить всѣ связующія нити и объясняется господствующее представленіе о преимущественно *качественной*, а не *количественной* разницѣ XVII-го и XVIII-го вѣковъ“.

Авторъ возвращается снова къ вопросу о первомъ истокѣ этихъ ручьевъ и перечисляетъ писателей, которые искали ихъ за предѣлами Петровской эпохи на пространствахъ всего XVII-го вѣка, причемъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ полагалъ наконецъ, что древнюю Русь отдѣляетъ отъ новой тотъ переломъ, который извѣстенъ подъ названіемъ Смутнаго времени. Но самъ г. Шмурло считаетъ возможнымъ отодвинуть эту грань „еще на одно столѣтіе назадъ“. „Ничего не значить,—говоритъ онъ,—что старина слышится въ XVI-мъ вѣкѣ повсюду: и въ формахъ

¹⁾ Авторъ забываетъ только одно—что въ XVI—XVII-мъ вѣкѣ такіа представленія господствовали поголовно, отъ простонародной массы до самаго боярства; если *теперь* въ народной массѣ сохранились, пожалуй, такіа же представленія о западныхъ иноземцахъ, то люди, получившіе малѣйшее образованіе, достаточно отличаютъ *всѣхъ* европейскихъ „нѣмцевъ“. Г. Шмурло въ своемъ сравненіи забылъ, что *теперь* къ намъ перешла цѣлая масса культурныхъ и литературныхъ пріобрѣтеній отъ главнѣйшихъ народовъ западной Европы, и что мы очень хорошо ихъ различаемъ.

государственной жизни, и въ формахъ общественной, въ дружинномъ бодрствѣ, въ опричиннѣ, въ остаткахъ удѣльнаго и вотчиннаго строя, въ крѣпкой связи съ татарскимъ востокомъ, въ патріархальной неопредѣленности отношеній сословныхъ, въ невыработанности правового начала...

„Необходимо отрѣшиться отъ обычнаго, но неправильнаго пониманія такихъ выраженій, какъ водораздѣлъ, грань, рубежъ и имъ подобныя, и помнить, что смыслъ ихъ въ примѣненіи къ явленіямъ историческимъ весьма условный“. Авторъ приводитъ давнія замѣчанія объ этомъ Соловьева въ началѣ его „Исторіи“ и продолжаетъ свое разсужденіе такъ: „Въ эпохѣ Петра Великаго обыкновенно отличаютъ двѣ стороны: реформу международнаго положенія и реформу внутреннюю, культурную. Но значеніе послѣдней всегда особенно подчеркивалось въ ущербъ первой. Конечно, нельзя было забыть цѣнныхъ результатовъ полтавской побѣды, закрыть глаза на послѣдствія ништадтскаго мира, но все же Петръ I охотнѣе рисовался въ нашемъ воображеніи, какъ работникъ, наставникъ и просвѣтитель своего народа, организаторъ арміи, флота, управленія, промышленности, финансовъ... Точно такъ же и тѣ, кто въ XVII вѣкѣ видѣлъ подготовительную эпоху „предшественниковъ“ Петра,—эту подготовку сводили главнымъ образомъ къ сознанію недостатковъ *внутренняго* строя Россіи. Такимъ образомъ реформа *международная* какъ-то ступшевывалась, а вслѣдствіе этого и впечатлѣніе получалось одно-стороннее.

„Между тѣмъ въ этой *внѣшней* политикѣ и былъ прежде всего источникъ движенія, превратившаго „старую“ Россію въ Россію „новую“. Дѣло въ томъ, что задачи международныя прежде и больше всего вызвали сознаніе и другихъ потребностей, именно культурныхъ: реформъ въ области народнаго хозяйства, финансовъ, организаціи войска, управленія, образованія и т. п., и особенно содѣйствовали въ принятомъ рѣшеніи: ускорить посильное ихъ осуществленіе. Такимъ образомъ начало Новой Россіи слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ начинается международная жизнь нашего отечества. А началась она для насъ съ XVI-го столѣтія. Вотъ основанія, почему на рубежѣ XV-го и XVI-го вѣковъ мы предпочитаемъ ставить вышеозначенную грань.

„Выставляя такое положеніе, мы нисколько не думаемъ ослаблять великаго значенія Петровской эпохи и ничего не возразили бы даже противъ того, чтобы XVI и XVII вѣкамъ, если кто пожелаетъ на этомъ настаивать, усвоено было названіе *подготовительнаго* періода: при нормальномъ ходѣ жизни все предшествую-

щее *подготавливаетъ* и ничто изъ послѣдующаго не можетъ явиться, не имѣя корней въ прошломъ. Дѣло не въ названіи. Но уже если непременно искать такихъ рубежей, то не слѣдуетъ опасаться ставить ихъ даже и тамъ, гдѣ соответствующіе признаки едва только успѣли пробиться, едва только намѣчены“.

Авторъ находитъ, что его мнѣніе о томъ, что новый поворотъ русской исторіи, приписываемый Петровской реформѣ, возникаетъ на самомъ дѣлѣ вовсе не въ концѣ и даже не въ началѣ XVII-го вѣка, а на рубежѣ XV-го и XVI-го столѣтія, что это мнѣніе найдутъ смѣлымъ и парадоксальнымъ; но прежнія мнѣнія кажутся ему совершенно неосновательными. Мы можемъ справедливо говорить о необразованности русскихъ людей московскаго времени, о несовершенствахъ администраціи и военнаго дѣла, о бѣдности матеріальныхъ средствъ,—замѣчаетъ г. Шмурло,—но если станутъ намъ изображать московскую Россію страной азіатскою, чуждою европейскіхъ интересовъ и пассивно ожидающею появленія Петра, чтобы войти въ теченіе европейской жизни, тогда мы сразу попадаемъ въ противорѣчіе съ фактами и законами историческаго развитія. Авторъ полагаетъ, напротивъ, что Россія всегда, по существу своего историческаго и географическаго положенія, была тѣсно связана съ Европою.

„Общность происхожденія и религіозныхъ основъ, преподаваемыхъ христіанствомъ; единовременность вступленія на историческое поприще, — ибо разница во времени слишкомъ ничтожна, чтобы въ данномъ случаѣ стоило принимать ее въ расчетъ, — кромѣ того, географическое положеніе, — ибо восточная часть европейскаго материка неразрывно связана съ западною ея половиною, — все это поставило русскую народность лицомъ къ лицу съ ея европейскими собратьями и неотразимо намѣтило взаимодействие ихъ исторической жизни. Можно говорить о болѣе тѣсной связи германо-романскихъ государствъ между собою; о болѣе вѣрѣнныхъ религіозныхъ узахъ, созданныхъ для нихъ католичествомъ; можно утверждать, что наслѣдіе древняго Рима полнѣе ими воспринято и т. п., — но все это уже будутъ однѣ детали, не измѣняющія сущности самаго дѣла, — два разныхъ побѣга, но всегда одного и того же корня“.

Мы также думаемъ, что всѣ условія русскаго племени предназначали для него участіе въ европейской исторической жизни, но мы все-таки далеко не согласны съ той постановкой этого положенія, какую дѣлаетъ нашъ авторъ. Напримѣръ, мы не думаемъ, чтобы для европейскаго запада и славяно-русскаго востока можно было принимать „единовременность“ вступленія на

историческое поприще: нѣкоторыя изъ европейскихъ государствъ въ ихъ послѣдующемъ составѣ складывались, пожалуй, одновременно или даже позже перваго основанія русскаго государства, но первоначально государственная и особливо культурная жизнь западныхъ народовъ сложилась задолго раньше, и г. Шмурло, соглашаясь уступить, что наслѣдіе древняго Рима было воспринято западными народами полнѣе, напрасно полагаетъ, что это будетъ „одна деталь, не измѣняющая сущности самаго дѣла“. Это послѣднее заключеніе составляетъ весьма крупную историческую ошибку: западный германскій и галльскій міръ, тогда еще варварскій, вступалъ въ сношенія съ Римомъ еще съ первыхъ вѣковъ нашей эры и даже раньше; при распаденіи западной римской имперіи эти племена непосредственно принимали это наслѣдіе, на первое время относясь къ нему варварски и разрушая его, но уже вскорѣ подпадавъ разнообразному вліянію остатковъ древней цивилизаціи, которые стали однимъ изъ основныхъ элементовъ ихъ дальнѣйшей культуры. Черезъ нѣсколько столѣтій эта „деталь“ уже чрезвычайно сильно измѣнила всю сущность западнаго образованія и общественности.

Обращаемся опять къ изложенію г. Шмурло. Характеристика среднихъ вѣковъ и конца ихъ, ознаменованнаго утвержденіемъ европейскихъ монархій, сдѣланная нашимъ авторомъ, опять включаетъ крупныя недоразумѣнія. По его взгляду средніе вѣка представляются какъ бы только подготовительнымъ періодомъ къ послѣдующему развитію (понимаемому только съ политической точки зрѣнія), какъ будто только предисловіемъ къ книгѣ, которое въ крайнемъ случаѣ можно даже пропустить. „Такъ называемые средніе вѣка, — говоритъ онъ, — были для европейскихъ народовъ періодомъ подготовительнымъ, временемъ домашнихъ интересовъ, первоначальнаго образованія, — пора гражданскаго несовершеннолѣтія, когда каждый жилъ про себя, въ своемъ углу (?)“... Авторъ совсѣмъ забылъ, что, напротивъ, при всей раздробленности средневѣковой жизни западный европейскій міръ уже тогда былъ могущественно объединяемъ общимъ характеромъ своего просвѣщенія: во главѣ стоялъ единый католицизмъ и кромѣ того общее наслѣдіе античной цивилизаціи, — два фактора, которые соединяли европейскіе умы въ общей дѣятельности, и путемъ этой общей работы подготовлено было то энергическое умственное движеніе, которое въ позднѣйшемъ сознаніи европейскихъ народовъ получило значеніе великой исторической эпохи, историческаго перелома. Это былъ вѣкъ гуманизма, вѣкъ изобрѣтеній и открытій, наконецъ — церковной реформы. Это былъ грандіозный результатъ

тѣхъ самыхъ среднихъ вѣковъ, когда, по мнѣнію г. Шмурло, „каждый жилъ про себя, въ своемъ углу“.

Итакъ, по мнѣнію нашего автора, весь интересъ среднихъ вѣковъ былъ въ томъ, что они готовили политическое образованіе. „Въ средніе вѣка Европа не знала *государствъ*, а потому въ ней не могло быть мѣста и для европейскихъ державъ“.

„Но вотъ пробилъ часъ, и во второй половинѣ XV-го столѣтія Европа отпраздновала свое вступленіе въ гражданскую жизнь съ ея правами и многотрудными обязанностями. Появленіе *государствъ* неизбежно обуславливало и образованіе изъ нихъ *державъ европейскихъ*. Изъ отдѣльныхъ ячеекъ Европа превратилась въ сложный организмъ; вмѣсто механической мозаики явились члены цѣльнаго и живого существа. При такихъ условіяхъ всѣ эти части непременно двигаются сообща, изолированность недопустима, ибо одинъ изъ органовъ своимъ движеніемъ неизбежно увлекаетъ и остальные. Рѣчь можетъ идти только о болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, о лучше подготовленныхъ, о томъ, насколько извѣстный органъ овладѣлъ необходимыми знаніями, о томъ, кто дѣйствуетъ изъ нихъ активнѣе, кто пассивнѣе;—но какъ государства, какъ части великаго цѣлаго—Европы, всѣ эти народности уже и теперь вступаютъ на путь широкаго международнаго общенія. Короче говоря, неодинаковы могутъ быть *средства*, способы достиженія цѣлей; но самыя цѣли, самыя задачи рисуются и понимаются болѣе или менѣе одинаково.

„Не даромъ конецъ XV-го столѣтія выдвигаетъ повсюду однообразные типы. Генрихъ VII Тюдоръ и Людовикъ XI французскій, Фердинандъ Католикъ и нашъ Иванъ III точно вылиты изъ одной формы. И тамъ, и здѣсь, очевидно, повѣяло новымъ воздухомъ. Уничтожаются феоды и удѣлы, прекращаются вотчинныя владѣнія и возникаютъ *государства* съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ они существуютъ и нынѣ“. Правда, процессъ совершался неравномѣрно; Германія и Италія объединяются только къ нашему времени, но программа была уже установлена.

Въ этомъ отношеніи русская исторія представляетъ полную аналогію съ западной. „Почему,—говоритъ авторъ,—идеалъ царской власти импозантнѣе непременно у Филиппа II испанскаго, а не у его современника, Ивана Грознаго? Князь Андрей Курбскій охотно пожалъ бы руку дюку де-Бурбону, знаменитому сопернику Франциска I. Не даромъ во Франціи Генрихъ IV, Ришельё и Мазарини, въ Россіи—всѣ государи XVI-го вѣка ведутъ такую упорную борьбу: одни съ дворянствомъ, другіе—съ бояр-

ствомъ. Одинаковыя причины всюду вызываютъ и одинаковыя слѣдствія. Увеличеніе налоговъ, реорганизація войска, осложненіе администраціи—характерныя черты равно для запада и для востока Европы въ XVI и XVII столѣтіи. Повторяемъ, разница заключается во времени достиженія, въ болѣе или менѣе легкой, умѣнной и успѣшной, но отнюдь не въ сознаніи и не въ потребности“.

Параллель продолжается и дальше. Какъ въ западной Европѣ выдвигается вопросъ о политическомъ равновѣсіи, возникаютъ политическіе союзы, вопросы политическіе переплетаются съ религіозными, причемъ однако бывало, что политика брала верхъ надъ религіей, такъ тѣ же самыя явленія повторяются и въ русской жизни; какъ въ западной Европѣ вступленіе ея на почву новыхъ отношеній проявилось и въ области экономической, такъ и въ старой Россіи стремленіе пробиться къ Балтійскому морю указывало на желаніе достигнуть активнаго участія въ экономической жизни Европы.

Такимъ образомъ общія условія были одинаковы. Авторъ говоритъ даже, что не только „въ сферѣ международной жизни наше государство съ самаго конца XV-го или, по крайней мѣрѣ, начала XVI-го вѣка идетъ на ряду съ западною Европой“, но и „гражданская зрѣлость съ его юридическою правоспособностію наступила въ одно и то же время для всѣхъ, какъ для француза, такъ и для русскаго, какъ для шведа, такъ и для испанца“.

Съ какими же индивидуальными чертами вступаетъ Россія въ семью европейскихъ народовъ? „Время Ивана III и его преемника,—говоритъ авторъ,—было крупнымъ переломомъ въ русской жизни. Россія впервые почувствовала себя государственнымъ тѣломъ, тѣмъ-то единымъ, крѣпкимъ, а не прежнимъ разорваннымъ на части существомъ. Паденіе монгольскаго ига съ политическою свободою принесло чувство самодостоинства, самоуваженія; законченный процессъ объединенія сѣверо-восточныхъ удѣловъ съ фактическимъ увеличеніемъ власти—чувство единства и солидарности, сознаніе своего я. Вся дѣятельность государственной машины носитъ теперь болѣе величавый характеръ; государственное начало стремится замѣнить собою вотчинное; вольная дружина превращается въ слугъ государевыхъ; духовенство въ лицѣ Іосифа Волоцкаго и его единомышленниковъ энергически поддерживаетъ новые идеалы. Личности самого Ивана III, его сына и тѣмъ болѣе внука проникнуты сознаніемъ своего царственнаго величія. Успѣхъ въ борьбѣ съ татарами не ограничивается отказомъ платить дань: внукъ великаго князя Ивана Васильевича громить

казанское царство и изъ состоянія обороны переходить въ наступленіе“.

Съ паденіемъ Константинополя у русскихъ является представленіе, что только русское государство можетъ стать преемникомъ знаменитой имперіи; великіе князья становятся самодержавными царями божіею милостью; Иванъ Грозный въ 1547 году принимаетъ торжественное коронованіе; въ 1589 утверждается русское патріаршество. Съ возвышеніемъ государства возникаютъ передъ нимъ новыя или расширяются старыя политическія задачи — дѣла польскія и турецкія (съ которыми связаны и крымскія), а наконецъ вопросъ балтійскій. Все это больше и больше связываетъ Россію съ политическими отношеніями европейскихъ державъ. „Русское государство вступаетъ въ магическій кругъ международной европейской жизни. Но такая жизнь есть въ сущности борьба за существованіе. Приходится отстаивать свое политическое бытіе, свой духовный обликъ. Орудія для борьбы у Россіи слабы. Чѣмъ борьба становится напряженнѣе, чѣмъ положеніе рискованнѣе, тѣмъ яснѣе сознаніе необходимости выработать и отыскать эти средства для самозащиты и нападенія. XVII вѣкъ вырабатываетъ это сознаніе, а Петръ Великій разрѣшаетъ и самую задачу. Но слабы проблески и этого сознанія, и самыхъ попытокъ можно найти уже и въ XVI столѣтіи. Вспомнимъ учрежденіе стрѣleckихъ полковъ, появленіе иноземнаго войска, нѣмецкой слободы Навиенъ въ городѣ Москвѣ, торговыя сношенія и съ западомъ, и съ востокомъ, образовательныя попытки Годунова“...

На этихъ основаніяхъ нашъ авторъ и находитъ грань между старой и новой Россіей въ концѣ XV-го и XVI-го столѣтія. Онъ не хочетъ умалять „величавый обликъ и весь широкій размахъ эпохи Петровскихъ преобразованій“, но въ то же время въ интересахъ исторической перспективы напоминаетъ, что „уже XVI столѣтіе всецѣло намѣтило ту международную программу, которую послѣдующимъ вѣкамъ оставалось только развивать и неуклонно ей слѣдовать,—программу, ставшую источникомъ, первымъ побудительнымъ толчкомъ и самого преобразовательнаго движенія. Если эта программа, въ полномъ своемъ объемѣ не выполненная и по сіе время, остается для насъ священнымъ завѣтомъ старины, то мы остаемся въ историческомъ долгу не передъ Алексѣемъ Михайловичемъ, не передъ Петромъ Великимъ, а передъ послѣдними представителями Рюрикова дома“.

Такимъ образомъ все разсужденіе г. Шмурло вращается исключительно на вопросѣ о внѣшнемъ политическомъ развитіи народа,

на государствѣ. Это есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ основныхъ факторовъ народнаго бытія, одно изъ главнѣйшихъ средствъ всесторонняго развитія народныхъ силъ, но дѣло въ томъ, что формы государства бывають различны и кромѣ созданія внѣшней силы, обезпечивающей существованіе народа отъ внѣшнихъ враговъ, требуются средства для воспитанія и проявленія его внутреннихъ дарованій, его силъ, умственныхъ и нравственныхъ, дѣятельность которыхъ направляетъ такъ или иначе и силу матеріальную, — такъ что самое достоинство, а съ нимъ и историческая цѣнность государства опредѣляются достоинствомъ этой внутренней жизни. Такъ, есть государства европейскія и азіатскія; и европейскія государства также бывали и бывають разной силы и достоинства по этому характеру ихъ внутреннего строя, который, при равенствѣ другихъ отношеній, именно и бываетъ мѣриломъ ихъ значенія — и международнаго, и культурнаго... Оставаясь даже на той точкѣ зрѣнія, какую поддерживаетъ г. Шмурло, нельзя не видѣть, что совершеніе тѣхъ задачъ, исполненіемъ которыхъ, по его словамъ, мы остаемся въ историческомъ долгу передъ послѣдними представителями Рюрикова дома, было немислимо при тѣхъ средствахъ, какими владѣла Россія московская — средствахъ какъ матеріальныхъ, такъ умственныхъ и нравственныхъ. Авторъ настаиваетъ, что внѣшнія политическія задачи, исполняемыя Россіей XVIII-го и XIX-го вѣка, были указаны и впервые подняты Россіей XV-го и XVI-го вѣка: это кажется несомнѣннымъ на первый взглядъ; но, не говоря о томъ, что нѣкоторыя стороны этихъ отношеній возникли сами собой изъ чисто географическаго положенія русскаго племени и вопросъ разрѣшался частію даже безъ участія Москвы, — какъ, напр., южно-русская борьба противъ татаръ и поляковъ, — позднѣйшее развитіе этихъ вопросовъ, съ XV-го вѣка и до самаго конца XIX-го, не привело къ тому рѣшенію, какое тогда ожидалось: Москва все-таки не стала третьимъ Римомъ. Если затѣмъ дѣйствительно совершено было многое, что начиналось или о чемъ явились неясныя мысли въ первый разъ въ XV—XVI вѣкѣ, то это совершено было не *тѣми средствами*, какія употребляло старинное государство.

Итакъ, историческое движеніе вообще представляется г-ну Шмурло въ чисто внѣшнемъ государственномъ развитіи: онъ полагаетъ, что можно прямо сравнивать французскую или испанскую монархію съ московскою, западную аристократію съ московскимъ боярствомъ; о явленіяхъ политическаго быта на западѣ и востоцѣ онъ не усомнился рѣшать, что „разница заключается во времени

достиженія, въ большей или меньшей легкости, умѣньш и успѣхѣ, но *отнюдь* не въ сознаніи и не въ потребности“.

Съ другой точки зрѣнія дѣло можетъ представляться какъ разъ наоборотъ. Сходство, указываемое г. Шмурло, простирается только на тѣсный кругъ административныхъ и династическихъ отношеній, но вовсе не простирается на цѣлый характеръ внутренней политической жизни, которая на западѣ, напротивъ, не представляла ничего общаго съ востокомъ. Какъ бы далеко ни шли требованія или дѣйствительныя силы западнаго государства и какъ бы ни были иногда сходны династическія притязанія, западная политическая жизнь владѣла элементами самобытности, какихъ не было въ государствѣ московскомъ: былъ сильный феодализмъ, который не утратилъ значенія и послѣ того, какъ потерялъ непосредственную политическую власть; была сильная церковь, въ средѣ которой шла иная независимая жизнь съ результатами положительными или отрицательными; наконецъ образовывалось и постепенно окрѣпло общество, въ средѣ котораго развивалось просвѣщеніе, уже вскорѣ отразившееся чрезвычайно важнымъ воздѣйствіемъ на жизнь западныхъ народовъ. Не будемъ говорить о взаимныхъ отношеніяхъ западной феодальной аристократіи, церкви и монархіи, — отношеніяхъ, которыя издавна дали западной политической жизни характеръ весьма отличный отъ восточнаго; но и одна сила просвѣщенія, выросавшаго на почвѣ общества, производила въ высшей степени многозначительныя явленія, совершенно чуждыя государству московскому. Г. Шмурло какъ будто считаетъ эту силу европейскаго просвѣщенія чѣмъ-то постороннимъ политической жизни, которая одна представляется ему достойной вниманія; но можно ли забыть, что громадный умственный переворотъ, совершавшійся въ Европѣ въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, отразился въ концѣ концовъ на всемъ содержаніи европейской мысли и складѣ быта общественнаго и даже политическаго. Изобрѣтеніе книгопечатанія положило основаніе, кромѣ расширенія научныхъ средствъ, европейскому общественному мнѣнію; распространеніе гуманизма дало иной поворотъ цѣлому мышленію между образованнѣйшимъ классомъ; реформа Лютера раздѣлила Европу на два враждебные лагеря; открытіе пути въ Индію и открытіе Америки повлекли къ основанію колоній, которыя стали источникомъ могущества морскихъ государствъ западной Европы, и т. д. Всѣ эти событія были именно результатомъ умственной энергіи, созданіемъ не государства, а самаго общества, безыменной и политически безправной силы, которая, однако, произвела цѣлые перевороты въ складѣ евро-

пейской политической жизни: не говоримъ о массѣ разнообразныхъ знаній культурныхъ, множествѣ усовершенствованій ремесленныхъ и промышленныхъ. Времена гуманизма теперь забыты, но именно онѣ сильно содѣйствовали установленію общей европейской науки и просвѣщенія; многія произведенія европейской литературы XVI-го и XVII-го вѣка, Шекспиръ, Сервантесъ, французская драма, стали достояніемъ всемірной литературы;—не говоримъ о временахъ позднѣйшихъ, когда литературное взаимодействіе усиливалось до *международнаго* общественнаго взаимодействія... Всему этому московская Россія оставалась чужда: только небольшое изъ европейскаго знанія, чисто техническое и прикладное, доходило до нея, какъ элементарная практическая необходимость; это необходимое старались приобрѣсти, но не усвоеніемъ чужого высокаго знанія, а просто вызовомъ чужихъ знающихъ людей, которыхъ презирали какъ иновѣрцевъ, но за которыми вынуждены были ухаживать. Въ западной Европѣ мало знали Россію—имѣли съ нею сношенія, какъ съ матеріальной политической силой, но считали ее странною варварскою; она и была дѣйствительно чужда европейскимъ знаніямъ и культурнымъ понятіямъ, чужда идеямъ европейской литературы и искусства, и представители ея, заѣзжавшіе въ Европу въ посольствахъ, съ изумленіемъ смотрѣли на обычныя явленія европейскаго быта и просвѣщенія. Московская Россія входила дѣйствительно въ составъ „европейскихъ державъ“, но русскіе люди не входили въ составъ европейскаго общества.

Если въ XVI—XVII столѣтіяхъ въ западной Европѣ смотрѣли на Россію какъ на страну варварскую, то извѣстно, что и долго потомъ ее считали чуждою европейскому міру по всему характеру ея государственнаго и общественнаго быта, и это отношеніе начинаетъ измѣняться только въ послѣднее время, благодаря не какимъ-либо политическимъ дѣйствіямъ Россіи, а благодаря явленіямъ русской литературы и искусства, возбуждившимъ въ Европѣ удивленіе своею оригинальностью, художественными достоинствами и силой. Извѣстно съ другой стороны, что не только во времена московскія, но и послѣ Петра и его реформы, Европа съ ея общественными нравами и просвѣщеніемъ встрѣчала у насъ, кромѣ небольшого круга болѣе образованныхъ людей, глубокое недовѣріе и подозрительность, именно въ опасеніи, что ея нравы и понятія могутъ дурно повліять на патріархальный складъ нашего быта... Международныя антипатіи—дѣло самое обыкновенное; онѣ перекрещиваются едва ли не во всѣхъ на-
правленіяхъ между народами, встрѣчающимися на политическомъ

поприщѣ; но въ данномъ случаѣ упомянутая враждебность съ обѣихъ сторонъ указываетъ, повидимому, что въ смыслѣ культуры ни та, ни другая сторона не считаютъ себя объединенными и параллельными. Извѣстно, что европейская вражда не одинъ разъ имѣла и весьма серьезныя политическія послѣдствія. Изъ этого факта можно, кажется, заключить, что и выводы нашего историка относительно политической однородности Россіи съ Европой еще съ XV—XVI вѣковъ нуждаются въ болѣе точномъ опредѣленіи, точно также какъ и значеніе Петровской эпохи.

Г. Шмурло настаиваетъ, какъ мы видѣли, что различіе стараго русскаго государственнаго быта и строя отъ тогдашней Европы и различіе Россіи послѣ-Петровскаго времени отъ Россіи XV—XVI вѣка было только *количественное*, а не *качественное*. Выше указано, что, напротивъ, относительно Европы была громадная разниа именно *качественная*, потому что государственныя формы, хотя бы сходныя по вѣншности, по силѣ монархическаго направленія, дѣйствовали въ Европѣ на почвѣ несравненно болѣе высокаго просвѣщенія. Подобная, именно *качественная* разниа отдѣляетъ и Петровскую эпоху не только отъ XV—XVI-го вѣка, но и отъ ближайшихъ ея предшествій въ XVII столѣтіи. Простые, ясные факты той эпохи такъ наглядно указываютъ именно *качественную* разниау той эпохи и предшествующаго времени, что удивительно, какимъ образомъ историки до сихъ поръ недоумѣваютъ въ оцѣнѣ этого различія. Правда, что необходимость европейскаго знанія и искусства понята была въ московской Россіи еще съ XV-го вѣка, и съ того времени старались кое-какъ воспользоваться ихъ *результатами*, хотя только элементарно-практическими: а именно это умѣли сдѣлать только путемъ простаго призыва свѣдущихъ иностранцевъ въ русскую службу. Такъ и шло дѣльхъ двѣсти лѣтъ, съ конца XV-го и до XVII-го вѣка. Обращеніе къ западу опредѣлялось само собою, потому что только на западѣ и можно было найти знающихъ людей по всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ искусствамъ и ремесламъ, какія потребовались для вырастающаго государства — военныхъ людей, рудознатьевъ, лекарей и всякаго рода ремесленниковъ; въ послѣдствіи и Петру оставалось обращаться къ тому же западу Европы. Но эти иностранцы московскаго времени оставались по-сторонней колоніей и только искусственно примывали къ русской жизни, принимая для лучшей карьеры православіе и русское подданство, и если дѣйствительно обращались въ русскихъ, то вторья поколѣнія оставались или опять безплодны, въ смыслѣ культурныхъ знаній, или сохраняли ихъ только въ ограниченной сте-

пени. Петровскія времена именно тѣмъ и отличаются отъ московской старины, что теперь начинается *органическое усвоеніе* западнаго знанія самими русскими людьми посредствомъ путешествій и школы: знаніе представлялось не наемными людьми, которыми и не было никакого интереса распространять его среди туземцевъ; оно дѣлалось *собственностью* самихъ русскихъ людей. Примѣръ самого Петра былъ, кажется, довольно краснорѣчивъ, и историки, начинающіе говорить лишь о количественномъ различіи стараго и новаго времени, не замѣчаютъ въ исторіи слова.

Именно это органическое усвоеніе чужихъ знаній имѣло огромное историческое значеніе и въ смыслѣ государственномъ, и въ смыслѣ культурномъ, общественномъ. Едва ли можно сомнѣваться, что только съ помощью новыхъ средствъ, доставленныхъ реформой, могли быть совершены виѣшніе успѣхи государства въ петербургскомъ періодѣ. Не менѣе многозначительны были пріобрѣтенія культурныя. Историки, строго относившіеся къ реформѣ, любили указывать, что въ цѣляхъ Петра не было никакихъ отвлеченныхъ представленій о широкой свободѣ наукъ, что стремленія его были тѣсно утилитарныя, направленные только для непосредственной службы государству. Это и было вполнѣ естественно въ его положеніи и въ положеніи Россіи, когда настояла нужда укрѣпить государство среди трудныхъ политическихъ обстоятельствъ, когда, между прочимъ, большая половина его царствованія занята была борьбой съ опаснымъ противникомъ, типомъ необузданнаго завоевателя, когда нужно было спѣшить со всѣми его предпріятіями—образовать войско, устроить въ первый разъ флотъ, учредить техническія школы и т. д., и т. д.; но извѣстно, что въ это самое время Петръ заводитъ и типографію, старается размножить книги, между прочимъ такія, которыя вносили бы въ массу пониманіе предметовъ государственныхъ; наконецъ, ему же принадлежитъ первая идея учрежденія чисто-научнаго, какимъ должна была стать академія наукъ. Его бесѣды и сношенія съ иностранными учеными, между прочимъ стоявшими, какъ Лейбницъ, во главѣ тогдашней науки, были фактомъ неслыханнымъ въ русской исторіи и до, и послѣ него, и вмѣстѣ съ извѣстными словами его о движеніи просвѣщенія свидѣлствуютъ, что ему не чужда была мысль и о высокомъ значеніи чистой науки. Иному историку подобныя явленія могутъ казаться одиночными, не имѣвшими дальнѣйшихъ послѣдствій; въ самомъ дѣлѣ услѣдить сложную связь событій во всей ихъ математической послѣдовательности бываетъ мудрено даже для событій современныхъ, которыхъ мы сами являемся свидѣтелями;

тѣмъ труднѣе разобраться въ лабиринтѣ прошедшаго, гдѣ, безъ сомнѣнія, множество знаменательныхъ подробностей совсѣмъ ускользнуло отъ нашего наблюденія, не попавши въ акты или записки современниковъ, — но обязанность историка и весь смыслъ его труда заключаются въ томъ, чтобы извлечь изъ разбросанныхъ подробностей сущность историческаго процесса. При всей трудности этого дѣла, оно однако возможно и историческій процессъ нерѣдко раскрывается передъ нами съ поразительною ясностью, когда мы наблюдаемъ факты въ теченіе извѣстнаго продолжительнаго періода времени и когда бросаются въ глаза новыя явленія, неизвѣстныя прежнимъ эпохамъ. Для восемнадцатаго вѣка есть достаточно такихъ указаній, по которымъ можно судить о вліяніи новаго взгляда на необходимость школы, заявленнаго тогда всего настоятельнѣе самимъ Петромъ, и можно прослѣдить на непрерывномъ рядѣ фактовъ то дѣйствіе, какое имѣлъ на умы современниковъ и слѣдующихъ поколѣній его энергическій починъ и примѣръ. Школа того времени была старая, схоластическая или техническая, но по всѣмъ вліяніямъ вѣка она становилась источникомъ образовательнаго движенія; мысль, пробужденная въ одномъ пунктѣ, мало-по-малу расширяла свой объемъ и создавала новое міровоззрѣніе, какого мы напрасно искали бы въ XVII столѣтіи. Книжки въ старое время воспитывались почти исключительно на традиціонномъ церковномъ чтеніи, а остальному научался однимъ житейскимъ опытомъ, — понятно, что и при большой начитанности, и практическомъ знаніи жизни его умственный горизонтъ былъ тѣсный и односторонній; образованный человѣкъ новѣйшаго времени имѣлъ несравненно болѣе разнообразныя свѣденія, его наука была уже свѣтская и для него впервые открытъ былъ доступъ въ ту богатую западную литературу древнюю и новую, на изученіи которой основалась и новѣйшая русская литература. Много говорили о подражательномъ характерѣ этой послѣдней въ прошломъ столѣтіи: она и не могла быть иною, потому что должна была воспринять и неизвѣстныя прежде формы, въ которыхъ былъ бы просторъ для новаго образовательнаго содержанія и художественнаго творчества, и воспринять, какъ бы въ школьномъ преподаваніи, цѣлую массу понятій, также въ прежнее время неизвѣстныхъ. Первые десятилѣтія XVIII-го вѣка еще не дали этой новой литературы; они прошли въ школьномъ приготовленіи; но извѣстно, что какъ только начались первые литературные опыты у Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, въ этихъ опытахъ оказалось уже несомнѣнное и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе сильное

стремленіе внести въ литературу русское содержаніе и приладить форму къ потребностямъ этого содержанія и къ складу русской рѣчи.

Можно ли сказать, чтобы это новое содержаніе литературы, выражавшей новый характеръ жизни, отличалось отъ стараго только *количественно*? Очевидно, нѣтъ. При всѣхъ недостаткахъ и неразвитости нашей литературы прошлаго вѣка ясно, что въ міровоззрѣніи образованнаго круга произошла характеристическая перемѣна, а именно: старое міровоззрѣніе было въ полной мѣрѣ средневѣковое; теперь все болѣе укрѣплялось специально новѣйшее (*moderne*, по французскому выраженію), которое начинается въ Европѣ со временъ гуманизма въ XV столѣтіи. Такимъ образомъ, если, по мнѣнію нашего историка, Россія шла совершенно въ уровень съ западной Европой и представляла въ XV и XVI вѣкахъ тѣ же политическія явленія, то относительно просвѣщенія она только въ XVIII вѣкѣ вступала на ту дорогу, какая открылась для Европы еще въ XV-мъ. Нашъ историкъ можетъ замѣтить, что „образованіе государствъ“ есть именно основной моментъ въ національномъ самосознаніи и что только имъ должно опредѣляться историческое значеніе событій; но мы говорили уже, какъ бываютъ различны государственныя формы и, напримѣръ, современныя западныя формы государства въ большинствѣ случаевъ не представляютъ уже никакого подобія формъ XV-го вѣка; эти формы чрезвычайно измѣнились подъ вліяніемъ просвѣщенія, осложняющихся отношеній жизни и возрастающей самостоятельности общества.

Наконецъ, новымъ отличіемъ Россіи послѣ-Петровской отъ московской является возникновеніе того, что называется „обществомъ“. Старыя времена не знали этого общества; бытовая жизнь шла или въ безразличныхъ массахъ, въ народѣ, который жилъ преданіемъ, или въ отдѣльныхъ слояхъ населенія, которое группировалось по сословіямъ, по практической дѣятельности и промыслу (боярство, среднее и низшее служилое сословіе, купцы, посадскіе люди и т. п.) и въ которыхъ складывались свои особые нравы и обычаи, но здѣсь не было „общества“, какъ такого круга людей, который образовывался не по принадлежности къ какой-либо сословной или иной технической рубрикѣ, а складывался одинаково изъ всѣхъ слоевъ населенія въ силу известной степени образованія и соединенныхъ съ нимъ интересовъ—науки, литературы, искусства, театра, наконецъ вопросовъ политическихъ и общественныхъ, вызывавшихъ уже сознательное вниманіе. Сравнивъ въ этомъ отношеніи старую и новую Россію, нельзя опять

не видѣть различія качественного, а не количественного, и, восходя къ первымъ начатамъ нашего „общества“, мы открываемъ ихъ опять почти исключительно въ Петровской эпохѣ—въ школахъ, въ первыхъ газетахъ, возбуждавшихъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ, въ „ассамблеяхъ“ и иныхъ подобныхъ стараніяхъ образовывать общественныя группы изъ людей, иначе жившихъ разрозненною жизнью. Великое значеніе „общества“ состояло въ томъ, что въ немъ открывался совсѣмъ новый органъ для развитія образовательныхъ интересовъ, первые зародыши сознательнаго общественнаго мнѣнія и, наконецъ, той самодѣтельности въ области интересовъ общественныхъ и государственныхъ, какой совсѣмъ не знали старыя времена. Силами этого общества создана была новая литература, могущественное средство просвѣщенія, выросавшее вѣдъ какихъ-либо воздѣйствій государства, собственными силами образованнаго круга. Говорить о вліяніи общественной дѣятельности, выразившейся въ литературѣ, значило бы назвать длинный рядъ именъ, составляющихъ нашу національную гордость, оказавшихъ великія услуги нашему просвѣщенію, открывшихъ исходъ высокому художественному творчеству, силы котораго таились въ національномъ гениі, наконецъ, давшихъ самыя глубокія свидѣтельства нашего общественнаго и народнаго самосознанія.

Можно ли это вычеркнуть изъ вопроса о Петровской реформѣ, которая, независимо отъ ея старыхъ предшествій, слишкомъ недостаточныхъ, открывала эту возможность развитія общества? Для исторической точности нужно только прибавить, что Петръ вовсе не былъ *deus ex machina*, что онъ самъ былъ порожденіемъ своего вѣка и народа, что реформа имѣла успѣхъ именно потому, что въ болѣе образованномъ кругу людей вызвала искреннее и сознательное сочувствіе и что его энергія только придавала силу уже зародившимся преобразовательнымъ стремленіямъ, которымъ безъ того пришлось бы завоевать свое право въ гораздо болѣе продолжительномъ историческомъ процессѣ. Самъ Петръ, направляя это движеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ носилъ въ себѣ многія свойства стараго времени, и этой сторонѣ его личности должны быть приписаны многіе недостатки и крайности, въ которые онъ впадалъ и вину которыхъ его новѣйшіе противники относятъ не только лично къ нему, но вмѣстѣ къ предпринятому имъ дѣлу, или даже считаютъ ихъ доказательствомъ внутренней „лжи“ всего этого дѣла. Далѣе, національный порывъ, выразившійся въ реформѣ, сопровождался потомъ реакціей, — болѣе безпристрастные исто-

рики изъ самого славянофильскаго лагеря признають, что дѣло Петра было „искажено при его преемникахъ“, а между тѣмъ и ихъ дѣянія ставятся на счетъ реформы.

Возвращаясь къ книжкѣ нашего автора, надо, кажется, придти къ заключенію, что оспариваемый имъ взглядъ, высказанный особливо С. М. Соловьевымъ, нисколько не опровергнутъ, и удаленіе началъ новой Россіи къ XV и XVI вѣку все-таки не дастъ правильнаго освѣщенія повороту русской исторіи на рубежѣ XVII-го и XVIII-го столѣтій.

А. Пыпинъ.

НА АЕОНѢ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I.

Ежегодно тысячи русскихъ паломниковъ стекаются на Аеонъ, жертвуя и временемъ, и трудовою, сколоченною въ потѣ лица копѣйкою. Туда же, благодаря разсылаемымъ во всѣ концы Россіи печатнымъ воззваніямъ и специальнымъ эмиссарамъ, направляется не мало добровольныхъ приношеній. Присоединимъ къ этому, такъ сказать, экономическому для насъ значенію Аеона его религиозныя преданія, историческое прошлое, своеобразное административное устройство и завѣсу таинственности монастырскаго міра. Совокупностью этихъ условій достаточно мотивируется интересъ нашей публики къ полуострову, издавна именующемуся официально — „Святою Горю“.

Изъ числа старинныхъ литературныхъ трудовъ объ Аеонѣ особенно извѣстностью пользуется описаніе нашего паломника о. *Василія Барскаго* (1744 г.); интересъ его чисто-историческій. Новая же литература сводится по преимуществу къ весьма значительному, ежегодно нарастающему числу изданій русско-аеонскихъ обителей, принадлежащихъ перу анонимныхъ духовныхъ авторовъ и преслѣдующихъ спеціальныя цѣли. Однимъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ, какъ видно изъ печатнаго каталога, издано въ свѣтъ свыше 200 книгъ и листовъ. Въ нашихъ журналахъ и газетахъ разбросаны тутъ и тамъ болѣе или менѣе отрывочныя воспоминанія и замѣтки, могущія лишь въ общемъ итогъ представить цѣну для будущаго историографа Аеона. Изъ богословско-историческихъ изслѣдованій на первомъ планѣ стоятъ

обширные труды преосв. *Порфирія (Успенскаго)*, епископа чигиринскаго ¹⁾. Ученый эллинистъ трижды (въ 1846, 1858-59 и 1861 гг.), и притомъ на продолжительное время, ѣздилъ на Аѳонъ для спеціальнаго изученія древнихъ рукописей и археологическихъ памятниковъ. Мнѣ часто придется ссылаться на его изысканія, въ особенности въ исторической части, въ которой весьма многое даже дословно у него позаимствовано. Со строго-ученымъ характеромъ труда еп. Порфирія дисгармонируютъ нѣкоторыя—правда, не особенно многочисленныя выходки—но едва ли умѣстныя, такъ какъ ими затрогиваются религіозныя чувства. Такъ, по поводу разсказа о посѣщеніи Аѳона царицей Плакидией и бывшемъ при этомъ чудѣ, нашъ авторъ выражается такъ: „Всѣ красоты его, при яркомъ свѣтѣ исторической критики и здраваго смысла, исчезаютъ. Какъ бѣлила и румяна на лицѣ расплываются отъ жара. Прижариваю этотъ разсказъ, и вы смотрите, какъ онъ будетъ потѣть, и какъ слѣзетъ съ него вся поддѣльная облицовка“. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу того же повѣствованія, онъ пишетъ: „Этотъ разсказъ такъ нелѣпы, что и слышать его не хотѣлось бы. Судите сами. Богъ внушаетъ Плакидii войти въ церковь не тамъ, гдѣ вошли въ нее монахи, а какой-то голосъ вопіетъ ей: стой! не то будетъ тебѣ худо. Чей же это голосъ? Какой невидимка осмѣлился кричать такъ, несмотря на Бога, наставника Плакидii? Извините: это голосъ неумнаго разсказчика“.

Во второе свое путешествіе (въ 1858—59 гг.) нашъ ученый провелъ на Аѳонѣ семнадцать мѣсяцевъ. Въ это путешествіе при немъ состоялъ въ качествѣ секретаря *Н. А. Благовѣщенскій*, молодой человѣкъ, впоследствии беллетристъ и редакторъ журнала „Русское Слово“. Во время своего пребыванія на Аѳонѣ Благовѣщенскій велъ дневникъ, который нѣсколько лѣтъ спустя, дополненный удержавшимися въ памяти воспоминаніями, и появился въ свѣтъ. Трудъ этотъ произвелъ впечатлѣніе въ средѣ читающей публики и доставилъ автору большую извѣстность ²⁾.

¹⁾ Исторія Аѳона. Ч. I: Аѳонъ языческій; ч. II: Аѳонъ христіанскій, мірской; ч. III: Аѳонъ монашескій. 1871—1877. Трудъ этотъ, къ сожалѣнію, не оконченъ. Далѣе, его же: „Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты“. Кіевъ и Москва. 1877—1880 г. Оба сочиненія изданы также подъ общимъ заглавіемъ: „Востокъ христіанскій“.

²⁾ Н. А. Благовѣщенскій напечатаны по интересующему насъ предмету.

1) Аѳонъ. Путевыя впечатлѣнія. „Русское Слово“ 1863 г. и отдѣльно. Спб. 1864;

2) Среди богомольцевъ; наблюденія и замѣтки во время путешествія по Востоку. Спб. 8°, изд. I, 1871 и изд. II, 1872.

Профессоръ А. С. Лебедевъ ¹⁾, бесѣдовавшій съ аеонскими монахами, встрѣченными имъ въ Константинополѣ, передаетъ слѣдующій діалогъ, который и приведу съ нѣкоторыми несущественными пропусками. „Какое впечатлѣніе произвело на васъ и вообще на Аеонъ твореніе преосв. Порфірія?“ вопрошаетъ профессоръ своего собесѣдника, о. Евгенія. — „Да нехорошее. Выходитъ, что Богоматерь не была на Аеонѣ, что Аеонъ — не жребій Божіей Матери, а все это одна выдумка монаховъ. Хорошо еще, что греки не знаютъ, а то чистѣйшій соблазнъ! А мы еще такъ радушно открыли ему всѣ наши библіотеки! Кого теперь будетъ привлекать *сомнительная* святыня Аеона?“ — „Ну, на этотъ счетъ ваше безпокойство едва ли основательно, желалъ сказать я въ утѣшеніе о. Евгенію: для вѣрующихъ Аеонъ, несмотря ни на какія научныя изслѣдованія о немъ, будетъ неизмѣнно сохранять значеніе *несомненной* святыни и не потеряетъ привлекающей силы; а невѣрующіе и безъ того не были и не будутъ поклонниками Аеона“. — „Такъ-то такъ, а все-таки не ладно“... — „Полюбопытствовалъ я и о другомъ авторѣ Аеона, о Благовѣщенскомъ“, — продолжаетъ А. С. Лебедевъ. — „Какъ не знать! Душевный молодой человекъ! Мы всѣ отъ души полюбили его, и онъ, казалось, полюбилъ насъ. Со слезами оставлялъ Аеонъ — самъ собственноручно написалъ это въ памятной монастырской книгѣ, въ которой по заведенному у насъ порядку поклонники Аеона, отъѣзжая, обыкновенно вписываютъ что-нибудь намъ о себѣ на память. А между тѣмъ вотъ что вышло, — какъ отпечаталъ насъ! Тутъ, нужно полагать, — такъ у насъ думаютъ, — опять не безъ вліянія Порфірія. Самъ онъ (Благовѣщенскій), любя насъ, едва ли рѣшился бы поступить такъ“. — „Да изъ его книги вовсе и не видно, чтобы онъ пересталъ любить васъ. По моему, онъ и въ книгѣ вездѣ относится къ аеонцамъ тепло, душевно“... — „Положимъ... Ну, а все-таки выходитъ-то вѣдь глумленіе“...

Въ настоящее время книга Благовѣщенскаго поставлена въ Index librorum prohibitorum: и продажа, и выдача ея въ бібліотекахъ для чтенія воспрещена. Нѣтъ сомнѣнія, что ея тонъ послужилъ главнымъ поводомъ къ этому. Въ поискахъ за истиной иногда приходится прибѣгать къ приемамъ не-серьезнымъ. Я съ большимъ интересомъ изучалъ книгу Благовѣщенскаго и извлекалъ изъ нея много; но все же нахожу, что беллетристически фельетонная обработка матеріала у него едва ли соответствуетъ серъ-

¹⁾ Изъ путевыхъ воспоминаній, „Православное Обозрѣніе“ 1882.

езности темы. Къ тому же отъ лица, пользовавшагося семнадцати-мѣсячнымъ гостепріимствомъ, можно было бы ожидать если не больше снисхожденія, то по крайней мѣрѣ болѣе объективности по отношенію къ хозяевамъ и прежде всего полнаго воздержанія отъ шутокъ. Весьма жаль, что талантливаго автора разоблаченій объ Аеонѣ нѣтъ болѣе въ живыхъ—иначе онъ, вѣроятно, первый согласился бы со справедливостью моего сужденія и въ свое оправданіе привелъ бы свои тогдашніе юные годы. Прожить молодому человѣку около полутора года въ обществѣ однихъ монаховъ составляетъ испытаніе, нагоняющее мрачное настроеніе и лишшающее чисто объективнаго сужденія. Свое мрачное, тоскливое настроеніе нашъ авторъ переноситъ даже на природу: „пасется стадо муловъ; стоятъ мулы, какъ статуи, по нуривъ головы, и только машинально обмахиваются хвостами; нигде тоже скучно“. Ему все показалось до того въ черномъ цвѣтѣ, что темносиній съ бѣлымъ крестомъ аеонскій судовоі флагъ онъ принялъ за черный; лишь сѣрая вершина горы почему-то показалась ему бѣломраморною. Преувеличено, „для краснаго словца“, и то, что онъ рассказываетъ объ аеонской нечистоплотности, о мириадахъ прыгающихъ и ползающихъ шестиногихъ паразитовъ, о крысахъ и мышахъ. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что не всѣ противорѣчія между указаніями Благовѣщенскаго и личными моими позднѣйшими наблюденіями могутъ быть обращены въ обвиненія противъ него, ибо, конечно, многое и очень многое на Аеонѣ перемѣнилось за четверть съ лишнимъ вѣка, истекшую со времени его тамъ пребыванія.

Но именно этими новѣйшими перемѣнами оправдывается появленіе въ печати настоящаго очерка. Я пробылъ на Аеонскомъ полуостровѣ всего съ небольшимъ двѣ недѣли—время, достаточное лишь для общаго ознакомленія съ характеромъ мѣстности и бытомъ ея обитателей; но и за это короткое время мнѣ удалось проверить многое,—проверка же всегда легче первоначальнаго собранія фактовъ.

Поводомъ къ моей поѣздкѣ на Святогорскій полуостровъ послужило предполагаемое устройство въ Харьковѣ публичнаго морского акварія: потребовалась предварительная развѣдочная экскурсія въ Эгейское море для выясненія условій приобрѣтенія тамъ и доставки въ Россію живыхъ морскихъ животныхъ. Инициатива этой поѣздки принадлежала одному изъ основателей акварія, А. Н. Эдельбергу, взявшему на себя и часть расходовъ. На Аеонѣ многіе говорятъ по-русски, къ тому же постыши, для которыхъ продукты моря составляютъ важное подспорье

питанія; а потому онъ и показался мнѣ пунктомъ особенно удобнымъ для предполагаемой экскурсіи ¹⁾). Несмотря на та-кой поводъ къ посѣщенію Святогорскаго полуострова, я вовсе не намѣренъ касаться зоологіи, чтò впрочемъ проистекаетъ уже изъ вышесказаннаго. Меня невольно увлекли и красоты природы, и бытовая сторона обитателей; а по возвращеніи своемъ я занялся, для пополненія и систематизаціи вынесенныхъ впечатлѣній, ознакомленіемъ съ исторіей Аеона.

Краткая публичная лекція, прочитанная мною вслѣдъ за тѣмъ въ началѣ прошедшаго года въ Харьковѣ, Курскѣ и Чугуевѣ, могла вмѣстить въ себѣ лишь небольшую долю собранныхъ мною матеріаловъ.

II.

Очаровательный общій амфитеатръ Константинополя со Скутари, столь напоминающій собою видъ Неаполя, тѣмъ болѣе, что и тутъ возвышается сбоку коническая гора,—мало-по-малу расплывается вдаль какъ туманная картина. Вслѣдъ затѣмъ смѣняются виды прославленныхъ Принцевыхъ острововъ, знаменитаго Санъ-Стефано и другихъ окрестныхъ селеній, пока ночь, съ быстротою, свойственною югу, не покроетъ панорамы однообразно-чернымъ покрываломъ. Пароходъ, содрогаясь подъ шумными взмахами винта и монотонно покачиваясь на волнахъ, уноситъ насъ куда-то въ даль, въ какую-то пропасть, мрачную и таинственную, какъ міръ чернецовъ,—цѣль нашего путешествія. Ни одной звѣзды не пробивалось сквозь густыя тучи. Только слабое мерцаніе неизбѣжныхъ трехъ пароходныхъ фонарей да изрѣдка вспышка закуриваемой папиросы или трубки причудливо освѣщаютъ подъ растянutoй на всю палубу парусиною грудю узловъ, кошелей, ларей, въ перемежку со спящими пассажирами... Въ полудремотѣ проходятъ часы за часами, пока среди ночи протяжный ревъ пароходнаго свистка не оповѣститъ остановки предъ огнями Галлиполи, этого конечнаго пункта извѣстной диверсіи генерала

¹⁾ Сопутствующій университетскимъ чучельникомъ и подросткомъ-сыномъ, а въ вербное воскресенье, 3-го апрѣля 1889 г. отплылъ изъ Севастополя въ Константинополь, на пароходъ Р. О. П. и Т. и послѣ невольной остановки въ турецкой столицѣ — въ ожиданіи греческаго парохода — прибылъ на Аеонъ въ страстной четвергъ 7-го числа. На переходы между Севастополемъ и Константинополемъ, съ одной стороны, и Константинополемъ и Аеономъ, съ другой, требуется приблизительно по 30 часовъ на каждый.

Гурко... На разсвѣтѣ оказалось, что мы плывемъ какъ бы по широкой рѣкѣ съ непривлекательными, почти лишенными растительности сѣро-холмистыми берегами. Тутъ и тамъ, то на европейской, то на азіатской сторонѣ, едва выступаютъ на сѣромъ фонѣ земляныя батареи — ключи къ нашему Черному морю. Пишутъ въ газетахъ, будто укрѣпленія Дарданеллъ находятся въ жалкомъ состояніи и только предполагается привести ихъ въ полную исправность. Пусть будетъ такъ, но еслибы въ настоящій моментъ увѣнчивающія ихъ пушечныя жерла внушительнаго калибра заговорили на своихъ огненныхъ языкахъ и справа, и слѣва, перебивая другъ друга, то не видать бы намъ Аеона... На что была эта безконечная остановка въ гавани послѣдняго изъ прибрежныхъ мѣстечекъ пролива, расположенныхъ на азіатскомъ его берегу, — не знаю. Достаточно мы насмотрѣлись на мѣстечко съ его узкими, но зато высокими домиками, на юріе канки съ таможенными чиновниками въ красныхъ фескахъ. Это — голодныя акулы, зорко высматривающіе, гдѣ бы поживиться, особенно на счетъ иностранца, хотя бы при немъ не было даже и зонтика или трости: они готовы безъ зазрѣнія совѣсти запустить хищническую руку въ боковой карманъ вашего сюртука и вытащить бумажникъ, что со мною и было вчера на Золотомъ Рогѣ... Наскучило намъ всматриваться и въ неуклюжіе баркасы, медленно поддерживающіе сообщеніе между судами и набережною. Товаровъ мы не грузимъ; поднятый на мачтѣ синій флагъ съ бѣлымъ евадратомъ, очевидно, не заманиваетъ къ намъ новыхъ пассажировъ; а „практику“, казалось бы, долго ли выдать?.. Наконецъ, послѣдній свистокъ — и мы двинулись. Отъ мѣстечка Дарданеллъ до выхода въ Эгейское море еще порадочный конецъ опять-таки въ виду грозныхъ укрѣпленій съ той и другой стороны. Съ выѣздомъ въ море къ юго-востоку открывается видъ на теряющійся вдаль горный ландшафтъ малоазійскаго берега; а къ сѣверу — на возвышенности Балканскаго полуострова. Пароходъ, можно сказать, съ математическою точностью держитъ курсъ на западъ, гдѣ на южномъ берегу Македоніи широкой трехпалой ладонью вдается въ море полуостровъ Халкидика. Восточный изъ этихъ пальцевъ или второстепенныхъ полуострововъ длиною верстъ въ пятьдесятъ и есть Агіонъ-Оросъ, Святая-Гора; средній именуется Лонгосомъ, а западный — Кассандрой. Свѣжій борею завладѣлъ пароходомъ; съ нимъ вмѣстѣ появились и первые симптомы морской болѣзни; но не надолго. Стихло море; мы подъ прикрытіемъ острова Имбро. Ясно обрисовываются коническія верхушки сѣрыхъ, безлѣсныхъ его горъ; на предгорьяхъ

можно разглядѣть зеленныя поляны и силуэты селеній. Продолженіемъ острова, въ смыслѣ защиты, служить затѣмъ его сосѣдъ съ сѣверо-запада, менѣе обширный Самотраки. Теперь мы вышли изъ пояса затишья: едва намѣченные вдали отроги Родопскихъ горъ не могутъ служить защитой, и насъ опять покачиваетъ на пѣнистыхъ гребняхъ. Цѣлыми часами мы идемъ вдоль, казалось, бесконечно растянутого по нашу лѣвую руку Лимноса. Около полудня вдали на сѣверо-западѣ всплываетъ округленный гористой шапкой островъ Тазо, а прямо противъ носа парохода едва-едва видимо во мглѣ горизонта обрисовывается сизоватое облачко. — Аеонъ! Аеонъ показался! — восторженулись всѣ люди бывалые. Быстро радостная вѣсть облетѣла всю палубу. Начинаются споры: иные увѣряютъ, что тамъ впереди ничего не видно, а старичокъ-крестьянинъ, уже вторично ѣдущій на Аеонъ, спорить, что хотя тамъ и дѣйствительно видна гора, но это еще не та; настоящая-де дальше. Ему горячо возражаетъ послушникъ въ засаженной рясы и монашеской ермолкѣ, тоже паломничащій на Аеонъ уже въ третій разъ. Моя подзорная труба, инструментъ, невиданный нашими мужичками, переходитъ изъ рукъ въ руки; но дѣла онъ не рѣшаетъ: тѣмъ болѣе, что многимъ не удастся навести ее, а другіе ничего не видятъ, кромѣ черного поля. Иные, быть можетъ, и видятъ гору отчетливо, но внутренне все-таки сомнѣваются. Сомнѣніи своихъ они высказать не смѣютъ, ибо только-что кто-то изъ бывалыхъ посмѣялся надъ темнымъ лицомъ, полагающимъ, что надъ Святою-Горою на воздухъ долженъ быть виденъ „образокъ“, рисуемый на лубочныхъ видахъ Аеона: по срединѣ Богоматерь съ младенцемъ и длиннымъ поясомъ, а одесную и опую ея святые—Аѳанасій и Пантелеимонъ.

Проходитъ и четверть часа, и полчаса, и часть, и другой, а гора приближается къ намъ все еще съ неимоверной медленностью. Оформливаясь отчетливѣе, она представляется подъ видомъ расплывчатаго бугра, задернутаго необычайно нѣжно сизоватою мглой и увѣнчаннаго облаками. Бугоръ этотъ возвышается какъ бы островомъ изъ самаго моря. Лишь подѣвжая ближе, мы видимъ, какъ изъ-подъ горизонта выплываетъ цѣлая горная гряда, тянущаяся отъ главной массы къ сѣверу, по направленію къ Халкидикѣ и матеріку, гдѣ тоже начинается обрисовываться горный ландшафтъ. Съ условнымъ изображеніемъ Аеона въ видѣ остроконечной сахарной головы, обставленной такими же головками меньшихъ размѣровъ, дѣйствительность не имѣетъ ничего общаго, и на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ представляетъ собою нѣчто грандіозное. Традиція quand même,—

вотъ единственная причина, почему мы не встрѣчаемъ въ аеонскихъ изданіяхъ согласнаго съ дѣйствительностью общаго снимка горы, а потому и мѣстные монахи-фотографы не дѣлаютъ такихъ снимковъ съ парохода. Но поспѣвшимъ на носовую палубу, откуда доносятся пѣніе и звуки гармоніи. Здѣсь на тѣсномъ пространствѣ столпились пассажиры, все народъ черный и „получерный“. Они сгруппировались по національностямъ, около двухъ центровъ. Слѣва, отчасти подвернувши по-турецки ноги калачикомъ, сидятъ болгары, — въ числѣ ихъ и счастливый обладатель того музыкальнаго инструмента; другіе, прислонившись къ снастямъ парохода въ разнообразныхъ позахъ, дополняютъ группу; заставляющую сожалѣть объ отсутствіи между нами фотографа. Куртки болгаръ всѣ обшиты узорами шнурковъ, у иныхъ такъ густо, что почти не остается непокрытаго ими мѣстечка, а панталоны по своему покрою представляютъ нѣчто совершенно своеобразное и не совсѣмъ для нашего глаза изящное: задъ ихъ мѣшкомъ отвисаетъ до подъолѣнныхъ впадинъ и даже ниже, и чѣмъ ниже онъ отвисаетъ, тѣмъ шикарнѣе считаются панталоны. Аеонъ, очевидно, мало интересуется болгаръ: это не богомольцы, а рабочіе и мелкіе торгаша, большинство которыхъ даже не держитъ туда пути, а дальше — на Солунъ. Мелодія, улаждающая ихъ въ настоящій моментъ, плясовая. Не то мы видимъ на той же носовой палубѣ справа, въ болѣе многочисленной толпѣ русскихъ. Тутъ на свернутой якорной цѣпи усѣлся нашъ послушникъ и по измятому, засаленному листу уже въ третій разъ вытягиваетъ разбитымъ голосомъ славословіе: „Гора Аеонъ, гора святая“... Мужички и мѣщане въ столь извѣстныхъ намъ російскихъ зипунахъ, кто скорчившись на полу, кто стоя, благоговѣнно внемлютъ бывалому пѣвцу аеонской святыни.

Присмотримся теперь къ правовѣрнымъ — туркамъ. На лицахъ всѣхъ, безъ различія положенія и состоянія, рисуется полнѣйшій индифферентизмъ. Предающійся въ настоящій моментъ, какъ и въ продолженіе почти всего остального дня, кейфу, пожилой турокъ съ регулярными, типичными чертами лица привлекаетъ на себя особенное вниманіе. Его необычайно упитанное, заплывшее жиромъ тѣло, въ связи съ опрятнымъ, новымъ шоловымъ костюмомъ, свидѣлствуютъ о зажиточности. Гладко обритая его голова обвита зеленой чалмой: значитъ, онъ превозносился передъ гробомъ Магомета. Рано утромъ мы могли наблюдать, какъ этотъ почтенный мусульманинъ — по всѣмъ, мало подходящимъ къ публичному мѣсту, правиламъ — совершалъ полный обрядъ омовенія подъ краномъ, нарочно устроеннымъ съ этою

цѣлью на палубѣ турецкихъ пароходовъ. Однако, передъ предписаніями религіозными должны, видно, умолкать всякія предписанія стыдливости. Къ тому же единственныя на пароходѣ двѣ-три женщины, уютно расположившіяся на верхней палубѣ подъ брезентами, перекинутыми палаткой черезъ спасательныя лодки, — еще не подымались со своихъ матрасовъ и подушекъ. Между этими женщинами оказалась одна только турчанка; съ нею былъ мужъ, еще молодой, худой, изможденный, въ красной фескѣ, и прелестная дѣвочка лѣтъ пяти или шести. Черноокую шалунью такъ и подбивало, украдкой отъ родителей, къ эквилибристическимъ упражненіямъ на растянутомъ передъ палаткой канатѣ. Свѣзвъ густую черную вуаль, покрывавшую все лицо мамыши, вчера сверкала лишь пара темныхъ глазъ и еле-еле мелькали какіе-то намеки, дававшіе, казалось, право заключить о красотѣ. Но должно быть пророкъ не писалъ своихъ узаконеній для открытаго моря, ибо сегодня прелестная маска, дразнившая наканунѣ наше любопытство, вышла съ непокрытымъ лицомъ и, увы, оказалась съ распухшимъ и покрытымъ струпьями носомъ. Значить, правы путешественники по востоку, увѣряющіе, что густота вуали турчанокъ прямо пропорціональна степени ихъ непригожести.

Томительное ожиданіе, завладѣвшее пассажирами-поклонниками уже съ обѣда, когда впервые въ туманной дали горизонта намѣтилась Святая-Гора, къ четверемъ часамъ перешло въ лихорадочное нетерпѣніе: мы подошли, можно сказать, къ самой горѣ, точнѣе — къ южной оконечности полуострова Агіонъ-Оросъ, и медленно стали огибать его. Пароходъ держался берега на разстояніи, надо полагать, версты или того меньше. Подъ защитой горы волна сгладилась; погода стояла восхитительная, чисто весенняя. Величественнымъ колоссомъ, съ мягкими воническими очертаніями высился главный пикъ гористаго полуострова — гора Аеонъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ея верхушка подъ шапкою тучъ, мѣстами, по склонамъ была испещрена снѣговыми залежами, а книзу переходила въ предгорье. За раннимъ временемъ года, предгорье повыше сѣрѣло своими скалами и безлиственными лѣсами, а ниже красовалось въ сочной растительности весенней и вѣчно зеленой южной флоры. Панорама была восхитительная, напоминавшая въ общемъ наиболѣе красивыя виды крымскаго берега, — съ парохода же еще болѣе величественная. Конечно, на эту сравнительную оцѣнку могли повліять и субъективныя обстоятельства: обаяніе историческихъ преданій и религіозно-восторженное настроеніе спутниковъ, невольно отражающееся и на самомъ безпристрастномъ наблюдателѣ. Однако, несомнѣнно, уже сама по

себѣ природа тутъ величественнѣе крымской, ибо главная гора, возвышаясь надъ уровнемъ моря на цѣлыхъ 6.000', значительно превосходитъ нашъ Чатырдагъ, да къ тому же гораздо ближе придвинута къ морю и не замаскирована предгорьемъ. Восторженное удивленіе паломниковъ, хотя и народа темнаго, а потому менѣе воспримчиваго къ красотамъ природы, возростаетъ съ каждой минутой. Уже издали люди бывалые указывали Лавру, Молдаванскій скитъ и другія обители юго-восточнаго угла полуострова; теперь же, когда пароходъ тянется такъ близко вдоль южной его оконечности, за каждымъ обогнутымъ мыскомъ отерываются все новыя и новыя обители иноковъ, — кельи, то въ видѣ привѣтливыхъ дачъ среди зеленѣющихъ лужаекъ и рощъ, то въ видѣ обѣдныхъ лачугъ, прилѣпленныхъ, казалось, къ отвѣсной стѣнѣ. То и дѣло раздаются возгласы: „какъ туда попадаютъ люди?“ ... Мѣстами эти кельи видѣются лишь тамъ и сямъ, мѣстами густо накраплены по склонамъ, полянамъ и скаламъ. Монастыри св. Павла, Діонисіа, Григоріа, Ксиропота, все греческіе, своими зубчатыми стѣнами высіящиеся надъ моремъ, одинъ за другимъ выступаютъ изъ-за каменныхъ кулисъ. Проходитъ часъ, другой, уже солнце скрылось за грядою Лангоса, когда нашъ пароходъ, обогнувъ еще мысокъ, бросилъ якорь у западнаго берега противъ пристани Дафни, въ виду Пантелеймоновскаго монастыря. Три катера, управляемые монахами трехъ русскихъ обителей, въ нашихъ услугамъ на выборъ. Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ, вся масса русскихъ поклонниковъ устремляется въ Пантелеймоновскій монастырь; въ Андреевскій же и Ильинскій скиты отправляются только единицы. Привилегированное положеніе насъ, пантелеймонцевъ, адептовъ богатѣйшаго изъ монастырей, обнаружилось съ перваго же нашего шага на аеонской землѣ: только наши вещи таможенными коршунами были пропущены безъ досмотра. Видно, *modus vivendi* между монастыремъ и „коршунами“ установленъ. Паспортами нашими турецкіе чиновники еще менѣе интересовались, и пока ихъ разсматривали, насъ препроводили въ страннопримный домъ подлѣ самой пристани. Тутъ же рядомъ еще два такихъ же дома остальныхъ двухъ русскихъ монастырей, гдѣ странникамъ обязательно приходится ночевать, ибо самые монастыри расположены далеко за горами. Рядомъ съ этими домами — карантинъ и таможня. Не меньше часа длилась процедура съ паспортами и выгрузка товаровъ; было уже темно, когда я сбѣгалъ на самоу берегу весьма неожиданное и крайне пріятное открытіе, а именно разглядѣлъ настоящій телеграфный столбъ. Въ нѣсколькихъ де-

сѣткахъ шаговъ оказалась и почтово-телеграфная станція. Такимъ образомъ послѣ морского пути, изъ страны „не отъ міра сего“, можно было дать вѣсточку на родину, да и впредь чувствовать себя не вполне отрѣзаннымъ отъ остального свѣта. Приятное чувство, признаюсь, уравнивалось однако нѣкоторымъ разочарованіемъ, точнѣе, нарушеніемъ иллюзіи о первобытной уединенно-созерцательной жизни Аэона. „Die Civilisation, die alle Welt belebt, hat auf den Athos sich erstreckt“: уже пароходъ казался мнѣ предосудительною уступкою вѣка, но тутъ явился еще и телеграфъ, а тамъ, пожалуй, по туннелямъ и виадуктамъ засвищетъ и паровозъ... Но вотъ и еще новое приятное разочарованіе, въ сущности въ томъ же родѣ. Различіе между пахотникомъ и бархатникомъ соблюдается и въ этомъ мірѣ покаянія: и здѣсь не всѣ оказались равными передъ Богомъ. Нечего дѣлать, принимаю должную дань уваженія и въ небольшой компаніи привилегированныхъ сажусь въ особый катеръ, предоставляя многимъ десяткамъ другихъ ожидать, пока ихъ умѣстятъ чуть не въ повалку въ два большихъ тяжелыхъ баркаса. Отецъ Агапій fait les honneurs въ нашемъ быстровесломъ катерѣ. Это типъ отменно учтивого, предупредительнаго, развязнаго и расторопнаго монаха-джентльмена. Такимъ, конечно, и долженъ быть монахъ, облеченный специальною обязанностью каждый разъ встрѣчать прибывающихъ на пароходѣ поклонниковъ. Монастырское начальство, очевидно, раньше насъ это поняло, — иначе отецъ Галатій съ подворья въ Константинополѣ, который исправляетъ тамъ тѣ же самыя обязанности, не былъ бы такимъ точнымъ повтореніемъ — по отношенію ко всѣмъ перечисленнымъ необходимымъ качествамъ — его аеонскаго собрата и коллеги. Луна еще не восходила; тѣмъ эффектнѣе казались фосфорическія искры, сыплющіяся съ весель.

Больше часа длился этотъ ночной переѣздъ, хотя при свѣтѣ казалось — до монастыря рукой подать. При посадкѣ на мысъ насъ встрѣтила кучка монаховъ и рабочихъ съ фонарями и повела широкой, довольно крутой дорогой, вымощенной гладко отшлифованными отъ долгаго времени камнями. По такой же мостовой, поглощающей почти всю вашу наблюдательность, вы пересѣкаете монастырскій дворъ и достигаете страннопріимнаго дома для „чистой“ публики. Лабиринтомъ лѣстницъ и корридоровъ привели меня и моихъ спутниковъ въ отведенный намъ просторный и вполне опрятный номеръ. До самаго отъѣзда я постоянно сбивался въ путаницѣ корридоровъ и лѣстницъ и даже, забывъ нити Аріадны или камешковъ мальчика-съ-пальчикъ, нацарапалъ

для себя на поворотахъ тайные значенія. Жутко было по ночамъ въ этихъ длинныхъ, тускло освѣщенныхъ корридорахъ, когда вдругъ неожиданно изъ-за поворота выступаетъ передъ вами черная фигура, менѣе всего напоминающая „ангельскій образъ“, а скорѣе — мрачное привидѣніе.

Вновь прибывшіе, или не слишкомъ утомленные съ пути, приглашаются на всенощное бдѣніе, — именно сегодня ночь на страстную пятницу. Сначала, по неопытности, я зашелъ въ главный соборъ, стоящій среди двора, гдѣ служба происходила по-гречески, и потомъ, разспрашивая встрѣчныхъ монаховъ, съ трудомъ системою корридоровъ добрался и до русскаго собора. Первое впечатлѣніе было глубокое; но объ этомъ скажу мимоходомъ въ другой главѣ. Половина слѣдующаго дня прошла въ ожиданіи торжественной официальной встрѣчи съ о. архимандритомъ. Мѣстомъ этой церемоніи являлась монастырская гостиная, по здѣшнему архондарикъ — обширная комната, увѣшенная портретами и ландшафтами и декорированная растеніями. За столомъ, на диванѣ самъ игуменъ, въ черной рясѣ; по сторонамъ, на креслахъ, приближенные монахи. Каждый вновь прибывающій изъ монаховъ падаетъ передъ игуменомъ ницъ. Вася усаживаютъ подлѣ церковнаго владыки; добродушныя черты лица и улыбка его могли бы разсѣять ощущеніе неловкости. Монахъ вноситъ подносы съ угощеніемъ (глиз), съ которымъ, по мѣстному обычаю, всюду встрѣчаютъ гостя. Какъ бы онъ ни былъ голоденъ послѣ дневного марша и не жаждалъ чего-нибудь болѣе содержательнаго, его для начала угощаютъ вареньемъ, конфетами, сладкимъ, крѣпкимъ ликеромъ изъ мастики (рака) или виномъ. Смотря по состоянію хозяина, угощеніе бываетъ болѣе или менѣе богатое и разнообразное. Не долго продолжалась, впрочемъ, аудіенція. Общанія всякаго содѣйствія моимъ специальнымъ цѣлямъ были даны.

III.

Аеонскій полуостровъ вовсе не великъ. Онъ тянется въ видѣ косы длиною всего верстъ въ пятьдесятъ, при ширинѣ въ среднемъ верстъ въ семь. Лишь самая сѣверная, основная его часть, лежащая уже внѣ предѣла монашеской территоріи, низменна, слегка холмиста; вся же остальная, собственно монашеская, покрыта горами. По направленію къ югу эти горы, повышаясь все болѣе и болѣе, можно сказать, оканчиваются аеонскимъ пикомъ, ибо между нимъ и морскимъ берегомъ, какъ уже сказано выше,

остается сравнительно небольшая полоса предгорья. Не требуется особаго умѣнія читать въ широко раскрытой книгѣ природы для того, чтобы и по конфигураціи, и по каменнымъ породамъ аеонскаго хребта заключить о вулканическомъ его происхожденіи. Нѣкогда со дна первобытнаго моря изъ нѣдръ земли рванулись наружу расплавленные массы трахита и лавы. На своемъ пути онѣ подняли отложенные на морскомъ днѣ мѣловые пласты и подъ совокупнымъ дѣйствіемъ давленія и страшнаго жара переплавили ихъ въ мраморъ. Лишь тамъ и сямъ изъ трещинъ выперлись наружу застывшіе трахиты и лавы, вообще же вся остальная кора хребта—мраморная. Отъ вывѣтриванія съ поверхности мраморъ кажется сѣрымъ, да и въ отдѣлѣхъ я не видалъ бѣлыхъ образцовъ. Цѣтъ же полированныхъ мѣстныхъ мраморныхъ издѣлій большею частью пестрый, желтовато-бурый, въ лучшемъ случаѣ сѣло-сѣрый съ темными жилками, какъ колонны и брусья, предназначенные для недостроеннаго храма при Старомъ Русикѣ.

Сохранилось мнѣніе сказаніе о пылавшемъ нѣкогда въ огнѣ Аеонѣ. Сказаніе это основано на дѣйствительности, и кто можетъ поручиться въ томъ, что Святая-Гора послѣ продолжающагося цѣлыя тысячелѣтія отдыха не послѣдуетъ недавнему примѣру тоже, казалось, на вѣки-вѣчныя убаюканной Этны? Сбоку, близъ вершины горы, и по сію пору существуетъ кратеръ, болѣе подъ видомъ бездонной трещины ¹⁾. О кратерѣ этомъ, запрятанномъ на недоступномъ для обыкновенныхъ туристовъ мѣстѣ, передавалъ мнѣ игуменъ о. Макарій, присовокупляя, что изъ него по временамъ выдѣляются дымъ и сѣристые пары. Впрочемъ, сѣристый запахъ, по его же словамъ, ощущается иногда и у подножія горы во время землетрясеній. Землетрясеніямъ же полуостровъ подвергается весьма нерѣдко. Къ слабымъ колебаніямъ земли монахи до того привыкли, что относятся къ нимъ совершенно спокойно. Такъ съ полнымъ равнодушіемъ они мнѣ передавали о землетрясеніи, бывшемъ за нѣсколько дней до моего пріѣзда, и о другомъ, случившемся уже при мнѣ, во время все-нощнаго бдѣнія. Къ немалой своей досадѣ, я его проспалъ, будучи утомленъ трудами дневного путешествія. Весьма охотно очевидцы рассказывали о послѣднемъ большомъ землетрясеніи, посѣтившемъ Аеонъ 10-го августа 1859 г. Среди ночной службы внезапно стали содрогаться стѣны и своды собора, а паникадила заходили, точно раскачиваемыя нарочно, по случаю торжества.

¹⁾ Еп. Порфирій упоминаетъ даже о трехъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ, угасшихъ огнедышащихъ жерлахъ.

Свидѣтелемъ этого явленія былъ и нашъ Благовѣщенскій. Съ полною откровенностью онъ повѣствуетъ, какъ выбѣжалъ изъ монастырскихъ стѣнъ безъ оглядки, и какъ его при этомъ останавливали монахи. Впрочемъ, мнѣ одинъ изъ нихъ сознался, что было-таки страшно, и немногаго недоставало, чтобы молящіеся, забывая о цѣли своей жизни, покаянной смерти, стали спасаться изъ-подъ угрожавшихъ разрушеніемъ сводовъ; однако, священнодѣйствующіе подали примѣръ стойкаго упованія на Вседержителя, и служба такъ и не прерывалась.

Святогорскій полуостровъ лежитъ немного южнѣе Неаполя. Правда, его выгодное климатическое условіе нѣсколько умалывается нѣкоторымъ удаленіемъ на востокъ; но тѣмъ не менѣе, подобно Италіи, онъ не знаетъ настоящей зимы. Снѣга и даже легкаго мороза, въ береговой полосѣ, конечно, и тутъ не бываетъ; точнѣе, они представляютъ феноменальныя исключенія. Другое дѣло—высокіе пояса, въ особенности вершина горы, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ господствуетъ зима и образуются громадины залежи снѣга. Въ эти мѣсяцы восхожденіе на вершину бываетъ невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень рискованно.

Въ береговомъ поясѣ оба склона хребта, по свидѣтельству монаховъ, замѣтно между собою различаются въ климатическомъ отношеніи, при чемъ климатъ на восточномъ склонѣ болѣе уѣренный и влажный, нежели на западномъ, гдѣ дожди бываютъ рѣже, и засуха и удушье достигаютъ лѣтомъ нестерпимой степени. На самомъ дѣлѣ, въ то время какъ на восточномъ берегу ручьи попадаютъ на каждой верстѣ, на западномъ только изрѣдка тощій ручеекъ веселитъ глазъ путника.

Флора Аеона въ значительной степени напоминаетъ собою западно-кавказскую и крымскую; но къ ней примѣшиваются еще новыя, южныя формы. Само собою разумѣется, что при неравномѣрномъ распредѣленіи влаги сила растительности на западномъ и восточномъ склонахъ полуострова не можетъ быть одинаковою¹⁾. Перевѣсъ, разумѣется, на сторонѣ склона восточнаго. Индѣйскія джунгли извѣстны мнѣ только по описаніямъ, но не думаю, чтобы чаща кустовъ и всякаго рода ползучихъ растений могла въ нихъ достигать болѣе густоты, нежели на многихъ мѣстахъ восточнаго аеонскаго склона. Не только человѣку, но, думается, и кошеѣ не пробраться севозъ это сплетеніе лѣтвы и колючихъ прутьевъ. При довольно значительномъ подъемѣ аеонской гради

¹⁾ Этими, конечно, не исключается то, что нѣкогда ручьи могли быть одинаково обильными на обоихъ склонахъ, и что расположенные на западномъ обзаванъ первоначально своимъ изсяканіемъ болѣе сильной порубѣ лѣсовъ.

обнаруживается уже очень замѣтное измѣненіе флоры въ вертикальномъ направленіи, при чемъ можно различать три пояса: вѣчно-зеленыхъ растений, лиственныхъ растений, сбрасывающихъ на зиму листву, и хвойныхъ. Въ первой половинѣ апрѣля, въ которой относятся мои экскурсіи по полуострову, лиственные деревья только начинали распускаться, и потому контрастъ между полосой вѣчно-зеленыхъ и лиственныхъ древесныхъ породъ былъ особенно рѣзокъ. Само собою разумѣется, три пояса не сразу переходятъ одинъ въ другой, а къ поясу вѣчно-зеленыхъ деревьевъ и кустовъ примѣшиваются и растенія съ опадающей листвою, какъ волошскій орѣхъ и *Cobethea arborescens*, застигнутая мною въ полномъ цвѣтѣ и густо усыпанная лиловыми мотыльковыми цвѣтами, еще безлиственная; вѣтви этого деревца, вмѣстѣ съ желтыми благоухающими цвѣтами *Genista eugoraea*, придавали живость и яркость растительнымъ ландшафтамъ береговой полосы. Наиболѣе распространенными въ этой полосѣ являются болѣею частью невысокіе, округлые кусты совсѣмъ свѣтло-зеленаго или, точнѣе, почти желтаго цвѣта. Ихъ листья мелкіе, по краямъ игольные. На цѣлыя версты эти кусты господствуютъ надъ всею остальною растительностью. Растеніе это завѣдомо сильно распространено и въ соседнихъ мѣстностяхъ Македоніи, служа тамъ матеріаломъ для выжиганія угля. Мудрено догадаться, чтобы эти постоянно зеленые, точнѣе — желтые, колючіе кустарники представляли собою видъ дуба — *Quercus ilex*. Разростаясь, гдѣ этому не препятствуютъ люди и скотъ, въ деревья, *Quercus ilex* лишь иногда, имѣя уже стволъ, толщиною при основаніи въ цѣлый обхватъ, сохраняетъ еще характерные для кустарника зеленовато-желтые, колючіе листья; нормально же листва эта замѣняется темными, сѣро- или черно-зелеными. Не только по цвѣту, но и по формѣ они похожи на масличные и лавровые и, подобно имъ, имѣютъ ровные, а не выемчатые, какъ наши дубы, края. Такимъ образомъ не листья, а плоды, желуди, обличаютъ истинную природу этого дерева. Изъ числа другихъ деревьевъ прибрежной полосы упомяну еще о маслинѣ (*Olea eugoraea*), отличающейся отъ культивированной лишь болѣе мягкими плодами; далѣе, о двухъ видахъ земляничнаго дерева, а именно *Arbutus unedo* и *andrachne*, изъ коихъ второй привлекаетъ вниманіе и нашихъ крымскихъ туристовъ: онъ періодически сбрасываетъ наружный слой коры, послѣ чего стволъ становится ярко-краснымъ, точно полированный коралль. Здѣсь, на Аеонѣ, арбутусы весьма распространены, по преимуществу на южномъ и юго-восточномъ склонахъ. Дикорастущій лавровый кустъ (*Laugus nobilis*) образуетъ собою цѣлыя

группы или рощицы—высотой въ двѣ, три сажени; иногда онъ даже выгоняетъ древесную штамбу. Видъ вересковыхъ (*Ericineae*), разводимый у насъ въ оранжереяхъ, разрастается тутъ въ кусты, вышиною въ нѣсколько аршинъ. Виноградъ, растущій здѣсь,—какъ на Кавказѣ и въ Крыму,—также въ дикомъ состояніи, *Clematis*, ползучій шиповникъ, и другія лазящія растенія образуютъ, въ особенности въ болѣе влажныхъ ущельяхъ, густыя гирлянды, оплетающія кусты и деревья. Хотя эти прелестныя украшенія растительной жизни при мѣѣ только-что начинали распускаться, тѣмъ не менѣе уже можно было получить представленіе о роскошномъ ихъ видѣ въ полной листвѣ. Житель сѣвера, скитаясь по тропинкамъ береговой полосы Аѳона, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаютъ вѣчно-зеленыя лавры, дубы, маслины, илеиксы, мнитъ себя въ волшебномъ саду. Повыше въ гору, вмѣстѣ съ климатомъ, мѣняется исподволь и растительность. Вѣчно-зеленый дубъ мало-по-малу уступаетъ свое господство нашимъ роднымъ породамъ, съ ихъ свѣтлою, опадающею на зиму листвою, а далѣе—настоящему, съѣдобному каштану (*Castanea vesca*). Каштанъ—чуть ли не преобладающая лѣсная порода, въ особенности на западномъ склонѣ хребта. На разстояніи многихъ верстъ, и вдоль, и поперекъ полуострова, тянется непрерывный каштановый лѣсъ, ласкающій взоры путника своей веселой, свѣтлой зеленью. Но, въ сущности, какъ жалокъ этотъ лѣсъ: онъ свидѣтельствуешь о томъ, что и изъ-подъ всякой одежды проглядываетъ хищническая натура человѣка, не умѣющая благоговѣть ни передъ красотою природы, прославляющими Творца, ни передъ гармоническимъ, премудрымъ ея устройствомъ, не допускающимъ безнаказанно ея искаженія. *Après nous le déluge*—этотъ лозунгъ безпечныхъ эгоистовъ—проявился въ своей беззащитной наготѣ и надъ этимъ прекраснымъ лѣсомъ. Предъ вами лишь традиція о настоящемъ лѣсѣ, еще немного лѣтъ тому назадъ имѣвшемъ необыкновенно живописный, величественный видъ и осѣнявшемъ собою атмосферную влагу, впитываемую почвою и отдаваемую ею въ видъ родниковъ. Лѣсъ состоитъ теперь изъ толстѣйшихъ пней до нѣсколькихъ обхватовъ въ окружности. Отъ нихъ, благодаря свойству породы, пошло по нѣскольку побѣговъ, достигшихъ уже величины довольно высокихъ, въ нѣсколько сажень, деревцовъ толщиною при основаніи въ руку и болѣе. Одно существенное обстоятельство, составляющее специфическую особенность Аѳона, содѣйствуетъ возрожденію его растительности: это отсутствіе скотоводства, о которомъ будетъ сказано еще ниже. Вытаптывая и поѣдая молодыя лѣсныя поросли, домашній скотъ, какъ изъ-

вѣстно, является влѣйшимъ врагомъ облѣсенія; причемъ самыми пагубными изъ животныхъ должны считаться козы, обгрызающія охотно и кору молодыхъ деревцовъ: безъ преувеличенія было замѣчено, что современная Греція, именно благодаря козамъ, превратилась въ пустыню. Тамъ и сямъ путнику, огибающему по береговой и средней растительной полосѣ аеонскій мысъ, попадаются единичные свидѣтели нѣкогда дремучаго лѣса, то въ видѣ гигантскихъ пней, то въ видѣ уцѣлѣвшихъ каштановъ и волошскихъ орѣховъ. Иные изъ нихъ обхватовъ въ десять, совершенно дуплистые, сквозные. Въ такомъ дуплѣ свободно могутъ находить убѣжище отъ непогоды нѣсколько человѣкъ или всадниковъ вмѣстѣ съ муломъ. Дупла такихъ деревъ бывають обуглены: ихъ, вѣроятно, выжигали для предохраненія стѣновокъ разъ образовавшагося дупла отъ разрушительнаго, разъѣдающаго гніенія. Описываемые почтенные гиганты были свидѣтелями историческихъ событій, по крайней мѣрѣ, за цѣлое тысячелѣтїе. Они сохранились по дорогамъ надъ фонтанами и источниками. Грецкій орѣхъ по числу экземпляровъ относится къ болѣе рѣдкимъ породамъ Аеона. Чтò меня особенно поразило, это полное отсутствіе на Святой-Горѣ бука (*Fagus sylvatica*), составляющаго преобладающее лѣсное дерево на Таврическомъ полуостровѣ: изъ него состоятъ восхитительные лѣса въ окрестностяхъ монастыря Космы и Даміана и на подъемѣ изъ Ялты на Яйлу. Грабъ (*Carpinus*) встрѣчается на Аеонѣ лишь изрѣдка.

Уже издали своею весеннею свѣтлою листвою и зеленоватыми стволами привлекала мое вниманіе обширная родная осиновая роща. Другого родного дерева, березы, мы на Аеонѣ, даже въ горахъ, не встрѣчаемъ. Единственный чахлый ея экземпляръ въписанъ пантелеймоновскимъ архидіакономъ о. Лукьяномъ издалека для своего сада. Лѣсной орѣшникъ (*Coryllus avellana*) я видѣлъ только на восточной сторонѣ полуострова дикоростущимъ, а культивированнымъ — въ саду Андреевскаго скита. Древесныя породы, покрытыя полною листвою въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, я засталъ въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ надъ уровнемъ моря съ едва распускающимися почками. Тамъ царилъ еще ранняя весна. Лишь кое-гдѣ дерево щеголяло въ позаимствованной зелени плюща, стволы котораго достигаютъ толщины человѣческой голени и болѣе. Фіалки и другіе весенніе первенцы гармонируютъ съ оголенными деревьями. Тутъ же среди лиственной растительности появляются и хвойныя породы: настоящая ель (*Pinus abies*?) и дагѣ, уже въ верхнемъ поясѣ, можжевельникъ (*Juniperus communis*) и сосна (*Pinus laricia*), отличающаяся отъ нашей обыкновенной болѣе плоской, зонтообразной

короной, какъ у пиніи, совмѣстно съ которой весьма часто встрѣчается на итальянскомъ побережьи. Далѣе слѣдуетъ область исключительнаго господства хвойныхъ деревьевъ. Послѣднія сосны стоятъ какъ-разъ у подножія концевого конуса горы, на которомъ лишь кое-гдѣ между щебнемъ пробиваются и колючіе кустарники. Въ древнія времена боръ, навѣрное, распространялся значительно выше, надо полагать, и до теменіи горы, не на столько высокомъ, чтобы тутъ не могли произростать неприхотливыя древесныя породы. Тысячелѣтіями природа созидаетъ на выветривающемся голомъ камнѣ почву и шагъ за шагомъ заселяетъ его сначала липаами, потомъ травами, кустарниками и, наконецъ, деревьями. Она не останавливается и предъ значительными крутизнами. Но разъ хищническая рука человѣка извелъ лѣсныя богатства, ничѣмъ не задерживаемая, скопленная тысячелѣтіями почва смывается дождями и соскребывается, уносится спалывающими безпрепятственно камнями. Требовались бы новыя тысячелѣтія творческой силы природы для восстановленія утраченнаго. Въ бору нами собраны еще въ цвѣтущемъ состояніи весенніе первенцы проснувшейся отъ зимняго покоя природы: вѣтренницы (*Anemones*), пролѣски (*Scilla*), *Corydalis*. Было бы ошибочно думать, что этотъ боръ имѣлъ видъ порядочнаго лѣса: и въ немъ свирѣпствовала и свирѣпствуетъ разрушающая рука человѣка. Онъ состоитъ лишь изъ рѣдкихъ деревьевъ, между которыми гигантскіе пни остались воспоминаніемъ прежняго дѣвственнаго лѣса. Тамъ, въ сторонѣ отъ нашей тропинки, на горной грядѣ, высится нѣсколько сосенъ, красиво обрисовывающихся на синевѣ неба. Казалось бы, онѣ-то, по крайней мѣрѣ, застрахованы отъ святотатственной руки человѣка; но нѣтъ, что за дѣло монахамъ-собственникамъ даннаго участка до того, что ежегодно сотни, если не тысячи паломниковъ на пути въ вершинѣ Аѳона любятъ этими соснами? Они снарядили рабочихъ срубить эти деревья. Звонкіе удары топоровъ встрѣчаютъ болѣзненный отзвукъ въ душѣ путника, привыкшаго съ благоговѣніемъ взирать на красоты природы. Въ какихъ-нибудь полчаса разрушается то, что созидалось вѣками. И на что, спрашивается, понадобилось именно *это* дерево, когда кругомъ еще столько необрунныхъ колодъ и когда по близости торчатъ въ такомъ числѣ слегка обугленные стволы горѣлаго лѣса? Лѣсные пожары, какъ у насъ въ Крыму, такъ и здѣсь, на Аѳонѣ, составляютъ явленіе нерѣдкое. Жертвою ихъ становятся не однѣ сосны, но и лиственные деревья. Такъ, на юго-восточномъ склонѣ аѳонскаго мыса, невысоко надъ моремъ, мы проѣзжали обширное пастбище, тянувшееся на нѣсколько

версть. Лѣсъ горѣлъ тутъ лишь за недѣлю передъ нами—и горѣлъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Кое-гдѣ, однако, какъ бы въ доказательство силы растительности, уже пробивалась новая травка и корневые древесные побѣги, несмотря даже на отсутствіе дождя.

Небольшая финиковая пальма на дворѣ Пантелеймоновскаго монастыря хотя и растетъ очень туго, но тѣмъ не менѣе выдерживаетъ подъ открытымъ небомъ, а потому можетъ служить предѣльнымъ мѣриломъ того, что можетъ производить этотъ благословенный уголокъ Балканскаго полуострова. Апельсины и лимоны вырѣваются прекрасно; только ихъ очень мало сажаютъ. Интересъ мѣстныхъ культиваторовъ сосредоточивается на винограду и маслинѣ. Образецъ трудолюбія—своего рода акклиматизаціонный садъ о. Лукьяна заключаетъ въ себѣ множество породъ, впервые появившихся на горѣ. Аеонское садоводство и огородничество, какъ и вообще на югѣ, основано на искусствѣнномъ орошеніи, для котораго вода проводится часто издалека по мощенымъ желобамъ и канавамъ.

Экскурсируя по Святой-Горѣ, я могъ вполне подтвердить поразительную бѣдность животнаго ея міра по отношенію числа какъ видовъ, такъ и особей. Анонимный авторъ брошюры „Святая-Гора Аеонъ, земной удѣлъ Божіей Матери, мѣстность и обитатели ея“ (Москва 1886 г.) объясняетъ это скудостью растительности; но аеонская растительность, какъ видно изъ предъидущаго, de facto вовсе не скудная, а върѣе—разнообразная и роскошная. Тѣмъ не менѣе, насѣкомыхъ, пауковъ, многоножекъ оказалось крайне мало. Изъ мелкихъ насѣкомоядныхъ птицъ обращали на себя вниманіе своимъ пѣніемъ лишь соловьи, къ слову замѣтить, очень незавидные. Ласточекъ—и тѣхъ не особенно много. Недостатокъ въ насѣкомыхъ служить, конечно, достаточнымъ объясненіемъ малочисленности насѣкомоядныхъ птицъ; но тѣмъ же объяснить малочисленность птицъ всеядныхъ и зерноядныхъ? Изъ поющихъ припоминаю лишь дрозда пѣвчаго (*Turdus merula*). Грача я только однажды видѣлъ. Даже воробьи—и тѣ составляютъ рѣдкость, и притомъ утверждаютъ, будто они лишь недавно появились на Аеонѣ. Говорятъ, что изрѣдка попадаются орлы, сычи, совы и филины. Плавающихъ птицъ (нырковъ?) только однажды видѣлъ издали большими стаями; гнѣздованій же на побережныхъ скалахъ не могъ замѣтить. Описанныя выше „джунгли“ могли бы представлять безподобную территорію для разведенія фазановъ, еслибъ кто-либо поинтересовался ихъ здѣсь водворить. Но аеонцамъ менѣе всего пристало плодить животныхъ. Для

нихъ характерно сообщеніе святогорца (о. Стефана): „по повѣрью простого народа сами птицы не вьютъ здѣсь гнѣздъ и не вьодятъ птенцовъ, но однако, какъ и монахи, *растосковываютъ* жизнь свою, временно только оставляя Аѳонъ и улетающіе въ далекія заморскія гнѣздышки“! Лягушки задавали свои весенніе концерты въ лужахъ и бассейнахъ; въ болотѣ Ксересова канала оказалось множество болотныхъ и греческихъ черепахъ.

Изъ хищныхъ звѣрей здѣсь извѣстны одни лишь шакалы, ни для кого не страшные; о лисицахъ и волкахъ ничего не знаютъ; о медвѣдяхъ же и львахъ, въ глубокой древности встрѣчавшихся въ Греціи, и преданіе угасло. Пишутъ и устно подтверждаютъ, что въ горахъ попадаются дикіе кабаны, для которыхъ каштаны составляютъ неподобную пищу, и, далѣе, дикія козы или козули (*Caprus capreolus*). Удивительно, что эти животныя, не тревожимыя здѣсь ни хищниками, ни охотниками, и имѣющія столько неприступныхъ и непроходимыхъ притоновъ, такъ мало плодятся, что составляютъ просто феноменъ. Барскій признается въ томъ, что поддался повѣрью, будто на Аѳонѣ не можетъ жить ни одна самка, и принялъ-было встрѣтившихся ему дикихъ козъ за нечистыхъ духовъ.

Изъ домашнихъ животныхъ за монастырскую черту допускаются лишь самцы; таковъ существующій вѣками и узаконенный спеціальными постановленіями обычай страны. И вотъ между лошадьми и мулами, которыхъ тутъ особенно много, вы не встрѣтите безусловно ни одной кобылы, между рогатымъ скотомъ ни одной коровы; холостыми бродятъ тамъ и сямъ небольшія стада барановъ, предназначенныхъ въ пищу мірскимъ рабочимъ и инокамъ штатныхъ монастырей. Коты и кобели не имѣютъ повода вступать въ драку съ товарищами изъ-за обладанія подруками; одинокіе келіотскіе пѣтухи своимъ рѣзкимъ пѣніемъ не улаживаютъ гарема.

Едва ли могутъ интересовать читателя подробности свѣденія о занимавшей меня самого по преимуществу морской фаунѣ; поэтому ограничусь лишь засвидѣтельствованіемъ своего крайняго разочарованія: сравнительно съ Неаполемъ и Триестомъ, святогорскій заливъ оказался нищенски-бѣднымъ низшими животными. Онъ, легко можетъ статься, не богаче нашей севастопольской бухты. Главнѣйшая причина, очевидно, отсутствіе илистаго грунта; вмѣсто него—либо скалы, захлестываемыя волнами, либо чистый песокъ.

IV.

Было еще совсѣмъ темно, когда въ нашъ номеръ постучался „ведѣущій“, услужливый гостинникъ о. Валентинъ. Съ нимъ вошли: о. Дементій, нашъ вѣрный проводникъ на двухъ большихъ экскурсіяхъ, и Д. І. Стадниковъ, родомъ болгаринъ, кандидатъ одесскаго университета. Послѣдній, учитель исторіи и географіи солунской гимназіи, пріѣхалъ на близкій Аеонъ провѣрить свои теоретическія о немъ свѣденія. Какъ не дорожить такимъ спутникомъ?

Дрябло отвисаетъ парусъ. При самомъ дружномъ усиліи гребцовъ тяжеловѣсный баркасъ ползетъ съ неумолимой медленностью къ югу вдоль западнаго берега полуострова. Въ теченіе многихъ часовъ, и на зарѣ, и при палящихъ лучахъ солнца, мы любуемся вдоволь крутыми обрывами и утесами, которые то мысками вдаются въ море, то отступаютъ за неглубокіе заливы. Тутъ каменные стѣны отвѣсно погружаются въ самое море; тамъ опоясаны узкой береговой полоскою, устланною гладко шлифованными прибоемъ камнями, или хаотически заброσανною обломками скалъ. Мѣстами каменные громады разступаются, образуя ущелья или широкія, открытыя со стороны моря, котловины. Въ глубинѣ такой котловины, на юго-западномъ углу полуострова расположенъ греческій монастырь Св. Павла—ближайшая цѣль нашихъ странствованій. Высокія, зубчатая крѣпостныя стѣны его стоятъ на крутой, высокой скалѣ, сливаясь съ нею сплошною отвѣсною плоскостью. Сзади горный ландшафтъ, съ божовъ скалистыхъ суффитовъ дополняютъ собою декорацію; отъ пристани, казалось, рукой подать до обвитой виноградомъ монастырской веранды, но добрыхъ полчаса пришлось подыматься по знойной котловинѣ, усыпанной щебнемъ и поросшей мелкимъ кустарникомъ, пока мы не вступили въ прохладу тѣснаго монастырскаго двора. Все тутъ мрачно, угрюмо, пустынно, непривѣтливо и ветхо, все свидѣтельствуетъ о прежнемъ величіи и многолюдіи. Лишь съ опаской вы взбираетесь по скрипучимъ деревяннымъ лѣстницамъ и вступаете на деревянную же галерею, нависшую надъ пропастью, чтобы сверху полюбоваться видомъ. Сервировка закуски требовала нѣкотораго отрѣшенія отъ безгильности, а во время „сѣсты“ на твердыхъ лавкахъ архондарика пришлось принимать визиты нѣкихъ посѣтителей изъ класса шестиногихъ. Тутъ потеряннаго сна, очевидно, не навѣрстать. Темой для разговора служить персидская ромашка

и ея польза въ путешествіи вообще и по востоку въ частности. Наконецъ, дождались и муловъ, любезно отправленныхъ сюда дальнею сухопутною дорогою изъ гостепріимнаго Пантелеймоновскаго монастыря. Спѣшимъ проститься пантомимами съ угрюмыми греками и сунуть имъ въ руку нашу лепту.

Распредѣляемъ между собою роли Донъ-Кихота, Санхо-Панчи и другихъ знаменитыхъ наѣздниковъ и съ чувствомъ достоинства возсѣдаемъ на мягкія сѣдла съ громадными спинками, какъ на верблюжьихъ сѣдлахъ. Узка горная тропа; выстраиваемся гуськомъ; впереди пѣшіі проводникъ-болгаринъ. По первому же абцугу спускаемся въ ущелье, переступаемъ мелкій ручей и взбираемся вверхъ на невозможно крутой бугоръ. Довѣрьтесь вполне испытанной поступи „мулашки“ и не думайте управлять осторожнымъ животнымъ: оно умѣетъ ощупью находить надлежащую опору на сползающемъ подъ копытами мраморномъ щебнѣ или на плитахъ. При крутизнѣ спусковъ, порою въ 45 и 50 градусовъ, откиньтесь всѣмъ корпусомъ назадъ и упритесь руками въ передокъ сѣдла, и вы не рискуете перекинуться черезъ голову животного... лишь бы подпрыга не измѣнила. Чуть ли не опаснѣе такихъ спусковъ сучья; вѣтви и колючіе прутья то-и-дѣло готовы ударить или хлеснуть васъ по головѣ и лицу. Опасно залюбоваться красотами природы, мечтать и дремать. „Берегите глаза! Наклоните голову!“—стереотипные возгласы ѣдущихъ впереди вереницы. Мѣстами тропа такъ узка, что рискуешь помять себѣ ноги о скалистые выступы. Затруднителенъ, конечно, и разъѣздъ со встрѣчными. Но встрѣчныхъ попадаетъ мало. Съ монахами обмѣниваются привѣтствіемъ: „Благословите!“— „Богъ да благословитъ!“ Не спѣша тянется наша вереница всадниковъ по всѣмъ зигзагамъ и извилинамъ горной тропы, то среди кустарника, то среди хаотическихъ скалъ, то опять среди лѣса или луга, то на краю обрыва. Для достиженія какого-нибудь пункта, ясно виднаго по воздушной линіи на разстояніи какихъ-нибудь пяти, много десяти минутъ ходьбы, приходится порою дѣлать надъ краемъ долины объѣздъ въ нѣсколько верстъ. То подымаясь, то, повидимому, настолько же и опускаясь, мы все-таки въ общей сложности поднимаемся все выше и выше надъ уровнемъ архипелага: глубже становятся ложбины, стелющіяся подъ нами; отъ лѣтней и вѣчно зеленой флоры мы незамѣтно перешли въ область лѣсныхъ деревъ умѣренного пояса съ едва начинающими распускаться почками. Къ вечеру мы выѣхали на полянку, пересекаемую ручейкомъ и покрытую сочною муравою. Здѣсь, среди еще нераспустившагося винограднака, огорода, цвѣтущихъ грушъ

и вишенъ стоитъ уединенный двухъ-этажный домикъ. Его бѣлыя штукатуренныя стѣны и сѣрая, крытая, вмѣсто черепицы, колотымъ дикимъ камнемъ крыша мирно и привѣтливо высатся надъ зеленѣющей, круто спускающейся къ морю ложбиной. Насъ не встрѣчаетъ лай собаки; не видать ни души: все тутъ точно вымерло. „У нихъ теперь, должно быть, служба идетъ“, пояснилъ о. Дементій. „А что,—проблеснуло въ моей грѣшной головѣ,—что, если они, пользуясь безконтрольнымъ уединеніемъ, вмѣсто службы да вздремнули или увлеклись пріятными разговорами?“ Но—нѣтъ. Переступая порогъ, мы услышали церковное пѣніе изъ крошечной церкви верхняго этажа: всего два голоса; гдѣ ихъ больше и взять, если все иночество кельи Св. Георгія Велико-мученика состоитъ только изъ нѣсколькихъ человѣкъ? Здѣшніе монахи—наши соотечественники, и не даромъ намъ было предсказано, что у нихъ мы будемъ себя чувствовать, какъ „у Христа за пазухой“. Какъ въ кружкѣ старыхъ добрыхъ знакомыхъ лилася бесѣда за ужиномъ, смачиваемымъ графинчикомъ краснаго вина, и все болѣе вращалась среди богословскихъ тѣмъ. „Прекрасенъ міръ Божій,—вставилъ одинъ изъ собесѣдниковъ-монаховъ:—но съ чего это только взяли, что міръ созданъ Богомъ въ шесть дней?“—„Но, отецъ, вѣдь объ этомъ повѣдалъ намъ по нантію Святого Духа Моисей!“ Оказалось, что монахъ тутъ только впервые узналъ объ этомъ. *Sancta simplicitas!* Молитвенники и житія святыхъ да церковныя службы, послушанія, не даютъ простору и приобрѣтенію или повторенію элементарнѣйшихъ богословскихъ положеній.

Хорошо спалось въ чистой комнатѣ послѣ почти безсонной ночи и дневныхъ трудовъ, начавшихся еще до разсвѣта. Непрошенныхъ шестиногихъ посѣтителей рѣшительно не было, но еслибъ они и были, то мы проспали бы ихъ, какъ проспали, увы! землетрясеніе... Теперь еще послѣдній взглядъ съ открытой галереи въ простирающуюся у нашихъ ногъ глубокую лѣсистую лощину, обрамленную скалами, а тамъ, au fond, замыкаемую далью Архипелага. Къ чему тутъ на галереѣ подвѣшенъ большой подковообразный кусокъ полосового желѣза? Онъ замѣняетъ собою колоколъ, въ него бьютъ деревянной колотушкой.—„Можно попробовать?“—„Сколько угодно. Мы на высотѣ около трехъ тысячъ футовъ надъ моремъ и прибрежными обитателями; среди пустынныхъ скалъ и лѣсовъ замрутъ звуки импровизованнаго колокола, никого не смущая своею несвоевременностью“... Послѣднимъ; мулы поданы; обширна программа наступившаго дня.

Изъ области лиственныхъ, еще оголенныхъ лѣсовъ мы взби-

раемся мало-по-малу незамѣтно въ область сосенъ и можжевельника и достигаемъ перваго намѣченнаго этажа. Здѣсь, надъ самымъ краемъ стремнины, съ котораго спускъ—хотя бы и на четверенькахъ—былъ бы рискованъ, стоятъ два зданьяща. Сѣрня, невзрачныя, сложенныя изъ дикаго камня и имъ же крытыя, они почти сливаются для глазъ съ сѣрыми скалами и почвой. Въ готовы принять ихъ за сарайчики или сторожки, но вамъ поясняютъ, что только ближее—дѣйствительно сарай или конюшня, куда, въ случаѣ ненастья, загоняютъ муловъ; другое же—чуть побольше и съ куполообразной крышей—церковь. Двери открыты. Ни души. Никто не стережетъ этой святыни, да и стеречь нечего. Разъ въ году, въ храмовой праздникъ, тутъ бываетъ служба; въ остальное время это *piéd à terre* для усталыхъ путниковъ. Всадники оставляютъ тутъ животныхъ и продолжаютъ путь пѣшкомъ. Здѣсь оканчивается предгорье, и мы находимся у самаго подножія вулканически-правильнаго аеонскаго конуса. Въ тылу церкви и высится его оголенная, ясно видимая въ своихъ очертаніяхъ, горная громада. Вмѣстѣ съ предгорьемъ тутъ скорѣ оканчивается и лѣсъ, сильно порѣдѣвшій, но состоящій изъ вѣковыхъ сосенъ. „Милости просимъ!“ — у стѣнки церкви, надъ самою пропастью, услужливыя руки разостлали намъ плѣдъ: здѣсь, среди голубыхъ пролѣсковъ и другихъ первенцевъ проснувшейся отъ зимней спячки природы, полагается закуска. И какое обиліе ея появляется изъ монастырской саввы: тутъ и сардинки, и жестянка съ икрою—собственного завода, и яйца, и сыръ, и вино. „Истинные поклонники—поясняетъ нашъ чичероне, о. Дементій—поровнять совершить восхожденіе на вершину Святой-Горы натошакъ, но мы этого никому не совѣтуемъ: подъемъ трудный; безъ предварительнаго подкрѣпленія, силы легко могутъ измѣнить“. Напрашивающаяся сама собою тема для разговора о вершинѣ Аеона и восхожденіи на нее обсуждается основательно. Оказывается, что вершина хорошо доступна только съ избранной нами южной стороны,—съ остальныхъ же путь заграждается каменными зубьями и пропастями. Съ сѣверной стороны къ вершинѣ примыкаетъ крутой обрывъ, отвѣсная стѣна, саженъ въ триста высоты. На крутизнахъ верхняго Аеона иные изъ пустынниковъ съ опасностью для жизни собираютъ розовыя цвѣточки изъ безсмертниковъ или иммортелей (*Gnaphalium*?), слывшіе подъ названіемъ „неувядаемыхъ цвѣтовъ Богородицы“. Пучечки такихъ цвѣтковъ мы покупали въ монастырской лавкѣ по пятачку. По скольку же за нихъ приходится на долю собирателей? Самое темя Аеона имѣетъ протяженіе всего въ нѣсколько квадратныхъ

саженъ. Какъ это тамъ помѣщался въ древности знаменитый храмъ? Впрочемъ, въ тѣ времена мѣрили на другую мѣру. Припоминаю публичную лекцію, въ которой профессоръ Д. А. Хвольсонъ нарисовалъ самую жалкую картину славнаго храма Соломонова: присутствовавшій на лекціи пасторъ даже обидѣлся. На римскомъ форумѣ стояло нѣсколько также знаменитыхъ храмовъ: тѣсно скученныя развалины ихъ ясно свидѣлствуютъ, что онѣ въ настоящее время заслуживали бы названіе часовенъ или павильоновъ. Нынѣ на самомъ темени Аеона помѣщается церковь во имя Преображенія Господня. Длина ея съ притворомъ не болѣе трехъ саженъ. Это съ виду и по размѣрамъ еще болѣе жалкая сторожка, нежели та церковь, подлѣ которой мы расположились, — очертанія ея тѣ же. Въ ней тоже никого, конечно, нѣтъ, и служба происходитъ точно также лишь въ храмовой праздникъ.

Впрочемъ, на Аеонѣ не мало такихъ церквей, далекихъ отъ велелѣпія. Описанныя двѣ церкви, какъ и вся вершина горы, составляютъ собственность „Лавры“. Предлагали московскіе „благодѣтели“ устроить дорогу на самую вершину и соорудить на ней нѣчто болѣе подобающее, но лавриты вспомнили, должно быть: *timeo danaos et dona ferentes*. Наша бесѣда угрожаетъ застыть на стереотипной тѣмѣ о церквахъ и благотворителяхъ. Предчувствуя это, я перебилъ о. Дементія вопросомъ: „Скажите, правду ли пишутъ, будто съ вершины видно до самаго Негропонта?“ — „Насчетъ Негропонта сказать не берусь, но разныхъ острововъ вдали видно многое множество. При очень ясной погодѣ виденъ, говорятъ, Константинополь. Да и вообще, нечего сказать, видъ восхитительный. Прежде всего взору представляется вся совокупность Аеонскаго полуострова съ его высями и лощинами, утесами и лѣсами, точно зелеными пятнами. Затѣмъ слѣдуютъ Лонгосъ, Кассандра, да и вся Халкидика, точно на ладони, со всѣми ихъ очертаніями. Далѣе тянутся къ сѣверу: Македонія, къ востоку берега и горы Мраморнаго моря и Малой Азіи, къ западу на морской окраинѣ — гористый Эпиръ, увѣнчанный Олимпомъ, къ югу — морская гладь, усѣянная островами“. Припоминаю одну панораму съ вершины Везувія, болѣе своеобразную и интересную, чѣмъ въ точномъ смыслѣ слова живописную: гигантскую географическую карту съ моремъ, размаляваннымъ синимъ, и сушей — бурнымъ и зеленымъ цвѣтомъ. Съ вершины горъ древніе географы, нѣтъ сомнѣнія, впервые научились рисовать ландкарты. По ландкартѣ, для бывшаго раньше хоть на одной высокой приморской горѣ, фантазія можетъ нарисовать отчетливую панораму съ Аеона. Но сегодня одно ясно: сегодня съ вершины мы ничего не увидимъ. Море, стелющееся вдали у

нашихъ ногъ, окутано густымъ туманомъ; клубы такихъ же тумановъ тянутся съ него вверхъ по долинамъ, цѣпляясь и увязая въ лѣсахъ и скалахъ... Что будетъ, то будетъ! Пускаемся въ путь по способу пѣшаго хожденія, вооружившись палкой и пледомъ. Пройдя еще съ версту рѣдкимъ боромъ, при чемъ уже крутизна даетъ себя чувствовать, мы увидали предъ собою простирающуюся до самой гребенчатой вершины, оголенную, полого-коническую покатость. Не прерываемая ни скалами, ни пропастями, она снизу кажется гладкою какъ ладонь. На дѣлѣ она усыяна мраморными обломками, прерываемыми иногда тамъ, гдѣ сохранилась сѣрая почва—очевидно, продуктъ вывѣтриванія вулканическаго пепла и мрамора — и кочками съ тощей травой и колючками. Подъемъ настолько крутой, что каждый шагъ берется сознательнымъ мускульнымъ усиленіемъ. Таковой крутизны не имѣютъ и самыя плохія лѣстницы въ домахъ. Определенной тропинки, можно сказать, тутъ уже не полагается. Все чаще и чаще приходится дѣлать передышки. Потъ катится градомъ, а рѣзкій холодный вѣтеръ все усиливается. Тѣмъ временемъ небо заволакивается все болѣе и болѣе, назойливыя тучи наползаютъ на гору и шапкой-невидимкой укутываютъ ея главу. Накрапываетъ дождь въ перемежку со снѣгомъ. Вотъ и снѣговая поляна, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ завязли и замерзли отважные, не внявшіе разумнымъ предостереженіямъ богомольцы. Тѣла ихъ нѣсколько дней спустя отыскали—на пользу турецкой полиціи, получившей надлежащій бакшишъ за то, что она не раздула печальнаго приключенія въ уголовную исторію. Теперь не зима, температура воздуха значительно выше нуля, снѣжинки таютъ при самомъ паденіи. Опасность въ простудѣ для подверженныхъ лихорадкѣ, ревматизму или воспаленію легкихъ несомнѣнна. Ревматизмъ настаиваетъ на возвращеніи. Остальные колеблются. Монахъ увѣщеваетъ идти дальше: осталось вотъ какихъ-нибудь четверть версты; уже и церковь, сѣрая какъ и скалы, ясно выгянула чрезъ прорѣхи облачной завѣсы. Но спрашивается: къ чему мы это лѣземъ? Вида, очевидно, никакого не будетъ. Обождать проясненія природы на вершинѣ въ церкви намъ некогда, ибо маршрутъ строго, въ обрѣзъ пригнанъ къ ближайшему пароходному рейсу на Солунь. Стало быть, остается одинъ аргументъ: удовлетвореніе личному самолюбію, а аргументъ этотъ сильный. „Господа, — говорю я спутникамъ:—я былъ въ Римѣ, а папы не видалъ. Народъ толпился передъ Ватиканомъ въ ожиданіи его выѣзда, но неужели я изъ-за поговорки буду терять время, которое можетъ быть посвящено созерцанію Лаокоона? Во множествѣ оконъ магазиновъ

были выставлены портреты папы, начиная съ маленькой фотографіи и кончая изображеніями въ краскахъ во весь ростъ. Но тогда, милостивые государи, я былъ молодъ, ненавидѣлъ все конвенціональное, ибо ясно сознавалъ, что мірозданіе состоитъ изъ двухъ половинъ: первая—это мое собственное я, и вторая—все остальное. Годы научили преклоняться передъ принятымъ, обычнымъ, и меня утѣшило бы одно сознаніе того, что и я былъ на самой вершинѣ Аэона“.—Однако, ревматикъ категорически заявляетъ о рѣшимости вернуться хотя бы и одному. Нѣтъ, это рискованно. Мало ли чтѣ могло бы съ нимъ приключиться. Такъ бросимъ же жребій. Авгуръ рѣшилъ наше отступленіе! Сознаюсь въ этомъ позорѣ чистосердечно, въ надеждѣ, что благосклонный читатель насъ не выдастъ.

Непривлекателенъ былъ нашъ анабазисъ по скользкимъ камнямъ и размокшимъ кочкамъ. На поль-дорогѣ повстрѣчалась намъ толпа мужичковъ, сопровождаемыхъ двумя монахами. Перекинулись словами привѣтствія. Поклонниковъ не смущаетъ пасмурная даль—имъ бы только поклониться святынѣ, пройти по слѣдамъ самой Царицы Небесной. Но вотъ, еще отставшая пара: это мужичокъ тянетъ за палку *спятого* товарища. Какая тяжелая и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительная картина! Временнымъ утѣшеніемъ въ постигшей насъ неудачѣ служилъ пылающій огонь, разведенный оставленнымъ нами болгаринѣмъ, на очагѣ въ притворѣ церкви. Прославляемъ строителей жалкаго храма: они устроили съ крыши стоки, по которымъ дождевая вода собирается въ цистерну внутри притвора. Вода оказалась хорошаго качества, и вскорѣ ставанъчая разливается точно струи теплорода по нашимъ продрогшимъ членамъ. На давно набѣленныхъ стѣнахъ притвора досушіе поклонники и туристы увѣковѣчили себя обычными надписями. Въ самой церкви, имѣющей лишь нѣсколько шаговъ въ квадратѣ, не оказалось ни одной иконы, а царскія врата замѣняются лохмотьями нѣкогда зеленой занавѣски; вмѣсто окна просто въ стѣнѣ скважина. Сбоку притвора еще комнатка, обставленная нарами. Все вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ о мысли строителей соорудить не столько церковь, сколько пристанище для путниковъ.

Мы спускались верхами, сначала тою же тропкою, а потомъ, попавъ снова въ область лиственныхъ деревьевъ, своротили влѣво, на востокъ. То скалами, то лѣсомъ, то вустарниномъ мы добрались къ вечеру до Молдаванскаго скита, расположеннаго на юго-восточной оконечности полуострова, еще довольно высоко надъ моремъ. Сейчасъ по встрѣчѣ видно, что тутъ не свои. Сунули насъ на ночлегъ въ общій архондарикъ къ двумъ торгашамъ-ру-

мынамъ, въ которыхъ мы признали пассажировъ съ нашего парохода. Пріятна, навѣрное, была бы эта встрѣча, еслибъ мы могли съ ними разговаривать, еслибъ отъ нихъ не разило такъ немилосердно чеснокомъ, еслибъ они не болтали между собою безъ умолку до поздней ночи, еслибъ, наконецъ, утомившись, не поднялись опять среди ночи и не стали рыться въ своихъ чемоданахъ, точно куда собираясь, еслибъ... но и этого довольно. Съ досады сонные глаза блуждаютъ по стѣнамъ тускло освѣщенного версиновой лампой архондарика. Онѣ тѣсно увѣшены гравюрами, большею частью изъ румынской исторіи. Вотъ висятъ лубочныя кровопролитныя сраженія съ турками; а тутъ на васъ смотрятъ туподеревянныя черты коллекціи прежнихъ господарей, различающихся между собою болѣе всего по надписямъ. Далѣе красуются, въ „панданъ“ одна другой, двѣ литографіи въ натуральный ростъ—Карла I и Елизаветы. Подъ ними мы еще прежде разглядѣли небольшую фотографію той же четы, на которой *Карменъ Симеа*, такъ несвойственно портрету официальной особы, нѣжно прижалась къ своему супругу. А тамъ, припоминаю, въ притворѣ собора, чтò среди монастырскаго двора, тоже интересная картина: страшный судъ во всю стѣну. Бѣсы тяжелою желѣзною цѣпью охватили толпу турокъ и тащутъ въ пасть геенны огненной. Всѣ они въ бѣломъ, стоятъ спокойно, какъ истуканы, и всѣ также другъ на друга похожи, какъ и лубочные старинные господа въ архондарикѣ...

Восточный берегъ, надъ которымъ, на небольшой высотѣ, гнулаась наша кавальеда съ слѣдующаго утра, пролегаетъ большею частью по описанной въ предыдущей главѣ густой растительности, которую я сравнивалъ съ индѣйскими „джунглями“. Во многихъ мѣстахъ дорога пересѣкается тѣнистыми ущельями. Вдали они замыкаются горнымъ ландшафтомъ, а внизу спускаются къ близкому морскому берегу. Въ нихъ, подъ нависшими и опутанными лианами деревьями, мчатся со скалы на скалу живые ручьи. Черезъ нѣкоторые изъ нихъ перекинуты мостовыя арки, своею каменною кладкою обличающія древнее происхожденіе. Берегитесь этихъ живописныхъ, заманчивыхъ ущелій съ ихъ прохладною тѣлой и, спускаясь туда въ десятый разъ, надѣвайте снятый отъ жары скюртъъ—не то схватите лихорадку, ибо коваренъ Аеонъ—это вѣрно, какъ бы ни обижался этому выраженію одинъ изъ моихъ новыхъ мѣстныхъ друзей. Одинъ изъ ручьевъ беретъ начало подлѣ самой дороги. Это одна изъ наиболѣе почитаемыхъ святынь Аеона, на официальномъ языкѣ—„живоносный источникъ Божіей Матери“, называемый обыкновенно источникомъ *Св. Ана-*

насія. Легенда гласитъ, что на этомъ мѣстѣ, въ минуты глубокаго унынія, святому угоднику встрѣтилась сама Богородица, утѣшила и обнадежила его и въ доказательство своей божественности приказала ударить жезломъ о камень. Камень развергся какъ молніею, а изъ его трещины поструился шумный ключъ. Вы заглядываете во внутрь скалы въ небольшой гротъ, снаружи обдѣланный арочной кладкой съ желѣзной рѣшеткой. Струящийся изъ глубокой расщелины родникъ образуетъ водоемъ, и изъ него, изъ-подъ рѣшетки, протекаетъ поперекъ дороги сажени на двѣ, на три по каменному жолобу. Въ одномъ мѣстѣ жолобъ образуетъ грубо высѣченный крестъ, происхожденіе котораго приводятъ въ связь съ легендою объ источникѣ. По другую сторону дороги ручеекъ каскадикомъ падаетъ въ буквально утопающее въ зелени ущелье. Тутъ же рядомъ поставлена ветхая, топорная, лишенная всякой архитектуры бесѣдка съ прелестнымъ видомъ внизъ на ущелье и на близкое море. Сбоку источника въ скалѣ прилѣплено зданіе изъ сѣраго дикаго камня. Наученные опытомъ, вы боитесь принять его за простую сторожку—и вы правы: это церковь. И церковь эта, и бесѣдка, и весь entourage источника содержатся грязно, рѣзко контрастируя съ очаровательною мѣстностью. Впрочемъ, тутъ не оказалось и человѣческой души для поддержанія внѣшней чистоты. Васъ приглашаютъ напиться воды изъ источника съ помощью привѣшенной на цѣпочкѣ жестяной кружки, увѣряя, что вода эта цѣлебная и поэтому ни въ какомъ случаѣ причинить вреда не можетъ. Вода чистая какъ хрусталь и холодная. Благовѣщенскій говоритъ, будто прохожіе всегда оставляютъ у источника хлѣбъ для голодающихъ. Я не нашелъ и слѣдовъ этого обычая; не было даже поднято вопроса объ оставленіи тутъ толики отъ нашего избытка въ провіантѣ. Не вывелся ли этотъ хорошій обычай въ новѣйшее время?

Мы на землѣ аеонской Лавры, издавна захватившей львиную долю полуострова и притомъ, нельзя не признать, и красивѣйшую. Мѣстность Морфино—неподалеку отъ источника св. Аѳанасія—по мнѣ, составляетъ перлъ аеонскихъ ландшафтовъ. Съ тропы открытъ съ одной стороны видъ на море, а съ другой—на широкую, холмистую, поднимающуюся все выше и выше ложбину, которая вдали замыкается скалистымъ хребтомъ съ его главною вершиною. Вся ложбина усажена самою сочною, ярко-зеленою древесною растительностью. Изъ нея выступаютъ на одномъ изъ холмовъ развалины высокой башни, давшей свое названіе мѣстности. Вы спрашиваетесь о значеніи этой башни, а о. Дементій поясняетъ, что это просто *мурз*, т.-е. одна изъ тѣхъ довольно

многочисленныхъ укрѣпленныхъ башенъ, которыя въ прежнія времена сооружались противъ враговъ, въ особенности пиратовъ; но объясненіе это васъ не удовлетворяетъ, ибо вы сегодня же проѣзжали такіе крѣпостные пирги. Они, естественно, стоятъ близъ самаго берега; эта же башня удалена отъ него, навѣрное, версты на двѣ. И дѣйствительно, позднѣйшая справка у епископа Порфирія убѣждаетъ въ томъ, что башня Морфино—остатокъ языческаго храма, а именно, по всей вѣроятности, храма Афродиты. Въ Спартѣ богиня эта, въ образѣ статуи съ цѣпями на ногахъ и помѣщенная въ башню, почиталась подъ тѣмъ же названіемъ—Морфѡ. „Не своротитъ ли и осмотрѣть башню вблизи?“ — „Далеко, да есть ли еще туда дорога, да и что вы тамъ увидите? Къ тому же, чай, проголодались. Надо поспѣшить въ Лавру. Хорошо тамъ васъ накормятъ; они сами мясо *лопаютъ*“, возразилъ о. Дементій. Болгарину это тривиальное выраженіе показалось какъ-то особенно смѣшнымъ, и онъ придрался къ нему, чтобы добродушно подтрунивать надъ нашимъ незлобнымъ чичероне, по праву давнишняго знакомаго по Солуни, гдѣ отецъ Дементій состоялъ при русскомъ консулѣ, прикомандированнымъ отъ Пантелеймоновскаго монастыря даровымъ писцомъ. Перспектива послѣ многихъ постныхъ дней отвѣдать мяса, сознаюсь, примѣнивалась къ желанію узрѣть древнѣйшую и знаменитѣйшую изъ аеонскихъ обителей.

Всѣ аеонскіе монастыри болѣе или менѣе напоминаютъ собою крѣпости; но на Лаврѣ это связывается болѣе всего. Она представляетъ изъ себя рѣзко очерченный квадратъ высокихъ стѣнъ безъ наружныхъ галерей, лишь съ зубьями и бойницами. За стѣнами прячется и стоящій среди двора соборъ. Вдоль дороги—искусный мощный жолобъ, проводящій издалека съ горы воду для орошенія садовъ, виноградниковъ и огородовъ и для снабженія водою монастырскаго зданія.

Еще не успѣла насъ принять прохладная и мрачная монастырская подворотня и не успѣли мы встрѣтить хоть одного челоуѣка, какъ наше вниманіе привлекло вещественное доказательство скромнаго режима здѣшнихъ иноковъ—бараній желудокъ, висѣвшій на галерейкѣ бѣленькаго домика. Любопытно было наблюдать потомъ, какъ о. архондаричный уклонялся, когда мы попросили угостить насъ бараниной. Сначала онъ отговаривался, что нѣтъ вообще положенія на мясо, потомъ оказалось, что требуется игуменское благословеніе и т. д. Переговоры со „штатниками“ велъ на греческомъ языкѣ о. Дементій. По всему видно было, что хозяева подозрѣвали въ нашей незатѣпливой прихоти желаніе

„общезитниковъ“ поглумиться надъ ихъ вольнымъ уставомъ. Въ концѣ концовъ намъ все-таки доставили диковинное удовольствіе отвѣдать мясное блюдо въ аеонскомъ монастырѣ; но, признаюсь, удовольствіе было очень сомнительное. Овчинка не стоила выдѣлки: никто не хотѣлъ ѣсть этихъ накрошенныхъ кусочковъ вареной баранины, смѣшанныхъ съ горчайшимъ соусомъ изъ одуванчика. О. Дементія легкомысленные міряне старались шуточками ввести во искушеніе; но онъ не поддался; да и вообще за всю экскурсію оказался безупречно строгихъ правилъ; даже продрогшій и промокшій послѣ неудачнаго восхожденія на вершину Аеона онъ не приложился къ вину.

Объ историческомъ прошломъ Лавры и ея гегемоніи надъ остальными обителями рѣчь будетъ впереди; о святыхъ, тутъ чтимыхъ, можно справиться въ аеонскихъ изданіяхъ; въ библиотекѣ же мы не проникли. На насъ, какъ туристовъ, оказывала особую притягательную силу веранда на краю обрыва съ ея видомъ на гористое, зеленѣющее побережье и на море. Въ Лаврѣ всего до ста человѣкъ иноковъ, которые почти всѣ греки.

Отъ Лавры недалеко до Ивера, крайняго изъ посѣщенныхъ нами пунктовъ на восточномъ берегу полуострова. Мѣстоположеніе знаменитаго, первоначально грузинскаго, нынѣ фактически греческаго монастыря, сравнительно, мало живописно. Онъ построенъ среди просторной лужайки, лишенной деревь и кустарниковъ и мало возвышающейся надъ уровнемъ моря. Главную притягательную силу для вѣрующихъ въ Иверскомъ монастырѣ составляетъ чудотворная икона, по выраженію лица прозванная „страшной видомъ“. Другое, присвоенное ей названіе— „привратница“, ибо она не только помѣщается въ небольшой привратной церкви, но, по преданію, послѣ перенесенія въ болѣе почетное мѣсто, сама возвращалась къ воротамъ. Вотъ причина, почему и почитаемая во всей Россіи московская чудотворная копія этой иконы точно также поставлена при воротахъ.

Подлѣ Ивера мы сдѣлали крутой поворотъ во внутрь полуострова и пробирались горною тропою надъ широкимъ ущельемъ, низовая часть котораго занята огородами и лугами, верховая — лѣсиста. По низовой на большое разстояніе тянется прекрасный акведукъ двойной арочной системы, подобный древне-римскому, развалинами котораго туристы любятъ обыкновенно лишь изъ окна вагона. Иверскій акведукъ, разумѣется, древняго происхожденія, но онъ функціонируетъ еще и по сію пору. Ущелье упирается въ концѣ концовъ въ плато, на которомъ расположены на разстояніи менѣе версты одинъ отъ другого: русскій Андреев-

скій скитъ и аеонская столица—монастырскій „городъ“ Карея. Съ болѣе высокихъ и открытыхъ участковъ дороги оба видѣются впереди, тогда какъ позади открывается восхитительный видъ на недалекое море. Удобство тропы не соответствуетъ ея живописности. То она пролегаетъ по самому краю осыпающагося обрыва, то теряется въ перекопанныхъ оливковыхъ рощахъ, то на каменныхъ бугристыхъ площадкахъ, по которымъ скользятъ копыта животныхъ. Дорога эта кратчайшая на скитъ. Въ городъ съ берега ведетъ еще другая, болѣе близкая. На нашъ вопросъ, многимъ ли она лучше *этой*, намъ отвѣчаютъ, что она еще хуже. Такимъ образомъ на проѣздъ въ городъ на какихъ-либо повозкахъ не можетъ быть и рѣчи, и всѣ товары доставляются туда на вьючныхъ животныхъ.

Для полноты моего повѣствованія не могу не упомянуть о двухъ встрѣчахъ, служащихъ подтвержденіемъ поговорки: „въ семьѣ не безъ уroda“. У воротъ виноградника расположилась группа монаховъ. Одинъ изъ нихъ растянулся безъ признаковъ сознанія на пьедесталѣ водруженнаго среди дороги креста. Не успѣло еще изгладиться впечатлѣніе этого непріятнаго зрѣлища, какъ мы повстрѣчались съ другою пьяною компанією, тоже въ монашескомъ облаченіи. Отецъ Дементій остановилъ одного изъ нихъ и о чемъ-то съ нимъ сталъ переговариваться въ полъ-голоса. Я уже разъ видѣлъ это молодое лицо съ нахальнымъ выраженіемъ и эти прыгающіе черные глаза. Это было утромъ въ Свѣтлое Воскресенье. Въ такой день по моей части ничего нельзя было предпринять, и мы съ сыномъ бродили по берегу, разглядывая морскихъ ежей и актиній на камняхъ монастырскаго мыса. Стоятъ ладьи и баркасы, привезшіе на церковное торжество молящихся, монаховъ и мірянъ. Въ тѣни растянутаго шатромъ паруса показалась фигура молодого монаха, того самаго, съ которымъ теперь бесѣдуетъ о. Дементій. Чистымъ русскимъ языкомъ онъ заявляетъ о своемъ желаніи со мною познакомиться. Перспектива совершить морскую экскурсію даже въ такой день, когда съ установленнаго благословенія игумена это было бы немислимо, соблазнила меня, и я прыгнулъ въ баркасъ; но тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ. Хозяинъ лодки самымъ беззащитнымъ и развязнымъ образомъ доложилъ мнѣ, что онъ, молъ, не какой-нибудь простой, а дворянинъ, бывшій офицеръ русской службы и даже получилъ университетское образованіе. Онъ тотчасъ навелъ разговоръ на щекотливыя тѣмы, въ родѣ неравноправности и въ монашескомъ сословіи. Подозрительными мнѣ показались эти рѣчи въ устахъ инока, это хвастовство, эти ухарскія ухватки;

подозрительными мнѣ показались также и бывшія съ отцомъ Александромъ—такъ называлъ себя мой новый знакомый—угрюмыя фигуры трехъ грековъ-лодочниковъ. Я вспомнилъ о бывшихъ при мнѣ часахъ и деньгахъ и, подѣ предлогомъ позвать на предложенную экскурсію сына, счелъ за лучшее отдѣлаться отъ подозрительной компаніи. *Теперь* я дѣлалъ видъ, что не узнаю Александра. „Позвольте полюбопытствовать, о. Дементій, кто этотъ молодой монахъ, съ которымъ вы такъ оживленно и секретно толковали?“—„Какой онъ монахъ!—возразилъ нашъ чичероне. — Онъ вовсе не монахъ, а прогнанный со службы изъ Одессы псаломщикъ. Онъ просто бродяга, нарядившійся въ монашескую рясу. Постояннаго пристанища у него никакого, ночуетъ себѣ гдѣ попало, въ кустахъ. Въ любомъ монастырѣ, скитѣ или кельѣ кормятъ и поятъ виномъ всякаго—онъ и сытъ, и пьянъ. Чего ему больше? Обносились ряса, потрепались башмаки—проси себѣ новые; въ монастыряхъ отказа нѣтъ“.—„Но какія же у васъ могутъ быть съ нимъ дѣла?“—„Очень просто. Выманилъ онъ у одного знакомаго займа 20 р.; мнѣ и было поручено при встрѣчѣ напомнить. Сказать, такъ сказалъ; но не такой человекъ, чтобы отдать. Давно ли онъ ограбилъ въ гѣсу паломника: четыреста рублей отнял“.—„Но какъ же это терпятъ на Святой Горѣ такого негодяя?“—„Его уже и выпроваживали отсюда, да онъ опять явился“.

Порядокъ, трудолюбіе и достатокъ во всемъ проглядываютъ въ русскомъ Андреевскомъ скитѣ. Зданія тутъ, бѣленькія и чистенькія какъ съ иголочки, построены въ русскомъ вкусѣ. Въ прошломъ лишь столѣтіи на этомъ мѣстѣ возникла келья во имя того же Андрея Первозваннаго. Русскими келья приобрѣтена всего только въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія и затѣмъ преобразована въ скитъ, который, однако, и по обширности зданій, и по численности братіи—ея насчитывается 250 чел.—ни-чѣмъ не отличается отъ монастыря. Земли у андреевцевъ что-то очень мало; но тѣмъ тщательнѣе утилизируются ими всякій клочокъ. Фруктовые сады, древесные питомники, огороды показались мнѣ образцовыми. Членъ протата отъ Пантелеймоновскаго монастыря, о. Нааанаилъ, и нашъ солунскій вице-консулъ, Н. Н. Демерикъ, успѣли опередить насъ. Мы застали ихъ въ уютномъ и со вкусомъ убранномъ архондарикѣ, въ обществѣ заправилъ скита, которые и встрѣтили насъ точно старыхъ знакомыхъ. За вечернею трапезою мы слушали главнымъ образомъ о. Мину, въ міру полковника, участвовавшего на видномъ посту въ послѣдней турецкой кампаніи. Отъ воспоминаній о военныхъ дѣйствіяхъ

разговоръ перешелъ къ нашимъ видамъ на наслѣдіе „больного человѣка“. Говорилось о существующемъ у турокъ предсказаніи, по которому годы ихъ владычества въ Европѣ сочтены. Они будутъ изгнаны бѣлокурымъ народомъ. Годъ, на который указываетъ предсказаніе, кажется, прошлый или текущій. Еслибы Россія—такъ высказывался нашъ собесѣдникъ—рѣшилась воспользоваться этимъ пророчествомъ, то при общезвѣстномъ суевѣріи турокъ они отступили бы безъ боя. Балканскій герой и афонскій монахъ въ одномъ лицѣ,—подумалъ я,—тебѣ самъ Богъ велитъ лелѣять такія мечты! Но не тѣ ужъ нынѣ времена, чтобы судьбы народовъ рѣшались какими-нибудь пророчествами и знаменіями.

Отъ Андреевскаго скита до Кареи — небольшая, пріятная прогулка по ровному мѣсту среди садовъ. Уже издали видимый, развѣвующійся надъ „городомъ“ красный флагъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ напоминаетъ о пребываніи тутъ представителя турецкаго правительства—*каймакама*. Двѣ, три тѣсныя улицы, окаймленныя узенькими, но зато высокими, въ нѣсколько этажей, домиками, числомъ двѣсти или триста—вотъ и вся столица Афона. Въ нижнихъ этажахъ расположено много лавокъ, большею частью универсальнаго характера, мастерскія башмачниковъ, жестяниковъ и другихъ ремесленниковъ, снабженныя, вмѣсто оконъ и дверей, воротцами. Каждый изъ двадцати монастырей и многіе изъ скитовъ имѣютъ въ Кареѣ свои конаки (подворья). Въ каждомъ изъ нихъ обязательно, по крайней мѣрѣ, по одной домовою церкви. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если ихъ во всемъ городѣ насчитывается, говорятъ, до 50 (Благовѣщенскій, насколько помнится, приводитъ черезъ-чуръ преувеличенное число — 120¹⁾). Церкви эти, однако, не отмѣчены крестами или чѣмъ-либо другимъ на наружности домовъ. Одинъ лишь древній соборъ представляется подъ видомъ отдѣльнаго храма, впрочемъ очень мизернаго по своимъ размѣрамъ. Крайне невзрачны также примы-

¹⁾ Число церквей на всемъ Афонѣ, по приблизительному указанію, доходитъ до 2.000. Въ основаніи все новыхъ и новыхъ церквей проявляется между монастырскими соревнованіе, въ которомъ Русскіе перешеголазъ всѣ остальные. Въ немъ насчитывается ихъ около 20, а съ присоединеніемъ устроенныхъ въ филиальныхъ его учрежденіяхъ (скитахъ, кельяхъ, хуторахъ и подворьяхъ) и цѣлыхъ 36. Само собою разумѣется, что почти всѣ афонскія церкви—не болѣе какъ придѣлы (параклисы) и занимаютъ лишь небольшія комнаты въ монастырскихъ или келіотскихъ зданіяхъ. Во многихъ служба происходитъ лишь въ храмовые праздники и по заказу паломниковъ. Церквей, возмншающихся какъ отдѣльныя зданія, съ соответственнымъ обликомъ, имѣется, приблизительно, лишь по числу монастырей и скитовъ.

кающее къ собору зданіе протата и зданіе эллинскаго училища. Почтово-телеграфная контора запрятана гдѣ-то въ закоулкѣ, по куриной лѣсенкѣ. Въ извѣстные дни въ Кареѣ происходитъ нѣчто въ родѣ ярмарки, когда сюда являются пустынноики для сбыта своихъ ручныхъ произведеній — деревянныхъ крестиковъ, образковъ, ложечекъ и четокъ; впрочемъ, и при насъ, т.-е. въ обыкновенное время, на улицахъ господствовало нѣкоторое оживленіе. По нимъ сновали, конечно, главнымъ образомъ монахи, но къ нимъ примѣшивались ремесленники и торгаши изъ грековъ и болгаръ по преимуществу. Женщины и въ городѣ отсутствуютъ. Въ юбкахъ тутъ ходитъ классъ людей, которымъ, по нашимъ понятіямъ, этотъ нарядъ менѣе всего присталъ — воины. Эти такъ-называемые стражники или сердари одѣты въ національный греческій костюмъ: красную, отвисающую феску, богато-расшитую синюю безрукавку, бѣлые гамашы и бѣлую же юбку (фустанелль). На такую юбку идетъ 24 аршина холста, но тѣмъ не менѣе она доходитъ только до колѣнъ. Безконечныя ея складки образуютъ толстый, тяжеловѣсный плащъ, который покачивается при ходьбѣ изъ стороны въ сторону, придавая воину какъ бы бабью походку. Вооружены сердари стариннымъ кремневымъ ружьемъ, имѣющимъ въ длину $2\frac{1}{2}$ аршина, а потому скорѣе похожимъ на пику. Костюмы стражниковъ имѣются, впрочемъ, и въ монастыряхъ, и въ нихъ наряжаются рабочіе для сопровожденія по полуострову особенно почетныхъ посѣтителей. Обладатели этихъ костюмовъ, повидимому, очень ими кичатся.

Карей или, вѣрнѣе, по-гречески Каріоэсъ, — что означаетъ орѣхъ или ядро орѣха, — вполне заслуживаетъ свое названіе въ разныхъ отношеніяхъ: въ географическомъ, потому что расположена въ центрѣ монашеской территоріи, близко отъ перевала, при чемъ вокругъ нея приблизительно равномѣрно по всѣмъ радіусамъ раскинулись монастыри, скиты и кельи; въ административномъ — какъ резиденція турецкихъ чиновниковъ, съ одной, и протата, съ другой стороны. Съ давнихъ временъ городку и было присвоено названіе: „Середина“.

При центральномъ положеніи Карей отъ нея до ближайшаго перевала черезъ хребетъ приходится совершить уже небольшой подъемъ, за который путника съ избыткомъ вознаграждаетъ видъ сразу на оба залива, восточный и западный. Спускъ совершается тѣмъ каштановымъ лѣсомъ, о недавнемъ величии котораго упоминалось въ предыдущей главѣ. Среди этого лѣса расположено старый или нагорный Русикъ, прежній русскій Пантелеймоновскій

монастырь, нынѣ на половину развалина. О прежнемъ его видѣ, въ срединѣ прошлаго столѣтія, даетъ представленіе рисунокъ карандашомъ и акварелью, исполненный нашимъ паломникомъ Вас. Барскимъ. Оригиналъ и по сію пору виситъ подѣ стекломъ въ новомъ Русикѣ. До 1868 г. нагорный Русикъ „поклонялся въ прахѣ, какъ лѣтопись глубокой старины въ пыли и тѣсотѣ душнаго архива“; но и въ настоящее время реставрированы лишь довольно большой корпусъ братскихъ келій, занятый двадцатью монахами, и, даѣе, церковь въ пиргѣ, гдѣ показывается окно, изъ котораго постригшійся тайкомъ сербскій царевичъ, въ послѣдствіи канонизированный архіепископъ, св. Савва сербскій, сбросилъ разыскивавшимъ его посланцамъ свои волосы и царскія одежды. Нереставрированныя части монастыря, обвитыя плющомъ, конечно, гораздо живописнѣе реставрированныхъ. Съ ними конкурируетъ, впрочемъ, начатый постройкой—иживеніемъ одного нашего липецкаго купца—великолѣпный новый храмъ изъ тесаннаго мрамора. Не будучи выведенъ подѣ крышу, онъ и внутри ея по стѣнамъ обросъ кустами, деревьями, плющомъ и окруженъ валяющимися тутъ же великолѣпными мраморными колоннами и брусьями. Самая мысль о достройкѣ церкви, долженствовавшей затмить собою всѣ остальные аѳонскія, въ настоящее время, видно, оставлена, вѣрнѣе, отложена до пріисканія крупнаго благодѣтеля. Тѣмъ временемъ другому, не задававшемуся такими широкими планами, благодѣтелю удалось начать и окончить отдѣльно стоящую, скромную по размѣрамъ церковь Почаевской Божіей Матери. Идемъ и ее осматривать, чтобы не обидѣть радушныхъ хозяевъ. Гдѣ же осматривать церкви, если не на Аѳонѣ? Другое дѣло, если, какъ это было со мною въ Венеціи, вы возьмете гида, и онъ таскаетъ васъ съ утра до вечера немилосердно изъ одной церкви въ другую и послѣ двадцатой обижается, когда вы, наконецъ, рѣшительно заявляете свое: basta! Итакъ, намъ отперли очень свѣтлую, привѣтливую новенькую церковь. Приставленный къ ней монахъ, красивый, совершенно сѣдой старецъ, съ замѣчательно кроткими, мягкими чертами, пропѣлъ молитву. Въ его уже разбитомъ голосѣ музыкальное ухо открыло бы остатки нѣкогда знаменитаго баса посольской церкви въ Аѳинахъ. Благодаримъ почтеннаго старца; спрашиваемъ его о религіозныхъ сюжетахъ, изображенныхъ въ храмѣ, и онъ намъ крѣпко выговариваетъ за незнаніе легенды о Почаевской Божіей Матери. Тутъ кто-то изъ нашей компаніи подноситъ ему оказавшуюся въ церкви, на стулѣ, большого формата фотографію, на которой, вмѣстѣ съ кавалеромъ, фигуриро-

вала хорошенькая женщина. „Это какъ сюда попало!“ вспыхнулъ кроткій старецъ и съ негодованіемъ швырнулъ соблазнительную группу на подоконникъ. Черезъ часъ мы дѣлились уже путевыми впечатлѣніями за вечерней трапезой со знакомыми собесѣдниками пантелеймоновцами.

Не столь богата общентересными впечатлѣніями была другая трехдневная экскурсія исключительно на лодѣхъ, въ глубину залива Монте-Санто. Заливъ этотъ вѣзывается между полуостровами Athos и Longos; а въ сѣверной своей части подраздѣляется архипелагомъ Мульяни какъ бы на два второстепенныхъ залива: западный и восточный. Хорошо защищенный отъ вѣтровъ двумя гористыми полуостровами и македонскими горами, заливъ Монте-Санто, надо полагать, представлялъ бы хорошую стоянку для судовъ. Глубина его, въ посѣщенной мною восточной, смежной съ Аеономъ части, по крайней мѣрѣ, выше 20 сажень, въ чемъ я убѣдился при драгированіи. Непосредственно прилегающая къ берегу, впрочемъ, неширокая полоса, конечно, мельче. „Аеонъ далеко выдвинутъ въ море на жертву всѣмъ вѣтрамъ; берега его высоки и обрывисты и нѣтъ ни одного залива, гдѣ бы можно было судамъ безопасно укрыться отъ бури. Пароходы, дѣлающіе рейсы къ Аеону, зимою не имѣютъ здѣсь никакой постоянной пристани и пристають то съ одной, то съ другой стороны, гдѣ можно пристать безопасно. Въ теченіе почти всей зимы вокругъ Аеона не видно почти ни одного судна, и мірскіе капитаны, объѣзжая гору, стараются какъ можно быть дальше отъ ея непривѣтливыхъ и опасныхъ береговъ“. Какъ согласовать эти слова Благовѣщенскаго съ только-что сообщеннымъ мною? Напѣ писатель, очевидно, имѣлъ въ виду лишь монашескую аеонскую территорію, и поэтому совершенно правъ; я же имѣю въ виду *весь* полуостровъ, какъ географическую единицу. Въ настоящее время судамъ незачѣмъ и заходить въ почти соменную въ озеро сѣверо-восточную часть святогорскаго залива, но въ рукахъ другой, не-турецкой націи, она могла бы получить важное значеніе. На сколько профанъ можетъ вообще судить, заливъ Monte-Santo гораздо болѣе защищенъ, напр., ееодосійскаго, признаннаго нынѣ официально вполне пригоднымъ для купеческой гавани. Уже Ксерксъ считалъ заливъ безопасной стоянкой для своихъ гребныхъ судовъ, и для проведенія ихъ туда, минуя аеонскій мысъ, велѣлъ соорудить каналъ, о которомъ упоминается даже въ элементарныхъ учебникахъ. Въ исторической части настоящей статьи мы вернемся къ каналу. Было слишкомъ соблазнительно

осмотрѣть за вѣдомо сохранившіеся слѣды его, хотя насъ и предупреждали, что высаживаться за предѣлами монастырской территории крайне рискованно: можно попасть въ руки турецкой береговой стражи и нажить серьезныя непріятности, въ родѣ ареста или высокаго выкупа. Кромѣ пастуховъ со стадомъ—уже не воловъ, а коровъ—никого на берегу не было видно, и мы направили лодку на промежутокъ въ рѣдкой цѣпи холмовъ, прилегающихъ къ заливу въ этой низменной части полуострова. Въ нѣсколькихъ саженихъ отъ берега лодка сѣла на каменистое дно. Пришлось воспользоваться готовностью одного изъ лодочниковъ перетащить всѣхъ пассажировъ по очереди на сушу. Оказалось, что мы вѣрно угадали, гдѣ слѣдовало пристать. Устье канала вполне засорено песчаной низкой отмелью или дюной, по которой пролагаетъ себѣ стокъ ничтожный ручеекъ. Далѣе ручеекъ этотъ разливается въ болото, заросшее колючей осокой и кипящее черепахами, какъ болотными, такъ и сухопутными греческими. Еще выше ручеекъ протекаетъ по собственному узкому руслу, какъ по канавкѣ. Послѣдняя въ свою очередь пролагаетъ по руслу самаго Ксерксова канала. Каналъ хотя и засоренъ, занесенъ почвою и заросъ травой, но берега его тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ ясностью обрисовываются. Въ такихъ мѣстахъ первоначальная ширина канала опредѣляется, приблизительно, сажени въ 15; но, судя по профилямъ мѣстности, она едва ли была равномерною; напротивъ того, можно догадываться, что тамъ и самъ каналъ разливался озерцами. Ходъ его, судя по встрѣчающимся на пути возвышенностямъ, едва ли былъ прямолинейный. При условіи прямолинейности, общая его длина опредѣлялась бы, примѣрно, всего въ версту съ половиною. Это видно и на картѣ, и провѣряется глазомѣромъ при восхожденіи на одинъ изъ высокихъ холмовъ. Съ вершины этихъ холмовъ, близо одинъ отъ другого, синѣли заливы Монте-Санто и Контессо; на югъ обрисовывались предгорья Аѳонскаго хребта, а на сѣверъ выступали въ полуденной мглѣ Македонскія горы, въ то время, какъ ближайшій антуражъ составляла слегка холмистая равнина, покрытая дугами и нивами. Прослѣдить каналъ на дальнѣйшемъ его протяженіи мы не посмѣли. По всему видно, что возстановленіе этого въ свое время колоссальнаго, почти небывалаго сооруженія, при нынѣшнихъ техническихъ усовершенствованіяхъ, представлялось бы дѣломъ крайне легкимъ, лишь бы имѣлась надобность въ устройствѣ гавани въ святогорскомъ заливѣ.

Мы видѣли двухъ женщинъ—событіе, достойное быть занесен-

нымъ въ дневникъ аеонскаго путешественника! То были гречанки, старуха мать и ея дочка, недурная собою и, повидимому, скромная. Обѣ за ничтожную годовую плату служатъ въ экономіи на главномъ островѣ архипелага Мульяни. Островъ длиною въ 10 верстъ составляетъ „метохъ“ (хуторъ или имѣніе) одного изъ монастырей и состоитъ изъ двухъ экономій. Одна въ низменной части—земледѣльческая. Здѣсь мы пользовались ночлегомъ у греческаго монаха, оказавшагося, паче чаянія, весьма гостепріимнымъ и по отношенію въ русскимъ. Другая экономія въ холмистой и скалистой части острова—скотоводная. Она тоже управляется монахомъ, въ распоряженіи котораго нѣсколько человѣкъ пастуховъ. Тосклива должна быть жизнь на почти пустынномъ островѣ, но монахи завѣдомо охотно мѣняютъ людный монастырь, съ его постоянными службами и субординаціей, на уединеніе и свободу метоха. Здѣсь они являются независимыми арендаторами и даже могутъ скопить капиталецъ, безъ котораго плохо живетъ въ штатномъ монастырѣ. Арендаторы вносятъ въ монастырскую кассу залогъ.

Наступила уже ночь, когда тяжелый барвасъ, несмотря на дружныя усилія гребцовъ, дотащился до пристани одного изъ хуторовъ, какъ разъ на границѣ мірской и монашеской территоріи святогорскаго полуострова. Крайне неловко въ такой поздній часъ требовать гостепріимства. Къ тому же завѣдующій этой пристанью монахъ извѣстенъ нелюдимостью, сварливостью и нѣкоторымъ пристрастіемъ къ вину, котораго, на бѣду или на счастье, стережетъ цѣлый подвалъ. За егò мало подходящія къ общежитію качества монастырское начальство и удалило его на уединенную пристань. Тѣмъ интереснѣе было съ нимъ познакомиться. Первая встрѣча вполне соотвѣтствовала ожиданіямъ. „Чего такъ поздно пріѣхали! Нѣтъ благословенія на закуску и самоваръ въ ночное время“, и т. д. Однако, все напрасно: голодъ заранѣе внушилъ мнѣ намѣреніе невозмутимою любезностью сокрушить сопротивленіе сварливаго хозяина. Я вспомнилъ, что въ путешествіяхъ заявленіе о профессорствѣ выручало меня уже неоднократно. Надо было и тутъ отрекомендовать себя не какъ проголодавшійся и усталый братъ во Христвѣ, а какъ профессоръ, командированный такимъ-то министерствомъ—и все устроилось какъ нельзя лучше; когда же хозяинъ узналъ, что я изъ Харькова, гдѣ онъ самъ провелъ юность, и что знакомъ съ другомъ его дѣтства, тогда онъ совсѣмъ растрогался, засуетился, сталъ торопить самоваромъ, велѣлъ подать лучшаго вина, только самъ рѣшительно отказывался за компанію выпить.

Слѣдующій день съ самаго утра шелъ дождь, подѣ которымъ, за безвѣтріемъ, въ теченіе многихъ часовъ мы плелись до дому. Въ результатъ для меня получился сильный приступъ лихорадки и отекъ гортани, выразившійся „афоніей“, которую я и привезъ съ собою въ Харьковъ, какъ убѣдительное доказательство того, что я дѣйствительно былъ на Аѳонѣ, — позволяю себѣ, къ огорченію филологовъ, этотъ невинный каламбуръ...

А. О. Брандтъ.

МАШИНИСТЪ

(Le coup de tampon).

Ф. Коппе.

1.

— Пятнадцать лѣтъ исполнилось съ тѣхъ поръ,
Какъ поступилъ механикомъ Лефоръ
На Сѣверную линію. Извѣстенъ
Среди друзей, какъ славный малый, честенъ,
Онъ овдовѣлъ шесть мѣсяцевъ назадъ
(Исторія всегда на тотъ же ладъ
Кончается),—и заскучавъ, конечно,
Запьянствовалъ. Такое ремесло!
Съ машиною попробуйте-ка вѣчно
Возиться вы и выносить, чтобъ жгло
Вамъ все лицо, спина же застывала
Отъ холода: тутъ полуштофа мало,
А выпьешь весь... И такъ какъ есть одно
Для бѣдняковъ негодное вино—
Приходится прибѣгнуть къ алкоголю;
А кто ему далъ надъ собою волю,
Тотъ—пьяница, тому—одинъ конецъ!

Но Маркъ Лефоръ былъ все же молодецъ,
И подкутивъ въ компаніи пріятной,
На службу онъ являлся аккуратно
На слѣдующій день. Его порокъ
Ему въ большой не ставили упрекъ,

Въ вину ему вѣнялись убѣжденья.
 —И нашихъ-то директоровъ правленье
 Такая жъ дрянь!—говаривалъ Лефоръ.
 Начальству былъ знакомъ его задоръ,
 Шатанія по клубамъ, разсужденья.
 Но все ему прощалось до сихъ поръ
 Изъ уваженія къ прошлому. Не стало
 Его жены, къ несчастію. Когда
 За болтовню онъ примется, бывало,—
 Она въ отвѣтъ съ улыбкою:—Всегда
 Кому-нибудь ужъ надо непремѣнно
 Съ метлой ходить, и—Господи прости,
 Не Ротшильдамъ придется соръ мести!—
 И Маркъ Лефоръ, смягчаясь мгновенно,
 Смѣлся самъ:—Пожалуй, что и такъ!—
 И тутъ же онъ закуривалъ табакъ.

Со смертію жены въ немъ озлобленье
 Проснулося, и съ горя онъ въ кабакъ
 Обычныя удвоилъ посѣщенья.
 Разгорячась, громилъ онъ капиталъ,
 И богачей-хозяевъ проклиналъ,
 Въ своихъ купѣ укрытыхъ и согрѣтыхъ,
 Межъ тѣмъ какъ онъ на паровозъ дрогъ.
 Его рѣчей озлобленныхъ потокъ,
 Отчаяньемъ и водкой подогрѣтыхъ,
 Лился порой безъ удержа. За нимъ
 Прислалъ директоръ. Черствымъ и сухимъ
 Казался онъ, съ насмѣшливой и ѣдкой
 Улыбкою и съ орденской розеткой
 Изящною на бортѣ сюртука.
 —У насъ, Лефоръ,—онъ началъ свысока,
 —Вы на дурномъ счету. Вы истощили
 Терпѣнье наше въ прошлые года.
 Вы пьете...

„Но...“

—Достаточно. Не вы ли
 Бумагу эту подписали? Да?
 Отвѣйте мнѣ.—

„Я сдѣлалъ это!“ твердо
 Сказалъ Лефоръ, и выпрямился гордо.
 —Сглушили... Что-жъ? Отвѣтственность на васъ.

Вы съ экстреннымъ ночнымъ въ послѣдній разъ
Отправитесь въ Калѣ. По возвращеньи
Получите расчетъ свой, а теперь
Прощайте.—

Маркъ стоялъ въ остоленѣнны
И, наконецъ, захлопнувъ съ силой дверь,
Онъ вышелъ. Все дышало оживленьемъ
На улицѣ. Ручныхъ тележекъ рядъ,
Наполненныхъ плодами и кореньемъ,
Здѣсь двигался, и фруктовъ аромат
Лился вокругъ съ прохладою душистой.
А тамъ, въ пыли заката золотистой,
Шли парочки влюбленныхъ. Отъ тоски
И ярости невольно кулаки
Сжималъ Лефоръ.—Отказано отъ мѣста!
Изъ-за чего? Иль Франціи сыны
Ни говорить, ни мыслить не должны
И нѣтъ для нихъ возможности протеста?
Вотъ каковы хваленны правъ!
Чтобъ чортъ побралъ проклятыхъ буржуа!—
И онъ, войдя въ большой трактиръ старинный,
Потребовалъ три порціи полынной.

Но въ этихъ жалобахъ и доля правды есть.
Бѣднякъ, о, богачи, труды обязать несть
За васъ. Для вашихъ нуждъ, пороковъ, наслажденій
Онъ трудится, и самъ лишь знаетъ гнетъ лишеній.
О, скальтеся надъ нимъ! Давно внести пора
Въ законъ духъ милости, духъ правды и добра.
Людей, пристанища и отдыха не знавшихъ,
Мы видимъ,—дѣвочекъ, дѣтей въ шестнадцать лѣтъ,
Себя изъ нищеты проходимъ продававшихъ,
Оборванныхъ дѣтей, въ чьихъ тусклыхъ взорахъ нѣтъ
Веселья юности, худыхъ и изможденныхъ,
И честныхъ стариковъ рабочихъ, осужденныхъ
Жить подаянiемъ. И нѣтъ у бѣдняка,
Средь нашей роскоши, ни крова, ни куса..

2.

Обыкновенно въ десять-пятьдесятъ
 Шель экстренный. Изрядно захмелѣвшій
 И съ вызовомъ по сторонамъ глядѣвшій,
 Но все держася прямо, какъ солдатъ,
 Явился Маркъ. Да, буржуа проклятыхъ
 Ему везти въ послѣдній разъ пришлось.
 Вѣдь экстренный лишь для людей богатыхъ
 Доступенъ. Онъ вскочилъ на паровозъ,
 Скрываясь за облаками пара,
 И помѣстясь вблизи отъ кочегара,
 Чтò съ топкою возился, произнесъ:
 —Ну, не зѣвать! И онъ, спокойнымъ взоромъ
 Все оглядѣвъ, надѣлъ пальто, въ которомъ
 Пускался въ путь, и твердою рукой
 Взялся затѣмъ за регуляторъ свой.
 Онъ выпилъ, да, но твердо знаетъ дѣло,
 И за себя поручится онъ смѣло,
 Что никогда и ни одинъ сигналъ
 Не спутаетъ. Пускай въ его журналъ
 Заглянуть всѣ: съ нимъ не было ни разу
 Несчастія, и все же, по приказу
 Хозяйскому, его прогнали вонъ.
 О, подлые, ихъ ненавидитъ онъ!

Экспрессъ готовъ, и рядъ вагоновъ длинный
 Прицѣпленъ. Маркъ увидѣлъ издали,
 Какъ, шляпы снявъ, согнувъ дугою спины,
 Чиновники поспѣшно подошли
 Раскланяться и проводить министра.
 —Всѣ по мѣстамъ!—Засуетились быстро
 Отставшіе и двинулись толпой
 Вдоль по платформѣ, ярко залитой
 Сіяньемъ электричества холоднымъ.
 —Имъ хорошо, богатымъ да свободнымъ!—
 Подумалъ Маркъ съ усмѣшкою кривой.
 —Завалятся сейчасъ на боковую...
 Вѣдь я за нихъ здоровьемъ здѣсь рискую.
 Вотъ, еслибы хоть маленький толчокъ, —
 Проснулись бы! Да не случится... Видно,

Ужъ имъ во всемъ удача есть... Обидно!
А захотѣлъ, такъ я-бъ устроить могъ...—

Вотъ раздался пронзительный свистокъ,
И экстренный, пыхтя и громыхая,
Вдругъ тронулся на рычагахъ стальныхъ.
Земля подъ нимъ дрожала отъ глухихъ
Его ударовъ... Словно пожирая
Пространство, онъ все ускоряетъ ходъ
И все быстрѣй несется онъ впередъ,
Все бѣшенѣй... На дальнемъ разстоянѣ
Онъ за собой оставилъ, какъ всегда,
Ползущіе улиткой поѣзда,
Гдѣ слышится тревожное мычанье
Скота. А вотъ большіе пустыри,
Гдѣ кое-гдѣ мерцаютъ фонари
Межъ рельсами. Мелькнули очертанья
Высокихъ трубъ предмѣстья, вотъ туннель,
И позади осталась цитадель.
И вдоль полей, въ туманѣ ночи темной,
Летитъ экспрессъ. Фонарь его огромный,
Передъ собой разбѣвая мракъ,
Бросаетъ свѣтъ на темнокрасный макъ
Среди плетней. А тамъ, на небосклонѣ,
Какъ будто бы въ отчаянной погонѣ,
Мелькаетъ ликъ испуганный луны
Надъ группами деревьевъ, что видны
По сторонамъ...

Хоть въ немъ бушуетъ злора
И выпилъ онъ, но твердо смотреть въ оба
Нашъ машинистъ, и дѣло знаетъ онъ,
Которымъ весь, всецѣло поглощенъ.
Экспрессъ летитъ съ ужасной быстротою,
Огнистый слѣдъ оставивъ за собою,
Въ которомъ смерть находятъ свѣтляки.
И Маркъ, съ обычной твердостью руки,
Со взоромъ, вдаль спокойно устремленнымъ,
Дающій ходъ машинѣ, въ этотъ мигъ,
Какъ властелинъ царитъ надъ усмирленнымъ
Чудовищемъ, которымъ онъ привыкъ
Повелѣвать. Мелькнула, исчезая
Во тьмѣ ночной, и станція большая,

И при лунѣ онъ можетъ разглядѣть
Запутанную рельсовую сѣть.
Что до того? Достаточно лишь знака —
Нигдѣ экспрессъ задержки не встрѣчать.

Но вдругъ Лефоръ безстрашный задрожалъ.
Тамъ огненный, сіяющій изъ мрака,
Онъ видитъ глазъ, и этотъ глазъ растетъ
И близится... Еще, еще... А вотъ
Видна труба. Да, это поѣздъ встрѣчный
Идетъ на нихъ... О, ужасъ безконечный!
И кочегаръ, издавъ безумный крикъ,
Вдругъ ринулся къ периламъ, и чрезъ мигъ
Исчезъ во тьмѣ, съ призывомъ о спасеньѣ...
Чрезъ пять секундъ настанетъ столкновенье.

Вотъ, Маркъ Лефоръ, тотъ случай, что къ себѣ
Ты призывалъ. Такъ отвѣчай судьбѣ.
Здѣсь — богачи, которыхъ ты своими
Врагами звалъ — погибни вмѣстѣ съ ними.
Иль даже нѣтъ! Спасеніе тебѣ,
Какъ твоему товарищу, доступно.
Но, можетъ быть, покинута постъ — преступно?
Ничуть! А долгъ, а дисциплина, честь?
Слова одни! Прекрасно, случай есть:
Мсти богачамъ, — ты знаешь ихъ натуру, —
Спѣши спасти лишь собственную шкуру!

Мгновеніе, что молніи быстрѣй,
Прошло одно, но Маркъ въ душѣ своей
Почувствовалъ, какъ это искушенье
Проснулося, зашевелилось въ ней...

Какой ударъ! Какое столкновенье
Ужасное! Огня зловѣщій блескъ,
И дерева расщепленнаго трескъ,
И свистъ паровъ, и крики изъ вагоновъ.
И словно двое сказочныхъ драконовъ,
Отчаянно сцѣпившись межъ собой,
Локомотивы бьются и волной
Изъ нѣдръ огонь и воду извергаютъ,
Какъ два бойца, что кровью истекаютъ.

Въ вагонахъ—шумъ, смятеніе и стонъ.
 Испуганно всѣ ринулися вонъ...
 Но станція ужъ близко. Помогите!
 Огней сюда, къ вагонамъ! Поглядите...
 Но счастливо отдѣлялись... Всего
 Два раненыхъ... Еще одинъ убитый!
 Какъ? Машинистъ, весь кровію залитый,
 Обугленный?.. Вонъ тамъ нашли его:
 Онъ не хотѣлъ покинуть недостойно
 Свой паровозъ, хотя, какъ кочегаръ,
 Спасись бы могъ,—но, твердо и спокойно
 Встрѣчая смерть, остановилъ онъ паръ
 И отвратилъ грозящій намъ ударъ.
 Когда-бъ не онъ—окончиться могло бы
 Иначе все... И добрыя сердца
 Отъ всей души жалѣли храбреца,
 Но каждому приходится (еще бы!)
 И о себѣ подумать... А лица
 Ужаснаго чтобъ не пугались дамы—
 Его плащомъ прикрыли...

Страшной драмы .

Никто не зналъ. Кто могъ бы угадать,
 Что онъ—герой—сейчасъ готовъ былъ стать
 Преступникомъ,—но нравственная сила
 Великая въ немъ звѣря побѣдила,
 И онъ, когда насталъ урочный часъ,
 Враговъ своихъ своею смертію спасъ!

О. Михайлова.

НАШЪ ТОРГОВЫЙ БАЛАНСЪ.

I.

Одновременно съ неурожаемъ и его послѣдствіями, у насъ оказался весьма выгодный, можно сказать, блестящій „торговый балансъ“: отпускъ товаровъ за границу почти вдвое превысилъ цѣнность иностраннаго ввоза въ 1891 году. Такъ какъ нужда заставляла насъ усиленно продавать иностранцамъ даже тотъ хлѣбъ, который необходимъ для собственнаго нашего пропитанія, а средства на приобрѣтеніе заграничныхъ продуктовъ значительно уменьшились, то положеніе Россіи въ международной торговлѣ должно было бы считаться чрезвычайно выгоднымъ—съ точки зрѣнія господствующихъ у насъ принциповъ экономической политики. Съ 1-го января по 1-е декабря 1891 года вывезено товаровъ за границу на 682 милліона рублей, а привезено только на 342 мил.; значить, по общему у насъ представленію, иностранцы должны были еще заплатить намъ деньгами около 340 милліоновъ, и слѣдовательно наше богатство увеличилось на весьма крупную сумму.

Этотъ, повидимому, утѣшительный фактъ засвидѣтельствованъ и во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1892 годъ. Несмотря на сократившійся вывозъ,—говорится въ этомъ официальномъ документѣ,—„торговый балансъ въ нашу пользу за послѣдніе три мѣсяца, отдѣльно взятые (до 1-го декабря), составляетъ 113.800.000 р., вмѣсто 102 милліоновъ рублей за соотвѣтствующій періодъ прошлаго года; даже ноябрь, въ теченіе цѣлой половины котораго мы вовсе не отправляли хлѣба за границу, даетъ въ нынѣшнемъ (1891) году балансъ почти на три милліона выгоды для насъ,

нежели въ прошломъ году. Конечно, въ этихъ результатахъ нѣ-
которое участіе принадлежитъ лихорадочной дѣятельности по вы-
возу хлѣбовъ въ ожиданіи его запрещенія, но цифры ввоза по-
казываютъ, что главное вліяніе въ этомъ направленіи имѣетъ
уменьшеніе привоза, составившее за одиннадцать мѣсяцевъ 31 мил-
ліонъ рублей, изъ которыхъ 25 миллионъ падаетъ на послѣдніе
три мѣсяца". Во всякомъ случаѣ, „пока виднѣнъ тотъ результатъ,
что по международному обмѣну товаровъ мы даже за ноябрь сего
года не задолжали, а напротивъ, балансъ за все время склоняется
въ пользу Россіи,—и притомъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ про-
шломъ году". Только одинъ разъ за многіе годы досталось намъ
еще больше денежныхъ приплатъ отъ иностранцевъ—въ 1888 г.,
когда отпускъ превысилъ ввозъ почти на 400 миллионъ руб-
лей. Гораздо менѣе выгоденъ былъ балансъ 1890 года, — всего
на 280 миллионъ въ нашу пользу (до 1-го декабря).

Такимъ образомъ, нынѣшній голодъ какъ бы способствовалъ на-
шему обогащенію, если судить по даннымъ международного торго-
ваго баланса: мы не только не задолжали иностранцамъ, но еще
получили отъ нихъ излишекъ въ 340 миллионъ рублей за выве-
зенные къ нимъ товары. Столь счастливаго результата не ожи-
дали, повидимому, самые убѣжденные протекціонисты. „Допу-
стимъ,—писали еще недавно „Московскія Вѣдомости“,—что при-
шлось бы ограничиться по вѣншней торговлѣ избыткомъ отпуска
только въ 40 миллионъ рублей. Такое повышеніе, конечно,
много ниже получавшагося за послѣдніе годы въ 328 милл. р.
(вывозъ 700 милл. р., привозъ 372 милл. р.), но во всякомъ
случаѣ гораздо выгоднѣе имѣть какой-либо плюсъ, нежели ми-
нусъ, подобный бывшему въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, съ
половины шестидесятыхъ до половины семидесятыхъ годовъ, когда
иностранный привозъ превысилъ нашъ отпускъ на 399.202.792
руб. *Приходилось Россіи переживать такіе юды*, когда ввозъ
превышалъ отпускъ на 138.285.150 р., какъ это имѣло мѣсто
въ 1875 году, когда иностранныхъ товаровъ было привезено на
498.886.301 р., а отпущено нашихъ продуктовъ только на
360.601.151 р. Однако, и такое крайне неблагопріятное поло-
женіе торговаго баланса, продолжавшееся цѣлый рядъ лѣтъ, не
разорило государства. А нынѣ предстоитъ лишь ослабленіе из-
бытка вывоза надъ привозомъ, притомъ временное и съ сохра-
неніемъ баланса въ нашу пользу. Ясно, что всякія опасенія по
этому поводу будутъ не только преувеличенными, но даже из-
лишними, противорѣчащими дѣйствительности". Если держаться
такого взгляда, то мы должны были давно разбогатѣть отъ при-

лива къ намъ иностранныхъ денегъ, ибо со времени возвышенія таможенныхъ пошлинъ въ 1877 году мы продаемъ гораздо больше, чѣмъ покупаемъ за границей, и общая сумма полученныхъ нами приплатъ за всѣ эти годы составляетъ внушительную цифру—2.091.769.000 рублей.

Куда же дѣвались, однако, эти колоссальные денежные избытки, и кто видѣлъ или чувствовалъ ихъ у насъ въ Россіи? Не есть ли это только миражъ, напрасно соблазняющій наши финансовые умы? Невольныя сомнѣнія вызываются уже неправдоподобностью самого факта, что голодный годъ выгоднѣе урожайныхъ по международному обмѣну товаровъ. Мыслимо ли допустить, что 1891 годъ принесъ намъ лишнихъ денегъ на 500 милліоновъ, сравнительно съ 1875 годомъ, и что Россія разорилась наибольше въ тѣ періоды, когда имѣла возможность приобретать наибольшую массу усовершенствованныхъ орудій труда и производства за границею?

Достаточно нѣкоторыхъ фактическихъ справокъ и сопоставленій, чтобы убѣдиться въ неосновательности и произвольности существующихъ у насъ понятій о „выгодномъ“ торговомъ балансѣ. Въ 1875 году мы будто бы переплатили иностранцамъ свыше 150 милліоновъ (а не 138 милл., какъ считаютъ „Московскія Вѣдомости“); поэтому курсъ рубля долженъ былъ тогда сильно упасть, и мы должны были чувствовать недостатокъ въ деньгахъ. На дѣлѣ было совершенно наоборотъ: кредитный рубль стоялъ тогда на такой высотѣ, какой не достигалъ съ тѣхъ поръ ни разу (1 р. 16 к. за 1 р. зол., по среднему выводу за всѣ мѣсяцы года), и никакого государственнаго займа заключено не было въ 1875 году. Великолѣпный торговый балансъ мы имѣли въ 1888 году; мы получили будто бы отъ другихъ народовъ излишекъ въ 400 милліоновъ, и слѣдовательно за границей долженъ былъ усиливаться спросъ на кредитные рубли для этихъ крупныхъ приплатъ, цѣнность же рубля должна была повыситься больше, чѣмъ когда-либо; а между тѣмъ въ дѣйствительности рубль упалъ въ цѣнѣ почти на 50%; средній годовой курсъ былъ 1 р. 72 к. за 1 р. зол., и общее финансовое положеніе было довольно тягостное.

Тоже самое видимъ мы и въ 1891 году. Тѣ 340 милліоновъ рублей, которые будто бы поступили къ намъ отъ иностранцевъ до 1-го декабря, не только не обнаружили ничѣмъ своего существованія и не увеличили запаса нашихъ денежныхъ средствъ, но произвели почему-то вполне отрицательное дѣйствіе. Крайнее стѣсненіе нашего денежнаго рынка вызвало рядъ правительствен-

ныхъ мѣръ, исключавшихъ всякую мысль о наплывѣ предполагаемыхъ милліоновъ изъ-за границы, какъ это видно и изъ официальныхъ мотивовъ, которыми объяснялись упомянутыя мѣропріятія. Въ томъ же документѣ, гдѣ указано на благопріятный торговый балансъ, мы читаемъ далѣе слѣдующее: „Усиленные обороты по покупкамъ хлѣба для неурожайныхъ губерній, вмѣстѣ съ значительнымъ отпускомъ его за границу, предшествовавшимъ запрещенію вывоза, требовали такого количества денежныхъ знаковъ, что наличность кредитныхъ билетовъ оказывалась недостаточною. Касса государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій, заключавшая въ себѣ въ началѣ года 139 милліоновъ и представлявшая еще 1-го іюля наличность въ 105 милліоновъ рублей, понизилась къ 15 августа до 30 милл. р.^а. При такомъ положеніи кассы „министръ финансовъ разрѣшилъ государственному банку произвести временный выпускъ кредитныхъ билетовъ въ 25 милл. р., съ обезпеченіемъ ихъ золотомъ рубль за рубль; несмотря на сей выпускъ, касса государственнаго банка продолжала еще сильнѣе уменьшаться, такъ что въ августѣ положены были еще 25 милл. р. золотомъ въ обезпеченіе второго выпуска въ 25 милл. кредитныхъ рублей, и наконецъ въ сентябрѣ на тѣхъ же основаніяхъ сдѣланъ третій выпускъ въ 25 милл. кред. рублей, послѣ чего колебанія кассы стали менѣе сильны, но и въ настоящее время касса сія (къ 16 декабря) заключаетъ въ себѣ лишь 64³/₄ милл. кред. рублей“. Сверхъ этихъ 150 милліоновъ, выпущенныхъ въ обращеніе государственнымъ банкомъ, пришлось еще занять у французовъ 125 милліоновъ золотомъ „съ цѣлю покрытія сдѣланныхъ и предстоящихъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и по исполненію другихъ общепользныхъ работъ“. Курсъ упалъ и продолжаетъ падать. Все это въ совокупности показываетъ какъ нельзя яснѣе, что въ дѣйствительности никакихъ 340 милліоновъ къ намъ изъ-за границы не поступало, и что такъ-называемый благопріятный торговый балансъ, вѣроятно, не имѣетъ реальнаго значенія.

Если перевѣсъ привоза надъ отпускомъ невыгоденъ для страны и доводить ее до разоренія, то въ наихудшихъ обстоятельствахъ находятся Англія и Франція, которыя упорно, изъ года въ годъ, привозятъ къ себѣ гораздо больше товаровъ, чѣмъ вывозятъ, и систематически разоряются, значить, на цѣлыя милліарды!! Выходить, что Англія и Франція бѣднѣютъ въ ужасающей степени, начиная съ шестидесятихъ годовъ; имъ постоянно приходится „переживать такіе годы“, когда приплаты другимъ народамъ за ввозимые товары доходятъ до колоссальныхъ цифръ! А мы поль-

зуемся въ теченіе послѣдняго десятилѣтія блестящими торговыми балансами, какихъ давно не имѣли англичане и французы, и — что всего страннѣе, — мы особенно богатѣемъ отъ иностранныхъ приплатъ въ тѣ именно годы, когда у насъ наиболѣе чувствуется угнетенное экономическое состояніе, доходящее даже до народнаго бѣдствія.

Во Франціи ввозъ превышаетъ отпускъ среднимъ числомъ на миллиардъ франковъ въ годъ; за пятилѣтіе съ 1885 до 1890 г. она приобрѣла товаровъ за границей на $20\frac{1}{2}$ миллиардовъ, а отпустила всего на сумму $16\frac{1}{2}$ миллиардовъ, переплативъ будто бы иностранцамъ наличными деньгами около четырехъ миллиардовъ; а такъ какъ этотъ „неблагопріятный“ или даже „разорительный“ торговый балансъ повторяется ежегодно почти въ теченіе тридцати лѣтъ, то французы должны были давно уже лишиться всѣхъ своихъ капиталовъ и превратиться въ несостоятельныхъ должниковъ и данниковъ другихъ народовъ, по принятой у насъ финансовой теоріи. Между тѣмъ приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы неуклонно возрастаетъ во Франціи; въ десятилѣтіе отъ 1867 до 1877 года привезено золота и серебра на $3\frac{1}{2}$ миллиарда больше, чѣмъ вывезено, хотя въ этотъ же періодъ уплачено нѣмцамъ пять миллиардовъ контрибуціи. Въ пятьдесятъ лѣтъ до 1877 года излишекъ полученій составилъ около 9 миллиардовъ; такъ же точно и за послѣдніе годы, съ 1885 до 1890 года, перевѣсъ привоза металловъ опредѣляется въ 60 милліоновъ ежегодно, по однимъ лишь официальнымъ таможеннымъ свѣдѣніямъ. Другими словами, переплачивая ежегодно другимъ народамъ около миллиарда франковъ за избытки ввоза, французы не только не уменьшали этимъ запаса своихъ металлическихъ денегъ, но увеличивали его регулярно на громадныя суммы.

Еще болѣе поразителенъ примѣръ Англіи. Ежегодный перевѣсъ привоза надъ отпускомъ оцѣнивается среднимъ числомъ въ четыре миллиарда франковъ, такъ что въ теченіе одного года англичанамъ пришлось бы отдать почти весь свой металлическій фондъ для покрытія уплатъ по заграничному ввозу продуктовъ. Другіе источники доходовъ, указываемые обыкновенно протекціонистами для объясненія этой загадки, — какъ прибыли капиталовъ, помѣщенныхъ за границей, доходы отъ морской перевозки грузовъ и т. п., — едва ли были бы достаточны только для того, чтобы позволить Англіи и Франціи избѣгнуть неминуемаго разоренія и кое-какъ сводить концы съ концами.

Что касается Россіи, то даже въ 1891 году она обогатилась будто бы приливомъ иностраннаго золота; такъ, по свидѣтельству

нашего „Вѣстника финансовъ, промышленности и торговли“ (№ 49, отъ 8-го декабря, стр. 606), „благопріятный торговый балансъ усиливается еще ничтожнымъ за девять мѣсяцевъ (до 1-го октября), сравнительно съ прошлымъ годомъ, вывозомъ за границу золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ, выразившимся всего въ 140.000 р. противъ 8.384.000 р., при возрастаніи привоза съ 17.519.000 въ 1890 году до 72.669.000 р. въ текущемъ (1891)“. Повидимому, это „усиленіе“ выгодъ нашего торгового баланса достигнуто простымъ перемѣщеніемъ части металлическаго фонда, находившагося на текущемъ счетѣ у иностранныхъ банкировъ, а также взносами по послѣднему вѣйшему займу. Такъ какъ никто еще не обогащался умноженіемъ своихъ долговъ или переводомъ своихъ собственныхъ суммъ съ одного мѣста на другое, то приведенныя цифры вовсе не имѣютъ того утѣшительнаго смысла, который придаетъ имъ въ нашемъ специальномъ финансовомъ органѣ. Нельзя также ссылаться на расходы по государственному долгу для объясненія финансовой скудости при выгодныхъ торговыхъ балансахъ, ибо платежи по металлическимъ займамъ покрываются таможенными доходами, поступающими въ золотой валютѣ, а всѣ вообще уплаты процентовъ и погашенія, составляя приблизительно 250 милліоновъ въ годъ, далеко перевишиваютъ предполагаемыми полученіями изъ-за границы такихъ денежныхъ приплатъ за товары, какъ 400 милліоновъ въ 1888 г. или 340 милліоновъ за одиннадцать мѣсяцевъ 1891 года. Поэтому количество денегъ въ народномъ оборотѣ должно было бы увеличиваться, а не уменьшаться въ годы удачныхъ торговыхъ балансовъ; но у насъ несомнѣнно замѣчается увеличеніе бѣдности и задолженности народнаго хозяйства, чего не отрицаютъ и безусловные поклонники и хвалители нашей современной экономической системы.

Мы „разорались“ съ конца шестидесятыхъ до второй половины семидесятыхъ годовъ по тому же способу, по какому „разоряются“ Англія и Франція; теперь мы имѣемъ прекрасные торговые балансы и должны вѣрить въ свое постепенное обогащеніе, не въ примѣръ англичанамъ и французамъ. Не выгодно ли однако разоряться заодно съ Англіей и Франціею, чѣмъ богатѣть по какой-нибудь иной системѣ? Какъ ни блестящи наши торговые балансы, но не къ намъ являются просить денегъ взаимны другіе народы, а напротивъ мы вынуждены постоянно занимать у иностранцевъ, обремененныхъ невозможными, съ нашей точки зрѣнія, платежами по международному обмѣну товаровъ.

Очевидно, теорія торгового баланса, усвоенная нашими про-

протекціонистами и положенная ими въ основу всей нашей экономической политики, грѣшить чѣмъ-то весьма существеннымъ. Мы видимъ здѣсь наглядный примѣръ того, какъ ошибочное воззрѣніе можетъ торжествовать надъ всѣми доводами разсудка и надъ положительными, общеизвѣстными фактами. Забота о выгодномъ торговомъ балансѣ коренится въ старомъ взглядѣ на деньги или, вѣрнѣе, на драгоцѣнные металлы, какъ на дѣйствительную сущность народнаго богатства. Этотъ взглядъ находится въ тѣсной связи съ протекціонизмомъ, поощряющимъ вывозъ продуктовъ и затрудняющимъ ввозъ посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, такъ какъ предполагается, что отпускная торговля перемѣщаетъ къ намъ деньги изъ-за границы, а привозная извлекаетъ ихъ изъ страны въ пользу иностранцевъ. За отпускаемые нами товары платятъ иностранцы, и потому возростаніе отпуска считается равносильнымъ увеличенію у насъ количества денегъ; а на приобрѣтеніе иностранныхъ товаровъ уходятъ наши собственные капиталы, и потому избытокъ ввоза — нежелателенъ и даже опасенъ. Собственно говоря, эта теорія, созданная на почвѣ металлическаго денежнаго обращенія, теряетъ свой *raison d'être* при господствѣ бумажныхъ денегъ, ибо нѣтъ надобности искусственно удерживать въ странѣ или привлекать изъ-за границы кредитные билеты, печатаемые въ надлежащемъ изобиліи экспедиціе заготовленія государственныхъ бумагъ. Государства стремились къ выгоднымъ балансамъ въ ложномъ расчетѣ привлечь къ себѣ драгоцѣнные металлы, а мы гонимся за тѣнью, думая поддержать неуловимый курсъ бумажнаго рубля и достигая какъ разъ противоположнаго результата, какъ то ясно видно изъ сопоставленія 1875, 1888 и 1891 годовъ. Цѣнность русскихъ фондовъ за границей зависитъ отъ общаго состоянія нашего государственнаго кредита, который мы сами роняемъ частыми вѣнскими займами и всѣмъ безпорядочнымъ ходомъ нашего народнаго хозяйства. Стремленіе къ такъ-называемымъ благопріятнымъ торговымъ балансамъ не имѣетъ у насъ даже того обычнаго теоретическаго оправданія, на которое ссылались доктринеры прежняго протекціонизма и которое постоянно опровергается на практикѣ. Тѣмъ не менѣе это ошибочное стремленіе, лишенное всякаго подобія почвы, господствуетъ надъ нашею экономической жизнью и дѣйствуетъ на нее подавляющимъ образомъ.

Лучше всего провѣрить это на частномъ фактѣ. Чтобы вызвать и усилить отпускъ нашего сахара за границу, въ видахъ достиженія выгоднаго торговаго баланса, казна тратитъ ежегодно свыше 3½ милліоновъ рублей, и при помощи этихъ затратъ са-

харозаводчики поставлены въ возможность снабжать иностранные рынки русскимъ сахаромъ по цѣнамъ почти вдвое болѣе дешевымъ, чѣмъ въ самой Россіи. Въ то время какъ у насъ кievскій сахаръ стоитъ около 5 рублей за пудъ, въ Лондонѣ тотъ же кievскій сахаръ продается по 2 р. 60 к., или 3 р. пудъ, благодаря вывозной преміи, состоящей въ возвратѣ акциза, и при содѣйствіи другихъ искусственныхъ мѣръ. Наше казначейство принимаетъ на себя предупредительную заботливость о томъ, чтобы англичанамъ русскій сахаръ продавался вдвое дешевле, чѣмъ русскимъ потребителямъ, и за это удовольствіе расплачиваются въ концѣ концовъ плательщики податей, болѣею частью крестьяне, для которыхъ сахаръ есть недоступная роскошь. Возвращая сахарозаводчикамъ акцизъ за вывозимые продукты, правительство пополняетъ этотъ недочетъ въ другомъ мѣстѣ, а взысканіе лишнихъ $3\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей или сложеніе недоимокъ на эту сумму можетъ считаться вопросомъ жизни или смерти для сотенъ тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ. Столь чувствительныя жертвы налагаются на неимущее сельское населеніе, для поощренія вывоза такого продукта, который имѣетъ обеспеченный сбытъ внутри страны; крестьянство, не пользующееся сахаромъ по его дороговизнѣ, платитъ за созданіе дешевизны русскаго сахара для заграничныхъ покупателей, а сохраненіе высокихъ цѣнъ въ предѣлахъ Россіи возводится даже на степень государственной задачи и достигается оффиціальною стачкою крупныхъ сахарозаводчиковъ, устроенною въ 1887 году. Въ этой цѣпи странностей есть только одна руководящая идея—сознаніе великой важности вывоза сравнительно съ привозомъ и съ внутреннимъ потребленіемъ. Соглашеніе о нормировкѣ производства и о вывозѣ излишковъ сахара за границу устранило взаимную конкуренцію между производителями и создало внутреннюю монополію, послѣ того какъ совершенно устранено всякое заграничное соперничество запретительными таможенными пошлинами; вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ предѣлъ естественному росту внутреннего потребленія, которое и безъ того еще слишкомъ незначительно, вслѣдствіе бѣдности народной массы и недоступности для нея установившихся монопольныхъ цѣнъ: даже въ Швеціи и Норвегіи приходится на душу среднимъ числомъ втрое болѣе сахара въ годъ, чѣмъ у насъ въ Россіи ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о сахарѣ—одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ для теоретиковъ и практиковъ нашего протекціонизма; поэтому и проф. Менделѣвъ, въ разобранномъ нами первомъ выпускѣ своего „Толковаго тарифа“ (см. „Вѣстникъ Европы“, 1891, ноябрь, и декабрь), посвятивъ этому важному предмету только нѣсколько бѣглыхъ и туман-

Поощреніе вывоза можетъ имѣть временные мотивы, болѣе или менѣе вѣскіе, въ случаяхъ дѣйствительнаго перепроизводства, грозящаго кризисомъ, и при упадкѣ внутренняго спроса на извѣстные товары, напр., подъ вліяніемъ неурожая; такой смыслъ имѣютъ, вѣроятно, предположенныя мѣры для содѣйствія вывозу хлопчатобумажныхъ издѣлій посредствомъ возврата пошлинъ, уплаченныхъ за употребленные въ дѣло хлопокъ и красильные матеріалы, — „въ виду сокращенія сбыта на внутреннихъ рынкахъ“, какъ сказано въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ на 1892 годъ. Когда устранятся причины, вызвавшія это сокращеніе сбыта, тогда должны потерять свою силу и эти льготы, составляющія въ сущности крупную денежную премію, тяжесть которой ляжетъ на обычныхъ плательщиковъ податей.

Податное населеніе носить на себѣ все бремя „благопріятныхъ“ торговыхъ балансовъ, достигаемыхъ покровительственною системою, ибо оно призвано доставлять государству тѣ суммы, которыхъ казна лишается вслѣдствіе ограниченія и отчасти даже закрытія одного изъ удобнѣйшихъ источниковъ государственнаго дохода — таможеннаго. Чѣмъ полнѣе и энергичнѣе осуществляются цѣли односторонняго протекціонизма, тѣмъ болѣе уменьшается привозъ товаровъ изъ-за границы сравнительно съ отпускомъ и тѣмъ сильнѣе сокращаются поступления таможенныхъ пошлинъ; а пробѣлъ въ государственномъ бюджетѣ долженъ быть пополненъ другими несравненно болѣе обременительными для народа способами, причемъ переносятся платежи съ достаточныхъ на неимущіе классы. При нашихъ условіяхъ таможенные пошлины оплачиваются главнымъ образомъ средними и высшими слоями общества; поэтому систематическое уменьшеніе этой отрасли государственнаго дохода снимаетъ часть податей съ богатыхъ и зажиточныхъ, что неминуемо ведетъ къ соотвѣстственному увеличенію податной тягости, лежащей на бѣдныхъ. Возвышая таможенные

ныхъ страницъ (214—220), причемъ старательно обошелъ два главнѣйшія недомѣнія, вызываемыя нашею сахарною политикою и затрогивающія основныя принципы покровительственной системы, а именно: 1) Почему удержанъ безусловно запретительныя пошлины (3 и 4 р. зол. съ пуда) на иностранный сахаръ послѣ того, какъ наша сахарная промышленность прочно развилась и окрѣпла и не можетъ уже болѣе заграницной конкуренціи? 2) Почему искусственно вызывается, съ одной стороны, пониженіе цѣны русскаго сахара для иностранныхъ потребителей, а съ другой — повышение цѣны для своего собственнаго народа, и почему русскіе плательщики податей должны изъ своихъ скудныхъ средствъ платить 3 1/2 милліона въ годъ за честь доставленія англичанамъ хорошаго и дешеваго русскаго сахара? Едва ли наши протекціонисты въ состояніи дать удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы.

пошлины далѣе извѣстнаго предѣла, мы доходимъ до такого пункта, когда всякій ввозъ прекратится и никакихъ пошлинъ поступать не будетъ; торговый балансъ будетъ тогда идеальный, и о немъ-то мечтаютъ крайніе протекціонисты; но тутъ замѣчается раздвоеніе между финансовыми дѣятелями и промышленными доктринерами: первымъ нуженъ все-таки таможенный доходъ, которымъ готовы пожертвовать вторые. Совмѣстить охрану туземной промышленности съ возрастаніемъ таможенныхъ доходовъ—прямая задача финансовой политики, особенно важная въ такой странѣ, гдѣ обязанность платить подати возложена преимущественно на низшіе и бѣдные классы, наименѣе пользующіеся услугами государственныхъ учрежденій и плодами правительственныхъ затратъ. Запретительные тарифы, парализующіе привозную торговлю и улучшающіе будто бы международный балансъ по обмѣну товаровъ, усиливаютъ гнетъ несправедливой податной системы и не позволяютъ приступить къ необходимому ея преобразованію, пока не найдены другіе столь же обильные и эластичные источники государственныхъ доходовъ, какъ таможенные. Никогда не слѣдуетъ забывать, что каждая запретительная статья таможенного тарифа налагаетъ на страну двойную жертву,—во-первыхъ, уничтожаетъ болѣе или менѣе значительную статью государственнаго дохода, которая должна быть пополнена на счетъ плательщиковъ податей, и во-вторыхъ, удорожаетъ соотвѣтственные продукты къ прямому ущербу потребителей и косвенно во вредъ всему населенію, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока внутреннее развитіе производства не привело къ дешевизнѣ, при свободѣ конкуренціи между производителями. Трудно опредѣлить даже приблизительно, во сколько сотенъ милліоновъ въ годъ обходится народу система „благопріятныхъ“ торговыхъ балансовъ и усиленнаго покровительства отечественной промышленности; неизмѣримо выгодиѣ было бы уже назначить спеціальныя преміи и льготы для предприимчивыхъ начинателей въ области фабрично-заводскаго дѣла, вмѣсто того, чтобы ради успѣха ихъ предпріятій ломать и задерживать экономическую жизнь цѣлой страны.

Умѣренные охранительныя пошлины увеличиваютъ таможенный доходъ, а высокія—сокращаютъ его, стѣсняя за-одно и потребление; еще Свифтъ замѣтилъ, что въ таможенной ариеметикѣ дважды два составляютъ часто не четыре, а только единицу. Въ этомъ убѣдилось на опытѣ наше финансовое вѣдомство, когда оно въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ рассчитывало на значительный ростъ таможенного дохода вслѣдствіе возвышенія прежнихъ пошлинъ и установленія новыхъ, а въ са-

момъ дѣлѣ доходъ понизился въ 1885 году на 2 милліона золотомъ сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ и на цѣлыхъ 6 милліоновъ въ сравненіи съ 1880 годомъ ¹⁾. На текущій годъ предположено по смѣтѣ около 111 милліоновъ кред. р., почти столько же, сколько предполагалось на 1891 годъ, и на 22 милліона менѣе дѣйствительнаго поступленія за 1890 годъ, — такъ что, несмотря на всѣ заботы объ ограниченіи заграничнаго привоза, мы вынуждены даже въ неурожайный годъ рассчитывать на обиліе этого привоза, питающаго наше государственное казначейство. Протекціонистская доктрина заставляетъ воевать противъ ввозной торговли и противъ такъ-называемаго наводненія нашего рынка иностранными товарами, а насущные финансовые интересы государства побуждаютъ желать какъ можно болѣе значительнаго ввоза и какъ можно менѣе „блестящаго“ международнаго баланса. Это столкновеніе и борьба двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія въ мотивахъ и цѣляхъ принимаемыхъ мѣръ придаетъ оттѣнокъ двойственности и даже нѣкотораго драматизма всей нашей экономической и финансовой политикѣ за послѣдніе годы.

II.

Мы видѣли, что погоня за благопріятнымъ торговымъ балансомъ приводитъ къ неразрѣшимымъ внутреннимъ противорѣчіямъ и общааетъ скорѣе финансовое и экономическое разстройство, чѣмъ обогащеніе. Золотыя пошлины не даютъ намъ золота, такъ какъ онѣ уплачиваются не иностранцами, а русскими покупателями, выписывающими товары изъ-за границы ²⁾. Количество

¹⁾ Совсѣмъ другіе результаты достигнуты были повышеніемъ пошлинъ въ Германіи: въ десятилѣтіе съ 1879 по 1889 годъ таможенный доходъ увеличился ровно вдвое, благодаря осторожному и разумному примѣненію покровительственныхъ тарифовъ. См. *Finanzwissenschaft*, von Gustav Cohn (*System der Nationalökonomie*, Bd. II), Stuttg., 1889, стр. 561—2; ср. также „Основныя начала финансовой науки“, И. И. Янжула, Спб., 1890, стр. 425 и сл.

²⁾ „Когда Россія или Аргентинская республика,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ экономистовъ,—для возстановленія своего металлическаго фонда, постановляютъ, что таможенные пошлины должны быть вносимы золотомъ, то эти государства, очевидно, руководствуются предположеніемъ, что иностранцы, посылая имъ свои товары, пришлютъ имъ въ то же время надлежащее количество золота для уплаты этихъ пошлинъ. Это, разумѣется, большая наивность. Напротивъ, туземные пріобрѣтатели должны съ большими потерями доставать необходимое золото, и на нихъ возлагается только новая тягость“. *Principes d'économie politique*, par Charles Gide (Paris, 1891), стр. 291, примѣч.

наличныхъ денегъ не играетъ вообще никакой роли въ международныхъ торговыхъ оборотахъ: Англія, имѣя въ обращеніи не болѣе 4 милліардовъ металла (въ переложеніи на франки), производитъ дѣла на десятки милліардовъ въ годъ; Франція покупаетъ ежегодно за границей болѣе чѣмъ на 4 милліарда франковъ, не уменьшая своего металлическаго фонда. Мы вывозимъ и продаемъ гораздо больше, чѣмъ покупаемъ за границу, а металл не дается намъ въ руки, и денегъ у насъ мало, и общее экономическое положеніе замѣтно ухудшается. Очевидно, дѣйствующая у насъ теорія поощренія вывоза въ ущербъ привозу нуждается въ серьезной критической проверкѣ.

Если устранить смущающее насъ посредничество денегъ и имѣть въ виду „международный обмѣнъ товаровъ“ (выраженіе, употребленное въ такомъ авторитетномъ документѣ, какъ упомянутый уже нами выше всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ), то представленіе о выгодномъ балансѣ получится совершенно иное, чѣмъ принятое у насъ. Страна вывозитъ товаровъ на милліардъ, а приобретаетъ за нихъ въ обмѣнъ продукты, опфниваемые при ввозѣ въ полтора милліарда; ясно, что этотъ избытокъ привоза представляетъ собою заработокъ или барышъ въ 500 милліоновъ, тогда какъ по теоріи баланса страна будто бы потерпѣла ущербъ на ту же сумму вслѣдствіе мнимой уплаты ея иностранцамъ наличными деньгами. Предположимъ, что страна ничего не получила за отпущенные за границу товары или что взятые въ обмѣнъ грузы погибли въ морѣ; тогда, по существующимъ у насъ представленіямъ, торговый балансъ будетъ блестящій. Подобный примѣръ приводилъ и Бастиа въ своихъ „Экономическихъ софизмахъ“; по его словамъ, съ точки зрѣнія торговаго баланса, Франція имѣетъ простой способъ постоянно увеличивать свои капиталы: стоило бы ей только бросать въ море свои товары послѣ вывоза ихъ черезъ таможеню. Но Бастиа былъ ярый фритредеръ, и многіе взгляды его были неправильны или не симпатичны; поэтому и разумныя, неопровержимо-логическія замѣчанія его считаются теперь недостойными вниманія. Нѣтъ однако надобности обращаться къ такимъ непопулярнымъ у насъ писателямъ, какъ Бастиа, для выясненія условій международнаго обмѣна товаровъ.

Почти у всѣхъ культурныхъ и промышленныхъ народовъ замѣчается перевѣсъ привоза надъ отпускомъ, и если сосчитать суммы ввоза и вывоза товаровъ въ различныхъ странахъ земного шара, то окажется, что ввозъ превышаетъ отпускъ на пять или шесть милліардовъ франковъ. Откуда же берется этотъ изли-

шекъ ввоза въ міровомъ промышленномъ оборотѣ? Товары, ввезенные изъ одной страны, доставляются въ другую, гдѣ фигурируютъ уже въ цифрахъ привоза; поэтому объ категоріи цифръ должны были бы совпадать въ общемъ счетѣ, ибо количество товаровъ не мѣняется отъ перемѣщенія ихъ. Дѣло объясняется не одними лишь расходами по перевозкѣ, возвышающими цѣнность привоза сравнительно съ вывозомъ, а вообще разницею въ оцѣнкѣ продуктовъ, зависящею отъ мѣстныхъ условій и заключающею въ себѣ между прочимъ прибыль привозной торговли.

Продукты вывозятся изъ странъ, гдѣ они дешево стоятъ, и доставляются въ мѣста, гдѣ они цѣнятся дорого; керосинъ при вывозѣ изъ Россіи оцѣнивается иначе, чѣмъ при ввозѣ во Францію, и поэтому то же самое количество товара займетъ меньше мѣста въ активѣ баланса первой страны, нежели въ пассивѣ второй. Выгоднѣе ли было бы для Россіи, еслибъ керосинъ былъ въ ней дороже и представлялъ бы болѣе значительную стоимость при вывозѣ за границу, предполагая неизмѣнность заграничнаго спроса? Очевидно—нѣтъ; а между тѣмъ денежная сумма отпуска была бы выше, и международный торговый балансъ могъ бы казаться болѣе благопріятнымъ. При этомъ обѣ стороны выигрываютъ, какъ при всякомъ правильномъ обмѣнѣ: французы получаютъ керосинъ по цѣнѣ болѣе дешевой, чѣмъ прежде, и имѣютъ возможность меньше платить за керосинъ американскій, упавшій въ цѣнѣ вслѣдствіе конкуренціи русскаго продукта, а мы извлекаемъ большія выгоды изъ разработки нашихъ нефтяныхъ богатствъ, которыя намъ самимъ достались даромъ. Русское сельское населеніе вынуждено продавать за безцѣнокъ необходимый ему хлѣбъ, даже ранѣе жатвы, для покрытія податныхъ взысканій; массы этого хлѣба вывозятся за границу и украшаютъ наши торговые балансы, въ качествѣ крупнаго актива, а производители-крестьяне нуждаются въ хлѣбѣ, покупаютъ его съ большими усиліями, часто не имѣютъ для этого средствъ и, разумѣется, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго спроса на какіе-либо иностранные товары. Нашъ торговый балансъ кажется тогда чрезвычайно „выгоднымъ“, перевѣсъ отпуска надъ привозомъ опредѣляется сотнями милліоновъ, и наши протекціонисты съ удовольствіемъ и гордостью ссылаются на столь счастливое положеніе дѣлъ! Если у насъ окончательно водворится хищническое хозяйство и мы начнемъ распродавать иностранцамъ послѣднее свое достояніе, не приобрѣтая у нихъ ничего взамѣнъ, то нашъ балансъ не будетъ имѣть равнаго себѣ во всемъ культурномъ мірѣ, по грандіознымъ суммамъ вывоза и

ничтожности привоза. Тогда и протекціонисты наши по всей вѣроятности поймутъ свою колоссальную ошибку, но поправить дѣло будетъ уже поздно ¹⁾).

Представимъ себѣ, наоборотъ, что населеніе будетъ сбывать только дѣйствительные избытки своего хлѣба, что оно почувствуетъ себя въ силахъ приобретать въ обмѣнъ необходимыя фабричныя и заводскія издѣлія, что вся наша промышленная предпримчивость уйдетъ на удовлетвореніе новыхъ потребностей внутренняго рынка, что промышленники и сельскіе хозяева будутъ выписывать изъ-за границы множество усовершенствованныхъ орудій и машинъ и что общее народное благосостояніе достигнетъ наивысшаго уровня, какой возможенъ у насъ въ данное время. Международнѣй торговый балансъ будетъ тогда „очень плохъ“, не лучше, чѣмъ въ Англіи и Франціи, но зато и русскій народъ будетъ жить и чувствовать себя почти такъ же хорошо, какъ западно-европейскіе народы, обремененные будто бы неблагоприятными торговыми балансами.

Какъ удержались до сихъ поръ старинныя воззрѣнія на между-народный балансъ, вопреки самымъ очевиднымъ фактамъ и логическимъ доводамъ? Эта загадка объясняется прежде всего чрезвычайною живучестью и упорствомъ меркантильныхъ идей, связывающихъ понятіе о народномъ богатствѣ съ представленіемъ о

¹⁾ Протекціонисты стремятся, конечно, къ увеличенію вывоза фабричныхъ и заводскихъ издѣлій, предполагая почему-то, что вывозъ неизмѣримо важнѣе и почетнѣе, чѣмъ распространеніе спроса и потребленія среди своего собственнаго сто-милліоннаго народа; идеаломъ считается такое состояніе, чтобы наша промышленность снабжала западную Европу сахаромъ и зеркальными стеклами, въ то время какъ большинство русскаго населенія не можетъ мечтать не только о сахарѣ, но и о болѣе необходимыхъ предметахъ и условіяхъ сноснаго человѣческаго существо-ванія. Насколько основательны указанія на усилившійся вывозъ именно фабрично-заводскихъ произведеній, можно видѣть изъ поучительныхъ данныхъ за тѣ мѣсяцы 1891 года, когда вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ былъ уже запрещенъ и когда цифры отпуска должны были бы свидѣтельствовать о ростѣ нашей промышленной произво-дительности. По официальнымъ свѣденіямъ, отпускъ нашъ за девять мѣсяцевъ, до 1-го октября, составилъ всего 598,895,000 р., и въ томъ числѣ издѣлій вывезено на 21,214,000 р., т.-е. не болѣе 4% всего вывоза, почти въ 25 разъ меньше, чѣмъ жизненныхъ припасовъ и животныхъ (506 м.); въ іюнѣ вывозъ издѣлій почти втрое меньше, чѣмъ въ соответственномъ мѣсяцѣ 1889 года; въ іюлѣ—почти вдвое менѣе, чѣмъ въ 1889 году; въ сентябрѣ—также значительно меньше, и только въ августѣ—больше. Вывозъ же сырыхъ матеріаловъ, жизненныхъ припасовъ и животныхъ былъ немногимъ слабѣе только въ іюнѣ и іюлѣ, хотя все-таки превышалъ цифру 1890 года, и затѣмъ увеличился въ остальные мѣсяцы, такъ что общая сумма значительно больше, чѣмъ въ два предшествующіе года (на 50 милл. сравнительно съ 1890 и на 10 милл. въ сравненіи съ 1889 г.). См. „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“, 1891, № 49, стр. 606.

количествѣ наличныхъ денегъ въ странѣ. Теорія торговаго баланса опровергалась много разъ писателями разныхъ направленій, начиная съ прошлаго вѣка, но опроверженія забыты или оставлены безъ вниманія, и ложный взглядъ продолжаетъ гулять по свѣту, въ качествѣ безспорной истины, получая иногда руководящую силу и отражаясь крайне вредно на реальномъ ходѣ экономическихъ и финансовыхъ дѣлъ государства.

Не мѣшаетъ вспомнить теперь аргументы, которые высказывались по этому вопросу такими мыслителями, какъ знаменитый Юмъ. Въ разсужденіи о торговомъ балансѣ, написанномъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, Юмъ обстоятельно разбираетъ предразсудки и заблужденія относительно международной торговли и промышленнаго обмѣна товаровъ; онъ оспариваетъ при этомъ доктрину, существовавшую въ его время въ литературѣ и весьма мало разнящуюся отъ новѣйшихъ экономическихъ разсужденій проф. Менделѣева. „Даже у народовъ, знакомыхъ съ торговлею, — говоритъ англійскій философъ, — люди ревниво слѣдятъ за торговымъ балансомъ и предаются страху, что золото и серебро утечетъ за границу. Но опасаться, что деньги покинутъ населенную и дѣятельную страну, столь же основательно, какъ бояться исчезновенія воды во всѣхъ нашихъ рѣкахъ и источникахъ. Въ обществѣ едва не возникла паника, когда одинъ писатель взялся доказать неопровержимо, ссылаясь на подробныя свѣденія, что цифра баланса складывается неблагоприятно для нашего отечества на громадную сумму, и что при подобномъ ходѣ дѣла не останется у насъ ни одного шиллинга черезъ пять или шесть лѣтъ. Съ той поры прошло двадцать лѣтъ, и несмотря на большіе военные расходы, можно смѣло утверждать, что денежное обращеніе никогда еще не было такъ обильно и свободно, какъ въ настоящее время. Свифтъ, легко замѣчающій глупости и ошибки другихъ, сообщаетъ странныя свѣденія о положеніи Ирландіи; онъ вычислилъ, что количество монеты въ этой странѣ составляло прежде 500 тысячъ фунтовъ, что затѣмъ ирландцы высылали въ Англію по миллиону въ годъ и что торговля ихъ заключалась лишь въ привозѣ французскихъ винъ, за которыя они платили наличными; послѣдствіемъ этого было то, что въ три года запасъ монеты сократился до 200.000 ф. Вѣроятно, теперь, по истеченіи тридцати лѣтъ, тамъ уже абсолютно ничего нѣтъ. Допустимъ, что четыре пятыхъ всего металлическаго фонда Великобританіи уничтожится въ одну ночь и что у насъ будетъ не болѣе монеты, чѣмъ сколько было въ царствованія Генриховъ и Эдуардовъ. Что было бы результатомъ этого событія? Цѣны труда и товаровъ

понижались бы въ соотвѣтственной мѣрѣ, и всѣ продукты продавались бы столь же дешево, какъ въ ту эпоху. Какая нація могла бы тогда соперничать съ нами на иностранныхъ рынкахъ или перевозить и продавать фабричныя издѣлія на условіяхъ, равныхъ тѣмъ, которыя доставляли бы намъ еще достаточную прибыль? Много ли времени требовалось бы при этихъ обстоятельствахъ, чтобы возвратились къ намъ утраченные деньги и чтобы мы вновь дошли до уровня сосѣднихъ націй по количеству металла? Но, достигнувъ этого результата, мы тотчасъ потеряли бы преимущество дешевизны труда и товаровъ, и приливъ монеты прекратился бы, остановленный нашимъ насыщеніемъ и обиліемъ. Противоположныя явленія произошли бы, еслибы запасы денегъ вдругъ увеличились въ странѣ въ нѣсколько разъ. Цѣны труда и товаровъ поднялись бы до такой высоты, что сосѣдніе народы ничего не могли бы покупать у насъ; иностранные же продукты оказались бы сравнительно столь дешевыми, что вопреки всевозможнымъ законодательнымъ мѣрамъ они наводнили бы наши рынки; избытки денегъ ушли бы за границу, и мы очутились бы опять въ одинаковомъ положеніи съ сосѣдями. утративъ то превосходство денежнаго богатства, которое подвергло насъ столь невыгодному кризису. Можно ли думать, что Испанія въ состояніи была, при помощи какихъ-либо искусственныхъ мѣропріятій, удержать у себя всѣ массы золота и серебра, доставляемая изъ Индіи? Если во Франціи товары продавались бы по цѣнѣ въ десять разъ меньшей, чѣмъ по ту сторону Пиренеевъ, они всегда нашли бы способъ перейти границу и привлечь къ французамъ часть этихъ денежныхъ сокровищъ; различные народы находятъ выгоду въ торговлѣ съ Испанією и Португалією именно потому, что въ послѣднихъ немыслимо сохранить излишки драгоцѣнныхъ металловъ, подобно тому какъ жидкость не можетъ держаться выше своего естественнаго уровня. У испанскихъ правителей не было недостатка въ желаніи противодѣйствовать отливу денегъ и обезпечить себѣ лучший торговый балансъ, еслибы только задача была осуществима. Въ Англіи, до соединенія съ Шотландією, многіе выражали боязнь, что при свободѣ торговли съ этимъ королевствомъ англійская промышленность погибнетъ, а въ Шотландіи ужасно боялись наплыва англійскихъ товаровъ и разоренія туземной производительности. Время показало, насколько справедливы были эти взаимныя опасенія. Послѣ уничтоженія всякихъ пограничныхъ преградъ между Англією и Шотландією—которая изъ обѣихъ націй выигрываетъ на счетъ другой подъ вліяніемъ свободы торговли? И если богатство Шотландіи увеличилось, то нѣтъ

разумнаго основанія отыскивать для этого другія причины, кромѣ лишь развитія энергіи и искусства самихъ шотландцевъ. Еслибъ гептархія существовала еще въ Англіи, каждое изъ отдѣльныхъ ея государствъ постоянно беспокоилось бы ожиданіемъ неблагопріятнаго торговаго баланса, и напрасныя предупредительныя мѣры, изобрѣтаемыя съ ревнивымъ усердіемъ, подавляли бы всю торговлю и промышленность. Народы терпятъ матеріальный ущербъ не отъ того, что деньги уходятъ отъ нихъ къ иностранцамъ, а отъ упадка своей производительной дѣятельности, отъ подрыва своей энергіи и предпріимчивости. Въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ золото и серебро явными и видимыми путями стекались въ Римъ со всѣхъ концовъ Европы; но богатства обратно исчезали изъ Рима черезъ скрытые, невидимые каналы, и папскія владѣнія остались бѣднѣйшими во всей Италіи вслѣдствіе недостатка свободной дѣятельности и трудолюбія жителей¹⁾.

Такъ какъ философъ Юмъ не можетъ быть причисленъ къ „жалкимъ“ фритредерамъ, которыхъ позволительно третировать свысока, *en sa naille*, не читавши ихъ (какъ это часто практикуется въ нашей протекціонистской литературѣ), то приведенныя соображенія должны сохранять извѣстную долю интереса и въ глазахъ протекціонистовъ. Мысли Юма раздѣляются большинствомъ ученыхъ писателей, разсуждавшихъ объ этомъ предметѣ. Философъ-юристъ Бентамъ ѣдко осмѣивалъ доктринеровъ торговаго баланса. „Упразднить заграничный привозъ, все покупать и ничего не продавать,—писалъ онъ,—вотъ безуміе, которое принято было за глубокую политику въ средѣ государственныхъ дѣятелей. Въ отношеніяхъ международныхъ люди соглашаются поддерживать, съ большими жертвами, невыгодныя мануфактуры, чтобы не покупать у соперниковъ. Отдѣльныя лица въ своихъ взаимныхъ дѣлахъ не позволяютъ себѣ подобныхъ странностей. Промышленникъ, поступающій такимъ образомъ, подготовлялъ бы себѣ вѣрное разореніе; только представители администраціи способны совершать такого рода ошибки, да и то лишь когда дѣйствуютъ на счетъ другихъ. Когда ребенокъ отказывается принимать лекарство, его убѣждаютъ угрозой отдать напитокъ кошке или собаке. Государственный человѣкъ, старающійся поощрять невыгодныя предпріятія для того, чтобы изъ нихъ не извлекали пользы сосѣднія націи, напоминаетъ ребенка, проглатывающаго горькую пилюлю изъ боязни, что ее отдадутъ собаке или кошке. Поклонники иностранной торговли

¹⁾ David Hume, *Oeuvre oeconomique*, trad. par Formentin (подъ редакціей Леона Сэя). Paris, 1890, éd. Guillaumin, стр. 63—88.

разсматриваютъ ее преимущественно какъ средство получать приплаты золотомъ при благопріятномъ балансѣ; избытки товаровъ, за которые пришлось бы уплатить наличными деньгами, кажутся имъ нежелательными, и они торопятся выѣзжаться въ дѣло. Если купецъ посылаетъ деньги въ Парижъ, то, конечно, только потому, что считаетъ таковой оборотъ болѣе выгоднымъ для себя; но тонкій политикъ находитъ, что выигрышъ частнаго лица есть потеря для цѣлой страны. Помѣшать выгодѣ каждого—это будто бы способъ предупредить всеобщій ущербъ“ ¹⁾. Преувеличенные страхи и фантастическія тревоги составляютъ вообще специальную особенность протекціонизма. По словамъ французскаго экономиста Ивъ-Гюйо, проповѣдники идей покровительства и выгоднаго баланса періодически предсказываютъ полное разореніе Франціи, по причинѣ ввоза то американской свинины, то русскаго хлѣба, то англійскихъ хлопчатобумажныхъ и желѣзныхъ издѣлій. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ вся французская промышленность должна была бы исчезнуть, рабочая плата—упасть до нуля, а населенію оставалось бы эмигрировать, поля были бы запущены и всѣ мастерскія подлежали бы закрытію. Ничего этого однако не произошло ²⁾.

Не пора ли и намъ отречься отъ опасной сирены, надѣлавшей столько зла народамъ подъ скромнымъ и обманчивымъ именемъ „международнаго баланса“? Если логика фактовъ и здраваго смысла бессильна въ данномъ случаѣ, то, быть можетъ, болѣе убѣдительнымъ аргументомъ послужитъ нашъ, повидимому, блестящій международный балансъ — весьма неблестящаго, въ дѣйствительности, 1891-го года.

Л. Слонимскій.

¹⁾ Manuel d'économie politique, extrait des manuscrits de Jérémie Bentham, par Dumont (Brux., 1840), стр. 35, 87 и др.

²⁾ La science économique, par Yves Guyot, Paris, 1881, стр. 449—50.

ВАЛЕРІАНЪ МАЙКОВЪ

— Вал. Майковъ. Критическіе опыты (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики. Изданіе журнала „Пантеонъ литературы“, Спб. 1891.

Имя Валеріана Майкова, мало извѣстное новѣйшимъ поколѣніямъ, принадлежитъ къ числу самыхъ симпатичныхъ именъ въ исторіи нашей эстетической и общественной критики. Онъ умеръ очень молодымъ, всего на 24-мъ году жизни; его литературная дѣятельность продолжалась не болѣе пятнадцати мѣсяцевъ; но въ свое время его статьи обратили на себя большое вниманіе и ему, безъ сомнѣнія, предстояла выдающаяся роль въ литературѣ, еслибы смерть не прервала такъ преждевременно его поприща. Имя его было очень извѣстно тѣмъ, чья школа завершалась въ 50-хъ годахъ, когда шли еще послѣдніе годы Николаевского времени и еще не возникло тревожное движеніе конца 50-хъ и начала 60-хъ. Для людей того времени была уже довольно ясна, непосредственно, та близкая связь, которая соединяла В. Майкова съ новымъ движеніемъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше это преданіе забывалось среди жгучихъ вопросовъ и борьбы послѣдующаго времени. Исторія по обыкновенію вступила въ свои права, когда непосредственная память уже прерывалась: писатели, напомнишіе о В. Майковѣ теперь, не были свидѣтелями самой его дѣятельности. Послѣ многихъ отрывочныхъ воспоминаній о Майковѣ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, въ первый разъ болѣе обстоятельно говорилъ о немъ г. Скабичевскій въ началѣ семи-

десятихъ годовъ ¹⁾, а затѣмъ г. Арсеньевъ въ 1886 году ²⁾. Настоящее изданіе является довершеніемъ этой исторической реставраціи писателя, представляя полное изданіе его трудовъ и матеріалы для его біографіи, что наполнило большой томъ въ 750 страницъ. Въ этомъ изданіи можно пожалѣть объ одномъ, что оно не вышло лѣтъ сорокъ тому назадъ: тогда оно, вѣроятно, не осталось бы только чисто историческимъ матеріаломъ, какимъ становится теперь.

Мы не будемъ излагать фактовъ и оцѣнять литературной дѣятельности В. Майкова, — для этого намъ достаточно сослаться на весьма обстоятельное обзорѣніе ихъ въ очеркѣ г. Арсеньева; мы скажемъ только о новомъ изданіи, гдѣ труды В. Майкова собраны въ первый разъ, и отчасти воснемся того впечатлѣнія, какое, между прочимъ, они произвели въ литературѣ современной. Къ новому изданію прибавлены, какъ мы сказали, біографическіе матеріалы, состоящіе главнымъ образомъ въ трехъ некрологахъ, которые въ свое время посвящены были В. Майкову Гончаровымъ, А. Н. Плещеевымъ и А. У. Порѣцкимъ. Во всѣхъ одинаково проходитъ глубокая скорбь о безвременной утратѣ молодого писателя, котораго несомнѣнно должна была ждать широкая дѣятельность въ литературѣ; и во всѣхъ съ нѣкоторыми вариантами дается одно опредѣленіе чрезвычайно симпатичнаго личнаго характера, отраженіе котораго внимательный читатель откроетъ и въ самыхъ его трудахъ. Приводимъ нѣсколько словъ изъ некролога Гончарова.

„В. Майковъ вступилъ на поприще общественной дѣятельности въ то время, когда другіе сидятъ еще на школьной скамьѣ. Быстрымъ и раннимъ развитіемъ своихъ прекрасныхъ способностей онъ обязанъ былъ, во-первыхъ, природѣ, которая также щедро надѣлила его дарами своими, какъ и прочихъ, извѣстныхъ уже публикѣ членовъ его семейства, — во-вторыхъ, разумному, свободному, чуждому застарѣлыхъ педантическихъ формъ, первоначальному воспитанію, которое получилъ онъ въ своемъ домашнемъ кругу. Послѣ такого образованія, совершавшагося среди дилеттантовъ наукъ и искусствъ, В. Майковъ перешелъ уже къ строгому и методическому ученію въ петербургскомъ университетѣ, откуда по окончаніи курса и выпущенъ кандидатомъ. Вскорѣ

¹⁾ Въ статьяхъ подъ названіемъ: „Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ, 1825—1860“, въ „Отечеств. Зап.“ 1870—1872, и въ невышедшей книгѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, Спб. 1872, и затѣмъ въ „Сочиненіяхъ“ 1890, т. I.

²⁾ „Вѣстн. Европы“ 1886, апрѣль, и затѣмъ въ „Критическихъ этюдахъ по русской литературѣ“. Спб. 1888, т. II.

послѣ того онъ вступилъ въ службу по министерству государственныхъ имуществъ, но слабое отъ природы здоровье, не подкрѣпляемое тѣлесными упражненіями,—ибо весь избытокъ силъ принесенъ былъ въ жертву умственной жизни,—не устояло противъ постоянныхъ служебныхъ трудовъ. В. Майковъ принужденъ былъ выйти въ отставку и ѣхать для восстановленія здоровья за границу. Но любовь къ наукѣ и труду никогда не покидала его. Продолжая заниматься исторіей и политико-экономическими науками, онъ пристрастился къ философіи и изучалъ новѣйшую философію, преимущественно нѣмецкую. Какъ любознательный человекъ, онъ успѣвалъ заглядывать въ область науки и другого разряда и урывками учился химіи; какъ человекъ съ душой страстно любилъ искусство во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ и изучалъ его теоретически и практически, дома и за границею. Знаніе трехъ языковъ дѣлало ему доступнымъ чтеніе всѣхъ замѣчательныхъ произведеній по части науки и изящной словесности. Слабость здоровья, препятствовавшая ему просиживать по нѣскольку часовъ на службѣ, отнюдь не мѣшала, однакоже, предаваться любимымъ занятіямъ. Одаренный умомъ свѣтлымъ, проницательнымъ и воспримчивымъ, онъ съ необыкновенною легкостью приобреталъ познанія, и едва ли кому такъ дешево досталось бы званіе ученаго, какъ ему.

„Учасъ, онъ не запирался отъ людей, не прятался отъ общества, избѣгалъ малѣйшаго педантизма и всякаго вѣншнаго признака учености. Онъ ловилъ знаніе всюду, на лету, въ разговорахъ, почерпалъ изъ книгъ, и часто серьезная мысль заставляла его въ кругу пріятельскомъ. Онъ тутъ же легко и увлекательно развивалъ ее и, обладая вполне даромъ слова, умѣлъ придать ей общую, всѣмъ доступную занимательность. Ему довольно было одного намека на идею, и онъ быстро усваивалъ ее себѣ, тотчасъ подвергалъ ее своему врожденному тонкому анализу и мгновенно дѣлалъ изъ нея какой-нибудь блистательный, часто неожиданный, но всегда строго логическій выводъ, избѣгая съ необыкновеннымъ искусствомъ всего, что есть парадоксъ и софизмъ. Такъ точно достаточно было ему легкаго очерка цѣлой системы, чтобы силою своей мыслящей способности покорить ее своему вѣденію и приложить въ данномъ случаѣ къ дѣлу. Важное и глубокое твореніе мыслителя-философа онъ читалъ съ такою же легкостью, какъ и произведеніе беллетриста, гдѣ и когда угодно, не запираясь въ кабинетъ, не завѣшивая оконъ и т. п. При немъ въ то время можно было говорить, шумѣть; умъ его ненарушимо дѣлалъ свое дѣло и, несмотря ни на какую помѣху, достигалъ цѣли.

„Еще въ ранней молодости В. Майковъ остротой и мѣткостью своихъ сужденій о произведеніяхъ наукъ и искусствъ обнаруживалъ будущій критическій талантъ. Извѣстные публикѣ изъ двухъ журналовъ опыты его въ этомъ родѣ, въ такіа лѣта, когда другіе еще не успѣли проститься съ школьными тетрадями, подтвердили проявившіяся въ юношѣ надежды и обѣщали блистательные плоды въ будущемъ. Судя по этимъ прекраснымъ началамъ, по трудолюбію, по многостороннему образованію Майкова и еще по тому, что развитіе его способностей далеко не совершилось вполнѣ, можно съ достовѣрностью заключить, что ему суждено было пополнить именемъ своимъ небольшое число нашихъ истинныхъ, призванныхъ критическихъ талантовъ высшаго разряда...

„Отличительныя достоинства этихъ статей В. Майкова—строгая послѣдовательность въ развитіи идей, логичность и доказательность положеній и выводовъ, потомъ глубина и вѣрность взгляда, остроуміе и начитанность; недостатки—излишняя плодовитость и непривычка распоразаться богатствомъ своихъ силъ, недостатковъ, свойственный молодости, о чемъ было уже однажды замѣчено въ нашемъ журналѣ ¹⁾ по поводу его статей, наконецъ—раздробленность и мѣстами слишкомъ тонкая и отвлеченная изысканность анализа“.

„На это намъ могутъ возразить, что самыя лѣта В. Майкова не позволяютъ думать, чтобы онъ обладалъ необходимою для критическаго суда степенью опытности. Но неужели не пора перестать думать, что не число лѣтъ, даже не рядъ событій, случаевъ и т. п. дѣлаютъ человѣка опытнымъ? Можно быть пятидесяти-лѣтнимъ ребенкомъ и двадцати-лѣтнимъ старикомъ. Для приобрѣтенія опытности нужно то волшебное стекло, которое даетъ природа и сквозь которое проходить передъ глазами время и дѣла. Это стекло—наблюдательный, аналитическій умъ, ведущій къ сравненію и повѣркѣ всего вращающагося около насъ. Сколько есть людей, надъ головами которыхъ пронесли великія событія и которые не вынесли никакого заключенія о нихъ! Сколько, напротивъ, другихъ, которые въ тиши кабинета, по окружающимъ ихъ ничтожнымъ и мелочнымъ обстоятельствамъ, научились судить міровые дѣла и случаи!“

Въ некрологѣ А. Н. Плещеева встрѣчаемъ ту же оцѣнку его критическаго дарованія — въ укоръ „людямъ, унижающимъ художественность, приносящимъ эстетическія начала въ жертву произвольнымъ теоріямъ“ ²⁾, и ту же оцѣнку его рѣдкаго лич-

¹⁾ Подразумѣвается „Современникъ“, гдѣ помѣщена была статья Гончарова.

²⁾ Не было ли это отраженіемъ столкновенія В. Майкова съ Вѣлинскимъ?

наго характера. „Довольно было сойтись съ В. Майковымъ разъ, — писалъ г. Плещеевъ, — чтобъ увидѣть, сколько любви заключалось въ этомъ сердцѣ, какъ горячо умѣло оно сочувствовать всему благородному и высокому и какъ возмущалось при видѣ всего, что унижаетъ человѣческое достоинство... Будучи весь доброта, весь симпатія, этотъ человѣкъ не могъ имѣть враговъ: онъ никогда не рѣшился бы никого оскорбить даже словомъ; а если когда-нибудь въ разговорѣ ему и случалось невольно уязвить чье-нибудь самолюбіе, то, замѣтивъ это, онъ тотчасъ удваивалъ ласки свои къ оскорбленному и всячески старался заставить его забыть обиду, видимо безпокоившую его. Одна изъ главныхъ чертъ его характера состояла въ томъ, что онъ умѣлъ находить во всякомъ хорошую сторону, за которую готовъ былъ простить всѣ недостатки; этимъ качествомъ владѣютъ немногіе въ наше время, когда на каждого человѣка неодинаковыхъ съ нами чувствъ и понятій мы готовы смотрѣть съ какимъ-то высокомернымъ презрѣніемъ... Майкова доставало на всѣхъ: каждый, кто приходилъ къ нему съ какою-нибудь исповѣдью, мучимый какою-нибудь тайнымъ сомнѣніемъ, неразрѣшеннымъ вопросомъ, находилъ въ немъ сочувствіе и утѣшеніе и уходилъ отъ него спокойнѣе“.

Въ чисто личныхъ воспоминаніяхъ состояла и некрологическая замѣтка А. У. Порѣцкаго ¹⁾).

Всѣ названные некрологи ограничиваютъ характеристику В. Майкова только указаніями особенностей его литературнаго дарованія и личнаго характера; за исключеніемъ одного неяснаго намека въ статьѣ г. Плещеева, мы не находимъ здѣсь никакого указанія на свойства тѣхъ новыхъ мыслей, съ какими В. Майковъ выступалъ въ тогдашней литературѣ въ замѣну или въ развитіе и дополненіе того направленія, какое представляла критика Бѣлинскаго — главное выраженіе такъ-называемаго „западнаго“ взгляда въ передовыхъ кругахъ тогдашней литературы. Кромѣ того, что авторы упомянутыхъ статей могли не отдавать себѣ отчета въ томъ, что именно новаго вносила дѣятельность В. Майкова въ тогдашнее содержаніе литературы, это было и не легко въ ту минуту: что съ В. Майковымъ является этотъ новый эле-

¹⁾ Порѣцкій, близкій съ нѣкоторыми литературными кружками того времени, между прочимъ былъ впоследствии отвѣтственнымъ редакторомъ журнала Достоевскаго „Эпоха“, основаннаго взаимнѣ запрещеннаго „Времени“. Онъ давно уже умеръ. Въ „Русской Мысли“ (1891, октябрь, стр. 182) ему ошибочно приписана вводная статья къ нынѣшнему изданію „Критическихъ Опытовъ“, принадлежащая непоминанному редактору этого изданія.

ментъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но съ другой стороны у него было столько общаго съ прежнимъ содержаніемъ нашей критики, что трудно было въ ту минуту выдѣлать его въ особую категорію, тѣмъ болѣе, что дѣятельность Бѣлинскаго еще продолжалась. Правда, у В. Майкова уже на первыхъ порахъ произошло нѣкоторое столкновеніе съ Бѣлинскимъ, но въ то же время онъ относился къ дѣятельности послѣдняго съ великимъ уваженіемъ, и обратно тѣснѣйшій кругъ Бѣлинскаго и онъ самъ относились съ великимъ сочувствіемъ къ В. Майкову: вскорѣ его статьи появились уже въ только-что основанномъ тогда „Современникѣ“ въ новой редакціи, какъ позднеѣ въ этомъ журналѣ приняли участіе друзья В. Майкова, солидарные съ его направленіемъ. Очевидно, разногласіе не было такъ велико, чтобы раздѣлить людей, тѣсно связанныхъ во множествѣ другихъ отношеній. Новый отбѣновъ выяснился уже нѣсколько позднеѣ, когда дѣятельность В. Майкова прервалась, вслѣдъ затѣмъ умеръ и Бѣлинскій, въ литературѣ настало глухое затишье, за которымъ наступила новая эпоха. Значеніе В. Майкова выясняется особенно по сближенію съ этимъ послѣдующимъ періодомъ, къ которому его дѣятельность (какъ можно заключить о ней по однимъ начаткамъ) была бы переходною ступенію. Такія ступени опредѣляются исторически именно только по сравненію съ предъидущимъ и послѣдующимъ.

Какъ мы упоминали, наиболѣе обстоятельная оцѣнка В. Майкова сдѣлана была г. Арсеньевымъ. Редакторъ „Критическихъ Опытовъ“, приведя упомянутые современные некрологи, съ своей стороны даетъ также литературную характеристику В. Майкова, извлеченную главнымъ образомъ изъ его сочиненій, и лишь отчасти сопровождаемую біографическими указаніями. Такъ основа его умственныхъ стремленій опредѣляется изъ собственныхъ словъ В. Майкова въ статьѣ по поводу брошюры Порошина: „О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи“. Въ этой статьѣ В. Майковъ дѣлаетъ параллель между двумя типами ученыхъ писателей. Между тѣмъ какъ одни „совершенно удовлетворяются знаніемъ и изложеніемъ спорныхъ пунктовъ (разсматриваемаго ими вопроса), пассивнымъ созерцаніемъ борьбы противоположныхъ мнѣній, исторіей и картиной битвы, безъ всякаго участія въ успѣхъ той или другой изъ враждующихъ сторонъ“, другіе не могутъ „встрѣтиться съ вопросомъ изъ сферы, доступной ихъ разумѣнію, и не дать ему посильнаго рѣшенія: ихъ мучить, томить этотъ вопросъ; они голодны его рѣшеніемъ, они страдаютъ и ищутъ, безпрестанно ищутъ его. Такіе люди, разумѣется, до

тѣхъ поръ не примутся за перо, пока не удастся имъ, наконецъ, найти слово загадки: имъ кажется бесполезнымъ и даже невозможнымъ написать что-нибудь о предметѣ спорномъ съ тою только цѣлью, чтобы рассказать публикѣ, что вотъ, молъ, какой вопросъ возникъ въ человѣчествѣ, вотъ какъ рѣшаютъ его такіе-то и такіе-то знатоки и не-знатоки дѣла". Разницу между этими двумя типами ученыхъ В. Майковъ опредѣляетъ ихъ взглядомъ на отношеніе науки къ жизни: первые не придають значенія этой связи, тогда какъ ученые второго типа „не только понимаютъ, но и глубоко чувствуютъ отношеніе науки къ жизни; они, прежде чѣмъ полюбили науку, полюбили жизнь", то-есть человѣчество, и потому „на самую науку смотрятъ они какъ на средство осмыслить и ублажить существованіе человѣка на землѣ". Авторъ вводной статьи заключаетъ, что „В. Майковъ самъ принадлежалъ несомнѣнно къ этому второму типу, который и очерченъ имъ съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Наука представлялась ему во всей силѣ своего нравственного и общественнаго значенія и служить ей онъ желалъ именно подъ условіемъ ея живого воздѣйствія на общество. Отсюда — его строгое отношеніе къ печатному слову: все, что имъ высказано, утверждено на прочныхъ доказательствахъ и облечено въ стройную систему; ни одно чужое мнѣніе не принято имъ на вѣру, а напротивъ того, каждое подвергнуто разбору, и если затѣмъ усвоено, то вполне сознательно. Поэтому-то все, что онъ высказалъ, запечатлѣно полною искренностью и проникнуто тѣмъ воодушевленіемъ, съ какимъ можетъ говорить только человѣкъ, глубоко убѣжденный въ правильности своего взгляда на вещи... Въ искренности молодого писателя заключался надежный залогъ для дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія его мысли". Тотъ же авторъ весьма вѣрно указываетъ, что изображеніе внутреннего процесса, совершавшагося въ сознаніи В. Майкова, когда онъ принимался за работу, то-есть приступалъ къ извѣстному тревожащему его вопросу, передалъ онъ самъ въ первыхъ страницахъ своей статьи о Бальцовѣ. Эти страницы дѣйствительно характерны.

„Ничто такъ не раздражаетъ человѣка, — говорилъ В. Майковъ, — ничто такъ не вызываетъ желанія сказать свое слово, какъ недосказанная или затаенная другими похвала тому, что кажется ему достойнымъ полнаго вниманія и глубокаго, увлекающаго сочувствія. Легче снести онъ всякаго рода насмѣшку надъ предметомъ его симпатіи, чѣмъ нерѣшительныя одобренія, изъ-подъ которыхъ проглядываетъ тайная мысль сказать гораздо болѣе. Все покажется ему неблагоприятнымъ въ благоразумной

холодности цѣнителя: и вѣрный расчетъ не показаться энтузіастомъ въ глазахъ публики, и искусство выдержать роль человѣка, уже прошедшаго школу увлеченій, человѣка осмотрительнаго при раздачѣ вѣнковъ, на которые такъ таровата восторженная юность, и этотъ невозмутимый aplomb, который даетъ ему выгодная позиція.

„Такое чувство приходится безпрестанно испытывать каждому живому человѣку при отзывахъ, расколаживаемыхъ опасеніемъ прослыть, напримѣръ, слѣпымъ патріотомъ или безжизненнымъ космополитомъ, упорнымъ старовѣромъ или отчаяннымъ новаторомъ, мелочнымъ аналитикомъ или туманнымъ синтетикомъ, сухимъ индустриалистомъ или непристойнымъ романтикомъ и проч. и проч. Прочаго наберется много въ наше время при безпокойныхъ требованіяхъ всѣхъ идей—старыхъ и новыхъ, полустарыхъ и полуновыхъ, пользующихся популярностью и стремящихся къ ней, — особенно у насъ, въ обществѣ, которое только-что собирается жить, которое не позволяетъ обращаться съ собою какъ съ человѣкомъ, рѣшительно стряхнувшимъ съ себя отяжелѣніе богатырскаго сна, потому что этотъ сонъ въ самомъ дѣлѣ еще не прошелъ. Свѣтъ истины еще рѣжетъ намъ глаза; мы хотѣли бы смотрѣть на него по крайней мѣрѣ сквозь дымку: все какъ-то спокойноѣ... Но это-то полупробужденіе и сердить того, кто чувствуетъ въ составѣ своемъ совершенное возстановленіе силъ, кто жаждетъ принять нервами и разложить мысль впечатлѣніе полныхъ, нерасплесканныхъ волнъ свѣта и жизни...

„Повторяемъ: полуобразованность и полустремленіе хуже дикаго невѣжества и коснаго упрямства. Зато и противодѣйствіе несется имъ на встрѣчу со всѣмъ упоеніемъ отчаянія, гоня далеко передъ собою всякую экономію силъ, не размышляя ни минуты о выгодахъ борьбы и презирая страшнѣйшимъ изъ всѣхъ опасеній—опасеніемъ комической развязки...

„Сознаемся, что все это перечувствовали мы при чтеніи отзывовъ о стихотвореніяхъ Кольцова: наслажденіе, испытанное при чтеніи самыхъ стихотвореній, собранныхъ въ одно цѣлое, увеличивало силу нашего негодованія и не разъ выражалось оно прямо и косвенно въ статьяхъ, предназначавшихся для печати. Но такъ-то современный человѣкъ, что самый живой восторгъ его души вдругъ остываетъ и склоняется передъ сомнѣніемъ и анализомъ. Мы не рѣшались писать разборъ „Стихотвореній Кольцова“, подозревая себя въ припадкѣ энтузіазма. Время, однакожъ, идетъ, и мнѣніе наше не перемѣняется: чувствуемъ, что восторгъ нашъ сознательнъ, и приступаемъ, наконецъ, къ обнаруженію идей,

укрѣпившихся въ нашемъ сознаніи изученіемъ поэзій и личности Кольцова“.

Исторически любопытно сравнить, какъ съ одинаковымъ, хотя различно выраженнымъ одушевленіемъ начинали свое критическое поприще писатели трехъ различныхъ поколѣній: въ тридцатыхъ годахъ Бѣлинскій, когда писалъ свои „Литературныя Мечтанія“; въ сороковыхъ—В. Майковъ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ и въ другихъ случаяхъ его краткаго писательства; въ пятидесятыхъ годахъ—Добролюбовъ. Здѣсь сказывались не только даровитыя личности, но и ожиданіе новой если не общественной поры, то поворота въ литературныхъ идеяхъ наиболѣе образованнаго и мыслящаго круга.

Что у В. Майкова при всей близости къ эпохѣ Бѣлинскаго возникало нѣчто новое—мы говорили. Авторъ вводной статьи сообщаетъ біографическіе факты, указывающіе на это новое.

„Въ то время,—говоритъ біографъ,—когда В. Майковъ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ, юридическій факультетъ давалъ не только спеціальную подготовку въ области права, но и болѣе широкое общее образованіе: на немъ читались лекціи исторіи всеобщей и русской, а также словесности; изъ главныхъ факультетскихъ предметовъ обширный курсъ энциклопедіи права, читаемый П. Д. Калмыковымъ, вводилъ вообще въ знакомство съ философіей, а лекціи даровитаго В. С. Порошина по политической экономіи не только излагали теорію этой науки, но и представляли исторію развитія разныхъ экономическихъ системъ. Эти чтенія въ особенности оказали вліяніе на направленіе научныхъ интересовъ В. Майкова. Затѣмъ служба въ департаментѣ сельскаго хозяйства побудила его заняться естественными науками, въ особенности химіей въ ея приложеніи къ агрономіи. Таково было начало тому обширному образованію, которое В. Майковъ успѣлъ пріобрѣсти въ свои молодые годы.

„Первымъ литературнымъ трудомъ его былъ переводъ „Писемъ о химіи“ Либиха, оставшійся впрочемъ ненапечатаннымъ. Затѣмъ онъ написалъ статью „Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства“, въ которой подвергъ критикѣ ученія Адама Смита и Сисмонди и сдѣлалъ попытку самостоятельно разрѣшить одинъ изъ коренныхъ вопросовъ экономической науки; трудъ этотъ также не былъ напечатанъ въ свое время; нынѣшнее изданіе его, быть можетъ, обратитъ на себя вниманіе специалистовъ въ томъ отношеніи, что авторъ уже высказываетъ въ немъ мысль о долеомъ вознагражденіи рабочихъ, значительно позже сдѣлавшуюся достояніемъ экономической науки“.

Очевидно, что это была совсѣмъ иная школа, чѣмъ какую проходили вообще люди „сороковыхъ годовъ“, и это была не только личная школа В. Майкова, но направленіе цѣлой группы людей, переживавшихъ свои юношескіе годы къ концу сороковыхъ годовъ, отраженіе цѣлой полосы развитія, которую проходила съ тѣхъ поръ мыслящая доля общества. Люди сороковыхъ годовъ образовывали свое міровоззрѣніе въ ту тяжелую пору, когда еще слишкомъ сильна была реакція послѣ политическаго возбужденія двадцатыхъ годовъ: съ одной стороны общественные вопросы для литературы были абсолютно закрыты, но съ другой, какъ бы въ возмѣщеніе этого, сильно дѣйствовали на умы отголоски нѣмецкой философіи, призывавшей къ рѣшенію самыхъ основныхъ вопросовъ человѣческаго бытія и мышленія. Въ концѣ концовъ, послѣ цѣлаго ряда логическихъ переходовъ, критическая мысль возвращалась снова къ вопросамъ дѣйствительности, къ которымъ съ другой стороны и совсѣмъ независимо отъ этого привела другая сила—могущественное вліяніе Гоголя. Между тѣмъ въ тѣхъ же сороковыхъ годахъ въ новомъ поколѣніи, котораго особливо характернымъ выраженіемъ является В. Майковъ, къ старому движенію присоединяется новая черта—особый интересъ къ явленіямъ соціальнаго характера. Возникновеніе этого интереса, какъ всякое многозначительное явленіе въ общественномъ развитіи, объясняется причинами довольно сложными: прежде всего ростомъ самого общественнаго мнѣнія, которое не могло оставаться чуждымъ къ фактамъ общественно-политической жизни,—а затѣмъ вліяніемъ западно-европейскимъ въ той литературѣ, которая вообще служила духовною пищей для образованнаго круга. Именно это время было на западѣ порой особеннаго распространенія интересовъ соціальныхъ: безъ сомнѣнія, они отразились и въ нашей литературѣ.

Первымъ трудомъ В. Майкова была статья, напечатанная въ журналѣ „Финскій Вѣстникъ“, 1845, подъ названіемъ „Общественныя науки въ Россіи“, но оставшаяся неконченною. Въ уцѣлѣвшихъ отъ него бумагахъ сохранились только наброски продолженія, не обнимающіе всего содержанія предположеннаго цѣлаго, но тѣмъ не менѣе любопытные. Разбирая идеи западныхъ ученыхъ о содержаніи наукъ, имѣющихъ отношеніе къ явленіямъ общественной жизни, В. Майковъ находитъ вообще эти идеи недостаточными и считаетъ, что органическое соглашеніе ихъ взаимнаго противорѣчія возможно только тогда, когда соціальныя вопросы будутъ разсматриваться въ ихъ связи. Это должна сдѣлать наука, которую онъ называетъ „философіей общества“. До сихъ поръ

общественныя науки находятся въ состояніи анархическомъ: онѣ противорѣчатъ одна другой, и необходима наконецъ одна стройная система „общественной науки“. Эта необходимость не только внѣшняя, но внутренняя, вытекающая изъ самой сущности дѣла и естественнаго хода знанія.

„Наука эта,—говорилъ В. Майковъ,—образуется по тѣмъ же законамъ, по которымъ составились и частныя общественныя науки. Совокупность идей и фактовъ политическихъ образовала право, совокупность идей и фактовъ экономическихъ—политическую экономію, міръ нравственный въ формахъ общества нашелъ себѣ мѣсто въ морали или педагогикѣ. Такъ точно и міръ общественный, въ которомъ эти три міра существуютъ какъ составныя части, стремится въ свою очередь сдѣлаться предметомъ одной высшей науки. Но для чего же—спросятъ меня—снова изучать факты общественные, когда они уже нашли себѣ мѣсто въ системѣ человѣческихъ познаній, какъ факты экономическіе, педагогическіе и политическіе? Не значить ли это лишать ихъ той фizioноміи, которую далъ имъ анализъ? Но, во-первыхъ, существованіе философіи общества никакъ не уничтожаетъ существованія права, политической экономіи и педагогики, ибо обширный взглядъ составляется изъ тѣснѣйшихъ, общее изъ частнаго. Во-вторыхъ, однородные факты могутъ быть объяснены вполне тогда, когда мы объяснимъ ихъ взаимное отношеніе. Факты политическіе, экономическіе и нравственные подчинены одной идеѣ, которая даетъ имъ значеніе въ жизни и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ гармоническомъ ихъ сочетаніи. Подъ этою идеѣю разумѣется здѣсь общественное благосостояніе, которое служитъ единственнымъ мѣриломъ при опредѣленіи всякой дѣятельности, какъ политической, такъ и экономической и педагогической. Порядокъ вещей, оправдываемый одною изъ общественныхъ наукъ, тогда только можетъ быть одобренъ безусловно, когда и другія науки его оправдываютъ. Еслибы торгъ неграми ¹⁾ и оправдывался соображеніями экономическими, то разумъ все-таки не допустилъ бы его по силѣ требованій нравственныхъ. Но этого мало. Исторія показываетъ намъ, что интересы политическіе, экономическіе и нравственные такъ тѣсно связаны между собою, что успѣхъ или упадокъ одной стороны благосостоянія неминуемо влечетъ за собою успѣхъ или упадокъ двухъ остальныхъ. Эта истина такъ

¹⁾ Замѣтимъ встать, что „негры“ (въ то время въ Европѣ шелъ оживленный вопросъ объ уничтоженіи торговли неграми) иногда служили въ тогдашней нашей литературѣ для намека о крѣпостномъ правѣ. Припомнимъ генерала „Негрова“ въ романѣ „Кто виноватъ?“.

вѣрна, что, не прибѣгая къ уловкамъ, невозможно указать въ исторіи ни одного факта, въ которомъ можно было бы видѣть причину успѣха одной дѣятельности и въ то же время причину упадка другой. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ: еслибы три стороны общественнаго благосостоянія не находились въ такихъ гармоническихъ отношеніяхъ между собою, общество не могло бы существовать иначе, какъ въ формахъ хаотическихъ; оно уничтожало бы само себя вѣчною борьбою стихій своихъ¹⁾.

Онъ заключаетъ, что интересы политическіе, экономическіе и нравственные (т.-е. взятые въ отдѣльности) могутъ существовать только въ теоріи; на дѣлѣ есть только „интересъ общественный, выражающій общую идею благосостоянія общества“.

Очевидно, что этотъ интересъ и для В. Майкова былъ тѣмъ основнымъ, которымъ опредѣлялось вообще его мировоззрѣніе и общественно-литературныя стремленія. Его университетская школа, у лучшихъ въ числѣ преподавателей отражавшая до извѣстной степени успѣхи европейской науки, и его собственная обширная начитанность, въ связи съ тѣмъ скрытымъ движеніемъ, какое происходило, несмотря на внѣшнія стѣсненія, въ самой русской жизни, — наводили его на тѣ идеи, какія съ того времени все сильнѣе волновали европейское общество, а наконецъ отразились у насъ черезъ два десятилѣтія вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Читая В. Майкова, не трудно убѣдиться, что въ этихъ именно социалистическихъ или социологическихъ интересахъ заключается корень его взглядовъ на вопросы русской литературы, и здѣсь его главная разница или точнѣе дальнѣйшій шагъ сравнительно съ кругомъ идей предшествовавшаго поколѣнія. Это послѣднее выходило изъ гегеліанской философіи; В. Майковъ съ самаго начала относится къ нѣмецкой философіи и къ самому Гегелю критически, даже отрицательно; выше нѣмецкой метафизики стоитъ для него общественная наука, которую онъ уже тогда тѣсно связываетъ съ антропологіей.

Замѣтимъ, однако, что и здѣсь былъ не столько разрывъ или противорѣчіе съ предшественниками, сколько именно дальнѣйшая ступень въ развитіи идей, которыя и имъ не были чужды. Какъ вообще историческіе періоды, при всемъ видимомъ различіи, соединяются обыкновенно переходными промежутками, подготовительными событіями и личностями, такъ это было и здѣсь. Старшее поколѣніе было уже знакомо съ идеями о „благосостояніи общества“. Боткинъ, въ письмахъ къ Бѣлинскому, рассказываетъ,

¹⁾ „Критическіе опыты“, стр. 558—559.

что онъ уже въ тридцатыхъ годахъ былъ „соціалистомъ“; Герценъ съ того же времени увлекался тѣми же интересами; позднѣе къ нимъ примыкаетъ и Бѣлинскій. Въ письмѣ къ Боткину отъ 8-го сентября 1841, — одномъ изъ самыхъ интересныхъ во всей перепискѣ Бѣлинскаго, гдѣ онъ даетъ собственное историческое сужденіе объ ихъ прежнемъ развитіи, — Бѣлинскій между прочимъ пишетъ: „Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ... Я съ трудомъ и болью расстаюсь съ старою идеею, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. Итакъ, я теперь въ новой крайности — это идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей... альфою и омегою вѣры и знанія... Она для меня поглотила и исторію, и религію, и философію“¹⁾... Въ сороковыхъ годахъ уже не говорили и не спорили о Гегелѣ; въ ходу были французскіе соціалисты, и Пьеръ Леру приобрѣлъ великую популярность подъ псевдонимомъ „Петра Рыжаго“; къ прежнимъ интересамъ чистаго искусства присоединился новѣйшій романъ, французскій и англійскій, съ соціальною подкладкой. Мы упоминали, какое сильное вліяніе имѣлъ Гоголь, у котораго подъ высокой художественной формой нельзя было не увидѣть возникающаго общественнаго вопроса. „Натуральная школа“, развивавшаяся подъ вліяніемъ Гоголя, указывала на дѣйствительную жизнь и требовала для нея вниманія уже далеко не для однихъ художественныхъ цѣлей и даже вовсе не для нихъ. Немного позднѣе, и даже въ самый годъ смерти В. Майкова, явились первые рассказы Тургенева, потомъ „Запутанное дѣло“ Салтыкова: литература художественная становилась органомъ спеціально общественнаго интереса.

Различіе состояло, однако, въ томъ, что, напримѣръ, для Бѣлинскаго общественные интересы этого рода стали позднѣйшей, болѣе или менѣе случайной и до конца недостаточно разработанной добавкой къ его старому кругу идей, когда для новаго поколѣнія это былъ основной исходный пунктъ, при томъ не отвлеченный, а реальный, — какъ въ философіи В. Майковъ, отвергая Гегеля, склонялся къ „положительной“ философіи Конта; несмотря на увлеченіе „идеею идей“, Бѣлинскій и его сотоварищи, кромѣ Герцена, были совсѣмъ чужды спеціальнымъ общественнымъ наукамъ, какъ политическая экономія, право, между тѣмъ образованіе В. Майкова было въ основѣ юридическое, его влеченія — соціологическія. Поэтому, съ самаго начала, многіе вопросы, которые прежде рѣшались почти только на литературной почвѣ и литературными сре-

¹⁾ „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, II, стр. 122.

ствами, В. Майковъ переносилъ на почву соціологіи и антропологіи: такъ онъ рѣшалъ, напр., тогдашній жгучій вопросъ о „наrodnosti“, дѣлившій славянофиловъ и западниковъ, съ точки зрѣнія, не тронутой ни тѣми, ни другими. Рѣшеніе было пока несовершенно и даже противорѣчивое; „антропологическій“ матеріалъ былъ еще очень невеликъ, — но во всякомъ случаѣ пріемъ былъ новъ и оригиналенъ, и до сихъ поръ вопросъ нуждался бы въ объясненіи съ этой стороны.

Въ ту минуту поприще для выясненія подобныхъ вопросовъ все еще составляла въ особенности литературная критика: этому, кажется, надо приписать, что послѣ первой статьи объ общественныхъ наукахъ В. Майковъ обратился также въ литературной критикѣ.

Вслѣдствіе различія въ исходныхъ пунктахъ, здѣсь произошли неоднократныя разнорѣчія съ критикой Бѣлинскаго. обстоятельное объясненіе ихъ дано въ упомянутой статьѣ г. Арсеньева и мы не будемъ къ нимъ возвращаться, кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній. Это во всякомъ случаѣ былъ еще споръ въ одномъ лагерѣ. В. Майковъ отдавалъ всю справедливость заслугамъ критики Бѣлинскаго и, если обвинялъ его въ диктаторствѣ, которое не сопровождалось необходимымъ доказательствомъ его теоретическихъ основаній, то дѣло заключается опять въ томъ, что съ точки зрѣнія В. Майкова источники искусства требовали истолкованія не метафизическаго, апріорнаго, а основаннаго на личной и общественной психологіи. Отвергая обычное эстетическое опредѣленіе изящнаго произведенія, какъ выраженія мысли въ живой формѣ, — по его мнѣнію оно было слишкомъ общее, потому что такъ можетъ быть опредѣлена всякая дѣятельность, — В. Майковъ утверждалъ, что въ творческомъ произведеніи должна быть художественная самая идея. Его біографъ ¹⁾ такъ сопоставляетъ изъ различныхъ мѣстъ сочиненій В. Майкова его эстетическую теорію, основанную на совсѣмъ иномъ началѣ, а именно на психологическомъ законѣ человѣческой симпатіи.

„Никто, — говоритъ В. Майковъ, — не въ правѣ требовать отъ художника, чтобы онъ творилъ то или другое, но чтобы его произведеніе могло дѣйствовать на людей, оно должно заключать въ себѣ что-нибудь общее съ ихъ мыслями, чувствами и стремленіями. Иначе искусство существовало бы только для самихъ художниковъ и было бы ихъ самоудовлетвореніемъ, иначе не могло бы быть и любимыхъ поэтовъ ни у частныхъ лицъ, ни у

¹⁾ „Критическіе опыты“, стр. XXIX—XXX.

народовъ, ни у вѣковъ. Сплести занимательную сказку и вывести изъ нея какую-нибудь мысль, какое-нибудь нравоученіе еще не значить творить. Отвлеченная „голая мысль ученаго и живая мысль художника—двѣ силы совершенно различныя“. Между тѣмъ какъ ученый развиваетъ свое воззрѣніе въ строго-логической формѣ и излагаетъ въ своемъ трудѣ цѣпь причинъ и слѣдствій, рядъ силлогизмовъ, убѣждающихъ умъ,—художникъ облачаетъ свою мысль въ соотвѣтствующій ей образъ, который дѣйствуетъ не на умъ, а на чувство. Художественная мысль „не вливается въ форму силлогизма, не заключаетъ въ себѣ никакого доказательства. Иначе она сообщила бы всему произведенію ту холодность и вялость, какою отличается аллегорія... Положительный признакъ художественной идеи заключается въ томъ, что она можетъ быть не только понята, но и прочувствована“. Задача художника—отыскать и изобразить въ выводимыхъ имъ лицахъ „то, что у нихъ общаго съ нами, такъ, чтобы мы увидѣли, что при подобныхъ обстоятельствахъ мы думали бы, чувствовали и дѣйствовали точно такъ же, какъ они... Чтобы создать такое симпатическое изображеніе, надо самому проникнуться участіемъ въ изображаемому предмету, почувствовать свое существованіе съ нимъ тождество“. Слѣдовательно, художественная идея „рождается въ формѣ живой любви или живого отвращенія отъ предмета изображенія“, и тайна творчества состоитъ въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны. Иными словами, художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію)“.

Любопытно, какъ эти мысли В. Майкова совпадаютъ со взглядами новѣйшаго французскаго эстетика Гюйо въ его книгѣ объ искусствѣ съ точки зрѣнія социологіи.

Излагая затѣмъ взгляды В. Майкова на задачи и предѣлы искусства, біографъ настаиваетъ въ особенности на томъ, что В. Майковъ былъ рѣшительнымъ противникомъ намѣреннаго творчества или искусства тенденціознаго. „Если онъ и допускалъ „тенденцію“, то отнюдь не въ художественныхъ созданіяхъ, а лишь въ тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ смѣшаннаго характера, которымъ усвоено названіе беллетристики, и которыя заимствуютъ отъ поэзіи (и то не всегда) одну внѣшнюю форму, по идеѣ же или по содержанію являются порожденіемъ не творческаго воображенія, а простой наблюдательности и размышленія. Пользу подобныхъ произведеній для распространенія

и утверждения идей В. Майковъ охотно признавалъ, но онъ рѣшительно не включалъ беллетристики въ область искусства“ ¹⁾).

Майковъ отрицалъ художественное достоинство сатиры или вообще дидактики и полагалъ, что существеннымъ условіемъ творчества является непосредственность или наивность. Біографъ полагаетъ даже, что эти идеи Майкова возымѣли вліяніе на самого Бѣлинскаго. „Въ послѣднихъ статьяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Бѣлинскаго, ему пришлось еще обнаружить, что для его воспріимчивой натуры кратковременное появленіе В. Майкова на литературномъ поприщѣ не осталось безслѣднымъ. Въ первой книжкѣ „Современника“ на 1848 годъ помѣщено начало статьи Бѣлинскаго „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“, гдѣ авторъ коснулся нѣкоторыхъ общихъ литературныхъ вопросовъ. Тутъ онъ между прочимъ защищаетъ представителей натуральной школы, то-есть, первыхъ и ближайшихъ послѣдователей Гоголя, отъ разныхъ литературныхъ и не-литературныхъ обвиненій, которыми ихъ встрѣчали тогда въ большей части журналовъ, и по этому поводу доказываетъ права искусства на изображеніе неподкрашенной дѣйствительности. Все это — темы, которыя подробно разработаны въ критическихъ статьяхъ В. Майкова, и какъ онъ справедливо замѣтилъ въ одной изъ нихъ, темы, къ которымъ постоянно и неизбежно возвращалась критика. Тѣмъ не менѣе, сравнивая разсужденія В. Майкова объ этихъ предметахъ съ замѣтками о нихъ Бѣлинскаго, нельзя не признать, что на сей разъ дѣло не ограничивается только общностью взгляда обоихъ писателей: нерѣдко старый критикъ слѣдуетъ за молодымъ, какъ бы повторяя собственныя мысли изъ своихъ прежнихъ статей. Сходство особенно замѣтно по разнымъ частностямъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ Бѣлинскій проводитъ параллель между ученымъ и художникомъ, гдѣ онъ говоритъ о копированіи дѣйствительности, гдѣ характеризуетъ свойство литературныхъ способностей Искандера“ ¹⁾).

И далѣе біографъ указываетъ одинъ пунктъ, гдѣ мнѣнія двухъ критиковъ остались совершенно различны: именно въ то время, какъ Бѣлинскій въ концѣ своей дѣятельности склонялся къ такъ-называемому утилитарному взгляду на искусство или искалъ искусства тенденціознаго, В. Майковъ строго отдѣлялъ художественную дѣятельность и тенденцію, непосредственность и намѣренность и, отчислая тенденціозную повѣсть, романъ и т. д. въ

¹⁾ Стр. XXXII-XXXIII.

²⁾ Стр. XLVI.

отдѣлъ „беллетристики“, давалъ этой послѣдней только очень второстепенное мѣсто. Дѣйствительно, Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ къ Боткину въ концѣ 1847 года съ обычнымъ увлеченіемъ высказывался въ пользу тѣхъ произведеній, въ которыхъ онъ находилъ правдивое изображеніе дѣйствительности, хотя бы онѣ и не были свободны отъ недостатковъ въ художественномъ отношеніи. Боткинъ искалъ чистаго искусства, „а мнѣ, — говорилъ Бѣлинскій, — поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, то-есть не впадала въ аллегорію или не отзывалась диссертациею... Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества, — она для меня тѣмъ не менѣе интересна... Будь повѣсть хоть расхудожествлена, да если въ ней нѣтъ *дѣла*, то я къ ней совершенно равнодушенъ“. Съ этимъ увлеченіемъ или недоразумѣніемъ Бѣлинскій остался, или не успѣлъ отъ него освободиться, до конца. Но что это было именно увлеченіе, видно изъ словъ, слѣдующихъ непосредственно за тѣми, какія сейчасъ приведены. „Я знаю, — пишетъ Бѣлинскій, — что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея, и жалѣю и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней“ ¹⁾.

Біографъ В. Майкова замѣчаетъ къ этимъ словамъ Бѣлинскаго: „Менѣе рѣзко, но совершенно явно проникнута тѣмъ же исключительнымъ воззрѣніемъ и послѣдняя изъ большихъ критическихъ статей Бѣлинскаго — обзоръ русской литературы 1847 года; здѣсь между прочимъ онъ доказываетъ тождественность науки и искусства по ихъ содержанію, упуская изъ виду, что одна дѣйствуетъ только на умъ, а другое — на чувство, и уже *вовсе не обращая вниманія* на коренное различіе между процессомъ чистой мысли и художественнымъ творчествомъ“ ²⁾.

Все это однако недостаточно точно, а частію совсѣмъ неточно. Начать съ того, что самыя обвиненія В. Майкова противъ бездоказательности критическихъ идей Бѣлинскаго, принимаемыя вполне его біографомъ, понятны какъ порывъ чловѣка новаго поколѣнія, носившаго задатки иного взгляда на вещи, но едва ли могутъ быть прямо сочтены за историческій приговоръ: на чемъ же могъ основаться необычайный успѣхъ критики Бѣлинскаго, оцѣненный самимъ В. Майковымъ? Бѣлинскій не создалъ цѣльной теоріи искусства (и создана ли она у насъ по сіе

¹⁾ „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, т. II, стр. 812—818.

²⁾ Крит. опыты, стр. XLVII.

время?), но онъ успѣлъ окончательно устранить старыя псевдо-классическія и романтическія понятія и положить основаніе новому представленію объ искусствѣ, господствовавшему цѣлые десяти лѣтъ. Извѣстно, что онъ самъ далеко не вдругъ выработалъ свою точку зрѣнія: онъ не разъ увлекался то однимъ, то другимъ философско-эстетическимъ теченіемъ, образовывался и развивался самъ, потому что самъ не встрѣтилъ въ прежней литературѣ никакой теоретической опоры. Что касается его утилитаризма, то первые начатки его восходятъ къ тому времени, когда онъ, какъ мы видѣли, заявилъ себя послѣдователемъ „соціализма“¹⁾. Уже тогда онъ ищетъ въ литературѣ общественнаго интереса, караетъ себя за прежнее непониманіе „Горя отъ ума“, цѣнить въ Гоголѣ и художника, и общественнаго дѣятеля, начинаетъ увлекаться „французами“ вмѣсто „нѣмцевъ“ и т. д. Но это не помѣшало ему нѣсколько позднѣе написать статьи о Пушкинѣ. Въ послѣдніе годы общественные вопросы особенно увлекали его и отсюда произошло настроеніе, внушившее ему приведенныя выше строки, гдѣ онъ заявляетъ, что дорожить въ русской повѣсти не столько художественностью, сколько „дѣломъ“; но вкусъ, безъ сомнѣнія, въ немъ остался и онъ, конечно, сумѣлъ бы по прежнему правильно отличить вещь художественную и не-художественную.

Истинный смыслъ всего этого вопроса заключался въ томъ, что Бѣлинскій въ ту пору живо чувствовалъ (хотя недостаточно отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ) необходимость *публицистики* — прямой постановки и рѣшенія вопросовъ общественныхъ. Условія тогдашней литературы были таковы, что настоящая публицистика была почти невозможна: рѣдкіе примѣры подобнаго рода приводили Бѣлинскаго въ восторгъ — такъ онъ восхищался статьею Заблочкаго (о колебаніи цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи) или статьями и разсказами Искандера, носившими почти неизмѣнно публицистическій характеръ; его собственное письмо къ Гоголю было образчикомъ самой пламенной публицистики. Единственная возможная форма, въ которой могли высказываться волновавшіе общество интересы, была повѣсть: оттого Бѣлинскій и готовъ былъ восторгаться этою повѣстью, если только былъ въ ней признакъ этой публицистики, хотя бы даже не довольно сильны были признаки художественности. Словомъ, въ нормальномъ положеніи литературы, достиженіе котораго отъ Бѣлинскаго не зависѣло, этотъ вопросъ упразднился бы самъ собою. Если біографъ пола-

¹⁾ Письмо къ Боткину отъ 8-го сентября 1841 года.

гасть, что Бѣлинскій научился отъ В. Майкова различать ученаго отъ художника и, напримѣръ, правильно оцѣнивать Искандера, то здѣсь факты опять не отвѣчаютъ подобному заключенію. Различіе художественнаго изложенія отъ теоретическаго такъ очевидно, что едва ли Бѣлинскому требовалось учиться тому отъ Майкова. Что касается Искандера, то въ письмѣ Бѣлинскаго отъ 6-го апрѣля 1846 г. мы читаемъ, напримѣръ, цѣлый трактатъ о свойствахъ таланта Искандера, едва ли вычитанный у В. Майкова. Получивъ интермедію къ „Кто виноватъ“, Бѣлинскій пишетъ: „Я изъ нея окончательно убѣдился, что Г-нъ большой человѣкъ въ нашей литературѣ, а не дилеттантъ, не партизанъ, не наѣздникъ отъ нечего дѣлать. Онъ не поэтъ: объ этомъ смѣшно и толковать; но вѣдь и Вольтеръ не былъ поэтъ не только въ „Генріадѣ“, но и въ „Кандидѣ“; однако его „Кандидъ“ потягается въ долговѣчности со многими великими художественными созданіями, а многія невеликія уже пережилъ и еще больше переживетъ ихъ“ и т. д., цѣлое разсужденіе, которое, очевидно, было прямымъ впечатлѣніемъ отъ только-что оконченнаго чтенія. Что касается до того, будто бы Бѣлинскій въ обзорѣ русской литературы 1847 года доказывалъ тождественность науки и искусства по ихъ содержанію, „вовсе не обращая вниманія“ на коренное различіе между процессомъ чистой мысли и художественнымъ творчествомъ, то въ текстѣ Бѣлинскаго ¹⁾ мы этого не находимъ или даже находимъ совершенно обратное, т. е. именно коренное различіе между процессомъ чистой мысли и художественнымъ творчествомъ. Приводимъ его собственныя слова во избѣжаніе дальнѣйшаго недоразумѣнія.

„Платонъ считалъ униженіемъ, профанаціею науки приложеніе геометріи къ ремесламъ. Это понятно въ такомъ восторженномъ идеалистѣ и романтикѣ, гражданинѣ маленькой республики, гдѣ общественная жизнь была такъ проста и немногосложна; но въ наше время это не имѣетъ даже оригинальности милой неглупости. Говорятъ, Диккенсъ своими романами сильно способствовалъ въ Англіи улучшенію учебныхъ заведеній, въ которыхъ все основано было на безпощадномъ драньѣ розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтьми. Что-жъ тутъ дурного, спросимъ мы, если Диккенсъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ поэтъ? Развѣ отъ этого романы его хуже въ эстетическомъ отношеніи? Здѣсь явное недоразумѣніе: видятъ, что искусство и наука не одно и то же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только

¹⁾ Сочиненія, часть XI, стр. 363 и далѣе.

въ способѣ обрабатывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ — образами и картинами, а говорятъ оба они одно и то же. Политико-экономъ, вооружаясь статистическими числами, доказываетъ, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, показываетъ, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба убѣждаютъ, только одинъ логическими доводами, другой — картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого — всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждого изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію — сознаніе, а сознанію и искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука, и искусство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искусства, ни искусство науки“.

По поводу опредѣленія Кольцова у Бѣлинскаго В. Майковъ осуждалъ у него опредѣленіе ступеней дарованія, какъ: гений, талантъ, гениальный талантъ, — находя, что придача прилагательныхъ мало объясняетъ сущность дѣла, но отчасти похоже на это самъ онъ дѣлилъ литературныя произведенія по тому, были ли онѣ созданіемъ чистаго искусства, или внушены тенденціей: только первыя принадлежали къ „искусству“, а вторыя составляли „беллетристику“. Понятно, что первымъ отдавалось почетное мѣсто, а вторыя только допускались, какъ нѣчто весьма второстепенное, ради ихъ хорошаго намѣренія. Искусство не должно имѣть цѣлей; истинное художественное творчество произвольно и безсознательно; цѣль, внесенная въ произведеніе, дѣлаетъ его утилитарнымъ и въ сущности чуждымъ искусству... Въ наше время этотъ споръ могъ бы, кажется, считаться законченнымъ: художественное творчество, въ какой бы то ни было отрасли искусства, есть всегда въ той или другой степени сила произвольная, какъ врожденная способность создавать образы и находить для нихъ художественныя формы, — способность чуждая и даже непонятная людямъ, которые ею не владѣютъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы художникъ не могъ имѣть и другихъ способностей, напримѣръ, сильно развитога ума, глубокаго знанія, опредѣленнаго міровоззрѣнія, и кто же можетъ сосчитать, въ какихъ комбинаціяхъ эти различ-

ныя способности могутъ—или, по теоріи, имѣютъ право—соединяться въ процессъ творчества? или кто бы взялъ на себя указать точныя границы между художественностью и „беллетристивой“? Гоголь создавалъ свои величайшія произведенія съ большою долей безсознательности, но Гёте едва ли безсознательно создавалъ свои лучшія произведенія. Не лишено интереса, что тотъ же В. Майковъ, котораго хотять противопоставлять съ Бѣлинскимъ, въ разборѣ Кольцова, которымъ онъ восхищается, указываетъ между прочимъ черты, именно совпадающія съ представленіями Бѣлинскаго, образчикъ которыхъ мы видѣли въ приведенной выше цитатѣ. Защищая отъ „господъ романтиковъ“ Кольцова, В. Майковъ одну изъ красотъ его стихотвореній указываетъ въ томъ, что Кольцовъ возводитъ въ поэзію крестьянскій бытъ и, между прочимъ, основу этого быта—трудъ. Выписавъ знаменитое стихотвореніе: „Что ты спишь, мужичокъ“, В. Майковъ спрашиваетъ: „Что это такое, какъ не воззваніе страстнаго политико-эконома, облеченное въ форму искусства? ¹⁾).

Это—тѣ же самыя мысли, какія высказаны Бѣлинскимъ.

Раздѣленіе произведеній литературы на „искусство“ и „беллетристику“, опредѣляемая произвольностью и намѣренностью, было бы на дѣлѣ чрезвычайно трудно провести даже и въ то время, а впослѣдствіи эта трудность увеличивалась бы все больше. Куда было бы отнести, напримѣръ, произведенія Тургенева: было ли это искусство, или беллетристика? Во многихъ изъ нихъ цѣль, намѣренность, тенденціозность были очевидны; но столь же очевидны и достоинства художественныя. Чѣмъ дальше развивается литература, тѣмъ сложнѣе становятся ея задачи и все больше усиливается элементъ сознательности: падаетъ ли искусство или же только вступаетъ въ новый болѣе осложненный періодъ своего развитія? Какъ мы сказали, эти споры о тенденціозности были въ то время порождены именно тѣмъ виѣшнимъ ненормальнымъ состояніемъ литературы, когда она стремилась найти себѣ путь къ участію въ общественныхъ вопросахъ и, за неимѣніемъ другой возможности, стремилась воспользоваться для этого такъ-называемою изящной словесностью. Очевидно, что публицистика, введенная въ романъ или повѣсть, иной разъ могла испортить ихъ, а вмѣстѣ и недостаточно достигать и своей публицистической цѣли. Критики, привыкшіе передъ тѣмъ ставить чисто эстетическія требованія, приходили въ смущеніе, когда могли бы спокойно предоставить эту тенденціозную беллетристику ея судьбѣ: если въ ней

¹⁾ „Критическіе опыты“, стр. 24.

были достоинства содержанія и нѣкоторое достоинство формы, она могла достигать своей цѣли въ данную минуту; но пережить эту минуту очевидно могли только произведенія сильныхъ талантовъ—создавали они сознательно или бессознательно.

По поводу В. Майкова опять обновился этотъ споръ о тенденціозности, за и противъ нея ¹⁾. Изъ историческихъ справокъ, какія мы сдѣлали выше, можно видѣть, что ссылки на Бѣлинскаго противъ В. Майкова и заключенія къ нынѣшнему времени, сдѣланныя при этомъ случаѣ, въ сущности лишены основанія.

А. В—нъ.

---

¹⁾ См. „Русскую Мысль“, 1891, октябрь, и статьи г. Скабичевскаго въ газетѣ „Новости“ и др.

ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

С. В. КОВАЛЕВСКОЙ.

Отъ Редакціи.—Я. К. Гротъ получилъ изъ Стокгольма одинъ изъ поэтическихъ опытовъ Софьи Васильевны Ковалевской и предоставилъ намъ помѣстить стихотвореніе въ журналѣ. Охотно пользуемся при этомъ—случаемъ еще разъ напомнить читателямъ дорогое имя нашей талантливой и симпатичной соотечественницы, которая была такъ рано похищена смертью, а біографу ея—дать новый матеріалъ для изображенія тѣхъ душевныхъ настроеній, которыя мимолетно, среди ея серьезныхъ научныхъ работъ, овладѣвали ею и требовали для своего выраженія формы стиха.

Пришлось ли разъ вамъ безучастно,
Безцѣльно средь толпы гулять
И вдругъ какой-то пѣсни страстной
Случайно звуки услыхать?

На васъ неожиданною волною
Пахнула память прежнихъ лѣтъ,—
И что-то милое, родное
Въ душѣ откликнулось въ отвѣтъ.

Казалось вамъ, что эти звуки
Вы въ дѣтствѣ слышали не разъ,—
Такъ много счастья, нѣги, муки
Въ нихъ вспоминалося для васъ.

Слѣпили вы привычнымъ слухомъ
Напѣвъ знакомый уловить,
Хотѣлось вамъ за каждымъ звукомъ,
За каждымъ словомъ услѣдить.

Внезапно пѣсня замолчала
И голосъ замеръ безъ слѣда,—
И безъ конца, и безъ начала
Осталась пѣсня навсегда.

Какъ ненавистна показалась
Въ тотъ мигъ кругомъ васъ тишина,—
Какъ будто съ болью оборвалась
Въ душѣ отзывная струна!

И какъ назойливо, докучно
Васъ все напѣвъ тотъ провожалъ;
Какъ слухъ вашъ, волѣ непослушный,
Его вамъ вѣчно повторялъ!

Вотъ выступали изъ забвенья
Размѣръ, слова, обрывки фразъ,—
И вамъ казалась на мгновенье
Вся пѣснью понятною для васъ.

Но вдругъ опять все уносилось—
И такъ осталось навсегда
Загадкой то, что говорилось
Въ той пѣснѣ, смольшей безъ слѣда...

Ужель и наша встрѣча съ вами
Безслѣдно также промелькнетъ?
Блеснула мигъ передъ глазами
И вновь во мракѣ пропадетъ.

Насъ случай свелъ, и можетъ снова
Насъ тотъ же случай развести,
И равнодушно, и сурово
Другъ другу скажемъ мы: *прости!*

Что что-то въ насъ звучить родного—
Намъ вдругъ почудилось на мигъ;

Но не сказали мы ни слова—
Какъ будто скованъ былъ языкъ.

И такъ безъ слезъ, безъ сожалѣнья
Разлуку можемъ мы принять,
И лишь порою изъ забвенья
Вашъ образъ будетъ возставать.

Какъ будто въ дымку облеченный,
Ко мнѣ онъ будетъ приходить
И все загадкой нерѣшенной
Меня тревожить и дразнить,—

Пока изъ памяти не сгладить время
Когда-то милыя черты
И сердце вновь покорно приметъ бремя
Холодной, вѣчной пустоты.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ ПОЪЗДКИ

ВЪ

ТАМБОВСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

Впечатлѣнія и замѣтки.

Всякому, кто располагаетъ нѣсколькими свободными днями и принимаетъ къ сердцу бѣдствіе, переживаемое Россіей, слѣдовало бы предпринять поѣздку въ одну изъ пострадавшихъ мѣстностей; онъ вынесетъ оттуда массу впечатлѣній, которыхъ не можетъ дать чтеніе самыхъ правдивыхъ, самыхъ обстоятельныхъ корреспонденцій. Если цѣлью поѣздки является, между прочимъ, изученіе способовъ борьбы съ нуждою,—нужно ѣхать туда, гдѣ существуетъ организованная частная помощь. Многіе отправляются, именно поэтому, въ данковскій уѣздъ (рязанской губерніи), гдѣ работаетъ гр. Л. Н. Толстой; но мнѣ хотѣлось побывать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ систематическая поддержка голодающихъ только-что началась и не успѣла еще коснуться всего нуждающагося населенія. Я выбралъ юго-восточную часть моршанскаго уѣзда (тамбовской губерніи), пересекаемую сызрано-вяземскою желѣзною дорогою и пограничную съ пензенскою губерніею. Здѣсь соединены всѣ типичныя черты полосы, пораженной неурожаемъ. Населеніе—занимающееся почти исключительно земледѣліемъ; почва—черноземная, но уже въ значительной степени истощенная; полному неурожаю предшествовало нѣсколько недородовъ. На разстояніи 3—10 верстъ отъ хутора, гдѣ я остановился, расположено семь крестьянскихъ поселеній, среднихъ и крупныхъ (мелкихъ деревень въ этой мѣстности очень мало). Часть на-

селенія—бывшіе помѣщичьи крестьяне; часть—бывшіе государственные. Землевладѣльцевъ, живущихъ у себя въ усадьбахъ, мало; многія имѣнія перешли въ руки купцовъ. Мнѣ удалось побывать въ селѣ Каменкѣ (около 180 дворовъ, т.-е. около 1.000 душъ) и въ двухъ деревняхъ, Бояровкѣ и Милашенкѣ (въ каждой около 60 дворовъ и 400 душъ). Въ Милашенкѣ я обошелъ около половины всѣхъ дворовъ, гдѣ происходилъ въ это время опросъ домохозяевъ, съ цѣлью выдѣлить изъ нихъ наиболѣе нуждающихся. Въ продолженіе всего обхода я не видѣлъ ни одного пьянаго, хотя былъ третій день праздника. Мнѣ говорили, что и въ первый день пьяныхъ не было вовсе; въ помѣщеніи кабака (въ Каменкѣ) было небольшое собраніе, но не столько для выпивки, сколько для разговора о трудномъ времени.

До послѣдняго времени Милашенка принадлежала къ числу деревень относительно зажиточныхъ. Конечно, между различными дворами существовало большое неравенство; рядомъ съ „богатѣями“ были и бѣдняки, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ начался упадокъ урожаевъ—но въ общемъ уровень благосостоянія былъ довольно высокъ, особенно въ сравненіи съ сосѣдней Бояровкой. Остатки прежняго довольства замѣтны, кое-гдѣ, и теперь; но оно идетъ къ концу, процессъ уравниенія подвигается впередъ большими шагами. Вотъ, напримѣръ, мельникъ, Матвѣй Геткинъ. Лѣтомъ у него было 7 лошадей, изъ которыхъ онъ продалъ трехъ, чтобы купить корму для остальныхъ и пропитать свою семью, состоящую изъ пятнадцати душъ; но это оказалось недостаточнымъ, ему пришлось занять 75 руб., и отъ снисходительности и терпѣнія кредитора зависить судьба хозяйства. Требованіе немедленной уплаты повлечетъ за собою распродажу, за безпѣнокъ, трехъ изъ числа уцѣлѣвшихъ четырехъ лошадей, а также двухъ коровъ и двухъ свиней. Назаръ Голенковъ, имѣвшій пять лошадей, сохранилъ изъ нихъ только одну; продалъ еще корову, двухъ свиней, шесть овецъ. Оставшуюся скотину онъ кормить отчасти шелухой, отчасти крышей риги. Другой, прежде богатый крестьянинъ, Федоръ Барышовъ, продалъ четырехъ лошадей, четырехъ коровъ, трехъ свиней, семнадцать овецъ; разореніе кажется ему настолько близкимъ, что онъ сдѣлалъ уже неудачную попытку къ переселенію. Таково положеніе семействъ достаточныхъ; не трудно себѣ представить, что дѣлается у бѣдняковъ. Хозяиномъ въ одной избѣ является семнадцати-лѣтній мальчикъ (Емельянъ Моргуновъ); у него есть мать, но глухая и полу-идіотка, ни въ чемъ ему не помогающая; четверо маленькихъ братьевъ и сестеръ, на которыхъ онъ одинъ работникъ. Лѣтомъ онъ жилъ въ пастухахъ, потому нигдѣ не могъ найти работы; ходилъ побираться, но почти ничего не подавали. Нечѣмъ было бы топить, еслибы не сосѣдъ, разобравъ

ний на дрова старый амбаръ и подѣлившійся ими съ Моргуновымъ. Была только одна корова, которую онъ продалъ. Панкратій Жучковъ, съ шестью несовершеннолѣтними дѣтьми, ѣздилъ побираться, вернулся больнымъ, харкаетъ кровью; привезъ съ собою 30 фунтовъ хлѣба кусочками. Для топки разбираетъ дворъ; лошадь и корову кормить вѣтками съ ветелъ. У Никиты Котова, съ тремя малолѣтними дѣтьми, больная жена; нѣтъ ни лошади, ни коровы; изъ запасовъ есть только попортившаяся свекла, отъ которой тошнить. У Степана Сивцова, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, умерла жена. Она ѣздила побираться, вернулась больная; по мнѣнію крестьянъ, подтверждаемому священникомъ, причина смерти—истощеніе, вслѣдствіе дурной и недостаточной пищи. Этимъ же объясняется смерть двухъ дѣтей (2 и 5 лѣтъ) въ семьѣ Наума Сеничкина и двухъ дѣтей (4 и 10 лѣтъ) въ семьѣ Марѣи Моргуновой. Рассказываютъ такъ: пока земская помощь не выдавалась, семьи этихъ крестьянъ кормились преимущественно щами изъ негодныхъ листьевъ сѣрой капусты, сильно приправленныхъ солью. Эта пища возбуждала ужасную жажду; дѣти, не умѣя воздерживаться, выпивали массу воды, начинали пухнуть и скоро умирали. Семья Алексѣя Полянкина (жена только-что родила; нѣсколько маленькихъ дѣтей) не имѣетъ даже избы и живетъ въ землянкѣ. Это—нѣчто въ родѣ ямы, выкопанной въ землѣ; туда нужно спускаться ощупью, въ совершенной темнотѣ. Внутри душно, сыро; свѣтъ едва проникаетъ черезъ небольшое окошко. Мужъ ходитъ побираться; безъ него семью спасали отъ голода сосѣди. Они же снабдили ее небольшимъ количествомъ вѣтокъ для топки, а передъ тѣмъ нѣсколько дней землянка не отапливалась вовсе. Случаевъ взаимной помощи вообще мы встрѣчали не мало. Въ семьѣ Михаила Чичкина намъ говорили, что до полученія земской помощи въ домѣ около двухъ недѣль не было хлѣба; питались въ это время преимущественно коноплянымъ сѣменемъ, полученнымъ отъ сосѣда (сѣмя толкли и разбалтывали въ водѣ). А между тѣмъ этотъ самый сосѣдъ, Иванъ Бардуковъ, былъ лишенъ права на земскую помощь (по крайней мѣрѣ—въ первые мѣсяцы) именно потому, что у него нашлась мѣра коноплянаго сѣмени. Другой, Иванъ Бардуковъ, узнавъ, что въ сосѣднемъ селѣ (Каменкѣ) собираются свѣденія о голодающихъ, тотчасъ же отправился туда, чтобы просить о помощи наиболѣе нуждающимся въ своей деревнѣ. Для себя лично онъ ни тогда, ни при нашемъ посѣщеніи Милашенки, не просилъ ничего. Судя по „кусочкамъ“, привозимымъ побирающимися, нужно думать, что не отказываютъ въ помощи даже тѣ, у кого очень мало наличныхъ припасовъ. Я видѣлъ у побиравшихся куски хлѣба самой различной величины, начиная съ цѣлаго ломтя, идущаго изъ

какой-нибудь помѣщичьей усадьбы, до тонкаго, узкаго кусочка, длиною не болѣе чѣмъ въ дюймъ. Такіе кусочки можетъ подавать только тотъ, кто самъ, по необходимости, дорожить каждой крошкой хлѣба. Другая форма помощи, попадающаяся довольно часто — это взятіе къ себѣ въ домъ погорѣльцевъ или бѣдняковъ, которыхъ рѣшительно нечѣмъ топить свою избу. Я видѣлъ въ Бояровкѣ обыкновенную крестьянскую избу, въ которой помѣщалось *четыре* семейства!.. Мои спутники, раньше меня прибывшіе на мѣсто, говорили мнѣ, что видѣнное мною — ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чему они были свидѣтелями недѣлей раньше. Въ этотъ промежутокъ времени произошла раздача декабрьской земской помощи, а Милашенка, сверхъ того, получила довольно значительное количество муки (ржаной и кукурузной) отъ одного изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ. *Голодавшіе* нѣсколько дней тому назадъ не были *голодающими* въ данную минуту. Надъ всѣми тяготѣла тревога за будущее, ближайшее будущее — но не было того отчаянія, которое вызывается полною безвыходностью въ настоящемъ. Всѣ говорили, что полученнаго хлѣба хватить не надолго, но у всѣхъ былъ хлѣбъ, испеченный изъ хорошей муки; хлѣбъ съ примѣсами, отвратительный на видъ и на вкусъ, мы нашли только въ одной избѣ. Въ немъ не было, *пока-мѣстъ*, надобности — да и нелегко теперь добыть для него матеріалъ, потому что домашніе суррогаты, въ родѣ лебеды, потреблены безъ остатка еще съ осени, а въ продажѣ ихъ мало, при цѣнѣ сравнительно высокой (въ южныхъ уѣздахъ рязанской и смежныхъ съ нею тамбовской губерніи пудъ лебеды стоилъ недавно 70 коп.). Можно сказать, не рискуя большою ошибкой, что хлѣбъ съ примѣсами не знаменуетъ собою, *въ настоящее время*, высшей степени нужды; гдѣ она настала, тамъ хлѣба нѣтъ вовсе или есть только добродѣтельный хлѣбъ, выпеченный изъ земской или дарственной муки.

Въ какой степени основательна тревога за будущее, встрѣчавшая насъ въ каждой крестьянской избѣ — объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ продолженіе осеннихъ и первыхъ зимнихъ мѣсяцевъ крестьянами дер. Милашенки продано 58 лошадей, 35 коровъ, 19 свиней и 128 овецъ — продано по крайне низкимъ цѣнамъ (за лошадь давали отъ 2½ до 8 рублей), для покупки хлѣба, а также для прокормленія остальной скотины. Уцѣлѣло, въ концѣ декабря, 76 лошадей, 46 коровъ, 8 свиней и 27 овецъ — но многія ли изъ нихъ уцѣлѣютъ до весны? Уже до новаго года запасъ кормовъ почти вездѣ приходилъ къ концу и на пищу скоту шли, сплошь и рядомъ, соломенные крыши. Нѣкоторые домохозяйства не продаютъ своей последней лошади только потому, что это запрещено начальствомъ; но

нельзя запретить лошади околѣть отъ голоду — и въ этому исходу близки многіе изъ жалкихъ одровъ, видѣнныхъ мною въ Милашенкѣ и Бояровкѣ. Крестьянинъ, у котораго есть лошадь, но нѣтъ дровъ, далеко не всегда можетъ поѣхать за послѣдними верстъ за 20, въ казенный лѣсъ, гдѣ они раздаются даромъ, потому что голодная лошадь не сvezетъ нагруженного воза. Въ Милашенкѣ изъ 58 дворовъ безлошадныхъ уже теперь 15, а въ Бояровкѣ изъ 64—27. Дворовъ съ одною лошадью въ Милашенкѣ 23; многимъ изъ нихъ суждено, конечно, перейти въ категорію безлошадныхъ. Ни лошадей, ни коровъ нѣтъ у десяти милашенскихъ домохозяевъ. Оставаясь или рискуя остаться безъ скота, крестьяне теряютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, другое необходимое условіе правильнаго хозяйства: за недостаткомъ обыкновеннаго въ тѣхъ мѣстахъ топлива (соломы и вѣсяка), они ломаютъ на дрова свои дворы, амбары, сараи. Осиротѣвшія, оголенные избы бросаются въ глаза, какъ только въѣдешь въ Каменку. Въ Милашенкѣ мы насчитали семь, въ Бояровкѣ — восемь случаевъ „топки дворомъ“. Продается, для покупки хлѣба, крестьянская одежда, иногда самая необходимая; дѣти перестаютъ ходить въ школу, потому что имъ не во что одѣться и обуться. Яровыхъ сѣмянъ нѣтъ ни у кого. Когда состоялось распоряженіе ссыпать ихъ въ магазинъ, во всей Милашенкѣ ихъ было собрано только одиннадцать мѣръ; все остальное было уже продано или съѣдено. Нигдѣ нѣтъ ни картофеля, ни овса, ни пшена, ни проса; есть только, и то не вездѣ, небольшіе остатки капусты и свеклы, нерѣдко дурного качества.

Таково положеніе крестьянъ; посмотримъ теперь, какая оказывается имъ помощь. Въ Милашенкѣ изъ 58 семействъ не получаютъ пособія отъ земства 13, съ 103 душами. Большею частью это семьи дѣйствительно зажиточныя или, лучше сказать, бывшія зажиточными; но есть и такія, которыя исключены изъ списка нуждающихся — по крайней мѣрѣ на первые мѣсяцы, ноябрь и декабрь, — безъ достаточныхъ основаній. Такова, напримѣръ, упомянутая уже выше семья Ивана Бардукова, у котораго нашлась мѣрка коноплянаго сѣмени, или семья вдовы Настасьи Барышовой (съ 3 дѣтьми), лишившейся пособія потому, что ея сынъ-мальчикъ служить у сосѣдняго землевладѣльца, получая *девятнадцать* рублей *въ годъ*. Получаютъ земскую помощь въ Милашенкѣ 45 семействъ, съ 320 душами. Назначается пособіе только на лицъ нерабочаго возраста — не считая дѣтей моложе пяти лѣтъ ¹⁾, по—30 фунтовъ на ѣдока, что составляетъ отъ 30 ф. до 3 п. 30 ф. на семью (максимальная цифра встрѣчается только въ

¹⁾ Съ января мѣсяца, какъ я только-что узналъ, земское пособіе стало выдаваться и на дѣтей отъ 2 до 5 лѣтъ. Для нѣкоторыхъ семействъ это будетъ подспорьемъ довольно значительнымъ.

двухъ случаяхъ, минимальная—довольно часто). Всего отпускается, такимъ образомъ, 90 пудовъ (муки) въ мѣсяцъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, земскимъ хлѣбомъ пользуются всѣ члены семьи, такъ какъ никакихъ работъ въ этой мѣстности и вокругъ нея нѣтъ; ухаживать развѣ только побираться, но скоро возвращаются, потому что собираютъ очень мало. Если раздѣлить 90 пудовъ между 320 душами, то на каждую душу придется, въ среднемъ, по $11\frac{1}{4}$ ф. муки въ мѣсяцъ, что составляетъ около $\frac{1}{2}$ ф. хлѣба въ день—количество, очевидно, крайне недостаточное, въ особенности при отсутствіи всякой другой пищи, всякаго приварка. Есть, между тѣмъ, семьи, на которыя приходится гораздо менѣе средней цифры. Вотъ, напримѣръ, семья Максима Шестакова, въ одиннадцать душъ, изъ которыхъ пять дѣтей; она получаетъ земскаго пособія $1\frac{1}{2}$ пуда, т.-е. съ небольшимъ по 5 фунтовъ на душу. Семья Ѳедора Ермакова, изъ 4 душъ (1 ребенокъ), получаетъ 30 ф., т.-е. по $7\frac{1}{2}$ ф. на душу. Немногимъ лучше поставлена Бояровка, гдѣ на 344 души приходится земскаго пособія 102 пуда, т.-е. около 12 ф. на душу. До какой степени недостаточна земская помощь, объ этомъ можно судить наглядно по слѣдующему факту. Уже послѣ моего возвращенія въ Петербургъ я узналъ, что землевладѣлецъ О.—тотъ самый, который передъ Рождествомъ снабдилъ милашенскихъ крестьянъ нѣкоторымъ количествомъ муки—рѣшилъ принять на себя *полное прокормленіе* Бояровки и Милашенки. На взрослыхъ людей онъ считаетъ по пуду муки (смѣсь ржаной съ кукурузной); на дѣтей отъ 2 до 15 лѣтъ—по $\frac{1}{2}$ п.; на младенцевъ, не достигшихъ 2 лѣтъ—по 15 ф. пшена. Изъ общаго количества муки, причитающагося на семью, вычитается земское пособіе и затѣмъ выдается остальное. Въ 45 крестьянскихъ семействахъ дер. Милашенки, получающихъ земскую помощь, малолѣтнихъ (до 15 л.) числится 132, взрослыхъ—188. Если допустить, что четвертая часть дѣтей не достигла двухлѣтняго возраста, то получится такой расчетъ: на 100 дѣтей—50 пудовъ муки; на 188 взрослыхъ—188, а всего 238; за вычетомъ же земскихъ 90 пудовъ—148. Итакъ, частная помощь, — не считая даже 12 пудовъ пшена на самыхъ маленькихъ дѣтей,—будетъ превышать земскую слишкомъ въ $1\frac{1}{2}$ раза! А между тѣмъ никто не станетъ утверждать, что одинъ пудъ муки въ мѣсяцъ (т.-е. 2 фунта хлѣба въ день)—слишкомъ много (при отсутствіи всякой другой пищи) для прокормленія взрослого человѣка. Трудно представить себѣ лучшее доказательство тому, до какой степени важна и необходима частная помощь голодающимъ, въ дополненіе къ земской или государственной.

Въ половинѣ декабря частная помощь въ мѣстности, мною посѣщенной, почти не существовала. Попечительство, въ районъ дѣй-

ствій котораго она входитъ, располагало и располагаетъ, повидимому, самыми незначительными средствами. Въ Милашенкѣ, сколько мнѣ извѣстно, отъ него получили немного муки только три семьи; у одной изъ нихъ было отобрано, вслѣдствіе этого, выданное ей земское пособіе. Одинъ изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ пробовалъ было обратиться, чрезъ газеты, къ общественной благотворительности, и собралъ около 1000 р.; но затѣмъ это дѣло встрѣтило какія-то препятствія и не имѣло дальнѣйшаго хода. На собранныя деньги была куплена мука и роздана наиболѣе нуждающимся. Другой землевладѣлецъ—тотъ самый, съ которымъ я ѣздилъ на мѣсто, и хуторъ котораго сдѣлался теперь исходной точкой довольно широкой помощи—приступилъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, живя въ Москвѣ, къ сбору средствъ, на которыя можно было бы устроить что-нибудь болѣе или менѣе прочное. Первые пятьсотъ рублей были употреблены на покупку муки, для раздачи бѣднѣйшимъ крестьянамъ села Липовки; но затѣмъ рѣшено было перейти къ другому способу дѣйствій, болѣе цѣлесообразному—къ устройству столовыхъ. Для этого необходимы были люди, которые могли и желали бы руководить дѣломъ на мѣстѣ. Они скоро нашлись между ближайшими друзьями владѣльца. Около половины декабря пріѣхалъ на хуторъ одинъ изъ нихъ, изъ Крыма, въ первый день Рождества; другой—изъ Петербурга. Оба осмотрѣли, на пути, столовыя, устроенныя гр. Л. Н. Толстымъ въ данковскомъ уѣздѣ. Работа скоро закипѣла, и 27-го декабря я засталъ ее уже въ полномъ ходу; съ тѣхъ поръ она разрастается все болѣе и болѣе.

Сельскія столовыя въ голодающихъ мѣстностяхъ—это своего рода Колумбово яйцо. Мысль чрезвычайно проста, но она никому или почти никому не приходила въ голову. Въ городахъ эта форма помощи употребительна даже въ обыкновенное время, а тѣмъ болѣе въ години бѣдствій; къ деревнямъ она почему-то не примѣнялась. Во время голода 1880-81 г. я долго жилъ въ Саратовѣ, объѣхалъ два уѣзда саратовской губерніи, но нигдѣ не видѣлъ сельскихъ столовыхъ и ничего о нихъ не слышалъ, тогда какъ въ Саратовѣ и Вольскѣ бесплатныя или дешевыя столовыя были открыты еще съ осени. Кто первый, въ нынѣшнемъ году, положилъ начало деревенскимъ столовымъ—это трудно опредѣлить съ точностью; весьма можетъ быть, что онѣ возникли одновременно въ разныхъ мѣстахъ, совершенно независимо однѣ отъ другихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію лишь одно—что болѣе всѣхъ способствовалъ ихъ распространенію гр. Л. Н. Толстой, не столько словомъ, сколько примѣромъ. Его громадная популярность, его нравственный авторитетъ подѣйствовали на многихъ съ неотразимой силой; десятки лицъ посѣтили

его на мѣстѣ его новой дѣятельности, сотни или тысячи, быть можетъ, вдохновились свѣденіями о ней, сообщаемыми въ печати. Услуга, имъ оказанная, не исчерпывается тою матеріальною пользою, которую столовыя приносятъ крестьянамъ; еще важнѣе то, что столовыя даютъ возможность непосредственной работы на пользу голодающихъ—работы въ высшей степени драгоцѣнной для самихъ работающихъ. Завѣдываніе столовою—или, по меньшей мѣрѣ, первоначальное ея устройство—требуетъ присутствія на мѣстѣ человека, отдающаго этому дѣлу все свое время и всѣ свои силы, тогда какъ раздача хлѣба или зерна можетъ быть произведена заочно, безъ всякаго общенія между помогающимъ и крестьянами, которыми онъ помогаетъ. О другихъ преимуществахъ столовыхъ одинъ изъ посѣтителей гр. Л. Н. Толстого пишетъ, со словъ его самого слѣдующее: „ошибочно думать, что дешевле кормить однимъ хлѣбомъ. Та же степень насыщенія достигается гораздо легче, если на тѣ же деньги купить и муки, и пшена, и картофеля, и свеклы. Поглотивъ ту же сумму денегъ въ видѣ одного хлѣба, организмъ гораздо скорѣе вновь почувствуетъ голодъ, чѣмъ въ случаѣ поглощенія ея въ видѣ различныхъ продуктовъ. По мнѣнію извѣстнаго профессора гигиены, съ которымъ совѣщался Л. Н., питаніе однимъ хлѣбомъ, безъ теплаго варева, даже вредно для организма. Пудъ хлѣба, т.-е. мѣсячная порція для одного человека, стоитъ отъ 1 р. 35 к. до 1 р. 40 к., а въ столовыхъ гр. Л. Н. прокормленіе одного посѣтителя обходится въ 1 р. 50 к. (въ мѣсяцъ), при чемъ два раза въ день дается по три блюда. Самой неудачной формой помощи, по мнѣнію гр. Л. Н., слѣдуетъ считать денежную; затѣмъ идетъ помощь мукою, дальше—печенымъ хлѣбомъ, и наконецъ, какъ наилучшая форма, помощь въ видѣ столовыхъ. Но для ихъ устройства нужна большая энергія, и потому большинство предпочитаетъ выдачу деньгами или хлѣбомъ. Практически устраивать столовыя нужно такъ: „прійти въ деревню, спросить у старосты и у схода, кто самый много-семейный бѣднякъ: онъ и будетъ хозяинъ столовой. Затѣмъ изъ каждой большой семьи, получающей сравнительно мало земскаго пособія, выбрать нѣсколько членовъ, которые ходили бы въ столовую. Богѣе чѣмъ на 50 человекъ не слѣдуетъ устраивать. О посудѣ нечего заботиться: сами достанутъ“. Прибавимъ къ этому, что столовая является средоточіемъ свѣденій о деревенскихъ нуждахъ, мѣстомъ, гдѣ голодающіе хоть на время могутъ почувствовать себя тепло и привольно, сборнымъ пунктомъ, отвлекающимъ отъ кабака. Особенную цѣнность имѣютъ столовыя, устраиваемыя при школахъ, для школьниковъ. По мѣткому выраженію одного изъ лицъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу, школьныя столовыя могутъ создать „голодную гра-

мощность", привлечь къ школѣ голодныхъ дѣтей, еще больше укрѣпить внутреннюю связь между крестьянской семьей и сельской школой.

Само собою разумѣется, что схема устройства столовыхъ, набросанная въ цитированномъ нами письмѣ, допускаетъ безконечныя вариации. Инициативѣ каждаго устроителя предстоитъ приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ и условіямъ, до крайности различнымъ. Молодые люди, приѣхавшіе помогать Каменкѣ и окрестнымъ деревнямъ, располагали на первое время весьма небольшими средствами, а вокругъ нихъ разливалось, по словамъ одного изъ нихъ, *цѣлое море нужды*. Чтобы распространить помощь на возможно большее число лицъ, они рѣшились дѣйствовать такъ: въ каждой столовой учредить двѣ смѣны, изъ которыхъ одна получала бы полный обѣдъ (объ ужинѣ нельзя было и думать), другая—только хлѣбъ. Норма для каждой смѣны была принята въ 30—35 человѣкъ. Вокругъ каждой столовой группировалось, такимъ образомъ, отъ 60 до 70 лицъ, обѣдавшихъ черезъ день, но каждый день получающихъ, въ среднемъ выводѣ, по фунту хлѣба: въ день обѣда—нѣсколько меньше, въ другой день—нѣсколько больше ¹⁾. Право пользоваться столовою было дано не лицамъ, а семьямъ; иными словами, каждой нуждающейся семьѣ было предоставлено посылать въ столовую по одному, по два или по три члена, смотря по многочисленности семьи и степени бѣдности. Сегодня, напримеръ, можетъ придти сама хозяйка, послѣ-завтра—ея дочь, еще черезъ день—ея внукъ или внучка. Чтобы выдѣлить изъ массы бѣдствующихъ наиболѣе нуждающіяся семьи и опредѣлить, сколько человѣкъ отъ каждой изъ нихъ можетъ приходить въ столовую, мои знакомые не довольствовались разпросомъ старосты или схода; они сами обошли всѣ дворы (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, очевидно зажиточныхъ), и при одномъ изъ такихъ обходовъ мнѣ и пришлось присутствовать. Отъ системы гр. Толстого было допущено еще одно отступленіе: столовыя устраивались не у самыхъ многосемейныхъ бѣдняковъ, а у бѣдняковъ, семья которыхъ не очень большая. Дѣлалось это потому, что семейство хозяина столовой, конечно, пользуется ею все и каждый день, что, при многочисленности семьи, установило бы слишкомъ большое неравенство между нею и остальными. Требуется также, чтобы у хозяина столовой была лошадь, на которой можно было бы возить воду и ѣздить по близости за сѣбными припасами. Посуду

¹⁾ Теперь этотъ порядокъ отчасти измѣненъ: раздѣленіе на смѣны уничтожено обѣдъ готовится ежедневно на 60—70 человѣкъ, но хлѣба выдается нѣсколько меньше, по $\frac{3}{4}$ ф. на обѣдающаго. На очереди, въ случаѣ увеличенія средствъ, стоитъ возвышеніе хлѣбной порціи до 1 фунта и введеніе въ пищу нѣкотораго количества жировъ, въ видѣ растительныхъ маселъ.

каждый обѣдающій приносить свою; о котлахъ также заботятся сами крестьяне. Хлопоты и труды хозяина и хозяйки столовой вознаграждаются — кромѣ ежедневнаго обѣда для всей семьи—еще тѣмъ, что они получаютъ отъ устроителей столовой топливо, о значеніи котораго въ настоящую минуту нетрудно судить по сказанному мною выше. Самый обѣдъ гораздо скромнѣе, чѣмъ въ столовыхъ гр. Л. Н. Толстого. Онъ состоитъ изъ двухъ блюдъ; первая перемяна—кулеши (жидкая пшѣнная каша), или щи (изъ капусты, засыпанныя пшеномъ), или картофельная похлебка; вторая перемяна—горохъ крутой, или картофель (вареный или печеный), или пшѣнная каша. Цѣнность этихъ блюдъ на тридцать человѣкъ слѣдующая (называемъ цифры въ томъ же порядкѣ, какъ и блюда): 9, 15, 15—28, 18, 20 копѣекъ. Весь обѣдъ на тридцать человѣкъ обходится, такимъ образомъ, въ 33, 35 или 37 коп. въ день, что составляетъ 10 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ; къ этому нужно прибавить по фунту хлѣба въ день на 60 человѣкъ, что составитъ 45 рублей въ мѣсяцъ (считая по 2½ коп. за фунтъ хлѣба). На прокормленіе 60 человѣкъ нужно, значить, 55 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, или, круглымъ числомъ (считая еще расходъ на отопленіе столовой), по рублю въ мѣсяцъ на человѣка. До новаго хлѣба остается еще шесть мѣсяцевъ; на каждые сто рублей можно, слѣдовательно, прокормить 16—17 человѣкъ. Ходятъ обѣдать, какъ я самъ видѣлъ при посѣщеніи столовой въ Каменкѣ, почти исключительно женщины, подростки и дѣти. Съ увеличеніемъ числа прокармливаемыхъ къ нимъ, безъ сомнѣнія, присоединились бы и взрослые крестьяне, голодающіе не меньше своихъ женъ и дѣтей, но стѣсняющіеся пользоваться столовыми, пока онѣ доступны для немногихъ. Больнымъ и слабымъ обѣдъ отпускается на домъ.

Ко времени моего пріѣзда были устроены двѣ столовыя въ Каменкѣ, каждая на 60 человѣкъ. Желавшихъ попасть въ столовую имѣющихъ на то полное право оставалось еще очень много, но самая крайняя нужда была удовлетворена, и потому рѣшено было приступить къ открытію столовыхъ въ другихъ, сосѣднихъ деревняхъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря были открыты столовыя въ Бояровкѣ, на 78 человѣкъ, и въ Милашенкѣ, на 40 человѣкъ. Въ началѣ января къ нимъ присоединились три школьныя столовыя, всего на 130 человѣкъ: двѣ въ Каменкѣ, гдѣ двѣ школы—земская и церковно-приходская,—и одна въ Подземѣ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что прокормленіе Бояровки и Милашенки принимаетъ на себя землевладелецъ О., рѣшено было перевести тамошнія столовыя въ другую группу деревень, до тѣхъ поръ почти лишенную частной помощи: Липовку, Красивку, Поминайку. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, вѣроятно, уже открыты три столовыя въ Липовкѣ (громадномъ

селѣ, съ 500 дворами, изъ которыхъ 150 недавно погорѣли,—и тремя, слишкомъ, тысячами жителей), а можетъ быть, устроена столовая и въ Красивѣ. Нужно надѣяться, что на этомъ дѣло не остановится: средства, которыми располагають организаторы описываемой мною помощи, постоянно растутъ, хотя все еще далеко не соответствуютъ нуждѣ, увеличивающейся съ страшной быстротой, по мѣрѣ усиленія холодовъ и истощенія запасовъ. Вотъ что пишетъ, въ самый новый годъ, одинъ изъ двухъ моихъ знакомыхъ, живущихъ на мѣстѣ для завѣдыванія столовыми.

Первое января — день, полный надеждъ у всѣхъ почти; а у насъ здѣсь какія надежды? Можно ли надѣяться хотя на то, что хоть окружающія насъ деревни не будутъ голодать; что хоть въ нихъ каждый получитъ фунтъ хлѣба въ день или эквивалентъ его; что не придется отказывать массами дѣйствительно нуждающимся?.. Я не хочу нисколько преувеличивать той нужды, тѣхъ душу раздражающихъ явленій, которыя намъ приходится здѣсь видѣть. Безусловныхъ случаевъ голодной смерти, т.-е. смерти безъ всякой болѣзни, единственно отъ недостатка пищи, я здѣсь не знаю; терпѣніе, выносливость крестьянъ ¹⁾, ихъ радость при всякой помощи— все это помогаетъ тому, что чувство жалости не постоянно раздражено... Но вотъ приходитъ мужикъ: блѣдный, лицо вытянуто, плохо на ногахъ держится—и вида не показываетъ, что голоденъ, для себя не проситъ, а для больной жены да ребенка... Или, въ Подъемѣ, приходишь къ Тимоѣю Клейменову: вся семья исхудалая, лица желто-зеленыя, въ избѣ амміачный запахъ отъ тонки навозомъ, всѣ съ больными головами отъ угара; несмотря на грязь и соръ, въ избѣ нигдѣ ни крошки хлѣба. Баба валится мнѣ въ ноги; старуха, сухая какъ щепка, съ бессмысленно вытаращенными глазами, еле-еле стоящая на ногахъ и вся трясущаяся, начинаетъ заплетающимся языкомъ что-то бормотать о хлѣбцѣ и кончаетъ полнымъ отчаянія воплемъ о скорѣйшей смерти. Пришелъ самъ Тимоѣй, не поздоровался, сѣлъ; видно, что для него ничто кругомъ не существуетъ, кромѣ хлѣба да семьи. Онъ ходилъ покупать хлѣбъ, на нѣсколько копѣекъ, собранныхъ четырнадцатилѣтнимъ сыномъ, побравшимся недѣлю, но хлѣба не нашелъ... Или приходитъ молодая женщина изъ Красивки, за 9 верстъ, въ морозную мятель, въ изодранномъ, вылѣзшемъ полушубкѣ; ее всю трясетъ отъ холода. „Баринъ, ты, говорятъ люди,

¹⁾ Это—явленіе, наблюдаемое почти повсемѣстно. Вотъ что мнѣ случилось прочесть недавно въ одномъ частномъ письмѣ изъ самарской губерніи: „Замѣчательно просто относятся къ бѣдѣ мужики,—распухнувшіе, два дня не ѣвшіе. Стоитъ мужикъ, блѣдный, съ подведенными глазами, съ отвислыми щеками; изрѣдка всхлипываетъ баба; по стѣнкамъ жмутся худыя, оборванные дѣти“... и никакихъ жалобъ.

помогаешь намъ, голоднымъ. Я вдовая, четверо ребятъ; пятый дѣнь хлѣбушка не пробовали; грудной вовсе помираетъ, молоко сгорѣло, онъ уже и груди не беретъ, только кричить безъ перестали; да и другихъ не унять, я ужъ и голубила, и била ихъ... Слезы начинаютъ непроизвольно капать изъ глазъ; она ихъ поспѣшно вытираетъ и продолжаетъ рассказывать, какъ, спасибо сосѣду, далъ горстку пшена да гнилой капусты, чѣмъ они и питались четыре дня—какъ померъ недавно, должно быть, отъ тифа, ея мужъ, топить нечѣмъ, и т. д. И видно тоже, что нѣтъ и тѣни дѣланности, что льется не съ языка, а съ наболѣвшей души ея рассказъ. И вѣдь правда: если намъ такъ тяжело видѣть голодныхъ людей, лично къ которымъ мы никакой любви не питаемъ, такъ что же дѣлается въ душѣ любящей матери, когда она ежеминутно слышитъ отчаянный плачъ своихъ дѣтей и не можетъ ничѣмъ, развѣ ласками да побоями, успокоить ихъ? И что она должна была испытать, чтобы дойти до битья голодныхъ любимыхъ дѣтей? Какъ хорошо я понимаю рассказъ одной вдовы изъ Бояровки, что она хотѣла руки на себя наложить изъ-за плача голодныхъ дѣтей... Эта вдова, еще молодая,—страшная, говорятъ, воровка, легкаго поведенія, однимъ словомъ, *последняя* баба, какъ про нее выражались крестьяне. Когда я открылъ столовую въ Бояровкѣ, крестьяне, почти всѣ неграмотные, перепутали: изъ семей, отъ которыхъ долженъ былъ придти одинъ, пришли двое, и наоборотъ. Перепутала и та вдова: отъ ея семьи назначалось придти одному, а она пришла съ дочкой маленькой. Узнавъ объ этомъ, она пустила обѣдать дочку, а сама, вздохнувши, ушла въ сторонѣ на скамейку. Тутъ же въ столовую пришло двое ребятъ: сестренка побольше, лѣтъ семи, и братишка лѣтъ пяти, сиротки безъ матери. Оказалось, что и отъ ихъ семьи полагается только одинъ. Сестренка стала отправлять брата домой; бѣдный мальчикъ разревлъся, заявляя, что онъ озябъ. Онъ былъ ужасно жалкій, совсѣмъ плохо одѣтый, безъ пубенки, въ лаптяхъ, безъ шапки, обвязанъ платкомъ; худенькое личико раскраснѣлось отъ сильнаго вѣтра и мороза и было ужасно грязно, такъ что изъ глазъ текли потоки грязи, а не слезы. Бабы, бывшія въ избѣ, напустились на сестренку, что она плохо исполняетъ обязанности матери, и та принялась умывать его оказавшейся въ избѣ теплой водой. Братишка, преобразившійся въ хорошенькаго мальчика и оживившійся въ теплой избѣ, повеселѣлъ; я сталъ его разспрашивать. Еслибы вы видѣли, съ какой простотой, какъ говорятъ о самыхъ обиденныхъ вещахъ, этотъ крошечный мальчуганъ отвѣчалъ, что ему очень ѣсть хочется, что онъ помнитъ, когда въ послѣдній разъ ѣлъ хлѣбъ, а именно въ первый день праздника (а я спрашивалъ 30-го декабря!) дала ему кусочекъ хлѣба тетя Мавра. Какими глазами

онъ смотрѣлъ на хлѣбъ и щи, и какъ смирно смотрѣлъ, какъ другіе ѣдятъ горячее съ хлѣбомъ! Та „последняя баба“, о которой я писалъ раньше, отломила отъ своей дочки кусочекъ хлѣба и дала ему... Ужъ если жалки взрослые съ голодомъ на лицѣ, то каковы эти несчастные малыши?.. Сегодня я выносилъ голодную дѣвочку, упавшую въ обморокъ въ школьной столовой въ Подъемѣ, отъ голода и жара, а В. В. въ Каменкѣ видѣлъ дѣвочку, упавшую по той же причинѣ“.

Кто живетъ на мѣстѣ, тому безпрестанно приходится видѣть подобныя сцены,—и впечатлѣніе отъ нихъ тѣмъ тяжелѣе, что всѣмъ голодающимъ въ данной мѣстности, за недостаткомъ средствъ, помочь нельзя. Необходимость *выбирать* изъ среды нуждающихся, необходимость *отказывать* — вотъ что самое ужасное въ положеніи тѣхъ самоотверженныхъ людей, которые берутъ на себя завѣдываніе деревенскими столовыми. Я самъ видѣлъ, какъ въ Каменкѣ, у дверей столовой, двѣ женщины слезно, неотступно просили о принятіи ихъ семей въ число пользующихся помощью,—а исполнить ихъ просьбу было невозможно, потому что въ одинаковомъ съ ними положеніи, въ томъ же селѣ, находилось еще нѣсколько десятковъ дворовъ. Оставалось только утѣшать ихъ неопредѣленной надеждой на будущее, т.-е. на открытіе новыхъ столовыхъ.

Между различными формами частной помощи существуетъ и такая, при которой получающіе помощь обязуются возмѣстить ее, т.-е. возвратить—конечно, съ разсрочкой — стоимость выдаваемого имъ хлѣба и другихъ продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, не поступая обратно къ жертвователямъ, были обращаемы на какое-нибудь дѣло, полезное для самихъ крестьянъ (на постройку въ деревнѣ школы, пріемнаго покоя, хлѣбнаго магазина и т. п.). Съ перваго раза эта форма можетъ показаться заманчивой: отнимая у помощи характеръ дара, во многихъ отношеніяхъ нежелательный, она общается, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣнный, прочный придатокъ къ благосостоянію крестьянъ. Не отрицая ея практичность по отношенію къ мѣстностямъ сравнительно мало пострадавшимъ и имѣющимъ всѣ шансы быстро поправиться, я никакъ не рѣшился бы, однако, рекомендовать ее для такихъ деревень, какъ мною посѣщенныя. И безъ того пройдетъ много, много лѣтъ, прежде чѣмъ онѣ сладятъ съ тяготами, наложенными на нихъ нынѣшнимъ годомъ; присоединять къ этимъ тяготамъ еще новое бремя, въ видѣ обязательства возвратить полученное путемъ помощи отъ частныхъ лицъ, было бы слишкомъ жестоко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нецѣлесообразно. Одно изъ двухъ: или крестьяне отнеслись бы къ предлагаемой имъ сдѣлкѣ серьезно, вѣря въ необходимость точнаго ея исполненія—въ такомъ случаѣ многіе изъ нихъ отказались бы отъ пособія, опасаясь надѣть себѣ на шею новую обузу; или

они прониклись бы тайной надеждой, что взыскивать съ нихъ не будутъ, и приняли бы пособіе, въ сущности, какъ даръ—въ такомъ случаѣ ко всѣмъ неудобствамъ даровой помощи присоединилась бы еще неискренность, двуличность, противорѣчіе между намѣреніемъ и словомъ. Въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія, встрѣчалась бы гораздо чаще послѣдняя часть дилеммы: голодный человѣкъ—и въ особенности голодный отецъ голодной семьи—готовъ обѣщать все что угодно, лишь бы раздобыть хлѣба въ данную минуту. Прибавимъ къ этому, что, въ случаѣ неисполненія крестьянами, добровольно, принятыхъ на себя обязательствъ, пришлось бы прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ—а что можно себѣ представить мѣнѣе нормальнаго, чѣмъ *экскаміе поассертзованій*? Эти два слова, какъ говорятъ французы, *hurlent de se voir accouplés ensemble*.

Что принесть съ собою, въ деревняхъ мною видѣнныхъ и безчисленныхъ другихъ, находящихся въ такихъ же или еще худшихъ условіяхъ, ближайшее будущее, даже при хорошемъ урожаѣ (котораго, какъ извѣстно, можно ожидать не во всѣхъ пострадавшихъ мѣстностяхъ)? Какъ справится крестьянинъ съ предстоящими ему весенними и лѣтними работами и съ накопляющимися на немъ обязательствами, когда весна застанетъ его безъ сѣмянъ¹⁾, безъ лошади или съ лошадью въ концѣ изнуренною, безъ скота, съ силами надорванными продолжительнымъ питаніемъ виноголоде? Какъ пополнить онъ недочеты въ постройкахъ, сломанныхъ на дрова, въ одеждѣ и утвари, проданной за мѣдные гроши?

„Городскимъ жителямъ,—говорится въ томъ же письмѣ, откуда я привелъ уже большую выписку (авторъ письма, когда обращался къ ближайшимъ друзьямъ, вовсе не думалъ о дальнѣйшемъ его оглашеніи),—городскимъ жителямъ, своими руками ничего не ротившимъ, не строившимъ, не воспитывавшимъ, не сразу понятно, что значить разореніе крестьянскаго хозяйства. Къ тому, что произведено своими руками, умомъ и душой, будь это неодушевленный предметъ, относись съ такимъ же чувствомъ, какъ относитесь вы къ своему ребенку; если вы ребенка больше любите, то только потому, что вы вложили въ него больше своей души. Что для васъ—ребенокъ, для художника—картина, для ученаго—его работа, тоже самое для крестьянина—его лошадь, корова, дерево около избы, сама изба, кусокъ земли. Представьте себѣ, что ваши дѣти худѣютъ изо дня въ день на вашихъ глазахъ; что вы ихъ кормите пустыми щами; что они умираютъ отъ недостатка и неправильности

¹⁾ Конечно, на обсеменение яровыхъ полей будетъ выдана земская ссуда—но весьма можетъ быть, что она будетъ рассчитана, и то въ обрѣзъ, только по размѣру надѣльной земли, безъ принятія въ соображеніе земли, арендуемой крестьянами.

питанія; что вамъ ихъ приходится отдавать въ неизвѣстныя руки, да къ тому же, отдавъ ихъ, вы останетесь безъ куска хлѣба. Вѣдь тоже самое испытываетъ крестьянинъ, кормя свою лошадь или корову, выросшую на его рукахъ, овцу, выросшую въ его избѣ рядомъ съ его ребятами, соломой съ крыши,—видя ея заболѣваніе и смерть, продавая за безцѣнокъ; тоже самое испытываетъ онъ, рубя дерево подъ своимъ окномъ, сжигая свой амбаръ, хлѣвъ и т. п., отдавая въ аренду или *съ отчужденіемъ* свои души“.

Въ этихъ словахъ очень много правды; они даютъ наглядное понятіе о нравственномъ настроеніи разорившагося или разоряющагося крестьянина. Какое громадное, необъятное поле открывается теперь для частной помощи, какъ долго еще она будетъ необходима, во всѣхъ различныхъ ея видахъ, уже существующихъ и могущихъ еще образоваться! Какъ ничтожно сдѣланное ею до сихъ поръ, сравнительно съ тѣмъ, что можетъ быть сдѣлано *только* ею! Конечно, далеко не всѣ ея проявленія доходятъ до всеобщаго свѣденія. Людей, поселяющихся въ деревнѣ съ цѣлью лично работать на пользу голодающихъ, устраивать и вести столовые, прискивать и готовить другія формы помощи—такихъ людей уже теперь наберется не мало; но еслибы число ихъ увеличилось въ сто, въ тысячу разъ, оно все-таки еще не достигло бы уровня потребности... Всякій отправляющійся на мѣсто бѣдствія, хотя бы даже на короткое время, увеличиваетъ этимъ самымъ не только запасъ личныхъ силъ, борющихся съ нуждою, но и запасъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для этой борьбы. Ему вѣрятъ лица, близко его знающія; каждое изъ нихъ, въ свою очередь, пользуется довѣріемъ другихъ. Отсюда неизбежный приливъ пожертвованій, направляемыхъ, притомъ, именно туда, гдѣ велика въ нихъ надобность и гдѣ организовано пользованіе ими. Въ настоящую минуту стоятъ только захотѣть, чтобы войти въ живое общеніе съ однимъ изъ центровъ народной нужды и частной, мѣстной помощи. Такое общеніе не позволяетъ удовольствоваться небольшимъ взносомъ, сдѣланнымъ изъ приличія, изъ подражанія, для очистки совѣсти; оно втягиваетъ все дальше и дальше, все больше и больше раскрываетъ нравственную обязательность серьезной, крупной помощи—крупной, разумѣется, по сравненію съ средствами каждаго даннаго лица. Только этимъ путемъ, думается мнѣ, частная благотворительность можетъ выбиться изъ узкой колеи, въ которой она теперь движется, и достигнуть размѣровъ, сколько-нибудь соответствующихъ громадности бѣдствія. Кто не можетъ самъ ѣхать на мѣсто, тотъ пускай заочно выберетъ деревню, группу семействъ, одну семью, благосостояніе которой стало бы для него личнымъ дѣломъ, вопросомъ сердца и чести...

Въ самое послѣднее время я получилъ изъ описанной мною мѣстности новыя, отрядныя вѣсти. Столовыхъ открыто теперь уже тринадцать: 4 въ Каменѣ, 2 въ Подъемѣ, 7 въ Липовѣ, — въ томъ числѣ четыре школьныхъ (двѣ въ Каменѣ и по одной въ Подъемѣ и Липовѣ), — на 625 человекъ (въ томъ числѣ 170 школьниковъ). Предстоитъ открытіе (теперь, вѣроятно, оно уже совершилось) двухъ или трехъ столовыхъ въ Красивѣ и двухъ школьныхъ столовыхъ въ Поминайкѣ, такъ что число пользующихся столовыми дойдетъ или уже дошло до 870; есть нѣкоторыя надежды довести его до 950.

„Основная дѣль столовыхъ“ — пишутъ мнѣ 12-го января — „достигнута; селенія, гдѣ открыты столовыя, не боятся призрака голодной смерти, такъ какъ самая страшная нужда (массовая) удовлетворена и неудовлетворенные случаи — случаи единичные, съ которыми уже легко справиться. Крестьяне хорошо понимаютъ назначеніе столовыхъ (единственное возможное при нашихъ средствахъ и размѣрахъ бѣдствія) — не прокармливать населеніе, а спасти отъ голода. Они характерно выражаются по этому поводу, что теперь-де ѣсть надо не *дѣ-сыту*, а *дѣ-жизну*. Изъ семействъ обѣдать приходятъ по очереди, чтобы *оживалтѣся* — и дѣйствительно оживляются; это я вижу по тѣмъ семьямъ, которыя мѣсяцъ назадъ умирали съ голоду, а теперь живутъ и замѣтно поправляются... Рядомъ съ столовыми идетъ, въ небольшихъ размѣрахъ, и другая помощь: раздача хлѣба и на домѣ, въ семьи съ больными (такихъ немало) или въ такія семьи, которымъ не во что одѣться, чтобы ходить въ столовыя (и такихъ нѣсколько: въ Липовѣ двѣ ужасныхъ), затѣмъ помощь одеждой (главнымъ образомъ дѣтямъ) и, въ исключительныхъ случаяхъ, дровами“.

Хорошо было бы, еслибы весной можно было прибавить еще нѣкоторыя мѣры къ поправленію крестьянскаго хозяйства...

К. Арсеньевъ.

20-го января, 1892 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1892 г.

Кончина Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.—Вѣдомость о положеніи продовольственнаго дѣла.—Народъ и государство.—Голодь или „обостренная нужда“?—Газетный обвинительный актъ противъ земства.—Нападенія на земскую статистику.—Журналы нижегородской продовольственной комиссіи.—Перемена въ управленіи министерствомъ путей сообщенія.

Высочайшимъ манифестомъ, 13-го января сего года, объявлено:

„По волѣ Всемогущаго Бога, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, скончался 13 ч. сего января, на 65 году отъ рожденія.

„Возвѣщая о семъ горестномъ событіи и оплакивая утрату Любезнѣйшаго Дяди Нашего, Мы увѣрены, что всѣ вѣрноподанные Наши раздѣляютъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединять молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшаго Великаго Князя“.

Съ кончиной Великаго Князя Константина Николаевича, послѣдовавшей въ Павловскѣ въ ночь съ 12-го на 13-е января, сошелъ въ могилу послѣдній изъ крупныхъ дѣятелей великой эпохи реформъ, до конца оставшійся вѣрнымъ ея духу. Въ исторіи, не только русской, но и западно-европейской, трудно найти другое лицо, столь близко стоявшее къ престолу и вѣдѣвшее съ тѣмъ игравшее столь важную роль въ государственной жизни. Мы знаемъ примѣры, когда такіа лица шли въ разрѣзъ съ видами монарха, затрудняли успѣхъ его политики (Гастонъ Орлеанскій—во время царствованія Людовика XIII, графъ д'Артуа—при Людовикѣ XVIII, принцъ Наполеонъ—при Наполеонѣ III); знаемъ примѣры, когда они тщательно устранились отъ всякаго вліянія на дѣла управленія (принцъ Генрихъ при Фридрихѣ Великомъ); но въ лицѣ почившаго Великаго Князя мы видѣли преданнаго, даровитаго сотрудника его царственнаго брата, про-

свѣщеннаго исполнителя предначертаній верховной власти. Особенно памятнымъ, безъ сомнѣнія, останется участіе Великаго Князя Константина Николаевича въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, на стражѣ котораго онъ стоялъ и до, и послѣ 19-го февраля 1861 г.; но не было, въ тѣ времена, ни одного преобразованія, осуществленію котораго онъ не способствовалъ бы своимъ трудомъ, а иногда и своей инициативой. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ гласность суда и ограниченіе сферы примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Съ какими препятствіями сопряженъ былъ каждый шагъ къ новому порядку вещей—это извѣстно, отчасти, уже теперь, и еще лучше будетъ выяснено впоследствии; тѣмъ драгоцѣннѣе была поддержка, шедшая сверху и основанная не только на симпатіи къ реформамъ, но и на глубокомъ убѣжденіи въ ихъ необходимости. Своего апогея вліяніе Великаго Князя достигло, какъ справедливо замѣчено въ одномъ изъ газетныхъ некрологовъ, въ 1861 г.; съ тѣхъ поръ оно никогда не поднималось до прежней высоты—и весьма можетъ быть, что этимъ, со временемъ, объяснится многое въ исторіи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Были ли допущены почившимъ тѣ ошибки въ управленіи флотомъ, на которыя послѣдила указать одна петербургская газета—это вопросъ спеціальнѣйшій, котораго мы касаться не будемъ; несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно—что если частныя ошибки, безъ которыхъ никто не проходилъ своего земного поприща,—если такія ошибки и были, то онѣ уравниваются или, лучше сказать, далеко перевѣшиваются, въ данномъ случаѣ, общими заслугами, и въ исторіи нашего отечества почившему Великому Князю Константину Николаевичу будетъ принадлежать не одна свѣтлая и почетная страница...

Государственная помощь голодающимъ принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Изъ вѣдомости о положеніи дѣла народнаго продовольствія въ 17 губерніяхъ, напечатанной въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, видно, что сумма, отпущенная на продовольствіе и обмѣненіе, достигла, къ 1-му января 1892 г., слишкомъ 7½ милліоновъ рублей. Судя по тому, что на озимые посѣвы израсходовано было около 12 милліоновъ рублей, а яровыхъ сѣмянъ куплено пока еще немного, нужно полагать, что собственно на продовольствіе пошло до сихъ поръ немногимъ менѣе 60 милліоновъ рублей. Этимъ не исчерпывается затрата, вызываемая неурожаемъ. Сдѣланными покупками и закупками потребность въ хлѣбѣ и въ сѣменахъ далеко еще не покрыта; слѣдуетъ докупить еще около 28 милліоновъ пудовъ на продовольствіе (считая по 1-е іюля) и около 22 милліоновъ пудовъ яровыхъ сѣмянъ, всего на сумму 40—50 мил. рублей.

Сколько денегъ имѣется у земствъ на эту покупку изъ суммъ, уже отпущенныхъ—въ таблицѣ не показано; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что значительная часть полученныхъ средствъ уже истратена и что на окончаніе закупокъ потребуются новыя, крупныя ассигновки. Продовольствіе разсчитано, въдобавокъ, только по 1-е іюля—а въ большинствѣ пострадавшихъ губерній новый хлѣбъ появится только во второй половинѣ этого мѣсяца. Весьма можетъ быть, поэтому, что государственная помощь голодающимъ далеко превзойдетъ, въ общемъ, сто милліоновъ рублей. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго или страшнаго. Если война 1877 г. стоила государству нѣсколько сотъ милліоновъ, то для борьбы съ такимъ бѣдствіемъ, какъ голодъ, простирающійся на 17 губерній, 100—150 милліоновъ—вовсе не особенно много, даже еслибы они были затрачены безвозвратно: а вѣдь расходы на продовольствіе и обмѣненіе имѣютъ характеръ ссудъ, подлежащихъ возврату со стороны населенія. Задача, очевидно, состоитъ не въ томъ, чтобы свести помощь къ минимальной нормѣ, а въ томъ, чтобы спасти народъ отъ бѣды и поддерживать по возможности его благосостояніе.

Въ газетѣ „Новости“ вѣдомость о положеніи продовольственнаго дѣла послужила поводомъ къ такимъ разсужденіямъ, которыя нельзя оставить безъ нѣкотораго вниманія. „Обыкновенно говорятъ,—такъ начинается газета свою неожиданную экскурсію въ область политической философіи,—что государство обязано возвращать народу то, что онъ ему даетъ, причемъ прибавляютъ, что съ нашего народа берется чуть-ли не во сто кратъ больше, чѣмъ ему даютъ, и что государство, такимъ образомъ, является неоплатнымъ должникомъ передъ народомъ. По нашему мнѣнію—это непростительно грубое заблужденіе. Народъ, дѣйствительно, даетъ много, быть можетъ даже больше, чѣмъ позволяютъ его экономическія силы; бюджетъ государственный постоянно растетъ и дошелъ уже до милліарда. Но если мы примемъ во вниманіе, что бюджетъ расходовъ только очень недавно сталъ отставать отъ бюджета доходовъ; что государство на устройство желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и массу другихъ общегосударственныхъ потребностей израсходовало цѣлыя милліарды, заимствованные извнѣ; наконецъ, если припомнимъ, что на нынѣшніе чрезвычайные расходы по обезпеченію пострадавшихъ отъ неурожая приходится не только употреблять остатки прежнихъ займовъ, но еще дѣлать новыя займы,—то окажется, что государство, вопреки ходячему мнѣнію, возвращаетъ народу неизмѣримо больше, чѣмъ оно беретъ отъ него въ видѣ налоговъ. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы нынѣшнюю невзгоду. Если она не обострилась до размѣровъ, представляемыхъ исторіей, напримѣръ, при Борисѣ Годуновѣ, если тя-

желныя послѣдствія ея при первомъ же хорошемъ урожаѣ значительно сгладятся, то этимъ народъ прежде всего будетъ обязанъ тѣмъ громаднымъ затратамъ государства на общенародныя потребности (пути сообщенія и проч.), по которымъ онъ платитъ лишь проценты, извлекаемые изъ выгодъ, доставляемыхъ самими государственными предприятиями. Затѣмъ народъ всецѣло обязанъ государству той колоссальной и, въ сущности, почти безвозвратной ссудой, которая теперь выдается ему наличными деньгами. Если принять во вниманіе всѣ эти неподлежащіе спору факты, то окажется, что существующія въ обществѣ представленія о взаимныхъ отношеніяхъ платежныхъ силъ страны и казны не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и что не государство передъ народомъ, а народъ передъ государствомъ всегда находится въ неоплатномъ долгу. Долгъ безпристрастія обязываетъ насъ подчеркнуть указанный балансъ народныхъ и государственныхъ средствъ, чтобы устранить предразсудокъ, побуждающій общественное мнѣніе предъявлять государству больше требованій, чѣмъ это допускается логикой вещей. Необходимо признать, что колоссальная помощь, оказываемая государствомъ народу, начиная съ прошлаго года, и именно въ такое время, когда оно само переживаетъ большія финансовыя затрудненія, представляетъ собою фактъ безпримѣрный въ исторіи, свидѣтельствующій о высокомъ умственномъ развитіи и широкомъ кругозорѣ правящихъ сферъ“.

Основная ошибка, обезцѣнивающая всю вышеприведенную тираду, заключается въ противопоставленіи государства—народу, и народа—государству, какъ будто это силы отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга, стоящія или могущія стоять, одна по отношенію къ другой, въ положеніи одолающаго или одолаемаго. Нельзя, конечно, утверждать, что государство является неоплатнымъ должникомъ передъ народомъ; но столь же несостоятельно и противоположное заключеніе, столь же фальшива формула, выставляющая народъ неоплатнымъ должникомъ государства. Государство—это организованный народъ; народъ—это живая сила, образующая государство. Нельзя быть собственнымъ своимъ должникомъ или кредиторомъ, нельзя благодѣтельствовать самому себѣ, вести счеты съ самимъ собою. Средства, обращаемаыя государствомъ на помощь народу, даются, въ сущности, самимъ народомъ; даже капиталы, „заимствуемые извнѣ“, поступаютъ въ распоряженіе государства только потому, что проценты и погашеніе будутъ покрываемы платежами народа. Совершенно невѣрно, что проценты на государственные займы извлекаются цѣлкомъ „изъ выгодъ, доставляемыхъ самими государственными предприятиями“; но еслибы это и было такъ, то все-таки самое существованіе государственныхъ предприятий было бы возможно только потому,

что они представляются, въ то же время, предпріятіями народными. Говорить о долгѣ, да еще неоплатномъ, народа передъ государствомъ можно было бы въ такомъ только случаѣ, еслибы интересы того и другого были различны, еслибы государство могло отказать въ помощи народу, ничего отъ того не теряя, сохраняя неприкосновенными свои средства и свои силы. На самомъ дѣлѣ обѣднѣніе, разореніе народа—все равно, что обѣднѣніе, разореніе государства; поддерживая, въ годину бѣдствія, народъ, государство поддерживаетъ, тѣмъ самымъ, собственное свое благосостояніе. Каждый рубль, не въ-время сбереженный, знаменовалъ бы собою для государства потерю въ нѣсколько рублей, тѣмъ болѣе чувствительную, что она была бы невозвратима. А потеря другого рода, еще болѣе тяжкая—потеря людей, погибшихъ, за отсутствіемъ помощи, въ борьбѣ съ нуждою,—развѣ она была бы безразлична для государства?..

Еслибы общественное мнѣніе предъявляло государству „больше требованій, чѣмъ допускается логикою вещей“, то для обезоруженія его понадобились бы аргументы совсѣмъ иного рода, не имѣющіе ничего общаго съ неудачной, ненужной и безцѣльной защитой государства противъ народа. Нужно было бы доказать, что требованія не вызываются потребностью, что они идутъ слишкомъ далеко, что удовлетвореніе ихъ слишкомъ дорого стоило бы самому народу. О *такихъ* требованіяхъ до сихъ поръ не было слышно; напротивъ того, можно только удивляться, до какой степени разсчеты, съ самаго начала сдѣланные земскими управами и земскими собраніями, соответствуютъ общепризнаннымъ теперь нуждамъ пострадавшихъ губерній. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы рязанскую губернію. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда еще нельзя было опредѣлить съ точностью степень неурожая яровыхъ и даже озимыхъ хлѣбовъ, сумма, необходимая на обсеменение озимыхъ полей и на продовольствіе до новаго урожая, была исчислена уѣздными земскими собраніями или управами почти въ 5¹/₂ мил. рублей. Губернская управа, докладывая объ этомъ 25-го іюня чрезвычайному губернскому земскому собранію, признала исчисленіе уѣдовъ, въ главныхъ чертахъ, правильнымъ и выразила убѣжденіе, что ссуда, о которой придется ходатайствовать передъ правительствомъ, должна будетъ составить около 5 милліоновъ рублей; съ этимъ согласилось и губернское собраніе. Въ началѣ октября опять было созвано экстренное губернское собраніе, которому было сообщено о разрѣшеніи ссуды въ 1 милліонъ рублей, съ поясненіемъ, что эта сумма признается „очень значительной“ для дальнѣйшихъ мѣропріятій по продовольственной части и по приобрѣтенію яровыхъ сѣмянъ. Уѣздныя управы продолжали, однако, настаивать на томъ, что на одно продовольствіе понадобится болѣе 5 мил. рублей; губернская управа опредѣляла эту

сумму въ $4\frac{1}{2}$ милліона, а коммиссія, избранная губернскимъ собраніемъ — по меньшей мѣрѣ въ $3\frac{1}{4}$ мил.). Губернское собраніе постановило хотатайствовать о выдачѣ *пока* двухъ милліоновъ рублей, находя, очевидно, что на продовольствіе нуждающихся понадобится, на самомъ дѣлѣ, гораздо больше. И что же? Мы видимъ изъ официальной вѣдомости, что рязанская губернія, получивъ въ ссуду 2.900.000 рублей и имѣя, къ 1-му января, въ наличности и закупкахъ свыше двухъ милліоновъ пудовъ на продовольствіе и 134 тыс. пуд. на обѣщаніе яровыхъ полей, должна закупить еще 1.567 тысячъ пудовъ на продовольствіе и 1.556 тыс. пуд. на обѣщаніе, на сумму (если считать только по 1 руб. 25 к. за пудъ хлѣба и по 60 коп. за пудъ сѣмянъ) до 2.900 тыс. рублей. Не ясно ли, насколько былъ близокъ къ дѣйствительности первоначальный расчетъ рязанскихъ земскихъ учреждений? Саратовская губернія, въ іюлѣ прошлаго года, опредѣлила свою потребность въ продовольствіи суммою въ 8 милліоновъ рублей. До этой суммы, сначала показавшейся несоразмѣрно высокою, уже дошелъ въ настоящее время размѣръ ассигновокъ, но губернія все еще далеко не вполнѣ обезпечена; кромѣ наличныхъ и закупленныхъ 2.100 тыс. пудовъ хлѣба и 1.846 тыс. пуд. сѣмянъ, ей предстоитъ еще купить почти $3\frac{1}{2}$ мил. пуд. хлѣба и болѣе $4\frac{1}{2}$ мил. пудовъ сѣмянъ. Въ такомъ же взаимномъ отношеніи первоначальные земскіе расчеты и теперь установленныя цифры стоятъ и во многихъ другихъ губерніяхъ, напр. самарской, тамбовской. Относительно казанской губерніи, получившей до 1-го января болѣе $6\frac{1}{2}$ мил. руб., въ официальной вѣдомости сдѣлана такая оговорка: „по послѣднимъ свѣдѣніямъ численность нуждающагося населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣръ потребности на его продовольствіе, значительно увеличились противъ первоначально опредѣленныхъ“. Гдѣ же, спрашивается, основанія говорить о преувеличенныхъ, несогласныхъ съ „логикой вещей“ требованіяхъ общественнаго мнѣнія, главными выразителями котораго у насъ, безъ сомнѣнія, являются земскія собранія?

Окончательно разрѣшеннымъ казался намъ — и, конечно, не намъ однимъ — вопросъ о томъ, есть ли въ Россіи голодъ; утвердительно отвѣтили на него, устами Д. Θ. Самарина, даже „Московскія Вѣдомости“. Иначе относится къ нему та же газета, провозглашающая народъ „неоплатнымъ должникомъ государства“. „Вотъ уже болѣе полугода, — читаемъ мы въ „Новостяхъ“, — какъ не перестаютъ говорить о страшномъ голодѣ, поразившемъ, яко бы, третью населенія всей Россіи. Тѣмъ не менѣе, явныхъ признаковъ существованія голода въ тѣсномъ смыслѣ — въ смыслѣ историческомъ, физиологическомъ и т. д. — до сихъ поръ видѣтъ (!) и никѣмъ (!) не констатировано; даже первоначальные единичные случаи болѣзни или смерти отъ

голода, заявленные частными лицами, оказались преувеличенными. Специальные корреспонденты газетъ, объѣзжавшіе пораженные бѣдствомъ мѣстности, также не открыли голода. Въ сущности, мы имѣемъ дѣло не съ голодомъ, а лишь съ обостренною спорадическою (?) нуждою. Столичные корреспонденты, давно уже не бывавшіе въ деревнѣ, столкнулись лицомъ къ лицу не съ голоднымъ населеніемъ въ общепринятомъ смыслѣ этого выраженія, а лишь съ извѣстнымъ земледѣльческимъ пролетаріатомъ, никогда не переводившимся на Руси; этотъ пролетаріатъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, а можетъ быть — и изъ нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ, постоянная нужда которыхъ въ прошломъ году обострилась нѣсколько больше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Что на Руси нѣтъ голода, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а существуетъ только хроническая нужда, доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ только правительство рѣшилось оказать серьезную матеріальную поддержку населенію, пострадавшему отъ неурожая, заявленія о „голодѣ“ вдругъ посыпались изъ такихъ мѣстъ (Польша, Новороссія и даже Кавказъ), гдѣ до того времени не было и помину о народномъ бѣдствіи. Очевидно, что тѣ условія и явленія, которыя слишкомъ поспѣшно обобщены подъ словомъ „голодъ“, встрѣчаются вездѣ и характеризуютъ собою обычную экономическую нужду извѣстной части населенія. И вотъ теперь слово *голодъ* является вездѣ средствомъ разжалобить правительство, съ цѣлью полученія отъ него щедротъ и милостей. Во всякомъ случаѣ, трудно разобратъся въ томъ, гдѣ оканчивается постоянная нужда бѣдствующаго народонаселенія и гдѣ начинается, такъ сказать, придатокъ къ ней, вызванный неурожаемъ 1891 года. Но какъ же, спросятъ насъ, перебивался до настоящаго времени этотъ пролетаріатъ со своими постоянными нуждами? Точно такъ же — отвѣтимъ мы — какъ онъ перебивался и перебивается во всѣхъ другихъ странахъ, представляя скрытую язву государственной и общественной жизни. Если этотъ пролетаріатъ до настоящаго времени не давалъ себя чувствовать непосредственно, то прежде всего потому, что государство не сталкивалось съ нимъ лицомъ къ лицу, а затѣмъ потому, что Россія представляетъ собою, такъ сказать, колоссальную губку, легко и безслѣдно всасывающую въ себя самыя тяжкія бѣдствія... На такомъ громадномъ пространствѣ, какъ Россія, и среди такого многочисленнаго населенія, какъ русское, всякое бѣдствіе быстро распределяется и разбавляется въ общей суммѣ благосостоянія страны. Вотъ почему существованіе хроническаго зла не замѣчалось до настоящаго времени, когда оно, подъ вліяніемъ большаго неурожая, вдругъ сказалось съ особенной силой*.

Итакъ, голода въ Россіи нѣтъ, а есть только „обостренная спо-

радикальная нужда"; вся ошибка произошла отъ того, что столичные корреспонденты давно не бывали въ деревнѣ и не сѣмѣли понять неожиданно-печальное зрѣлище, которое она имъ представила. Но развѣ о голодѣ говорили до сихъ поръ только „столичные корреспонденты"? Развѣ мы не слышимъ о немъ съ самаго начала осени отъ коренныхъ обитателей деревни, хорошо знакомыхъ съ ея обычнымъ видомъ и давно привыкшихъ распознавать различныя степени ея нужды? Развѣ не признавали наличность голода земскія собранія, священники, врачи, должностныя лица, отъ земскаго начальника до губернатора? Развѣ изъ Польши, Кавказа или Новороссіи (за исключеніемъ дѣйствительно нуждающихся уѣздовъ херсонской губерніи) доносились до столицъ такія вѣсти, какія приходятъ ежедневно изъ Приволжья и Заволжья? Развѣ чьи-либо отдѣльныя попытки „пристроиться" къ голодающимъ и получить вмѣстѣ съ ними какую-либо государственную помощь, доказываютъ повсемѣстную однородность народной нужды? На чемъ основано, дагѣе, отождествленіе голода съ болѣзью или смертью отъ голода? Голодъ, въ физиологическомъ, историческомъ, общежитейскомъ и какомъ угодно смыслѣ—это совокупность объективныхъ явленій и субъективныхъ ощущеній, происходящихъ въ организмъ вслѣдствіе недостатка питанія, вслѣдствіе рѣзкаго нарушенія равновѣсія между убылью и прибылью, между тратой силъ и ихъ пополненіемъ. Голодаетъ тотъ, который ѣстъ только хлѣбъ съ сильною примѣсью лебеды или мякины; голодаетъ и тотъ, который долженъ довольствоваться полуфунтомъ хлѣба, хотя бы и хорошо испеченнаго изъ чистой муки. Отъ этой степени голода только одинъ шагъ и до другихъ, болѣе мучительныхъ и непосредственно опасныхъ—и чего стоитъ уже одна перспектива такого шага, одно сознаніе, что онъ возможенъ не сегодня, такъ завтра! Возьмемъ первый документъ, попадающійся намъ подъ руку—письмо, полученное госпожею Н. П. Гротъ изъ данковскаго уѣзда рязанской губерніи („Новое Время", № 5702). „Покупать хлѣбъ не на что", пишетъ корреспондентъ госпожи Гротъ (повидимому—управляющій ея или прикащикъ); „все, что можно изъ хозяйства—избыли, что дало земство—поѣли, а еще когда выдавать будутъ—неизвѣстно. Если вы не позволите выдавать помощь хотя ближнимъ деревнямъ, то онѣ и всю землю заложать, и съ голоду придется умирать нѣкоторымъ семьямъ". Въ такомъ же положеніи находятся тысячи деревень; но далеко не вездѣ есть рядомъ помѣщичья экономія, отъ которой можно получить кое-какую помощь. Особенность нынѣшняго бѣдствія заключается именно въ томъ, что оно уравниваетъ съ бѣдняками крестьянъ средняго достатка, а иногда даже и крестьянъ зажиточныхъ. Безспорно, въ нашемъ крестьянскомъ на-

селеніи есть „спорадическая нужда“, есть и сельскій пролетаріатъ; безспорно, это способствовало обостренію переживаемаго нами бѣдствія—но оно не истощивается ни тѣмъ, ни другимъ, проникая гораздо дальше и глубже. „Язва“ сельскаго пролетаріата вовсе, притомъ, не была „скрытой“. На зарожденіе ея указывалъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, кн. А. И. Васильчиковъ (въ „Землевлѣдѣніи и земледѣліи“), указывали и многіе другіе; ее констатировала со всею точностью земская статистика; ее имѣли въ виду различные проекты, направленные къ поднятію народнаго благосостоянія... Какъ бы то ни было, увѣрять, что слово: „голодъ“ является *вездѣ* только средствомъ „разжалобить правительство“, сравнивать Россію съ „колоссальной губкой, легко и *безстыдно* всасывающей въ себя самыя тяжкія бѣдствія“—значить поощрять поверхностное, беззаботное отношеніе къ народной бѣдѣ, безъ того уже слишкомъ распространенное въ нашемъ обществѣ. Въ этой бѣдѣ необходимо различать два элемента: *постоянный*, устранимый только постепенно, путемъ сложныхъ законодательныхъ мѣръ, и *временной*, требующій неотложныхъ, единодушныхъ и энергичныхъ усилій правительства, общества и частныхъ лицъ.

Въ то самое время, когда одни органы печати отрицаютъ серьезность болѣзни, другіе толкуютъ вкривь и вкось о причинахъ или, лучше сказать, о виновникахъ заболѣванія. Такимъ виновникомъ, по мнѣнію извѣстнаго рода прессы, является земство. Казалось бы, что съ обвиненіями этого рода слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, подождать до болѣе благопріятной минуты. Земство собираетъ свѣдѣнія о размѣрахъ нужды, приобретаетъ хлѣбъ для продовольствія и обмѣненія, завѣдуетъ его раздачей—однимъ словомъ, выноситъ на своихъ плечахъ главную тяжесть борьбы съ послѣдствіями неурожая. Недостаточную подготовку той или другой боевой части неумѣстно доказывать въ самый разгаръ боя, когда нельзя ни замѣнить ее другою, ни устранить замѣченныхъ погрѣшностей... Но нападенія на земство, въ послѣднее время перешедшія всякую мѣру, страдаютъ не одною несвоевременностью; они запечатлѣны, сплошь и рядомъ, самою вопіющею и, смѣло можно сказать, сознательною несправедливостью. Мѣры предупрежденія голода—читаемъ мы въ новогодней передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“—„сводятся, въ сущности, къ одному простому, издревле испытанному средству—къ собиранію и храненію хлѣбныхъ запасовъ въ урожайные годы про неурожайный годъ“. Это средство примѣнялось и у насъ, въ такъ-называемыя „ніколаевскія времена“ или времена „правительственной опеки“. „Но правительственная опека была въ шестидесятыхъ годахъ признана вредною. Въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ

были учреждены выборные quasi-парламенты, съ обширными полномочіями — и на нихъ было возложено то попеченіе о пользахъ и нуждахъ населенія, которое доселѣ несла правительственная власть. Между прочимъ, этимъ *общественнымъ, земскимъ* учрежденіямъ была довѣрена и забота о народномъ продовольствіи, причѣмъ имъ были переданы и тѣ полныя хлѣбомъ запасныя магазины, которые съ такою заботливостію поддерживались и охранялись во времена *правительственной опеки*. Мы теперь знаемъ, къ какимъ плачевнымъ результатамъ привело Россію „общественное“ хозяйничанье, столь превозносившееся нашими „либеральными“ общественными и правительственными дѣателями. Болѣе жалкаго крушенія, болѣе позорнаго банкротства и представить себѣ нельзя. „Преступное легкомысліе въ словѣ и дѣлѣ“ — вотъ какимъ отзывомъ заковать исторія двадцатипятилѣтнюю дѣятельность нашего „либеральнаго“ земства, и въ исторіи этой дѣятельности земскій разгромъ хлѣбныхъ магазиновъ займетъ одну изъ наиболѣе возмутительныхъ страницъ. Магазины эти были опустошены, разрушены, хлѣбные запасы расхищены, разбросаны, превращены въ деньги, ушедшія частью на земскія, частью на инныя нужды, и оставившія за собой такія жалкія крохи, что о нихъ и говорить не стоить. Явился неурожай, а у земствъ въ неурожайныхъ губерніяхъ не оказалось ни хлѣба, ни денегъ, и всѣ они сразу, какъ ни въ чемъ не бывало, обратились съ требованіями миллионныхъ ссудъ къ правительству. Правительство въ этихъ ссудахъ не отказало, но онѣ поставили его въ весьма затруднительное положеніе. Оно полагало, что общественныя учрежденія добросовѣстно исполняютъ тѣ обязанности, которыя они съ такимъ торжествомъ взяли на себя въ шестидесятыхъ годахъ; правительство полагало, что дѣло о народномъ продовольствіи, переданное земствамъ въ такомъ блестящемъ положеніи, продолжаетъ крѣпнуть и развиваться по давно уже намѣченному и проложенному пути; правительство полагало, что земствамъ даже легче вести это дѣло въ небольшихъ районахъ какихъ-нибудь уѣздовъ, и что если гдѣ самоуправленіе умѣстно, то именно въ этомъ, вовсе не хитромъ, собираніи и храненіи хлѣба про черный день. Въ этихъ предположеніяхъ правительство ошиблось, и въ этомъ его вина. Оно давнымъ-давно должно было положить конецъ безалаберному, халатному и хищническому хозяйничанью нашихъ „либеральныхъ“ самоуправителей... Какъ бы то ни было, единственное, въ чемъ можно обвинить правительство, это — въ излишнемъ довѣріи къ „либеральному“ самоуправленію. Правительство теперь платится за это довѣріе тѣми затрудненіями, которыя вызваны полнымъ банкротствомъ самоуправленія. Оно принуждено почти зря раздавать свои миллионы направо и

нагѣво, дабы спасти отъ голода обездоленное населеніе, о нуждахъ котораго никто до сихъ поръ не можетъ составить себѣ яснаго представленія. Ибо фактъ земскаго банкротства усложняется еще тѣмъ изумительнымъ обстоятельствомъ, что наши земства, всегда столь хваставшіяся своими статистическими работами, теперь, когда эти работы могли бы принести пользу, не могутъ на основаніи ихъ отвѣтить правительству, каковы точные размѣры бѣдствія, постигшаго каждый изъ уѣздовъ неурожайныхъ губерній. Вся земская статистика оказалась почти непригоднымъ хламомъ, и правительству приходится теперь самому наскоро собирать тѣ статистическія свѣденія, которыхъ не въ состояніи были дать ему наши растерявшіяся земства“.

Читатели извинятъ насъ за эту длинную выписку; она была необходима, чтобы показать наглядно, до какихъ геркулесовыхъ столповъ доходить безцеремонность нашихъ газетныхъ „охранителей“. Мы оставляемъ въ сторонѣ обычныя извращенія исторіи, которыми переполнено начало статьи. Всѣмъ извѣстно, что открытіе земскихъ учреждений вовсе не было концомъ „правительственной опеки“, а только ея видоизмѣненіемъ; всѣмъ извѣстны также плоды двадцатипятилѣтней земской дѣятельности, въ такихъ, между прочимъ, областяхъ народной жизни, въ которыхъ все приходилось создавать вновь, для которыхъ ничего не было сдѣлано въ до-реформенную эпоху. Останавливаясь исключительно на продовольственномъ вопросѣ, мы встрѣчаемся, прежде всего, съ колоссальнымъ отступленіемъ отъ истины. Насъ хотятъ увѣрить, что правительству, до прошлаго лѣта, совершенно неизвѣстно было настоящее положеніе хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ капиталовъ. Объ этомъ говорилось въ газетахъ и журналахъ, толковалось въ ученыхъ обществахъ и земскихъ собраніяхъ, печаталось въ земскихъ докладахъ, отчетахъ и протоколахъ, писалось въ безчисленныхъ официальныхъ бумагахъ; другими словами, объ этомъ знали всѣ—не знало только одно правительство, слѣпо довѣрявшее земству (даже въ то время, когда устройство земскихъ учреждений признавалось неудовлетворительнымъ и подготовлялась земская реформа?)! Нужно ли доказывать, что это—сказка, сочинители которой проглядѣли настоящій смыслъ своего сочиненія? Нѣтъ, правительство вовсе неповинно въ томъ, что возводитъ на него московская газета; оно было знакомо съ положеніемъ продовольственного дѣла—было знакомо съ нимъ уже потому, что ходатайства о продовольственныхъ ссудахъ возникали при каждомъ крупномъ неурожаѣ, а тѣмъ болѣе при каждой мѣстной голодовкѣ (въ родѣ самарской 1874 г. или саратовско-самарской 1880 г.). Почему же оно не разгромило земство за „раз-

громъ“ хлѣбныхъ магазиновъ? По той простой причинѣ, что этотъ „разгромъ“ (или, правильнѣе, оскудѣніе, зависящее, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вовсе не отъ какихъ-либо злоупотребленій или упущеній со стороны земства, а отъ невзысканія выданныхъ ссудъ и незасыпки хлѣба въ установленные сроки) не можетъ быть поставленъ въ вину земскимъ учрежденіямъ. Доказательство этому нетрудно найти... въ самихъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Вотъ что мы читаемъ на страницахъ этой газеты, десять дней спустя послѣ напечатанія приведеннаго нами пасквиля на земство: „общій голосъ о томъ, что продовольственное дѣло, ввѣренное попеченію земства, идетъ крайне неудовлетворительно, мы признаемъ вполне справедливымъ; но виновно ли въ этомъ земство—это вопросъ иной. Спрашивается, можетъ ли управа, при наличности душъ въ уѣздѣ отъ 100 до 200 тысячъ, собрать точныя свѣденія о селеніяхъ, дѣйствительно нуждающихся въ продовольствіи, и о степени нужды каждой семьи порознь? Можетъ ли управа, раздавъ деньги на хлѣбъ по приговорамъ обществъ за круговую порукой, собрать ихъ обратно при наилучшихъ урожаяхъ? Наконецъ, можетъ ли она имѣть серьезное наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ нѣсколькихъ сотъ магазиновъ въ уѣздѣ и не допускать самовольнаго разбора хлѣба? Людьми дѣла и практики доподлинно извѣстно, что всѣ мірскіе приговоры и внушенія тогда только дѣйствительны, когда приведеніе ихъ въ исполненіе зависитъ отъ власти, имѣющей въ рукахъ средства сломить упорство. Встрѣчая упорство крестьянъ, *многія земства обращались къ содѣйствію администраціи* и постоянно получали отъѣты вполне удовлетворительные, но самые сборы оставались въ томъ же положеніи. Дѣло въ томъ, что, при многолѣтнемъ допущеніи крестьянъ до саморазоренія, числящіеся за ними окладные сборы возросли до миллионныхъ суммъ и что *недоимки по правительственнымъ (продовольственнымъ?) ссудамъ поставлены практикой въ постыднѣйшій разрядъ недоимокъ*. Не ясно ли, что дѣло народнаго продовольствія не подъ силу земству, и что для пользы самого дѣла оно должно быть изъято изъ его вѣденія, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“. Основателенъ ли заключительный выводъ автора—это вопросъ, въ обсужденіе котораго мы теперь не входимъ; для насъ важно только то, что авторъ вполне оправдываетъ земство. Не имѣя *власти* надъ населеніемъ, оно могло только сообщать администраціи о запустѣвшихъ магазинахъ—а въ такихъ сообщеніяхъ не было недостатка ¹⁾. Не

¹⁾ По расчету того же автора, въ хлѣбныхъ магазинахъ, даже при идеальномъ ихъ содержаніи, не могло бы быть болѣе 8½ пудовъ ржи и 2¼ пуда овса на каждую наличную душу. Потребность въ продовольственныхъ ссудахъ, при полнотѣ хлѣбныхъ запасовъ, была бы, такимъ образомъ, только уменьшена, но не устранена совершенно.

въ правѣ ли мы были сказать, что обвиненіе, съ такою яростью брошенное „Московскими Вѣдомостями“ противъ земства, отличается сознательною несправедливостью? Можно ли допустить, что московской газетѣ вовсе не были извѣстны элементарныя истины, вслѣдъ за тѣмъ констатированныя ея сотрудникомъ (г. Ивашкинымъ)? Еще раньше, въ декабрѣ прошлаго года, онѣ могли бы прочесть въ „Новомъ Времени“ (№ 5671) статью г. Бехтѣева, елецкаго предводителя дворянства, одного изъ вліятельныхъ членовъ меньшинства Кахановской комиссіи, больше всего способствовавшаго, вмѣстѣ съ покойнымъ Пазухинымъ, выработкѣ началъ, положенныхъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ основаніе судебно-административной и земской реформы. Этотъ свидѣтель, достовѣрность котораго не заподозрять, конечно, „Московскія Вѣдомости“, смотритъ на роль земства въ продовольственномъ дѣлѣ точно такъ же, какъ и г. Ивашкинъ. Признавая, что обязанность охранять полноту и неприкосновенность продовольственныхъ запасовъ и капиталовъ земствомъ не выполнена, г. Бехтѣевъ ставитъ вопросъ: можно ли винить въ этомъ земскія учрежденія — и разрѣшаетъ его отрицательно, ссылаясь на безвластіе земства. „Правда,—говоритъ онъ,—земствамъ предоставлено обращаться къ губернской администраціи и уѣздной полиціи; но уѣздная полиція, какъ извѣстно, почти вездѣ всѣ силы свои полагаетъ на взысканіе казенныхъ повинностей и ужъ, конечно, все усердіе ея направляется на исполненіе требованій не земства, а ея непосредственнаго начальства, и обращеніе къ ея содѣйствію земскихъ учрежденій мало побуждаетъ ее къ отступленіямъ отъ распоряженій начальства, тоже всего болѣе заинтересованнаго въ сборѣ казенныхъ, а не земскихъ платежей“¹⁾. Не виноваты въ пустотѣ магазиновъ, по мнѣнію г. Бехтѣева, и сельскія общества, которыя, даже при желаніи выполнить всѣ предписанія закона, „фактически лишены къ тому возможности, благодаря дѣятельности полиціи, направленной на скорѣйшій сборъ казенныхъ податей. Вслѣдствіе этого крестьяне должны торопиться не магазины засыпать, а распродавать свой хлѣбъ на подати по цѣнамъ, пониженнымъ вслѣдствіе усиленнаго предложенія его осенью—въ періодъ взысканія податей. Нельзя винить и уѣздную полицію, такъ какъ она исполняетъ лишь предписанія своего непосредственнаго началь-

¹⁾ Иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій фактъ, приводимый г. Бехтѣевымъ: зимой 1890—91 г., когда на поляхъ елецкаго уѣзда не было никакихъ всходовъ вслѣдствіе засухи, сборъ податей далъ въ результатѣ не только полный омадъ, но и уменьшеніе недоимки болѣе чѣмъ на 100.000 руб. Для этой цѣли крестьяне распродали рожь осенью по 45 к. пудъ; въ магазинъ пошло немного, а весной, съ марта и апрѣля, тѣ же крестьяне стали покупать продовольствіе по 1 руб. и 1 руб. 20 коп. пудъ муки.

ства. Но виновато ли само непосредственное начальство, т.-е. губернаторы? Правда, законъ предписываетъ губернаторамъ весьма подробно собирать свѣденія объ урожаяхъ, но не дѣлаетъ достаточно категорическихъ указаній на то, какъ воспользоваться этими свѣденіями, и равнымъ образомъ не вмѣняетъ въ обязанность губернаторамъ, въ случаѣ дурныхъ видовъ на урожай, обратить преимущественное вниманіе на сборъ продовольственныхъ запасовъ и отложить сборъ казенныхъ повинностей до болѣе благопріятнаго времени". Итакъ, виноватыхъ не оказывается—или, лучше сказать, виноваты только законъ о народномъ продовольствіи, давно уже требующій пересмотра... Нужно ли приводить еще какіе-нибудь „оправдательные документы"? Не ясно ли, что самое обвиненіе, говоря языкомъ нашего уголовного закона, должно быть признано „недобросовѣстнымъ"?

Обратимся теперь къ другому обвинительному пункту—къ „банкротству земской статистики". И здѣсь обвинительное усердіе московской газеты заставляетъ ее наносить удары въ такую сторону, въ которую она вовсе не мѣтитъ. Правительство—говорятъ намъ—вынуждено раздавать милліоны *почти зря*, направо и налево, чтобы спасти населеніе, *о нуждахъ котораго никто не можетъ до сихъ поръ составить себѣ яснаго представленія*. На самомъ дѣлѣ, представленіе о степени нужды давно уже достигло желанной ясности и милліоны раздаются не *зря*, а на основаніи положительныхъ, точныхъ данныхъ (точныхъ, конечно, не въ математическомъ, а въ житейскомъ смыслѣ слова). Если въ собраніи и повѣркѣ этихъ данныхъ участвовали, рядомъ съ земствомъ, и представители администраціи, то это объясняется громадностью работы, къ которой необходимо было привлечь всѣ наличныя силы. *Многое* внесла въ общее дѣло и земская статистика, напр. въ губерніяхъ воронежской и саратовской ¹⁾; но ожидать отъ нея *всего* и обвинять ее за неоправдавшееся ожиданіе—значитъ вовсе не знать или не понимать задачъ, приѣмовъ и средствъ земской статистики. Въ большинствѣ земскихъ губерній она успѣла закончить, и то не всегда, только такъ-называемую фундаментальную работу, т.-е. общее описаніе губерніи, какъ основаніе и исходную точку для всѣхъ послѣдующихъ трудовъ. Къ *текущей* статистикѣ перешла, и то недавно, лишь немногія земства—а между тѣмъ только она могла бы дать сколько-нибудь опредѣленные отвѣты на вопросы, поставленные не-

¹⁾ Вотъ что заявилъ, напримѣръ, предсѣдатель саратовской губ. земск. управы во время послѣдней сессіи губ. собранія: „первоначальное опредѣленіе ссуды для обмѣненія лѣсныхъ полей въ 1892 г. было произведено на основаніи соображеній, основанныхъ на данныхъ земской статистики. Точность этихъ данныхъ подтвердилась замѣчательнымъ образомъ черезъ три мѣсяца, когда требованія ссуды отъ разныхъ уѣздовъ сложились почти въ ту же сумму“.

урожаемъ. Странно было бы искать въ самыхъ лучшихъ, самыхъ полныхъ описательныхъ работахъ свѣденій о количествѣ скота, *въ данную минуту* имѣющагося на-лицо у крестьянъ той или другой деревни, о величинѣ запасовъ, сохранившихся отъ прежнихъ годовъ, о количествѣ хлѣба, полученнаго при послѣдней жатвѣ, даже о числѣ душъ, изъ которыхъ состоитъ *теперь* каждая отдѣльная семья. Уѣзды описывались въ разное время; послѣ описанія совершились и совершаются быстрыя перемены, услѣдить за которыми можетъ, и то не вполне, только хорошо организованная текущая статистика. Положимъ, что земская управа получила въ августѣ мѣсяцѣ свѣденія о количествѣ крестьянскаго скота; можно ли пользоваться этими свѣдѣніями въ декабрѣ или январѣ, послѣ усиленной распродажи лошадей и коровъ, свиней и овецъ? Можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что запасы овса, имѣвшіеся въ сентябрѣ, не съѣдены или не проданы, въ декабрѣ, для уплаты податей, для покупки топлива, сѣна, соломы?.. Еслибы, наконецъ, и можно было признать, что вся земская статистика оказалась „почти непригоднымъ хламомъ“, то справедливо ли было бы обвинять ее одну, забывая о губернскихъ статистическихъ комитетахъ? Вѣдь эти комитеты существовали еще тогда, когда о земской статистикѣ не было и помину. Лучше ли, наконецъ, поставлено дѣло въ губерніи не-земской—оренбургской?.. Какую роль сыграла земская статистика въ переживаемое нами тяжелое время—это выяснится тогда, когда будетъ написана безпристрастная его исторія. Теперь можно утвердительно сказать только одно: что въ земскихъ статистическихъ работахъ разсыяна масса данныхъ, указывавшихъ на близость и неизбежность кризиса.

Что земская статистика правится далеко не всѣмъ, что у нея есть враги даже въ средѣ самого земства—это извѣстно уже давно; неудивительно, что противъ нея стараются эксплуатировать обстоятельства настоящей минуты. Съ одной изъ такихъ партизанскихъ выходовъ насъ знакомитъ журналъ нижегородской губернской продовольственной комиссіи. Въ засѣданіи горбатовской уѣздной продовольственной комиссіи земскій начальникъ Обтяжновъ ¹⁾ обратилъ вниманіе на ненадежность земскихъ статистическихъ свѣденій о степени нужды въ уѣздѣ. „Командированный въ нашъ уѣздъ статистикъ“—замѣтилъ г. Обтяжновъ—„не далъ себѣ труда своевременно

¹⁾ Это имя намъ уже встрѣчалось. Въ концѣ 1890 г. гласный горбатовскаго уѣзднаго собранія Обтяжновъ выразилъ мнѣніе, что всѣ усилія государства и земства на поприщѣ развитія грамотности и образованія среди крестьянъ излишни и даже вредны, такъ какъ вредна, для крестьянъ, самая грамотность. Между земской статистикой и народнымъ образованіемъ существуетъ, должно быть, какая-то тайная связь; противники первой сплошь и рядомъ являются врагами послѣдней.

попасть въ уѣздъ. Пролетѣвъ затѣмъ изъ конца въ конецъ весь уѣздъ, поговоривъ съ волостнымъ и сельскимъ начальствомъ, поразспросивъ нѣкоторыхъ крестьянъ, онъ рядомъ цифръ изобразилъ картину урожая въ каждой волости. Въ результатѣ выходитъ: прекрасно отѣланные кабинетныя свѣденія, но... и только! Къ такимъ свѣденіямъ можно отнести только съ удивленіемъ". На тенденціозность этому замѣчанія указываетъ уже самый тонъ его, далеко не спокойный. Въ дѣйствительности оно не только тенденціозно, но и невѣрно. Въ губернской комиссіи выяснилось, что земскіе статистики были посланы лишь въ наиболѣе пострадавшіе уѣзды, къ числу которыхъ горбатовскій не принадлежитъ; вычисленія по этому уѣзду были произведены на основаніи свѣденій, доставленныхъ корреспондентами губернской земской управы. Одинъ изъ членовъ губернской комиссіи, А. М. Ермоловъ (также земскій начальникъ—въ сергачскомъ уѣздѣ, сильно пострадавшемъ отъ неурожая), заявилъ, что къ нему въ нѣмнѣе заѣзжали земскіе статистики послѣ объѣзда его участка, и онъ былъ пораженъ точностью и вѣрностью свѣденій, которыя они вынесли изъ обозрѣнія участка.

Большой походъ противъ земской статистики былъ предпринятъ недавно въ саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Старыя нападенія были облечены въ нѣсколько измѣненную форму: прежде доказывался *вредъ* земской статистики, теперь утверждалась только ея *безполезность*. Напрасно предсѣдатель губернской управы и другіе гласные перечисляли случаи, въ которыхъ статистическія данныя сослужили земству прямую, непосредственную службу; противники статистики продолжали твердить свое, расходясь только въ практическихъ выводахъ. Одни желали вовсе прекратить статистическое описаніе губерній (очень уже близкое къ концу), другіе стояли за его приостановку на неопредѣленное время; одни находили, что для текущей статистики (организация которой проектирована управой въ ближайшемъ будущемъ) достаточно донесеній волостныхъ правленій (!); другіе предлагали ходатайствовать о принятіи ея въ завѣдываніе центральной администраціи. Статистикофобамъ удалось, однако, только одно: они добились—и то большинствомъ одного лишь голоса—приостановки изданія „Сборника саратовскаго земства“, въ которомъ, по необходимости, преобладалъ или долженъ былъ преобладать элементъ статистическій. За окончаніе описательной статистической работы высказалось довольно значительное большинство; одобрено, въ принципѣ, и устройство земской текущей статистики. О степени ожесточенія меньшинства свидѣтельствуетъ, съ особенною яркостью, слѣдующій печальный эпизодъ. Въ докладѣ губернской управы было упомянуто, что завѣдующій земскимъ статистическимъ бюро (г. Харизоменовъ)

отказывается на 1892 г. отъ своего жалованья въ 2.000 р., чтобы „не обременять земство излишнимъ расходомъ на окончаніе работъ по статистикѣ“. Отъ земскаго собранія зависѣло принять или не принять предложеніе г. Харизоменова ¹⁾; но отнестись къ нему иначе, какъ съ сочувствіемъ, было, повидимому, довольно трудно. Трудное, однако, оказалось возможнымъ. „Г. Харизоменовъ“ — воскликнулъ одинъ изъ гласныхъ (гр. А. А. Уваровъ) — „не имѣлъ права дѣлать такое заявленіе, не имѣлъ права отказываться отъ жалованья, которое земство ему не назначало, и земство не нуждается въ его пожертвованіи. Тотъ же фактъ, что это извѣстіе появилось въ газетахъ раньше, чѣмъ было доложено собранію, показываетъ, что имѣлось въ виду произвести *давленіе* на земство“. „Послѣдующихъ словъ гр. Уварова“ — сказано въ отчетѣ о засѣданіи, разосланномъ при „Саратовскомъ Дневникѣ“ — „мы не могли разслышать, такъ какъ раздались рукоплесканія, а частью и шиванье“. Итакъ, въ собраніи напало нѣсколько гласныхъ, признавшихъ готовность отказаться отъ жалованья чѣмъ-то оскорбительнымъ для земства и угрожающимъ его свободѣ! Мы можемъ объяснить это только тѣмъ, что на отказывавшемся лежалъ тяжкій грѣхъ... прикосновенности къ земской статистикѣ.

Многочисленнымъ врагамъ земства, торжествующимъ по поводу cadaго неблагопріятнаго для него слуха и преувеличивающимъ каждую его ошибку, не мѣшало бы обратить вниманіе на слѣдующую оригинальную мысль, высказанную нижегородскимъ губернаторомъ въ одномъ изъ засѣданій нижегородской губернской продовольственной комиссіи (журналъ 20-го декабря): „каждое изъ государствъ Европы можетъ указать счастливыя для себя войны, но ни одна изъ этихъ войнъ не велась безъ того, чтобы дѣятельность интендантства арміи не вызвала строгаго порицанія. Далеко не всегда упущенія и неисправности интендантствъ истекали изъ злоупотребленій или неспособности распорядителей. Нѣтъ, несостоятельность интендантствъ происходила и, вѣроятно, будетъ повторяться отъ трудности ихъ задачъ. Легче двигать войска, чѣмъ въ достаточномъ количествѣ заготовлять для нихъ доброкачественный провіантъ, не баснословной цѣной приобрѣтая его, и всегда во-время и въ должномъ размѣрѣ поспѣть доставлять его ко всѣмъ частямъ армій. Дѣло это — сложное и болѣе чѣмъ трудное. Абсолютно хорошіе генералы въ каждую эпоху десятками считались, хорошіе интенданты — сомнительными единицами. Если отъ настоящей войны мы перейдемъ къ своеобраз-

¹⁾ Въ сѣбѣ на 1892 г. внесено 2.000 р. на жалованье завідующему статистическимъ бюро; слѣдовательно — отказъ г. Харизоменова не принять.

ной задачѣ нашего интенданства—земства, мы увидимъ условія еще труднѣе условій труда интенданствъ боевыхъ. Въ минувшихъ войнахъ не случалось, во-первыхъ, прокармливать миллионныхъ армій, осложненныхъ присутствіемъ женщинъ и дѣтей. Во-вторыхъ, во время удачныхъ наступательныхъ движеній войска, оно очень часто продовольствуется провіантомъ непріятеля или реквизиціями, а во время неудачъ отступающимъ солдатамъ не до обѣдовъ и число ихъ таетъ. Въ-третьихъ—и это, быть можетъ, главное, — дѣйствія свои интенданство начинаетъ, будучи давно организованнымъ и подготовленнымъ. Оно имѣетъ у себя въ рукахъ массу данныхъ, отсутствовавшихъ, а отчасти и теперь отсутствующихъ у насъ. Не только нѣтъ у насъ цѣпи запасныхъ складовъ по пути слѣдованія и нѣтъ самаго движенія массъ отъ сѣдненнаго къ нетронутому, но намъ всегда лишь приблизительно извѣстно самое число прокармливаемыхъ“. Это—слова практичнаго и разсудительнаго человѣка, для котораго важнѣе опредѣлить причину неустройства, чѣмъ приискать, во что бы то ни стало, его виновника или виновниковъ. Другому губернатору, уфимскому, также пришлось выступить защитникомъ земства, губернскаго и уѣзднаго (белебеевскаго). Противъ того и другого были изведены, въ одной изъ петербургскихъ газетъ, весьма серьезныя обвиненія, построенныя на крайне ненадежномъ сообщеніи и оказавшіяся совершенно неосновательными (см. „Новое Время“, №№ 5675 и 5700). Нападенія на земское и городское самоуправленіе стоятъ, очевидно, à l'ordre du jour; оно представляетъ собою самый удобный объектъ для того „благороднаго негодованія“, о которомъ гдѣ-то говорится у Тургенева.

Журналы нижегородской губернской продовольственной комиссіи продолжаютъ представлять много интереснаго. Мы узнаемъ изъ нихъ, напримѣръ, что землевладѣльцы нижегородской губерніи по прежнему остаются неотзывчивыми къ предложенію продать хлѣбъ по цѣнѣ, опредѣленной земствомъ. Въ сергачскомъ и княгининскомъ уѣздахъ состоялось нѣсколько сдѣлокъ этого рода, но въ уѣздахъ ардатовскомъ, лукояновскомъ, нижегородскомъ охотниковъ продать хлѣбъ не находилось, или цѣны за него требовались несоразмѣрно высокія (1 р. 55 коп. за пудъ). Гораздо меньше запрашивали хлѣботорговцы; нѣкоторые выражали готовность уступить хлѣбъ по собственной заготовительной цѣнѣ. Не лишентъ значенія слѣдующій фактъ, записанный въ журналѣ 8-го декабря: земскіе начальники перваго, четвертаго и пятаго участковъ ардатовскаго уѣзда заявили, что многіе изъ крестьянъ уходятъ съ лѣсныхъ заработковъ, вслѣдствіе слишкомъ тяжелыхъ условій, при которыхъ лѣсное вѣдомство требуетъ исполненія работъ. Условія эти—такого рода, что вѣсто 40 коп. рабочему остается получить за работу только 15 коп. въ день. Губер-

наторъ потребовалъ разъясненій и получилъ отъ уѣздной продовольственной комиссіи телеграмму, изъ которой видно, что уменьшеніе платы зависитъ отъ строгихъ требованій лѣсного вѣдомства и отъ штрафовъ, взыскиваемыхъ съ рабочихъ за самое незначительное поврежденіе, при свалкѣ лѣса, сосѣднихъ деревьевъ. Управляющій государственными имуществами отрицалъ точность этихъ свѣденій; характеристичнымъ, тѣмъ не менѣе, остается отзывъ земскихъ начальниковъ, оправдывающій крестьянъ. Это показываетъ, съ какою осторожностью слѣдуетъ относиться къ отказу отъ работъ, далеко не всегда вызываемому „лѣнностью грубаго простонародья“. У насъ слишкомъ склонны забывать, что крестьянинъ, даже получающій земскую ссуду или частную помощь—все-таки человѣкъ, не лишенный гражданскихъ правъ, а въ томъ числѣ и права располагать своимъ временемъ, своимъ трудомъ. Несправедливо, какъ мы старались доказать въ предыдущемъ обзорѣ, ставить выдачу ссуды въ зависимость отъ согласія взять предлагаемую работу; но это все-таки только косвенная, а не прямая форма принужденія, не имѣющая, притомъ, характера карательной мѣры. И съ тѣмъ, и съ другимъ — т.-е. и съ принужденіемъ, и съ наказаніемъ—мы встрѣчаемся въ распоряженіи курскаго губернатора, недавно оглашенномъ въ печати. „Пятидесяти-восьми крестьянамъ,—читаемъ мы въ № 3 „Недѣли“,—предоставлена была на курско-киевской желѣзной дорогѣ распилка дровъ, съ платою по рублю отъ кубической сажени. Крестьяне эти проработали четыре дня и разошлись, говоря, что назначенная имъ плата очень низка, тогда какъ другимъ рабочимъ за тотъ же трудъ платится въ Курскѣ по 80 копѣекъ. Губернаторъ призналъ нужнымъ наказать упомянутыхъ крестьянъ за уходъ выдержаніемъ при полиціи десять дней на хлѣбъ и водѣ, и приказалъ кромѣ того высылать ихъ каждый день на распилку дровъ подъ конвоемъ; изъ причитающагося имъ заработка велѣно часть употреблять на отпускъ имъ хлѣба, по 3—3½ фунта въ день на каждого, а остальные деньги представлять губернатору для отсылки земскому начальнику, съ тѣмъ, чтобы деньги эти были употребляемы въ пользу вдовъ и сиротъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежать упомянутые крестьяне. О настоящемъ случаѣ земскіе начальники обязаны объявить на сельскихъ сходахъ нуждающихся уѣздовъ и предварить крестьянъ, что кто не захочетъ идти на предлагаемыя работы, тотъ не получитъ продовольственной ссуды и сверхъ того будетъ отправленъ въ Курскъ для ареста и принудительнаго обращенія на общественныя работы“. Желательно было бы знать, на какомъ законѣ основано это распоряженіе и чѣмъ мотивировано, въ особенности, обращеніе заработка наказанныхъ крестьянъ, составляю-

щаго безспорную ихъ собственность, не въ пользу ихъ самихъ или ихъ семействъ, а въ пользу постороннихъ имъ лицъ?

Увольненіе министра путей сообщенія знаменуетъ собою, по мнѣнію однихъ, устраненіе препятствій, задерживавшихъ до сихъ поръ обратный переходъ нѣкоторыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ заведеніе частныхъ обществъ. Быть можетъ, полагають другіе, оно находитъ и въ нѣкоторой связи съ затрудненіями, возникшими при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ закупленнаго земствами хлѣба; но послѣднее кажется намъ не особенно вѣроятнымъ, потому что не отъ послѣднихъ лѣтъ управленія министерствомъ путей сообщенія зависитъ слабая провозоспособность большинства желѣзныхъ дорогъ, и еще меньше — запоздалость покупки, а слѣдовательно, и перевозки значительной части хлѣбныхъ грузовъ. Искоренить въ три года недостатки своего вѣдомства, созданные многими десятками лѣтъ, А. Я. фонъ-Гюббенетъ, безъ сомнѣнія, не могъ. Впрочемъ, исторія его управленія покажетъ впоследствии, была ли имъ сдѣлана къ тому серьезная попытка...

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1892 ГОДЪ.

По принятому порядку 1-го января появился въ печати Высочайше утвержденный 30-го декабря всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1892 годъ. Въ эту роспись внесено:

Доходовъ обыкновенныхъ . . .	886.544.325 рублей.
Чрезвычайныхъ ресурсовъ . . .	4.490.366 „
Итого доходовъ . . .	891.034.691 рубль.
Расходовъ обыкновенныхъ . . .	911.668.066 рублей.
„ чрезвычайныхъ . . .	53.635.000 „
Всего расходовъ . . .	965.303.066 рублей.

Недоборъ въ 25 м. р. на обыкновенные расходы и 49 м. р. на чрезвычайные, а всего въ 74.268.375 р.—предположено покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства, усиленной суммами, поступившими по золотому 3% займу 1891 года.

При сравненіи съ росписью 1892 г., въ общихъ результатахъ росписей трехъ предшествовавшихъ лѣтъ оказывается постоянное возвышеніе недоборовъ. По росписи за 1889 годъ она не превышала 24.320.059 р.; въ 1890 году составляла 42.738.348 р.; за 1891 годъ —53.794.812 р., и на 1892 годъ дошла до 74.268.375 рублей. При этомъ по росписи 1889—1891 года недоборъ оказывался лишь по чрезвычайнымъ бюджетамъ; обыкновенные же сводились съ превышеніемъ въ доходахъ, хотя и незначительнымъ. По росписи на 1892 годъ недоборъ предположенъ и въ обыкновенномъ бюджетѣ, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія сравнительно въ цифрахъ обыкновенныхъ доходовъ. На 1890 годъ ихъ было исчислено 905 мил. р.; на 1891 годъ—908¹/₂ м. р.; по росписи же 1892 года всего лишь 891 м. р., несмотря на то, что въ этомъ году впервые въ число доходовъ занесено слишкомъ 20 мил. рублей отъ эксплуатаціи вновь приобрѣтенныхъ казною желѣзныхъ дорогъ курско-харьково-азовской и либаво-роменской (съ соответственнымъ увеличеніемъ расходной росписи). Это уменьшеніе предполагаемыхъ доходовъ составляетъ прямое слѣдствіе необычайнаго неурожая, которому подверглась въ минувшемъ году треть имперіи, что несомнѣнно должно повлечь не только громадное увеличеніе недоимокъ въ сборахъ, упадающихъ на сельское населеніе, но косвенно—дороговизною жизни, упадкомъ тор-

говли—повліять и на другія отрасли государственныхъ доходовъ. Поэтому съ полнымъ основаніемъ предвидится уменьшеніе поступленія по выкупнымъ платежамъ (противъ росписи 1891 г. почти на 25 м. р.), по питейному доходу (на 17 м. р.) и нѣкоторымъ другимъ. Вопросъ лишь въ томъ, насколько безспорнымъ можетъ считаться даваемое въ докладѣ сопоставленіе предположеній не съ дѣйствительными доходами прежнихъ лѣтъ, а лишь съ предположеніемъ—съ росписью. По росписи на 1888 годъ въ обыкновенныхъ доходахъ, сравнительно съ расходами, былъ исчисленъ недоборъ въ 4 м. р., а при исполненіи оказался избытокъ въ 58 мил. р.; за 1889 годъ избытокъ въ росписи въ $4\frac{1}{2}$ м. р. возросъ въ дѣйствительности до 69 мил. р., а за 1890 годъ полуторамилліонный—до 66 мил. рублей. По росписи на 1891 годъ обыкновенные доходы внесены съ превышеніемъ надъ расходами въ 2 мил. рублей. Точныхъ свѣдѣній о результатахъ исполненія этой росписи быть еще не можетъ, о доходахъ за послѣдніе мѣсяцы нѣтъ еще свѣдѣній, расходные кредиты закроются лишь по истеченіи льготнаго срока, но на основаніи компетентныхъ расчетовъ, какъ это недавно заявлялось въ печати, рассчитываютъ на избытокъ доходовъ въ суммѣ отъ 15 до 20 м. рублей,—такъ неточны, въ невыгодную для росписей сторону, были предварительныя исчисленія за четыре предшествовавшіе года. Если предположить подобную же неточность, и въ ту же сторону, въ исчисленіяхъ росписи 1892 года, и принять во вниманіе невошедшее въ роспись причисленіе къ доходамъ остатка отъ окончательно заключаемыхъ въ 1892 г. кредитовъ прежняго времени и не исполнѣ израсходованныхъ кредитовъ этого года, то въ результатѣ еслибы не оказалось избытка доходовъ, то не было бы и недобора. Мы лично и склоняемся къ мнѣнію, что такъ и случится, что цифра доходовъ превыситъ въ дѣйствительности исчисленія росписи, а это при расходѣ, не превышающемъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, кредитовъ росписи, уменьшитъ размѣръ дефицита или даже совсѣмъ отстранитъ его. Но привести какіе-нибудь основательные доводы въ пользу этого мнѣнія невозможно, какъ нельзя ручаться и за то, что размѣръ дѣйствительнаго дефицита не превзойдетъ исчисленнаго по росписи. Положеніе нашихъ государственныхъ росписей является неупроченнымъ и подвержено совершенно неожиданнымъ случайностямъ, точно фарватеръ нашихъ неправильно питаемыхъ рѣкъ, въ которыхъ вчерашняя глубина какого-нибудь мѣста сегодня можетъ смѣниться отмелью. Въ этомъ всего лучше убѣждаютъ ошибочныя исчисленія нашихъ росписей, несмотря на то, что онѣ самымъ тщательнымъ образомъ обсуждаются весьма свѣдущими въ этомъ дѣлѣ учрежденіями: министерствомъ финансовъ, государственнымъ контролемъ и департаментомъ государственной экономіи государственнаго совѣта.

Выше мы привели примѣры погрѣшностей въ исчисленіяхъ росписей, относящихся къ наиболѣе благопріятному для нашихъ финансовъ періоду; можно привести примѣры такихъ же погрѣшностей и изъ періода сплошныхъ дефицитовъ: по росписи 1883 г. былъ исчисленъ избытокъ обыкновенныхъ доходовъ въ 5 мил. р.; по исполненію оказался дефицитъ въ 24 м. р.; въ 1885 г. исчисленный по росписи недоборъ въ 8 м. р.—при исполненіи дошелъ до 44 м. р.; недоборъ росписи 1886 года въ 25 м. р. въ дѣйствительности слишкомъ удвоился; наконецъ, недоборъ въ 36 м. р. по росписи 1887 года,—которымъ закончился періодъ непрерывныхъ съ 1880 года дефицитовъ,—по исполненію не превзошелъ 6 м. рублей ¹⁾. Впрочемъ, 1887 г., какъ это будетъ далѣе сказано, не можетъ быть приведенъ въ примѣръ ошибочныхъ исчисленій росписи.

Точнѣе, хотя бы приблизительно, исчисленіе росписи особенно трудно въ такой годъ, какъ 1892-й, начавшійся подъ полнымъ вліяніемъ экономическихъ невзгодъ предшествовавшаго года, съ далеко еще не успокоительными надеждами на результаты предстоящаго урожая. Правда, прямой зависимости исполненія государственной росписи отъ экономическихъ условій страны нѣтъ: роспись 1886 года, весьма благопріятнаго по небывалому до того времени урожаю, лишь нѣсколько въ разныхъ мѣстностяхъ пострадавшему отъ непогоды во время уборки, исполнена съ однимъ изъ крупнѣйшихъ дефицитовъ; во второмъ также очень урожайномъ году, 1887-мъ, снова послѣдовалъ дефицитъ. Если дефицитъ этотъ оказался въ незначительномъ размѣрѣ, около 6 м. р., то только потому, что со второй половины этого года послѣдовало возвышеніе размѣра по цѣлому ряду государственныхъ сборовъ, въ дополненіе къ увеличенію ихъ въ 1885 и 1886 годахъ, особенно значительному въ питейномъ налогѣ.

Преобладающею мѣрою, направленною къ восстановленію равновѣсія въ нашихъ бюджетахъ, до 1888 года не достигавшею, однако, желаемого результата, издавна являлось увеличеніе размѣра существовавшихъ налоговъ и введеніе новыхъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ за послѣднее десятилѣтіе. Первое мѣсто въ этомъ увеличеніи, по непрерывности изданныхъ на этотъ счетъ постановленій,

¹⁾ При указаніи результатовъ исполненія росписей нами не принимаются въ расчетъ остатки отъ заключенныхъ смѣтъ прежняго времени, по принятому для отчетовъ порядку, причисленные къ доходамъ того года, когда тѣ или другія росписи заключены. Такихъ остатковъ причислено въ круглыхъ цифрахъ: по доходамъ 1883 г. около 11½ м. р.; 1884 г.—4½ м. р.; 1885 г.—3 м. р.; 1886 г.—2 м. р.; 1887 г.—2½ м. р.; 1888 г.—2 м. р.; 1889 г.—17 м. р.; 1890 г.—7 м. р. Мы не приняли ихъ въ расчетъ потому, что они ни въ какой суммѣ не вносятся въ роспись, а здѣсь и идетъ рѣчь о сравненіи цифры росписи съ ея исполненіемъ.

занимаетъ таможенный доходъ. Вотъ что говорилось объ этомъ доходѣ въ отчетѣ государственнаго контроля за 1885 годъ, въ которомъ съ 1880 по 1885 годъ включительно насчитывалось 12 такихъ постановлений — общихъ и частныхъ: „съ 1879 года состоялся рядъ постановлений, которыми увеличивался размѣръ таможенныхъ пошлинъ и облагались пошлиною товары, до того ввозившіеся беспошлинно, и хотя большая часть сихъ постановлений издавалась не въ видахъ фискальныхъ, а въ видахъ покровительства отечественной промышленности, но отъ примѣненія ихъ ожидалось и приращеніе таможеннаго дохода“... „Изъ свѣдѣній и соображеній, — говорится далѣе въ отчетѣ, — имѣвшихся въ виду при обсужденіи этихъ постановлений, оказывается, что по сдѣланнымъ расчетамъ, вслѣдствіе измѣненія въ таможенномъ тарифѣ, при нормальномъ теченіи торговли, могло послѣдовать увеличеніе таможеннаго дохода на сумму свыше 30 м. р.; вмѣсто того доходъ 1885 года, противъ 1879 г., увеличился всего на 2 мил. рублей ¹⁾. Въ 1886 году постановленій, увеличивавшихъ пошлину на разные предметы, было издано восемь, и т. д., и т. д. въ слѣдующіе годы, въ томъ числѣ значительное увеличеніе пошлины на чай. Затѣмъ въ 1890 году послѣдовало общее возвышеніе пошлинъ на 20%, и наконецъ въ прошломъ году изданъ новый общій, увеличивающій пошлины, таможенный тарифъ. Вывести общую цифру увеличенія тарифа въ теченіе десятилѣтія весьма трудно, но во всякомъ случаѣ, судя по приведеннымъ даннымъ, она никакъ не менѣе 60 процентовъ.

Любопытенъ вопросъ: чтó приобрѣла казна отъ такого увеличенія? Отвѣтъ мы находимъ въ отчетахъ государственнаго контроля: таможеннаго дохода — сверхъ незначительныхъ, приблизительно равныхъ за всѣ годы поступленій въ кредитныхъ рубляхъ — получено золотомъ валютой въ 1879 году немного болѣе 61 м. р.; въ 1880 году 65 м. р., въ 1889 году 80 м. р. и въ 1890 году 82½ мил. золотыхъ рублей; слѣдовательно, увеличеніе въ 1890 году противъ 1880 г. составляетъ 17½ м. р., т.-е. около 25 процентовъ.

Важнѣйшимъ, однако, козломъ отпущенія нашихъ бюджетныхъ грѣховъ издавна уже являлся питейный налогъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ этомъ налогѣ послѣдовали слѣдующія измѣненія: съ 1882 года увеличенъ акцизъ съ ведра безводнаго спирта съ 7 р. до 8 р., съ распространеніемъ этого акциза на такія части имперіи, въ которыхъ до того существовало болѣе льготное обложеніе; въ 1885 г. акцизъ увеличенъ до 9 р., а въ 1888 году — до 9 р. 25 к. съ ведра

¹⁾ См., Объяснительную записку къ отчету госуд. контроля объ исполненіи росписи за 1885 годъ, стр. 18 и 19.

безводнаго спирта. Сверхъ того увеличенъ питейный сборъ; установленъ акцизъ съ дрожжей и уменьшенъ размѣръ безакцизнаго перекура. Въ общемъ итогъ указанныхъ возвышеній составляетъ приблизительно не менѣе 33⁰/₀; въ соотвѣтствіе и питейный доходъ, составлявшій въ 1880 году около 124 м. р., доставилъ въ 1890 году 268 м. р., т.-е. увеличился на 35 процентовъ.

Изъ другихъ увеличенныхъ или вновь введенныхъ по 1887 годъ налоговъ упомянемъ: о сборѣ съ имуществъ, переходящихъ безмезднымъ способомъ, установленномъ съ 1883 года и составившемъ въ 1890 г. слишкомъ 4 м. р.; о 5⁰/₀ сборѣ съ 1885 года—съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, доставившемъ въ 1890 году 11¹/₂ м. р.; объ установленіи съ того же года—процентнаго и раскладочнаго съ значительныхъ торговъ и промышленныхъ предпріятій; объ увеличеніи, согласно уставу 1882 года, акциза съ табака; объ увеличеніи съ 1885 года, согласно плану, сахарнаго акциза, и нѣк. др.

Указанное увеличеніе и введеніе новыхъ налоговъ, съ цѣлью устранить бюджетные дефициты, до 1887 года не приводило къ цѣли; дефицитъ 1885 года простирался до 44 м. р.; дефицитъ 1886 года—до 51¹/₂ м. р. Дефицитъ по росписи на 1887 годъ былъ исчисленъ въ 36¹/₂ м. р.

При такомъ положеніи, въ концѣ первой половины 1887 года одновременно послѣдовало увеличеніе цѣлаго ряда налоговъ, а именно торговыхъ сборовъ, акциза съ табака, гербоваго сбора и цѣны актовой бумаги, нѣкоторыхъ пошлинъ и введеніе акциза съ нефтяныхъ маселъ и съ зажигательныхъ спичекъ. Къ этому нужно еще присоединить возвышеніе съ 1888 года питейнаго акциза на 25 коп. съ ведра безводнаго спирта. Въ сложности это увеличеніе налоговъ и введеніе указанныхъ новыхъ, по расчету министерства финансовъ, должно было доставить казнѣ до 52 мил. лишнихъ. На этотъ разъ цѣль оказалась достигнутой. Взиманіе большей части увеличенныхъ налоговъ со второй половины 1887 года уменьшило ожидавшійся на этотъ годъ 36-милліонный дефицитъ до 6 м. р., а взиманіе ихъ, вмѣстѣ съ новыми, за полный годъ въ 1888 г. довело въ этомъ году цифру обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ до 898¹/₂ м. р., а общій результатъ исполненія росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, взаимѣтъ прежнихъ огромныхъ дефицитовъ,—къ избытку доходовъ въ суммѣ 58 мил. рублей. Такое превращеніе, какъ всѣмъ еще памятно, вѣроятно, было приравнено едва не къ чуду и славословилося и устно, и печатно. Очень немного голосовъ составляли исключеніе изъ этого хора, указывая на недостаточную прочность финансовыхъ успѣховъ, не коренящихся въ почвѣ экономическаго благосостоянія населенія. А что между этими успѣхами и народнымъ

благосостояніемъ не было очень тѣсной связи — являлось очевиднымъ. Какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ блестящаго исполненія государственной росписи 1888 года (а потомъ и послѣдующихъ годовъ) указывался небывалый трехлѣтній кряду урожай 1886—1888 годовъ, особенно послѣдняго, сопровождавшагося при томъ недородомъ хлѣба въ западной Европѣ и въ Америкѣ. Дѣйствительно, благодаря урожаю, у насъ всѣ, или почти всѣ, были сыты, на хлѣбъ нашъ явился большой спросъ за границу, курсъ нашего рубля поднялся, доходы желѣзныхъ дорогъ усилились. Но странно, въ общемъ ликованіи не принимали участія именно тѣ, которыми, повидимому, слѣдовало особенно радоваться урожаямъ: землевладѣльцы и земледѣльческій классъ. Они, напротивъ, жаловались на урожай и говорили о разореніи вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, стоявшихъ на хлѣба, и не безъ основанія: несмотря на весьма усиленный спросъ въ 1888 году на нашъ хлѣбъ за границу, цѣна всѣхъ сортовъ хлѣба, даже заграничная, въ этомъ году понизилась; а на внутреннихъ рынкахъ хлѣбъ часто не находилъ сбыта даже по баснословно дешевой цѣнѣ, 30—25 коп. за пудъ ржи и т. п., т.-е. по цѣнѣ, возвращающей насъ къ патріархальной эпохѣ, до крымской войны.

Но главное въ предположенной цѣли было все-таки сдѣлано: государство и не могло, и не должно было оставаться при хроническихъ дефицитахъ, и оно какъ будто блистательно отъ нихъ отдѣлалось, хотя съ значительными пожертвованіями населенія. Другой вопросъ, слѣдовало ли ограничиться этимъ исключительно финансовымъ успѣхомъ, не приложивъ той же энергіи къ развитію экономической народной производительности; слѣдовало ли въ этомъ не идти далѣе такъ-называемаго покровительства отечественной торговлѣ и промышленности запретительною таможенною системою?

Урожай 1889 года былъ далеко уже хуже предъидущихъ лѣтъ; во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ губерніяхъ такъ-называемыхъ черноземныхъ, былъ положительный недородъ; поступленіе сборовъ, упадающихъ на сельское населеніе, податей, выкупныхъ платежей, оказалось слабѣе 1888 года, — тѣмъ не менѣе общее положеніе государственныхъ финансовъ не ухудшилось, питейный доходъ достигъ апогея (275 м. р.) и по исполненію обыкновенной росписи въ доходахъ оказалось превышеніе надъ расходами въ размѣрѣ 69 м. р.¹⁾

Не лучше, по меньшей мѣрѣ, былъ 1890 годъ: недоимки въ окладныхъ сборахъ возросли; по нѣкоторымъ мѣстностямъ, напр. по губерніямъ самарской, казанской и нѣкоторыхъ др., онѣ, какъ это

¹⁾ Мы и здѣсь не принимаемъ въ расчетъ остатковъ отъ заключенныхъ сѣвъ; съ ними превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами составляетъ: въ 1888 году 60½ м. р.; въ 1889 году 86½ м. р.; въ 1890 году 79 м. р.

видно изъ отчета государственнаго контроля, возросли до тревожнаго размѣра. При существующемъ порядкѣ взиманія окладовъ было ясно, что эти мѣстности дошли до крайне бѣдственнаго экономическаго положенія. Питейный доходъ, этотъ барометръ платежныхъ средствъ населенія, понизился, но результатъ исполненія государственной росписи 1890 года оказался не хуже предшествующаго года, доставивъ, по обыкновенной росписи, превышеніе въ доходахъ на сумму 66 мил. рублей.

Роспись злополучнаго 1891 года по обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ сведена, какъ сказано въ началѣ статьи, съ превышеніемъ доходовъ на 2 м. р. Свѣденія объ ея исполненіи имѣются пока за 9 мѣсяцевъ. Изъ предполагавшихся за цѣлый годъ обыкновенныхъ доходовъ 900.757.570 рублей—по 1 октября поступило 609 м. р., менѣе сравнительно съ поступленіемъ за тѣ же 9 мѣсяцевъ предшествовавшаго года всего лишь на 14 м. рублей. По разъясненіямъ министерства финансовъ уменьшеніе должно быть принято лишь въ цифрѣ 9 м. р., но если оставить цѣликомъ эти 14 м. р. и присоединить къ нимъ столько же на уменьшеніе въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ, то вѣроятный итогъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ 1891 года ($943\frac{1}{2}$ м. р. доходовъ 1890 года безъ 28 м. р.) составитъ 915 м. р., т.-е. превыситъ исчисленные по росписи обыкновенные расходы (899 м. р.) на 17 м. р. Въ расходахъ же, при отсутствіи сверхсметныхъ кредитовъ, не только не можетъ быть излишка противъ отпущенной по росписи суммы, но долженъ оказаться еще обычный остатокъ неизрасходованныхъ кредитовъ въ нѣсколько милліоновъ рублей, которые вмѣстѣ съ 17 м. р. составятъ излишекъ доходовъ не менѣе какъ въ 20 мил. рублей. Съ этимъ излишкомъ мы подходимъ къ росписи 1892 года. Этотъ излишекъ, какъ и излишекъ предшествующихъ лѣтъ, составляетъ результатъ усиленнаго размѣра налоговъ; при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ онъ доходилъ до 65—70 м. р., при неблагопріятныхъ 1891 года онъ можетъ значительно спуститься, но есть ли основаніе ожидать, что бѣдственное положеніе части страны въ текущемъ году понизитъ итогъ *обыкновеннаго* бюджета (о чрезвычайномъ иная рѣчь) на 45 м. р., т.-е. вмѣсто 20 м. р. излишка доведетъ этотъ бюджетъ до 25-милліоннаго дефицита? Разумѣется, отвѣтъ на это въ значительной степени зависитъ отъ урожая этого года какъ вообще въ имперіи, такъ и особенно въ пострадавшихъ въ прошломъ году мѣстностяхъ. Относительно этого ничего нельзя пока предвидѣть, но до нѣкоторой степени въ росписи 1892 года все-таки можно разобратъся, сравнивъ цифры ея съ поступленіями послѣдняго отчетнаго года, т.-е. 1890-го.

При этомъ сравненіи пониженіе доходовъ росписи оказывается преимущественно по тремъ статьямъ: по выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ казенныхъ крестьянъ, по питейному и таможенному доходу. По остальнымъ статьямъ есть и пониженіе, и повышеніе, при чемъ послѣднее преобладаетъ.

Выкупныхъ платежей исчислено по росписи 74 м. р., менѣе противъ поступленія 1890 года (88 м. р.) на 14 м. р. Въ докладѣ министра финансовъ, какъ на причины, которыя должны повліять на уменьшеніе поступленія выкупныхъ платежей (на 24 м. р. противъ росписи 1891 г.) и нѣкоторыхъ другихъ доходовъ, указывается не только неурожай въ 17 пострадавшихъ губерніяхъ ¹⁾, но и вообще дороговизна хлѣба, недостатокъ промысловъ и стороннихъ заработковъ. Не оспаривая выведенной въ росписи цифры, нельзя не указать и на обратную сторону. Неурожай въ 17 губерніяхъ повелъ къ необычайному возвышенію цѣнъ на хлѣбъ, которымъ воспользуется земледѣльческій классъ урожайныхъ мѣстностей. А такъ какъ на приобрѣтеніе хлѣба для голодающихъ пошло уже около 73 м. р., отпущенныхъ казною въ прошломъ году, да приблизительно столько же предполагается отпустить въ нынѣшнемъ, то въ народномъ обращеніи оказывается значительная сумма даровыхъ денегъ, часть которыхъ несомнѣнно вернется въ казну въ видѣ болѣе успѣшнаго поступленія повинностей, разумѣется, не въ пострадавшихъ, а въ другихъ частяхъ имперіи. Эта сумма увеличена отпускомъ казны денегъ на общественныя работы и частными пожертвованіями. Что касается до мѣстностей пострадавшихъ, то въ нихъ уже и въ 1890 году оказывалось значительное увеличеніе окладныхъ недоимокъ. Въ 9 губерніяхъ изъ упомянутыхъ 17 недоимки эти, какъ видно изъ отчета государственнаго контроля, возросли за одинъ только 1890 годъ на 10 мил. рублей.

Сдѣланное нами выше замѣчаніе относится цѣликомъ къ питейному доходу. По росписи на 1892 годъ его исчислено 242½ м. р., менѣе сравнительно съ поступленіемъ 1890 года на 26 мил. руб. Разсчетъ на столь значительное пониженіе кажется намъ чрезвычайнымъ. Пониженіе могло бы быть и большее при какомъ-нибудь воздѣйствіи на сокращеніе потребленія водки сельскимъ населеніемъ, но, какъ извѣстно, всѣ попытки подобнаго воздѣйствія отстраняются органами министерства финансовъ, находящихъ, что это можетъ повести лишь къ усиленію тайной торговли напитками. Безъ такого

¹⁾ Какъ извѣстно, эти губерніи слѣдующія: воронежская, вятская, казанская, курская, нижегородская, оренбургская, орловская, пензенская, пермская, рязанская, самарская, саратовская, симбирская, тамбовская, тобольская, тульская и уфимская.

воздѣйствія—съ нашей точки зрѣнія весьма желательнаго—вѣроятное уменьшеніе питейнаго дохода въ 1892 году противъ поступления 1890 года едва ли превыситъ 10 милл. рублей.

Самое крупное уменьшеніе предвидится по таможенному доходу. Его исчислено по росписи 1892 года 111 милл. руб., менѣ поступленія 1890 года (142 м. р.) на 31 милл. руб. Часть этого уменьшенія составляетъ лишь результатъ способа исчисленія. Таможенный доходъ почти цѣликомъ поступаетъ въ золотой валютѣ, которая потомъ, въ росписи и въ отчетѣ, перечисляется въ кредитные рубли по опредѣленному особо для каждаго года курсу. Для 1890 года былъ установленъ курсъ въ 1 р. 70 коп. кред. за золотой рубль, для 1892 года (какъ и для 1891 г.) онъ опредѣленъ въ 1 р. 60 коп. Эта разница, при суммѣ пошлинъ приблизительно въ 80 милл. руб. зол., естественно ведетъ къ уменьшенію таможенного дохода въ 8 милл. руб. Но затѣмъ остается еще предполагаемое уменьшеніе на 23 милл. руб., ожидать которое едва ли есть какое-либо основаніе. Никакихъ основаній этого не приводится и въ докладѣ министра финансовъ, который свидѣтельствуетъ, что за 10 мѣсяцевъ 1891 года таможенный доходъ сравнительно съ такимъ же срокомъ предшествующаго года не понизился. Вслѣдствіе возвышенія пошлинъ по новому тарифу можно скорѣе ожидать увеличенія дохода. Опасаться вліянія на количество ввоза запрета вывоза нашихъ хлѣбовъ—нечего. Разумѣется, что при нормальномъ ходѣ внѣшней торговли ввозъ и вывозъ идутъ параллельно и сокращеніе одного неминуемо отзывается на другомъ. Но эта нормальность давно утрачена для европейской торговли вообще и для нашей въ особенности. При существующемъ у насъ высокомъ таможенномъ тарифѣ къ намъ могутъ ввозиться только совершенно необходимые для насъ иностранные товары и количество ихъ зависитъ не отъ размѣра нашего вывоза, а исключительно отъ большихъ или меньшихъ запасовъ ихъ у насъ. Если въ 1892 году можно ожидать сокращенія ввоза, то лишь случайнаго и незначительнаго.

Такимъ образомъ, если только оправдаются наши соображенія относительно доходовъ питейнаго и таможенного, то въ обыкновенныхъ государственныхъ доходахъ 1892 г. окажется противъ росписи излишекъ до 35 милл. рублей, который не только устранилъ предполагаемый недоборъ, но и представитъ еще по обыкновенному бюджету избытокъ доходовъ.

Объ обыкновенныхъ расходахъ мы распространяться не будемъ. Последніе годы приучили уже встрѣчать крайнюю бережливость въ ихъ исчисленіи по росписи и къ полному отсутствію затѣмъ сверхсмытныхъ ассигнованій внѣ предѣловъ назначаемой на это суммы

по росписи. По росписи на 1892 годъ назначено обыкновенныхъ расходовъ 911 $\frac{1}{2}$ м. р., болѣе противъ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ 1890 года (878 м. р.) на 33 $\frac{1}{2}$ м. р. Изъ нихъ 15 $\frac{1}{2}$ м. р. относятся на уплату гарантіи и эксплуатаціонные расходы вновь присоединенныхъ къ казенной сѣти желѣзныхъ дорогъ курско-харьково-азовской и либаво-роменской и покрываются съ избыткомъ доходомъ этихъ дорогъ. Затѣмъ излишнее назначеніе въ 12 м. р. вызвано предусматриваемымъ возвышеніемъ цѣнъ на провіантъ и фуражъ. Увеличеніе сравнительно съ расходами 1890 года оказывается по морскому министерству на 7 м. р., по министерству внутреннихъ дѣлъ на 4 $\frac{1}{2}$ м. р., по министерству путей сообщенія на 7 м. р. (вслѣдствіе указаннаго приобрѣтенія казною новыхъ дорогъ), по министерству юстиціи около 1.800.000 р. и государственному контролю на 400.000 р. Весьма значительно, почти на 15 м. р., сокращенъ кредитъ на платежи по государственному долгу. На этотъ предметъ назначено около 248 м. р., а въ 1890 году было израсходовано 262 $\frac{1}{2}$ м. р. Это сокращеніе расходовъ составляетъ результатъ досрочной уплаты и конверсіи нѣкоторыхъ займовъ. Напомнимъ, что еще недавно, въ 1887 году, уплата по государственнымъ долгамъ, достигшая въ этотъ году наивысшей цифры, потребовала 281 м. р. Такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ рядомъ принятыхъ финансовыхъ мѣръ достигнуто сбереженіе въ 33 м. р. самаго непроеводительнаго изъ государственныхъ расходовъ.

Прибавимъ, что, по всей вѣроятности, не вся внесенная въ расходную роспись сумма будетъ истрачена. По примѣру прежнихъ лѣтъ въ ней можно ожидать нѣкоторыхъ остатковъ. Ихъ по исполненію росписи 1888 года оказалось слишкомъ 13 м. р., по росписи 1879 года 3 м. р. и по росписи 1890 года 12 м. руб. Эти остатки или уменьшать дефицитъ, если таковой окажется, или—что по нашему мнѣнію вѣроятнѣе—увеличать избытокъ доходовъ.

Переходимъ къ *чрезвычайному* бюджету. Чрезвычайныя поступленія, имѣющія характеръ доходовъ, вообще очень невелики, а по росписи исчисляются обыкновенно въ меньшей суммѣ, нежели поступаютъ въ дѣйствительности. Расходы же назначаются въ довольно крупной суммѣ. Вообще по этому бюджету въ результатѣ оказывается болѣе или менѣе значительный недоборъ доходовъ. Въ три послѣдніе отчетные года 1888—1890 гг. онъ пополнялся съ избыткомъ излишками обыкновеннаго бюджета. Ни за 1891, ни за 1892 года ожидать такого же благопріятнаго результата нельзя, даже независимо отъ огромнаго расхода на помощь нуждающемуся населенію

въ 72.690.500 р., истраченныхъ въ 1891 году, и такой же приблизительно суммы, подлежащей расходу на этотъ предметъ въ 1892 г.

По росписи чрезвычайныхъ доходовъ предвидится всего $4\frac{1}{2}$ м. р., около $3\frac{1}{2}$ м. р. военного вознагражденія и миллионъ съ небольшимъ вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время и специальныхъ капиталовъ, обращенныхъ въ общія средства государственнаго казначейства. Расходовъ же исчислено: $33\frac{1}{2}$ м. р. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ и 20.140.000 руб. на перевооруженіе, всего—болѣе $53\frac{1}{2}$ милл. рублей. Очень вѣроятно, что чрезвычайныя поступления не ограничатся $4\frac{1}{2}$ м. р.; вѣроятно, что они, по приѣру прежнихъ лѣтъ, пополнятся взносомъ какого-нибудь долга, напр. отъ желѣзной дороги—благо эти дороги всегда въ долгу у казны,—но такое неожиданное поступленіе рѣдко превышаетъ 5—10 миллионновъ. Расходныя же суммы будутъ выведены въ полной цифрѣ, хотя бы даже и не были въ дѣйствительности издержаны: остатки кредитовъ на перевооруженіе будутъ присоединены къ запаснымъ суммамъ военнаго министерства, а неизрасходованные кредиты на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ, по правиламъ для строительныхъ расходовъ, закроются только на четвертый годъ и тогда присоединятся къ доходамъ 1896 года; по отчету же 1892 года эти расходы будутъ считаться произведенными въ полной цифрѣ. На основаніи этого можно предвидѣть, что недоборъ по чрезвычайному бюджету за 1892 годъ составитъ около 40 м. р., съ присоединеніемъ къ нимъ 70 м. р. на помощь бѣдствующему населенію онъ дойдетъ до 110 м. р., а по всей росписи,—предполагая по обыкновенному бюджету нѣкоторый остатокъ доходовъ,—составитъ около 100 м. р.—почти столько же, сколько слѣдуетъ ожидать и по исполненію росписи 1891 года. Такимъ образомъ двухлѣтній недоборъ почти достигнетъ той свободной наличности государственнаго казначейства (219 м. р.), которая, какъ это видно изъ отчета государственнаго контроля за 1890 годъ, образовалась къ 1891 году изъ избытковъ въ доходахъ трехъ предшествовавшихъ лѣтъ. Накопленная значительная сумма окажется истраченною, но нельзя не радоваться, что надвинувшееся бѣдствіе не застало насъ врасплохъ, и что ему можно было помочь изъ образовавшагося въ удачныя годы запаса, не прибѣгая къ громаднымъ займамъ, которые, при данныхъ обстоятельствахъ, могли быть сдѣланы только на весьма невыгодныхъ условіяхъ.

Не иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ мы должны отнестись особенно къ тому мѣсту всеподданнѣйшаго доклада, гдѣ министръ, указывая на предстоящій дефицитъ, отклоняетъ возможность присканія новыхъ источниковъ для его покрытія. „Эти новые источники, по

словамъ тайнаго совѣтника Вышнеградскаго, въ какомъ бы видѣ они ни представлялись, по существу всегда приводятъ или къ установленію новыхъ, или къ усиленію существующихъ налоговъ; прибѣгать же къ этимъ средствамъ при экономическомъ потрясеніи, причиненномъ недородомъ хлѣбовъ нынѣшняго (прошлаго) года, представлялось крайне опаснымъ. Къ тому же, — прибавляетъ министр финансовъ, — несомнѣнно неблагопріятныя, но во всякомъ случаѣ временныя послѣдствія неурожая 1891 года едва ли и приводили къ безусловной необходимости установленія новыхъ налоговъ“.

Слѣдуетъ, однако, вспомнить, что ровно шесть лѣтъ тому назадъ предмѣстникомъ нынѣшняго министра финансовъ, въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1887 годъ, высказывалась, въ виду предстоявшаго дефицита, та же самая мысль: „Признавая, — говорилось въ этомъ докладѣ, — что, несмотря на старанія департамента экономіи сократить расходы, дефицитъ не устраненъ изъ росписи, вслѣдствіе продолжающагося хозяйственнаго кризиса и неизбѣжнаго при этомъ уменьшенія доходовъ какъ частныхъ, такъ и государственныхъ, министр финансовъ долгомъ считаетъ заявить, что въ настоящее время уравновѣшеніе доходовъ съ расходами посредствомъ возвышенія прежнихъ или установленія новыхъ налоговъ было бы несвоевременнымъ“.

Это совпаденіе мнѣній двухъ администраторовъ всего лучше доказываетъ справедливость высказаннаго. То, что было справедливо въ концѣ 1886 года, стало, какъ это можно видѣть хотя бы изъ нашего очерка, еще справедливѣе въ концѣ 1891 года.

Въ заключеніе доклада министр финансовъ представляетъ обзоръ важнѣйшихъ мѣропріятій по министерству финансовъ въ 1891 году. Одно изъ нихъ имѣетъ исключительно формальный характеръ; это измѣненіе въ планѣ росписи государственныхъ доходовъ въ большее соотвѣтствіе дѣленій смѣтъ съ дѣленіями росписи. Роспись на 1892 г. составлена по новой классификаціи. Измѣненіе классификаціи расходовъ разрабатывается совмѣстно министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ.

Крупное экономическое значеніе имѣетъ операція конверсіи шести процентныхъ ссудъ и шести процентныхъ закладныхъ листовъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ въ пяти процентныя, на сумму 75.094.300 рублей. Операція эта произведена при помощи особаго синдиката, обезпечившаго, за предоставленныя ему нѣкоторыя выгоды, конверсію займовъ на означенную сумму, что уменьшило ежегодные проценты на заложенные на эту сумму имѣнія на 601.670 рублей въ годъ.

Съ цѣлью усиленія государственныхъ доходовъ, „безъ обремененія населенія“, выработанъ проектъ увеличенія пробирной по-

шлины съ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, который доставить государственному казначейству лишняго дохода на 300—400 т. рублей.

Общее значеніе имѣеть Высочайше утвержденный 11-го іюня и вступившій въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1891 г. новый таможенный тарифъ. По краткости истекшаго времени и при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ докладъ считаетъ невозможнымъ представить какія-либо фактическія данныя о результатахъ дѣйствія новаго тарифа, но ожидаетъ, что по минованіи сихъ обстоятельствъ новый тарифъ *окажетъ существенную помощь дѣлу развитія и укрѣпленія на прочныхъ началахъ русской промышленности.*

Подчеркнутыя нами слова достаточно ясно указываютъ направленіе и цѣли новаго тарифа, въ которыхъ, впрочемъ, многіе сомнѣвались еще при первыхъ извѣстіяхъ о предстоящемъ пересмотрѣ тарифа. Но любопытно сопоставить это мѣропріятіе съ слѣдующимъ въ докладѣ, которое мы приводимъ почти буквально, подчеркивая нѣкоторыя выраженія.

„При значительномъ развитіи нѣкоторыхъ отраслей отечественной промышленности, въ особенности производства бумагопрядильнаго и бумаготкацкаго, представлялось особенно благоприятнымъ, *въ виду сокращенія сбыта на внутреннихъ рынкахъ, озаботиться принятіемъ мѣръ, могущихъ содѣйствовать вывозу отечественныхъ произведеній за границу.* Съ этою цѣлью выработаны предположенія о поощреніи вывоза хлопчатобумажныхъ издѣлій *возвратомъ пошлинъ, уплаченныхъ за употребленные при выдѣлкѣ сихъ издѣлій хлопчатъ и красильные материалы*“.

Это мѣропріятіе, хотя и рассмотрѣнное въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, не получило еще, какъ слѣдуетъ полагать, силы закона,—тѣмъ своевременнѣе подробный разборъ его.

Цѣль мѣры—усилить вывозъ русскихъ издѣлій за границу; за какую границу—также ясно: не въ Германію же, не въ Австрію, а въ Персію, Бухару, Азіатскую Турцію и т. п. Благодаря близости, съ одной стороны, и удешевленію произведеній сложениемъ пошлинъ, съ другой, ожидается, что наши бумажные товары, ситцы и пр. будутъ имѣть возможность конкурировать съ товарами англійскими и нѣмецкими. Но, во-первыхъ, эти расчеты сдѣланы „безъ хозяевъ“, т.-е. безъ нашихъ купцовъ, торговые приемы которыхъ таковы, что разъ купившій русскій товаръ вторично къ нему не возвратится и предпочтетъ заплатить дороже за товаръ нѣмецкій и особенно англійскій. Но положимъ, что это удастся: товары наши успѣшно будутъ конкурировать съ англійскими. Персіане будутъ и ихъ покупать по дешевой цѣнѣ, и англійскіе, вслѣдствіе конкуренціи, дешевле. Нашимъ

мануфактуристамъ возмѣстится, такимъ образомъ, *сокращеніе сбыта на внутреннѣхъ рынкахъ*, съ убыткомъ, разумѣется, для казны, которая потеряетъ пошлины за матеріалъ вывезенныхъ товаровъ, и съ выгодой для персіянъ. Но ужъ если заботиться о пользѣ промышленности, то не лучше ли взамѣнъ параллельно идущей выгодѣ персіянъ озаботиться выгодой соотечественниковъ—и уничтоженіемъ пошлинъ на матеріалы или ихъ пониженіемъ удешевить товары и тѣмъ усилить внутренній сбытъ.

Приведенное мѣсто доклада съ его основаніями служить прекраснымъ доводомъ несостоятельности ультра-охранительной таможенной системы, обуявшей Европу вообще и насъ въ особенности. Европа начинаетъ сознавать ея несостоятельность и переходить къ другимъ принципамъ.

Пора бы и намъ сознательнѣе и всестороннѣе отнестись къ вопросу коллизіи съ одной стороны мнимыхъ польвъ промышленности, съ другой—весьма реальныхъ польвъ потребителей, въ числѣ которыхъ на ряду съ другими находятся и сами промышленники.

Въ 1891 г. министерствомъ финансовъ было принято дѣятельное участіе въ вопросѣ расширенія желѣзнодорожной сѣти въ восточной части Россіи безъ риска и затратъ казны. Способомъ для этого служила передача постройки новыхъ дорогъ вполнѣ самостоятельнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Обществу московско-ризанской дороги было предоставлено построить дорогу отъ Рязани до Казани, а обществу курско-кѣвской—связать Курскъ съ Воронежемъ и устроить цѣлую систему подъѣздныхъ путей къ курско-кѣвской дорогѣ. Владикавказскою дорогой начата постройка вѣтвей къ Петровскому порту на Каспійскомъ морѣ и къ группѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Петровская вѣтвь, длиною около 250 верстъ, должна соединить непрерывнымъ паровымъ сообщеніемъ Самаркандъ съ рельсовыми путями Европейской Россіи.

Тарифныя учрежденія министерства финансовъ продолжали по принятому плану пересмотръ и исправленіе тарифовъ на разные грузы, установленные желѣзными дорогами ранѣе изданія закона 8-го марта 1889 г., подчинившаго ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи руководству и контролю правительства. Въ 1891 году пересмотрѣны и исправлены тарифы на перевозку по всей желѣзнодорожной сѣти керосина, нефти, крупнаго рогатаго скота, а также большая часть тарифовъ на каменный уголь и сахаръ. Закачивается пересмотръ тарифовъ на желѣзо, чугуны, руду, соль, ленъ и пеньку.

Въ виду неурожая, постигшаго часть имперіи, министерствомъ финансовъ были приняты мѣры къ облегченію передвиженія грузовъ въ нуждающіяся мѣстности. Уже въ концѣ іюня были утверждены

правила о перевозкѣ по пониженнымъ тарифамъ хлѣба, заготавлиаемаго земствами для этихъ мѣстностей. Затѣмъ установлена цѣлая система низкихъ тарифовъ на перевозку въ пострадавшія мѣстности отрубей, картофеля, сѣна и другихъ кормовъ, на перевозъ скота, отправляемаго для прокормленія въ благополучныя мѣстности, на проѣздъ рабочихъ, отправляющихся на заработки, и пр. По мѣрѣ воспрещенія вывоза хлѣбовъ за границу—первоначально предоставленные только земствамъ пониженные тарифы были распространены на всѣ вообще отправки хлѣба въ нуждающіеся районы. Наконецъ, въ виду скопленія грузовъ на нѣкоторыхъ дорогахъ опредѣленная тарифами низкая провозная плата по кратчайшему направленію была безъ измѣненія перенесена на болѣе длинныя обходныя направленія.

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи 1892 года. Наше финансовое положеніе и въ настоящемъ, и въ ближайшемъ будущемъ, слѣдуетъ признать все-таки нѣсколько лучшимъ, нежели можно было ожидать при постигшихъ страну тяжелыхъ обстоятельствахъ, а потому остается только надѣяться, что, по минованіи этихъ обстоятельствъ, наше вниманіе, обращенное доселѣ преимущественно на финансовую и, такъ сказать, промышленно-торговую сторону государственнаго прусиѣянія, обратится наконецъ прямо на поддержку и развитіе народной производительности съ возможнымъ облегченіемъ ея условій и обстановки.

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1892.

Парламентскіе и политическіе вопросы въ Пруссіи.—Новый законопроектъ о народныхъ школахъ, его достоинства и недостатки.—Польскій вопросъ въ Познани и его особенности.—Французскія дѣла.—Жалобы „Славянскихъ Извѣстій“ на несочувствіе къ нимъ австрійскихъ властей.

Начало парламентской сессіи въ Пруссіи обѣщаетъ серьезную внутреннюю борьбу и, быть можетъ, даже министерскій кризисъ въ ближайшемъ будущемъ; уже теперь говорятъ о разногласіяхъ между членами кабинета, о предстоящемъ выходѣ въ отставку министра финансовъ Микеля и объ окончательномъ переходѣ національно-либеральной партіи въ лагерь оппозиціи. Засѣданія прусскаго сейма открылись 14-го (2-го) января безъ всякой торжественности; тронная рѣчь, прочитанная министромъ-президентомъ, генераломъ Каприви, отличалась сухимъ, дѣловымъ тономъ и не затрогивала, повидимому, никакихъ щекотливыхъ вопросовъ. Только два пункта обратили на себя нѣкоторое вниманіе. Во-первыхъ, государственный бюджетъ оказывается менѣе благоприятнымъ для прусскихъ финансовъ, чѣмъ за истекшій смѣтный періодъ 1890-91 г., и между прочимъ предвидится значительное уменьшеніе дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; поэтому правительство вынуждено соблюдать большую бережливость въ расходахъ и отказаться, напримѣръ, отъ предполагаемаго повышенія окладовъ жалованья чиновниковъ соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ жизни въ городахъ. Во-вторыхъ, выработанный новый законопроектъ о народныхъ школахъ, взамѣнъ неудавшагося прошлогодняго проекта Госслера, причемъ имѣется въ виду „привести въ исполненіе предписанія конституціи“ по этому предмету. При усилившемся значеніи католической партіи центра и при извѣстной рѣшимости правительства опираться на консервативно-религіозные элементы общества можно было ожидать болѣе существенныхъ уступокъ клерикаламъ, чѣмъ прежде, а школьный вопросъ издавна служилъ матеріаломъ для столкновеній и раздоровъ между представителями разныхъ національностей, вѣроисповѣданій и общественныхъ направленій въ государствѣ. На почвѣ школьныхъ законовъ разыгрался въ Чехіи политическій кризисъ, приведшій къ паденію старочешской партіи и къ разрыву между чешскою народностью и вѣнскимъ кабинетомъ. Такъ же точно и въ Германіи общественное мнѣніе съ осо-

беннымъ интересомъ слѣдить за малѣйшими переменами въ постановкѣ дѣла народнаго образованія въ странѣ. Новый законопроектъ, внесенный преемникомъ Госслера по министерству, графомъ Цедлицемъ, вполнѣ оправдалъ опасенія, высказывавшіяся въ печати, хотя съ нашей точки зрѣнія онъ представляется весьма либеральнымъ и проникнутымъ духомъ несомнѣнной терпимости. Не только прогрессисты и національ-либералы, но и многіе изъ консерваторовъ рѣшительно возстали противъ проекта, тотчасъ по его обнародованіи; газеты разныхъ оттѣнковъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ осуждаютъ чрезмѣрную уступчивость и слабость правительства относительно клерикальных требованій, противорѣчащихъ современному духу нѣмецкаго общества и германской культуры. Національ-либералы и прогрессисты забыли свои старые взаимные счеты и почувствовали себя вновь солидарными въ защитѣ общихъ либеральныхъ принциповъ и интересовъ, которымъ будто бы грозитъ традиціонный врагъ — клерикализмъ. Въ прусской палатѣ депутатовъ Беннигсенъ, глава національ-либеральной группы, обмѣнялся сочувственными рѣчами съ своими недавними противниками, ораторами „свободомыслящихъ“, Рикертомъ и Рихтеромъ; обѣ партіи формально выразили готовность дѣйствовать въ данномъ случаѣ совмѣстно, и очень можетъ быть, что это временное соглашеніе превратится въ постоянное, что придастъ новыя силы и бодрость ослабѣвшей въ послѣдніе годы оппозиціонной части парламента. Такъ какъ министръ финансовъ Микель вступилъ въ составъ кабинета въ качествѣ виднаго представителя національ-либеральной партіи, то нынѣшнее настроеніе послѣдней можетъ побудить его покинуть свой постъ; отсюда понятныя слухи о разладѣ между министрами и о выходѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отставку. Перспектива министерскаго кризиса становится тѣмъ болѣе вѣроятною, что правительственный проектъ можетъ потерпѣть неудачу въ прусскомъ сеймѣ, и графу Цедлицу придется послѣдовать за Госслеромъ, если только предположить, что самъ генералъ Каприви не свяжетъ судьбы своего министерскаго портфеля съ участіемъ школьнаго закона.

Съ перваго взгляда трудно даже понять, что собственно послужило причиною этого общаго неудовольствія либеральнаго нѣмецкаго общества противъ проекта графа Цедлица. Законопроектъ, изложенный въ 194 статьяхъ, подробно регулируетъ различныя стороны школьнаго дѣла и выдвигаетъ на первый планъ необходимость возможно большаго умноженія числа народныхъ училищъ и улучшенія ихъ матеріальной и нравственной обстановки. Въ одномъ изъ первыхъ параграфовъ закона сказано, что „должно существовать столько школъ, сколько требуется для обученія дѣтей, подлежащихъ школьной повинности

и не получающихъ достаточнаго образованія въ другомъ мѣстѣ“ (§ 2). Училища должны быть распредѣлены такъ, чтобы дѣти могли посѣщать ихъ во всѣ времена года, безъ вреда для своего здоровья (§ 3). При школьномъ домѣ должно быть оставлено мѣсто для гимнастическихъ упражненій и для пребыванія дѣтей на вольномъ воздухѣ во время перерывовъ (§ 24). Никакой платы за обученіе въ школѣ не полагается (§ 36). Школьная повинность дѣтей начинается по достиженіи ими шестилѣтняго возраста и кончается въ четырнадцать лѣтъ. Не обязаны посѣщать народную школу только тѣ дѣти, которыя обучаются въ другомъ учебномъ заведеніи, общественномъ или частномъ, или у домашняго учителя, по программѣ, соответствующей цѣлямъ школьнаго обученія; въ противномъ случаѣ мѣстный школьный совѣтъ распоряжается о зачисленіи дѣтей въ школу (§§ 75—80). Родители и замѣняющіе ихъ лица, равно какъ хозяева, имѣютъ попеченіе о томъ, чтобы дѣти правильно посѣщали училище, а за неисполненіе этой обязанности подвергаются штрафу въ размѣрѣ отъ десяти пфенниговъ до двухъ марокъ за каждый пропущенный день или, въ случаѣ несостоятельности, аресту на время отъ двухъ часовъ до двухъ дней (§ 86). Хозяева и работодатели, допускающіе у себя работу дѣтей въ часы школьнаго ученія, подлежатъ денежному взысканію въ размѣрѣ до 150 марокъ или аресту на время до двухъ недѣль (§ 88). Слѣпые дѣти, съ шести лѣтъ, и глухонѣмые, съ восьмилѣтняго возраста, если они достаточно развиты и нигдѣ не обучаются, должны быть помѣщаемы обязательно въ заведеніе для слѣпыхъ или глухонѣмыхъ, существующее въ предѣлахъ данной провинціи (§ 91). Учителя получаютъ, сверхъ постояннаго жалованья, даровую квартиру, прибавочныя деньги за выслугу лѣтъ и право на пенсію послѣ отставки; основное денежное жалованье для самостоятельныхъ или первыхъ учителей не можетъ быть менѣе тысячи марокъ въ годъ (около 500 рублей) (§ 134). Внѣшними дѣлами народной школы заводитъ община или школьный союзъ, согласно законамъ о мѣстномъ управленіи; общій надзоръ принадлежитъ правительственному президенту и ландратамъ, подъ высшимъ руководствомъ министра народнаго просвѣщенія. Въ городахъ функціи правительственнаго президента по этому предмету исполняются провинціальнымъ учебнымъ вѣдомствомъ. Въ каждомъ сельскомъ округѣ образуется для мѣстныхъ школъ окружное школьное управленіе, состоящее изъ ландрата и мѣстнаго школьнаго инспектора, при участіи выборныхъ членовъ для рѣшенія извѣстнаго рола дѣлъ. Въ городахъ существуютъ городскія школьныя управленія, изъ бургомистра и окружного школьнаго инспектора, при участіи двухъ или трехъ представителей городского выборнаго собранія. Для каждой отдѣльной школы организуется осо-

бый училищный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго школьнаго инспектора; въ составъ совѣта входятъ: преподаватель закона Божія, одинъ изъ постоянныхъ учителей по назначенію окружного или городского школьнаго управленія, представители всѣхъ заинтересованныхъ общинъ и нѣсколько лицъ, выбранныхъ изъ мѣстныхъ отцовъ семействъ (§§ 51—70). Общины представляютъ кандидатовъ на открывшіяся учительскія вакансіи правительственному президенту, вмѣстѣ съ заключеніемъ училищныхъ совѣтовъ (§ 117). Учебныя программы, распредѣленіе предметовъ преподаванія и внутреннее устройство школъ зависятъ отъ общихъ инструкцій, составленныхъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; съ этими указаніями сообщается правительственный президентъ (начальникъ области) при рѣшеніи частныхъ вопросовъ, по выслушаніи или по представленію окружного или городского школьнаго управленія, причемъ принимаются во вниманіе мѣстныя обстоятельства (§ 6). Правительство беретъ на себя подготовку учителей и учительницъ для народныхъ школъ, посредствомъ учрежденія особыхъ учительскихъ семинарій (§ 104). Для облегченія расходовъ общинъ по народному образованію государство выдаетъ часть денегъ на жалованье учителей и учительницъ (§ 184).

Свобода частнаго преподаванія и обученія вполне признается проектомъ графа Цедлица. Обучать дѣтей или основать учебное заведеніе можетъ всякій прусскій подданный, который представитъ формальныя доказательства своей научной, технической и нравственной подготовленности къ дѣлу преподаванія (§ 81). Завѣдывать частными школами могутъ лица, выдержавшія надлежащее испытаніе предъ прусскою экзаменаціонною комиссіею; учителя или учительницы должны также удовлетворять условіямъ, предписаннымъ для преподавательской дѣятельности въ народныхъ школахъ. Для домашнихъ учителей способность къ обученію предполагается, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, у священниковъ признанныхъ государствомъ вѣроисповѣданій, учителей и кандидатовъ на учебныя должности, студентовъ, а также воспитанниковъ двухъ послѣднихъ классовъ высшихъ учебныхъ заведеній, насколько дѣло идетъ о вспомогательномъ преподаваніи дѣтямъ, посѣщающимъ школу. Желавшій устроить учебное заведеніе или принять на себя завѣдываніе школою, или сдѣлаться въ ней учителемъ, равно какъ и заниматься домашними уроками, долженъ предварительно довести объ этомъ до свѣденія окружного или городского школьнаго управленія по принадлежности, съ приложеніемъ доказательствъ своей компетентности. Въ теченіе мѣсяца учебное управленіе обязано заявить, признаетъ ли оно представленныя доказательства удовлетворительными или нѣтъ; въ по-

слѣднемъ случаѣ должны быть указаны факты, свидѣтельствующіе о недостаткѣ требуемой подготовки. На рѣшеніе мѣстнаго учебнаго управленія можно жаловаться въ окружную комиссію; вопросы объ учебныхъ программахъ разрѣшаются въ послѣдней инстанціи министромъ народнаго просвѣщенія.

Приведенныя статьи законопроекта вызываютъ мало возраженій и даже почти не обсуждаются въ нѣмецкой печати; газеты указываютъ только на практическое неудобство сосредоточенія распорядительной власти и контроля въ лицѣ административнаго дѣятеля (Regierungspräsident), обремененнаго множествомъ разнородныхъ дѣлъ и не имѣющаго возможности вникать въ нужды народнаго образованія и обученія. Либералы и прогрессисты недовольны также свободою преподаванія въ томъ видѣ, какъ она регулируется проектомъ; они находятъ, что эта свобода равносильна полной отдачѣ частныхъ школъ въ руки духовенства, особенно католическаго, которое, опираясь на могущественную церковную организацію, можетъ въ наибольшей мѣрѣ воспользоваться правомъ учреждать учебныя заведенія и воспитывать дѣтей въ клерикальномъ духѣ. Эти опасенія сами по себѣ не представляли бы большой важности, еслибы они не имѣли точки опоры въ многочисленныхъ параграфахъ, касающихся религіознаго преподаванія въ народныхъ школахъ. Вліятельная и даже рѣшающая роль, предоставленная духовенству въ этой спеціальной сферѣ школьнаго обученія, считается главнѣйшимъ недостаткомъ проекта и даетъ поводъ къ горячимъ и единодушнымъ протестамъ либеральныхъ партій въ обществѣ и парламентѣ. Народной школѣ приданъ характеръ религіозный, и постановленія объ этой сторонѣ школьнаго дѣла занимаютъ въ проектѣ сравнительно много мѣста, начиная съ первыхъ же статей. „При устройствѣ школъ должны быть по возможности приняты въ соображеніе вѣроисповѣдныя условія населенія. По общему правилу дѣти обучаются наставникомъ, принадлежащимъ къ одной съ ними религіи. Новыя училища устраиваются только на вѣроисповѣдной основѣ, если въ данной мѣстности не существуетъ уже другая школьная организація. Нынешнія школы остаются безъ перемѣны, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій въ отдѣльныхъ случаяхъ“ (§ 14). Дѣти, не принадлежащія къ одному изъ признанныхъ государствомъ вѣроисповѣданій, принимаютъ участіе въ изученіи закона Божія, если они не освобождены отъ него правительственнымъ президентомъ. Освобожденіе обязательно, если объ этомъ предложить органы заинтересованной религіозной общины, съ представленіемъ доказательства, что дѣтамъ преподается религія подготовленнымъ къ тому учителемъ, въ формѣ, согласной съ вѣроученіемъ. Лицамъ, назначеннымъ для обученія дѣтей другой религіи,

разрѣшается, въ видѣ изъятія, преподавать также предметы, не касающіеся религіозныхъ вопросовъ (§ 17). Преподаваніе закона Божія подчиняется руководству и контролю подлежащихъ религіозныхъ корпорацій. Священникъ, которому поручено духовнымъ начальствомъ исполнять эту обязанность, имѣетъ право присутствовать при преподаваніи религіи въ школахъ, проверять знанія учениковъ, разъяснять учителямъ ихъ ошибки, послѣ уроковъ, и давать нужныя указанія на будущее время. Духовное вѣдомство можетъ вполнѣ или отчасти предоставить преподаваніе религіи мѣстному священнику, по соглашенію съ правительственнымъ президентомъ (§ 18). Если въ народной школѣ находится больше тридцати учениковъ другой вѣры, то для нихъ можетъ быть устроено особое училище, съ согласія мѣстной общины (§ 15). При разнородномъ составѣ учениковъ по вѣроисповѣданіямъ, должны быть по возможности назначены особые преподаватели вѣроученія для каждой религіи, къ которой принадлежатъ болѣе пятнадцати дѣтей (§ 17). Введеніе новыхъ учебныхъ плановъ и руководствъ для преподаванія религіи допускается лишь съ согласія духовнаго вѣдомства или подлежащихъ органовъ данной религіозной общины (§ 6). На такихъ же вѣроисповѣдныхъ началахъ устроены учительскія семинаріи. Учителя или учительницы закона Божія въ семинаріяхъ назначаются по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ, которое сохраняетъ право дѣятельнаго контроля и участія въ дѣлѣ религіознаго преподаванія. Если относительно подготовленности какого-либо учителя народной школы къ преподаванію закона Божія возникнетъ разногласіе между учебнымъ вѣдомствомъ и духовною властью, то дѣло представляется на разрѣшеніе оберъ-президента (начальника провинціи), который дѣйствуетъ въ согласіи съ высшимъ духовнымъ начальствомъ; при невозможности же достигнуть соглашенія, учителю выдается свидѣтельство на право преподаванія другихъ предметовъ, кромѣ лишь закона Божія (§§ 105 — 112). Нѣмецкая либеральная печать видитъ въ этихъ статьяхъ проекта явное преобладаніе клерикальнаго элемента, готоваго наложить свою руку на великіе интересы народнаго образованія.

Въ чемъ собственно заключается вѣроисповѣдный характеръ народной школы, по проекту графа Цедлица? Исключительно лишь въ обязательномъ преподаваніи религіи, въ числѣ другихъ предметовъ обученія, и въ руководящемъ участіи духовнаго вѣдомства въ рѣшеніи вопросовъ, имѣющихъ непосредственную связь съ преподаваніемъ закона Божія. Общее завѣдываніе школами, ихъ учебныя программы и способы преподаванія остаются внѣ всякаго вліянія и контроля духовныхъ властей, какъ и внѣ всякой зависимости отъ спеціально-религіозныхъ соображеній. Въ каждой народной школѣ обя-

зательно преподаются, кромѣ религіи, слѣдующіе предметы: нѣмецкій языкъ, ариметика съ начатками геометріи, отечественная исторія, географія, *естествознаніе*, рисованіе, пѣніе, гимнастика, а для дѣвушекъ еще женскія руководствія (§ 5). Что касается религіознаго вѣроученія, то оно поставлено въ одинаковыя условія для всѣхъ вообще признанныхъ государствомъ вѣроисповѣданій. Во всемъ законопроектѣ ни однимъ словомъ не упоминается о господствующей протестантской церкви; никакихъ привиллегій для нея не установлено и не дѣлается ни малѣйшаго различія между правами протестантовъ, католиковъ и евреевъ въ народныхъ школахъ. Принципъ равноправности проводится съ полною послѣдовательностью, и именно этотъ избытокъ либерализма наиболѣе раздражаетъ либеральную оппозицію, для которой признаніе правъ католичества кажется великою опасностью, чуть не измѣною прусскому государству и нѣмецкой протестантской культурѣ. Но если нежелательно возрожденіе клерикальных тенденцій и вліяніе ихъ на народную школу, то образованные классы нѣмецкаго общества располагаютъ всѣми необходимыми средствами для успѣшной борьбы съ ними, на почвѣ свободной умственной и нравственной дѣятельности. Опасаться того, что католическое духовенство устроитъ свои особыя школы и повліяетъ въ извѣстномъ смыслѣ на воспитаніе молодыхъ поколѣній, было бы настоящимъ *testimonium paupertatis* со стороны богатой и сильной нѣмецкой интеллигенціи. Ничто не мѣшаетъ либеральной и передовой части населенія учреждать училища тамъ, гдѣ чувствуется въ нихъ недостатокъ, и вести дѣло преподаванія такъ, чтобы въ услугахъ клерикаловъ не было надобности; притомъ свѣтскіе культурные интересы, угрожаемые будто бы клерикализмомъ, всегда найдутъ поддержку въ правительствѣ, которому принадлежитъ высшій надзоръ за школами и которое все-таки остается протестантскимъ. Высшіе чиновники въ Пруссіи издавна пользуются не только репутаціею честности и разумной дѣловитости, но и общимъ высокимъ уровнемъ своего образованія и развитія; это большею частью люди просвѣщенные въ истинномъ смыслѣ этого слова, и въ ихъ рукахъ народная школа едва ли можетъ сдѣлаться орудіемъ католической или иной пропаганды. Домашнія и общественныя вліянія сохраняютъ всю свою воспитательную силу, и если они дѣйствуютъ въ духѣ атеизма, какъ утверждаютъ многіе консерваторы, то одно формальное обученіе религіи въ школахъ не измѣнитъ этого общаго направленія умовъ и не создастъ религіозной молодежи, вопреки всѣмъ усиліямъ учебнаго вѣдомства. Ничего нельзя сказать противъ обязательнаго преподаванія закона Божія въ народныхъ училищахъ, даже съ точки зрѣнія нѣмецкихъ либераловъ; а разъ преподается религіозное вѣроученіе, то оно не

можетъ обойтись безъ участія и контроля официальныхъ представителей и истолкователей данной религіи. Одно вытекаетъ изъ другого, и постановленія прусскаго проекта по этому предмету болѣе логичны, чѣмъ возраженія и доводы противниковъ. Одинъ только пунктъ дѣйствительно вызываетъ недоумѣніе и представляетъ какъ будто примѣръ излишняго увлеченія вѣроисповѣднымъ принципомъ въ области народнаго образованія. Мы говоримъ о правилѣ, по которому учитель долженъ принадлежать къ тому же вѣроисповѣданію, какъ и его ученики (§ 14). Не всѣмъ ясно, почему нѣмецъ-католикъ не можетъ преподавать протестантскимъ дѣтямъ ариметику или географію, или наоборотъ, почему протестантъ признается некомпетентнымъ по отношенію къ дѣтямъ католикамъ или евреямъ, когда дѣло идетъ о предметахъ, вовсе не касающихся религіи. Чтобы остаться послѣдовательными, пришлось бы въ мѣстностяхъ съ инороднымъ населеніемъ назначать учителями инородцевъ и этимъ искусственно усиливать и обособлять племенные элементы, поглощеніе которыхъ нѣмецкою культурою признавалось издавна безспорною задачею прусской государственности. Но объ этомъ важномъ пунктѣ почти не говорится въ нѣмецкихъ газетахъ, и всѣ заботы ихъ направлены на устраненіе опасности, представляемой новѣйшимъ подъемомъ клерикализма.

Въ засѣданіи прусской палаты депутатовъ, 15-го (3-го) января, графъ Цедлицъ старался заранѣе защитить внесенный имъ проектъ отъ оппозиціонной критики. Онъ доказывалъ, что законопроектъ не вноситъ ничего новаго въ существующую практику учебнаго дѣла, что онъ только кодифицируетъ порядки, выработанные жизнью, и что тѣ положенія, противъ которыхъ наиболѣе ополчаются прогрессисты, установлены были еще при министерствѣ Госслера. Объяснительная рѣчь графа Цедлица, произнесенная имъ передъ началомъ бюджетныхъ преній, возбудила въ палатѣ горячіе споры по школьному вопросу, когда этотъ вопросъ вовсе не стоялъ еще на очереди. Заодно съ обсужденіемъ бюджета обсуждался школьный законопроектъ, не имѣющій въ сущности никакой связи съ финансами; ораторы различныхъ партій, слѣдуя примѣру министра, занялись оцѣнкою предположенной учебной реформы, вмѣсто того, чтобы говорить о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Въ засѣданіи 21-го января (н. ст.) депутатъ Ривертъ выразился, что онъ не ожидалъ отъ министерства Каприви такого несчастнаго шага, какъ внесеніе законопроекта о народныхъ школахъ. Онъ полагаетъ, что министры вѣроятно не сознавали всѣхъ послѣдствій своего рѣшенія. „Непонятно, какъ та же самая коллегія, которая приняла проектъ Госслера, могла теперь выступить съ проектомъ графа Цедлица. Этотъ проектъ могъ

бы оказаться губительнымъ для школьнаго дѣла въ Пруссіи. Оппозиція приметъ на себя борьбу за государственную школу противъ школы церковной. Этому новому „курсу“ мы слѣдовать не будемъ. Поворотъ слишкомъ рѣзокъ въ теченіе одного года. Хотятъ отдать школу въ распоряженіе церкви; но это не удастся“. Министръ-президентъ Каприви, отвѣчая Рикерту, заявилъ съ своей стороны, что никакого поворота въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ министерства не произошло. По его мнѣнію, правительство монархическаго государства не можетъ опираться исключительно на одну какую-нибудь партію; оно должно брать пригодное тамъ, гдѣ оно его находитъ, хотя бы этого и не одобрялъ депутатъ Рикертъ. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей національ-либеральной партіи, депутатъ Гобрехтъ, пользующійся большимъ авторитетомъ въ парламентѣ, подвергъ внутреннюю политику правительства еще болѣе рѣзкой критикѣ, чѣмъ прогрессистъ Рикертъ. По словамъ Гобрехта, школьный проектъ возбудилъ въ странѣ общее безпокойство, которое еще усиливается измѣнившимся отношеніемъ правительства къ полякамъ. „До сихъ поръ,—говорилъ онъ между прочимъ,—государство всегда принимало во вниманіе вѣроисповѣдныя условія, согласно конституціи; но теперь оно выпускаетъ изъ своихъ рукъ право самостоятельнаго рѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и въ этомъ лежитъ большая опасность. Самое худшее—то, что политическіе интересы приносятся въ жертву религіознымъ соображеніямъ“.

Въ своей отвѣтной рѣчи графъ Цедлицъ привелъ нѣсколько интересныхъ фактовъ для характеристики польскаго вопроса въ Познани. Многіе отцы семействъ обращались къ министерству съ просьбою разрѣшить частное преподаваніе польскаго языка ихъ дѣтямъ, такъ какъ въ народныхъ школахъ не учатъ по-польски; а это разрѣшеніе можетъ имѣть практическую цѣну только въ томъ случаѣ, если школьнымъ учителямъ не будетъ запрещено давать уроки польскаго языка, и если дозволено будетъ пользоваться для этой цѣли помѣщеніемъ школы въ свободныя часы. Просьба была удовлетворена, и въ этомъ смыслѣ состоялось министерское распоряженіе, отъ 11-го апрѣля, такъ что на практикѣ установилось преподаваніе польскаго языка въ народныхъ училищахъ, по желанію родителей. „Какой министръ народнаго просвѣщенія,—спрашиваетъ графъ Цедлицъ,—могъ бы отказать въ удовлетвореніи подобнаго ходатайства? И прежде всего гдѣ законное основаніе для отказа? Каждый отецъ имѣетъ право обучать своихъ дѣтей польскому языку точно такъ же, какъ французскому или санскритскому. Это вѣдь безспорно“. Притомъ нельзя лишать учителя законнаго заработка отъ частныхъ уроковъ въ свободное отъ занятій время, тѣмъ болѣе, что эта дѣятельность доста-

точно контролируется и учебнымъ вѣдомствомъ, и административною властью. Самимъ нѣмцамъ, живущимъ въ Познани, было бы весьма полезно изученіе польскаго языка, такъ какъ незнакомство съ этимъ языкомъ сильно вредитъ имъ въ дѣлахъ. Между прочимъ министръ указалъ на весьма простую причину промышленныхъ успѣховъ поляковъ въ познанской провинціи и отчасти въ восточной Пруссіи. „Несомнѣнно, что въ этихъ мѣстахъ торговля и промыслы все болѣе и болѣе переходятъ въ польскія руки; въ 1840 г. существовалъ въ городѣ Познани только одинъ крупный торговый домъ, принадлежащій полякамъ, а теперь большое число различныхъ торговыхъ фирмъ, гостинницъ, ресторановъ и мастерскихъ находится повсюду въ рукахъ поляковъ. Значительная часть домовъ также принадлежитъ полякамъ. Я хотѣлъ объяснить себѣ это странное явленіе и пришелъ къ слѣдующему результату. Въ области, гдѣ населеніе говоритъ на двухъ языкахъ, всякій глава торговаго дома или предпріятія беретъ къ себѣ на службу только такихъ людей, которые обладаютъ знаніемъ обоихъ мѣстныхъ языковъ. Землевладѣлецъ, ищущій управляющаго, не забываетъ помѣстить въ газетной публикаціи оговорку насчетъ знанія обоихъ языковъ. Купецъ, приказчикъ, аптекарскій ученикъ, писецъ, должны безусловно знать оба языка; иначе они не годятся. Если же въ такомъ населеніи одна часть фактически знаетъ оба языка, а другая, быть можетъ, только желаетъ знать ихъ, то для двуязычнаго элемента возникаетъ громадное преимущество, дающее ему хозяйственный и социальный перевѣсъ. Съ этимъ принципомъ обособленности относительно языка мы далеко не уйдемъ, и поляки выдвинулись бы тогда и торжествовали, а нѣмцы были бы придавлены. Въ высшихъ школахъ познанской провинціи съ давняго времени преподается польскій языкъ. Прежде онъ преподавался въ формѣ совершенно непригодной для нѣмцевъ. Читалась исторія польскаго королевства, исторія литературы и искусства, возбуждавшая интересъ однихъ польскихъ учениковъ. Когда я былъ тамъ оберъ-президентомъ, я старался способствовать такой постановкѣ преподаванія, чтобы оно было полезно нѣмецкимъ юношамъ, чтобы оно помогло имъ стать твердою ногою въ познанской провинціи и устроиться въ хозяйственномъ отношеніи. За это меня осуждали жесточайшимъ образомъ. Отсюда можно видѣть, какъ ошибочно обострять вопросы въ подобныхъ случаяхъ; нигдѣ мечъ не тупѣетъ и не зазубривается въ такой степени, какъ въ дѣлахъ социальной, хозяйственной жизни. Здѣсь нельзя рѣшать абстрактно, по общей теоріи, а нужно стоять среди жизни и знать дѣйствительное положеніе дѣлъ, прежде чѣмъ придти къ какому-либо рѣшенію“.

Для многихъ берлинскихъ патріотовъ было, вѣроятно, удивитель-

ною новостью то, что рассказал графъ Цедлицъ. Въ Познани „съ давняго времени“—слѣдовательно, при князѣ Бисмаркѣ,—не только преподавался въ высшихъ школахъ польскій языкъ, но этому языку обучались и нѣмецкіе юноши, и мѣстная высшая администрація не только не принимала мѣръ противъ такого „ополченія“ нѣмецкаго населенія, но даже сама содѣйствовала распространенію польскаго языка между познанскими нѣмцами. И что удивительнѣе всего,—это дѣлалось для пользы самихъ нѣмцевъ, для поддержанія ихъ промышленныхъ интересовъ и экономической роли въ краѣ, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, для пользы Пруссіи и Германіи. Объ успѣхахъ польской народности въ познанской провинціи много говорилось въ нѣмецкой печати за послѣдніе годы. Любопытныя замѣчанія по этому поводу были высказаны недавно извѣстнымъ польскимъ публицистомъ, г. Эразмомъ Пильцемъ, въ здѣшней газетѣ „Крај“ (1891 г., № 45). Обсуждая назначеніе польскаго патріота, г. Стаблевскаго, познанскимъ архіепископомъ и упоминая о неосновательныхъ политическихъ надеждахъ, вызванныхъ этою примирительной мѣрою, газета „Крај“ указываетъ на несомнѣнный культурный ростъ польскаго населенія подъ властью Пруссіи. „Городское населеніе такихъ городовъ, какъ Познань и Торнъ,—говорится въ статьѣ „Края“,—стало въ настоящее время болѣе польскимъ, чѣмъ было во время польской республики. Сознаніе общихъ интересовъ распространяется среди всѣхъ слоевъ общества, болѣе и болѣе проникая въ крестьянскую среду. Польскій народъ въ Познани и Силезіи въ сравнительно короткое время дошелъ до той степени самосознанія и вообще до той степени умственнаго и общественнаго развитія, о какой лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ едва могъ мечтать величайшій изъ нашихъ поэтовъ, жаждавшій дожить до „великаго утѣшенія—увидѣть свои сочиненія попавшими подъ крестьянскія кровли“. Познанскій и силезскій крестьянинъ какъ бы проснулся отъ вѣковой летаргіи. У него свои читальни, свои земледѣльческія товарищества и сельскіе кружки; онъ имѣетъ свои періодическія изданія, изъ которыхъ у иныхъ до 20 тысячъ подписчиковъ. Обо всѣхъ этихъ проявленіяхъ польской живучести и устойчивости нѣмецкой печати хорошо извѣстно. Еще недавно, напр., „Magdeburger Zeitung“ напечатала любопытную статью, въ которой доказывается, что если такъ пойдетъ дальше, то Познань скоро совѣмъ разнѣмечится. Въ 1867 году въ ней считалось 684.790 нѣмцевъ и 844.020 поляковъ, а теперь въ этой провинціи 700 тысячъ нѣмцевъ и 1.050.000 поляковъ. Другими словами, туземное населеніе возросло на 24,5%, а пришлое въ теченіе тѣхъ же 23 лѣтъ увеличилось всего на 2%. То же явленіе наблюдается и въ Силезіи.“—Съ обычной „патріоти-

ческой" точки зрѣнія такое положеніе дѣлъ представляет опасность для государства и должно было бы непремѣнно вызвать энергическое противодѣйствіе администраціи, въ смыслѣ болѣе суровой системы стѣснительныхъ и запретительныхъ полицейскихъ мѣръ. Если нельзя помѣшать людямъ размножаться и достигать промышленнаго благосостоянія, то можно было бы по крайней мѣрѣ постоянно давать имъ чувствовать свою національную подчиненность и безправіе; если нельзя отнять у нихъ родной языкъ, то можно было бы по крайней мѣрѣ запретить или ограничить публичное употребленіе его, преслѣдовать нарушителей полицейскими протоколами и штрафами, создать въ странѣ принудительное внѣшнее молчаніе, принимая его за внутренний миръ. Повидимому, прусское правительство, при всей своей энергіи и настойчивости, не прибѣгало къ подобнымъ обманчивымъ способамъ борьбы; оно не отрицало человѣческихъ правъ туземнаго населенія, такъ какъ это породило бы скрытую непримиримую вражду, поставило бы сильнѣйшую преграду между обѣими народностями и закрыло бы доступъ непрестанно дѣйствующему вліянію всей окружающей нѣмецкой культуры и прусской государственности,—вліянію, которое каждый полякъ чувствуетъ на себѣ въ Познани. Прусская администрація никого не заставляла отрекаться отъ родного языка; оттого поляки могутъ свободно усвоивать нѣмецкій языкъ, не возбуждая противъ себя подозрѣнія въ измѣнѣ своей народности и въ низкомъ угодничествѣ передъ господствующею властью. Познанскіе поляки фактически знаютъ оба языка, какъ свидѣтельствуетъ о томъ бывшій оберъ-президентъ этой провинціи, графъ Цедлицъ; это знаніе двухъ языковъ не ослабляетъ привязанности поляковъ къ родной національности и литературѣ, а только доставляетъ имъ важное житейское преимущество предъ мѣстными нѣмцами, не понимающими языка, которымъ говоритъ большинство туземцевъ. Отсюда то странное обстоятельство, что познанскіе нѣмцы въ свою очередь считаютъ для себя полезнымъ ознакомленіе съ польскимъ языкомъ, и прусскіе государственные люди видятъ въ этомъ только пользу, а никакъ не опасность для господствующей народности. Нѣмецъ, знающій чужіе языки, не перестаетъ быть вѣрнымъ нѣмецкимъ патріотомъ; точно такъ же полякъ, привыкшій говорить исключительно по-польски, можетъ признавать себя истиннымъ и преданнымъ пруссакомъ или австрійцемъ. Польскіе патріоты въ Познани не стѣсняются открыто и громко заявлять о своей безусловной прусской „лояльности“, о своемъ самоотверженномъ прусскомъ патріотизмѣ; еще недавно вновь назначенный познанскій архіепископъ, бывшій депутатъ прусскаго сейма, горячій защитникъ польской національности, г. Стабленскій, публично выразилъ въ Торнѣ

свои чувства преданности интересамъ прусскаго государства, и никому изъ поляковъ не приходило въ голову усматривать въ этой манифестаціи отреченіе отъ завѣтныхъ традицій, отъ родного племени и языка. Возможны ли были бы такіе факты, еслибы прусское правительство держалось другой административной системы, еслибы оно поступало по несложному рецепту извѣстнаго рода патріотовъ, для которыхъ вся политическая мудрость заключается въ словахъ: „запретить, наказать, усмирить“? А теперь, вопреки всѣмъ наружнымъ признакамъ усиленія польскаго элемента въ Познани, прусская государственность утвердилась тамъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, ибо она вошла въ общее сознаніе, завладѣла умами и чувствами жителей, незамѣтно для нихъ самихъ. Для государства важно совсѣмъ не то, на какомъ языкѣ говорятъ люди, какой они вѣры и происхожденія; неизмѣримо важнѣе то, что они чувствуютъ и думаютъ, какъ они относятся въ душѣ къ господствующей народности и ея официальнымъ представителямъ, уважаютъ ли они правительственную власть и испытываютъ ли на себѣ ея разумное цивилизующее вліяніе. Поляки перестаютъ быть источникомъ политическаго безпокойства и недовѣрія не тогда, когда они ознакомились съ государственнымъ языкомъ и употребляютъ его по принужденію, затаивъ въ себѣ непріязненные чувства и жажду мести; они дѣлаются вполне безопасными въ политическомъ смыслѣ, когда сами добровольно объявляютъ себя вѣрными и преданными слугами государства, хотя бы при этомъ употребленіе ихъ языка распространялось больше прежняго. Дѣло не въ наружной маскѣ, налагаемой принужденіемъ и измѣняющейся по произволу, а въ той реальной сущности, которая за нею скрывается, въ томъ запасѣ живого народнаго чувства, о которомъ постоянно забываютъ узкіе патріоты шаблоннаго типа при обсужденіи потребностей и настроенія чужихъ національностей. Политическіе дѣятели Пруссіи хорошо понимаютъ, что познанскіе поляки, заявляющіе себя пруссаками, представляютъ собою лучшее, наиболѣе краснорѣчивое и наглядное доказательство торжества прусской политики въ польскихъ областяхъ королевства.

Точка зрѣнія нынѣшняго прусскаго министра народнаго просвѣщенія несомнѣнно выше и вѣрнѣе, чѣмъ идеи возражавшихъ ему ораторовъ; но и эти ораторы, вѣроятно, дѣйствовали бы въ томъ же духѣ, еслибы призваны были примѣнять свою программу на дѣлѣ, ибо правительственная практика имѣетъ подъ собою твердую почву, приноситъ хорошіе плоды и опредѣляется множествомъ житейскихъ условій, которыхъ отдѣльныя лица измѣнить не въ состояніи. Въ Пруссіи либеральный парламентскій ораторъ можетъ оказаться дѣловитымъ и осторожнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ это мы

видимъ на примѣрѣ министра финансовъ Микеля; и наоборотъ, представители арміи и администраціи могутъ обнаруживать таланты парламентскихъ ораторовъ, какъ это мы видимъ особенно на примѣрѣ графа Цедлица, проявившаго большое остроуміе, находчивость и познанія въ послѣднихъ рѣчахъ по поводу школьнаго законопроекта. Пренія по этому проекту, при всей ихъ страстности, могутъ не имѣть крупныхъ политическихъ послѣдствій; на это намекаетъ уже выраженная графомъ Цедлицемъ (въ засѣданіи 22-го января) готовность согласиться на передѣлки и измѣненія, какія будутъ предложены въ проектѣ оппозиціонными партіями парламента.

Вопросъ объ отношеніи католической церкви къ государству горячо обсуждается въ послѣднее время во Франціи по поводу торжественной деклараціи пяти французскихъ кардиналовъ-архіепископовъ (парижскаго, ліонскаго, тулузскаго, реймскаго и реннского), напечатанной во всѣхъ газетахъ; эта воинственная декларація тѣмъ болѣе замѣчательна, что она служитъ какъ бы отвѣтомъ на примирительные совѣты папы Льва XIII, изложенные въ письмѣ на имя парижскаго архіепископа Ришара. Пять кардиналовъ-архіепископовъ выступили съ рѣзкимъ обвинительнымъ актомъ противъ республиканской политики въ дѣлахъ церкви и религіи; но въ то же время они заявляютъ, что ничего не имѣютъ противъ республики, и совѣтуютъ всѣмъ вѣрующимъ признавать установленный конституціонный порядокъ, не отказываясь отъ борьбы за церковные и религіозные интересы.

Полемика, вызванная этимъ документомъ, была бы гораздо оживленнѣе и могла бы получить серьезное политическое значеніе, еслибы общественное вниманіе не было отвлечено случившимся около этого времени парламентскимъ эпизодомъ, давшимъ обильную и пикантную пищу газетной прессѣ. Личное столкновеніе министра внутреннихъ дѣлъ Константа съ буланжистскимъ депутатомъ Франсисомъ Лоромъ, разыгравшееся въ такой неожиданной формѣ въ публичномъ засѣданіи палаты (12-го января), сдѣлалось предметомъ всеобщихъ толковъ и отодвинуло на задній планъ всѣякіе другіе вопросы „внутренней политики“. Франсисъ Лоръ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которые пользуются неограниченною свободою политической печати и публичнаго слова не для критики правительства и его дѣйствій и не для выраженія своихъ самостоятельныхъ идей и требованій, а единственно лишь для удовлетворенія личнаго самолюбія и для непрерывныхъ ругательныхъ выходокъ по адресу министровъ въ видахъ снисканія уличной извѣстности и популярности. Министръ

Констанъ выносилъ эти личныя нападки терпѣливо въ теченіе двухъ лѣтъ, такъ какъ затѣвать судебные процессы противъ органовъ мелкой журналистики было бы безцѣльно и неудобно; но когда Лоръ повторилъ оскорбительныя слова съ парламентской трибуны, министр, какъ значится въ официальном отчетѣ (въ „Journal Officiel“), „бросился ему на встрѣчу и два раза ударилъ его въ лицо“. Этотъ случай самъ по себѣ не имѣетъ, конечно, политическаго характера, такъ какъ онъ могъ случиться съ каждымъ при подобныхъ обстоятельствахъ, въ разгоряченной атмосферѣ многочисленнаго собранія, при известномъ темпераментѣ дѣйствующихъ лицъ. Было бы ошибочно поэтому дѣлать какіе-либо общіе выводы изъ этого печальнаго не-политическаго факта, значеніе котораго лучше всего указывается тѣмъ обстоятельствомъ, что поступокъ Констана былъ публично одобренъ представителями всѣхъ главныхъ партій, въ томъ числѣ и консервативныхъ.

Такъ называемому „славянскому дѣлу“ не везетъ у насъ въ послѣдніе годы. Послѣдній органъ нашего внутренняго домашняго „славянофильства“ исчезъ съ кончиною Аксакова; славянофильство внѣшнее, международное, направленное въ сторону Австріи и балканскихъ государствъ, имѣло весьма слабыхъ выразителей въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“, выходившихъ еженедѣльно. Теперь и „Славянскія Извѣстія“, неустанно громившія австрійцевъ и нѣмцевъ, по принятой разъ навсегда обличительной или, вѣрнѣе, ругательной системѣ, добровольно слагаютъ оружіе и прекращаютъ свое существованіе. Это журнальное, такъ сказать, самоубійство объявлено и мотивировано въ послѣднемъ номерѣ „Славянскихъ Извѣстій“ за истекшій годъ, съ тою же трогательною наивною, какою отличались всѣ политическія разсужденія этого журнала.

Оказывается, что нашъ воинственный славянскій органъ, проповѣдовавшій специально борьбу съ Австро-Венгріею, погибаетъ отъ недостаточнаго сочувствія къ нему австрійскихъ властей. Мы узнаемъ также, что „Славянскія Извѣстія“ предназначены были не столько для русскихъ читателей, для ознакомленія ихъ съ ходомъ дѣла въ славянскомъ мірѣ, сколько для австрійскихъ подданныхъ, для убѣжденія ихъ въ зловредномъ коварствѣ и внутреннемъ безсиліи австрійскаго режима. „Значительная часть славянъ, — говорится въ послѣднемъ объясненіи „Славянскихъ Извѣстій“, — живетъ въ Австріи. Тамъ и интересуются славянскимъ дѣломъ, и видятъ въ развитіи его и будущность, и спасеніе. Но австрійское правительство ставитъ ему всевозможныя преграды. „Славянскія Извѣстія“, съ первыхъ дней своего изданія, были запрещены въ Австріи и не дозволены къ пере-

возлѣ по австрійскимъ почтовымъ учрежденіямъ. Это—явное глумленіе надъ австрійскою конституціею (II), допускающею почти безграничную свободу печати и мнѣній; но въ Австріи этимъ нарушеніемъ, если оно касается Россіи или славянъ, не стѣсняются. Вслѣдствіе этого запрещенія, „Славянскія Извѣстія“ не могли идти къ славянамъ Австріи, для которыхъ они болѣе всего и прежде всего имѣли значеніе и цѣну“. Запрещеніе, впрочемъ, обходилось посредствомъ разсылки журнала въ конвертахъ, назначаемыхъ для писемъ. „Но явилась другая бѣда. Австрійскія власти дѣлали всевозможныя непріятности лицамъ, ведшимъ корреспонденцію съ редакціею „Славянскихъ Извѣстій“, и дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы не дать возможности правильной корреспонденціи“. Все это, по убѣжденію журнала, „напоминаетъ мрачныя времена средневѣковыхъ гоненій противъ еретиковъ и мнимыхъ схизматиковъ“, а потому „Славянскія Извѣстія“, боровшіяся противъ всякаго мрака и противъ національно-религіозныхъ гоненій въ чужихъ краяхъ, не могутъ жить болѣе. На ихъ мѣсто создается новый органъ, ежемѣсячное „Славянское Обозрѣніе“, подъ редакціею профессора А. С. Будиловича. Измѣнится ли политическая программа вымирающаго внѣшняго славянофильства, будетъ ли новый журналъ такъ же жестоко уличать Австрію въ несоблюденіи австрійской конституціи и въ стѣсненіи „неограниченной свободы печати“ для русскихъ публицистовъ-славянофиловъ, или будутъ придуманы другіе, болѣе правдоподобные способы для поддержанія и распространенія славянскихъ идей,—объ этомъ ничего не сказано въ заключительной статьѣ „Славянскихъ Извѣстій“.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1892.

— „Помощь голодающим“. Научно-литературный сборникъ. Съ приложеніемъ фототипій и цинкографій. Изданіе „Русскихъ Вѣдомостей“. М. 1891.

Пословица говоритъ, что нѣтъ худа безъ добра, и хотя нынѣшнее худо такъ велико, что не легко пріискать ему въ настоящее время равномѣрное добро, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производятъ тѣ многочисленныя проявленія общественнаго сочувствія къ народной бѣдѣ, о какихъ постоянно приходится читать и слышать за послѣднее время. Эти сочувствія оказываются во всѣхъ слояхъ общества, отъ самыхъ высшихъ сферъ и до самыхъ скромныхъ, и если не ошибаемся, наиболѣе сознательными и даже самоотверженными въ этой дѣятельности на пользу народа являются люди той „интеллигенціи“, молодой и старой, которую еще такъ недавно спеціалисты такъ-называемаго народничества провозгласили окончательно оторванной отъ народа, ему чуждой и чуть не враждебной. Спеціалисты очевидно обнаружили провицательность. Интеллигенція, между прочимъ изъ такихъ слоевъ, которые на дѣлѣ вовсе не были особенно близки къ народу и не задавались никакими особенными теоріями на народныя темы, отнеслась къ дѣлу столь просто, разумно и дѣйствительно, какъ только можно желать, а вмѣстѣ и съ такою скромностью, которая дѣлаетъ ея трудъ тѣмъ болѣе привлекательнымъ. Графъ Л. Н. Толстой, послѣ тѣхъ странныхъ мыслей по поводу голода, которыя были имъ высказаны вначалѣ и произвели недоумѣніе въ его читателяхъ, вскорѣ переимѣнилъ ихъ на дѣло гораздо болѣе полезное, чѣмъ прежнія умствованія, — на устройство деревенскихъ столовыхъ, которыя тогда же прозваны были въ народѣ „сиротскими призрѣніями“ и составляютъ, кажется, наилучшую форму первоначальной помощи голодающему и павшему духомъ населенію. То, что случалось читать и слышать о ходѣ этихъ

столовыхъ, представляетъ именно одно изъ тѣхъ отрадныхъ впечатлѣній, о которыхъ мы говорили и которыя такъ нравственно необходимы среди другихъ фактовъ, о которыхъ также приходится читать и слышать,—фактовъ неумѣлости, безсердечія, своекорыстія и наконецъ прямого хищничества... Между „обществомъ“ и народомъ нашлась связующая нить; сочувствіе сказалось по очень печальному поводу, но намъ представляется несомнѣннымъ, что оно могло бы высказаться и безъ такого печальнаго повода, еслибы въ болѣе нормальныхъ условіяхъ нашей общественной и народной жизни потребовалось участіе общества въ народномъ дѣлѣ, напримѣръ въ школѣ и вообще народномъ образованіи, сельскомъ юридическомъ бытѣ, въ улучшеніи сельскаго хозяйства, промысла и т. д. Опыты стремленія людей образованнаго круга принять участіе во всѣхъ этихъ сторонахъ народнаго быта, съ цѣлью принести знаніе на помощь народному труду,—такіе опыты уже дѣлались неоднократно; они имѣютъ даже свою литературу и едва ли можетъ подлежать спору, что они съ теченіемъ времени могли бы дѣйствительно приладиться къ условіямъ народнаго быта и стать благотѣльнымъ починомъ въ развитіи народной жизни. Къ сожалѣнію, жизнь народа,—сколько ни покрывали ее туманомъ съ двухъ сторонъ,—и со стороны давнишняго взгляда, что она можетъ существовать только при строгой системѣ опеки во всѣхъ направленіяхъ, и со стороны наивныхъ друзей народа, утверждавшихъ, что онъ уже владѣетъ для своего благоустройства всѣми умственными и нравственными совершенствами,—къ сожалѣнію, эта жизнь выясняется послѣдними событіями весьма печально: специалисты дѣла утверждаютъ положительно, что послѣдній чрезвычайный неурожай зависѣлъ далеко не отъ однѣхъ метеорологическихъ причинъ, но и отъ крайне неудовлетворительнаго сельскаго хозяйства. Къ почвѣ, истощенной рѣками хищническаго хозяйства и истребленіемъ лѣсовъ, примѣняются тѣ же первобытные приемы сельскаго труда, распоряжающагося очень скуднымъ инвентаремъ, и въ концѣ концовъ она отказывается служить; народное невѣжество (къ сожалѣнію, его донинѣ нельзя отвергать, несмотря на существованіе народной школы, еще слишкомъ недостаточной) въ соединеніи съ рутиной и бѣдностью были безсильны этому противодействовать. Послѣднія событія только раскрываютъ положеніе вещей, которое давно угадывалось или прямо указывалось людьми, знающими народную жизнь, въ литературѣ и на практикѣ. Остается желать,—и въ этомъ, безъ сомнѣнія сходятся всѣ истинные друзья народа,—чтобы печальный опытъ нынѣшняго бѣдствія не прошелъ безъ результата: нужно не только помочь населенію въ настоящую критическую минуту; настоятельно необходимо принять мѣры къ тому,

чтобы застраховать народъ, слѣдовательно, самое государство, отъ возможности повторенія бѣдствія, котораго нельзя приписать одиѣмъ стихіямъ.

Даже масса общественнаго мнѣнія начинаетъ приходить къ этой мысли: съ самыхъ первыхъ извѣстій о тревожныхъ размѣрахъ неурожая, въ обществѣ, и именно въ кругахъ весьма различнаго направленія начались толки о необходимости особенной заботы о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Полагалось, напримѣръ, что необходимо учрежденіе спеціальнаго министерства земледѣлія; специалисты сельскаго хозяйства и политической экономіи (укажемъ, напримѣръ, заявленія А. А. Исаева) утверждали, что только большое число сельско-хозяйственныхъ училищъ съ сельско-хозяйственными фермами, выпускающихъ научно подготовленныхъ людей для сельскаго хозяйства, можетъ обезпечить Россію на будущее время отъ бѣдствій, подобныхъ нынѣшнему. Понятно, что и министерство земледѣлія, и сельско-хозяйственная школа для успѣха своего дѣла не могутъ ограничиться одною его техникой: нужно, чтобы въ умы народа проникъ извѣстный кругъ знаній, смежныхъ съ сельско-хозяйственнымъ дѣломъ и способныхъ устранить застарѣлую суетвѣрную рутину. Словомъ, нуженъ извѣстный хотя бы минимальный запасъ правильнаго школьнаго обученія, распространенный на сколько возможно большую народную массу. Вопросъ сводится опять на ту же народную школу, которую такъ стараются стѣснить столь многіе люди, называющіе себя патриотами. Рядомъ со школою является, конечно, и другой существенный вопросъ—изысканіе мѣръ къ поднятію народнаго благосостоянія, которое давно уже нуждается въ помощи, а теперь еще такъ страшно подорвано неурожаемъ въ цѣлой громадной территоріи.

Если можно въ настоящую тяжелую минуту радоваться тѣмъ искреннимъ и иногда самоотверженнымъ сочувствіямъ „общества“ къ народному бѣдствію,—сочувствіямъ, которыя выражаются прямымъ трудомъ на мѣстѣ, сборомъ пожертвованій и т. д., то можно надѣяться и съ другой стороны, что эти сочувствія и заботы не останутся незамѣченными и въ самой народной средѣ. Къ сожалѣнію, эта среда уже очень издавна относилась къ высшему классу съ немалымъ недовѣріемъ; извѣстная школа склонна была объяснить это печальное явленіе теоріей о „разрывѣ съ народомъ“, происшедшемъ отъ ложнаго направленія нашей исторіи со временъ Петра В. Не нужно заходить такъ далеко, чтобы объяснить это явленіе; оно объясняется очень просто: съ одной стороны безправіемъ народной массы, восходящимъ къ временамъ задолго до Петра, а съ другой—отсутствіемъ народной школы. Невѣжественной массѣ покажется врагомъ самый благорасположенный къ ней человѣкъ, съ которымъ она разоидется

уже вслѣдствіе того, что ей недоступны будутъ его самыя обыкновенныя понятія, сообщенныя школой; а главное, эти понятія народъ видѣлъ у людей, которыхъ, по ихъ общественному положенію, привыкъ считать своими притѣснителями — у помѣщиковъ и чиновниковъ; въ недавнее время такое недовѣріе, подъ вліяніемъ различныхъ внушеній, распространялось, еще въ усиленной степени, на разрядъ людей, „ходившихъ въ народъ“, хотя бы въ полицейскомъ отношеніи неповинныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что доля этого недовѣрія, со стороны „людей народа“, отпадала тамъ, гдѣ они получали какое-нибудь школьное обученіе, или видѣли примѣненіе чуждыхъ имъ понятій на какомъ-либо наглядномъ практическомъ дѣлѣ, или, наконецъ, убѣждались въ нравственныхъ достоинствахъ людей другого, чуждаго имъ круга. Между тѣмъ и здѣсь все больше обнаруживается необходимость болѣе тѣснаго участія „интеллигенціи“ въ народномъ бытѣ и трудѣ: для борьбы съ плохимъ состояніемъ земледѣлія необходима сельско-хозяйственная школа и вообще школа; необходима поддержка для сельскаго кустарнаго промысла, — и, какъ мы читаемъ теперь, „особый комитетъ“ ввелъ этотъ вопросъ въ кругъ своихъ попеченій; необходимо развитіе медицинской помощи народу; необходимо участіе образованныхъ людей для болѣе нормальнаго обезпеченія юридическихъ дѣлъ сельскаго населенія (какъ это категорически указывалъ Кавелинъ) и т. д. Для всего этого требуется участіе обѣихъ сторонъ: не только возможность для „интеллигенціи“ безпрепятственно идти въ среду народа, но и довѣріе этой среды. Будемъ надѣяться, что нынѣшнее скорбное время принесетъ по крайней мѣрѣ благія послѣдствія въ этомъ направленіи.

Въ этомъ одушевленномъ сочувствіи къ народному бѣдствію наша литература имѣла свою немалую долю заслуги; быть можетъ, эта заслуга была бы еще болѣе, еслибы литература могла дѣйствовать въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Указанія и призывы печати не мало содѣйствовали разъясненію положенія и развитію общественной помощи. Между прочимъ, въ литературныхъ кругахъ возникло нѣсколько плановъ принять и болѣе тѣсное участіе въ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, посредствомъ изданія сборниковъ. Въ ряду этихъ предпріятій, сборникъ, заглавіе котораго мы выписали, изданный „Русскими Вѣдомостями“ въ Москвѣ, занимаетъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто по достоинству содержанія и внѣшняго исполненія. Въ сборникѣ приняли участіе ученые и беллетристы, старые, заслуженные, и молодые; художники, какъ Васнецовъ, Киселевъ, В. Маковский, Рѣпинъ и др.; помѣщено не мало историко-литературнаго матеріала, старой переписки и т. п., гдѣ мы встрѣ-

чаемся съ именами Гоголя, Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, Огарева, В. Боткина, Баратынскаго.

Сборникъ „Русскихъ Вѣдомостей“ отърывается разсказомъ В. Г. Короленка („Рѣка играетъ“); затѣмъ мы находимъ здѣсь произведенія гг. Мамина, Чехова, Потапенка, Златовратскаго, Мачтета, Глѣба Успенскаго; стихотворенія гг. Мережковскаго, Бальмонта, Величко, Минскаго, Фофанова, Плещеева, А. Жемчужникова; находимъ разсказы Альфонса Додэ и Жюль Леметра (переводы съ рукописей, доставленныхъ для сборника). Въ ряду статей научныхъ, критическихъ и публицистическихъ читатель встрѣтитъ имена гг. Михайловскаго (Н. К.), Янжула, Боборыкина („Цѣна жизни“, лекція, читанная въ пользу голодающихъ), Сѣченова („Предметная мысль и дѣйствительность“), Забѣлина, Мечникова („Борьба за существованіе частей животнаго организма“), М. М. Ковалевскаго, Гольцева, Н. А. Котляревскаго, Алексѣя Веселовскаго, Воейкова, Н. И. Стороженка, Н. С. Тихонравова („Литературныя мелочи неурожайнаго года“, 1786), Вл. С. Соловьева („Личная нравственность и общее дѣло“), наконецъ гр. Л. Н. Толстого—„О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая“. Ему же принадлежитъ сказка, которую онъ „возстановилъ изъ народныхъ сказокъ, созданныхъ на Волгѣ въ отдаленныя отъ насъ времена“.

Какъ видимъ, содержаніе сборника весьма разнообразно. Мы не можемъ входить въ подробности его содержанія и можемъ лишь сказать, что читатель найдетъ здѣсь много любопытнаго, поучительнаго и изящнаго: это общають знакомыя имена Короленка, Потапенка, Златовратскаго, Глѣба Успенскаго, Чехова, Минскаго, Плещеева, А. Жемчужникова, Н. К. Михайловскаго, Янжула, Сѣченова, Стороженка, Тихонравова и пр., и пр. Статья г. Соловьева поразитъ читателя неожиданностью сближеній, взятыхъ изъ разныхъ концовъ культурной исторіи, и наведетъ на серьезное размышленіе о личной нравственности и общемъ дѣлѣ. Статья Л. Н. Толстого ставитъ ясно и просто вопросъ о наилучшемъ способѣ непосредственной помощи народу въ голодающихъ мѣстностяхъ.

Сколько мы знаемъ, Сборникъ имѣлъ успѣхъ—у насъ необычайный: съ конца декабря прошлаго года къ концу января разошлось уже все изданіе (6.000 экз.).

— П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. I. Спб. 1892.

Павелъ Васильевичъ Анненковъ принадлежалъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ людей „сороковыхъ годовъ“. По особеннымъ условіямъ личной жизни онъ не былъ дѣятельнымъ журналистомъ, писалъ сравнительно мало, хотя были періоды, когда онъ болѣе дѣятельно вступалъ въ литературную жизнь. Уже въ сороковыхъ годахъ онъ примкнулъ къ литературному кругу, гдѣ цѣнили его какъ человѣка съ разностороннимъ образованіемъ, какъ тонкаго критика, затѣмъ какъ издателя Пушкина,—это изданіе было въ тѣ времена (послѣдніе годы Никсаевскаго царствованія) цѣлымъ подвигомъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Со всѣмъ кругомъ выдающихся литературныхъ дѣятелей той эпохи онъ бывалъ болѣе или менѣе близокъ, и въ послѣдствіи, на страницахъ „Вѣстника Европы“ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, онъ далъ чрезвычайно интересные рассказы о многихъ изъ дѣятелей той эпохи, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Огаревъ, Тургеневъ и пр.,—лучшіе рассказы, какіе остались о томъ времени и томъ кругѣ отъ ихъ современниковъ.

Въ предисловіи къ настоящему изданію мы читаемъ: „П. В. Анненковъ скончался въ Дрезденѣ 8-го марта 1887 года, на семьдесятъ-шестомъ году (онъ родился въ Москвѣ въ 1811 году). Послѣ него остался значительный домашній архивъ, въ которомъ хранятся богатые матеріалы для исторіи нашего литературнаго движенія за послѣдніе полувѣка. Наслѣдники покойнаго писателя предположили извлечь изъ этого источника все то, что въ настоящее время можетъ быть обнародовано въ печати, присоединивъ къ этимъ матеріаламъ и тѣ статьи Павла Васильевича, которыя съ 1841 года появлялись на страницахъ періодическихъ изданій, но не были включены въ „Воспоминанія и критическіе очерки“. Таково происхожденіе настоящаго посмертнаго сборника, которому дано названіе „П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ“.

Въ настоящую книгу, которая является первымъ томомъ, вошли слѣдующіе статьи и матеріалы: 1) „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“ (изъ „Вѣстника Европы“, 1883); 2) „Записка о Н. П. Огаревѣ“, излагающая личныя воспоминанія П. В. Анненкова объ Огаревѣ; этимъ черновымъ наброскомъ, составленнымъ въ 1877 году, П. В. Анненковъ воспользовался отчасти для предшествующей статьи, но сама по себѣ записка не была до сихъ поръ напечатана; 3) „Письма изъ-за границы“, журнальныя корреспонденціи, адресованныя къ В. Г. Бѣлинскому и печатавшіяся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841—1843

годовъ. Независимо отъ ихъ значенія для біографіи автора, письма эти живо изображаютъ тѣ интересы, которые въ сороковыхъ годахъ занимали вниманіе образованныхъ русскихъ путешественниковъ въ Западной Европѣ; 4) „Парижскія письма“, адресованныя въ редакцію „Современника“, И. И. Панаева и Н. А. Некрасова, съ конца 1846 года по начало 1848 и имѣющія такое же значеніе, какъ „Письма изъ-за границы“; 5) Письмо изъ Кіева“ (изъ „Современной Лѣтописи“, 1862) и 6) „Къ исторіи работъ надъ Пушкинскимъ“ (статья изъ „Вѣстника Европы, 1881—1882).

Послѣдній отдѣлъ настоящаго тома (стр. 486—654) представляетъ переписка, о которой въ предисловіи читаемъ, что это—„Письма къ П. В. Анненкову, относящіяся преимущественно къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ и писанныя тѣми лицами, съ которыми ранѣе другіхъ Павелъ Васильевичъ завязалъ литературныя сношенія. Нѣкоторыя, весьма немногія изъ этихъ писемъ были напечатаны самимъ П. В. Анненковымъ въ его статьяхъ, вошедшихъ въ „Воспоминанія и критическіе очерки“. Теперь представилась возможность обнародовать адресованныя къ нему письма почти въ полномъ составѣ, такъ, какъ онѣ были подобраны самимъ П. В. Анненковымъ. Высокій интересъ этого историко-литературнаго матеріала не можетъ ускользнуть отъ вниманія читателей. Въ дополненіе къ этимъ письмамъ напечатаны: воспоминаніе П. В. Анненкова о его послѣдней встрѣчѣ съ Гоголемъ, извлеченное изъ памятныхъ замѣтокъ Павла Васильевича, которыя еще не могутъ быть преданы печати, и написанный имъ некрологъ В. П. Боткина, появившійся первоначально въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1868 года“.

Такимъ образомъ настоящая книга является съ одной стороны продолженіемъ „Воспоминаній и критическихъ очерковъ“, изданіе которыхъ начато было въ 1877 самимъ Анненковымъ, съ другой по-видимому имѣетъ въ виду собрать вообще его труды и матеріалъ переписки. Поэтому издателямъ слѣдовало бы хотя во второмъ томѣ помѣстить забытые, или по крайней мѣрѣ здѣсь не упомянутые, другіе труды П. В. Анненкова,—напримѣръ, некрологъ Егора Петр. Ковалевскаго; для полноты изданія и для характеристики общественныхъ взглядовъ Анненкова слѣдовало бы помѣстить также руководящія статьи, напечатанныя имъ въ „Сиб. Вѣдомостяхъ“, когда редакція ихъ перешла къ В. О. Коршу.

Статьи Анненкова сороковыхъ годовъ, съ тѣхъ поръ собранныя впервые, его воспоминанія о современникахъ и друзьяхъ той эпохи, наконецъ, переписка, въ которой мы встрѣчаемъ имена Гоголя, Василія Боткина, Бѣлинскаго, Кудрявцева, Герцена, Некрасова и др.,

представляютъ столько интереснаго историко-литературнаго матеріала, что мы предполагаемъ потомъ остановиться на нихъ подробно.—А. П.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алабинъ, П.—Четыре войны. Походныя записки 1849, 53, 54—56 и 1877—78 гг. Часть III. Защита Севастополя (1854—56 г.). М. 92. Стр. 786. Ц. 4 р.

Александрова, В. А.—Краткое руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Съ 23 рис. Спб. 92. Стр. 88. Ц. 30 к.

— Обь устройствѣ школьныхъ садовъ при сельскихъ народныхъ училищахъ (брошюра). Спб. 91. Стр. 50.

Барановскій, А. Н.—Главные черты климата черноземныхъ областей Россіи. Съ картою. Спб. 91. Стр. 54.

Барановъ, П.—Карманный ключъ секретной корреспонденціи. Составленъ по новѣйшей французской системѣ. Спб. 91. Стр. 100. Ц. 40 к.

Боткинъ, А. С.—Къ патологической анатоміи селезенки при врупозной пневмоніи. Спб. 92. Стр. 51.

Бражниковъ, Л. Д.—Идея русскихъ писателей XIX вѣка. Матеріалы изъ исторіи русской литературы. Спб. 92. Стр. 356. Ц. 1 р. 50 к.

Бунинъ, И. А.—Стихотворенія. 1887—1891 г. Орелъ. 91. Стр. 76.

Вендтъ, Ф. М.—Душа женщины. Опытъ женской психологіи. Перев. С. Спб. 92. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

Врангель, бар. Ф. Ф.—Колебаніе климата. Лекціи въ Имп. Александровскомъ лицѣѣ. Спб. 91. Стр. 18. Ц. 30 к. (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая).

Гербинъ, Г.—Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Перев. съ нѣм. Изд. ж. „Вопросы философіи и психологіи“. М. 92. Стр. 422. Ц. 2 р. 50 к.

Глазюлевъ, А. Н.—Элементарная теорія долгосрочныхъ финансовыхъ операцій, и Таблицы для вычисленія сложныхъ процентовъ, ежегодныхъ взносовъ, ежегодныхъ уплатъ и временныхъ рентъ. М. 91. Стр. 448 и 219. Ц. 6 р.

Дебольскій, Н. Б.—Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. 1. Спб. 92. Стр. 177. Ц. 1 р. 25 к.

Демичъ, В. Ѳ.—Педиатрія у русскаго народа. Спб. 92. Стр. 87.

Заттескій, С. І.—Сибирскія минеральныя воды и грязи. I. Озеро Инголь. Медико-топографо-химическое изслѣдованіе. Томскъ. 91. Стр. 91.

Исаевъ, А. А.—Неурожай и голодъ. Лекціи въ имп. Александровскомъ лицѣѣ. Спб. 91. Стр. 45. Ц. 30 к. (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая).

Котанъ, М. И.—О новѣйшихъ санитарныхъ приспособленіяхъ для отвода нечистотъ и грязныхъ водъ изъ жилыхъ помѣщеній при сплавной системѣ (брошюра). Оренб. 92. Стр. 28.

Крюковъ-Несмѣяновъ, А.—Ночи. Маленькія новеллы. М. 92. Стр. 168. Ц. 1 р.

Лашковъ, В. Л.—Въ чемъ творчество? Очеркъ. Спб. 92. Стр. 48. Ц. 30 к.

Льюисъ, Дж. Б.—Исторія философіи. Перев. съ послѣдняго англ. изд. Съ приложеніемъ статьи о жизни и ученіи Шопенгауера и Гартмана. Изд. 2-е, съ полнымъ алфавитн. указателемъ. Спб. 92. Стр. 684. Ц. 3 р.

Мантъ, К.—Обзоръ дѣятельности морского управленія въ Россіи, въ 26-

лѣтіе царствованія имп. Александра II. 1855—80 гг. Въ двухъ томахъ Спб. 1880.

Михайловскій, Н. К.—Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. Спб. 92. Стр. 394. Ц. 1 р.

Михневичъ, А.—Бездна мысли. Поэтический ежедневникъ. Спб. 92. Стр. 311. Ц. въ роскошн. золотообрѣзн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Н.—Хищники. Комедія. Спб. 91. Стр. 196.

— Жгучій вопросъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Спб. 91. Стр. 47.

Осадчій, Т. Н.—Щербаковская волость Елисаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи. Херс. 91. Стр. 112. Ц. 1 р.

Постниковъ, В. Е.—Южно-русское крестьянское хозяйство. М. 91. Стр. 391. Ц. 2 р. 50 к.

Потанинъ, И. Н.—Повѣсти и рассказы. Т. III и VI. Спб. 92. Стр. 363 и 327. Ц. по 1 р.

Пытинъ, А. Н.—Исторія русской этнографіи. Т. IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 92. Стр. 438. Ц. 3 р.

Романовъ, П. М.—Железнодорожный вопросъ въ Персіи и мѣры къ развитію русско-персидской торговли (съ картою Персіи). Спб. 91. Стр. 64.

Савошкинъ, Д. И.—Самосожженіе въ русскомъ расколѣ, со второй половины XVII в. до конца XVIII. Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ. М. 91. Стр. 170. Ц. 1 р. 50 к.

Святловскій, В. В.—Фабричная гигиена. Съ 153 рис. въ текстѣ. Спб. 91. Стр. 719. Ц. 4 р.

Сементковскій, Р. И.—Нашъ вексельный курсъ и причины его неустойчивости. Съ графическою таблицею движенія курса съ 1880—91 г. Спб. 92. Стр. 55. Ц. 50 к.

Сильсго-Пеллико.—Обязанности человѣка. Перев. Э. М. Зиновьевой. Спб. 92. Стр. 104. Ц. 50 к.

Scribe.—Le verre d'eau ou les effets et les causes. Com. en cinq actes et en prose. Съ біографіею, примѣч. и словар. Ф. Крейсберга. Тифл. 91. Стр. 142 и 23.

Случевскій, В.—Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судопроизводство. Спб. 92.

Стебутъ, И. А.—Сельско-хозяйственное знаніе и сельско-хозяйственное образованіе. Изд. 2-е. М. 89. Стр. 168. Ц. 1 р.

Столытовъ, А. Г., Жуковский, Н. Е., и Некрасовъ, П. А.—Софья Васильевна Ковалевская. Съ ея портретомъ. М. 91. Стр. 55. Ц. 1 р.

Тимановскій, А.—Сборникъ толкованія русскихъ юристовъ къ Судебнымъ Уставамъ имп. Александра II (1866—91 г.). Изд. 2-е. Варш. 92. Стр. 651. Ц. 3 р.

Татарицевъ, Н. С.—Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Изд. 7-ое, пересмотр. и дополн. Спб. 92. Стр. 796. Ц. 4 р. 50 к.

Тимаевъ, Н.—Посохъ христіанина. Іерусалимъ и Палестина. Спб. 91. Стр. 206. Ц. 1 р.

Умановъ-Каплуновскій, В. В.—Славянская Муза. Переводы и подражанія. Спб. 92. Стр. 186. Ц. 1 р. 25 к.

Урбановская, С.—Трудъ и изнѣженность. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 92. Стр. 330.

Фамининъ, А.—Обзоръ ботанической дѣятельности въ Россіи за 1890 г. Спб. 91. Стр. 157.

Фортуновъ, А.—Краткіе очерки по статистикѣ земледѣлія и скотоводства (брошюра). М. 92. Стр. 51.

Харузинъ, Н.—Сборникъ свѣденій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. III. М. 91. Стр. 139. Ц. 2 р.

Шараповъ, С. Ѳ.—Сочиненія. Кн. 1. Спб. 92. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

Шахъ-Пароніанецъ, Л.—Впечатлѣнія жизни. Вып. 1. Спб. 92. Стр. 69. Ц. 40 к.

Штейнъ, В. Л.—Гр. Джакомо Леонарди и его теорія—*infelicità*. Спб. 91. Стр. 283. Ц. 1 р. 50 к.

Щербина, Ф.—Воронежское земство. 1865—89 г. Историко-статистическій обзоръ. Ворон. 91. Стр. 710. Ц. 3 р.

Щетинскій, Э.—Новое знаменіе Господне, явленное 6 декабря 1890 г. Петроградъ (?). 92. Стр. 8. Ц. 2 р. 100 экз.

— Крестный Календарь на 1892 г., изд. А. Гатцука. М. 92. Стр. 60. Ц. 15.

— Московское Губернское Земское Собрание 1891 г. Докладъ губернскаго экономическаго Совѣта. М. 92.

— Новороссійскій Календарь на 1892 г., изд. город. обществ. управы, п. р. Бориневича. Од. 91.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. Товар. А. Гарбель и К°. Вып. 38, 39 и 40 (Збурьевка-Истоминъ). М. 91. Стр. 1773—1916. Ц. по 40 к.]

— Обзоръ вѣшной торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ. Спб. 91.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ мин. юстиціи. Кн. 8. М. 91. Стр. 460. Ц. 3 р. 50 к.

— Распоряженія и дѣйствія по продовольственному дѣлу въ Саратовской губ., съ іюня мѣсяца 1891 г. Саратовъ. 91. Стр. 64.

— Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, издава министерствомъ на народнот просвѣщеніе. Кн. VI. Софія. 91. Държавна печатница. Стр. 478 и 238 (съ иллюстраціями). Ц. 5 лева.]

— Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Т. IX: Прилукскій уѣздъ. П. р. Н. Кулябко-Карецкаго. Полт. 91.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по Тверской губерніи. Т. VII: Зубцовскій уѣздъ. М. 91.

— Словарь русскаго языка, составленный П-мъ отдѣленіемъ Имп. Академіи наукъ. Вып. 1 (А—Втасовывать). Столб. 576. Ц. 85 к.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1891 г. М. 91.

— Урожай хлѣбовъ и травъ въ Полтавской губерніи въ 1891 г., и виды на урожай озимыхъ хлѣбовъ на 1892 г. Полт. 91. Стр. 20.

— Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Евфрона. Т. V (Буны-Вальтеръ). Спб. 91. Стр. 468.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

La femme du vingtième siècle, par *Jules Simon*, de l'Académie française, et *Gustave Simon*, docteur en médecine. Paris, 1892. Стр. 410. Ц. 3 фр. 50 сантим.

Жюль Симонъ—безъ сомнѣнія, одинъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ писателей Франціи; его легкія бесѣды, воспоминанія и характеристики, затрогивающія въ изящной формѣ серьезные вопросы морали и политики, всегда производятъ впечатлѣніе на читателя, если не глубиною и оригинальностью мысли, то искреннею убѣжденностью тона. Жюль Симонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ ветерановъ французскаго либерализма, которые еще добывали свободу путемъ самоотверженной борьбы и своими многолѣтними усиліями очистили путь нынѣшней республикѣ. Онъ до сихъ поръ остается вѣренъ своимъ старымъ идеаламъ, тогда какъ все кругомъ измѣнилось до неузнаваемости. Онъ боролся за либеральные принципы противъ правительства Луи-Филиппа и Луи-Наполеона, а теперь ему приходится отстаивать тѣ же завѣтные принципы противъ республиканскихъ группъ, для которыхъ либерализмъ кажется уже чѣмъ-то устарѣлымъ и негоднымъ. Выдвинутые либеральнымъ, освободительнымъ движеніемъ прошлаго, новые дѣятели готовы отречься отъ создававшей ихъ почвы и возродить начала государственнаго всемогущества и произвола подъ новыми названіями и девизами. Жюль Симонъ неизмѣнно доказываетъ пагубность этихъ тенденцій, направленныхъ противъ индивидуальной свободы гражданъ; онъ одинаково возстаетъ противъ стѣсненія законной дѣятельности католическаго духовенства, какъ и противъ идей государственнаго социализма. Будучи республиканцемъ по убѣжденію и по всей своей политической карьерѣ, онъ расходится весьма существенно съ большинствомъ современныхъ политическихъ партій; онъ врагъ радикаловъ и оппортунистовъ, потому что тѣ и другіе обнаруживаютъ склонность нарушать либеральныя правила относительно религіи.

Этимъ же духомъ стараго либерализма проникнута книга о „женщинѣ двадцатаго вѣка“. Жюль Симонъ, въ ясныхъ и живыхъ очеркахъ, изображаетъ положеніе и роль современной женщины въ различныхъ слояхъ французскаго общества; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объясняетъ, какія великія и священные обязанности лежатъ на женщинѣ и какъ сильно она можетъ вліять на всю общественную и политическую жизнь при правильномъ пониманіи своихъ задачъ. Книга сама собою распадается на двѣ части: въ первой (до стр. 307) говорится

почти исключительно о вопросах частной и общественной морали, въ связи съ общеою постановкою женскаго вопроса; во второй, написанной, очевидно, докторомъ Гюставомъ Симономъ, обсуждаются условія жизни и дѣятельности женщины, преимущественно съ точки зрѣнія гигиенической и медицинской, причемъ даются наставленія о питаніи дѣтей, о прорѣзываніи зубовъ, о кормилицахъ и домашнихъ врачахъ, о женскихъ модахъ, о выборѣ мужа и свадебной поѣздѣ. Докторъ Симонъ излагаетъ свои мысли также въ формѣ легкихъ „causeries“, анекдотовъ и примѣровъ; онъ старается быть остроумнымъ и элегантнымъ, какъ Жюль Симонъ, хотя ему это и не всегда удается.

Собственно о „двадцатомъ вѣкѣ“ упоминается лишь въ заглавіи; въ самой книгѣ рѣчь идетъ о женщинѣ современной и именно французской. Идеалъ Жюля Симона лежитъ скорѣе назади, чѣмъ впереди; авторъ желалъ бы, чтобы женщина довольствовалась ролью жены и матери, чтобы она не стремилась къ обманчивой и неосуществимой равноправности, чтобы она не принимала прямого участія въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Жюль Симонъ заранѣе отклоняетъ возможный упрекъ въ отсталости, въ несочувствіи прогрессу. „Начну съ самого себя — говоритъ онъ: — я занимаю мѣсто въ первыхъ рядахъ общества, а при старомъ режимѣ я едва могъ бы претендовать на какую-нибудь маленькую должность въ провинціальномъ мѣстечкѣ. Я остался въ тринадцать лѣтъ безъ всякихъ средствъ, безъ родныхъ и друзей, и обязанъ былъ заботиться не только о своемъ образованіи, но и объ удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ нуждъ. Я успѣлъ въ этомъ, и я далъ себѣ самое лучшее воспитаніе, потому что я былъ въ нормальной школѣ. Что было бы со мною при старомъ режимѣ? Мнѣ пришлось бы заняться какимъ-нибудь ремесломъ или поступить въ какую-нибудь религіозную корпорацію“. Тѣмъ не менѣе авторъ хотѣлъ бы вернуть женщину къ тому положенію, какое она занимала въ XVII вѣкѣ. „Это была женщина домашняго, семейнаго типа; въ два послѣдующія столѣтія она отчасти вышла изъ сферы своего дома, — и что изъ этого вышло? Ливнившись своего добраго генія, домашняя жизнь разстроилась. Мы начинаемъ жизнь единственно въ публичныхъ мѣстахъ, и мы не замедлимъ дойти до конца въ подражаніи американцамъ, и станемъ жить въ гостинницахъ“.

Многое кореннымъ образомъ измѣнилось во Франціи на глазахъ Жюля Симона. „Я помню еще крестьянъ въ лохмотьяхъ, безъ обуви и бѣлья, передъ 1830 годомъ. Я видѣлъ много семействъ, питавшихся каштанами и грубыми маисовыми лепешками вмѣсто хлѣба, и которымъ употребленіе мяса было незнакомо. Люди умирали въ томъ же уголкѣ земли, гдѣ родились“. Огромный прогрессъ замѣчается въ народномъ бытѣ, въ развитіи наукъ для образованія, въ обще-

ственныхъ и политическихъ понятіяхъ; но частная, семейная нравственность понизилась вмѣстѣ съ упадкомъ семьи. Женщины перестали быть, въ своихъ салонахъ, законодательницами вкуса и не создаютъ уже репутацій; въ своей семейной жизни, около своихъ мужей и дѣтей, онѣ не являются уже призванными судьями и процо-вѣдницами нравственности. Онѣ позволили постепенно вырвать изъ своихъ рукъ семейное управленіе. Женщина должна вновь возвысить семейное начало, ослабленное въ теченіе двухъ столѣтій.

Стремленіе къ равенству правъ и функцій для лицъ обоего пола, — по мнѣнію Жюль Симона, — противорѣчитъ природѣ вещей; никто не предложитъ женщинамъ носить оружіе, по примѣру амазонокъ, или работать молотомъ въ кузницѣ. Выступивъ изъ-подъ власти мужа на поприще общественной дѣятельности, женщина не будетъ уже женщиной и не сдѣлается мужчиной; но, сохраняя свое мѣсто въ семьѣ, она можетъ оказывать значительное косвенное вліяніе на общественныя и государственныя дѣла. Орудіемъ женскаго вліянія могли бы быть салоны, гдѣ прежде царило остроуміе, а теперь — свѣтское пустословіе и скука. Женщины имѣютъ возможность противо-дѣйствовать успѣху безнравственныхъ романовъ и театральныхъ пьесъ; онѣ могутъ способствовать укрѣпленію идей мира и разоруженія въ Европѣ. Въ главахъ „*La femme avocat*“ и „*La femme docteur*“ разсказываются примѣрныя исторіи семействъ, гдѣ жены или матери имѣютъ самостоятельную профессію; исторіи эти, впрочемъ, не вполнѣ правдоподобны, и потому мало убѣдительны. Авторъ допускаетъ для женщинъ такія специальности, какъ фармацевтическая, гдѣ требуется прежде всего аккуратное, пассивное исполненіе. То, что говорится о бракѣ и о связанныхъ съ нимъ вопросахъ, не представляетъ интереса новизны, и общіе взгляды Жюль Симона по этому предмету кажутся даже довольно шаблонными. Описанія нѣкоторыхъ особенностей французской семейной жизни проникнуты тонкимъ юморомъ; картины добродѣтельнаго существованія рабочихъ женщинъ имѣютъ въ себѣ слишкомъ много сентиментальнаго, идиллическаго. Жюль Симонъ подробно разсуждаетъ о вредѣ легальнаго допущенія раз-вода, о важности церковнаго брака, о руководящей роли религіи въ дѣлѣ воспитанія, о безцѣльности и ненужности борьбы съ клерикализмомъ, о религіозномъ настроеніи большинства французскихъ жен-щинъ, вопреки всѣмъ усиліямъ мужчинъ; но эти разсужденія стра-даютъ однимъ важнымъ недостаткомъ, — они ужъ просто скучны. Престарѣлый авторъ, очевидно, все еще не теряетъ надежды обра-тить скептиковъ-французовъ на путь истины, и этотъ бодрый, стой-кій оптимизмъ характеризуетъ всю вообще литературную и обще-ственную дѣятельность Жюль Симона.

II.

Histoire des doctrines économiques, par A. Espinas. Paris, 1891. Стр. 355.

Въ книгѣ Эспинаса изложено, въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ, содержаніе главныхъ экономическихъ доктринъ, начиная съ Сократа и Ксенофонта и кончая новѣйшею социальнo-историческою школою. Въ разбираемыхъ ученіяхъ старательно выдѣляются авторомъ элементы морали и практической пользы; оцѣнка дѣлается по необходимости краткая, съ приведеніемъ цитатъ и указаніемъ источниковъ, что не всегда практикуется французскими учеными экономистами. Первая, наименьшая часть книги посвящена древнимъ грекамъ, вторая — трактуетъ объ александрійской школѣ, христіанствѣ и схоластикѣ, третья—объ эпохѣ возрожденія, четвертая, наиболѣе обширная, — о меркантильной системѣ, о фізіократахъ, объ Адамѣ Смитѣ и его изслѣдователяхъ и, наконецъ, о современныхъ экономическихъ школахъ. Относительно новѣйшаго періода авторъ ограничивается лишь бѣглыми общими указаніями, справедливо полагая, что изложеніе и разборъ современныхъ доктринъ входитъ уже не въ исторію, а въ догматическій курсъ политической экономіи. Въ заключительной маленькой главѣ о методѣ указывается необходимость отдѣленія практической, прикладной части науки отъ теоретической и исторической, такъ какъ смѣшеніе двухъ различныхъ точекъ зрѣнія было источникомъ многихъ ошибокъ въ научной экономической литературѣ. Трудъ Эспинаса является полезнымъ дополненіемъ къ извѣстной „Исторіи политической экономіи“ Джона Ингрэма, появившейся въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ подъ редакцію И. И. Янжула.—Л. С.

изъ общественной хроники.

1 февраля 1892.

Газетный походъ противъ частной помощи и противъ даровой раздачі хлѣба.—Формула: *saveant conules*, въ новѣйшей передѣлкѣ гг. Шатохана, Семеновича и К°.—Взаимное отношеніе государственной и частной помощи. — Странный эпизодъ, связанный съ диспутомъ г. Галарова.

Одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи нынѣшняго тяжелаго года будетъ отведена попыткамъ въ печати ограничить, обезсилить, заподозрить частную помощь бѣдствующей массѣ—попыткамъ, до сихъ поръ не прекращающимся особенно со стороны такъ называемой „охра-

нительной прессы". Отъ времени до времени, уступая напору событій, она говоритъ нѣсколько инымъ тономъ—но при первомъ удобномъ или даже неудобномъ случаѣ опять выступаетъ наружу настоящее ея настроеніе, враждебное всякой общественной инициативѣ, всякой самостоятельной дѣятельности. Сегодня, напримѣръ, „почтенный землевладѣлецъ, соединяющій образованный умъ съ знаніемъ русской деревни“, совѣтуетъ сосредоточить *всякую* помощь въ центральныхъ рукахъ, съ тѣмъ, чтобы она уже оттуда распредѣлялась *черезъ губернаторовъ* (курсивъ автора). Завтра другой провинціальный житель (на этотъ разъ—безъ лестной аттестаціи) высказываетъ убѣжденіе, что правительство, взявъ хлѣбъ въ свое распоряженіе, *никому* не должно (?) давать его безвозмездно, а только за опредѣленную цѣну; что же касается „до всякихъ комитетовъ и земствъ, то они существенной пользы никакой принести не могутъ“. Сочувствій этого рода прессы деревенская столовая удостоивается только тогда, когда она содержится *исключительно* ея основателемъ. „Пріятную особенность безплатной столовой въ селѣ Троицкомъ, чембарскаго уѣзда“,—читаемъ мы, напримѣръ, въ № 4 „Московскихъ Вѣдомостей“,—„составляетъ то, что она открыта на *собственные средства* (курсивъ въ подлинникѣ) помѣщицы, Е. И. Немировской, а не на счетъ чужихъ пожертвованій“. Въ № 15 опять упоминается съ похвалою о столовыхъ, устроенныхъ *единолично* гр. Игнатьевымъ, кн. Оболенскимъ, княжной Шаховской и разными духовными учрежденіями и лицами, а также о помощи, оказанной населенію, въ другихъ формахъ, гг. Печаткиными и Ратьковымъ-Рожновымъ. Само собою разумѣется, что это—похвала вполне заслуженная; но чѣмъ же, однако, содержаніе столовой на средства *одного* лица отличается отъ содержанія ея на средства *нѣсколькихъ* или *многихъ* лицъ? Въ большинствѣ случаевъ—единственно степеню достатка содержателей. Счастливы тѣ, кто имѣетъ возможность обезпечить хотя бы своихъ ближайшихъ сосѣдей, не прибѣгая къ постороннему содѣйствію; но такихъ счастливецъ мало, и личная помощь сплошь и рядомъ должна уступить мѣсто коллективной. Скажемъ болѣе: послѣдняя часто является необходимымъ послѣдствіемъ и продолженіемъ первой. Начинается дѣло, обыкновенно, съ того, что землевладѣлецъ или другой мѣстный житель, видя кругомъ себя страшную нужду, старается облегчить ее собственными средствами, но скоро убѣждается въ ихъ недостаточности—и обращается къ поддержкѣ своихъ друзей, своихъ знакомыхъ. Этимъ путемъ расширяется область помощи; къ одной столовой присоединяются, мало-по-малу, другія, и въ концѣ концовъ улучшается, иногда, положеніе обширнаго района, помогать которому было бы не по силамъ одному лицу, даже довольно состоятельному. Откуда же это странное нерасположеніе къ коллективной помощи, столь оче-

видно полезной и даже неизбежной? Что это за новая оригинальная привилегія, присвоиваемая богатству? Ларчикъ открывается весьма просто: коллективная помощь предполагаетъ нѣкоторую организацію, хотя бы и самую первобытную, самую нехитрую—а нашимъ газетнымъ „охранителямъ“ ненавистна всякая организація, не снабженная съ ихъ стороны штемпелемъ и пломбой. Нѣсколько человѣкъ, совѣщающихся между собою о способахъ помочь бѣдствующей деревушкѣ—это, въ ихъ глазахъ, „сколъ“, подлежащій немедленному разсѣянію или, по меньшей мѣрѣ, строжайшему надзору. Больному уху шопотъ кажется крикомъ; два-три письма, призывающія къ пожертвованіямъ, превращаются, въ глазахъ алармиста, въ „шумный сборъ чужихъ денегъ, наполняющій всѣ газеты“... Количество вреда, приносимаго подобными фальшивыми тревогами, не поддается точному опредѣленію; но въ его значительности едва ли можно сомнѣваться. У насъ еще слишкомъ много робкихъ людей, которыхъ легко запугать или сбить съ толку даже газетной трескотней. Не одна протянутая рука остановилась при мысли, что отъ перетолкованій и подозрѣній не ограждено даже участіе въ добромъ дѣлѣ.

Когда въ газетахъ извѣстнаго оттѣнка говорится о „шумномъ сборѣ чужихъ денегъ“ или о благотворительныхъ „рекламахъ“, рассчитанныхъ на „вниманіе Европы“, у нихъ имѣется, впрочемъ, еще другой умыселъ. Ненавистная имъ вообще, коллективная помощь становится сугубо-ненавистной, когда устраивается гр. Л. Н. Толстымъ или его семействомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ печати извѣстное письмо графини С. А. Толстой, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ идетъ настоящій походъ противъ автора „Войны и мира“. Гр. С. А. Толстая отвѣчаетъ на сдѣланный ей изъ Германіи вопросъ объ организаціи *частной* помощи голодающимъ: ей ставятъ въ вину, что она не представила въ своемъ письмѣ полной картины всего сдѣланнаго и дѣлаемаго *официальными* учрежденіями. Гр. Л. Н. Толстой, вслѣдствіе письма лондонскаго комитета, выражаетъ готовность зять на себя трудъ распредѣленія, съ помощью земскихъ дѣятелей, суммъ, идущихъ изъ Англіи: отсюда дѣлается выводъ, что онъ „признаетъ только благотворительную дѣятельность свою, своего семейства и земства“. Кульминаціоннымъ пунктомъ этой травли являлось письмо г. Шатохина въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, № 10, но въ № 22 эта газета нашла возможнымъ даже превзойти себя. Воздорные слухи, недѣльны выдумки, повторяемыя молвою и искажаемыя, преувеличиваемыя при каждомъ повтореніи, возводятся въ письмѣ г. Шатохина на степень истины или, по крайней мѣрѣ, на степень „притчи“, изъ которой „вытекаетъ глубокая мораль“. Въ глазахъ народа, Л. Н. Толстой—не кто другой какъ *антихристъ*; его благотворительная дѣятельность—не что иное какъ способъ пропаганды новой вѣры“.

Таковы положенія г. Шатохина; заключительный его выводъ—необходимость мѣръ предупрежденія и пресѣченія („не окажется ли благотворительность гр. Л. Н. Толстого больше вреда, чѣмъ пользы? Пусть тѣ, кому надлежитъ это рѣшить, подумаютъ объ этомъ“). Что въ средѣ населенія, пользующагося поддержкой Л. Н. Толстого, старались поселить мысль о его безбожии и безвѣріи, что при этомъ было даже пущено въ ходъ словечко: *антихристъ*, это, къ сожалѣнію, весьма вѣроятно; но нѣтъ никакого повода думать, что ядовитое сѣмя пало на благодарную почву. Помощь, оказываемая просто, сердечно, безъ всякихъ условій, такъ же просто и довѣрчиво, по общему отзыву, принимается народомъ. Что съ нею не сопряжено ничего похожего на пропаганду—въ этомъ служить порукой уже тотъ фактъ, что даже злѣйшіе враги гр. Толстого никогда не приписывали ему попытки обратить въ „новую вѣру“ хотя бы одного изъ ближайшихъ его сосѣдей, яснополянскихъ крестьянъ. Кричать, при видѣ столовыхъ Л. Н. Толстого: *caveant consules* (или, въ вольномъ русскомъ переводѣ: *караули*!) могутъ только тѣ, кому противенъ всякій искренній порывъ къ добру, подозрительна всякая нерегламентированная дѣятельность ¹⁾).

Подозрѣніямъ и навѣтамъ—именно потому, что въ основаніи ихъ лежатъ общія причины,—подвергается не одинъ гр. Толстой. Московскій комитетъ грамотности, въ засѣданіи 16-го декабря прошлаго года, постановилъ образовать комиссію для помощи нуждающимся ученикамъ сельскихъ школъ. Не успѣла еще она открыться, какъ противъ нея выступилъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, г. Семеновичъ, „охранитель“ и „изобличитель“, не безызвѣстный и нашимъ читателямъ. Дѣло, задуманное комитетомъ,—говоритъ г. Семеновичъ,—„по первому взгляду доброе, но... *timeo Danaos et dona ferentes*“. Дальше идетъ перечисленіе широкихъ полномочій комиссіи и поименованіе нѣкоторыхъ изъ ея членовъ—вѣроятно, въ качествѣ наи-

¹⁾ Въ какой степени сильна въ нихъ своеобразно-настроенныхъ умахъ вѣра въ „регламентъ“—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ курьезнымъ словамъ „почтеннаго землевладѣльца“, упомянутаго нами въ началѣ хроникъ: „авторитетъ коронной администраціи (губернаторовъ) крайне важенъ для провинціи въ настоящую минуту. Всѣ это чувствуютъ и понимаютъ. Потому теперь мы даемъ скръпя сердце, норовя откупиться бездѣлицей отъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и лицъ, а знай ми, что деньги *сейчасъ* отправятся въ центральное мѣсто, а оттуда *сейчасъ же* (оба раза—курсивъ автора) въ умѣлыя руки администраціи—жертвы, конечно, удесятерились бы, если не болѣе“. Итакъ, найдена причина, почему пожертвованій до сихъ поръ поступало сравнительно немного; найдено и средство усилить ихъ притокъ. Въ нашей груди возникаетъ, однако, „невольное сомнѣніе“: вѣдь губернаторы принимали пожертвованія съ самаго начала голода и принимаютъ ихъ безпрерывно и до сихъ поръ; чего же ждали и ждутъ „почтенный землевладѣлецъ и его единомышленники, чтобы „удесятерить“ свои пожертвованія?

болѣе опасныхъ „данайцевъ“ (гг. Чупровъ, Каблуковъ, Мачтетъ). Не безъ намѣренія, также, упомянуто (въ примѣчаніи) имя В. А. Морозовой... Заканчивается письмо сакраментальной формулой (сaveant consules), иногда высказываемой прямо, иногда подразумеваемой, но всегда лежащей въ основѣ писаній извѣстнаго сорта... Стремленіе бросать палки подъ колеса всякаго живого, полезнаго дѣла обращается, очевидно, въ „родъ недуга“, чрезвычайно характеристичный для нашего времени.

Намъ могутъ сказать, что „предостереженія“, въ родѣ вышеприведенныхъ, направлены не противъ частной помощи вообще, а только противъ нѣкоторыхъ ея видовъ и формъ, особенно „подозрительныхъ“. Самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на такое возраженіе является другое письмо того же г. Шатохина, озаглавленное: „Опасность“ и напечатанное еще прежде въ № 359 „Московскихъ Вѣдомостей“. Исходя изъ словъ, будто бы сказанныхъ какимъ-то крестьяниномъ и выражающихъ съ одной стороны надежду на широкую правительственную помощь, съ другой—подозрѣніе, что эта помощь остается на рукахъ у „господъ“, г. Шатохинъ восклицаетъ: „въ этихъ словахъ кроется опасность—и она происходитъ отъ даровой раздачи хлѣба. *Даровая раздача хлѣба можетъ быть произведена лишь съ крайнею осторожностью и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ*; иначе она можетъ повлечь за собою самыя опасныя послѣдствія для порядка и строя, какъ общественнаго, такъ и государственнаго. Дайте нынѣ мужику дарового хлѣба, кромѣ случаевъ крайней нужды—и завтра онъ потребуетъ его во имя *своихъ правъ*“. Тревога, забытая г. Шатохинымъ, подхватывается передовою статьею „Московскихъ Вѣдомостей“; здѣсь уже прямо требуются *самыя настойчивыя мѣры*, направленные къ тому, чтобы даровая помощь (разъ что она оказывается не только изъ личныхъ средствъ самого помогающаго) допускалась лишь *въ самыхъ экстренныхъ, исключительныхъ случаяхъ*. Иными словами, вся частная благотворительность должна быть взята „подъ сумлѣніе“, подвергнута строгому надзору. Отъ благотворителя нужно требовать доказательствъ, что помощь идетъ всецѣло изъ его собственнаго кармана; если онъ такихъ доказательствъ не представить, или они будутъ признаны неубѣдительными, ему нужно запретить дальнѣйшую раздачу помощи. Болѣе возмутительнаго отношенія къ народной бѣдѣ мы не можемъ себѣ и представить. Нужда растетъ съ каждымъ днемъ; продовольственные ссуды могутъ устранить только самыя крайнія ея проявленія. Поприще для частной благотворительности открывается безконечно большое; какъ бы ни была велика сумма ея личныхъ и матеріальныхъ средствъ, она все-таки окажется недостаточною для исцѣленія всѣхъ ранъ, для облегченія всѣхъ страданій. Ее нужно всячески вызывать и поощрять — и въ это-то

именно время предлагается ея систематическое ограниченіе,—предлагается на основаніи самыхъ пустыхъ, самыхъ ничтожныхъ мотивовъ! Крестьяне отлично понимаютъ, что помощь частныхъ лицъ не заключается въ себѣ ничего обязательнаго. Они видятъ, что въ одномъ мѣстѣ она существуетъ, въ другомъ—нѣтъ; они знаютъ, что она облекается въ самыя различныя формы, въ противоположность помощи официальной, всегда разсчитываемой по „ѣдовамъ“ и всегда выражающейся въ раздачѣ муки или зерна. Если кому-нибудь и взбрела на умъ какая-нибудь сумасбродная мысль, если гдѣ-нибудь и пущенъ слухъ, что помощь предназначена всѣмъ, но не до всѣхъ доходить, то неужели за это должна отвѣчать масса ни въ чемъ неповинныхъ, голодающихъ людей, безхитростно и благодарно принимающихъ всякій лишній кусокъ хлѣба? Ужъ если перетолкованіе вообще возможно, то отъ него не гарантирована ни помощь, идущая изъ собственныхъ средствъ благотворителя, ни помощь, оказываемая по распоряженію губернскаго или центрального благотворительнаго комитета. О первой можно сказать, что она вызвана предписаніемъ свыше, общимъ для всѣхъ „господъ“, но не всѣми исполняемымъ; вторую еще легче приурочить къ какой-нибудь таинственной формулѣ, въ родѣ цитируемой г. Ша-тохинымъ („намъ отпущено“). Не такая теперь минута, чтобы оставившись передъ возможностью недоразумѣній и смущаться призраками, создаваемыми кое-гдѣ фантазіей голоднаго крестьянина.

Перетолкованіе понятно и простиительно, когда оно идетъ отъ людей темныхъ, легковѣрныхъ; но что сказать о немъ, когда оно переходитъ въ совершенно другія сферы? Профессоръ Коркуновъ помѣстилъ въ „Юридической Лѣтописи“ статью, въ которой доказывается необходимость государственнаго вмѣшательства въ область экономическихъ отношеній и, между прочимъ, въ борьбу съ послѣдствіями голода. Противъ этого тезиса мы не споримъ; для насъ интересенъ только неожиданный выводъ, дѣлаемый изъ него „Московскими Вѣдомостями“. Статья профессора Коркунова,—читаемъ мы въ № 14 московской газеты—„какъ нельзя болѣе встаетъ въ настоящую минуту, когда все еще продолжаются попытки поставить частную благотворительность въ неурожайныхъ мѣстностяхъ внѣ всякой зависимости отъ государственнаго вмѣшательства и правительственнаго контроля. Результаты такого направленія въ дѣлѣ благотворительности могутъ оказаться самыя печальныя: вмѣсто пользы она можетъ принести вредъ. И пора бы, кажется, понять, что въ такомъ общегосударственномъ дѣлѣ, какъ борьба съ послѣдствіями неурожая, только одно правительство способно опредѣлить дѣйствительныя средства для этой борьбы, только подъ его непосредственнымъ вліяніемъ и надзоромъ частная благотворительность можетъ быть направлена на настоящій путь“. Не ясно ли, что къ мысли г. Корку-

нова „Московскія Вѣдомости“ присоединяютъ мотивъ изъ „совсѣмъ другой оперы“? Можно стоять за самое энергическое вмѣшательство государства въ продовольственное дѣло—и допускать вмѣстѣ съ тѣмъ самую полную свободу частной благотворительности ¹⁾. Сфера дѣйствій, приемы, самыя цѣли—все здѣсь различно, все говоритъ противъ смѣшенія, намѣренно или ненамѣренно допускаемаго московской газетой. Да, государство можетъ регулировать хлѣбную торговлю, можетъ даже, въ случаѣ крайней надобности, прибѣгнуть къ реквизиціи хлѣбныхъ запасовъ; но это еще не значитъ, чтобы оно должно было сказать частнымъ лицамъ: помогайте здѣсь, а не тамъ, помогайте такъ, а не иначе, помогайте въ такихъ-то размѣрахъ, но не больше. Цѣль государства—не допустить до крайней, послѣдней степени нужды; цѣлью частныхъ лицъ можетъ быть поддержаніе падающаго благосостоянія, предупрежденіе хозяйственнаго краха. При огромной массѣ бѣдствующихъ, государство можетъ ограничить свою заботу тѣмъ, чтобы каждый получилъ минимальное количество пищевыхъ средствъ, необходимое для жизни; частная помощь можетъ стремиться къ тому, чтобы насытить, согрѣть, обуть, одѣть нуждающихся. Быть можетъ, при этомъ будутъ сдѣланы нѣкоторыя излишнія затраты—но потеря, ими обусловливаемая, ничтожна въ сравненіи съ тою, которую повлекло бы за собою стѣсненіе частной помощи. Послѣдняя—своего рода „не тронь меня“; она сжимается при всякомъ сколько-нибудь рѣзкомъ прикосновеніи, и, однажды закрывшись, лепестки ея раскрываются не скоро.

Узкой, близорукой и жесткой доктринѣ газетныхъ „охранителей“ не суждено, повидимому, восторжествовать надъ другими, болѣе симпатичными теченіями. Въ протоколахъ засѣданій московскаго комитета по сбору пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая все чаще и чаще встрѣчаются ассигновки суммъ въ распоряженіе частныхъ лицъ или учрежденій, организовавшихъ уже на мѣстѣ помощь голодающимъ. Это дѣлается не только въ тѣхъ случаяхъ, когда назначеніе пожертвованія указано самимъ жертвователемъ, но и тогда, когда способъ употребленія той или другой суммы вполне зависитъ отъ усмотрѣнія комитета. Такъ напримѣръ, общество любителей художествъ представило въ комитетъ 14 тысячъ рублей, съ просьбою распредѣлить ихъ между заранѣе намѣченными лицами (къ числу которыхъ принадлежали, между прочимъ, гр. Т. Л. Толстая, Н. Н. Философова, гр. В. А. Бобринскій, докторъ Португаловъ)—и комитетъ, исполнивъ эту просьбу, постановилъ, въ томъ же засѣданіи, ассигновать на поддержку существующей уже мѣстной помощи еще 6.500 рублей. Такія

¹⁾ Свобода не исключаетъ контроля, разъ что частная помощь получаетъ широкую гласность и формальную организацію.

же ассигновки встрѣчаются и въ постановленіяхъ Особаго Комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника. Въ засѣданіи 15-го января назначено, на примѣръ, 3.000 рублей въ распоряженіе М. и А. Стаховичей, на *поддержаніе* столовыхъ, устроенныхъ ими въ губерніяхъ орловской, рязанской, тульской, тамбовской, воронежской и пензенской. Намъ кажется, что этотъ способъ распредѣленія пожертвованій, поступающихъ въ центральныя учрежденія, имѣетъ безспорныя преимущества передъ всѣми другими. Лицо, командируемое для раздачи пособій, не знаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мѣстныхъ условій и не имѣетъ времени изучить ихъ. Ему трудно пріискать сотрудниковъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, трудно опредѣлить форму помощи, больше всего подходящую къ каждому отдѣльному случаю, трудно услѣдить за исполненіемъ данныхъ имъ инструкцій. Не вполне цѣлесообразно, далѣе, совмѣщеніе въ одномъ лицѣ функций служебныхъ и функций благотворительныхъ, разнохарактерныхъ по своему существу, по задачамъ, по способамъ дѣйствія. Можно отлично регулировать выдачу продовольственныхъ ссудъ—и оказываться весьма слабымъ организаторомъ благотворительности. Тамъ нужна точность, аккуратность, строгость—здѣсь всего нужнѣе сердечность. Качества перваго рода можно выработать въ самомъ себѣ, ихъ можно требовать и отъ другихъ; сердечность же не предписывается и не создается по заказу. Чиновникъ, на котораго возложена раздача пособій, смотритъ на это, за рѣдкими исключеніями, какъ на случайный придатокъ къ его главнымъ, обычнымъ занятіямъ; онъ не заинтересованъ вовсе—или заинтересованъ весьма слабо—въ приливѣ пожертвованій, въ развитіи и расширеніи дѣла, въ наиболѣе производительномъ употребленіи каждой жертвовой копѣйки. Не таково положеніе частнаго человѣка, давно живущаго въ данной мѣстности или поселившагося тамъ именно съ цѣлью сдѣлать что-нибудь въ пользу голодающихъ. Свободно и всецѣло отдаваясь своему дѣлу, страдая отъ каждой неудачи, радуясь каждому успѣху, онъ можетъ, при равныхъ средствахъ, достигнуть гораздо большаго и значительно увеличить самыя средства. Помочь такому лицу или группѣ лицъ, поддержать или распространить ими начатое—это самая благодарная задача для учрежденія, располагающаго крупными суммами, но стоящаго далеко отъ нуждающихся мѣстностей. Весьма характеристичны, съ этой точки зрѣнія, слова генерала Баранова, записанныя въ журналѣ нижегородской губернской продовольственной комиссіи (29-го декабря). „Какъ устроить столовыя?“ спросилъ онъ самъ себя—и отвѣтилъ: *не знаю*. Это вполне понятно, потому что губернатору, какъ и земскому начальнику, какъ и предводителю дворянства, какъ и всякому другому должностному лицу, теперь—да и вообще—не до столовыхъ! Частное лицо, желающее открыть столовую и не знающее,

какъ это сдѣлать, поѣдетъ къ гр. Толстому или въ другое мѣсто, гдѣ существуютъ деревенскія столовыя, или просто соберетъ свѣденія черезъ своихъ знакомыхъ—и о незнаніи больше не будетъ рѣчи. Кто научился самъ, тотъ легко можетъ научить и другихъ. Хорошо организованныя столовыя—это нѣчто въ родѣ практической школы, для всякаго доступной; это центръ, изъ котораго, при достаточности средствъ, могутъ исходить нити въ разныя стороны. Мы увѣрены, что стоитъ только кликнуть кличъ—и вездѣ найдутся люди, готовые безвозмездно поработать на пользу голодающихъ. Вмѣстѣ съ людьми нахлынутъ и средства, потому что у каждаго есть кругъ друзей, довѣряющихъ лично ему, а слѣдовательно, и организуемому или руководимому имъ дѣлу. Частная помощь, разнообразная уже и теперь, приспособится тогда еще больше ко всѣмъ видамъ и родамъ нужды. Рядомъ съ школьными столовыми, съ попечительствами о голодныхъ дѣтяхъ, съ пріютами для больныхъ и престарѣлыхъ, съ организаціей домашнихъ и кустарныхъ работъ ¹⁾ появятся другія формы попеченія, направленныя, напримѣръ, къ тому, чтобы загладить сколько-нибудь хозяйственныя потери крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Особенно благоприятнымъ для такого расширенія частной помощи является именно настоящій моментъ, когда въ Особый Комитетъ начинаютъ поступать суммы, доставленныя благотворительной лотереей. По 13-е января такихъ суммъ было передано въ Особый Комитетъ почти два милліона, что, вмѣстѣ съ другими перечисленіями, составило около 2½ милліоновъ рублей. Пожертвованій, до 17-го января, поступило въ Особый Комитетъ 722 тысячи рублей.

Высказываясь, съ глубокимъ убѣжденіемъ, за возможно широкую и свободную организацію частной помощи—свободную даже и при поддержкѣ центральныхъ благотворительныхъ учреждений,—мы далеки отъ мысли, чтобы она могла замѣнить собою или хотя бы уменьшить государственную помощь. Объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ цифры: 72 милліона — съ одной стороны, какіе-нибудь три или четыре милліона—съ другой. Послѣдняя сумма увеличится, правда, выручкой отъ благотворительныхъ лотерей; но увеличится, въ еще ббльшей пропорціи, и первая. Какъ бы ярко графъ Л. Н. Толстой ни выставялъ на видъ, въ своей послѣдней статьѣ

¹⁾ Для устройства школьныхъ столовыхъ организована, по образцу Москвы, коммиссія при петербургскомъ комитетѣ грамотности. Попечительство о дѣтяхъ, страдающихъ отъ неурожая, существуетъ, напримѣръ, въ Рязани; прокормленіе одного ребенка (до двухъ лѣтъ) обходится ему ежемесячно только въ 20 коп., такъ что за тысячу съ небольшимъ рублей можно прокормить, до новаго урожая, 1000 дѣтей. Домашнія работы устроены, между прочимъ, Н. Н. Философовою (въ данковскомъ уѣздѣ рязанской губерніи), которой Особый Комитетъ отпустилъ, на поддержку этого дѣла, 1000 рублей.

(„Книжки Недѣли“, № 1) недостатки, неизбежно свойственные государственной помощи, отрицать ея необходимость и онъ, конечно, не станетъ; безъ нея бѣдствіе достигло бы размѣровъ, о которыхъ страшно даже подумать. Взаимодѣйствіе обоихъ видовъ помощи, дополненіе одного изъ нихъ другимъ—вотъ въ чемъ задача настоящей минуты. Съ количественной точки зрѣнія особенно важна государственная помощь; частная помощь имѣетъ, зато, громадное нравственное значеніе. Мы говоримъ, конечно, не о банальныхъ ея проявленіяхъ—не объ удѣленіи голодающимъ микроскопической части своего избытка, не о суетливомъ выпрашиваніи подачекъ, не о благотворительныхъ балахъ или навязываемыхъ подпискахъ. Нѣсколько выше стоитъ пожертвованіе, стоющее какихъ-либо лишеній, какого-нибудь труда со стороны жертвователя. И это, однако, ничто въ сравненіи съ подвигами, совершаемыми теперь во многихъ мѣстахъ Россіи—подвигами скромными, не блестящими, съ перваго взгляда даже мелкими, но цѣнными по настроенію, ихъ вызывающему. Бросить свои городскія привычки и занятія, поселиться въ глуши, отдать все свое время знакомству съ нуждами деревни и пріисканію способовъ къ ихъ удовлетворенію, видѣть вокругъ себя изнуренныя лица, слышать плачь голодныхъ дѣтей и жалобы ихъ родителей и, что всего хуже, отказывать, за недостаткомъ средствъ, очевидно бѣдствующимъ людямъ—вотъ совокупность жертвъ, которыхъ требуетъ, если можно такъ выразиться, личное единоборство съ голодомъ. И такія жертвы приносятся сотнями людей, остающихся и желающихъ остаться неизвѣстными, находящихъ утѣшеніе и точку опоры только въ сознаніи исполненнаго долга. Кто видѣлъ хотя бы одного изъ нихъ, тотъ не можетъ отчаиваться въ нашемъ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ. Намъ припомнились, по этому поводу, стихи Некрасова, которымъ скоро минетъ польза. Признавая, что Русь „черна, куда ни погляди“, поэтъ говоритъ, въ утѣшеніе себѣ и другимъ:

„Но не проѣлъ до сердцевинъ
Ее порокъ. Въ ея груди
Вѣжитъ потокъ, живой и чистый,
Еще вѣмъ ихъ народныхъ силъ.
Такъ подъ корою Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ“...

Въ средѣ московской присяжной адвокатуры, какъ и въ средѣ многихъ другихъ корпорацій, идетъ усиленный сборъ пожертвованій въ пользу голодающихъ. Для обсужденія вопроса, куда направить эти пожертвованія, была выбрана особая коммиссія, въ составѣ семи присяжныхъ повѣренныхъ. Она остановилась на мысли весьма симпатичной и удобоисполнимой. Въ каждомъ изъ главныхъ центровъ

нужды, на сколько она коснулась московскаго судебнаго округа—въ Рязани, Тулѣ, Ельцѣ, Нижнемъ Новгородѣ—есть присяжные повѣренныя; многіе изъ нихъ хорошо знакомы съ положеніемъ голодающихъ мѣстностей и принимаютъ личное, непосредственное участіе въ организаціи помощи. Къ этимъ присяжнымъ повѣреннымъ коммиссія и предложила обратиться, распредѣливъ между ними всѣ собранныя деньги и предоставивъ имъ самимъ избраніе той или другой формы помощи. Что-нибудь болѣе цѣлесообразное трудно и придумать—и намъ не хотѣлось бы вѣрить дошедшему до насъ слуху, что московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ отклонилъ предложеніе коммиссіи. Во всякомъ случаѣ окончательное разрѣшеніе вопроса должно зависѣть не отъ совѣта, а отъ общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ. Помощь голодающимъ не входитъ въ число официальныхъ функцій совѣта; рѣшающій голосъ принадлежитъ здѣсь самимъ жертвователямъ. Нужно надѣяться, что они не откажутся сохранить за собою распоряженіе собранными суммами и контроль надъ ихъ употребленіемъ, вполне возможный именно при системѣ, рекомендуемой коммиссіею.

Въ ноябрѣ прошлаго года въ петербургскомъ университетѣ происходила защита диссертациі г. Гилярова о Платонѣ, представленной имъ для полученія степени доктора философіи. Изъ участвовавшихъ въ диспутѣ всего менѣе благопріятно отозвался о диссертациі профессоръ Карѣевъ. Вслѣдъ затѣмъ одна изъ московскихъ газетъ, другими, болѣе серьезными органами московской прессы обыкновенно не называемая по имени, напечатала корреспонденцію изъ Петербурга, въ которой сказано было, между прочимъ, слѣдующее: „г. Карѣевъ считаетъ себя, среди петербургскихъ ученыхъ, проводникомъ западно-европейской науки въ Россіи. Онъ основалъ какое-то историческое общество, которое начало съ того, что набросилось на цѣлый рядъ нашихъ отечественныхъ историковъ (помните нападки на г. Иловайскаго). И какъ г. Карѣеву было не защитить западно-европейскую критику отъ нападенія кievскаго ученаго“ (г. Гилярова)? Сама по себѣ эта выходка, конечно, не заслуживала бы вниманія. Всѣмъ извѣстно, что историческое общество, открытое при петербургскомъ университетѣ, не „набрасывалось“ ни на одного изъ нашихъ „отечественныхъ ученыхъ“, большинство которыхъ состоитъ его членами. За все время двухлѣтняго своего существованія оно выслушало только одинъ докладъ, специально посвященный разбору сочиненія русскаго историка (г. Иловайскаго)—этотъ докладъ (проф. Платонова) отличался всѣми свойствами спокойнаго, объективнаго, научнаго труда; достаточнымъ доказательствомъ тому служить напечатаніе его въ

„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Но вотъ что странно: вскорѣ послѣ возвращенія г. Гилярова въ Кіевъ, до Петербурга и Москвы донесся слухъ, что обвиненія противъ г. Карѣва и историческаго общества, аналогичныя съ выставленными въ московской газетѣ, были повторены съ университетской кафедръ. Этотъ слухъ, къ которому присоединялись еще многіе другіе, заставилъ проф. Карѣва снестись съ деканомъ историко-филологическаго факультета кіевскаго университета. Отвѣтъ, какъ мы слышали, полученъ такой: г. Гиляровъ не высказалъ, съ кафедръ, никакого собственнаго сужденія объ историческомъ обществѣ, но сослался на вышеупомянутую газетную корреспонденцію. Признаемся откровенно: это насъ до крайности удивляетъ. Газетная полемика, да еще такого низменнаго сорта, не должна быть ни прямо, ни косвенно переносима въ университетскія лекціи. Болѣе понятнымъ, хотя и неумѣстнымъ, было бы даже „собственное сужденіе“ профессора объ историческомъ обществѣ, чѣмъ ссылка на намекъ темнаго листка, компетентнаго только въ сферѣ городскихъ сплетенъ и мелкихъ изобличеній.

Наша хроника была уже отпечатана, когда въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось слѣдующее письмо къ издателю этой газеты: „М. г.—Надѣмся, что, желая возстановить правду, вы не откажете помѣстить нѣсколько словъ этихъ отъ нашего имени въ ближайшемъ номерѣ вашей газеты. Въ номерѣ газеты вашей отъ 10-го января помѣщена статья, подписанная г. Шатохинымъ, озаглавленная: *Молва и притча о графѣ Л. Н. Толстомъ*. Правда требуетъ, и мы считаемъ своимъ долгомъ для возстановленія истины засвидѣтельствовать, что дѣятельность графа по оказанію помощи нуждающемуся населенію, не ограничившаяся однимъ данковскимъ уѣздомъ, а перешедшая теперь и въ епифанскій, тульской губерніи, гдѣ имъ открыто болѣе 30 столовыхъ, не возбуждая никакихъ ложныхъ толковъ, вызываетъ въ населеніи одни только чувства глубокой благодарности и признательности, а со стороны насъ и всѣхъ близко стоящихъ къ дѣлу, кромѣ этого, и чувства глубокаго уваженія“. Подписали: „предводитель дворянства епифанскаго уѣзда Н. Протопоповъ; предсѣдатель епифанскаго попечительства Краснаго Креста Р. Писаревъ. 16-го января 1892 года, городъ Епифань“.

Издатель и редакторъ: М. Ста с ю л е в и ч ъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1892.

Книга первая. — Январь.

	СТР.
ОРЖЕСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКАГО НАЧАЛА НА ЗАПАДѢ (XII в.)—Папа Иннокентій III.	
—I.—В. И. ГЕРБЕ . . .	5
ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.—Романъ.—Часть первая: I-XX.—П. Д. БОБОРЫКИНА . .	49
Блэзъ Паскаль.—Очеркъ.—Р. М. ЛУНИНА . . .	122
Стихотворенія.—Не спѣша, мѣняйтесь, картины...—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	172
Буддизмъ въ Забайкальѣ.—Изъ личныхъ наблюденій туриста.—В. ПТИЦЫНА .	178 +
Приподнятая завѣла.—Разсказъ.—I-V.—НИК. КАР. . .	187
Стихотворенія.—I. Сегодня въ облакахъ.—II. Когда зимой.—ВЛ. ЛАДЫЖЕН-	
СКАГО . . .	228
Вioletta Меріанъ.—Романъ, соч. Ог. Филонъ.—Съ франц.—I-IV.—А. Э. . .	280
Русская народность въ Сивирѣ.—Н. Астиревъ, Очерки жизни населенія Вос-	
точной Сибири.—А. Н. ПЫПИНА . . .	276 —
Стихотворенія.—I. Подражаніе псалму ХСІ.—II. Если могучее солнце.—III. У	
аркнхъ звѣздъ.—IV. Небо лазурью сверкало.—V. Побѣжденный валь.—	
В. Г.—ЕНЪ . . .	324
Исторія одного хозяйства и крестьянскій банкъ.—Изъ деревенскихъ наблюденій.	
—Н. М. СОКОЛОВСКАГО . . .	327
Хроника.—Обороты и операціи казны въ 1890 г., по отчету государствен-	
наго контроля.—О. . .	362
Внутреннее Овозрѣніе.—Общая характеристика минувшаго года.—Правитель-	
ственные мѣры по обезпеченію народнаго продовольствія.—Дѣятельность	
нижегородской губернской продовольственной комиссіи.—Рѣчь ниже-	
городскаго губернатора при открытіи губернскаго земскаго собранія.—	
Постановленія Особаго Комитета. Циркуляръ саратовскаго губернатора.	374
Иностранное Овозрѣніе.—Политическія событія 1891 года.—Взаимныя отно-	
шенія великихъ державъ и франко-русскій союзъ.—Политическія дѣла	
въ Германіи и нѣмецкое общественное мнѣніе.—Старый и новый канц-	
леръ.—Торговые трактаты и ихъ значеніе.—Положеніе дѣлъ въ дру-	
гихъ европейскихъ государствахъ.—Дополнительныя свѣдѣнія о берн-	
скомъ конгрессѣ географовъ . . .	395
Успѣхи географіи, какъ основа эмиграціи и колонизаціи.—М. Н. АННЕНКОВА.	407 +
Литературное Овозрѣніе.—Национальная система политической экономіи, Фр.	
Листа.—Л. С.—А. Харузинъ, По поводу брошюры „О студенческой жизни	
въ Дерптѣ“.—Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн. росс. при москов.	
университетѣ.—А. П. . .	418
Новости иностранной литературы.—I. Le socialisme moderne, par M. Block,	
membre de l'Institut.—II. Die Lügen unserer Socialdemokratie, von	
H. Blum.—Л. С. . .	436
Изъ Овещественной Хроники.—Декабрьскія сессіи губернскихъ земскихъ собра-	
ній.—Нѣчто о докторскихъ „дощечкахъ“ и о желѣзнодорожныхъ буфе-	
тахъ.—Опасный избытокъ усердія.—Неожиданный результатъ недавняго	
спора.—Церковная школа и г. Горбовъ.—Двадцатипятилѣтіе дѣятель-	
ности В. А. Манаскина и А. М. Унковскаго.—Начало дѣла въ дѣвшеи	
Думѣ о мукѣ . . .	441
Извѣщенія.—О сѣздѣ по пожарному дѣлу въ Россіи . . .	459
Библиографическій Листокъ.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. XIV.—Исторія	
англійскаго народа, Дж. Рич. Грина, т. I.—Очеркъ теоріи государствен-	
наго кредита, А. Залужина.—О сельскомъ хозяйствѣ, В. Д. Кренке.—	
Русскій Календарь на 1892 г., А. Суворина.—Наука о мысли М. Мюл-	
лера, перев. В. В. Чуйко.—А. С. Гольденвейзеръ, Соціальныя теченія и	
реформы XIX столѣтія въ Англіи.	

Февраль. — Книга вторая.

Торжество теократическаго начала на Западѣ (XII в.). — Папа Иннокентій III. — II-VI. — Окончаніе. — В. И. ГЕРЬЕ	46
Василій Теркинъ. — Романъ. — Часть первая: XXI-XL. — П. Д. БОБОРЫКИНА.	494
Мои воспоминанія. — I. — О. И. БУСЛАЕВА	569
Приподнятая завѣса. — Разсказъ. — VI-IX. — Окончаніе. — НИК. КАР.	595
Наше законодательство о народномъ продовольствіи. — Историческій очеркъ. — I-V. — Е. Э. КАРТАВЦЕВА	628
Вioletta Меріанъ. — Романъ, соч. Ог. Филона. — Съ франц. — V-VIII. — А. Э.	679
Шестнадцатый вѣкъ и реформа. — Е. Шмурло, XVI вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. — А. Н. ПЫПИНА	722
На Азонъ. — Изъ путевыхъ замѣтокъ. — I-IV. — А. О. БРАНДТА	745
Машинистъ. — Поэма Ф. Коппé. — Перев. О. МИХАЙЛОВОЙ	785
Нашъ торговый валансъ. — I-II. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	792
Валеріанъ Майковъ. — Его критическіе опыты, 1845-1847 гг. — А. В. — НБ	810
Посмертное стихотвореніе С. В. Ковалевской. — Сообщ. Я. К. ГРОТЪ	832
Хроника. — Изъ недавней повѣдки въ тамбовскую губернію. — Впечатлѣнія и замѣтки. — К. К. АРСЕНЬЕВА	835
Внутреннее Овозрѣніе. — Кончина Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. — Вѣдомость о положеніи продовольственнаго дѣла. — Народъ и государство. — Голодь или „обостренная нужда“? — Газетный обвинительный актъ противъ земства. — Нападенія на земскую статистику. — Журналы нижегородской продовольственной комиссіи. — Перемѣна въ управленіи министерствомъ путей сообщенія	851
Государственная роспись на 1892 годъ. — О.	871
Иностранное Овозрѣніе. — Парламентскіе и политическіе вопросы въ Пруссіи. — Новый законопроектъ о народныхъ школахъ, его достоинства и недостатки. — Польскій вопросъ въ Познани и его особенности. — Французскія дѣла. — Жалобы „Славянскихъ Извѣстій“ на несочувствіе къ нимъ австрійскихъ властей	886
Литературное Овозрѣніе. — „Помощь голодающимъ“. Научно-литературный сборникъ, изд. „Русскихъ Вѣдомостей“. — П. В. Анненковъ и его друзья, т. I. — А. П. — Новыя книги и брошюры	902
Новости иностранной литературы. — I. La femme du vingtième siècle, par J. Simon. — II. Histoire des doctrines économique, par A. Espinas. — Л. С.	912
Изъ Овещественной Хроники. — Газетный походъ противъ частной помощи и даровой раздачи хлѣба. — Формула: caveat consules, въ новѣйшей передѣлкѣ гг. Шатохлина, Семеновича и К°. — Взаимное отношеніе государственной и частной помощи. — Странный эпизодъ, связанный съ диспутомъ г. Гилярова	915
Библиографическій Листокъ. — Сочиненія С. О. Шарапова, кн. I. — Исторія русской этнографіи, А. Н. Пыпина, т. IV. — Фабричная гигиена, В. В. Святловскаго. — Душа женщины, Ф. Вендта. — Синее знамя, разсказъ М. Гранстремъ. — С. В. Ковалевская, А. Столѣтова, Н. Е. Жуковскаго и П. А. Некрасова.	

Знаменитая история Георга Вегера. Переводъ съ второго изданія. Т. XIV. Десятилетнее столѣтіе. Отдѣлъ I: до французской революціи и ея прамыхъ послѣдствій. Перев. В. Нехомасова. Изд. К. Т. Солдатеникова. М. 92. Стр. 1012. Ц. 6 р.

По міру приближенія къ нашему времени этотъ классическій трудъ, сохраняя свое значеніе самой надежной справочной книги, приобретаетъ и другой интересъ — книги для чтенія о событіяхъ, находившихся въ болѣе тѣсной связи съ ходомъ политическихъ событій нашихъ современныхъ. Настоящій выпускъ обобщаетъ соборъ эпохи Наполеона I, послѣдовавшей за его паденіемъ реакція, и останавливается предъ тридцатими годами нашего вѣка, позолотившими конецъ политическаго системъ, охватившей на мілскій конгрессъ. При томъ дѣятельности, непрерывности и повсемѣстности участія, какое въ первый разъ начала принимать Россія въ дѣлахъ в. Европы, съ самыхъ первыхъ годовъ XIX-го столѣтія, ея исторія въ настоящемъ выпускѣ, соответственно тому, удѣляется уже болѣе мѣста, и особая глава посвящена эпохѣ имп. Александра I и первымъ годамъ царствованія имп. Николая I до возстанія и паденія Польши.

Исторія Англійскаго народа, Дж. Рич. Грина. Т. I. Перев. съ англ. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатеникова. М. 92. Стр. 450. Ц. 3 р.

Настоящій выпускъ обобщаетъ соборъ древнюю, саксонскую эпоху исторіи Англіи, до ея завоеванія норманнами, и владѣтельство завоевателей до хартіи 1214 г., легкой въ основаніе дѣятѣйшей парламентской исторіи этой страны, вплоть до начала новой исторіи, названіи реформационной эпохи. Будучи основательнымъ пособіемъ при преподаваніи политической исторіи, трудъ Грина выдѣлитъ съ тѣмъ сообщаетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ исторіи культуры странъ и даетъ не только указаніе, но и оцѣнку источниковъ, которые хорошо могутъ послужить для желающихъ изслѣдовать болѣе подробно ту или другую эпоху исторіи Англіи въ средніе вѣка.

Открытѣ теорія государственнаго кредита, А. С. Залужнина. Сиб. 92. Стр. 175. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи къ своему труду, авторъ объясняетъ причину, почему появившая исторія финансовъ политикѣ характеризуется сильными развитіемъ системы займовъ или такъ-называемаго государственнаго кредита, въ связи съ появившимся историко-реалистическимъ направлениемъ въ политической экономіи, идущимъ въ разрѣзъ съ крайнимъ индивидуализмомъ экономистовъ-классиковъ, каковы А. Смитъ, Милль, Д. Рикардо и др. Но такъ какъ до сихъ поръ, по словамъ автора, еще упорно держится старое убѣжденіе, что государственный кредитъ вреденъ, что онъ оправдывается только крайнею необходимостью, если уже никакъ нельзя вовсе обойтись его, то онъ и рѣшился ближе изучить истинный характеръ и значеніе этого новаго и колоссальнаго фактора хозяйственно-политической жизни современныхъ государствъ. Въ первой, главѣ введенья части, авторъ ограничивается всестороннимъ изложеніемъ теоріи и всѣхъ разнообразныхъ формъ государственнаго кредита, общими, во второй части, дать краткій очеркъ исторіи государственныхъ долговъ въ перво-классныхъ европейскихъ государствахъ.

О сельскомъ хозяйствѣ, В. Д. Бренке. Т. Ш. вып. 5. Сиб. 91. Стр. 224. Ц. 60 к.

Настоящій, предвостаній выпускъ этого вообще полезнаго труда и особенно въ настоящее время, когда судьба сельскаго хозяйства наглядно доказала всѣ свои первоначальную важность, посвященъ специально одной изъ главныхъ его отраслей и подотрѣй, а именно — огородному и садовому фруктовому хозяйству. Дѣйствительно главы этого выпуска заняты объясненіемъ рациональныхъ способовъ въ домашней переработкѣ овощей и плодовъ, съ цѣлью сохранения ихъ на долгое время въ пищу, и выдѣлкѣ изъ нихъ различныхъ столовыхъ напитковъ.

Русскій календарь на 1892 г. А. Оуворина. XXI годъ. Сиб. 92. Стр. 616.

Форма и содержаніе всѣхъ нашихъ календарей до того уже установились, что единственная задача новаго изданія состоитъ исключительно въ тѣхъ необходимыхъ поправкахъ, какія накладываются ежегодными поремѣнами во всемъ окружающемъ насъ. Но желательно было бы также и нѣкоторое развитіе ихъ содержанія; такъ, для нашихъ столичныхъ календарей, въ виду того, что Петербургъ едва ли не единственный столица, который до сихъ поръ не имѣетъ адресной книги, необходимо было бы въ будущемъ распространѣніе справочнаго отдѣла.

Патка о мысляхъ, Макса Мюллера. Переводъ В. В. Чуйко. Изданіе А. С. Семенова. Сиб. 1892. Стр. 474. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненіе знаменитаго оксфордскаго профессора, появившееся теперь въ русскомъ переводѣ, разсматриваетъ „науку о мысляхъ“ въ непосредственной связи съ наукою о языкѣ, причѣмъ лингвистикѣ отведено даже преобладающее мѣсто. Эта книга не имѣетъ характера систематическаго научнаго трактата; „она была написана“, говоритъ авторъ въ предисловіи — для меня самого и для нѣсколькихъ друзей, съ которыми я много лѣтъ шелъ по одному пути; отъ времени до времени мы обмѣнивались мыслями, мы соглашались въ однихъ пунктахъ и расходились въ другихъ, и такъ какъ мы скоро дойдемъ до конца нашего путешествія, то я позволилъ составить отчетъ о томъ, что получалось изъ многолѣтняго общаго труда мысли и дружескихъ бесѣдъ. Легкая и живая форма изложенія дѣлаетъ книгу вполне доступною и для лицъ, не занимающихся специально вопросами философіи и сравнительнаго языковѣданія; жалъ только, что переводъ не всегда ровенъ и не всегда вполне ясенъ. Такъ, напр., едва ли кто пойметъ слѣдующую фразу: „можете повести насъ къ точкѣ, съ которой мы узнаемъ во всѣхъ самосознающихъ Мона Великаго Оно, сознающаго всѣхъ Мона“ (стр. XVI), и т. д.

А. С. Гольденвейзеръ. Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи. Кіевъ, 1891. Стр. 198.

Интересный трудъ г. Гольденвейзера составленъ главнымъ образомъ по книгѣ Шульце-Гревенца, вышедшей въ 1890 году въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ „Zum sozialen Frieden“. Авторъ использовалъ богатый матеріалъ этого сочиненія для характеристики тѣхъ послѣдовательныхъ меръ, принимаемыхъ въ развитіи образцовъ измѣненія положенія рабочаго класса въ Англіи за послѣднія 50 лѣтъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1892 г.

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННОГО ЖУРНАЛЬНОГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ ПЕТЕРБУРГѢ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ МОСКВѢ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За ГРАНИЦЕЮ, въ госуд. почтов. союзѣ . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго января открыта подписка на первую четверть 1892 года.

Ближние магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему, почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителейъ подписчика. — 2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л. 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7

